H. lit. P. 332 t 8°

Zapiski

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1881.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

КРЕСТЬЯНЕ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

В. И. Семевскаго.

Томъ I.

Введеніе.
Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи.
Посессіонные крестьяне.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1881.

Печатается по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета С.-Петербургскаго Университета 25 Апрѣля 1881 г.

Деканъ В. Бауеръ.

Посвящаю

моему дорогому наставнику и другу

Василію Ивановичу

Водовозову.

ВВЕДЕНІЕ.

История внѣшняя должна отступить на второй планъ предъ изученіемъ внутренней жизни народа,—эта мысль, повидимому, успѣла стать общимъ мѣстомъ. Но до сихъ поръ она преимущественно примѣняется въ трудахъ монографическихъ; въ общихъ же исторіяхъ той или другой страны внѣшнія явленія и до сихъ поръ, по большей части, сохраняютъ преобладающее значеніе. Событіямъ военнымъ, правда, уже менѣе счастливится, и онѣ все болѣе отходятъ въ область своей спеціальной исторіи. За то исторія дипломатическихъ сношеній, благодаря общему стремленію ученыхъ къ изученію архивныхъ источниковъ и наибольшей легкости для обработки дипломатическихъ матеріаловъ, въ настоящее время особенно въ модѣ. Нечего и говорить, что для внѣшнихъ событій должно быть свое мѣсто въ исторіи, но нужно не ихъ поверхностное описаніе, а глубокое изученіе тѣхъ внутреннихъ факторовъ, которыми они обусловливаются. Сознаніе важности изученія умственнаго развитія народа уже значительно распространилось; вліяніе этого сознанія очень замѣтно и въ исторической наукѣ. Какъ въ жизни, такъ и въ развитіи науки, не бываетъ строго обособленныхъ эпохъ: ничто вымирающее никогда не уступаетъ сразу своего мѣста явленіямъ свѣжимъ, молодымъ. Естественно, что и въ исторіографіи до сихъ поръ существуютъ, хотя не въ одинаковой степени, самыя различныя теченія. Но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что изъ всѣхъ сторонъ внутренней жизни народа едва-ли не болѣе всего обращаетъ вниманіе современная исторіографія на исторію умственнаго развитія; трудъ Бокля служитъ самымъ талантливымъ выраженіемъ этого направленія. О важности этой стороны въ исторіи человѣчества нечего и говорить, о необходимости возможно подробнѣйшаго ея изученія не можетъ быть и спора; но было бы

крайнею односторонностью не видѣть такой же важности и другихъ сторонъ народной жизни, и прежде всего экономическаго положенія народа, а также его домашней жизни и нравовъ. Научные труды, посвященные историческому изученію экономическаго положенія народа, начинаютъ уже появляться на западѣ и у насъ, но это пока лишь отдѣльныя монографіи, которымъ не безъ боя приходится занимать мѣсто среди сочиненій по исторіи военной, дипломатической, исторіи литературы. Монографіямъ этимъ не удалось еще завоевать вниманія образованнаго общества отчасти потому, что, по свойству предмета своего изученія, ихъ авторы не могутъ давать такихъ блестящихъ картинъ, какъ историки политической жизни, какъ авторы біографій и т. п.

Мы думаемъ, однако, что этимъ трудамъ принадлежитъ будущее; мы полагаемъ даже, что въ теченіи извѣстнаго времени изученіе прошлаго экономическаго быта народа должно будетъ получить преобладающее значеніе, и именно до тѣхъ поръ, пока въ извѣстной степени не пополнится пробѣлъ, несомнѣнно существующій въ современной исторіографіи. Это обусловливается не только требованіемъ полноты и многосторонности въ историческомъ описаніи жизни человѣчества; изученіе прошлаго юридическаго и экономическаго быта народа займетъ подобающее ему мѣсто въ исторіи и въ силу своей практической важности для рѣшенія самыхъ животрепещущихъ вопросовъ народной жизни, и вслѣдствіе того полезнаго вліянія, которое оно должно имѣть на состояніе общественнаго самосознанія.

Говоря объ изученіи прошлаго экономическаго быта, мы разумѣемъ жизнь всего народа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но намъ придется имѣть дѣло съ исторіею того сословія, которое, хотя и занимаетъ низшее мѣсто въ общественной іерархіи, несомнѣнно наиболѣе важно не только по своей многочисленности, но и потому, что оно преимущественно несетъ на себѣ бремя государственнаго тягла.

Необходимость исторіи крестьянъ въ Россіи—истина слишкомъ элементарная, но, какъ и многія другія, она легко признается, но не находитъ осуществленія, поэтому о ней не мѣшаетъ напоминать какъ можно чаще. Мы имѣемъ исторію Государства Россійскаго, пора подумать объ исторіи Русскаго Народа.

Но развѣ мало появляется всевозможныхъ историческихъ изслѣдованій, скажутъ намъ. Нѣтъ, вообще историческіе матеріалы подвергаются научной обработкѣ гораздо менѣе дѣятельно, чѣмъ бы слѣдовало. Что же касается исторіи крестьянъ, то она должна быть создана почти вновь:

наша историческая наука еще слишкомъ мало сдѣлала въ этомъ отношеніи.

Наша интеллигенція обязана потрудиться на пользу крестьянъ и въ жизни, и въ наукѣ; ученые должны прежде всего внимательно изучить прошлое и настоящее положеніе народа. Однимъ словомъ, если ограничиться нашею спеціальною областію, мы можемъ сказать, что исторія русскихъ крестьянъ есть долгъ нашей науки народу. Нужно только хорошенько это сознать,—и, мы увѣрены, найдутся научныя силы для подобнаго труда. Стоитъ только понять, что знакомство съ прошлымъ не менѣе необходимо, чѣмъ изученіе настоящаго, что послѣднее правильно понимается только при основательномъ знакомствѣ съ первымъ, что, наконецъ, хорошее будущее создается лишь какъ результатъ внимательной критики прошлаго и настоящаго, стоитъ только это понять,—и найдутся самоотверженные работники, готовые всю жизнь положить на изученіе дурныхъ и хорошихъ сторонъ прежняго народнаго быта. Научная важность исторіи крестьянъ ясна сама собою: подробное изученіе прошлаго народнаго быта несомнѣнно прольетъ совершенно новый свѣтъ на многія событія нашей исторіи и, быть можетъ, даже вызоветъ совершенно новое построеніе русской исторіи.

Въ какомъ же положеніи находится въ настоящее время исторія русскихъ крестьянъ?

Не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ по исторіи крестьянъ въ извѣстномъ трудѣ Болтина, изданномъ при Екатеринѣ II (1790 г.), на сочиненіи Грибовскаго «О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи» (1816 г.) и нѣкоторыхъ другихъ трудахъ [1]. Только съ начала царство-

[1]) Книга Грибовскаго, очень бѣдная свѣдѣніями относительно крестьянъ до Уложенія, представляетъ весьма порядочный для своего времени сводъ позднѣйшихъ постановленій. Извѣстная записка гр. Сперанскаго „Историч. обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ“, составленная въ 1836 г., была напечатана только въ 1859 г. въ „Архивѣ истор. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи“, Калачова, кн. II, стр. 26—44. Записка эта слишкомъ коротка, чтобы исчерпать предметъ даже и на столько, какъ это было возможно въ то время; теперь оказывается, что она служила руководствомъ при изученіи законовѣдѣнія наслѣдникомъ вел. кн. Александромъ Николаевичемъ („Годы ученія е. и. в-ва наслѣдника цесаревича Александра Николаевича“, Спб. 1880 г., стр. 397—399, 450—466). „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія“, начатый княземъ Черкасскимъ еще на студенческой скамьѣ, остался неоконченнымъ и появился лишь въ прошломъ 1880 году въ „Русскомъ Архивѣ“, кн. III, вып. 1, стр. 30—149. Несмотря на то, что тогда печатныхъ матеріаловъ по этому предмету было гораздо менѣе, чѣмъ въ настоящее время, очеркъ кн. Черкасскаго будетъ полезенъ для историка крестьянскаго сословія;

ванія имп. Александра II, когда живо почувствовались освободительныя вѣянія, стали впервые появляться въ печати важные труды по исторіи крестьянъ. Первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ занимаетъ весьма обстоятельная для своего времени статья г. Чичерина «Несвободныя состоянія въ древней Россіи» [1]), въ 1858 и 61 гг. въ томъ же журналѣ печатаются «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» и «Утвержденіе крѣпостнаго права въ XVIII столѣтіи» г. Побѣдоносцева, въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г. появляется изслѣдованіе И. Д. Бѣляева «Крестьяне на Руси» (отдѣльное изданіе 1860 года) и, наконецъ, печатаются статьи г. Вешнякова «Историческій обзоръ происхожденія разныхъ названій государственныхъ крестьянъ» (Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1857 г.), «Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне» (тамъ же 1859 годъ), «Крестьяне-собственники въ Россіи» (1858 г.).

Мы не имѣемъ въ виду упоминать о всѣхъ мелкихъ статьяхъ по исторіи русскихъ крестьянъ, вызванныхъ эпохою крестьянской реформы, а потому ограничимся тѣмъ, что скажемъ нѣсколько словъ о трудахъ И. Д. Бѣляева и гг. Побѣдоносцева и Вешнякова.

Трудъ Бѣляева былъ замѣчательнымъ явленіемъ для своего времени, и одного его достаточно для того, чтобъ сохранить благодарную память въ русской исторіографіи объ этомъ ученомъ, еще недостаточно оцѣненномъ, каковы бы ни были недостатки нѣкоторыхъ его трудовъ, и до сихъ поръ не удостоившемся не только обстоятельной біографіи, но даже, если не ошибаемся, сноснаго некролога [2]); а между тѣмъ, по его книгѣ мы всѣ начинали учиться исторіи русскихъ крестьянъ, и до сихъ поръ это единственное сочиненіе, обнимающее всю ихъ прошлую жизнь до начала XIX вѣка. Нужно замѣтить однако, что Бѣляевъ вовсе не даетъ намъ исторіи всѣхъ разрядовъ крестьянъ, на которые они постепенно раздѣлились. Не смотря на заглавіе, заставляющее ожидать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исторіею, хотя бы и сжатою, всего крестьянскаго сословія, мы встрѣчаемъ въ концѣ труда заявленіе, что цѣль автора «состояла

см. напр. главу III—„Образованіе дворцовыхъ селъ". К. Аксаковъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ также подготовлялся къ труду по исторіи крестьянъ, но не успѣлъ его написать.

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1856 г. Издана позднѣе въ „Опытахъ" того же автора, подъ названіемъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка".

[2]) Какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ этимъ ученымъ: второе изданіе его книги, вышедшее въ Москвѣ въ 1879 г., сдѣлано въ высшей степени небрежно: оно не только переполнено самыми грубыми опечатками, но можно указать даже пропуски въ нѣсколько словъ.

только въ томъ, чтобы на основаніи памятниковъ показать постепенное развитіе той болѣзни нашего общества, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостнаго состоянія» (стр. 302, 2-го изд.). Съ этой точки зрѣнія авторъ, на сколько могъ въ то время, прекрасно исполнилъ свою задачу; онъ даетъ даже болѣе того, что обѣщаетъ въ приведенныхъ словахъ, такъ какъ, во первыхъ подробно говоритъ о времени, предшествовавшемъ крѣпостному праву, а во вторыхъ въ эпоху его существованія (въ XVII и XVIII вѣкѣ) касается иногда и некрѣпостныхъ, напр., крестьянъ, принадлежавшихъ духовенству, къ сожалѣнію не выдѣляя посвященныя имъ мѣста въ особые очерки [1]).

Трудъ К. П. Побѣдоносцева [2]) ограничивается второю половиною XVII и первою половиною XVIII вѣка и для этого времени представляетъ сжатый, но ясно и точно написанный очеркъ развитія крѣпостнаго права. Нужно замѣтить впрочемъ, что авторъ ограничивается юридическою стороною вопроса и не сообщаетъ почти никакихъ фактовъ для характеристики экономическаго положенія крестьянъ.

Между тѣмъ какъ оба эти автора имѣли въ виду исторію крѣпостнаго права, В. И. Вешняковъ обратилъ вниманіе въ своихъ статьяхъ на нѣкоторые изъ многочисленныхъ разрядовъ земледѣльческаго сословія, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ крестьянъ государственныхъ [3]). Уже самое обиліе разсматриваемыхъ авторомъ разрядовъ крестьянскаго сословія показываетъ, что онъ не могъ въ четырехъ статьяхъ, имѣющихъ всего около ста страницъ, исчерпать этотъ предметъ [4]), не могъ уже и потому, что источникомъ для него служило, почти исключительно, Полное Собра-

[1]) Изъ другихъ трудовъ Бѣляева укажемъ еще статью: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ". Временникъ 1851 г. кн. II.

[2]) Изданъ вновь въ „Историческихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ" того же автора (1876 г.).

[3]) Авторъ сгруппировалъ оффиціальныя свѣдѣнія объ архіерейскихъ и монастырскихъ служителяхъ, войсковыхъ обывателяхъ, о такъ называемыхъ вольныхъ людяхъ (въ Западной Россіи), о государственныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ (бывшіе „свободные хлѣбопашцы"), евреяхъ земледѣльцахъ, колонистахъ, коннозаводскихъ крестьянахъ, лашманахъ (приписанныхъ къ корабельнымъ лѣсамъ), ленныхъ крестьянахъ, лоцманахъ, малороссійскихъ казакахъ, обѣльныхъ вотчинникахъ, однодворцахъ великороссійскихъ и западныхъ губерній, остзейскихъ крестьянахъ, пахотныхъ солдатахъ, поіезуитскихъ, помонастырскихъ крестьянахъ, солтысахъ и старостинскихъ крестьянахъ. См. журн. мин. госуд. имущ. 1857 г., январь, февраль, мартъ, апрѣль и декабрь, т. 52, 53 и 55.

[4]) Дополненіемъ къ этому труду, кромѣ двухъ названныхъ выше работъ того же автора, служатъ его статьи: „Панцырные бояре" (Архивъ г. Калачова 1860—61 г. книга IV); о ленныхъ имѣніяхъ въ западныхъ губерніяхъ (Журн. мин. гос. им. 1861 г. № 1), „Острожская ординація и ординацкіе крестьяне".

ніе Законовъ. Впрочемъ, мы не можемъ и предъявлять автору слишкомъ большихъ требованій, такъ какъ его цѣлію было, какъ видно изъ самаго заглавія, объясненіе происхожденія *разныхъ названій* государственныхъ крестьянъ, для чего и потребовались лишь нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, а не полная исторія каждаго изъ этихъ разрядовъ. По характеру своей задачи В. И. Вешняковъ вовсе не коснулся нѣкоторыхъ, весьма важныхъ, отдѣловъ некрѣпостнаго сельскаго населенія: удѣльныхъ и поссессіонныхъ крестьянъ, такъ какъ они не входили въ составъ крестьянъ государственныхъ, приписныхъ или горнозаводскихъ и такъ называемыхъ экономическихъ (принадлежавшихъ прежде духовенству), такъ какъ они давно вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ; авторъ не упомянулъ также о половникахъ и ямщикахъ. Вслѣдствіе того, что г. Вешняковъ ограничилъ свой матеріалъ почти исключительно Полнымъ Собраніемъ Законовъ, его трудъ отличается значительною сухостью; экономической стороны быта разсматриваемыхъ имъ крестьянъ онъ почти не касается, но тѣмъ не менѣе нельзя не помянуть статей В. И. Вешнякова словомъ благодарности. Онѣ были полезны для насъ самихъ и будутъ полезны для послѣдующихъ историковъ крестьянства уже тѣмъ, что сразу показываютъ, какъ много разнообразныхъ подраздѣленій представляло наше крестьянское сословіе, и если не даютъ полной его классификаціи, то во всякомъ случаѣ, сообщаютъ перечень большей части разрядовъ государственныхъ крестьянъ, съ болѣе или менѣе подробными историческими объясненіями, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ. Нужно помнить, что это былъ первый трудъ о нашихъ казенныхъ крестьянахъ, что и въ настоящее время намъ некуда обратиться за историческою справкою о нѣкоторыхъ отдѣлахъ сельскаго населенія, кромѣ трудовъ г. Вешнякова. Всего внимательнѣе обработанъ авторомъ очеркъ о «крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи» (С.-Петерб. 1858 г. [1]), въ которомъ мы находимъ подробныя свѣдѣнія о сословіи «свободныхъ хлѣбопашцевъ», образовавшемся при Александрѣ I, съ приложеніемъ статистическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ неизданныхъ источниковъ.

Около того же времени, какъ появились вышепоименованные труды, было напечатано изслѣдованіе Вл. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» [2]), представляющее полный, внимательный

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ журн. мин. госуд. имущ. 1858 г. т. 69, № 12.

[2]) „Чтенія общ. исторіи и древн. россійскихъ“. 1859 г. т. IV, 1860 г. т. III, 1861 г., т. I и II.

сводъ изданнаго матеріала по этому предмету. Слѣдуетъ еще упомянуть о трудѣ г. Лешкова «Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права» (1858 г.). Каковы бы ни были его недостатки, какъ бы ни были странны нѣкоторые изъ выводовъ автора, въ этомъ сочиненіи было собрано не мало фактовъ для исторіи внутренней жизни, и оно было полезно уже тѣмъ, что обращало вниманіе на многія, весьма важныя стороны народнаго быта, напр., промышленность, торговлю, народное продовольствіе и проч.

Рядомъ съ попытками новыхъ построеній въ исторіи внутренняго быта, шла въ этомъ направленіи и критическая работа. Тутъ слѣдуетъ съ особенною благодарностью помянуть К. Аксакова. Не успѣвъ обработать задуманнаго имъ труда по исторіи крестьянъ въ древней Россіи [1]), Аксаковъ въ критическихъ своихъ статьяхъ, по поводу исторіи Соловьева, настоятельно высказываетъ требованіе о необходимости большаго вниманія къ исторіи народнаго быта. Разбирая въ 1858 году седьмой томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», авторъ говоритъ: «Во время царствованія Θеодора произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ общественной жизни допетровской Россіи—прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ исторіи Россіи г. Соловьева это столь важное явленіе далеко не объяснено— точно также, какъ далеко не объясненъ бытъ вотчинныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, отношеніе ихъ къ владѣльцамъ, къ государству, къ другимъ крестьянамъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣлленія. Да и вообще бытъ крестьянства не объясненъ. Не естественно ли было ожидать отъ нашего историка, что онъ займется этимъ предметомъ и, говоря объ укрѣпленіи крестьянъ, опредѣлитъ намъ тѣ отношенія, въ какихъ находились они къ другимъ крестьянамъ, къ другимъ сословіямъ государства, къ помѣщику или вотчиннику и вообще къ государству? Если опредѣлить эти отношенія довольно трудно, то хотя бы авторъ высказалъ свои предположенія, хотя бы постановилъ вопросы, и это была бы заслуга, и за это были бы ему благодарны. Но ничего этого нѣтъ; этому вопросу посвящаетъ авторъ всего 6 страницъ». Разборъ этого тома труда С. М. Соловьева Аксаковъ заканчиваетъ слѣдующими энергическими словами: «Те-

[1]) „Собранные имъ матеріалы напечатаны въ „Собраніи сочиненій". Только въ статьѣ по поводу „Бѣлевской вивліоѳики" (Русская Бесѣда 1858 г. г. III, перепечатанной съ Собран. сочиненій) Аксаковъ успѣлъ высказать свои мысли о прикрѣпленіи крестьянъ. Среди собранныхъ имъ печатныхъ матеріаловъ для предположенной исторіи разбросано много мѣткихъ замѣчаній, которыми можетъ воспользоваться будущій историкъ.

перь, когда вышло уже семь томовъ «Исторіи Россіи», можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е. о всемъ написанномъ. Въ «Исторіи Россіи» авторъ не замѣтилъ одного: Русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было и требовать, какъ въ наше время; къ тому же, Карамзинъ назвалъ свою исторію «Исторіею Государства Россійскаго». «Исторія Россіи», предметъ настоящаго разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже Исторіею Россійскаго Государства, не болѣе; земли, народа—читатель не найдетъ въ ней» (Собр. сочин. стр. 253—254). Критики Аксакова производили извѣстное впечатлѣніе, такъ что по поводу 8-го тома труда Соловьева, онъ могъ уже замѣтить, что въ «исторіи междуцарствія обращено вниманіе на движеніе собственно народное, и народъ не остался въ тѣни» (стр. 282—283). Однако же при обзорѣ первыхъ 10 томовъ исторіи Соловьева К. Н. Бестужеву-Рюмину пришлось повторить жалобу К. Аксакова: «не достаетъ самаго существеннаго: не видать жизни и духа народнаго» [1]).

Обиліе научныхъ трудовъ по исторіи крестьянъ, появившихся во второй половинѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, очевидно объясняется интересомъ, возбужденнымъ въ обществѣ къ прошлымъ судьбамъ крестьянскаго сословія вслѣдствіе грядущей реформы. Послѣ того, когда долгіе споры объ уничтоженіи крѣпостнаго права завершились законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, перестаютъ нѣкоторое время появляться и труды по исторіи нашего земледѣльческаго сословія. Прошло много времени до тѣхъ поръ, когда послѣ сочиненій И. Д. Бѣляева и К. П. Побѣдоносцева, вышло въ свѣтъ новое изслѣдованіе, хотя и не спеціально посвященное исторіи крѣпостныхъ крестьянъ, но представляющее особый отдѣлъ по этому предмету. Мы разумѣемъ прекрасный трудъ г. Романовича-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права» (С.-Пет. 1870 г.), гдѣ въ обширной главѣ (126 страницъ) авторъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ и его значеніи въ исторіи дворянства. Правда, составитель этого сочиненія ограничился только печатными источниками, но все-таки онъ собралъ много интереснаго матеріала. Разумѣется, и тутъ дѣло не обошлось безъ значительныхъ пропусковъ, но авторъ обезоруживаетъ слишкомъ строгія требованія критики, называя свой трудъ только «Сводомъ матеріала и пріуготовительными этюдами для историческаго изслѣдованія». Нельзя не поставить ему въ

1) Отеч. Записки 1860 г. № 9, стр. 16.

заслугу и того, что, будучи по спеціальности юристомъ, онъ не ограничился, при изученіи исторіи крѣпостнаго права, одними правительственными распоряженіями по этому предмету, но вездѣ приводитъ не мало фактовъ, рисующихъ дѣйствительное положеніе крѣпостныхъ. Нѣкоторыя стороны изъ жизни крестьянъ не разсмотрѣны вовсе, или потому, что для этого требовались архивныя разысканія, или по незнакомству съ нѣкоторыми печатными источниками. Такъ напр., авторъ, какъ и предшествовавшіе изслѣдователи крѣпостнаго права [1]), не приводитъ никакихъ данныхъ о количествѣ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, и не сопоставляетъ повинностей въ пользу господина съ размѣрами земельнаго надѣла; не сообщаетъ свѣдѣній объ общей численности крѣпостныхъ и ихъ отношеніи къ другимъ разрядамъ сельскаго населенія; не опредѣляетъ количества оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, ничего не говоритъ о порядкахъ управленія помѣщичьими вотчинами и крестьянскомъ самоуправленіи, особенно въ оброчныхъ имѣніяхъ; игнорируетъ вопросъ о крѣпостной поземельной общинѣ, не замѣчаетъ такого важнаго факта, что у помѣщичьихъ крестьянъ были свои холопы и т. д. Но весьма уважительнымъ извиненіемъ этой неполноты можно считать то, что исторія крѣпостнаго права не составляетъ главной задачи г. Романовича-Славатинскаго, а есть лишь одинъ изъ отдѣловъ его труда, замѣчательнаго не только по обилію собраннаго матеріала, но и по важности и чрезвычайному интересу вопроса, выбраннаго для изслѣдованія. Если бы мы имѣли подобные труды относительно всѣхъ другихъ сословій, то сдѣланъ былъ бы значительный шагъ къ созданію исторіи русскаго народа; жаль только, что авторъ, не смотря на данное имъ обѣщаніе (стр. XII) познакомить читателей и съ бытовою стороною жизни дворянства, почти совершенно не исполнилъ его, за исключеніемъ отдѣла, посвященнаго отношеніямъ къ крѣпостнымъ. Желательно было бы, чтобы другіе ученые съ такимъ же вниманіемъ потрудились бы надъ изученіемъ исторіи городскаго сословія [2]), чернаго духовенства [3]), казаковъ, не говоря уже объ исторіи крестьянъ, объ чемъ рѣчь еще впереди.

[1]) За исключеніемъ отрывочныхъ указаній у Бѣляева.

[2]) Весьма добросовѣстный трудъ г. Дитятина „Устройство и управленіе городовъ Россіи“ (т. I, 1874 г., т. II, 1877 г.), вторая часть котораго составлена на основаніи не только печатнаго, но и архивнаго матеріала, имѣетъ, какъ показываетъ самое заглавіе, болѣе частную цѣль.

[3]) Относительно исторіи сельскаго духовенства въ XVIII и XIX в. мы имѣемъ прекрасный трудъ г. Знаменскаго „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформъ Петра“. Казань 1873 г.

Трудъ г. Романовича-Славатинскаго, какъ мы уже замѣтили, представляетъ группировку только печатнаго матеріала, при томъ лишь въ императорскій періодъ русской исторіи, но за то онъ обнимаетъ почти всѣ стороны жизни дворянскаго сословія. Инымъ характеромъ отличается изслѣдованіе проф. М. И. Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода». (С.-Птб. 1871 г.); авторъ не расширяетъ своей задачи до разсмотрѣнія исторіи всѣхъ духовныхъ вотчинъ, но за то беретъ гораздо болѣе обширный періодъ времени (съ 988 по 1733 г.) и притомъ не ограничивается печатными источниками, а пользуется массою архивнаго матеріала, значительную долю котораго и сообщаетъ въ приложеніи. Если такимъ образомъ трудъ проигрываетъ въ широтѣ, за то неизмѣримо выигрываетъ въ глубинѣ и основательности. Монографія проф. Горчакова принадлежитъ къ числу такихъ солидныхъ изслѣдованій, въ которыхъ особенно нуждается русская наука и которыя, когда ихъ накопится достаточное количество, дадутъ возможность заново построить исторію русскихъ крестьянъ. Въ этомъ трудѣ особенно интересны именно тѣ части, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ, патріаршихъ и синодальныхъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся мы на трудахъ П. А. Соколовскаго («Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи».С.-Птб. 1877 г.) и «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ» (1878 г.), дополняющихъ одинъ другой и на столько тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, что они могли бы, при новой переработкѣ, слиться воедино. Изслѣдованія г. Соколовскаго посвящены самому животрепещущему вопросу, имѣющему не только историческій, но и огромный практическій интересъ: наша община въ настоящее время интересуетъ не одну русскую интеллигенцію, но и ученыхъ изслѣдователей Германіи, Англіи и Франціи. Авторъ не вноситъ въ науку новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ матеріаловъ, но прекрасно умѣетъ пользоваться изданными источниками (преимущественно писцовыми книгами), до него почти не подвергнутыми научной обработкѣ. Несмотря на сухость матеріаловъ, г. Соколовскій умѣетъ набросать живой, интересный очеркъ по исторіи крестьянъ въ XVI вѣкѣ, не забываетъ дѣлать сопоставленія съ данными о современной общинѣ, указываетъ на сходныя поземельныя отношенія у нашихъ инородцевъ и т. п. Авторъ въ вопросѣ объ общинѣ стоитъ вполнѣ на уровнѣ современной науки и хотя уклоняется отъ сравненій съ фактами, собранными

западно-европейскими изслѣдователями относительно подобныхъ же явленій во всемъ остальномъ мірѣ, но знакомъ со многими изъ ихъ трудовъ и, несомнѣнно, значительно обязанъ ихъ изученію.—Въ то время, когда шелъ знаменитый споръ объ исторіи общины между Чичеринымъ и Бѣляевымъ, не могло быть получено вполнѣ правильнаго рѣшенія вслѣдствіе того, что не обращали вниманіи на возможность одновременнаго или послѣдовательнаго существованія различныхъ типовъ общины. Почти двадцать лѣтъ спустя послѣ того г. Лалошу удалось впервые наблюдать, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ сѣверной Россіи, не одну, а нѣсколько формъ общиннаго пользованія землею. Въ своей статьѣ: «Сельская община въ Олонецкой губерніи» [1]), онъ не только констатировалъ факты, съ которыми ему случилось познакомиться, но и указалъ на то, какое значеніе имѣютъ они для исторіи общиннаго владѣнія въ Россіи. Небольшая статья Лалоша была настоящимъ откровеніемъ для всѣхъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ. Если за Лалошемъ остается неотъемлемая заслуга, что онъ первый бросилъ въ науку плодотворную мысль, то еще болѣе мы должны быть благодарны г. Соколовскому. Внимательно изучивъ писцовыя книги XVI вѣка, онъ могъ указать не мало фактовъ, доказывающихъ существованіе и въ Россіи явленія, аналогичнаго съ тѣмъ, что въ германскомъ мірѣ носило названіе *марки*. (Нужно замѣтить, впрочемъ, что на сходство германской марки съ русскою вервью указывалъ еще г. Лешковъ).

Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что мы придаемъ большое значеніе трудамъ г. Соколовскаго. Тѣмъ болѣе мы считаемъ не безполезнымъ сдѣлать автору нѣсколько общихъ замѣчаній, не имѣя возможности здѣсь подробнѣе говорить объ этомъ. Слѣдуетъ прежде всего сказать, что заглавіе перваго труда г. Соколовскаго («Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи») гораздо шире его содержанія. Послѣ очень бѣглаго очерка экономическаго положенія земледѣльческаго сословія на сѣверѣ Россіи до конца XV вѣка, авторъ разсматриваетъ довольно кратко экономическій бытъ крестьянъ въ концѣ XV и XVI столѣтій. Наиболѣе важную и существенную часть его труда составляетъ описаніе общиннаго владѣнія землею въ XV и XVI вѣкахъ. За то XVII и XVIII столѣтія блистаютъ почти совершеннымъ отсутствіемъ. Напротивъ того, авторъ довольно подробно, иногда даже болѣе чѣмъ нужно для его цѣли [2]), останавливается

[1]) Отеч. Зап. 1874 г. № 2.

[2]) Мы разумѣемъ тутъ страницы (167—180), посвященныя описанію артелей для

на современной общинѣ. И такъ, этотъ первый очеркъ не удовлетворяетъ ожиданіямъ, возбуждаемымъ его настоящимъ заглавіемъ [1]).

Съ гораздо болѣе скромнымъ заглавіемъ появился второй трудъ того же автора. Первыя двѣ трети его представляютъ лишь развитіе и болѣе подробную разработку того, что было уже намѣчено авторомъ въ первомъ трудѣ; сюрпризомъ для читателя оказывается только обширное описаніе поземельныхъ отношеній у нашихъ современныхъ инородцевъ, занимающее почти шестую часть книги (стр. 83—122), причемъ авторъ довольно усердно пользуется извѣстною работою Щапова о бурятской общинѣ (стр. 83—103). Мысль сопоставить наши старинные поземельные порядки съ обычаями, установившимися въ этомъ отношеніи у инородцевъ, вообще можно признать довольно удачною, но г. Соколовскій приводитъ по этому предмету гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ нужно для его цѣли, и тѣмъ нарушаетъ стройность своего труда. Въ послѣдней трети своей книги авторъ сообщаетъ нѣкоторыя историческія указанія о колонизаціи Донской и Уральской областей, но тутъ болѣе всего мѣста отведено описанію современной Донской и Уральской общины. Г. Соколовскій прекрасно дѣлаетъ, что внимательно изучаетъ нынѣшнюю общину—въ подобныхъ вопросахъ это совершенно необходимо, но, во первыхъ, нѣтъ никакой надобности вносить въ такомъ количествѣ современный матеріалъ для очерка колонизаціи предъ установленіемъ крѣпостнаго права, а, во вторыхъ, можно пожелать иногда болѣе осторожности въ заключеніяхъ отъ настоящаго къ прошлому. Если авторъ вводитъ въ свои историческіе труды такъ много данныхъ о современной общинѣ потому, что указанія о ея прошломъ слишкомъ скудны, то мы замѣтимъ, что эти свѣдѣнія были бы значительно пополнены, если бы онъ не ограничивался одними печатными источниками, а тронулъ бы, хоть до нѣкоторой степени, и архивный матеріалъ: вѣдь однихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка сохранилось въ различныхъ древлехранилищахъ около сотни, издано же ихъ немного. Такъ, напримѣръ, когда г. Соколовскій приводитъ указанія Бѣляева, что въ писцовыхъ книгахъ старицкаго уѣзда встрѣчается много данныхъ о передѣлахъ земли («Очеркъ ист. сельск. общ.» стр. 86), то читатель не можетъ не по-

ловли рыбы и моржей на сѣверѣ Россіи, гдѣ г. Соколовскій только повторяетъ уже сдѣланное до него г-жею Ефименко.

[1]) Нѣсколько замѣчаній объ общинѣ въ XVII вѣкѣ см. въ маленькомъ, но прекрасномъ очеркѣ Н. В. Калачова, напечатанномъ въ „Лѣтописяхъ Археографической Коммиссіи“, вып. III.

жалѣть, что авторъ не обратился къ ихъ изученію и лишилъ себя такого прекраснаго подспорья.

Къ этому обзору болѣе или менѣе выдающихся трудовъ по исторіи крестьянъ намъ остается прибавить нѣсколько сочиненій, посвященныхъ историческому изученію ихъ быта въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи. Относительно малороссійскихъ крестьянъ мы имѣемъ очень хорошій очеркъ А. М. Лазаревскаго, составленный по архивнымъ источникамъ [1]). Заслуга автора, кромѣ группировки совершенно новаго матеріала, заключается между прочимъ въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе ученыхъ на знаменитую генеральную опись Малороссіи, составленную при гр. Румянцовѣ, найденная до сихъ поръ часть которой состоитъ изъ ста сорока восьми фоліантовъ. Г. Лазаревскій началъ составлять и обозрѣніе этой описи, трудъ, продолжаемый въ настоящее время г. Константиновичемъ [2]). Матеріалъ, заключающійся въ этомъ замѣчательномъ памятникѣ, богаче и важнѣе даже того, что даютъ намъ писцовыя книги, такъ какъ, кромѣ подробнаго описанія каждаго отдѣльнаго двора, мы находимъ тамъ множество разнообразныхъ документовъ: гетманскихъ универсаловъ, купчихъ записей, духовныхъ завѣщаній и т. п. Въ названномъ очеркѣ г. Лазаревскаго этотъ матеріалъ только затронутъ. Благодаря такому превосходному источнику, положеніе малороссійскихъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи въ лѣвобережной Украйнѣ можетъ быть описано съ гораздо большею точностію, чѣмъ экономическій бытъ народа въ Великороссіи.

Для исторіи крестьянъ юго-западной Россіи, въ эпоху литовскаго и польскаго владычества, существуетъ трудъ Леонтовича: «Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтія» (Кіевъ 1863 г.) и затѣмъ прекрасныя введенія проф. В. Б. Антоновича и г. Новицкаго къ матеріаламъ, печатающимся въ Архивѣ Юго-западной Россіи [3]). Изслѣдованіе г. Антоновича посвящено преимущественно XVIII вѣку; въ немъ слѣдуетъ обратить вниманіе на интересную попытку характеризовать положеніе крѣпостныхъ крестьянъ отдѣльно по различнымъ мѣстностямъ,

[1]) „Малороссійскіе посполитые крестьяне" (1648—1783 г.) въ Запискахъ Черниг. статист. комитета, 1866 г. кн. I, стр. 1—158.

[2]) „Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи" Черниг. Вып. I и II, 1866—67 г. Лазаревскаго, вып. III, 1875 г. Константиновича. Изъ другой части Румянцовской описи, хранившейся въ Полтавѣ въ архивѣ губернскаго правленія, меньшая половина сгорѣла въ концѣ 70-хъ годовъ, а большая часть была продана на вѣсъ. По словамъ чиновниковъ, служащихъ при архивѣ, описи продано было до 40 пудовъ! („Заря" 1881 г. № 55).

[3]) Ч. VI, томъ I, Кіевъ 1876 г. и т. II, 1870 г.

на что даютъ возможность сохранившіеся въ значительномъ количествѣ инвентари помѣщичьихъ имѣній. Трудъ г. Новицкаго, болѣе обширный по объему, представляетъ, главнымъ образомъ, описаніе судьбы крестьянъ до XVIII вѣка. Такимъ образомъ, оба эти изслѣдованія взаимно пополняютъ другъ друга. Г. Новицкій продолжаетъ трудиться надъ этимъ предметомъ [1]).

Польскіе историки еще не достаточно поработали надъ исторіею крестьянъ своей стороны. Книга Мацѣевскаго далеко не отвѣчаетъ своему громкому заглавію [2]). Лучшее, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, принадлежитъ перу Любомірскаго [3]).

Исторія крестьянъ въ остзейскомъ краѣ далеко еще не разработана, какъ слѣдуетъ. Изъ появившихся по этому предмету работъ назовемъ уже давно изданную книгу Самсона фонъ-Гиммельштирна [4]). Трудъ Самарина [5]) посвященъ преимущественно исторіи крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи, а не быта крестьянъ. Книга Рихтера имѣетъ нѣкоторое значеніе только для исторіи крестьянъ въ XIX вѣкѣ [6]). Архивные матеріалы остзейскаго края, несомнѣнно заключающіе массу важныхъ данныхъ для исторіи крестьянскаго сословія, совершенно не разработаны въ этомъ отношеніи.

На основаніи предшествующаго обзора читатель-неспеціалистъ можетъ подумать, что сдѣлано уже очень много и что остается только сгруппировать данныя, добытыя отдѣльными изслѣдователями, для того, чтобы

[1]) Въ „Критическомъ Обозрѣніи“ 1880 г. № 4-й мы нашли извѣстіе о рефератѣ, читанномъ имъ въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ: „Чиншевое владѣніе въ Западной Россіи въ литовскій и польскій періодъ“.

[2]) Hystoria włościan i stosunków ich politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku. W. 1874.

[3]) T. X. L. Rolnicza ludność w Polsce. „Biblioteka Warszawska“ 1857, t. 2, 1858, t. 1 и 4, 1861 t. III и окончаніе въ отдѣльной брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ русскихъ работъ о польскихъ крестьянахъ, болѣе компилятивнаго, чѣмъ самостоятельнаго характера, можно назвать ст. Ю. *Рехневскаго* „Крест. сословіе въ Польшѣ“, Рус. Вѣст. 1858 г. т. XV и кн. г. *Горемыкина* „Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ.“ Спб. 1869.

[4]) „Historische Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, in besonderer Beziehung auf das Herzogthum Livland, von Samson v. Himmelstiern, приложеніе къ журналу Inland 1838.

[5]) „Окраины Россіи“ вып. VI, Берл. 1876.

[6]) *Рихтеръ.* „Исторія крестьянскаго сословія въ присоединенныхъ къ Россіи прибалтійскихъ губерніяхъ“. Рига, 1860. Указаніе на статьи по этому предмету см. *Winkelmann*, Verzeichniss der Quellen zur Geschichte Esthlands, Livlands und Kurlands. 1878.

составить полную исторію крестьянъ въ Россіи. Но это совершенно несправедливо. Мы имѣемъ очерки исторіи крѣпостнаго права, почти исключительно по печатнымъ источникамъ, обстоятельный сводъ изданнаго матеріала объ исторіи поземельныхъ владѣній духовенства — въ трудѣ Милютина и разработку небольшей части того же предмета по архивнымъ даннымъ въ изслѣдованіи проф. Горчакова; затѣмъ весьма недурно разработана исторія крестьянъ въ юго-западной Россіи, а очеркомъ г. Лазаревскаго положено начало изученію исторіи посполитыхъ крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи; затѣмъ, труды г. Соколовскаго представляютъ попытку изученія экономическаго быта народа и исторіи общины въ XVI вѣкѣ; они показываютъ, какъ много можно извлечь важныхъ данныхъ изъ писцовыхъ книгъ. Вотъ почти и все, чѣмъ мы богаты. Есть большіе и важные отдѣлы крестьянскаго сословія, совершенно не затронутые въ названныхъ выше изслѣдованіяхъ: стоитъ только назвать крестьянъ дворцовыхъ и государевыхъ, поссессіонныхъ, горнозаводскихъ, или, такъ называемыхъ, приписныхъ; о черносошныхъ крестьянахъ есть лишь нѣкоторыя свѣдѣнія относительно XVI в. въ трудахъ г. Соколовскаго, да нѣсколько страницъ о XVII в. въ статьѣ г. Калачова; объ однодворцахъ есть небольшая статья Я. Соловьева, составленная исключительно по Полному Собранію Законовъ [1]). По исторіи общины, кромѣ, опять-таки, трудовъ г. Соколовскаго, приходится упомянуть о книгѣ Кейслера, далеко не исчерпавшей и печатные источники [2]). Есть-ли у насъ исторія податей, исторія натуральныхъ повинностей и, самой тяжелой изъ нихъ, рекрутчины [3])? Есть-ли у насъ исторія земледѣлія, исторія цѣнъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

На этомъ послѣднемъ предметѣ, вслѣдствіе его особенной важности,

[1]) „Отеч. Записки“ 1850 г. мартъ т. LXIX.

[2]) „Zur Geschichte und Kritik des bäeurlichen Gemeindebesitzes in Russland“. I Th. 1876. Историческая часть этой книги преимущественно полезна для западныхъ ученыхъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ; для насъ же всего важнѣе обзоръ литературы по вопросу объ общинѣ.

[3]) Трудъ *Кури* „О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи“ (въ сборникѣ Мейера и отдѣльно. Каз. 1855 г.) слишкомъ кратокъ (48 стр.). Тѣмъ же предметомъ занимался молодой ученый, А. Г. Ильинскій, къ сожалѣнію рано похищенный смертію и не успѣвшій окончить и издать своего труда, для котораго онъ изучилъ массу неизданнаго матеріала и между прочимъ всѣ писцовыя книги, хранящіяся въ архивахъ Петербурга и Москвы. Въ книгѣ *Руковскаго* „Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ“ (Спб. 1862 г., I т. Трудовъ коммиссіи о податяхъ и сборахъ) историческая часть слишкомъ недостаточно разработана. Кн. г. *Сидоренка* „Рекрутская повинность“ ч. I. (Кіевъ 1869 г.) заключаетъ въ себѣ незначительное количество историческихъ данныхъ.

мы должны остановиться подробнѣе. Еще П. Мухановъ, въ своей статьѣ «Desiderata для русской исторіи», помѣщенной въ его сборникѣ (1866 г.), указывалъ на необходимость составленія исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи, но и до сихъ поръ это желаніе не исполнилось [1]) и не скоро еще исполнится, такъ какъ печатныхъ источниковъ для этого совершенно недостаточно, а чтобы составить такой трудъ по архивнымъ матеріаламъ, нужны совокупныя усилія многихъ изслѣдователей, ученые труды, посвященные отдѣльнымъ эпохамъ. Къ сожалѣнію, мы почти совершенно не имѣемъ и такихъ частныхъ работъ; поэтому нельзя не упомянуть съ благодарностію книги г. Аристова «Промышленность древней Руси» (Спб. 1866 г.), гдѣ авторъ собралъ извѣстія о земледѣліи, огородничествѣ, скотоводствѣ и пчеловодствѣ до XV вѣка. Затѣмъ остается лишь нѣсколько журнальныхъ статей. Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о земледѣліи въ древней Россіи есть также въ книгѣ г. Совѣтова «Системы земледѣлія» [2]).

Исторіи цѣнъ не только не существуетъ у насъ, но этотъ предметъ почти и не затронутъ. Сводъ данныхъ о цѣнахъ въ древней Россіи до XV в. можно найти въ только что названной книгѣ г. Аристова. Но правильное опредѣленіе цѣнъ въ это время крайне затрудняется тѣмъ, что ученые не пришли еще къ соглашенію относительно цѣнности древней монеты [3]). Для императорскаго періода русской исторіи есть нѣсколько изслѣдованій о денежномъ обращеніи [4]), но нѣтъ ни одного сочиненія по исторіи цѣнъ.

Мы не имѣемъ также исторіи домашняго быта простаго народа (пищи, одежды и т. п.); впрочемъ относительно XVI и XVII ст. много свѣдѣній

[1]) „Исторія сельскаго хозяйства въ Россіи отъ временъ историческихъ (?) до 1850 г.“ Турчиновича (Спб. 1854 г. 168 стр.) книга совершенно неудовлетворительная. Въ сочиненіи Ходецкаго (Кіевъ 1856 г.) лишь нѣсколько страницъ отведено историческому очерку земледѣлія. Дѣльнѣе обѣихъ этихъ книгъ сочиненіе Чугунова „Историческій обзоръ мѣръ для развитія земледѣлія въ Россіи“ (Каз. 1858 г.), но уже изъ самаго заглавія видно, что и въ ней мы не найдемъ характеристики состоянія земледѣлія въ разныя эпохи русской исторіи.

[2]) Для исторіи земледѣлія въ Польшѣ см. „Poszukiwania do historyi rolnictwa krajowego“ *Stawiskiego*. W. 1858.

[3]) О старинныхъ монетахъ укажемъ лишь сочиненіе г. *Прозоровскаго* „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія“ (Спб. 1865 г., Записки Археологическаго Общества, Т. XII, вып. II). Въ этомъ трудѣ сдѣланъ обзоръ и предшествующихъ сочиненій о монетахъ въ Россіи.

[4]) Сочиненія Патлаевскаго, Шторха, Е. Ламанскаго, Куломзина и Брикнера и ст. г. Куломзина объ ассигнаціяхъ при Екатеринѣ II.

разбросано въ прекрасной книгѣ г. Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа» (Спб. 1860 г.) [1]).

Такимъ образомъ, богатство изслѣдованій по исторіи крестьянъ въ Россіи оказывается въ значительной степени призрачнымъ: самыя важныя стороны ихъ быта или совсѣмъ не разработаны, или только затронуты; цѣлые отдѣлы крестьянъ оставлены безъ вниманія.

Въ виду этого можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что тотъ, кто задумалъ бы написать полную исторію крестьянъ въ Россіи, согласно съ современными требованіями науки, долженъ почти совершенно заново начать трудъ. Подобное предпріятіе — дѣло крайне не легкое и едва-ли можетъ быть исполнено, при настоящемъ положеніи науки, силами одного ученаго, если бы даже онъ положилъ на эту работу всю свою жизнь. Самая большая трудность заключается прежде всего въ недостаточности изданныхъ матеріаловъ. Въ этомъ отношеніи изслѣдователь допетровской Руси находится, конечно, въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ трудами ученыхъ обществъ (особенно Археографической Коммиссіи) и частныхъ лицъ издано много драгоцѣнныхъ источниковъ. Но стоитъ только припомнить, что изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка, источника первостепенной важности для исторіи экономическаго быта народа, издана небольшая часть, а писцовыя книги XVII вѣка, которыя сохранились въ особенномъ изобиліи, почти вовсе не початы, чтобы понять, что изъ числа матеріаловъ, необходимыхъ для исторіи крестьянъ, издано лишь ничтожное количество. Очень жаль также, что различные акты не издаются въ болѣе систематическомъ порядкѣ; Н. В. Калачовъ былъ намѣренъ начать изданіе актовъ о крестьянахъ въ XVII вѣкѣ, но это предпріятіе почему то не осуществилось, къ величайшему прискорбію для ученыхъ, которые пожелаютъ посвятить свой трудъ этому столѣтію [2]). Если даже для допетровской эпохи историкъ нашего крестьянскаго сословія не можетъ удовольствоваться печатными матеріалами, то для изслѣдователя XVIII и XIX вѣковъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, несмотря на усердіе, съ какимъ печатаются у насъ теперь различные документы этихъ столѣтій. Дѣйствительно, за послѣдніе 20 лѣтъ русская историческая ли-

[1]) Трудовъ по исторіи колонизаціи, раскола, народныхъ движеній, въ родѣ разиновщины и пугачевщины, и т. п. мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ эти явленія затрогиваютъ исторію не однихъ крестьянъ.

[2]) Быть можетъ мы найдемъ ихъ въ приготовляемомъ г. Калачовымъ къ печати трудѣ объ исторіи волостныхъ судовъ.

тература обогатилась многими важными матеріалами для исторіи этого времени. Кромѣ прежняго повременнаго изданія — «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», въ которомъ съ самаго возобновленія ихъ, въ 1858 году, удѣлялось много мѣста для матеріаловъ по новой русской исторіи, за это время возникаютъ историческіе журналы: «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Древняя и Новая Россія», издаются такіе сборники, какъ «Восемнадцатый и Девятнадцатый вѣкъ» г. Бартенева, даже нѣкоторые ежемѣсячные журналы («Заря») пробовали открывать у себя особыя приложенія, гдѣ помѣщались сырые матеріалы, начинаютъ издаваться документы изъ семейныхъ архивовъ (18 томовъ «Архива кн. Воронцова»), наконецъ, основывается «Историческое Общество», успѣвшее издать 28 обширныхъ томовъ съ матеріалами первостепенной важности. Но не говоря уже о томъ, что не весь изданный такимъ образомъ матеріалъ имѣетъ значеніе, спрашивается: много-ли среди этой груды документовъ издано какихъ бы то ни было источниковъ для исторіи крестьянъ. Въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи» были помѣщены весьма важныя для исторіи экономическаго быта народа въ прошломъ столѣтіи сочиненія Щербатова, матеріалы для исторіи Сибири—Потанина, со множествомъ данныхъ о положеніи народа въ этой мѣстности въ первой половинѣ XVIII вѣка, дѣла о Пугачевѣ, разныя мнѣнія прошлаго и нынѣшняго вѣка по крестьянскому вопросу и нѣкоторые другіе документы (тутъ же былъ напечатанъ и трудъ Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства»). Изъ «Сборника Историческаго Общества» для историка крестьянъ чрезвычайно важны три тома (IV, VIII и XIV), посвященные изданію матеріаловъ объ екатерининской законодательной коммиссіи. Въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ» также найдутся нѣкоторые интересные документы для исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Россіи. Но все-таки нашему простому народу удѣляется гораздо менѣе мѣста, чѣмъ бы слѣдовало. Правда, мы сдѣлали уже значительный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда изслѣдователи XVIII вѣка почти исключительно ограничивались исторіею двора и разработкою соотвѣтствующихъ источниковъ. Явилось весьма много фактовъ для характеристики отдѣльныхъ замѣчательныхъ личностей, для исторіи литературы. Еще болѣе важнымъ вкладомъ оказываются многія записки современниковъ, которыя начали постепенно выводить насъ за петербургскую околицу и знакомить съ жизнью провинціальнаго дворянина средней руки (наприм. записки *Болотова*, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ»), провинціальнаго духовенства (записки *Добрынина* см. тамъ же), провинціальнаго администратора (въ біографіи

Сиверса, составленной Блумомъ), но все-таки Петербургъ и его интересы преимущественно привлекаютъ вниманіе издателей историческихъ документовъ: централизація, господствовавшая въ жизни, отражается и на литературѣ; однообразная провинціальная жизнь, съ ея мѣстными нуждами, остается все таки въ тѣни, народъ отодвинутъ далеко на заднiй планъ. Не пора-ли, наконецъ, перестать усердно пересчитывать разныхъ «случайныхъ людей» XVIII вѣка со всѣми ихъ восходящими и нисходящими родичами; не пора-ли обратить серьезное вниманіе на исторію народа, а не одного двора или дипломатіи [1]).

Кромѣ недостатка предшествовавшихъ научныхъ изслѣдованій по исторіи крестьянъ и даже изданныхъ для этого матеріаловъ, историкъ крестьянскаго сословія въ Россіи почти совершенно лишенъ еще одного необходимаго подспорья — хорошихъ работъ по исторіи отдѣльныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Сколько бы труда ни положилъ онъ на собираніе матеріаловъ, сколько бы ни рылся въ столичныхъ архивахъ, онъ все-таки будетъ чувствовать, что крайне важные источники должны скрываться въ архивахъ глухихъ провинціальныхъ захолустій. Разные документы, касающіеся крестьянскаго самоуправленія, — волостныя приходорасходныя книги, постановленія мірскихъ сходовъ, все это, если и сохранилось, то преимущественно на мѣстѣ, а не въ центральныхъ архивахъ; понятно, что изслѣдователь исторіи крестьянъ не можетъ изучать провинціальныхъ архивовъ, разбросанныхъ по всему лицу земли русской. Западному историку въ этомъ и не чувствуется такой необходимости: посмотрите, какъ разработана мѣстная исторія во Франціи и Германіи; тамъ не только каждая провинція, но каждый городъ, чуть не каждая деревушка имѣетъ своего историка. Это-то и даетъ возложность производить очень обширныя историко-юридическія изслѣдованія, почти не затрогивая

[1]) Желательно, чтобы и при изданія документовъ изъ семейныхъ архивовъ печатались-бы дѣла хозяйственныя, челобитныя крестьянъ господину, распоряженія помѣщика и пр. Теперь-же, напримѣръ, изъ 18 томовъ Архива кн. Воронцова ни въ одномъ мы не находимъ подобнаго рода документовъ. Какъ мало еще сознаютъ у насъ необходимость исторіи народа, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра: покойный Мухановъ въ своей книжкѣ „Что желательно для русской исторіи“ (1870 г.), указывая на то, что пора написать исторію царствованія Екатерины II, говоритъ: „необходимо разработать нужные для сочиненія ея матеріалы по каждой части государственнаго управленія отдѣльно: дѣла церкви, дворъ, администрація, законодательство, судоустройство и судопроизводство, просвѣщеніе, финансы, сношенія съ иностранными державами, дѣла военныя, флотъ, пути сообщенія, почты“. Авторъ забылъ о пустякѣ—о жизни всего народа.

неизданныхъ матеріаловъ. Укажемъ для примѣра на извѣстные труды Маурера. Правда, авторъ воспользовался нѣкоторыми неизданными источниками, но это капля въ морѣ сравнительно съ печатными матеріалами, а они преимущественно добыты трудами мѣстныхъ изслѣдователей. Положительно необходимо, чтобы на ряду съ изслѣдованіями, охватывающими исторію того или другаго сословія во всей Россіи, одновременно шли мѣстныя историческія работы; нужно, такъ сказать, строить исторію не только сверху внизъ, но и снизу вверхъ, не только отъ центра къ периферіи, но и наоборотъ. Благодаря ограниченности задачи, мѣстный историкъ можетъ войти въ такія детальныя изслѣдованія прошлой крестьянской жизни, придти къ столь несомнѣннымъ, точнымъ выводамъ, разумѣется, вѣрнымъ только для данной мѣстности, о какихъ не смѣетъ еще пока и мечтать изслѣдователь, захватывающій въ область своего труда всю Россію или большую ея часть. Желательны изслѣдованія не только исторіи цѣлыхъ губерній, но и уѣздовъ, если можно, даже отдѣльныхъ волостей и селеній. Намъ приходилось слышать отъ людей, разыскивавшихъ матеріалы для исторіи извѣстной мѣстности, что удавалось неожиданно находить груду всевозможныхъ документовъ не только XVIII, но даже XVII столѣтія; хотя рѣже, должны встрѣчаться и еще болѣе древніе документы. Всѣ найденные матеріалы слѣдуетъ, конечно, принять во вниманіе, но мы и теперь уже можемъ указать рядъ источниковъ, изученіе которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ и ихъ сопоставленіе можетъ привести къ выводамъ первостепенной важности относительно исторіи экономическаго быта народа: мы разумѣемъ писцовыя книги XVI — XVII столѣтія. Что касается XVIII вѣка, то тутъ мы имѣемъ данныя генеральнаго межеванія, такъ называемыя «Экономическія примѣчанія», а для Малороссіи — Румянцовскую опись; кромѣ того есть не мало, частію печатныхъ, частію неизданныхъ описаній губерній, составленныхъ въ XVIII и XIX вѣкѣ. Наконецъ, въ послѣднее время многія земства (наприм. московское, тверское, вятское, тамбовское и черниговское) предприняли самое внимательное хозяйственно-статистическое изслѣдованіе своего края; какой прекрасный матеріалъ могутъ дать эти источники для изученія экономическаго прошлаго губерніи, уѣзда даже отдѣльнаго селенія и для сравненія его съ настоящимъ: чѣмъ тѣснѣе кругъ изученія, тѣмъ точнѣе были бы выводы. Нужно помнить, что народная жизнь имѣетъ очень ограниченный кругъ интересовъ: количество земли, размѣры податей, распредѣленіе того и другаго—все это вопросы, которые нельзя изучать съ высоты птичьяго полета. Если основательную картину экономи-

ческаго положенія одной губерніи мы можемъ получить только при помощи такого многолѣтняго, громаднаго труда, какой былъ предпринятъ, напримѣръ, московскимъ земствомъ, то нѣтъ основанія думать, что можно было бы достигнуть вполнѣ правильныхъ результатовъ безъ такого-же внимательнаго труда и надъ данными прошлой жизни народа. Только эти детальныя, мѣстныя изслѣдованія и дали Мауреру возможность прослѣдить судьбу той или другой общины, нарисовать картину постепеннаго разложенія марки на деревенскія общины и т. п. Правда, и для мѣстныхъ изслѣдователей есть не мало затрудненій, прежде всего въ томъ, что указанные нами матеріалы хранятся въ центральныхъ (преимущественно московскихъ) архивахъ, но во-первыхъ, дубликаты писцовыхъ книгъ, «экономическихъ примѣчаній», неизданныхъ описаній губерній сплошь и рядомъ оказываются и въ какомъ либо провинціальномъ древлехранилищѣ, а во-вторыхъ, все-таки главная масса матеріала (разныхъ актовъ, документовъ о крестьянскомъ самоуправленіи и т. п.) должна несомнѣнно оказаться на мѣстѣ, на сколько они уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія времени и невѣжественнаго равнодушія нашего общества къ своему прошлому. Вотъ прекрасная задача для молодыхъ нашихъ историковъ! Если бы каждый изъ оканчивающихъ университетскій курсъ спеціалистовъ по исторіи составилъ, на основаніи указанныхъ матеріаловъ, историческій очеркъ какого нибудь клочка той мѣстности, откуда онъ родомъ,—какъ скоро наша наука обогатилась бы цѣлымъ рядомъ, совершенно новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ! Обязанность начать такіе труды лежитъ особенно на молодыхъ историкахъ-москвичахъ. До сихъ поръ они слишкомъ мало пользуются тѣми богатствами, какія заключаютъ въ себѣ Архивъ Министерства Юстиціи и отчасти архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а важности для науки результатовъ генеральнаго межеванія въ Архивѣ Межевомъ еще и не подозрѣваютъ. Пусть не подумаютъ нѣкоторые радѣтели народа, слишкомъ узко понимающіе его интересы, что приглашать молодыя силы къ подобнымъ трудамъ, значитъ отвлекать ихъ отъ насущной необходимости изученія современнаго положенія народа. Уже не говоря о томъ, что мы обращаемся только къ спеціалистамъ по русской исторіи, которые составляютъ лишь небольшую часть молодыхъ научныхъ силъ, посвящающихъ себя всѣмъ областямъ знанія, мы должны сказать, что изслѣдованіе прошлой народной жизни не менѣе важно, чѣмъ изученіе современнаго быта. Только при внимательномъ изслѣдованіи прошлой экономической жизни народа можно рѣшить, дѣйствительно-ли мы двигаемся впередъ, или, напротивъ, несмотря на нѣкоторыя

измѣненія къ лучшему, не происходитъ-ли серьезнаго ухудшенія въ экономическомъ положеніи народа. Многимъ самый вопросъ этотъ можетъ показаться дикимъ и парадоксальнымъ: можетъ-ли быть сравненіе между временами свободной жизни народа, избавленнаго отъ ферулы помѣщика, и какимъ нибудь XVII или XVIII вѣкомъ. Но исторія произноситъ иногда совершенно неожиданные приговоры: напомнимъ для примѣра хоть то, что англійскій профессоръ Роджерсъ, послѣ многолѣтняго, кропотливаго труда надъ исторіею земледѣлія и цѣнъ въ Англіи въ XIII и XIV столѣтіи, пришелъ къ выводу, что нынѣшній англійскій рабочій находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ его собратъ за четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Настоящее только тогда можетъ быть освѣщено правильнымъ свѣтомъ, когда оно изучается на историческомъ основаніи.

Не слѣдуетъ, конечно, думать, что для мѣстной исторіи у насъ не сдѣлано рѣшительно ничего; бѣда только въ томъ, что многое придется вновь передѣлывать; естественно, что въ нашихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ отражались недостатки общаго направленія науки. И здѣсь, въ разныхъ исторіяхъ того или другаго княжества, того или другаго края, преобладалъ разсказъ о внѣшнихъ событіяхъ; пересчитывались разные князья или другіе правители, а народная жизнь совершенно стушевывалась, или для описанія ея отводился задній уголокъ, нѣсколько страничекъ. Исключенія составляютъ только исторіи Новгорода и Пскова въ періодъ ихъ свободнаго существованія: тутъ народная жизнь ужъ слишкомъ била ключемъ, чтобы ее игнорировать; однако и относительно этого края изученіе собственно экономическаго быта народа только начинается. Но если немного сдѣлано для надлежащей обработки мѣстной исторіи, то матеріаловъ для нея собрано не мало въ провинціальныхъ изданіяхъ: губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, памятныхъ книжкахъ и т. п. Историкъ не долженъ игнорировать этого рода матеріаловъ, хотя разысканіе ихъ — дѣло не легкое, такъ какъ не только для немногихъ провинціальныхъ изданій есть указатели, но и найти-то полные экземпляры губернскихъ вѣдомостей и памятныхъ книжекъ не всегда возможно даже въ столичныхъ библіотекахъ.

И такъ, вотъ сколько трудностей приходится преодолѣть историку нашего крестьянства: и недостатокъ предшествовавшихъ изслѣдованій по этому предмету, и скудость печатнаго матеріала, и отсутствіе мѣстныхъ работъ, и разбросанность неизданныхъ источниковъ по разнымъ архивамъ, и не всегда легкій доступъ въ эти послѣдніе. Объ архивахъ мы поговоримъ ниже, а теперь укажемъ еще на необходимость, кромѣ своихъ

непосредственныхъ источниковъ и пособій, изучать двоякаго рода произведенія: изслѣдованія современной народной жизни и труды западныхъ ученыхъ по исторіи крестьянъ въ другихъ государствахъ.

Знакомство съ матеріалами и изслѣдованіями о современномъ положеніи русскаго крестьянина необходимо не только потому, что оно даетъ матеріалъ для сравненія и позволяетъ опредѣлить, лучше или хуже было положеніе крестьянъ въ старину, въ какомъ направленіи измѣнился ихъ бытъ; оно вводитъ историка въ глубь крестьянской жизни, оно позволяетъ ему открывать въ настоящемъ остатки давней старины, оно заставляетъ искать въ прошломъ явленія, которыя, безъ подобнаго предварительнаго изученія, могли бы остаться незамѣченными. Такія изданія, какъ доклады высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства (1873 г.), матеріалы по сельскохозяйственной статистикѣ московской губерніи, обработанные гг. Орловымъ, Каблуковымъ и др., сборникъ статистическихъ свѣдѣній по тамбовской губ. (1880 г.), сборникъ матеріаловъ для статистики тверской губерніи, собранныхъ В. И. Покровскимъ, труды статистическаго отдѣленія при черниговской губернской земской управѣ (матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, 1877 г.), «Статистика поземельной собственности», изд. центральн. стат. комитетомъ (1880 г.), труды этнографическо-статистич. экспедиц. въ западно-русскій край, снаряженной географическимъ обществомъ, изслѣдованія о хлѣбной торговлѣ Раевскаго, Чаславскаго, Янсона, работы г. Ефименко (матеріалы для этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи въ трудахъ этнографическаго Отд. Общ. Любит. Естествозн., Антроп. и Этнограф. Кн. V) и г-жи Ефименко (напр., матеріалы объ артеляхъ въ архангельской губ. въ «Сборникѣ объ артеляхъ» вып. 1 и 2), извѣстные труды кн. Васильчикова («Землевладѣніе и земледѣліе») и г. Янсона («Опытъ статистич. изслѣд. о надѣлахъ» изд. 2, 1881 г. и «Сравнительная статистика», особенно II томъ) и многія другія изданія,—все это должно быть настольными книгами спеціалиста по русской исторіи, все это даетъ ему точки опоры для сравненія.

Но нигдѣ историкъ не нуждается до такой степени въ содѣйствіи матеріаловъ и работъ, посвященныхъ изученію современнаго народнаго быта, какъ при изслѣдованіи исторіи поземельной общины. Мы видѣли, что самое открытіе новаго типа общиннаго землевладѣнія—безъ передѣловъ пахотной земли, было сдѣлано даже не спеціалистомъ по русской исторіи, подъ вліяніемъ непосредственнаго наблюденія поземельныхъ отношеній въ одномъ изъ уголковъ сѣверной Россіи. Сдѣланные имъ указанія

для исторіи общины подтвердились позднѣйшими изслѣдованіями. Точно также и при историческомъ изученіи того типа общины, который распространенъ по всей центральной Россіи, современныя наблюденія, какъ напримѣръ, В. И. Орлова (въ «Матеріалахъ для сельско-хозяйственной статистики московской губерніи»), Трирогова («Вѣстникъ Европы» и «Отеч. Записк.»), Щербины (въ «Отеч. Зап.» 1879 г. и «Русской Мысли» 1880), И. М. Красноперова (въ «Русской Рѣчи» и «Русской Мысли» 1880 г.) и многія другія [1]) чрезвычайно облегчаютъ намъ пониманіе историческихъ матеріаловъ и, при скудости этихъ послѣднихъ по данному вопросу, помогаютъ угадывать очень многое изъ краткихъ намековъ, которые легко могли-бы остаться незамѣченными изслѣдователемъ, если бы онъ не былъ знакомъ съ порядками современнаго общиннаго пользованія землею. Однимъ словомъ, по нашему глубокому убѣжденію, знакомство съ современною крестьянскою жизнію столь-же необходимо для ея историка, какъ и изученіе разныхъ старинныхъ столбцевъ и фоліантовъ.

Историку русскаго крестьянства необходимо познакомиться и съ трудами иностранныхъ ученыхъ по исторіи земледѣльческаго сословія въ западной Европѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что такой историкъ, если онъ пожелаетъ найти для себя образецъ въ трудахъ иностранныхъ изслѣдователей, будетъ удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ. Несмотря на то, что западная наука гораздо старше нашей, и тамъ въ неслишкомъ-то давнее время начались глубокія, основательныя изслѣдованія прошлой народной жизни. На западѣ несравненно болѣе собрано матеріаловъ для исторіи народа, неизмѣримо болѣе отдѣльныхъ монографій, которыя значительно облегчаютъ трудъ изслѣдователя въ этой области, наконецъ, тамъ мѣстная исторія замѣчательно разработана и, несмотря на то, мы можемъ сказать положительно, что въ Германіи, Франціи и Англіи до сихъ поръ не появилось еще полной исторіи крестьянъ каждой изъ этихъ странъ, удовлятворяющей современнымъ требованіямъ науки.

Но если западныя литературы не могутъ похвастать полными научными исторіями крестьянскаго сословія, то все таки тамъ можно указать нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ русскій изслѣдователь можетъ, во первыхъ, позаимствовать факты для указанія сходства и различія съ явле-

[1]) См. Указатель книгъ и статей объ общинѣ, состав. И. А. Соколовскимъ, въ I томѣ „Матеріаловъ объ общинномъ землевладѣніи“, издаваемыхъ географ. и вольноэко1ном. общ. (1880 г.). Перечень русскихъ трудовъ сдѣланъ довольно внимательно, списокъ же иностран. сочиненій весьма неполонъ.

ніями русской жизни, а во вторыхъ, поучиться научнымъ пріемамъ при обработкѣ подобнаго же матеріала. Пріятно видѣть, что къ иностраннымъ ученымъ начинаютъ примыкать, для изученія явленій западной исторіи, и русскія имена, которымъ при томъ иной разъ приходится отвести довольно видное мѣсто. Мы упомянемъ о нѣсколькихъ произведеніяхъ по исторіи крестьянъ въ западной Европѣ, знакомство съ которыми будетъ весьма полезно для русскаго историка.

На первомъ мѣстѣ тутъ несомнѣнно нужно поставить знаменитаго Г. Лудв. Маурера [1]), труды котораго составляютъ эпоху въ изученіи внутренняго быта германскаго народа по громадной эрудиціи автора, обширному плану, выполненіе котораго подготовлялось въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и громадному количеству фактовъ. Для русскаго изслѣдователя труды Маурера тѣмъ драгоцѣннѣе, что онъ обратилъ особенное вниманіе на исторію общиннаго владѣнія въ Германіи и воспользовался, какъ данными современнаго быта, такъ и свидѣтельствами историческихъ источниковъ для изученія марки и деревенской общины. Въ трудахъ Маурера есть свои недостатки, изложеніе его весьма утомительно, но онъ можетъ послужить примѣромъ того, какъ неутомимо, въ теченіи всей жизни, слѣдуетъ подготовлять труды, касающіеся такихъ важныхъ вопросовъ, какъ исторія крестьянъ, дворянства и городовъ [2]).

Сочиненія Маурера обнимаютъ исторію внутренняго быта Германіи до XVI вѣка; позднѣйшая жизнь германскихъ крестьянъ гораздо менѣе разработана. Тутъ большаго вниманія заслуживаютъ книги Штадельмана по исторіи сельскаго хозяйства при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I и Фридрихѣ Великомъ, составленныя преимущественно на основаніи архивныхъ источниковъ [3]). Много любопытныхъ фактовъ о положеніи народа въ Германіи въ XVIII вѣкѣ можно найти также въ превосходномъ трудѣ Бидер-

[1]) „Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung“ (1854, русскій переводъ изданъ въ Москвѣ, въ 1880 г.), „Geschichte der Markenverfassung in Deutschland“ (1856), „Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland (4 Bde. 1862—63) и „Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland“ (2 Bde, 1865).

[2]) Съ трудами Маурера однородны сочиненія Ганауэра объ эльзасскихъ крестьянахъ: *Hanauer*, Les paysans de l'Alsace au moyen âge и собраніе документовъ подъ заглавіемъ: „Les constitutions de l'Alsace au moyen âge“, 1865. См. также *Waitz*. Deutsche Verfassungsgeschichte.

[3]) *Stadelmann*. „Friedrich Wilhelm I, in seiner Thätigkeit für die Landescultur Preussens“, помѣщ. въ „Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven“, II-ter Band 1878 и его же „Friedrich der Grosse in seiner Thätigkeit fur den Landbau Preussens“, 1876.

мана [1]). Вслѣдствіе тѣсной связи исторіи крестьянъ съ исторіею сельскаго хозяйства вообще, слѣдуетъ упомянуть еще о трудѣ Лангеталя [2]), который однако по разработкѣ матеріала оставляетъ весьма многаго желать съ современной точки зрѣнія. За то теперь научной исторіи хозяйства въ Германіи положено основаніе новѣйшимъ трудомъ Инама-Штернегга [3]).

Въ англійской литературѣ есть одно превосходное изслѣдованіе по исторіи сельскаго хозяйства, мы разумѣемъ извѣстное сочиненіе Роджерса: «Исторія земледѣлія и цѣнъ въ Англіи». Авторъ предполагаетъ изложить исторію избраннаго имъ предмета отъ 1259 г. до начала континентальной войны (1793 г.); къ сожалѣнію, до сихъ поръ вышло только два тома; изъ нихъ въ первомъ мы находимъ изслѣдованіе съ половины XIII до начала XV вѣка, а во второмъ сводъ неизданныхъ матеріаловъ по исторіи цѣнъ за это время [4]). «Я знаю напередъ», говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду,—«что изслѣдованія и факты, заключающіеся въ этихъ двухъ томахъ, привлекутъ немногихъ читателей. Форма такого труда, по необходимости, отталкивающая, и сухія подробности о событіяхъ, совершившихся много столѣтій тому назадъ, будутъ представлять слишкомъ малый интересъ для всей читающей публики. А между тѣмъ, въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ заключается немалая доля прошлой жизни англійскаго народа, быть можетъ даже нѣкоторые матеріалы, которые могутъ содѣйствовать построенію философіи исторіи, такъ какъ они придадутъ глубину и основательность политическимъ событіямъ, о которыхъ разсказываютъ наши лѣтописцы. «Работы, подобныя предпринятой мною», продолжаетъ Роджерсъ, «весьма важны для изученія экономической стороны исторіи, а такое изученіе, осмѣлюсь утверждать, столь-же важное пособіе для пониманія прошлаго, какъ изслѣдованіе древностей права, дипломатическихъ интригъ или военныхъ кампаній. Немного найдется событій, имѣющихъ какую-либо важность, на которыя изученіе этихъ фактовъ, составляющее спеціальность политико-эконома, не броситъ значительнаго свѣта». Большую часть труда авторъ посвящаетъ изслѣдованію цѣнъ различныхъ продуктовъ, но, кромѣ того, мы находимъ у

1) *Biedermann.* Deutschland im XVIII Jahrhundert. Bd. I. Это сочиненіе давно заслуживаетъ перевода на русскій языкъ.

2) Geschichte der deutschen Landwirthschaft, 1847—56.

3) „Deutsche Wirthschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingerperiode". 1879. По исторіи цѣнъ въ Эльзасѣ есть еще чрезвычайно обстоятельный трудъ Ганауэра „Etudes économiques sur l'Alsace ancienne et moderne", t. 1. Les monnaies, 1876, t. II. Denrées et salaires. 1878.

4) *Thorold Rogers,* A history of agriculture and prices in England. Oxf. 1866. 2 vls.

него статьи о средневѣковомъ земледѣліи, о распредѣленіи богатствъ, домашнемъ хозяйствѣ, правосудіи, податяхъ и т. п. Не смотря на то, что сочиненіе это далеко не окончено, оно и теперь имѣетъ огромное значеніе: трудъ, разработанный по такой широкой программѣ, въ высшей степени важенъ не только для того времени, изученію котораго онъ посвященъ; онъ служитъ образцомъ при разработкѣ подобныхъ фактовъ въ другихъ странахъ и въ другія эпохи, а въ томъ государствѣ, одну изъ эпохъ жизни котораго онъ характеризуетъ, такое изслѣдованіе, кромѣ научнаго значенія, можетъ имѣть еще и самый животрепещущій интересъ, какъ матеріалъ для сравненія съ настоящимъ временемъ и рѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли увеличивается въ странѣ народное благосостояніе. О печальномъ выводѣ, къ какому пришелъ при подобномъ сравненіи Роджерсъ, мы уже упомянули. Не мало новыхъ и любопытныхъ фактовъ о положеніи англійскихъ крестьянъ въ средніе вѣка можно найти и въ сочиненіи проф. Ковалевскаго («Экономическій строй Англіи въ средніе вѣка», М. 1880 г.), имѣвшаго возможность ознакомиться со многими неизданными документами. Въ этомъ трудѣ читатели найдутъ указанія и на тѣ крайне немногочисленные труды, какіе существуютъ въ англійской литературѣ по исторіи крестьянъ; мы же упомянемъ только о книгѣ Охенковскаго [1]).

Общія исторіи крестьянъ во Франціи (Leymarie 1856 года, Doniol 2 изд. 1867 г., Dareste de la Chavanne 1858 г., Bonnemére, 2-е изд. 1874 г.) совершенно не удовлетворятъ того, кто пожелаетъ найти въ нихъ отвѣты на всѣ вопросы, разсмотрѣніе которыхъ, какъ было указано нами выше, должно входить въ исторію крестьянъ. Изъ новѣйшихъ работъ упомянемъ о книгѣ Бабо (Le village sous l'ancien regime, 2 edit. 1879 г.), посвященной XVI — XVIII вѣкамъ и составленной отчасти по архивнымъ источникамъ. Авторъ не мастеръ излагать и далеко не даетъ полной исторіи крестьянъ въ указанное время: это картина общественной жизни деревни, ея управленія, отношеній къ священнику, къ сеньеру и государству; тутъ же есть нѣкоторыя свѣдѣнія о народномъ образованіи, общественной благотворительности, земледѣліи, матеріальномъ и нравственномъ положеніи жителей. Неизмѣримо выше всѣхъ этихъ трудовъ, по широтѣ взгляда и разработкѣ матеріала (правда, для одной небольшой эпохи) книга проф. Карѣева «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи

[1]) *Ochenkowsky*. Englands wirthschaftliche Entwickelung im Ausgange des Mittelalters. Iena 1879.

въ послѣдней четверти XVIII в.» (1879 г.), которую мы усердно рекомендуемъ вниманію читателей, тѣмъ болѣе, что и по своему изложенію она представляетъ выдающееся явленіе. Въ ней, а также и въ новой популярной книгѣ того же автора «Очеркъ исторіи франц. крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1879 г.» (1881)—читатель найдетъ множество указаній на литературу этого предмета[1]). Весьма обстоятельную, хотя и сжатую картину экономическаго быта Франціи съ конца XVI до начала XVIII вѣка можно найти въ прекрасной книгѣ Моро де Жонеса [2]); попытку серьезнаго изученія французскаго хозяйства въ одинъ изъ періодовъ среднихъ вѣковъ представляетъ работа Лампрехта [3]); образцемъ мѣстнаго изслѣдованія по исторіи земледѣлія и крестьянъ можетъ служить книга Делиля [4]).

Объ исторіи крестьянъ въ другихъ европейскихъ странахъ можно найти свѣдѣнія въ извѣстной книгѣ Зугенгейма [5]), гдѣ подробно указаны и законодательныя мѣры, принятыя для уничтоженія крѣпостнаго права; собственно же литературы крестьянскаго вопроса авторъ не разсматриваетъ. Въ этомъ отношеніи обѣщаетъ быть интересною работа проф. Лучицкаго «Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ» [6]). Къ труду Зугенгейма примыкаетъ спеціальная работа Гансена о Шлезвигѣ и Гольштиніи [7]). Литература крестьянскаго вопроса во Франціи въ XVIII вѣкѣ, кромѣ труда г. Лучицкаго, разсмотрѣна и въ названной книгѣ Карѣева. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи внимательно разсмотрѣнъ Самаринымъ (Собраніе сочиненій т. II).

Для исторіи рабства въ древнемъ мірѣ, которое можетъ дать матеріалъ для сравненій съ бытомъ нашихъ холоповъ допетровской Руси и съ дворовыми императорскаго періода, есть обстоятельное сочиненіе Валлона [8]).

[1]) Мы упомянемъ о сочиненіи Тэна „Les origines de la France contemporaine"—книгѣ очень страннаго направленія, но обильной новыми фактами, и сочиненіи Шассена „L'église et les derniers serfs". (1880).

[2]) *Moreau de Jonnés.* Etat économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV, 1589 à 1715. P. 1867.

[3]) *Lamprecht.* Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert. 1878.

[4]) *L. Delisle.* Etudes sur la condition de la classe agricole et l'etat de l'agricuture en Normandie au moyen âge. 1851.

[5]) *Sugenheim.* Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit. Spb. 1861.

[6]) „Кіевскія универс. извѣстія" 1878. №№ 10—12, 1879, № 2. См. также, *Doniol* la révolution francaise et la féodalité. 2 edit. 1876.

[7]) *Hanssen.* Die Aufhebung der Leibeigenschaft und die Umgestaltung der gutsherrlich—bäeurlichen Verhältnisse überhaupt in den Herzogthümern Schleswig und Holstein. 1861.

[8]) *Wallon.* Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 2 edit. P. 1879, 3 vols. О волненіяхъ рабовъ см. *Bücher.* Die Anfstände der unfreien Arbeiter 143—129 v. Chr. 1874.

Для исторіи крестьянъ въ Византіи, очень важной для сопоставленій съ древнѣйшею исторіею нашихъ крестьянъ, мы имѣемъ изслѣдованія В. Г. Васильевскаго [1].

Изъ трудовъ по исторіи общиннаго землевладѣнія, кромѣ названныхъ уже книгъ Маурера и Ганауэра, заслуживаютъ особеннаго вниманія сочиненія Отто Гирке, Ландау и статьи Гансена по исторіи германской общины, труды Мясковскаго и Ковалевскаго для швейцарской общины, Нассе объ англійской, Геррига о скандинавской, Бутора о французской, Мена и Кавалевскаго объ индійской, а какъ общій обзоръ, въ которомъ къ тому же старательно указана литература, назовемъ книгу Лавлея въ нѣмецкой переработкѣ Бюхера съ совершенно новыми главами относительно остатковъ общиннаго землевладѣнія въ Германіи [2].

Мы вовсе не претендуемъ на полноту этого перечня, но увѣрены, что начинающіе изслѣдователи исторіи русскихъ крестьянъ скажутъ намъ спасибо за эти указанія. Знакомство съ трудами по исторіи крестьянъ на западѣ поможетъ имъ выработать планъ собственнаго труда, снабдитъ запасомъ фактовъ для сравненія, иной разъ научитъ методу въ пользованіи матеріалами и наконецъ предостережетъ отъ той ошибки, въ которую часто впадаютъ ученые, мало знакомые съ исторіею другихъ странъ: признанія національными особенностями того, что было болѣе или менѣе общимъ достояніямъ народовъ въ извѣстную эпоху развитія.

Послѣ указанія на всѣ тѣ требованія, какимъ по нашему мнѣнію должны удовлетворять труды по исторіи крестьянъ, дѣлается болѣе понятнымъ, почему въ нашей молодой исторической литературѣ, которая всего-то существуетъ какихъ нибудь 50, 60 лѣтъ (если вести счетъ ея сознательной жизни со времени исторіи Карамзина), вовсе нѣтъ полной исторіи крестьянъ: мы видѣли, что этимъ не могутъ похвастать и болѣе

О колонатѣ см. книгу г. Виноградова „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лонгобардской Италіи“, 1881 г., гдѣ указана и литература этого предмета.

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г. №№ 10 и 11, 1879 г. №№ 3 и 4, 1880 г. №№ 7 и 8.

[2]) *Otto Gierke*. „Rechtsgechichte der deutchen Genossenschaft“ 1868—73; *Landau*. „Geschichte der Territorien“, 1854; *Hanssen*. „Agrarhistorische Abhandlungen“ 1880 и „Agrarhistoriche Fragmente zur Erkenntniss der deutschen Feldmarkverfassung“, Zeitschr. für die gesammte Staatswissenchatft, 1880, 36 Jahrgang, 3 Heft. *Miaskowski*. „Die Verfassung der Land, Alpen-und Forstwirthschaft der deutschen Schweiz“ (1878) и его же „Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlichen Entwickelung von XIII Jahrhundert bis zur Gegenwart.“ 1879. *Bouthors*. Les sources du droit rural. P. 1865. *Nasse*. Ueber die mittelaltert. Feldgemeinchaft in England. Bonn. 1869 (русск. перев. Яросл. 1878). *Herrig*. De rebus agrariis suecicis et danicis. Berl. 1868. *Мэнъ*. Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. (1874). *Кавалевскій*. Общинное землевладѣніе, вып. I. 1879. *Lavelaye*. Das Ureigenthum, vervollständigt von *Bücher*. 1879.

зрѣлыя литературы запада. Но это во всякомъ случаѣ не резонъ, чтобы еще медлить съ выполненіемъ такого настоятельнаго труда.

Что касается спеціально исторіи нашихъ крестьянъ, то, какъ только будетъ сознана ея настоятельная необходимость, найдутся и нужныя силы, мы въ этомъ глубоко увѣрены. Научное изслѣдованіе этого предмета трудная, утомительная и неэффектная работа (по крайней мѣрѣ въ настоящее время): нужно изучать самые сухіе печатные матеріалы, нужно на много лѣтъ зарыться въ архивы и не брезгать кропотливой работой, медленно собирая строительные матеріалы для будущаго зданія. Повторяемъ, что при современномъ состояніи нашей науки (о чемъ было говорено уже выше) и въ то же время при тѣхъ серьезныхъ требованіяхъ, которыя мы должны предъявить изслѣдователямъ прошлой народной жизни, написать полную исторію русскихъ крестьянъ дѣло непосильное для одного человѣка: необходимо раздѣленіе труда, нужна одновременная работа нѣсколькихъ ученыхъ надъ разными эпохами исторіи народа. Быстрота работы тутъ прежде всего зависитъ отъ скудости или обилія матеріаловъ и отъ того, въ какой степени онъ изданъ. Такъ, напримѣръ, исторія крестьянъ до XV вѣка включительно нуждается въ неизмѣримо меньшей затратѣ силъ, чѣмъ послѣдующія эпохи: тутъ не только большая часть матеріаловъ издана, но они и въ значительной степени разработаны. Шестнадцатый вѣкъ требуетъ уже болѣе труда: одни неизданныя писцовыя книги потребуютъ немалой затраты на нихъ ученаго труда, но все-таки масса матеріала по исторіи крестьянъ и вообще внутренняго быта въ этомъ столѣтіи менѣе, чѣмъ для двухъ послѣдующихъ вѣковъ. Семнадцатое столѣтіе представляетъ особенныя трудности, такъ какъ для построенія исторіи народа въ это время сдѣлано даже менѣе, чѣмъ для императорскаго періода русской исторіи. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что если бы нашелся десятокъ работниковъ, которые захотятъ положить свою жизнь на это дѣло, то въ десять, пятнадцать лѣтъ мы могли бы имѣть, если не полную исторію крестьянъ, то по крайней мѣрѣ рядъ обстоятельныхъ монографій, которыя послужили бы превосходнымъ матеріаломъ для такой исторіи. А тогда, будьте увѣрены, явятся ученые съ художественнымъ талантомъ Н. И. Костомарова, которые, не становясь чернорабочими, не зарываясь на многіе годы въ архивы, какъ это по неволѣ приходится дѣлать теперь, сольютъ результаты предшествовавшихъ трудовъ въ одно цѣлое, соединятъ детали, которыя въ свое время были нужны для правильнаго общаго вывода и дадутъ намъ художественную исторію русскаго мужика.

Мы сами принуждены были употребить около десяти лѣтъ на изученіе исторіи крестьянъ при Екатеринѣ II. Если принять въ соображеніе, съ одной стороны, важность этой эпохи, а съ другой громадное количество почти непочатаго архивнаго матеріала, это вовсе не покажется страннымъ. Важность этого періода въ жизни народа не подлежитъ сомнѣнію: относительно крестьянъ крѣпостныхъ — окончательное закрѣпленіе власти помѣщиковъ, напротивъ для принадлежавшихъ духовенству — освобожденіе отъ ига барщинныхъ и иныхъ повинностей въ пользу монастырей, нѣкоторыхъ церквей, архіереевъ и синода и причисленіе крестьянъ къ государственнымъ; для дворцовыхъ — окончательный переходъ отъ барщинной системы къ оброчной, т. е. другими словами также почти уравненіе съ казеннымъ земледѣльческимъ населеніемъ; среди горнозаводскихъ — обширное волненіе въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ и затѣмъ постепенное, но медленное улучшеніе ихъ быта, подготовившее освобожденіе отъ обязательныхъ работъ при Александрѣ I; для казенныхъ крестьянъ (черносошныхъ и однодворцевъ) — участіе чрезъ своихъ депутатовъ въ законодательной коммиссіи. Наконецъ, цѣлый рядъ войнъ, страшно увеличившихъ тяжесть податей, но, съ другой стороны, открывшихъ новый благодатный край для колонизаціи, и наконецъ все это освѣщено заревомъ Пугачевскаго пожара, — это ли не интересный и важный сюжетъ для историческаго изслѣдованія!

Имѣя въ виду другихъ историковъ крестьянской жизни, укажемъ на планъ нашего труда.

Мы только что перечислили нѣсколько крупныхъ отдѣловъ изъ общей массы крестьянскаго сословія, а это еще далеко не все; обиліе этихъ разрядовъ обусловливаетъ и нашъ планъ. Мы находимъ необходимымъ изучить каждый изъ этихъ видовъ крестьянъ отдѣльно и указать на ихъ особенности, а затѣмъ представить общую картину экономическаго и домашняго быта народа. При этомъ мы совершенно отдѣляемъ изученіе Великороссіи и Сибири, разница между которыми, по отношенію къ крестьянскому населенію, сказывалась лишь въ томъ, что въ Сибири не было нѣкоторыхъ изъ разрядовъ земледѣльческаго сословія, — отъ изслѣдованія Малороссіи, съ совершенно инымъ населеніемъ и иными формами быта, вмѣстѣ съ которою необходимо изучать и такъ называемую Слободскую Украйну [1]). Крестьянъ же въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши,

[1]) См. Дополненіе XVII.

въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи мы вовсе исключаемъ изъ плана нашего изслѣдованія. И такъ прежде всего мы займемся всестороннимъ изученіемъ крестьянъ Великороссіи и Сибири.

Многочисленные разряды великороссійскихъ крестьянъ мы можемъ раздѣлить на три группы: 1) крѣпостныхъ, 2) казенныхъ и третью, составляющую переходъ отъ первой ко второй. Къ числу казенныхъ крестьянъ принадлежатъ черносошные или государственные въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (съ выдѣлившеюся изъ нихъ кучкою половниковъ), экономическіе (принадлежавшіе до секуляризаціи духовенству), однодворцы, старыхъ службъ служилые люди, ямщики, отписные и обѣльные крестьяне. Къ переходной группѣ мы причисляемъ, во-первыхъ, всѣхъ крестьянъ дворцоваго вѣдомства (дворцовые, государевы, конюшенные и сокольи помытчики), изъ нихъ собственно дворцовые, съ повсемѣстною замѣной барщины оброкомъ, уподобились казеннымъ крестьянамъ, но государевы и конюшенные были болѣе близки къ крѣпостнымъ; во-вторыхъ, мы относимъ сюда крестьянъ такъ-называемыхъ поссессіонныхъ, т. е. принадлежащихъ не лицу, а къ какой нибудь фабрикѣ или заводу. Съ ними можно сблизить и особый видъ государственныхъ крестьянъ, такъ-называемыхъ приписныхъ, т. е. обязанныхъ не деньгами платить всю подать или часть ея, а отработывать на заводахъ (преимущественно горныхъ). Мы выдѣляемъ ихъ изъ всѣхъ другихъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ заводская работа имѣла огромное вліяніе на весь ихъ бытъ. За изученіемъ всѣхъ отдѣловъ великороссійскихъ крестьянъ въ частности будетъ слѣдовать общій обзоръ ихъ экономическаго и домашняго быта. Здѣсь прежде всего мы разсматриваемъ, такъ сказать, активъ крестьянскаго бюджета, т. е. подробно изучаемъ народные промыслы: земледѣліе, огородничество, скотоводство, пчеловодство, рыболовство, охоту, лѣсные и отхожіе промыслы; разсматриваемъ всевозможные заработки мужчинъ, женщинъ и дѣтей и цѣны на ихъ трудъ въ связи съ цѣнами на главнѣйшіе жизненные припасы. Затѣмъ слѣдуетъ изученіе пассива крестьянскаго хозяйства, т. е. податей и повинностей. Такимъ образомъ будетъ видно, какъ сложилось экономическое положеніе крестьянъ подъ вліяніемъ того и другаго фактора, будутъ понятнѣе отдѣльныя указанія о бѣдности и зажиточности крестьянъ, о нищенствѣ, о займѣ денегъ и размѣрѣ процентовъ, о неурожаяхъ, о мѣрахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Затѣмъ мы сгруппируемъ многочисленныя для второй половины XVIII в. указанія о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ крестьянъ, о семейной жизни, характерѣ народа, увеселеніяхъ, нравственномъ и умственномъ состояніи

крестьянина. Тутъ же будутъ собраны данныя о поземельной общинѣ и артеляхъ, описаны деревенское самоуправленіе и отношенія крестьянъ къ священнику. Изслѣдователь этой эпохи въ жизни крестьянъ не можетъ, конечно, обойти и ихъ участія въ Пугачевщинѣ. Подобный же планъ можетъ быть принятъ и относительно Малороссіи [1]).

Въ настоящее время авторы трудовъ по исторіи крестьянъ, желающіе вполнѣ стоять на уровнѣ современной науки, отнюдь не могутъ довольствоваться группировкою исключительно оффиціальнаго матеріала: разныхъ правительственныхъ распоряженій, указовъ и т. п.; что было возможно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, что было въ свое время полезно, какъ первая попытка оріентироваться въ печатномъ матеріалѣ, то въ настоящее время уже немыслимо. При обработкѣ иныхъ эпохъ принятый нами планъ долженъ, конечно, до нѣкоторой степени измѣниться: чѣмъ древнѣе будетъ выбранное время, тѣмъ болѣе будетъ съуживаться частный отдѣлъ труда, тѣмъ болѣе сжатый объемъ можетъ принимать и все изслѣдованіе; быть можетъ окажется даже возможнымъ полное слитіе частнаго и общаго отдѣла подобныхъ изслѣдованій въ одной картинѣ юридическаго, экономическаго и домашняго быта народа.

Мы предлагаемъ дѣлать попытки всесторонняго изученія крестьянъ въ отдѣльныя эпохи нашей прошлой жизни; возможенъ и иной пріемъ раздѣленія труда въ области исторіи народа. Вмѣсто поперечнаго разрѣза, какой мы дѣлаемъ, возможны, такъ сказать, разрѣзы продольные: т. е. вмѣсто изученія всѣхъ разнообразныхъ видовъ крестьянскаго сословія въ какую нибудь одну эпоху, можно предпринять изслѣдованіе прошлой жизни одного изъ разрядовъ крестьянъ, но за то въ теченіи многихъ вѣковъ.

[1]) Въ составъ настоящаго тома вошли отдѣлы о крѣпостныхъ крестьянахъ въ Великороссіи и о поссессіонныхъ крестьянахъ. Этотъ томъ составляетъ переработку слѣдующихъ статей: „Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II“ („Русс. Стар.“ 1876 г. №№ 11 и 12); „Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II“ („Русс. Стар.“ 1877 г. № 2); „Очерки изъ исторіи крѣпостнаго права въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Рус. Мысль 1880 г. №№ 5, 6, 8, 9 и 10) и „Поссессіонные крестьяне въ XVIII вѣкѣ“ („Вѣст. Европы 1878 г. №№ 10 и 11). Введеніе въ болѣе полномъ видѣ было помѣщено въ „Русской Мысли“ 1881 г. № 2 (статья: „Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи“). Часть остальнаго плана уже выполнена въ слѣдующихъ статьяхъ: „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в. (Вѣстн. Евр.“ 1878 г. №№ 5 и 6); „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760 — 1764 годахъ“ („Вѣстн. Европы“ 1877 г. №№ 1 и 2); „Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ въ 1769 — 1771 году“ („Древ. и Нов. Рос.“ 1877 г. №№ 6 и 7); „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“ („Рус. Стар.“ 1879 г. №№ 1—6); „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Рус. Стар.“ 1877 г. № 8). Упомянемъ еще о двухъ статьяхъ: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“ („Отеч. Зап.“ 1879 г. №№ 10—12) и „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“ („Отеч. Зап.“ 1877 г. № 8).

Образцомъ такого труда можетъ служить указанная выше книга проф. Горчакова: «О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и Святѣйшаго Синода». Можно даже заранѣе предвидѣть, что юристы предпочтутъ именно такой способъ спеціализаціи труда, такъ какъ они рѣдко затрогиваютъ экономическое положеніе народа и преимущественно ищутъ измѣненій въ сферѣ правовыхъ отношеній. Напротивъ того, для историка, по нашему мнѣнію, удобнѣе ограниченіе одною извѣстною эпохою русской исторіи, но съ тѣмъ, чтобы въ этотъ періодъ была изучена жизнь всѣхъ разновидностей крестьянъ и по возможности всесторонне. Послѣдній пріемъ дѣлается даже едва-ли не единственно возможнымъ, если желаешь дать обстоятельную картину экономическаго быта, потому что источники по этому предмету, какъ изданные, такъ и неизданные, настолько разбросаны, что нерѣдко, изучая матеріалъ для исторіи одного изъ разрядовъ крестьянъ, неожиданно находишь данныя для характеристики совершенно иного отдѣла. Разумѣется, принятая нами система имѣетъ одно большое неудобство: ограничиваясь самымъ подробнымъ изученіемъ одной эпохи, изслѣдователь не имѣетъ возможности одновременно дѣлать подобныя же изысканія и для исторіи предшествовавшихъ эпохъ, но происходящіе отъ этого недостатки исчезнутъ, когда появится цѣлый рядъ монографій по исторіи крестьянъ, взаимно пополняющихъ другъ друга. Да и вообще изслѣдованія народнаго быта въ извѣстныя эпохи имѣютъ болѣе широкое научное значеніе, чѣмъ это кажется, не только потому, что они даютъ важный матеріалъ для сопоставленія настоящаго съ прошлымъ и разныхъ эпохъ прошедшей жизни между собою, но и потому, что каждая такая работа, если она исполнена старательно и добросовѣстно, указываетъ, въ какомъ направленіи слѣдуетъ вести другіе подобные же труды и непремѣнно вызываетъ ихъ появленіе.

Выше было уже указано, что издано вообще весьма мало матеріаловъ для исторіи нашихъ крестьянъ. Такимъ образомъ каждый изслѣдователь, желающій поближе изучить народную жизнь въ ту или другую эпоху, принужденъ будетъ обратиться къ неизданнымъ источникамъ. Имѣя въ виду, что опытность одного работника въ этой области можетъ облегчить труды другаго, мы перечислимъ тѣ архивы, въ которыхъ намъ приходилось до сихъ поръ заниматься, и укажемъ на то, какого рода матеріалы хранятся въ нихъ.

Самымъ важнымъ архивомъ, для исторіи внутренняго быта, не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ предшествовавшія эпохи, особенно въ XVI—XVII столѣтіяхъ, несомнѣнно нужно считать Архивъ Министерства Юсти-

ціи въ Москвѣ, находящійся подъ управленіемъ нашего извѣстнаго ученаго изслѣдователя и редактора изданій многихъ матеріаловъ Н. В. Калачова. Здѣсь хранятся боярскія книги и списки, десятни, жилецкіе списки, дѣла конторъ герольдмейстерской, печатной и др., приказовъ малороссійскаго, разряднаго, сибирскаго и многихъ другихъ, родословныя, разряды, множество жалованныхъ грамотъ монастырямъ и церквамъ, дѣла канцелярій конфискаціи, тайной и другихъ, камеръ, ревизіонъ- и юстицъ-коллегій, коллегіи экономіи и нѣкоторыхъ конторъ, коммиссіи о моровой язвѣ 1771 года, нѣкоторыхъ магистратовъ, разныхъ судовъ, розыскной экспедиціи; книги записныя, отказныя, писцовыя, наконецъ, обширное производство разныхъ учрежденій (съ начала XVII столѣтія по 1867 г.), расположенное по мѣстностямъ. Для исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ матеріала слѣдуетъ преимущественно искать въ огромной коллекціи дѣлъ сената (какая масса документовъ хранится въ этомъ архивѣ, видно уже изъ того, что однихъ сенатскихъ дѣлъ, съ 1711 по 1797 годъ, здѣсь находится 7425 книгъ и 1186 вязокъ). Для исторіи великороссійскихъ крестьянъ при Екатеринѣ II всего обильнѣе матеріалами дѣла I-го департамента, а относительно крестьянъ духовныхъ вотчинъ слѣдуетъ преимущественно искать свѣдѣній въ дѣлахъ коллегіи экономіи. Тутъ же хранятся дѣла камеръ-коллегіи, но, къ несчастію, изъ нихъ сохранились только наименѣе важные документы о винѣ и о соли, остальные же, какъ говорятъ, при одномъ изъ прежнихъ директоровъ архива, признаны ненужными и истреблены, причемъ должна была погибнуть масса драгоцѣнныхъ вѣдомостей о цѣнахъ хлѣба въ прошломъ столѣтіи, обязательно присылавшихся въ камеръ-коллегію со всѣхъ концовъ Россіи. Въ этомъ же архивѣ находится особое дѣлопроизводство кн. Вяземскаго и А. И. Бибикова во время усмиренія уральскихъ крестьянъ въ 1760—1764 гг. Тутъ же, наконецъ, хранится много новыхъ документовъ для исторіи пугачевскаго бунта, теперь приготовляемыхъ къ печати (они должны появиться въ Сборникѣ Историческаго Общества подъ редакціею Н. В. Калачова). Администраціею архива приступлено уже къ печатанію описанія хранящихся въ немъ документовъ [1]). Въ первомъ томѣ этого изданія

[1]) „Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи", 3 тома. Въ I томѣ помѣщена подробная опись книгамъ писцовымъ, переписнымъ, дозорнымъ, перечневымъ, платежнымъ и межевымъ, какъ въ хронологическомъ, такъ и въ алфавитномъ порядкѣ по мѣстностямъ. Изъ этой описи и изъ дополнительнаго списка къ ней, помѣщеннаго во II т., видно, что для одного XVI в. такихъ книгъ болѣе ста, а для XVII в. около трехъ съ половиною тысячъ.

помѣщено обозрѣніе учрежденій, изъ которыхъ поступили въ архивъ документы, и краткая вѣдомость матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ. Это даетъ возможность изслѣдователю оріентироваться на первыхъ порахъ, но затѣмъ, начавъ самыя работы, ему придется погрузиться въ массу рукописныхъ описей, такъ, напримѣръ, для изученія однихъ сенатскихъ дѣлъ Екатерининскаго царствованія нужно просмотрѣть *нѣсколько десятковъ описей*, изъ которыхъ каждая составляетъ толстый томъ in f°. Понятна-ли теперь необходимость спеціализаціи труда по исторіи крестьянъ? [1]).

Другое громадное московское древлехранилище—Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ показываетъ и самое его названіе, имѣетъ преимущественно значеніе для исторіи дипломатическихъ сношеній; тутъ хранятся трактаты съ европейскими державами, договоры съ азіатскими владѣтелями, дѣла министерской корреспонденціи по европейской и азіатской экспедиціямъ, но здѣсь-же есть очень много источниковъ и для исторіи внутренняго быта: разныя государственныя книги, грамоты и договоры съ древнѣйшихъ временъ, жалованныя грамоты, письма государей, секретныя дѣла, не мало документовъ Елизаветинскаго царствованія, дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, дѣла о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ, о донскихъ казакахъ, духовныя дѣла (о поставленіи патріарховъ и пр.), матеріалы о духовенствѣ иностранныхъ исповѣданій, кабинетныя дѣла Анны Іоанновны, малороссійскія дѣла (1522—1775 г.). дѣла кн. Меншикова, почтовыя, смоленскаго приказа, монастырскія конца XVII ст. и пр. Здѣсь есть также нѣкоторые документы, касающіеся Екатерининской коммиссіи для составленія новаго уложенія и сношенія государей съ разными правительственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ внутреннимъ, доклады по дѣламъ финансовымъ второй половины XVIII в., дѣла о раскольникахъ, самозванцахъ и пр. Намъ удалось еще познакомиться, благодаря любезному разрѣшенію г. директора архива, барона Ѳ. А. Бюллера, съ хранящимся тамъ же семейнымъ архивомъ вице-канцлера императрицы Екатерины кн. А. М. Голицына, занимающимъ 10 шкафовъ, описаніе которыхъ уже начато, но еще не скоро можетъ быть приведено къ концу. Въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи есть интересная переписка съ вицеканцлеромъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, а также и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, служившихъ въ

[1]) Нужно замѣтить, что занятія въ этомъ архивѣ чрезвычайно облегчаются тою любезностію, съ которою относятся ко всѣмъ ученымъ, его посѣщающимъ, какъ г. управляющій архивомъ сенаторъ Н. В. Калачовъ, такъ и всѣ служащіе въ этомъ учрежденіи; приносимъ имъ нашу искреннюю признательность.

Россіи, письма самой императрицы Екатерины, переписка семейная, заключающая массу самыхъ любопытныхъ данныхъ о бытѣ дворянства того времени, донесенія изъ вотчинъ, какъ принадлежавшихъ самому кн. Голицыну, такъ и находившихся подъ его опекою или наблюденіемъ; наконецъ, цѣлая масса приходо-расходныхъ книгъ, веденныхъ въ домѣ господина, а также и въ различныхъ вотчинахъ. Все это документы первостепенной важности для исторіи дворянскаго быта, крѣпостнаго права, наконецъ исторіи цѣнъ; между тѣмъ, этими дѣлами до сихъ поръ еще никто не пользовался. Кромѣ документовъ самого архива, не мало любопытныхъ рукописей хранится и въ обширной его библіотекѣ (между прочимъ коллекція портфелей академика Г. Ф. Миллера). Считаемъ своимъ долгомъ сказать, что мы встрѣтили самое обязательное содѣйствіе при нашихъ занятіяхъ въ архивѣ; приносимъ нашу искреннюю благодарность г. директору архива гофмейстеру барону Ѳ. А. Бюлеру и другимъ лицамъ, служащимъ въ архивѣ [1]).

Изслѣдователи экономическаго быта Россіи, начиная съ половины XVIII столѣтія, найдутъ матеріалы громадной важности въ Архивѣ Межевомъ (въ Москвѣ). Въ чертежномъ отдѣленіи этого архива хранятся результаты генеральнаго межеванія (такъ называемыя «Экономическія примѣчанія»). Относительно каждаго уѣзда имѣется книга in f°, въ которой помѣщенъ перечень всѣхъ населенныхъ и ненаселенныхъ дачъ, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ городской чертѣ, съ обозначеніемъ числа дворовъ, числа душъ, количества земли усадебной, пахотной, сѣнокосной, лѣсу и неудобной. Кромѣ того въ послѣдней графѣ приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи селеній, о количествѣ лѣса, промыслахъ жителей, а относительно помѣщичьихъ имѣній всегда отмѣчается, на барщинѣ крестьяне или на оброкѣ; вообще-же свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой послѣдней графѣ (которыя собственно и составляютъ «Экономическія примѣчанія»), крайне скудны и совсѣмъ не оправдываютъ тѣхъ блестящихъ надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ гр. Д. А. Толстой, первый обратившій вниманіе ученыхъ на эти документы, хотя и не воспользовавшійся ими самъ [2]). Главное значеніе результатовъ генеральнаго межеванія состоитъ въ томъ, что они даютъ полный матеріалъ для ста-

[1]) Особенное содѣйствіе намъ оказывали К. А. Щученко и гг. Пуцилло и Матерна.

[2]) См. его статью „О статистическихъ работахъ межевыхъ чиновъ въ царствованіе императрицы Екатерины II", Жур. Мин. Вн. Д. 1848 г., ч. XXI. Документами этого архива не пользовался до сихъ поръ еще ни одинъ ученый.

тистики землевладѣнія во второй половинѣ прошлаго столѣтія, а подобныя данныя должны служить фундаментомъ для исторіи крестьянъ, такъ какъ что-же можетъ быть важнѣе въ характеристикѣ жизни земледѣльца, какъ не опредѣленіе количества земли, которымъ онъ владѣетъ. Межевой Архивъ, вмѣстѣ съ Архивомъ Мин. Юстиціи, настоящій кладъ для мѣстныхъ изслѣдователей; дай-то Богъ, чтобы они пожелали ими воспользоваться! [1])

Изъ тѣхъ петербургскихъ архивовъ, въ которыхъ мы имѣли возможность заниматься, первое мѣсто по значенію хранящихся въ нихъ документовъ занимаетъ Сенатскій Архивъ. Всего важнѣе тутъ коллекція подлинныхъ именныхъ указовъ, начиная съ Петра Великаго (за одно царствованіе императрицы Екатерины II именные указы сенату составляютъ около 80 толстыхъ томовъ). Въ этомъ же архивѣ хранятся указы и протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта, дѣла главной полицмейстерской канцеляріи и пр. Пользованіе архивомъ, для времени Екатерины II, чрезвычайно облегчено прекрасно составленною г. завѣдующимъ архивомъ П. И. Барановымъ описью именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ (3 тома) [2]).

Для изслѣдователей второй половины XУIII в. еще болѣе важный матеріалъ хранится въ Архивѣ II-го Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи: здѣсь находятся всѣ дѣла, относящіяся къ Коммиссіи для составленія новаго Уложенія, т. е. дневныя записки Большаго Собранія и частныхъ коммиссій, мнѣнія, поданныя депутатами, наказы отъ разныхъ государственныхъ учрежденій, отъ дворянъ, городовъ, крестьянъ, казаковъ, своды изъ этихъ наказовъ и пр. Изъ всего этого драгоцѣннаго матеріала напечатаны въ Сборникѣ Историческаго Общества только часть дневныхъ записокъ Большаго Собранія и дворянскихъ наказовъ. Продолженіе этого изданія, начатаго покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, по-

[1]) Мы не сомнѣваемся, что всякій ученый встрѣтитъ столь же любезный пріемъ со стороны г. предсѣдателя межевой канцеляріи В. И. Ахшарумова, какой былъ оказанъ и намъ при занятіяхъ въ Межевомъ Архивѣ. Г. директоръ чертежнаго отдѣленія и всѣ служащіе въ немъ съ величайшею любезностію исполняли всѣ наши просьбы.

[2]) Изъ предисловія г. Баранова къ III тому мы узнаемъ, что къ изданію слѣдующихъ томовъ описи „будетъ приступлено при первой возможности осуществить наше намѣреніе и при содѣйствіи начальствующихъ лицъ". Это послѣдне содѣйствіе очевидно должно выразиться въ назначеніи суммы, необходимой на изданіе. Неужели же не найдется денегъ на такое изданіе, необходимое для вполнѣ успѣшнаго пользованія архивомъ. За недостаткомъ общей описи Екатериненской эпохи, намъ приходилось пересматривать именные указы одинъ томъ за другимъ.

ручено теперь извѣстному ученому проф. В. И. Сергѣевичу, которымъ уже и приготовленъ къ печати новый томъ, посвященный преніямъ по крестьянскому вопросу въ Большомъ Собраніи; но окончанія этого громаднаго труда мы, вѣроятно, дождемся не скоро, если даже изданіе будетъ ведено очень энергично, потому что наказы всѣхъ сословій, особенно крестьянъ, представляютъ огромную коллекцію документовъ, и, чтобы исчерпать ихъ, нужно множество томовъ. Дѣло усложняется тѣмъ, что депутаты крестьянъ черносошныхъ не представляли сводныхъ наказовъ: крестьяне каждой волости или погоста, выбирая кого либо изъ своей среды для избранія уѣзднаго повѣреннаго, давали ему отъ себя письменное наставленіе съ изложеніемъ «своихъ нуждъ и недостатковъ»; уѣздные повѣренные получали отъ избирателей всѣ привезенныя имъ наставленія и передавали ихъ, въ свою очередь, депутату отъ провинціи (крестьянскіе депутаты выбирались не отъ каждаго уѣзда, какъ дворянскіе, а отъ цѣлой провинціи). Такимъ образомъ, депутатъ велико-устюжской провинціи привезъ 192 наказа или довѣренности отъ черносошныхъ крестьянъ да еще 16 отъ половниковъ. Депутатъ отъ крестьянъ архангельской провинціи привезъ 103 довѣренности отъ черносошныхъ и 92 отъ экономическихъ и дворцовыхъ волостей. Такимъ образомъ, одни наказы черносошныхъ крестьянъ, не говоря уже объ однодворцахъ и другихъ, представляютъ такую массу матеріаловъ, которая чрезвычайно трудно поддается изданію, а между тѣмъ, въ этихъ документахъ мы находимъ множество любопытныхъ подробностей объ экономическомъ бытѣ и поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ; тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно городскихъ, казацкихъ наказовъ и пр. [1]).

Матеріалы для исторіи крестьянъ приписныхъ или горнозаводскихъ и вообще для исторіи горнаго дѣла въ Россіи хранятся въ архивѣ горнаго департамента Министерства Государ. Имуществъ, вмѣщающемъ въ себѣ, между прочимъ, богатый архивъ бергъ-коллегіи. Архивъ департамента мануфактуръ и торговли заключаетъ въ себѣ любопытные документы для исторіи промышленности въ Россіи и между прочимъ для характеристики быта поссессіонныхъ крестьянъ. Много любопытныхъ данныхъ о сельскомъ хозяйствѣ и экономической жизни народа съ половины

[1]) Возможностію получить доступъ въ этотъ архивъ мы обязаны любезности г. товарища управляющаго II Отд. Собств. Его Величества Канцеляріи Ѳ. А. Бруна, исходатайствовавшаго для насъ Высочайшее разрѣшеніе. При пользованіи документами мы пользовались содѣйствіемъ члена археографической коммиссіи М. А. Веневитинова, завѣдующаго этимъ архивомъ, которому и приносимъ нашу признательность.

XVIII столѣтія хранятся въ Архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. Наконецъ, отдѣльныя, интересныя для исторіи внутренняго быта, рукописи встрѣчаются въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Публичной Библіотеки и Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, Румянцевскаго музея и Чертковской библіотеки въ Москвѣ [1]).

Говорить здѣсь подробно о нашихъ печатныхъ источникахъ мы не находимъ нужнымъ: они всякій разъ будутъ указываемы въ своемъ мѣстѣ. Намѣтимъ только ихъ главные разряды. Самымъ важнымъ изъ печатныхъ источниковъ слѣдуетъ несомнѣнно признать Полное Собраніе Законовъ, въ которомъ мы находимъ не только указы, но и высочайше утвержденные доклады, иногда съ подробными свѣдѣніями о томъ или другомъ разрядѣ крестьянъ. Извѣстно, что это собраніе далеко нельзя назвать полнымъ (что особенно явствуетъ изъ описи сенатскаго архива, составленной г. Барановымъ), но во всякомъ случаѣ это источникъ первостепенной важности. Другимъ важнымъ источникомъ для нашего труда были путевыя записки академиковъ, изъѣздившихъ всю Россію въ теченіе екатерининскаго царствованія, а именно: Палласа — два путешествія: въ 1768—1774 г. на юговостокъ европейской Россіи и въ Сибирь и въ 1793—94 гг. на югъ европейской Россіи [2]), Лепехина [3]), Георги [4]), Фалька [5]),

[1]) Перечисливъ всѣ архивы и хранилища рукописей, съ которыми до сихъ поръ мы имѣли возможность лично познакомиться, мы назовемъ нѣсколько архивовъ, гдѣ могутъ храниться документы для исторіи крестьянъ: государственный архивъ, архивъ кабинета, св. синода, государственнаго совѣта, минист. внутрен. дѣлъ, минист. госуд. имуществъ, морскаго министерства, ученый архивъ военно-топографическаго депо, департамента таможенныхъ сборовъ (гдѣ хранятся между прочимъ дѣла сибирскаго приказа и поташной конторы), архивъ литовской метрики въ сенатѣ, наконецъ собранія рукописей археографической коммиссіи и археологическаго общества — въ Петербургѣ; центральный дворцовый архивъ и архивъ военнаго министерства — въ Москвѣ, центральный архивъ и рукопис. отдѣленіе публичной библіотеки въ Вильно, центральный архивъ въ Витебскѣ, центральный архивъ въ Кіевѣ, черниговскій архивъ губернс. статистическаго комитета (нынѣ переданный харьковскому университету), гдѣ хранится часть знаменитой описи Малороссіи, составленной при Румянцевѣ, архивъ черниговскаго губернс. правленія, гдѣ находятся дѣла малороссійской коллегіи, рукописное отдѣленіе библіотеки казанскаго университета и различные архивы въ губернскихъ городахъ. Все это богатая жатва для мѣстныхъ изслѣдователей.

[2]) Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, I—III Th., 1771—1776. SpЬ.; Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russ. Reichs in den Jahren 1793 u. 1794. I. Bd. Leipz. 1799.

[3]) Дневныя Записки по разнымъ провинціямъ россійскаго государства, ч. I — IV. 1771—1780.

[4]) Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. 2 Bde. SpЬ. 1775

[5]) Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs. 1785—1786.

Н. Рычкова [1]), Гюльденштедта [2]), Гмелина [3]), Зуева [4]), Озерецковскаго [5]). Всѣ эти сочиненія, какъ свидѣтельства безпристрастныхъ очевидцевъ, въ высшей степени важный источникъ и для исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, и для исторіи внутренняго быта вообще. Не менѣе, а иногда и болѣе важны описанія губерній, которыхъ очень много было издано или по крайней мѣрѣ составлено въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, какъ напр. описаніе архангельской губ.—Пошмана (составлено въ 1802 г., издано въ Арханг. въ 1866 г., 2 ч.) и Молчанова (1813 г. Спб.), описаніе астраханской губерніи Ровинскаго (1809 г.), воронежской—Е. Болховитинова (1800 г.), калужскаго намѣстничества (1785 г.), московской губ.—неизвѣстнаго автора (1787 г.) и Чернова (1811 г.), пермской губерніи Попова (1 изд. въ 2-хъ томахъ—1804 г., 2 изд. въ 3-хъ томахъ—1811—1813 гг.), петербургской — Георги (1790 г. на нѣмецк. языкѣ), тверской (состав. въ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, изд. въ Твери въ 1873 г.), черниговской — Шафонскаго (изд. въ 1851 г. въ Кіевѣ), ярославской—Германа (въ «Статистич. Журналѣ» 1808 г.) и нѣк. другія. Въ разныхъ архивахъ мы нашли еще очень много неизданныхъ описаній губерній, составленныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, подробный обзоръ которыхъ мы представимъ въ общей части нашего труда.—Для исторіи сельскаго хозяйства очень важны отвѣты на экономическіе вопросы, отчасти напечатанные тогда же, а также рядъ статей въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества.—Изъ общихъ описаній Россіи прошлаго столѣтія особенно важны сочиненія Шторха [6]) и Тука [7]). Много любопытныхъ фактовъ заключается также въ трудахъ кн. М. М. Щербатова, въ свое время не изданныхъ: «Статистика въ разсужденіи Россіи» (написана въ 1776—1777 гг.), «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ», «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 г.» [8]), въ мемуа-

[1]) Журналъ или дневныя записки путешествія кап. Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1769 и 1770. Спб. 1770. Продолженіе журнала или дневныхъ записокъ. Спб. 1772.

[2]) Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. 2 Bde. 1787, 1791.

[3]) Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche. Th. I—III (4 Bde). Spb. 1770—1784.

[4]) Путешественныя записки отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 гг. Спб. 1787.

[5]) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому. Спб. 1792.

[6]) Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs. Bd. I—VIII, 1797 — 1803 и Statistische Uebersicht der Statthalterschaften des Russischen Reichs. 1795.

[7]) Мы пользовались французскимъ изданіемъ 1801 г., vols. 1—6.

[8]) Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1859, III, 1860, I.

рахъ Болотова, біографіи Сиверса, составленной Блумомъ, запискахъ и перепискѣ Державина, «Семейной хроникѣ» Аксакова [1]) и пр.; наконецъ въ путевыхъ запискахъ или сочиненіяхъ иностранцевъ—Макартнея, Свинтона, Кокса, Кларка, Сегюра, Массона, Пассенана и др.—хотя ихъ, конечно, слѣдуетъ подвергать внимательной повѣркѣ.

Въ первомъ томѣ нашего труда мы ограничиваемся изученіемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи и поссессіонныхъ крестьянъ.

Считаемъ необходимымъ объяснить, почему мы не предпосылаемъ описанію положенія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ очерка ихъ быта въ предшествовавшія эпохи. Сдѣлать подобный очеркъ и очень легко, и очень трудно, смотря по тому, какія требованія поставить себѣ при этомъ. Если ограничиться печатными источниками, то можно прибавить немного новаго къ тому, что уже сдѣлано трудами И. Д. Бѣляева, гг. Побѣдоносцева и Романовича-Славатинскаго; предпринять же разработку архивныхъ матеріаловъ значитъ написать трудъ гораздо обширнѣе того, который мы предлагаемъ вниманію читателей. Желая дать описаніе быта всѣхъ разрядовъ крестьянъ въ екатерининскую эпоху, мы не могли взяться за общій трудъ по исторіи крѣпостнаго права, предлагать же краткую компиляцію по предшествовавшимъ изслѣдованіямъ находимъ безполезнымъ. Труды Бѣляева и г. Побѣдоносцева могутъ служить лучшимъ введеніемъ въ наше изслѣдованіе (трудъ г. Побѣдоносцева доведенъ именно до второй половины XVIII в.). Въ книгѣ г. Романовича-Славатинскаго отдѣлъ, посвященный крѣпостнымъ крестьянамъ, какъ и остальные, изложенъ не въ хронологическомъ, а въ систематическомъ порядкѣ, но и въ этомъ сочиненіи не мало любопытныхъ фактовъ для характеристики юридическаго и фактическаго положенія крѣпостныхъ въ первую половину XVIII столѣтія.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ крѣпостнымъ, мы прежде всего останавливаемся на вопросѣ, кто могъ владѣть крѣпостными, и указываемъ на то, какъ постепенно въ теченіе первой половины XVIII в. владѣніе не только населенными имѣніями, но даже и отдѣльными крѣпостными дѣлается исключительнымъ правомъ дворянскаго сословія. Но это только теорія, на практикѣ же почти всѣ умѣютъ обходить законъ. Тутъ же мы указываемъ на различные способы закрѣпощенія людей.—Затѣмъ мы разсматри-

[1]) Изъ неизданныхъ — назовемъ записки Лунина, хранящіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ; за указаніе ихъ приносимъ благодарность Л. Н. Майкову.

ваемъ численность крѣпостныхъ въ Россіи и ихъ процентное отношеніе къ остальнымъ крестьянамъ. Оказывается, что въ Великороссіи и Сибири изъ всего сельскаго населенія было закрѣпощено болѣе половины (около 53%). Переходя къ характеристикѣ положенія крѣпостныхъ, мы прежде всего останавливаемся на самомъ важномъ для крестьянина вопросѣ — какъ велико было количество земли, находившейся въ пользованіи крѣпостныхъ. Такъ какъ оброчные крестьяне обыкновенно пользовались всею помѣщичьею землею, а барщинные находились въ этомъ отношеніи въ менѣе благопріятномъ положеніи, то очень важно было опредѣлить, въ какой степени была развита въ той или другой мѣстности оброчная и барщинная система. Оказывается, что въ нечерноземной полосѣ Великороссіи преобладала оброчная система, въ черноземной—барщинная, въ среднемъ же выводѣ количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ было почти одинаково. Такимъ образомъ почти половина крѣпостныхъ находилась на оброкѣ—обстоятельство, въ высшей степени благопріятное для крестьянъ, такъ какъ положеніе оброчныхъ вотчинъ до извѣстной степени приближалось къ быту населенія государственныхъ волостей, хотя крѣпостные вносили помѣщику большій оброкъ. Что касается количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, то въ этомъ отношеніи положеніе крѣпостныхъ въ екатерининскую эпоху оказывается въ высшей степени благопріятнымъ сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ какъ въ то время въ среднемъ выводѣ по Великороссіи въ ихъ пользованіи было въ три съ половиною раза болѣе земли, чѣмъ теперь.

Въ главѣ II мы указали, что въ оброчныхъ имѣніяхъ нечерноземной полосы, гдѣ крестьяне обрабатывали землю только на себя, *одной пахотной земли* приходилось среднимъ числомъ около 3,8 десятины на каждую мужскую душу (въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 2,8 до 5,3 десятины на душу), между тѣмъ, какъ теперь *всей земли* приходится въ нечерноземной полосѣ Великороссіи среднимъ числомъ 4,2 десятины на душу [1]), всей же земли въ оброчныхъ вотчинахъ нечерноземной полосы приходилось въ прошломъ столѣтіи среднимъ числомъ по 14—15 дес. на душу; а такъ какъ, въ то время, въ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля отдавалась въ пользованіе крестьянамъ, то, слѣдова-

[1]) Выводъ сдѣланъ на основаніи данныхъ, приведенныхъ въ „Сравнительной Статистикѣ" проф. Янсона (II, 138) о числѣ душъ, приступившихъ къ выкупу при содѣйствіи правительства и количествѣ земли, поступившей имъ въ надѣлъ.

тельно, тогда у оброчныхъ крѣпостныхъ было въ $3^1/_2$ раза болѣе земли, чѣмъ теперь. Для черноземной полосы уменьшеніе размѣровъ пашни, приходящейся на каждаго жителя мужскаго пола, будетъ еще очевиднѣе. Въ прошломъ столѣтіи въ оброчныхъ вотчинахъ черноземной полосы, по нашимъ вычисленіямъ, на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія, приходилось на душу среднимъ числомъ около 4,4 дес. *одной пахотной земли* (въ различныхъ мѣстностяхъ отъ 2 до 6), всей же земли, среднимъ числомъ, по 10 дес., между тѣмъ, въ настоящее время, *весь надѣлъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ въ этой полосѣ лишь по 3 дес. на душу [1]), т. е. одной пахотной земли было въ прошломъ вѣкѣ въ полтора раза болѣе всего нынѣшняго надѣла, всей же земли было въ $3^1/_2$ раза болѣе...

Очень важно и то, что случаи обезземеленія крѣпостныхъ и превращенія ихъ въ батраковъ, вѣчно работающихъ на барина, были въ прошломъ столѣтіи въ Великороссіи чрезвычайно рѣдки.

Отъ опредѣленія количества земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, естественный переходъ къ разсмотрѣнію тѣхъ повинностей, которыя налагались на нихъ за эту землю. Оказывается, что оброчные крестьяне платили въ два—три раза болѣе, чѣмъ казенные; но все таки положеніе ихъ было гораздо сноснѣе, чѣмъ барщинныхъ крестьянъ, которые по большей части должны были отдавать господину половину своего рабочаго времени и еще вносили разные поборы натурою. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ барщины была фабричная работа, но мы находимъ ее лишь въ немногихъ имѣніяхъ Великороссіи да на уральскихъ горныхъ заводахъ: къ счастію для крестьянъ промышленность въ то время была еще недостаточно развита. Сравнивъ положеніе крѣпостныхъ въ Великороссіи, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и въ западной Европѣ, мы пришли къ заключенію, что въ большей части Германіи (Пруссіи, Шлезвигѣ и Гольштиніи, Помераніи и Австріи) повинности были тяжелѣе чѣмъ у насъ; къ тому же германская система землевладѣнія содѣйствовала развитію среди крестьянъ сильнаго имущественнаго неравенства, и благосостояніе владѣльцевъ цѣлой гуфы или даже ея половины и четверти покупалось цѣною батрачества многихъ крестьянъ. Въ Остейскомъ краѣ и Польшѣ, при существованіи того же неравенства, а также повидимому и въ Литвѣ

[1]) Выводъ сдѣланъ на основаніи тѣхъ же данныхъ „Сравнительной статистики", при чемъ принято во вниманіе 13 черноземныхъ губерній Великороссіи. Новѣйшія данныя, собранныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ, даютъ еще меньшую цифру, а именно въ 7 черноземныхъ губерніяхъ центральной Россіи 2,2 дес. на каждую наличную душу м. п. „Статистика поземельной собств.", Спб. 1880, стр. XXIX.

повинности крестьянъ въ пользу помѣщика были тяжелы, но въ юго-западной Россіи и Малороссіи крѣпостнымъ приходилось работать и платить менѣе, чѣмъ въ Великороссіи.

Такъ какъ распредѣленіе повинностей въ пользу помѣщика и государства было связано съ передѣлами земли, то вслѣдъ за разсмотрѣніемъ размѣра оброка и барщины мы характеризуемъ общинные порядки пользованія землею у крѣпостныхъ крестьянъ, доказываемъ, что передѣлы земли существовали во всей центральной Россіи, разсматриваемъ способы разверстки земли, сроки передѣловъ и отмѣчаемъ выгодныя стороны нашихъ поземельныхъ отношеній сравнительно съ тою системою неравенства, которую мы находимъ въ Германіи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ—Польшѣ, Остейскомъ краѣ, Литвѣ и Малороссіи, куда успѣло проникнуть нѣмецкое вліяніе.

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что если въ Германіи мы находимъ много бобылей и батраковъ, то у насъ былъ свой классъ безземельныхъ—дворовые. Ихъ положеніе было весьма незавидно въ томъ отношеніи, что они гораздо чаще могли страдать отъ барскаго произвола, хотя конечно и бытъ крестьянъ не былъ обезпеченъ никакимъ закономъ: помѣщикъ по своему усмотрѣнію могъ оторвать ихъ отъ земли и переселить въ другое мѣсто. Торговля крѣпостными для отдачи въ рекруты, торговля дѣвушками для всевозможныхъ цѣлей принимаетъ къ концу XVIII в. самые постыдные размѣры: крѣпостныхъ выводятъ даже толпами для продажи на рынокъ. Въ этомъ—одна изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ положенія нашихъ крѣпостныхъ, также какъ и въ полной неограниченности вотчиннаго суда. Наши помѣщики имѣли право подвергать своихъ крестьянъ даже такимъ тяжелымъ наказаніямъ, какъ отдача въ каторжную работу и на поселеніе. Это повело къ серьезному злоупотребленію—отправкѣ въ Сибирь больныхъ и калѣкъ для того, чтобы получить зачетную рекрутскую квитанцію, а неограниченность домашней расправы давала возможность жестокимъ помѣщикамъ замучивать до смерти своихъ крѣпостныхъ.

Историкъ крѣпостнаго права долженъ внимательно остановиться на этихъ мрачныхъ сторонахъ нашего прошлаго, но было бы несправедливо думать, что всѣ крѣпостные находились въ такомъ ужасномъ положеніи. Во первыхъ, лишь немногіе помѣщики отличались такою свирѣпостію, а во вторыхъ половина крѣпостныхъ, именно оброчные, пользовались значительною долею самоуправленія, не de jure конечно, а de facto. Нужно замѣтить также, что хотя далеко не всѣ помѣщики исполняли обязанность, налагаемую на нихъ закономъ, — заботиться о прокормленіи

4

своихъ крестьянъ во время неурожаевъ, но все таки многіе владѣльцы несомнѣнно оказывали имъ помощь въ этихъ случаяхъ.

Имущество крестьянъ не было ограждено закономъ отъ власти помѣщика; еще хуже то, что даже такія интимныя дѣла, какъ женитьба, устраивались съ согласія или даже по прямому повелѣнію помѣщика. Въ оброчныхъ вотчинахъ и въ этомъ отношеніи положеніе крестьянъ было благопріятнѣе: тамъ бракосочетаніе предоставлялось усмотрѣнію самихъ крестьянъ, лишь бы достигшіе извѣстнаго возраста вступали въ бракъ; въ противномъ случаѣ дѣло рѣшалось по приказу барина. Хуже всего было то, что неограниченность помѣщичьихъ правъ приводила иной разъ къ необузданному разврату барина.

Лишенные юридически права собственности на движимое и недвижимое имущество, крестьяне почти всегда фактически пользовались и тѣмъ, и другимъ. Весьма любопытно, что нѣкоторые крѣпостные имѣли своихъ холоповъ, и иногда въ значительномъ количествѣ.

Не смотря на то, что крѣпостные сами платили за себя подушную подать, а также несли рекрутскую и другія повинности, они почти всѣми правами, доступными имъ какъ членамъ государства, могли пользоваться лишь съ согласія или за поручительствомъ помѣщика. Нужно однако замѣтить, что за то помѣщичьи крестьяне находили въ своихъ господахъ защиту отъ произвола администраціи.

Считаемъ необходимымъ указать на то, что мы отнюдь не старались описывать только мрачные стороны жизни крѣпостныхъ, такъ какъ полагаемъ, что настало время для безпристрастной оцѣнки крѣпостнаго права. Благопріятными условіями въ жизни крѣпостныхъ мы считаемъ: сильное развитіе оброчной системы, большое количество земли, находившейся въ ихъ пользованіи, значительную степень имущественнаго равенства, зависящаго отъ передѣловъ земли, общинный духъ и взаимная помощь, которыя обусловливались всѣмъ строемъ поземельныхъ отношеній, наконецъ то самоуправленіе, какимъ пользовались оброчныя вотчины. Неблагопріятными сторонами ихъ жизни была неограниченность повинностей по закону, право помѣщика на продажу крѣпостныхъ безъ земли, неограниченность вотчинной расправы, вообще беззащитность личная и имущественная. Нельзя однако не признать, что фактическое положеніе крестьянъ было благопріятнѣе, чѣмъ можно было ожидать въ виду ихъ юридическаго безправія [1]).

[1]) Прибавимъ ко всему сказанному отзывъ современника-иностранца: ,,Русскій народъ, прозябая въ рабствѣ, не знаетъ духовнаго счастія (le bonheur moral), но онъ

Правительство при Екатеринѣ II сдѣлало слишкомъ мало для ограниченія крѣпостнаго права и обузданія власти помѣщиковъ. Для ограниченія торговли людьми во время рекрутчины запрещено было (въ 1766 г.) совершать купчія на крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскаго набора, но скоро было дозволено и въ это время продавать малолѣтныхъ и стариковъ; по окончаніи же набора, снова можно было продавать кого угодно. Разлученіе семей запрещено было въ 1771 г. только при продажѣ имѣній съ аукціона, помѣщики же безпрепятственно продолжали это дѣлать, и торговля рабами производилась въ концѣ XVIII в. съ особенно наглостію, такъ что о продажѣ людей въ газетахъ объявляли наравнѣ съ животными и всякими вещами. По учрежденіямъ о губерніяхъ намѣстнику дозволено было защищать крѣпостныхъ, и нѣсколько звѣрообразныхъ помѣщиковъ были отправлены на вѣчную каторгу въ Сибирь, другіе подвергались пожизненному заключенію, ссылкѣ на поселеніе и проч.; но такіе случаи были и ранѣе. Запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя, запрещено считать незаконнорожденныхъ подкидышей крѣпостными ихъ воспитателей; всѣ питомцы воспитательныхъ домовъ получали свободу, и еслибы имъ случилось вступить бракъ съ крѣпостною (что́, впрочемъ, не дозволялось), то лицо, прежде несвободное, дѣлась вольнымъ. Послѣднее право было распространено и на воспитанниковъ академіи художествъ. Мужья питомицъ воспитательнаго дома получали свободу лишь въ томъ случаѣ, если бракъ былъ совершенъ съ согласія помѣщика. Воспитанницы мѣщанскаго училища сообщали свободу своимъ крѣпостнымъ мужьямъ. Было прекращено закрѣпощеніе безмѣстныхъ церковниковъ и военноплѣнныхъ.

пользуется матеріальнымъ благосостояніемъ (il jouit d'une sorte de bonheur matériel); эти бѣдные рабы, увѣренные въ томъ, что они будутъ имѣть пищу, помѣщеніе, отопленіе вслѣдствіе своего труда или отъ господина и не будутъ ни въ чемъ нуждаться, никогда не испытываютъ мученій нищеты или ужаса впасть въ нее, которые составляютъ пагубную язву цивилизованныхъ народовъ, однако въ тысячу разъ болѣе счастливыхъ, потому что они свободны.—Помѣщики въ Россіи имѣютъ по закону почти неограниченную власть надъ своими рабами, но справедливость заставляетъ сказать, что на дѣлѣ почти всѣ они пользуются ею чрезвычайно умѣренно; посредствомъ постепеннаго смягченія нравовъ рабство крестьянъ дѣлается мало по малу тѣмъ, чѣмъ было нѣкогда въ Европѣ прикрѣпленіе къ землѣ" (нужно помнить, что авторъ французъ). „Каждый крестьянинъ платитъ умѣренный оброкъ за землю, которую онъ для себя обработываетъ, а распредѣленіе этого оброка производится въ каждой деревнѣ старшинами, избранными изъ отцевъ семействъ". *Segur.* Mémoires, ed. Barrière, I, 331. Ср. безпристрастный отзывъ о положеніи крѣпостныхъ предъ крестьянскою реформою у *Mackenzie Wallace.* Russia, II, 258 squ.

Въ 1773 г. была пріостановлена ссылка помѣщиками своихъ людей на поселеніе, но вскорѣ имъ было вновь возвращено это право.

Вотъ и всѣ, чрезвычайно жалкія, попытки ограниченія крѣпостнаго права; ничтожныя уже и сами по себѣ, онѣ, утрачиваютъ въ нашихъ глазахъ всякое значеніе, когда мы вспомнимъ, что рядомъ съ этими мѣрами въ пользу крѣпостныхъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе ихъ положеніе: таковы были окончательное запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ (1767 г.), такъ что съ этихъ поръ всякая ихъ жалоба на господина заранѣе считалась противозаконною, дозволеніе помѣщикамъ (въ 1765 г.) передавать своихъ людей адмиралтейской коллегіи для употребленія на каторжныя работы съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію, мѣра, которая не оправдывалась даже тѣми государственными соображеніями (колонизація Сибири), на которыя ссылалось правительство императрицы Елизаветы, дозволяя помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ въ зачетъ рекрутъ (о закрѣпощеніи Малороссіи мы здѣсь не говоримъ, оно требуетъ особаго обсужденія). Слѣдуетъ также не забывать раздачи въ пожалованіе казенныхъ крестьянъ; правда, въ Великороссіи, за единичными исключеніями, этого не дѣлалось, но за то въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ случалось нерѣдко; въ областяхъ же, присоединенныхъ отъ Польши, раздача казенныхъ имѣній приняла громадные размѣры.

Едва ли не важнѣе всѣхъ ничтожныхъ ограниченій крѣпостнаго права при Екатеринѣ II было то, что по ея желанію крестьянскій вопросъ былъ возбужденъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ, а затѣмъ свободное обсужденіе его было допущено въ законодательной коммиссіи; одинъ изъ ея частныхъ комитетовъ работалъ даже надъ составленіемъ проэкта крестьянскихъ правъ [1]). Все это окончилось ничѣмъ, но мысль о необходимости такъ или иначе измѣнить положеніе крѣпостныхъ была брошена въ общество и черезъ сто лѣтъ она принесла свои плоды.

Такъ какъ при имп. Екатеринѣ правительство не приняло рѣшительныхъ мѣръ для обузданія власти помѣщиковъ то, естественно, что тяжелое положеніе многихъ крѣпостныхъ вызывало съ ихъ стороны пассивную или активную реакцію,—и вотъ мы видимъ побѣги крѣпостныхъ, убійства помѣщиковъ и волненія помѣщичьихъ крестьянъ. Послѣднія впрочемъ, если не считать Пугачевщины, въ которой приняло участіе

[1]) См. статью „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II". От. зап. 1879 г. №№ 10—12.

слишкомъ много недовольныхъ элементовъ, не были ни часты, ни особенно обширны: они обыкновенно ограничивались предѣлами одной вотчины.

За подробнымъ описаніемъ положенія крѣпостныхъ въ Великороссіи слѣдуетъ очеркъ любопытнаго отдѣла нашего крестьянскаго сословія,—крестьянъ, принадлежавшихъ не лицу, а фабрикѣ или заводу, такъ называемыхъ поссессіонныхъ, на которыхъ до сихъ поръ вовсе не обращали вниманія наши историки. Между тѣмъ какъ при описаніи быта крѣпостныхъ мы почти исключительно останавливались на фактахъ, относящихся къ екатерининской эпохѣ, въ изслѣдованіи о поссессіонныхъ крестьянъ мы должны были говорить и о временахъ предшествовавшихъ, такъ какъ въ нашей научной литературѣ нѣтъ ни одной статьи по исторіи этихъ крестьянъ. Нужно замѣтить также, что, не смотря на всѣ злоупотребленія фабрикантовъ, поссессіонные мастеровые и крестьяне пользовались въ извѣстной степени защитою закона, такъ что напр. красносельскіе мастеровые въ первые годы XIX в. получили возможность заключить точный и выгодный для себя договоръ съ фабрикантомъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность лицамъ, способствовавшимъ моему труду указаніями, книгами или содѣйствіемъ при пользованіи неизданными документами: Е. В. Барсову, А. Ѳ. Бычкову, А. Е. Викторову, Д. Ѳ. Кобеко, А. А. Кунику, А. И. Ходневу, Н. А. Рейнботу, П. А. Соколовскому, В. И. Сергѣевичу, И. Я. Фойницкому; особенно же я признателенъ гг. библіотекарямъ русскаго отдѣленія библіотеки Академіи Наукъ, Б. П. и В. П. Ламбинымъ и Ѳ. Н. Михайловскому, которыхъ мнѣ приходилось слишкомъ часто безпокоить.

санными много недостающих элементов, не было ни места. Им осо-бенно обширны: они обыкновенно ограничивались передачей одной [illegible].

За подробным описанием положения крепостных гг. Владимир-ской следует очерк любопытного отдела нашего крестьянского сосло-вия — крестьян, принадлежавших по найму, к фабрикам или заводу, так называемых поссессионных, на категорию до сих пор совсем не обра-щали внимания наши историки, между тем как при описании быта крепостных их почти исключительно останавливает на фактах, от-носящихся [illegible] исследования о поссессионных крестьянах [illegible] предшествовавших [illegible] нет ни одной статьи по-священной этим крестьянам. Нужно заметить также, что, не смотря на все злоупотребления фабрикантов, поссессионные мастеровые и крестьяне пользовались не малой степенью защиты закона, так что иные крепостные мастеровые в первые годы XIX в. получили возможность за-ключать [illegible] договоры с фабрикантом.

Считаю своим долгом здесь выразить благодарность лицам, способство-вавшим [illegible] при состав-лении настоящего исследования: [illegible] В. Н. [illegible], А. [illegible] А. Н. [illegible] Н. А. [illegible] Н. [illegible] и [illegible] В. Н. [illegible] и [illegible], которым мне приходилось одолжаться часто.

КРѢПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

въ

ВЕЛИКОРОССІИ.

ГЛАВА I.

Обладаніе населенными имѣніями и вообще крѣпостными дѣлается исключительнымъ правомъ дворянъ.—Всѣ недворяне умѣютъ обходить запрещеніе владѣть крѣпостными.— Способы пріобрѣтенія крѣпостныхъ.

Въ коммиссіи для составленія новаго уложенія всѣ сословія требовали для себя права владѣть крѣпостными людьми: на этомъ настаивали депутаты отъ купечества, служилыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ сибирскихъ дворянъ, депутаты донскаго, чугуевскаго, уфимскаго и сибирскаго казачьихъ войскъ; въ пользу духовенства объ этомъ ходатайствовалъ единственный представитель духовнаго сословія—депутатъ отъ синода; однодворцы, часть которыхъ владѣла крестьянами, просили дозволенія покупать крѣпостныхъ у помѣщиковъ; этого добивались и сходные съ однодворцами пахотные солдаты. Пока существовалъ крѣпостной трудъ, всѣ хотѣли пользоваться доставляемыми имъ благами. Даже черносошные крестьяне хлопотали о дозволеніи покупать людей, впрочемъ для того только, чтобы сдавать ихъ вмѣсто себя въ рекруты [1]).

Эти ходатайства всѣхъ сословій, кромѣ дворянства, показываютъ, что при Екатеринѣ II право на владѣніе крѣпостными, ихъ свободное пріобрѣтеніе и отчужденіе — было уже исключительнымъ достояніемъ дворянскаго сословія. Посмотримъ, какъ совершился процессъ сосредоточенія этого права въ рукахъ дворянъ.

По Уложенію право обладанія вотчинами принадлежало преимущественно лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, а также служащимъ у духовныхъ властей въ высшихъ должностяхъ, не исключая и ихъ боярскихъ дѣтей, покрайней мѣрѣ тѣхъ, которые были изстари при-

[1]) Подробности см. въ статьѣ: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II", „Отеч. Зап." 1879 г. № 11, стр. 235—239.

родные дѣти боярскіе. Кромѣ служилыхъ людей, прежде могли владѣть вотчинами еще гости, но послѣ Уложенія (въ 1666 г.) и имъ было запрещено покупать и брать подъ закладъ вотчины безъ особаго разрѣшенія правительства. Помѣстьями также владѣли только служилые люди, и лишь въ видѣ особаго исключенія они давались городскимъ обывателямъ, отправлявшимъ общественную службу, и между прочимъ гостямъ, оказавшимъ государству услуги. Тѣ же правила относительно населенныхъ имѣній существовали и при Петрѣ В.; купечеству было дозволено пріобрѣтать имѣнія только къ фабрикамъ и заводамъ, на поссессіонномъ правѣ. Въ законахъ имп. Анны Ивановны и Елизаветы Петровны было высказано совершенно опредѣленно, что только одни потомственные дворяне имѣютъ право полной собственности на населенныя имѣнія и что оно не можетъ принадлежать не только духовнымъ лицамъ, горожанамъ и членамъ сельскаго сословія, но и личнымъ дворянамъ. Такъ при Аннѣ Ивановнѣ, въ 1730 г., было подтверждено запрещеніе, сдѣланное еще въ Уложеніи, чтобы боярскіе люди, монастырскіе слуги и крестьяне не пріобрѣтали населенныя недвижимыя имѣнія; въ инструкціи о ревизіи 1743 г. упоминается о томъ, что духовныя лица не имѣютъ права владѣть деревнями [1]). Въ указѣ 14 марта 1746 г. мы читаемъ: «впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству и въ цехъ, тако жъ казакамъ и ямщикамъ, и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей и крестьянъ, безъ земель и съ землями, покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ не давать [2])». Въ межевой инструкціи 1754 г. приказано было отписывать на имя государя всѣ имѣнія, пріобрѣтенныя до указа 1730 г. и непроданныя послѣ него въ полугодовой срокъ, и было положительно запрещено купцамъ, нижнимъ воинскимъ чинамъ (ниже оберъ-офицера), крестьянамъ и приказнымъ служителямъ не изъ дворянъ, а также ихъ женамъ, хотя бы онѣ происходили изъ дворянства [3]),—владѣть землями вообще, а въ частности тѣми, на которыхъ жили крестьяне [4]). Въ 1758 г. опять было предписано ли-

[1]) См. указы, упомянутые у *Неволина* „Исторія граждан. законовъ“, „Собран. Сочиненій“ IV, 138—139, 198—199, 290—291, 293—294.

[2]) П. С. З. XII, 9267.

[3]) Послѣднее ограниченіе было отмѣнено при Екатеринѣ жалованною грамотою дворянству, П. С. З. XXII, № 16187, п. 7; ср. № 16554.

[4]) Впрочемъ законъ считался съ правами, ранѣе пріобрѣтенными. Относительно личныхъ дворянъ см. Неволинъ IV, 295—296; относительно архіерейскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Ibid. 305—307.

цамъ, не имѣющимъ права владѣть населенными имѣніями, продать ихъ въ полугодовой срокъ, по истеченіи котораго непроданныя имѣнія будутъ отписаны на государыню [1]).

О правахъ однодворцевъ, смоленскихъ рейтаръ и городскихъ и сельскихъ обывателей сѣверной Россіи владѣть населенными землями мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Относительно инородцевъ нужно замѣтить, что нехристіане не могли владѣть землями, населенными крѣпостными людьми христіанскаго исповѣданія [2]).

Была впрочемъ еще небольшая группа людей городскаго сословія, сохранившихъ право владѣнія населенными имѣніями: это — смоленскіе купцы и мѣщане. По завоеваніи Смоленска польскіе короли Сигизмундъ III и Владиславъ IV, чтобы привлечь на свою сторону смоленскихъ гражданъ, частію городу, частію въ раздѣлъ городскимъ жителямъ (въ 1623, 1625 и 1634 гг.) пожаловали земли съ населенными на нихъ крестьянами. Эти привилегіи, дарованныя польскими королями, были подтверждены и русскими государями. Въ 1746 г. вмѣстѣ съ подтвержденіемъ права смоленскихъ горожанъ на жалованныя имъ земли и крестьянъ, имъ разрѣшено было покупать крѣпостныхъ людей не только у своихъ мѣщанъ, но и у помѣщиковъ, однако же безъ земли и не цѣлыми деревнями. Въ 1777 г. права смоленскихъ купцовъ и мѣщанъ были вновь подтверждены, и они продолжали владѣть населенными землями еще и въ XIX вѣкѣ [3]).

Что касается владѣнія крѣпостными безъ земли, то и это право съ теченіемъ времени сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ дворянъ. Безземельныхъ людей, находившихся въ услуженіи, правительство писало въ первую ревизію и за попами на церковныхъ земляхъ, и за посадскими и торговыми людьми, и за разночинцами, приказными, церковными и монастырскими служителями, у кого они находятся въ службѣ, съ обязанностію владѣльцевъ платить за нихъ подати; посадскимъ людямъ и купцамъ запрещалось пріобрѣтать только населенныя имѣнія (кромѣ заводскихъ) [4]). Люди, не принадлежавшіе къ служилому сословію продолжали пріобрѣтать крѣпостныхъ. Но вотъ въ 1730 г. московская губернская

[1]) П. С. З. XV, № 10796, ср. 11148 и XIX, № 13795.

[2]) *Неволинъ* IV, 303—305. П. С. З. XXII, 15936. Поэтому крѣпостной нехристіанинъ принадлежащій нехристіанину же, дѣлается свободнымъ, принявши православіе, а господинъ его долженъ былъ получить въ удовлетвореніе за право собственности 15 руб. Уложеніе гл. XX. ст. 71 и П. С. З. т. XXVII, № 20548.

[3]) *Я. Соловьевъ*. Сельскохоз. стат. Смоленской губ. 1855 г. стр. 22 — 23. П. С. З., XII, 9332, XX, 14600.

[4]) *Побѣдоносцевъ*, Историч. изслѣд. 148—149.

канцелярія доноситъ сенату, что многіе боярскіе люди накупили и набрали въ закладъ людей и крестьянъ, и сенатъ запрещаетъ такія покупки [1]). Указами 1739 и 1740 г. крестьянамъ дворцовыхъ и духовныхъ вотчинъ запрещено покупать людей не только въ услуженіе, но даже и для поставки вмѣсто себя рекрутъ, между тѣмъ какъ купечеству было позволено покупать рекрутъ [2]). Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ вторая ревизія еще не дѣлаетъ права владѣнія крѣпостными привилегіею однихъ дворянъ; инструкція ревизорамъ 1743 г. позволяетъ писать крѣпостныхъ за рядовыми, солдатами, приказными и городскими жителями, лишь бы они платили за нихъ подушную подать [3]), но покупать людей въ крѣпость они, не исключая и купцевъ, не могли. По межевой инструкціи 1754 г. было запрешено купцамъ, крестьянамъ, нижнимъ чинамъ и приказнымъ служителямъ владѣть не только населенными имѣніями, но и крѣпостными безъ земли [4]). Въ 1758 г. было разъяснено, что и приказные служители не должны покупать крѣпостныхъ людей на свое имя [5]). Иностранцы христіанскихъ исповѣданій, находящіеся въ вѣчномъ подданствѣ, какъ состоящіе на службѣ, такъ и отставные, но не купцы, могли владѣть крѣпостными, иноземцы же, жившіе въ Россіи временно, должны были представить поручителей, имѣющихъ деревни, что они будутъ исправно платить подати; но тѣ и другіе не могли вывозить своихъ людей изъ Россіи [6]).

Такимъ образомъ ко вступленію на престолъ имп. Екатерины право пріобрѣтенія не только населеннаго имѣнія, но даже и крѣпостныхъ безъ земли сдѣлалось достояніемъ однихъ дворянъ [7]). Какъ мы уже упоминали, во время коммиссіи для составленія новаго уложенія депутаты всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ, просили предоставить имъ право покупать людей для услуженія; но правительство продолжало держаться прежняго правила, допуская изъ него исключенія лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ; такъ бывало, что императрица, не въ примѣръ прочимъ, разрѣшала недворянину укрѣпить на свое имя имѣніе, пріобрѣтенное прежде вопреки закону или

[1]) П. С. З. VIII, 5633.

[2]) П. С. З. X, 7973, XI, 7997.

[3]) П. С. З. XI, 8836, § 7.

[4]) О числѣ крѣпостныхъ, принадлежавшихъ недворянамъ, см. Дополненіе I.

[5]) П. С. З. XV, 10.855. О числѣ людей, принадлежавшихъ приказнымъ, см. Дополненіе II.

[6]) П. С. З. XII, 9249.

[7]) Закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ за ихъ воспитателями было прекращено въ самомъ началѣ царствованія Екатерины (см. ниже).

съ помощію какого либо обхода [1]). Слѣдовательно это были только утвержденія покупки, уже сдѣланной прежде. Вообще же Екатерина II строго придерживалась правила, что владѣніе населенными имѣніями на вотчинномъ правѣ составляетъ исключительное право дворянства [2]). Не смотря на то, почти всѣ сословія умѣли обходить строгія требованія закона.

Духовныя лица пріобрѣтали себѣ крѣпостныхъ на имя какихъ нибудь помѣщиковъ, что не мѣшало имъ въ случаѣ надобности продавать своихъ людей [3]). Они находили для обхода закона и другіе способы. Помѣщикъ, продавая своего крѣпостнаго священнику, выдавалъ на этого человѣка отпускную, и тотъ, какъ будто бы вольный, поступалъ въ услуженіе къ своему новому господину. Такъ мы видимъ, что въ 1787 г. одинъ священникъ свою крѣпостную *съ отпускною отъ одного помѣщика* «продалъ» за 12 р. крестьянину для вступленія въ бракъ съ сыномъ этого послѣдняго, или, лучше сказать, взялъ 12 р. выводныхъ денегъ [4]). Бывало и такъ, что, не имѣя возможности заключить съ духовнымъ лицемъ купчую на продаваемаго крѣпостнаго, помѣщикъ выдавалъ священнику полную довѣренность на продажу этого человѣка съ тѣмъ, чтобы до совершенія продажи онъ находился въ услуженіи у получившаго довѣренность. Такъ дѣлалось еще въ первые годы XIX в., какъ видно изъ довѣренности новгородскаго помѣщика Качалова (1803 г.), которою помѣщикъ передавалъ священнику свои права надъ крѣпостною дѣвушкою: новый владѣлецъ пользовался ея трудомъ, могъ подвергать ее наказанію за ослушаніе и даже могъ передать ее, т. е. продать другому лицу [5]).

Въ Малороссіи духовныя лица частенько владѣли цѣлыми населенными имѣніями; въ Великороссіи въ половинѣ XVIII в. это можно было встрѣтить лишь какъ весьма рѣдкое исключеніе. Такъ имп. Елизавета,

[1]) Въ 1763 г. аптекарь Соульсъ просилъ деревню въ 70 душъ, купленную имъ на имя баронессы Строгановой, укрѣпить на его имя и чтобы онъ „впредь покупку и продажу свободно имѣть могъ“. Императрица разрѣшила ему совершить крѣпость на свое имя. Арх. Мин. Юст., Жур. и Прот. Сената № 1012—3495, л. 260. Жена капельмейстера конной гвардіи Магатчика купила въ 1753 г. въ Ингерманландіи деревню въ 17 душъ; въ 1764 г. императрица велѣла не въ „образецъ другимъ“ укрѣпить эту деревню за владѣлицею. Жур. и Прот. Сен. № 63—3634, л. 42.

[2]) См. Дополненіе III.

[3]) Священникъ московской епархіи продалъ за 10 р. своего дворового человѣка, записаннаго за коллежскимъ ассесоромъ Вараксинымъ. *Розановъ*. Истор. москов. епарх. ч. II, кн. 2-я. стр. 351 и примѣч. 465.

[4]) Ibid., ч. III, кн. 1, стр. 278, примѣч. 606.

[5]) Довѣренность эта была явлена въ тихвинскомъ уѣздномъ судѣ. „Русская Старина“ 1874 г. т. XI, стр. 177—178.

своему духовнику Дубянскому пожаловала населенное имѣніе. У него было одно имѣніе въ новгородскомъ уѣздѣ въ бѣжецкой пятинѣ [1]), другое въ московскомъ уѣздѣ (323 души). Во время секуляризаціи духовныхъ вотчинъ коллегія экономіи взглянула на послѣднее имѣніе, какъ на духовную вотчину, подлежащую общему правилу, и обложила крестьянъ рублевымъ оброкомъ. Такъ же было поступлено съ имѣніемъ придворнаго протодіакона Алексѣева, въ которомъ было 402 души [2]). Въ курской же губерніи, которая служила уже переходомъ къ Малороссіи, такъ какъ значительную долю ея населенія составляли малороссіяне, мы нашли еще въ эпоху генеральнаго межеванія 3 священниковъ—владѣльцевъ населенныхъ имѣній. Именно село Поповка (судженскаго уѣзда), въ которомъ было 208 душъ, принадлежало (въ концѣ царствованія Екатерины II) двумъ протопопамъ, Донцову и Крыжановскому, и священнику Сѣтковскому [3]).

Купцы, подобно священникамъ, прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ для пріобрѣтенія крѣпостныхъ. До 1762 г. у нихъ была еще лазейка для того, чтобы пріобрѣтать на свое имя не только отдѣльныхъ людей, но даже цѣлыя населенныя имѣнія: для этого они воспользовались даннымъ при Петрѣ I дозволеніемъ покупать деревни къ фабрикамъ и заводамъ. По словамъ наказа ярославскаго дворянства они «и въ отдаленныхъ мѣстахъ отъ ихъ фабрикъ деревни покупили»; дворяне просили отобрать у купцовъ эти деревни, купленныя въ противность указовъ [4]). Но послѣ изданнаго при Петрѣ III запрещенія покупать деревни къ фабрикамъ, купцамъ сдѣлалось разумѣется гораздо труднѣе пріобрѣтать населенныя имѣнія, хотя все таки бывали случаи, что помѣщичьи имѣнія какимъ то образомъ попадали въ руки купцевъ. (Быть можетъ помѣщики замѣняли купчую довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ). Болотовъ, указывающій на одинъ случай перехода помѣщичьяго имѣнія къ купцу (въ концѣ царствованія Екатерины), высказываетъ по этому случаю слѣдующія пророческія слова: «Роскоши и непомѣрное мотовство большей части нашихъ дворянъ скоро произведутъ то, что *большая часть нашихъ селъ и деревень принадлежать будутъ фабрикантамъ, куп-*

[1]) *Соловьевъ* XXV, 280.

[2]) Донесеніе Коллегіи экономіи 1764 г. на требованіе коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ свѣдѣній объ этихъ вотчинахъ. А. М. Ю. Дѣла Коллегіи Экономіи, вяз. 292, дѣло 66. Срав. *Карновичъ*. Замѣчат. богатства, 292 стр.

[3]) Въ имѣніи было 1147 дес. земли, изъ которыхъ 928 дес. пахотныхъ; крѣпостные черкасы были на пашнѣ. Донцову принадлежалъ еще хуторъ съ 2 д. крѣпостныхъ. („Эконом. Примѣч." судженскаго у. въ Межевомъ Архивѣ).

[4]) Сбор. Ист. Общ. IV, 300.

цамъ, подъячимъ, секретарямъ, докторамъ и лекарямъ, и не мы, а они господами и владѣльцами будутъ» [1]). Это предсказаніе буквально исполняется въ настоящее время [2]). На сѣверѣ Россіи купцы сохранили право владѣнія землями, населенными половниками, о чемъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, вслѣдъ за изученіемъ быта черносошныхъ крестьянъ, такъ какъ образованіе класса половниковъ составляетъ результатъ особыхъ поземельныхъ отношеній, существовавшихъ на сѣверѣ Россіи [3]).

Для пріобрѣтенія въ собственность отдѣльныхъ работниковъ купцы прибѣгали къ различнымъ уловкамъ. Во первыхъ они пріобрѣтали крѣпостныхъ у помѣщиковъ подъ видомъ найма ихъ въ услуженіе. Такъ напр., поручикъ Шигаринъ продалъ въ 1766 г. купцу Ивану Крапивину своего двороваго съ женою за 100 р.; въ совершенной же при этомъ записи было сказано, что онъ отдалъ своихъ людей Крапивину въ услуженіе на 30 лѣтъ и указанную плату получилъ впередъ сполна: «оному человѣку съ женою его», читаемъ далѣе въ записи, «пить и ѣсть, платье и обувь носить все его Иваново (т. е. купца Крапивина), и быть у него, Ивана, у жены, дѣтей и у наслѣдниковъ его во всякомъ послушаніи, и всякую домовую работу работать безотговорочно, за противности жъ ихъ наказывать ему, Ивану, женѣ, дѣтямъ и послѣ ихъ наслѣдникамъ по ихъ разсужденію». Въ случаѣ бѣгства двороваго, Крапивину предоставлялось подавать явочное челобитье и взыскивать пожилыя деньги. Подати за проданнаго человѣка до новой ревизіи долженъ былъ платить прежній владѣлецъ [4]). Правительство пыталось остановить подобную незаконную продажу крѣпостныхъ лицамъ, не имѣющимъ права ими владѣть, возобновленіемъ правила, установленнаго въ Уложеніи, чтобы жилыя записи совершались не болѣе какъ на 5 лѣтъ [5]), но это, разумѣется,, ни къ чему не повело. По истеченіи срока запись можно было возобновить или замѣнить вы-

[1]) Записки Болотова IV, 967.

[2]) По вновь собраннымъ свѣдѣніямъ въ 8 губерніяхъ центральной земледѣльческой Россіи (рязанской, тульской, калужской, орловской, курской, воронежской, тамбовской, пензенской) на одного владѣльца купца приходится 380 дес. земли, а на одного дворянина 371 дес. (хотя впрочемъ общій размѣръ дворянскихъ земель еще въ 8 разъ болѣе купеческихъ). „Статист. Позем. Собствен.“ изд. центр. стат. комит. 1880 г. I, стр. XXII.

[3]) См. нашу статью „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“. Рус. Стар. 1879 г. №№ 1—3. Кромѣ того купцы умѣли закабалять себѣ нѣкоторыхъ крестьянъ на всю жизнь, давая имъ въ займы деньги. П. С. З. XVII, 12.498, указъ 25 Окт. 1765 г., т. IX, 7013.

[4]) Семейный архивъ кн. Голицына въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[5]) П. С. З. XX, 14.253.

дачею довѣренности на продажу крѣпостнаго, какъ то мы видѣли выше (довѣренность помѣщика Качалова священнику). Наконецъ всегда можно было пріобрѣсти крѣпостнаго на чужое имя. Вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ Селивановскій: «Отецъ мой былъ купецъ и слѣдовательно не имѣлъ права владѣть себѣ подобными; но, не смотря на свободный образъ мыслей отца, любимымъ чтеніемъ котораго были издаваемыя въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера,.... духъ времени или понятія были таковы, что *стыдно было порядочному человѣку не имѣть своихъ дворовыхъ*. Пріобрѣтеніе было дешево. Дворянство.... ежедневно продавало людей, семью, мальчика, дѣвочку, лакея, кучера, повара, бабу....: а средній классъ, трудясь тихо и незамѣтно, пріобрѣталъ капиталы и имѣлъ всѣ средства покупать людей, разумѣется, *на чужое имя*, приписывать къ домамъ и т. д. Людей дарили въ именины въ знакъ пріязни. У насъ было такихъ нѣсколько; не знаю, гдѣ и когда отецъ пріобрѣлъ двѣ семьи» [1]). Случалось даже, что купцы пріобрѣтали крѣпостныхъ людей безъ всякихъ предосторожностей, прямо на свое имя. Въ 1783 г. одинъ петербургскій купецъ, пріобрѣтя у тульскаго помѣщика двороваго человѣка, переселилъ его въ Петербургскую губернію; то дѣлалось съ вѣдома властей: тульская казенная палата исключила этого человѣка у себя изъ подушнаго оклада, а петербургская причислила его. Когда этотъ фактъ былъ замѣченъ, сенатъ вновь подтвердилъ, чтобы въ присутственныхъ мѣстахъ не совершали крѣпостей на имя такихъ людей, которые не имѣютъ права владѣть недвижимыми имѣніями; купецъ же, пріобрѣвшій крѣпостнаго человѣка, долженъ былъ на основаніи прежде изданныхъ законовъ продать его въ полугодовой срокъ, подъ страхомъ въ противномъ случаѣ отобранія этого крѣпостнаго въ казну [2]). Однако въ 1785 г. сенату вновь пришлось указывать рязанской казенной палатѣ, что она незаконно утверждала за купцами, приказными служителями и другими разночинцами крѣпостныхъ людей на томъ только основаніи, что они были записаны за ними въ первую и во вторую ревизію [3]). Въ томъ же году казанская палата гражданскаго суда полагала оставить во владѣніи одного купца дворовыхъ людей, доставшихся ему по наслѣдству отъ отца, и спрашивала, не приказано ли будетъ и впредь писать такихъ за купцами въ сорокоалтын-

[1]) Библіограф. Записки 1858 г., стр. 526.

[2]) П. С. З. XXII, 16.042.

[3]) Арх. М. Ю. Дѣла Сената № 858—4429, л. 190.

ный окладъ. Но сенатъ приказалъ этихъ людей, за непродажу ихъ владѣльцемъ въ указный срокъ, отобрать въ казенное вѣдомство и причислить ихъ, куда они пожелаютъ [1]).

Мы видѣли выше, что и многіе приказные служителя владѣли крѣпостными людьми. Не смотря на то, что запретившій это указъ 1758 г. дѣятельно приводился въ исполненіе [2]), они все таки умѣли не только сохранять, но и вновь пріобрѣтать крѣпостныхъ. Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи для сочиненія новаго уложенія (27 Мая 1768 г.) депутатъ отъ бѣлгородскихъ однодворцевъ указалъ на то, что приказные владѣютъ крѣпостными: они или купили ихъ, или вынудили различными притѣсненіями, или даже фальшиво укрѣпили за собою. Что приказные иногда открыто, на свое имя, покупали крѣпостныхъ, видно и изъ приведеннаго выше указа сената рязанской казенной палатѣ.

Въ Сибири многіе сибирскіе дворяне, дѣти боярскіе и казаки имѣли крестьянъ и дворовыхъ; даже у одного татарскаго головы была деревня [3]).

Дворяне въ своихъ наказахъ также заявляли, что крѣпостными владѣютъ люди, не имѣющіе на то права по закону. «Многія деревни нынѣ», сказано въ наказѣ дворянъ михайловскаго уѣзда рязанской провинціи, «состоя подъ властію у тѣхъ запретительныхъ владѣльцевъ, отъ нихъ разоряются, потому что сіи временные владѣльцы, зная о тѣхъ крестьянахъ себѣ непрочность, не стараются ихъ оберегать» [4]). Законъ, запрещавшій лицамъ недворянскаго происхожденія владѣть населенными имѣніями, обходили и такимъ образомъ, что при продажѣ имѣнія помѣщикъ выдавалъ отъ себя довѣренность на имя новаго владѣльца [5]).

Изъ сословія крестьянскаго могли на основаніи закона владѣть крестьянами однодворцы; кромѣ того черносошные имѣли на своихъ земляхъ половниковъ; помѣщичьи крестьяне не имѣли никакихъ правъ на владѣніе людьми, но и они, подобно другимъ сословіямъ, умѣли обходить законъ и покупали себѣ холоповъ на имя своихъ помѣщиковъ (см. ниже).

Однимъ изъ весьма распространенныхъ способовъ закрѣпощенія людей въ первую половину XVIII вѣка была записка ихъ по ревизіи за владѣльцемъ, съ обязанностію для послѣдняго нести отвѣтственность въ

[1]) А. М. Ю. Дѣла сената по ревизской экспедиціи № 857—4428, л. 588.

[2]) См. Дополненіе II-е.

[3]) См. „Вѣдомости 1777 г. о числѣ дворянъ, имѣющихъ свои деревни". Рус. отд. библ. Акад. Наукъ № 159—132. VIII. 17, т. I, л. 412—425, IV, 306—314.

[4]) Сборн. Истор. Общ. IV, 276.

[5]) *Романовичъ-Славатинскій*, 282.

исправномъ взносѣ податей. Въ числѣ такихъ закрѣпощенныхъ находились между прочимъ и незаконнорожденные подкидыши, которые дѣлались по закону собственностію ихъ воспитателей [1]). Въ царствованіе имп. Екатерины II прекратился этотъ источникъ закрѣпощенія людей; но впрочемъ только для тѣхъ воспитателей, которые не могли владѣть крѣпостными [2]). Съ учрежденіемъ въ Москвѣ воспитательнаго дома, а впослѣдствіи и приказовъ общественнаго призрѣнія въ губерніяхъ, подкидыши стали поступать до совершеннолѣтія въ вѣдомство этихъ учрежденій [3]), а затѣмъ дѣлались вольными [4]). Питомцамъ воспитательнаго дома не было дозволено вступать въ бракъ съ крѣпостными, а священникамъ запрещено ихъ вѣнчать; если же подобный бракъ будетъ совершенъ обманомъ, то крѣпостная, вышедшая замужъ за питомца, становилась свободною, но мужъ долженъ былъ уплатить за нее выводныя деньги; крѣпостнаго, женившагося на дѣвушкѣ изъ воспитательнаго дома, помѣщикъ могъ удержать у себя, хотя жена его оставалась вольною. Съ цѣлію оградить питомцевъ отъ закрѣпощенія имъ выдавались при выпускѣ изъ воспитательнаго дома паспорты на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго никто не могъ держать ихъ у себя [5]). Если опасность закрѣпощенія грозила взрослымъ питомцамъ, то еще легче было закабалить дѣтей, розданныхъ изъ воспитательнаго дома по деревнямъ, и подобныя злоупотребленія повторялись, по-видимому, такъ часто, что Бецкій намѣревался даже не только прекратить раздачу дѣтей по деревнямъ, но и вернуть тѣхъ, которые были уже розданы. Чтобы не входить въ столкновеніе съ помѣщиками, воспитательный домъ не принималъ, по уставу, дѣтей «завѣдомо крѣпостныхъ», но Бецкій предписалъ опекунамъ, когда приносили такихъ дѣтей, обращаться къ «великодушію» помѣщиковъ и дозволялъ даже предлагать выкупъ за принесенныхъ младенцевъ. Однажды было впрочемъ допущено исключеніе,

[1]) *Побѣдоносцевъ*. Изслѣдованія, 199—201. Точно также закрѣпощались за воспитателями законнорожденные младенцы сироты или нищіе, которыхъ некому было кормить. П. С. З. XII, 8989.

[2]) П. С. З. XXXIII. № 25.947 п. 6.

[3]) П. С. З. XIX, 13.554, 13.930.

[4]) Еще въ учрежденіи московскаго воспитательнаго дома было сказано: „всѣ воспитанные въ семъ домѣ обоего пола и дѣти ихъ и потомки въ вѣчные роды останутся вольными и никому изъ партикулярныхъ людей ни подъ какимъ видомъ закабалены или укрѣплены быть не могутъ“. П. С. З. XVI, 11.908, гл. VI. п. 4., ср. XXI, 15.417.

[5]) Учрежденіе московск. воспит. дома, гл. VI, п. 4, 5. Когда у питомцевъ родятся дѣти, то родители должны были заявлять о томъ въ воспитательномъ домѣ, гдѣ дѣтей записывали въ книгу, и когда они выростали, имъ выдавалось свидѣтельство на всю жизнь.

и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, когда дѣти крѣпостныхъ были зачислены въ вѣдомство воспитательнаго дома: это было во время чумы 1771 г., и дѣлалось на основаніи именнаго повелѣнія императрицы по ходатайству Бецкаго [1]).

Такъ какъ воспитательный домъ первоначально былъ только въ Москвѣ, то для огражденія незаконнорожденныхъ подкидышей отъ вѣчнаго закрѣпощенія нужна была какая нибудь законодательная мѣра. Въ 1765 г. въ инструкціи Слободскому губернатору было предписано: отдавать малолѣтнихъ сиротъ тому, кто пожелаетъ, но не *иначе, какъ на срокъ* до двадцатилѣтняго возраста, и продолжать этотъ срокъ до 30 лѣтъ, если воспитатель обучитъ пріемыша какому нибудь мастерству [2]). Въ 1767 г. слободско-украинская губернская канцелярія предлагала сенату, чтобы незаконнорожденныхъ по прежнему писать за ихъ воспитателями или за тѣми, кто захочетъ ихъ принять, но сенатъ, приказавъ отдавать ихъ на воспитаніе, въ тоже время велѣлъ не записывать въ окладъ за воспитателями, т. е. не укрѣплять за ними [3]). Однако и послѣ того были случаи закрѣпощенія незаконнорожденныхъ; но какъ только это открывалось, ихъ освобождали и приписывали, куда они пожелаютъ [4]).

Мы видѣли выше, что дѣтей духовныхъ лицъ и безмѣстныхъ церковно-служителей, если они сами въ извѣстный срокъ не находили, куда приписаться, записывали изъ платежа подушнаго оклада за тѣмъ, кто взять пожелаетъ. Императрица Екатерина II приказала остановить разборъ церковниковъ, начатый въ 1756 г., но такъ какъ въ одномъ богородицкомъ уѣздѣ оставалось до 200 душъ безъ мѣста и безъ всякаго дѣла, и изъ нихъ нѣкоторые были почти неграмотные и негодные къ опредѣленію въ клиръ, то было предписано тѣхъ, которые до этого времени не пріискали себѣ мѣста по своему желанію и не записаны ни за кѣмъ въ подушный окладъ или были только что записаны въ 1766 г., отдать въ солдаты, деньщики, погонщики, музыканты, цирульники и т. п., кто къ чему окажется способнымъ, и записанныхъ въ этомъ году въ подушный окладъ выключить изъ него. [5]) Во время разбора 1769 г.

[1]) *Пятковскій* „Начало воспитательныхъ домовъ въ Россіи“. Вѣстн. Евр. 1874 г. № 11. стр. 276—277, 297.

[2]) П. С. З. XVII, 12.430, п. 6.

[3]) П. С. З. XVIII, 12.987, п. 2.

[4]) А. М. Ю. Дѣла сената по ревизской части № 942—4513, л. 503 — 505 ср. № 858—4429, л. 190.

[5]) П. С. З. XVII, 12.586.

уже никого изъ безмѣстныхъ церковниковъ не отдавали помѣщикамъ, а взяли часть ихъ въ солдаты [1]).

Мы не упоминали еще объ одномъ способѣ пріобрѣтенія крѣпостныхъ: закрѣпощеніи военно-плѣнныхъ [2]). Это обыкновеніе было уничтожено въ царствованіе Екатерины II. Въ 1770 г. плѣнные турки и татары, сдѣлавшіеся православными, были оставлены вольными людьми, имъ было предоставлено по своему желанію избрать родъ жизни [3]). Плѣнныхъ польскихъ конфедератовъ отправили на поселеніе въ Сибирь, но принявшихъ православіе велѣно было въ 1773 г. оставить въ свободномъ состояніи [4]). Тогда польскіе плѣнные въ казанской губерніи, принявшіе православіе и отданные по ихъ желанію разнымъ помѣщикамъ, стали просить о своемъ освобожденіи. Вслѣдствіе того въ 1781 г. на основаніи указа 1773 г. было повелѣно: «всѣмъ таковымъ плѣннымъ, оставшимся въ Россіи, по принятіи православнаго закона, съ женами ихъ, *хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ либо женщинахъ или дѣвкахъ женаты были*, съ дѣтьми ихъ быть свободными и дать имъ волю избрать такой родъ жизни, какой сами за благо разсудятъ» [5]).

Послѣдній указъ, также какъ и упомянутыя выше узаконенія о незаконнорожденныхъ, напоминаютъ намъ еще объ одномъ способѣ закрѣпощенія: посредствомъ женитьбы на крѣпостной или выходѣ замужъ за крѣпостнаго, на основаніи стариннаго правила *по рабѣ холопъ* и *по холопу раба* [6]). Нужно впрочемъ замѣтить, что первое изъ этихъ правилъ было уничтожено при Екатеринѣ II. Прежде всего (въ 1763 г.) отъ дѣйствія этого правила были избавлены питомцы воспитательнаго дома, которые не могли попасть въ крѣпостное состояніе и посредствомъ брака съ крѣпостною. Правда имъ не было дозволено жениться на крѣпостныхъ, и священникамъ запрещено было, подъ страхомъ лишенія священства, вѣнчать такіе браки; но если какимъ бы то ни было образомъ

[1]) *Знаменскій*. Приходское духовенство, стр. 294—296, и вообще вся вторая глава этого труда.

[2]) См. *Побѣдоносцевъ*. Изслѣдованія, 207—208. О вывозѣ и закрепощеніи инородцевъ Ibid, 204—207.

[3]) П. С. З. XIX, 13450. Въ 1776 г. такое же рѣшеніе было принято и относительно взятыхъ въ плѣнъ арабовъ, изъ которыхъ принявшіе православіе были сдѣланы вольными, а непринявшіе, какъ и всѣ прочіе турецкіе плѣнные, отпущены на родину. П. С. З. XIX, 14444.

[4]) П. С. З. XIX, 13935.

[5]) П. С. З. XXI, 15198.

[6]) *Неволинъ*. Собран. Сочиненій III, 65—71.

совершится бракъ питомца воспитательнаго дома съ крѣпостною, то жена его дѣлается свободною; впрочемъ, если помѣщикъ докажетъ, что бракъ былъ устроенъ безъ его вѣдома, то мужъ долженъ заплатить за жену выводныя деньги по мѣстной цѣнѣ [1]). Въ слѣдующемъ году и воспитанники академіи художествъ были освобождены отъ дѣйствія правила «по рабѣ холопъ». Запрещено было всѣмъ и каждому «изъ сихъ художниковъ, мастеровъ, дѣтей ихъ и потомковъ въ крѣпостные себѣ люди записывать и утверждать какимъ бы то образомъ ни было»; если же кто изъ этихъ людей женится на крѣпостной, то не только это не закабаляетъ его, но даже его жена дѣлается вольною, точно также какъ и дѣти, рожденные отъ такого брака [2]). Въ 1775 г., было запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя [3]); поэтому въ 1780 г. было велѣно тѣмъ изъ вольноотпущенныхъ, которые до манифеста 1775 г. били челомъ въ вѣчное услуженіе помѣщикамъ, но по ихъ прошенію рѣшенія не учинено и выписей о укрѣпленіи для владѣнія ими не дано, быть свободными съ ихъ женами; если же кто изъ нихъ женился на крѣпостныхъ дѣвушкахъ тѣхъ помѣщиковъ, къ которымъ они били челомъ въ услуженіе, то должны были внести за нихъ выводныя деньги по 10 р. [4]). Плѣннымъ, захваченнымъ въ Польшѣ и принявшимъ православіе, если они были женаты на чьихъ либо крѣпостныхъ, велѣно быть свободными съ женами и дѣтьми [5]). Наконецъ въ 1783 г. было предписано, чтобы вольныхъ людей «отнюдь ни за кѣмъ не укрѣплять», слѣд. не закабалять и по женитьбѣ на крѣпостной [6]).

Что касается закрѣпощенія женщины вслѣдствіе брака съ крѣпостнымъ, то это правило («по холопу раба») подверглось при Екатеринѣ лишь ничтожнымъ ограниченіямъ. Питомицы воспитательнаго дома, выходя замужъ за крѣпостныхъ, ни въ какомъ случаѣ сами не теряли свободы; но своимъ мужьямъ сообщали ее лишь въ томъ случаѣ, если бракъ заключенъ по волѣ помѣщика [7]). Въ 1765 г. воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ учрежденнаго при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ мѣщанскаго училища, дарованы были преимущества воспитанниковъ ака-

[1]) П. С. З. XVI, 11908 гл. VI, п. 4 и 5.
[2]) П. С. З. XVI, 12275, стр. 950.
[3]) П. С. З. XX, 14275, п. 46, 14294, п. 11.
[4]) П. С. З. XX, 15070.
[5]) П. С. З. XXI, 15198, 15282.
[6]) П. С. З. XXI, 15853.
[7]) П. С. З. XVI, 11908, гл. VI, п. 5.

деміи художествъ, которые, вступая въ бракъ съ крѣпостными, сообщали имъ свое свободное состояніе [1]). Но окончательно правило «по холопу раба» было отмѣнено только въ 1815 г. [2]), не смотря на то, что даже нѣкоторые, вовсе нелиберальные, члены коммиссіи для составленія уложенія, какъ Радванскій и кн. Щербатовъ, предлагали ограничить это правило [3]).

И такъ въ началѣ царствованія Екатерины II существовали слѣдующіе способы пріобрѣтенія крѣпостныхъ; самымъ обычнымъ способомъ было рожденіе отъ крѣпостныхъ родителей, затѣмъ покупка, мѣна, дареніе и проч. какъ съ землею, такъ и безъ нея, закрѣпощеніе по мужу или женѣ, записка по ревизіи (въ томъ числѣ незаконнорожденныхъ) и закрѣпощеніе военно-плѣнныхъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить — пожалованіе правительствомъ населенныхъ имѣній [4]) и существовавшее до 1775 г. право вольныхъ людей закрѣпощать самихъ себя [5]).

[1]) П. С. З. XVII, 12323, п. 9.

[2]) П. С. З. XXXIII, 25947, п. 7.

[3]) См. въ нашей статьѣ „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“, Отеч. Зап. 1879 г. № 12, стр. 113.

[4]) См. объ этомъ нашу статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“. Отеч. Зап. 1877 г., № 8. — Были также случаи насильственнаго закрѣпощенія свободныхъ людей. Примѣромъ этому можетъ послужить дѣло купеческаго сына Черкина. Его хотѣлъ укрѣпить за собою генералъ-аншефъ Салтыковъ, не смотря на то, что по второй ревизіи онъ не былъ показанъ за нимъ въ ревизскихъ сказкахъ и о побѣгѣ его не было подано явочнаго челобитья. Московскіе купцы заявили о Черкинѣ, что онъ дѣйствительно новгородской сотни купецкій сынъ, хотя и въ этой сотнѣ онъ не былъ записанъ по прежней ревизіи. Московскій магистратъ съ суднымъ приказомъ приговорили отдать Черкина истцу; но главный магистратъ, вмѣстѣ съ юстицъ коллегіей, признали, что дѣло рѣшено неправильно и постановили: Черкина, какъ безвѣстнаго человѣка, со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, отослать для поселенія въ казанскую губернію, а сына опредѣлить въ какую нибудь военную школу или на службу. Когда объ этомъ дѣлѣ было доложено императрицѣ, она приказала не отсылать Черкина въ казанскую губернію, но, въ виду того, что онъ въ теченіи семи лѣтъ томился въ тюрьмѣ, „не въ примѣръ другимъ“ дозволить ему жить, гдѣ онъ пожелаетъ, и, кромѣ того, выдать ему въ награжденіе деньги, которыя будутъ взысканы съ московскаго магистрата и суднаго приказа. А. М. Ю. Журн. и Протоколы Сената, № 1012—3405, л. 148.—Депутатъ отъ сибирскихъ казаковъ Анциферовъ заявилъ въ коммиссіи уложенія, что военные начальники на сибирскихъ линіяхъ принуждаютъ служилыхъ и другихъ людей отдавать своихъ дѣтей за ихъ крѣпостныхъ и такимъ образомъ закрѣпляютъ ихъ за собою. (Засѣданіе коммиссіи, 25 Апр. 1768 г.).

[5]) См. ниже о вольноотпущенныхъ и еще П. С. З. XXI, 15853. Но купцы, мѣщане и государственные крестьяне уже ранѣе не могли закрѣпощать себя.

ГЛАВА II.

Численность крѣпостныхъ и ихъ процентное отношеніе къ остальнымъ крестьянамъ.— Территоріальное распространеніе крѣпостнаго права.—Отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.—Нѣкоторыя данныя о крупномъ и мелкомъ помѣщичьемъ землевладѣніи.—Количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ.

Мы уже объяснили во введеніи, что ограничиваемся на этотъ разъ изученіемъ быта крестьянъ въ Великороссіи и Сибири. Выдѣленіе этой мѣстности оказывается необходимымъ главнымъ образомъ потому, что на южной и западной окраинахъ Россіи мы встрѣчаемся съ совершенно иными формами народнаго быта, но оно имѣетъ свои удобства между прочимъ и въ статистическомъ отношеніи. Свѣдѣнія о количествѣ податнаго населенія Россіи мы почерпаемъ изъ данныхъ генеральныхъ ревизій, производившихся обыкновенно черезъ двадцать лѣтъ, а иногда и въ нѣсколько меньшіе сроки; между тѣмъ первыя три изъ этихъ ревизій не касались Малороссіи, Прибалтійскаго края и Финляндіи, т. е. именно тѣхъ мѣстностей, которыхъ мы теперь не думаемъ касаться и по другимъ причинамъ. Приводимъ далѣе необходимыя свѣдѣнія относительно крѣпостнаго населенія Великороссіи; подробному же статистическому изслѣдованію всѣхъ классовъ сельскаго населенія будетъ посвящена особая глава въ концѣ частнаго отдѣла нашего труда.

Такъ какъ относительно первой ревизіи намъ неизвѣстно точное количество крѣпостныхъ крестьянъ, а приблизительное вычисленіе ихъ количества возможно только съ помощію подробныхъ статистическихъ выкладокъ, то, отлагая пока эту работу, мы начнемъ прямо со 2-й ревизіи, производившейся въ 1742—47 гг. [1]).

По второй ревизіи во всей Великороссіи и Сибири, т. е. въ тогдашнихъ губерніяхъ московской, новгородской, бѣлгородской, воронежской, нижегородской, архангельской, смоленской, казанской, оренбургской и сибирской [2]) было 3.448,977 душъ муж. пола помѣщичьихъ людей и крестьянъ, въ томъ числѣ и принадлежавшихъ однодворцамъ. Такъ какъ само правительство не уравнивало однодворческихъ крестьянъ (точно также какъ и половниковъ) съ крѣпостными, взимая съ нихъ подушный окладъ наравнѣ съ казенными крестьянами, то и мы исключимъ однодворческихъ крестьянъ изъ числа крѣпостныхъ. По третьей ревизіи ихъ быдо 1765 д.; для опредѣленія приблизительнаго количества во время

[1]) Результаты ея сведены въ таблицу, напечатанную въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1839 г., т. XXXIII, стр. 248—255.

[2]) О петербургской губ. свѣдѣній нѣтъ, такъ какъ въ ней ревизія не производилась.

второй ревизіи мы уменьшимъ это число на столько же, на сколько возрасло все податное населеніе въ промежутокъ между второю и третьею ревизіями, и получимъ 15,900 д., которые и слѣдуетъ вычесть изъ общей суммы всѣхъ крѣпостныхъ. Но за то къ этому послѣднему числу нужно прибавить: написанныхъ за купечествомъ дворовыхъ людей—2044 д. м. п., «за разными чинами, не имѣющими деревень, кому указами крѣпостныхъ людей имѣть не запрещено, кои за ними по нынѣшней ревизіи написаны съ поруками»—9106, «написанныхъ за протопопами, попами и церковниками работниковъ и недѣйствительно церковниковъ» — 66, «написанныхъ за попами, по воспитанію ихъ, незаконнорожденныхъ»—39.

Такимъ образомъ крѣпостныхъ по второй ревизіи оказывается въ Великороссіи 3.444,332 д. м. п. Всего податныхъ душъ было въ то время въ Великороссіи 6.624.021 д., а за исключеніемъ 197,961 д. купцовъ и 12,356 приписанныхъ къ купечеству въ цехъ — 6.526,060 д. крестьянъ; слѣдовательно крѣпостные крестьяне составляли 53%, т. е. немногимъ болѣе половины всего сельскаго населенія.

Такія же подробныя статистическія данныя мы нашли и относительно третьей ревизіи [1]). Въ это время (1766 г.) въ тѣхъ же губерніяхъ, которыя названы выше, было 3.774,919 д. м. п. помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ. Кромѣ того, за владѣльцами разнаго званія, не имѣющими деревень, 9,944 д.; за попами и церковниками работниковъ и недѣйствительно церковниковъ 139, за попами незаконнорожденныхъ 386, за купцами дворовыхъ 3,036; итого крѣпостныхъ — 3.778,424. Всего податнаго населенія было въ это время 7.363,253, а за вычетомъ отсюда 183,558 купцовъ, 9,127 цеховыхъ и 2,174 д. торгующихъ въ Оренбургѣ татаръ, получаемъ 7.168,394 д. м. п. крестьянъ, т. е. такъ же какъ и во вторую ревизію, крѣпостные составляли 53% всего сельскаго населенія Великороссіи.

Во время четвертой ревизіи, произведенной въ 1781—83 гг., было въ Великороссіи и Сибири 5.106,564 д. м. п. крѣпостныхъ [2]) и 4.473,141 д. м. п. казенныхъ крестьянъ; во время пятой ревизіи (начатой въ 1794 г.) было тамъ же крѣпостныхъ 5.700,465 и казенныхъ крестьянъ 5.026,228 д. м. п. [3]). Во время обѣихъ этихъ ревизій крѣпостные опять таки составляли 53% всего сельскаго населенія, какъ и

[1]) Арх. М. Ю., Дѣла сената № 105—3676, л. 772 и слѣд.

[2]) Болѣе значительное, чѣмъ слѣдовало ожидать, увеличеніе народонаселенія въ періодъ между 3 и 4 ревизіями объясняется отчасти включеніемъ петербургской губерніи, отчасти нѣкоторымъ измѣненіемъ южной границы Великороссіи при новомъ распредѣленіи губерній (см. введеніе), а быть можетъ и большею точностію народоисчисленія.

[3]) См. Дополненіе IV. Въ 1859 г. по 10-й ревизіи въ этихъ же губерніяхъ было 6.560,876 д. м. п. (Итогъ подведенъ по свѣд. прив. у Тройницкаго).

во время двухъ предшествовавшихъ ревизій. Это объясняется тѣмъ, что хотя во время царствованія Екатерины весьма усиленно производилась раздача населенныхъ имѣній, но имѣнія главнымъ образомъ жаловались не въ Великороссіи, а въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи, и всего болѣе въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши.

Мы могли довольно точно опредѣлить, какой процентъ всего крестьянскаго сословія составляли крѣпостные. Гораздо затруднительнѣе опредѣлить отношеніе крѣпостныхъ ко всему населенію: количество городскихъ жителей намъ извѣстно, но нѣтъ точныхъ свѣдѣній о дворянствѣ, духовенствѣ, солдатахъ, кочующихъ инородцахъ и пр. Если для времени *второй* ревизіи принять населеніе Великороссіи и Сибири въ 15 мил. душъ обоего пола, то крѣпостные составятъ 46%; если предположить во время *третьей* ревизіи населеніе той же мѣстности въ 17 мил. [1]), то крѣпостные составятъ 44,5% всего населенія. Однимъ словомъ можно принять, что въ началѣ царствованія Екатерины крѣпостные составляли 45% всего населенія Великороссіи и Сибири.

Интересно сравнить въ этомъ отношеніи Россію съ нѣкоторыми другими государствами, гдѣ существовало рабство или крѣпостное право. Такъ, напр., въ древней Аттикѣ, по вычисленію нѣкоторыхъ ученыхъ, рабское населеніе было почти въ два раза многочисленнѣе свободнаго [2]). Что касается новѣйшихъ европейскихъ государствъ, то извѣстно, что въ Великобританіи и на Скандинавскомъ полуостровѣ уже гораздо ренѣе XVIII в. не было людей несвободныхъ; во Франціи передъ революціею, какъ полагаютъ, было только около полутора милліона сервовъ обоего пола, считая въ томъ числѣ и принадлежавшихъ монастырямъ [3]); но далеко не вездѣ въ Европѣ крѣпостное право было уничтожено или находилось при послѣднемъ издыханіи. Такъ, напр., полагаютъ, что въ Пруссіи, въ половинѣ XVIII в., болѣе двухъ третей населенія государства находилось въ личной зависимости отъ господина, было прикрѣплено къ землѣ или, наконецъ, было подчинено патримоніальной юрисдикціи владѣльца [4]). Въ Даніи (въ концѣ XVII в.) дворяне, такъ же какъ и у насъ въ XVIII в., считали свои богатства по числу душъ крестьянъ, и имъ принадлежало

1) *Германъ*. Статистическія изслѣдованія, 1819, I, 33—34.

2) *Wallon*, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 2-me edit. 1879, I, 282.

3) *Карѣевъ*, Крестьяне во Франціи. М. 1879, стр. 17. Это составляло около 5% всего населенія. Ср. *Chassin*, Les derniers serfs. P. 1880, p. 190.

4) *Stadelmann*, Friedrich der Grosse in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens. Berl. 1876. S. 53.

$^{9}/_{10}$ всей земли въ государствѣ [1]). Огромный процентъ крѣпостнаго населенія, встрѣченный нами въ Пруссіи, мы находимъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ господствующимъ сословіемъ являлись нѣмцы: въ Эстляндіи и Лифляндіи крѣпостные составляли по 5-й ревизіи 84% всего сельскаго населенія [2]), хотя слѣдуетъ замѣтить, что увеличенію числа крѣпостныхъ содѣйствовали здѣсь и наши государи пожалованіемъ населенныхъ имѣній.

Мы видимъ, слѣдовательно, что Россія (или лучше сказать ея главныя составныя части—Великороссія и Сибирь) относительно численнаго развитія крѣпостнаго права далеко не занимала перваго мѣста среди европейскихъ государствъ.

Указавъ на общее число крѣпостныхъ крестьянъ, мы обратимъ вниманіе на территоріальное распространеніе крѣпостнаго права въ Великороссіи [3]), разсмотримъ, гдѣ большая и гдѣ меньшая часть народа была закрѣпощена. Вмѣстѣ съ этимъ мы обратимъ вниманіе на два въ высшей степени важныхъ вопроса въ жизни крѣпостныхъ: во-первыхъ, въ какой степени была развита въ той или другой мѣстности оброчная и барщинная системы, и во вторыхъ, какъ велико было количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ. Такъ какъ есть основанія полагать, что преобладаніе оброчной или барщинной системы, кромѣ другихъ условій, зависѣло и отъ того, въ какомъ отношеніи между собою находились въ данной мѣстности крупное и мелкое вотчинное землевладѣніе, то, тамъ, гдѣ это позволятъ намъ источники, мы будемъ указывать данныя по этому вопросу. Мы сдѣлаемъ внимательный обзоръ почти всѣхъ великороссійскихъ губерній и такимъ образомъ укажемъ отдѣльные факты для общихъ выводовъ, къ которымъ приведетъ насъ это изслѣдованіе.

Во время третьей ревизіи Великороссія и Сибирь были раздѣлены всего на 13 губерній. Наибольшее относительное количество крѣпостныхъ мы находимъ въ смоленской губерніи: они составляли въ ней 77% всѣхъ крестьянъ; затѣмъ слѣдуетъ громадная московская губернія [4]): крѣпостныхъ крестьянъ въ ней было 72%. Если брать не относительное, а

1) *Sugenheim*, 510, 511.

2) *Германъ*, Статист. Изслѣд. I, 113.

3) Въ Сибири крѣпостныхъ было самое ничтожное количество. См. Дополненіе IV.

4) Въ составъ ея въ то время входили провинціи: московская, ярославская, суздальская, владимірская, костромская, Переяславля-Залѣсскаго, юрьевская, углицкая, калужская, тульская и Переяславля-Рязанскаго. *Арсеньевъ*, Статист. Очерки Россіи. Спб. 1848, стр. 93—94.

абсолютное количество, то первенство будетъ принадлежать этой послѣдней: въ ней одной было болѣе трети (38%) всего крѣпостнаго населенія Великороссіи, именно 1.454,651 д. м. п. Назовемъ другія губерніи въ убывающемъ порядкѣ относительной численности крѣпостнаго населенія: въ нижегородской и новгородской—60%, въ бѣлгородской—56, въ воронежской—45, архангельской [1])—44, казанской—32, оренбургской—15. Въ астраханской, сибирской и иркутской вовсе не было помѣщичьихъ крестьянъ, и только за разными чинами, не имѣющими деревень, было въ первой 879 д., во второй 1554 д., въ третьей 132 д. Изъ этого видно, что чѣмъ ближе къ Москвѣ, тѣмъ гуще было крѣпостное населеніе. Это объясняется тѣмъ, что въ мѣстахъ, ближайшихъ къ столицѣ, всего болѣе раздавалось помѣстій.

Во вторую половину царствованія Екатерины II Россія распалась на значительно большее число губерній сравнительно съ административнымъ дѣленіемъ въ началѣ ея царствованія; поэтому мы можемъ точнѣе обозначить распредѣленіе крѣпостнаго населенія въ Великороссіи въ концѣ XVIII вѣка [2]).

Всего сильнѣе было распространено помѣщичье землевладѣніе въ двухъ губерніяхъ, лежащихъ на западной границѣ Великороссіи или близь нея: калужской и смоленской; въ первой крѣпостные крестьяне въ 80-хъ годахъ XVIII в., во время 4 ревизіи, составляли 83% всего сельскаго населенія, во второй 80%. Со смоленской губерніи мы и начинаемъ нашъ обзоръ.

Изъ всѣхъ губерній нечерноземной полосы смоленская занимала второе мѣсто по развитію барщинной системы; въ ней 70% состояли на издѣльѣ и только 30% пользовались болѣе льготнымъ положеніемъ оброчныхъ вотчинъ. Въ сосѣдней со смоленской, псковской губерніи, количество барщинныхъ доходило даже до 79%. Это явленіе несомнѣнно связано съ развитіемъ мелкопомѣстнаго землевладѣнія въ той и другой мѣстности; относительно псковской губерніи мы имѣемъ возможность подтвердить это точными цифровыми данными, что же касается смоленскаго края, то весьма значительное количество въ немъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ ясно видно при просмотрѣ межевыхъ списковъ: это такъ называемая смоленская шляхта. Губернія эта занимала среднее мѣсто по своей населенности (11,5 дес. на душу). Въ оброчныхъ вотчинахъ приходилось всей земли по 9.5 дес. на душу; болѣе половины этого количества крестьяне запахивали въ свою пользу (именно по 5,3 дес. на душу). Въ барщинныхъ вотчинахъ было всей земли по 13 дес. на душу, при чемъ пашни всего по 4,8 дес. или, по указанному нами въ дополненіи разсчету, въ пользованіи крестьянъ было одной пахотной земли по 3,3 дес. на душу. Очевидно хлѣбопашество было здѣсь въ высшей степени развито; отхожими промыслами крестьяне могли заниматься только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ; только въ гжатскомъ уѣздѣ, гдѣ число оброчныхъ и

[1]) Въ составъ которой, кромѣ архангельской провинціи, входили еще устюжская, галицкая и вологодская.

[2]) См. Дополненіе V.

барщинныхъ крестьянъ было почти одинаково, нѣкоторые изъ нихъ нанимались на барки.

Крестьяне псковской губерніи находились въ весьма сходныхъ условіяхъ съ крѣпостнымъ населеніемъ смоленскаго края [1]). Мелкопомѣстное владѣніе въ ней несомнѣнно преобладало: во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ великолуцкой и псковской провинціяхъ [2]) изъ числа всѣхъ помѣщиковъ—25,6% имѣли менѣе 10 душъ крестьянъ, 27% отъ 10 до 30 душъ, 16,4% отъ 30 до 60 душъ; такимъ образомъ 69% всѣхъ владѣльцевъ имѣли менѣе 60 душъ крестьянъ. Было за то и два очень крупныхъ вотчинника: у гр. К. Гр. Разумовскаго здѣсь было болѣе 10,000 душъ (по большей части на оброкѣ) и у гр. Сер. Петр. Ягужинскаго болѣе 6,000 д. [3]). Довольно сходная со смоленскою губерніею по своей населенности (по 14 дес. на 1 д. населенія), псковская губернія была сходна съ нею и по количеству земли, находившейся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ: въ оброчныхъ вотчинахъ было всей земли по 12 дес. на душу, въ томъ числѣ по 4,8 дес. пахотной; въ барщинныхъ имѣніяхъ, при томъ же количествѣ на душу всей земли, было почти такое же количество пашни (по 5 дес.), въ пользованіи же крестьянъ было около 3,5 дес. пахотной земли.

Въ двухъ сосѣднихъ съ псковскою губерніяхъ—петербургской и новгородской—было уже гораздо болѣе оброчныхъ крестьянъ: въ первой 49 [4]), во второй 51%. Въ петербургской губерніи, гдѣ крѣпостные составляли 73% сельскаго населенія, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа оброчныхъ мы замѣчаемъ и существованіе отхожихъ промысловъ. Безъ сомнѣнія процентъ оброчныхъ былъ бы еще значительнѣе, если бы въ этой губерніи, особенно послѣ присоединенія къ ней гдовскаго, лужскаго и новоладожскаго уѣздовъ, не было весьма значительнаго количества мелкопомѣстныхъ дворянъ. При значительной рѣдкости населенія (22 дес. на душу м. п.) мы находимъ обиліе земли въ оброчныхъ вотчинахъ: всего по 18 дес. на душу; но вслѣдствіе плохаго качества почвы, а также близости столицы и возможности заработковъ въ ней крестьяне обработываютъ на себя не по 5 дес., какъ въ смоленской и псковской губ., а только по 3 дес.

Населеніе новгородской губерніи было въ значительно меньшей степени закрѣпощено за частными владѣльцами (крѣпостные составляли въ ней 55% всего сельскаго населенія), и если значительная часть некрѣпостной половины населенія до половины XVIII в. также не была избавлена отъ ига зависимости, такъ какъ входила въ составъ духовныхъ вотчинъ, то все таки были и совершенно свободные государственные крестьяне. Новгородская губернія, благодаря множеству озеръ и болотъ, была еще менѣе населена (въ ней приходилось по 35 дес. на 1 душу), помѣщичьи вотчины въ ней были еще многоземельнѣе: въ оброчныхъ вотчинахъ выше ста душъ приходилось по 28, въ барщинныхъ по 24 дес. на душу. Часть населенія несомнѣнно и здѣсь занималась отхожими промыслами, но значительно менѣе, чѣмъ въ петербургской губерніи, какъ это прямо видно изъ размѣровъ запашки. Оброчные крестьяне воздѣлывали по 4,7 дес. на душу, барщинные даже по 6 дес., такъ что, за выключеніемъ господской запашки, имъ удавалось пахать на себя почти такое же количество земли, какъ и оброчнымъ

[1]) Крѣпостные составляли въ псковской губерніи во время 4 рев.—72% всего сельскаго населенія.

[2]) Къ послѣдней въ то время принадлежалъ и гдовскій уѣздъ, впослѣдствіи отошедшій къ петербургской губерніи.

[3]) Во время генеральнаго межеванія вотчины Ягужинскаго принадлежали гр. Александ. Дмитр. Ланскому.

[4]) Впрочемъ о петербургской губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія только относительно уѣздовъ гдовскаго, лужскаго и новоладожскаго.

крестьянамъ. Несомнѣнно это могло произойти лишь вслѣдствіе того, что часть населенія оброчныхъ вотчинъ шла въ отхожіе промыслы, для барщинныхъ же крестьянъ это было гораздо менѣе возможно [1]). Значительное количество барщинныхъ крестьянъ въ новгородской губерніи отчасти объясняется и тѣмъ, что особенно крупныхъ вотчинъ, по нѣскольку тысячъ душъ, мы въ ней не встрѣчаемъ.

Въ олонецкой губерніи, примыкающей съ сѣвера къ новгородской, уже весьма значительно были развиты отхожіе промыслы: понятно, что здѣсь оброчная система преобладала надъ барщинной. (Въ лодейнопольскомъ и вытегорскомъ уѣздахъ изъ всего числа крѣпостныхъ было 66% оброчныхъ [2]). Впрочемъ крѣпостныхъ въ этой губерніи было крайне мало: по 4 ревизіи—только 6% сельскаго населенія, а остальную часть ея составляли государственные черносошные крестьяне; нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ были приписаны къ олонецкимъ заводамъ и несли тяжелое иго въ видѣ поставки дровъ, угля и прочихъ работъ.

Идя далѣе на юго-востокъ, но оставаясь въ предѣлахъ нечерноземной полосы, мы встрѣчаемъ двѣ группы губерній: болѣе сѣверную, къ которой принадлежатъ мѣстности съ особеннымъ развитіемъ оброчной системы—вологодская, ярославская, костромская и нижегородская, и вторую болѣе южную группу, въ которой количество оброчныхъ, за исключеніемъ одной изъ нихъ, было болѣе или менѣе близко къ числу барщинныхъ; сюда относятся губерніи тверская, московская, калужская и владимірская. Что касается процентнаго отношенія помѣщичьихъ крестьянъ къ остальному сельскому населенію, то первое мѣсто по числу крѣпостныхъ занимала, какъ мы уже знаемъ, калужская губернія, а затѣмъ шли ярославская, костромская, нижегородская, владимірская, московская, тверская и наконецъ вологодская.

Вологодская, также какъ и олонецкая, принадлежала къ числу наиболѣе рѣдкихъ по населенію изъ всѣхъ тѣхъ, гдѣ существовало крѣпостное право, и хотя въ первой процентъ крѣпостныхъ былъ гораздо болѣе значителенъ, чѣмъ въ олонецкой (34%), но также какъ и въ этой послѣдней мы встрѣчаемъ крѣпостное населеніе не во всѣхъ уѣздахъ, а именно въ ляльскомъ и яренскомъ вовсе не было крѣпостныхъ, въ нѣкоторыхъ же другихъ лишь самое ничтожное количество [3]). За то по развитію оброчной системы, благодаря скудной почвѣ, вологодская губернія занимала одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ (83% всего числа крѣпостныхъ), уступая въ этомъ отношеніи одной только костромской губерніи. Понятно, что, не смотря на обиліе земли (въ оброчныхъ вотчинахъ приходилось по 29,5 дес. на душу), т. е. болѣе чѣмъ въ новгородской губерніи, оброчные крестьяне обработывали только по 3 дес. на душу; за то отхожіе промыслы были очень развиты [4]). Здѣсь природа на столько неблагопріятствовала развитію земледѣлія, что даже обиліе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ [5]) не помѣшало рѣшительному преобладанію оброчной системы.

[1]) Преобладаніе оброчныхъ крестьянъ особенно замѣтно въ новгородскомъ и череповскомъ уѣздахъ.

[2]) „Экономическихъ примѣчаній“ каргопольскаго у. не сохранилось; въ остальныхъ уѣздахъ крѣпостныхъ не было, за исключеніемъ ничтожнаго количества въ петрозаводскомъ уѣздѣ.

[3]) „Экономическихъ примѣчаній“ усть-сысольскаго у. не сохранилось.

[4]) Мы имѣемъ свидѣтельство 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, что многіе помѣщичьи крестьяне этой губерніи, состоящіе на оброкѣ, отправляются въ Петербургъ и Москву въ разнощики и на разныя работы. Тр. В. Э. Об. II, 112, XXIII, 268.

[5]) Въ 70-хъ годахъ въ вологодской провинціи (съ уѣздными городами Вологдою и Тотьмою) изъ числа помѣщиковъ 32,6% имѣли до 10 д. крестьянъ, 37% отъ 10 до

Сосѣдняя съ вологодскою—костромская губернія представляла много сходныхъ условій: обиліе земли и лѣсовъ, плохое качество почвы,—но все таки эта мѣстность болѣе благопріятна для земледѣлія. Мы имѣемъ относительно нея итоги по *всѣмъ* помѣщичьимъ имѣніямъ, а не только для нѣкоторыхъ, болѣе крупныхъ вотчинъ: къ сожалѣнію въ нѣсколькихъ уѣздахъ помѣщики имѣли часть земель, преимущественно лѣсовъ, въ общемъ пользованіи съ экономическимъ и дворцовымъ вѣдомствами. Но такъ какъ все же огромное большинство земель находилось въ отдѣльномъ владѣніи дворянъ, то мы можемъ сказать, что всей помѣщичьей земли здѣсь приходилось на душу болѣе 20 дес. [1]), пахотной почти по 5 дес., а сѣнокосной болѣе десятины. Довольно близкій съ этимъ выводъ полученъ и относительно болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинъ: въ нихъ на душу приходилось по 23 дес. и пахотной земли по 4,2 дес. Очевидно, что въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьянамъ приходилось запахивать еще болѣе, такъ какъ въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ оброчныхъ и барщинныхъ помѣщичьихъ имѣній мы получили почти по 5 дес. на душу пашни. Но барщинныхъ имѣній было немного, тогда какъ оброчные составляли 85% всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Значительный размѣръ запашекъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ костромской губерніи отхожіе промыслы были очень развиты: одни жители уходили въ Петербургъ, Москву и другіе города для столярной, плотничьей, штукатурной и проч. работъ, другіе отправлялись по Волгѣ до Астрахани (бурлаки, работники на рыбныхъ ватагахъ, кирпичники, плотники, поденщики), третьи, преимущественно зимою, занимались извозомъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія изъ этой губерніи ежегодно уходило на промыслы 40,000 д. м. п., что составляло 10% всего населенія муж. пола или покрайней 20% населенія, способнаго къ работѣ. Хотя крѣпостные составляли здѣсь 72% всѣхъ крестьянъ, но все таки значительный контингентъ для отхожихъ промысловъ, конечно, могли давать и не крѣпостные. Помѣщичьи же крестьяне, пользуясь обиліемъ лѣсовъ въ барскихъ вотчинахъ, кромѣ того занимались рубкою бревенъ и дровъ и сплавомъ ихъ по притокамъ Волги [2]), а рубить было что, такъ какъ въ макарьевскомъ, кологривскомъ и ветлужскомъ уѣздахъ мы встрѣчаемъ помѣщичьи лѣсныя дачи по 30, 40 и даже 50 тысячъ десятинъ.

Ярославская губернія, сходная съ костромскою по значительному развитію оброчной системы (оброчныхъ 78% изъ всего числа крѣпостныхъ), представляетъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ значительныя особенности. Во первыхъ относительное количество крѣпостныхъ въ ней гораздо болѣе (76% всего сельскаго населенія), а во вторыхъ, въ противоположность многоземельной костромской губерніи, ярославская принадлежитъ къ числу бѣдныхъ землею: въ ней приходилось только по 8,9 дес. на душу всего населенія. Что же касается крѣпостныхъ, то, благодаря итогамъ въ «экономическихъ примѣчаніяхъ» относительно всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, мы можемъ сказать, что всего помѣщичьихъ земель на одну душу изъ крѣпостныхъ приходилось по 10,3 дес., въ томъ числѣ пахатной 3,4 и сѣнокосной 0,7 дес. Въ болѣе крупныхъ оброчныхъ и барщинныхъ имѣніяхъ отношеніе было еще менѣе благопріятно для крестьянъ: въ оброчныхъ

30 д. и 12,4% отъ 30 до 60 душъ, что составитъ 82% владѣльцевъ до 60 душъ, т. е. даже гораздо болѣе, чѣмъ въ псковской и великолуцкой провинціяхъ. Въ вологодской провинціи не было также ни одного владѣльца болѣе 1,000 душъ, а въ устюжской было всего только 3 владѣльца, изъ которыхъ у двухъ (гр. Александра Никол. Строганова и кн. Бориса Григ. Шаховскаго) было болѣе чѣмъ по 800 душъ.

[1]) Костромская губернія вообще принадлежала къ числу относительно мало населенныхъ: въ ней было всей земли по 18,5 дес. на одну душу населенія.

[2]) Неизданное описаніе солигаличскаго уѣзда, рукопись Арх. Вольн. Общ.

приходилось всего по $6^{1}/_{2}$ дес. на душу, въ томъ числѣ пашни по 2,8 дес.: въ барщинныхъ всего земли по 7,1 дес., въ томъ числѣ всей запашки 3 дес., слѣд. въ пользованіи крестьянъ пашни около 1,5 дес. Самымъ крупнымъ помѣщикомъ здѣсь былъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, у котораго было болѣе 11,000 душъ крестьянъ, всѣ на оброкѣ.

Нижегородская губернія, по отношенію оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ между собою, близко подходила къ костромской губерніи (82% оброчныхъ), но относительно размѣра земельныхъ надѣловъ она гораздо ближе къ ярославской, чѣмъ къ сосѣдней костромской губерніи. Крѣпостные составляли въ ней нѣсколько меньшій процентъ всего сельскаго населенія, чѣмъ въ обѣихъ названныхъ мѣстностяхъ (69%), что же касается земельнаго обезпеченія крестьянъ, то здѣсь уже не могло быть и рѣчи о такомъ избыткѣ земли, какъ въ костромскомъ краѣ. Въ нижегородской губерніи приходилось по 11,5 дес. земли на каждаго жителя м. п. Благодаря итогамъ по *всѣмъ* помѣщичьимъ имѣніямъ (какіе мы имѣли также и относительно ярославской и костромской губерній), намъ извѣстно, что всѣхъ помѣщичьихъ земель въ ней было по 9,6 дес. на душу, т. е. нѣсколько менѣе, чѣмъ въ ярославской, пахатной по 4,2 дес., что составляетъ средину между костромскою и ярославскою, сѣнокосовъ по полъ десятины. Что касается болѣе крупныхъ вотчинъ, то въ оброчныхъ мы находимъ всей земли по 10 дес. на душу и запашки только по 3,6 дес., а въ барщинныхъ имѣніяхъ всей земли по 8 дес. въ томъ числѣ пахотной по 3,8 дес., слѣд. въ пользованіи крестьянъ около 2,3 дес. Меньшее количество запашки въ крупныхъ вотчинахъ сравнительно съ болѣе мелкими (это видно изъ того, что средняя цифра запашки на душу по всей губерніи превосходитъ полученный нами выводъ при разсмотрѣніи однихъ крупныхъ имѣній) объясняется промышленнымъ духомъ, замѣчаемымъ въ крестьянахъ крупныхъ нижегородскихъ вотчинъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ совершенное отсутствіе запашки. Изъ свѣдѣній о дворянахъ, собранныхъ въ 1777 г., видно, что крупное помѣщичье землевладѣніе въ этой мѣстности было гораздо болѣе развито, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ Россіи. Въ нижегородской и арзамасской провинціяхъ, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ нижегородской губерніи, было владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 10 душъ—21% (тогда какъ напр. въ вологодской ихъ было 32,6%, въ тамбовской даже 43,3%), имѣвшихъ отъ 10 до 30 душъ—24,5% (въ вологодской—37, въ тамбовской 34,4%), владѣльцевъ отъ 30 до 60 д.—16,6%. Такимъ образомъ всѣхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 60 душъ, было въ нижегородской и арзамасской провинціяхъ—62,1%, между тѣмъ какъ въ вологодской—83, въ воронежской 84,5, въ бѣлгородской 85,3, въ тамбовской 86,4%. Въ нижегородской и арзамасской провинціяхъ было не только относительно менѣе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, въ нихъ было весьма много и наиболѣе крупныхъ вотчинъ [1]) Самымъ крупнымъ вотчинникомъ въ то время здѣсь, какъ и въ ярославской губерніи, былъ гр. П. Б. Шереметевъ, у котораго въ нижегородской провинціи было 11,994 д. (въ томъ числѣ села Павлово и Ворсма): вторымъ—Грузинскій царевичъ Георгій Вахтангеевичъ, имѣвшій тамъ же 8760 душъ (въ томъ числѣ часть села Лыскова), третье мѣсто занимала гр. Варв. Петровна Разумовская, супруга гр. Алексѣя Кириловича, урожденная Шереметева, у которой въ арзамасской провинціи было 6271 д. [2]) О промыслахъ нижегородскихъ крѣпостныхъ крестьянъ

[1]) Во время собиранія свѣдѣній о дворянахъ (1777 г.) было имѣвшихъ отъ 1,000 до 2,000 душъ—24 чел., отъ 2 до 3 тысячъ—8 ч., болѣе 4 тысячъ—1, болѣе 5—одинъ, болѣе 6—одинъ, болѣе 8—одинъ и наконецъ болѣе 11 тысячъ также одинъ.

[2]) Изъ другихъ крупныхъ помѣщиковъ упоминаемъ только вдовствующую княгиню Ан. Ег. Грузинскую (5,418 д. въ нижегородской пров., въ томъ числѣ часть села

мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, теперь же напомнимъ, что въ этой мѣстности уже тогда выдѣлялись своею промышленною дѣятельностію села Павлово и Ворсма, торговлею—село Лысково; нѣкоторые крестьяне уходили и въ отхожіе промыслы—одни для рыбной ловли на низовья Волги, другіе въ Оренбургскій край для закупки нѣкоторыхъ продуктовъ, третьи рубили и сплавляли лѣсъ. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ селахъ (Лысково, Работки) крестьяне вовсе не занимались хлѣбопашествомъ.

Переходимъ теперь къ тѣмъ центральнымъ губерніямъ нечерноземной полосы, въ которыхъ число оброчныхъ было болѣе или менѣе близко къ числу барщинныхъ.

Въ тверской губ., гдѣ крѣпостные составляли 64% сельскаго населенія, оброчныхъ было 46, барщинныхъ 54% всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстность эта принадлежала къ числу среднихъ по населенности: въ ней приходилось по 13,5 дес. на одного жителя. Отхожіе промыслы въ этой мѣстности были довольно развиты: крестьяне уходили каменьщиками въ Петербургъ, другіе артелями ловили рыбу въ Нарвѣ, Ревелѣ, Выборгѣ и Бѣлоруссіи. О кашинскомъ уѣздѣ одинъ современникъ говоритъ, что «промышленные мужики по зимамъ уходятъ въ работы, оставляя дома отъ троихъ одного». Весьма многіе тверскіе крестьяне занимались зимою извозомъ, другіе лѣтомъ нанимались на барки. Понятно, что здѣсь запашки не могли имѣть особенно обширныхъ размѣровъ. Въ болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ, гдѣ на одну душу приходилось всей земли 14 дес., пашни было только 3,3 дес.; въ барщинныхъ имѣніяхъ (всего по 11 дес. на душу) также запахивали по 3 десятины; слѣд. въ пользованіи крестьянъ пашни было лишь около $1^1/_2$ десят. [1]).

Относительно московской губерніи мы ограничимся указаніемъ, что въ ней крѣпостные составляли 66% всего сельскаго населенія и что оброчныхъ въ ней была лишь одна треть всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ (34%). Это объясняется вѣроятно тѣмъ, что подмосковныя вотчины удовлетворяли потребностямъ домашняго обихода помѣщиковъ, жившихъ въ Москвѣ, и потому, чтобы заготовить необходимые хлѣбные припасы и разную живность, тутъ приходилось поддерживать барщинную систему хозяйства; это было тѣмъ удобнѣе, что на лѣто многіе владѣльцы должны были покидать душную Москву и переселяться въ свои усадьбы, служившія въ то время дачами для ихъ собственниковъ, а не для разнаго пришлаго, случайнаго люда, какъ это бываетъ теперь во множествѣ подмосковныхъ вотчинъ [2]). Что только этимъ должно обусловливаться сильное развитіе барщинной системы, видно уже изъ того, что при значительной населенности московской губерніи сравнительно съ другими и при дурномъ качествѣ почвы земледѣліе само по себѣ не могло быть особенно выгоднымъ [3]). Быть можетъ тѣмъ же объ-

Лыскова), гр. А. Б. Бутурлина (4,457 д.) и гр. К. М. Скавронскаго (2,079 д.) въ арзамасской провинціи).

[1]) Самымъ крупнымъ владѣльцемъ въ тверской, какъ и во многихъ другихъ губерніяхъ былъ гр. П. Б. Шереметевъ (6464 д.); кромѣ него назовемъ гр. Анну Карл. Воронцову (2774 д., въ томъ числѣ извѣстное промышленное село Кимры) и гр. П. И. Панина (3074 д.).

[2]) Изъ крупныхъ вотчинниковъ московской губ. упомянемъ во первыхъ Алексѣя Григ. Орлова, которому здѣсь было пожаловано болѣе 7000 душъ и гр. П. Б. Шереметева (3119 д.).

[3]) Недостаточность крестьянскихъ надѣловъ въ московской губ. вознаграждалась другими промыслами. Такъ напр. въ нач. XIX в. въ оброчномъ имѣніи гр. Головкиной верейскаго уѣзда, крестьянамъ (5,269 д. м. п.) было выдѣлено всего 22,112 дес., т. е. по 4 десятины на душу, но за то въ томъ числѣ, кромѣ 1,500 дес. пашни, было

ясняется, что и въ тверской губерніи, не смотря на развитіе отхожихъ и другихъ промысловъ, мы встрѣчаемъ значительный процентъ имѣній, гдѣ крестьяне были на барщинѣ.

Во владимірской губерніи, сосѣдней съ московскою, былъ точно такой же процентъ крѣпостныхъ, но оброчная система въ ней была гораздо болѣе развита (оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ одинаковое количество). Сравнительно съ московскою губ. она была менѣе населена: всего въ ней приходилось по 10 дес. на одного жителя; что же касается крестьянъ крѣпостныхъ, то въ болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ на одну душу приходилось всей земли 10,6 дес., въ томъ числѣ пахотной 3,3 дес., а въ такихъ же барщинныхъ вотчинахъ всей земли 8,7 дес. на душу, въ томъ числѣ всей запашки 3,4 дес., слѣд. въ пользованіи крестьянъ было около 1,9 дес. пашни. Издѣсь мы встрѣчаемъ отхожіе промыслы; такъ намъ извѣстно, что въ шуйскомъ у. уходило въ отхожіе промыслы 5% всего населенія, а во владимірскомъ, по словамъ мѣстнаго прокурора, «у крестьянина семьянистаго изъ дома уходятъ въ постороннія мѣста для работы по 2 и по 3 человѣка, а отъ несемьянистаго въ работы весьма рѣдко отлучаются». Къ сожалѣнію мы не знаемъ взаимнаго отношенія здѣсь крупнаго и мелкаго землевладѣнія, но слѣдуетъ замѣтить, что тутъ было много весьма крупныхъ вотчинъ. Первое мѣсто въ числѣ владѣльцевъ и здѣсь занималъ гр. П. Б. Шереметевъ, имѣвшій въ этой губерніи болѣе 8,000 душъ, въ томъ числѣ извѣстное промышленное село Иваново (шуйскаго уѣзда); у Ник. Ник. Демидова было 5,266 душъ.

Изъ числа нечерноземныхъ мѣстностей, гдѣ существовало крѣпостное право, мы имѣемъ еще свѣдѣнія о калужской губерніи, которая, какъ мы уже знаемъ, вмѣстѣ со смоленскою, занимала первое мѣсто по обилію крѣпостныхъ относительно другихъ разрядовъ крестьянъ (83% сельскаго населенія). Оброчныхъ крестьянъ въ ней было нѣсколько болѣе чѣмъ барщинныхъ (58% первыхъ и 42% вторыхъ). Губернія эта принадлежала къ числу малоземельныхъ: всего на одного жителя въ ней приходилось 7,4 дес. Въ крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ всей земли на одну душу было 7,8 дес., въ томъ числѣ пахотной 3,6 дес.; въ такихъ же барщинныхъ вотчинахъ всей земли 5,8 дес. на душу, въ томъ числѣ всей пахотной 3,3 дес., а въ пользованіи крестьянъ около 1,8 дес. пашни на душу. Такъ какъ земли было слишкомъ мало для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, то приходилось искать заработковъ на сторонѣ, и потому крестьяне калужской губерніи занимались отхожими земледѣльческими промыслами: ежегодно они отправлялись въ степные мѣста для жатвъ и молотьбы хлѣбовъ. Самымъ крупнымъ помѣщикомъ въ этой губерніи былъ гр. Як. Александр. Брюсъ, который имѣлъ здѣсь около 9,200 д. м. п.; изъ остальныхъ назовемъ гр. Гавр. Ив. Головкина (около 4,000 д.) и граф. Екатер. Андр. Чернышеву (около 3,880 д.).

Если изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ о крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ сдѣлать средній выводъ относительно нечерноземной полосы, мы получимъ, что въ такихъ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось по 15,4 дес. на душу, въ томъ числѣ пахотной 3,8 дес.; въ барщинныхъ имѣніяхъ — среднимъ числомъ по 11,2 дес. всей

860 дес. садовъ (изъ которыхъ каждая приносила по 100—150 руб. доходу). Хлѣбопашество здѣсь было мало развито не только вслѣдствіе занятія крестьянъ садоводствомъ, но и потому, что почти все взрослое населеніе мужскаго пола занималось отхожими промыслами (2,000 душъ было отпущено по паспортамъ). Тр. Вольн. Эк. Общ. ч. LXVI, 46.

земли, — меньше чѣмъ въ оброчныхъ отчасти потому, что мы не сообщали свѣдѣній о барщинныхъ имѣніяхъ въ двухъ многоземельныхъ губерніяхъ, костромской и вологодской, такъ какъ въ нихъ крестьянъ, состоящихъ на издѣльѣ, было весьма не много. А если ограничиться тѣми же губерніями, относительно которыхъ были приведены свѣдѣнія о барщинныхъ крестьянахъ, то мы получимъ такой выводъ: всей земли десят. въ оброчныхъ вотчинахъ было среднимъ числомъ по 12,3 дес. на душу, т. е. лишь на одну дес. болѣе, чѣмъ въ барщинныхъ. Всей запашки въ барщинныхъ имѣніяхъ приходится среднимъ числомъ по 4 дес., или въ пользованіи крестьянъ среднимъ числомъ около $2^1/_2$ дес. на душу [1]). Оброчныхъ въ нечерноземной полосѣ было болѣе, чѣмъ барщинныхъ: первыхъ 55%, вторыхъ 45% всего числа крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ черноземной полосѣ первое мѣсто по количеству крѣпостныхъ относительно остальныхъ разрядовъ крестьянъ занимала тульская губернія: они составляли въ этой мѣстности 80% всего сельскаго населенія; въ то же время тульская губернія наровнѣ съ курскою отличалась особеннымъ развитіемъ барщинной системы: только 8% крѣпостныхъ крестьянъ было здѣсь на оброкѣ, а всѣ остальные—на издѣльѣ. По малоземелью тульская губернія равнялась съ московскою: въ ней приходилось всего по 6,4 дес. на одного жителя; что же касается крѣпостныхъ крестьянъ, то среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ приходилось по 7,5 дес. всей помѣщичьей земли, въ томъ числѣ по 5,1 дес. пашни и по 0,6 дес. покоса. Ограничиваясь же болѣе крупными помѣщичьими имѣніями, мы находимъ въ оброчныхъ только по 5 дес. на душу всей земли, въ томъ числѣ по 3,5 дес. пашни, а въ издѣльныхъ по 7 дес. всей земли; въ томъ числѣ по 5 дес. запашки, или въ пользованіи крестьянъ около $3^1/_2$ дес. пашни на каждую душу [2]). Преобладаніе барщинной системы надъ оброчною объясняется какъ плодородіемъ почвы, такъ и гораздо большимъ количествомъ мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ сравнительно съ нечерноземною полосою. Мы укажемъ ниже на точныя данныя по этому вопросу относительно черноземныхъ провинцій, теперь же замѣтимъ только, что такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какихъ мы встрѣчали въ другихъ губерніяхъ, здѣсь не было.

Второе мѣсто въ черноземной полосѣ по относительному числу крѣпостныхъ крестьянъ занимала рязанская губернія (75% всего сельскаго населенія); и здѣсь оброчныхъ крестьянъ было весьма немного (19% всѣхъ крѣпостныхъ). Земли во всей губерніи приходилось по 9 дес. на одного жителя, что же касается помѣщичьихъ имѣній, то въ болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ было всей земли

[1]) Въ дѣйствительности количество пахотныхъ земель, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, должно было быть больше, такъ какъ въ ихъ составъ не включены расчистки въ лѣсахъ (ляды).

[2]) Дворяне крапивенскаго уѣзда (тульской провинціи) говорятъ въ наказѣ своему депутату въ коммиссіи Уложенія, что у многихъ помѣщиковъ на крестьянскій дворъ приходится менѣе десятины земли, а сѣнныхъ покосовъ и лѣсу многіе совсѣмъ не имѣютъ, „отчего тѣ крестьяне“, сказано въ наказѣ, „живутъ въ самой бѣдности“. Сб. Ист. Общ. VIII, 556. Вообще тульская губернія принадлежала къ числу малоземельныхъ, но все таки мы должны имѣть дѣло съ средними числами, а не съ исключеніями, въ родѣ случаевъ, указанныхъ крапивенскимъ дворянствомъ.

также по 9 дес. на душу, въ томъ числѣ лишь по 2 дес. пашни. Незначительность размѣровъ пашни въ оброчныхъ вотчинахъ этой мѣстности несомнѣнно объясняется развитіемъ отхожихъ промысловъ. Въ экономическихъ отвѣтахъ о рязанской провинціи сказано: «въ работу уходятъ изъ дому въ постороннія мѣста—гдѣ 4 человѣка, тутъ двое, тожъ остается и въ домѣ, а гдѣ трое, то выходятъ въ работу двое же, а въ домѣ остается одинъ, присовокупляя себѣ наймомъ казака» (работника); но это было именно только *«въ однихъ оброчныхъ деревняхъ»*, и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи, въ другихъ же всѣ занимались земледѣліемъ.

Въ тамбовской губерніи, сосѣдней съ рязанскою, относительное количество крѣпостныхъ было значительно менѣе (45% всего сельскаго населенія), вслѣдствіе того, что здѣсь было много однодворцевъ, оброчныхъ же крестьянъ былъ почти такой же процентъ, какъ и въ рязанской губерніи (22% всего числа крѣпостныхъ). Относительно количества земли крѣпостные крестьяне находились здѣсь въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи: всего въ губерніи приходилось по 14 дес. на одного жителя; въ среднемъ выводѣ изъ свѣдѣній о *всѣхъ* помѣщичьихъ имѣніяхъ мы получаемъ по 13,5 дес. на одну душу крѣпостнаго населенія, въ томъ числѣ 5,4 дес. пашни и 3,2 покоса. Въ болѣе же крупныхъ имѣніяхъ приходилось: въ оброчныхъ по 13 дес. на одного крѣпостнаго, въ томъ числѣ по 6 дес. пашни, а въ барщинныхъ по 11 дес. на душу, въ томъ числѣ всей запашки по 4,4 дес., а въ пользованіи крестьянъ около 2,9 дес. пашни на душу. Изъ крупныхъ помѣщиковъ тамбовской губерніи назовемъ Александра и Льва Александровичей Нарышкиныхъ, имѣвшихъ тамъ 13,500 д. крестьянъ и гр. Кир. Григ. Разумовскаго (3,873 д.); но эти примѣры не доказываютъ преобладанія въ разсматриваемой мѣстности крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія; напротивъ въ тамбовской провинціи, вошедшей впослѣдствіи въ составъ тамбовской и рязанской губерній, было 43,3% помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 10 душъ крестьянъ, 34,4%, такихъ, у которыхъ было отъ 10 до 30 душъ и 8,7% имѣвшихъ 30 — 60 душъ, всего же владѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ было менѣе 60 душъ, — 86,4%—т. е. въ этой мѣстности было болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, развито мелкопомѣстное землевладѣніе; какъ этимъ, такъ и плодородіемъ почвы объясняется весьма значительное развитіе барщинной системы въ обѣихъ этихъ губерніяхъ.

Переходя изъ тамбовской губерніи въ пензенскую, мы находимъ въ ней нѣсколько большій процентъ крѣпостныхъ (51% всего сельскаго населенія), но вмѣсто значительнаго преобладанія барщинныхъ крестьянъ встрѣчаемъ наоборотъ бо̀льшее количество оброчныхъ (52% всѣхъ крѣпостныхъ). Причины такого различія нельзя искать въ условіяхъ почвы, такъ какъ и та, и другая губернія принадлежатъ къ черноземной полосѣ; по густотѣ населенія онѣ также довольно близки другъ къ другу (въ пензенской—11 д. земли на каждаго жителя). Объясненія приходится искать въ относительномъ количествѣ мелкихъ и крупныхъ помѣщичьихъ имѣній: вмѣсто поразительнаго преобладанія мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, какое мы нашли въ тамбовской провинціи, — въ пензенской, вошедшей впослѣдствіи въ составъ губерніи того же имени, мы находимъ только 3,1% имѣвшихъ до 10 душъ, 13,6%—отъ 10 до 30 душъ и 14,6% — отъ 30 до 60 душъ, и того только 31,3% помѣщиковъ, у которыхъ было менѣе 60 душъ; въ тоже время помѣщиковъ средней зажиточности (отъ 60 до 100 д.) оказывается 17%, т. е. болѣе чѣмъ, гдѣ бы то ни было [1]. По числу оброчныхъ крестьянъ тамбовская губернія занимала второе мѣсто среди всѣхъ черноземъ-

[1]) Изъ крупныхъ вотчинниковъ этой мѣстности назовемъ кн. Н. М. Голицына (5,064 д.), гр. Кир. Григ. Разумовскаго (3,453 д.) и гр. П. Б. Шереметева (2,192 д.).

ныхъ великороссійскихъ губерній. Паралельно съ развитіемъ оброчной системы идетъ и развитіе отхожихъ промысловъ; отсюда помѣщичьи крестьяне уходили въ Саратовъ и на Донъ косить сѣно и плотничать и на озеро Эльтонъ ломать соль; другіе занимались судоходствомъ. Тѣмъ не менѣе и хлѣбопашествомъ крѣпостное населеніе этого края занималось весьма усердно. Въ болѣе крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ на одну душу приходилось по 9 дес., въ томъ числѣ по 4,6 дес. пашни; въ барщинныхъ же всего по $8^1/_2$ дес. на душу, въ томъ числѣ всей запашки по 4,9 дес., слѣд. въ пользованіи крестьянъ около 3,4 дес.

Въ орловской губ. (крѣпостныхъ 68% всего населенія) мы вновь встрѣчаемъ преобладаніе барщинной системы (оброчныхъ было только 34%), что несомнѣнно въ значительной степени объясняется преобладаніемъ мелкопомѣстныхъ имѣній: въ орловской провинціи, вошедшей впослѣдствіи въ составъ орловской и тульской губерній, владѣльцы, имѣвшіе менѣе 60 душъ, ссоставляли 73,4%. Въ орловской губерніи было всего по 9 дес. на одного жителя, а въ болѣе крупныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось: въ оброчныхъ по 9,4 дес. на душу всей земли, въ томъ числѣ половина пахотной (4,7 дес.), въ барщинныхъ же при 6,5 дес. всей земли—3,9 дес. запашки, т. е. въ пользованіи крестьянъ около 2,4 дес.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о губерніяхъ курской и воронежской: сходныя между собою по относительной численности крѣпостныхъ крестьянъ (и въ той, и въ другой во время пятой ревизіи они составляли 47% всего сельскаго населенія), эти губерніи были совершенно различны въ другихъ отношеніяхъ: въ курской губ. оброчныхъ крестьянъ было такъ же мало, какъ въ тульской (только 8% всѣхъ крѣпостныхъ), между тѣмъ въ воронежской оброчныхъ было болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было изъ губерній черноземной полосы (64%). По обилію земли воронежская губернія почти вдвое превосходила курскую: въ первой приходилось по 15 дес. на каждаго жителя м. п., во второй по 9 дес. Въ воронежской въ крупныхъ оброчныхъ вотчинахъ было по 15,7 дес. всей земли на одного крѣпостнаго, въ томъ числѣ по 5,6 дес. пашни; въ крупныхъ барщинныхъ имѣніяхъ—даже по 21 дес. всей земли на душу, въ томъ числѣ всей запашки по 8,3 дес. Такъ какъ южная часть воронежской губерніи принадлежала къ области переложной системы и потому господскія пахотныя земли должны были имѣть здѣсь болѣе значительный размѣръ, (въ богучарскомъ и острогожскомъ уѣздахъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ приходилось всей земли до 20 и даже до 30 дес. на душу [1]), то мы принимаемъ здѣсь, что для господской запашки оставлялось вдвое болѣе земли, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ; слѣд. въ пользованіи крѣпостныхъ могло быть около 5,3 дес. одной пашни на каждую душу; въ курской же губерніи въ крупныхъ барщинныхъ имѣніяхъ приходилось всей земли по 8,7 дес. на душу, въ томъ числѣ всей запашки по 4,4, а крѣпостные на себя могли запахивать около 2,9 дес. на душу. Очевидно положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ воронежской губ. было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ курской Самымъ крупнымъ вотчинникомъ въ воронежской губ. былъ гр. П. Б. Шереметевъ, за которымъ здѣсь числилось 10,191 душ.; упомянемъ еще гр. П. А. Бутурлина (6,956 д.), кн. Юр. Никит. и княж. Екатер. Никит. Трубецкихъ (у обоихъ вмѣстѣ 6,088 душъ), графовъ Александра Ром. и Семена Ром. Воронцовыхъ (у обоихъ вмѣстѣ 6,677 д.).

Если сдѣлать средній выводъ относительно количества земли въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ черноземной полосы, то окажется, что въ оброчныхъ вотчинахъ приходилось среднимъ числомъ по 10,2 дес. на душу, въ

[1]) „Экономич. Примѣч." этихъ уѣздовъ въ Межевомъ Архивѣ. Срав. *Совѣтовъ*. „Системы земледѣлія", стр. 137.

томъ числѣ пашни по 4,4 дес.; въ барщинныхъ всей земли по 10 дес. на душу, всей запашки по 5 дес., въ пользованіи крестьянъ около 3,5 дес. пашни на душу. Оброчныхъ крестьянъ въ 7 названныхъ черноземныхъ губерніяхъ было гораздо менѣе, чѣмъ состоявшихъ на издѣльѣ, а именно: первыхъ 26, вторыхъ 74%. Это обстоятельство, кромѣ плодородія почвы, объясняется и большимъ обиліемъ, чѣмъ въ черноземной полосѣ, мелкопомѣстныхъ имѣній. Если сдѣлать общій выводъ о размѣрахъ помѣщичьихъ вотчинъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ 1777 г. въ провинціяхъ шацкой, пензенской, тамбовской, елецкой, орловской, воронежской, острогожской, сѣвской и бѣлгородской, то мы получимъ, что въ этихъ провинціяхъ, вошедшихъ въ составъ названныхъ нами черноземныхъ губерній, было 33,6% помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 10 д. крестьянъ, 31,5% такихъ, у которыхъ было отъ 10 до 30 душъ и, наконецъ, 13%—отъ 30 до 60 душъ, всего имѣвшихъ менѣе 60 душъ—78% всего числа помѣщиковъ, тогда какъ напр. въ галицкой провинціи, вошедшей впослѣдствіи въ составъ костромской губерніи, такихъ владѣльцевъ было лишь 41%, въ нижегородской и арзамасской провинціяхъ 62% и даже въ великолуцкой и псковской провинціяхъ, обильныхъ мелкопомѣстными дворянами, только 69%, хотя и среди нечерноземныхъ губерній встрѣчались мѣстности, гдѣ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 60 д., было чрезвычайно много (напр. въ вологодской провинціи 82%).

Подведемъ теперь итоги относительно великороссійскихъ губерній по тѣмъ вопросамъ, которыхъ мы касались въ предшествующемъ изложеніи. По относительному обилію крѣпостныхъ (на основаніи данныхъ 4-й ревизіи), какъ названныя 20 губерній, такъ и тѣ, которыхъ мы здѣсь не касались [1]), идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ калужской губ. крѣпостные составляли: 83% всѣхъ крестьянъ, въ смоленской и тульской 80%, въ рязанской 75, костромской и псковской 72 [2]), нижегородской 69, орловской 68, владимірской 67, московской 66, тверской 64, саратовской 56, новгородской 55, симбирской 52, пензенской 51, тамбовской 45 [3]), воронежской 37, вологодской 34, пермской 33, уфимской 21, казанской 18, олонецкой 6, вятской 2; въ архангельской, а также въ Сибири, почти вовсе не было крѣпостныхъ. Такимъ образомъ наглядно

[1]) Потому что въ нихъ не было произведено межеванія въ XVIII в.

[2]) О ярославской и петербургской данныхъ во время 4-й ревизіи не имѣемъ; по 5-й ревизіи въ первой было 76, во второй 73% всего сельскаго населенія.

[3]) Въ курской губ. по 5-й ревизіи крѣпостныхъ было 47%.

подтверждается правило, что крѣпостное населеніе рѣдѣетъ по мѣрѣ удаленія отъ центра государства.

Было бы также очень важно опредѣлить относительно всѣхъ губерній Великороссіи, въ какомъ отношеніи между собою находились крупное, среднее и мелкопомѣстное землевладѣніе. Если сдѣлать выводъ относительно всѣхъ тѣхъ провинцій, о которыхъ были собраны свѣдѣнія въ 1777 г.[1]), то мы получимъ, что владѣльцы, имѣвшіе менѣе 10 душъ, составляли 32% всего числа, тѣ, у которыхъ было отъ 10 до 30 д.— 30,7%, имѣвшіе отъ 30 до 60 д.—13,4%, отъ 60 до 100 д.—7,7%, отъ 100 до 150 душъ—5%. Такимъ образомъ оказывается, что 76% помѣщиковъ имѣло менѣе 60 душъ или 83,8% — менѣе 100 душъ крестьянъ. Это совершенно совпадаетъ съ выводомъ, сдѣланнымъ нашимъ статистикомъ Кеппеномъ на основаніи данныхъ, собранныхъ шестьдесятъ лѣтъ позднѣе, въ 1834 г.; тогда именно 84% помѣщиковъ имѣли менѣе ста душъ крестьянъ [2]). Если отнести къ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ всѣхъ имѣвшихъ менѣе 20 душъ, къ среднимъ—владѣвшихъ 20—100 д. и къ крупнымъ—болѣе 100 душъ, въ такомъ случаѣ, на основаніи данныхъ Кеппена, совпадающихъ съ выводами изъ свѣдѣній 1777 г., мы должны заключить, что въ прошломъ столѣтіи первыхъ было въ Великороссіи 59%, вторыхъ 25% и третьихъ 6%.

Но если число крупныхъ владѣльцевъ составляло довольно небольшой процентъ общаго ихъ количества, это еще не значитъ, конечно, чтобы въ ихъ рукахъ была небольшая часть помѣщичьихъ земель и крестьянъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ, хотя бы приблизительно, рѣшить вопросъ: какой процентъ всѣхъ крестьянъ находился въ рукахъ мелкихъ, среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ? Но сравненіе съ выводомъ, полученнымъ въ 1834 г. Кеппеномъ, показываетъ, какая громадная масса крестьянъ находилась въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ. Въ то время въ Великороссіи помѣщичьихъ семействъ, владѣвшихъ тысячью и болѣе душъ, было 870, но за ними было 2.037.947 ревизскихъ душъ, т. е. 30% всего числа крѣпостныхъ Великороссіи, и въ средней сложности приходилось на

[1]) Онѣ перечислены въ Дополненіи V.

[2]) Въ *однихъ великороссійскихъ* губерніяхъ число владѣльцевъ въ это время распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: имѣвшихъ только дворовыхъ, безъ земли, 13%, менѣе 21 души—46%, отъ 21 до 100 душъ—25%, отъ 101 до 500 д.—13%, отъ 501 до 1000 д.—2%, болѣе 1000 д. 1%. Присоединеніе остальныхъ частей Россіи почти не измѣняетъ нашего вывода, сдѣланнаго на основаніи данныхъ Кеппена. *Koeppen*, Die Bewohner Russlands nach Ständen, Mémoires de l'Académie impériale des sciences de SpB. VI Série, t. VII, SpB. 1848, p. 420—422.

одного владѣльца 2,343 души м. п. Къ нимъ примыкали 1449 помѣщиковъ, владѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ; всего же за ними состояло 999,304 души крестьянъ, на одного среднимъ числомъ 689 ревизскихъ душъ. Такимъ образомъ, этимъ двумъ разрядамъ помѣщиковъ принадлежали 45% всего крѣпостнаго населенія. Наконецъ помѣщиковъ, владѣвшихъ 101 — 500 д., было въ Великороссіи 10854, а у нихъ крѣпостныхъ 2.360,217 д. м. п. Всего у помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 д. крестьянъ, было во владѣніи 80% всего крѣпостнаго населенія. Въ рукахъ среднепомѣстныхъ владѣльцевъ (21—100 д.) было 15% крѣпостныхъ и у мелкопомѣстныхъ (до 21 д.)—5%. Нѣчто подобное должно было быть и въ концѣ прошлаго столѣтія, судя по тому, что процентное отношеніе владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе ста душъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ провинцій Великороссіи, оказалось тождественнымъ съ такимъ же отношеніемъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Мы не можемъ узнать общую сумму крѣпостныхъ крестьянъ, находившихся въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ; но считаемъ не безъинтереснымъ указать на количество крестьянъ, принадлежавшихъ нѣсколькимъ наиболѣе богатымъ помѣщикамъ Великороссіи въ послѣдней четверти XVIII ст. [1]) Богатѣйшимъ собственникомъ не только въ Великороссіи, но и вообще въ Россіи былъ графъ П. Б. Шереметевъ: въ Великороссіи ему принадлежало болѣе 64,000 душъ м. пола, не считая того, что за дочерью своею, вышедшею замужъ за гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, онъ далъ (по 4-й ревизіи) 14,159 д. Вторымъ землевладѣльцемъ въ Россіи былъ гр. Кир. Гр. Разумовскій, которому въ Великороссіи принадлежало болѣе 36,000 д. Графу Александру Сергѣевичу Строгонову принадлежало болѣе 19,000 д. м. п. Затѣмъ князья Голицыны—Михаилъ Михайловичъ, Николай Михайловичъ и Дмитрій Михайловичъ—имѣли *каждый* болѣе чѣмъ по 14,000 д., а у князей Михаила, Бориса и Алексѣя Андреевичей Голицыныхъ было *вмѣстѣ* болѣе 13,000 д. У Александра Александровича и Льва Александровича Нарышкиныхъ было *вмѣстѣ* болѣе 22,000 д. Принцесса Екат. Петр. фонъ-Гольштейнъ-Бекъ (по мужу кн. Барятинская) имѣла около 11,000 д., столько же было и у Бориса Григ. Шаховскаго, женатаго на Варварѣ Александровнѣ Строгоновой. Болѣе 10,000 д. въ Великороссіи имѣли: кн. Гр. Алек. Потемкинъ, гр. Гавр. Ив. Головкинъ, царевичъ грузинскій Георгій Вахтангее-

[1]) См. Дополненіе VI. Крестьянъ, принадлежавшихъ тѣмъ же владѣльцамъ въ Малороссіи и др. областяхъ Россіи, мы здѣсь не считаемъ.

вичъ, гр. Дмитрій Юрьев. Трубецкой, гр. Александръ Дмитріев. Ланской, гр. Яковъ Александр. Брюсъ, гр. Екат. Андр. Чернышева; болѣе 9,000 д. кн. Николай Алексѣевичъ Голицынъ; болѣе 8,000 д. кн. Петръ Алекс. Бутурлинъ, Семенъ Кирил. Нарышкинъ, бароны Григ. Никол. Строгоновъ и Александръ Ник. Строгоновъ, кн. Ник. Вас. Репнинъ и кн. Серг. Дм. Кантемиръ. Около 7,500 д. имѣлъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Наконецъ у братьевъ Орловыхъ было вмѣстѣ болѣе 27,000 д.

Возвращаемся опять къ тѣмъ выводамъ, какіе можно сдѣлать изъ обзора численности крѣпостныхъ крестьянъ и количества земли, находившагося въ ихъ пользованіи въ различныхъ мѣстностяхъ Великороссіи.

Оброчныхъ крестьянъ во всѣхъ 20 разсмотрѣнныхъ великороссійскихъ губерніяхъ было 44%, барщинныхъ — 56% всего числа крѣпостныхъ.

Что касается количества земли, то въ оброчныхъ вотчинахъ приходилось на душу среднимъ числомъ около 13½ дес. въ томъ числѣ по 4 дес. пашни; въ барщинныхъ—по 10,6 дес., [1]), въ томъ числѣ всей запашки по 4,5 дес., а въ пользованіи крестьянъ около 3 дес. пашни на душу [2]). Если распредѣлить губерніи на группы по числу земли, приходящейся на каждаго крѣпостнаго крестьянина въ оброчныхъ вотчинахъ, то въ числѣ мѣстностей, гдѣ было менѣе 10 дес. на душу, окажутся губерніи: московская, тульская, курская, ярославская, калужская, рязанская, пензенская и смоленская; отъ 10 до 15 дес.—нижегородская, владимірская, псковская, пензенская, тамбовская, тверская; отъ 15 до 20— воронежская и петербургская; болѣе 20 — костромская, новгородская и вологодская [3]).

Шторхъ, авторъ обстоятельнаго описанія Россіи, составленнаго въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, свидѣтельствуетъ, что въ оброчныхъ имѣ-

[1]) Нужно замѣтить, что при этомъ еще не было принято во вниманіе такихъ обильныхъ землею мѣстностей, какъ саратовская и оренбургская губ. (въ первой крѣпостные составляли 50%, а во второй 24% всего сельскаго населенія), гдѣ барщинная система, особенно въ оренбургской губ., должна была преобладать: по крайней мѣрѣ въ XIX в., по свѣдѣніямъ, собраннымъ редакціонными коммисіями, въ саратовской губ. было на издѣльѣ 67½%, а въ оренбургской даже 93%.

[2]) Въ дѣйствительности пахотной земли на душу должно было быть больше, не только потому, что мы не имѣемъ свѣдѣній о разчисткахъ въ лѣсахъ (лядахъ), но и потому, что при раздѣленіи на число душъ вмѣстѣ съ крестьянами считались и дворовые. Это послѣднее обстоятельство уменьшаетъ и количество земли на душу.

[3]) О количествѣ земли въ губерніяхъ: симбирской, саратовской, оренбургской, пермской и казанской мы свѣдѣній не имѣемъ; въ олонецкой и вятской было ничтожное число крѣпостныхъ.

ніяхъ, состоявшихъ исключительно на оброкѣ [1]), помѣщики отдавали всю землю въ пользованіе крестьянъ [2]), что подтверждаетъ и И. П. Елагинъ [3]). Были, разумѣется, и исключенія изъ этого правила, но тѣмъ не менѣе, на основаніи свидѣтельства двухъ современниковъ, хорошо знавшихъ Россію, мы должны признать, что оно существовало. Если выдѣлялась изъ крестьянскаго пользованія часть лѣса, особенно строеваго, которая и дѣлалась заказною, то это была только предохранительная мѣра отъ неразумной порубки, и такъ какъ крестьянамъ все-таки выдавали бревна, необходимыя для ихъ построекъ, то нѣтъ причины исключать эти заказные участки изъ счета земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ. При разумномъ веденіи хозяйства и посильныхъ повинностяхъ и свободная крестьянская община могла бы сама сдѣлать извѣстные участки лѣса до поры до времени заказными. Предъ нынѣшнею крестьянскою реформою редакціонныя коммисіи сдѣлали выводъ, что въ малоземельныхъ оброчныхъ имѣніяхъ вся земля, а въ многоземельныхъ большая часть ея предоставлялась въ пользованіе крестьянъ; впрочемъ, мы видимъ, что и въ большихъ оброчныхъ имѣніяхъ нерѣдко вся земля была отдана крестьянамъ, чѣмъ и объясняются огромные надѣлы, существовавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ [4]). А между тѣмъ въ нынѣшнемъ столѣтіи было одно обстоятельство, очень часто препятствовавшее передачѣ всей земли въ пользованіе крестьянъ. Пересматривая статистическія свѣдѣнія объ имѣніяхъ выше

[1]) Были еще такія, гдѣ сверхъ оброка помѣщики требовали и барщины; но въ прошломъ столѣтіи ихъ было весьма немного.

[2]) *Storch.* Hist. Statist. Gemälde des Russ. Reichs. 1797, II, 374—375.

[3]) „Проектъ" Елагина въ „Журн. Землевладѣльцевъ" 1859, № 21, стр. 24. Тоже мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вотчинахъ: такъ, напр., авторъ записки „о спокойствіи духа помѣщичьихъ сельскихъ подданныхъ" въ одномъ оброчномъ имѣніи отдалъ во владѣніе крестьянъ всѣ свои угодья (Арх. Вольн. Экон. Общ. кн. 22, л. 139, 143); въ оброчномъ имѣніи гр. Разумовскаго (московскаго у.) также вся земля была отдана крестьянамъ (Труды В. Э. О. 1814, т. LXVI, стр. 45). При обращеніи барщинной вотчины въ оброчную, господская запашка передавалась крестьянамъ. (Голицынскій архивъ).

[4]) *Скребицкій.* Крестьянское дѣло въ цар. имп. Александра II, т. II, стр. 1042, 1049, 1062, 1070. Такъ въ разныхъ уѣздахъ новгородской губерніи онъ колебался между 5 и 16, 7—18 десятинами на душу (двѣ послѣднія цифры относятся къ бѣлозерскому и тихвинскому уѣздамъ); въ кадниковскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, средній надѣлъ былъ 14 десятинъ, въ чухломскомъ и солигаличскомъ 10 дес., а въ кологривскомъ 13 дес.; даже въ населенной тверской губерніи, въ нѣсколькихъ уѣздахъ крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ имѣли по 15—20 дес. на душу; въ холмскомъ уѣздѣ, псковской губерніи, средній надѣлъ равнялся 8 дес.; наконецъ, въ поволадожскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, въ пользованіи крестьянъ было по 12 дес. на душу. Скребицкій. II, 1463, 1494—1497, 1503, 1594.

ста душъ, собранныя редакціонными коммисіями [1]), мы безпрестанно встрѣчаемъ вотчины, въ которыхъ были и оброчные, и издѣльные крестьяне, и гдѣ, слѣдовательно, вся земля не могла быть передана въ пользованіе крестьянъ. Совершенно другое было въ прошломъ вѣкѣ: межевыя описанія уѣздовъ (такъ называемыя «экономическія примѣчанія») убѣждаютъ насъ, что въ то время такихъ смѣшанныхъ вотчинъ было самое ничтожное количество, а въ чисто оброчныхъ имѣніяхъ, какъ свидѣтельствуютъ Елагинъ и Шторхъ, вся земля была въ пользованіи крестьянъ. Мы видѣли, что въ среднемъ выводѣ по всѣмъ разсмотрѣннымъ нами губерніямъ Великороссіи количество земли, приходившейся на каждую душу и слѣдовательно находившейся въ пользованіи крестьянъ, въ оброчныхъ вотчинахъ приблизительно равнялось $13^1/_2$ дес.

Относительно барщинныхъ крестьянъ мы знаемъ только, что въ ихъ пользованіи среднимъ числомъ должно было быть около 3 дес. пашни на душу (по $2^1/_2$ дес. въ нечерноземной полосѣ, и по $3^1/_2$ дес. въ черноземной). Что эта цифра, представляющая разность между количествомъ всей пахотной земли въ барщинныхъ вотчинахъ и господскою запашкой [2]), близка къ истинѣ, можно подтвердить еще указаніями нѣкоторыхъ современниковъ [3]). Гораздо труднѣе опредѣлить, какъ велико было въ среднемъ выводѣ все количество земли, находившейся въ пользованіи барщинныхъ крестьянъ, такъ какъ по этому предмету мы имѣемъ очень мало данныхъ. Авторъ одного мнѣнія по крестьянскому вопросу («Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ», 1785 г.) говоритъ, что при освобожденіи, слѣдовало бы надѣлить ихъ такимъ количествомъ земли на *тягло*: по 2 дес. луговъ, 2 дес. лѣсу и 1 дес. неудобной земли, всего 5 десят.; но онъ самъ признаетъ, что назначилъ весьма малое количество. Якобъ, въ отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества по крестьянскому вопросу (1812 г.), утверждаетъ, что «*на всякую мужскую душу*» даютъ 2 дес. сѣнокосу и пастбищъ и что «почти вездѣ 3 дес. лѣсу полагается на одного крестьянина» [4]). Если приблизительно примемъ, что въ нечерноземной полосѣ сѣнокосу,

[1]) Приложенія къ трудамъ редакціонныхъ коммиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Спб. 1860, 6 томовъ.

[2]) Послѣдняя принята на тягло въ нечерноземной полосѣ по 3 дес. и въ черноземной—$3^3/_4$, а такъ какъ на тягло въ первой было 2 души, а во второй $2^1/_2$, то на душу въ той и другой приходилось по $1^1/_2$ дес. господской запашки.

[3]) См. Дополненіе VII.

[4]) Тр. В. Э. Общ. LXVI, 11, 23, ср. 17, 45, 46.

выгона и лѣсу на каждую душу отводилось по $5^1/_2$ дес., а въ черноземной по $3^1/_2$, то мы получимъ всей земли, находившейся въ пользованіи барщинныхъ крестьянъ, въ нечерноземной полосѣ по 8 дес., въ черноземной—по 7. Къ подобному выводу можно придти и инымъ путемъ. Есть указанія, что очень часто въ барщинныхъ имѣніяхъ количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, вдвое превосходило то, что оставалось за господиномъ. Если принять такое отношеніе за нормальное, то изъ средняго количества земли въ барщинныхъ имѣніяхъ (около 11 дес. на душу) двѣ трети, приходившіяся на долю крестьянъ, составятъ болѣе $7^1/_2$ дес. Однимъ словомъ, приблизительно для всей Великороссіи мы можемъ принять средній надѣлъ барщинныхъ крестьянъ въ 8 десятинъ, считая въ томъ числѣ и лѣсъ, которымъ крестьяне во всякомъ случаѣ пользовались, былъ ли онъ имъ данъ въ особомъ отводѣ, или не выдѣлялся изъ общаго количества.

Здѣсь нужно нѣсколько остановиться на вопросѣ о томъ, какъ крѣпостные пользовались лѣсомъ. Лѣсныя угодья въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщики или оставляли подъ собственнымъ наблюденіемъ, не давая крестьянамъ права безконтрольнаго пользованія ими [1]), или отводили крестьянамъ извѣстные участки, которыми они могли пользоваться, не прося уже каждый разъ на то разрѣшенія, а остальной лѣсъ дѣлали заказнымъ [2]). Что касается оброчныхъ крестьянъ, то повидимому въ большинствѣ случаевъ они весьма свободно пользовались помѣщичьимъ лѣсомъ

[1]) Вотъ, напримѣръ, что говоритъ помѣщикъ Лунинъ въ наставленіи своему управляющему: „лѣсъ, принадлежащій мнѣ, который весьма необширенъ, долженъ быть особенно сберегаемъ въ цѣлости, и запретить, чтобы никто и ни подъ какимъ видомъ съ корня безъ точнаго вашего приказанія рубить не осмѣливался, а пользовался бы для дровъ валежникомъ съ бережливостію. Вамъ же, на случай требованія крестьянина какого дерева съ корня, по крайнемъ разсмотрѣніи его надобности, буде не болѣе трехъ бревенъ, то вырубить, по назначенію отъ васъ, позвольте, а о имѣющихъ нужду болѣе донесть ко мнѣ съ объясненіемъ нужды и ожидать приказанія“.

[2]) Такъ было въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ кн. А. М. Голицына и кн. Д. М. Голицына (см. голицынскія дѣла въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ). Гр. П. А. Румянцевъ въ своей инструкціи говоритъ: „изъ отведенныхъ крестьянамъ для домовыхъ нуждъ лѣсовъ излишняго, толь меньше на продажу, рубить не допускать, но въ случаѣ чрезвычайной кому нужды, *съ общаго того села или деревни всѣхъ крестьянъ согласія*, потребное отвести, чего всего наблюдать первостатейнымъ и сотскимъ“ (Рук. Румянц. Музея, № 355, л. 36). Одинъ англичанинъ, бывшій въ Россіи при Екатеринѣ II, говоритъ: „каждому крестьянину дается участокъ земли для хлѣбопашества и значительное количество лѣса въ общинное пользованіе“ (in common). (*Swinton*. Travels, L. 1792, 445). Сравни наставленіе относительно лѣса въ приказѣ помѣщика Черемисинова (30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія) въ Арх. историч. и практ. свѣд. Калачева, 1860 — 61 г., кн. III, 17—18.

для собственныхъ потребностей, а иногда и на продажу. Такъ, въ угличскомъ уѣздѣ, ярославской губерніи, крестьяне гр. Шереметева строили въ зимнее время до 20 барокъ и «кладовыхъ лодокъ» *изъ помѣщичьяго лѣса*, пригоняемаго изъ мологскаго уѣзда по Волгѣ, и продавали въ первые годы XIX вѣка каждую барку по 180, а лодку по 120 руб. [1]). Авторъ описанія солигаличскаго уѣзда, костромской губерніи, говоритъ: «главный казенныхъ крестьянъ промыселъ, когда владѣли они всѣми казенными лѣсами, состоялъ въ рубкѣ и гонкѣ по р. Костромѣ бревенъ и дровъ; нынѣ же нѣкоторые изъ нихъ нанимаютъ для сего дорогими цѣнами лѣса у помѣщиковъ. Помѣщичьи крестьяне, кои лѣсныя дачи имѣютъ, и понынѣ (1806) съ успѣхомъ симъ промысломъ пользуются» [2]). Даже въ одной рязанской вотчинѣ вице-канцлера кн. А. М. Голицына крестьяне не только свободно пользовались лѣсомъ для себя, но и продавали бревна. Кромѣ того, нужно замѣтить, что и тамъ, гдѣ помѣщикъ дѣлалъ часть лѣса заказнымъ, крестьяне иной разъ нарушали запрещеніе [3]). Свободное пользованіе лѣсомъ облегчалось еще тѣмъ, что весьма нерѣдко онъ находился во владѣніи многихъ помѣщиковъ, или даже помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ; не мало было также и въѣзжихъ лѣсовъ, на пользованіе которыми имѣли право помѣщики и ихъ крестьяне. Нечего и прибавлять, что подобные общіе лѣса истреблялись весьма энергично. Кромѣ пользованія господскимъ лѣсомъ для топлива, построекъ и продажи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне разводили въ немъ и пчелъ: въ имѣніи кн. А. М. Голицына, въ рославльскомъ уѣздѣ смоленской губерніи, промыселъ этотъ былъ настолько развитъ, что помѣщикъ обложилъ его даже особымъ поборомъ: отъ каждыхъ 10 бортевыхъ деревьевъ одно отбиралось въ пользу господина [4]).

Рыбными ловлями для своихъ потребностей крестьяне пользовались, повидимому, безпрепятственно; для ловли же въ большихъ количествахъ на продажу въ барщинныхъ вотчинахъ, вѣроятно, требовалось разрѣшеніе

[1]) Неизд. опис. ярославской губ., Арх. В. Э. Общ., № 149.

[2]) Рук. Арх. В. Э. Общ., № 192, л. 145.

[3]) Такъ сдѣлали, напр., крестьяне уѣзда переяславле-залѣсскаго, села Зиновьева, принадлежавшаго кн. А. М. Голицыну.

[4]) Разумѣется и среди владѣльцевъ оброчныхъ вотчинъ были такіе, которые стѣсняли крестьянъ въ пользованіи лѣсомъ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ Суворова крестьяне могли рубить строевой лѣсъ для своей надобности только съ разрѣшенія господина, а онъ такъ берегъ его, что предпочиталъ давать денегъ на покупку бревенъ изъ чужихъ владѣній. *Рыбкинъ*. Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность. М. 1874, стр. 19, 59.

помѣщика. Въ проектѣ крестьянскихъ правъ, составленномъ въ коммисіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, объ этомъ сказано: «крѣпостные крестьяне могутъ ловить рыбу для прокормленія своего семейства въ рѣкахъ, но токмо недетками (sic), саками и бреднями, а сѣтьми и неводами, и прочимъ безъ дозволенія своего помѣщика не могутъ» [1]). Помѣщики, стѣснявшіе крестьянъ въ пользованіи рыбными ловлями, безъ сомнѣнія, составляли исключеніе [2]).

Недостаточное количество земли или черезполосное владѣніе съ сосѣдями заставляли помѣщиковъ прикупать земли къ своимъ вотчинамъ. Такъ помѣщикъ Лунинъ пріобрѣлъ въ 1796 г. въ московской губерніи 171 дес. земли, главнымъ образомъ, для того, чтобы увеличить количество крестьянской земли въ одномъ изъ своихъ имѣній. Онъ рѣшилъ три года пользоваться ею самъ, надѣясь въ случаѣ урожая возвратить продажею хлѣба почти всю истраченную сумму. По прошествіи этихъ трехъ лѣтъ, онъ велѣлъ отдать крестьянамъ часть купленной земли, такъ что вмѣстѣ съ ихъ прежними владѣніями крестьянской земли стало вдвое болѣе, чѣмъ помѣщичьей. По этому поводу помѣщикъ, въ своемъ приказѣ въ эту вотчину, писалъ, что крестьяне должны вновь даруемую имъ землю принять и «съ совершеннымъ порядкомъ и честностію, какъ сію, такъ прежде во владѣніи ихъ состоящую, между собою подѣлить и пользоваться съ рачительнымъ о ней стараніемъ» [3]). Суворовъ пріобрѣлъ имѣніе у сосѣдей, потому что чрезполосное владѣніе затрудняло хозяйство его крестьянъ [4]).

Въ случаѣ недостатка пахотной земли разчищали лѣса, при чемъ помѣщикъ предоставлялъ иногда усмотрѣнію міра, гдѣ производить такую

[1]) Арх. II отд. св. 353—348, гл. V, п. 58.

[2]) Гр. П. А. Румянцевъ-Задунайскій запрещалъ своимъ крестьянамъ даже охотиться въ его лѣсахъ. Въ своей инструкціи онъ говоритъ: „въ нашихъ угодьяхъ, какъ слышу, довольно бываетъ краснаго звѣря, для чего имѣть здѣсь казенныя (т. е. помѣщичьи) волчьи и заячьи тенеты и съ первозимья до глубокихъ снѣговъ посылать съ тѣми тенетами дворовыхъ или изъ крестьянъ въ томъ искусныхъ, и тѣхъ всякаго званія звѣрей пойманныхъ битыхъ записывать въ приходъ.... а въ наши угодья таковыхъ охотниковъ стороннихъ и *своихъ* не допускать“, а если кто убьетъ нечаянно, то брать на помѣщика за опредѣленное небольшое вознагражденіе. (Рук. Румянц. муз. № 355, л. 9—14, п. 25). Дѣло только въ томъ, на сколько подобныя правила могли исполняться на дѣлѣ. Относительно нѣкоторыхъ имѣній мы, напротивъ того, находимъ указаніе въ „Экономическихъ примѣчаніяхъ“, что помѣщичьи крестьяне промышляютъ рыбною ловлею,—это всего чаще можно встрѣтить въ новгородской губерніи.

[3]) Всѣ свѣдѣнія объ имѣніяхъ Лунина заимствованы изъ его неизданныхъ записокъ, хранящихся въ Румянц. музеѣ.

[4]) Ему пришлось еще поплатиться тремя тысячами рублей за то, что его крестьяне завладѣли и долго пользовались чужою землею. *Рыбкинъ*, 19, 21, ср. 91.

разчистку; такъ дѣлалъ и Суворовъ, не смотря на то, что вообще онъ очень берегъ лѣсъ. Между прочимъ, онъ писалъ управляющему своего боровичскаго имѣнія: «нынѣ повелите суки рубить (т. е. валить лѣсъ на лядины для пожоговъ и пашней) въ мѣстахъ, *опредѣленныхъ по мірскому приговору*, и прежде удовольствовать лядинами скудныхъ, а за симъ уже достаточныхъ, совѣстнымъ разсмотрѣніемъ при священникѣ. Ибо, въ случаѣ малѣйшаго налога отъ имущественныхъ крестьянъ надъ скудными, въ моемъ присутствіи послѣдуетъ строгое взысканіе за неприличность сію и недоносъ мнѣ на сильныхъ крестьянъ» [1]).

Въ XIX в., въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, помѣщики прибѣгали иногда къ такому средству: они обращали часть крестьянъ въ такъ называемыхъ *затяглыхъ*, которые не получали земли и не отбывали повинности. Это дѣлалось тамъ, гдѣ земля цѣнилась дорого, такъ что, по свѣдѣніямъ редакціонныхъ коммисій, обращеніе части крестьянъ въ затяглыхъ было очень распространено въ уѣздахъ липецкомъ, лебедянскомъ, данковскомъ, раненбургскомъ и многихъ другихъ [2]). Этотъ способъ предлагалъ еще въ 1770 г. Болотовъ, жившій въ малоземельномъ каширскомъ уѣздѣ, тульской провинціи. Въ «Наказѣ для прикащика» онъ говоритъ: «какъ случается, что по малоземелію въ дачахъ и для самого господина очень мало земли останется, если крестьянъ всѣхъ удовольствовать надлежащимъ образомъ, то, въ такомъ случаѣ, другаго не остается, какъ только расположить тяглы, чтобы во всякомъ тяглѣ былъ человѣкъ *затяглый* или излишній, который бы, между тѣмъ, какъ прочіе работаютъ, ходилъ бы въ работы постороннія изъ найму и приносилъ бы домой для награжденія недостатковъ и на всѣ домашнія надобности деньги» [3]). По всей вѣроятности, эта система только начинала тогда входить въ употребленіе въ малоземельныхъ мѣстностяхъ.

Въ случаѣ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, кромѣ пріобрѣтенія земли покупкою отъ сосѣдей, было еще иное средство помочь горю: арендованіе земель, принадлежавшихъ казнѣ или другимъ помѣщикамъ. Крѣпостные крестьяне нерѣдко цѣлою общиною арендовали казенную землю. На основаніи вѣдомости объ экономическихъ земляхъ въ московской провинціи (1772 г.), посмотримъ, въ какихъ размѣрахъ и за какую плату арендовали землю въ этой мѣстности общины крѣпостныхъ крестьянъ.

[1]) *Рыбкинъ*, 31.

[2]) *Скребицкій*. II, 1044.

[3]) Тр. В. Э. Общ. XVI, 186. Малоземелье каширскаго уѣзда засвидѣтельствовано самимъ Болотовымъ. Тр. В. Э. Общ. II, 208—210.

На короткіе сроки 18 деревенскихъ общинъ арендовали въ московской провинціи 739 дес.; размѣръ арендуемаго участка колебался отъ 3 до 371 дес., среднимъ же числомъ приходилось по 41 дес. на одну общину. Земля эта состояла изъ пашень и сѣнокосовъ; если среди арендуемаго участка находился лѣсъ, то его предписывалось беречь, и онъ не включался въ число десятинъ, взятыхъ въ аренду. Что касается арендной платы, то она колебалась отъ одной копѣйки за десятину до двухъ рублей, а въ среднемъ выводѣ равнялась 26 копѣйкамъ за десятину. Въ тѣхъ случаяхъ, когда земля сдана была очень дешево, въ вѣдомости, обыкновенно, прибавлялось, что это сдѣлано «по неявленію ко взятію охочихъ людей». Кромѣ этихъ временныхъ арендъ, нѣкоторыя общины издавна получали право владѣть тою или другою экономическою землею «безъ перекупки», или «въ вѣчное владѣніе изъ оброку»; такихъ общинъ было 12. Всѣ вмѣстѣ онѣ арендовали 333 дес., слѣдовательно, въ среднемъ по 28 дес.; но величина участковъ отдѣльныхъ общинъ была весьма различна (отъ 0,1 дес. до 119 дес.), арендная плата, которую онѣ вносили, была вообще менѣе той, которую платили общины, арендовавшія землю на небольшіе сроки, а именно, она колебалась отъ $^1/_2$ коп. до 36 коп. за десятину, а въ среднемъ равнялась $4^1/_2$ коп. Нужно замѣтить, что въ числѣ земли, отдаваемой въ вѣчное пользованіе, находилось и небольшое количество лѣсу, причемъ не было оговорено, что его слѣдуетъ беречь. Одна крѣпостная община арендовала землю вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ: за участокъ въ 355 дес. они платили «по неявленію ко взятію охочихъ людей» 36 руб., т. е. по 10 к. съ десятины. Пять артелей арендовали участки отъ 18 до 123 дес., всего 275 дес., въ среднемъ по 55 дес. (4 артели на короткіе сроки и одна «безъ перекупки»); арендная плата за десятину колебалась отъ 3 до 34 коп., а въ среднемъ равнялась 16 коп. Кромѣ крѣпостныхъ общинъ и артелей, брали въ аренду экономическія земли и отдѣльные крестьяне, и дворовые, а именно, краткосрочныхъ арендаторовъ было изъ крестьянъ 41 челов., дворовыхъ 4, а получившихъ участки въ вѣчную аренду—6 человѣкъ. Въ краткосрочное пользованіе было взято всѣми крестьянами и дворовыми 1,141 дес; величина арендныхъ участковъ колебалась отъ $^1/_4$ до 316 дес., въ среднемъ же равнялась 28 дес. Арендная плата была вообще выше вносимой крѣпостными общинами и колебалась между 5 к. и 3 р. 32 к. за десятину (послѣдняя цифра относится къ московскому уѣзду), въ одномъ случаѣ дошла даже до 8 руб. (въ волоколамскомъ уѣздѣ за одну десятину пашни и 3 дес. лѣсу взималось 32 руб), въ среднемъ же рав-

нялась 47 коп. за дес. Что касается вѣчныхъ арендъ, то изъ шести крестьянъ, владѣвшихъ ими, четыре (т. е. ихъ предки) получили аренду еще въ XVII в. Всего въ такомъ безсрочномъ пользованіи находилось 70 дес.; величина отдѣльныхъ участковъ—отъ $2^1/_2$ до 18, въ среднемъ $11^1/_2$ дес.; арендная плата 1 — 20 коп. за дес., въ среднемъ 6 коп.

Всего у крѣпостныхъ общинъ, артелей и отдѣльныхъ лицъ было въ арендѣ, по всей московской провинціи, 2,558 дес.; арендная плата въ среднемъ выводѣ равнялась 31 коп. за дес. [1])

Помѣщики дозволяли своимъ крѣпостнымъ арендовать землю, принадлежащую казнѣ или другимъ частнымъ владѣльцамъ; что же касается земли, полученной въ пользованіе отъ помѣщика, то отдавать ее въ наемъ въ однѣхъ вотчинахъ было вовсе запрещено, въ другихъ же на это каждый разъ требовалось разрѣшеніе господина или уполномоченнаго имъ лица. Помѣщикъ Лунинъ въ приказѣ «домовому правленію» одной изъ своихъ вотчинъ писалъ: «Землю, каждому на часть доставшуюся, въ наемъ, а паче еще въ стороннія руки, отдавать строго запрещаю, и противъ сего вообще поступать не осмѣливаться». В. Г. Орловъ въ уложеніи, составленномъ имъ для своихъ вотчинъ, говоритъ: «крестьянамъ изъ угодій своихъ какъ-то: пахотной земли, луговъ и огородной земли въ наемъ, безъ позволенія бурмистра, отнюдь не отдавать; бурмистру позволять въ такомъ только случаѣ, буде желающій отдать имѣетъ въ томъ необходимую нужду» [2]).

Мы указывали выше на то, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне страдали отъ крайняго малоземелія. Заботливые помѣщики помогали этому горю пріобрѣтеніемъ сосѣднихъ имѣній, или сами крестьяне арендовали казенныя и частныя земли; но были и такіе владѣльцы, которые находили для себя выгоднымъ совершенно разорвать связь между крестьяниномъ и землею, какъ это видно изъ свидѣтельствъ Рычкова и Радищева. Одинъ помѣщикъ, по словамъ Радищева (въ его «Путешествіи»), отнялъ у крестьянъ всю землю, скупилъ весь скотъ по цѣнѣ, назначенной имъ самимъ, заставлялъ работать всю недѣлю на барщинѣ, а чтобы они не умирали съ голоду, кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, инымъ же давалъ мѣсячину. Другой помѣщикъ также отнялъ у крестьянъ землю, заставилъ постоянно работать всѣхъ взрослыхъ и дѣтей, а на пропитаніе людямъ семейнымъ выдавалъ мѣсячину,

[1]) Арх. М. Юст , дѣла сената № 361—3932, л. 148—208.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд., 1853 г., № 44, Уложеніе Орлова, гл. XVIII, п. 2 и 3.

холостыхъ же кормилъ на дворѣ въ мясоѣдъ пустыми щами, а въ постные хлѣбомъ съ квасомъ. Что факты эти не вымышлены Радищевымъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства Рычкова: «есть такіе строгіе помѣщики, которые крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ на господскія работы повсядневно» [1]); да и сама Екатерина, въ замѣчаніяхъ на книгу Радищева, очень спокойно говоритъ: эти страницы «написаны для приведенія въ омерзеніе тѣхъ помѣщиковъ, кои пашни отнимаютъ у крестьянъ», и ни единымъ словомъ не опровергаетъ его свидѣтельства [2]). Не только Екатерина II не приняла никакихъ мѣръ противъ такихъ вопіющихъ злоупотребленій, но даже, до появленія перваго изданія свода законовъ, не было постановленія, обязывающаго помѣщика давать крестьянину надѣлъ, достаточный для его прокормленія [3]). Иногда помѣщики отнимали у крестьянъ не всю землю, а только часть ея; такъ напримѣръ, крѣпостные генерала Леонтьева жаловались императрицѣ, что помѣщикъ отнялъ у нихъ въ разныхъ деревняхъ 40 дес. хорошей пахотной земли, которую они называютъ «своею собственною» и 150 дес. сѣнныхъ покосовъ [4]). Но вообще обезземеливаніе крестьянъ было тогда въ Великороссіи очень рѣдкимъ явленіемъ.

Мы убѣдились въ этомъ посредствомъ изученія «Экономическихъ примѣчаній» 20 губерній Великороссіи. Пересматривая этотъ сводъ данныхъ генеральнаго межеванія, мы отмѣчали всѣ тѣ имѣнія, гдѣ не было крестьянъ, а находились *одни только дворовые*: оказалось, что всего такихъ населенныхъ дачъ было 108 и въ нихъ 1675 душъ м. п. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы всѣ эти полторы тысячи душъ были обезземеленные крестьяне; въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо отмѣчено, что это дворовые «на мѣсячинѣ», въ другихъ—«состоящіе при господскомъ дворѣ» [5]). Однимъ словомъ, такихъ дворовыхъ, о которыхъ прямо сказано, что они «состоятъ на издѣльѣ», или «на пашнѣ», или «обработываютъ землю», нашлось всего въ 41 дачѣ—963 души, т. е. среднимъ числомъ по 23

[1]) Тр. В. Э. Общ., XVI, 27.

[2]) Арх. кн. Воронцова, V, 419.

[3]) *Побѣдоносцевъ*. Историч. изслѣдованія, стр. 94.

[4]) Они упоминаютъ объ этомъ въ прошеніи своему господину (Арх. М. Ю.).

[5]) Въ одной дачѣ плесскаго у. ярославской губ. оказалось даже, что трое дворовыхъ, состоящихъ при господскихъ домахъ, принадлежатъ 4-мъ помѣщикамъ. Это напоминаетъ намъ, что въ древнемъ мірѣ иногда одинъ рабъ принадлежалъ двумъ владѣльцамъ; такіе случаи бывали и съ французскими крѣпостными во второй половинѣ XVIII в. *Wallon*, III, 54; *Chassin*, 183.

души на одну дачу. Такимъ образомъ и вся сумма для 20 губерній весьма ничтожна, и кромѣ того среднее число дворовыхъ на одну дачу показываетъ, что эта система практиковалась почти исключительно въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, обыкновенно такихъ, гдѣ было отъ 2 до 20 душъ дворовыхъ; а подобные мелкопомѣстные владѣльцы принуждены были и сами иной разъ браться за соху [1]). Слѣдовательно тутъ было не обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, а скорѣе отсутствіе крестьянъ, вѣроятно вслѣдствіе малоземелья. Только въ 6 дачахъ, гдѣ было болѣе чѣмъ по 30 дворовыхъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ, нужно заподозрить насильственное обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ.

Въ одной дачѣ романовскаго у. ярославской губ. 33 д. дворовыхъ обработывали 125 дес. пашни, слѣд. по 4 дес. на душу; въ опочецкомъ уѣздѣ псковской губерніи, въ имѣніи Сумороцкаго, 44 д. пахали 138 дес., т. е. по 3 дес. на душу; въ островскомъ у. въ помѣстьѣ Рокотова—52 дворовыхъ, состоявшихъ на господскомъ издѣльѣ, пахали 172 дес.. слѣд. по $3^1/_3$ дес. на душу; въ старицкомъ у. тверской губ. въ одной дачѣ, принадлежавшей помѣщикамъ Норовлевымъ и Толстой—68 душъ дворовыхъ обработывали 82 дес., а въ другой дачѣ, принадлежавшей помѣщикамъ Савичу и Ермолаевымъ, 215 душъ (sic!) дворовыхъ запахивали 573 дес. Нужно упомянуть, наконецъ, что въ имѣніи звенигородскаго у. московск. губер. помѣщика Висленьева было 100 душъ дворовыхъ (крестьянъ и здѣсь не было), но такъ какъ при этомъ пашни было всего 6 дес., да и всей земли только 137 дес., то быть можетъ помѣщикъ занималъ ихъ какимъ нибудь ремесломъ [2]).

Такимъ образомъ, случаи обращенія крестьянъ въ дворовыхъ были, но несомнѣнно они составляли крайне рѣдкое исключеніе. Быть можетъ, не всѣ подобные факты подмѣчены составителями «Экономическихъ примѣчаній», или, что еще вѣроятнѣе, обезземеленіе крестьянъ могло совершаться нѣсколько чаще къ самому концу XVIII в., когда, какъ увидимъ, стала особенно развиваться и продажа людей безъ земли. Однакоже подобныя злоупотребленія все-таки не сдѣлались въ Великороссіи явленіемъ частымъ и обычнымъ. Редакціонныя коммисіи передъ самою крестьянскою реформою замѣтили, что отобраніе земель у крѣпостныхъ въ великорусскихъ губерніяхъ составляло рѣдкое исключеніе; въ большей части случаевъ это дѣлалось при переводѣ оброчныхъ крестьянъ на барщину для образованія господской запашки; но и тогда крестьянскій надѣлъ не

[1]) Напр. въ галичскомъ у. костромской губ. одна дача описана такимъ образомъ: „Четверть безъ жеребья сельца Богородскаго Ив. Матв. и Б. А. Рудиныхъ и И. Б. Коровиной—4 двора, 3 д. м. п., 1 дес. усадебн. земли, 47 дес. пахотной, 4 сѣнокосу (съ саженями), всего 53 дес. Господа Рудины землю обработываютъ сами, а на помѣщицу Коровину работаютъ дворовые люди“.

[2]) О томъ, что и крестьяне, не оторванные отъ земли, работали иногда на фабрикѣ, мы будемъ говорить ниже.

уничтожался, а только подвергался уменьшенію; были однако, хотя и весьма рѣдкіе, случаи, что крестьянъ обращали въ безземельныхъ, предоставляя имъ однѣ только усадьбы, и тогда прокармливали ихъ, такъ называемою, мѣсячиною. Напротивъ того, въ малороссійскихъ губерніяхъ обезземеливаніе крестьянъ производилось, по свѣдѣніямъ редакціонныхъ коммиссій, въ весьма большихъ размѣрахъ [1]). Такія хищническія стремленія малороссійское дворянство обнаруживало издавна. Еще въ концѣ XVII в. Мазепа, въ особомъ универсалѣ, грозилъ владѣльцамъ наказаніемъ за отнятіе земель у крестьянъ; однако это не дѣйствовало, и въ челобитныхъ крестьянъ первой половины XVIII в. мы встрѣчаемъ не мало жалобъ на отобраніе у нихъ той или другой земли, издавна имъ принадлежащей. Нѣкоторые владѣльцы возвели даже въ систему чрезмѣрное повышеніе повинностей съ тѣмъ, чтобы вытѣснить крестьянъ старожильцевъ и замѣнить ихъ другими, до тѣхъ поръ не имѣвшими осѣдлости и переходившими съ мѣста на мѣсто, такъ какъ такіе безземельные были сговорчивѣе въ исполненіи тяжелыхъ повинностей [2]). Помѣщики, совершенно обезземеливавшіе своихъ крестьянъ, были въ XVIII в. и въ Польшѣ. Авторъ одного польскаго мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ, изданнаго въ 1790 г., упоминаетъ между прочимъ о тѣхъ «безчеловѣчныхъ спекулянтахъ, какіе недавно завелись» въ Польшѣ: «они всѣхъ обращаютъ въ батраковъ и, засѣвая ихъ землю гуртомъ въ пользу двора, кормятъ ихъ, какъ скотину, въ корытахъ» [3]).

Итакъ, обезземеливаніе крестьянъ въ Великороссіи было, къ счастію, самымъ рѣдкимъ исключеніемъ; наоборотъ, крѣпостные этой мѣстности пользовались въ XVIII ст. весьма достаточнымъ количествомъ земли. По нашему вычисленію оказалось, что въ пользованіи оброчныхъ было среднимъ числомъ около 13,5 дес., а барщинныхъ приблизительно 8 десят. Если для сравненія съ настоящимъ временемъ принять средній душевой надѣлъ во второй половинѣ XVIII в. въ 11 дес., а въ настоящее время $3^1/_2$ дес. [4]), то мы придемъ къ выводу, что бывшіе крѣпостные крестьяне (не говоря уже о получившихъ даровой надѣлъ) имѣютъ въ настоящее время въ три раза менѣе земли, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

[1]) *Скребицкій.* II, 1072.

[2]) *Лазаревскій.* Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки черниг. статист. комитета. 1866, кн. I, стр. 33, 51—53, 61, 73—74.

[3]) Слав. Сборн. III, 116.

[4]) *Янсонъ.* Опытъ статист. изслѣдов. о крестьянскихъ надѣлахъ. Спб. 1877 г. стр. 14 и 45.

Изъ этого видно, насколько справедливы заявленія тѣхъ современныхъ публицистовъ, которые утверждаютъ, что крестьяне пользуются достаточнымъ количествомъ земли и что нѣтъ никакой надобности въ увеличеніи ихъ надѣловъ.

ГЛАВА III.

Крестьяне оброчные.—Величина оброка.—Натуральныя повинности оброчныхъ крестьянъ.—Крестьяне, состоявшіе на барщинѣ. — Количество барщинныхъ дней.—Работы крестьянъ на заводахъ.—Сравненіе съ повинностями крестьянъ во Франціи, Германіи, Польшѣ, Остзейскомъ краѣ и Малороссіи.

Въ предъидущей главѣ мы приблизительно опредѣлили, какимъ количествомъ земли пользовались крѣпостные крестьяне; теперь переходимъ къ вопросу о томъ, какія повинности въ пользу господина они должны были исполнять за эту землю.

Извѣстно, что въ этомъ отношеніи у насъ существовалъ двоякій порядокъ; въ однихъ имѣніяхъ крестьяне были на оброкѣ, въ другихъ на барщинѣ. Предъ крестьянской реформой очень многіе землевладѣльцы придерживались въ одномъ имѣніи и той, и другой системы: часть крестьянъ исполняла барщину, другіе отпускались на оброкъ; напротивъ того во второй половинѣ XVIII вѣка это было довольно рѣдко, обыкновенно же всѣ безъ исключенія крестьяне одной вотчины или исполняли работы на господина, или несли денежную повинность. Въ предъидущемъ подробномъ обзорѣ помѣстнаго землевладѣнія по великороссійскимъ губерніямъ мы уже сопоставили численное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ 20 губерніяхъ Великороссіи, количество земли, находившееся въ ихъ пользованіи, и нѣкоторыя другія условія; остается только сгруппировать приведенныя тамъ цифры.

Въ нечерноземной полосѣ Россіи оброчная система преобладала: наибо́льшій процентъ крѣпостныхъ, состоявшихъ на оброкѣ, мы встрѣтили въ губерніяхъ костромской (85%), вологодской (83%), нижегородской (82%), ярославской (78%); естественно, что здѣсь всего сильнѣе были развиты отхожіе промыслы. Затѣмъ по относительному количеству оброчныхъ крестьянъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ губерніи: олонецкая (66%), калужская (58), петербургская (51), владимірская (50), новгородская (49), тверская (46), московская (36), смоленская (30) и псковская (21%). Въ среднемъ выводѣ оброчная система все-таки была замѣтно распространеннѣе барщинной (55% оброчныхъ и 45% барщинныхъ крестьянъ).

Въ черноземной полосѣ только въ двухъ губерніяхъ оброчныхъ крестьянъ было болѣе, чѣмъ барщинныхъ: въ воронежской (64%) и пензенской (52%); затѣмъ слѣдуютъ мѣстности съ обратнымъ отношеніемъ этихъ двухъ разрядовъ крѣпостныхъ: губерніи орловская (34%), тамбовская (22), рязанская (19), тульская и курская (въ каждой по 8%). Въ среднемъ выводѣ относительно 7 названныхъ черноземныхъ губерній, мы находимъ рѣшительное преобладаніе барщинной системы надъ оброчною (26% оброчныхъ и 74% барщинныхъ крестьянъ). Во всей же Великороссіи (кромѣ губерній казанской, пермской, симбирской, саратовской и оренбургской, о которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній) количество оброчныхъ крестьянъ было весьма близко къ количеству барщинныхъ (44% первыхъ и 56% вторыхъ).

Большее или меньшее развитіе оброчной системы зависѣло прежде всего отъ качества почвы: этимъ объясняется преобладаніе ея въ нечерноземной полосѣ; понятно, что рядомъ съ увеличеніемъ числа оброчныхъ, мы всегда замѣчаемъ и усиленіе отхожихъ промысловъ, такъ какъ они также обусловливались преимущественно плохимъ качествомъ почвы. Другимъ важнымъ условіемъ для преобладанія той или другой системы эксплуатаціи имѣнія было большее или меньше развитіе крупнаго и мелкаго помѣщичьяго землевладѣнія. Количество небогатыхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 60 душъ, было почти всегда больше владѣльцевъ болѣе крупныхъ вотчинъ, но все таки мы видѣли, что процентное отношеніе между группами, на которыя были раздѣлены въ нашихъ источникахъ помѣщики по числу душъ, весьма измѣнялось въ разныхъ мѣстностяхъ, и чѣмъ значительнѣе было относительное количество мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, тѣмъ болѣе было шансовъ для развитія барщинной системы, хотя были случаи, когда особенно неблагопріятныя почвенныя условія вызывали развитіе оброчной системы и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ процентъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ былъ очень высокъ (вологодская губернія).

Преобладаніе оброчной системы въ болѣе крупныхъ вотчинахъ послужило поводомъ къ составленію мнѣнія, высказаннаго въ концѣ XVIII ст. однимъ ученымъ авторомъ основательнаго описанія Россіи, что въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній крестьяне были отпущены на оброкъ[1]); за 30 лѣтъ до того императрица Екатерина выразилась еще рѣшительнѣе въ своемъ Наказѣ: она полагала, что «всѣ деревни почти на оброкѣ» (XII гл., п. 269). Такъ какъ и императрица Екатерина,

[1]) *Storch.* Hist. stat. Gemälde des Russ. Reichs, II, 1797, S. 376.

и Шторхъ вращались въ обществѣ дворянъ, владѣвшихъ болѣе крупными имѣніями, то естественно, что имъ по большей части приходилось слышать объ имѣніяхъ, состоявшихъ на оброкѣ. Во время составленія Наказа для болѣе точнаго рѣшенія этого вопроса еще и не было статистическихъ данныхъ, къ концу же XVIII в. матеріалъ для вывода, по крайней мѣрѣ относительно 20 великороссійскихъ губерній, былъ собранъ во время генеральнаго межеванія, но или обширность необходимой для этого работы, или недоступность самыхъ матеріаловъ не дали Шторху возможности сдѣлать вполнѣ точный выводъ.

Впрочемъ, нѣкоторое преувеличеніе количества оброчныхъ крестьянъ могло быть вызвано въ обоихъ этихъ трудахъ и мнѣніемъ ихъ авторовъ о неблагопріятномъ вліяніи оброчной системы на состояніе земледѣлія. Императрица Екатерина и Шторхъ утверждаютъ, что увольненіе крестьянъ на оброкъ вредно отражается на земледѣліи, такъ какъ это заставляетъ ихъ надолго отлучаться изъ дому на заработки въ отдаленныя мѣстности. На эту же тему разсуждаетъ и извѣстный тогдашній агрономъ Рычковъ. Онъ говоритъ, что оброчная система можетъ быть иногда выгодна и для помѣщика, и для крестьянина, но «для общества той пользы, которая происходитъ отъ земледѣлія, отъ нихъ уже нѣтъ». Елагинъ также раздѣляетъ это мнѣніе: при оброчной системѣ крестьяне отправляются въ отхожіе промыслы, а вслѣдствіе этого уменьшается народонаселеніе и количество воздѣлываемаго хлѣба, возростаетъ дороговизна съѣстныхъ припасовъ и пр. [1]). Во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ и іеремiадахъ агрономовъ видна лишь забота объ интересахъ государства, но при этомъ совершенно забывали, что, при извѣстныхъ условіяхъ, отхожіе промыслы были для крестьянина неизбѣжны.

Кромѣ неблагопріятныхъ условій почвы, была еще одна причина, заставлявшая помѣщиковъ во многихъ мѣстностяхъ предпочитать оброчную систему барщинной. По объясненію князя Щербатова помѣщики отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ потому, что служба какъ военная, такъ и гражданская, привлекала ихъ въ города, а довѣрить имѣніе прикащику не всегда было возможно [2]). Дѣйствительно, не только до освобожденія

[1]) *Рычковъ*. „О способѣ умноженія земледѣлія въ оренбургской губерніи", Тр. В. Э. Общ. VII, 20, 18; Проектъ Елагина, 1766 г. въ Журн. Землевлад. 1859 г., № 21, стр. 22—25; срав. ст. *Олешева* въ Тр. В. Э. Общ. II, 112 — 113. Ямбургскіе дворяне въ наказѣ своему депутату также предлагали запретить отпускъ крестьянъ на оброкъ. Сб. Ист. Об. XIV. 249.

[2]) Чтен. Общ. Истор. Древ. Росс. 1860, I, 85.

дворянъ отъ обязательной военной службы при Петрѣ III большинство изъ нихъ принуждено было жить внѣ своихъ деревень, но даже и послѣ того, какъ помѣщики получили возможность оставить службу, они по большей части не жили въ своихъ имѣніяхъ [1]). Дворяне продолжали служить и по привычкѣ, и потому, что жалованье составляло подспорье для деревенскихъ доходовъ, а число выгодныхъ мѣстъ въ провинціи увеличилось лишь со введеніемъ учрежденій о губерніяхъ. При оброчной системѣ не было никакой надобности въ личномъ присутствіи господина въ своей деревнѣ; она избавляла помѣщика отъ всякихъ хлопотъ и давала возможность реализировать свой доходъ въ формѣ опредѣленнаго оброка, который и проживался въ столицахъ или въ какомъ либо изъ большихъ городовъ.

Что касается крестьянъ, то и для нихъ была гораздо удобнѣе оброчная система, такъ какъ при такомъ порядкѣ отбыванія повинностей они гораздо менѣе страдали отъ личныхъ прихотей господина. Конечно при этомъ необходимо, чтобы оброкъ не превышалъ платежныхъ средствъ крестьянина; между тѣмъ законъ не опредѣлялъ высшей нормы поборовъ, и ихъ размѣръ вполнѣ зависѣлъ отъ произвола владѣльца. Это давало возможность нѣкоторымъ помѣщикамъ чрезмѣрно обременять своихъ крестьянъ; но, какъ мы увидимъ ниже, при наиболѣе обычныхъ размѣрахъ денежныхъ сборовъ, оброчная система была гораздо выгоднѣе для крестьянъ, чѣмъ барщинная. Съ переходомъ отъ издѣльной повинности къ оброчной положеніе крѣпостныхъ сближалось до нѣкоторой степени съ бытомъ казенныхъ крестьянъ, такъ что увеличеніе числа оброчныхъ должно считаться шагомъ впередъ въ жизни крѣпостныхъ и обратно. Весьма любопытно поэтому опредѣлить, увеличивалось ли съ теченіемъ времени количество оброчныхъ крестьянъ.

Мы можемъ до нѣкоторой степени рѣшить этотъ вопросъ, сравнивъ численное отношеніе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ послѣдней четверти XVIII в. и въ половинѣ XIX столѣтія. Матеріалы для выводовъ относительно послѣдней эпохи, мы находимъ въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій [2]), гдѣ есть свѣдѣнія о числѣ оброчныхъ крестьянъ въ 8 нечерноземныхъ и 8 черноземныхъ губерніяхъ, но такъ какъ мы должны брать только тѣ губерніи, о которыхъ есть данныя и относительно XVIII в., то намъ придется ограничиться изъ числа черноземныхъ только пятью гу-

[1]) Это видно изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 году.

[2]) „Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій“ ч. XV и XVI.

берніями. Сравнивая отношеніе оброчныхъ къ общему количеству крѣпостныхъ той или другой мѣстности, мы находимъ, что изъ 8 нечерноземныхъ губерній количество оброчныхъ уменьшилось съ послѣдней четверти XVIII до половины XIX вѣка только въ двухъ губерніяхъ: тверской (съ 46 до 40%) и новгородской (съ 49 до 45,5%); въ остальныхъ оно увеличилось—въ однихъ немного, какъ въ вологодской (съ 83 до 84%), костромской (съ 85 до 87,5%), ярославской (съ 78 до 87,5%), псковской (съ 21 до 29%); въ другихъ же весьма сильно, какъ это было во владимірской (съ 50 до 70%) и еще болѣе въ московской губерніи (съ 36 до 68%). Въ среднемъ выводѣ по этимъ 8 нечерноземнымъ губерніямъ, мы находимъ оброчныхъ при Екатеринѣ II — 54%, въ половинѣ XIX в.—63,8%, слѣдовательно довольно видное увеличеніе числа оброчныхъ крестьянъ. Мы должны были бы признать этотъ фактъ нѣкоторымъ шагомъ къ эмансипаціи крѣпостныхъ, если бы его благопріятное значеніе не уменьшалось или даже не уничтожалось совершенно значительнымъ развитіемъ смѣшанной системы въ эксплуатаціи имѣній, при которой въ вотчинѣ были одновременно и оброчные, и барщинные крестьяне. Это должно было вредно отозваться во первыхъ на ихъ матеріальномъ положеніи посредствомъ уменьшенія размѣра земельнаго обезпеченія крестьянъ, такъ какъ при смѣшанной системѣ уже не вся земля передавалась въ ихъ пользованіе, а также должно было, если не уничтожить, то значительно ослабить въ такихъ вотчинахъ то самоуправленіе въ мѣстныхъ дѣлахъ, которымъ, какъ мы увидимъ ниже, обыкновенно пользовались оброчныя вотчины въ прошломъ вѣкѣ.

Въ черноземной полосѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ 5 губерніяхъ, о числѣ оброчныхъ крестьянъ въ которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія и для прошлаго, и для нынѣшняго вѣка, не замѣчается въ теченіи 80 лѣтъ никакого развитія оброчной системы. Правда, въ двухъ изъ нихъ, тульской и курской, число оброчныхъ значительно увеличилось (съ 8 до 25% въ первой и до 26 во второй), но за то въ трехъ остальныхъ оно уменьшилось—или не особенно сильно, какъ въ воронежской и орловской (съ 47 до 44,5% въ первой и съ 34 до 28% во второй), или даже болѣе чѣмъ вдвое, какъ это мы замѣчаемъ въ пензенской губерніи (съ 52 до 25%). Въ среднемъ выводѣ по этимъ 5 губерніямъ, въ нихъ было, какъ въ прошломъ столѣтіи, такъ и въ нынѣшнемъ 29% оброчныхъ и 71% барщинныхъ крестьянъ; измѣненіе состояло только въ томъ, что оброчные крестьяне равномѣрнѣе распредѣлились по этимъ губерніямъ, и вмѣсто такихъ колебаній, какъ 8 и 52% въ различныхъ губерніяхъ

этой полосы, мы получаемъ minimum 25% и maximum — 44,5% оброчныхъ.

Подводя общій итогъ по всѣмъ 13 названнымъ губерніямъ, мы найдемъ, что въ нихъ въ прошломъ столѣтіи было 46, а въ нынѣшнемъ 49% оброчныхъ крестьянъ,—улучшеніе не только крайне ничтожное, но по всей вѣроятности, какъ было объяснено выше, совершенно фиктивное.

Предоставляя болѣе подробное разъясненіе этого вопроса будущимъ изслѣдователямъ исторіи крѣпостнаго права въ XIX вѣкѣ, мы возвращаемся къ описанію положенія крѣпостныхъ оброчныхъ крестьянъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и именно попытаемся опредѣлить наиболѣе обычные размѣры взимаемаго съ нихъ денежнаго оброка.

Георги, путешествовавшій въ Россіи въ началѣ 70-хъ годовъ, говоритъ объ оброчныхъ крестьянахъ: они «прокармливаютъ себя какъ могутъ и уплачиваютъ правительству обыкновенную подушную подать, да кромѣ того помѣщику ежегодный оброкъ чистыми деньгами, который бываетъ весьма различенъ, смотря по заработкамъ крестьянъ, добротѣ или строгости господина и т. д. Обыкновенно же оброкъ бываетъ отъ 1 до 5 рублей съ души: зажиточные крестьяне платятъ болѣе чѣмъ бѣдные» [1]. Императрица въ своемъ Наказѣ также говоритъ (п. 269), что крестьяне платятъ помѣщику по 1, по 2 и даже до 5 рублей. Однако, въ первую половину царствованія Екатерины наиболѣе обычнымъ былъ оброкъ въ 2—3 рубля съ души. Но съ теченіемъ времени его размѣры все повышались, и въ 1783 г. само правительство признаетъ, что «помѣщичій оброкъ или доходъ всемѣстно до 4-хъ рублей съ души простирается, большею же частію гораздо сіе количество превосходитъ» [2]. Въ 1788 г. Болтинъ писалъ: «съ оброчныхъ помѣщики получаютъ отъ 3 до 5 р. съ души, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, лежащихъ по близости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, и по 10 р.; но такихъ деревень немного, какъ равнымъ образомъ и такихъ, кои бы меньше 3-хъ рублей съ души платили» [3]. Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, по свидѣтельству Шторха, средній оброкъ равнялся уже 5 р. съ души [4]. Наконецъ дѣло дошло до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ концѣ царствованія

[1]) *Georgi*. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Spb. 1775. II, 776.

[2]) Сборн. Истор. Общ. I, 299.

[3]) Примѣчанія на Леклерка II, 218 ср. 450.

[4]) Histor. Stat. Gemälde II, 361; ср. слова Меркеля въ его книгѣ о латышахъ, изд. въ 1797 г., перев. въ Чт. О. И. Д. Р. 1870. I, 116 и кн. Щербатова въ „Разсужденіи о повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи“. Чт. О. И. Д. Р. 1860, I, 101.

помѣщичьи крестьяне платили своимъ господамъ ежегодно до 20 р. (съ тягла) [1]).

На основаніи многихъ указаній [2]), мы можемъ принять, что въ 60 и 70-хъ годахъ наиболѣе обычнымъ былъ оброкъ въ 2—3 р.; для 80-хъ годовъ можно принять его среднюю величину въ 4 р., а въ концѣ царствованія Екатерины средній размѣръ оброка равнялся 5 руб. съ души [3]). Данныя, приведенныя въ дополненіи VIII, могли бы подать поводъ даже къ болѣе благопріятному для крестьянъ выводу, но нужно помнить, что всѣ эти указанія относятся къ владѣльцамъ крупныхъ вотчинъ, у мелкопомѣстныхъ же дворянъ крестьянамъ жилось обыкновенно хуже, чѣмъ у богатыхъ помѣщиковъ.

Многіе помѣщики не довольствовались взысканіемъ оброка, а требовали еще различныхъ припасовъ натурою: сѣна, овса, дровъ, барановъ, разныхъ птицъ, огурцовъ, капусты, ягодъ и грибовъ, собирали холстъ или принуждали прясть ленъ и пеньку, заставляли также давать подводы для отвоза барскихъ припасовъ, присылать косцевъ и другихъ работниковъ въ подмосковныя вотчины или, наконецъ, исполнять небольшую барщину въ помѣстьѣ. Впрочемъ нерѣдко, при требованіи столовыхъ припасовъ или добавочныхъ работъ, уменьшалось количество денежнаго сбора; такъ было въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тверской губ. Напр. въ новоторжскомъ помѣщики брали оброку съ вѣнца, въ которомъ считались одинъ взрослый мужчина и одна женщина, отъ 6 до 10 р., да кромѣ того нѣкоторые требовали съ женщинъ по 10 и 15 аршинъ холста, сухихъ грибовъ и ягодъ. Въ другихъ же мѣстахъ при требованіи столовыхъ запасовъ или работъ уменьшалось количество денежнаго сбора. Такъ въ краснохолмскомъ у. тверской губерніи оброчные платили или только деньгами

[1]) *Pallas*. Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Statthalt. Leipz. 1799. I, 24. При отпускѣ на оброкъ не цѣлою вотчиною, а по одиночкѣ оброкъ доходилъ иногда и до 25 р. съ души. *Masson*. Mémoirs secrets edit. 1863, p. 177. *Georgi*. Versuch einer Beschreibung des SpЬ. Gouvern. SpЬ. 1790, S. 123. Отецъ Пл. Зубова однажды самъ выразился о себѣ такимъ образомъ: „будучи изъ самыхъ убогихъ помѣщиковъ, я нажилъ себѣ немалое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ мужиковъ моихъ". Зап. Одесск. Общ. Ист., кн. VIII, вып. 1 и 2, Одес. 1872, стр. 247.

[2]) См. Дополненіе VIII.

[3]) Повышеніе оброковъ въ теченіе царствованія Екатерины II можно прослѣдить и на примѣрахъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вотчинъ. Такъ въ одной гжатской вотчинѣ кн. Д. М. Голицына до 1763 г. собиралось лишь по 40 к., съ этого года по два р., а въ 90 годахъ крестьяне платили уже по 4 р. съ души. Въ бѣлевской вотчинѣ кн. А. М. Голицына оброкъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ равнялся 2 р. 50 к., а въ 1793 г. 4 р. и т. д.

по 3 р. съ души, или по 2 р., но за то еще давали столовый запасъ: съ тягла по полубарану, по курицѣ, по 10 ф. свинаго мяса, по 5 ф. коровьяго масла; въ вышневолоцкомъ у. обычный денежный оброкъ былъ по 3 р. съ души или по 10 р. съ вѣнца; нѣкоторые же помѣщики, убавляя оброкъ, накладывали столовый запасъ или требовали нѣкоторыхъ работъ въ подмогу «сдѣльнымъ», т. е. барщиннымъ, напр. 3 дня въ сѣнокосъ, 3 дня въ жнитво или нѣсколько дней зимой для вывозки изъ лѣсу бревенъ [1]; но изъ экономическихъ примѣчаній видно, что такихъ вотчинъ, гдѣ находились и барщинные, и оброчные крестьяне, было весьма мало.

Свѣдѣнія о всевозможныхъ поборахъ и работахъ, налагаемыхъ помѣщиками на оброчныхъ крестьянъ, мы находимъ въ челобитныхъ, которыя крестьяне подавали императрицѣ. Остановимся напримѣръ на Гуслицкой волости московскаго уѣзда. Она принадлежала прежде къ числу государевыхъ вотчинъ, но, по возвращеніи изъ ссылки въ 1762 году Натальи Ѳедоровны Лопухиной, сосланной при Елизаветѣ Петровнѣ, эта волость была ей пожалована. Въ 1763 году Лопухина умерла, и все имѣніе было раздѣлено на три равныя части между тремя ея сыновьями; эти части такъ и назывались «третями». Когда эта волость была государевою вотчиною, крестьяне вносили оброку съ 3,350 душъ 3,383 рубля 50 копѣекъ, т. е. по 1 руб. и 1 к. съ души. Новые владѣльцы не удовольствовались такимъ оброкомъ. Вотъ что собиралъ въ 1767 году, какъ видно изъ челобитной крестьянъ, Авраамъ Лопухинъ съ Раменской трети этой волости. Деньгами 3,270 рублей, сѣна 11,500 пуд., овса 200 четв., дровъ трехъ аршинныхъ 100, однополѣнныхъ 60 саж., мяса 40 п., 100 барановъ, 40,000 огурцовъ, сѣрой рубленной капусты 250 ведеръ, бѣлой рубленной 100 ведеръ, пустернаку, сельдерею, хрѣну и пырею по 1,000 корней, рѣпы, моркови, рѣдьки, сколько понадобится, 200 курицъ, до 5,000 яицъ, брусники, клюквы и разныхъ грибовъ, сколько потребуется для домашняго обихода помѣщика. Оцѣнивъ на деньги все, кромѣ зелени и овощей, количество которыхъ не было опредѣлено, крестьяне этой трети высчитали, что, вмѣстѣ съ денежнымъ оброкомъ, всего съ нихъ сбирается въ годъ 5,273 рубля, слѣдовательно сѣно, дрова и «столовый запасъ» обходились имъ ежегодно въ 2,003 рубля.

Но этимъ еще не ограничивались ихъ повинности. Вотъ, напримѣръ, что должны были они сдѣлать, по приказу помѣщика, въ 1767 году.

[1]) „Генеральн. Соображ. по Тверской губ.“, 78, 99, 161.

Всякое лѣто имъ слѣдовало поставить на мірской счетъ по 20 плотниковъ. Въ деревнѣ Богородской на счетъ крестьянъ были построены: дворовое строеніе и барскій домъ; прорыли канаву въ 9 арш. ширины, длиною въ 70 саж. и начали рыть прудъ, отъ чего, говорятъ крестьяне,— «мы нижайшіе пришли въ крайнее разореніе и скудость». Для переѣздовъ помѣщика съ мѣста на мѣсто требовались крестьянскія подводы; когда онъ ѣздилъ изъ Москвы на богомолье, съ крестьянъ взыскивали деньги на расходы по этому путешествію. По разнымъ надобностямъ помѣщика, было снаряжено въ Москву 200 подводъ. Каждый пріѣздъ господина въ деревню тоже стоилъ крестьянамъ не дешево: на сѣно и овесъ лошадямъ, на прокормленіе самого помѣщика и его людей требовалось около 100 рублей. На счетъ крестьянъ содержался и управитель, присланный помѣщикомъ. Когда помѣщикъ переселялъ нѣкоторыхъ своихъ крѣпостныхъ изъ одной вотчины въ другую, издержки на ихъ перевозъ падали на остальныхъ крестьянъ. Такъ, когда этотъ помѣщикъ, т. е. Аврамъ Лопухинъ, приказалъ переселить изъ Раменской трети въ орловскую вотчину 6 семей, имъ были куплены на мірской счетъ шубы, сани и пр. и дано на проѣздъ и пропитаніе болѣе 100 рублей. Кромѣ того, крестьяне не только должны были до новой ревизіи платить подати за переселенныхъ, но еще и вносить помѣщику за нихъ оброкъ и разные припасы. Если помѣщикъ бралъ къ себѣ въ домъ для услуженія крестьянскихъ мальчиковъ, то крестьяне всетаки продолжали платить за нихъ оброчныя деньги. Случалось, что, не стерпя «великаго разоренія, тягости оброковъ и всякихъ несносныхъ работъ», нѣкоторые крестьяне бѣжали; тогда положеніе остальныхъ еще болѣе ухудшалось, такъ какъ они должны были платить за нихъ подати и оброкъ. Всего съ крестьянъ Раменской трети приходилось по ихъ собственному разсчету, оброчныхъ и за всякое «здѣліе» 7,495 рублей, а вмѣстѣ съ другими двумя третями со всей Гуслицкой волости сбиралось 16,535 рублей. Крестьянъ въ той волости было 3,350 душъ, слѣдовательно, съ каждой души приходится почти по 5 рублей. Сравнительно съ тѣмъ, что платила Гуслицкая волость, когда она была государевою вотчиною, Лопухины набавили болѣе 13,000 рублей. Никакія просьбы и мольбы крестьянъ объ уменьшеніи поборовъ не помогли; тогда они рѣшились подать челобитную императрицѣ, но ничего не добились и этимъ путемъ [1]).

[1]) Такой значительный оброкъ въ этой мѣстности могъ взиматься съ крестьянъ потому, что они издавна занимались хмѣлеводствомъ. Совѣтовъ. Системы земледѣлія, Спб.

Вовсе не лучше было положеніе крестьянъ Загарской волости (въ томъ же московскомъ уѣздѣ). Въ 40-хъ годахъ они платили своему помѣщику 300 рублей оброку и при этомъ не исполняли никакихъ работъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ они переходятъ во владѣніе генералъ-аншефа Леонтьева, и онъ сразу накладываетъ на нихъ денежный оброкъ въ 2,300 рублей. Въ началѣ 1766 года оброкъ былъ опять повышенъ до 3,900 рублей. Кромѣ денежнаго оброка, Загарскіе крестьяне пахали на своего помѣщика по 40 десятинъ яроваго хлѣба и по 30 десятинъ ржи. Въ теченіи одного года они выслали къ помѣщику въ Москву 2,000 подводъ, на которыхъ возили сѣно и дрова и исполняли разныя работы. Когда однажды сгорѣлъ помѣщичій домъ, крестьяне должны были построить его на свой счетъ, и онъ обошелся имъ чистыми деньгами болѣе 1,000 рублей, не считая работъ при вывозкѣ лѣса.

Въ 1767 году у крестьянъ плохо уродился хлѣбъ; имъ пришлось продавать домашній скотъ, многіе съ женами и дѣтьми ходили по міру. Тогда они обратились къ своему господину съ просьбою уменьшить ихъ оброкъ. Но генералъ-аншефъ Леонтьевъ былъ не изъ такихъ людей, которыхъ можно было легко разжалобить. Въ своей челобитной императрицѣ крестьяне, съ свойственною имъ грустною ироніею, говорятъ, что на всѣ ихъ просьбы объ облегченіи наложенныхъ на нихъ поборовъ «болѣе того милосердія къ намъ не объявлено, кромѣ того, чтобъ приносимыя отъ насъ жалобы пресѣчь и во всемъ не вѣрить». Они утверждали, что, даже продавъ «послѣдніе изъ домишковъ своихъ, экипажишко (т. е., по попросту — телѣги) и скотъ», они могли внести помѣщику только часть своего оброка, но помѣщикъ приказалъ взыскивать за бѣдныхъ съ болѣе зажиточныхъ и объявилъ, чтобъ крестьяне впредь «о своемъ отягощеніи жалобъ до него приносить не могли», въ противномъ случаѣ грозилъ вдвое возвысить денежный оброкъ. Бурмистръ принялся усердно выбивать оброчную недоимку; въ челобитной императрицѣ, крестьяне говорятъ, что вслѣдствіе того, что они рѣшительно не могутъ исполнить требованій помѣщика, «бьютъ, мучатъ смертельно» не только ихъ самихъ, но и ихъ женъ и дѣтей [1]).

На этихъ двухъ примѣрахъ намъ наглядно рисуется, какъ хозяйничали нѣкоторые помѣщики въ своихъ оброчныхъ вотчинахъ. Кромѣ де-

1867, стр. 154. Къ тому же у нихъ было довольно много земли, покрайней мѣрѣ для московской губ. (по 10¼ дес. всей земли, въ томъ числѣ по 3¾ дес. пахотной.) Эк. примѣч. бронницкаго у., дача № 96.

[1]) Арх. М. Ю. Дѣла Сената, № 173—3744, лл. 583—586, 588—590, 607—608.

нежнаго оброка, крестьяне должны были поставлять значительное количество «столоваго запаса», отвозить этотъ запасъ туда, гдѣ жилъ господинъ, посылать къ нему рабочихъ и подводы для разныхъ домовыхъ работъ, строить барскій домъ въ деревнѣ, иногда сверхъ оброка обработывать извѣстное число десятинъ, наконецъ, содержать даже управителя. На нихъ же падали расходы по переселенію крестьянъ въ другія вотчины и разысканію бѣглыхъ. Какъ велики было иногда поборы натурою, видно изъ того, что въ 1797 г. одинъ ярославскій помѣщикъ (Карновичъ) собиралъ съ каждаго тягла, въ которомъ было около 2-хъ работниковъ, по 16 р. 25 к. деньгами, да сверхъ того столько же припасами [1]).

Но если въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ подводы и работы требовались въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, въ другихъ поборы натурою были весьма ограничены или ихъ и совсѣмъ не было. А. В. Суворовъ въ своихъ имѣніяхъ, гдѣ онъ взималъ трехрублевый оброкъ, бралъ различные припасы не иначе, какъ въ счетъ денежнаго сбора; но и у него оброчные крестьне должны были давать подводы, строить вновь и чинить постройки, чистить пруды, посылать работниковъ въ другія вотчины, ставить караулы, мѣстами обработывать небольшую пашню [2]). Кн. А. М. Голицынъ платилъ крестьянамъ за доставку пеньки, взимаемой вмѣсто оброка въ его брянской вотчинѣ. Напротивъ изъ подмосковныхъ вотчинъ разныхъ владѣльцевъ крестьяне безплатно привозили своему господину въ Москву разные припасы, пригоняли строевой лѣсъ и дрова [3]).

Итакъ были помѣщики, у которыхъ цѣнность взносовъ натурою и различныхъ работъ равнялась величинѣ денежнаго оброка, другіе же ограничивались однимъ денежнымъ сборомъ; поэтому, чтобы сдѣлать приблизительный выводъ о средней величинѣ всѣхъ поборовъ съ крестьянъ, предположимъ, что стоимость различныхъ работъ, подводной повинности и припасовъ натурою составляетъ половину оброка. Въ такомъ случаѣ, если мы примемъ среднюю величину денежныхъ оброковъ для 60-хъ годовъ, 2 р., для 70-хъ 3, для 80-хъ 4 и для 90-хъ 5 р., то всѣхъ поборовъ приходилось въ 60-хъ годахъ— 3 р., въ 70-хъ 4 р. 50 к., въ 80-хъ 6 р., въ 90-хъ 7 р. 50 к. съ души. Любопытно сравнить крестьянскіе оброки съ цѣнами хлѣба. Въ

[1]) Хлѣба на 8 р. 30 к., масла на 75 к., льну на 1 р. 50 к., барановъ, холста и пр. на 1 р., на жалованье плотникамъ — 2 р., половина подводы 80 к., яроваго корму на 1 р. 25 к, полъ курицы и 50 яицъ—40 к. Русск. Стар. 1876 г. № 7, стр. 567—568.

[2]) *Рыбкинъ*. Генералиссимусъ Суворовъ, М. 1874 г., стр. 28, 62, 66, 67, 70, 71, 72, 76, 129.

[3]) „Мысли патріота". рук. Арх. В. Эк. Общ., кн. 22, л. 140.

первой половинѣ 60-хъ годовъ можно принять, на основаніи имѣющихся у насъ свѣдѣній, что четверть ржи въ нечерноземной полосѣ стоила 1 р., — слѣдовательно, тогда оброкъ съ каждой души равнялся тремъ четвертямъ ржи; въ 70-хъ годахъ и первой половинѣ 80-хъ средняя цѣна четверти ржи равнялась въ той же мѣстности 2 р., слѣдовательно, оброкъ съ поборами натурою, равнявшійся въ концѣ 70-хъ годовъ приблизительно 5 р., оплачивался тогда $2^1/_2$ четвертями: въ первой же половинѣ 90-хъ годовъ четверть ржи уже стоила болѣе 4 р., такъ что оброкъ оплачивался только 2 четвертями. Такимъ образомъ, паденіе цѣнности денегъ, объясняющееся чрезмѣрнымъ выпускомъ ассигнацій, было невыгодно для помѣщиковъ; но оно было невыгодно, по крайней мѣрѣ въ нечерноземной полосѣ и для крестьянъ, такъ какъ тамъ оброкъ покрывался преимущественно заработками на отхожихъ промыслахъ, а извѣстно, что плата за трудъ никогда не возвышается такъ же быстро, какъ цѣна хлѣба.

Само собою разумѣется, что положеніе казенныхъ крестьянъ было гораздо благопріятнѣе, чѣмъ крѣпостныхъ: кромѣ подушной подати, которую вносили и крѣпостные, они платили оброчнаго сбора до 1768 г. по 1 р., съ 1768 до 1783 по 2 р., съ 1783 — по 3 р. съ души. Такимъ образомъ, помѣщичьи крестьяне платили въ 60-хъ годахъ втрое, въ 70-хъ въ $2^1/_2$, въ 80-хъ вдвое, въ 90-хъ въ $2^1/_2$ раза болѣе, чѣмъ казенные. Что касается дворцовыхъ крестьянъ, то въ началѣ 60-хъ годовъ у нихъ были въ разныхъ мѣстахъ различные оброки (1 р. 25 к.— 2 р. 25 к. съ души)[1]); въ 1768 г. былъ установленъ двухъ-рублевый оброкъ. Хотя дворцовой канцеляріи было предоставлено право, смотря по зажиточности крестьянъ, взыскивать съ нихъ болѣе или менѣе, но все-таки среднимъ оброкомъ для нихъ съ этого времени было 2 р., а въ 1783 г. былъ установленъ трехрублевый оброкъ. Слѣдовательно, въ 70—90-хъ положеніе дворцовыхъ и казенныхъ крестьянъ было, говоря вообще, одинаково. Въ конюшенныхъ волостяхъ долѣе сохранялись натуральныя повинности, и только въ концѣ царствованія Екатерины онѣ были замѣнены трехъ-рублевымъ оброкомъ. Положеніе государевыхъ крестьянъ также болѣе приближалось къ быту крѣпостныхъ: тутъ, по большей части, одновременно существовали и барщина, и денежные поборы. Въ чисто оброчныхъ государевыхъ вотчинахъ, въ первые годы царствованія Екатерины, мѣстами взималось по 1 р. 24 к., въ Бобриковской же вот-

[1]) Мѣстами тогда существовала еще и десятинная пашня.

чинѣ (Тульской губерніи) оброчные платили въ 60-хъ годахъ по 5 р. съ тягла, слѣдовательно, около 2 р. съ души, въ Богородицкой волости (той же губерніи) въ 70-хъ годахъ взыскивалось по 4 р. съ тягла (менѣе 2 р. съ души), а въ Кіясовской волости коломенскаго уѣзда — по 6 р. (3 р. съ души).

Сравнимъ теперь повинности оброчныхъ крестьянъ съ размѣромъ ихъ земельныхъ надѣловъ. Мы видѣли выше, что среднимъ числомъ въ оброчныхъ вотчинахъ на одну душу м. п. приходилось по 13,5 дес. земли; если даже для круглаго счета принять, что въ пользованіи крестьянъ было по 12 дес. на душу, въ такомъ случаѣ, разсматривая оброкъ какъ плату за пользованіе землею, мы получимъ, что въ 60-хъ годахъ крестьяне платили по 25 к., въ 70-хъ—по 40, въ 80-хъ—по 50, въ 90-хъ—по 60 коп. съ каждой десятины надѣла [1]. Этотъ сборъ почти равнялся арендной платѣ, вносимой крестьянами за пользованіе казенными землями московской провинціи. Мы видѣли, что въ началѣ 70-хъ годовъ крестьянскія общины, при арендованіи земель экономическаго вѣдомства на небольшіе сроки, платили въ этой провинціи среднимъ числомъ по 26 к. за десятину; отдѣльные крестьяне, при краткосрочной арендѣ, платили тамъ же среднимъ числомъ по 47 к. за десятину. На основаніи этого факта, можно было бы даже признать, что средній размѣръ повинностей оброчныхъ крестьянъ совершенно совпадалъ въ этой мѣстности съ величиною арендной платы за казенныя земли; но дѣло въ томъ, что въ московской провинціи оброки въ помѣщичьихъ вотчинахъ были несомнѣнно выше средняго уровня, и здѣсь помѣщики особенно донимали крестьянъ требованіемъ значительнаго количества подводъ для отвоза припасовъ въ Москву. Въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ арендная плата за землю была выше: такъ въ каширскомъ уѣздѣ тульской губерніи за десятину покоса платили въ 60-хъ годахъ по 50—60 к., въ алатырской провинціи нижегородской губерніи въ тоже время брали даже по 80 к. за десятину [2]). Крестьяне одного села костромской губерніи, арендуя 15 дес.

[1]) Въ смоленскихъ вотчинахъ кн. Д. М. Голицына приходилось въ 90-хъ годахъ оброка съ десятины земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, по 55 к. въ одной вотчинѣ и по 63 коп. въ другой; а въ орловской вотчинѣ, вмѣстѣ съ частью лѣса, по 1 р. 4 к. (Голицынскія дѣла въ Арх. М. И. Дѣлъ).

[2]) Впрочемъ эти свѣдѣнія, сообщаемыя прокуроромъ въ «экономическихъ отвѣтахъ», вѣроятно относятся къ арендѣ частныхъ земель и притомъ небольшими участками. Въ 1770 г. неизвѣстный сотрудникъ вольнаго экономическаго общества въ проектѣ по крестьянскому вопросу предлагаетъ отдавать крестьянамъ въ аренду землю отдѣльными участками по 50 к. за десятину. Труды В. Э. Общ. XV т., 212—213 стр.

дворцовой земли, платили съ 1753 г. около 50 к., а съ 1792 г. по рублю за каждую десятину. Въ черноземной бѣлгородской провинціи крестьяне арендовали землю въ 60-хъ годахъ съ платою по 1 р. 20 к. за десятину. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ еще мало заселенныхъ, какъ Оренбургскій край, земля была особенно дешева: казенные крестьяне Большой Бугульминской слободы, арендуя луга у помѣщиковъ, платили въ 60-хъ годахъ за 100 копенъ по 30—40 к.; если, на основаніи межевой инструкціи, считать по 10 копенъ сѣна въ десятинѣ, то выйдетъ, что здѣсь аренда равнялась 3—4 к. съ десятины покоса.

Недостаточность имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ о размѣрѣ арендной платы во второй половинѣ XVIII в. не дозволяетъ намъ сдѣлать точнаго вывода о томъ, въ какомъ отношеніи между собою были повинности помѣщичьихъ оброчныхъ крестьянъ и арендная плата за земли; но можно, съ большою вѣроятностію, предполагать, что въ среднемъ выводѣ эти величины были довольно близки другъ къ другу.

Если принять во вниманіе значительное количество земли, находившейся въ пользованіи оброчныхъ крестьянъ, бо́льшую свободу и самоуправленіе вслѣдствіе того, что владѣлецъ оброчнаго имѣнія обыкновенно не жилъ въ своемъ помѣстьѣ, то можно признать ихъ положеніе, за извѣстными исключеніями, довольно сноснымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оброкъ деньгами и натурою былъ очень тяжелъ, крестьяне, уплачивая его аккуратно, могли цѣною матеріальныхъ лишеній купить себѣ спокойствіе и извѣстную долю независимости. Напротивъ крѣпостные, состоявшіе на барщинѣ, были постоянно на глазахъ у своего барина или его управляющаго, подвергались сплошь и сряду ихъ вмѣшательству въ свою жизнь и различнымъ наказаніямъ. Положеніе барщинныхъ ухудшалось всего болѣе тѣмъ, что законъ предоставлялъ помѣщику полную свободу требовать крестьянъ на работу, когда ему вздумается, такъ какъ вовсе не было опредѣлено, сколько дней онъ можетъ заставить ихъ работать на барщинѣ [1]). Единственное ограниченіе барскаго произвола въ этомъ отношеніи, установленное еще Уложеніемъ, состояло въ томъ, что помѣщикъ не долженъ былъ высылать крестьянъ на барщину по воскресеньямъ и праздникамъ [2]); мы сейчасъ увидимъ, однако, что иногда и

[1]) Въ указахъ, издаваемыхъ по поводу различныхъ волненій или подачи крестьянами челобитенъ, говорилось, что крестьяне обязаны оказывать помѣщикамъ „безпрекословное во всемъ послушаніе". См. напр. П. С. З. XVIII, № 12966.

[2]) Улож. гл. X, п. 25. Побѣдоносцевъ, Истор. изслѣд. 74.

это не соблюдалось. Не даромъ императору Павлу пришлось вновь напомнить объ этомъ законѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію повинностей барщинныхъ крестьянъ, посмотримъ прежде всего, какъ помѣщикъ пользовался своими правами на ихъ трудъ.

Петербургское вольное экономическое общество, вскорѣ послѣ своего основанія, почувствовало необходимость ознакомиться съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Для этого одинъ изъ его членовъ составилъ въ 1765 г. цѣлый рядъ вопросовъ подъ заглавіемъ: «Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія», которые, благодаря участію въ этомъ обществѣ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, были разосланы ко всѣмъ провинціальнымъ прокурорамъ. Какъ отъ нихъ, такъ и отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, были получены отвѣты (всего около тридцати), въ которыхъ находится не мало интересныхъ данныхъ о положеніи земледѣлія и жизни крестьянъ въ первые годы царствованія императрицы Екатерины.

Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, былъ, между прочимъ, слѣдующій: «Сколько помѣщичьему крестьянину въ годъ дается свободныхъ дней на себя работать, и сколько дней долженъ онъ работать на господина?» Благодаря этому обстоятельству, мы находимъ въ присланныхъ въ общество отвѣтахъ нѣсколько свѣдѣній по вопросу, занимающему насъ теперь [1]).

Всего обычнѣе былъ такой порядокъ, что господинъ требовалъ отъ крестьянъ половину ихъ рабочаго времени. Депутатъ Опочининъ въ коммиссіи для составленія Уложенія упоминаетъ объ «положенной издревле половинной работѣ» [2]); ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне въ своемъ постановленіи объ опредѣленіи крестьянскихъ работъ, состоявшемся въ 1780 г., говорятъ, что издавна по всей Россіи существуетъ такой обычай, что «крестьянинъ съ женою работаютъ круглый годъ половину на

[1]) Отвѣты эти находятся въ рукоп. Арх. В. Э. Общ. (№ 5) и Публ. Библіотеки (XFσD); часть ихъ, иногда въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, была въ свое время напечатана въ Тр. В. Э. Общ. Подробнѣе мы скажемъ объ „экономическихъ отвѣтахъ“ въ другомъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь о состояніи земледѣлія при Екатеринѣ II. Пунктъ 17, заключающій вышеприведенный вопросъ, всего чаще напечатанъ не точно или не вполнѣ, поэтому мы всегда пользуемся рукописною редакціею; объ алатырской пров. см. также пп. 28 и 63. Сравн. Тр. В. Э. Общ. II, 174—177, VII, 59, 93, XI, 97, X, 84, XII, 102, XXIII, 240—241, XXVI, 34—36. Къ сожалѣнію не существуетъ отвѣтовъ на экономическіе вопросы по многимъ провинціямъ центральной Россіи.

[2]) Засѣданіе 12 мая 1768 г. Арх. II Отд.

господина и половину на себя» [1]). Тоже мы видимъ и изъ отвѣтовъ на «экономическіе вопросы». Тамъ, гдѣ существовала трехдневная барщина, она исполнялась крестьянами двоякимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ крестьяне какого нибудь помѣщика работали на господина три дня въ недѣлю и три дня на себя, а воскресенье полагалось на отдыхъ [2]). Въ другихъ мѣстностяхъ дѣлали такимъ образомъ: если въ семьѣ было два мужика, то одинъ постоянно, кромѣ праздниковъ, работалъ на помѣщика, а другой на себя [3]). Трехдневная барщина на помѣщика считалась умѣренною [4]). По свидѣтельству дворянъ пусторжевскаго у. новгородской губ. (нынѣ новоржевскій у. псковской губ.), крестьяне работали на нихъ только два дня въ недѣлю [5]); но это отчасти объясняется необходимостью для здѣшнихъ господъ возможно мягче обращаться съ крѣпостными, потому что это была мѣстность, пограничная съ Польшею, куда бѣжало много крестьянъ; а кромѣ того, если барщина и была здѣсь легче, за то въ псковской провинціи существовалъ обычай собирать, такъ называемую, *пятину* (см. ниже). Итакъ, наиболѣе обычною была трехдневная барщина для тяглыхъ работниковъ м. и ж. п., но не всѣ помѣщики ею довольствовались [6]).

Не слѣдуетъ забывать, что на вопросы, предложенные вольнымъ экономическимъ обществомъ, отвѣчали прокуроры, обыкновенно сами бывшіе

[1]) Рукоп. Публ. Библ. FII, № 145. Срав. въ моей статьѣ: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II", От. Зап. 1879 г. № 12, стр. 433—436.

[2]) Такъ было въ воронежской провинціи и отчасти въ елецкой, близь Саратова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оренбургской губ. и во владимірскомъ у. Относительно послѣдней мѣстности замѣчено, что крестьяне „зимою, кромѣ временной работы, все работаютъ для себя". О галицкой провинціи сказано: „Помѣщичьему крестьянину свободныхъ дней на себя работать дается по разсмотрѣнію помѣщиковъ не равно: въ нѣкоторыхъ въ недѣлю по три дня, а въ другихъ больше и меньше". Въ шуйскомъ и юрьево-польскомъ уѣздахъ крестьяне имѣли свободныхъ 3 или 4 дня въ недѣлю.

[3]) Такъ было напр. въ калужской пров. и въ каширскомъ у. (въ то время московской, впослѣдствіи тульской губ.). Въ тверской губ. мы встрѣчаемъ оба эти способа, при чемъ особенно употребительнымъ бытъ второй. (См. „Генеральное Соображеніе по тверской губ."). Въ вологодскомъ у. помѣщикъ требовалъ половину работниковъ, но одинокіе крестьяне работали на господина только треть времени, слѣд. 2 дня въ недѣлю, а остальные дни на себя.

[4]) *Рычковъ*, „Наказъ для прикащика". Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 27.

[5]) Сбор. Истор. Общ. XIV, 296.

[6]) У нѣкоторыхъ впрочемъ находилось дѣло и для освобожденныхъ уже отъ тягла или не достигшихъ еще тягловаго возраста. Рычковъ говоритъ: „нетяглыми называются старики, кои употребляются къ легкимъ дѣламъ, а больше къ присмотрамъ, яко то въ церковные старосты, на мельницахъ, у молотьбы хлѣба, у житницъ, въ караулѣ на полѣ, у околицы и сему подобное; имъ въ помощь придаются иногда изъ молодыхъ людей неверстанные въ тяглы". Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 23—24.

помѣщиками. Естественно, что они не были расположены представлять крѣпостное право въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ; притомъ же въ своихъ отвѣтахъ они выставляли наиболѣе обыкновенное количество барщинныхъ дней, рѣдко обращая вниманіе на отступленія отъ общаго правила [1]). Тѣмъ важнѣе для насъ показанія тѣхъ прокуроровъ, которые не считаютъ возможнымъ умалчивать о печальномъ положеніи крѣпостныхъ. Въ алатырской провинціи, по словамъ тамошняго прокурора, крестьянинъ обыкновенно работаетъ три дня на помѣщика и три дня на себя, однако нѣкоторые владѣльцы, во время хорошей погоды, заставляютъ «*безпрестанно на себя работать*, а какъ весь ихъ хлѣбъ собранъ и сѣно скошено и сметано будетъ въ стоги, то уже тогда крестьянамъ даютъ на себя работать». Понятно, что вслѣдствіе этого крестьяне не успѣвали во время окончить своихъ полевыхъ работъ и потому сѣно сгнивало, а хлѣбъ осыпался. Алатырскій прокуроръ не скрываетъ печальныхъ послѣдствій такой системы: «въ здѣшнихъ мѣстахъ,—говоритъ онъ,—земледѣліе у нѣкоторыхъ противъ прежняго пришло въ упадокъ, *по причинѣ непрестанныхъ.... работъ и большихъ поборовъ господскихъ*». Въ другомъ мѣстѣ онъ вновь обращаетъ на это вниманіе: «въ здѣшнихъ мѣстахъ крестьяне напредъ сего имѣли довольное пропитаніе, а нынѣ за неурожаемъ хлѣба весьма много бѣдныхъ; бѣдности же ихъ причина недородъ хлѣба, и притомъ нѣкоторые помѣщики *черезмѣрно крестьянъ своихъ употребляютъ для собственныхъ своихъ работъ*». Въ арзамасской провинціи, точно также какъ и въ алатырской, одни владѣльцы заставляли своихъ крестьянъ работать по три дня въ недѣлю, другіе давали имъ только два дня свободныхъ, третьи наконецъ, не отпускали ихъ до тѣхъ поръ, пока они не уберутъ весь помѣщичій хлѣбъ. Въ елецкой провинціи крестьяне работали на господина по четыре дня въ недѣлю, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ рязанской—по четыре и даже по пяти [2]). Въ 80-хъ годахъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ тверской губерніи всѣ крестьяне работали на помѣщика до окончанія его работъ и только тогда уже могли заняться своимъ дѣломъ; тоже было и въ вологодскомъ уѣздѣ.

[1]) Прокуроръ, сообщившій свѣдѣнія о владимірскомъ у., заявилъ въ текстѣ, что крестьяне трудятся на помѣщика половину времени, а зимою исполняютъ только временныя работы; но въ особомъ примѣчаніи прибавляетъ: если бы такъ „было вездѣ, то бы весьма имъ безъ отягощенія было бъ же, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поступается инаково, что и состоитъ въ волѣ каждаго помѣщика“.

[2]) О четверехдневной барщинѣ свидѣтельствуетъ и Рычковъ Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 27.

Но бывало и еще хуже. Крестьяне одного села орловской губерніи должны были *ежедневно* работать на помѣщика [1]). Крестьяне генеральши Толстой также жаловались императрицѣ, что ихъ постоянно заставляютъ работать на барщинѣ, не освобождая *даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ* [2]). Наконецъ, извѣстный агрономъ Рычковъ, въ своемъ наказѣ для прикащика, говоритъ: «При употребленіи въ господскихъ работахъ тягловыхъ крестьянъ поступается у насъ по произволенію помѣщиковъ. Есть такіе строгіе, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а *давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскіе работы повседневно»* [3]).

Даже въ имѣніяхъ помѣщиковъ, не желавшихъ чрезмѣрно отягощать своихъ крестьянъ, они иногда страдали отъ непосильной барщины вслѣдствіе злоупотребленій лицъ, которымъ было довѣрено управленіе вотчинами. «Грѣшно отягощать подданныхъ излишнею работою, да и на сіе никогда воли моей не было», писалъ своему управителю В. Г. Орловъ. «Доходятъ до меня прискорбные слухи съ разныхъ сторонъ, что крестьяне отъ многой работы на господина обѣдняли» [4]). Что же должно было твориться у помѣщиковъ, нетронутыхъ образованіемъ?! Это отчасти объясняетъ намъ Масловъ, депутатъ отъ однодворцевъ бѣлгородской провинціи. Онъ говоритъ, что нѣкоторые бѣдные дворяне тянутся за богатыми и обращаютъ половину крестьянъ въ дворовыхъ. Такой помѣщикъ «по своей роскоши пріумножаетъ псовую охоту и думаетъ, неусыпно старается и мужиковъ денно и нощно работою понуждаетъ, какъ бы оную прокормить, а того не думаетъ, что чрезъ сіе отягощеніе въ крестьянскихъ домахъ дѣти съ голоду злѣ помираютъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что иногда помѣщикъ не думаетъ о пропитаніи своихъ крѣпостныхъ и «о распоряженіи дней между крестьянами урочныхъ работъ, но всегда, каждый день безпосредственно на его работѣ находятся, а хотя и отпуститъ, и то развѣ рѣдко бываетъ, на день или на два» [5]).

Вслѣдствіе подобныхъ злоупотребленій со стороны помѣщиковъ П. И. Панинъ предлагалъ императрицѣ предписанія, «чтобы помѣщики отъ

1) *Güldenstädt*, Reisen durch Russland, II, 432—433.

2) Арх. М. Юст., Дѣла Сената, № 173—3744, л. 593.

3) Тр. Вольн. Эк. Общ., XVI, 26—27. Тоже онъ говоритъ и въ своемъ отвѣтѣ на экономическіе вопросы. Тр. Вольн. Экон. Общ. VII, 147.

4) *Гр. Орловъ-Давыдовъ*, Біографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова. Спб. 1878, II, 149.

5) Мнѣніе, прочитанное въ засѣданіи 27 мая 1768 г. Арх. II Отд.

крестьянъ не требовали работъ болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а въ сутки требовали бы не болѣе, какъ вспаханье одной десятины доброй земли». Но правительство не рѣшилось даже секретно сдѣлать такое распоряженіе. Въ той же самой запискѣ Панинъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ либерализмѣ, говоритъ, что одною изъ причинъ побѣговъ крестьянъ изъ Россіи въ Польшу была «ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть». Владѣльцы, по его словамъ, собираютъ съ своихъ крестьянъ поборы и налагаютъ на нихъ работы, «не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, *но частенько выступающія и изъ сносности человѣческой*» [1])

Народъ нетерпѣливо ждалъ какого-нибудь ограниченія закономъ крестьянскихъ повинностей, и потому иногда возникали ложные слухи о появленіи подобнаго распоряженія. Такъ въ 1767 г. по Петербургской губерніи ходилъ слухъ, что есть такой указъ «и въ инструкціи пунктъ», чтобы помѣщики болѣе 2 дней не заставляли работать крестьянъ [2]). Подъ инструкціею тутъ, очевидно, разумѣется Наказъ коммиссіи, содержаніе котораго сдѣлалось извѣстно народу по слухамъ, въ искаженномъ видѣ (въ Наказѣ высказано только общее желаніе объ ограниченіи повинностей крѣпостныхъ крестьянъ). И такъ, помѣщичьи крестьяне мечтали о двухъ-дневной барщинѣ, какъ о большомъ благополучіи; въ проэктахъ же, составляемыхъ дворянами, обыкновенно предлагалась большая барщина: такъ П. Панинъ находилъ возможнымъ опредѣлить maximum ея въ 4 дня; депутатъ Титовъ въ своемъ проэктѣ о крестьянскихъ повинностяхъ [3]) назначалъ двухъ-дневную барщину, но въ то же время требовалъ, чтобы крестьяне сверхъ того отдавали помѣщику треть хлѣба, снимаемаго ими со своихъ полей. Однако не только мечты о двухъ-дневной барщинѣ, но и предположенія о какомъ бы то ни было ограниченіи повинностей не были осуществлены.

Приведенныя выше свѣдѣнія о размѣрахъ барщины относятся ко второй половинѣ 60 годовъ прошлаго столѣтія; а вотъ что говоритъ Болтинъ двадцатью годами позже: «пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ— работать на помѣщика въ каждой недѣлѣ 3 дня чрезъ весь годъ; таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренною, и жалобъ и роптанія на

¹) *Соловьевъ* XXV, 282—284.

²) Арх. М. Ю. Дѣла Сената. № 82—4983, л. 380—381 и № 250—3281, л. 753—755.

³) Арх. II Отд.; ср. мою статью „О крестьянск. вопросѣ при Екатеринѣ II“. Отеч. Зап. 1879 г. № 12, стр. 421—424.

таковаго помѣщика не бываетъ [1]). Другіе помѣщика заставляютъ работать на себя 4 дня въ недѣлѣ, но таковыхъ меньше; а нѣкоторые, и тѣмъ будучи не довольны, хотятъ, чтобъ крестьяне ихъ безпрестанно на нихъ работали и собственности-бъ у себя никакой не имѣли; но таковые очень рѣдки и признаются отъ всѣхъ вообще за чудовищныхъ и презрительныхъ выродковъ въ природѣ». Относительно послѣдняго своего показанія авторъ дѣлаетъ оговорку: «держась справедливости во всѣхъ моихъ сказаніяхъ, не могу утвердительно сказать, есть ли такіе помѣщики нынѣ; но, что таковые лѣтъ тому назадъ съ двадцать дѣйствительно бывали, изъ которыхъ двоихъ самолично я зналъ и жестокостямъ ихъ съ крестьянами былъ самовидецъ,—есть то сущая правда. Однако жъ вѣроятно, что и нынѣ есть имъ подобные, коихъ звѣрскихъ сердецъ примѣръ царствующихъ надъ ними не силенъ былъ исправить» [2]). Автору очевидно хотѣлось бы засвидѣтельствовать, что помѣщичьи нравы смягчились въ правленіе Екатерины, но любовь къ правдѣ не дозволяетъ ему этого сдѣлать. Дѣйствительно, помѣщики, чрезмѣрно угнетавшіе своихъ крестьянъ, встрѣчались и тогда. Это видно во первыхъ изъ свидѣтельства Радищева, который, подобно Рычкову, упоминаетъ о господахъ, заставлявшихъ своихъ крестьянъ безпрестано работать и дававшихъ имъ мѣсячину для прокормленія; затѣмъ иностранцы, жившіе въ Россіи въ концѣ царствованія Екатерины, говорятъ, что нѣкоторые помѣщики требовали отъ свояхъ крѣпостныхъ пяти и шести-дневной барщины [3]).

Если количество барщинныхъ дней вовсе не было опредѣлено закономъ, то, тѣмъ болѣе, отъ произвола владѣльцевъ зависѣла продолжительность работы въ теченіе каждаго дня. Единственную попытку дать опредѣленныя правила въ этомъ отношеніи представляетъ частное соглашеніе ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ, состоявшееся въ 1780 г., по которому было назначено работать въ апрѣлѣ и сентябрѣ по 11—13 ч., въ маѣ, іюнѣ и августѣ по 14—16 ч.

По отношенію къ полевымъ работамъ поденная барщина очень часто замѣнялась назначеніемъ опредѣленнаго урока на каждое тягло [4]). По

[1]) Болтинъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ новгородскаго намѣстничества крестьяне работали на помѣщиковъ по 2 дня въ недѣлю и такимъ образомъ подтверждаетъ свидѣтельство пусторжевскихъ дворянъ.

[2]) „Примѣчанія на Леклерка". II, 216—217, 220.

[3]) *Masson* Mémoires secrets. P. 1858. p. 176. *Passenans.* La Russie et l'eslavage. P. 1822, I, 71—72.

[4]) Не касаясь пока различнаго значенія слова „тягло" (см. объ этомъ въ слѣдующей главѣ), мы напомнимъ здѣсь только, что, какъ было указано въ главѣ II, въ нечерно-

большей части урокъ назначался только относительно полевыхъ работъ, но иногда его установляли и для сѣнокоса. Татищевъ въ своихъ «Экономическихъ запискахъ» говоритъ, что каждое тягло должно обработать на помѣщика по десятинѣ въ каждомъ полѣ и скосить 120 п. сѣна [1]. По словамъ Болтина, помѣщики опредѣляли обыкновенно на тягло по одной или по полторы десятины въ полѣ, которыя крестьянинъ долженъ вспахать, засѣять, сжать и свозить въ гумно [2]. Такимъ образомъ урокъ по одной десятинѣ въ полѣ считался умѣреннымъ, и, при необременительныхъ требованіяхъ, эта система могла бы быть удобнѣе для крестьянина, чѣмъ поденная барщина. Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ калязинскаго уѣзда тверской губерніи каждый крестьянинъ, исполнивъ урокъ (по десятинѣ въ полѣ), могъ идти на свою работу, хотя бы его товарищи и не окончили обработки опредѣленныхъ имъ участковъ; это называлось работать *въ раздѣлъ*. Такимъ же образомъ дѣлились тамъ сѣнокосы, а еще чаще ихъ сдавали крестьянамъ со взысканіемъ опредѣленнаго количества сѣна съ каждаго тягла [3]. Къ несчастію для крестьянъ уроки были иногда очень обременительны. Хотя, по сломамъ Рычкова, «человѣколюбивый господинъ и прямо отечество свое любящій никогда управителямъ и прикащикамъ своимъ не велитъ на каждое тягло во всѣхъ поляхъ (т. е. въ каждомъ полѣ) болѣе сего какъ по одной десятинѣ, а конечно ужъ не больше полуторы десятины пахать, сѣять и убирать», однако же крестьяне обработывали не всегда это количество: у нѣкоторыхъ пахали по двѣ, у другихъ даже болѣе двухъ десятинъ на тягло въ каждомъ полѣ. Положеніе крѣпостныхъ ухудшалось еще тѣмъ, что нѣкоторые помѣщики позволяли имъ не прежде приниматься за обработку и уборку крестьянскихъ полей, какъ по окончаніи барскихъ работъ [4].

земной полосѣ обыкновенно считали 1 тягло на 2 ревизскихъ души, а въ черноземной на $2^1/_2$ души.

[1] Временникъ 1852 г. кн. XII, стр. 13.

[2] „Примѣчанія на Леклерка", II, 217. Ростопчинъ въ своей книгѣ „Плугъ и Соха", изд. въ 1806 г., считаетъ обыкновеннымъ урокомъ по десятинѣ въ полѣ (стр. 17). Въ однихъ неизданныхъ замѣткахъ по сельскому хозяйству, присланныхъ въ 1791 г. въ вольное экономическое общество, авторъ совѣтуетъ на каждаго взрослаго крестьянина (отъ 16 до 60 лѣтъ) сѣять въ одномъ полѣ ржи по полторы четверти, а въ лѣсныхъ мѣстахъ и по четверти, въ другомъ же полѣ овса противъ ржи вдвое, пшеницы и ячменя по два четверика; это и выйдетъ другими словами по десятинѣ на тягло въ каждомъ полѣ (Арх. Вольн. Эконом. Общ. кн. № 121, л. 127).

[3] „Генеральное соображ." по Тверск. губ., стр. 51, сравн. Тр. Вольн. Экон. Общ. т. XXIII (эконом. отвѣты по вологодскому уѣзду), стр. 241.

[4] Труды Вольн. Эк. Общ. XVI, 27.

Въ предъидущей главѣ мы приняли, на основаніи только что приведенныхъ свидѣтельствъ, что въ нечерноземной полосѣ крестьяне пахали господской пашни на тягло 3 дес. въ трехъ поляхъ, а въ черноземной $3^3/_4$ дес.; принимая въ первой 2 души въ тяглѣ, а во второй $2^1/_2$ души, это составитъ по $1^1/_2$ дес. на душу во всѣхъ трехъ поляхъ. При такомъ разсчетѣ оказалось, что количество крестьянской пашни вездѣ значительно превышало размѣръ господской запашки, а именно въ среднемъ выводѣ по всей Россіи на каждую душу м. п. приходилось вдвое болѣе обрабатывать на себя, чѣмъ на господина. Какъ согласить такой выводъ съ другимъ, только что полученнымъ нами на основанія свидѣтельствъ прокуроровъ и другихъ источниковъ, что при барщинной системѣ наиболѣе обычною была трехдневная барщина. Если крестьяне отдавали помѣщику половину своего рабочаго времени, то казалось бы, что и размѣры пашни господской и врестьянской, должны быть приблизительно одинаковы. Въ подтвержденіе такого мнѣнія можно было бы даже привести свидѣтельство Болотова, который въ «наказѣ для прикащика» говоритъ: «По большей части почитается за правило, чтобы крестьянинъ столько жъ земли пахалъ на господина, сколько онъ для себя вспахать можетъ, или сколько подъ собою имѣетъ... Легче и способнѣе сего дла нихъ быть уже не можетъ, ибо часто случается, что они и гораздо болѣе... на господина пашутъ» [1]). Но свидѣтельство Болотова можетъ относиться лишь къ той, особенно малоземельной мѣстности, гдѣ онъ жилъ (каширскій у. тульской губ., пограничный съ московскою губерніею), такъ какъ есть другія указанія, что крестьяне пользовались не половиною, а двумя третями всей пахотной земли, что совершенно совпадаетъ съ нашимъ среднимъ выводомъ по всей Россіи [2]). Кромѣ этихъ общихъ свидѣтельствъ, всѣ отдѣльныя указанія относительно размѣровъ помѣщичьей запашки, какія намъ удалось встрѣтить [3]), даютъ цифру даже менѣе той, какую мы приняли. Наконецъ что касается общаго соображенія о томъ, что крестьяне располагали только половиною времени и потому ихъ пашня не могла особенно превышать размѣровъ помѣщичьей запашки, то во первыхъ нужно замѣтить, что въ распоряженіи крестьянъ было обыкновенно (объ небла-

[1]) Труды Вольн. Экон. Общ. XVI, 183—184.

[2]) Рычковъ полагаетъ, что „крестьянину для себя и для продажи въ публику (на платежъ государственныхъ податей и проч.) по меньшей мѣрѣ вдвое или втрое пахать надобно“ сравнительно съ тѣмъ, что онъ пашетъ на господина. Тр. В. Эк. Общ. XVI, 28. См. еще въ Дополненіи VII.

[3]) См. Дополненіе IX.

попріятныхъ исключеніяхъ мы здѣсь не говоримъ) не 3, а 4 свободныхъ дня, такъ какъ они могли работать и въ воскресенье; во вторыхъ на своей работѣ несомнѣнно нерѣдко употреблялись и нетяглые работники, и наконецъ интензивность труда крестьянъ на своей пашнѣ была разумѣется несравненно выше, чѣмъ на барщинѣ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, они и могли въ четыре дня сработать на себя вдвое болѣе того, что исполняли на господина въ три дня.

Какъ оброчные крестьяне, кромѣ уплаты оброка деньгами и натурой, должны были иногда пахать пашню и исполнять нѣкоторыя работы, такъ и повинности барщинныхъ крестьянъ не ограничивались одною барщиною. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ петербургской, новгородской и псковской губерній сверхъ трехъ-дневной барщины былъ сборъ, называемый *пятиною*. Онъ состоялъ въ томъ, что крестьяне отдавали пятый снопъ всякаго хлѣба и пятую часть другихъ произведеній, какъ то: хмѣля, конопли и капусты. Нѣкоторые помѣщики собирали пятину не снопами, а отсыпнымъ хлѣбомъ, что было тяжелѣе для крестьянъ, такъ какъ для обмолачиванія пятой части, принадлежавшей помѣщику, они затрачивали лишнее время [1]). Денежные сборы съ барщинныхъ крестьянъ составляли довольно исключительное явленіе; но за то общимъ правиломъ было требованіе, такъ называемыхъ, столовыхъ запасовъ, или вообще различныхъ поборовъ натурою. Такъ было въ боярскихъ вотчинахъ до-петровской Руси, тотъ же порядокъ существовалъ и во второй половинѣ XVIII в. Въ своемъ описаніи народовъ, населяющихъ Россію, Георги говоритъ: «Подобно пчеламъ, крестьяне сносятъ на дворъ господскій муки, крупы, овса и прочихъ житъ мѣшки великіе, стяги говяжьи, туши свиныя, бараны жирные, дворовыхъ и дикихъ птицъ множество, коровья масла, яицъ лукошки, сотовъ или медовъ чистыхъ кадки, концы холстовъ, свертки суконъ домашнихъ; къ чему прикащикъ присовокупивъ отъ господскаго домостроительства сихъ же вещей число несравненно большее, отправляетъ обозы великіе къ барину, въ столичный или другой городъ, гдѣ тотъ домовитый дворянинъ, оставя изобильное количество на годовое употребленіе всего, ему съ домочадцами нужнаго.... отсылаетъ.... остатокъ оныхъ на торжище.... и тѣмъ разливаетъ въ столицѣ или другомъ городѣ, какъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ и въ деревенскихъ произведеніяхъ дешевое изобиліе» [2]). Оказывалось, такимъ образомъ, что все устроено къ лучшему

[1]) Постановленіе ямбургск. дворянъ въ рук. Сб. Пуб. Библ.

[2]) „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“, Спб. 1796 г., IV, 135—136.

въ семъ наилучшемъ изъ міровъ: крестьянинъ не просто доставлялъ припасы господину и прокармливалъ его, но еще исполнялъ важную общественную обязанность.

По словамъ Болтина, поборы натурою обыкновенно собирались съ крестьянъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ каждаго тягла по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣсколько яицъ, по нѣсколько аршинъ холста, сермяжнаго сукна и проч. [1]). Кромѣ того было въ обыкновеніи собирать свиное мясо, барановъ, коровье масло и медъ, если у крестьянъ были улья. Въ нѣсколькихъ вотчинахъ мы встрѣтили также собираніе пѣтуховъ, которыхъ каплунили, откармливали и отсылали къ помѣщику въ столицу. Крестьяне М. П. Нарышкиной, стефанской вотчины тульской губ., находили для себя особенно обременительнымъ сборъ пѣтуховъ и выпасываніе телятъ, для чего имъ приходилось даже покупать молоко [2]). Депутатъ Титовъ, въ своемъ проектѣ о крестьянскихъ повинностяхъ, предлагалъ еще раздавать помѣщичій скотъ: на трехъ взрослыхъ работниковъ по 2 коровы, отъ которыхъ приплодъ долженъ былъ оставаться въ пользу крестьянъ, а господинъ получалъ съ каждой по 20 ф. масла. Такъ и дѣлали нѣкоторые владѣльцы. А именно въ имѣніяхъ кн. А. М. Голицына рославльскаго уѣзда смоленской губ., какъ въ оброчныхъ такъ и въ барщинныхъ, на 875 д. было роздано 24 коровы, такъ называемыя «безсмертныя», отъ которыхъ приплодъ шелъ въ пользу крестьянъ, а помѣщикъ получалъ отъ каждой по 20 ф. масла ежегодно [3]).

Женщины лѣтомъ ходили на барщину, а зимою должны были прясть и ткать на господина. «Во многихъ у насъ мѣстахъ обыкновеніе, говоритъ Рычковъ, что каждая тягловая крестьянка въ годъ должна напрясть и выткать сукна и холста по 12-ти арш., а въ нѣкоторыхъ вотчинахъ накладываютъ на нихъ и болѣе, что все называется оброкомъ; на оное выдается овечья шерсть, ленъ или посконь помѣщичья, буде жъ въ вотчинѣ своего домашняго нѣтъ, то покупаютъ и раздаютъ; когда суконъ не ткутъ, тогда холстинный оброкъ удвоиваютъ, и вмѣсто 12 арш. взыски-

[1]) „Примѣчанія на Леклерка“ II, 217. Нѣсколько примѣровъ сбора столовыхъ припасовъ см. въ Дополненіи X.

[2]) Голицынскія дѣла.

[3]) Ibid. Съ этимъ можно сопоставить слѣдующее распоряженіе Волынскаго: „Въ нынѣшнемъ 1725 г. велите во всѣхъ деревняхъ купить молодыхъ овецъ и молодыхъ свиней и раздайте на кажное тягло по 1 овцѣ и по 1 свиньѣ неимущимъ крестьянамъ, и по прошествіи года брать съ кажнаго тягла въ годъ.... по пуду свинаго мяса, по 3 ф. масла коровья, да по 1 молодому барану.... съ нихъ же съ кажнаго тягла по 3 ф. шерсти овечей“. Москвитянинъ 1854 г. №№ 3 и 4.

вается съ одной бабы полный холстъ въ 24 или въ 20 арш.». Въ другомъ своемъ трудѣ Рычковъ говоритъ, что въ оренбургской провинціи даютъ замужнимъ крестьянкамъ спрясть и соткать $4^1/_4$ или $4^1/_2$ ф. льна, изъ котораго выходитъ 20 арш. холста въ $2^1/_2$ четверти ширины. По его словамъ, исполнить всю эту работу, т. е. спрясть ленъ, смотать, вымыть и навить пряжу, основать и выткать холстину прилежная крестьянка можетъ въ 6 или 7 недѣль [1]).

Когда всѣ эти припасы и другіе сборы натурою—масло, птицы, медъ, грибы, ягоды, холстъ и проч.—снесены на господскій дворъ, этимъ еще не кончаются обязанности крѣпостныхъ; очень часто оказывалось нужнымъ большую часть этихъ произведеній природы и человѣческаго труда доставить въ одну изъ столицъ или другой городъ, гдѣ служилъ или проживался владѣлецъ вотчины, а поставка опять таки была обязанностію его крестьянъ. Помѣщикъ назначалъ, сколько подводъ требовать съ тягла и на какое разстояніе. Такъ уже знакомый намъ Лунинъ приказалъ для доставки въ Москву продажнаго хлѣба и разныхъ припасовъ требовать съ тягла въ имѣніи, находящемся отъ Москвы въ разстояніи болѣе 300—400 верстъ—одну подводу, лежащихъ въ 225—270 в. — по 2 подводы, при разстояніи 120 в.—4 подводы, «а ближнія поѣздки и дневные работники располагаются также съ тягла съ наблюденіемъ всесовершенной точности въ очереди». Авторъ книги «Плугъ и Соха» (1806 г.) считалъ, что изъ вотчины, лежащей отъ Москвы въ 50 в. обыкновенно требуютъ съ тягла 4 подводы съ дровами и сѣномъ (стр. 30—31). Кн. А. М. Голицынъ изъ своей вотчины епифанскаго у. тульской губ., которая находилась отъ Москвы въ 270 верстахъ, требовалъ ежегодно по 3 подводы съ тягла; так какъ каждая изъ нихъ оцѣнивалась въ то время по 1 р. 50 к., то съ каждой души это составило бы налогъ по 1 р. 80 к., но нужно помнить, что подводы составляли одинъ изъ главныхъ видовъ зимней барщины и слѣд. ихъ должно засчитывать въ число барщинныхъ дней. Крестьяне епифанской вотчины М. П. Нарышкиной въ челобитной помѣщицѣ жаловались на то, что они обременены отвозкою припасовъ въ вяземскую вотчину, которая находилась въ 600 верстахъ отъ ихъ деревень [2]).

По словамъ Болтина, доходъ помѣщиковъ съ имѣній, гдѣ крестьяне

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 53—54; VII, 198—199, 200.

[2]) Голицынскія дѣла. Титовъ въ своемъ проектѣ предлагалъ постановить, чтобы крестьяне давали подводы не далѣе 350 верстъ и чтобы каждый работникъ обязанъ былъ давать въ годъ не болѣе двухъ подводъ.

были на барщинѣ, равнялся 5—10 р. съ ревизской души, смотря по количеству земли и удобству отвоза хлѣба на продажу (II, 217). Такъ было въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ 90-хъ годахъ помѣщикъ Лунинъ считалъ, что одно его мнѣніе саратовской губ. давало ему дохода по 9 руб. на душу, а другое въ рязанской губ. по 10 руб. на душу.

Таковы были поборы съ барщинныхъ крестьянъ въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній; но нѣкоторые дворяне были гораздо требовательнѣе. Такъ напр. въ 1767 г. одинъ крестьянинъ дмитровскаго уѣзда, помѣщика Алексѣя Лопухина, жаловался императрицѣ, что на его семью, состоящую кромѣ него, изъ брата и малолѣтняго племянника, помѣщикъ наложилъ оброкъ по 12 руб. въ годъ, и въ тоже время они должны были работать наравнѣ съ тѣми, которые ничего не платили [1]). Иногда помѣщики, желая перевести крестьянъ на оброкъ, требовали отъ нихъ такихъ громадныхъ ежегодныхъ взносовъ, что крестьяне сами предлагали сверхъ барщины платить нѣкоторую сумму съ тѣмъ, чтобы ихъ оставили въ прежнемъ положеніи. Коломенская помѣщица генеральша Толстая пріѣхала въ свое имѣніе лѣтомъ 1767 года; она приказала собрать мірской сходъ, на который сошлось около 1300 душъ, и предложила крестьянамъ перевести ихъ съ барщины на оброкъ съ тѣмъ, чтобы они платили съ осмака [2]) по 35 рублей, слѣдовательно по 17 р. 50 к. съ обыкновеннаго тягла. Крестьяне отвѣчали, что они согласны платить по 15 руб. съ осмака, кромѣ всѣхъ «здѣльевъ», которыя они исполняютъ, а болѣе платить не въ состояніи. Такимъ образомъ сверхъ ежедневной работы—(эта помѣщица заставляла на себя работать каждый день) крестьяне соглашались платить по 7 р. 50 к. съ тягла. Крестьяне той же генеральши Толстой должны были построить ей три дома въ трехъ разныхъ помѣстьяхъ, которые вмѣстѣ стоили до 4,000 руб. Какъ и оброчные крестьяне Лопухиныхъ, они давали «подмогу» переселяемымъ крестьянамъ. Осенью и весною у Толстой также находилась работа: не смотря на распутицу, она приказывала крестьянамъ отвозить ея хлѣбъ на продажу въ Москву, для чего ежегодно отправлялось до 1000 подводъ. Эта помѣщица выжидала всегда того времени, когда хлѣбъ будетъ подороже, и потому иногда онъ портился въ эмбарахъ прежде, чѣмъ она успѣвала его продать. Въ такомъ случаѣ, чтобы онъ не пропалъ даромъ, она заставляла своихъ крестьянъ его покупать [3]).

[1]) Арх. М. Ю., дѣла Сената, № 173—3744, л. 582.

[2]) Въ осмакѣ было 2 взрослыхъ работника и 2 работницы.

[3]) Арх. М. Ю., дѣла Сената № 173—3744, л. 591—593.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что нѣкоторые помѣщики безжалостно притѣсняли крестьянъ, доводили ихъ до отчаяннаго положенія; а если управляющій или прикащикъ доносилъ, что крестьяне совершенно разорены и не въ состояніи дольше нести наложенныхъ на нихъ повинностей, они знать ничего не хотѣли. Вотъ что писалъ въ 1785 году дворянинъ казанскаго уѣзда Бѣлавинъ своему прикащику: «О крестьянахъ, что они неимущіе и ходятъ по міру, отнюдь ко мнѣ не пиши: мнѣ это ножъ; я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго,—такъ они милы мнѣ; почти я отъ нихъ допущенъ ходить съ кузовомъ по міру. Уповаю и надѣюсь до 1,000 рублей взыскать безъ всякако сумнительства и разоренія съ нихъ. Мужикъ сѣръ, но умъ не чортъ у него съѣлъ» [1]).

Подобно тому какъ въ древней Греціи рабовъ употребляли для работъ на фабрикахъ и въ рудникахъ, точно также однимъ изъ видовъ барщинныхъ повинностей была работа на помѣщичьихъ заводахъ. Всего болѣе крѣпостныхъ крестьянъ, работавшихъ на заводахъ, было на Уралѣ и въ прилежащихъ къ нему мѣстахъ. Какъ всѣ вообще крѣпостные дѣлились на крестьянъ и дворовыхъ, такъ и среди крѣпостнаго населенія на Уральскихъ заводахъ мы замѣчаемъ двоякаго рода людей: 1) *крѣпостныхъ мастеровыхъ*, которые постоянно находились на работѣ, и 2) *крѣпостныхъ крестьянъ*, которыхъ посылали лишь на нѣкоторыя работы, преимущественно для рубки и возки дровъ, руды и т. п. Мы можемъ приблизительно опредѣлить количество тѣхъ и другихъ въ екатеринбургскомъ горномъ начальствѣ, въ вѣдомствѣ котораго состояли всѣ уральскіе горные заводы губерній: пермской, оренбургской, вятской и казанской. Въ описаніи заводовъ этого округа, составленномъ въ 1808 г. Германомъ [2]), есть данныя 5 ревизіи о каждомъ изъ заводовъ отдѣльно; подведя имъ итогъ, мы получили собственныхъ мастеровыхъ 30,000 д. м. п., а крестьянъ около 63,000 д., итого около 93,000 д. м. п. Но въ томъ числѣ были не только крѣпостные, а также купленные къ заводамъ на поссессіонномъ правѣ; такъ какъ послѣднихъ было пріобрѣтено къ горнымъ заводамъ по свѣдѣніямъ 1769 г.—45,543 д., то слѣдовательно крѣпостныхъ мастеровыхъ и крестьянъ на горныхъ заводахъ было около 48,000 д. м. п. Всего болѣе заводскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и мастеровыхъ находи-

[1]) Арх. М. Ю., № 872—4443, л. 337.

[2]) Изд. въ Екатеринб. in f. Во многихъ заводахъ приведены свѣдѣнія лишь относительно числа душъ крестьянъ, находившихся на работѣ; въ такихъ случаяхъ мы принимали общее количество крестьянъ вдвое болѣе находившихся на работѣ. Число же мастеровыхъ вездѣ обозначено.

лось въ это время въ рукахъ А. А. Голицыной и В. А. Шаховской, урожденныхъ Строгоновыхъ, Григорію Александровичу и Александру Сергѣевичу Строгоновымъ и Алексѣю Григорьевичу Демидову. Мастеровые, постоянно находившіеся на работѣ, получали опредѣленное жалованье, а иногда задѣльную плату. Крестьяне только иногда получали плату за работу. Мы знаемъ, что крестьянъ графа Строгонова, работавшихъ на соляныхъ варницахъ и заводахъ, лѣтомъ распускали по домамъ для посѣва и уборки хлѣба и сѣна, а 500 человѣкъ постоянно находились на варницахъ. Крестьяне, имѣвшіе землю и обработывавшіе ее, платили помѣщику по 1 р. оброка, постоянные же варничные рабочіе были отъ этого освобождены [1]).

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ также весьма часто бывали различныя фабрики, на которыхъ работали крѣпостные. Такъ, напримѣръ, въ одномъ приволжскомъ селѣ графа Головкина (900 душъ крестьянъ) была полотняная фабрика въ 200 становъ, гдѣ крѣпостные рабочіе приготовляли домашнее полотно, парусину и столовое бѣлье. Каждая женщина обязана была поставить на фабрику полпуда льна. Въ имѣніи Салтыкова, арзамасскаго уѣзда, были кожевенные и мыльные заводы, на которыхъ работало до 1,000 человѣкъ. Въ имѣніи Р. Л. Воронцова въ костромскомъ у., гдѣ было 213 д., находилась полотняная фабрика; крестьяне были «на господской работѣ при фабрикѣ»; пашни въ этомъ имѣніи, вѣроятно крестьянской, было только 76 дес. На обойной фабрикѣ Воронцова въ его саранской деревнѣ работали дѣти и дѣвушки [2]). Въ имѣніи кн. Цициaнова, ардатовскаго у. нижегородской губ., гдѣ было 814 д., крестьяне, находившіеся на издѣльѣ, сверхъ полевой работы чесали и пряли шерсть и ткали сукна на суконной фабрикѣ; здѣсь они, какъ видно, были менѣе обременены фабричною работою, такъ какъ успѣвали всего обработать болѣе чѣмъ по 3 дес. на душу. Въ имѣніи кн. Килдашева, рязанскаго уѣзда, гдѣ было 1,705 душ., крестьяне, находившіеся на издѣльѣ, работали еще и на фабрикѣ парусныхъ полотенъ; пашни они успѣвали здѣсь обработывать только по десятинѣ на душу. Въ имѣніи Кожиныхъ, задонскаго у. воронежской губ., крестьяне (1,130 д.) работали на суконной фабрикѣ и въ тоже время успѣвали запахивать по 5½ дес. на душу. Въ имѣніи Лазаревыхъ, богородскаго у. московской губ., крестьяне (396 д.) работали на шелковой фабрикѣ, пашни же обработывали менѣе чѣмъ по дес. на душу [3]). Мы не знаемъ всего числа крѣпостныхъ, работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но, судя по «экономическимъ примѣчаніямъ», ихъ было не много. Крестьяне тѣхъ вотчинъ, гдѣ были фабрики, очень тяготились этого рода работой и крайне радовались ея прекращенію. Крестьяне тульской вотчины М. П. Нарышкиной въ челобитной къ госпожѣ между прочимъ писали: «Съ 1763 и по сей 775 г., тому 12 лѣтъ, находилась у насъ, государыня, тонко-

[1]) Когда гр. Строгоновъ передалъ въ 1771 г. свои заводы и промыслы въ аренду Лазареву, онъ выговорилъ въ контрактѣ, чтобы во все время аренды крестьяне платили такой же оброкъ и столько же работали бы, какъ и при немъ. Арх. М. Ю. № 391—3902 л. 23—28.

[2]) *Georgi*, Bemerkungen einer Reise II, 826; Эконом. Отвѣты по арзамасскому уѣзду; *Pallas*, Reise I, 65. „Экономич. Примѣч.“ въ Межевомъ Архивѣ.

[3]) См. „Экономич. Примѣч.“ соотвѣтственныхъ уѣздовъ.

прядильная фабрика. Дочери наши обращались всякій день и ночь, кромѣ праздниковъ, въ тонкопрядствѣ на содержаніи нашемъ пищею и платьемъ, въ чемъ намъ большая тягость была, которая нынѣшній годъ покойнымъ государемъ нашимъ Семеномъ Кирилловичемъ и отмѣнена, въ чемъ онъ государь нашъ изволилъ сдѣлать намъ и облегченіе не малое». Съ своей стороны М. П. Нарышкина уничтожила «тонкопрядство» въ свіяжской вотчинѣ, которымъ занимались 400 дѣвушекъ [1]).

Въ 1803 г. Мануфактуръ-Коллегія собирала подробныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на находившихся въ ея вѣдѣніи поссессіонныхъ фабрикахъ; среди множества донесеній объ этихъ послѣднихъ, случайно попалось нѣсколько извѣстій и о фабрикахъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ, изъ которыхъ мы почерпнемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ.

Въ имѣніи Окулово, рязанской губерніи, на суконной фабрикѣ было крѣпостныхъ 88 д. м. п. и 86 ж. п.; на фабрикѣ каждый годъ работа продолжалась въ теченіи 280 дней; но рабочіе ходили въ двѣ смѣны, по 3 дня въ недѣлю, и работали по 14 ч. въ день. Платы они не получали никакой, а только на каждую душу была дана земля: мужчинѣ по 1½ дес., а женщинѣ по 1 дес. въ каждомъ полѣ. Въ имѣніи генералъ-лейтенанта Барятинскаго, рязанской губ., изъ 802 ревизскихъ душъ работали на суконной фабрикѣ 292 человѣка м. п. [2]). Работа продолжалась 230 дней въ году, по 12 ч. въ сутки, но, какъ и на предыдущей фабрикѣ, крестьяне работали въ 2 смѣны, или, какъ говорилось въ то время, *братъ на брата;* на 2 лѣтнихъ мѣсяца ихъ распускали по домамъ для уборки своего сѣна и хлѣба [3]). Женщинъ пряло шерсть 264 д.; онѣ смѣнялись понедѣльно. На полотняной фабрикѣ кн. Д. М. Щербатова, въ ярославскомъ уѣздѣ, работало зимою 80 д. крѣпостныхъ, а лѣтомъ 15 — 20 д.; они получали задѣльную плату. Въ вятской губерніи, въ имѣніи Озеровыхъ, были полотняная, бумажная и суконная фабрики. На полотняной было крѣпостныхъ мастеровыхъ 16 д. м. п. и 60 ж. п.; работали, какъ и на двухъ другихъ фабрикахъ Озерова, 224 дня въ годъ. Пряхи работали по большей части въ особыхъ господскихъ домахъ, а нѣкоторыя и по своимъ избамъ. Каждый ткачъ за приготовленіе куска полотна перваго сорта (въ 50 арш.), на что требовалось 135 дней, — получалъ 7 руб., за такой же кусокъ полотна втораго сорта, на что нужно 108 дней, — 4 руб.; кромѣ того ткачамъ выдавалось провіанту по 2 п. ржаной муки въ мѣсяцъ; пряхи, которыя изготовляли по 4 тальки [4]), получали въ мѣсяцъ по 1 пуду муки и по 1 четверику овса, а которыя пряли 2 тальки въ мѣсяцъ, находились на своемъ пропитаніи и пряли только въ теченіи 7 зимнихъ мѣсяцевъ, а лѣтомъ занимались полевыми работами. Денежнаго жалованья пряхамъ не полагалось. На бумажной фабрикѣ Озеровыхъ было мастеровыхъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ, 17 человѣкъ; они получали мѣсячное жалованье: мастеръ 1 р. 50 к., подмастерья и рабочіе по 1 р. въ мѣсяцъ; кромѣ того имъ выдавался мѣсячный провіантъ — ржаной муки по 2 пуда и крупъ по 1½ гарнца; жены же ихъ пряли на полотняной фабрикѣ по 4 тальки въ мѣсяцъ. На суконной фабрикѣ Озеровыхъ было мастеровыхъ — 17 мужчинъ и 12 женщинъ; мастеръ получалъ помѣсячно по 1 р. 50 к., а остальнымъ была опредѣлена задѣльная плата, и они вырабатывали:

[1]) Голицынскій Архивъ.

[2]) Кромѣ того, въ другомъ селѣ (215 ревизскихъ душъ), работали на фабрикѣ 228 д. обоего пола.

[3]) Точно такой же порядокъ существовалъ на суконной фабрикѣ въ другомъ имѣніи кн. Барятинскаго, въ костромской губерніи, гдѣ работали на фабрикѣ въ 2 смѣны 460 д. обоего пола. (Неизд. Опис. Нерехт. у., 1805 г., рук. Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188).

[4]) Каждая талька по 12 золотниковъ.

ткачи по 15 р., сукноваляртели—по 12, скребальщики и картельщики—по 10, цевошники—по 5, прядильщицы—по 6 р. и, кромѣ того, получали въ мѣсяцъ ржаной муки по 1½ пуда и крупъ по 1½ гарнца. На чугунно-плавиленномъ и желѣзо-дѣлательномъ заводахъ брянской помѣщицы Гончаровой было 432 рабочихъ. При выплавкѣ чугуна, мастеръ и установщикъ получали по 1 руб. 75 к., а остальные по 1 р. 40 к. въ недѣлю; засыпщики и носчики угля — по 1 р. 5 к. въ недѣлю, копавшіе руду заработывали въ годъ 45—60 р., рубившіе дрова и заготовлявшіе уголь заработывали въ день по 22—24 к.; поденщики получали 12—20 к. въ день, поденщицы по 6—7 к. [1]).

Такимъ образомъ, на однихъ фабрикахъ крестьяне работали только по 3 дня въ недѣлю, и, слѣдовательно, ходили на фабрику, какъ на всякую другую барщину, имѣя время для своихъ земледѣльческихъ работъ, и въ такомъ случаѣ они не получали никакой платы; въ другихъ имѣніяхъ они были обращены въ постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ и получали недѣльную или мѣсячную, а не то и задѣльную плату; при томъ мѣстами вознагражденіе выдавалось частію деньгами, частію натурою, на другихъ же исключительно деньгами.

Въ коммисіи для составленія новаго уложенія купцы доказывали, что помѣщики вовсе не должны владѣть фабриками; помѣщики-же, въ свою очередь, утверждали, что купцамъ не слѣдуетъ имѣть крѣпостныхъ для заводскихъ работъ. Помѣщикъ, желая завести фабрику, говорилъ депутатъ г. Серпейска, приказываетъ крестьянамъ каждаго двора привезти сколько нужно бревенъ, лубья и тесу; потомъ ихъ принуждаютъ строить безденежно и на своемъ хлѣбѣ, а по постройкѣ фабрики заставляютъ безплатно работать на ней. Кончается тѣмъ, что крестьяне совершенно разоряются и, отставъ отъ хлѣбопашества, не могутъ платить государственныхъ податей. Вслѣдствіе этого депутатъ отъ г. Серпейска предлагалъ, чтобы только однимъ купцамъ было разрѣшено заводить фабрики или, по крайней мѣрѣ, чтобы помѣщики могли ихъ строить не иначе, какъ вольнонаемнымъ трудомъ. Князь Щербатовъ, этотъ извѣстный защитникъ дворянскихъ интересовъ, возражая на мнѣнія купцовъ, напротивъ, настаивалъ, чтобы за дворянами было сохранено право владѣть фабриками, такъ какъ эти фабрики «держатъ крестьянъ въ безпрестанномъ трудолюбіи» [2]). Дворянскою грамотою помѣщикамъ дозволено было имѣть фабрики по деревнямъ.

Законъ не воспрещалъ помѣщику обращать крестьянъ земледѣльцевъ въ фабричныхъ рабочихъ; впрочемъ и въ Пруссіи только земскимъ уложеніемъ 1794 г. запрещено было употреблять крестьянъ на фабрикахъ или другихъ заведеніяхъ, не входящихъ въ кругъ земледѣльческихъ занятій [3]).

[1]) Арх. Деп. Мануфакт. и Торг., св. 422, дѣло № 44, 1513—1, 1803 г. Крѣпостные Бекетова, работавшіе на его астраханскихъ виноградникахъ, получали въ годъ по 12 р. и по 3 пуда муки. *Pallas*, Bemerkungen I, 210.

[2]) Сборн. Ист. Общ. VIII, 93—94, 58—59, 137—138.

[3]) *Самаринъ* II, 225.

Окончивъ обзоръ натуральныхъ повинностей барщинныхъ крестьянъ, попробуемъ приблизительно перевести эти повинности на деньги, принявъ для этого наиболѣе обычное количество барщиннаго труда, а именно 3 дня въ недѣлю. По казенной таксѣ, сообразно съ которою оплачивался трудъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, они получали въ началѣ 60-хъ годовъ: пѣшій работникъ лѣтомъ (съ 1-го апрѣля до 1-го октября) въ день по 5 к., конный по 10 к., зимою пѣшій по 4, конный по 6 к. Крѣпостнымъ крестьянамъ приходилось исполнять на барщинѣ и пѣшія, и конныя работы: такъ, лѣтомъ конными были паханіе, бороньба, отвозъ хлѣба и сѣна въ житницы и сараи, пѣшія — посѣвъ, сѣнокосъ и проч.; зимою конною работою была подводная повинность для отвозки припасовъ и дровъ. Предположимъ, что изъ числа барщинныхъ дней и зимою, и лѣтомъ половина исполнялась съ лошадью, половина безъ нея [1]); тогда, по указанной таксѣ, лѣтняя работа крестьянина (при трехъ-дневной барщинѣ) должна быть оцѣнена въ 5 р. 85 к., зимняя— въ 3 р. 90 к. Женскій трудъ оцѣнимъ кругомъ по 4 к. въ день, тогда весь годовой трудъ женщины (по 3 дня въ недѣлю) будетъ стоить 6 р. 24 к., итого вся барщинная работа оцѣнивается въ 16 р. Предположивъ, что поборовъ натурою приблизительно собиралось на 1 р. съ тягла, мы получимъ, что вся цѣнность труда и повинностей съ одного тягла равнялась 17 р.; а такъ какъ въ тяглѣ было 2—$2^1/_2$ души, то слѣдовательно на ревизскую душу приходилось по 7 — 8 р. Само собою разумѣется, что къ концу царствованія Екатерины, съ повышеніемъ цѣнности труда, эта цифра должна быть увеличена. Съ 1779 г. плата приписнымъ крестьянамъ была возвышена ровно вдвое; при оцѣнкѣ земледѣльческихъ работъ ее можно принять за норму для начала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ такомъ случаѣ повинности барщинныхъ крестьянъ съ ревизской души въ то время должны быть оцѣнены въ 14—16 р. Здѣсь можно припомнить приведенныя выше слова Болтина, писавшаго во второй половинѣ 80-хъ годовъ, что помѣщики съ имѣній, гдѣ крестьяне состояли на барщинѣ, получали по 5—10 р., но это не противорѣчитъ сдѣланному нами вычисленію, имѣющему, конечно, только приблизительное значеніе, такъ какъ полученная нами цифра показываетъ, во что обходились крестьянину барщина, доставка припасовъ и поборы натурою, а Болтинъ говоритъ о чистомъ доходѣ помѣщика. Если срав-

[1]) Такое же отношеніе принимаетъ и авторъ одного неизданнаго мнѣнія по крестьянскому вопросу, составленнаго въ 1812 г.

нить результаты нашихъ исчисленій относительно барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то выходитъ, что въ 60-хъ годахъ оброчные платили по 3 р. съ души, а барщиннымъ ихъ повинности обходились въ 7—8 р.; въ 90-хъ годахъ оброчные платили 7 р. 50 к., а трудъ барщинныхъ оцѣнивается въ 14—16 р.; могутъ замѣтить, что нельзя считать эти величины вполнѣ соизмѣримыми; такъ какъ деньги на оброкъ добывались не только земледѣліемъ, но и отхожими промыслами, то, слѣдовательно, нужно принять во вниманіе и цѣнность времени, затрачиваемаго крестьяниномъ на проходъ до мѣста работы. Это отчасти справедливо; но, во первыхъ, нѣкоторые не ежегодно отправлялись на промыслы, а проводили на нихъ по нѣскольку лѣтъ, а во вторыхъ и плата за трудъ въ промышленныхъ центрахъ была, конечно, выше чѣмъ въ провинціальной глуши. Однимъ словомъ, можно приблизительно принять, что повинности барщинныхъ крестьянъ вдвое превосходили повинности оброчныхъ [1]). Какъ на неблагопріятный для нихъ фактъ, можно было бы указать еще на то, что въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне обыкновенно пользовались меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ въ оброчныхъ, но такъ какъ барщинная система была преимущественно развита въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ, то меньшій размѣръ надѣловъ могъ, говоря вообще, уравновѣшиваться ихъ лучшимъ качествомъ.

Познакомившись съ натуральными и денежными повинностями крестьянъ Великороссіи, мы приведемъ теперь для сравненія нѣсколько свѣдѣній о повинностяхъ крѣпостнаго населенія во Франціи, Германіи, Польшѣ, Отзейскомъ краѣ и Малороссіи. Точное количественное сравненіе повинностей, при настоящемъ состояніи науки, почти совершенно невозможно, потому что ихъ рѣдко количественно опредѣляютъ и ученые, спеціально занимающіеся исторіею народа въ той или другой странѣ; но, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе съ нѣкоторыми данными о положеніи крестьянъ въ указанныхъ мѣстностяхъ Европы, укажетъ на черты сходства и различія въ повинностяхъ крѣпостнаго населенія тамъ и у насъ. Начнемъ съ Франціи. Мы видѣли, что въ Великороссіи во второй половинѣ XVIII в. была болѣе развита оброчная система, но, тѣмъ не менѣе, было много и барщинныхъ имѣній, гдѣ издѣльная повинность требовалась въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Во Франціи, въ это время, напротивъ того, была

[1]) Это совпадаетъ и съ тѣмъ, что, по свидѣтельству Болтина, средняя доходность барщиннаго имѣнія равнялась въ 80-хъ годахъ 7 р. 50 к. съ души, а оброчнаго 4 р. съ души. (II, 217—218).

самая ничтожная барщина: въ большинствѣ случаевъ она отнимала у серва только 5—12 дней въ году [1]); но за то сборы натурою и деньгами были весьма велики. Тутъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о *шампаръ*: такъ называлась повинность, состоявшая въ отдачѣ сеньеру извѣстной части жатвы, по большей части около $^1/_4$ (иногда сборъ понижался до $^1/_{20}$). Земледѣльцы особенно жаловались на два условія, которыми сопровождалось отбываніе этой повинности: во первыхъ, крестьянинъ не могъ начать уборки, не извѣстивъ сеньера за 24 часа, вслѣдствіе чего весьма часто упускалось дорогое время, и во вторыхъ, онъ долженъ былъ иногда самъ доставлять ему шампаръ. Эта повинность была особенно ненавистна крестьянамъ, и въ крестьянскихъ наказахъ 1789 г. встрѣчаются безпрестанныя жалобы на нее. Другимъ обременительнымъ для крестьянъ поборомъ была *десятина*, взимавшаяся не только на духовныхъ земляхъ, но и во владѣніяхъ свѣтскихъ лицъ. Десятина ложилась на самые разнообразные продукты—хлѣбъ, виноградъ, мелкій скотъ, домашнихъ птицъ, шерсть; впрочемъ рѣдко она составляла $^1/_{10}$ продукта, а по большей части равнялась $^1/_{12}$—$^1/_{15}$, иногда уменьшалась до $^1/_{20}$ или $^1/_{40}$, были однако случаи, что она доходила до $^1/_6$ части. Главное затрудненіе составлялъ вопросъ, какъ вычислить эту долю—до взиманія шампара, или послѣ него: неопредѣленность правилъ относительно этого сбора порождала множество процессовъ. Изъ денежныхъ повинностей слѣдуетъ прежде всего упомянуть о *таліи*: taille servile былъ сборъ въ пользу сеньера, который могъ взиматься только съ крѣпостныхъ; полагался онъ или на самихъ сервовъ въ видѣ личнаго налога, или на ихъ земельные надѣлы, вслѣдствіе чего и раздѣлялся на personelle и réelle; другой денежный сборъ — *цензъ* — былъ незначительныхъ размѣровъ. Мѣстами существовали еще и нѣкоторыя другія повинности. Сеньерамъ принадлежали также дорожныя, мостовыя, ярмарочныя и иныя пошлины. Но особенно тяжело ложились на сельское населеніе, такъ называемые, *баналитеты* (banalités), весьма распространенные въ XVIII вѣкѣ. Тамъ, гдѣ существовалъ тотъ или другой баналитетъ, крестьянинъ обязанъ былъ молоть свое зерно на мельницѣ сеньера, печь свой хлѣбъ въ печи, принадлежащей сеньеру, выжимать виноградный сокъ на точилѣ землевладѣльца. Иногда, въ извѣстной мѣстности, существовало только одно изъ

[1]) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, напр. въ Шампани, барщинный трудъ, очень часто требовался въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ: крестьяне обязаны были обработать земли сеньера, сжать хлѣбъ и свезти его въ барскія житницы. *Chassin* L'église et les derniers serfs P. 1880, p. 172—173, ср. 27.

этихъ правъ сеньера. При пользованіи банальной мельницей, печью, точиломъ, бралась извѣстная плата, болѣе значительная, чѣмъ въ вольныхъ заведеніяхъ; этотъ расходъ былъ тѣмъ непріятнѣе для крестьянина, что, напримѣръ, испечь хлѣбъ онъ могъ бы и у себя дома. Сеньеръ бралъ за помолъ до $^1/_{16}$ доли муки или испеченнаго хлѣба; «въ сеньеріальномъ точилѣ оставалось $^1/_8$ винограднаго сбору, а въ случаѣ проступковъ противъ баналитетовъ налагался штрафъ и отбиралось тѣсто или испеченный хлѣбъ. Если же крестьянинъ покупалъ готовый хлѣбъ внѣ банальнаго округа, онъ платилъ сеньеру пошлину, равную тому, что долженъ былъ бы заплатить, приготовляя хлѣбъ дома. Самымъ распространеннымъ былъ баналитетъ мельницы, и онъ-то подавалъ поводъ къ наибольшему количеству злоупотребленій». Крестьяне въ своихъ наказахъ 1789 г. жалуются, «что банальныя мельницы устроены крайне плохо, такъ что много зерна (около $^1/_6$ напримѣръ) пропадаетъ даромъ, или мука получается дурнаго качества; мельники же, огражденные монополіей и сеньеріальной привилегіей, мошенничали и похищали до цѣлой четверти и даже половины муки, продавая ее въ свою пользу, чему способствовало крайнее разнообразіе мѣръ, такъ какъ нѣкоторые сеньеры имѣли свои особыя мѣры». Зависимость сервовъ отъ сеньеровъ сказывалась еще и въ такъ называемыхъ *смѣшныхъ правахъ* (droits ridicules); въ одномъ наказѣ названы слѣдующія изъ нихъ: игра въ мячъ, прыганье въ рѣчку тѣхъ, которые продали рыбу, обязанность пугать лягушекъ въ прудахъ замка, для доставленія спокойнаго сна сеньеру, или провозить яйцо въ запряженной повозкѣ, прыганье вступившихъ въ бракъ черезъ стѣны кладбища, и другія права «столь же смѣшныя». Битье палками по прудамъ упоминается во многихъ наказахъ. Нужно, наконецъ, замѣтить, что государственныя подати, платимыя народомъ во Франціи, были очень тяжелы. Къ сожалѣнію, историки, занимающіеся изслѣдованіемъ прошлой жизни французскихъ крестьянъ, еще не опредѣлили, какъ великъ былъ наиболѣе обычный размѣръ повинностей тамошнихъ сервовъ; но что для самого крестьянина оставалось немного, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ нѣкоторыхъ наказахъ 1789 г. высчитано, что изъ 12 споповъ тремя уплачивался шампаръ, однимъ десятина, двумя налоги; всѣ поборы поглощали слѣдовательно половину сбора; если вѣрить немурскому наказу, то они превышали иногда доходъ. Въ Бургундіи одна треть валоваго дохода уплачивалась въ видѣ налога, другую составляли феодальные поборы и десятина, а третья оставалась земледѣльцамъ. Около Туля у сельскаго хозяина ничего не оставалось за уплатою налога, десятины и феодаль-

ныхъ повинностей. Приводя другія подобныя цифры, Тэнъ замѣчаетъ, что налоги, десятины и феодальныя права брали половину чистаго дохода съ большихъ хозяйствъ и весь чистый доходъ съ маленькихъ. Возможны были случаи, что за вычетомъ 53% въ видѣ налоговъ, 14% феодальныхъ правъ и 14% десятины, у крестьянина оставалось менѣе 20% его дохода [1]). Послѣдняя цифра казалась наиболѣе обычною и тогдашнему русскому историку-публицисту Болтину; возражая Леклерку, онъ, между прочимъ, говоритъ о положеніи французскихъ крестьянъ: «земледѣлецъ изъ пяти сноповъ, имъ нажатыхъ, долженъ отдать четыре на десятину и на подати, остается ему только одинъ за всѣ употребленные имъ труды и убытки въ удобреніи, въ обработаніи земли и въ снятіи съ нея хлѣба». Неудивительно, прибавляетъ онъ, что во Франціи земледѣліе находится «въ запущеніи» и часто бываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ (II, 332—333).

Между тѣмъ какъ во Франціи барщины почти не существовало, въ Германіи она была самою преобладающею изъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ; это справедливо вообще, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ крестьянскія повинности были весьма разнообразны. О Пруссіи Самаринъ говоритъ, что въ общей сложности натуральныя повинности «преобладали надъ денежными; самая барщина въ однихъ мѣстахъ была обременительнѣе, въ другихъ легче; напримѣръ, въ прирейнскихъ областяхъ въ системѣ частныхъ повинностей главное мѣсто занимала десятина и денежный оброкъ, въ восточныхъ провинціяхъ—барщина; въ Помераніи крестьяне обработывали 3 дня въ недѣлю съ каждаго двора» (нужно было бы сказать, съ какого земельнаго участка); «въ Пруссіи, Бранденбургской области и Литвѣ—2 дня, не считая сгонныхъ во время жнитва и строительныхъ дней» [2]). Въ Австріи, относительно барщинъ «существовалъ не только до царствованія Маріи-Терезіи, но даже до послѣдняго десятилѣтія ея правленія, величайшій произволъ, такъ какъ государственная власть въ высшей степени рѣдко осмѣливалась сопротивляться устарѣлымъ злоупотребленіямъ землевладѣльцевъ. Поэтому барщины въ громадномъ большинствѣ случаевъ были *неопредѣленныя*, т. е. крестьяне должны были исполнять ихъ въ томъ размѣрѣ, какъ потребуетъ господинъ, хотя бы и въ теченіе цѣлой недѣли. Но если даже онѣ были

[1]) См. прекрасную книгу г. Карѣева „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ М. 1879, стр. 23—25, 44, 46, 49—50, 52, 78—79, 194—195. *Taine*, Les origines de la France contemporaine I, 484—485, *Chassin*, 45, 166, 293—297, 303, 313—315.

[2]) „Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи“, собраніе сочиненій т. II, 225.

определенныя, то онѣ рѣдко были менѣе 3 дней въ недѣлю, а во время запашки, жатвы и сѣнокоса занимали даже и всю недѣлю» [1]. Бобыли, вовсе неимѣвшіе земли, должны были въ Австріи работать на господина 12 дней въ году, или внести 10 гульденовъ деньгами [2].—Въ Шлезвигѣ и Голштиніи въ большей части имѣній крестьянинъ, сидящій на полной гуфѣ, долженъ былъ ежедневно поставить для господскихъ работъ 8 лошадей въ недѣлю съ 5 работниками лѣтомъ и 4 зимою (сидящій на половинѣ гуфы 4 лошадей и 3 работниковъ) для полевыхъ работъ и возки дровъ, хлѣба, удобренія и т. п., а во время жатвы оказывать еще добавочную помощь [3]. По воскресеньямъ и праздникамъ господинъ не долженъ былъ тробовать работы. Самый необходимый рабочій инвентарь—скотъ и орудія—были собственностію землевладѣльца и даны крестьянамъ только въ пользованіе; но лошадей, нужныхъ для веденія собственнаго хозяйства, крестьянинъ долженъ былъ пріобрѣсти самъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ господинъ давалъ не всѣхъ лошадей, нужныхъ для барщины, а именно, вмѣсто восьми—четыре, а иногда пріобрѣтеніе всѣхъ лошадей возлагалось на крестьянина. Въ полной гуфѣ въ Голштиніи было около 60—70 десятинъ пахотной и сѣнокосной земли [4].—Бобыли (Insten), не имѣвшіе земельныхъ участковъ и поселенные въ господскихъ хатахъ, обыкновенно были поденщиками у господина за низкую плату, или служили батраками у крестьянъ. За пользованіе жилищемъ съ огородомъ, жены бобылей должны были ежегодно поработать у господина 60—70 дней и выпрясть нѣсколько фунтовъ льну или пеньки. Если онѣ пасли еще корову на деревенскомъ общинномъ пастбищѣ и получали для нея зимній кормъ, а также нѣсколько дровъ и хлѣба, то обязаны были бо́льшею службою: обыкновенно увеличивалась работа женщинъ во время жатвы [5]. Такъ какъ въ Великороссіи среднимъ количествомъ пашни и сѣнокоса на одно тягло можно принять для того времени по меньшей мѣрѣ 10 десятинъ, то оказывается, что надѣлъ голштинскаго крестьянина, сидѣвшаго на полной гуфѣ, превосходилъ въ 6—7 разъ средній тягловой надѣлъ нашего крестьянина,

[1]) *Sugenheim*, 387.

[2]) Свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, собранныя коммиссіею для разб. госуд. родовъ. Въ Архивѣ II отд. I св. 326—312, дѣло № 1.

[3]) Дневная работа продолжалась съ 8 часовъ утра (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ съ 6) до 6 часовъ вечера, во время жатвы дольше; зимою съ 8—9 ч. утра до 4 по полудни съ двухчасовымъ отдыхомъ.

[4]) Арх. II Отд. Св. 326—312, дѣло № 8.

[5]) *Hanssen*. Aufhebung der Leibeigenschaft in den Herzog. Schleswig u. Holstein, 19—20.

а издѣльная повинность была въ 9 разъ больше нашей 3-хъ-дневной барщины. На сторонѣ голштинскаго крестьянина была та выгода, что онъ пользовался значительнымъ инвентаремъ (обыкновенно 12 лошадей, 4—8 дойныхъ коровъ и пр.); затѣмъ продолжительность дневной барщины была менѣе, и что сборы деньгами и натурою были весьма невелики (всевозможные подводы включались въ барщинные дни). Но нужно помнить, что владѣльцы полной гуфы въ Шлезвигѣ и Голштиніи всегда исполняли барщину съ помощію батраковъ; тогда какъ у насъ почти всѣ крестьяне работали на себя. Нужно еще замѣтить, что сверхъ вышеупомянутыхъ повинностей въ Шлезвигѣ и Голштиніи требовались еще обязательныя работы за довольно низкую плату съ затяглыхъ крестьянъ. Что касается владѣльцевъ болѣе мелкихъ участковъ, какъ-то, половины гуфы и проч., то они были въ менѣе благопріятномъ положеніи относительно барщины, чѣмъ такъ называемые «полные крестьяне», такъ какъ съ уменьшеніемъ участковъ повинности уменьшались не совсѣмъ пропорціонально: владѣлецъ половины гуфы вмѣсто 5—4 работниковъ долженъ былъ выставлять 3. О бобыляхъ нечего и говорить: ихъ жизнь была весьма незавидна.

Въ Помераніи крестьянинъ, сидѣвшій на полномъ надѣлѣ, имѣлъ обыкновенно пахатной земли 32 моргена (8 десятинъ), количество луговъ, дровянаго лѣсу, торфяниковъ и пр., принадлежавшихъ къ его надѣлу, точно опредѣлить нельзя: оно зависило какъ отъ мѣстныхъ условій, такъ и отъ произвола владѣльца. За этотъ надѣлъ крестьянинъ обыкновенно долженъ былъ поставлять въ теченіи цѣлой недѣли по 4 лошади и 2 человѣка—настоящаго работника и юношу или дѣвушку. Съ началомъ жатвы онъ во многихъ мѣстахъ посылалъ еще на работу дѣвушку, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всего въ это время даже по 4 и по 5 человѣкъ. Крестьянинъ, сидѣвшій на половинномъ надѣлѣ, служилъ 3—4 дня съ лошадьми, а остальное время пѣшій или даже былъ свободенъ отъ барщины. Кромѣ того крестьяне должны были возить господскій хлѣбъ въ городъ, давать нѣкорое количество домашнихъ птицъ, а ихъ жены—прясть. Бобыли получали отъ господина небольшое жалованье, а за хату, огородъ и пастбище для коровъ или свиней жены бобылей служили безплатно отъ одного до двухъ дней въ недѣлю [1])—По сравненію съ нашими крѣпостными, повинность померанскаго крестьянина оказывается

[1]) *Arndt.* Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen, Berl. 1803, S. 191—194, 200—202.

еще тяжелѣе, чѣмъ гольштинскаго: у насъ на тягло можно принять пахотной земли также 8 десятинъ, между тѣмъ нашъ крѣпостной за это всего чаще исполнялъ трехдневную барщину, а померанскій крестьянинъ, сидѣвшій на полномъ надѣлѣ, несъ повинность въ 4 раза большую. Нужно впрочемъ замѣтить, что за то инвентарь, считавшійся принадлежностью надѣла, былъ гораздо болѣе того, какимъ могло располагать одно тягло въ Россіи, а именно, не упоминая о земледѣльческихъ орудіяхъ и домовой утвари, полный крестьянинъ получалъ 8 — 9 лошадей, 4 дойныхъ коровы, 3 быка на племя, 2 свиньи, 3 поросенка и нѣсколько домашнихъ птицъ. Точно также количество непахотной земли на полный надѣлъ въ Помераніи было вѣроятно болѣе, чѣмъ у насъ на одно тягло.

Въ большинствѣ германскихъ государствъ размѣры барщины, во второй половинѣ XVIII в., не были опредѣлены закономъ. Въ Пруссіи даже земское уложеніе 1794 г. не установило общей нормы повинностей, а только ввело нѣкоторыя правила относительно работъ, какъ напримѣръ, что помѣщикъ не въ правѣ посылать крестьянъ въ другія вотчины, что женщины послѣ родовъ увольняются отъ работъ на 6 недѣль, опредѣлено было число рабочихъ часовъ и т. п. [1]). Въ Австріи Марія-Терезія, въ концѣ своего царствованія, установила maximum барщины въ 3 дня, а также опредѣлила, какимъ денежнымъ сборомъ она можетъ быть замѣнена; но ея планы относительно ограниченія барщины въ Венгріи почти совершенно не осуществились. Въ Галиціи имп. Іосифъ назначилъ въ 1786 г. maximum барщины въ 3 дня и опредѣлилъ, чтобы охота, ночные караулы и проч. включались въ барщину; продолжительность рабочаго дня была опредѣна въ 12 ч. лѣтомъ и въ 8 ч. зимою [2]).

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи преобладала оброчная система; но и тамъ, гдѣ главною повинностію была барщина, она замѣнялась иногда денежнымъ оброкомъ; такъ было, напр., въ Мекленбургѣ; въ Австріи господа, имѣвшіе недостаточное количество земли, замѣняли барщину оброкомъ въ 25—40 гульденовъ [3]).

Кромѣ барщины, въ Германіи существовали еще нѣкоторые сборы натурою и деньгами; изъ первыхъ самымъ важнымъ была *десятина*, мѣстами крайне обременительная для крестьянъ. Въ Пруссіи она раздѣлялась на большую десятину — съ валоваго урожая хлѣба и сѣна, малую десятину — съ огородовъ и фруктовыхъ садовъ, кровяную—

[1]) *Самаринъ*, II, 225—227.
[2]) *Sugenheim* 387—388, 393—394, 404—405.
[3]) Арх. II Отд. вяз. 326—312, дѣло № 8.

съ домашняго скота, птицъ и всякой живности, наконецъ — съ личныхъ заработковъ [1]). Въ Австріи десятина была также двухъ родовъ: бо́льшая—съ хлѣба, вина и скота, малая—съ овощей, плодовъ, курицъ, яицъ и проч. [2]). Изъ денежныхъ сборовъ, требовавшихся въ извѣстныхъ случаяхъ, слѣдуетъ назвать, во первыхъ, *лаудеміи*, которыя взимались въ Пруссіи при переходѣ имѣнія въ руки новаго землевладѣльца, при вступленіи каждаго новаго хозяина во владѣніе участкомъ, при переходѣ участка по наслѣдству въ боковую линію, при женитьбѣ хозяина, при сдачѣ или продажѣ его надѣла; затѣмъ существовалъ особый сборъ на приданое помѣщичьимъ дочерямъ [3]). Наконецъ, въ Германіи, какъ и во Франціи, мы встрѣчаемъ монополіи, обращенныя въ доходныя статьи (Gerechtigkeiten, франц. banalités); таковы были въ Пруссіи: исключительное право ставить и держать мельницы, курить вино, варить пиво, шинковать. Помѣщики пользовались ими троякимъ образомъ: или они освобождали обывателей за извѣстный денежный взносъ отъ обязанности молоть хлѣбъ на господскихъ мельницахъ и брать напитки въ господскихъ шинкахъ, или входили въ товарищество съ мельниками, пивоварами и шинкарями, которымъ отдавали въ аренду свое заведеніе, или, наконецъ, уступали свои привилегіи въ исключительное пользованіе постороннимъ промышленникамъ [4]).

Гарманская система въ полномъ составѣ процвѣтала и въ нашемъ Остзейскомъ краѣ. По свидѣтельству Гупеля въ Лифляндіи, съ гака, на которомъ обыкновенно жило 12 способныхъ къ работѣ людей м. п., взимались слѣдующія повинности: по 2 конныхъ работника ежедневно въ теченіи цѣлаго года, 2 пѣшихъ работника въ лѣтнее время отъ Юрьева дня (23 апрѣля) до Михайлова дня (8 ноября), а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ съ Иванова до Михайлова дня; наконецъ добавочныя пѣшія работы лѣтомъ, особенно при сѣнокосѣ и жатвѣ, около 80 дней на каждый гакъ. По казенной оцѣнкѣ, стоимость этихъ работъ приблизительно равнялась 30 талерамъ. Барщина тутъ была не тяжелѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, напр., въ Шлезвигѣ и Голштиніи; но дѣло въ томъ, что сверхъ нея остзейскіе нѣмцы на такую же сумму брали

[1]) *Самаринъ*, II, 208—209.

[2]) Арх. II отд. вяз. 326—312, дѣло № 1. О множествѣ сборовъ натурою и деньгами, отмѣненныхъ Маріею Терезіею въ Богеміи см. *Sugenheim*, 390.

[3]) *Самаринъ*, II, 360—351.

[4]) *Самаринъ*, II, 208, 275. ср. о нѣкоторыхъ другихъ сборахъ и повинностяхъ въ Пруссіи Ibid. 355.

различныхъ сборовъ натурою; такимъ образомъ, всего повинностей требовалось на 60 талеровъ, или около 75 р. руб. съ гака [1]). Такъ какъ въ гакѣ можно принять среднимъ числомъ 110 десятинъ [2]) то это составитъ около 70 коп. съ десятины; въ Россіи же, по нашему разсчету, принимая средній надѣлъ на душу при барщинной системѣ, 8 дес. и при оброчной 13,5 дес.,—приходилось въ 60 годахъ, при барщинной системѣ по 90 коп., при оброчной—всего по 28 коп. съ десятины; а мы уже знаемъ, что оброчная система была столь же распространена въ Великороссіи, какъ и барщинная (и въ этомъ остзейскіе писатели, какъ, напр., Эйзенъ и Меркель, видѣли важное преимущество русскихъ крестьянъ [3]), между тѣмъ, какъ въ Лифляндіи этой системы совершенно не существовало, за нѣкоторыми ничтожными исключеніями [4]). Не слѣдуетъ думать на основаніи только что приведенныхъ цифръ, что въ среднемъ выводѣ повинности великорусскихъ и лифляндскихъ крестьянъ были одинаковы: мы перечислили еще не всѣ работы крѣпостнаго лифляндскаго крестьянина; слѣдуетъ упомянуть еще объ отвозѣ въ городъ барскаго хлѣба, о поставкѣ женщинъ для ухода за барскимъ скотомъ, мытьѣ бѣлья на барина, пряденіи, нѣкоторыхъ денежныхъ расходахъ, какъ, напр., жалованьѣ караульнымъ на господскомъ дворѣ и т. п. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ Остзейскомъ краѣ, какъ и въ Германіи, крестьянинъ страдалъ отъ владѣльческихъ монополій; обыкновенно, онъ вымѣнивалъ у господина соль, желѣзо и табакъ на свой хлѣбъ, или пропивалъ его въ кабакѣ, устроенномъ помѣщикомъ; вареніе и продажа пива и вина составляли монополію господина [5]). Историкъ Лифляндіи такимъ образомъ характиризуетъ положеніе тамошнихъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII в. «По вакенбухамъ крестьянинъ, сидѣвшій на четверти гака, долженъ 3 дня въ недѣлю давать коннаго работника (слѣдуетъ прибавить еще: и лѣтомъ на 3 дня пѣшаго), во время сѣнокоса отправлять отъ 12 до 20 добавочныхъ рабочихъ дней, кромѣ того давать натурою 18—28 лофовъ хлѣба [6]),

[1]) *Hupel.* Topograph. Nachricht. von Lief. und Esthl. 1777, II, 199—204, 212, 214—216, 224—225, 243. *Eckardt.* Livland im XVIII Jahrhund. 371—382, 386. Безземельные люди, получившіе отъ крестьянъ за вспомогательныя работы избушку съ садомъ, должны были еще работать на помѣщика по 2 дня въ недѣлю безъ всякаго вознагражденія. Eckardt, Ibid, 424, *Hupel*, II, 212.

[2]) *Самаринъ.* Окраины Россіи, стр. XXXIV. О цѣнности альбертоваго талера см. *Hupel* II, 327.

[3]) Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1870 г. т. I. стр. 116

[4]) *Hupel*, II. 217.

[5]) Статья пастора Эйзена въ „Sammlung Russ. Geschichte", Bd. IX, 499

[6]) Лофъ равняется $2^2/_3$ четверика.

а также различное количество масла, шерсти, яицъ и проч. Господинъ, довольствующійся всѣми этими повинностями, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить поставку подводъ, вспомогательныя работы при молотьбѣ, приготовленіи солода, винокуреніи, возкѣ навоза, а также всѣ государственыя повинности,—считается гуманнымъ и заботливымъ господиномъ, т. е. исключеніемъ. Обыкновенно же требованія съ крестьянъ повышались по мѣрѣ ухудшенія экономическаго положенія господина.... Если крестьянинъ отъ чрезмѣрнаго обремененія повинностями такъ разорялся, что не могъ вести своего хозяйства, то для помѣщика всегда оставалась возможность присоединить его землю къ господской и обработывать батраками... Такъ какъ всѣ государственные налоги распредѣлялись по гакамъ, т. е. по крестьянской землѣ, то господинъ могъ даже надѣяться, что посредствомъ такой операціи онъ уменьшитъ подати и повинности, лежавшіе на его имѣніи. Точно также всѣ крестьянскія хозяйства, основанныя на собственно-господской землѣ (Hofsland), остаются свободными отъ налоговъ и не заносятся въ вакенбухъ.... Въ бѣднѣйшихъ мѣстностяхъ страны, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, обыкновенно, господа налагаютъ на крестьянъ болѣе тяжелыя повинности (вмѣсто трехъ—четыре дня въ недѣлю), чѣмъ на болѣе плодородномъ югѣ» [1]). Очевидно, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ Лифляндіи было хуже, чѣмъ въ Россіи.

Мы увидимъ ниже, что нѣмецкая система крестьянскаго землевладѣнія проникла въ Польшу и Литву; въ отбываніи повинностей также было много общаго между Германіею и Польшею. Кн. Любомірскій на основаніи современнаго свидѣтельства высчитываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка польскій крестьянинъ работалъ съ полъ-уволоки 6 дней въ недѣлю съ однимъ плугомъ [2]). Къ концу столѣтія повинности сдѣлались еще тяжелѣе. Вотъ что говоритъ авторъ одного польскаго мнѣнія по крестьянскому вопросу: «въ Коронѣ кметы за полу-уволоку лучшей земли ($7^1/_2$ дес., такъ какъ въ собственной Польшѣ уволока равнялась 15 дес.), служатъ по 4, 5 и 6 дней съ шестеркою воловъ или съ четверкою лошадей, держатъ работниковъ, которые въ теченіе всей жатвы содержатся на панскій счетъ, получая отъ «двора» небольшое количество хлѣба, сыра, масла; платятъ чиншики, даютъ извѣстную часть холста, яицъ,

[1]) Eckardt. 390—392. О томъ, что помѣщики назначали повинности болѣе положеннаго въ вакенбухахъ, см. *Hupel*, II, 211, 218—219. Эйзенъ объясняетъ намъ, что въ мѣстностяхъ, лежащихъ ближе къ границѣ Лифляндіи, налоги были менѣе, такъ какъ хищность землевладѣльцевъ сдерживалась опасеніемъ бѣгства крестьянъ.

[2]) Rolnicza ludność, Biblioteka Warszaw. 1857, t. II, 832.

куръ, исполняютъ работы сверхъ положеннаго—«изъ чести», обратившіяся въ повинность, по 6 и 8 разъ въ годъ.—Огородники-пѣшіе отработываютъ свои дни тамъ, гдѣ имъ укажутъ. Въ счетъ панщины... занимаются доставкою продуктовъ къ морскимъ портамъ и на базары, а также возкою изъ лѣсу, перевозкою изъ одного фольварка въ другой». Изъ этого видно, что повинности польскихъ крестьянъ, при небольшомъ размѣрѣ земельнаго надѣла, были гораздо выше, чѣмъ въ Россіи и, повидимому, даже въ Остзейскомъ краѣ. «Въ Литвѣ, продолжаетъ тотъ же авторъ, также различно отбываютъ повинности, служа [1]) по 6, 5, 4 и 3 дня *съ панскою запряжкой*; на половину обязательныя помочи тоже различны и продолжаются 12, 8 и 6 дней, сообразно съ панщиною; есть мѣстами и дани хмѣлемъ, грибами, орѣхами; есть зерновыя ссыпки по осьминѣ, *дякла* съ хлѣбовъ и сѣна, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ даютъ извѣстную часть и съ охоты—медвѣдей, лосей, рысей, волковъ, соболей, куницъ, кабановъ, бобровъ, выдръ—на разныхъ условіяхъ: или прямо отдавая половину, или выплачивая извѣстную сумму. Что касается медовой дани, то мѣстами даютъ половину, мѣстами цѣлая волость сообща приноситъ чашами даже и отъ домашнихъ пчелъ. Тамъ платятъ полѣсовое и лыковое; здѣсь даютъ ленъ, пеньку, ссыпи льняныя и конопляныя. И эти дани различны, примѣнительно къ мѣстностямъ, смотря по тому, гдѣ что есть въ изобиліи и какъ заведено прежними панами. Есть и барщины для исправленія дорогъ, для постройки избъ, для устройства мельничныхъ плотинъ. Есть и *даровщины* (одинъ изъ видовъ панщины) для удовлетворенія надобностей панскихъ усадьбъ. Обязанность сторожевая—дневная, ночная и недѣльная—также исполняется крестьянами; а жены ихъ, въ теченіе сторожевой недѣли, опредѣляются къ разнымъ работамъ. Паны повыдумали еще *толоки*, *повабы*, принудительный наемъ для жатвы хлѣба, притомъ почти вездѣ крестьяне платятъ за право пастьбы, между тѣмъ какъ въ старину владѣльцы снабжали села пастьбищами, какъ можно видѣть изъ прежнихъ привилегій» [2]). Къ этому нужно прибавить еще различныя монополіи, которыми пользовался господинъ. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о *пропинаціи*, т. е.

[1]) Очевидно съ полууволоки, въ которой въ Литвѣ было $9^1/_2$ дес.: цѣлая уволока равнялась 19 дес.

[2]) „Славянскій Сборникъ“ III, 113—114. До какой степени были тяжелы повинности, налагаемыя польскими панами; видно изъ того, что собирали кн. Яблоновская и Бржостовскій на основаніи изданныхъ ими будто бы льготныхъ уставовъ. Т. X. L. Rolnicza ludność, 59—61.

исключительномъ правѣ помѣщиковъ на выдѣлку и продажу въ своихъ имѣніяхъ крѣпкихъ напитковъ. Обыкновенно, эта статья дохода отдавалась въ откупное содержаніе евреямъ, которые, съ помощію водки, умѣли вырвать у крестьянина послѣднюю копѣйку, послѣдній гарнецъ ржи. Кромѣ того помѣщикъ могъ заставить молоть хлѣбъ только на панской мельницѣ [1]). Въ шляхетскихъ имѣніяхъ вошло въ обычай запрещеніе крестьянамъ покупать соль, сельди, косы, лемехи иначе, какъ у своего владѣльца; нѣкоторые припасы, напр. соль, предписывалось пріобрѣтать непремѣнно въ установленномъ на каждую семью количествѣ; запрещалось также крестьянину продавать его хозяйственныя произведенія — овесъ, куръ, ленъ, конопли, яйца—кому либо другому, кромѣ своего владѣльца или жида-арендатора, который умѣлъ надуть хлопа, взять съ него лишнее. Отъ воли владѣльцевъ зависѣло запретить крестьянамъ продажу ихъ скота, хлѣба, земледѣльческихъ орудій и различныхъ хозяйственныхъ продуктовъ. Помѣщикъ могъ всегда потребовать крестьянина къ себѣ на работу за уменьшенную, установленную имъ самимъ плату и т. д. [2]).

Очень точныя свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ мы имѣемъ относительно юго-западной Россіи, находившейся во второй половинѣ XVIII вѣка еще подъ властію Польши. На основаніи инвентарей помѣщичьихъ имѣній, профессоръ Антоновичъ опредѣлилъ количество барщины, денежныхъ и натуральныхъ сборовъ и пришелъ къ выводу, что чѣмъ южнѣе лежала мѣстность, слѣдовательно, чѣмъ болѣе удобствъ представляла она для крестьянскихъ побѣговъ, тѣмъ легче были повинности. На Волыни количество барщины равнялось 4 тяглымъ днямъ въ недѣлю (съ семьи, въ которой среднимъ числомъ было 3 работника). Къ этому прибавлялись еще сверхъ-урочные дни, носившіе различныя названія: *зажинки*, *обжинки*, *закоски*, *обкоски*, *заорки*, *объорки*, дорожная, подводная повинность, *толоки*, съ угощеніемъ водкою и безъ него (такъ называемыя мокрыя и сухія). Въ концѣ столѣтія число рабочихъ дней на Волыни доходило до 240, стоимостію въ 80 злотыхъ. Денежная дань взималась подъ двумя названіями—*чинша* и *подорожчизны;* въ концѣ

1) *Рехневскій.* Крестьянское сословіе въ Польшѣ. Рус. Вѣстн. 1858, т. XV, 75. Авторъ вышеупомянутаго мнѣнія по крестьянскому вопросу говоритъ о панахъ: „отняли у хлоповъ вольные кабаки и заставляютъ пить пиво, отъ котораго отравился бы самъ дьяволъ". Слав. Сб. III, 79. *T. X. L.* Rolnicza ludność, 1862, стр. 19—20.

2) *T. X. L.* Rolnicza ludność, 19—20. *Горемыкинъ.* Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, Спб. 1869, стр. 102; *Рехневскій*, стр. 75; Слав. Сб. Ш, 116.

столѣтія она дошла до 16 злотыхъ, что составитъ 48 рабочихъ дней. Дани натурою распространялись на всѣ предметы крестьянскаго хозяйства; болѣе важные ихъ виды: *осепъ*, или дань зерновымъ хлѣбомъ, десятина отъ курицъ, яицъ, льна и пеньки; мѣстами взималась еще десятина съ грибовъ, хмѣлю и пчелъ. Дани натурою равнялись въ концѣ столѣтія 11 злотымъ, или 33 рабочимъ днямъ. Слѣдовательно, всѣхъ работъ и поборовъ, если ихъ перевести на рабочіе дни, было на Волыни въ концѣ XVIII вѣка—321, стоимостію въ 10 злотыхъ. Такъ какъ это требовалось съ семьи среднимъ числомъ въ 3 взрослыхъ работника, или, по нашему, въ 3 тягла, то на одно тягло приходится 107 рабочихъ дней, или по 2 дня въ недѣлю, а по денежной оцѣнкѣ по 6 руб. на тягло. Такимъ образомъ, не смотря на кажущееся обиліе работъ и поборовъ, оказывается, что положеніе крестьянъ было легче, чѣмъ въ Великороссіи. Жаль только, что намъ неизвѣстно, съ какого поземельнаго участка взимались эти повинности. Въ Кіевскомъ Полѣсьи барщина была еще менѣе: именно по 2 дня въ недѣлю, а въ лѣтнее полугодіе по 3 дня въ недѣлю. Сумма всѣхъ повинностей въ концѣ столѣтія была почти совершенно такая же, какъ и на Волыни. Въ западной Подоліи, лежавшей еще южнѣе, лѣтомъ съ каждаго семейства обыкновенно отбывали по 2 дня барщины въ недѣлю, а зимою по одному дню; всѣхъ повинностей въ этой мѣстности было на 214 рабочихъ дней, или 71 злотый, слѣдовательно, по нашему на тягло по 71 дню въ годъ, или по 3 р. 50 к.; и такъ, здѣсь повинности были уже гораздо менѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Наконецъ, въ самой Украйнѣ, на всемъ пространствѣ южныхъ двухъ третей кіевской и подольской губерній, повинности должны были взиматься еще въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ помѣщики, чтобы переманить крестьянъ изъ болѣе населенныхъ мѣстностей, должны были предлагать имъ особенно льготныя условія [1]).

Въ Малороссіи наиболѣе обычною барщиною было 2 дня въ недѣлю: это прямо засвидѣтельствовалъ въ коммиссіи уложенія Козельскій въ своемъ мнѣніи по крестьянскому вопросу; Болтинъ также говоритъ, что двухъдневная барщина существуетъ «почти во всей Малороссіи» [2]). Правда, нѣкоторые владѣльцы, еще на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ пытались увеличить крестьянскія повинности; но Мазепа универсаломъ 1701 года,

[1]) Архивъ юго-западной Россіи ч. VI, т. 2, Кіевъ 1870 г. Введеніе проф. Антоновича, стр. 40—51.

[2]) Примѣч. на Леклерка, II, 217.

по случаю жалобъ крестьянъ одного владѣльца, предписалъ не требовать барщины болѣе 2 дней; то же приказала по другому случаю и малороссійская коллегія въ 1722 г. [1]); и въ большинствѣ случаевъ барщинная повинность сохранилась въ этомъ размѣрѣ и во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ видно изъ свидѣтельствъ Козельскаго и Болтина. Укажемъ еще на нѣкоторые отдѣльные факты: академикъ Гюльденштедтъ отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ запискахъ въ 1774 г., что на правомъ берегу Донца посполитые малороссіяне работали на господина 2 дня въ недѣлю, или платили оброкъ: 1 руб. съ дома, 1 руб. съ пары рабочихъ воловъ и по 50 коп. за каждую лошадь ежегодно. Въ имѣніи К. Г. Разумовскаго, Карловкѣ, лежавшемъ нз границѣ полтавскаго полка и екатерининсмой провинціи, крестьяне съ каждой семьи работалн по 2 дня въ недѣлю пѣшей или конной барщины; кромѣ того, они должны были скосить и поставить извѣстное количество сѣна и во время жатвы давать еще особыхъ работниковъ. Сверхъ того съ крестьянъ не взималось никакихъ поборовъ. Вообще, въ имѣніяхъ К. Разумовскаго, лежавшихъ въ уѣздахъ батуринскомъ, быковскомъ, ягодинскомъ и гадячскомъ, въ которыхъ было 22.649 душъ взрослыхъ работниковъ (15—60 лѣтъ), существовала вездѣ двухъ-дневная панщина. У гр. Румянцева, въ его имѣніи Вишенка, лежавшемъ въ черниговскомъ полку, надѣлъ на крестьянскую семью равнялся, обыкновенно, 12 дес. пашни и 6 дес. луга, за что такая семья платила ежегодно 8 р. 40 коп., т. е. по 47 коп. съ дес. [2]). Впрочемъ, нужно еще замѣтить, что многіе малороссійскіе помѣщики брали съ крестьянъ различные поборы натурою, а также заставляли ихъ насильно покупать самые разнообразные предметы за произвольно назначенную цѣну. Тѣмъ не менѣе, однако, изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ несомнѣнно, что повинности крестьянъ въ Малороссіи были гораздо легче чѣмъ въ Великороссіи.

Заключая нашъ сравнительный обзоръ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ въ пользу землевладѣльца, во второй половинѣ XVIII вѣка, мы должны сказать, что въ Германіи повинности были тяжелѣе, чѣмъ у насъ, а кромѣ того нѣмецкая система содѣйствовала развитію среди крестьянъ сильнаго имущественнаго неравенства и благосостояніе владѣльцевъ цѣлой гуфы или даже ея половины и четверти покупалось цѣною батрачества многихъ крестьянъ. Въ Остзейскомъ краѣ и Польшѣ,

[1]) *Лазаревскій.* Малор. посп. крест., Зап. Черн. Стат. Комит. I, 34—35, 39.
[2]) *Güldenstädt.* Reisen II, 284, 304, 383, 405.

при существованіи того же неравенства, а также, повидимому, и въ Литвѣ, повинности крестьянъ были тяжелѣе, но въ юго-западной Россіи и Малороссіи крѣпостнымъ приходилось работать и платить менѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Что касается качественнаго различія повинностей, то можно замѣтить, что въ Великороссіи вовсе не было сбора десятины; не существовало также владѣльческихъ монополій (banalités, Gerechtigkeiten). Во Франціи мы встрѣтили еще оригинальную повинность, состоявшую въ обязанности увеселять барина; у насъ это не было подведено подъ опредѣленныя правила; но господинъ всегда могъ заставить крѣпостныхъ продѣлывать для его потѣхи все, что ему вздумается. Такъ напримѣръ, гр. Орловъ, для удовольствія гостей—англичанъ — устроилъ кулачный бой между своими крѣпостными [1]). Точно также помѣщики заставляли крестьянъ плясать для своей потѣхи. «Крѣпостныхъ, пишетъ одинъ французъ долго жившій въ Россіи, не принуждаютъ, какъ серовъ во Франціи, бить по прудамъ, чтобы заставить молчать лягушекъ, которыхъ кваканье могло бы смутить сонъ владѣльца замка, но заставляютъ по очереди стеречь барскій дворъ по ночамъ. Они должны бить часы по листу желѣза или въ колоколъ, чтобы доказать, что находятся на своемъ посту» [2]).

Только въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи правительства начинаютъ въ это время опредѣлять закономъ размѣры барщины; какъ во Франціи, до самаго уничтоженія крѣпостнаго права во время революціи, такъ и въ большей части Германіи, а также въ Польшѣ и Остзейскомъ краѣ размѣры повинностей не были ограничены. Въ Малороссіи же, по большей части, держались двухъ-дневной барщины, которая считалась maximum'омъ крестьянскихъ повинностей еще при Мазепѣ.

[1]) Путешествіе Кокса. Рус. Стар. 1877 г., т. XVIII, 319—320. Помѣщики позволяли себѣ и болѣе вредныя потѣхи; вотъ, напр., что продѣлывалъ съ крестьянами уже въ XIX вѣкѣ, предъ самымъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, извѣстный пѣвецъ, кн. Ю. Н. Г. „Крестьяне его, разсказываетъ г. Дубасовъ, положимъ только что возвратились съ поля, съ его же барщины. Имъ, разумѣется, отдохнуть бы слѣдовало, а Г. прикажетъ для потѣхи ударить въ набатъ, и вотъ всѣ усталые труженики, по заведенному разъ на всегда обычаю, принимаются безъ толку скакать по селу изъ конца въ конецъ. Баринъ смотритъ на все это и потѣшается; а въ заключеніе потѣхи прикажетъ разорить чью-нибудь крестьянскую избу.—„По крайней мѣрѣ, говаривалъ онъ при этомъ, не даромъ скакали по селу, все-таки хотя немного похоже на пожаръ".— „Къ исторіи крестьянской реформы въ Тамбовской губерніи". Еженедѣльное Новое Время, 1880 г., № 53, стр. 28.

[2]) *Passenans* I, 72.

ГЛАВА IV.

Поземельная община у крѣпостныхъ крестьянъ.

Недостаточность источниковъ для исторіи общиннаго землевладѣнія въ XVIII в.—Передѣлы существуютъ въ половинѣ XVIII в. во всей центральной Россіи.—Способы разверстки земли.—Тягловое совершеннолѣтіе.—Общіе и частные передѣлы.—Сроки передѣловъ.—Общественныя работы.—Помощь неимущимъ.—Арендованіе земли всею общиною и артелями крестьянъ.—Покупка земли міромъ.—Мірская ссудная касса.—Вліяніе помѣщика на мірское пользованіе землею.

Обыкновенно полагаютъ, что споръ объ общинномъ землевладѣніи былъ возбужденъ у насъ только съ начала нынѣшняго царствованія, съ тѣхъ поръ, когда въ печати, а затѣмъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ былъ поднятъ вопросъ, нужно-ли сохранять мірское землевладѣніе и при новомъ порядкѣ вещей, или на него слѣдуетъ взглянуть, какъ на вредный тормазъ, препятствующій усовершенствованію земледѣлія, какъ на результатъ крѣпостнаго права, который долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ уничтоженіемъ рабства. А между тѣмъ споръ объ общинѣ, или, лучше сказать, нападенія на общинное пользованіе землею, исходившія изъ среды агрономовъ, начались еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ они имѣли извѣстное вліяніе. Однако вообще сторонникамъ разрушенія общины, которые могли сослаться на примѣръ европейскихъ государствъ и особенно Пруссіи, не удалось направить законодательную дѣятельность согласно со своими взглядами; напротивъ того, правительство, по крайней мѣрѣ относительно русскихъ крестьянъ, не только охраняло общинный принципъ тамъ, гдѣ онъ уже укоренился, но и стремилось распространить тотъ типъ общиннаго землевладѣнія, который выработался въ центральной Россіи, на сѣверныя окраины, гдѣ не существовало передѣловъ земли, и даже своими мѣрами подготовляло введеніе его у крестьянъ, подворно владѣвшихъ землею. Итакъ, энергическія нападки на общину начались уже въ то время; онѣ имѣли то сходство съ филиппиками противъ общиннаго землевладѣнія, раздавшимися со второй половины 50 годовъ нынѣшняго столѣтія, что авторы ихъ не обнаруживали обстоятельнаго знакомства съ порядками мірскаго пользованія землею, а исходили изъ общихъ соображеній о ихъ вредѣ съ агрономической точки зрѣнія. Люди, понимавшіе пользу общиннаго землевладѣнія, были также довольно скупы на фактическія данныя, но все-таки они сохранили для насъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько любопытныхъ указаній.

Мы не будемъ здѣсь разсматривать мнѣнія противниковъ и защитниковъ поземельной общины во второй половинѣ XVIII в. и упомянули объ нихъ только для того, чтобы указать одинъ изъ источниковъ, откуда мы можемъ пополнить въ высшей степени скудныя свѣдѣнія объ исторіи мірскаго землевладѣнія, какія до сихъ поръ приводились въ нашей литературѣ. Съ исторіею поземельной общины повторилось то же, что и съ теоретическимъ обсужденіемъ общиннаго землевладѣнія; въ томъ и другомъ случаѣ защитники противоположныхъ мнѣній имѣли подъ руками слишкомъ ничтожное количество фактическаго матеріала. Въ самое недавнее время эти въ высшей степени отрывочныя свѣдѣнія по исторіи общины были пополнены данными, найденными въ изданныхъ писцовыхъ книгахъ XVI в.; новымъ изслѣдователямъ необходимо подвергнуть такому же изученію неизданныя писцовыя книги, различныя грамоты и т. п. Напечатано небольшое количество писцовыхъ книгъ, а ихъ сохранилось около сотни, составленныхъ въ XVI в., и гораздо болѣе книгъ XVII в. Жатва велика, но дѣлателей мало!

Итакъ, относительно XVI и XVII вв. мы можемъ, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ ожидать значительнаго обогащенія фактическими данными относительно мірскаго пользованія землею. Въ гораздо болѣе печальномъ положеніи находится по отношенію къ этому вопросу изслѣдователь XVIII в. Со введеніемъ подушной подати, писцовыя книги сдѣлались ненужными, и составленіе ихъ прекратилось; данныя же генеральнаго межеванія, явившіяся имъ на смѣну во второй половинѣ XVIII в., далеко не отличаются такимъ богатствомъ фактическихъ свѣдѣній уже потому, что межеваніе имѣло въ виду отграниченіе земли къ селеніямъ и, слѣдовательно, въ результатѣ дало свѣдѣнія о количествѣ земли у каждаго селенія съ крайне скудными указаніями на ея качества и нѣкоторые промыслы жителей. Для исторіи общиннаго землевладѣнія мы находимъ въ этихъ свѣдѣніяхъ очень мало данныхъ. Остается только надѣяться, что со временемъ будутъ найдены въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ кое-какія постановленія крестьянскихъ общинъ относительно пользованія ихъ землями. Правда, передѣлы земли, въ большинствѣ случаевъ, должны были совершаться безъ письменныхъ записей, а если гдѣ такія и были, то, разумѣется, имъ было гораздо труднѣе уцѣлѣть, чѣмъ грудамъ правительственныхъ указовъ и распоряженій, хранящимся въ нашихъ столичныхъ архивахъ; но тѣмъ не менѣе кое-что, быть можетъ, найдется, судя потому, что мѣстнымъ изслѣдователямъ удалось отрывать на глухомъ сѣверѣ Россіи, такъ называемыя, «веревныя книги» XVII и XVIII вв.,

куда заносились извѣстія о крестьянскихъ земляхъ. Но не только разработки, а даже и разысканія подобныхъ мѣстныхъ источниковъ мы дождемся не очень скоро, до тѣхъ же поръ изслѣдователь жизни крестьянъ въ XVIII в. принужденъ довольствоваться немногими свѣдѣніями, сообщаемыми современниками. На сколько интересныя свѣдѣнія о крестьянскомъ землевладѣніи могутъ быть почерпнуты изъ документовъ, составленныхъ самими крестьянами, мы имѣли случай убѣдиться, разработывая наказы депутатамъ отъ крестьянъ въ коммиссію уложенія [1]); но депутатовъ въ эту коммиссію могли прислать только государственные крестьяне, крѣпостное же населеніе Россіи не имѣло въ ней своихъ представителей. Весьма естественно, что, ограничиваясь въ настоящемъ случаѣ изученіемъ порядковъ пользованія землею у крестьянъ крѣпостныхъ, мы должны будемъ довольствоваться немногими данными, приводимыми современниками какъ въ печатныхъ, такъ и въ неизданныхъ сочиненіяхъ, проектахъ и распоряженіяхъ, касающихся быта крѣпостнаго населенія. Труды такихъ лицъ, какъ Болтинъ, Рычковъ, Болотовъ, бар. Вольфъ, указанія нѣкоторыхъ прокуроровъ въ отвѣтахъ на «Экономическіе вопросы», разосланные Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, хозяйственныя дѣла Голицынскаго архива и нѣкоторые другіе источники дадутъ намъ возможность обрисовать, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, поземельныя отношенія, установившіяся въ помѣщичьихъ вотчинахъ; мы позволимъ себѣ также воспользоваться нѣсколькими свѣдѣніями, относящимися къ началу XIX в., такъ какъ поземельныя отношенія измѣняются съ крайнею медленностію; наконецъ, укажемъ для сравненія и на нѣкоторые факты позднѣйшаго времени.

Прежде чѣмъ заняться исключительно крѣпостными крестьянами, мы приведемъ нѣсколько указаній, доказывающихъ, что общинное землевладѣніе съ передѣлами полей было явленіемъ повсемѣстнымъ въ центральной Россіи уже въ половинѣ XVIII в. и что, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о созданіи въ это время, посредствомъ правительственныхъ распоряженій, современнаго типа общины. Депутатъ ямбургскаго дворянства въ коммиссіи уложенія, бар. Вольфъ, въ неизданномъ проектѣ, составленномъ въ 1770 году, говоритъ, что крестьяне самымъ точнымъ образомъ «раздѣляютъ между собою по полосамъ свои поля и земли, покрытыя кустарникомъ» [2]). Коммиссія о разборѣ родовъ государственныхъ

[1]) См. „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II" Рус. Стар. 1879 г. №№ 1—6.
[2]) Арх. II Отд. вяз. 357—352, б., дѣло № 31, § 3.

жителей въ проектѣ о правахъ третьяго или нижняго рода людей (также неизданномъ) говоритъ о государственныхъ черносошныхъ, государевыхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянахъ, что они «владѣютъ землями каждый по отведеннымъ имъ участкамъ», но въ случаѣ размноженія народа въ селеніи производится передѣлъ [1]). Курская казенная палата, доказывая въ донесеніи Сенату (1788 г.), какъ неудобно участковое землевладѣніе однодворцевъ, предлагаетъ уравнять между ними земли «на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ въ окладъ мужеска полу душъ» [2]). Предлагая ввести уравненіе земель у черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ архангельской и великоустюжской провинцій, гдѣ передѣловъ въ то время не было, Козминъ въ докладѣ императрицѣ (1765 г.) предлагаетъ предписать именнымъ указомъ «дѣлить имъ земли и раздавать въ волостяхъ недостаточнымъ равномѣрно такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ». Подтверждая извѣстный фактъ—отсутствіе передѣловъ на сѣверѣ Россіи, Козминъ свидѣтельствуетъ въ то же время о ихъ повсемѣстности у крѣпостныхъ крестьянъ [3]).

Кромѣ этихъ общихъ указаній, мы можемъ привести еще нѣсколько свидѣтельствъ объ отдѣльныхъ губерніяхъ центральной Россіи. Что общинное землевладѣніе существовало въ петербургской губерніи, видно изъ неизданнаго мнѣнія ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ (1780 г.) [4]), а также и изъ того, что свѣдѣнія объ общинномъ пользованіи землею, встрѣчаемыя у бар. Вольфа, очевидно, основаны на наблюденіяхъ въ этой мѣстности, такъ какъ Вольфъ былъ депутатомъ ямбургскаго уѣзда [5]). О новгородской губерніи свидѣтельствуетъ академикъ Гюльденштедтъ, что тамъ (въ 1774 г.) «поля и сѣнокосы находятся въ общинномъ владѣніи деревень, и крестьяне дѣлятъ ихъ между собою по жребію на 5 или

[1]) Арх. II Отд. вяз. 353—348.

[2]) Арх. М. Юст., дѣла сената № 982—4553, л. 14—23.

[3]) Сенатскій Архивъ.

[4]) Рук. Сборн. Публ. Библ. F. II, № 145.

[5]) Впрочемъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ западной части петербургской губерніи мы встрѣчаемъ уже остзейскія поземельныя отношенія. См. статью барона Зальца „О поправленіи деревень“ въ Тр. Вольн. Экон. Общ. XVII, 135—136. Мѣстность наблюденій автора опредѣлена въ примѣчаніи къ нѣмецкому переводу этой статьи. См. Auswahl ökonom. Abhandlungen, welche die freye ökonom. Gesellschaft in Spb. in teutschen Sprache erhalten hat. I Band, Spb. 1790, S. 263).

10 лѣтъ.... Выгоны и лѣса общіе для пользованія по усмотрѣнію (zum willkührlichen Gebrauche» [1]). Повсемѣстное существованіе общиннаго землевладѣнія въ тверской губерніи будетъ видно изъ многихъ указаній, которыя мы сообщимъ ниже на основаніи подробнаго описанія этого края, составленнаго въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка [2]). Авторъ описанія нерехотскаго уѣзда костромской губерніи (1805 г.) говоритъ о передѣлахъ крестьянъ такимъ образомъ, что давнее существованіе поземельной общины въ этой мѣстности совершенно несомнѣнно (см. ниже). По словамъ авторовъ описанія московской губерніи (1803 г.), «крестьяне дѣлятъ земли по семействамъ или по тягламъ» [3]). Въ калужской провинціи, по свидѣтельству мѣстнаго прокурора, земли крестьянъ помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ «дѣлятся по ихъ тягламъ» [4]). О крестьянахъ провинціи Переяславля-Рязанскаго въ экономическихъ отвѣтахъ сказано: «у котораго по тяглу земельныхъ участковъ довольнѣе, тотъ болѣе и скота держитъ» [5]).

Приведенныхъ фактовъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобы утверждать, что общинное землевладѣніе съ передѣлами земли было въ половинѣ XVIII вѣка явленіемъ, уже давно установившимся въ центральной Россіи, и притомъ не у однихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также въ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ волостяхъ. Но это не мѣшаетъ намъ признать, что въ теченіе столѣтія, протекшаго съ того времени, этотъ типъ общиннаго землевладѣнія получилъ бо́льшее территоріальное распространеніе и появился на окраинахъ, частію какъ результатъ внутренней самодѣятельности общины, частію подъ вліяніемъ распоряженій правительства, смотрѣвшаго на эту форму землевладѣнія, какъ на главное условіе уравнительнаго и спокойнаго пользованія землею членами крестьянской общины. Общинное землевладѣніе съ передѣлами земли мѣстами появилось у такихъ крестьянъ центральной Россіи, гдѣ прежде существовало участковое землевладѣніе, а именно у нѣкоторыхъ однодворцевъ [6]).

[1]) *Güldenstädt.* Reisen durch Russland, Spb. 1791, II, 473.

[2]) „Генер. Соображ. по Тверск. губ.“. Въ экономическихъ отвѣтахъ о кашинскомъ уѣздѣ сказано: „въ разсужденіи болотъ и низкихъ мѣстъ пашня на разныя части въ полѣ раздѣляется, притомъ, будучи разной доброты, дѣлится между крестьянами по полосно и худая, и добрая, потому у нихъ цѣлыхъ десятинъ не имѣется“. Тр. Вольн. Эк. Общ. 1774 г., т. XXVI, стр. 34—35.

[3]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 147, л. 55.

[4]) Тр. Вольн. Эк. Общ. XI, 93.

[5]) Тр. Вольн. Эк. Общ. VII, 53.

[6]) См. объ этомъ въ нашихъ статьяхъ „Казен. крест. при Екатеринѣ II“.

Теперь мы перейдемъ къ изученію общиннаго пользованія землею у крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ какъ прошлое крестьянской общины во многомъ разъясняется сопоставленіемъ съ настоящими поземельными отношеніями у крестьянъ, то мы воспользуемся для этой цѣли прекраснымъ трудомъ г. Орлова [1]). Мы ограничимся для сравненій почти исключительно этимъ трудомъ, не только потому, что онъ по своимъ достоинствамъ превосходитъ всѣ другія работы, посвященныя вопросу о мірскомъ землевладѣніи, и составленъ на основаніи громаднаго матеріала, собраннаго въ 5,500 общинахъ, но и потому, что въ немъ рѣчь идетъ о московской губерніи, гдѣ крѣпостное населеніе составляло громадный процентъ. Г. Орловъ говоритъ, что при передѣлахъ земли въ однихъ общинахъ принимаются за единицу «всѣ наличныя души мужескаго пола, въ другихъ— только мужчины, достигшіе извѣстнаго возраста; въ нѣкоторыхъ же вмѣстѣ съ наличными душами принимаются въ разсчетъ и извѣстныя имущественныя свойства отдѣльныхъ домохозяевъ. Въ первыхъ случаяхъ разверстка земли при передѣлахъ является *подушною*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, во второмъ—*потягольною*, а въ третьемъ — *смѣшанною*». Далѣе авторъ замѣчаетъ, что «чисто подушная разверстка земли при передѣлахъ встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ почти исключительно у государственныхъ крестьянъ» (стр. 8), «смѣшанная разверстка практикуется въ цѣлой половинѣ общинъ, состоящихъ изъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ» (стр. 20), «въ большинствѣ же общинъ господствуетъ разверстка тягольная» (стр. 8), а это большинство и состоитъ преимущественно изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Точно также и въ прошломъ столѣтіи у крѣпостныхъ крестьянъ господствовала тягольная система разверстки.

Слово *тягло* имѣло въ XVIII вѣкѣ различныя значенія. Всего чаще въ составъ одного тягла входили мужъ и жена. «Старинное у насъ обыкновеніе», говоритъ Рычковъ, «могущихъ работать крестьянъ разверстывать по тягламъ, считая въ тяглѣ мужа и жену [2])». Въ этомъ же смыслѣ употребляли слово тягло Татищевъ въ своихъ «Экономическихъ Запискахъ» (1742 г.) [3]), Болтинъ [4]), ораніенбаумскіе и ямбургскіе

[1]) „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи“. Въ Сборникѣ Статистич. Свѣд. по московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. IV. вып. 1. М. 1879 г.

[2]) Тр. Вольн. Эк. Об. XVI, 23.

[3]) „Временникъ“, кн. XIII, стр. 13.

[4]) Примѣч. на Леклерка II, 221.

крестьяне, крестьяне нерехотскаго уѣзда. Въ тверской губерніи для обозначенія одного взрослаго мужчины и одной женщины употребляли слово *вѣнецъ* [1]). Но были и сложныя тягла, т. е. когда этотъ терминъ обозначалъ двухъ или трехъ работниковъ и столько же работницъ. Волынскій въ инструкціи дворецкому Нѣмчинову (1724 г.) говоритъ: «понеже у насъ въ деревняхъ тягла именуются не однимъ званіемъ: инде называются *деньги* [2]), да *полушки*, а инде *осмаки* и прочія званіи, что все во всѣхъ деревняхъ оставить, а называть и писать *тяглами*, исчисляя людей въ цѣлое тягло, чтобы было два человѣка работниковъ мужескаго полу и двѣ женскаго» [3]). Въ такомъ же смыслѣ слово тягло употреблялось въ вышневолоцкомъ уѣздѣ тверской губерніи, такъ какъ тамъ въ одномъ тяглѣ считалось два вѣнца. Слово *осмакъ* (или иначе *осьмакъ*), которое желалъ изгнать изъ употребленія Волынскій, продолжало однако существовать въ тверской губерніи: тамъ въ осьмакѣ или долѣ считалось два вѣнца [4]). Въ весьегонскомъ уѣздѣ тверской губерніи, въ этомъ смыслѣ употреблялось слово жребій, въ немъ считалось два вѣнца. Встрѣчались тягла и болѣе обширныя: въ тверскомъ уѣздѣ въ каждомъ тяглѣ было по три работника и по три работницы. Осьмакъ и доля не всегда имѣли одно и то же значеніе; такъ въ ржевскомъ уѣздѣ въ осьмакѣ считалось два вѣнца, а доли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого уѣзда составлялись изъ четырехъ вѣнцовъ [5]). Употребляя слово тягло, мы будемъ всегда разумѣть простыя, а не сложныя тягла.

Итакъ, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ терминовъ—*тягло*, *рубль*, *вѣнецъ*, *доля*, *осьмакъ*, *жеребій*—для обозначенія одной или нѣсколькихъ паръ, составленныхъ изъ взрослаго работника и работницы. Значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ, какъ *тягло* (отъ слова тянуть) или *жеребій*, — не требуетъ никакихъ объясненій; но мы должны остановиться на словахъ *осьмакъ и доля*. *Осьмакъ* есть, очевидно, осьмая часть чего-то, *доля* точно также предполагаетъ какое-то неизвѣстное цѣлое. Этимъ цѣ-

[1]) „Генер. Соображ.“, стр. 99, 144.

[2]) Въ костромской губерніи еще и теперь *денежка*, между прочимъ, означаетъ участокъ земли, приходящійся на долю крестьянина. Словарь Даля, изд. 2-е, т. I, стр. 439. Въ прошломъ столѣтіи въ имѣніяхъ кн. А. М. Голицына — смоленской и орловской губ. и княж. Голицыной—москов. губ. тягла назывались *рублями* (Голиц. дѣла).

[3]) „Москвитянинъ“, 1854 г. №№ 1 и 2, стр. 23.

[4]) Слово осмакъ и въ настоящее время употребляется въ ярославской губерніи для обозначенія двухъ тяголъ. „Опытъ областнаго словаря“ изд. Академіи Наукъ.

[5]) „Генеральн. Сообр.“. Въ имѣніяхъ кн. А. М. Голицына смоленской и орловской губерній на одно тягло приходилось 6—8 душъ; слѣд. также были сложныя тягла. (Голиц. дѣла).

лымъ была *выть*, слово, которое употреблялось въ допетровской Руси, употребляется и въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что въ мало-мальски значительныхъ общинахъ крестьяне находятъ неудобнымъ производить передѣлъ земли (а слѣдовательно и разверстку повинностей) прямо по тягламъ, а раздѣляютъ ее предварительно между меньшими группами, которыя уже сами производятъ раздѣлъ между своими членами. Такія подраздѣленія общины носятъ различныя названія и, между прочимъ, очень часто называются *вытями*. Въ многолюдныхъ общинахъ и эти группы оказываются еще на столько значительными, что вновь распадаются на болѣе мелкія группы [1]). Въ московской губерніи въ настоящее время болѣе мелкія группы называются *осьмакъ*, *доля*, *жеребъ*, *полвытка*, *четверка* и проч., причемъ первое названіе всего болѣе употребительно; когда же въ большихъ селеніяхъ нѣсколько мелкихъ группъ соединяются въ одну болѣе крупную, то эта послѣдняя почти всегда носитъ названіе *выть*. Число душъ, входящихъ въ составъ группы въ различныхъ обществахъ московской губерніи различно: осьмакъ состоитъ изъ 6—34 душъ, въ выти же не бываетъ менѣе 60 душъ [2]).

Въ такомъ же значеніи употреблялось слово *выть* въ помѣщичьихъ имѣніяхъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ одномъ имѣніи кн. Д. М. Голицына, смоленской губ., вся вотчина раздѣлялась на 14 *вытей*, въ каждой выти было по 10 *долей*, въ каждой долѣ по 10 *шестухъ*, въ каждой шестухѣ по 4 *осьмухи*. «Осьмуха», сказано въ росписаніи этой вотчины, «имѣетъ быть самая меньшая часть тягла, на которой не болѣе быть можетъ, какъ мужъ съ женою». По числу десятинъ *пахотной* и *сѣнокосной земли* и количеству душъ въ этомъ имѣніи, на выть приходилось 363 д. м. п. и 1747 дес., на одну осьмуху менѣе одной души (0,9) и $4^1/_3$ дес. земли.—Въ другомъ имѣніи кн. Д. М. Голицына, также смоленской губ., вотчина раздѣлялась на 4 *выти* или *части*, въ каждой было $203^1/_2$ *рублевыхъ тягла*, въ рублевомъ было 2 *полтинныхъ* тягла, въ полтинномъ—2 *полуполтинныхъ*. Полуполтинникъ (иначе по росписанію «25 копѣекъ») была самая меньшая доля тягла, соотвѣтствовавшая осьмухѣ въ другомъ указанномъ выше имѣніи кн. Д. М. Голицына. Здѣсь по числу людей и земли въ вотчинѣ на одну выть приходилось 738 душъ м. п. и 4339 дес. пахотной и сѣнокосной земли, на одно

[1]) Это видно изъ слѣдующаго примѣра, который вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно объясняетъ происхожденіе слова осьмакъ. Въ одномъ селѣ рязанской губерніи вся община (1,050 душъ) распадается на 10 равныхъ *вытей* по 105 душъ въ каждой; при раздѣлѣ земли кидаютъ жребій на каждую выть. Затѣмъ выть дѣлится на 4 части — 4 *четверика* (въ каждомъ по 26 душъ); кидаютъ жребій между четвериками. Каждый четверикъ дѣлится пополамъ на *осьмаки* (по 13 душъ); кидаютъ жребій на осьмаки. Наконецъ, осьмаки разбиваются на полосы по душамъ. *Половцевъ*. „Первые шаги на пути фактическаго изученія сельской общины“. Спб. 1879 г., стр. 14. Любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ община раздѣляется на выти см. въ статьѣ *г. Златовратскаго* „Деревенскіе будни“. Отеч. Зап. 1879 г. № 12, стр. 550—561.

[2]) *Орловъ*. „Формы крестьянскаго землевладѣнія“, стр. 29.

полуполтинное тягло менѣе одной души (0,9) и $5^{1}/_{3}$ дес. земли. — Въ имѣніи кн. Д. М. Голицына, лежавшемъ на границахъ орловской и курской губерній, вся вотчина раздѣлялась на 10 вытей, въ каждой выти было по десяти *тягловыхъ десятинъ*, въ каждой тягловой десятинѣ по 8 *четвериковъ*, въ каждомъ четверикѣ 2 полчетверика, въ каждомъ полчетверикѣ—2 *пенязя*. На одну выть здѣсь приходилось 220 душъ и 639 дес., на одну тягловую десятину—22 души и 64 десят., на одинъ пенязь—менѣе одной души (0,7) и 2 дес. Въ рязанскомъ имѣніи кн. А. М. Голицына вся вотчина раздѣлялась на 9 *вытей*, въ каждой выти было 12 тяголъ, въ тяглѣ же 2 полутягла, 4 четверти и 8 осьмухъ. На каждое полное тягло тутъ приходилось по $2^{1}/_{2}$ души. Опредѣливъ число тяголъ, господинъ предоставлялъ ихъ раскладку и группировку въ выти усмотрѣнію самихъ крестьянъ [1]).

При тягольной разверсткѣ, земля и связанныя съ нею повинности роспредѣляются между работниками, признанными взрослыми, [2]) поэтому очень важно знать, когда наступало это тягловое совершеннолѣтіе. Въ настоящее время вопросъ этотъ рѣшается членами общины, а при крѣпостномъ правѣ самимъ помѣщикомъ. Волынскій въ своей инструкціи приказываетъ считать подлежащими обложенію мужчинъ съ 20 лѣтъ, а женщинъ со времени замужества. Такъ какъ крестьяне, не желая принимать тягло, долго не женились, то онъ велѣлъ, какъ женатыхъ, такъ и холостыхъ, по достиженіи ими указаннаго возраста, зачислять въ разрядъ тяглыхъ [3]). По мѣрѣ ухудшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и увеличенія ихъ повинностей, для тягловаго совершеннолѣтія стали обыкновенно принимать болѣе ранній срокъ. Рычковъ въ «Наказѣ для прикащика» (1770 г.), совѣтуетъ всѣхъ «свыше 16 лѣтъ положить въ тягловыя работы, хотя бы они были и холостые»; разверстку тяголъ онъ предписываетъ управителямъ и прикащикамъ дѣлать каждый годъ и не рѣже какъ черезъ два или три года. «Рачительный о пользѣ своего господина управитель и прикащикъ, продолжаетъ Рычковъ, долженъ всегда стараться, чтобъ тягловыхъ крестьянъ умножать, а изъ тягольныхъ не выключать, кромѣ такихъ, кои увѣчны, очень стары и къ господскимъ работамъ совсѣмъ не годятся» [4]). Депутатъ Титовъ, въ своемъ проектѣ устройства быта крѣпостныхъ крестьянъ, и Удоловъ, въ «Наставленіи прикащикамъ», также считаютъ тягловой возрастъ отъ 16 до 60 лѣтъ. Авторъ мнѣнія по крестьянскому вопросу (1778—1780 г.) [5]) и гр. П. А. Румянцевъ въ своей хозяйственной инструкціи считаютъ рабочій возрастъ

[1]) Голицынскія дѣла.

[2]) Всѣ натуральныя повинности (пашня, сѣнокосъ, поставка подводъ) и денежные сборы распредѣлялись по тягламъ или вытямъ.

[3]) Москвитянинъ 1854 г. №№ 1 и 2, стр. 23.

[4]) Труды Вольн. Эк. Общ. XVI, стр. 24—26.

[5]) Рук. сбор. Пуб. библ. F. II, № 145.

даже съ 15 до 60 лѣтъ; Елагинъ—для мужчинъ 17—65 лѣтъ, для женщинъ 15—50 лѣтъ; [1]) ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне для мужчинъ 17—60 лѣтъ. Само правительство въ 70 годахъ XVIII в. считало тягловыми работниками людей отъ 15 до 60 лѣтняго возраста [2]). Въ настоящее время, въ московской губерніи, въ большинствѣ общинъ тягловое совершеннолѣтіе начинается съ 18, въ другихъ съ 20 лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ, обремененныхъ непосильными платежами, вслѣдствіе недостаточнаго количества тяглыхъ работниковъ, совершеннолѣтними признаются и такіе, которые едва достигли 16—17 лѣтъ. Во многихъ общинахъ даже на болѣе молодыхъ подростковъ наваливаютъ часть тягла случается, что на мальчика 10—11 лѣтъ налагаютъ уже четверть или половину тягла. Снимаютъ тягло въ 60 лѣтъ [3]).

Дробную разверстку мы встрѣчаемъ иногда и въ прошломъ столѣтіи: въ кашинскомъ уѣздѣ, тверской губерніи, крестьяне сидѣли «на цѣломъ осьмакѣ по два вѣнца; на полу-осьмакѣ или полу-долѣ—по одному вѣнцу», но нѣкоторые брали «три четверти осьмака, другіе пять четвертей и семь» [4]).

Какъ мы уже упоминали выше, тягольная разверстка земли и повинностей преобладала у помѣщичьихъ крестьянъ. Еще Волынскій приказывалъ «уравнять земли крестьянамъ *ихъ собственныя* во всѣхъ деревняхъ» [5]); Татищевъ, Рычковъ, Вольфъ также предписываютъ раздѣлять землю по тягламъ [6]); намъ извѣстно, что такимъ же образомъ распредѣлялась земля въ калужской провинціи, тверской и московской губерніяхъ и въ нерехотскомъ уѣздѣ костромской губерніи [7]).

Кромѣ тягольной разверстки въ чистомъ видѣ, у крѣпостныхъ крестьянъ существовала и такая, при которой, кромѣ наличныхъ тяголъ, принималось во вниманіе общее число душъ въ семьѣ и имущественныя средства домохозяевъ. Такой порядокъ разверстки земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связанныхъ съ нею повинностей, описалъ Болтинъ. «Положимъ, говоритъ онъ, что въ селѣ или деревнѣ 250 душъ мужескаго пола, кои

[1]) Журн. Землевлад. 1859 г. № 22.

[2]) П. С. З. XIX, № 13590, п. 6.

[3]) *Орловъ*, 9 и 110.

[4]) „Генеральн. Сообр.“ стр. 42.

[5]) Москвитянинъ, 1854 г. №№ 1 и 2, стр. 23.

[6]) „Экономич. Зап.“ Временникъ 1854, т. XIII, 13; Тр. В. Эк. Об. XVI, 23, Арх. II Отд. вяз. 357—352, проектъ Вольфа гл. III, п. 10.

[7]) Тр. В. Эк. Об. XI, 93, Генер. Сообр. по Тверск. губ.; Арх. Вольн. Эк. Общ. № 147, стр. 55 и № 188.

составляютъ 100 тяголъ, что оброку платитъ вся деревня помѣщику 1000 руб., да государственныхъ податей, яко-то подушныхъ, рекрутскихъ и разныхъ мелочныхъ расходовъ сходитъ съ нихъ 500, и того всего 1500 руб., и что вся земля той деревни раздѣлена на 120 паевъ. Изъ сихъ 120 паевъ земли раздаютъ они на каждое тягло по одному, *достальные 20 раздѣляютъ по себѣ тѣ, кои семьянистѣе или зажиточнѣе другихъ*, по добровольному согласію, или по жеребью, какая часть пая кому достанется. Имѣющіе по одному паю земли платятъ въ годъ по 12 р. 60 коп.; тѣ-жъ, кои разберутъ по себѣ достальные 20 паевъ, каждый платитъ по разсчисленію, т. е. кто полъ-пая возьметъ, тотъ платитъ 6 р. 30 к., а за четверть пая 3 р. 15 к. сверхъ 12 р. 60 к., которыми каждый за владѣніе цѣлаго пая долженъ» [1]). Гакстгаузенъ, путешествовавшій въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, говоритъ, что по тягламъ земля дѣлилась въ барщинныхъ имѣніяхъ, а въ оброчныхъ по ревизскимъ душамъ [2]); такъ какъ есть указаніе на тягольную разверстку въ прошломъ столѣтіи и въ оброчныхъ вотчинахъ, то такого дѣленія никакъ нельзя признать общимъ правиломъ, но дѣйствительно мѣстами у оброчныхъ крестьянъ существовала и подушная разверстка [3]); въ такихъ имѣніяхъ могли скорѣе встрѣтиться причины, ее обусловливающія.

Въ отличіе отъ помѣщичьихъ имѣній у крестьянъ государственныхъ подушная разверстка преобладала. Въ 1820 г. тверской помѣщикъ Зубовъ писалъ: «Казенные крестьяне дѣлятъ во всѣхъ поляхъ землю и покосы по мужескимъ душамъ, въ семействахъ находящимся, съ числа коихъ и оплачиваютъ государственные доходы; а дворянскія селенія раздѣляютъ землю по работникамъ, съ коихъ оплачиваютъ оброкъ и государственную повинность, или на мѣсто оброка обработываютъ господское издѣліе» [4]). По словамъ Гакстгаузена, государственные крестьяне дѣлили земли по душамъ, а удѣльные по тягламъ [5]). Относительно существованія подушной разверстки у государственныхъ крестьянъ въ прошломъ вѣкѣ мы находимъ прямое подтвержденіе въ упомянутомъ выше докладѣ

1) „Примѣч. на Леклерка“ II, 341.

2) Соч. Гакстгаузена въ перев. Рагозина I, 79.

3) Такъ было напр. первоначально и въ орловской оброчной вотчинѣ кн. А. М. Голицына (Голиц. дѣла).

4) Тр. В. Эк. Общ. 1820 г. ч. 72, стр. 322—333.

5) Перев. Рагозина I, 82.

курской казенной палаты (1788 г.) [1]) и въ извѣстномъ наставленіи экономическимъ правленіямъ (1770 г.) [2]), которымъ предписывалось вводить потягольную разверстку. Свидѣтельство Зубова и другіе факты показываютъ, что послѣднее предписаніе не было исполнено мѣстными властями, или, быть можетъ, попытки ихъ въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ.

Чѣмъ же обусловливается то обстоятельство, что у крѣпостныхъ мы встрѣчаемъ потягольную разверстку земли и повинностей, а у государственныхъ крестьянъ преобладаетъ разверстка подушная? Помѣщики требовали раздѣленія земли и повинностей по тягламъ, потому что считали такой способъ болѣе уравнительнымъ. Дурныя стороны подушной разверстки такимъ образомъ формулированы въ наставленіи экономическимъ правленіемъ: при этомъ «вмѣсто должнаго уравненія, крестьяне, одинъ передъ другимъ, несутъ въ прокормленіи своихъ семей и въ платежѣ податей раззорительное отягощеніе, потому что нерѣдко случается, что, хотя во дворѣ, состоящемъ въ 5 мужеска пола душахъ, одинъ только находится работникъ, а 4 въ томъ числѣ или малолѣтные, или же престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества исполнять немогущіе, однако жъ долженъ тотъ одинъ работникъ, какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну только свою душу, но и за малолѣтныхъ и за престарѣлыхъ заплатить, и хотя на всѣ оныя души земля у него и есть, но не достаетъ у него силы оную обработывать.... Почему принужденъ такой одинокій крестьянинъ свой участокъ земли оставлять въ пустѣ, а самъ.... приходить въ скудость и совершенное раззореніе» [3]). Наоборотъ, крестьянская семья, состоящая только изъ взрослыхъ работниковъ, находится въ весьма выгодномъ положеніи; однимъ словомъ, повинности распредѣляются неуравнительно. По этой причинѣ помѣщики придерживались въ своихъ имѣніяхъ разверстки по тягламъ. Но почему же этой системы не приняли и государственные крестьяне; неужели нужна была помѣщичья власть, чтобы привить къ нимъ этотъ весьма нехитрый порядокъ? Почему не подѣйство-

[1]) Указаніе въ этомъ докладѣ на подушную разверстку въ дворцовыхъ имѣніяхъ противорѣчитъ свидѣтельству Гакстгаузена о потягольной разверсткѣ у удѣльныхъ крестьянъ; послѣдняя, если и не была общимъ правиломъ, то всетаки несомнѣнно существовала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: по словамъ калужскаго прокурора, тамошніе экономическіе и дворцовые крестьяне дѣлили земли по тягламъ. Тр. В. Эк. Общ. XI, 93.

[2]) П. С. З. XIX, № 13590, п. 6.

[3]) П. С. З. XIX, № 13590, п. 6.

вали правительственныя увѣщанія? Дѣло въ томъ, что, при соотвѣтствіи платежей съ доходностію земли, подушная разверстка имѣетъ свои значительныя удобства; лишній надѣлъ не только не кажется тогда бременемъ, а, напротивъ, увеличиваетъ средства семьи; если же оказывается, что она не въ силахъ его обработать, то всякій другой членъ общины охотно возьметъ этотъ надѣлъ въ аренду. А государственные крестьяне именно и находились въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно повинностей: оброчный сборъ, платимый казнѣ, былъ всегда менѣе оброка, требуемаго помѣщиками, и потому подушная разверстка была удобнѣе для государственныхъ крестьянъ. Положеніе оброчныхъ вотчинъ было обыкновенно лучше, чѣмъ барщинныхъ, и приближалось до нѣкоторой степени къ условіямъ жизни государственныхъ крестьянъ; поэтому мѣстами въ оброчныхъ имѣніяхъ существовала подушная разверстка земли. Въ настоящее время бывшіе крѣпостные крестьяне, обремененные непосильными платежами, не разъ пытались, въ московской губерніи, переходить отъ разверстки по тягламъ къ подушной; но такъ какъ она оказывалась для нихъ совершенно непригодною, то приходилось возвращаться къ старому порядку [1]).

Въ прошломъ столѣтіи бывали также неудачные попытки перехода отъ потягольной разверстки къ подушной. Такой случай былъ въ рязанской издѣльной вотчинѣ кн. А. М. Голицына. Староста, опираясь на согласіе нѣкоторой части крестьянъ, успѣлъ убѣдить господина, что было бы полезно ввести подушную разверстку земли, *сохранивъ въ то же время раскладку податей по тягламъ*. Понятно, что это вызвало протестъ тѣхъ крестьянъ, семьи которыхъ состояли только изъ тяглыхъ работниковъ, и они послали отъ себя челобитчиковъ съ прошеніемъ къ господину, въ Москву. Слѣдствіемъ ихъ ходатайства было возвращеніе къ прежнему, болѣе уравнительному порядку.

Мы имѣемъ очень мало документовъ по исторіи общиннаго землевладѣнія, и потому считаемъ необходимымъ цѣликомъ привести здѣсь это прошеніе.

«Государю князю Александру Михайловичу рязанской вотчины села Константинова отъ крестьянъ Ивана Редина и Макара Пирова всепокорнѣйшее прошеніе.

«По просьбѣ всѣхъ крестьянъ староста съ земскимъ отпискою вашему сіятельству представлялъ о уравненіи раздѣломъ всей пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ по душамъ, на что отъ васъ и повелѣніе послѣдовало. Но оный раздѣлъ учиненъ несправедливо, потому что въ оное число полагали самыхъ престарѣлыхъ, даже и сущихъ младенцевъ; а должно бы полагать на такихъ, которые

[1]) Срав. указанное выше сочиненіе г. Орлова, стр. 9—19.

могутъ оную землю обработывать, и покрайней мѣрѣ къ нимъ хотя приключить отъ 10 и до 15 лѣтъ, о чемъ отъ земскаго Антона Степанова по справедливости и было представляемо всѣмъ крестьянамъ и старостѣ. Но у кого много самыхъ малолѣтныхъ мальчиковъ, то тѣ сему порядку упорствуютъ и сей раздѣлъ учинили, бравъ землю на престарѣлыхъ и самыхъ малолѣтныхъ, отъ чего настоящія тяглы остались безъ должнаго въ уравненіи удовлетворенія, ибо отъ нихъ нѣкоторыя части отходятъ на самыхъ престарѣлыхъ и малолѣтныхъ; такъ что уже у которыхъ крестьянъ нѣтъ самыхъ малолѣтныхъ дѣтей, а одни тягловые работники—по вышеписанному ихъ положенію имѣютъ крайній недостатокъ какъ въ пашенной землѣ, такъ и въ сѣнныхъ покосахъ, а потому и не могутъ выплачивать положеннаго оброку и разныхъ государственныхъ податей.

«Того ради, ваше сіятельство, всепокорнѣйше просимъ наслать ваше повелѣніе къ старостѣ, дабы онымъ раздѣломъ всей земли были по справедливости уравнены, не смотря на несправедливыя представленія тѣхъ крестьянъ, кои имѣютъ у себя много самыхъ малолѣтныхъ дѣтей мужеска пола, *а платятъ оброку по тяглу небольшое число*, ибо теперь самая настоящая пора къ паханію и засѣянію хлѣба, и чтобы не остались настоящіе тяглецы безъ надлежащаго удовольствія. Мы же, выше именованные, нарочно съ сею просьбою пришли отъ тѣхъ крестьянъ, которые должны получить справедливое уравненіе противъ тѣхъ, которые напрасно берутъ земли и сѣнные покосы, т. е. на таковыхъ, кои, будучи весьма малолѣтны или престарѣлы, никакъ не могутъ обработывать оной».

На это прошеніе (1795 г.) господинъ положилъ слѣдующую резолюцію:

«Разсматривая сію отъ крестьянъ поданную мнѣ просьбу и входя подробно въ обстоятельства оной, почитаю ее справедливою и дѣльною, находя дѣйствительно, что раздѣлъ земли и сѣнныхъ покосовъ учиненъ неправильно; въ разсужденіи чего, ежели оный раздѣлъ точно такъ сдѣланъ, какъ просители въ своей челобитнѣ упоминаютъ, то наистрожайше приказываю во первыхъ старостѣ, яко начальнику, а во вторыхъ и всѣмъ вообще крестьянамъ — оную землю вторично передѣлить такимъ образомъ, чтобъ части оной браты были на однихъ только тягловыхъ крестьянъ и на тѣхъ, которые хотя мало оную обработывать могутъ, т. е. мужеска пола безтяглыхъ ребятъ, считая отъ 12 лѣтъ и далѣе, а не таковыхъ, которые весьма уже престарѣлы и болѣе дѣлать ничего не въ силахъ, какъ только сидѣть дома, или которые очень малолѣтны».....

По полученіи барскаго распоряженія не разъ собирался крестьянскій сходъ, земли были вновь передѣлены и послано было господину донесеніе, что «учинено сравненіе въ раздѣлѣ по тягламъ земли и сѣнныхъ покосовъ безобиднымъ другъ другу образомъ». Однако на дѣлѣ не всѣ были удовлетворены. Нѣкоторые крестьяне получили менѣе земли, чѣмъ слѣдовало по числу тяглыхъ работниковъ въ ихъ семьяхъ; напротивъ староста удержалъ за собою лишнее количество. По жалобѣ обиженныхъ господинъ приказалъ удовлетворить ихъ, а надѣлъ старосты уменьшить [1]).

Въ настоящее время у крестьянъ передѣлы бываютъ двоякаго рода— общіе и частные; при первыхъ, бросаютъ жребій всѣ домохозяева, при чемъ дѣлается нерѣдко и разверстка полосъ (съ измѣненіемъ ихъ числа) во всѣхъ передѣляемыхъ поляхъ и угодьяхъ; при вторыхъ, переверстка производится только между нѣкоторыми домохозяевами. Точно также и

[1]) Голицынскія дѣла въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

въ прошломъ столѣтіи передѣлы были общіе и частные. Остановимся сначала на первыхъ.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ прошломъ столѣтіи желаніе крестьянъ имѣть полосы одинаковаго качества и одинаковаго разстоянія отъ селенія заставляло разбивать каждое изъ трехъ полей на отдѣльные куски и нарѣзать на всякое тягло по полосѣ изъ всѣхъ этихъ кусковъ. По свидѣтельству автора описанія нерехотскаго уѣзда, костромской губерніи, крестьяне раздѣляли землю такимъ образомъ: «разбираютъ ее напередъ по добротѣ ея, гдѣ какая земля и какой доброты, и, опредѣля симъ мѣстамъ извѣстные предѣлы, размежеваютъ ее на толикое число участковъ, сколько въ селеніи находится тяголъ, т. е. семействъ, полагая на каждаго мужа съ женою по участку, и такъ мечутъ жеребій». Такимъ образомъ «поступаютъ со всѣми участками, сколько бы ихъ ни случилось во всемъ полѣ. И часто случается, что землю по добротѣ.... отдѣляя хорошую отъ средней, а сію отъ худой, разбиваютъ на десять и болѣе участковъ въ одномъ полѣ [1]), и во всякомъ участкѣ каждый имѣетъ свою полосу. Такъ же поступаютъ и съ прочими двумя полями». [2]) Гр. Влад. Гр. Орловъ предписываетъ въ одной изъ своихъ вотчинъ «нарѣзать крестьянскія пашни одинаковой доброты и одинаковой отдаленности отъ селеній». Въ другомъ распоряженіи, онъ говоритъ о раздѣлѣ земли «по качеству, а не по числу, для чего должно въ удобное время выбрать.... совѣстныхъ и знающихъ крестьянъ» [3]). Неизвѣстный землевладѣлецъ, приславшій въ 1778 г. въ Вольное Экономическое Общество свои замѣтки «о спокойствіи духа помѣщичьихъ сельскихъ подданныхъ», между прочимъ говоритъ о жителяхъ своей волоколамской вотчины: «всѣ мои угодья отдалъ я имъ, которыя они сами по себѣ и раздѣлили, и у каждаго крестьянина во владѣніи въ разныхъ мѣстахъ премножество полосъ со множествомъ различныхъ названіевъ» [4]).

Распредѣленіе полосъ, какъ мы уже знаемъ, совершалось по жребію.— «Раздѣлъ земли», писалъ въ 1820 г. помѣщикъ Дурасовъ, «производятъ чрезъ избраннаго изъ старожиловъ, *землянаго старосту*, къ коему придаютъ затягольныхъ трехъ помощниковъ, и оный раздѣлъ начинаютъ

[1]) Такіе участки назывались тогда, какъ и теперь, *загонами, жеребьями* и проч. Тр. В. Эк. Об. LXXII, 225; Арх. II отд. вяз. 353—348, проектъ правъ третьяго рода людей, гл. V, п. 14.

[2]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188, л. 111—112.

[3]) *Гр. Орловъ-Давыдовъ*. Біогр. очеркъ гр. В. Г. Орлова. Спб. 1878, I, 270—271.

[4]) Арх. Вольн. Экон. Общ. № 22, л. 139.

съ ближайшей земли отъ гуменъ: первое яровое поле,—весною до посѣва, второе, паровое,—въ такъ называемое междупарье, и третье.... осенью по уборкѣ ржанаго хлѣба. На такой раздѣлъ каждаго поля употребляютъ не болѣе трехъ дней. Величину участка или полосы земли назначаютъ, сколько работникъ однимъ днемъ обработать можетъ, что составляетъ примѣрно третью долю десятины» [1]). Само собою разумѣется, что въ различныхъ обществахъ продолжительность самой процедуры передѣла, точно такъ же какъ и величина полосъ, были весьма различны, и потому приведенное указаніе имѣетъ значеніе лишь отдѣльнаго примѣра. Надѣлъ получали домохозяева, несущіе тягло; у вдовы, желающей взять на себя тягло и по смерти мужа, земля не отбиралась, какъ это видно изъ слѣдующаго правила, внесеннаго бар. Вольфомъ въ его проектъ крестьянскихъ правъ и обязанностей: «если по смерти крестьянина останется вдова съ малолѣтними дѣтьми, то за нею должно сохранить надѣлъ, буде она можетъ обработать его съ помощію батраковъ; если же она не въ состояніи этого сдѣлать, то община обязана платить за нее подати, при чемъ она не навсегда отнимаетъ у нея землю, а только до тѣхъ поръ, пока подростутъ дѣти; тогда земля должна быть имъ возвращена» [2]). Мы увидимъ ниже, что такъ бывало и въ дѣйствительности. Владѣлица одного имѣнія постоянно давала надѣлы на женскія души: у помѣщицы скопинскаго уѣзда, рязанской губерніи, крестьяне и крестьянки работали на суконной фабрикѣ; въ вознагражденіе за это имъ не производилось никакой платы, а давались на каждую душу мужскаго и женскаго пола участки земли; каждому мужчинѣ по полторы десятины въ одномъ полѣ, слѣдовательно, четыре съ половиною десятины пахотной земли во всѣхъ поляхъ, а женщинамъ по одной десятинѣ въ полѣ, т. е. всего по три десятины [3]). Нужно думать однако, что, при разверсткѣ данной имъ земли, крестьяне обычнымъ порядкомъ раздѣляли ее по тягламъ.

При производствѣ передѣла, крестьяне внимательно наблюдали за тѣмъ, чтобы участки были одинаковаго достоинства, уравновѣшивая худшее качество или другія неудобства большимъ количествомъ земли. Авторъ описанія нерехотскаго уѣзда говоритъ: кому изъ крестьянъ «придется взять землю отъ селенія на стравлѣ (т. е., гдѣ скотъ легко можетъ стравить посѣвъ), то по сей причинѣ дѣлаютъ награду, примежевывая нѣсколько

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. т. LXXII, стр. 222.

[2]) Арх. II. Отд., вяз. 357—352, гл. IV, п. 31.

[3]) Арх. Деп. Ман. и Торг., вяз. 422, дѣло № 44 $\left\{ \frac{1513}{1} \right.$, 1803 г., л. 240.

излишней земли въ сію полосу», и кто ее получитъ, «тому въ другомъ участкѣ достается уже быть самому дальнему и отъ потравы и прочаго свободному». Извѣстно, какъ искусно производятъ крестьяне измѣреніе и передѣлъ земли безъ помощи межевыхъ инструментовъ; это признавали и помѣщики. «Надобно отдать земледѣльцамъ справедливость», продолжаетъ составитель того же описанія, «что они, какъ разбирать свойства худыхъ и добрыхъ полей, а равно и въ разсужденіи раздѣленія, — великіе знатоки, и такъ, что можно сказать ни мало не ошибутся ни въ чемъ» [1]). Свидѣтельство бар. Вольфа объ искусствѣ крестьянъ въ этомъ отношеніи мы приводили уже выше. Наконецъ, тверской помѣщикъ Зубовъ, въ 1820 г. писалъ: «для прочнаго раздѣленія полевыхъ и сѣнокосныхъ земель не нужны землемѣры, и крестьяне между себя учинятъ раздѣлъ.... въ безобидномъ отъ одного къ другому равенствѣ, употребляя на то сажени, аршины и даже ступени ногъ своихъ» [2]).

Бар. Вольфъ въ своемъ проектѣ о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ совѣтуетъ тамъ, гдѣ достаточно земли, оставлять, во избѣжаніе ежегодныхъ передѣловъ, запасныя полосы для подростающихъ поколѣній (гл. III, п. 10). Такъ оно и дѣлалось, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. «За надѣленіемъ всѣхъ тяголъ землями», свидѣтельствуетъ членъ Вольнаго Экономическаго Общества, Дурасовъ, «оставляютъ въ каждомъ полѣ общій участокъ таковой величины, чтобъ можно было всѣми сжать съ него хлѣбъ въ одинъ день.... сіи участки охраняютъ неприкосновенность общаго дѣлежа земель, изъ коихъ дѣлаютъ уравненіе на новыя прибылыя тягла, буде вывесть за старостію некого, даютъ на время въ прибавокъ тѣмъ семействамъ, у которыхъ болѣе пяти малолѣтнихъ сыновей» [3])

Итакъ, пашни и сѣнокосы, а также, вѣроятно, и усадебныя земли, подвергались передѣламъ [4]), выгоны находились въ нераздѣльномъ пользованіи; что же касается лѣса, то мы видѣли, что въ барщинныхъ имѣніяхъ или отводился крестьянамъ особый участокъ, или для пользованія

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188, л. 111—112.

[2]) Тр. Вольн. Эк. Общ. LXXII, 235.

[3]) Тр. Вольн. Эк. Об. LXXII, 222—223.

[4]) Нужно замѣтить впрочемъ, что, какъ и въ настоящее время, земля, впервые разчищенная какимъ-нибудь крестьяниномъ, долгое время оставалась въ его пользованіи; авторъ экономическихъ отвѣтовъ по кашинскому уѣзду, упомянувъ о раздѣлахъ полей, затѣмъ продолжаетъ: ,,но есть чищобы и вновь вспаханныя мѣста—недѣленныя, по отхожимъ пустошамъ находящіяся... однако на таковыхъ, по большей части, бываютъ сѣнокосы, куда для убранія сѣна отъѣзжаютъ и тамъ живутъ, покуда сѣно приберутъ". Несомнѣнно, что если разчистка была произведена міромъ, то и покосъ находился въ общинномъ пользованіи. Тр. Вольн. Эк. Общ. 1774 г. т. XXVI, 34.

лѣсомъ нужно было разрѣшеніе помѣщика или управляющаго, а въ оброчныхъ вотчинахъ, гдѣ, обыкновенно, вся земля была отдана въ пользованіе крестьянамъ, въ вотчинахъ, которыя управлялись исключительно мірскими выборными властями, несомнѣнно существовало общинное пользованіе всѣмъ лѣсомъ или извѣстною его частію, и тамъ, вѣроятно, выработаны были правила о раздѣлѣ лѣса или лѣснаго матеріала; но объ этомъ мы не нашли въ нашихъ источникахъ никакихъ указаній.

Какъ и въ настоящее время, у крѣпостныхъ крестьянъ существовали общіе и частные передѣлы. Такіе термины, какъ «общій дѣлежъ» (въ (въ статьѣ Дурасова) или «прочное раздѣленіе полей» (въ замѣткахъ Зубова), относятся къ общимъ передѣламъ, а приводимыя ниже мѣста изъ сочиненій Болтина и Дурасова и инструкціи кн. А. М. Голицына для его рязанской вотчины рисуютъ намъ частные передѣлы.

Описавъ общій передѣлъ полей (см. выше), Болтинъ продолжаетъ: «по прошествіи года, если который крестьянинъ по случившемуся какому-либо несчастію, яко за умертвіемъ жены, сына на возрастѣ, за сгорѣніемъ дома или другимъ какимъ убыткомъ, не будетъ въ состояніи съ полуторыхъ паевъ или съ одного пая платить оброка, то объявляетъ о томъ на мірскомъ сходѣ старостѣ и всѣмъ крестьянамъ; вслѣдствіе чего ту землю, которую онъ обработать не въ состояніи, отъ него отбираютъ и отдаютъ другому, кто взять ее пожелаетъ, или раздѣляютъ двоимъ или троимъ на части» [1]. Дурасовъ такимъ образомъ описываетъ частный передѣлъ: если запасный участокъ, изъ котораго производили надѣлы для прибылыхъ тяголъ, истощился, то, «не нарушая общаго дѣлежа земель, берутъ отъ каждаго тягла по одной полосѣ перваго, втораго или послѣдняго жеребья, чрезъ что изъ отдѣльныхъ полосъ надѣляютъ всѣ прибылыя тягла» [2]. Въ инструкціи кн. А. М. Голицына совершенно ясно различаются общіе и частные передѣлы. Упомянувъ о томъ, что крестьяне должны назначенное имъ число тяголъ расписать на выти, кн. Голицынъ продолжаетъ: «сіе оставлено на собственное ваше мірское между собой уравненіе; но дабы съ будущаго 1785 года всякія положенныя отъ меня подати и работы съ всего числа тяголъ дѣйствительно исправляемы быть начали, то по полученіи сего при мірскомъ сходѣ выбрать вамъ между собою окладчиковъ — 3-хъ человѣкъ: одного изъ первостатейныхъ, одного изъ среднихъ и одного изъ малопожиточныхъ людей, но всѣхъ добросовѣстныхъ и порядочнаго поведенія, на которыхъ въ справедливомъ положеніи тяголъ вы увѣриться могли». Крестьянское общество должно было «на тѣхъ выборныхъ окладчиковъ дать мірской приговоръ, а тѣмъ окладчикамъ по сущей справедливости, смотря всякаго дому возрастъ семейства, поведеніе ихъ и имущество, обложить тяглами и учинить именную подворную окладную тягламъ вѣдомость..... въ которой вмѣсто ихъ окладчиковъ священнику руку приложить». Вмѣстѣ съ этою раскладкою тяголъ былъ, разумѣется, произведенъ и общій передѣлъ земель. Что касается частныхъ передѣловъ, то объ этомъ кн. Голицынъ говоритъ далѣе слѣдующее: „Въ послѣдующее же время за разными случаями въ тяглахъ ежегодно хотя и можетъ слѣдовать перемѣна, то есть за престарѣніемъ

[1] *Болтинъ*. „Примѣч. на Леклерка“ II, 341.

[2] Тр. Вольн. Эк. Общ., т. LXXII, стр. 224—225.

за сущимъ убожествомъ и за смертію—тяглы (т. е. тяглами) обложенныхъ душъ убыль, а за подростію и за лучшимъ исправленіемъ семействъ въ работникахъ послѣдуетъ и прибыль, то въ таковыхъ случаяхъ убылыя тягла распологать на подросшихъ и въ исправность пришедшихъ, а сверхъ выше опредѣленныхъ тяголъ не прибавливать и не убавливать ни въ которомъ годѣ, но имѣть во всей оной вотчинѣ одно положенное тяголъ число; и таковую повѣстку убылыхъ тяголъ ежегодно чинить въ одно время до наступленія полевыхъ работъ, то есть марта въ послѣднихъ и апрѣля въ первыхъ числахъ, а въ другія времена года ни сбавки, ни прибавки тяголъ отнюдь не производить» [1]).

Частные передѣлы производились, повидимому, ежегодно; это видно, во первыхъ, изъ только что приведеннаго свидѣтельства Болтина и распоряженія кн. Голицына; В. Орловъ также предписываетъ снимать и перекладывать души «всякій годъ предъ наступленіемъ новаго года». Что касается общихъ передѣловъ, то въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи они производились въ различные сроки. Тверской помѣщикъ Зубовъ свидѣтельствуетъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ «очень часто» передѣлялись участки земли, находившіеся въ пользованіи крестьянъ [2]). Гюльденштедтъ говоритъ о передѣлахъ въ новгородской губерніи черезъ пять и десять лѣтъ, не различая впрочемъ при этомъ государственныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ [3]). Бар. Вольфъ въ своемъ проектѣ упоминаетъ о «старинномъ обычаѣ» ежегодно передѣлять земли и, находя его вреднымъ, совѣтуетъ оставлять запасныя полосы для подростающаго поколѣнія; а Рычковъ, вѣроятно имѣя въ виду поземельныя отношенія казанской и оренбургской губерній, напротивъ, не доволенъ рѣдкостью передѣловъ и требуетъ, чтобы ихъ производили ежегодно [4]).

Кн. Васильчиковъ такъ характеризуетъ разнообразіе въ срокахъ передѣловъ земли въ помѣщичьихъ вотчинахъ предъ крестьянскою реформою: «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщичья власть дѣйствовала слабо, заочно, и гдѣ господа были не алчны, тамъ крестьяне, обыкновенно, облагались оброкомъ огульно, однимъ окладомъ на все селеніе, и въ такомъ случаѣ они передѣляли свои земли очень рѣдко, соблюдая, по возможности, чтобы съ тягла спускать столько стариковъ или сиротъ, сколько являлось но-

[1]) Голицынскій архивъ.

[2]) Тр. В. Эк. Общ. LXXII, 236.

[3]) *Güldenstädt*. Reisen II, 473.

[4]) Въ своемъ „Наказѣ прикащику" онъ говоритъ: „единожды учиненная разверстка остается у нихъ на долгое время, не взирая на то, что по разнымъ обстоятельствамъ вотчины иногда прибавку, а иногда и убавку дѣлать въ томъ надобно, наблюдая между всѣми удобовозможное уравненіе" и требуетъ, чтобы управитель или прикащикъ производилъ „смотръ и разверстку тяголъ" ежегодно, или, по крайней мѣрѣ, не рѣже, какъ черезъ два или три года. Тр. В. Эк. Общ. XVI, 24—25.

выхъ хозяевъ принимать тягловыя земли» (т. е., говоря словами крестьянъ, они часто производили свалку и навалку душъ); «поэтому въ сѣверной полосѣ, гдѣ преобладало оброчное положеніе, мірскія поля дѣлились на болѣе или менѣе продолжительные сроки, обыкновенно, отъ ревизіи до ревизіи. Но были и такіе господа, которые взимали оброкъ не по землѣ, нарѣзанной въ деревнѣ, а по наличному числу рабочихъ душъ; какъ только подросталъ парень, приказывали его женить, зачесть въ тягло и обложить оброкомъ; въ такомъ случаѣ передѣлъ дѣлался необходимымъ и совершался ежегодно по приказу. То же самое, и еще съ большею настойчивостію, проводилось въ барщинныхъ имѣніяхъ средней полосы: каждый взрослый крестьянинъ выгонялся на работу пѣшую и конную, и хотя можно было предположить, что мужикъ прокормится самъ собою, чѣмъ Богъ послалъ, но на коня надо было положить кормъ и пастбище, чтобы имѣть доброконныхъ работниковъ; подростки 15—14 лѣтняго возраста записывались въ тягло, старики не спускались съ тягла до преклонныхъ лѣтъ. Передѣлы въ такихъ имѣніяхъ производились ежегодно для усиленія рабочаго состава барщины. И такъ, частые передѣлы были неотвратимыя послѣдствія помѣщичьей эксплоатаціи» [1]). Тутъ прежде всего для насъ любопытно указаніе на то, что нѣкоторые помѣщики налагали на крестьянъ своей вотчины извѣстную сумму оброка и затѣмъ не заботились уже о наложеніи новыхъ тяголъ и разверсткѣ земли и платежей; вѣроятно, такъ нерѣдко было и въ прошломъ столѣтіи. Къ вопросу о вліяніи на общинное пользованіе землею помѣщичьей власти мы вернемся ниже; теперь же замѣтимъ только, что хотя частые передѣлы нерѣдко обусловливались требованіемъ помѣщика, но не въ этомъ одномъ заключалась ихъ причина: они несомнѣнно зависѣли иногда отъ несоотвѣтствія доходности земли съ наложенными на крестьянъ повинностями, а потому тамъ, гдѣ земля лучше, передѣлы должны были быть рѣже и наоборотъ. Не даромъ, по свидѣтельству помѣщика кашинскаго уѣзда, тверской губерніи, Зубова, у государственныхъ крестьянъ (очевидно, этой мѣстности) передѣлы бывали ежегодно. Чѣмъ же это можно объяснить? Вѣдь надъ ними не тяготѣла помѣщичья власть. Очевидно, плохое качество земли вызывало желаніе сбыть малодоходный надѣлъ [2]).

Общинное міросозерцаніе крестьянъ проявлялось не въ одномъ только уравнительномъ пользованіи землею и соотвѣтственной тому раскладкѣ

[1]) *Кн. Васильчиковъ.* „Землевладѣніе и земледѣліе“ II, 745.

[2]) Тамошніе крестьяне занимались отхожими промыслами. „Генер. Сообр.“, 39—40.

повинностей; оно сказывалось во многихъ другихъ явленіяхъ—общественныхъ работахъ, помощи бѣднымъ, старикамъ и пострадавшимъ при пожарѣ, въ покупкѣ и арендованіи міромъ земли и т. п.

Намъ уже извѣстно свидѣтельство члена Вольнаго Экономическаго Общества Дурасова о томъ, что крестьяне оставляли запасный участокъ, изъ котораго давали надѣлы прибылымъ тягламъ. Мы сейчасъ увидимъ, что отсюда же нарѣзались участки бѣднякамъ, а затѣмъ «остальною землею изъ общаго участка староста располагаетъ хозяйственно, дѣлая во время посѣвъ, жатву и уборку хлѣба въ особое общее гумно». Само собою разумѣется, что эта земля обработывалась всѣмъ міромъ. Изъ мірскаго хлѣба оказываютъ помощь старикамъ, сиротамъ и проч., а затѣмъ остальное количество его продаютъ и «деньги употребляютъ на заплату государственныхъ податей, а въ случаѣ, если оныхъ не доставало бы, тогда добавляютъ уже сборомъ поровну отъ каждаго тягла». Были и другіе случаи приложенія мірскаго труда; такъ, по словамъ Дурасова, когда весь запасный участокъ поступитъ въ раздѣлъ, тогда «обработываютъ обществомъ залежалыя мѣста».

Мірская помощь членамъ общины выражалась въ слѣдующихъ формахъ: крестьяне, говоритъ Дурасовъ, изъ запаснаго участка «даютъ на время (земли) въ прибавокъ тѣмъ семействамъ, у которыхъ болѣе пяти малолѣтныхъ сыновей, назначаютъ вдовамъ съ малолѣтными дѣтьми, отставнымъ солдатамъ, неимѣющимъ родственниковъ, смотря по нуждѣ и силамъ каждаго, сколько общество кому признаетъ дать за нужное, *не вводя ихъ ни въ какой счетъ государственныхъ и общественныхъ или мірскихъ податей*». Изъ хлѣба, собраннаго міромъ съ общественной запашки, «общество назначаетъ мѣсячину за службу мужей солдаткамъ съ ихъ дѣтьми, буде родственники держать ихъ откажутся, также и престарѣлымъ одинокимъ, пережившимъ свои семейства, дабы оные не скитались по міру» [1]).

Въ смоленскомъ имѣніи кн. Д. М. Голицына съ надѣловъ вдовъ и солдатокъ не взималось ни подушныхъ, ни оброчныхъ денегъ. Гр. В. Г. Орловъ хотѣлъ еще болѣе расширить помощь неимущимъ со стороны общины. Въ своемъ Уложеніи онъ говоритъ: «для облегченія бѣдныхъ и маломочныхъ наблюдать слѣдующій порядокъ: съ семействъ ихъ снимать приличное число душъ, а земли отъ нихъ за снятыя души отнюдь не отбирать, дабы они, пользуясь оною безъ всякой платы, могли попра-

[1]) Тр. В. Эк. Общ. LXXII, 223—224.

виться; напримѣръ, кто владѣлъ землею на три души и положено будетъ снять съ него одну, или двѣ, или всѣ три, въ такомъ случаѣ владѣть ему землею на одну, или на двѣ, или на всѣ три безъ всякой платы за нее. И сіи снятыя души накладывать на прожиточныхъ (т. е. болѣе состоятельныхъ)». Неизвѣстно, привилась ли рекомендуемая имъ мѣра [1]).

Община помогала также своимъ погорѣвшимъ членамъ, какъ это видно изъ проекта Вольфа, по его собственнымъ словамъ, принимавшаго во вниманіе «мѣстные порядки и старые обычаи». «Если крестьянинъ погоритъ, то вся вотчина, сказано въ проектѣ, должна навозить для него строеваго лѣса и помочь ему строить; старосты должны смотрѣть за этимъ и немедленно разверстать (между членами общества) эту работу» [2]). Гр. Румянцевъ предписалъ въ своей инструкціи, что вся сотня, къ которой принадлежалъ погорѣвшій, должна дать ему отъ каждаго вѣнца по подводѣ для вывозки лѣса [3]).—Въ случаѣ неурожая, Суворовъ предписалъ «крестьянину пособлять всѣмъ міромъ заимообразно, безъ всякихъ заработокъ, чиня раскладку на прочія семьи совѣстно при священникѣ и съ поспѣшностію» [4]).

Нерѣдко крестьяне цѣлою общиною арендовали сосѣднія казенныя или частныя земли. Изъ вѣдомости (1772 г.) объ оброчныхъ пустошахъ московской провинціи, состоявшихъ въ вѣдѣніи коллегіи экономіи, видно, что въ этой провинціи было 18 общинъ крѣпостныхъ крестьянъ, арендовавшихъ бывшія монастырскія и церковныя земли на годъ, на четыре года и другіе непродолжительные сроки, и двѣнадцать общинъ, пользовавшихся такими же землями съ давняго времени «безъ перекупки». Половина изъ этихъ двѣнадцати общинъ получила землю въ аренду еще въ XVII в. (1628—1691 г.), а остальныя въ XVIII в. (1711—1766 г.). О томъ, какую ничтожную аренду платили иногда крестьяне за землю, мы уже говорили выше. Любопытно, что одна община крѣпостныхъ крестьянъ взяла землю въ аренду вмѣстѣ съ сосѣднимъ помѣщикомъ. Точно также арендовали земли и рыбныя ловли общины крѣпостныхъ крестьянъ и въ другихъ губерніяхъ. Упомянемъ здѣсь кстати, что земли арендовались не только цѣлою общиною, но иногда и артелями изъ нѣсколькихъ человѣкъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ московской провинціи такихъ артелей, арендовавшихъ землю на небольшіе сроки, было четыре и еще

[1]) Яросл. Губ. Вѣд. 1853 г. № 42, стр. 431.
[2]) Арх. II Отд. вяз. 357—352, гл. IV, п. 28.
[3]) Рук. Румянц. Музея, № 355, л. 36.
[4]) *Рыбкинъ*, 31.

одна, пользовавшаяся землею съ 1716 г. «безъ перекупки» [1]). Точно также арендовали землю крѣпостныя общины и въ другихъ губерніяхъ [2]); онѣ арендовали также и рыбныя ловли [3]).

Крѣпостные крестьяне не только брали въ аренду, но и покупали землю всѣмъ міромъ, покупали однако на имя помѣщика. Такъ Суворовъ, пишетъ относительно крестьянъ одной изъ своихъ вотчинъ: «землю и пустоши покупать дозволяю всѣмъ міромъ, разверстывая равнообразно цѣну на богатыхъ и неимущихъ, скудныхъ и убогихъ» [4]). Крестьяне тульскаго имѣнія А. М. Голицына купили міромъ землю, которую и распредѣлили между собою по числу ревизскихъ душъ. Когда настала новая, четвертая, ревизія возникъ вопросъ: имѣютъ ли право на эту землю прибылыя по новой ревизіи души. Прежніе владѣльцы были противъ этого, но неполучившіе земли настаивали. Раздоры на столько обострились, что недовольные крестьяне стали портить межи и грозить другимъ смертію. Обратились за рѣшеніемъ спора къ господину. Онъ приказалъ раздѣлить купленную крестьянами землю на число душъ по новой ревизіи съ тѣмъ, чтобы вновь получившіе участки уплатили прежнимъ владѣльцамъ, внесшимъ за землю деньги, ту часть покупной суммы, какая падетъ на ихъ долю при раздѣленіи всей уплаченной суммы на новое число душъ [5]).

Сообща покупались не только земли, но и нѣкоторые предметы продовольствія, необходимые для всѣхъ: такъ въ одной вотчинѣ Суворова соль покупали міромъ. «Солью торговать моимъ крестьянамъ по одиночкѣ незаконно, писалъ Суворовъ; когда соль покупать, то на это всѣмъ міромъ складываться старшимъ крестьянамъ на мірскомъ сборѣ, сколько на какую семью потребно, и потому на покупку собирать съ семей деньги и какъ скоро привезена будетъ соль по наряду подводъ отъ міра, то въ тѣ же сутки оную по семьямъ раздѣлить» (Рыбкинъ, 31).

Мѣстами крестьяне имѣли собственныя «мірскія» мельницы (такъ было въ свіяжской вотчинѣ М. Нарышкиной) или арендовали ихъ

[1]) Арх. Мин. Юстиц. № 361—3932, л. 148—208.

[2]) „Описаніе города Бѣлева и Бѣлевскаго у.“ 1792 г. въ Бѣлевской Вивліоѳикѣ, изд. Елагинымъ. М. 1858, II, 6, 8, ср. 16.

[3]) Принадлежащая мнѣ рукопись: дѣло о сосновскихъ и чудовскихъ рыбныхъ ловляхъ. Въ этомъ случаѣ для того, чтобы взять въ вѣчную аренду рыбныя ловли, крестьяне должны были заручиться согласіемъ своего господина. Вѣроятно тоже было и при всякой арендѣ земли крѣпостными.

[4]) *Рыбкинъ*, 31.

[5]) Голицынскій Архивъ.

сообща: гр. П. А. Румянцевъ велѣлъ отдать одну свою мельницу въ аренду міру за 20 р. въ годъ. Намъ извѣстенъ также одинъ случай, когда помѣщица М. Нарышкина все свое имѣніе—съ различными хозяйственными заведеніями—лѣсопильною мельницею, отправкою лѣса внизъ по Волгѣ и пр. передала въ пользованіе крестьянъ съ уплатою повышеннаго оброка (см. ниже).

Общинный духъ иной разъ сказывался также и во взаимной денежной помощи, и во взаимномъ ручательствѣ крестьянъ въ торговыхъ дѣлахъ. Вотъ что узнаемъ мы изъ автобіографіи одного крѣпостнаго. Въ одной изъ помѣщичьихъ вотчинъ ярославскаго уѣзда былъ крестьянинъ, который 22 года служилъ въ Москвѣ у купца, сначала мальчикомъ, а потомъ прикащикомъ, и пріобрѣлъ навыкъ въ торговлѣ, такъ что, возвратившись на родину, сталъ и самъ торговать. Когда въ 1794 г. міръ выбралъ его въ бурмистры, онъ обратилъ вниманіе на бѣдность своихъ односельчанъ и предложилъ имъ поправить свое экономическое положеніе взаимною ссудою денегъ и общимъ поручительствомъ. «Давайте, постановимъ приговоръ, сказалъ онъ, что съ этого дня всѣ ручаемся одинъ за другаго въ такихъ-то деньгахъ по способности и поведенію каждаго; а кто такой поруки заслуживаетъ, пусть разберутъ выборные люди и выдадутъ открытые на годъ листы. А на кого жалоба,— долгъ заплатить, самого же изъ поруки вонъ и взыскивать своимъ манеромъ. Буде же кто злостный расточитель чужаго добра, того считать вреднымъ міру и сдавать въ царскую службу».—Для начала дѣла бурмистръ предложилъ 2.000 руб. изъ собственнаго капитала на 10 лѣтъ безъ процентовъ; всѣ согласились, единодушно постановили приговоръ, и немедленно было собрано 6.000 руб. [1]), которые и рѣшили раздавать бѣднымъ для торговли.

По словамъ внука этого бурмистра, составившаго интересные мемуары, «съ того времени наши крестьяне переродились, и одинъ передъ другимъ стали хлопотать. Не далѣе, какъ черезъ три года на пустой прежде площади выросли лавочки не только съ мелочнымъ, даже съ краснымъ товаромъ и всѣмъ нужнымъ для крестьянскаго обихода. О кузницахъ и говорить нечего Вмѣсто прежней обуви стали работать нѣмецкіе сапоги съ вострыми носками и со скрипомъ (ихъ охотно покупали и сосѣдніе помѣщики). По немногу завелись маслобойни, устроилось нѣсколько небольшихъ кирпичныхъ заводовъ, торговля льномъ и холстами увеличилась. Съ продажей своихъ издѣлій стали выѣзжать и на посторонніе базары».

[1]) Въ вотчинѣ было 1.250 душъ.

Виновникъ всего этого развитія мѣстныхъ промысловъ оставался бурмистромъ съ 1794 по 1802 г. Капиталъ, которому онъ положилъ основаніе, со временемъ съ процентами и другими сборами возросъ до 30.000 р. [1]).

Описывая порядокъ пользованія землею, установившійся у крѣпостныхъ крестьянъ, мы не коснулись еще одного весьма важнаго вопроса: о вліяніи въ этомъ отношеніи на крестьянъ помѣщичьей власти. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, имѣло ли вообще крѣпостное право вліяніе на установленіе наиболѣе распространеннаго типа общины—съ передѣлами земли, такъ какъ это совершенно выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи [2]), и разсмотримъ только, каково было отношеніе помѣщика во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX в. къ той формѣ крестьянскаго землевладѣнія, которая повсемѣстно существовала въ Великороссіи у крѣпостныхъ крестьянъ.

Помѣщикъ могъ въ XVIII в., во первыхъ, отнять у крестьянъ всю землю и, такимъ образомъ, совершенно уничтожить поземельную общину; хотя и рѣдко, но все-таки это случалось. Затѣмъ, помѣщикъ могъ уменьшить или увеличить количество крестьянской земли, и тогда являлась потребность въ новомъ передѣлѣ. Наконецъ, помѣщикъ могъ запретить передѣлы, или установить новые способы разверстки земли. Мы укажемъ ниже такіе случаи въ XIX в.; если намъ не встрѣтилось ихъ въ предыдущемъ столѣтіи, это еще не значитъ, чтобъ ихъ не было вовсе. Мысль о вредѣ передѣловъ съ агрономической точки зрѣнія начала высказываться почти съ самаго учрежденія Вольнаго Экономическаго Общества, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что какой-нибудь усердный не по разуму землевладѣлецъ поспѣшилъ примѣнить въ своей вотчинѣ плоды западной мудрости [3]). Но, безъ сомнѣнія, такіе случаи, если они и существовали,

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1877 г. № 7, стр. 332—333.

[2]) Упомянемъ только о томъ, что есть факты, указывающіе на вліяніе помѣщиковъ при введеніи общиннаго пользованія землею въ вотчинахъ, населенныхъ малороссіянами. Объ одномъ имѣніи князей Голицыныхъ, лежавшемъ въ курской губерніи, управитель писалъ кн. Александру Михайловичу: „Слободы Михайловки черкасы, осмотрясь въ прежнемъ своемъ неразсудкѣ въ раздѣленіи на тягла земель, нынѣ согласились; сіе удобно для нихъ самихъ и для полученія доходу господину, и сколь оное произведено будетъ безпристрасно, тѣмъ вѣрное спокойство возстановлено будетъ". (Голицынскій Архивъ).

[3]) Вотъ по крайней мѣрѣ, что разсказываетъ въ 1792 г. одинъ англичанинъ, путешествовавшій по Россіи, о нѣсколькихъ, такъ называемыхъ, „государевыхъ" вотчинахъ. „Когда жалобы крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ великаго князя (Павла Петровича) дошли до Его Высочества, онъ приказалъ поставить ихъ въ такое же поло-

были весьма рѣдки; къ счастію для крестьянъ, научная агрономія, приносившая ихъ благо въ жертву развитію сельско-хозяйственной культуры (на англійскій образецъ), еще не проникла тогда въ наши захолустья. Тѣмъ не менѣе помѣщики имѣли все-таки значительное вліяніе на общинное пользованіе землею, и оно всего чаще обнаруживалось въ правѣ снимать и накладывать тягла по своему усмотрѣнію. Тамъ, гдѣ помѣщикъ дѣлалъ это каждый годъ, являлась необходимость въ ежегодномъ передѣлѣ земли; вообще, помѣщичья власть понуждала къ болѣе частымъ передѣламъ, чѣмъ это было бы безъ вліянія землевладѣльцевъ. Понятно, что въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, власть помѣщика сказывалась сильнѣе въ барщинныхъ вотчинахъ; въ оброчныхъ, помѣщикъ, повидимому, обыкновенно довольствовался полученіемъ опредѣленной суммы оброка, предоставляя крестьянамъ пользоваться всею землею вотчины по своему усмотрѣнію, и иногда установлялъ только извѣстныя ограниченія относительно рубки лѣса. Изъ свидѣтельства Болтина видно, что какъ передѣлы земли, такъ и связанная съ ними раскладка повинностей дѣлались самими крестьянами; онъ прямо говоритъ: «всегда раскладку сію дѣлаютъ крестьяне сами по себѣ, вѣдая каждый о другомъ, сколько можетъ заплатить безъ тягостей передъ другими и по общему мірскому приговору» [1]). Такимъ образомъ, обыкновенно, помѣщикъ если и имѣлъ вліяніе на порядокъ пользованія крестьянъ землею, то это вліяніе ограничивалось учащеніемъ передѣловъ, вслѣдствіе частаго снятія и наложенія тяголъ, но иногда оно шло, повидимому, далѣе. Какъ на примѣръ прямаго участія воли помѣщика въ распредѣленіи земли, можно указать на слѣдующій приказъ землевладѣльца ковровскаго уѣзда, владимірской губерніи, Черемисинова (1834 г.): «съ принятіемъ въ будущемъ году въ паренину новыми тяглами... Елоховскіе должны въ пустошахъ Голиковкѣ и Колесницѣ раздѣлить всю пахотную землю по тягламъ, на каждое тягло, разровнявъ по ровну хорошія мѣста, равно и худыя также

женіе, въ какомъ находятся англійскіе фермеры, и взыскивать съ нихъ ничтожную арендную плату; крестьяне были снабжены всѣми орудіями для хозяйства и къ нимъ назначили наставниковъ для обученія земледѣлію; однако крестьяне умудрились въ теченіе двухъ лѣтъ продать свою новую собственность и пропить полученныя деньги. Послѣ того они были не въ состояніи платить даже ничтожную аренду и просили, чтобы имъ позволили жить по старому“. *Swinton.* Travels into Norway, Denmark and Russia in the years 1788—1791. L. 1792, p. 447—448.

[1]) „Примѣч. на Леклерка“ II, 342. Срав. слова автора записки „о спокойствіи духа помѣщичьихъ подданныхъ“: „ни я, ни мои дворовые люди отнюдь не мѣшаются ни въ какія дѣла. Всѣ мои угодья отдалъ я имъ, которыя они сами по себѣ и раздѣлили“. Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № 22, л. 139.

по ровну. Но только взять въ соображеніе: если кто внедавне распахалъ,—оставить ему, что на тягло придется, а остальную отрѣзать въ пользу другихъ; кто же не расчищалъ,—если есть нерасчищенныя хорошія мѣста,—тѣмъ изъ тѣхъ намѣрять, но ежели нѣтъ, то изъ старой пашни. На этотъ раздѣлъ нарядить и деревни Михѣевской крестьянъ всѣхъ безотговорочно; они могутъ быть посредники, а сами не раздѣлятъ безъ ссоры. Это исполнить непремѣнно и не представляя, что я-де расчищалъ, а другой нѣтъ. Въ здѣшнемъ краю, мнѣ извѣстно, что кто беретъ въ наймы палы для распашки, то не болѣе на пять лѣтъ, а потомъ отбирается обратно, или отдаетъ въ кортому, *а вы много лѣтъ владѣете*. Теперь новая ревизія, то безгрѣшно должно раздѣлить поровну». Относительно пользованія сѣнокосомъ тотъ же помѣщикъ предписалъ слѣдующее: «Елоховскимъ косить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и прежде косили; у нихъ сѣнокосъ лучше Михѣевскихъ. Но въ селѣ Петровскомъ имѣется пожня Медвѣдево, въ которой косятъ Михѣевскихъ тягла по очереди,—то косить впредь оную Елоховскимъ: у Михѣевскихъ сѣнокосу и безъ того есть. И раздѣлить сѣнокосъ поровну съ принятіемъ тяголъ. Михѣевскимъ же—*у нихъ сѣнокосъ владѣется по чищобамъ издревле: гдѣ кто расчистилъ, тамъ и владѣетъ*, другой, сложивши съ себя тягло, а владѣетъ сколько было,—то съ принятіемъ въ будущемъ году тяголъ, какъ удобнѣе, раздѣлить весь, сколько у нихъ будетъ тяголъ; *дѣлежъ производить, какъ они считаютъ удобнѣе, не запрещать*: во всѣхъ ли пустошахъ всѣмъ вмѣстѣ, или по третямъ, или по согласію каждому опредѣлять, или перемѣнять погодно. Въ Колесницѣ же и Голиковкѣ *полагаю* косить всей лучше деревнѣ Михѣевской; старый сѣнокосъ непремѣнно весь раздѣлить.... Въ будущее же время въ поверстномъ лѣсу.... и пустошѣ Качалихѣ, какъ наше владѣніе есть, но.... погорѣло много лѣсу, то не воспрещается трудолюбивому крестьянину, который хочетъ имѣть прибыль.... расчищать лѣсъ для пашни или сѣнокосу, сколько хочетъ, *и отъ него не отымется, хотя бы и болѣе другаго начистилъ до будущей ревизіи*, которая можетъ быть черезъ 20 л.; но новыхъ пожогъ отнюдь не дѣлать: строго взыщу.» [1]) При бѣгломъ чтеніи этого распоряженіи можетъ показаться, что въ этой вотчинѣ крестьяне испытывали сильное вліяніе помѣщика относительно пользованія землею. Но что мы замѣчаемъ, всматриваясь внимательнѣе?

[1]) Арх. ист. и практ. свѣд. изд. Калачова, 1860—61 г. т. III. Спб. 1862, стр. 15—17.

Крестьяне уже довольно давно владѣютъ землею безъ передѣла; новый передѣлъ предоставляется имъ произвести самимъ при посредничествѣ сосѣдей; крестьянинъ, впервые расчистившій сѣнокосъ или пашню въ лѣсу, получаетъ право въ теченіе извѣстнаго времени владѣть ею исключительно, чтобы затраченный имъ трудъ окупился, какъ это дѣлается и теперь, особенно въ мѣстностяхъ, обильныхъ лѣсомъ. Настаетъ время, когда помѣщикъ предписываетъ такую «чищобу» пустить въ передѣлъ, но это считается вполнѣ справедливымъ и по понятіямъ крестьянской общины. Правда, помѣщикъ отнимаетъ часть земли у одной деревни и передаетъ ее другой; это опять дѣлается исключительно съ цѣлію большаго уравненія въ землѣ [1]). Однимъ словомъ, помѣщикъ, въ этомъ случаѣ, настолько проникнутъ общиннымъ міросозерцаніэмъ, что является почти безсознательнымъ орудіемъ народной воли, народнаго стремленія къ равенству.

У Черемисинова, повидимому, общіе передѣлы производились только во время ревизіи; такъ было и въ нѣкоторыхъ другихъ имѣніяхъ [2]); но по большей части вліяніе помѣщика сказывалось, какъ мы уже замѣтили, въ учащеніи передѣловъ; поэтому, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, общіе передѣлы пахотной земли, по большей части, стали производиться рѣже [3]). Къ сожалѣнію, однако, въ XIX в., нѣкоторые помѣщики дозволяли себѣ болѣе сильное вмѣшательство въ поземельныя отношенія крестьянъ; такъ, одинъ требовалъ, «чтобы не было врозь полосъ, а все къ одному мѣсту», тогда какъ только при надѣлѣ отдѣльными полосами «въ загонахъ» или «ярусахъ» разнаго качества, достигалось полное равенство; другой вовсе запрещалъ общіе передѣлы. Само собою разумѣется, что такія установленія, противныя общиннымъ обычаямъ, исчезли со времени уничтоженія крѣпостнаго права [4]).

Сами крестьяне отлично сознавали необходимость передѣловъ. Описавъ порядокъ разверстки земли у помѣщичьихъ крестьянъ, Дурасовъ, статьею котораго мы пользовались уже не разъ, замѣчаетъ: «крестьяне почитаютъ сей раздѣлъ за самый уравнительный, ибо время въ про-

[1]) Кн. А. М. Голицынъ вслѣдствіе жалобы крестьянъ своей орловской вотчины на то, что разныя деревни пользуются угодьями не въ одинаковомъ количествѣ, приказалъ уравнять денежные сборы пропорціонально количеству земли, не раздѣляя вновь между деревнями самыхъ угодій.

[2]) См., напр., книгу г. Орлова, стр. 224.

[3]) *Кн. Васильчиковъ*. Землевладѣніе II, 745—746; *Орловъ* 163, 171—173, 236—237

[4]) *Орловъ*, 171,224.

ѣздахъ на обработываніе полей, посѣвъ и уборку хлѣба съ дальнихъ полосъ одинаково, и при могущихъ встрѣтиться спорахъ въ дѣлежѣ земель могутъ одинъ съ другимъ всѣми полосами перемѣниться, а притомъ по великому пространству отдаленныхъ полей, — иногда болѣе 10 верстъ, — буде бы какая часть поля потерпѣла отъ засухи или града, то остальною еще можно прокормить семейство» [1]). Не смотря на такое, вполнѣ сочувственное отношеніе крестьянъ къ общинному землевладѣнію, самозванные благодѣтели, думавшіе осчастливить ихъ введеніемъ у насъ подворнаго землевладѣнія, стали являться вскорѣ послѣ учрежденія вольнаго экономическаго общества. Здѣсь можно указать на проектъ Елагина (1766 г.) [2]) и на мысли, высказанныя Удоловымъ въ его, одобренномъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, «наставленіи прикащикамъ» [3]).

Практическіе результаты проповѣдей подобной идеи сказались въ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣрахъ еще екатерининскаго времени: предложеніе Удолова, человѣка близко извѣстнаго Григорію Орлову, совершенно совпадаетъ съ мѣрами, принятыми при устройствѣ поземельныхъ отношеній иностранныхъ колонистовъ (извѣстно, что часть этихъ колонистовъ признала потомъ навязанную имъ ситему неудобною и перешла къ мірскимъ порядкамъ нашихъ крестьянъ). Помѣщики въ то время, повидимому, еще не пробовали уничтожать поземельную общину, по крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ инструкцій и приказовъ мы не встрѣтили ничего подобнаго; но съ самаго начала XIX в. мысль о необходимости надѣлить землю крестьянамъ въ подворное пользованіе получаетъ большее значеніе. Изъ частныхъ примѣровъ мы укажемъ на два, такъ какъ они представляютъ результатъ ученій, усердно распространяемыхъ у насъ вольнымъ экономическимъ обществомъ съ самаго его учрежденія.

Авторъ одного изъ отвѣтныхъ сочиненій на тему, предложенную въ 1812 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ: «выгоднѣе-ли обрабатывать землю своими или наемными работниками», съ одобреніемъ разсказываетъ о томъ, какой порядокъ пользованія землею установилъ владѣлецъ одного имѣнія. Онъ раздѣлилъ всѣхъ крестьянъ на 4 класса: принадлежавшіе къ первому имѣли по 20 десятинъ (на тягло?); такихъ было 1,179 душъ; члены втораго класса—по 15 десятинъ—1,216 душъ; третьяго класса—по 10 десятинъ—1,869 душъ. Всѣ они платили оброку

[1]) Тр. Вольн. Эк. Об. 1820 г. т. LXXII, 226.

[2]) Журн. Землевл. 1859 г. кн. 21 и 22.

[3]) Тр. Вольн. Эк. Об. XI, 35, 53—55.

по одному рублю съ десятины. Принадлежавшіе къ четвертому классу (739 душъ), количество земли у которыхъ неизвѣстно, оброку не платили, но за то обработывали барскую запашку въ размѣрѣ 1,516 десятинъ. Крестьянская земля раздѣлялась на три поля, и каждый пользовался ею «въ разныхъ участкахъ нераздѣльно». Всякій крестьянинъ по минованіи ему 16 лѣтъ, долженъ былъ заявить, къ какому разряду онъ желаетъ принадлежать, при чемъ міръ еще разсматривалъ, можетъ ли онъ въ него вступить, и затѣмъ отвѣчалъ за исполненіе принятыхъ имъ на себя обязанностей [1]).

Къ какимъ результатамъ привела эта система мы не знаемъ; но можно замѣтить, что тутъ, по крайней мѣрѣ, не было совершенно безземельныхъ крестьянъ. Гораздо хуже распорядился въ болѣе позднее время помѣщикъ рязанской губерніи, генералъ-маіоръ Заварицкій. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Славутинскій. «Прежде всего помѣщикъ отдѣлилъ изъ состоявшей при селѣ Чуриловкѣ распашной и луговой земли самую лучшую, самую удобную часть, сколько помнится, не менѣе одной трети общаго количества, и завелъ на ней господскую запашку». Затѣмъ онъ подѣлилъ ихъ на три категоріи: «къ первой, наименьшей изъ всѣхъ, съ самаго начала принадлежали самые зажиточные крестьяне. Только они одни считались состоящими какъ будто по-прежнему на оброкѣ. На каждое тягло отведено было имъ земли въ размѣрѣ, довольно близко подходившемъ къ тому, какимъ они вмѣстѣ съ прочими односельчанами прежде того пользовались»; но во первыхъ, оброкъ былъ очень увеличенъ на каждое тягло, а во вторыхъ, эти оброчныя тягла все-таки не избавлялись отъ нѣкоторыхъ барщинныхъ повинностей. Принадлежавшимъ ко второй категоріи было отведено менѣе земли; они платили менѣе и оброку, но за то отбывали всевозможныя барщинныя работы и давали подводы для отвоза хлѣба въ весьма отдаленныя мѣста. Наконецъ, въ третьей категоріи состояли всѣ остальные, наиболѣе бѣдные, уже безъ разбора ихъ рабочихъ силъ и средствъ; «*земли полеваго и луговаго надѣла эти малоимущіе уже вовсе не имѣли*», а пользовались только своей усадебной и огородной землей, да участвовали въ пользованіи выгономъ и пастбищами. Не смотря на то, они все-таки платили оброкъ, хотя и незначительный, поголовно отбывали барщину каждый день и давали подводы на всевозможныя разстоянія. Какъ ни ужасно было положеніе принадлежавшихъ къ этой

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. 1814, т. LXVI, 85—86.

третьей категоріи, но, вѣроятно, оброкъ, наложенный на членовъ первыхъ двухъ разрядовъ, былъ слишкомъ великъ, потому что крестьяне генерала Заварицкаго обнаружили наклонность къ поголовному переходу въ безземельные батраки. Они занимались приготовленіемъ гребенокъ и, вѣроятно, надѣялись, такимъ образомъ, заработать зимою средства для своего существованія. Тогда помѣщикъ подвергъ и этотъ промыселъ самой строгой регламентаціи. Такія мудрыя мѣры принесли самые блестящіе плоды: крестьяне совершенно раззорились, кормились милостынею, совершенно отупѣли и одичали, но въ концѣ концовъ все-таки не выдержали и стали волноваться въ 1856 г. [1])

Напомнимъ однако, что относительно крестьянъ XVIII в. мы не знаемъ ни одного подобнаго эксперимента надъ крѣпостною общиною (выше приведенный разсказъ англійскаго путешественника относится къ государевымъ вотчинамъ). Впрочемъ существованіе общиннаго пользованія землею могло подвергнуться опасности насильственнаго уничтоженія въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ знатныхъ баръ, мечтавшихъ объ измѣненіи быта нашихъ крестьянъ на западный образецъ. Извѣстный пасторъ Эйзенъ разсказываетъ, что въ 1765 г. его пригласилъ въ Петербургъ Григорій Орловъ «для того, чтобы въ имѣніяхъ Орловыхъ, лежащихъ близъ Петербурга, даровать крестьянамъ *право собственности* на землю»; на языкѣ того времени это означило дать каждому двору отдѣльный участокъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Однако эта затѣя, несомнѣнно исходившая изъ стольже добрыхъ побужденій, какъ и неудачная попытка великаго князя Павла Петровича, не была осуществлена. «Я прожилъ полтора года въ Ропшѣ [2]), разсказываетъ Эйзенъ, принялъ пожалованныя имѣнія отъ различныхъ императорскихъ канцелярій и подготовлялъ великое дѣло; мой планъ былъ одобренъ императрицею, и каждый день можно было ожидать раздачи крестьянамъ документовъ на наслѣдственную аренду земли съ опредѣленіемъ размѣра оброка; однако до этого дѣло не дошло» [3]). Съ увѣренностью можно сказать, что если и были какія-нибудь попытки во второй половинѣ XVIII в. уничтожить общинное пользованіе землею въ помѣщичьихъ вотчинахъ, то, во всякомъ случаѣ, подобныя явленія несомнѣнно были самыми рѣдкими исключеніями. Мы видѣли, что большинство имѣній въ это время состояло на оброкѣ, а въ такихъ вотчинахъ

[1]) „Древняя и Новая Россія“ 1879 г., № 9, стр. 370—375.

[2]) Одной изъ вотчинъ, пожалованныхъ Екатериною Гр. Орлову; любопытно это пожалованіе Орлову именно Ропши.

[3]) *Eisen*. Der Philantrop, eine periodische Schrift. Stück 1. Mitau, 1777.

крестьяне, обыкновенно, совершенно свободно пользовались землею на излюбленныхъ ими общинныхъ началахъ, почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны помѣщика. Въ этомъ отношеніи нашъ крѣпостной мужикъ находился въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ такой же крестьянинъ въ западной Европѣ.

Описанная нами форма пользованія землею, какъ уже было указано, не составляла въ XVIII в. исключительнаго достоянія крѣпостныхъ крестьянъ: мы находимъ ее и у дворцовыхъ, и у экономическихъ, и у государственныхъ крестьянъ центральной Россіи. На сѣверѣ мы не встрѣчаемъ передѣловъ земли, однако тамъ существовало въ полномъ развитіи общинное пользованіе угодьями не только цѣлою волостью, но даже нѣсколькими сосѣдними волостями, и въ то же время раздавались уже голоса о необходимости введенія передѣловъ пахотной земли. Напротивъ того, въ западной Европѣ уже издавна прочно установилось подворное владѣніе; общинныя угодья сохранились еще тогда во многихъ мѣстахъ, но и они во второй половинѣ XVIII в. начали подвергаться подворному раздѣлу, что исполнялось особенно энергично въ Пруссіи, вслѣдствіе настоятельнаго требованія Фридриха Великаго. Въ юго-западной Германіи, къ счастію, разумнѣе отнеслись къ общиннымъ угодьямъ, такъ называемымъ, альмендамъ, и въ большинствѣ случаевъ, сохранили ихъ въ общинномъ пользованіи [1]). Но и здѣсь надѣлы изъ общинной земли составляютъ только придатки къ главнымъ земельнымъ участкамъ, находящимся въ подворномъ владѣніи. Въ противуположность поземельнымъ порядкамъ Великороссіи, основаннымъ на равномъ правѣ каждаго на поземельный надѣлъ, Германія представляла въ крестьянской средѣ крайніе контрасты: начиная отъ владѣльца полной гуфы, обработывающаго свой участокъ съ помощію батраковъ, до бобыля, не имѣющаго даже маленькаго клочка земли. Имущественныя различія встрѣчались, разумѣется, и въ великорусской крѣпостной общинѣ, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ XVIII вѣкѣ, мы почти не встрѣчаемъ людей безземельныхъ (мы говоримъ теперь только о крестьянахъ, а не о дворовыхъ). Напротивъ того, въ Германіи мы встрѣчаемъ у крестьянъ одновременно и довольно крупные участки, и совершенное безземеліе въ предѣлахъ одного и того же имѣнія. Такъ въ Пруссіи, мы видимъ во первыхъ полные крестьянскіе участки, обработка

[1]) Члены общины обыкновенно пользуются изъ нихъ участками различнаго размѣра, смотря по своему возрасту, такъ что люди болѣе пожилые получаютъ и болѣе земли. *Laveleye*. Das Ureigenthum, deutsche Ausgabe von *Bücher*. 1879; IX Kapitel.

которыхъ требовала по меньшей мѣрѣ пары лошадей или воловъ (въ Помераніи *minimum* такого надѣла равнялся 45 моргенамъ, $10^1/_2$ десятинъ), затѣмъ встрѣчаемъ полутяглыя хозяйства и, наконецъ, множество мелкихъ участковъ, гдѣ хозяева владѣли или одними хижинами, или усадьбами съ огородами, а иногда небольшими клочками пахотной земли. Такіе огородники, или бобыли, не держали рабочаго скота, воздѣлывали свою землю заступами и мотыками и при этомъ нанимались въ разныя работы у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, а нѣкоторые занимались ремеслами [1]). Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи мы находимъ также владѣльцевъ полной гуфы, половины, четверти ея и т. д., а также безземельныхъ бобылей (Insten), водворенныхъ въ хатахъ, принадлежащихъ помѣщикамъ [2]). То же было и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Нѣмецкое поземельное устройство повліяло и на земли, съ востока прилежащія къ ней. Мы не говоримъ уже объ Остзейскомъ краѣ, куда нѣмецкіе колонисты перенесли порядки, практиковавшіеся на родинѣ; нѣмецкое вліяніе проникло и въ Польшу, и въ Литву, а, наконецъ, и въ Малороссію. Въ Польшѣ въ XVIII в. мы встрѣчаемъ, какъ и въ Германіи, полныхъ крестьянъ — *кметовъ*, имѣвшихъ значительный участокъ земли, затѣмъ, *огородниковъ*, владѣвшихъ нѣкоторымъ количествомъ пахотной земли или питавшихся только съ одного огорода, *халупниковъ*, сидѣвшихъ въ хижинахъ нерѣдко безъ огорода и питавшихся заработками, и, наконецъ, *коморниковъ*, служившихъ батраками у кметовъ [3]). При посредствѣ Польши западныя поземельныя отношенія были введены и въ русскія области, подпавшія ея власти. Мы разумѣемъ тутъ проникшую въ началѣ XVI в. въ сѣверо-западную Россію, такъ называемую, *волочную* систему, при которой лучшіе участки выдѣлялись для устройства фольварка, помѣщичьей фермы, а остальные раздѣлялись на *волоки*, заключавшія въ себѣ каждая около 19 нынѣшнихъ десятинъ, гдѣ помѣщикъ селилъ по одному, а впослѣдствіи по два и болѣе крестьянскихъ хозяйствъ. «Это разселеніе крестьянъ по отдѣльнымъ участкамъ, говоритъ г. Новицкій, было главною причиною сохранившейся до сихъ поръ въ сѣверо-западной Руси и на Полѣсьѣ дробности поселеній, не рѣдко состоящихъ изъ двухъ, трехъ дворовъ, которую иные современные изслѣдователи напрасно объясняютъ исключительными условіями мѣстности или условіями народнаго характера

[1]) *Самаринъ* II, 206—207.

[2]) *Hanssen*, Die Aufh. der Leibeig. in den Herzogth. Schlesw. u. Holst., 17—21.

[3]) Польское мнѣніе о крестьянскомъ вопросѣ, 1790 г. Славян. Сб. III, стр. 110.

бѣлоруссовъ и полѣщуковъ». Въ юго-западную Русь волочная система проникла лишь къ концу XVI в., и такъ какъ здѣсь она вводилась иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ существовало вполнѣ свободное пользованіе землею, то крестьяне относились къ ней въ высшей степени враждебно и грозили бросить землю и уйдти всею массою въ другія мѣстности. Кончилось однако тѣмъ, что волочная система была и здѣсь введена и не дала возможности перейдти свободному захватному пользованію землею въ общинное землевладѣніе. Поземельное неравенство и тутъ мы находимъ въ большихъ размѣрахъ: рядомъ съ *тяглыми* крестьянами существовали *огородники*, и участки первыхъ были въ десять разъ болѣе участковъ вторыхъ [1]). Въ Малороссіи также, кромѣ тяглыхъ крестьянъ, были *огородники*, имѣвшіе только усадьбу съ огородомъ безъ полевой земли, и *лёзные*, совсѣмъ не имѣвшіе осѣдлости и переходившіе съ мѣста на мѣсто, пока не поселялись гдѣ-нибудь на слободѣ. Въ одномъ и томъ же имѣніи мы встрѣчаемъ и много-земельныхъ, и мало-земельныхъ, и совершенно безземельныхъ крестьянъ. Тяжесть повинностей заставляла тяглыхъ людей дѣлаться *подсосѣдками*, т. е. поселяться въ панскихъ, казачьихъ и др. хатахъ и платить за помѣщеніе или деньгами, или личною работою [2]).

Отсутствіе передѣловъ земли и связанные съ нимъ имущественные контрасты были не единственною мрачною стороною поземельныхъ отношеній вышеупомянутыхъ странъ: еще большимъ зломъ было довольно развитое стремленіе къ обезземеленію крестьянъ. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи, въ теченіе XVIII в., мы находимъ цѣлый рядъ указовъ противъ изгнанія крестьянъ съ ихъ участковъ безъ уважительной причины, хотя бы съ уплатою имъ денежнаго вознагражденія [3]), и предписанія возстановить уничтоженные дворы. Подобныя же распоряженія мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Но уже одна многочисленность указовъ по этому предмету свидѣтельствуетъ, что они плохо достигали цѣли. Такія же злоупотребленія владѣльцевъ въ Австріи заставили Марію-Терезію прибѣгнуть къ поземельному кадастру, съ цѣлію сдѣлать крестьянскія земли неотъемлемыми. Сравнивая эти законодательныя распоряженія

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. VI т. 1, введеніе г. Новицкаго, стр. 94, 103, 105, 110—111.

[2]) *Лазаревскій*, Малорос. поспол. крестьяне. Зап. Черниг. Стат. Комит. I, 20, 40, 98.

[3]) *Stadelmann*, Friedrich Wilhelm I in seiner Thätigkeit für die Landescultur Preussens. Publikationen aus den Preuss. Staatsarchiven, II, 83—84. *Самаринъ*, II, 217.

съ мѣрами нашего правительства относительно Великороссіи XVIII в., мы видимъ въ Германіи энергическое стремленіе положить предѣлъ обезземеленію крестьянъ и, напротивъ, полную бездѣятельность правительства въ этомъ отношеніи у насъ. Но, обративъ вниманіе не на одни правительственные указы, а на дѣйствительный строй жизни, мы не можемъ не признать, что поземельныя отношенія, сложившіяся въ Великороссіи, были неизмѣримо благопріятнѣе для массы крестьянъ, и что хотя помѣщикъ могъ совершенно безнаказанно превратить своихъ крѣпостныхъ въ батраковъ,—лишь весьма немногіе пользовались этимъ правомъ. Что касается Польши, то въ ней, какъ и въ Германіи, мы встрѣчаемся съ насильственнымъ обезземеленіемъ крестьянъ [1]); малороссійскіе помѣщики также насильственно разрывали связь между землею и людьми, ее издавна населявшими.

ГЛАВА V.

Дворовые.

Отсутствіе этого класса въ Западной Европѣ.—Многочисленность дворни у насъ.—Опредѣленіе обязанностей прислуги. — Группы крѣпостныхъ музыкантовъ и актеровъ.— Крѣпостные учителя. — Стихотворецъ изъ дворовыхъ. — Матеріальное обезпеченіе дворовыхъ.

Мы говорили, что общинное пользованіе землею препятствовало образованію среди крѣпостныхъ въ Великороссіи безземельныхъ крестьянъ. Былъ однако довольно многочисленный классъ крѣпостнаго населенія, совершенно оторванный отъ земли: это дворовые; въ XVIII вѣкѣ его вовсе не существовало во Франціи и Германіи. Въ Германіи услуженіе въ помѣщичьемъ домѣ и исполненіе извѣстныхъ работъ во дворѣ было временною обязанностію людей извѣстнаго возраста, по минованіи котораго они освобождались отъ этой службы. «Кромѣ обыкновенной барщины», исправлявшейся съ тяглыхъ дворовъ, «помѣщики пользовались обязательною службою затяглыхъ работниковъ. Срокъ этой службы начинался обыкновенно съ 13-лѣтняго возраста и оканчивался для мужчинъ 35-лѣтнимъ, а для женщинъ 30-лѣтнимъ; въ продолженіи первыхъ 3 или 5 лѣтъ жалованье затяглымъ обоего пола выдавалось по пониженной оцѣнкѣ, а затѣмъ равное съ вольнонаемною платою; продовольствіе, одежда, уходъ за больными,—все это падало на счетъ помѣщика» [2]). Часть этихъ

1) Слав. Сб. III, 116.

2) *Самаринъ* II, 227—228.

людей несомнѣнно исполняла полевыя работы, но нѣкоторые несли обязанности нашихъ дворовыхъ. Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи, кромѣ двухъ классовъ крестьянъ, упомянутыхъ нами выше,—владѣльцевъ гуфы или ея части (Hufner) и бобылей (Insten), былъ еще третій классъ—прислуга (Gesinde). Онъ состоялъ тамъ изъ дѣтей крестьянъ первыхъ двухъ класовъ, и члены его должны были работать или во дворѣ господина, или у крестьянъ, имѣющихъ землю. Ежегодно, 1-го мая, производились перемѣщенія въ этомъ третьемъ классѣ: поженившіеся работники и вышедшія замужъ дѣвушки поступали въ сословіе бобылей, а подросшіе мальчики дѣлались прислугою. Послѣ того, какъ было взято господиномъ достаточное количество людей для комнатнаго услуженія и дворовыхъ работъ, остальные, по большой части по своему желанію, распредѣлялись между крестьянами перваго класса, причемъ дѣти крестьянъ этого класса оставались на службѣ у своихъ родителей. — Мальчики часто уже въ 6—7 лѣтъ должны были пасти гусей и овецъ; въ 10—12 лѣтъ (въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ даже въ 8—9 лѣтъ) они получали названіе Kleinjungen, въ 14—15 лѣтъ—Grossjungen, въ 20—22 года—Kleinknechten, года 4 или 5 спустя—Grossknechten. Дѣвушки также раздѣлялись на Kleinmägden и Grossmägden. Впрочемъ перемѣщеніе въ высшій разрядъ дѣлалось не столько по лѣтамъ, сколько по способностямъ каждаго; вмѣстѣ съ этимъ повышалась и рабочая плата. Пастуху гусей и овецъ давали только нѣсколько локтей холста. Kleinjungen получали по нѣскольку талеровъ и нѣкоторое количество холста, Klein и Grossknechten — по 12—20 талеровъ, дѣвушки—4—5 талеровъ и также холстъ. Если прислуги недоставало, то младшихъ изъ бобылей можно было опять принудить къ исполненію ея обязанностей [2]). Такимъ образомъ и здѣсь не было постоянныхъ дворовыхъ, какъ въ Россіи.— Въ Австріи, какъ видно изъ свѣдѣній объ иностранныхъ крестьянахъ, доставленныхъ въ нашу коммиссію уложенія, былъ такой порядокъ: господинъ могъ взять у своихъ крестьянъ въ услуженіе всѣхъ дѣтей, которыя не нужны имъ для собственнаго хозяйства, или не находятся въ какомъ либо ученьи; господа должны обращаться съ ними одинаково, какъ и съ вольнонаемными, и давать имъ достаточное пропитаніе и жалованье. По прошествіи 3 лѣтъ господинъ обязанъ отпустить всѣхъ, кто не пожелаетъ жить у него долѣе. Онъ могъ также взять къ себѣ въ услуженіе всѣхъ сиротъ, находившихся въ числѣ его крестьянъ, и дер-

[2]) *Hanssen*, 21—23.

жать ихъ до 14-лѣтняго возраста безъ жалованья, давая только пищу и одежду: затѣмъ они должны были служить еще 3 года за жалованье, но, впрочемъ, если сиротѣ представится лучшее мѣсто, то господинъ долженъ его отпустить [1]). Въ Остзейскомъ краѣ повидимому также не было особаго постояннаго класса дворовыхъ, и для исполненія обязанностей слугъ господинъ бралъ изъ крестьянскихъ дворовъ юношей и дѣвушекъ; случалось однако, что господинъ продавалъ имѣніе, а взятыхъ въ услуженіе оставлялъ у себя и разлучалъ такимъ образомъ съ родственниками. Карлъ Фридрихъ Шульцъ, въ уложеніи, данномъ своимъ крестьянамъ въ 1764 г., опредѣлилъ, чтобы брать въ услуженіе только изъ такихъ дворовъ, гдѣ остается еще достаточное количество людей и держать слугами парней не далѣе 24, а дѣвушекъ 20-лѣтняго возраста [2]). Въ Польшѣ были такіе же дворовые. какъ и у насъ въ Великоросіи [3]).

Среди нашихъ крѣпостныхъ было очень много дворовыхъ, гораздо болѣе того, сколько дѣйствительно требовалось для домашняго услуженія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Шторхъ: «число крестьянъ, которые такимъ образомъ отвлекаются отъ полезнѣйшаго изъ всѣхъ занятій и непроизводительно употребляются для домашняго услуженія, такъ велико, что въ другихъ странахъ не могутъ себѣ этого и представить; здѣсь крѣпостное право благопріятствуетъ этой восточной роскоши и вообще уменьшаетъ цѣну человѣка и его услугъ. Въ странѣ, гдѣ для услуженія нужно нанимать людей, эта роскошь не можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, какъ здѣсь, гдѣ помѣщикъ, превращая крестьянина въ двороваго, теряетъ лишь небольшой денежный оброкъ или незначительную барщинную работу и гдѣ содержаніе дворовыхъ обыкновенно ограничивается скуднымъ удовлетвореніемъ самыхъ первымъ жизненныхъ потребностей. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ такомъ же нѣмецкомъ; о домахъ же вельможъ и говорить нечего. Помѣщичьи дома кишатъ дворовыми людьми, которыхъ многочисленное потомство почти никогда не возвращается къ сохѣ, а, выросши въ праздности, приготовляется къ

1) Арх. II отд., вяз. 326—312, дѣло № 1, срав. Ibid, дѣло № 10, п. 2.

2) *Samson*, Histor. Versuch über die Aufhebung der Leibeigen. in den Ostseeprovinzen. 84, 154—155.

3) Мнѣніе о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ 1790 г. Слав. Сб. III, 115; *Горемыкинъ*, 96.

тому-же назначенію, какъ и ихъ отцы. Въ деревняхъ эти вредные нахлѣбники государства приносятъ своимъ господамъ хоть нѣкоторую пользу ремесленными работами, которымъ ихъ иногда обучаютъ; но въ большихъ городахъ это бываетъ рѣдко, и тамъ въ помѣщичьемъ домѣ всегда найдешь множество совершенныхъ дармоѣдовъ. Если-бы было возможно сдѣлать точную перепись слугъ и дворовыхъ людей во всемъ государствѣ, то всѣ были-бы поражены тѣмъ ущербомъ, который терпитъ отъ этого добывающая промышленность» [1]). Эти слова Шторха приводятся въ другомъ современномъ описаніи Россіи съ слѣдующимъ прибавленіемъ: «У русскаго дворянина въ пять или въ шесть разъ болѣе слугъ, чѣмъ у лицъ равнаго положенія въ другихъ странахъ Европы,—а въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ въ Петербургѣ число слугъ обоего пола доходитъ до 150 и даже 200 человѣкъ: домъ Л. А. Нарышкина можетъ служить примѣромъ» [2]).—Въ однихъ воспоминаніяхъ мы находимъ такое свидѣтельство о многочисленности барской дворни въ XVIII вѣкѣ: «людей въ домахъ держали тогда премножество, потому что, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и оффиціантовъ, были еще дворецкіе и буфетчикъ, а то и два; камердинеръ и помощникъ, парикмахеръ, кондитеръ, два или три повара и столько же поварятъ; ключникъ, два дворника, скороходы, кучера, форейторы и конюхи, а ежели гдѣ при домѣ садъ, такъ и садовники. Кромѣ этого, у людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, ну хоть по немногу, а все таки человѣкъ по десяти. Это только въ городѣ; а въ деревнѣ: тамъ еще всякіе мастеровые и у многихъ псари и егеря, которые стрѣляли дичь для стола, а тамъ скотники, скотницы»,—если всѣхъ сосчитать «городскихъ и деревенскихъ, мужчинъ и женщинъ, такъ едва ли въ большихъ домахъ бывало не по двѣсти человѣкъ прислуги, ежели не болѣе.... тогда такъ было принято и.... казалось.... что иначе и быть не могло». Содержать такую дворню оказывалось возможнымъ, потому что «все было свое: и хлѣбъ, и живность, и всѣ припасы, все привозилось изъ деревень, всего заготовляли помногу, стало быть, и содержаніе стоило не дорого, а жалованье людямъ платили небольшое, сапоги шили имъ свои мастера, платья—тоже, холстъ былъ некупленный» [3]).

[1]) *Storch.* Hist. Stat. Gemälde des russ. Reichs II, 358—361.

[2]) *Tooke.* Histoire de Russie sous le règne de Catherine II, traduc. de l'anglais revue par Leclerc, P. 1801, V, 99.

[3]) „Разсказы бабушки", Русск. Вѣстн. 1878 г. № 4, стр. 714.

У богатаго помѣщика Головина было болѣе 300 человѣкъ дворовыхъ [1]); англійскій путешественникъ Кларкъ говоритъ, что у гр. Орлова было не менѣе 500 слугъ [2]), численность дворни К. Разумовскаго въ Батуринѣ равнялась почти 300 человѣкамъ [3]). Сегюръ свидѣтельствуетъ, что нерѣдко у нашихъ вельможъ было по 400—500 человѣкъ дворни обоего пола. [4]) Въ петербургскомъ домѣ К. Разумовскаго въ составъ прислуги входили слѣдующія лица: метръ-д'отель, тафельдекеръ, кондитеръ, келлермейстеръ, кофешенкъ, мундшенкъ, старшій камердинеръ, младшій камердинеръ, ихъ помощники, два парикмахера, обойщикъ, швейцаръ, 10 лакеевъ, 2 арапа, 4 гусара, 2 егеря, 2 скорохода, 18 истопниковъ, 4 полотера, 1 смотритель трубъ, кухмистеръ—иностранецъ, 2 русскихъ кухмистера, 4 повара, борщеваръ да еще 4 человѣка при кухнѣ; каммеръ-юнгферъ 2, каммеръ-медхенъ 2, «при мадамѣ» одна, вдова одна, кастелянша, кружевница, 8 прачекъ, садовникъ, при немъ 1 подмастерье, 3 ученика и 15 работниковъ, кузнецъ, помощникъ его, медоваръ и два работника, серебрянникъ, 5 столяровъ, слесарь, 2 печника. Въ конторѣ—дворецкій, бухгалтеръ, 3 копіиста, 2 разсыльщика, сторожъ, полицмейстеръ, пріемщикъ; при конюшнѣ — берейторъ, его ученикъ, трое кучеровъ, изъ нихъ одинъ нѣмецъ, 3 форейтора, 11 конюховъ, работниковъ въ кухнѣ, кондитерской, прачешной и проч. 20 человѣкъ, наконецъ, музыкантовъ 3, пажиковъ 5, «живописныхъ учениковъ» 2, пѣвчихъ 2 и сторожъ при церкви одинъ,—всего 190 человѣкъ. Кромѣ того, въ четырехъ другихъ петербургскихъ домахъ Разумовскаго, въ Мурзинкѣ и на Крестовскомъ островѣ, было разныхъ людей работниковъ и работницъ 38, наконецъ, при 4 дѣтяхъ гр. Кирилы Григорьевича состояло прислуги 31 человѣкъ, итого 259 человѣкъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ людей были, вѣроятно, не крѣпостные, какъ это можно заключить изъ того, что высшіе чины дома Разумовскаго получали весьма большое жалованье, но большинство прислуги были несомнѣнно его дворовые [5]). Въ подмосковномъ имѣніи гр. П. Б. Шереметева, селѣ Кусковѣ, въ составъ двороваго штата, кромѣ управителя и прикащика съ конторщиками, входили слѣдующіе люди: садовникъ, архитекторъ, лѣкарь, квартемистръ, управляющій матросами и гребцами, живописцы, актеры и актрисы, звѣринщики, ловчіе, псари, конюхи, лебединщикъ, птичники, скотники и скотницы, учителя, маляръ, лѣпщикъ, мраморщикъ, золотарь (все это по большей части со своими подмастерьями или учениками), геодезистъ, «свисы», т. е. швейцары при разныхъ домахъ—въ пышныхъ нарядахъ, въ кафтанѣ и камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ поярковой или пуховой шляпѣ съ позументомъ, съ желтою перевязью и блестящими пуговицами,— приходорасходчикъ хлѣбныхъ запасовъ, ружейникъ и «ложный мастеръ», слесарь съ ученикомъ, 6 кузнецовъ, 2 печника и ученикъ, 5 столяровъ и 3 ученика, 3 рѣщика, 2 плотника, колесникъ, обойщикъ съ ученикомъ, паяльщикъ съ ученикомъ, 2 токаря и ученикъ, сапожникъ съ ученикомъ, башмачникъ, портныхъ 2 и ученикъ, оконничниковъ 2 и ученикъ, обручникъ, 2 трубочиста, басманниковъ и квасниковъ по 2, лѣсниковъ 4, пріемщиковъ матеріаловъ 2, дворникъ на псарнѣ, дровяникъ и угольщикъ, караульные и сторожа, мальчики въ послугахъ, нарядчикъ на конюшнѣ, 12 гусаровъ съ «гусарскимъ командиромъ» во главѣ, «метръ

[1]) *Казанскій*. Родословная Головиныхъ, 1847, стр. 63.

[2]) *Clarke*. Travels in various countries of Europe. 1810, I, 92. (Путешествовалъ въ 1800 г.).

[3]) *Карновичъ*, Замѣчат. богатства, 288—289.

[4]) Mémoires, ed. Barriere I, 334.

[5]) Штатъ дома Кир. Григ. Разумовскаго, 1774 г., напечатанъ г. А. *Васильчиковымъ* въ книгѣ „Семейство Разумовскихъ", 1880 г., т. I, Прилож. XII, стр. LXXV—CIII.

д'отель», «кухеншрейберъ», повара, мундшенкъ, кофешенкъ, скороходы и т. д. [1]). Множество слугъ было и у графа В. Орлова въ его подмосковномъ имѣніи Отрада. Тутъ, какъ и у другихъ помѣщиковъ, мальчиковъ отдавали въ обученіе различнымъ искусствамъ и ремесламъ; такимъ образомъ, у богатаго барина были свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники, фельдшера, аптекаря, часовщики, плотники, столяры, каменщики, кирпичники и проч., свои музыканты и актеры, свой архитекторъ, живописецъ, если и не заправскій астрономъ, то все-таки человѣкъ, пріученный наблюдать звѣзды, были и доморощенные поэты; наконецъ, одинъ камердинеръ исполнялъ обязанности богослова: читая графу вслухъ, онъ вступалъ съ нимъ въ словопреніе о религіозныхъ вопросахъ. Многіе дворовые люди занимали должности въ главной конторѣ и умѣли иногда при этомъ нажить порядочный капиталецъ. Были, наконецъ, и такіе, которымъ поручали давать уроки чистописанія, переписывать учебныя тетради и вообще оказывать содѣйствіе обученію дѣтей и внуковъ графа [2]).

За знатными барами тянулись и дворяне средней руки; стремленіе къ роскоши все болѣе и болѣе развивалось въ обществѣ. Прежде, говоритъ Рычковъ, лучшіе люди жили въ своихъ деревняхъ «умѣренно и бережно»; теперь же молодые помѣщики выстраиваютъ себѣ богатые дома, роскошно убираютъ ихъ и заводятъ «немалое число оффиціантовъ и ливрейныхъ служителей». Тогда какъ лѣтъ двадцать тому назадъ знатные и заслуженные дворяне имѣли при себѣ по 2, по 3 человѣка, ихъ дѣти и наслѣдники предаются всевозможнымъ излишествамъ, «не жалѣя себя и крестьянства», отлучая множество людей отъ земледѣлія. Даже и мелкопомѣстные, что прежде сами пахали землю, теперь держатъ по одному, по два и по три человѣка слугъ и работниковъ [3]). Конечно, часть дворовыхъ употреблялась на необходимыя сельскохозяйственныя работы, въ качествѣ садовниковъ, скотниковъ и т. п.; но несомнѣнно, что множество народа праздно болталось въ барскихъ хоромахъ. Мы указывали, до какого огромнаго количества доходило число слугъ въ домахъ знатныхъ вельможъ; общее же число дворовыхъ у нихъ было, разумѣется, еще значительнѣе; что оно было велико и у помѣщиковъ средней руки, видно изъ слѣдующаго примѣра: Лунинъ, въ имѣніяхъ котораго было 1613 д. м. п. и 1603 ж. п., имѣлъ дворовыхъ мужчинъ 143, т. е. 9%, и женщинъ 137, т. е. $8^1/_2$ %; во всѣхъ имѣніяхъ кн. М., Б. и А. Андр. Голицыныхъ—5%, во всѣхъ имѣніяхъ Авд. М. Нарышкиной—7%, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ кн. М. Голицына—10% [4]).

[1]) См. статью г. *Безсонова*, „гр. П. И. Шереметьева, урожденная крестьянка села Кускова“, въ IX вып. пѣсенъ, собр. Кирѣвскимъ, стр. 28—30.

[2]) Гр. *Орловъ-Давыдовъ*. II, 13—16.

[3]) *Тр. В. Эк. Общ.*, VI, 62—63.

[4]) Голицынскій архивъ.—Предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права дворовые во

Нужно впрочемъ замѣтить, что не всегда одно тщеславіе заставляло дворянъ держать лишнее количество дворни: въ деревняхъ этого требовала иногда и безопасность. Псковскіе дворяне въ своемъ наказѣ заявляли, что они терпятъ крайнее раззореніе отъ разбойниковъ, воровъ и грабителей и потому для собственной защиты принуждены держать втрое и вчетверо болѣе дворовыхъ людей, чѣмъ бы слѣдовало, хотя черезъ это они «сами раззоряются и уменьшаютъ число крестьянъ и пахарей, претерпѣвающихъ и безъ того довольное отягощеніе». Въ приволжскомъ краю вслѣдствіе частыхъ нападеній разбойниковъ приходилось путешествовать съ большою свитою изъ дворовыхъ, которые были нужны и для защиты помѣщичьихъ домовъ, снабженныхъ для этой цѣли не только ружьями и пистолетами, но иногда и пушками [1]).

Болѣе разумные изъ помѣщиковъ сами понимали, какъ вредно это чрезмѣрное изобиліе дворни [2]). Нѣкоторые государственные люди того времени серіозно подумывали о томъ, какъ бы ограничить это зло. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ, рѣшительный противникъ крѣпостнаго права, предлагалъ уменьшить число дворовыхъ наборомъ ихъ въ солдаты. «Самый богатый источникъ для рекрутскаго набора,—писалъ онъ императрицѣ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый опасный, вслѣдствіе азіятскихъ понятій у дворянъ,—это многочисленная помѣщичья прислуга... Мнѣ кажется, что... можно было бы уменьшить ихъ количество, но, если это предметъ слишкомъ щекотливый, чтобы облечь его въ форму закона, то было-бы весьма полезно сдѣлать по крайней мѣрѣ вызовъ къ этому при общемъ наборѣ» [3]).

Увеличеніе числа дворовыхъ было не только тѣмъ обременительно для крестьянъ, что побуждало помѣщиковъ увеличивать размѣръ поборовъ натурою, необходимыхъ для содержанія обширной дворни, но еще болѣе потому, что крестьянскому міру приходилось, хотя, быть можетъ, и не всегда, платить за нихъ подушныя деньги и другіе поборы въ пользу

всей Россіи составляли почти 7% всего крѣпостнаго населенія, но по 8 ревизіи ихъ было только 4,14%. *Тройницкій*. Крѣпостн. населеніе Россіи, Спб. 1861, стр. 58.

[1]) Сборн. Ист. Общ. XIV, 376. Сборникъ истор. и статистич. матеріаловъ о симбирской губ. Приложеніе къ памятн. книжкѣ на 1868 г. Симбирскъ 1868, стр. 122.

[2]) „Не худо напоминать дворянамъ, — писали помѣщики дмитровскаго уѣзда въ наказѣ своему депутату въ Коммисію новаго уложенія,—о томъ, сколько ихъ разоряетъ содержаніе множества излишнихъ дворовыхъ людей безполезныхъ. Вмѣсто того, чтобы пахарь себя и человѣкъ десять кормилъ своимъ трудомъ, то двороваго человѣка самого надлежитъ кормить, а еще содержаніе его часто стоитъ вдвое или втрое противъ пищи", Сб. Ист. Об. VIII, 507.

[3]) *Blum*. I, 211.

государства. Болтинъ увѣряетъ, что подати за дворовыхъ платилъ или самъ помѣщикъ [1]), или вносили за нихъ крестьяне, но только въ счетъ оброка, но вотъ, напримѣръ, В. Г. Орловъ въ составленномъ имъ для своихъ крестьянъ «уложеніи» говоритъ: «за дворовыхъ моихъ, приписанныхъ къ вотчинѣ вашей, подушныя и прочія подати государственныя платить отъ міру», и при этомъ нѣтъ и рѣчи о зачисленіи этихъ денегъ въ счетъ оброка [2]). Еще хорошо, что Орловъ не взыскивалъ съ крестьянъ оброка за своихъ дворовыхъ, а бывали и такіе помѣщики [3]). Послѣднее впрочемъ было явленіемъ исключительнымъ, какъ видно изъ словъ Шторха, который прямо связываетъ обращеніе въ дворовые съ потерею нѣкоторой суммы оброка или доли повинностей.

Случалось, что въ челобитныхъ крестьянъ къ своему господину прямо высказывались жалобы на обремененіе отъ излишней дворни. Такъ староста одной вотчины А. В. Суворова, по случаю извѣстнаго неурожая 1786 г., проситъ объ томъ, чтобы крестьянъ освободили отъ выдачи (хотя и въ счетъ оброка) пайковъ дворовымъ, такъ какъ у нихъ самихъ нѣтъ ни яроваго, ни ржанаго хлѣба. Рѣдко только помѣщики обращали вниманіе на подобные жалобы и еще рѣже принимали такія энергическія мѣры, какъ Суворовъ. Въ своемъ имѣніи Кончанскомъ онъ велѣлъ подать себѣ списокъ дворовыхъ и изъ 14 человѣкъ оставилъ въ прежнемъ положеніи только двоихъ, а остальныхъ 12 (въ числѣ которыхъ были и портной, и башмачникъ, и пятеро музыкантовъ) велѣлъ посадить на пашню; при первоначальномъ обзаведеніи, постройкахъ, устройствѣ огорода и проч. имъ долженъ былъ помочь міръ; велѣно было также отвести для нихъ нѣкоторое количество пахотной земли, а у кого есть корова, тѣмъ и сѣнокосу; прилежнымъ въ работѣ велѣно было подарить отъ господина соху, борону, серпъ и косу, и такъ какъ земли немного, то дать имъ для работы и господскихъ лошадей; сказано было дать и сѣмянъ, но съ возвратомъ; вновь посаженные на пашню дворовые должны были также выучиться разводить картофель [4]).

Обязанности прислуги въ каждомъ благоустроенномъ домѣ были строго

[1]) „Примѣч. на Леклерка" II, 219.

[2]) Ярослав. губ. Вѣд. 1853 г. № 42, стр. 431.

[3]) Въ имѣніяхъ М., Б. и А. Андр. Голицыныхъ сборъ съ дворовыхъ (по 3 р. съ души) былъ разложенъ на всѣхъ крестьянъ, такъ что имъ приходилось платить сверхъ своего оброка по 15 к. съ души (Голиц. Архивъ). Аврамъ Лопухинъ за взятыхъ имъ въ домъ 9 человѣкъ крестьянскихъ дѣтей, продолжалъ взыскивать съ міру 48 р. А. М. Ю. № 173—3744, л. 583 и сл. п. 7.

[4]) *Рыбкинъ*, 72, 96—97.

опредѣлены; иногда помѣщики составляли для этого даже письменныя наставлннія. То, что дѣлается теперь въ самыхъ богатыхъ домахъ посредствомъ изустныхъ приказаній, тогда заносилось въ особую инструкцію: господинъ представлялъ своего рода правительственную власть, которая облекала свои распоряженія въ форму непреложнаго закона [1]). Правда, тутъ дѣло шло не о такихъ важныхъ предметахъ, какъ въ именныхъ или сенатскихъ указахъ, но тогдашнему боярину въ его домашнемъ мірку казалось крайне важнымъ, какъ подастъ то или другое кушанье какой-нибудь Прошка, какъ доложитъ лакей о гостяхъ. И вотъ мы видимъ, что подобныя правила составляютъ самые образованные люди своего времени [2]). Для екатерининской эпохи примѣромъ могутъ послужить подробныя наставленія прислугѣ, данныя Лунинымъ (авторомъ неизданныхъ записокъ, о которыхъ мы уже упоминали) въ 1785 г.

Приведемъ изъ его обширной инструкціи лишь нѣкоторые отрывки: «дневальному оффиціанту приказывается, какъ скоро пріѣдетъ какая незнакомая барыня, тотчасъ узнать отъ ея человѣка, кто она такова, о имени, отчествѣ, фамиліи и чинѣ, и немедленно барынѣ о томъ донесть, ежели словесно, то тихо, такъ, чтобы гостья не слыхала, а всего лучше записочкою... Онъ безъ напамятованія долженъ чаще самъ и посылать мальчиковъ снимать со свѣчъ чисто и опрятно; на немъ взыщется, ежели свѣча не прямо въ шандалѣ поставлена, или оная шатается... Послѣ ужина, какъ скоро гости уѣдутъ, дневальный оффиціантъ и лакей должны свѣчи погашать и въ буфетъ непремѣнно всѣ шандалы и свѣчи порядочно отдать, гдѣ собирать до самыхъ малыхъ огарковъ, изъ коихъ потомъ самые малые для перелитія въ свѣчи отдавать въ кладовую, а большіе огарки употреблять въ заднихъ покояхъ... Винный погребъ поручается Якову, который имѣетъ все въ немъ поставленное содержать въ исправности и съ тою точностію и раздѣленіемъ сортовъ винъ, какъ онъ, устроенный съ описью, ему отданъ на руки; весть вѣрную записку прихода и расхода всякому вину и еженедѣльно подавать ко мнѣ по субботамъ реестръ издержаннымъ напиткамъ, и тѣ реестры я или барыня будемъ подписывать... Его есть должность напитки къ столу приготовить, а приготовляя не портить, т. е. не согрѣвать тѣхъ, кои должны быть холодные... Ежели бъ случилось, чтобъ приказали принесть разныхъ сортовъ, то принеся ставить какіе ни есть знаки и опасаться взысканія, ежели смѣшается и подастъ не то, котораго спрашивали, каковыя ошибки уже не разъ были примѣчены... Конюхамъ повелѣваетъ и взыскиваетъ Антонъ, яко конюшій, а охотникамъ Кастерь, какъ ловчій... на нихъ-же строго взыщется, ежели еще разъ будетъ усмотрѣно, что въ конюшню или на охотничьемъ дворѣ пойдутъ когда либо съ огнемъ безъ фонаря, равно и за всякое послабленіе въ присмотрѣ за поведеніемъ... О весьма невоздержныхъ, или продерзливыхъ, *коихъ слегка и сами наказывать могутъ*, а о заслужившихъ большее наказаніе докладывать мнѣ [3]) и каждое утро обоимъ по своимъ должностямъ приходить меня рапортовать».

[1]) Онъ такъ и подписывалъ ихъ: „дано“ тогда-то, тамъ то.

[2]) Напр. Татищевъ въ своихъ Экономич. Запискахъ 1742 г. Временникъ XII, 30—32.

[3]) По другой инструкціи 1792 г. Лунинъ дозволилъ дворовому, назначенному „до-

Тутъ заботливый господинъ предусмотрѣлъ всѣ подробности домоваго порядка, начиная отъ уборки комнатъ и кончая храненіемъ огарковъ, сниманіемъ нагара съ сальныхъ свѣчей и луженіемъ посуды; во всемъ виденъ строгій порядокъ, строгая отчетность: вещи сдаются людямъ не только по описи, но даже требуется иногда ихъ росписка въ принятіи. Впрочемъ, помѣщая эту инструкцію въ своихъ запискахъ, Лунинъ замѣтилъ, что не вполнѣ надѣется на точное ея исполненіе, а составилъ ее потому, что не имѣетъ времени самъ за всѣмъ присматривать.

Шесть лѣтъ спустя, Лунинъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что, перемѣнивъ мѣстожительство и родъ занятій [1]), онъ находитъ нужнымъ «перемѣнить порядокъ и въ домоправительствѣ».... «Съ Божіею помощію начну такимъ образомъ, говоритъ онъ, чтобы все домоправительство было въ глазахъ моихъ, не мѣшаясь рѣшительно въ женское упражненіе, которое оставаться должно подъ распоряженіемъ благонравной моей Варвары Николаевны». При этомъ Лунинъ выражаетъ въ запискахъ самыя благія намѣренія относительно прислуги: онъ желаетъ устроить такъ, «чтобъ всякій человѣкъ имѣлъ свое мѣсто, порядочную постель, столъ сытный, приготовленный съ опрятностію»; онъ хочетъ «добраго слугу отличать награжденіями, а порочнаго стыдить, поправлять и наказывать. Желаю», продолжаетъ Лунинъ, «такъ вести, чтобы они и любили меня, и боялись. Каждому надобно назначить должность.... слѣдовательно предстоитъ мнѣ великая трудность развращеніе привесть въ порядокъ, но надѣюсь на бдительность свою и на способы мною предполагаемые; стараться стану доводить до того, чтобъ слушались не голоса моего, но самаго времени, которое назначаетъ, что кому исправлять» [2]).

Въ приведенныхъ отрывкахъ изъ инструкцій Лунина, рисуется намъ обычный порядокъ въ благоустроенномъ городскомъ домѣ зажиточнаго барина. Помѣщики, навсегда поселившіеся въ провинціальной глуши, также установляли свои ненарушимыя правила, иногда крайне странныя и оригинальныя. Великимъ чудакомъ былъ, напримѣръ, богатый баринъ, В. В. Головинъ, который при Биронѣ вытерпѣлъ въ застѣнкѣ ужасныя пытки, а при Елизаветѣ и Екатеринѣ II спокойно доживалъ свой вѣкъ въ де-

моправителемъ", по своему усмотрѣнію „слегка наказывать" мужскую прислугу, за исключеніемъ нѣсколькихъ лакеевъ.

[1]) Прежде онъ былъ губернаторомъ въ Полоцкѣ.

[2]) Неизданныя записки Лунина хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ. М. 919. Въ литературѣ екатерининской эпохи можно встрѣтить и печатныя наставленія прислугѣ. См. Тр. В. Эк. Общ. 1772 г. т. XXII, 69—240.

ревнѣ, а иногда и въ Москвѣ. Остановимся на нѣкоторыхъ правилахъ его ежедневнаго обихода, всегда соблюдаемыхъ съ величайшею точностію. Вотъ какъ приготовляли барину чай: «впереди обыкновенно шелъ одинъ служитель съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячею водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ, для обмахиванія золы и пыли. Поставивши жаровню съ горячими угольями на желѣзный листъ, а на нее мѣдный чайникъ, и сотворивши молитву Іисусову, слуги тихо выходили». Напившись чаю, баринъ отправлялся къ обѣднѣ, въ церкви стоялъ на особенномъ мѣстѣ и оттуда по переходамъ, поддерживаемый двумя лакеями, возвращался домой. Обѣдъ продолжался часа по три. «Кушаньевъ считалось обыкновенно семь, но число блюдъ доходило иногда до 40 и болѣе. Для каждаго кушанья былъ особый поваръ, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ приносилъ свое кушанье.... Поставивши первыя блюда, всѣ 7 поваровъ снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили за другими блюдами. Тутъ являлись 12 оффиціантовъ, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и предлинными на шеѣ бѣлыми косынками.... Обѣдъ кончался часу въ четвертомъ передъ вечеромъ.... Вскорѣ послѣ обѣда Василій Васильевичъ ложился спать до самаго утра. Приготовленія ко сну начинались приказомъ закрывать ставни; извнутри прочитывали молитву Іисусову.... «Аминь», отвѣчали нѣсколько голосовъ извнѣ, и съ этимъ словомъ съ ужаснымъ стукомъ закрывали ставни и засовывали желѣзными болтами». Двери комнатъ запирала и отпирала довѣренная горничная, а ключи относила къ барину и клала ему подъ изголовье; потомъ отдавала установленный приказъ очереднымъ сѣннымъ дѣвушкамъ. Нужно замѣтить, что въ комнатахъ у Головина было 7 кошекъ, которыхъ на ночь привязывали къ особому столу съ 7 ножками. Если случалось, что какая-нибудь изъ кошекъ отрывалась отъ стола и приходила къ барину, то кошки и дѣвки подвергались наказанію. Поэтому-то разъ навсегда установленный приказъ и начинался напоминаніемъ о кошкахъ. «Кошекъ-то смотрите», говорила старшая горничная, «ничѣмъ не стучите, громко не говорите, по ночамъ не спите, подслушниковъ глядите, огонь потушите и помните накрѣпко!» Ночью 4 чередовые и столько же караульныхъ подымали стукъ, свистъ, гамъ и крикъ. Если что-нибудь помѣшало барину заснуть, то онъ уже не ложился и разстроивался на всю ночь. Тогда онъ или читалъ вслухъ жизнь Александра Македонскаго Квинта Курція, или произносилъ молитву, перебирая

четки, или начиналъ ходить по всѣмъ комнатамъ, постукивая колотушкою и обмахивая пыль. Если пыль гдѣ-нибудь оказывалась, то тотчасъ-же курили роснымъ ладономъ и окропляли то мѣсто святою водою. Эти странности естественно поджигали любопытство, и многіе подсматривали въ щели, что дѣлаетъ баринъ. Но и на этотъ случай приняты были мѣры. Сѣнныя дѣвушки начинали кричать съ различными прибаутками и поговорками, окачивали изъ верхняго окошка холодной водой подслушниковъ, и баринъ одобрялъ все это, приговаривая: «по дѣломъ вору и мука; ништо имъ растреклятымъ, растрепоганымъ, растреокаяннымъ, непытаннымъ, немученнымъ и ненаказаннымъ!» топоча обѣими ногами, повторяя неоднократно одно и тоже. Послѣдняя поговорка объясняется очевидно тѣмъ, что Головинъ не могъ забыть безчеловѣчныхъ пытокъ Бирона.—Во всемъ у Головина требовалось точное исполненіе установленнаго порядка, и при томъ все сопровождалось предписанными поговорками [1]).

Могутъ сказать, что эти чудачества настрадавшагося въ свою жизнь старика представляютъ исключительное явленіе и потому не заслуживаютъ вниманія. Но, во-первыхъ, ничто не заставляетъ считать Головина помѣшаннымъ, хотя несомнѣнно его нервы были сильно потрясены, а во-вторыхъ, тутъ важна для насъ не личность господина, а тотъ строй общества, при которомъ было возможно для барина дѣлать все, что только ему вздумается, важно то, что какіе бы порядки ни установилъ у себя помѣщикъ, все должна была безропотно исполнять его дворня: и заучивать барскія острословія, и не спать по ночамъ, и подвергаться наказанію наравнѣ съ провинившеюся кошкою. Не будь послѣдняго обстоятельства,— все въ данномъ случаѣ какъ будто бы отличалось шуточнымъ характеромъ; но это уравненіе человѣка съ животнымъ напоминаетъ намъ объ оборотной сторонѣ медали, о тѣхъ ужасныхъ формахъ безсердечія и жестокости, въ которыя выливались иногда барское чудачество, барское самодурство. Но объ этомъ—въ своемъ мѣстѣ, а теперь упомянемъ еще объ оригинальныхъ обязанностяхъ прислуги у другаго чудака. Гр. П. М. Скавронскій, знатный вельможа и страшный богачъ, страстный любитель музыки, мнившій себя великимъ композиторомъ, додумался до такой нелѣпости: онъ приказалъ прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ и между собою, какъ речитативомъ [2]). Или и это сумасшедшій? Въ извѣстой степени, пожалуй; любопытно только, что и самое помѣшательство прини-

[1]) *Казанскій*. Родословная Головиныхъ. М. 1847 г., стр. 63—65, 67—71.
[2]) *Вигель*. Записки, ч. III, стр. 89.

маетъ оригинальныя формы, смотря по тому или другому строю общества, въ данномъ случаѣ основанному на рабскомъ трудѣ. Исторія крѣпостнаго права представляетъ весьма важныя данныя для созданія науки общественной патологіи.

Въ числѣ дворовыхъ, какъ мы уже знаемъ, были не только слуги, а также и различные ремесленники, которые должны были исполнять опредѣленныя работы; мы видѣли, что у нѣкоторыхъ помѣщиковъ часть дворни работала и на фабрикахъ. За правильнымъ ходомъ работъ должны были смотрѣть управители и прикащики. Женская прислуга также постоянно трудилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хозяйки дома; нѣкоторыя помѣщицы заставляли горничныхъ работать даже въ дорогѣ [1]). Дворовыя, неслужившія въ домѣ, занимались пряденіемъ и тканьемъ, при чемъ количество работы было обыкновенно строго опредѣлено. По инструкціи Румянцева женамъ ткачей и вдовамъ ихъ, кому не болѣе 50 лѣтъ, велѣно прясть, что будетъ имъ назначено, но безтяглыхъ бабъ и солдатокъ запрещено, подъ угрозою штрафа, посылать на какія бы то ни было работы, «ибо онѣ отъ своей работы единой и пропитаніе имѣютъ».

Обязанности дворовыхъ не всегда ограничивались службою въ помѣщичьемъ домѣ или исполненіемъ различныхъ работъ на барскомъ дворѣ. Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ, господа имѣли труппы актеровъ-рабовъ, держали у себя рабовъ-ученыхъ, наконецъ, дѣлали ихъ воспитателями своихъ дѣтей [2]), такъ и у насъ многіе помѣщики составляли изъ дворовыхъ оркестры музыкантовъ [3]), труппы актеровъ, нерѣдко наиболѣе честнымъ и способнымъ ввѣряли даже воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей; наконецъ случалось, что изъ среды барской дворни выходили композиторы и писатели. Въ московскомъ домѣ Суворова жили цѣлыя партіи пѣвчихъ и музыкантовъ; ихъ содержали тутъ между прочимъ для того, чтобы они могли совершенствоваться въ музыкѣ и пѣніи и пользоваться руководствомъ извѣстныхъ въ то время голицынскихъ артистовъ; имъ не запрещалось даже имѣть нѣкоторые доходы за игру и пѣніе въ разныхъ московскихъ домахъ. Но въ случаѣ переѣзда господина въ деревню и ихъ перевозили туда же. Въ имѣніи Суворова, находившемся во владимірскомъ уѣздѣ, были особыя зданія для пѣвчихъ и музыкантовъ;

[1]) „Разсказы бабушки", Русск. Вѣстн. 1878 г. № 4, стр. 716.

[2]) *Wallon*. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, 2 edit. P. 1879, II, 117—118, 121—123, 327.

[3]) *Болтинъ*. II, 219.

уѣзжая изъ этого помѣстья, Суворовъ въ наставленіи управляющему между прочимъ предписываетъ: «Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію. Николай—управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка и проч., Ерофеевъ имѣетъ обучать трагедіямъ и комедіямъ свой штатъ и проч.»—«Помни музыку нашу—вокальный и инструментальный хоры», писалъ въ другой разъ Суворовъ тому же управляющему, «и чтобы не уронить концертное. А простое пѣніе всегда было дурно, и больше кажется его испортилъ Бочкинъ веліимъ гласомъ съ кабацкаго. Когда они въ Москвѣ пѣвали съ голицынскими пѣвчими, сіе надлежало давно обновить и того единожды держаться». Въ случаѣ надобности, какъ мы видѣли, Суворовъ очень быстро мѣнялъ спеціальности своихъ артистовъ и безъ церемоніи сажалъ ихъ на пашню [1]). Были и такіе господа, что посылали своего крѣпостнаго музыканта въ Италію и потомъ заставляли его до изнеможенія играть въ разныхъ барскихъ домахъ [2]).

У нѣкоторыхъ богатыхъ людей мы встрѣчаемъ и труппы крѣпостныхъ актеровъ. По тогдашнимъ понятіямъ, весьма нетрудно было сдѣлать лакея артистомъ. «Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселія», писалъ Суворовъ своему управляющему. «Васька комикомъ хорошъ; но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что̀ легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту,—безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія,—о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина къ комическимъ ролямъ можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того французской грамматикѣ заставить учиться исподоволь Алексашку-парикмахера; ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать» [3]). Мы знаемъ, что домашніе театры были также у гр. П. Б. Шереметева, кн. П. М. Волконскаго, гр. З. Г. Чернышева и другихъ вельможъ, гдѣ давались оперные спектакли [4]). Въ имѣніи гр. П. Б. Шереметева, селѣ Кусковѣ, въ особыхъ флигеляхъ помѣщались пѣвчіе, музыканты и актеры. Низшее мѣсто среди актрисъ занимали танцовщицы: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное, которое протапливалось лишь съ

[1]) *Рыбкинъ*. 15, 55, 62, 64, 96.

[2]) *Passenans*. II, 90—92.

[3]) *Рыбкинъ* 64.

[4]) *Михневичъ*. Исторія музыки, 266—267.

особаго разрѣшенія въ случаѣ болѣзни одной изъ нихъ. Гораздо большимъ почетомъ пользовались «комедіантки», или собственно актрисы; въ числѣ ихъ были пѣвицы и между прочимъ та (Прасковья Ивановна), которая сдѣлалась любовницею, а впослѣдствіи и женою гр. Н. П. Шереметева. Актрисамъ оказывалось всего болѣе вниманія, ихъ всего лучше содержали и кормили; при нихъ состояли учительницы француженки. На театрѣ села Кускова давалось около 40 оперъ; въ числѣ зрителей бывали самыя высокопоставленныя лица: имп. Екатерина, имп. Іосифъ, Станиславъ Понятовскій и многіе принцы [1]).

Иные изъ современниковъ находили, что помѣщичьи театры «прививали дворнѣ нѣкоторое просвѣщеніе и, если не любовь къ искусствамъ, то, по крайней мѣрѣ, ознакомленіе съ ними. Это все-таки развивало въ простолюдинахъ человѣческія чувства и понятія» [2]). Но дѣло въ томъ, что человѣческое чувство, которое могло бы развиться подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства, сплошь и рядомъ попиралось самымъ безжалостнымъ образомъ, и актрисы должны были по волѣ барина расточать свои ласки, а не то и составлять его гаремъ.—Въ неизданномъ описаніи казанской губерніи находимъ такое извѣстіе: «гвардіи прапорщикъ Есиповъ, въ селѣ своемъ Юматовѣ, имѣетъ театръ, съ принадлежащими къ нему декораціями, вольнонаемныхъ изъ иностранцевъ и изъ собственныхъ своихъ людей актеровъ и актрисъ. Представляются на театрѣ комедіи, оперы, трагедіи и прочія піесы» [3]). Вигелю, автору извѣстныхъ воспоминаній, пришлось познакомиться съ этою крѣпостною труппою. Есиповъ «насъ употчивалъ по своему», говоритъ Вигель: «къ ужину явилась цѣлая дюжина нарядныхъ молодыхъ женщинъ, которыя размѣстились между гостями. Приглашенія поболѣе пить сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвомъ; «обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду». Оказалось, что всѣ эти дѣвы были крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. На другомъ концѣ стола сидѣли актеры и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили гостямъ и потомъ опять садились за ужинъ. Послѣ того какъ гости переночевали на грязныхъ постеляхъ, отнятыхъ на время у актеровъ и актрисъ, ихъ потѣшили на

[1]) *Безсоновъ*. „Гр. П. И. Шереметева" въ Сборн. пѣсенъ Кирѣевскаго, IX, 27, 70—72.

[2]) *Михневичъ*, 349.

[3]) Рук. арх. вольн. эк. общ.: „Историч. описаніе о Казанской губ.", 1804 г., стр. 171.

другой день оперой «Рѣдкая вещь» (Cosa rara). «Играли и пѣли», говоритъ разсказчикъ, «какъ всѣ тогдашніе провинціальные актеры, не хуже и не лучше» [1]). Такихъ крѣпостныхъ артистовъ, даже передъ самою реформою 19 февраля 1861 г., нѣкоторые помѣщики подвергали жестокимъ истязаніямъ за малѣйшую ошибку въ игрѣ [2]). Тоже дѣлалось и въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Вотъ что разсказываетъ французъ, долго жившій въ это время въ Россіи, про одного помѣщика, г. Б.: «его повара, его лакеи, конюхи дѣлались въ случаѣ надобности музыкантами, столярами, сапожниками и т. д., его горничныя и служанки — актрисами, золотошвейками и проч. Онѣ въ одно и то-же время его наложницы, кормилицы и няньки дѣтей, рожденныхъ ими отъ барина. Я часто присутствовалъ при его театральныхъ представленіяхъ. Музыканты являлись въ оркестръ, одѣтые въ различные костюмы, соотвѣтственно ролямъ, которыя они должны были играть, и какъ только по свистку подымался занавѣсъ, они бросали свой фаготъ, литавры, скрипку, контрабасъ, чтобы смѣнить ихъ на скипетръ Мельпомены, маску Таліи и лиру Орфея; а утромъ эти же люди работали стругомъ, лопатою и вѣникомъ. Особенно уморительно было видѣть, какъ г. Б., во время представленія, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ величественно прогуливался между кулисами, подбадривая словами и жестами своихъ крѣпостныхъ актеровъ». Однажды, во время представленія *Дидоны*, господину не понравилась игра главной актрисы; онъ вбѣжалъ на сцену и отвѣсилъ тяжелую оплеуху несчастной Дидонѣ, вскричавъ: «я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждетъ». Дидона, поморщившись отъ боли, причиненной оплеухой, вновь вошла въ свою роль и продолжала арію, какъ ни въ чемъ не бывало. Впослѣдствіи эта крѣпостная актриса была сослана въ отдаленную деревню, быть можетъ, за то, что вслѣдствіе дурной болѣзни лишилась голоса. Когда этотъ помѣщикъ отправлялся въ другое свое имѣніе, за нимъ ѣхало не менѣе 20 кибитокъ съ его наложницами, актрисами, танцовщицами, поварами и проч. На каждой станціи раскидывали огромную палатку, гдѣ помѣщался баринъ съ своими наложницами, а въ другой 20 человѣкъ увеселяли его пѣніемъ во время обѣда [3]).

У тогдашнихъ вельможъ бывали не только свои собственные пѣвцы

[1]) *Вигель*. „Воспоминанія", ч. II, 133—136.

[2]) „Записки сельскаго священника", Русск. Стар. 1880 г. № 1, стр. 67.

[3]) *Passenans*. II, 140—142, 144.

и пѣвицы, но даже и крѣпостные композиторы; такъ, напримѣръ, къ оперѣ Хераскова «Милена» музыка была написана крѣпостнымъ человѣкомъ кн. П. М. Волконскаго.

Превращаясь по волѣ господина въ музыкантовъ и актеровъ, дворовые столь же легко могли очутиться въ роли учителя, воспитателя или просто дядьки молодаго барченка. При возведеніи въ эту должность, нѣкоторые изъ помѣщиковъ снабжали своихъ людей инструкціею, которую рекомендовали прочитывать, какъ можно чаще; приходилось при этомъ напоминать педагогу, чтобы онъ «избѣгалъ брани, клятвы, божбы, клеветы, лжи, сквернословія, особенно же гнуснаго порока пьянства, обхожденія съ непотребными женщинами», и совѣтовать ему заниматься въ свободное время чтеніемъ книгъ или рукодѣліемъ (инструкція, данная Лунинымъ). Такіе доморощенные гувернеры нерѣдко оказывались ничуть не хуже воспитателей изъ иностранцевъ, достойную характеристику которыхъ мы находимъ въ современныхъ комедіяхъ и сатирическихъ журналахъ. Такъ Лунинъ, отпустивъ приглашеннаго имъ гувернера, замѣстилъ его крѣпостнымъ человѣкомъ, о которомъ сдѣлалъ отмѣтку въ своихъ запискахъ, что онъ «исключая только что не умѣетъ по-нѣмецки, преимуществуетъ (сравнительно съ нѣмцемъ) и разумомъ, и поступками [1]).

Случалось, что отпущенные на оброкъ крѣпостные промышляли даже составленіемъ стиховъ. Въ 1793 г. издана была въ Петербургѣ книжка стихотвореній И. Розова, подъ названіемъ «Живой источникъ». Она была задержана на основаніи указа 1787 г., такъ какъ въ ней находились «многія выраженія, относящіяся до св. Писанія, но силѣ онаго не соотвѣтствующія». Сочинитель стиховъ показалъ въ управѣ благочинія, что его зовутъ не Розовымъ, а Иваномъ Майковымъ [2]), и что онъ крѣпостной дворовый человѣкъ ярославскаго помѣщика Брянчанинова; три года тому назадъ онъ былъ «отпущенъ отъ помѣщика по желанію своему для обозрѣнія россійскихъ городовъ *и сочиненія стихотворства* (sic)». Придя въ Петербургъ, Майковъ началъ писать оды, стихи и подносилъ ихъ разнымъ господамъ; получая отъ нихъ за это деньги, онъ, такимъ

[1]) Рук. Румянц. Музей, М. 919. Вигеля, автора извѣстныхъ воспоминаній, училъ въ дѣтствѣ псалтырю и часослову крѣпостной молодой человѣкъ. Къ нему же былъ приставленъ пьяный дядька изъ крѣпостныхъ. „Записки Вигеля", ч. I, стр. 41, 100.

[2]) Майковъ переименовалъ себя по слѣдующему поводу: „въ бытность его, въ прошломъ году, въ с. Сарскомъ, узналъ о настоящемъ его прозваніи гвардіи офицеръ А. А. Майковъ и *запретилъ* ему таковою фамиліею называться, почему онъ и назвалъ себя Розовымъ".

образомъ, пропитывалъ себя. Произведенія эти были весьма невысокаго качества: по крайней мѣрѣ, два архіерея отозвались, что поднесенные имъ Розовымъ стихи по негодности ихъ давно ужъ уничтожены [1]. Но иногда крѣпостнымъ давали прекрасное образованіе, чтобы потомъ имѣть возможность такъ или иначе пользоваться ихъ знаніями. Такъ, напримѣръ, Серебряковъ, дворовый человѣкъ богатаго заводчика Твердышева, на счетъ своего господина прошелъ курсъ латинской и русской словесности въ славяно-греко-латинской академіи, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ пріобрѣлъ познанія въ медицинѣ [2]. Матинскій, крѣпостной человѣкъ гр. Ягужинскаго, получилъ на счетъ помѣщика основательное научное и музыкальное образованіе сперва въ Россіи, а потомъ въ Италіи. Это былъ человѣкъ съ весьма разнообразными дарованіями: онъ сочинялъ комедіи, оперы, пѣсни и музыку къ нимъ, пользовавшіяся по большей части огромнымъ успѣхомъ, и въ то же время писалъ книги по математикѣ, переводилъ басни, сказки и т. п. Изъ его произведеній особеннымъ успѣхомъ пользовалась опера «Гостинный дворъ», напечатанная въ 1792 г., гдѣ весьма живо изображался бытъ современнаго купечества [3].

Познакомившись съ весьма разнообразными обязанностями дворовыхъ, мы посмотримъ теперь, каково было ихъ матеріальное положеніе.

Въ официальныхъ документахъ мы не находимъ никакихъ данныхъ для характеристики быта дворовыхъ людей. Только съ обнародованіемъ матеріаловъ изъ домашнихъ архивовъ разныхъ вельможъ и вообще помѣщиковъ мы узнаемъ всѣ подробности домоваго управленія и хозяйства во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ виду бѣдности въ нашй литературѣ подобнаго рода матеріаловъ, имѣетъ большую важность неизданная инструкція и разныя распоряженія относительно управленія имѣніями, составленная самимъ графомъ П. А. Румянцевымъ - Задунайскимъ (или по его приказанію) и собственноручно имъ подписанная. Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ, какое жалованье и содержаніе получали дворовые и какимъ наказаніямъ подвергались крѣпостные у одного изъ богатыхъ землевладѣльцевъ, который старался внести строгій порядокъ въ свое домашнее управленіе.

Въ Алатырской провинціи у Румянцева было село Чеберчино, для

[1] „Библіогр. Записки“, 1861 г. № 3, стр. 65—68.

[2] *И. И. Дмитріевъ*. „Взглядъ на мою жизнь“, М. 1866, стр. 23.

[3] *Михневичъ*. Исторія музыки, 245—247.

котораго онъ составилъ разныя «учрежденія». Въ числѣ этихъ документовъ мы находимъ «окладной списокъ состоящимъ въ селѣ Чеберчинѣ разнымъ дворовымъ людямъ по званію ихъ, кому что получать денежнаго и хлѣбнаго жалованья и прочихъ столовыхъ припасовъ, платья», составленный въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Изъ него видно, что дворовые получали денежнаго жалованья отъ 50 коп. до 6 руб. въ годъ. Что касается съѣстныхъ припасовъ, то людямъ несемейнымъ обыкновенно давали въ годъ 3 четверти ржаной муки, $1^1/_2$ четверика крупъ и 12 фунтовъ соли. Нѣкоторымъ прибавлялось по 30 ф. говядины въ мѣсяцъ. Женамъ людей семейныхъ отпускали по стольку-же провизіи. Изъ одежды обыкновенно давали дворовымъ по шубѣ и кафтану на два или на три года. Замѣтимъ, что ржаная мука, выдаваемая на мѣсяцъ, носила спеціальное названіе «указной мѣсячины» [1]). Изъ другой, подробной инструкціи, составленной Румянцевымъ, мы узнаемъ, что холостымъ не выдавали провизіи на руки, а приготовляли изъ нея пищу для всѣхъ вмѣстѣ, и они обѣдали за общимъ столомъ. Относительно женатыхъ Румянцевъ предписалъ: «хлѣбъ и припасы, каковые положены, выдавать помѣсячно, кромѣ мяса, а вмѣсто того на всякую семью по одной коровѣ и по двѣ овцы, свиней по одной, которыхъ содержать на моемъ корму, выдавая помѣсячно, по расположенію, что моему скоту опредѣлено. На малолѣтнихъ-же дѣтей, доколѣ они не будутъ годны въ какую либо службу, ничего не производить [2]).

[1]) Въ имѣніи кн. А. М. Голицына, владимірской губерніи, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, дворовые получали жалованья *въ годъ* отъ 2 до 6 р., „порцевыхъ“ въ *мѣсяцъ* отъ 20 до 80 к. и мѣсячины рожью по $2^1/_4$ четверика.—Въ московскомъ домѣ кн. Д. М. Голицына дворовымъ давали обыкновенно въ 70-хъ годахъ, денежнаго жалованья по 3 р. (нѣкоторымъ по 10 р.), на соль 40 к., на кафтанъ 75 к., на шубу 50 к., на съѣстные припасы въ мѣсяцъ по 1 р. 50 к. (въ годъ 18 р.), на дрова 3 р., итого обыкновенно около 25 р. въ годъ.—Въ домѣ князей М., Б. и А. Андр. Голицыныхъ дворовые получали жалованья отъ 6 до 12 р. и на пищу въ годъ по 18 р., только дядькѣ давали жалованья 30 р., на платье 26 и пищу 24, всего 80 р. и „мамѣ“ жалованья 16, на платье 10 и на пищу—24 всего 50 р. (Голицынскій архивъ). Въ петербургскомъ домѣ гр. Кир. Григ. Разумовскаго большинство людей получали жалованья по 3—7 р. въ мѣсяцъ, слѣд. по 36—84 р. въ годъ (многимъ давалось еще платье или деньги на его пріобрѣтеніе), но камердинеры, швейцары, скороходы, садовники, тафельдекеры и проч. получали болѣе: отъ 9 до 33 р. въ мѣсяцъ или отъ 108 до 400 р. въ годъ. Неизвѣстно только, всѣ ли эти служащіе были крѣпостные. (А. *Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ“ т. I, прилож. стр. LXXV—CIII). По мнѣнію англ. путешеств. Кларка, наиболѣе обычн. размѣръ денежнаго жалованья прислуги около 6 р. въ годъ (Travels, I, 175).

[2]) У Суворова дѣти до 5 лѣтъ получали половинный провіантъ, съ 5 лѣтъ полный. За каждаго новорожденнаго велѣно было выдавать по рублю „для поощренія дѣтородства“. *Рыбкинъ*, 74.

Дворовые Румянцева не всегда получали годовое жалованье: нѣкоторымъ назначалась и задѣльная плата. Такъ, напримѣръ, ее получали ткачи и винокуры. Денежное жалованье всѣмъ дворовымъ выдавалось по окончаніи года, а хлѣбное въ началѣ каждаго мѣсяца.

Относительно помѣщенія дворовыхъ въ инструкціи было сказано: «Женатыхъ распредѣлять на всякую печь или покой, каковъ бы онъ малъ ни былъ, не меньше двухъ семей, а что больше, то по препорціи». Для отопленія назначено было на всякую печь опредѣленное количество дровъ. Для состарѣвшихся дворовыхъ были устроены богадѣльни; туда же опредѣляли и нѣсколькихъ крестьянъ [1]).

Не смотря на матеріальную обезпеченность, жизнь дворовыхъ были нерѣдко тяжелѣе крестьянской: находясь постоянно на глазахъ господъ, они гораздо чаще подвергались наказаніямъ, которыя у многихъ помѣщиковъ были по истинѣ ужасны. Женская прислуга также легче чѣмъ крестьянскія дѣвушки, дѣлалась жертвою разврата господина или капризной придирчивости госпожи. Какъ тяжекъ былъ господскій гнѣвъ, такъ и барскія благодѣянія иногда только ухудшали положеніе крѣпостнаго: случалось, что дворовый мальчикъ учился вмѣстѣ съ дѣтьми помѣщика, нерѣдко оказывался способнѣе ихъ и развивался для того только, чтобы съ двойною горечью чувствовать иго рабства. Отсутствіе всякой свободы, необходимость быть ежеминутно на барской службѣ или работѣ, и, наконецъ, тяжелыя истязанія, все это нерѣдко дѣлало положеніе дворовыхъ совершенно невыносимымъ, хотя въ то же время нельзя не признать, что были господа, съ большою заботливостію и гуманностію относившіеся къ своей прислугѣ. Болтинъ говоритъ, что нѣкоторые дворяне поступаютъ съ своими слугами «хуже, нежели со скотами; такихъ помѣщиковъ меньше, однако жъ, должно къ стыду признаться, нарочитое число есть». [2]) Мы скажемъ ниже о жестокихъ наказаніяхъ, которымъ подвергались дворовые иногда за совершенно ничтожные проступки, здѣсь же только упомянемъ объ извѣстномъ случаѣ, разсказанномъ въ мемуарахъ Массона. Графиня Н. В. Салтыкова, жена фельдмаршала (графа, потомъ князя Н. И. Салтыкова), бывшаго воспитателемъ великаго князя Александра Павловича, держала у себя въ спальнѣ въ клѣткѣ крѣпостнаго парикмахера, чтобы никто не узналъ, что она ноcтъ парикъ. «Три года сряду онъ прожилъ въ этомъ заточеніи и, когда вышелъ оттуда на

[1]) Рук. Румянцев. музея. № 355.
[2]) Примѣчанія на Леклерка II, 344.

свѣтъ, то страшно было глядѣть на него; до такой степени онъ былъ блѣденъ, сгорбленъ и хилъ, какъ дряхлый старикъ». [1]) Освободиться изъ своей тюрьмы несчастному удалось только посредствомъ бѣгства. Графиня, опасаясь, что ея тайна будетъ теперь открыта, настоятельно требовала его разысканія и даже прямо обратилась по этому дѣлу къ императору Александру. Полиція успѣла донести государю о томъ, какую жизнь приходилось прежде вести несчастному парикмахеру, и потому императоръ запретилъ разыскивать бѣглеца, но въ тоже, время, изъ уваженія къ своему бывшему воспитателю, приказалъ успокоить графиню оффиціальнымъ извѣщеніемъ. что тѣло парикмахера найдено въ Невѣ. [2]) Такимъ образомъ, оказалось нужнымъ не наказать графиню за ея злодѣйство, а успокоить ея тревогу и опасенія относительно возможности раскрытія ея тайны. И это дѣлалось въ царствованіе кроткаго Александра Павловича, желавшаго улучшенія быта крѣпостныхъ!

Мы уговорили уже, что оброчнымъ крестьянамъ жилось легче, чѣмъ пашеннымъ; точно также и дворовымъ удавалось иногда получить право уйти на заработки за уплату извѣстнаго оброка [3]). Что касается его размѣра, то онъ былъ весьма различенъ. Изъ дворовыхъ князей Мих., Бориса и Алексѣя Андреев. Голицыныхъ почти всѣ платили по 3 р. съ семьи; изъ 33 семей только 4 платили по 5 р. и двѣ по 10 р. (семья состояла изъ мужа, жены и одного или нѣсколькихъ малолѣтныхъ дѣтей; были и впрочемъ и одинокіе). Кн. Д. М. Голицынъ получалъ съ двороваго человѣка-живописца по 5 р. въ годъ, вообще же съ дворовыхъ онъ взыскивалъ по 2 р. [4]). Савва Текели, путешествовавшій по Россіи въ 1787—88 гг., говоритъ въ своей автобіографіи о русскихъ помѣщикахъ: «бываютъ и такіе негодяи...., которые отпускаютъ красивыхъ дѣвицъ въ Москву и Петербургъ заработывать нечестнымъ трудомъ деньги съ условіемъ, чтобы платили своему господину по 100 и по 200 рублей въ годъ, и тогда могутъ свободно заниматься своимъ ремесломъ, чему я не вѣрилъ; но одинъ мой знакомый познакомилъ меня съ такою, и когда я сказалъ ей: «слышу, что ты крѣпостная, хочу тебя купить и увезти съ собою», тогда она стала плакать и просить, чтобы я ея не покупалъ и готова была отдать все, чтобы только ея не брали изъ Петербурга; она сказала, что платитъ своему господину 10 р., но и гос-

[1]) *Masson*. Mémoires secrets, p. 201—202.
[2]) Русская Стар. 1876, XV, 675—677.
[3]) *Болтинъ*, II, 219.
[4]) Голицынскій архивъ.

подинъ потратился на нее, научивши ее музыкѣ, шитью и другимъ занятіямъ [1]). Что помѣщики тратили на обученіе своихъ дворовыхъ большія деньги, это подтверждается и другими источниками; такъ извѣстный намъ Лунинъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что за обученіе своего двороваго поваренному искусству онъ заплатилъ 200 р., изученіе другимъ дворовымъ верховой ѣзды также стоило Лунину «не мало денегъ», наконецъ его дворовая дѣвушка была выучена мыть платья «за хорошую заплату». Затѣмъ мы знаемъ случай, что одинъ художникъ изъ крѣпостныхъ платилъ своему господину 50 р. оброка [2]). Но поборы по сту и по двѣсти рублей въ годъ, о которыхъ упоминаетъ Текели, вѣроятно преувеличены, хотя въ томъ, чтобы дворовыя дѣвушки заработывали оброкъ «нечестнымъ трудомъ», разумѣется, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ наконецъ упомянуть, что иногда дворовыхъ отпускали на заработки и совершенно безъ всякаго оброка; такимъ образомъ были отпущены 32 семьи, принадлежавшія кн. Мих., Бор. и Алексѣю Андр. Голицынымъ,—одни повидимому за прежнія заслуги, другіе по старости и бѣдности [3]).

Упомянемъ еще объ одномъ способѣ полученія денегъ съ дворовыхъ и вообще крѣпостныхъ, именно объ отдачѣ ихъ въ наемъ [4]). Если вѣрить депутату Радванскому, слуги, отдаваемые въ наемъ, получали половину платы, а другая половина шла господину, если же помѣщикъ бралъ все жалованье, то онъ долженъ былъ содержать слугу на свой счетъ [5]). Въ 1775 г. было предписано, чтобы помѣщики отдавали своихъ людей въ услуженіе и совершали жилыя записи не долѣе, какъ на пятилѣтній срокъ [6]).

ГЛАВА VI.

Переселеніе крестьянъ.—Продажа ихъ безъ земли.—Торговля рекрутами.—Продажа людей на рынкахъ.—Цѣны крѣпостныхъ цѣлыми имѣніями и по одиночкѣ.

Мы видѣли, что помѣщикъ во второй половинѣ XVIII столѣтія могъ по своему произволу совершенно лишить крестьянъ земли, сдѣлать ихъ батраками; понятно, что онъ имѣлъ право переселять ихъ изъ одного

[1]) Русс. Арх. 1878 г. № 12, стр. 493.

[2]) *Blum*, II, 99.

[3]) Голицынскій архивъ.

[4]) Объ этомъ упоминаетъ Коробьинъ въ своемъ извѣстномъ мнѣніи въ Коммиссіи Уложенія и англійскій путешественникъ Коксъ. (Рус. Стар. 1877, т. XIX, 45).

[5]) Примѣчанія Радванскаго на проектъ Унгерна-Штернберга. Арх. II Отд. вяз. 353—348.

[6]) П. С. З. XX, 14,253.

имѣнія въ другое. Этимъ правомъ фактически пользовались помѣщики еще въ XVII вѣкѣ, съ единственнымъ ограниченіемъ—не переводить крестьянъ изъ помѣстій въ вотчины, но утверждено закономъ оно было только въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1724 г. было постановлено, что если помѣщикъ пожелаетъ перевести крестьянъ въ другое имѣніе, то долженъ обратиться съ просьбою въ камеръ-коллегію, которая даетъ указъ о переселеніи, а челобитчика обязываетъ подпискою, что онъ будетъ исправно платить подушныя деньги [1]. Но помѣщики нерѣдко переводили крестьянъ безъ указа камеръ-коллегіи, подвергались за это штрафамъ, и потому сенатъ въ 1762 г. «ко удовольствію ихъ» постановилъ, что желающіе перевести своихъ крестьянъ обязаны только подать о томъ объявленіе офицерамъ, опредѣленнымъ къ сбору податей. Отсюда, при Екатеринѣ II, образовался тотъ порядокъ переселенія крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, которому слѣдовали до самой отмѣны крѣпостнаго права; для переселенія достаточно было подать заявленіе въ земскій судъ, но вовсе не для того, чтобы просить отъ него разрѣшенія. Кромѣ того, при переводѣ крестьянъ должно было внести подати за весь текущій годъ и исполнить рекрутскую повинность; съ новаго же года повинности числились уже по той мѣстности, куда крестьяне будутъ переселены [2].

Помѣщики въ довольно большихъ размѣрахъ производили переселенія. Такъ, напримѣръ, много крѣпостныхъ крестьянъ было переведено на Уралъ владѣльцами тамошнихъ заводовъ: одинъ Твердышевъ, говорятъ, переселилъ на свои заводы до 15,000 ревизскихъ душъ изъ разныхъ губерній [3]. Очень дѣятельно населяли также Оренбургскій край помѣщики, пріобрѣвшіе тамъ за безцѣнокъ огромное количество земли у башкиръ. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ оставилъ намъ Аксаковъ въ своей «Семейной Хроникѣ». Прежде чѣмъ переселить крестьянъ, отправляли на вновь купленную землю работниковъ (изъ тѣхъ, которые должны были остаться на прежнемъ мѣстѣ), чтобы занять часть земли и начать постройку избъ для переселенцевъ; затѣмъ лѣтомъ производилось самое переселеніе, иногда верстъ за 400. Нѣкоторые помѣщики продавали всѣ

[1]) П. С. З. VII, 4,533, п. 17.

[2]) П. С. З. VIII, 6.117; IX, 6.453; XV, 11.423, XX, 14.449; XXI, 15.549.

[3]) *Колюпановъ*, Колонизація пермской губерніи. „Бесѣда“ 1871 г. № 12, стр. 206. Въ 1763 г. на Невьянскомъ заводѣ Прокофія Демидова было слѣдующее количество крѣпостныхъ крестьянъ, купленныхъ у разныхъ помѣщиковъ и переведенныхъ на заводы: изъ нижегородскаго у. 949, изъ казанской губерніи 382, изъ московской 149, изъ архангельской 173, изъ новгородской 9,—всего 1.662 чел. Арх. М. Ю. № 3.559—1.076, л. 406.

свои земли, а крестьянъ переселяли на купленныя у башкиръ мѣста [1]). Наконецъ и внутри Россіи владѣльцы нерѣдко переводили крестьянъ въ другую вотчину. При этомъ у крестьянъ было обыкновеніе, что остававшіеся на прежнемъ мѣстѣ давали переселенцамъ «подмогу» на мірской счетъ, деньгами или вещами: покупали имъ шубы, сани и т. п. Иногда само правительство, чтобы ускорить колонизацію вновь завоеннаго края, раздавало помѣщикамъ земли въ этой мѣстности съ условіемъ ихъ заселенія. Въ 1781 г. помѣщикамъ было дозволено «на розданныя и впредь раздаваемыя имъ земли» въ азовской и новороссійской губерніяхъ перевести и поселить до 26.000 крестьянъ. На этотъ разъ генералъ-губернаторамъ велѣно было предварителяно собрать свѣдѣнія и донести сенату: кто изъ владѣльцевъ желаетъ перевести въ Новороссію своихъ крестьянъ [2]). Случалось, наконецъ, что помѣщики переселяли своихъ крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, чтобы отбыть отъ повинностей: такъ въ 1773 г. казанскій дворянинъ Бардовскій перевелъ крестьянъ изъ казанскаго уѣзда въ уфимскій, чтобы избавиться отъ рекрутской очереди, числившейся на его крестьянахъ по казанскому уѣзду [3]).

Переселенія должны были въ нѣкоторыхъ случаяхъ неблагопріятно отражаться на благосостояніи крестьянъ: они принуждены были бросать устроенное хозяйство, разставаться съ родными; могло быть, впрочемъ, и иначе: если на мѣстѣ первоначальнаго поселенія было мало земли, и притомъ дурнаго качества, то переселеніе крестьянъ въ болѣе благодатныя мѣста несомнѣнно должно было въ концѣ концовъ принести имъ пользу, особенно если помѣщикъ принималъ мѣры къ тому, чтобы приготовить для нихъ жилище и все необходимое; выселеніе, въ этомъ случаѣ, части крѣпостныхъ приносило пользу и оставшимся, такъ какъ увеличивало количество земли, приходившейся на долю каждаго. Такъ, напримѣръ, въ каширскомъ уѣздѣ, тульской губерніи, чувствовался недостатокъ въ землѣ, и потому многіе помѣщики отъ времени до времени перевозили своихъ крестьянъ въ воронежскую и бѣлгородскую губерніи и селили въ степныхъ уѣздахъ [4]). Біографъ гр. В. Г. Орлова говоритъ: «гр. Ив. Орловъ съ одобренія братьевъ принялся за переселеніе крестьянъ въ большихъ размѣрахъ съ нагорнаго на луговой берегъ Волги, и тѣмъ открылъ многочисленному населенію средства къ быстрому обогащенію.... Эта опера-

[1]) „Семейная Хроника", изд. 2-е, стр. 19—21, 28, 62—64.
[2]) П. С. З. XXI, 15.177.
[3]) П. С. З. XIX, 13.984.
[4]) „Экономическіе отвѣты о каширскомъ у.", Тр. Вольн. Эк. Общ., т. II.

ція происходила не безъ большихъ издержекъ, не безъ труда, не безъ плача переселенцевъ о старомъ жилищѣ, не безъ ропота во имя человѣколюбія со стороны постороннихъ людей. Гр. Иванъ Григорьевичъ долженъ былъ выказать большую твердость, переселяя годъ за годомъ цѣлыя селенія, въ надеждѣ, что плодъ переселенія окажется черезъ нѣсколько лѣтъ и оправдаетъ его передъ общественнымъ мнѣніемъ». Если вѣрить гр. Орлову-Давыдову, результаты оказались вполнѣ благопріятные [1]).

Гораздо болѣе страдали крѣпостные оттого, что ихъ всегда могли разлучить съ семействомъ и продать куда-нибудь на чужбину, такъ какъ помѣщики присвоили себѣ власть продавать людей не только отдѣльно отъ земли, но даже порознь членовъ одного семейства. Еще Петръ Великій возставалъ противъ обычая продажи людей по-одиночкѣ: въ 1721 году онъ приказалъ сенату обратить вниманіе на то, чтобы при составленіи новаго уложенія было дозволено продавать людей не иначе, какъ цѣлыми семьями [2]). Но въ тоже время онъ дозволилъ покупать людей для отдачи въ рекруты [3]). Это повело впослѣдствіи къ тому, что многіе помѣщики стали торговать своими людьми во время рекрутскихъ наборовъ.

При Екатеринѣ II продажа крѣпостныхъ отдѣльно отъ земли продолжалась: продавались *на вывозъ* цѣлыя деревни [4]); повидимому этотъ обычай особенно развился въ концѣ ея царствованія. Болотовъ въ своихъ запискахъ подъ 1791 г. говоритъ, что одинъ богатый помѣщикъ богородицкаго уѣзда первый ввелъ въ этой мѣстности обыкновеніе продавать людей особо отъ земли, и эта мода, «къ сожалѣнію, скоро вошла и во всеобщее употребленіе» [5]).

Единственное ограниченіе права продавать крестьянъ безъ земли состояло въ томъ, что въ 1766 г. было запрещено совершать купчіи на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора. Но скоро послѣ того было дозволено помѣщикамъ и во время набора писать купчіи на малолѣтнихъ и стариковъ. По окончаніи же набора снова можно

[1]) Біографія В. Г. Орлова, II, 17—18.

[2]) Въ 1741 г. въ коммиссіи о составленіи новаго уложенія вновь разсуждали о томъ, какъ исполнить указъ Петра I, и въ составленномъ тогда проектѣ предполагали безусловно запретить продажу людей безъ земли. Журналъ Коммиссіи составленія законовъ 26 ноября 1820 г. въ „Древней и Новой Россіи“ 1876 г. № 9, стр. 70.

[3]) Указы 17 Дек. 1717 г. и 29 Окт. 1720 г. П. С. З. V, 3.135; VI, 3.669. Въ 1747 г. было подтверждено право помѣщиковъ продавать дворовыхъ людей и крестьянъ кому бы то ни было изъ дворянъ и купечества для отдачи въ рекруты. П. С. З. XII, 9.456.

[4]) Сборн. Истор. Общ. IV, 284.

[5]) *Болотовъ*, IV, 839.

было продавать и взрослыхъ, съ тѣмъ только, чтобы при поставкѣ недоимочныхъ рекрутъ помѣщики не сдавали вновь купленныхъ [1]).

До запретительнаго указа 1766 г. продажа людей въ рекруты производилась самымъ безцеремоннымъ образомъ. Болтинъ зналъ одного помѣщика, который, въ царствованіе Елизаветы Петровны, изъ принадлежавшихъ ему крестьянъ (у него было около 400 д.) продалъ въ рекруты 100 человѣкъ, т. е. большинство взрослаго населенія, такъ что у него остались по большей части старики и малолѣтные, но было между ними душъ 60, 70 такихъ, которые, будучи негодны въ рекруты, могли работать и платить оброкъ. Получивъ за проданныхъ людей около 16,000 р., онъ уплатилъ долги и въ то же время сохранилъ за собою деревню; такимъ образомъ, розничная торговля людьми оказалась выгоднѣе оптовой [2]). Понятно, что дворянамъ не хотѣлось потерять такой важный источникъ дохода, и потому, послѣ запрещенія въ 1766 г. торговать людьми во время рекрутскаго набора, нѣкоторые дворяне стали хлопотать о возвращеніи имъ прежняго права [3]). Однако правительство не тронулось этими моленіями, и запрещеніе торговать рекрутами осталось по прежнему въ силѣ; но помѣщики легко нашли способы его обходить. Это дѣлалось такимъ образомъ: продавецъ и покупщикъ заключали между собою письменное условіе, въ которомъ говорилось, что такъ какъ во время рекрутскаго набора нельзя совершить купчую, то это будетъ сдѣлано по окончаніи его. Когда проданный человѣкъ былъ уже принятъ въ рекруты, условіе записывалось у маклера въ книгу и продавецъ получалъ деньги, если же проданный оказывался почему нибудь негоднымъ, то условіе уничтожалось [4]). Дѣлали и такимъ образомъ: владѣлецъ фиктивно отпускалъ своихъ людей на волю, а дворцовые, государевы и государственные крестьяне, а также и помѣщики покупали этихъ мнимыхъ вольноотпущенныхъ и представляли во время рекрутскихъ наборовъ, первые за себя, а вторые за своихъ крестьянъ. Сенатъ, замѣтивъ это, запретилъ въ 1768 г. принимать отъ крестьянъ вольныхъ людей въ замѣнъ слѣдующихъ за нихъ рекрутъ [5]). Тѣмъ не менѣе этотъ способъ, какъ

[1]) П. С. З. XVII, 12748; XVIII, 13074, 13287.

[2]) „Примѣчанія на Леклерка“ II, 221—222.

[3]) Вологодское дворянство въ наказѣ своему депутату въ коммиссіи уложенія гр. Р. Л. Воронцову, просило дозволить покупать и продавать рекрутъ, опредѣливъ имъ цѣну въ 150 р. Сборн. Ист. Общ. XIV, 463—464.

[4]) Арх. Вольн. Эк. Общ., № 148, л. 162.

[5]) П. С. З. XVIII, № 13103.

видно изъ книги Радищева, практиковался и въ 80-хъ годахъ. Казенные крестьяне такимъ образомъ покупали себѣ рекрутъ: помѣщикъ, взявъ по договору деньги, отпускалъ своихъ крѣпостныхъ на волю, и они, какъ-будто по собственному желанію, приписывались въ государственные крестьяне къ той волости, которая внесла за нихъ деньги, а волость по общему приговору отдавала ихъ въ солдаты. Переселеніе крестьянъ дѣлалось заблаговременно, и потому во время рекрутскихъ наборовъ они являлись уже не какъ вольноотпущенные, а какъ казенные крестьяне. Въ концѣ концовъ, правительство признало то, что совершалось въ дѣйствительности. Въ 1792 г. было велѣно не запрещать впредь отпущеннымъ на волю помѣщичьимъ людямъ приписываться къ казеннымъ селеніямъ, отъ которыхъ было позволено отдавать ихъ и въ рекруты [1]. Какъ бы то ни было, продажа и покупка рекрутъ продолжалась. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ крестьяне собирали деньги на покупку рекрутъ и присылали ихъ помѣщику, по приказанію котораго заблаговременно и пріобрѣтали годныхъ къ службѣ людей [2]. Суворовъ сдѣлалъ даже обязательнымъ переложеніе натуральной рекрутской повинности въ денежную, введя въ своихъ вотчинахъ обычай вовсе не отдавать въ солдаты своихъ крестьянъ, а всегда покупать для этого постороннихъ людей, на что часть денегъ давалась помѣщикомъ, а остальное вносилось изъ мірскихъ суммъ [3]. Существованіе при Екатеринѣ II запрещенной торговли рекрутами видно и изъ того, что 1804 г., для уничтоженія продажи крестьянъ съ этою цѣлію велѣно крѣпостныхъ, продаваемыхъ безъ земли, принимать въ рекруты не иначе, какъ черезъ три года по совершеніи купчей на ихъ продажу, а людей, приписавшихся къ казеннымъ селеніямъ, не ранѣе общей ревизіи; но и послѣ того приходилось принимать мѣры противъ торговли рекрутами [4].

[1]) П. С. З. XXIII, № 17021. Сиверсъ указываетъ еще на иное средство обходить запрещеніе продажи рекрутъ: крестьянъ продавали какъ будто съ участками земли. *Blum* II, 98.

[2]) Такъ было въ саратовскихъ и владимірскихъ вотчинахъ князей Михаила, Бориса и Алексѣя Андр. Голицыныхъ въ 80 годахъ и въ ростовскомъ имѣніи вице-канцлера кн. А. М. Голицына въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. (Голицынскія дѣла въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

[3]) Сохранилось не мало его предписаній по этому предмету, относящихся къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія (см. ниже). Указанія на продажу людей въ рекруты и на то, что нѣкоторые сдѣлали себѣ изъ этого особый промыселъ см. записки Болотова IV, 573, 804.

[4]) П. С. З. XXVII, 21442. *Романовичъ-Славатинскій*, 303.

Другое ограниченіе торговли людьми въ розницу состояло въ томъ, что въ 1771 г. императрица именнымъ указомъ запретила при конфискаціи имѣній и продажѣ ихъ съ аукціона продавать людей безъ земли съ молотка [1]. Слѣдовательно это постановленіе не запрещало вообще помѣщикамъ продавать людей безъ земли; оно относилось только къ продажѣ съ аукціону. Впослѣдствіи (1792 г.) было разъяснено, что если кто либо владѣлъ безземельными крестьянами, то такихъ людей можно было продавать за долги, но только не употребляя молотка [2]; вообще же при продажѣ имѣній съ аукціону продажа въ розницу не допускалась.

Но продажи съ аукціона были вовсе не такъ часты; главное же зло заключалось въ правѣ помѣщиковъ продавать своихъ крестьянъ по одиночкѣ, а оно оставалось неприкосновеннымъ не только въ теченіе всего царствованія Екатерины, но долго и послѣ нея. Когда баронъ Унгернъ-Штернбергъ въ своемъ проектѣ крестьянскихъ правъ предложилъ запретить при продажѣ крѣпостныхъ разлученіе женъ съ мужьями, малолѣтнихъ дѣтей съ родителями, то депутатъ Радванскій замѣтилъ, что и теперь «малыхъ дѣтей отъ матерей не отбираютъ до возраста; напр. мать въ другую деревню замужъ отдаютъ, то съ ней и дѣти отпускаются... А жену отъ мужа и мужа отъ жены продавать не можно, и крѣпости не совершатъ» [3]. Разлученіе мужа и жены повидимому было не въ обычаѣ [4], однако этотъ обычай, вѣроятно, нарушался; это можно предполагать на основаніи слѣдующаго факта. Законъ 1760 г., давшій помѣщикамъ право отсылать своихъ людей на поселеніе, требовалъ, чтобы помѣщикъ не разлучалъ при этомъ мужа и жену, хотя онъ и могъ отнять у нихъ малолѣтнихъ дѣтей [5]. Не смотря на это положительное

[1]) П. С. З. XIX, 13.634. Поводомъ къ этому указу послужило намѣреніе конторы конфискаціи продать съ молотка нѣсколькихъ людей; императрица приказала всѣхъ ихъ приписать къ дворцовымъ волостямъ и дать имъ земли или паспорта, по ихъ желанію, „дабы они хлѣбъ свой достать могли“ Сб. Ист. Общ. XIII, 143.

[2]) П. С. З. XXIII, 17076; изъ этого указа не слѣдуетъ, какъ думалъ Бѣляевъ („Крестьяне на Руси“, изд. 2-е, 1879, стр. 295), что по закону 1771 г. не дозволялась только одна форма продажи съ молотка: указъ 1792 г. разъясняетъ лишь частный случай, когда поневолѣ приходилось продавать людей безъ земли, такъ какъ ея и прежде не было. Срав. распоряженія императ. Павла, П. С. З. XXIV, 17.809, XXV, 18353 и слова Радищева въ „Описаніи моего владѣнія“: „съ публичнаго торгу... въ розницу продавать запрещено“. Собраніе сочиненій, изд. 1811 г., ч. IV.

[3]) Арх. II Отд. вяз. 353—348, Замѣчанія Радванскаго, л. 243.

[4]) Даже Радищевъ не рѣшается утверждать, что при продажѣ разлучали мужа съ женой. Господинъ можетъ продать крестьянина, говорить онъ, „оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано, ибо..... дочь отъ матери, сынъ отъ отца и *можетъ быть* жена отъ мужа продается“. („Описаніе моего владѣнія“),

[5]) П. С. З. XV. 11.166.

запрещеніе, помѣщики очень часто разлучали ссылаемыхъ съ ихъ женами, какъ это мы увидимъ ниже. Дозволеніе же разлучать дѣтей съ родителями, прямо данное указомъ 1760 г., не могло не повліять и на развитіе продажи семей въ розницу. Могли быть нерѣдко случаи разлученія дѣтей съ родителями и на основаніи закона, что дѣти рекрутъ, рожденные до взятія отца въ военную службу, должны были остаться у помѣщика. Что дѣтей и продавали отдѣльно отъ родителей, прямо видно изъ свидѣтельства Селивановскаго, приведеннаго нами въ первой главѣ. Къ концу царствованія Екатерины продажа людей въ розницу приняла самый позорный видъ: людей продавали буквально наравнѣ со скотами, причемъ наиболѣе сильный запросъ былъ на красивыхъ дѣвушекъ [1]). Продаваемыхъ людей даже толпами выводили на рынокъ, какъ это видно изъ слѣдующаго разсказа Саввы Текели, путешествовавшаго по Россіи въ 1787—88 гг. Пріѣхавъ въ Тулу, онъ увидалъ на площади до 40 дѣвицъ, стоявшихъ толпою, и спросилъ проводника, что онѣ тутъ дѣлаютъ, о чемъ шумятъ.—«Продаются», былъ отвѣтъ.—«Что? Развѣ люди продаются, какъ скотина?» спросилъ Савва. — «А подите къ нимъ сами», отвѣчали ему. На вопросъ путешественника дѣвушки наперерывъ отвѣчали: «купи насъ, господинъ, купи!» Савву поразилъ веселый видъ, съ какимъ дѣвицы говорили о собственной продажѣ. Онъ попробовалъ спросить ихъ: «а пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?»—«Намъ все равно—вамъ или другому служить», былъ отвѣтъ. На вопросы Саввы проводникъ объяснилъ ему, что крѣпостные люди въ Россіи не имѣютъ ничего, кромѣ души, остальное все принадлежитъ помѣщику. «Помѣщикъ можетъ продать мужа отъ жены, жену отъ мужа, дѣтей отъ родителей, избу, корову, даже и одежду ихъ можетъ продать» [2]). Дошло, наконецъ, до того, что въ 1808 г. пришлось запретить продажу людей на ярмаркахъ [3]). Продажа крестьянъ безъ земли продолжалась до самаго уничтоженіи крѣпостнаго права; впрочемъ въ 1841 г. было постановлено, что

[1]) См. факты, собранные г. Романовичемъ-Славатинскимъ, стр. 338—340. Нѣсколько объявленій о продажѣ крѣпостныхъ музыкантовъ, 1787 г. см. Михневичъ „Исторія Музыки“, 268. Въ 1794 г. имп. Екатерина писала Н. П. Архарову, что по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ въ имѣніи тверскаго помѣщика Хитрово „выбрано съ деревни и выслано въ Москву къ сущему разоренію семействъ ихъ 30 дѣвокъ и одна вдова съ дочерью, намѣреваясь и всѣхъ годныхъ распродать порознь“. Рус. Арх. 1864 г. стр. 458.

[2]) *Н. Поповъ*. „Савва Текели въ Россіи“, „Русс. Арх.“ 1878 № 12, стр. 492—493.

[3]) П. С. З. XXX, 23.157. При этомъ указано на дѣло, производившееся въ рязанской палатѣ уголовнаго суда, о продажѣ помѣщикомъ на урюпинской ярмаркѣ своихъ крѣпостныхъ безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ семей.

пріобрѣтать ихъ могли только лица, владѣющія населеннымъ имѣніемъ, къ которому покупаемые и должны быть приписаны, а въ 1833 г. запрещено было, при продажѣ и дареніи крѣпостныхъ, разлучать членовъ одного семейства [1]). Ограниченія эти однако умѣли обходить, какъ и запрещеніе продавать людей на ярмаркахъ. Одинъ сельскій священникъ, авторъ замѣчательныхъ воспоминаній о бытѣ помѣщиковъ предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, разсказываетъ: «лѣтъ пять тому назадъ мнѣ попался одинъ старичекъ изъ саратовской губерніи, петровскаго уѣзда, и разсказалъ мнѣ о старомъ своемъ житьѣ-бытьѣ: «бывало, наша барыня отберетъ парней да дѣвокъ человѣкъ 30, мы посажаемъ ихъ на тройки, да и повеземъ на урюпинскую ярмарку продавать. Я былъ въ кучерахъ. Сдѣлаемъ тамъ на ярмаркѣ палатку, да и продаемъ ихъ. *Больше всего покупали армяне.* Коль подойдетъ кто изъ начальства, то барыня говоритъ, что она отдаетъ въ наймы. Каждый годъ мы возили. Ужъ сколько вою бывало на селѣ, когда начнетъ барыня собираться въ Урюпино». Сравнивъ этотъ разсказъ съ фактомъ, вызвавшимъ указъ 1808 г., мы видимъ, что и послѣ этого распоряженія Урюпинская ярмарка по прежнему была рынкомъ, куда выводились на продажу рабы. Любопытно, что покупателями преимущественно являлись армяне; это заставляетъ думать, что купленныхъ вывозили за границу—въ Турцію и Персію.—Тотъ же священникъ разсказываетъ слѣдующее: «Всѣмъ извѣстно, что помѣщики-псари на одну собаку мѣняли сотню людей. Бывали случаи, что за борзую отдавали деревни крестьянъ». Одинъ продавалъ дѣвушекъ-невѣстъ по 25 руб., другой въ то же время покупалъ борзыхъ щенковъ по 3,000 руб. Стало быть, щенокъ, даже не собака, цѣнился въ 120 разъ дороже человѣка, или 120 дѣвокъ равнялись одной сукѣ [2]).—«Бываютъ такіе негодяи», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи Текели, «которые ставятъ на карту своего крѣпостнаго и проигрываютъ его».

Посмотримъ теперь, по какой цѣнѣ продавались крѣпостные, и начнемъ съ продажи цѣлыми имѣніями, съ землею. При Елизаветѣ, по свидѣтельству Болтина, обыкновенная цѣна деревни была по 30 р. за душу [3]). Тоже было и въ первые годы царствованія Екатерины II; но затѣмъ цѣна имѣній стала быстро возвышаться. «Въ 1762 и 1763 годахъ цѣна самая извѣстная почиталася по 30 р. за душу—сказано въ докладѣ,

[1]) *Романовичъ-Славатинскій,* 303—304.

[2]) „Русская Старина" 1880 г. № 3, стр. 492; № 1, стр. 68.

[3]) „Примѣчанія на Леклерка" II, 222.

поданномъ, императрицѣ въ 1783 г.—такъ что многіе, отъ щедротъ в. и. в. таковаго воздаянія удостоенные, цѣну сію предпочли самымъ деревнямъ. Но въ нынѣшнія времена менѣе 70 и до 100 р. (за душу) ни одна россійская деревня куплена быть не можетъ, не упоминая о разныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣна недвижимыхъ имѣній съ крестьянами и гораздо еще далѣе возвысилась» [1]). Относительно послѣднихъ лѣтъ царствованія имп. Екатерины приведемъ свидѣтельство Шторха. Указавъ на крайнее разнообразіе цѣнъ при пріобрѣтеніи людей по одиночкѣ, онъ продолжаетъ: «Въ тѣхъ-же имѣніяхъ, гдѣ крестьяне продаются съ землею и гдѣ идутъ въ счетъ старики и дѣти, здоровые и увѣчные, однимъ словомъ, всѣ находящіеся на лицо мужчины, цѣна душъ круглымъ числомъ нѣсколько опредѣленнѣе, хотя и здѣсь принимаются во вниманіе свойства почвы, положеніе имѣнія и другія обстоятельства. Государственный заемный банкъ, при пріемѣ имѣній подъ залогъ, оцѣниваетъ каждаго крестьянина въ 40 р. [2]), но при продажѣ они почти никогда не цѣнятся такъ низко. Въ С.-Петербургской губерніи платятъ за каждую душу, смотря по имѣнію, отъ 200 до 300 руб. Въ другихъ мѣстностяхъ государства цѣна обыкновенно гораздо ниже; но теперь (т. е. въ 1797 г.) едва ли гдѣ нибудь ниже 100 р.» [3]).

Такимъ образомъ при продажѣ людей цѣлыми имѣніями съ землей, въ началѣ царствованія Екатерины II, общепринятою цѣною было 30 р. за душу; для 80-хъ годовъ можно принять среднею величиною 80 руб. Слѣдовательно, въ теченіи 20 лѣтъ цѣна на крѣпостныхъ одновременно съ повышеніемъ оброковъ увеличилась почти втрое; въ 90-хъ годахъ она мѣстами поднялась до 200 и болѣе рублей.

Переходя къ цѣнамъ крестьянъ безъ земли, мы прежде всего укажемъ на пріобрѣтеніе сразу значительнаго числа душъ, а именно цѣлыхъ имѣній *на вывозъ*. Въ 1786 году Державинъ писалъ къ одному господину: «Когда по 70 р. крестьянъ на вывозъ отселѣ (изъ тамбовской губерніи) не умѣли купить для кн. Потемкина, то теперь, какъ состоялся заемный банкъ, ни по 100 руб. не продаютъ [4]). Одно небольшое имѣніе въ рязанской губерніи (26 душъ) продавалось съ землею за 4,000 р., т. е. по 150 р. съ души, а продано въ 1795 безъ крестьянъ за 1,500 р.,

[1]) „Сборникъ Ист. Общ.", I, 298.

[2]) См. манифестъ 1786., П. С. З. XXII, 16.407, п. 4.

[3]) *Storch*. Histor. Statist. Gemälde des Russ. Reichs. II, 605—606. См. еще свѣдѣнія о цѣнности населенныхъ имѣній въ Дополненіи X.

[4]) Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ (больш. форм.) V, 641.

слѣдовательно, крестьяне на вывозъ цѣнились по 100 руб. каждая душа [1]).

Что касается цѣнъ людей по одиночкѣ, то прежде всего слѣдуетъ указать на установленную правительствомъ стоимость рекрута. Въ 1765 г. въ дѣлахъ объ убійствахъ между экономическими и помѣщичьими крестьянами было велѣно, чтобы духовныя власти платили за убитаго помѣщичьяго крестьянина—100 р. Въ 1766 г. она цѣна рекрута принималась въ 120 р., черезъ двадцать лѣтъ—360 руб., а въ 1793 г.—единственный разъ, когда правительство дозволило всѣмъ крестьянамъ замѣнить натуральную воинскую повинность денежною, стоимость рекрута опредѣлена была въ 400 руб. [2]). Но въ дѣйствительности покупающимъ рекрутъ приходилось иной разъ платить и дороже. Понятно, что взрослый работникъ, въ цвѣтѣ силъ продаваемый отдѣльно, долженъ былъ цѣниться гораздо дороже, чѣмъ каждая крестьянская душа при продажѣ цѣлыми имѣньями, тѣмъ болѣе, что, отдавая рекрута, нужно было отдать вмѣстѣ съ нимъ и жену, и что доля оборока и работъ, на него приходившаяся, должна была упасть теперь на остальныхъ крестьянъ; такъ какъ отдаваемые въ рекруты не исключались изъ подушнаго оклада до новой ревизіи, то жителямъ той же вотчины приходилось платить подати не только за него, но и за его старика отца, и за малолѣтнихъ дѣтей. Вотъ почему годный въ рекруты продавался гораздо дороже средней цѣны за ревизскую душу.— Приведемъ нѣсколько примѣровъ дѣйствительной стоимости рекрутъ. Тотъ помѣщикъ, воторый, по свидѣтельству Болтина, при Елизаветѣ распродалъ около 100 душъ своихъ крестьянъ, бралъ за каждаго отъ 150 до 180 руб. [3]). Въ 1780 г. въ гжатскомъ уѣздѣ смоленской губерніи рекруты продавались по 200 — 300 руб., а въ половинѣ 80-хъ годовъ во владимірской и саратовской губерніяхъ приходилось уже платить отъ 330 до 360 р. [4]). Крестьяне Суворова въ новгородской губерніи купили въ 1787 г. трехъ рекрутъ по 350 руб. [5]); по словамъ Болтина, въ концѣ 80-хъ годовъ продавали рекрута по 400 руб., а иногда и дороже [6]). Радищевъ разсказываетъ, что одинъ баринъ взялъ за трехъ рекрутъ 1,000 р.

[1]) Записки Лунина въ Румянц. Музеѣ.
[2]) П. С. З. XVII. 13.380, 12748; XXII, 16.347; XXIII, 17.154.
[3]) *Болтинъ*, II, 222.
[4]) Голицынскія дѣла.
[5]) *Рыбкинъ*, 95.
[6]) „Примѣч. на Леклерка“ II, 165.

Наконецъ, если вѣритъ Шторху, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне должны были въ 90 годахъ платить до 700 руб. за одного рекрута [1]).

Но можно было пріобрѣсти крестьянъ по одиночкѣ и гораздо дешевле; тотъ же Шторхъ свидѣтельствуетъ, что въ его время мужская душа продавалась по 100—120 руб. [2]). Люди, обученные какому-нибудь мастерству или искусству, цѣнились всегда дороже. Такъ Потемкинъ купилъ у фельдмаршала Разумовскаго оркестръ музыкантовъ, играющихъ на рогахъ, за 40,000 руб., по 800 руб. за каждаго [3]).—Тоже самое было и относительно женскаго пола: простая, ничему необученная дѣвушка, цѣнилась дешевле вымуштрованной горничной. Болотовъ въ 1762 г. купилъ въ жены своему слугѣ дѣвку за 10 руб. [4]); въ 1782 г. одна дѣвушка была продана за 30 руб. [5]). Въ 1784 г. Суворову доносили изъ Москвы, что тамъ за 50 руб. можно купить только ничего незнающую горничную, а такая, которая умѣетъ шить, мыть и крахмалить бѣлье, стоитъ не менѣе 80 руб. И дѣйствительно, за невѣстъ дворовымъ платили иногда по 80 руб. [6]). Крѣпостныя артистки цѣнились неизмѣримо дороже: если вѣрить свидѣтельству одного француза, одна такая актриса была куплена (повидимому уже въ первые годы XIX вѣка) за 5000 руб. [7]).

Любопытную оцѣнку самихъ себя произвели жители нѣсколькихъ деревень вельскаго уѣзда, вологодской губерніи, по требованію мануфактуръ-коллегіи въ 1800 г., когда возникло дѣло о причисленіи этихъ крестьянъ, купленныхъ купцомъ Дырышевымъ на имя своего зятя, губернскаго

[1]) Histor. Stat. Gemälde II, 605—606.

[2]) Въ 1788 г. одинъ дворянинъ за долгъ въ 100 р. отдалъ крѣпостнаго человѣка. П. С. З. XXIII, 16818. Въ Голицынскихъ дѣлахъ мы встрѣтили нѣсколько купчихъ съ обозначеніемъ слишкомъ низкой продажной цѣны крѣпостнаго, такъ въ 1772 г. княг. Нат. Мих. Голицына продала двороваго человѣка будто бы за 10 р., цѣна совершенно невозможная въ то время. Это заставляетъ думать, что въ купчихъ цѣны иногда умышленно сбавлялись, чтобы платить менѣе пошлинъ. Ср. упоминаніе о совершеніи крѣпости для продажи на вывозъ 195 д. крестьянъ въ 1773 г. по 6 р. за душу. П. С. З. XIX, 13950.

[3]) *Михневичъ*. Исторія музыки, 222.

[4]) Записки Болотова II, 360. Былъ случай (въ 1760 г.) продажи трехъ дѣвочекъ за 3 р. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 399—400. Но быть можетъ и здѣсь цѣна была умышленно уменьшена. Для сравненія съ приведенными цѣнами упомянемъ, что еще въ 1853 г. въ землѣ Войска Донскаго продавалась съ публичнаго торгу за долги госпожи крестьянская дѣвушка (49 лѣтъ), оцѣненная въ 41 руб. Рус. Стар. 1871, т. IV, стр. 594.

[5]) Сенатскій Арх., кн. № 149, л. 33—36.

[6]) *Рыбкинъ*, 25, 26.

[7]) *Passenans*, La Russie et l'esclavage P. 1822, II, 142.

секретаря Попова. При волостныхъ сотскихъ и постороннихъ понятыхъ они оцѣнили свои строенія, а также и всѣхъ жителей по одиночкѣ. Высша́я цѣна для взрослаго работника равнялась 40 руб., низшая для дряхлыхъ стариковъ и старухъ 30 — 50 коп., за ребенка — 10 коп. Въ среднемъ нѣсколько деревень вмѣстѣ со строеніями, но безъ земли, были оцѣнены въ 2,900 руб.; это составляло на каждую мужскую душу вмѣстѣ съ постройками по 26 руб. [1]). Если вспомнить, что еще въ 1760 г. правительство, давая помѣщику право отправлять на поселеніе вмѣстѣ съ людьми, провинившимися въ «продерзостяхъ», ихъ дѣтей, оцѣнило мальчиковъ до 5 лѣтъ въ 10 руб., отъ 5 до 15 лѣтъ по 20 руб., а дѣвочекъ вдвое менѣе [2]), то нельзя не признать, что вологодскіе крестьяне дешево цѣнили себя.

Въ коммиссіи для составленія новаго уложенія одинъ депутатъ, вышедшій изъ народа, казакъ Алейниковъ, высказалъ, что большое «будетъ предосужденіе всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высокославной коммиссіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ-же христіанъ, какъ мы сами» [3]).

Мы видѣли, что торгъ людьми не только не прекратился послѣ созванія коммиссіи, но даже еще усилился, и это дѣйствительно составляло для насъ великій стыдъ передъ Европой. Мы видѣли, съ какимъ удивленіемъ узнавали о существованіи у насъ торга рабами пріѣзжавшіе даже изъ такой далеко не цивилизованной страны, какъ Венгрія. Во всей западной Европѣ не существовало уже въ это время продажи людей безъ земли; даже въ такомъ отсталомъ государствѣ, какъ Мекленбургъ, это было запрещено [4]). Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи случалось, что господа уступали людей безъ земли владѣльцамъ другихъ имѣній (разсказываютъ, что землевладѣльцы проигрывали людей въ карты, что одинъ господинъ обмѣнилъ даже крѣпостнаго на 2 охотничьихъ собаки), но повидимому это были рѣдкія исключенія и, наконецъ, во всякомъ случаѣ это было противозаконно, если дѣлалось безъ согласія самого крѣпостнаго [5]).

[1]) Арх. Деп. Мануф. и Торг., дѣла мануфактуръ-коллегіи, вяз. 342, дѣло № 361, лл. 64—75.

[2]) П. С. З. XV, 11166.

[3]) Сбор. Ист. Общ. VIII, 373.

[4]) *Sugenheim*, 431; ср. Арх. II Отд. вяз. 326—312.

[5]) *Hanssen*, 16—17. Авторъ обстоятельной записки о положеніи крестьянъ въ Голь-

Напротивъ того, въ Остзейскомъ краѣ торговля людьми производилась въ XVIII в. совершенно безпрепятственно. Генералъ-губернаторъ, графъ Броунъ, въ своемъ извѣстномъ предложеніи лифляндскому ландтагу въ 1765 году говоритъ: «весьма важно положить предѣлъ неограниченной торговлѣ людьми. Если изъ имѣній, гдѣ есть нѣкоторый излишекъ въ людяхъ, уступаютъ ихъ другому владѣльцу, это не только вполнѣ дозволительно, но даже похвально и полезно для общества, такъ какъ содѣйствуетъ повсемѣстной обработкѣ земли. Но торговля людьми, при которой дѣтей разлучаютъ съ родителями, иногда даже мужей съ женами, развилась до того, что господа, стремящіеся къ раззоренію, публично продаютъ съ аукціона своихъ людей то по одиночкѣ, то цѣлыми семьями... иногда даже за границу страны». Ландтагъ сдѣлалъ негласное постановленіе, что продающіе людей за границу подвергаются впредь штрафу въ 200 талеровъ, хотя повидимому обусловилъ исполненіе этого постановленія тѣмъ, чтобы правительство принимало энергическія мѣры для возвращенія лифляндскихъ крестьянъ, бѣжавшихъ за границу — въ Курляндію или Литву. Дворянство и не скрывало того, что дѣти разлучались съ родителями: оно заявило въ своемъ отвѣтѣ Броуну, что господа берутъ къ себѣ въ услуженіе крестьянскихъ дѣтей и, продавая имѣніе, оставляютъ при себѣ своихъ слугъ, тогда какъ ихъ родители остаются въ имѣніи. Но тѣхъ, кто будетъ выводить своихъ людей для продажи на рынокъ, ландтагъ впредь опредѣлилъ наказывать пенею въ 200 талеровъ, а за разлученіе мужа и жены въ 400 талеровъ [1]). Продажа людей по одиночкѣ, и особенно бобылей, продолжалась однако подъ рукою и послѣ того: въ 60-хъ годахъ платили за холостаго парня 30 руб., а если онъ зналъ ремесло — 100 руб.; дѣвушки продавались по 10 руб.; дѣтей отдавали по 4 руб. [2]). Въ 1804 г. вновь пришлось запрещать продажу крестьянъ безъ земли.

Въ Польшѣ продажа людей безъ земли, установившаяся не ранѣе конца XVI в., существовала и въ XVIII столѣтіи; что она была и въ Малороссіи, видно изъ запрещенія ея тамъ императоромъ Павломъ въ 1798 г. [3]).

штиніи, доставленной въ коммиссію для составленія Уложенія, говоритъ: „торгъ людьми нынѣ уже мнѣ неизвѣстенъ". Арх. II Отд. вяз. 326—312, дѣло № 8.

[1]) *Samson*, 56, 83—85. На островѣ Вормсѣ, принадлежавшемъ къ Эстляндіи, крестьяне продавались только съ землею. Арх. II Отд. вяз. 310—305, дѣло № 3.

[2]) *Eckardt*, 425.

[3]) П. С. З. XXV, 18706.

ГЛАВА VII.

Наказанія, какимъ подвергались крѣпостные.—Ссылка на поселеніе и каторгу.—Тѣлесныя наказанія.—Смерть отъ истязаній.—Какимъ наказаніямъ подвергало правительство помѣщиковъ, мучившихъ своихъ крестьянъ.

Хотя русскій помѣщикъ и не пользовался правомъ жизни и смерти надъ своими крѣпостными, тѣмъ не менѣе относительно ихъ наказанія его власть была весьма широка. Въ 1760 г. дворяне получили право ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь. Правда, предоставляя имъ право на такое тяжелое наказаніе, правительство руководствовалось чисто государственными интересами: необходимостью какимъ-бы то ни было образомъ заселить эту обширную страну, [1])—но отъ этого ссылаемымъ было нисколько не легче. Правительство дозволило помѣщикамъ отдавать на поселеніе своихъ крестьянъ «за разные продерзостные поступки», лишь бы они были не старше 45 лѣтъ и годны къ работѣ; владѣлецъ получалъ за ссылаемаго рекрутскую квитанцію. Этотъ законъ предоставилъ помѣщику по своему усмотрѣнію разлучать семьи; правда, онъ обязанъ былъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ отправить его жену, но малолѣтнихъ дѣтей могъ оставить при себѣ; если же отдавалъ и ихъ, то получалъ изъ казны за дѣтей мужскаго пола до 5-ти лѣтъ по 10 рублей, отъ 5-ти до 15-ти лѣтъ по 20 рублей, а за 15-ти лѣтнихъ рекрутскія квитанціи. За дѣвочекъ вознагражденіе было вдвое менѣе. Съ своей стороны, помѣщики обязаны были снабдить ссылаемыхъ платьемъ и обувью и, кромѣ того, давать на прокормленіе каждаго, зачитающагося въ рекруты холостаго человѣка, 20 р.; если у ссылаемаго была жена, — то на обоихъ 30 р.; если же у нихъ были дѣти, то на всѣхъ, и взрослыхъ и дѣтей, по 10 р. [2]). Въ слѣдующемъ году было вновь подтверждено разрѣшеніе помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе. Изъ денегъ, принятыхъ отъ владѣльцевъ, выдавались ссылаемымъ кормовыя; на эти же средства закупали струги, барки и отправляли ссыльнопоселенцевъ по Волгѣ до Самары, а оттуда, сухимъ путемъ, въ Сибирь. Для больныхъ

[1]) „Въ сибирской губерніи и иркутской провинціи въ нерчинскомъ уѣздѣ",—сказано было въ изданномъ по этому поводу указѣ, — „состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ".

[2]) П. С. З. XV, № 11, 166. Указъ 13 Декаб. 1760 г.

и женщинъ съ малолѣтними дѣтьми нанимали подводы или давали казенныхъ лошадей [1]).

Крестьяне, сосланные помѣщиками, назывались въ Сибири *посельщиками*, сосланные же на поселеніе послѣ тѣлеснаго наказанія по суду за различныя преступленія назывались *ссыльными* и *колодниками* [2]).

Новгородскій губернаторъ Сиверсъ самымъ энергическимъ образомъ возставалъ противъ жестокаго закона, дававшаго помѣщику возможность разлучить крестьянина съ дѣтьми и отправить его въ Сибирь. «Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству, произвольно, по своему усмотрѣнію, отправлять въ ссылку ему подвластныхъ,—писалъ Сиверсъ императрицѣ въ 1768 году,—*причемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло*, ежедневно совершаются самыя возмутительныя дѣла. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другаго какого недостатка, должны отправляться въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось противъ подобной привилегіи. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же, Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло бы удовольствоваться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виновнаго, изобличеннаго въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если же помѣщикъ захочетъ кого нибудь сослать по собственному усмотрѣнію, то могъ бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты». Въ 1773 году Сиверсъ вновь возвращается къ тому же предмету: «Я уже прежде осмѣливался»,—пишетъ онъ императрицѣ,—«заявлять В. И. В. о злоупотребленіяхъ, происходящихъ вслѣдствіе указа, который дозволяетъ ссылать дворовыхъ или крестьянъ въ ссылку въ

[1]) П. С. З, XV, № 11, 216. Указъ 15 Янв. 1761 г.

[2]) *Georgi*, Bemerkungen, 514. Императрица Екатерина по вступленіи на престолъ не отняла у помѣщиковъ права ссылать своихъ людей за продерзости въ Сибирь. Въ Январѣ 1766 г., по представленію сибирскаго губернатора, она приказала „неспособныхъ къ пашнѣ и неприлежащихъ къ домамъ", а также вновь приводимыхъ лакеевъ и одинокихъ людей, если они годны въ военную службу, отдавать въ драгуны, а въ замѣнъ ихъ брать изъ полковъ „семьянистыхъ и прилежныхъ къ домостроительству" драгунъ и солдатъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, опредѣлять ихъ на поселеніе. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того императрица приказала, чтобы съ начала 1766 г. всѣхъ отдаваемыхъ помѣщиками въ зачетъ рекрутъ, отсылать въ адмиралтейство. (П. С. З. XVII, 12556, 12557). Это не значитъ однако, чтобы отданные въ зачетъ рекрутъ не отсылались съ тѣхъ поръ въ Сибирь; мы увидимъ, что ссылка на поселеніе по желанію помѣщиковъ продолжалась и послѣ того.

зачетъ рекрутъ. При предшествующемъ рекрутскомъ наборѣ войско потеряло отъ 7—8000 хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться, дошла ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа» [1]). «Подвергать этихъ несчастныхъ наказанію,—продолжаетъ онъ,—потому что они не имѣютъ роста, необходимаго для рекрутчины, или старѣе возраста, опредѣленнаго для пріема въ военную службу,—это, мнѣ кажется, значитъ попирать всѣ законы. Я могъ бы набросать поразительныя картины того, что я видѣлъ и къ какимъ уловкамъ заставляло меня прибѣгать человѣколюбіе, чтобы помѣшать пріему присланныхъ для отправленія въ ссылку». По представленію Сиверса, военная коллегія запретила принимать ссыльныхъ до марта мѣсяца, но одного этого средства, по его мнѣнію, было недостаточно [2]).

Сиверсъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершались помѣщиками при отправленіи своихъ крестьянъ на поселеніе; другой, столь же достовѣрный наблюдатель видѣлъ печальную жизнь этихъ несчастныхъ людей въ Сибири. «Крестьяне, отдаваемые дворянами въ зачетъ рекрутъ, принимаются отъ нихъ безъ всякой отвѣтственности»,—говоритъ академикъ Палласъ, описывая селенія ссыльныхъ въ томскомъ уѣздѣ. «Я видѣлъ больныхъ, увѣчныхъ, безумныхъ, уже давно женатыхъ, но бездѣтныхъ, и значительное число старыхъ и посѣдѣлыхъ людей, совершенно неспособныхъ къ продолженію потомства. Еще менѣе можно оправдать то, что безчеловѣчные и корыстолюбивые помѣщики отрываютъ многихъ пожилыхъ отцовъ отъ ихъ многочисленныхъ семей, даже отъ ихъ женъ, и одинокихъ отсылаютъ въ эту злополучную страну. Тѣ, которые наконецъ забываютъ оставленныхъ женъ и дѣтей, часто принуждены, чтобы имѣть помощницу въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, жениться на несчастныхъ женщинахъ и такимъ образомъ по необходимости дѣлаться винов-

[1]) Во время набора 1771 г. было принято въ зачетъ рекрутъ 7823 человѣка; изъ всего числа взятыхъ на этотъ разъ въ наборъ (69825 чел.) это составитъ болѣе 11%. Правда, въ этомъ числѣ, кромѣ отправленныхъ помѣщиками, могло быть нѣкоторое количество назначенныхъ въ ссылку казенными сельскими обществами порочныхъ людей, добровольно вышедшихъ изъ Польши и поселяемыхъ по ихъ желаніямъ въ разныхъ мѣстахъ и наконецъ причинившихъ себѣ увѣчья во время рекрутскаго набора; но безъ сомнѣнія громадное большинство было сосланныхъ „за продерзости" крѣпостныхъ. Арх. М. Юст. къ № 127—6076, л. 193; Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, портфели Миллера, № 385, портфель 1, дѣло № 22.

[2]) *Blum.* Ein russischer Staatsmann I, 290—291, 393—394. Еще до того Сиверсъ собственною властію запретилъ принимать ранѣе Апрѣля отдаваемыхъ на поселеніе, такъ какъ ихъ отправляли водою и слѣдовательно они могли двинуться въ путь только съ открытіемъ навигаціи.

ными въ многоженствѣ». Мы знаемъ, что, по указу 1760 года, было запрещено разлучать ссылаемаго крестьянина съ его женою, хотя помѣщикъ и могъ оставить у себя малолѣтнихъ дѣтей. Изъ словъ Палласа видно, что и это ограниченіе не соблюдалось, и несчастные крестьяне совершенно одинокими отправлялись въ Сибирь. «Многіе изъ нихъ»,— продолжаетъ онъ,—«со слезами говорили мнѣ, какъ тоскуютъ они объ оставленныхъ дѣтяхъ, между тѣмъ, какъ вмѣстѣ съ ними они считали бы себя въ Сибири гораздо счастливѣе, чѣмъ подъ властью нѣкоторыхъ тирановъ-помѣщиковъ» [1]).

Сохранилось любопытное свидѣтельство самихъ сосланныхъ о всѣхъ испытыніяхъ, которыя имъ пришлось перенести, какъ во время путешествія въ Сибирь, такъ и послѣ водворенія тамъ. Этотъ трогательный разсказъ, который намъ удалось найти среди неизданныхъ наказовъ сибирскихъ черносошныхъ крестьянъ (красноярскаго уѣзда), совершенно подтверждаетъ слова Сиверса и Палласа и всего лучше обрисуетъ намъ горестное положеніе несчастныхъ переселенцевъ. Сенатскимъ указомъ 1760 г., заявляютъ жители нѣсколькихъ селеній красноярскаго уѣзда, «велѣно *набирать въ Сибирь отъ помѣщиковъ и прочаго разнаго званія людей на поселеніе*, [2]) лѣтами не старѣе 45 лѣтъ, точію здоровыхъ и неувѣчныхъ» и къ хлѣбопашеству годныхъ; а между тѣмъ, на дѣлѣ «рѣченныхъ посельщиковъ означилось немалое число престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работамъ за разными болѣзнями, которые не токмо положеннаго на насъ подушнаго окладу платить не могутъ, но и сами себѣ пропитанія не имѣютъ». Всего болѣе жаловались сосланные на то, что помѣщики, при отправленіи въ ссылку, удержали у многихъ изъ нихъ ихъ женъ и дѣтей. Свое путешествіе въ Сибирь они описываютъ такимъ образомъ. Изъ каждой мѣстной канцеляріи ихъ отправляли по Волгѣ и Окѣ до Самары, гдѣ, по случаю наступленія зимы, они прожили по квартирамъ не мало времени, получая всего по 2 коп. на день, «которыхъ за невыдачею притомъ до самаго оттоль отправленія мѣсячнаго провіанта, и на пищу», а также во время путешествія на разстоя-

[1]) *Pallas* Reise III, 459—460.

[2]) Эти слова крестьянъ любопытны въ томъ отношеніи, что рисуютъ ихъ взглядъ на значеніе ссылки: они понимаютъ, что тутъ первоначально была на первомъ планѣ цѣль чисто государственная—заселеніе Сибири.—Напомнимъ, что указъ 1760 г. дозволялъ не однимъ помѣщикамъ отправлять своихъ людей въ Сибирь, а также предоставлялъ крестьянамъ дворцовымъ, государственнымъ и принадлежащимъ духовенству и наконецъ купечеству отдавать на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты „непотребныхъ и вредныхъ обществу людей“.

ніи болѣе 4000 верстъ «на рубахи и одну обувь, и то со всякою бережливостію, едва было достаточно». Странствованія отъ Самары по оренбургской линіи въ Сибирь продолжались *не менѣе полутора года*; при этомъ вслѣдствіе частыхъ дождей, перехода черезъ рѣки въ половодье и невозможности при остановкахъ обсушиться, такъ какъ въ редутахъ было не болѣе двухъ избъ, все платье несчастныхъ переселенцевъ погнило. Не лучше жилось имъ и послѣ водворенія въ Сибири. «Стараясь къ обзаведенію всей своей экономіи», разсказываютъ они про себя, «находились при ронкѣ (рубкѣ) и возкѣ всякаго лѣса и при самомъ домостроительствѣ въ работѣ, почти послѣднюю на себѣ одежду износили, а другую по здѣшней дороговизнѣ, а паче не имѣя себѣ ни отъ какихъ промысловъ, за обращеніемъ всегда при своихъ работахъ, никакого прибытку», пріобрѣсти никакъ не могутъ. Хотя, по прибытіи на мѣсто, съ 1-го Января 1762 г. и по 1-е Сентября 1764 г. имъ и выдавали кормовыхъ денегъ по копѣйкѣ на день и провіантъ, но на эти деньги они, во-первыхъ, не дешево покупали скотъ, а во вторыхъ, на первый разъ принуждены были нанимать для земледѣльческихъ работъ мѣстныхъ обывателей, такъ какъ одни изъ переселенцевъ были у своихъ помѣщиковъ лакеями и слѣдовательно хлѣбопашествомъ не занимались, другіе, живучи въ городахъ, «разный авантажъ имѣли мастерствомъ», и потому пахать землю «не заобыкли», къ тому же многіе одержимы были болѣзнію трясовицею. Нанимая мѣстныхъ обывателей пахать отведенныя имъ земли, поселенцы платили имъ за каждую десятину по 1 р. 50 коп.; у нихъ же покупали сохи и все нужное для хозяйства. Съ 1765 г. съ посельщиковъ стали взыскивать подушныя подати, какъ и съ другихъ государственныхъ крестьянъ, по 1 р. 73 коп. съ души; они жаловались, что приходится платить за умершихъ, стариковъ и неспособныхъ къ работѣ, такъ что нужно давать въ годъ по 2 руб. съ души. Все, какъ нарочно, не ладилось у этихъ бѣдныхъ людей: «по всекрайнему несчастію у многихъ изъ насъ нижайшихъ», говорятъ они: «по власти всемогущаго Бога, перводанныя изъ казны лошади разными болѣзнями, отъ чего впредь Боже сохрани, у другихъ же и по двѣ выпадали, и затѣмъ божескимъ попущеніемъ и безлошадными остались; подобно же тому... съ самаго нашего прибытія на вышепоказанныя мѣста, на насѣваемыхъ земляхъ яровой хлѣбъ не родился, и при самыхъ всходахъ нападающій гнусъ, называемая кобылка, по два года безъ остатку съѣдала, а за вторично данныхъ лошадей по рублю въ годъ деньги и притомъ урожаемый сѣмянной хлѣбъ—рожь, по указному числу, сполна въ казну

взыскана, а яровой же нынѣшняго года взыскивается, а прочіе посельщики, какъ за продажею для отдачи за вторичныхъ лошадей, такъ уже и за прежде данныхъ въ предбудущій 768 годъ ко взысканію уже время наступаетъ; такожъ и за престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работамъ умершихъ и выбылыхъ до ревизіи пяти душъ, такожъ за лошадей и данные жъ желѣзные инструменты и сѣмянной хлѣбъ въ такое, самое нужное время должны не преминуя съ насъ взыскиваться»,—вслѣдствіе всего этого нужда заставляетъ большую половину людей закабаляться батраками въ работу. Положеніе посельщиковъ еще болѣе ухудшалось вслѣдствіе тяжести подводной повинности и недобросовѣстности проѣзжавшихъ властей, на что жаловались всѣ сибирскіе черносошные крестяне [1]).

Такимъ образомъ, послѣ почти двухъ-лѣтняго тяжелаго странствованія, несчастные переселенцы и на мѣстѣ не нашли успокоенія: ихъ преслѣдовали и лихорадка, и падежъ скота, и неурожай, и тяжелыя повинности, наконецъ, отвѣтственность по круговой порукѣ за умершихъ людей; къ тому же неумѣніе приняться за соху заставляло тратить и безъ того скудныя денежныя средства на наемъ людей для обработки данной имъ пашни. При такихъ условіяхъ, колонизація Сибири ссыльными крѣпостными не могла совершаться успѣшно.

Въ заключеніе приведенной нами скорбной повѣсти посельщики, водворенные въ красноярскомъ уѣздѣ, выражали только два желанія: во-первыхъ, чтобы вслѣдствіе бѣдности ихъ освободили отъ взысканія денегъ за лошадей и хлѣба, даннаго на сѣмена, а во-вторыхъ, прислали къ нимъ женъ и дѣтей, которыя были оставлены противъ ихъ желанія на родинѣ [2]).

Для сравненія съ этимъ разсказомъ мы приведемъ нѣсколько свѣдѣній о сибирскихъ посельщикахъ изъ одного современнаго путешествія. Георги говоритъ, что ихъ освобождали на 3 года отъ взноса податей и подводной повинности; кромѣ того, они получали на обзаведеніе лошадь, соху и топоръ [3]), 9 пудовъ ржи на посѣвъ, также овса и ячменя, и въ первый годъ солдатскій провіантъ (паекъ), а, кромѣ того, для пріобрѣтенія всего необходимаго по 2 коп. въ день. Женщины и дѣти получали половину. На второй годъ переселенцамъ выдавали вдвое менѣе содержа-

[1]) См. ст. „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“. Рус. Стар. 1879 г. № 2, стр. 60.

[2]) Въ приложенномъ реестрѣ было названо 85 дѣтей и двѣ жены помѣщичьихъ крестьянъ разныхъ губерній Великороссіи. (Арх. II Отд.).

[3]) Дома они должны были выстроить себѣ сами. По словамъ Словцова на покупку ошади они получали 5 р. Ист. Обозр. Сибири II, 58.

нія, чѣмъ въ первый, въ третій — они должны были прокармливаться сами, а въ четвертый уже платили подати [1]). Разсказъ Георги совершенно совпадаетъ съ повѣствованіемъ самихъ посельщиковъ [2]); оказывается только, что лошадь, соху и прочее обзаведеніе, а также сѣмена посельщики получали не безвозвратно, какъ можно было бы заключить изъ словъ Георги, а лишь въ ссуду: по истеченіи извѣстнаго времени сѣмена слѣдовало возвратить, а за обзаведеніе уплатить деньгами; это подтверждается и однимъ правительственнымъ указомъ [3]).

Какъ видно, впрочемъ, правила о поселеніи въ Сибири присланныхъ въ зачетъ рекрутъ были не повсемѣстно одинаковы. Въ 1762 г., по представленію сибирскаго губернатора Соймонова, сенатъ приказалъ присылаемыхъ въ Сибирь за разныя преступленія, а также отправленныхъ съ зачетомъ въ рекруты на поселеніе (т. е. какъ собственно ссыльныхъ, такъ и посельщиковъ) селить на удобныхъ для хлѣбопашества мѣстахъ, по рѣкѣ Иртышу отъ Устькаменогорской до Омской крѣпости и притомъ давать на посѣвъ каждой семьѣ земли по 5 дес., покосовъ по 50 копенъ; (участокъ, на которомъ ставилось 10 копенъ сѣна, принимался въ то время равнымъ десятинѣ, слѣдовательно вѣроятно на семью давали всего земли по 10 десятинъ) и кромѣ того казеннаго хлѣба *безъ возврата* по 54 пуда, а также предписано было купить для нихъ и раздать имъ лошадей [4]).

По представленію сибирскаго губернатора, императрица велѣла освободить отъ рекрутской повинности присланныхъ отъ помѣщиковъ въ зачетъ рекрутъ для того, чтобы не препятствовать развитію этихъ поселеній [5]).

Первоначально крѣпостныхъ, ссылаемыхъ по указу 13-го декабря 1760 года, стали по большей части селить въ нерчинскомъ уѣздѣ, но такъ какъ тамъ хлѣбопашество шло неуспѣшно, то сенатъ, въ 1767 году, приказалъ большинство ссыльныхъ отправлять въ тобольскую губернію. Такимъ образомъ до 1772 г. въ тобольской и отчасти енисейской про-

[1]) *Georgi*. Bemerkungen einer Reise, 514; ср. *Pallas*. Reise III, 303.

[2]) Разногласіе въ томъ, что, по свидѣтельству посельщиковъ, они получали не по 2, а по 1 коп., только кажущееся: выдавали по 1 к. для поселенца и по $^1/_2$ к. его женѣ и дѣтямъ въ день. *Ядринцевъ*, „Привольн. мѣста Сибири", Отеч. Зап. 1880 г. № 4, стр. 481.

[3]) П. С. З. XXII, 16.602.

[4]) П. С. З. XVI, 11.633. Изъ этого же указа видно, что сосланные въ зачетъ рекрутъ употреблялись иногда для перевозки казеннаго провіанта.

[5]) П. С. З. XVI, 11.860, п. 4, 11 Іюня 1763 г.

винціяхъ было поселено 10.799 взрослыхъ мужчинъ и 9.716 женщинъ и дѣтей, итого 20.515 душъ [1]). Число всѣхъ сосланныхъ за это время помѣщиками было гораздо болѣе, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ Сиверса.

Императрица Екатерина II не только не ограничила, а еще болѣе расширила права помѣщиковъ въ этомъ отношеніи: тогда какъ прежде они могли ссылать своихъ крестьянъ только на поселеніе, она, въ 1765 году, позволила имъ «людей своихъ, по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе», отдавать въ каторжную работу, и даже брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію.

Такихъ людей, отданныхъ въ каторжную работу, должна была принимать адмиралтейская коллегія и употреблять ихъ въ тяжкую работу на столько времени, какъ пожелаютъ помѣщики. Пока они будутъ работать, ихъ приказано было кормить и одѣвать на казенный счетъ, наравнѣ съ каторжными, а когда помѣщики захотятъ взять ихъ обратно, «то отдавать имъ безпрекословно» [2]).

Злоупотребляя своимъ правомъ, помѣщики ссылали на поселеніе стариковъ; тоже дѣлалось и при отправленіи въ каторжную работу. Сибирскій губернаторъ Чичеринъ донесъ сенату, что изъ присылаемыхъ «за продерзости» въ Сибирь въ работу (т. е. на каторгу) многіе оказываются старыми и дряхлыми, а другіе хотя и молоды, но по дорогѣ отмораживаютъ руки и ноги. (Тоже случается и съ посылаемыми на поселеніе). Такимъ образомъ ссыльно-каторжные негодны въ работу, а поселенцы не могутъ, какъ слѣдуетъ, заниматься хлѣбопашествомъ и потому считаются «безъ всякой пользы» и просятъ милостыню. Духъ крѣпостничества такъ пропиталъ все тогдашнее общество, что Чичеринъ не могъ придумать ничего лучшаго для этихъ несчастныхъ стариковъ и калѣкъ, какъ предложить сенату отдавать ихъ тѣмъ, кто пожелаетъ взять, съ обязательствомъ платить за нихъ подати. Сенатъ не согласился на это, но вовсе не потому, какъ можно было подумать, что онъ не желалъ вновь сдѣлать крѣпостными этихъ несчастныхъ, только что — цѣною ссылки и увѣчья — получившихъ свободу, а изъ опасенія, чтобы ссыльно-каторжные не стали умышленно увѣчить себя и такимъ образомъ освобождаться отъ каторги; присланные же на поселеніе, освободясь такимъ же образомъ «отъ хлѣбопашества и будучи за владѣльцемъ, могутъ паки быть столько

[1]) *Georgi.* Bemerkungen. 514.

[2]) П. С. З. XVII, 12.311, Указъ 17 Янв. 1765.

же вредны, какъ и прежде, а желаемая отъ хлѣбопашества польза черезъ то уменьшится». Такимъ образомъ сенатъ тутъ вновь вспомнилъ о томъ, что только въ интересахъ государства правительство разрѣшило помѣщикамъ ссылать своихъ людей въ Сибирь. Но это напоминаніе имѣло уже мало значенія послѣ того, какъ императрица Екатерина, разрѣшивъ помѣщикамъ брать назадъ отданныхъ на каторгу крестьянъ всегда, когда имъ вздумается, совершенно извратила первоначальную мысль правительства. Теперь преслѣдовали уже не государственную цѣль—увеличить населеніе и число рабочихъ рукъ въ малолюдной Сибири, а имѣли въ виду только интересы помѣщиковъ: имъ давали въ руки право на новое и страшное наказаніе своихъ крѣпостныхъ. Вспоминая, хотя и поздно, объ интересахъ государства, сенатъ, какъ это слишкомъ часто дѣлалось въ XVIII вѣкѣ, совершенно забывалъ однако о человѣческой личности несчастныхъ ссыльныхъ и колодниковъ, и даже въ виду тѣхъ фактовъ, о которыхъ онъ узналъ изъ донесенія Чичерина, не принялъ въ то время (1768 г.) никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для прекращенія злоупотребленій со стороны помѣщиковъ при отправленіи въ ссылку крѣпостныхъ [1]).

Въ 1772 г. сенатъ вновь получилъ донесеніе сибирской губернской канцеляріи, что изъ присылаемыхъ въ зачетъ рекрутъ нѣкоторые оказались «стары и дряхлы, такъ что и движенія не имѣютъ, и въ разныхъ болѣзняхъ», другіе были увѣчные и наконецъ нашлись даже сумашедшіе. Поэтому тѣ, которые могли дойти до своихъ жилищъ, были отправлены обратно на родину [2]), а прочіе убогіе люди «оставлены на вольномъ житьѣ, на ихъ пропитаніи» (другими словами, брошены на произволъ судьбы), и въ тѣ мѣста, откуда они были присланы, сообщено, чтобы ихъ не зачитали въ рекруты. Сенатъ приказалъ вмѣсто всѣхъ принятыхъ неспособныхъ къ поселенію людей, возвратятся ли они на прежнія мѣста или нѣтъ, немедленно взыскать съ отдатчиковъ другихъ рекрутъ, а принявшія ихъ канцеляріи оштрафовать. Одновременно съ этимъ сенатъ получилъ представленіе сибирскаго губернатора Чичерина, въ которомъ съ поразительною ясностію обрисовываются всѣ безобразныя послѣдствія этой правительственной мѣры и гдѣ мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о размѣрахъ этой невольной колонизаціи Сибири. Въ донесеніи, отправленномъ въ ноябрѣ 1771 г., Чичеринъ сообщаетъ, что въ

[1]) П. С. З. XVIII, 13.053.

[2]) Иногда такихъ ссыльныхъ еще съ пути въ Сибирь приходилось возвращать на родину: Сиверсъ упоминаетъ объ возвращеніи изъ Казани. *Blum.* II, 38.

томъ году прислано въ Сибирь уже до 6000 посельщиковъ, такъ что, говоритъ онъ, «не осталось моей возможности въ назначенные къ поселенію мѣста отправлять и тамъ ихъ пропитать»; между тѣмъ это была только часть всѣхъ сданныхъ помѣщиками въ зачетъ рекрутъ за это время людей. Прежде всего Чичеринъ обращаетъ вниманіе сената на то, что большая часть сдаваемыхъ посельщиковъ даже не были прежде собственностію отдатчиковъ, а пріобрѣтены послѣдними по дешевымъ цѣнамъ въ промежутки между рекрутскими наборами единственно для того, чтобы сдать ихъ въ зачетъ рекрутъ. Это люди отъ 14 до 60-ти лѣтъ, не имѣющіе никакихъ родныхъ, и по мнѣнію Чичерина опредѣлять ихъ на поселеніе съ обычнымъ пособіемъ было бы только убыткомъ для казны и потому онъ раздаетъ такихъ для обученія мастерствамъ на шляпную, бумажную и стеклянную фабрики. Мы видѣли уже выше, что помѣщики, отправляя своихъ крѣпостныхъ на поселеніе, сплошь и рядомъ, вопреки закону 1760 года, удерживали у себя ихъ женъ. По представленію объ этомъ Чичерина, сенатъ подтвердилъ, чтобы женъ непремѣнно отправляли вмѣстѣ съ мужьями. Тогда помѣщики прибѣгли къ такой уловкѣ: они заявляли въ мѣстныхъ канцеляріяхъ, что жены сдаваемыхъ крѣпостныхъ находятся въ бѣгахъ и будутъ присланы по возвращеніи ихъ, чего потомъ ни одинъ не исполнилъ. Отправка такихъ лишенныхъ семей людей, точно также какъ вдовыхъ и холостыхъ, разумѣется была плохимъ подспорьемъ для колонизаціи Сибири, а между тѣмъ однихъ холостыхъ и вдовыхъ людей было отправлено въ 1771 году въ Красноярскъ до 3000. Въ 1771 году до Сибири дошло всѣхъ сосланныхъ въ зачетъ рекрутъ до 6000, да еще находилось въ пути до 4000 человѣкъ, число же отправленныхъ должно было быть гораздо болѣе, такъ какъ Чичеринъ говоритъ въ своемъ донесеніи: «изъ отправленныхъ посельщиковъ изъ Москвы и Калуги едва четвертая часть доходитъ [1]), къ тому же и эти дошедшіе до мѣста — «всѣ въ тяжкихъ болѣзняхъ». Эту громадную смертность Чичеринъ объясняетъ тѣмъ, что посельщики отъ Москвы и Калуги до Казани отправляются водою, и офицеры, сопровождающіе партію, опасаясь побѣговъ ввѣренныхъ имъ людей, не смотря на то, что они скованы, содержатъ ихъ «въ тѣснотѣ запертыхъ въ суднѣ, от-

[1]) Онъ подтверждаетъ свои слова слѣдующими примѣрами: изъ партіи въ 400 человѣкъ на пути отъ Москвы до Казани умерло 160 человѣкъ, т. е. $^{2}/_{5}$, въ другой на пути отъ Казани до Туринска изъ 400 умерло 170, т. е. даже болѣе $^{2}/_{5}$; слѣд. послѣ окончанія пути отъ Москвы до Туринска оставалось иной разъ менѣе $^{1}/_{5}$. Въ одной партіи на пути отъ Казани до Туринска умерло даже не $^{2}/_{5}$, а ровно половина.

чего, заражаясь болѣзнями, умираютъ и большая часть больныхъ приходитъ въ Казань», а такъ какъ тамъ негдѣ ихъ помѣстить, то они продолжаютъ путь больными и во множествѣ умираютъ. Въ виду накопленія посельщиковъ въ 1771 г., Чичеринъ принужденъ былъ нѣсколько партій «до отправленія находящихся великаго числа въ Тобольскѣ и за утѣсненіемъ, расположить въ Тюмени и въ Туринскѣ по слободамъ, а отъ Тобольска въ 15-ти верстахъ опредѣлилъ построить гошпиталь и казармы, чтобъ такое великое число прибывающихъ больныхъ, не соединяя къ жителямъ, содержать въ тѣхъ казармахъ». Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ Чичеринъ просилъ хотя на годъ остановить пріемъ и отправленіе посельщиковъ, чтобы успѣть разселить уже присланныхъ и чтобы дать отдыхъ крестьянамъ, живущимъ близь большой дороги въ казанской и сибирской губерніяхъ, которые «пришли въ упадокъ отъ великихъ транспортовъ». Кромѣ того Чичеринъ предложилъ отправлять посельщиковъ до Казани не водою, а сухимъ путемъ, указывая на то, что изъ партій, присылаемыхъ въ Сибирь изъ Оренбурга, хотя они проходятъ такое же разстояніе, какъ и отъ Казани, умираетъ на пути не болѣе 2% [1]).

Доводы Чичерина были на столько убѣдительны, что сенатъ поднесъ императрицѣ докладъ съ предложеніемъ пріостановить пріемъ крѣпостныхъ въ зачетъ рекрутъ. «Сенатъ, видя въ какое великое злоупотребленіе обращена отдача на поселеніе помѣщиковыхъ людей и крестьянъ съ зачетомъ въ рекруты, сказано было въ этомъ докладѣ, и сколь мало для казны пользы произойти можетъ, когда поселяемъ будетъ въ Сибири одинъ мужескъ полъ, хотя и способный къ работѣ, принужденнымъ себя находитъ всеподданнѣйше представить в. и. в-ву, не соизволите ли всевысочайше повелѣть, въ пресѣченіе всѣхъ тѣхъ неудобствъ, *никого на поселеніе въ Сибирь не принимать впредь до указа*», а о томъ, какія могутъ быть мѣры относительно колонизаціи Сибири, полезныя для казны и помѣщиковъ,—велѣть составить новый планъ [2]).

Только черезъ годъ докладъ былъ прочитанъ въ совѣтѣ при высочайшемъ дворѣ, который и выразилъ свое согласіе на мѣру, предложенную сенатомъ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1773 г., императрица приказала отправлять колодниковъ вмѣсто Сибири и Оренбурга въ различные города

[1]) Арх. Мин. Юст. дѣла сената № 381—3952, л. 33—34. По этому же предмету было получено донесеніе и отъ казанскаго губернатора.

[2]) Арх. Мин. Юст., Журн. и Прот. Сен. 1772, № 384—3955, л. 1507—1509.

[3]) Арх. Госуд. Сов. II, 359.

Европейской Россіи, а также запретила принимать людей на поселеніе впредь до дальнѣйшаго указа, принятыхъ же и находящихся уже въ Казани велѣла разослать на прежнія мѣста жительства. Однако черезъ полтора года велѣно было осужденныхъ въ ссылку по прежнему отправлять въ Сибирь и Оренбургъ. Въ 80-хъ годахъ мы опять встрѣчаемъ оффиціальныя указанія на злоупотребленія, связанныя съ отправкою въ зачетъ рекрутъ. Изъ одного указа 1787 г. видно, что въ то время на поселеніе было прислано два крестьянина: одинъ 67, другой 68 лѣтъ, отъ которыхъ по словамъ тобольской казенной палаты, нельзя ожидать «общественной пользы». Сенатъ вновь подтвердилъ указъ 1760 г., которымъ было велѣно принимать только годныхъ къ работѣ и не старѣе 45 лѣтъ [1]).

Въ 1784 г., по случаю производства новой ревизіи, во многихъ губерніяхъ былъ возбужденъ вопросъ, какія подати слѣдуетъ собирать съ людей, прежде отправленныхъ помѣщиками въ Сибирь, а затѣмъ возвращенныхъ на родину. Сенатъ приказалъ тѣхъ изъ нихъ, которые уже были зачтены прежнимъ владѣльцамъ въ рекруты, надѣлить казенною землею, причислить къ государственнымъ крестьянамъ и обложить наравнѣ съ ними податями, тѣхъ же, которые не были зачтены въ рекруты, оставить на прежнихъ жилищахъ и данныя о зачетѣ ихъ квитанціи отобрать [2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что императрица Екатерина не запретила окончательно помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь; напротивъ того, она еще болѣе расширила ихъ права въ этомъ отношеніи, такъ какъ прежде они могли ссылать своихъ крестьянъ только на поселеніе, а она позволила имъ отдавать крѣпостныхъ въ каторжную работу и даже брать назадъ по своему усмотрѣнію [3]). При имп. Александрѣ помѣщики были

[1]) П. С. З. XIX, 14,077, XX, 14,286, XXII, 16,602.

[2]) П. С. З. XXII, № 16,090.

[3]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что иногда и при Екатеринѣ требованія помѣщиковъ о ссылкѣ ихъ крѣпостныхъ на поселеніе безъ всякаго суда не исполнялись. Въ 1795 году М. Ф. Каменскій просилъ сослать въ дальнія губерніи, *безъ всякаго зачета ему*, трехъ мужчинъ и двухъ женщинъ, а въ слѣдующемъ году потребовалъ ссылки въ Сибирь или на Кубань на его счетъ четырехъ крестьянъ. Но его требованія не были уважены, и потому онъ жаловался сенату на орловское и смоленское намѣстническія правленія; онъ ссылался на права, данныя дворянству, и считалъ невозможнымъ для себя судиться съ своими крестьянами и доказывать на судѣ справедливость своего заявленія, что они лѣнятся и пьянствуютъ. Однако же сенатъ призналъ, что крестьяне должны быть судимы, хотя при этомъ и слѣдуетъ вполнѣ довѣрять показаніямъ помѣщика. „Орловскій Вѣстникъ“ 1876 г. № 38, ст. *Пупарева* „Разсказъ о фельдмар-

сначала лишены права ссылать своихъ крестьянъ безъ суда какъ на поселеніе, такъ и въ каторжную работу, но потомъ право отправлять ихъ на поселеніе было опять имъ возвращено [1]).

Кромѣ ссылки на поселеніе и въ каторжную работу помѣщикамъ было дозволено сдавать своихъ крестьянъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, а со времени изданія учрежденій о губерніяхъ—также отдавать ихъ въ смирительный домъ, внося только плату за ихъ содержаніе тамъ [2]). Относительно прочихъ наказаній мы не находимъ никакихъ постановленій ни въ уложеніи, ни во всемъ законодательствѣ XVIII в.: законъ ничего не разрѣшалъ, но ничего и не запрещалъ [3]).— Не было точно опредѣлено также, какія преступленія и проступки крѣпостныхъ считались подсудными помѣщику. Несомнѣнно, что дѣла объ убійствѣ и разбоѣ не подлежали его вѣдѣнію. По поводу одного дѣла императрица высказала убѣжденіе, что за побѣги и воровства, совершенные крѣпостными крестьянами, они должны судиться «городскою юстиціею» [4]). Въ 1773 г. былъ изданъ даже особый законъ о томъ, какому наказанію должно подвергать крестьянъ разнаго вѣдомства (и въ томъ числѣ крѣпостныхъ) за кражу [5]); но этотъ законъ, несомнѣнно, примѣнялся лишь въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій не былъ крѣпостнымъ того же помѣщика. Права помѣщиковъ какъ вотчинныхъ судей были на столько неограниченны, что они прибѣгали при производствѣ слѣдствія къ пристрастнымъ допросамъ [6]).

Такъ какъ правительство не позаботилось о составленіи уложенія о наказаніяхъ, которымъ помѣщики могли бы подвергать своихъ крестьянъ,

шалѣ Каменскомъ". Имп. Павелъ вновь подтвердилъ право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ зачетъ рекрутъ. П. С. З. XXV, 19157.

[1]) *Романовичъ-Славатинскій*, 287—290.

[2]) П. С. З. XVII, 12.748, гл. I, п. 7. XVIII, 13.132, XX, 14.392, п. 392, 14.852.

[3]) *Побѣдоносцевъ*, Историч. изслѣд. 59, 66—70, 83—86. Когда мы будемъ говорить о томъ, какъ относилось правительство къ помѣщикамъ, немилосердно истязавшимъ крестьянъ, мы увидимъ, на какія неподходящія постановленія приходилось ссылаться, чтобы не оставлять безнаказанными самыя вопіющія жестокости.

[4]) „Побѣги и воровства и подобное не подлежитъ домашнему слѣдствію и наказанію", сказано въ указѣ 1770 г., изданномъ по дѣлу помѣщицы Эттингеръ.

[5]) П. С. З. XIX, 13,951.

[6]) Право производить „пристрастные допросы" помѣщики передавали даже своимъ крѣпостнымъ прикащикамъ и другимъ. Такъ напр. вицеканцлеръ кн. А. М. Голицынъ, посылая старшаго писаря произвести слѣдствіе по поводу безпорядковъ въ вотчинахъ кн. Ник. Алекс. Голицына, состоявшихъ подъ опекою вицеканцлера, въ данной инструкціи прямо говоритъ; „если жъ по тому слѣдствію будутъ подлежательны пристрастные допросы, то и оные учинить". (Голицынскія дѣла). Этотъ фактъ очень важенъ потому, что кн. А. М. Голицынъ вообще довольно гуманно относился къ крестьянамъ и сборы въ его имѣніяхъ были скорѣе ниже, чѣмъ выше другихъ.

то нѣкоторые владѣльцы пополнили этотъ недостатокъ своими собственными правилами, которыя иногда невольно напоминаютъ намъ законы древней Руси: это своего рода «Русскія Правды» или «Судебники». Вообще отношенія крѣпостныхъ къ своимъ господамъ напоминаютъ отношенія подданныхъ къ главѣ государства не однимъ только титуломъ «государя», съ которымъ крѣпостные обыкновенно обращались въ челобитныхъ къ своему помѣщику; такъ въ устройствѣ домоваго управленія у нѣкоторыхъ знатныхъ владѣльцевъ есть сходство съ правительственными приказами допетровской Руси.

Образцомъ уложенія о наказаніяхъ, составленнаго для своихъ крестьянъ и дворовыхъ самимъ помѣщикомъ, могутъ служить правила, установленныя въ 1751 году гр. П. А. Румянцевымъ, подъ названіемъ «пункты, по которымъ имѣютъ во всѣхъ низовыхъ нашихъ вотчинахъ управители, прикащики, старосты за разныя преступленія крестьянъ наказывать». Кромѣ этихъ пунктовъ, въ подробной инструкціи, данной имъ же, есть особая глава о наказаніяхъ. Румянцевъ самымъ подробнымъ образомъ опредѣлилъ, какимъ карамъ должно подвергать крестьянъ за различные проступки, не предоставивъ въ этомъ почти никакой самодѣятельности вотчиннымъ властямъ и крестьянскому сходу; слѣдовало только опредѣлить наличность преступленія и затѣмъ примѣнить наказанія, указанныя помѣщикомъ. За лѣность и пьянство Румянцевъ предписываетъ наказывать штрафами. У двороваго, за каждый пропущенный рабочій день, вычиталось жалованье за недѣлю, а крестьянинъ долженъ былъ вознаградить вдвойнѣ причиненный имъ хозяйственный ущербъ. Если дворовые или крестьяне поссорятся между собою и одинъ другаго обругаетъ непечатными словами, съ виновнаго взыскиваютъ штрафъ въ 10 коп. «За бой безъ знаку»—приказано брать штрафъ отъ 25—30 к., на три дня «заключать въ цѣпъ», а иногда, смотря по побоямъ, и высѣчь батогами, «Буде же окровянитъ»,—сказано въ инструкціи, то 50 к. штрафу и высѣчь батогами; а въ «пунктахъ» назначенъ такой же денежный штрафъ, кромѣ того, велѣно жестоко наказать батогами и еще «заключить на семь дней въ цѣпь на хлѣбъ и на воду». За самую малую кражу Румянцевъ предписывалъ отобрать у виновнаго все имѣніе, вознаградить пострадавшаго а остальное взять на господина, самаго же преступника высѣчь плетьми и отдать «въ первую работу, куда потребно будетъ или наборъ», не донося даже о томъ господину. Если же кто украдетъ что нибудь изъ господскаго имущества, то также описать все имѣніе, заковать въ желѣза и обстоятельно донести господину. Людей,

состоящихъ при вотчинныхъ дѣлахъ, за растрату велѣно было сдавать въ рекруты безъ жребія. Кромѣ кражи денегъ или вещей, въ деревняхъ бывали случаи присвоенія чужой земли, похищенія чужаго хлѣба, сѣна и пр. Все это предусмотрѣно Румянцевымъ. Въ «пунктахъ» мы находимъ такое постановленіе: «если кто у кого насильствомъ запашетъ, сожнетъ и скоситъ, то настоящее отнятое тому обиженному отдать и сверхъ того на томъ мѣстѣ сѣчь плетьми»; въ инструкціи же за эти вины, и также за потраву велѣно взыскивать двойную стоимость похищеннаго. За порубку заповѣднаго помѣщичьяго лѣсу съ виновнаго брали штрафъ по рублю за каждое дерево и лѣсъ отбирали. Какъ человѣкъ военный, гр. Румянцевъ придавалъ особенное значеніе поддержанію дисциплины и потому строго наказывалъ за оскорбленіе не только управителей и прикащика, но даже и бурмистра, старостъ и другихъ сельскихъ властей. Если дворовый или крестьянинъ оскорбитъ кого-либо изъ начальства «отъ перваго до послѣдняго», то съ двороваго велѣно взыскивать половинное жалованье, а съ крестьянина 50 к. Если же сдѣлаетъ это «передъ управителемъ или прикащикомъ», то дворовый лишается годоваго жалованья, а съ крестьянина брали 5 рублей и сверхъ того наказывали плетьми или батогами, какъ захочетъ обиженный. Является вопросъ: въ чью пользу взимался денежный штрафъ? Половина его шла обиженному, а другая въ пользу помѣщика. Членовредителей велѣно было сдавать въ зачетъ рекрутъ, то же дѣлать и съ ихъ пособниками, а у стариковъ отписывать все имѣніе и держать ихъ въ оковахъ до указу.

Румянцевъ заботился объ обученіи грамотѣ дворовыхъ дѣтей; точно также радѣлъ онъ и о спасеніи душъ своихъ крѣпостныхъ. За непосѣщеніе церкви въ праздники безъ законной причины грозилъ штрафъ въ 10 коп. Если кто начнетъ въ церкви кричать или шумѣть, тотъ платитъ 2 коп., а у кого не будетъ денегъ, тѣхъ сажать въ цѣпь на сутки. Денежный штрафъ въ обоихъ случаяхъ шелъ уже не въ пользу помѣщика, а въ церковную казну. Такимъ образомъ благоговѣнію къ церковной службѣ учили не только штрафами, но даже и посредствомъ заковыванія въ желѣза.

Особенно заботился Румянцевъ, чтобы его крестьяне жили въ мирѣ съ сосѣдями, а тѣмъ паче не перечили чѣмъ нибудь сосѣднимъ помѣщикамъ. За всякій проступокъ относительно посторонняго крестьянина взыскивали вдвое строже, а за обиду дворянина велѣно наказать по требованію обиженнаго батогами, «пока тотъ доволенъ будетъ», а сверхъ того въ пользу Румянцева взыскать 2 руб.

Въ случаѣ-же разбоевъ и другихъ «подозрительныхъ» и «противныхъ указамъ» поступковъ, которые помѣщикъ считалъ себѣ неподсудными, велѣно немедленно представлять ихъ въ городовыя канцеляріи [1]).

И такъ, въ правилахъ, постановленныхъ Румянцевымъ, мы находимъ слѣдующія наказанія: денежный штрафъ отъ 2-хъ копѣекъ до 5 рублей, а для цѣловальниковъ, старостъ и бурмистровъ до 10 руб., возвращеніе похищеннаго вдвое, конфискація имущества, арестъ съ наложеніемъ цѣпей, сѣченіе батогами и плетьми, отдача въ работу или рекруты. Размѣры тѣлеснаго наказанія не опредѣлены; иногда только сказано: высѣчь «жестоко», а въ случаѣ оскорбленія сосѣдняго помѣщика велѣно даже наказывать, пока обиженный будетъ доволенъ. Того, кто запашетъ чужую землю, сожнетъ или скоситъ чужой хлѣбъ или сѣно, велѣно сѣчь на мѣстѣ преступленія [2]). Любопытно, что въ правилахъ Румянцева не упоминается о наказаніи розгами [3]), нѣтъ также и наказанія кнутомъ.

Правила, введенныя въ своихъ имѣніяхъ Румянцевымъ, очень суровы, но всетаки для крестьянъ было лучше знать какія нибудь опредѣленныя постановленія, чѣмъ подвергаться наказаніямъ, назначаемымъ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія. Неизвѣстно только, точно ли соблюдались эти правила, или же управители позволяли себѣ нарушать ихъ къ невыгодѣ крестьянъ. Но такія инструкціи составляли лишь нѣкоторые богатые помѣщики, имѣвшіе много вотчинъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи и желавшіе установить одинаковый порядокъ при ихъ управленіи. Другіе крупные вотчинники не давали такихъ подробныхъ инструкцій относительно наказаній. В. Г. Орловъ, въ обширномъ уложеніи, составленномъ имъ для своихъ имѣній не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, ограничился по этому поводу слѣдующими правилами. Онъ приказалъ на-

[1]) Рукоп. Румянц. музея, № 355, л. 2 и 57 об. и л. 14, п. 33.

[2]) Неаккуратно ведущему денежныя дѣла цѣловальнику Румянцевъ грозилъ употребленіемъ въ какую нибудь работу въ теченіе всей жизни.

[3]) Наказаніе розгами было кажется еще мало въ ходу въ Великороссіи въ половинѣ XVIII в. По поводу словъ бар. Вольфа въ его наказѣ управителю, что тотъ не долженъ наказывать виноватаго *лозами,* не призвавъ старостъ и крестьянъ, Топловъ замѣтилъ ему, что это наказаніе у насъ неупотребительно. Вольфъ отвѣчалъ, что нарочно написалъ такимъ образомъ, потому что „батожье есть такое наказаніе, отъ котораго могутъ многіе сдѣлаться чахоточными и увѣчными", а розгами „управитель можетъ наказывать крестьянъ такъ, какъ отецъ своихъ дѣтей"; впрочемъ бар. Вольфъ утверждалъ, что это наказаніе „употребительно во многихъ мѣстахъ". Арх. вольн. экон. общ. кн. № 90, л. 154. Во второй половинѣ царствованія Екатерины II розги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были по видимому больше въ ходу, чѣмъ плети и батоги.

казывать розгами и батогами, а не плетьми, дозволивъ для богатыхъ крестьянъ, занимающихся торговлею, замѣнять при первыхъ проступкахъ тѣлесное наказаніе денежнымъ штрафомъ. Опредѣлять эти наказанія предоставлялось мѣстному начальству и крестьянскому міру по своему усмотрѣнію. Помѣщикъ предписалъ только, что для отдачи виновныхъ въ рекруты и ссылкѣ ихъ на поселеніе требуется его согласіе, но и въ этомъ случаѣ инціатива исходила изъ вотчины. [1]—Суворовъ, поручая въ 80-хъ годахъ одну свою вотчину надзору управляющаго, дозволилъ ему только слѣдующія наказанія: «1) словесно усовѣщивать, 2) сажать на хлѣбъ и на воду, 3) въ крайности, сѣчь по разсмотрѣніи вины розгами». Но управляющіе превосходили данныя имъ уполномочія: такъ одинъ изъ нихъ писалъ Суворову, что поступаетъ съ крестьянами «учтиво и всячески старается ихъ приласкать», а самъ держалъ виновныхъ скованными, такъ что крестьяне собирались его застрѣлить. Суворовъ приказалъ къ такимъ мѣрамъ никогда не обращаться. Впрочемъ онъ и самъ позволялъ себѣ одно очень жестокое наказаніе: онъ терпѣть не могъ пьяныхъ и потому, даже зимой, приказывалъ поливать водой у колодца такихъ крестьянъ, которые сильно пьянствовали. «Отъ холодной воды», говаривалъ онъ, «хмѣльное скорѣе пройдетъ и дольше этотъ человѣкъ стыдъ и муку будетъ помнить, чѣмъ если его высѣчь розгами. Коли горячее любишь, то и къ холодному будь способенъ» [2]).

Инструкціи и уложенія составлялись, обыкновенно, для оброчныхъ вотчинъ; помѣщики, сами жившіе въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ, не хотѣли налагать на себя никакихъ ограниченій и предоставляли себѣ рѣшать судьбу крестьянина въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. «Наказаніе рабовъ», говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи, «измѣняется сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина или заступающаго его мѣсто. Оно гораздо чаще соразмѣряется со строгостію того, кто его предписываетъ, чѣмъ съ важностію проступка наказываемаго. Самыя обычныя исправительныя средства—палки, плети и розги. Наказанія производятся обыкновенно въ конюшнѣ, или въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ, чтобы крики истязаемаго не безпокоили господъ. Я видѣлъ, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (послѣдняя, по

[1]) „Уложеніе В. Г. Орлова въ Ярослав. Губ. Вѣд. 1853 г. №№ 41—44. Что это уложеніе было предназначено не для одной ярославской вотчины, видно изъ указанія г. Каблукова, см. „Сборникъ статистическ. свѣдѣній по Москов. губ. Отдѣлъ хозяйствъ статистики“ т. V вып. 1, М. 1879 стр. 152—153.

[2]) *Рыбкинъ*. 61, 108—109, 57.

русской примѣтѣ, предзнаменуетъ большое несчастіе, и потому такое преступленіе рѣдко прощается), за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ [1]). При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управитель, если при этомъ не бываетъ господина. Подвергающійся наказанію въ одной рубашкѣ ложится, одинъ или чаще два человѣка помѣщаются сбоку и по очереди бьютъ, какъ по пуховику. Несчастный испускаетъ пронзительные крики, проситъ прощенія, клянется, что не провинится больше, но управитель приказываетъ: «сильнѣе, сильнѣе», и если наказывающій замедлитъ удары, ему самому грозятъ наказаніемъ....» «Какія предосторожности ни принималъ я», продолжаетъ авторъ, «чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній,—они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительные вопли преслѣдовали меня даже во снѣ. Сколько разъ я проклиналъ мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ». Авторъ упоминаетъ еще объ одномъ изъ наказаній для провинившихся женщинъ: это было обрѣзаніе косы. [2]) Если дворовый или крестьянинъ разсердитъ своего господина,— у многихъ первымъ дѣломъ была собственноручная расправа; для нѣкоторыхъ помѣщиковъ бить своихъ людей сдѣлалось просто потребностію. Иногда это преимущественно выражалось пощечинами и подзатыльниками, ни за что, ни про что раздаваемыми домашней прислугѣ, иногда же переходило въ систематическое мучительство. [3]) Мы говорили уже, что дворовымъ приходилось чаще подвергаться различнымъ наказаніямъ, но такъ какъ каждый крестьянинъ могъ быть взятъ во дворъ, то никто не считалъ себя избавленнымъ отъ этихъ мученій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ дурнаго или жестокаго обращенія съ крестьянами и дворовыми.

Одинъ помѣщикъ, по словамъ Болотова въ пьяномъ видѣ, ни съ того, ни съ сего подвергаетъ всѣхъ дворовыхъ тѣлесному наказанію; [4]) одна барыня бьетъ башмакомъ по лицу провинившихся дѣвушекъ, [5]) другая приказываетъ сразу высѣчь 80 женщинъ за то, что онѣ не набрали земляники, когда это было имъ приказано; одинъ госпо-

[1]) Вѣроятно еще многіе читатели помнятъ помѣщичью пословицу: „недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ".

[2]) *Passenans* II, 120—123, 126.

[3]) См. напр. у *Болотова* II, 350, 774.

[4]) Ibid. IV, 565.

[5]) „Разсказы бабушки", „Русскій Вѣстникъ" 1878 № 3, стр. 335.

динъ приказываетъ жечь углями подошвы ногъ двороваго за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ щенковъ, которыхъ его женѣ было велѣно выкормить своею грудью [1]). Даже люди образованные самымъ суровымъ образомъ относились къ своимъ крѣпостнымъ. Болотовъ разсказываетъ, что его раздражилъ одинъ столяръ постояннымъ пьянствомъ и кражами какъ у дворовыхъ, такъ и у помѣщика, и потому, желая добиться отъ него показанія о послѣднемъ воровствѣ, онъ прибѣгнулъ къ такому средству: «посѣкши его немного, посадилъ я его въ цѣпь, въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ *повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ*, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно, ибо я никогда не любилъ драться слишкомъ много.... и если кого и сѣкалъ, будучи приневоленъ къ тому самою необходимостію, то сѣкалъ очень умѣренно, и отнюдь не тиранническимъ образомъ, какъ другіе». Однако же наказанія, которымъ онъ подвергалъ столяра, были, вѣроятно, не особенно умѣренны, потому что когда Болотовъ вздумалъ высѣчь его за одну вину, сыновья этого двороваго, люди очень усердные и хорошіе, едва не убили господина: «сдѣлавшись сущими извергами», разсказываетъ Болотовъ, они «не только стали оказывать мнѣ грубости, но даже дошли до такого безумія, что одинъ кричалъ, что онъ схватитъ ножъ и у меня пропоретъ брюхо, а тамъ и себя по горлу; а другой, дѣйствительно схватя ножъ, хотѣлъ будто бы зарѣзаться.... словомъ, они оказались сущими злодѣями, бунтовщиками и извергами». Болотовъ заковалъ ихъ въ цѣпи и продержалъ около недѣли на хлѣбѣ и на водѣ, пока они не покаялись; отецъ же, впослѣдствіи вновь попавшись въ кражѣ, удавился, боясь, по словамъ самого Болотова, «чтобъ ему не было за то какого истязанія». Если такъ дѣйствовалъ человѣкъ, тронутый образованіемъ, то что же дѣлалось у другихъ помѣщиковъ? [2]).

Главною виною со стороны крестьянина была неаккуратность въ уплатѣ оброка или въ исполненіи барщинной работы [3]); особенно же раз-

[1]) *Passenans*. II, 157, 191. Никакое положеніе среди дворовой іерархіи не могло гарантировать отъ тѣлеснаго наказанія: такъ В. Г. Орловъ приказалъ высѣчь своего крѣпостнаго архитектора. *Гр. Орловъ-Давыдовъ* II, 2.

[2]) *Болотовъ*. IV, 1034—1037. У помѣщика Лунина старшимъ дворовымъ позволялось самимъ наказывать людей, имъ подчиненныхъ: такъ конюшій могъ „слегка" сѣчь конюховъ, дворецкій подчиненныхъ ему слугъ.

[3]) Помѣщица Мар. Нарышкина, переводя своихъ крестьянъ по ихъ желанію на оброкъ, грозила, въ случаѣ неаккуратности въ уплатѣ его, не только взыскать денежный штрафъ, но и пересѣчь жестоко плетьми всѣхъ „лучшихъ" крестьянъ. (Голицынскія дѣла).

дражалъ помѣщика ихъ коллективный протестъ противъ непомѣрной тяжести наложенныхъ на нихъ повинностей, хотя бы онъ выражался въ формѣ смиренной просьбы господину объ облегченіи работъ или оброка. Гнѣвъ господина прежде всего обрушивался на тѣхъ челобитчиковъ, которымъ крестьянскій міръ поручалъ передать свое прошеніе. Генеральша Толстая приказала сослать мірскаго челобитчика въ другую вотчину, обрить ему голову и бороду, надѣть на шею «желѣзную рогатку съ заклепами, дабы ему не имѣть покою» (рогатка мѣшала спать), и заставила его постоянно работать на кирпичномъ заводѣ. Когда послѣ того крестьяне вновь послали къ своей госпожѣ трехъ выборныхъ, она объявила, чтобъ ее «впредь никакими просьбами не утруждать». — «Я васъ въ конецъ разорю»—кричала она на челобитчиковъ и грозила имъ ссылкою. Управитель, вынуждая у крестьянъ взятки, часто прибѣгалъ къ позорному и жестокому наказанію: «головы и бороды у насъ, яко у иновѣрцевъ мохамецкаго закона, брѣетъ, — писали крестьяне,—и желѣзные рога на шею накладываетъ» [1]).

Подобные факты мы находимъ не только въ челобитныхъ крестьянъ; объ нихъ свидѣтельствуютъ и сами помѣщики очевидцы. Дашкова, въ одномъ изъ своихъ писемъ, заявляетъ, что извѣстный М. Ф. Каменскій, сдѣланный впослѣдствіи при Павлѣ графомъ и фельдмаршаломъ и убитый при Александрѣ I однимъ изъ своихъ дворовыхъ, собственноручно билъ своихъ крестьянъ такъ, что, въ присутствіи лакея Дашковой, двумъ крестьянамъ проломилъ голову объ печку [2]). Болотовъ разсказываетъ, что одинъ помѣщикъ, жившій въ одномъ съ нимъ уѣздѣ, отдалъ свою дѣвку въ Москву учиться плести кружева. Когда она возвратилась домой, ее стали страшно обременять работою, такъ что каждый вечеръ она должна была «по двѣ свѣчи просиживать». Молодая 17-лѣтняя дѣвушка не вынесла и бѣжала въ Москву къ своей прежней мастерицѣ, но ее отыскали, посадили «въ желѣзы и въ стуло» и заставили опять плести. Черезъ нѣсколько дней она была освобождена по просьбѣ священника, который за нее поручился. Но на нее снова навалили непосильную работу, и она опять бѣжала. Ее отыскали, на-глухо заклепали въ кандалы, одѣли ро-

[1]) Арх. Мин. Юст., дѣла Сената, № 173—3744, л. 591—593.

[2]) Арх. кн. Воронцова V, 191—192. Каменскій строго наказывалъ крестьянъ, которые, по его мнѣнію, не заботились о своемъ хозяйствѣ: увидѣвъ въ избѣ незапертыя ворота, онъ принимался бить хозяина по ладонямъ: „залѣпитъ сотню жгутомъ, свитымъ изъ шелковой опояски“, разсказывалъ старикъ-крестьянинъ, бывшій его крѣпостной. Орловскій Вѣстникъ, 1876 г., № 38.

гатку и заставили такимъ образомъ работать. Доведенная до совершеннаго отчаянія, она наложила на себя руки и пыталась зарѣзаться, но не совсѣмъ перерѣзала горло. Разрубая топоромъ надѣтую на шею рогатку, ее ранили еще сильнѣе, такъ что несчастная цѣлыя сутки была безъ памяти. Даже и въ виду ожидаемой смерти, звѣрь-помѣщикъ не сжалился надъ нею: она прожила еще цѣлый мѣсяцъ, и кандалы не были у нея сняты. Это вопіющее дѣло было скрыто и господа остались безъ всякаго наказанія [1]).

Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что, кромѣ наказаній, упомянутыхъ въ правилахъ Румянцева, помѣщики употребляли еще слѣдующія карательныя мѣры: ссылка въ другую вотчину, постоянная работа на господина, обриваніе бороды и головы, заковываніе въ цѣпи и надѣваніе рогатки. Нужно замѣтить, что, кромѣ плетей и батоговъ, у нѣкоторыхъ владѣльцевъ наказывали крестьянъ и кнутомъ. Такъ въ 1760 году, на Дугнинскомъ заводѣ Никиты Демидова (Тульской губерніи) высѣкли одного крестьянина «ѣзжалыми» кнутьями [2]). Что это наказаніе кнутомъ не было явленіемъ исключительнымъ, видно изъ словъ Сиверса, который, прося императрицу ограничить чрезмѣрную власть помѣщиковъ, говоритъ: «пусть покрайней мѣрѣ господинъ не будетъ имѣть права безъ судебнаго разбирательства наказывать своихъ людей кнутомъ (что почти равняется смертной казни)».

По замѣчанію Массона, помѣщицы въ Россіи были вообще кровожаднѣе мужчинъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что онѣ гораздо невѣжественнѣе, отличаются множествомъ предразсудковъ, почти ничего не читаютъ; между тѣмъ, онѣ постоянно окружены рабами, готовыми исполнять или предупреждать ихъ малѣйшія желанія [3]). Вотъ, что разсказываетъ онъ о кн. Козловской: она «олицетворяетъ въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ. Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужчинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно удары и понукая исполнителя наказанія бить больнѣе; видали, какъ она, въ припадкахъ бѣшенаго изступленія, заставляетъ служанокъ привязывать къ столбу одного изъ своихъ слугъ, совершенно обнаженнаго, и натрав-

[1]) *Болотовъ*. II, 745—746.

[2]) Арх. Мин. Юст., Дѣла Сената № 918—3401, л. 94. Другой примѣръ см. „Русскій Архивъ“, 1876, № 11, стр. 327.

[3]) Другой иностранецъ также находитъ, что въ Россіи существа слабыя душевно и тѣлесно—женщины и дѣти — больше склонны къ жестокости. *Passenans*. La Russie et l'esclavage I, 82.

ливаетъ собакъ грызть несчастнаго; или же приказываетъ женщинамъ сѣчь его, причемъ зачастую вырываетъ у нихъ розги и сама бичуетъ истязуемаго по.... самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла.... соединяя, такимъ образомъ, чудовищное наслажденіе звѣрской жестокости съ затѣями необузданнаго безстыдства.... Въ такомъ же вкусѣ изобрѣтались муки для подвластныхъ женщинъ; но тогда уже палачами назначались мужчины. Прежде всего несчастныя жертвы подвергались безпощадному сѣченію наголо; затѣмъ свирѣпая госпожа, нерѣдко для утоленія своей лютости, или даже личной мести, заставляла класть трепещущія груди на холодную мраморную доску стола и собственноручно, съ звѣрскимъ наслажденіемъ, сѣкла эти нѣжныя части тѣла. Я самъ видѣлъ одну изъ подобныхъ мученицъ, которую она часто терзала такимъ образомъ и вдобавокъ еще изуродовала: вложивъ пальцы въ ротъ, она разодрала ей губы до ушей.... Я видѣлъ эту злополучную дѣвушку, обезображенную и проводящую свои горькіе дни на конюшнѣ, гдѣ прочіе слуги изъ состраданія давали ей пріютъ и пищу. Вся вина бѣдняжки заключалась въ томъ, что она навлекла на себя ревность своей Мессалины къ одному изъ ея презрѣнныхъ любовниковъ» [1]).

Румянцевъ, какъ мы уже знаемъ, приказывалъ аккуратно записывать всѣ наказанія, какимъ подвергнутся, на основаніи составленныхъ имъ правилъ, дворовые и крестьяне; еслибы сохранилось побольше такихъ записей, мы имѣли бы полную картину расправы помѣщиковъ со своими людьми, со всѣми ужасающими подробностями. Къ счастью, до насъ дошелъ одинъ такой «журналъ домоваго управленія», относящійся къ 1763—1765 годамъ; въ немъ записывались всѣ приказы помѣщика съ его собственною, какъ онъ выражается, «заручкою», т. е. подписью подъ каждымъ приказомъ своего имени и фамиліи. Въ этотъ журналъ заносились не только наказанія, которымъ подвергались провинившіеся, но и причины этого наказанія, и все это дѣлалось съ аккуратностью, достойною лучшаго дѣла. Одинъ этотъ документъ можетъ освѣтить намъ закулисную жизнь этого общества, нерѣдко либеральнаго на словахъ и закоснѣло-крѣпостническаго на дѣлѣ.

Нѣсколько отрывковъ всего лучше познакомятъ съ нимъ читателя: «Нашему человѣку Ивану Владимірову нами приказано было, чтобы окорока свиные оба сдѣлать на буженину съ чеснокомъ, а онъ одинъ сдѣ-

[1]) *Masson*. Mémoires secrets sur la Russie, Amst. 1800 — 1803, t. II, 115—117, IV, 203. Мѣсто это выпущено въ изданіи Барьера 1863 г., оно переведено въ „Русской Старинѣ" 1874, т. IX, стр. 386—387.

лалъ съ чеснокомъ, другой—съ лукомъ, а нами велѣно лопатку съ лукомъ сдѣлать, и онъ приказу нашего не исполнилъ, за что вычесть у него въ будущій 764 годъ изъ положеннаго жалованья рубль, а ежели по сему исполнено не будетъ, то у кого сей нашъ журналъ, того сѣчь (плетьми) на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно». Приказъ о наказаніи для «журналиста» повторяется послѣ каждой статьи журнала. «Сего году іюня 2-го потребны были для гостей заѣдки и надлежало Парасковьѣ Никитиной требовать у насъ отъ ящика ключи заранѣе, когда мы почивать не ложились; однако она требованіемъ ихъ пропустила, а какъ мы легли почивать, то она стала требовать ключи, и насъ тѣмъ безпокоила, за что вычесть у ней въ будущій 765 годъ изъ положеннаго ей жалованья рубль». Нужно замѣтить, что штрафъ въ рубль былъ тяжелымъ наказаніемъ; онъ долженъ былъ навѣрное составлять около трети или четверти годоваго жалованья. Не получила также за нѣсколько дней «указнаго» [1]) Ѳекла Яковлева, за то, что ушла изъ кабинета «во время опочиванія господина». Вслѣдъ затѣмъ та-же женщина, за какую-то другую провинность, подверглась слѣдующей оригинальной карѣ: ее приказано было «именемъ и отчествомъ не звать, а звать всѣмъ трусихой и лживицей». Мы видимъ здѣсь образцы барскихъ шутокъ, барскаго остроумія. Тутъ помѣщичье самодурство достигаетъ крайнихъ предѣловъ глупости и невольно напоминаетъ малороссійскую пословицу: «пани якъ дурни, що хотять, то и робять». Однако, этотъ комичный указъ имѣетъ слишкомъ трагическое окончаніе: «а ежели кто (Ѳеклу),—сказано тамъ,— именемъ и отчествомъ назоветъ, того сѣчь розгами по 5,000 (sic!) нещадно». Это не была одна только угроза: мы можемъ привести изъ этого журнала цѣлый рядъ такихъ и еще болѣе ужасныхъ наказаній, такъ что волосы становятся дыбомъ при мысли о тѣхъ ужасахъ, которые совершались въ этомъ помѣщичьемъ домѣ. Наказанія эти тѣмъ ужаснѣе, что прислуга подвергалась имъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

Изъ приказовъ, занесенныхъ въ этотъ журналъ, обрисовываются для насъ многія подробности домоваго управленія. Такъ, мы видимъ, что нѣкоторые дворовые находятся въ Москвѣ: одни отпущены на оброкъ, другіе — въ наукѣ, т. е. обучаются какому нибудь мастерству. По воскресеньямъ они должны являться въ господскій домъ, подъ угрозою наказанія 1,000 ударами розогъ. Въ барскомъ домѣ въ Москвѣ должны были

[1]) Мясная провизія, выдаваемая дворовымъ понедѣльно или помѣсячно, „сверхъ положенія, по указу барина“.

поочереди стоять на часахъ: лакеи, конюхи, повара и проч. За неаккуратность при исполненіи этихъ обязанностей сѣкли на дровняхъ, давая по сту ударовъ нещадно. Этотъ помѣщикъ, точно также, какъ и графъ Румянцевъ, заботился о томъ, чтобы его лакеи были грамотные. Каждый день по одному лакею экзаменовали въ чтеніи и письмѣ, и невполнѣ грамотныхъ учили еще. Господинъ хлопоталъ конечно не о томъ, чтобы дать образованіе своимъ людямъ, да и слава Богу, что онъ этого не дѣлалъ, а то имъ было бы еще тяжелѣе выносить плети и барское самодурство; ему были нужны грамотные, чтобы вести журналъ, въ которомъ отмѣчалось, сколько плетей или розогъ вынесли ихъ спины. Бояринъ, по всей вѣроятности, весьма благочестивый, заботился и о томъ, чтобы прислуга аккуратно исполняла требованія религіи. Въ одномъ указѣ онъ предписываетъ: «впредь всегда нашимъ людямъ говѣть, раздѣляя постъ поровну... а не такъ, какъ въ нынѣшнемъ 764 году... больше половины людей говѣли на послѣдней недѣлѣ, за что не давать тѣмъ, которымъ велѣно на пятой недѣлѣ говѣть, указнаго по двѣ недѣли всего... а говѣть и причащаться всѣхъ принуждать безъ пропуску. А ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5,000 разъ нещадно». Это исполненіе требованій церкви изъ-подъ палки и ужасныя истязанія за ихъ несоблюденіе производятъ особенно отвратительное впечатлѣніе. Даже обязанности, налагаемыя христіанскою религіею, служили для необузданнаго самодура предлогомъ къ мученіямъ своихъ людей, и этотъ самодуръ былъ навѣрное убѣжденъ, что онъ истинный христіанинъ, и что онъ такимъ образомъ не только спасетъ свою душу, но и своихъ рабовъ заставитъ розгами и плетьми войти въ царствіе небесное.

Читателямъ можетъ придти въ голову вопросъ: неужели подобныхъ извергов не заставляли быть сдержаннѣе собственные интересы: вѣдь подвергнувшійся такимъ страшнымъ истязаніямъ долго послѣ того не могъ работать. Но изобрѣтательный помѣщикъ принялъ свои мѣры и на этотъ случай. «Впредь ежели кто изъ людей нашихъ высѣчется плетьми на дровняхъ,—распорядился онъ,—дано будетъ 100 ударовъ, а розгами дано будетъ 17,000 (sic!!), таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по 10,000—таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же; а кто сверхъ того пролежитъ болѣе, за тѣ дни не давать имъ всего хлѣба, столоваго запасу и указнаго всего же; да изъ жалованья, что на тѣ дни придется, вычитать безъ упущенія». Это правило было немедленно примѣнено къ дѣлу:

одному конюху слѣдовало лежать только одну недѣлю (значитъ, ему дано было 100 плетей или 17,000 розогъ!), а онъ былъ болѣнъ двѣ недѣли, и потому за лишнюю недѣлю у него было удержано соотвѣтственное количество съѣстныхъ припасовъ и жалованья. Другой, подвергнутый такому же ужасному истязанію, пролежалъ восемнадцать дней; и у него, по тому же разсчету, былъ сдѣланъ вычетъ за одиннадцать дней [1]).

Такія наказанія могли бы показаться просто невѣроятными, несмотря на то, что они засвидѣтельствованы несомнѣннымъ документомъ, но мы должны помнить, что еще въ прошлое царствованіе существовали плети и шпицрутены. Солдаты нерѣдко получали болѣе 10,000 ударовъ шпицрутенами. Тоже было и при Екатеринѣ II. Если подобныя ужасныя истязанія могли совершаться публично, въ силу закона, то нечего удивляться что мы встрѣчаемъ ихъ въ городскомъ барскомъ домѣ или въ деревенской глуши, гдѣ помѣщикъ былъ полнымъ властелиномъ надъ своими крѣпостными.

Помѣщики не имѣли по закону права надъ жизнію и смертью своихъ крестьянъ, но такъ какъ они могли наказывать ихъ неограниченно, то тяжелыя истязанія нерѣдко оканчивались смертью подвергнутаго имъ крѣпостнаго. Аббатъ Шаппъ, путешествовавшій по Россіи въ 1761 году, говоритъ: такъ какъ помѣщики имѣютъ право наказывать своихъ крестьянъ батогами, «то они употребляютъ это наказаніе такимъ образомъ, что на дѣлѣ получаютъ возможность казнить ихъ смертью». Императрица Екатерина, возражавшая въ «Антидотѣ» на каждое слово аббата Шаппа, на этотъ разъ не нашлась, что отвѣтить. «Хорошее или дурное обращеніе съ прислугой,—пишетъ она,—гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности, чѣмъ отъ законовъ страны (?); ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются» [2]). Посмотримъ еще, каковы были эти нравы.

Вотъ, напримѣръ, двое крестьянъ Алексѣя Лопухина, Дмитровскаго уѣзда, заявляютъ въ своей челобитной императрицѣ (1767 г.), что, когда отецъ ихъ обратился съ какою-то жалобою или просьбою къ своему господину, тотъ сталъ бить его палкою и нанесъ 100 ударовъ, такъ что у крестьянина пошла кровь горломъ и вскорѣ послѣ того онъ умеръ [3]).

[1]) Приведенные отрывки изъ этого замѣчательнаго „журнала домоваго управленія" были напечатаны г. Забѣлинымъ въ его статьѣ; „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ". Вѣстн. Евр., 1871 г., № 2, стр. 509—512.

[2]) Сборникъ Бартенева XVIII вѣкъ, т. IV, 330.

[3]) А. М. Ю., Дѣла Сената № 173—3744, л. 582.

Въ 1786 году, во владимірской губерніи, генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ возбудилъ дѣло противъ помѣщика Карташева вслѣдствіе его жестокаго обращенія съ крѣпостными. Это дѣло тѣмъ интереснѣе, что тутъ различнымъ истязаніямъ подвергались не дворовые, а крестьяне. По приказу генералъ-губернатора, по этому случаю былъ произведенъ повальный обыскъ, а отъ сосѣднихъ помѣщиковъ собраны свѣдѣнія черезъ предводителей дворянства. 164 человѣка, въ томъ числѣ 7 духовныхъ лицъ, заявили, что они видѣли, какъ крестьяне Карташева ходятъ по ночамъ просить милостыню и при этомъ слышали отъ нихъ, что они испытываютъ отъ помѣщика «жестокіе и безчеловѣчные побои», и что отъ того нѣкоторые изъ нихъ умерли, а другіе бѣжали. Иногда эти просящіе милостыню крестьяне были безчеловѣчно изсѣчены: одна крестьянка была не только вся избита, но у ней были даже переломлены руки. Нѣкоторые крестьяне содержались подъ арестомъ въ избѣ съ заколоченными окнами и прокармливались только тою милостынею, которую имъ подавали въ маленькую щель прохожіе. Нижній земскій судъ представилъ къ слѣдствію дворовую женщину, которая отъ побоевъ согнулась «на подобіе безсловесныхъ животныхъ», такъ что едва могла ползать на рукахъ и ногахъ. По словамъ этой женщины, года два тому назадъ Карташевъ самъ побилъ ее плотничьимъ правиломъ и переломилъ ей спинную кость, такъ что послѣ того она могла ходить только опираясь на палку; Карташевъ «*за то* ее приказывалъ неоднократно бить, а наконецъ, увидя на пожнѣ согнувшуюся, ударилъ раза четыре ружейнымъ прикладомъ, отчего и нынѣ раны есть». Деньщикъ брата этого помѣщика слышалъ, что одинъ крестьянинъ умеръ послѣ побой въ тотъ же день. Кромѣ того, онъ самъ часто видалъ, какъ Карташевъ наказывалъ крестьянъ палками, батогами и кнутомъ, и слышалъ, что многіе послѣ того умерли. Вслѣдствіе такихъ жестокостей помѣщика, въ томъ селѣ, гдѣ онъ жилъ, осталось весьма мало крестьянъ, хотя прежде ихъ было тамъ до 150 душъ и не смотря на то, что владѣлецъ ежегодно переселялъ туда крестьянъ изъ другихъ вотчинъ. Крестьянскіе дома въ этомъ селѣ стояли пустыми или развалились [1]).

Одного изъ помѣщиковъ-самодуровъ С. Т. Аксаковъ обезсмертилъ въ своей «Семейной хроникѣ» подъ именемъ Куралесова. «Для этого звѣря терзать людей сдѣлалось потребностію, наслажденіемъ». Когда онъ былъ особенно разгнѣванъ на кого-нибудь, онъ не горячился и не кричалъ, а

[1]) Арх. М. Ю. Дѣла Сената № 875—4446, л. 273—288.

говорилъ тихо и даже ласково: ну, любезный другъ, дѣлать нечего; пойдемъ, надобно мнѣ съ тобою разсчитаться.—Поцарапайте его кошечками», приказывалъ онъ съ улыбкою окружающимъ. Кошки (ременныя семихвостыя плети изъ сыромятной кожи съ узлами на каждомъ концѣ) были у Куралесова любимымъ орудіемъ наказанія.—«Не люблю палокъ и кнутьевъ», говаривалъ онъ, «что въ нихъ? какъ разъ убьешь человѣка! То-ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно!» Во время истязанія баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастною жертвою, покуда она могла еще слышать. Аксакова увѣряли достовѣрные свидѣтели этихъ истязаній, что иногда жизнь наказанныхъ спасали только тѣмъ, что завертывали ихъ истерзанное тѣло въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ. Но иногда ничто не помогало, и нѣсколько человѣкъ умерло послѣ наказанія. Всѣ власти были задарены или запуганы Куралесовымъ, и онъ дѣлалъ все, что ему вздумается. Любопытно, что, какъ и многіе другіе подобные изверги, Куралесовъ былъ очень набоженъ [1]).

Всего ужаснѣе то, что дѣянія такихъ личностей, какъ кн. Козловская, помѣщикъ, извѣстный намъ подъ именемъ Куралесова и другіе, нерѣдко оставались совершенно безнаказанными. Однако же истязанія крѣпостныхъ, кончавшіяся смертію несчастныхъ жертвъ барскаго произвола не всегда сходили съ рукъ мучителямъ, какъ это будетъ видно сейчасъ изъ цѣлаго ряда дѣлъ, возбужденныхъ правительственными властями.

Въ 1763 г. смоленскій шляхтичъ Высоцкій, взявъ къ себѣ въ домъ одного своего крестьянина и жену его, держалъ ихъ подъ карауломъ въ колодкахъ, сѣкъ обоихъ по нѣскольку разъ батогами, затѣмъ еще собственноручно наказывалъ плетью, женщину жегъ раскаленнымъ желѣзомъ, а сына ихъ наказывалъ батогами. Женщина не вынесла этихъ истязаній и на четвертый день умерла. Въ губернской канцеляріи, а затѣмъ въ военномъ судѣ «при смоленской шляхтѣ» Высоцкій объяснилъ, что лѣтомъ того года у него началась болѣзнь живота и «головѣ помраченіе»; тогда бывшіе у него гости стали говорить ему, что онъ испорченъ. Онъ началъ допрашивать своихъ людей, и одинъ изъ нихъ, 17-лѣтній парень, какъ оказалось, не снеся побой, оговорилъ своего отца и мать, что они дали ему какой-то травы, которую онъ и подсыпалъ помѣщику въ кушанье. Тогда Высоцкій началъ истязать эту несчастную семью, «чтобы они въ здоровьѣ его выпользовали» [2]).

Въ 1766 году, въ Петербургѣ, вдова тайнаго совѣтника Данилы Ефремова призвала въ свою квартиру трехъ солдатъ и приказала имъ сѣчь батогами свою

[1]) Семейная хроника, изд. 2-е, стр. 64—65, 71—72. На основаніи заявленія И. С. Аксакова въ послѣднемъ изданіи „Семейной хроники“ (1879 г.) мы можемъ не сомнѣваться въ томъ, что Куралесовъ—личность не вымышленная, дѣйствительно существовавшая.

[2]) Арх. Сената, именные указы 1769 г., кн. 128, л. 409—412.

дворовую дѣвушку, отчего та умерла на другой день утромъ. На слѣдствіи Ефремова, заявивъ, что высѣкла свою дѣвку «за чинимыя ею противности, воровства и побѣги», старалась доказать, что она была наказана весьма умѣренно, а умерла потому, что отравилась «ядовитымъ зельемъ», которое было у ней во рту и котораго не могли отнять. Къ слѣдствію представили даже скляночку, будто бы найденную у этой дѣвушки; медицинская канцелярія, произведя изслѣдованіе, нашла, что въ ней были бѣлила, въ которыхъ, «кромѣ ртути и маргерита», ядовитаго ничего не найдено. Если бы даже эта дѣвушка дѣйствительно отравилась, то это подтвердило бы только, какъ жестоко она была наказана и вообще какъ невыносима была ея жизнь; но причиною ея смерти была вовсе не отрава: по вскрытіи трупа, яда во внутренностяхъ не оказалось, но снаружи на спинѣ нашли антоновъ огонь, повидимому, отъ «пребезмѣрнаго битья» [1]).

Въ 1766 году, въ любимскомъ уѣздѣ, одна дворовая женщина умерла отъ побой; помѣщикъ Тарбѣевъ, которому она принадлежала, былъ взятъ въ воеводскую канцелярію и на допросѣ показалъ, что въ то время, какъ эта женщина была, въ теченіи трехъ недѣль, въ бѣгахъ, въ оставленной ею работѣ нашли какой-то корень. По возвращеніи, она сказала, что корень этотъ называется Петровъ-крестъ; она взяла его у покойнаго сельскаго попа для «приворота» Тарбѣева и его жены, «дабы они къ ней были добры, а между собою союзу не имѣли». Тарбѣевъ не повѣрилъ ея словамъ и, допрашивая ее, билъ плетью. Тогда она показала, что и прежде брала у попа соль, на которую тотъ наговаривалъ, и, по его приказанію, клала въ кушанье. Тарбѣевъ за то, что эта женщина «чинила ему и женѣ его такія отравы, пришедъ въ страхъ, билъ ее полѣномъ и пестомъ съ оковомъ желѣзнымъ, отчего она и умерла, а умыслу къ убивству ея,—по его словамъ,—какъ прежде, такъ и въ то время не имѣлъ» [2]). Въ 1769 году оренбургская помѣщица, вдова генералъ-маіора фонъ-Эттингеръ, приказала своимъ людямъ высѣчь длинными таловыми прутьями своего крестьянина [3]), который и умеръ въ тотъ же день. По словамъ помѣщицы, онъ умеръ не вслѣдствіе наказанія, а оттого, что дѣти и мать его давали ему пить выжатый изъ капусты черный сокъ да холодной воды со льдомъ. Однако, нѣсколько докторовъ, осматривавшихъ тѣло умершаго, нашли, что причиною смерти было «неумѣренное сѣченіе» [4]). Солигалицкая помѣщица Марина за непослушаніе наказывала свою 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку «верховою ѣзжалою плетью» и била головою объ стѣну; отъ этихъ побоевъ дѣвочка вскорѣ умерла [5]). Капитанша, вдова Кашинцова, подвергла свою служанку такому ужасному тѣлесному наказанію, что та повѣсилась. — Жена унтеръ-шихтмейстера Гордѣева такъ истязала свою дворовую, что та скоро умерла [6]). Орловскій помѣщикъ Борзенковъ засѣкъ до смерти плетью двухъ своихъ женщинъ, послѣ чего тѣла ихъ были вытащены дворовыми дѣвушками и брошены въ яму. Борзенковъ, ради своего оправданія, попробовалъ заявить, будто эти женщины хотѣли отравить его какимъ-то зельемъ,

[1]) Арх. Мин. Юст., дѣла сената № 90—4992, л. 157—158.

[2]) Арх. М. Ю., дѣла сената № 106—5009, л. 876—878: Сенатскій Архивъ, именные указы, кн. 128, л. 550—552.

[3]) По ея словамъ, „за подговоръ крѣпостныхъ ея людей къ побѣгу, за наученіе ихъ къ воровству и что онъ воровское продавалъ и изъ побѣгу людей ея явиться не допускалъ“.

[4]) П. С. З. XIX, 13758, указъ 1772 г.

[5]) Арх. Сената, Именн. указы кн. 135, л. 478—479.

[6]) *Соловьевъ*. XXIX, 133.

но никто этого не подтвердилъ [1]. Въ 1775 г. пошехонскій помѣщикъ (ярославской губерніи) Алексѣевъ, находившійся уже въ то время подъ слѣдствіемъ за убійство чужаго крестьянина, побилъ ружьемъ своего крѣпостнаго за то, что онъ принесъ не весь оброкъ, послѣ чего тотъ на другой день умеръ. На повальномъ обыскѣ помѣщики, духовныя лица и крестьяне аттестовали Алексѣева, какъ человѣка «весьма невоздержаннаго и худаго состоянія» [2]).

Ярославскій помѣщикъ, отставной капитанъ Шестаковъ, жившій въ самомъ городѣ Ярославлѣ, въ апрѣлѣ 1779 г. такъ жестоко высѣкъ плетьми своего человѣка, что тотъ былъ отданъ на излѣченіе въ больницу, а самъ Шестаковъ содержался за это подъ карауломъ. Въ августѣ того же года Шестаковъ въ пьяномъ видѣ повалилъ на полъ своего человѣка и немилосердно топталъ его ногами, а потомъ, привязавъ на дворѣ къ столбу, сѣкъ «ѣзжалыми кнутьями». Въ декабрѣ онъ больно высѣкъ плетьми двороваго, потомъ, заковавъ по рукамъ и по ногамъ, посадилъ въ холодную баню, на другой день подвергъ его вторичному наказанію плетьми и затѣмъ вновь посадилъ въ холодную баню. Въ тотъ же день онъ забрался въ комнату къ двумъ другимъ крестьянамъ, хотѣлъ колоть ихъ ножемъ и сѣчь кнутомъ. Тѣ отправились съ жалобою по начальству и при этомъ заявили, что Шестаковъ, будучи всегда пьянъ, «людей своихъ сѣчетъ днемъ и ночью безчеловѣчно» и что онъ только-что два раза жестоко наказалъ своего двороваго. Посланною командою этотъ дворовый былъ доставленъ въ сильномъ жару въ городническое правленіе и оттуда, по освидѣтельствованіи, отправленъ въ больницу. Всѣ свѣдѣнія, собранныя о Шестаковѣ, были не въ его пользу. Его дядя сказалъ, что онъ «обращается завсегда въ пьянствѣ, праздности и роскоши»; оказалось, что, будучи въ своей деревнѣ въ любимскомъ уѣздѣ, Шестаковъ стрѣлялъ изъ окна по драгунской командѣ, находившейся при мѣстномъ земскомъ судѣ, а также по своимъ дворовымъ и крестьянамъ. Нижній земскій судъ любимскаго уѣзда, пріѣхавъ въ деревню Шестакова, по его просьбѣ, для усмиренія крестьянъ, не вынесшихъ его самодурствъ и истязаній, нашелъ Шестакова виновнымъ «въ развратныхъ и непристойныхъ чести его проступкахъ», а при допросѣ дворовыхъ и крестьянъ найдено, что у однихъ помѣщикъ разрубилъ руки ножомъ, у другихъ даже вовсе переломилъ. Тогда судъ только подтвердилъ Шестакову, чтобы онъ порядочно велъ себя и взялъ съ него въ томъ подписку, но онъ, разумѣется, не исправился. Наконецъ, хозяинъ дома, въ которомъ Шестаковъ жилъ въ Ярославлѣ, и трое постороннихъ заявили, что онъ «людей своихъ тирански мучилъ, такъ что все оное по человѣколюбію стороннему слышать ужасно было» [3]).

Курскій помѣщикъ Солодиловъ въ 1781 г., придя ночью въ людскую избу, взялъ ружейное дуло и сталъ сначала самъ бить своего двороваго человѣка, Гончарова, укоряя его въ прежнихъ неоднократныхъ побѣгахъ и притворной болѣзни, а потомъ, по приказанію господина, стали такимъ же образомъ бить Гончарова двѣ дѣвушки. Послѣ того Солодиловъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приказалъ Гончарову придти къ нему и его поцѣловать, а при этомъ спрашивалъ, болитъ ли у него животъ, на что тотъ жаловался уже нѣсколько дней. Гончаровъ отвѣчалъ, что пересталъ болѣть. Тогда господинъ велѣлъ ему сѣсть подлѣ себя, приказалъ поднести имъ обоимъ по чаркѣ вина и потомъ отпустилъ спать. Въ ту же ночь Гончаровъ умеръ. Когда объ этомъ доложили помѣщику, онъ

[1]) Арх. Сената, именн. указы кн. 136, л. 319—320.

[2]) Арх. Сената, именные указы, кн. 149, л. 139—142. Въ томъ же 1775 г. калужская помѣщица Маслова такъ наказала одну женщину, что та умерла. Арх. М. Ю. Дѣла Сената № 649—4220, л. 309—310.

[3]) Арх. Сената, именные указы 1782, кн. 149, л. 462—470.

сказалъ: «вѣчная ему память, Богъ съ нимъ: онъ намъ работалъ!» Потомъ велѣлъ женщинамъ вынести мертвое тѣло въ сарай и поднесъ имъ по стакану вина, приказывая поминать покойнаго [1]). Въ томъ же 1781 г. тверская помѣщица Горина приказала своему человѣку высѣчь при себѣ плетьми одну женщину за кражу сала; на четвертый день послѣ того наказанная родила мертваго младенца, а черезъ 2 недѣли умерла и сама. Въ той же губерніи и въ томъ же году умеръ дворовый человѣкъ отставнаго сержанта Кувшинова отъ побой, нанесенныхъ ему помѣщикомъ [2]).

На Пасхѣ 1785 года, къ тверскому помѣщику, прапорщику Лушникову, пришелъ поздравить его съ праздникомъ крестьянинъ съ женою и невѣсткою, Натальею, которая, по словамъ господина, была тогда не трезва. Похристосовавшись, помѣщикъ пригласилъ ихъ сѣсть и всѣ вмѣстѣ выпили. Потомъ Лушниковъ сталъ высылать ихъ вонъ; крестьянинъ съ женою вышли, а Наталья осталась и помѣщикъ выпилъ съ нею еще. Когда послѣ Лушниковъ сталъ прогонять ее, она ушла, но вскорѣ опять вернулась; господинъ заподозрилъ, «не съ подлогомъ ли какимъ она пришла».—Съ какого умыслу ты пришла и нейдешь вонъ»? сказалъ онъ и началъ бить ее по щекамъ, приговаривая: «никакъ ты еретица и хочешь извести меня»! Потомъ велѣлъ подать себѣ веревку, связалъ несчастной женщинѣ руки и ноги и приказалъ ей, если она не еретица, сказать: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его»; но та съ пьяна или съ испуга ничего не могла выговорить. Когда разсвирѣпѣвшій помѣщикъ началъ бить ее полѣномъ, въ комнату вбѣжалъ мужъ несчастной женщины и просилъ прекратить истязаніе. Господинъ приказалъ ему усовѣщивать жену, чтобы она произнесла молитву, но такъ какъ та продолжала молчать, то онъ выгналъ мужа и вновь принялся за побои, а потомъ, оставивъ ее связанною въ той же комнатѣ, легъ спать. Когда въ ту же ночь собравшіеся крестьяне Лушникова и посторонніе мужики вошли въ комнату, женщина оказалась уже мертвою [3]).

Помѣщики отдавали иногда своихъ крѣпостныхъ въ услуженіе другимъ лицамъ; эти послѣдніе также подвергали своихъ слугъ различнымъ наказаніямъ, доходившимъ иной разъ до настоящихъ пытокъ. Въ 1778 году, одинъ чиновникъ, Родіоновъ, выслужившійся изъ солдатскихъ дѣтей, заподозрилъ въ кражѣ денегъ взятую имъ въ услуженіе 14-лѣтнюю крѣпостную дѣвочку, повидимому вовсе въ томъ невиновную. Родіоновъ нѣсколько разъ наказалъ ее розгами и плетьми и наконецъ, однажды, привязавъ къ скамейкѣ, жестоко высѣкъ, прижигалъ спину зажженными прутьями изъ сухаго вѣника и въ то же время билъ засушенною воловьею кожею. Измученная всѣми этими истязаніями дѣвочка была брошена въ чуланъ. Однако, замѣтивъ вскорѣ, что она очень слаба, Родіоновъ отправилъ ее къ лѣкаркѣ, но та не взялась за лѣченье. Черезъ 2 недѣли дѣвочка умерла; при освидѣтельствованіи трупа найдены были жестокіе обжоги [4]).

Пересматривая этотъ мартирологъ до смерти замученныхъ помѣщиками, мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ представителей господствующаго сословія. Въ нравственномъ отношеніи они гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ имъ приходится властвовать, въ умственномъ — нисколько не выше ихъ: они также вѣрятъ

[1]) Арх. Сената, имен. указы 1785, кн. № 159, л. 280—297.

[2]) Арх. М. Ю., дѣла сената, № 666—4237, л. 266—268.

[3]) Арх. Сената, имен. указы 1787 г., кн. 163, л. 419—427.

[4]) Арх. Сената, имен. указы 1779 г., кн. 142, л. 143—147.

въ колдуновъ, въ то, что посредствомъ какого-нибудь корешка можно «приворожить» человѣка, что «еретица» не можетъ выговорить «да воскреснетъ Богъ». Понятно, что нѣкоторые изъ нихъ держатъ себя за панибрата съ крестьянами: садятъ ихъ рядомъ съ собою, вмѣстѣ пьютъ вино [1]), но тутъ нѣтъ и слѣда трогательной патріархальности, дѣйствительно дружескихъ отношеній. Каждую минуту въ баринѣ могутъ проснуться звѣрскіе инстинкты, угощеніе виномъ можетъ смѣниться безчеловѣчнымъ истязаніемъ. Въ этой атмосферѣ, пропитанной невѣжествомъ, самодурствомъ и развратомъ, росли и дѣти; ихъ даже заставляли иногда участвовать въ истязаніяхъ несчастныхъ рабовъ. Такъ, напр., въ то время, когда солигалицкая помѣщица Марина жестоко наказывала свою 14-лѣтнюю служанку за какое-то непослушаніе, входитъ 12-лѣтній сынъ госпожи; по приказу матери, онъ долженъ былъ ударить пестомъ въ бокъ несчастную дѣвушку.—Не удивительно послѣ этого, что дѣти привыкали смотрѣть на своихъ будущихъ рабовъ, какъ на безсловесныхъ животныхъ.—Нельзя не отмѣтить еще одну интересную черту: во всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ объ истязаніяхъ, окончившихся смертію [2]) (ихъ было 18), половина виновныхъ (9 чел.)—женщинъ. Если припомнить къ тому же кн. Козловскую и Дарью Салтыкову, то нельзя не признать справедливыми словами Массона, что русскія помѣщицы оказывались еще кровожаднѣе мужчинъ; не лишено основанія и его объясненіе. Мужчины были не такъ невѣжественны, потому что большинство изъ нихъ провело часть жизни на службѣ; помѣщицы же обыкновенно весь свой вѣкъ жили среди людей, которыхъ онѣ привыкли считать своею собственностію, съ которыми имѣли возможность расправляться, какъ имъ угодно.

На сколько власть помѣщиковъ наказывать своихъ крестьянъ была неограничена, видно уже изъ того, что въ тогдашнихъ законахъ было совершенно не предусмотрѣно, какому наказанію слѣдуетъ подвергать мучителей и даже тѣхъ, которые своими истязаніями, довели людей до смерти.

Какимъ-же образомъ поступало правительство, когда до свѣдѣнія его доходило, что тотъ или другой помѣщикъ истязалъ своихъ крестьянъ и что даже наказанія кончались смертью? Какъ оно наказывало такихъ по-

[1]) Слѣдуетъ впрочемъ оговориться, что за истязаніе крестьянъ, по всей вѣроятности, попадали подъ судъ только болѣе мелкіе помѣщики; богатые и сильные люди, подобные Куралесову, умѣли запугать всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ или схоронить концы въ воду.

[2]) Объ убійствахъ крѣпостныхъ безъ истязаній будетъ сказано ниже.

мѣщиковъ и какими законами при этомъ руководствовалось? Въ Уложеніи нѣтъ никакого закона, предусматривавшаго смерть крѣпостныхъ отъ жестокаго наказанія [1]), и потому еще въ 1762 году юстицъ-коллегія затруднялась, что дѣлать съ отставнымъ поручикомъ Нестеровымъ, замучившимъ своего крестьянина: она прямо указывала на то, что не было закона, какъ поступать съ помѣщиками, виновными въ такихъ жестокостяхъ. Когда дѣло это перешло въ сенатъ, онъ рѣшился сослать Нестерова на поселеніе въ Нерчинскъ навсегда, а имѣніе его отдать наслѣдникамъ. Какъ непослѣдовательно поступало въ этомъ отношеніи правительство, видно изъ того, что когда, за годъ передъ тѣмъ, главная полиціймейстерская канцелярія приговорила отставнаго маіора Лазарева, засѣкшаго своего крестьянина, только къ церковному покаянію,—сенатъ утвердилъ ея приговоръ [2]).

Чувствовалась большая необходимость въ изданіи особаго закона по этому предмету, на что и было обращено вниманіе въ наказахъ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій; это во-первыхъ ставила на видъ юстицъ-коллегія [3]); главная полиція въ наказѣ своему депутату требовала, чтобы полицейскія власти наблюдали, получаютъ ли крѣпостные служителя достаточную пищу и одежду и не подвергаются ли «увѣчнымъ наказаніямъ»; имъ слѣдуетъ позволить приносить жалобы полиціи съ тѣмъ, чтобы послѣдніе о лицахъ дворянскаго званія докладывали императрицѣ. Главная полиція требовала опредѣленныхъ правилъ по этому предмету: «дабы въ случаѣ преступленія или лишеніемъ власти наказывать слугъ, или штрафомъ и лишеніемъ права крѣпостными владѣть узаконено было» [4]). Еще ранѣе, въ 1761 г., когда отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій собирались указанія, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при со-

[1]) Въ Уложеніи есть только слѣдующее постановленіе объ убійствѣ крѣпостныхъ, виновныхъ въ разбоѣ. „А будетъ который помѣщикъ, сыскавъ у себя разбойниковъ, своихъ людей или крестьянъ побьетъ, не хотя ихъ къ сыску отдати въ губу, укрывая за собою воровъ.... за такое воровство отписати помѣстье и отдати въ раздачу, да на нихъ же велѣть доправити истцовы иски. А будетъ кто такое дѣло учинитъ непомѣстный человѣкъ, и ему за такое воровство учинити жестокое наказаніе, велѣть его бити кнутомъ по торгомъ, да на нихъ же, по тому же, правити истцовы иски" (Улож. гл. XXI, п. 79). Тутъ правительство имѣло только въ виду воспретить помѣщикамъ присвоивать себѣ юрисдикцію въ дѣлахъ о разбоѣ, а не гарантировать вообще крѣпостныхъ отъ жестокихъ истязаній. Въ Уложеніи есть еще постановленіе, запрещающее владѣльцу убить или изувѣчить своего бѣглаго холопа, вновь ему возвращеннаго, но не указано наказанія за нарушеніе этого закона (Улож. гл. XX, п. 92).

[2]) П. С. З. XV, 11450, 11291.

[3]) Арх. II Отд. вяз. 79, № 3, п. 36.

[4]) Арх. II Отд. вяз. 79, № 6, п. 329.

ставленіи новаго уложенія, двѣ воеводскія канцеляріи воронежской губерніи подняли вопросъ объ отсутствіи закона о мучителяхъ-помѣщикахъ. Канцеляріи предлагали слѣдующія правила, въ которыхъ видно вліяніе постановленія воинскаго устава. Если крѣпостной умретъ послѣ наказанія, слѣдуетъ осмотрѣть его съ помощію знающихъ людей и опредѣлить, чѣмъ онъ былъ наказанъ и когда умеръ, «и ежели сыщется, что наказанъ подлинно за вины или за какія продерзости, и не тяжкимъ, яко малою палочкою и прочимъ, чѣмъ не легко смертно убить возможно, притомъ же еще и послѣ наказанія вставъ о себѣ (самъ) пошелъ.... а потомъ умеръ въ тотъ же день, кольми-жъ паче будетъ живъ день, или два, или три, а потомъ умретъ, и онаго въ убивство тому помѣщику не ставить», если же окажется, что умершій битъ топоромъ, кольями, дубиною и т. п. тяжелымъ орудіемъ *и во время побой умеръ*, а тѣмъ болѣе, если убитъ умышленно, въ такомъ случаѣ виновный, «яко убійца, по узаконеннымъ правамъ судится». Само собою разумѣется, что такой законъ служилъ бы только къ оправданію виновныхъ въ истязаніи, такъ какъ далеко не всегда истязуемые умирали тутъ-же подъ ударами [1]).

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ дѣлахъ екатерининскаго времени о засѣченіи и замученіи помѣщиками своихъ крѣпостныхъ было примѣнено только шесть постановленій: четыре изъ Воинскаго устава и два изъ Уложенія. Мы приведемъ ихъ, чтобы видѣть, что за отсутствіемъ закона, прямо предусматривавшаго данный случай, приходилось примѣнять къ дѣлу не совсѣмъ подходящія постановленія.

Въ воинскомъ уставѣ (гл. IV, п. 43) сказано: «когда кто пьянъ напьется и въ пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ не токмо чтобъ въ томъ извиненіемъ прощеніе получилъ, но по винѣ вящшею жестокостію наказанъ имѣетъ быть».—Гл. XIX, п. 154: «кто кого волею и нарочно безъ нужды и безъ смертнаго страху умертвитъ или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, оного кровь паки отмстить и безъ всякой милости оному голову отсѣчь». Въ толкованіи на пунктъ 154 сказано: „судьѣ надлежитъ гораздо смотрѣть, какимъ оружіемъ убитый убитъ или поврежденъ былъ: тѣмъ ли битъ, отъ чего могъ легко умереть, яко топоромъ, кольями, дубиною и пр., или инымъ чѣмъ, яко малыми палочками и прочимъ, чѣмъ не легко смертно убить возможно, въ которомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенное наказаніе произвести невозможно, но на разсмотрѣніе судейское предается. Ежели случится, что нѣкоторый главный подчиненныхъ своихъ за нѣкоторыя причины захочетъ наказать, а такое въ достойной и въ должной его чиновной ревности зло учинится, что наказанный отъ того наказанія умретъ, то вѣдати надлежитъ, что оный главный, по мнѣнію правоучителей, не животомъ, но жестоко имѣетъ быть наказанъ, либо оставленіемъ чина на время и

[1]) Арх. II Отд. вяз. 360, пункты, доставленные отъ провинцій № 5; пункты, учиненные въ 1761 г. въ романовской и бѣлоколодской канцеляріяхъ, п. 9.

службою рядовымъ, денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ». Артикулъ 158-й Воинскаго устава: «ежели учинится смертный убой, хотя не нарочно и не волею, чтобъ кого убить или поранить, однако-жъ сочинитель того виновенъ есть, понеже убивство отъ того произошло, и тако наказаніе исполнится надъ виновнымъ по дѣлу и состоянію онаго, и какую вину въ томъ имѣетъ: или тюрьмою, денежнымъ наказаніемъ, шпицрутеномъ или сему подобнымъ»; а въ толкованіи на этотъ пунктъ сказано: «если солдатъ, стрѣляя въ цѣль, нечаянно кого убьетъ, «въ семъ случаѣ можно виноватому церковное покаяніе возложить купно съ другими наказаніями». Толк. на артикулъ 163: «ежели убивство учинится ненарочно или въ ненамѣреніи кого умертвить, яко бы кто похотѣлъ жену свою или дитя наказать и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ, а ежели умышленное убивство будетъ, тогда убійца имѣетъ мечемъ наказанъ быть» [1]). Наконецъ, 21-й главы Уложенія пунктъ 71-й: «а убьетъ сынъ боярскій... или прикащикъ чьего крестьянина, а съ пытки тотъ убійца въ томъ убійствѣ учнетъ говорить, что онъ убилъ въ дракѣ, а не съ умышленіемъ или пьянымъ дѣломъ, такихъ убійцъ сажати въ тюрьму до государева указу, а смертью не казнити». П. 72. «А кто кого убьетъ съ умышленія и сыщется про то допряма, что съ умышленія убитъ, и такова убійцу казнити смертію».

Посмотримъ теперь, какъ примѣнялись къ дѣлу эти законы. Въ приговорѣ по дѣлу тайной совѣтницы Ефремовой сенатъ сослался на 154 и 158 пункты Воинскаго устава. Не находя по обстоятельствамъ дѣла, чтобы Ефремова имѣла умыселъ убить свою дѣвку, сенатъ рѣшилъ предать ее церковному покаянію, и императрица утвердила это рѣшеніе [2]). Нужно замѣтить, что наказаніе это не соотвѣтствовало тѣмъ постановленіямъ, на которыхъ оно основано: толкованіе на 158 пунктъ Воинскаго устава разрѣшаетъ подвергать виновнаго церковному покаянію лишь «купно» съ другими наказаніями, а вовсе не дозволяетъ довольствоваться однимъ покаяніемъ.

Весьма странно рѣшено было калужскою палатою уголовнаго суда дѣло о помѣщицѣ Масловой. Вмѣстѣ съ нею были отданы подъ судъ двое дворовыхъ людей, производившихъ по ея приказу наказаніе. Палата нашла, что Маслова не изобличена въ томъ, чтобы она приказывала дворовымъ засѣчь эту женщину до смерти; не доказано также, чтобы она присутствовала при этомъ наказаніи. Поэтому палата рѣшила предать это происшествіе волѣ Божіей. Но однако же велѣла дворовымъ людямъ, «дабы они впредь во исполненіи госпожи своей приказаній были осмотрительнѣе, учинить, на основаніи воинскаго устава 158 артикула толко-

[1]) П. С. З. V, 3006.

[2]) На сколько времени опредѣлялось церковное покаяніе, видно изъ дѣла Гориной: синодъ приговорилъ ее къ эпитиміи на 5 лѣтъ, въ томъ числѣ полгода въ монастырѣ, а остальное время въ своемъ домѣ, подъ присмотромъ духовника. Отставной сержантъ Кувшиновъ, приговоренный къ такой же эпитиміи, долженъ былъ годъ выжить въ монастырѣ.

ванія, въ страхъ другимъ, въ сельцѣ Почуевѣ наказаніе плетьми и отдать въ вотчину». Ассесоршу же Маслову за то, что она не опредѣлила, какъ велико должно быть наказаніе, хотя она «въ томъ, чтобы имѣла намѣреніе означенную женку засѣчь до смерти и не изобличена, но можетъ быть иногда (!?) сіе отъ того ея неосторожнаго приказанія произошло, предать, по силѣ того-жъ 158 артикула толкованія, церковному покаянію». Вотъ по истинѣ неожиданное рѣшеніе: дворовые люди наказываютъ женщину *по приказанію помѣщицы*; судъ не находитъ, чтобы у нея было намѣреніе до смерти засѣчь эту женщину, но точно также не видитъ такого умысла и у дворовыхъ, а между тѣмъ дворовыхъ, дѣйствовавшихъ не по своей волѣ, наказываютъ за это плетьми, а сама помѣщица отдѣлывается только церковнымъ покаяніемъ; и два столь разнородныхъ приговора основываются на одномъ и томъ же пунктѣ воинскаго устава. И генералъ-губернаторъ Михаилъ Кречетниковъ утверждаетъ такое рѣшеніе!... Вотъ до какихъ несправедливостей доходило правительство въ эту эпоху преобладающаго вліянія дворянства въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходилось затрогивать гнойныя язвы крѣпостнаго права. Относительно генеральши Эттингеръ сенатъ нашелъ, что хотя она неумышленно убила крестьянина, однако совершенно оправдать ее нельзя, и продлагалъ (на основаніи 154 и 158 пунктовъ воинскаго устава) заключить ее въ тюрьму на мѣсяцъ, а затѣмъ предать публичному покаянію по правиламъ лютеранскаго исповѣданія, съ обязательствомъ, чтобы она впредь своихъ людей и крестьянъ такъ безчеловѣчно не наказывала. Но императрица не сразу утвердила докладъ сената, а обратила его вниманіе на то, что генеральша Эттингеръ наказывала своего крестьянина за побѣги и воровство, т. е. за такія преступленія, которыя подлежатъ вѣдѣнію «городской юстиціи», а власть судейская должна быть охраняема отъ «особенныхъ вступленій» въ нее. Тогда сенатъ (на основаніи 79 пункта 21 главы Уложенія), за непредставленіе крестьянина въ гражданскій судъ, предложилъ, сверхъ тюремнаго заключенія и покаянія, конфисковать все имѣніе Эттингерши, а чтобы и другіе владѣльцы не вступались въ неподлежащія имъ дѣла, то сообщить о томъ въ коммиссію уложенія для составленія о томъ закона (такъ какъ кромѣ упомянутаго пункта Уложенія объ этомъ не было никакого точнаго постановленія). Однако императрица утвердила первый сенатскій докладъ; слѣдовательно Эттингерша была заключена на мѣсяцъ въ тюрьму и подвергнута публичному покаянію. Что же касается до сообщенія въ коммиссію уложенія, то, соглашаясь съ представленіемъ объ этомъ сената, императрица прибавила, что коммиссія дол-

жна «и о томъ положеніе сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ». Однако никакого такого закона въ царствованіе Екатерины издано не было. Любопытно, что, по мнѣнію императрицы, дѣла о побѣгѣ крѣпостныхъ и воровствѣ не должны подлежать вѣдѣнію помѣщиковъ [1]). На этотъ разъ правительство было по прежнему непослѣдовательно: между тѣмъ какъ Эттингерша была присуждена къ мѣсячному тюремному заключенію и покаянію, Ефремова за совершенно такое же преступленіе подверглась только церковной эпитиміи. Это объясняется конечно не тѣмъ, что въ четыре года, протекшіе между этими двумя приговорами, правительство стало строже карать за истязанія крѣпостныхъ, а просто большими связями у Ефремовой въ Петербургѣ.

Еще сильнѣе былъ наказанъ Тарбѣевъ. Сенатъ нашелъ, что, хотя и у него повидимому не было умысла къ убійству, но всетаки оно произошло «по жестокосердію и невоздержности его отъ необыкновеннаго наказанія». Онъ долженъ былъ о мнимой отравѣ объявить въ судебномъ мѣстѣ. Поэтому сенатъ предлагалъ лишить его дворянства и чиновъ, а вмѣсто тюремнаго наказанія сослать на житье въ дальній монастырь и содержать тамъ изъ доходовъ съ деревень, которыя отдать законнымъ наслѣдникамъ. Однако императрица рѣшила иначе: она приказала, лишивъ Тарбѣева чиновъ, заключить его на полгода для покаянія въ монастырь, при чемъ первый мѣсяцъ содержать на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ сослать въ Нерчинскъ для опредѣленія «въ простую службу по способности». Такое наказаніе дѣйствительно соотвѣтствовало 154 пункту воинскаго устава, въ которомъ, въ числѣ другихъ наказаній, упоминается о лишеніи чина и разжалованіи въ солдаты.

Дѣло Тарбѣева представляетъ одинъ изъ тѣхъ, весьма рѣдкихъ случаевъ, когда императрица усилила наказаніе, предложенное сенатомъ; мы знаемъ еще только одинъ такой случай въ процессѣ Лушникова (который убилъ женщину, потому что она не произнесла «да воскреснетъ богъ»). Сенатъ, принявъ во вниманіе, что убійство было совершено «въ пьянствѣ и по суевѣрію, съ невѣжествомъ сопряженному», предложилъ лишить Лушникова чиновъ и дворянскаго достоинства и сослать на поселеніе, но императрица рѣшила: «державъ на хлѣбѣ и водѣ цѣлую недѣлю, предать церковному покаянію на полгода и потомъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь въ каторжную работу безъ срока».—Обыкновенно императрица смягчала наказаніе. Нужно замѣтить еще, что до изданія

[1]) П. С. З. XIX, № 13.516, 13.758.

дворянской грамоты сенатъ въ трехъ случаяхъ предлагалъ вмѣстѣ съ вѣчной каторгой—наказаніе кнутомъ и вырѣзаніе ноздрей, но императрица, если и назначала каторгу, то во всякомъ случаѣ безъ тѣлеснаго наказанія и изувѣченія. Послѣ изданія дворянской грамоты сенатъ пересталъ дѣлать такія предложенія; такъ въ 15 п. грамоты было сказано: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать непригодность законовъ Воинскаго Устава и Уложенія въ дѣлахъ о смерти крѣпостныхъ отъ истязаній и частое несоотвѣтствіе приговоровъ съ этими законами. Теперь мы представимъ сводъ рѣшеній по всѣмъ извѣстнымъ намъ 18 дѣламъ о помѣщикахъ, до смерти замучившихъ своихъ людей.

Исключительно къ церковному покаянію были приговорены 4 женщины и 1 мужчина, а именно: тайная совѣтница Ефремова, вдова капитана Кашинцева (на 6 недѣль въ монастырь), калужская помѣщица Маслова [1], Горина (пять лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ $1/2$ года въ монастырѣ) и отставной сержантъ Кувшиновъ (5 лѣтъ покаянія, въ томъ числѣ годъ въ монастырѣ). Двѣ женщины были приговорены на мѣсяцъ въ тюрьму и къ церковному покаянію: генеральша Эттингеръ и жена унтершихтмейстера Гордѣева.—Солигалицкую помѣщицу Марину, которая приказала своему сыну помочь ей въ расправѣ съ крѣпостною дѣвочкой, императрица приказала посадить на 6 недѣль на хлѣбъ и на воду, затѣмъ сослать въ женскій монастырь на годъ въ работу, а послѣ того освободить съ обязательствомъ, чтобы она впредь отъ подобныхъ поступковъ воздерживалась; во время пребыванія въ монастырѣ давать ей пищу и одежду изъ доходовъ съ деревень, которыя на это время поручить въ управленіе родственникамъ; имъ же слѣдуетъ передать и сына Мариной съ подтвержденіемъ, «чтобы онъ ни до какихъ непристойностей допущенъ не былъ, а обучаемъ былъ наукамъ по его склонности». — Орловскаго помѣщика, оставнаго подпоручика Борзенкова, засѣкшаго плетью двухъ женщинъ, императрица, снисходя къ его старости (около 60 л.), приказала вмѣсто вѣчной каторжной работы, предложенной сенатомъ, лишить чиновъ и заключить пожизненно для покаянія въ монастырь, содержа первый мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ.—Помѣщика Тарбеева, замучившаго одну женщину по подозрѣнію въ «привороте» какимъ-то корешкомъ, императрица приказала, лишивъ чиновъ, заключить на $1/2$ года для покаянія въ монастырь, на хлѣбѣ и водѣ, а потомъ сослать въ Нерчинскъ для опредѣленія въ «простую

[1]) Арх. М. Ю. Дѣла Сената № 649—4220, л. 309—310.

службу».—Подпоручицу Рудину, замучившую одну крѣпостную женщину, императрица велѣла, продержавъ недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, предать церковному показанію на $1/2$ года, а потомъ, лиша дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе [1]). — Помѣщика ярославской губерніи Шестакова, совершившаго цѣлый рядъ безчеловѣчныхъ поступковъ, приказано было продержать 4 недѣли на хлѣбѣ и водѣ, потомъ предать на $1/2$ года церковному покаянію и наконецъ, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь на поселеніе навсегда. Смоленскаго шляхтича Высоцкаго, который не только истязалъ цѣлое семейство, но даже пыталъ женщину раскаленнымъ желѣзомъ, велѣно было лишить шляхетства, не называть болѣе прежнею фамиліею, вывести на эшафотъ и положить на плаху, а потомъ, вмѣсто смертной казни, заклеймить на лбу первою буквою слова «убійца» и сослать въ каторжную работу безъ срока. Курскаго помѣщика Солодилова и тверскаго Лушникова императрица приказала, лиша чиновъ и дворянства, выдержать недѣлю на хлѣбѣ и водѣ, предать на $1/2$ года церковному покаянію, а потомъ сослать въ Сибирь въ вѣчную каторжную работу. Пошехонскій дворянинъ Алексѣевъ, за истязаніе до смерти своего крѣпостнаго и убійство чужаго крестьянина, былъ лишенъ чиновъ и дворянства, заклейменъ на лбу и затѣмъ сосланъ въ вѣчную каторгу. Наконецъ о Родіоновѣ, замучившемъ взятую имъ въ услуженіе 14-лѣтнюю дѣвочку, императрица положила такую резолюцію: «какъ сей преступникъ въ противность законовъ, коихъ не могъ онъ не вѣдать, яко человѣкъ, у дѣлъ находившійся, дерзнулъ присвоить себѣ власть, вышнему мѣсту предоставленную, распросомъ надъ малолѣтнею дѣвкою, произведеннымъ съ крайнею суровостію и мучительствомъ, отъ которыхъ и смерть ей приключилась, то за сіи злодѣянія, лиша его чиновъ, поставить на лбу знакъ первою буквою слова «убійца», а потомъ сослать на вѣчную работу».—И такъ были приговорены исключительно къ церковному показанію 5 чел. (въ томъ числѣ 4 женщины), затѣмъ, если не считать побочныхъ каръ: на мѣсяцъ въ тюрьму 2 женщины, на 6 недѣль на хлѣбъ и воду и на одинъ годъ въ монастырь въ работу одна женщина, къ пожизненному покаянію въ монастырѣ 1 мужчина, къ «простой службѣ» въ Нерчинскѣ—одинъ, на вѣчное поселеніе—2 (въ томъ числѣ 1 женщина), къ вѣчной каторжной работѣ—5.

Намъ остается сказать еще о судьбѣ одного подсудимаго, рыбинскаго помѣщика Бакунина, замучившаго крѣпостную женщину. Въ уѣздномъ

[1]) Арх. Сената; именные указы 1795 г., кн. 179, лл. 209—217.

судѣ онъ заявилъ, что совершилъ преступленіе «въ меланхолическомъ безпамятствѣ". Сосѣдніе дворяне, по пословицѣ «рука руку моетъ», засвидѣтельствовали, что не разъ видали Бакунина въ безпамятствѣ и сумашествіи; городническое же правленіе, подъ надзоръ котораго онъ былъ отданъ, отозвалось о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно здоровомъ. Дѣло было передано къ ярославскій совѣстный судъ, который призналъ, что истязаніе было совершено въ безпамятствѣ, что тутъ нельзя видѣть умышленнаго убійства, но такъ какъ находящее на Бакунина безумство «бываетъ съ нѣкоторою отмѣнною суровостію, сопряженною съ тиранствомъ къ человѣчеству, а особливо къ его подвластнымъ», то слѣдуетъ помѣстить его въ домъ сумашедшихъ, а имѣніе отдать подъ опеку. Генералъ-губернаторъ Мельгуновъ, недовольный такимъ рѣшеніемъ, потребовалъ къ себѣ всю переписку по этому дѣлу и отослалъ ее въ сенатъ съ мнѣніемъ, что Бакунинъ неправильно признанъ больнымъ. Между тѣмъ опекуншею надъ имѣніемъ преступника была сдѣлана его жена, а самъ онъ, за неимѣніемъ въ то время въ Ярославлѣ сумашедшаго дома, посаженъ на гауптвахту, гдѣ постоянно пьянствовалъ съ караульными солдатами. Однако, черезъ полгода послѣ совершенія преступленія, члены приказа общественнаго призрѣнія, подвергнувъ Бакунина испытанію, нашли, что онъ совершенно здоровъ, и потому Мельгуновъ приказалъ содержать его подъ стражей до полученія сенатскаго указа. Въ слѣдующемъ (1780) году сенатъ далъ знать, что Бакунина слѣдуетъ содержать въ домѣ умалишенныхъ; если же онъ выздоровѣетъ, то прислать объ этомъ донесеніе. Бакунинъ пробылъ въ сумашедшемъ домѣ 30 лѣтъ, до 1810 г., когда, по его прошенію, императоръ Александръ приказалъ его освободить съ тѣмъ, чтобы, живя въ своей деревнѣ, онъ состоялъ «по лицу его и имуществу подъ точнымъ и неослабнымъ опекунскимъ надзоромъ» [1]).

Не смотря на то, что правительство во многихъ случаяхъ относилось къ помѣщикамъ, истязавшимъ своихъ крестьянъ, болѣе чѣмъ снисходительно, нѣкоторые изъ нихъ еще выражали неудовольствіе, если противъ нихъ начинали преслѣдованіе. Такую претензію обнаружилъ помѣщикъ Карташевъ (см. выше), когда владимірскій и костромской генералъ-губер-

[1]) Русск. Архивъ 1876, № 11, стр. 329—334. Г. Трефолевъ, пересказавшій дѣло Бакунина, замѣчаетъ, что „изъ одной ярославской губерніи сослано было въ Сибирь нѣсколько дворянъ за жестокое обращеніе съ крестьянами и дворовыми". Нужно думать, что это объясняется дѣятельнымъ преслѣдованіемъ такихъ преступленій со стороны генералъ-губернатора Мельгунова, какъ извѣстно, желавшаго улучшенія быта крѣпостныхъ; изъ дѣла Салтычихи мы увидимъ, что не вездѣ правительственныя власти оказывались столь же бдительными.

наторъ гр. Салтыковъ отдалъ его подъ судъ. Послѣ того какъ въ 1785 году крестьяне Карташева подали гр. Салтыкову жалобу, «на тиранскіе и безчеловѣчные» поступки помѣщика, генералъ-губернаторъ приказалъ переяславскому нижнему земскому суду произвести повальный обыскъ въ селеніяхъ, окружающихъ имѣніе Карташева, а самого его немедленно обязать подпискою, чтобы, до окончанія дѣла, онъ отнюдь не наказывалъ крестьянъ, если же они въ чемъ нибудь провинятся, то представлялъ бы на усмотрѣніе суда [1]. Что обнаружилось посредствомъ слѣдствія и повальнаго обыска, мы уже знаемъ. Слѣдственное дѣло было передано для рѣшенія въ переяславскій уѣздный судъ, но онъ въ теченіи $3^1/_2$ мѣсяцевъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ дѣятельности. Тогда генералъ-губернаторъ отдалъ членовъ его подъ судъ; они найдены были виновными и приговорены къ штрафу въ 500 рублей, но подошли подъ милостивый манифестъ и поплатились только отрѣшеніемъ отъ должности. Между тѣмъ, посаженный подъ арестъ Карташевъ обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ, и она приказала генералъ-прокурору рѣшить это дѣло немедленно по закону «людьми, на коихъ Карташевъ зазрѣнія не имѣетъ», а до тѣхъ поръ его освободить; имѣніе его, до произнесенія окончательнаго приговора, оставить въ вѣдѣніи дворянской опеки, а собираемые съ него доходы отдавать въ пользу помѣщика и его семейства. Карташевъ, ободренный освобожденіемъ изъ-подъ ареста, рѣшился изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, и въ 1787 г. подалъ въ сенатъ жалобу на Салтыкова за то, что онъ принялъ на него доносъ отъ его бѣглаго крестьянина, который будто бы его обокралъ; онъ жаловался также, что никакихъ доходовъ со своихъ деревень не получаетъ. На запросъ обо всемъ этомъ отъ сената, Салтыковъ отвѣчалъ, что онъ принялъ жалобу крестьянъ, такъ какъ по учрежденіямъ о губерніяхъ государевъ намѣстникъ есть «заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ», и такъ какъ онъ долженъ прекращать всякія злоупотребленія, а особенно «безпутство, мотовство, тиранство и жестокость», [2] и затѣмъ разсказалъ все дѣло со всѣми ужасными подробностями, добытыми слѣдствіемъ. Получивъ этотъ отвѣтъ въ концѣ 1789 года и узнавъ, что Карташевъ находится въ Петербургѣ, сенатъ приказалъ немедленно выслать его во Владиміръ, а новому

[1] Несчастную женщину, больную и согнувшуюся отъ побоевъ, нанесенныхъ ей Карташевымъ, гр. Салтыковъ приказалъ отослать на счетъ помѣщика въ больницу приказа общественнаго призрѣнія.

[2] П. С. З. XX, 14392, гл. IV.

намѣстнику Заборовскому поручилъ позаботиться объ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла. Такимъ образомъ процессъ, начатый въ 1785 году, не былъ рѣшенъ еще черезъ четыре года, и при томъ надѣлалъ хлопотъ Салтыкову, которому пришлось оправдываться передъ сенатомъ. При такихъ условіяхъ, едва-ли у многихъ генералъ-губернаторовъ была охота вмѣшиваться въ отношенія между помѣщиками и крестьянами [1]).

Какъ мало вниманія обращала администрація на всѣ ужасныя истязанія, которыя приходилось выносить крѣпостнымъ отъ своихъ господъ, всего лучше видно изъ дѣла Дарьи Салтыковой, такъ называемой Салтычихи. Хотя большая часть ея злодѣйствъ были совершены въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III, но мы все таки должны сказать объ ней нѣсколько словъ, какъ потому, что ея дѣянія продолжались и въ первое время екатерининскаго царствованія, такъ и потому, что къ этому времени относится все судопроизводство по ея дѣлу.

Въ 1756 г. Салтыкова овдовѣла, и съ этого времени до 1762 г. она непрестанно мучаетъ своихъ людей, преимущественно женщинъ и дѣвушекъ, а иногда и мужчинъ [2]). Она собственноручно била ихъ скалкою, валькомъ, палкою, полѣньями, утюгомъ, плетью, кнутомъ, поджигала на головѣ волосы, брала за уши раскаленными щипцами, лила на лице горячую воду, била головою объ стѣну. По ея приказанію конюхи наказывали дворовыхъ комлями отъ розогъ, батогами, плетьми, кнутьями. Она обривала своимъ людямъ голову, надѣвала колодки и въ такомъ видѣ приказывала имъ работать; зимою послѣ наказанія выставляла босыхъ людей на морозъ, морила голодомъ. Всѣ эти истязанія вызывались не какими нибудь серьезными проступками: всего чаще Салтыкова наказывала за нечистое мытье бѣлья и половъ. И это дѣлалось не въ какой нибудь глуши, а въ самой Москвѣ, гдѣ Салтыкова проводила большую часть года, или въ ея подмосковномъ селѣ Троицкомъ, въ которомъ она жила лѣтомъ. Упомянемъ о двухъ—трехъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Дворового Хрисанфа Андреева помѣщица сама била ѣзжалымъ кнутомъ, потомъ велѣла его дядѣ продолжать наказаніе; всю ночь наказанный простоялъ на морозѣ; послѣ того Салтыкова еще сама била его палкою, приказала принести раскаленные щипцы, хватала имъ Хрисанфа за уши, лила ему на голову и лице горячую воду; даже и послѣ того, какъ онъ упалъ, она продолжала еще колотить его. Послѣ всѣхъ этихъ истязаній она отправила его еле живаго изъ Москвы въ свое подмосковное имѣніе; на дорогѣ онъ умеръ. Дворовую дѣвушку, Петрову,

[1]) Арх. Мин. Юст., дѣла Сената I Деп. № 875—4446, л. 273—288.

[2]) Мужъ ея также жестоко обращался съ людьми; мы знаемъ, что по его приказанію была засѣчена одна женщина.

она забила до смерти въ одномъ изъ своихъ имѣній, на возвратномъ пути съ поѣздки на богомолье въ Кіевъ, (значитъ и Салтыкова, какъ многіе подобные изверги, отличалась набожностью [1]). Прежде всего она сама побила ее скалкою за нечистое мытье половъ; потомъ конюхъ, по приказанію Салтыковой, билъ ее ѣзжалымъ кнутомъ и наконецъ ударами кнута загнали въ прудъ (дѣло было въ октябрѣ мѣсяцѣ); продержавъ нѣсколько времени по горло въ водѣ, Салтыкова вновь заставила ее мыть полъ, но ослабѣвшая отъ мученій дѣвушка не могла исполнить приказанія; за то Салтыкова съ помощью своего гайдука еще побила ее такъ, что та къ вечеру умерла.—Другая женщина во время наказанія розгами и батогами выкинула мертваго младенца, и вслѣдъ затѣмъ умерла и сама. Когда наказывали батогами Прасковью Ларіонову, Салтыкова кричала: «бейте до смерти, я сама въ отвѣтѣ и никого не боюсь, хотя отъ вотчинъ своихъ отстать готова. Никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ». Ларіонову забили до смерти. Когда тѣло ее повезли изъ Москвы, на него посадили груднаго младенца убитой, который по дорогѣ замерзъ на трупѣ матери. Одна женщина умерла въ то самое время, какъ Салтыкова колотила ее скалкою и полѣномъ. У многихъ послѣ наказанія были выдраны волосы, голова проломлена и спина гнила [2]).

Не однимъ впрочемъ дворовымъ дурно жилось у Салтыковой: сосѣдніе экономическіе крестьяне на повальномъ обыскѣ показали, что Салтыкова «посылаетъ своихъ крестьянъ на работу, не давая имъ никакого пропитанія, и тѣ.... ходятъ и кормятся мірскимъ подаяніемъ».

Умершихъ отъ истязаній хоронили или въ Москвѣ, если на то соглашался священникъ, или отвозили въ село Троицкое, обыкновенно ночью, прикрывъ сѣномъ или чѣмъ нибудь другимъ. Если сельскій священникъ не соглашался хоронить, Салтыкова призывала его къ себѣ, и дѣло обыкновенно улаживалось ко взаимному удовольствію; въ противномъ случаѣ просто зарывали трупъ внѣ кладбища. Если московскій священникъ отказывался хоронить, подавали объявленіе, что женщина умерла безъ покаянія, что къ исповѣди былъ званъ приходскій попъ, но онъ не тотчасъ пришелъ и не засталъ ее въ живыхъ. Иногда, послѣ того какъ какая нибудь дѣвушка умирала отъ истязаній, заявляли полиціи, что она бѣжала. Салтыкова, имѣвшая большія связи, кромѣ того задаривавшая деньгами, припасами и иногда даже своими крѣпостными людьми различныхъ чиновниковъ, была вполнѣ увѣрена, что ей все безнаказанно сойдетъ съ рукъ. «Вы мнѣ ничего не сдѣлаете», говорила она тѣмъ, которые рѣшались на нее жаловаться: «сколько вамъ ни до-

[1]) О набожности Салтычихи свидѣтельствуетъ и Passenans, I, 124.

[2]) Одинъ разъ Салтыкова принуждала своихъ людей къ совершенію преступленія: она задумала отмстить покинувшему ее любовнику, землемѣру Тютчеву, который хотѣлъ жениться на другой, и заставляла своихъ людей сначала поджечь домъ, гдѣ находился Тютчевъ со своей невѣстой, а въ другой разъ подстеречь его на дорогѣ и убить. На первое люди Салтыковой не рѣшились, и за то конечно были наказаны, а о второмъ Тютчевъ былъ во время предупрежденъ.

носить, мнѣ они все ничего не сдѣлаютъ и меня на васъ не промѣняютъ». И дѣйствительно, если кто изъ дворовыхъ подавалъ на нее доносъ, Салтыкова заявляла, что онъ бѣжалъ отъ нея, остальные люди изъ страха давали невѣрныя показанія, и его, какъ ложнаго доносчика, наказывали кнутомъ и затѣмъ ссылали въ Сибирь или вновь возвращали госпожѣ. Во время подачи такихъ доносовъ Салтыкова усердно посѣщала начальника полицмейстерской канцеляріи Молчанова и задаривала его взятками. *Двадцать одинъ разъ* начиналось такимъ образомъ дѣло о Салтыковой и всякій разъ прекращалось безъ всякихъ для нея послѣдствій.

Наконецъ лѣтомъ 1762 г. двумъ дворовымъ Салтыковой, Савелью Мартынову и Николаю Ильину, удалось подать императрицѣ челобитную на свою госпожу; ихъ прошеніе было отправлено въ юстицъ-коллегію для производства слѣдствія. Въ декабрѣ 1762 г. государынѣ была подана новая челобитная отъ имени 40 человѣкъ крестьянъ Салтыковой, арестованныхъ уже для снятія съ нихъ наказаній. Они заявляли, что хотя юстицъ-коллегіи велѣно произвести слѣдствіе объ убійствахъ, совершаемыхъ помѣщицею, но коллегія все ея не допрашиваетъ, будто бы по болѣзни, между тѣмъ она вполнѣ здорова и по прежнему мучаетъ своихъ людей; они же челобитчики, все содержатся подъ карауломъ, не получая кормовыхъ денегъ. Сенатъ предписалъ юстицъ-коллегіи поскорѣе разсмотрѣть это дѣло. Подателямъ челобитной грозило наказаніе за то, что они вручили ее самой императрицѣ, не смотря на запрещавшій это указъ 2 декабря 1762, но такъ какъ челобитная была подана лишь нѣсколько дней послѣ изданія указа, то сенатъ нашелъ, что арестованные люди Салтыковой могли не знать о его существованіи [1]). Не прошло еще и мѣсяца послѣ того, какъ отъ имени двухъ дворовыхъ, подававшихъ челобитную лѣтомъ 1762, было подано императрицѣ новое прошеніе, въ которомъ они заявляли, что прежде полиція и сыскной приказъ изъ лихоимства скрывали всѣ убійства, совершенныя ихъ госпожею, что послѣ подачи ими челобитной ихъ хотѣли отослать назадъ къ помѣщицѣ, и наконецъ просили донесеніе, поданное ими на госпожу, взять отъ генералъ-прокурора Глѣбова, такъ какъ онъ знакомъ съ ихъ помѣщицею, и произвести изслѣдованіе по ихъ дѣлу. Тогда сенатъ за то, что челобитчики, несмотря на запретительные указы, осмѣлились утруждать императрицу по

[1]) Арх. М. Ю.; журн. и протоколы сената до раздѣл. на департ. № 1010—3493, л. 29, 33.

дѣлу, о которомъ юстицъ-коллегіи уже приказано произвести слѣдствіе, велѣлъ публично наказать ихъ плетьми [1]).

Крѣпостнымъ Салтыковой долго еще приходилось ожидать окончанія этого дѣла: оно тянулось цѣлыхъ 6 лѣтъ. Юстицъ-коллегія, допросивъ Салтыкову и ея людей, въ виду того, что первая во всемъ заперлась, вошла съ представленіемъ (въ ноябрѣ 1763 г.) въ петербургскую контору сената, что ее, «яко оказавшуюся въ смертныхъ убивствахъ весьма подозрительною... во изысканіе истины надлежитъ пытать». Императрица приказала объявить объ этомъ Салтыковой, опредѣлить къ ней знающаго священника, чтобы онъ увѣщевалъ ее и приготовилъ къ пыткѣ, потомъ для устрашенія ея пытать приговореннаго къ пыткѣ преступника, и если и тогда не покается, то вновь доложить императрицѣ. Все это было выполнено, но увѣщанія священника въ теченіи цѣлаго мѣсяца остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; не произвела никакого впечатлѣнія и пытка, да этого странно было и ожидать послѣ того, какъ Салтыкова сама шесть лѣтъ занималась постоянными истязаніями. Императрица все еще сомнѣвалась, «довольно ли имѣется къ обличенію Салтыковой свидѣтельствъ», и приказала произвести о ней повальный обыскъ, если его сдѣлано не было. Произвели въ Москвѣ около ея дома и въ селѣ Троицкомъ новое подробное изслѣдованіе, результаты котораго были для нея разумѣется весьма неблагопріятны; вытребовали и старыя дѣла, производившіяся въ различныхъ московскихъ учрежденіяхъ по доносамъ крѣпостныхъ Салтыковой.

Люди Салтыковой обвиняли ее въ убійствѣ или въ смерти отъ *побой* 75 человѣкъ; юстицъ-коллегія *положительно обвинила Салтыкову въ убійствѣ 38 человѣкъ, оставила въ подозрѣніи въ убійствѣ 26 лицъ*, оправдала по одному случаю, не приписала ей смерти 10 человѣкъ. Изъ числа 38 убитыхъ было только трое мужчинъ, остальныя все женщины и дѣвушки (въ томъ числѣ двѣ дѣвочки 11 — 12 лѣтъ) [2]).

Хотя Салтыкова ни въ чемъ не созналась, императрица приказала произнести приговоръ, не дѣлая пытокъ ни ей, ни ея людямъ, такъ какъ она довольно обличена показаніями свидѣтелей и повальнымъ обыскомъ. Юстицъ-коллегія присудила: Салтыковой отсѣчь голову и тѣло поло-

[1]) Ibid № 1010—3493, л. 386, ср. л. 319.

[2]) Списокъ ихъ напечатанъ въ статьѣ г. Студенкина. „Русская Старина“ 1874 г. т. X, стр. 526 — 528. Между тѣмъ въ сенатскомъ докладѣ, поданномъ императрицѣ, сказано: „коллегія несумнѣнно признала, что 45 человѣкамъ отъ безчеловѣчныхъ ея побой смерть послѣдовала“. Архивъ сената, Именные указы, кн. № 125, л. 418—424.

жить на колесо. Сенатъ, на основаніи указа импер. Елизаветы, предложилъ, наказавъ преступницу кнутомъ, сослать ее въ каторжную работу въ Нерчинскъ, но императрица измѣнила этотъ приговоръ и 2 октября 1768 г. рѣшила: лишить Салтыкову дворянскаго званія и называть просто Дарьей Николаевой, выставить въ Москвѣ на эшафотѣ къ столбу съ надписью «мучительница и душегубица», продержать ее такимъ образомъ цѣлый часъ, затѣмъ, надѣвъ на нее оковы, отвезти въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, подлѣ какой нибудь церкви посадить въ нарочно сдѣланную темную подземную тюрьму и содержать ее тамъ до смерти. Имѣніе ея велѣно было передать дѣтямъ. Черезъ двѣ недѣли приговоръ этотъ былъ исполненъ.

Обвинены были впрочемъ не одна Салтыкова, а кромѣ того двое мужчинъ и двое женщинъ, которые «въ смертныхъ убивствахъ были сообщниками и мертвыя тѣла свозили для погребенія въ село Троицкое», староста, который ихъ хоронилъ, служитель Зотовъ, подававшій въ съѣзжемъ дворѣ лживыя объявленія, будто бы умершіе люди умерли отъ болѣзней, священникъ села Троицкаго, погребавшій тѣла завѣдомо замученныхъ людей; въ число обвиненныхъ попалъ еще одинъ крѣпостной Салтыковой за ложный доносъ [1]), итого 6 мужчинъ и 2 женщины. Всѣ они были присуждены къ наказанію кнутомъ (при чемъ мужчинамъ, кромѣ священника, были вырѣзаны ноздри) и отправлены въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ [2]). — Салтыкова просидѣла въ подземной темницѣ въ Ивановскомъ монастырѣ 11 лѣтъ; въ 1779 г. ее перевели въ каменный застѣнокъ, пристроенный къ церкви, и здѣсь она не только прожила до 1801 г. [3]), но даже родила ребенка отъ своего караульнаго.

Дѣло это возмутительно не только по страшному количеству замученныхъ Салтыковою жертвъ и ужаснымъ истязаніямъ, которымъ она ихъ подвергала, но еще и по тому, что подкупленные чиновники,

[1]) Юстицъ-коллегіею и сенатомъ было предложено еще подвергнуть наказанію одного служителя, Василія Антонова, который „оказался въ ложномъ и неосновательномъ на помѣщицу свою доносѣ“ въ убійствѣ одной женщины, „чего по слѣдствію не нашлось“. Но императрица противъ этого пункта доклада написала: „Если о Васильѣ Антоновѣ въ дѣлѣ ничего другаго не находится, какъ только, что онъ своего доноса о убивствѣ одной женки Ирины не доказалъ противъ такой убійцы, которая уже и безъ той нѣсколько душъ погубила, то, кажется, онъ не заслуживаетъ общаго съ другими наказанія; почему сенату надлежитъ сіе точно разсмотрѣть, и когда онъ ни въ чемъ другомъ не примѣченъ, то его, яко невиннаго, освободить“.

[2]) Арх. сената кн. № 125, лл. 418—424; П. С. З. XVIII, № 13.211.

[3]) Ее видѣлъ тутъ уже 70 лѣтнею старухою *Passenans*, авторъ книги „La Russie et l'esclavage“.

не обращая никакого вниманія на всѣ жалобы несчастныхъ крѣпостныхъ этой женщины-изверга, еще ихъ же самихъ подвергали наказанію. Юстицъ-коллегія признала, что «дѣла каждый разъ производились съ явнымъ въ пользу Салтыковой потворствомъ» и что она всегда была оправдываема, «между тѣмъ какъ.... улики были слишкомъ ясны, если не по всѣмъ, то по большей части доносовъ» [1]). Послѣ того слѣдовало конечно ожидать, что виновные чиновники подвергнутся заслуженному наказанію. Обвинялись во взяткахъ служащіе въ московской полиціи и въ сыскномъ приказѣ дѣйств. ст. сов. Молчановъ, надв. сов. Вельяминовъ-Зерновъ, прокуроръ Хвощинскій, актуаріусъ Пафнутьевъ и повѣренный Салтыковой, полковникъ Яровъ, которые въ случаѣ надобности научали крѣпостныхъ, какія имъ давать показанія; но обвиненія относительно всѣхъ, кромѣ Пафнутьева, были признаны не доказанными, къ тому же Молчановъ и Яровъ принесли очистительную присягу, Пафнутьевъ же былъ обвиненъ во взяткахъ, за что его велѣно было лишить офицерскаго чина и никуда къ дѣламъ не опредѣлять [2]). Такимъ образомъ остались безъ всякаго наказанія главные виновники того, что въ теченіи шести лѣтъ жалобы крѣпостныхъ Салтыковой оставались безъ всякихъ послѣдствій. Правительство запретило крестьянамъ подавать челобитныя самой императрицѣ и заставляло ихъ обращаться къ низшимъ инстанціямъ. Весьма естественно, что они, не добившись правды, старались найти ее у самого престола, а между тѣмъ за то ихъ нещадно сѣкли плетьми [3]).

Послѣ описанія цѣлаго ряда разнообразныхъ мученій, которыя кончались смертію истязуемыхъ [4]), мы назовемъ еще нѣсколько случаевъ убійства крѣпостныхъ своими помѣщиками.

[1]) Чт. Общ. Ист. 1872 г. т. I, смѣсь, стр. 41—42.

[2]) Арх. сената кн. № 125, лл. 418—424.

[3]) Подробности объ истязаніяхъ Салтыковой см. въ статьѣ *Студенкина* „Салтычиха" въ Русской Старинѣ 1874 г. X, 497—546. См. также журналъ „Зритель" 1863 г. №№ 35 и 36, гдѣ начато было изложеніе экстракта изъ дѣла Салтыковой; Рус. Арх. 1865 г., стр. 247—256; „Восемнадцатый вѣкъ" Бартенева, IV, 94—96; Чт. Общ. Ист. Др. Росс. 1872 г. т. I, 38—44; Сб. Рус. Ист. Общ. X, 311, 312; Записки Шаховскаго изд. 1872, стр. 247, 248; „Рус. Достопамятности" М. 1862 г., вып. V, стр. 17; *Снегиревъ*. Лубочныя картинки русскаго народа, М. 1861, стр. 67; „Помѣстье Салтычихи", Русск. Арх. 1871 г., стр. 1281—1286; Сенатскій Архивъ кн. № 142, л. 205.—Passenans, упомянувъ о Салтычихѣ, говоритъ, что слышалъ о другихъ чудовищахъ, ей подобныхъ, которыхъ объявляли сумашедшими и оставляли въ покоѣ. Онъ говоритъ, что самъ зналъ многихъ лицъ „покрытыхъ кровью себѣ подобныхъ", которые оставались безнаказанными. La Russie et l'esclavage I, 81, 82.

[4]) Мы упомянули о всѣхъ дѣлахъ этого рода, касающихся великороссійскихъ помѣщиковъ, о которыхъ мы нашли свѣдѣнія въ коллекціи именныхъ указовъ импер. Екатерины и въ дѣлахъ сената.

Въ 1765 г. помѣщикъ Кипріяновъ самъ заявилъ владимірской провинціальной канцеляріи, что онъ убилъ своего крестьянина. По его словамъ (свидѣтелей не было) дѣло происходило такимъ образомъ: браня этого крестьянина за ослушаніе, онъ ударилъ его по лицу; крестьянинъ также отвѣчалъ пощечиной, потомъ схватилъ своего господина за грудь и будто бы грозилъ его умертвить; тогда Кипріяновъ, «не стерпя, а сверхъ того будучи нѣсколько и пьянъ, имѣющимся при себѣ кортикомъ, обороняя себя», закололъ крестьянина. Императрица рѣшила: «обыскать повальнымъ обыскомъ, не имѣлъ ли онъ какой другой причины къ умерщвленію сего человѣка, также по прямой его жизни и поведенію, и если ничего такого не найдется, что бы подавало вѣроятность о его умыслѣ, то предать его церковному покаянію» на предложенный сенатомъ срокъ [1]). Бѣлозерскіе помѣщики Савины за убійство крестьянина посажены въ тюрьму на полгода и потомъ преданы церковному покаянію [2]). Гораздо болѣе суровую кару понесъ въ 1771 г. отставной подпоручикъ Лѣсковъ: за убійство бѣглаго человѣка онъ былъ приговоренъ сенатомъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ па нерчинскіе заводы; императрица предписала: Лѣскова, лишивъ чиновъ и дворянства, заклеймить подъ висѣлицею на лбу первою буквою слова убійца, а потомъ сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ; жену же его освободить безъ тюремнаго заключенія. Вѣроятно Лѣсковъ былъ обвиненъ въ преднамѣренномъ убійствѣ [3]). Углицкій дворянинъ, отставной подпрапорщикъ Терпигоревъ, въ 1775 г. убилъ дворовую женщину, по его словамъ, такимъ образомъ: когда онъ пріѣхалъ изъ гостей домой сильно пьяный, его жена и вся прислуга разбѣжались; осталась одна только женщина, которая будто бы дерзко обругала его, за что онъ закололъ ее шпагою. На слѣдствіи подтвердилось, что убійство было дѣйствительно совершено въ пьяномъ видѣ; императрица рѣшила сослать преступника на поселеніе въ Сибирь [4]). А вотъ и еще убійство подъ вліяніемъ хмѣля, и притомъ совершенное женщиною. Нерехотская помѣщица Бѣднякова разгнѣвалась на свою дворовую дѣвушку за то, что та сожгла господскій холстъ. Недѣлю спустя, госпожа пріѣхала домой пьяною, вошла въ скотную избу, гдѣ спала эта дѣвушка, и, взявъ «косарь», начала рубить ее по головѣ. Когда несчастная дѣвушка выскочила чрезъ окно на улицу, у ней струилась кровь изъ головы; ее поймали, черезъ окно опять посадили въ избу, а потомъ заперли въ амбаръ, гдѣ она и умерла. На другой день госпожа, съ помощію своего двороваго засунувъ ея тѣло въ мѣшокъ, отвезла трупъ на одну пустошь въ казенномъ лѣсу. Императрица рѣшила, лишивъ Бѣднякову дворянства, сослать въ Сибирь [5]). Наконецъ, въ пермской губерніи было совершено такое убійство: прапорщикъ изъ дворянъ Текутьевъ въ пьяномъ видѣ сталъ бить свою жену; разсердившись на то, что дворовый человѣкъ его отъ этого «разговаривалъ», онъ бросился на него и зарѣзалъ. Императрица приказала, выдержавъ Текутьева на хлѣбѣ и водѣ 7 дней, предать на полгода церковному покаянію, а потомъ, лиша чиновъ и дворянства, сослать въ Сибирь на всегда [6]).

Въ этихъ дѣлахъ видно то же нравственное убожество помѣщиковъ, пьянство какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; любопытно, что у этихъ воинственныхъ дворянъ всегда подъ рукою оружіе: пріѣхалъ ли такой госпо-

[1]) Арх. сената, имен. указы 1768 г. кн. 125, л. 413—414.
[2]) *Соловьевъ*, XXIX, 133.
[3]) Журн. и Прот. сената 1 дек. 1771 г. № 341—3912, л. 152, п. 9.
[4]) Арх. сената, именн. указы 1777 г. кн. № 140, л. 196—197.
[5]) Арх. сената, именные указы 1786 г. кн. 161, л. 92—102.
[6]) Арх. сената, именн. указы 1791 г. кн. 171, л. 537—542.

динъ изъ гостей, разговариваетъ ли со своимъ крестьяниномъ, у него всегда оказывается съ собою кортикъ или сабля. Это происходило отчасти вслѣдствіе того, что большинство помѣщиковъ были отставные, или даже состоявшіе на службѣ военные, а отчасти постоянное ношеніе при себѣ оружія, вѣроятно, обусловливалось опасеніемъ за свою жизнь среди озлобленныхъ ихъ самодурствомъ крѣпостныхъ людей.

Не довольствуясь собственно домашнею расправою, нѣкоторые помѣщики обращались еще къ мѣстному начальству съ просьбою о наказаніи крестьянъ, виновныхъ въ непослушаніи. Это обыкновенно дѣлалось именно относительно крестьянъ, а не дворовыхъ, преимущественно въ случаѣ неповиновенія въ работѣ или побѣга; обращеніе къ власти имѣло цѣлью не только строже наказать виновнаго, но и устрашить другихъ крестьянъ, чтобы предупредить такимъ образомъ возможность ихъ общаго волненія. Такъ напримѣръ, въ 1767 году, дворовый человѣкъ помѣщика Исакова привелъ въ городъ Кашинъ одного крестьянина съ сыномъ, виновныхъ «въ противности и непослушаніи» помѣщику и побѣгахъ, за что они и были наказаны плетьми. Наказаніе обыкновенно производилось согласно съ челобитной помѣщика [1]). Нужно, замѣтить, что были и противоположные случаи. Въ 1780 году псковскіе помѣщики Кожины просили наказать кнутомъ девять крестьянъ, виновныхъ въ бунтѣ, но генералъ-губернаторъ Сиверсъ приказалъ произвести слѣдствіе и приговорить ихъ «чему они себя за то подвергли» [2]). Впрочемъ такое рѣшеніе объясняется тѣмъ, что въ имѣніи Кожиныхъ было волненіе, усмиренное съ помощію войска, а въ подобныхъ случаяхъ наказаніе виновныхъ иной разъ не зависѣло отъ воли помѣщика.

Иногда помѣщикъ прежде, чѣмъ отослать своего крѣпостнаго для наказанія, предварительно самъ наказывалъ его. Такъ дѣлалъ одинъ владѣлецъ ярославской губерніи: послѣ домашней расправы съ своими дворовыми, онъ отсылалъ ихъ въ смирительный домъ; одинъ изъ нихъ былъ наказанъ такъ жестоко, что его отдали для излеченія въ лазаретъ. Этотъ случай обратилъ на себя вниманіе правительства, и оно издало въ 1782 году указъ, которымъ было предписано: дворовыхъ людей и крестьянъ, наказанныхъ тѣлесно самими помѣщиками, не принимать въ

[1]) Арх. М. Ю., дѣла сената, № 250—3821, л. 792; срав. П. С. З. IX, 6951, XVI, 10.234.

[2]) Потомъ отослать дѣло на разсмотрѣніе въ верхній земскій судъ, а оттуда оно должно было дойти до ревизіи палаты уголовнаго суда. Арх. М. Ю., дѣла Сената № 648—4219, л. 276.

смирительные дома, такъ какъ это значило бы дважды наказывать за одну вину [1]).

Упомянемъ еще, что истязаніями помѣщикъ заставлялъ иногда своихъ крѣпостныхъ взводить на себя преступленія, въ которыхъ они вовсе не были повинны. Желая спасти какого-то преступника купца, безъ сомнѣнія за хорошее вознагражденіе, одинъ новгородскій помѣщикъ заставилъ своего крестьянина принять на себя преступленіе, которое совершилъ купецъ. Крестьянину уже прочли обвинительный актъ, когда онъ заявилъ о своей совершенной невинности, что́ и подвердилось новымъ слѣдствіемъ. По настоятельной просьбѣ губернатора Сиверса, императрица приказала дать этому человѣку вольную [2]).

Необходимо оговориться, что хотя, по всей вѣроятности, многіе случаи замученія или убійства крѣпостныхъ помѣщиками оставались неизвѣстны сенату и императрицѣ, благодаря тому, что вліятельные дворяне держали въ страхѣ и зависимости отъ себя мѣстную администрацію, но во всякомъ случаѣ личности, звѣрски истязавшіе своихъ крѣпостныхъ, несомнѣнно составляли исключеніе. Нужно помнить также, что цѣлая половина крѣпостныхъ—крестьяне оброчныхъ вотчинъ—были избавлены отъ непосредственной барской расправы. Но какъ бы то ни было, возможность полнаго произвола со стороны господина въ дѣлѣ суда и расправы, произвола, вызывавшаго репрессаліи со стороны правительства лишь въ томъ случаѣ, когда истязанія кончались смертію крѣпостнаго, составляютъ самую темную сторону въ жизни русскихъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ. Въ этомъ отношеніи крѣпостные крестьяне Западной Европы находились въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи. Во Франціи сеньеру принадлежало только право назначенія судьи, причемъ это назначеніе было обставлено различными формальностями, такъ что лица, неудовлетворявшія извѣстнымъ условіямъ, не могли получить судебной власти. На дѣлѣ однако

[1]) П. С. З. XXI, 15.486.

[2]) *Blum* II, 359—360, 365. См. еще дѣло, окончившееся смертію, повидимому, невиннаго крѣпостнаго въ Рус. Арх. 1876 г. № 11, стр. 324—328. Нерѣдко крестьянамъ приходилось также страдать за то, что они исполняли волю помѣщика. Такъ въ 1768 г. орловскіе помѣщики Бахтины со своими родственниками совершили вооруженный наѣздъ на покосъ сосѣдняго помѣщика Тютчева, при чемъ одинъ дворовый послѣдняго былъ убитъ. За это всѣ участвовавшіе въ наѣздѣ крѣпостные Бахтиныхъ были нещадно высѣчены плетьми; трехъ человѣкъ, обвиненныхъ въ убійствѣ, велѣно было наказать публично кнутомъ и вновь отдать помѣщикамъ, такъ какъ они „имѣли нападеніе на людей Тютчева и бой не собою, но будучи при помѣщикахъ", главные же виновники этого смертоубійства, дворяне Бахтины и ихъ родственники, были только лишены чиновъ. *Пупаревъ*. Орловская Старина, Орелъ 1872 г., I, 36—38.

землевладѣлецъ умѣлъ такимъ образомъ пользоваться своимъ правомъ, что выбиралъ въ судьи лицъ себѣ преданныхъ; подобные судьи уже потому не могли быть безпристрастными, что часто они были вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющими или откупщиками сеньеріальныхъ правъ. Понятно, что они рѣшали въ ущербъ крестьянина дѣла между нимъ и сеньеромъ, когда сеньеръ требовалъ, напримѣръ, хлѣбъ лучшаго достоинства, чѣмъ тотъ, какой уродился, или когда, при невозможности внести арендную плату зерномъ въ неурожайные годы, сеньеръ настаивалъ на уплатѣ деньгами, оцѣнивая хлѣбъ гораздо дороже его стоимости; а между тѣмъ такія дѣла рѣшались сеньеріальнымъ судей. Впрочемъ, на несправедливый приговоръ можно было принести жалобу въ королевскій судъ. Хотя сеньеры, имѣвшіе право высшей юстиціи, могли судить даже преступленія, наказываемыя смертною казнію, но въ XVIII вѣкѣ множество уголовныхъ дѣлъ подлежало вѣдѣнію королевской юстиціи [1]).

Въ Германіи патримоніальная юрисдикція составляла постоянную принадлежность вотчинной власти, но также, какъ и во Франціи, помѣщикъ долженъ былъ не самъ судить крестьянъ, а назначать для этого особыхъ судей, вѣдѣнію которыхъ подлежали какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что смертный приговоръ могъ приводиться въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія высшей инстанціи. Въ свѣдѣніяхъ о положеніи крестьянъ въ Мекленбургѣ, доставленныхъ въ нашу коммиссію для составленія новаго уложенія, сказано: «Землевладѣлецъ имѣетъ вотчинную юрисдикцію.... При преступленіяхъ крестьянъ онъ можетъ чрезъ установленный безпристрастный судъ изслѣдовать ихъ дѣянія и наказать за нихъ. Правомъ жизни и смерти онъ располагаетъ также только по формальному приговору этого суда, но и то въ этихъ случаяхъ слѣдственное дѣло обыкновенно отсылается въ ближайшій университетъ. Юрисдикція землевладѣльца простирается не только на его крѣпостныхъ подданныхъ, но и на всѣхъ свободныхъ людей, живущихъ въ его имѣніи.... Слѣдуетъ замѣтить такое различіе между подданными и свободными людьми: подданныхъ землевладѣлецъ можетъ за ихъ проступки наказать палочными ударами» (по своему усмотрѣнію), «а свободныхъ людей онъ можетъ подвергнуть такому наказанію только при болѣе важныхъ преступленіяхъ, и то лишь по приговору безпристрастныхъ юристовъ». Въ свѣдѣніяхъ коммиссіи уложенія

[1]) *Карпѣевъ*, стр. 80—81; *Babeau*. Le village sous l'ancien régime, 2 edit. P. 1879, p. 200—222, *Chassin*, 186, 298, 303, *Taine*, *I*, 28, 69—71, 533—534.

о гольштинскихъ крестьянахъ сказано: «Господинъ можетъ наказывать крестьянъ за лѣность, своевольство и злость даже безъ суда (brevi manu). Если же преступленіе таково, что нельзя ограничиться однимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, то дворянинъ учреждаетъ судъ, который постановляетъ приговоръ и приводитъ его въ исполненіе безъ конфирмаціи государя, съ тѣмъ ограниченіемъ, что въ случаѣ приговора къ смертной казни дѣлопроизводство посылается въ юридическій факультетъ. Такіе уголовные процессы съ смертнымъ приговоромъ могутъ обойтись владѣльцу имѣнія въ 500 рейхсталеровъ и болѣе» [1]). Въ дѣйствительности, впрочемъ, въ Шлезвигѣ и Гольштиніи, по свидѣтельству Гансена, господинъ часто самъ исполнялъ обязанности судьи или поручалъ ихъ своему управляющему, причемъ какой-нибудь писецъ составлялъ протоколъ. Еще въ XVIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ его, были примѣры «самаго страшнаго злоупотребленія вотчинною юрисдикціею» въ уголовныхъ дѣлахъ. Особенную знаменитость пріобрѣло одно дѣло 1722 г. въ имѣніи Бюрау. Владѣлецъ его Ранцау вслѣдствіе побѣга одного крестьянина подвергъ такимъ истязаніямъ многихъ своихъ крѣпостныхъ, что трое изъ нихъ тотчасъ же умерли; за это онъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему изгнанію и значительному денежному штрафу. Какъ уже было упомянуто, господину принадлежало право подвергать тѣлесному навазанію безъ всякихъ судебныхъ формальностей за лѣность на работѣ и т. п. проступки (впрочемъ, въ большинствѣ имѣній отъ такой расправы были повидимому избавлены крестьяне, владѣвшіе цѣлой гуфой, и ихъ жены). Это право также вело къ зтоупотребленіямъ: крестьянъ слишкомъ сурово наказывали, сажали скованными на деревяннаго осла и проч. [2]) Жестокія истязанія работниковъ въ Мекленбургѣ даже въ XIX вѣкѣ вызывали иногда ихъ волненія и убійства землевладѣльцевъ. [3]) — Въ собственной Австріи землевладѣлецъ составлялъ для своихъ подданныхъ судъ первой инстанціи въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ съ дозволеніемъ апеляціи въ правительственныя судебныя учрежденія [4]); въ видѣ наказанія господинъ могъ отдавать крестьянъ и въ солдаты [5]). И

[1]) Арх. II Отд. вяз. 326—312.

[2]) *Hanssen*. 28, 23. О жестокомъ обращеніи съ крестьянами нѣкоторыхъ владѣльцевъ въ Помераніи см. *Arndt*, 207—208.

[3]) *Sugenheim*. 439.

[4]) Арх. II Отд. вяз. 326—312, „Примѣчанія о подданныхъ австрійскихъ“.

[5]) *Beidtel*. Zur Geschichte der Feudalverfassung in den deutch. Prov. d. österreich. Monarchie. Sitzungsberichten der phil. hist. Kl. der Wiener. Acad. IX, 477.

здѣсь точно также помѣщикъ имѣлъ право наказывать палками за опаздываніе на работу, дурное исполненіе ея [1]). Еще Марія Терезія стремилась къ ограниченію патримоніальной юрисдикціи землевладѣльцевъ: съ 1747 — 56 г. она ввела уѣздные суды во всѣхъ нѣмецкихъ провинціяхъ своего государства (въ Богеміи и Моравіи они существовали и ранѣе), искусно выбирала для нихъ чиновниковъ и въ данныхъ имъ инструкціяхъ всего болѣе настаивала на томъ, чтобы они защищали крестьянъ отъ всевозможныхъ притѣсненій со стороны господъ. Въ 1769 г. Марія Терезія предписала, чтобы помѣщики могли отправлять своихъ людей въ смирительные дома не иначе, какъ съ разрѣшенія уѣзднаго суда. Еще далѣе пошелъ императоръ Іосифъ; въ 1781 г. былъ ограниченъ размѣръ наказаній, которымъ господинъ могъ подвергать крестьянъ собственною властію, а въ 1784 г. было установлено, чтобы мѣста судей занимали только образованные юристы; такимъ образомъ, землевладѣльцы не могли уже, какъ бывало прежде, отправлять правосудіе лично и притомъ иногда безаппеляціонно; назначенный ими и получающій отъ нихъ жалованіе юстиціаръ былъ отвѣтственъ не предъ ними, а предъ аппеляціонными судами, и былъ тѣмъ въ большей зависимости отъ этихъ послѣднихъ, что они при извѣстныхъ условіяхъ могли потребовать его удаленія. Теперь, если бы господинъ захотѣлъ лично исполнять обязанности судьи, то онъ долженъ былъ бы вступить въ судебное сословіе и подчиняться существующимъ законамъ и аппеляціонному суду [2]).

О патримоніальной юрисдикціи въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка Самаринъ говоритъ, что она «была облечена въ законныя формы и не походила на безотчетную домашнюю расправу. Помѣщикъ обыкновенно передавалъ свое право суда особенному повѣренному (Justitiarius), котораго онъ избиралъ по своему усмотрѣнію, но принимавшій эту должность обязанъ былъ выдержать предварительное испытаніе и получить утвержденіе отъ мѣстнаго начальства; затѣмъ помѣщикъ не могъ уже смѣнитъ его безъ заявленія уважительныхъ причинъ». Какъ мы уже видѣли, отъ патримоніальной юрисдикціи слѣдуетъ отличать право домашней расправы и тѣлеснаго наказанія надъ батраками и поденщиками, выходившими на барщину вмѣсто тяглыхъ хозяевъ, наказанія безъ всякаго суда, безъ всякихъ формальностей. Этимъ правомъ пользовались не одни дворяне,

[1]) Арх. II Отд., вяз. 316—312. „Изъясненіе о крѣп. въ Богеміи и Моравіи". Въ Богеміи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ была также постоянно въ ходу плеть. *Svatek.* Culturhistorische Bilder aus Böhmen. W. 1879. S. 176.

[2]) *Sugenheim* 385—386, 397—398. *Wendrinsky.* Kaiser Iosef II. W. 1880. S. 228—229.

а даже всѣ хозяева надъ своею вольнонаемною прислугою. Домашнія наказанія палками, тюремнымъ заключеніемъ и привязываніемъ къ столбу были формально отмѣнены во Пруссіи закономъ только въ 1832 г. [1]).

Между тѣмъ, какъ въ Западной Европѣ быля положены извѣстныя границы произволу господина при отправленіи правосудія, въ Польшѣ вотчинная юрисдикція проявлялась въ самыхъ ужасныхъ формахъ, и помѣщикъ до конца 60-хъ годовъ XVIII вѣка былъ даже воленъ въ жизни и смерти своего крестьянина. При производствѣ первоначальнаго дознанія и слѣдствія, господинъ употреблялъ пытки по своему усмотрѣнію; обвиняемыхъ били розгами, палками, сдавливали имъ пальцы подъ курками ружья, вѣшали на балкахъ за кисти рукъ или за ноги, окуривали дымомъ, клали за пазуху горячіе уголья. Равномѣрности и единобразія въ наказаніяхъ не было. За воровство иногда назначалось повѣшеніе, за побѣгъ, соединенный съ воровствомъ, обрѣзывали уши, половину носа и выжигали на лбу изображеніе висѣлицы. За прелюбодѣянія мужчину наказывали смертію, а женщину опозоривали, отрѣзывая ей носъ и уши; часто случалось однако, что такая казнь замѣнялась для мужчины и женщины тѣлеснымъ наказаніемъ. За дѣтоубійство полагалось колесованіе, что также замѣнялось иногда по волѣ владѣльца другою казнью. За убійство наказывали отсѣченіемъ руки и потомъ головы; за умышленный поджогъ также подвергали смертной казни; за поджогъ по неосторожности строенія или лѣса виновныхъ вѣшали, а на селенія, къ которымъ они принадлежали, налагали тажелые штрафы въ пользу владѣльца; подвергались штрафамъ или тѣлеснылъ наказаніямъ и жители сосѣднихъ селеній, если при этомъ они не подавали во время помощи. За ослушаніе, буйство и дерзость противъ вотчиныхъ властей наказывали палками, заставляли исполнять въ кандалахъ какія либо тяжкія работы. Смертная казнь замѣнялась иногда тюремнымъ заключеніемъ и періодическимъ тѣлеснымъ наказаніемъ черезъ каждые 3 дня или чрезъ 3 мѣсяца, смотря по винѣ. Только въ 1768 г. на сеймѣ былъ принятъ законъ, по которому шляхта лишилась права уголовнаго суда надъ крестьянами и дѣла эти были переданы въ вѣдѣніе общихъ судовъ; только тогда помѣщикъ перестaлъ быть властелиномъ надъ жизнію и смертію своего хлопа [2]).

Въ Лифляндіи еще Густавъ Адольфъ отнялъ у дворянъ право суда въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ и далъ крестьянамъ право жаловаться

[1]) Собраніе Сочиненій II, 222, 261—262, ср. 229, 276—277.

[2]) *T. X. L.* Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku. W. 1862, стр. 33—41, 50, срав. *Sugenheim*, 400—402.

на господина. Но злоупотребленія домашнею расправою существовали въ XVIII в. въ весьма значительныхъ размѣрахъ, какъ видно изъ свидѣтельства пастора Эйзена. Правда на ландтагѣ 1765 г. былъ ограничено право домашней расправы помѣщиковъ надъ своими крестьянами: было постановлено, что за легкіе проступки господинъ могъ тотчасъ наказать плеткою, а за большія провинности розгами, но не болѣе 10 разъ по 3 удара каждаго; опредѣлена была и продолжительность ареста, какому можно было подвергать крестьянина. Однако помѣщики умѣли обходить этотъ законъ и извѣстны случаи жестокихъ истязаній [1]).

ГЛАВА VIII.

Управленіе имѣніями.—Власти, назначаемыя помѣщикомъ и выбираемыя крестьянскимъ міромъ.—Правила относительно вотчиннаго управленія.—Обязанность помѣщика заботиться о прокормленіи крестьянъ.—Вопросъ о распространеніи грамотности среди крѣпостныхъ.—Ничтожное число школъ, устроенныхъ помѣщиками.—Значеніе и дѣятельность крестьянскаго схода въ помѣщичьихъ вотчинахъ.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли, какимъ наказаніямъ могли помѣщики подвергать своихъ дворовыхъ и крестьянъ, указали и на многіе случаи злоупотребленія этою властію. Было бы однако большою ошибкою думать, что крестьяне за всѣ свои проступки всегда подлежали суду самого помѣщика: нужно обратить вниманіе на ту роль, какую играли въ отправленіи правосудія, а также и въ управленіи имѣніемъ мѣстныя вотчинныя власти, назначаемыя помѣщикомъ или выборныя, а также весь крестьянскій міръ. Помѣщики, въ большинствѣ случаевъ, уже потому лично не могли исполнять обязанности судьи, что бо́льшая часть ихъ не жила въ своихъ имѣніяхъ [2]). Да оно такъ и должно было быть: съ Петра Великаго до 1762 года все дворянство было обязано служить; съ увольненіемъ его при Петрѣ III отъ обязательной службы нѣкоторые поспѣшили возвратиться въ свои деревни и заняться хозяйствомъ, но привычка къ служебной дѣятельности уже такъ вкоренилась, что обрекшихъ себя на жизнь въ деревнѣ было сравнительно немного. Весьма важнымъ факторомъ въ измѣненіи такого порядка вещей было изданіе

[1]) *Eckardt.* 83—84, 314—315, 332—333, 336, 416—417. *Samson.* 52—55; Samml. Russ. Gesch. X, 495—496; *Самаринъ.* Окраины Россіи VI, 29, 147—148. Ст. *Самарина* въ Сельск. Благоустр. 1858, № 12, стр. 390, 394.

[2]) Это видно изъ списковъ дворянъ, составленныхъ въ 1777 г.; часть ихъ хранится въ русскомъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ.

Учрежденій о губерніяхъ. Со введеніемъ новыхъ мѣстныхъ учрежденій, гдѣ многія должности замѣщались по выбору землевладѣльцевъ, начался отливъ дворянства изъ военной службы и столичныхъ и губернскихъ центровъ въ уѣздныя захолустья. Въ провинціи началась своя жизнь. Дворяне, которые еще при созваніи коммисіи новаго уложенія должны были избрать своего предводителя, имѣли теперь въ лицѣ его постояннаго представителя своего сословія. Выборы предводителей и различныхъ выборныхъ чиновниковъ заставляли съѣзжаться въ городъ, знакомиться между собою. Захолустья оживлялись, но всетаки оживлялись весьма медленно, и только въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія дѣлается замѣтнѣе нѣкоторое движеніе въ отдаленныхъ углахъ Россіи. До этого времени, повторяемъ, большинство помѣщиковъ жило въ столичныхъ и другихъ городахъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ жилъ въ своей вотчинѣ, крестьяне обыкновенно состояли на барщинѣ и господинъ непосредственно руководилъ работами, творилъ судъ и расправу. Но нужно замѣтить, что почти всѣ помѣщики признавали значеніе крестьянскаго міра, совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ, раздѣляли съ нимъ свою административную и судебную власть, вступая въ непосредственное управленіе своими крестьянами. Извѣстный уже намъ Лунинъ занесъ такія пожеланія въ свои записки: «желаю распорядить такъ, дабы крестьянинъ не былъ отягощенъ, ни доходъ мой умаленъ, и для того всегдашніе мои о томъ совѣтники будутъ безкорыстіе и человѣколюбіе, а какъ въ хозяйствѣ не имѣю я довольно практическихъ опытовъ, то да будетъ мнѣ правиломъ слѣдующее: 1) стараться узнать наиточнѣе наблюдаемый порядокъ и, оставя его въ своемъ теченіи, смотрѣть, что̀ и какъ дѣлается, и тогда 2) буде бъ что не нравилось, или бъ не согласовалось съ лучшимъ опытомъ, тогда перемѣнить, но не прежде однакожъ, какъ поговоря съ умными изъ крестьянъ и хозяевами о томъ, какъ есть и какъ бы быть должно, и внушить имъ намѣремую (предполагаемую) перемѣну способомъ не самовластнымъ, но снисходительнымъ; 3) во всѣхъ по хозяйству заведеніяхъ вообще поступать безъ торопливости, съ крайней осторожностію, слѣдовательно опыты производить не надъ цѣлымъ, а надъ частью, и тѣмъ себя и моихъ хлѣбопашцевъ лучше удостовѣрить; 4) стараться по всей возможности, чтобъ принадлежащіе мнѣ меня болѣе любили, нежели боялись, и всякій бы исполнялъ свое дѣло съ усердіемъ и съ исправностію» [1]).

[1]) Записки Лунина въ Румянцевскомъ музеѣ, М. 919. Подобные же благія намѣренія высказывались и въ печати. См. „Дружескіе совѣты благороднымъ сельскимъ

Къ сожалѣнію эти добрыя намѣренія не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности. Помѣщикъ для своихъ крестьянъ былъ, по выраженію Радищева, «законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ». Какъ нѣкоторые помѣщики творили судъ и расправу, мы видѣли въ предъидущей главѣ. Конечно, личности, подобныя Салтычихѣ, Козловской, Карташеву и т. п. составляли меньшинство, но точно также не много было владѣльцевъ, не только проникнутыхъ гуманными воззрѣніями, но и дѣйствительно примѣнявшихъ ихъ къ жизни. Большинство помѣщиковъ составляло средину между тѣми и другими: они не доходили въ отношеніяхъ къ своимъ крѣпостнымъ до тѣхъ безчеловѣчныхъ истязаній, какія позволяла себѣ Салтычиха, но въ то же время не задумывались жестоко наказать крестьянина за всякую провинность. Лучшіе изъ такихъ помѣщиковъ, къ числу которыхъ мы можемъ отнести Болотова, гр. Румянцева и мн. друг., составили себѣ идеалъ строгаго, но справедливаго господина, при чемъ однако же тогдашняя *строгость*, по нашимъ современнымъ понятіямъ, часто равняется *жестокости*.

Тамъ, гдѣ помѣщикъ самъ управлялъ своею вотчиною, къ нему въ назначенное время являлись съ докладомъ люди, которымъ былъ ввѣренъ надзоръ за работами, храненіе припасовъ и т. п., при чемъ у нѣкоторыхъ господъ это представленіе было обставлено разъ навсегда установленными формальностями.

Припомнимъ тутъ опять уже знакомаго намъ Вас. Вас. Головина: введенные имъ порядки, хотя и въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ, все таки изображаютъ намъ тогдашнія отношенія. Послѣ того, какъ Головинъ, вставши еще до восхода солнечнаго, прочитывалъ полунощницу и утреню вмѣстѣ со своимъ любимымъ дьячкомъ, къ нему являлись съ докладами дворецкій, ключникъ, выборный и староста. «Вошедши въ кабинетъ къ барину, они кланялись до земли и говорили: «Здравія желаемъ, государь нашъ!»—*Здравствуйте*», отвѣчалъ баринъ, «друзья мои непытанные и немученные!»... Это была его всегдашняя поговорка. «Ну что? Все ли здорово, ребята, и благополучно ли у насъ?» На этотъ вопросъ прежде всего отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ, дворецкій: «Въ церкви святой и ризницѣ честной, въ домѣ вашемъ господскомъ, на конномъ дворѣ и скотномъ, на павлятникѣ и журавлятникѣ, вездѣ въ садахъ, на птичьихъ прудахъ и во всѣхъ мѣстахъ, милостію Спасовою, все обстоитъ, государь нашъ, богомъ хранимо, благополучно и здорово». Послѣ дворецкаго начиналъ свое донесеніе ключникъ: «въ барскихъ вашихъ погребахъ, амбарахъ и кладовыхъ, сараяхъ, и овинахъ, уличникахъ и птичникахъ, на ветчинницахъ и сушильницахъ, милостію господнею, находится, государь нашъ, все въ цѣлости и сохранности»..... Выборный доносилъ

жителямъ, въ двухъ отдѣленіяхъ состоящіе: изъ оныхъ первое о добродѣтели и порокахъ, второе о земледѣліи и домостроительствѣ". Тр. Вольн. Эк. Общ. 1767 года, т. VI, 7—9.

такъ: «во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещетки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли, въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громогласно говорили; нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали!».... Въ заключеніе староста доносилъ: «во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали».... Безъ сомнѣнія это была только присказка, за которою слѣдовали нѣкоторыя барскія распоряженія [1]). Конечно дѣятельные помѣщики этимъ не довольствовались и сами осматривали свое хозяйство.

Управленіе всѣми имѣніями богатаго помѣщика обыкновенно сосредоточивалось въ одномъ учрежденіи, изъ котораго разсылались указы къ мѣстнымъ вотчиннымъ властямъ и куда присылались донесенія изъ вотчинъ: у Румянцева оно называлось «домовою канцеляріею» или «домовою конторою», у Суворова оберъ-конторою.

По словамъ біографа В. Г. Орлова, въ его главной конторѣ «начальствовавшіе были въ миніатюрѣ скорѣе государственными людьми, нежели агрономами или спеціалистами. Они докладывали о дѣлѣ вмѣстѣ со своимъ проектомъ резолюціи, подписаннымъ ими единогласно, или съ мнѣніями и представленіями, а графъ, по разсмотрѣніи всего дѣла и мнѣнія конторы, возвращалъ ихъ въ контору съ своимъ утвержденіемъ или съ измѣненными приказами». Контора гр. Румянцева также представляла всѣ дѣла на его резолюцію. Должность конторщиковъ В. Г. Орлова, несмотря на незначительное жалованіе, была очень выгодна: одинъ изъ нихъ оставилъ по смерти своей женѣ 25.000 руб. [2]); само собою разумѣется, что деньги эти были скоплены съ помощію взятокъ съ крестьянъ, имѣвшихъ дѣло въ главной конторѣ [3]). Въ уложеніи В. Г. Орлова предписано представлять въ контору донесенія о дѣлахъ по проступкамъ крестьянъ, которыя мѣстныя власти не могли почему либо рѣшить, о тяжебныхъ дѣлахъ съ сосѣдями и денежные отчеты. Въ дѣлахъ перваго рода судившіе должны были прилагать свое мнѣніе о томъ, кто правъ, кто виноватъ и какому наказанію подлежитъ виновный; по спорнымъ дѣламъ между крестьянами, доходящимъ до разсмотрѣнія конторы, изъ вотчины должно было доставлять свѣдѣнія о нравственности каждаго изъ тяжу-

[1]) *Казанскій.* Родословная Головиныхъ М. 1847, стр. 60—63, 65—67.

[2]) Гр. *Орловъ-Давыдовъ* II, 15. Инструкція Румянцева въ Румянц. музеѣ.

[3]) Что взятки обыкновенно брались людьми, приближенными къ помѣщику, видно изъ слѣдующаго предписанія Суворова въ одну изъ вотчинъ: „моимъ дворовымъ людямъ никакихъ посуловъ давать не дерзать... а кто изъ нихъ отважится оныхъ посуловъ требовать, то означать его имя ко мнѣ прямо въ отпискахъ". *Рыбкинъ*, 74.

щихся. Крестьянамъ было запрещено подавать просьбы прямо въ главную контору, мимо бурмистра [1]).

Нерѣдко помѣщики не назначали въ деревни, гдѣ они не жили сами, никакого управителя, оставивъ все хозяйство на попеченіе бурмистра или старосты, а въ экстренныхъ случаяхъ обращались за помощію къ какому нибудь поселившемуся въ деревнѣ сосѣду. Но если крестьяне состояли на барщинѣ, то въ такую вотчину обыкновенно назначался прикащикъ изъ вольнонаемныхъ, а нерѣдко и изъ крѣпостныхъ. Владѣльцы не опасались довѣрять своимъ крѣпостнымъ управленія большими имѣніями или заводами; напротивъ, они могли быть въ этомъ случаѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ назначивъ управляющимъ независимаго отъ нихъ человѣка. Это совершенно понятно: крѣпостной находился вполнѣ въ рукахъ своего господина и, въ случаѣ нечестности и нерадивости, его можно было подвергнуть самымъ тяжелымъ карамъ, отобрать у него все имущество.

На Уралѣ заводовладѣльцы любили назначать прикащиками раскольниковъ, такъ какъ они отличались трезвостью и распорядительностью. Такой прикащикъ за жалованье отъ 40 до 100 руб. и еще кое какія хозяйственныя выгоды наблюдалъ за обширнымъ заводомъ съ нѣсколькими тысячами крѣпостныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ, завѣдывалъ конторою со сложнымъ счетоводствомъ, велъ процессы о спорныхъ земляхъ съ сосѣдними землевладѣльцами, давалъ отчеты горному вѣдомству, заботился о дешевомъ подвозѣ припасовъ. Словомъ, съ такимъ управляющимъ владѣлецъ жилъ, какъ у Христа за пазухой, и могъ спокойно тратить въ столицахъ получаемые имъ доходы [2]).

Такъ какъ землевладѣльцамъ приходилось составлять подробныя наставленія для своихъ управляющихъ, то вольное экономическое общество вздумало помочь имъ въ этомъ, сочинивъ, такъ сказать, нормальную инструкцію. Въ 1768 г. была объявлена, по предложенію гр. А. С. Строгонова, конкурсная задача (на медаль въ 35 червонцевъ, а черезъ годъ— въ 70 червонцевъ): составить «наказъ управителю». Въ 1770 г. получили по золотой медали, каждая въ 35 червонцевъ, извѣстные агрономы того времени—Рычковъ и Болотовъ, а въ 1769 г. было признано достойнымъ награды сочиненіе бар. Вольфа [3]). Кромѣ ихъ на ту же тему писалъ Удоловъ [4]).

[1]) Уложеніе гр. В. Орлова въ „Ярославск. Губерн. Вѣдом.“ 1853 г. №№ 41—44.

[2]) *Georgi*. Bemerkungen II, 796, 762. *Орловъ-Давыдовъ*. II, 146, 148

[3]) *Ходневъ*. Истор. Вольн. Эк. Общ. 368—369.

[4]) См. „Тр. В. Эк. Общ.“ т. XI, XII, XVI.

По наказу бар. Вольфа, обязанности управителя состояли во первыхъ въ надзорѣ за работами, содержанiи скота, разведенiи садовъ, продажѣ собранныхъ продуктовъ; затѣмъ онъ долженъ былъ наблюдать порядокъ при отдачѣ въ рекруты(причемъ сдавать прежде всего лѣнивыхъ и празднощатающихся), собирать по третямъ подушныя деньги, выслушивать крестьянскія жалобы, судить и наказывать, смотря по винѣ. Съ этою цѣлiю бар. Вольфъ совѣтовалъ «каждый понедѣльникъ созывать на господскiй дворъ старостъ и работниковъ для рѣшенiя жалобъ, для наказанiя виноватыхъ и для оказанiя всякому правосудiя»; къ этому онъ добавляетъ такое предписанiе управителю: «при себѣ одномъ не наказывать никого на тѣлѣ, но при старостахъ». Въ болѣе важныхъ случаяхъ Вольфъ рекомендовалъ наказанiе и при всемъ крестьянскомъ сходѣ: «если кто изъ крестьянъ убѣжитъ съ мотовства, или будетъ держать у себя пришлыхъ людей, того, въ примѣръ другимъ, наказывать при всѣхъ мiрянахъ»; точно также при сходѣ слѣдуетъ наказывать сельскихъ властей, виновныхъ во взяткахъ. Управитель долженъ былъ еще наблюдать за тѣмъ, чтобы крестьяне исполняли религiозныя обязанности [1]). Авторы другихъ наставленiй обращали вниманiе и на иныя обязанности управителя: такъ Рычковъ настаивалъ на важности ежегодной разверстки тяголъ [2]). Воронцовъ, въ статьѣ «о способахъ къ исправленiю сельскаго домостроительства», высказалъ справедливую мысль, что отправленiе правосудiя въ дѣлахъ между крестьянами одной вотчины слѣдуетъ довѣрить суду, составленному изъ выборныхъ, запретивъ управителямъ и прикащикамъ мѣшаться въ это дѣло; обязанность же послѣднихъ должна ограничиваться тѣмъ, чтобы они распоряжались барщинными работами, не допускали обремененiя одного крестьянина болѣе другаго, наблюдали, чтобы крестьяне никуда не уходили безъ ихъ вѣдома [3]).

Составители печатныхъ наказовъ, разумѣется, не могли предусмотрѣть всего необходимаго для каждаго отдѣльнаго владѣльца и потому, и послѣ изданiя наказовъ, помѣщики составляли свои инструкцiи. Намъ извѣстны подробныя инструкцiи гр. Румянцева и гр. Вл. Орлова и наказы прикащикамъ кн. А. М. Голицына; Лунинъ также упоминаетъ въ своихъ запискахъ, что составилъ наказъ для управленiя своими имѣнiями. Болѣе обстоятельныя наставленiя переписывались и другими помѣщиками для разсылки по ихъ вотчинамъ:

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. 1769 г. ч. XII, 1—32.

[2]) Тр. В. Эк. Общ. XVI, 23—26.

[3]) Тр. Вольн. Эк. Общ. т. V, 3—4.

такъ мы знаемъ, что подробное «уложеніе», составленное гр. В. Орловымъ, было почти безъ измѣненія заимствовано его знакомымъ, кн. Оболенскимъ [1]).

Нѣкоторые владѣльцы, желавшіе добра своимъ крестьянамъ, присылали весьма гуманныя наставленія управляющимъ. Такъ напр. самыя добрыя намѣренія обнаруживаетъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ [2]) въ письмѣ къ своему главному пермскому управителю. «Во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и расположеніяхъ,—писалъ онъ ему въ 1786 г.,—помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже удовольствія сладкаго принести не можешь, когда, хотя бы до милліоновъ распространилъ мои доходы, но судьбу бы человѣчества черезъ то могъ отягчить; и въ такомъ случаѣ позволяю тебѣ предпочесть моимъ выгодамъ выгоды тѣхъ людей, коимъ я долженъ и хочу быть болѣе отцомъ нежели господиномъ». Все это, конечно, прекрасно, но написать эти хорошія слова гораздо легче, чѣмъ услѣдить, живя въ столицѣ, за послѣдовательнымъ исполненіемъ этихъ предписаній гдѣ-нибудь на Уралѣ. Къ тому же, наставленія Строганова были слишкомъ общи и неопредѣленны и оставляли весьма широкій просторъ произволу его управителя. Говоря, напримѣръ, о судѣ надъ людьми, порученными вѣдѣнію этого пермскаго управителя, Строгановъ замѣчаетъ: «излишняя потачка превращаетъ человѣколюбіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ, а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство; ничего нѣтъ слѣпѣе, какъ первое, и ничего подлѣе и скотообразнѣе послѣдняго». Управителю предоставлялось свободно балансировать между слабостью и тиранствомъ, слѣпотою и скотообразностью [3]).

Кн. А. М. Голицынъ такъ опредѣляетъ обязанности одного изъ своихъ прикащиковъ въ данномъ ему наказѣ». Подтверждается тебѣ въ вотчинѣ имѣть смотрѣніе неослабное, какъ за моими казенными полями во время полевой работы, сѣнокосу

[1]) Это видно изъ неизданной инструкціи кн. Оболенскаго. Уложеніе гр. Орлова вообще пріобрѣло большую извѣстность: авторы „Описанія Нерехотскаго у." (1805 г.), упомянувъ, что помѣщики даютъ бурмистрамъ точныя предписанія объ управленіи имѣніями, затѣмъ продолжаютъ: изъ такихъ предписаній достойны похвалы и особеннаго замѣчанія въ вотчинахъ, въ здѣшнемъ уѣздѣ находящихся... кн. Голицына, въ селѣ Писцовѣ, данное отъ предка его, владѣвшаго онымъ селомъ, царевичемъ грузинскимъ Георгіемъ, за собственнымъ его подписаніемъ; а другое находящееся въ вотчинѣ... гр. Орлова, которыя по порядку, въ нихъ предписанному, и снисходительности къ своимъ подчиненнымъ и человѣколюбивымъ предписаннымъ въ оныхъ заведеніямъ очень полезны быть могутъ, *буде бъ оныя исполнялись съ точностью*". (Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188).

[2]) Тотъ самый, который въ Вольн. Экон. Общ. подалъ мысль объ объявленіи конкурса на сочиненіе наставленія прикащикамъ.

[3]) Пермск. Губ. Вѣд. 1865 г. № 1.

и молотьбы, такъ и за крестьянами, и хлѣбъ барскій жать, и траву косить, не пропуская удобнаго времени, и разбирательство между крестьянами и дворовыми людьми чинить со всякою справедливостію, одному не дружа, а на другаго не посягая, а иныхъ, смотря по винѣ, наказывать, и ни до какихъ продерзностей какъ дворовыхъ, такъ и крестьянъ не допускать, а паче къ похищенію моихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ; крестьянъ принуждать къ работѣ, взятковъ съ нихъ не брать, а довольствоваться окладнымъ жалованьемъ и безъ спросу сверхъ окладу съ мужиковъ ничего не брать. И ежели ты сдѣлаешь», прибавлятъ господинъ, «противъ прежняго какое приращеніе, то тебѣ и жалованье прибавится, а ежели ты своимъ нерадѣніемъ или лѣностію что упустишь въ сѣнокосѣ, въ посѣвѣ хлѣба или въ уборкѣ съ поля, то безъ всякой милости будешь наказанъ и опредѣленъ въ конюхи» [1]).

Но какъ ни подробны были иной разъ инструкціи, онѣ не гарантировали крестьянъ отъ всевозможныхъ злоупотребленій поставленнаго надъ ними начальства: управители сплошь и рядомъ не довольствовались опредѣленнымъ жалованьемъ и вынуждали у крестьянъ взятки.

Въ однѣхъ вотчинахъ были управители, въ другихъ прикащики, но какъ тѣ такъ и другіе одинаково назначались помѣщиками; обязанности ихъ были также однѣ и тѣ же, только титулъ управителя былъ почетнѣе, и потому лица дворянскаго сословія, которымъ ввѣрялось управленіе имѣніемъ, назывались всегда не прикащиками, а управителями; прикащиками же сплошь и рядомъ были крѣпостные. Управители и прикащики получали опредѣленное годовое жалованье, кромѣ того имъ давали разные припасы натурою и позволяли содержать на счетъ помѣщика опредѣленное количество скота. Татищевъ въ своихъ «экономическихъ запискахъ» говоритъ: «прикащикъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ имѣть присѣвокъ или пашню кромѣ своего дохода, положеннаго отъ помѣщика, а можетъ держать скотъ на барскомъ корму, сколько ему позволено будетъ»; но всего лучше давать прикащику денежное жалованье [2]). У Румянцева управители могли содержать на помѣщичьемъ корму по 3 коровы, по 6 овецъ, гусей, индѣекъ и куръ по 4; прикащики—по 2 коровы, а овецъ и птицъ въ половину противъ управителя. Кромѣ того, управители и прикащики для своего продовольствія пользовались одною дойною коровою изъ помѣщичьяго скота [3]); для услуженія этимъ вотчиннымъ начальникамъ назначалось по одной женщинѣ. Румянцевъ запрещалъ своимъ управляющимъ брать у крестьянъ земли въ наемъ или изъ полу, а также посылать ихъ на свою работу; вообще они не должны были заниматься

[1]) Голицынскій архивъ.

[2]) Временникъ XIII, 22.

[3]) По другой инструкціи Румянцева управитель могъ содержать на барскомъ корму 6 лошадей, 6 штукъ рогатаго скота, 20 овецъ, 10 свиней.

земледѣліемъ, торговлею и промыслами. Въ одномъ имѣніи Голицыныхъ прикащикъ получалъ денежнаго жалованья 50 р., въ имѣніи кн. Разумовской—80 р., кромѣ хлѣба. Въ оброчныхъ вотчинахъ содержаніе прикащика падало на мірской счетъ. Такъ въ имѣніи кн. Нат. Голицыной крестьяне давали прикащику 30 руб. денежнаго жалованья въ годъ, по 20 четвертей ржи и овса, 10 четвертей ячменя, 2 четверти пшеницы, 3 четверти гречневыхъ крупъ, для содержанія его скота сѣна по пуду съ тягла, соломы по возу съ дома. Въ имѣніи кн. Голицыныхъ прикащику шло жалованья въ годъ 60 р., по 14 четвертей ржи и овса и 4 четверти гороху. Въ нижегородской вотчинѣ кн. Разумовской прикащикъ получалъ изъ мірской суммы даже 250 р. въ годъ [1]).

Не смотря на достаточное по тому времени содержаніе, управители и прикащики норовили урвать и еще, что можно, съ крестьянъ [2]). Чтобы ограничить ихъ хищничество, Румянцевъ придумалъ даже такую мѣру: крестьяне ежемѣсячно должны были давать прикащику квитанціи, что отъ него «нападковъ и излишняго отягощенія не было». Но едвали и это много помогало. По крайней мѣрѣ Татищева обычныя злоупотребленія и нечестность прикащиковъ заставили сказать, что если «помѣщикъ самъ своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ, то, отдавъ всю землю и всякія угодья крестьянамъ», получитъ гораздо большую пользу, чѣмъ заочно содержа прикащика или старосту. Однако нѣкоторые владѣльцы бдительнымъ окомъ смотрѣли за своими прикащиками и подвергали ихъ за всякую провинность жестокимъ наказаніямъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерно письмо Никиты Демидова.

Недовольный распоряженіями прикащиковъ на своихъ уральскихъ заводахъ онъ писалъ въ 1788 году одному изъ нихъ: „проснись, отчаянный двуголовый архибестія... явный клятвопреступникъ и ослушникъ, смѣлоотчаянный кыштымскій Блиновъ! Ребра въ тебѣ, ей-же-ей божусь, не оставлю.... и хотя-бъ десять головъ на плечахъ было у смѣлоотчаяннаго скверновца Блиненка, то истинно за всѣ такія вышеописанныя дурности и ослушности всѣ головы твои посломаю и какъ рака раздавлю и вѣчно въ навозъ какъ каналію ввергну.... Эй.... суще нерадивый господскому добру и явный ослушникъ и неѣздою по куренямъ въ скорости клятвопреступникъ, смѣлоотчаянный хищникъ Блиненокъ. Уняться отъ всѣхъ вышеописанныхъ дурностей, а то вѣчно будешь зѣло и зѣло раскаяваться, да не воротишь, ибо уже поздно совсѣмъ будетъ и никакого мѣста къ прощенію

[1]) Голицынскій Архивъ.

[2]) Такъ напр. крѣпостные генеральши Толстой жаловались въ челобитной императрицѣ, что управитель, пріѣзжая къ нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, бралъ съ нихъ каждый разъ по 30 и 40 р.; а если они не давали, то сбривалъ имъ бороды и волоса на головѣ. Всего въ 10 лѣтъ онъ взыскалъ съ нихъ въ свою пользу 2000 р. А. М. Ю. Дѣла Сената № 173—3744, л. 591—593, п. 6. Срав. *Рыбкинъ*. 46—47, 49—50.

въ сердцѣ моемъ тогда уже не останется, ибо вышелъ я почти изо всякаго терпѣнія отъ тебя». Затѣмъ слѣдуетъ такое же наставленіе другому прикащику за его «преступныя двуголовыя ослушности похищеніемъ руды, угля и за прочее».— «Неслыханную коросту ослушности и дурности, — продолжаетъ Демидовъ, — вскорѣ вамъ, архибестіямъ, перевесть и быть вамъ.... точно и переточно во всемъ, какъ.... непорочная совѣсть съ похвалою быть повелѣваетъ».—«Цыцъ и перецыцъ, яко бы нельзя умножить выдѣлы и передѣлы... а чтобъ по куренямъ и всюду нельзя.... еженедѣльно вамъ якобы ѣздить, то цыцъ и перецыцъ не токмо думать, но и мыслить вамъ сего, архибестіямъ, страшиться, ибо ничего, хотя бабку свою пойте, въ резонъ нимало не приму».—Да не подумаютъ читатели, что хозяйскій гнѣвъ разрѣшался только крѣпкими словцами въ родѣ слѣдующихъ: «бестіянцы двуголовые», «ночные хищные волки», «какъ лягушекъ васъ раздавлю» и т. д.,—нѣтъ, этимъ дѣло вовсе не ограничивается, какъ видно изъ того же письма. Дѣтей одного прикащика держатъ въ цѣпяхъ, другаго самого Демидовъ приказываетъ «плетьми добре высѣчь», а конторщика велитъ наказать плетьми «въ проводку по фабрикамъ». Впредь Демидовъ грозилъ еще болѣе тяжелыми наказаніями и денежными штрафами. «По всему видно,—писалъ онъ,—Богъ зачалъ васъ, архибестіевъ, карать» [1]).

Тутъ господинъ является въ грозномъ всеоружіи плетей, палокъ и штрафовъ. Это какъ будто какая-то высшая сила, карающая злыхъ и милующая добрыхъ. Если сравнить это письмо съ нѣкоторыми произведеніями сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, напримѣръ, съ письмомъ господина къ своему прикащику въ Новиковскомъ «Трутнѣ» [2]), то мы увидимъ, что сатира далеко оставалась позади жизни. Сопоставивъ это посланіе съ «журналомъ домоваго управленія» и съ письмомъ помѣщика Бѣлавина, гдѣ онъ выражаетъ желаніе разорить своихъ крестьянъ, мы получимъ понятіе объ обширной крѣпостнической литературѣ второй половины XVIII вѣка, изъ которой пока намъ извѣстны лишь небольшіе отрывки.

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ были изъ крѣпостныхъ людей не только прикащики, но и ходатаи по разнымъ дѣламъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Такъ у Суворова одинъ крестьянинъ, бывшій въ молодости писаремъ при вотчинѣ, отлично понималъ дѣла по генеральному размежеванію и разверстанію угодій съ сосѣдними помѣщиками. Ему удавалось заключать съ ними сдѣлки, весьма выгодныя для господина, и потому Суворовъ относился къ нему самымъ дружескимъ образомъ, хвалилъ и награждалъ его. Сосѣдній помѣщикъ, присматривавшій за новгородскими вотчинами Суворова, посовѣтовалъ ему назначить этому крѣпостному ходатаю по дѣламъ по 120 руб. жалованья въ годъ, такъ какъ порученія помѣщика мѣшали ему, какъ слѣдуетъ, вести собствен-

[1]) Пермскій Сборникъ I. Приб. стр. 57—67.

[2]) Изд. Ефремова, стр. 183—186.

ное хозяйство; онъ предлагалъ также, чтобъ этому крестьянину «запашку имѣть прежнюю и косить прежніе участки», т. е. чтобъ его не касались передѣлы земель; во время жатвы брать на работу бабъ, держать лошадей и скота, сколько захочетъ. Эти совѣты были, вѣроятно, исполнены Суворовымъ [1]). Крѣпостной стряпчій кн. Д. М. Голицына получалъ жалованья, на платье и харчевыхъ 250 р. въ годъ [2]).

Управители и прикащики всегда назначались помѣщикомъ; бурмистры и старосты то выбирались крестьянскимъ міромъ, то назначались господиномъ. Въ вотчинахъ Орловыхъ бурмистры были выборные; [3]) по уложенію гр. В. Орлова, крестьяне не могли только смѣнять ихъ безъ согласія помѣщика; въ случаѣ временнаго отсутствія бурмистра, его замѣнялъ другой крестьянинъ, тоже выборный на мірской сходкѣ. Въ помощь бурмистру выбирались въ имѣніяхъ Орлова ежегодно 2 человѣка, а если міръ находилъ нужнымъ, то и болѣе. Въ ярославской вотчинѣ Яковлева, бурмистръ, предложившій своимъ товарищамъ устроить кассу для взаимнаго вспомоществованія (см. стр. 113), былъ также выбранъ міромъ [4]). Авторъ книги» Плугъ и соха» говоритъ: «смотрѣніе за деревнями имѣетъ или отъ господина опредѣленный, или самими крестьянами избранный староста». По словамъ англійскаго путешественника Кларка «староста обыкновенно избирается крестьянами то ежегодно, то пожизненно.... Но иногда господинъ самъ назначаетъ его» [5]). Бурмистръ получалъ жалованье то отъ помѣщика, то изъ мірскихъ суммъ; по всей вѣроятности въ первыхъ вотчинахъ онъ назначался помѣщикомъ, во вторыхъ избирался міромъ. Бывало и такъ, что помѣщикъ только утверждалъ бурмистра, выбраннаго самими крестьянами. Что касается размѣровъ жалованья бурмистру, то мы знаемъ напр., что въ одной вотчинѣ гр. Разумовской онъ получалъ отъ помѣщицы 50 р. въ годъ. [6]). Суворовъ,

[1]) *Рыбкинъ*, 87—91, 110.

[2]) Голицынскій архивъ.

[3]) *Гр. Орловъ-Давыдовъ*. I, 270.

[4]) Воспоминанія крѣпостнаго, „Русск. Вѣстн.“ 1877 г. № 7, стр. 331.

[5]) *Clarke*. Travels in various countries of Europe, 167. Авторъ статьи „Мысли патріота“ говоритъ, что въ своемъ оброчномъ имѣніи онъ самъ назначилъ старосту въ каждую деревню, а кромѣ того надо всѣми ими поставилъ „выборнаго“ (назначеннаго имъ самимъ) „для общихъ дѣлъ всѣхъ деревень“. Въ этомъ случаѣ выборный очевидно имѣетъ такое же значеніе какъ и бурмистръ. (Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. 22, л. 140.) Когда крестьяне псковской губ., купленные помѣщиками Кожиными, стали волноваться, „они выбраннаго Кожиными старосту презрѣли, а избрали своего прежняго“. Арх. М. Ю. № 648—4219, л. 274“.

[6]) Голицынскій архивъ.

назначая одного старосту, писалъ, «что въ работахъ ему будетъ помощь отъ міра» [1]); такъ было и въ другихъ имѣніяхъ: по свидѣтельству Удолова выбираемымъ міромъ старостамъ «дается мірская не малая подмога или отъ помѣщиковыхъ работъ льгота». [2]) Въ имѣніи кн. А. М. Голицына староста получалъ по мірскому приговору 25 р. жалованья въ годъ.

В. Орловъ установилъ такія правила относительно обязанностей бурмистра и его помощниковъ «выборныхъ». Бурмистру принадлежитъ главное начальство въ вотчинѣ и всѣ крестьяне должны быть у него въ полномъ послушаніи; въ помощь ему ежегодно выбираются два человѣка или, по усмотрѣнію міра, и болѣе. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ бурмистръ долженъ былъ совѣтоваться съ выборными и другими «лучшими» людьми, а если нужно, то и со всѣмъ міромъ; вмѣстѣ же съ выборными онъ чинитъ судъ и расправу, хотя опять-таки есть дѣла, поступающія на разсмотрѣніе всего міра. Мірской сходъ собирается не иначе, какъ по повѣсткѣ бурмистра; мірскія деньги выдаются хранящимъ ихъ только по приказанію бурмистра и съ согласія выборныхъ; они же повѣряютъ цѣлость мірской кассы. Бурмистръ долженъ былъ писать въ главную контору о томъ, кто заслуживаетъ быть сданнымъ въ рекруты; тѣхъ, кто укрывается во время рекрутчины и явится по окончаніи набора, онъ долженъ былъ отдавать въ солдаты немедленно. Бурмистръ съ выборными лучшими крестьянами и ближайшими родственниками долженъ былъ назначать опекуна не только надъ малолѣтными, но и надъ взрослыми, неспособными къ управленію своимъ домомъ, — сумашедшими, дураками и людьми расточительными, и потомъ присматривать за опекунами, чтобы интересы опекаемыхъ не пострадали. Бурмистръ съ выборными и «лучшими стариками» должны были пріискивать жениховъ дѣвушкамъ, обращая вниманіе на то, чтобы браки были равные, какъ по личнымъ достоинствамъ, такъ и по состоянію. На бурмистра возлагались еще болѣе щекотливыя обязанности: онъ и другія начальствующія лица должны были «унимать впадшихъ въ прелюбодѣяніе», а также заботиться о призрѣніи незаконно-рожденныхъ подкидышей. Мы увидимъ ниже, что крѣпостные крестьяне В. Орлова имѣли, въ свою очередь, купленныхъ слугъ; на пріобрѣтеніе такихъ работниковъ или работницъ слѣдовало испросить разрѣшеніе у бурмистра, и оно давалось только людямъ хорошаго поведенія;

[1]) *Рыбкинъ*, 74.
[2]) Тр. Вольн. Эк. Об. XV, 225.

бурмистръ же долженъ былъ наблюдать, чтобы хозяева не обременяли этихъ «покупныхъ людей» излишнею работою и не наказывали ихъ безъ уважительной причины, въ противномъ случаѣ онъ могъ отбирать ихъ (конечно, въ пользу помѣщика) безъ всякаго вознагражденія. Бурмистръ выдавалъ крестьянамъ для отлучки въ неотдаленныя мѣста письменные виды за своею подписью и присматривалъ, чтобы въ вотчинѣ никто не держалъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Наконецъ, крестьяне не могли отдавать въ наемъ своихъ поземельныхъ участковъ безъ согласія бурмистра. Жалованье бурмистру назначалъ міръ въ томъ размѣрѣ, какой находилъ нужнымъ; отъ міра также зависѣло дать или не дать жалованье выборнымъ.

Въ одномъ значеніи со словомъ бурмистръ употреблялись иногда и термины—староста и выборный, т. е. въ смыслѣ главнаго начальника надъ вотчиною въ отсутствіе барина; но эти должности чаще имѣли второстепенное значеніе. Рычковъ въ своемъ «Наказѣ для прикащика» говоритъ: «что надлежитъ до опредѣленія крестьянъ въ выборные, въ старосты, въ цѣловальники къ приходамъ и расходамъ и въ другія волостныя, сельскія и деревенскія надобности, то въ большихъ вотчинахъ можно сіе оставить на выборъ и усмотрѣніе прикащиковъ и выборныхъ, развѣ самъ помѣщикъ по знаемости и довѣренности захочетъ кого нибудь изъ крестьянъ своихъ въ ту или другую должность употребить, что всегда можетъ оставаться въ его волѣ; а когда оные люди по мірскому выбору и по усмотрѣнію самихъ управителей и прикащиковъ будутъ въ тѣ должности опредѣлены, то, въ случаѣ неисправности ихъ, должны они за нихъ и отвѣтствовать. А въ небольшихъ и въ малыхъ деревняхъ выборные и старосты *опредѣляются по выбору мірскихъ людей*, за которыхъ также всѣмъ міромъ надлежитъ и отвѣтствовать [1]). Тутъ, слѣдовательно, по мысли Рычкова, прикащикъ оказывается ненужнымъ и выборныя мірскія власти сохраняютъ свое полное значеніе.

Объ обязанностяхъ *старостъ и выборныхъ* мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія въ неизданномъ описаніи нерехотскаго уѣзда костромской губерніи (1805 г.), которыми мы и воспользуемся. Если деревня состоитъ на барщинѣ, то староста или выборный наряжаетъ крестьянъ на работы и смотритъ, чтобы они исправно исполняли какъ полевую работу, такъ и возку дровъ, починку строеній, копаніе огородовъ, молотьбу и т. п. Обо всемъ этомъ староста доноситъ помѣщику, если тотъ живетъ

¹) Тр. Вольн. Эк. Общ., XVI, 30—31.

въ той же вотчинѣ, въ противномъ случаѣ сообщаетъ ему обо всемъ письменно. Въ отсутствіи же помѣщика, а также и въ оброчныхъ имѣніяхъ, «выборные и старосты наблюдаютъ слѣдующее: смотря за земледѣльцами, чтобъ они жили добропорядочно и не были-бъ праздношатающіеся и пьяницы, буде таковыхъ примѣтятъ или въ другихъ порокахъ кого замѣтятъ, то въ такомъ случаѣ собираютъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ (т. е. всѣхъ крестьянъ) на совѣтъ, что у нихъ называется сходомъ, и, объявя имъ объ ономъ, съ совѣту, а иногда и съ согласія ихъ, наказываютъ такихъ, смотря по винѣ; а за важныя преступленія по законамъ преступники отдаются къ сужденію въ узаконенные на то суды. Они разбираютъ ссоры и несогласія между своими подчиненными и дѣлаютъ распоряженія въ разсужденіи раздѣловъ земель какъ полевыхъ, такъ равно и усадебныхъ, а также и сѣнныхъ покосовъ. Смотрятъ также, чтобъ имѣли осторожность отъ огня и не сушили-бъ овиновъ, когда вѣтеръ бываетъ отъ овиновъ на селеніе; также чтобъ поселяне съ лучинами зажженными по дворамъ не ходили, а имѣли бы для сего фонари со свѣчами. Большое-жъ они должны имѣть стараніе о собраніи возложенныхъ на поселянъ государственныхъ податей, кои, въ сроки положенные сбирая, отвозятъ въ уѣздное казначейство. Буде-жъ кои изъ ихъ подчиненныхъ платить не въ состояніи, то за таковыхъ они платятъ всѣ вообще, а нерадивыхъ и лѣнивыхъ наказываютъ съ общаго совѣта, а при томъ и деньги неотмѣнно взыскиваютъ, равно-жъ и господскіе оброки собираютъ и сами или чрезъ посланныхъ къ помѣщикамъ оные доставляютъ». Такимъ образомъ въ отсутствіи помѣщиковъ на старостахъ и выборныхъ лежали административно-полицейскія обязанности судебныя же обязанности они несли вмѣстѣ съ міромъ [1]). Въ вотчинахъ гр. Румянцева (вѣроятно и во многихъ другихъ) полицейскія обязанности были возложены на сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ: они должны были понуждать крестьянъ ходить въ церковь, наблюдать, чтобы не было корчемства, чтобы крестьяне не отлучались самовольно изъ вотчины, высылать на барщину работниковъ, смотрѣть, чтобы крестьяне старательно обработывали свою землю и пр. [2]).

Кромѣ бурмистровъ и старостъ, были еще *цѣловальники*, выбиравшіеся крестьянскимъ міромъ для храненія денежной казны помѣщика [3]).

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188.

[2]) Рук. Румянц. Музея, № 355.

[3]) Въ Уложеніи В. Г. Орлова цѣловальникъ называется „денежнымъ старостою“; жалованье онъ получалъ отъ міра.

Нѣкоторыя подробности объ обязанностяхъ, связанныхъ съ этою должностью, мы узнаемъ изъ особой инструкціи, составленной для цѣловальника Румянцевымъ (1751 г.). Онъ долженъ былъ принимать и выдавать на расходы деньги не иначе, какъ по письменнымъ приказамъ конторы «вотчинныхъ дѣлъ»; (у Орлова по приказу бурмистра и съ согласія выборныхъ). Принимая деньги, цѣловальникъ выдавалъ росписку и записывалъ въ приходную книгу; выдавая какую либо сумму, онъ записывалъ ее въ расходную книгу, въ которой получающій долженъ былъ расписаться. Деньги хранились въ мѣшкахъ; къ каждому изъ нихъ была привѣшена восковая печать цѣловальника, а къ сундуку, гдѣ хранились эти мѣшки, приложена печать отъ «домовыхъ дѣлъ». Цѣловальникъ не долженъ былъ вынимать денегъ одинъ, безъ управителя или старосты и выборнаго, но въ то же время изъ мѣшковъ онъ долженъ былъ всегда самъ доставать деньги. Въ заключеніе инструкціи Румянцевъ говоритъ: «а тѣхъ нашихъ денегъ бываетъ въ сборѣ не мало и тебѣ себя содержать надлежитъ въ трезвости, и отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ или пьянствъ отвращаться, ибо если что прочтешь (т. е. просчитаешь) или пренебрежешь, не только вдвое возвратить должно будетъ (sic), а если отважишься изъ того что похитить, то всего имѣнія своего лишишься и подъ жестокимъ наказаніемъ въ какую либо работу вѣчно употребленъ будешь». Въ началѣ же этой инструкціи сказано, что, въ случаѣ растраты, сдѣланной цѣловальникомъ, деньги будутъ взысканы съ міру (если цѣловальникъ окажется несостоятельнымъ). По другой, болѣе подробной инструкціи гр. Румянцева велѣно было выбрать міромъ одного цѣловальника для храненія господской денежной казны, другаго для пріема хлѣба, третьяго на винокуренный заводъ; для пріема же разныхъ матеріаловъ и столовыхъ припасовъ въ господскомъ домѣ крестьяне должны были выбирать «казеннаго старосту». Такъ какъ очень часто выбираемые на эти должности были безграмотны, то они могли бы совершенно сбиться со счету, если бы у крестьянъ не было для этого весьма остроумнаго средства. Старосты и цѣловальники получали деревянныя четвероугольныя палочки (такъ называемыя *бирки*) за печатью, съ обозначеніемъ для какихъ предметовъ, какой мѣры и какихъ денегъ служитъ каждая изъ нихъ. Совершенно такіе же палочки находились и у бухгалтеровъ, записывавшихъ приходъ и расходъ. При производствѣ счетовъ между бухгалтерами съ одной стороны и старостами и цѣловальниками съ другой, соотвѣтственныя бирки тѣхъ и другихъ складывались, на нихъ одновременно производились нарѣзки и затѣмъ каждая изъ сторонъ хранила свои бирки,

которыя для старостъ служили какъ бы квитанціею. Ежегодно всѣ старосты и цѣловальники являлись въ главную контору господина съ этими бирками, имъ производился учетъ и тогда они получали уже настоящія квитанціи [1]). Должность цѣловальника была хлопотливая и непріятная, поэтому ее принимали лишь вслѣдствіе принужденія со стороны міра; крестьяне старались выбирать вполнѣ честныхъ людей, чтобы не отвѣчать за нихъ въ случаѣ растраты. Выбирались на эту должность на годовой срокъ, но иной разъ честные цѣловальники исполняли свою обязанность и гораздо долѣе. За свои труды цѣловальники пользовались нѣкоторыми льготами въ господской работѣ [2]).

Въ вотчинахъ В. Орлова были еще особые сборщики оброка и затѣмъ, для провѣрки мірскихъ суммъ, ежегодно выбирались счетчики. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне назначали также изъ своей среды окладчиковъ для раскладки тяголъ, для распредѣленія рекрутской повинности. Въ имѣніяхъ гр. Румянцова крестьяне выбирали еще особыхъ людей для покупки нужныхъ господину припасовъ, хлѣба и т. п. (такъ называемые *купчины*), при чемъ міръ отвѣчалъ, если они покупали дороже настоящей цѣны.

Для веденія всего письмоводства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (точно также, какъ и въ волостяхъ государственныхъ крестьянъ) были *земскіе* (т. е. земскіе дьяки или дьячки, писаря). Уложеніе Орлова такимъ образомъ опредѣляетъ его обязанности: онъ долженъ былъ содержать въ порядкѣ всѣ письменныя дѣла и счеты, посылать дѣла въ главную контору, доставлять туда же чрезъ извѣстные сроки роспись нерѣшенныхъ дѣлъ, заносить въ журналъ всѣ приказы изъ главной конторы, хранить мірскіе приговоры и записывать ихъ въ книгу. Земскій, по уложенію Орлова, долженъ быть въ полномъ послушаніи у бурмистра, который могъ не только наказывать его, но даже отрѣшить отъ должности. У Румянцева одинъ земскій записывалъ на винокуренномъ заводѣ приходъ и расходъ хлѣба, другой въ избѣ «вотчиннаго правленія» хранилъ по описи всѣ письменныя дѣла, вновь полученные указы и черновыя отписки отъ нихъ; третій велъ дѣловую переписку. Всѣ они выбирались міромъ. Если замѣчали какой нибудь безпорядокъ, они должны были заявить о томъ учравителю, а если онъ не обратитъ вниманія на ихъ слова, то подробно

[1]) Рук. Румянц. Музея, № 355.
[2]) Тр. Вольн. Эк. Общ. ч. XV, 227—228.

донести самому господину [1]). Такимъ образомъ у богатыхъ помѣщиковъ все управленіе было основано на правильномъ письмоводствѣ; аккуратно записывались не только входящія и исходящія бумаги и денежные счеты, но даже и тѣ наказанія, которымъ подвергались провинившіеся крѣпостные.

Управленіе вотчиною сосредоточивалось въ такъ называемой «приказной избѣ»; гр. Румянцевъ составилъ для нея подробный наказъ, отдѣльными постановленіями котораго мы отчасти воспользовались, частію же будемъ пользоваться впредь.

Мы видѣли, что прикащики у нѣкоторыхъ помѣщиковъ подвергались за различныя провинности тяжелымъ наказаніямъ; не избѣгали въ извѣстныхъ случаяхъ кары и другія вотчинныя власти. Главнымъ преступленіемъ ихъ была неаккуратная доставка оброка; за эту вину помѣщикъ, которому Суворовъ поручилъ присмотръ за своими вотчинами, приказываетъ держать старосту въ оковахъ, пока тотъ не внесетъ оброчныхъ денегъ сполна [2]).

У Румянцева, за нарушеніе правилъ данной имъ инструкціи, полагалось: управителей и прикащиковъ лишать годоваго жалованья и, кромѣ того, причиненный убытокъ взыскать съ нихъ вдвое, а если сдѣлаетъ это бурмистръ, староста или цѣловальники, то съ нихъ брать штрафъ по 10 руб. и взыскать убытки, а ихъ самихъ, или за негодностію — ихъ дѣтей, сдавать въ рекруты безъ жребія. Въ другой инструкціи старосту или цѣловальника, растратившаго господскія деньги и неимѣющаго средствъ ихъ возвратить, Румянцевъ велѣлъ въ оковахъ посылать на работу до ближайшаго рекрутскаго набора, во время котораго и сдавать въ солдаты безъ жребія; если же они къ этому окажутся негодными, то заставить рубить дрова и кормить свиней при винномъ заводѣ, а ихъ дома и имѣніе передать дѣтямъ или на кого міръ положитъ ихъ тягло. Растраченныя деньги, какъ мы уже знаемъ, взыскивались со всего міра.

Румянцевъ въ своей инструкціи далъ подробныя правила о томъ, ка-

[1]) Жалованье у Румянцева (по 6 р. каждый) они получали не отъ помѣщика, или, какъ онъ самъ выражается, „изъ казенныхъ денегъ“, а на мірской счетъ. Провіантъ же (по 6 четвериковъ ржи и по 4 овса) да кормъ для скота шелъ имъ изъ господскихъ амбаровъ. Въ подмосковномъ имѣніи Нат. Голицыной одинъ писарь получалъ на счетъ крестьянъ 10 р. въ годъ деньгами, 7½ четвертей ржи и по 1½ четверти ячменю и овса, да на дѣтей по 1½ четверти ржи, другому при томъ же провіантѣ шло только 4 р. жалованья. Во владимірскомъ имѣніи Голицыныхъ писарь получалъ 15 р. и 4 четверти ржи.

[2]) *Рыбкинъ*, 109. Впрочемъ Суворовъ предписалъ впредь не обращаться къ такимъ мѣрамъ.

кому наказанію слѣдуетъ подвергать крестьянъ за каждое преступленіе; такимъ образомъ въ его вотчинахъ, даже и въ отсутствіи помѣщика, дѣйствовала барская воля: господинъ какъ бы заочно произносилъ приговоръ, мѣстнымъ властямъ приходилось только подвести преступленіе подъ тотъ или другой параграфъ правилъ, имъ составленныхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и у Румянцева предоставлялась крестьянскому міру извѣстная доля участія въ судѣ, производившемся въ такъ называемой «избѣ вотчинныхъ дѣлъ». Съ этою цѣлію крестьяне должны были выбирать «первостатейныхъ» (отъ ста душъ по 1, отъ двухсотъ по 4, отъ трехсотъ по 6, отъ тысячи и болѣе по 10 чел.), которые обязаны были присутствовать во время суда; если они замѣтятъ, что прикащикъ постановилъ рѣшеніе, несогласное съ правилами, данными господиномъ, они должны были объявить, что не засвидѣтельствуютъ такого рѣшенія, и донести о томъ помѣщику, такъ какъ они и выбраны «единственно для защищенія крестьянъ отъ нападковъ прикащиковыхъ». Эти «первостатейные» за свое участіе въ судѣ не пользовались никакою льготою въ оброкѣ или барщинѣ, не смотря на то, что они обязаны были присутствовать три раза въ недѣлю въ вотчинной избѣ во время принесенія крестьянами жалобъ и разбора дѣла. Тутъ же судились и дворовые.

Другіе помѣщики предоставляли больше свободы въ дѣлѣ суда мѣстнымъ властямъ и крестьянскому міру. В. Орловъ требуетъ, чтобы его утвержденію подлежали только два вида наказанія: ссылка на поселеніе въ Сибирь и отдача въ рекруты. «Ежели начальство усмотритъ», сказано въ его уложеніи», «что, не смотря на всѣ увѣщанія и сдѣланныя наказанія, порочный не исправляется, тогда *совѣтуется съ міромъ* и представляетъ въ контору мою, отдать ли въ рекруты, или за негодностію продать, или удалить на поселеніе и ожидать рѣшенія. Порочныхъ отдавать въ рекруты и тѣхъ, которые отправили свою очередь, а негодныхъ отлучать отъ вотчины, разумѣется когда они сіе заслуживаютъ. На пороки ихъ дѣлать мірскіе приговоры, прописывая именно, въ чемъ состоятъ и что къ поправленію ихъ нѣтъ надежды. Сіи приговоры доставлять въ контору мою и ожидать рѣшенія. Безъ воли же моей никакого порочнаго въ рекруты не отдавать и отъ вотчины не отлучать». Такимъ образомъ и въ этихъ дѣлахъ иниціатива принадлежала мѣстнымъ властямъ и крестьянскому міру, а господинъ только утверждалъ или отвергалъ приговоръ [1]).

[1]) Рычковъ въ „Наказѣ для прикащика" совѣтуетъ порочныхъ людей помоложе отдавать въ солдаты, а стариковъ ссылать на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, но

Если господинъ самъ жилъ въ вотчинѣ, то, конечно, онъ могъ сдавать въ рекруты въ видѣ наказанія и безъ совѣщанія съ міромъ [1]).—Посмотримъ теперь, къ какимъ наказаніямъ и за что могли присуждать мѣстныя власти по уложенію В. Орлова. Къ тѣлесному наказанію приговаривались по усмотрѣнію бурмистра и выборныхъ во-первыхъ укрывавшіеся отъ рекрутчины (нерѣдко за эту вину явившихся немедленно сдавали въ рекруты, не дожидаясь другого набора), произведшіе семейный раздѣлъ безъ дозволенія бурмистра, выборныхъ и лучшихъ людей, за небереженіе отъ огня и, разумѣется, многія другія провинности. Наказывать слѣдовало розгами и батогами, но не плетьми [2]). Для разбогатѣвшихъ мужиковъ тѣлесное наказаніе, по крайней мѣрѣ при первыхъ проступкахъ, замѣнялось денежнымъ штрафомъ. За невыдачу замужъ дѣвушки, достигшей 20 лѣтъ, велѣно было «взыскивать ежегодно съ средняго дома 25 руб., съ богатаго 50 руб.», бѣдныхъ же наказывать тѣлесно.

Татищевъ, въ своихъ «экономическихъ запискахъ» предписывалъ завести тюрьму, сажать туда провинившихся и не давать имъ хлѣба по двое и по трое сутокъ. Въ дѣлахъ екатерининскаго времени мы не нашли указаній на особыя тюрьмы въ помѣщичьихъ вотчинахъ; ихъ замѣняли, въ случаѣ надобности, амбары и сараи, и только у помѣщика Карташева мы встрѣчаемъ нѣчто въ родѣ тюрьмы (особая изба съ заколоченными окнами).

Спорныя дѣла между крестьянами одной вотчины рѣшались, по уложенію Орлова, бурмистромъ и выборными; если при этомъ «между тяжущимися никакими способами до истины дойти невозможно» и примиреніе не состоится, то «по законамъ гражданскимъ должно рознять вѣрою (т. е.

только испросивъ на то согласіе помѣщиковъ; „въ случаѣ жъ отдаленныхъ ихъ отлучекъ поступать съ согласія выборныхъ старостъ и лучшихъ крестьянъ, а не собою". Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 58—59.

[1]) По указу 1757 г. пріемъ рекрутъ не во время набора производился только въ Петербургѣ и Москвѣ; генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. разрѣшено принимать ихъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ. Со введеніемъ новыхъ учрежденій особое присутствіе казенной палаты должно было во всякое время принимать отъ помѣщиковъ въ рекруты дворовыхъ людей и крестьянъ и зачитать ихъ въ будущіе наборы, взыскивая съ отдатчиковъ предписанныя для рекрутъ платье, деньги и провіантъ на 10 мѣсяцевъ. П. С. З. XVII, 12.748, гл. I, п. 7, 13, XVIII, 13.132, XX, 14.852. Въ Петербургѣ главная полиція приводимыхъ за продерзости людей и крестьнъ отсылала съ зачетомъ въ рекруты въ военную коллегію. П С. З. XX, 14.734.

[2]) Лунинъ предписывалъ своему управляющему наказывать крестьянъ при сходѣ только розгами. Не смотря на разныя ограничительныя постановленія, прикащики умудрялись иногда изувѣчивать крестьянъ жестокими наказаніями: такъ крѣпостной кн. А. М. Голицына вслѣдствіе истязанія отъ прикащика пересталъ владѣть рукою.

присягою), и отдается на волю отвѣтчика, самъ ли онъ пожелаетъ очиститься присягою, или истцу отдаетъ на душу, чѣмъ и тяжба рѣшится». Съ посторонними же людьми всѣмъ «рядовымъ крестьянамъ» запрещалось входить въ тяжбы, а слѣдовало представлять вотчинному начальству, которое, въ свою очередь, доноситъ въ главную контору.

Оброкъ доставлялся крестьянами господину обыкновенно въ два срока; въ случаѣ неисправности, у нѣкоторыхъ владѣльцевъ, имъ давалась иногда отсрочка [1]). Послѣ какого нибудь несчастія — особеннаго неурожая или пожара, нѣкоторые помѣщики на время освобождали своихъ крестьянъ отъ оброка, или, по крайней мѣрѣ, уменьшали его: такъ поступилъ по случаю пожара Лунинъ. Бывало все-таки, что на оброчной вотчинѣ накоплялась недоимка; В. Орловъ, требуя ея пополненія, грозилъ въ противномъ случаѣ перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину [2]), а Суворовъ послалъ своей пензенской вотчинѣ такой приказъ: «вы по сіе время достальной оброкъ мнѣ не высылаете. Я за долгъ мой очень дорого плачу, и все то на васъ положу въ штрафъ. Еще мало пожду и принужденъ буду къ вамъ послать нарочнаго на вашъ счетъ по почтѣ, который все сполна съ васъ взыщетъ со всѣми моими отъ васъ убытками, да еще, думаю, въ удовольствіе ваше, накажетъ тѣлесно всѣхъ первостепенныхъ крестьянъ, хотя того у меня и не водится» [3]). Гр. Румянцевъ за неаккуратность въ сборѣ оброка назначилъ въ своей инструкціи весьма значительный штрафъ; кн. А. М. Голицынъ понуждалъ крестьянъ одной оброчной вотчины, за которою накопилась недоимка, отправляться въ отхожіе промыслы подъ страхомъ наказанія.

При взысканіи оброка примѣнялась круговая порука: зажиточные отвѣчали за бѣдныхъ. Орловъ предписываетъ въ своемъ уложеніи снимать съ бѣдныхъ и малолѣтныхъ извѣстное число душъ, не лишая ихъ въ то же время земли, и накладывать эти души на зажиточныхъ. Воронцовъ въ своей статьѣ говоритъ: «обыкновенно у насъ нынѣ прямые хлѣбопашцы и добрые хозяева многимъ отягощаются предъ лѣнивцами, что весьма несправедливо и со вредомъ великимъ, какъ-то: когда бѣдные, или, справедливо назвать, лѣнивые, не заплатятъ государственную подать или владѣльческую, то оную сбираютъ съ исправныхъ, и тѣмъ са-

[1]) *Рыбкинъ*, 20; приказъ Карновича въ „Восемнадц. Вѣкѣ" Бартенева II, 503. Тоже сдѣлалъ кн. Д. Голицынъ въ 1790 г., имѣя въ виду, что въ то время крестьяне были слишкомъ обременены рекрутскими наборами и другими государственными налогами.

[2]) *Орловъ-Давыдовъ* II, 151.

[3]) *Рыбкинъ*, 65.

мые добрые поселяне огорчаются, а лѣнивымъ даютъ поводъ больше лѣниться». Воронцовъ находилъ необходимымъ, чтобы бѣдные заработывали зажиточнымъ по установленнымъ цѣнамъ то, что послѣдніе за нихъ заплатятъ [1]). Въ оброчныхъ вотчинахъ такъ, по всей вѣроятности, и дѣлалось.

Вліяніе помѣщика не ограничивалось только требованіемъ извѣстныхъ повинностей и взиманіемъ оброка; оно обнимало всѣ стороны жизни крестьянъ и непосредственно или при помощи вотчинныхъ властей и крестьянскаго міра подчиняло крестьянъ извѣстнымъ установленнымъ помѣщикомъ правиламъ: мы встрѣтимъ тутъ и нѣкоторыя ограниченія личныхъ правъ, и предписанія полицейскія, и иной разъ попытку регламентировать почти всю жизнь крестьянина. Всего непріятнѣе для него, конечно, было вмѣшательство самого помѣщика, или, по барскому приказанію, всего міра, въ его семейную жизнь: крестьянинъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что ему удастся женить сына или выдать замужъ дочь по собственному усмотрѣнію; особенно, если онъ не успѣвалъ сдѣлать этого до достиженія его дѣтьми извѣстнаго возраста, то вызывалъ такою медлительностію внѣшнее понужденіе; точно также не были властны члены одной семьи произвести раздѣлъ исключительно по своему желанію. Наконецъ крестьянинъ не могъ ступить шагу изъ вотчины безъ согласія барина или разрѣшенія мѣстныхъ властей. Но объ этихъ ограниченіяхъ личныхъ правъ крестьянина мы будемъ еще говорить подробно, теперь же остановимся на нѣкоторыхъ правилахъ благоустройства и благочинія, установленныхъ помѣщиками.

Извѣстно, какъ часто и въ настоящее время крестьяне страдаютъ отъ пожаровъ; естественно, что помѣщики обращали на это зло серьезное вниманіе и старались подробными правилами о различныхъ предосторожностяхъ предупредить несчастія. Еще Волынскій, въ инструкціи дворецкаго, внимательно останавливается на этомъ вопросѣ и предписываетъ завести въ деревняхъ лѣстницы, крючья и вилы; онъ желалъ даже, чтобъ въ каждой деревнѣ были поставлены высокія караульни съ колоколомъ, гдѣ долженъ былъ постоянно находиться часовой [2]). Татищевъ совѣтовалъ не дозволять крыть избы соломою, класть печи непремѣнно съ трубами, лѣтомъ во дворахъ не топить, а готовить кушанье въ особыхъ печахъ, не сушить въ избахъ льну, не ходить по дворамъ съ

[1]) Тр. Вольн. Экон. Общ. V, 8.

[2]) Москвитянинъ, 1854 г. №№ 1 и 2, стр. 19—20.

зажженною лучиною [1]). На этотъ предметъ обращаетъ большое вниманіе и Орловъ въ своемъ уложеніи; онъ предписываетъ крестьянамъ опредѣлить на сходѣ, кому обзавестись тѣмъ или другимъ пожарнымъ инструментомъ, съ которымъ и являться въ случаѣ несчастія, а также дѣлаетъ подобно Татищеву, и другія предписанія [2]).

Въ случаѣ особенной тѣсноты жилищъ помѣщикъ переселялъ крестьянъ на новое мѣсто. Лунинъ въ 1793 г. далъ такой приказъ въ домовое правленіе одной изъ своихъ вотчинъ. Тамошніе крестьяне жили такъ тѣсно, что нѣкоторые на два тягла имѣли подъ своими дворами не болѣе 6 сажень въ ширину и 8 въ длину; по этому, *согласно съ желаніемъ крестьянъ*, помѣщикъ предписалъ перенести 10 дворовъ на новое мѣсто, гдѣ и селиться въ томъ порядкѣ, какъ «досталось по жребію, произведенному между собою ими самими». Для облегченія переселяющихся, имъ даны были нѣкоторыя льготы въ повинностяхъ. Кромѣ того, на каждую избу велѣно было дать готовыя рамы со стеклами, а для печей по 250 штукъ обожженнаго кирпича. Остававшіеся на прежнемъ мѣстѣ должны были немедленно перенести сараи подальше отъ гуменъ.

Во время заразительныхъ болѣзней, какъ на людей такъ и на скотъ, Орловъ совѣтовалъ въ своемъ уложеніи предпринимать извѣстныя предохранительныя мѣры. Суворовъ, по случаю сильнаго заболѣванія дѣтей оспою и корью въ одной изъ его вотчинъ, обратилъ вниманіе на то, что это отчасти происходитъ отъ постоя проѣзжающихъ въ домахъ, гдѣ есть больныя дѣти, и потому предписалъ смотрѣть, чтобъ этого не было [3]).— Помѣщики настоятельно требовали также, чтобы въ ихъ вотчинѣ не было тайной продажи вина. Суворовъ запрещалъ даже своимъ крестьянамъ варить пиво. На старостъ и выборныхъ между прочимъ возлагалась обязанность смотрѣть, чтобы среди крестьянъ не было праздношатающихся и пьяницъ, и такихъ «съ совѣта» или «съ согласія» схода наказывать, смотря по винѣ [4]).

[1]) Временникъ XIII, 19—20.

[2]) Уложеніе гр. Орлова въ Ярославск. Вѣдом. 1853 г.—Въ своихъ первыхъ приказахъ въ деревнѣ В. Г. Орловъ предписывалъ даже возводить въ переулкахъ между домами каменныя стѣны для защиты отъ огня (*Орловъ-Давыдовъ* I, 270; но, вѣроятно убѣдившись въ невозможности выполнить подобное требованіе, не внесъ его въ свое уложеніе.—Кн. А. М. Голицынъ предписывалъ запечатывать печи съ 1 Мая до Сентября и варить пищу во временныхъ печахъ подалѣе отъ деревни.

[3]) *Рыбкинъ*, 30.

[4]) Описаніе Нерехотскаго у. (1805 г.) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188; *Рыбкинъ*, 32; Уложеніе Орлова; Сельско-хозяйств. замѣтки 1791 г. въ Арх. Вольн. Эк. Общ. № 121, л. 127.

Заботливые помѣщики обращали вниманіе на всякую мелочь въ крестьянскомъ быту и наказывали крестьянъ за малѣйшую неисправность. Вообще желаніе регламентировать жизнь крестьянъ во всѣхъ подробностяхъ было совершенно въ духѣ того времени и такія стремленія не оставались одною теоріей [1]. Суворовъ, когда жилъ въ деревнѣ, вставалъ ранѣе всѣхъ и самъ будилъ мужиковъ на работу, наставительно объясняя, что «нельзя мужику спать долго: поле проспитъ, покосъ проспитъ и все имѣнье потеряетъ.... Коли хочешь жить и хлѣбъ имѣть, работай проворно, заботу имѣй большую и время береги». Объясняя въ одной изъ своихъ записокъ необходимость унавоживанія земли, Суворовъ говоритъ: «Я наистрожайше настаивать буду о размноженіи рогатаго скота и за нерадѣніе о томъ жестоко въ началѣ старосту, а потомъ всѣхъ наказывать буду. Единожды размноженную скотину отнюдь не продавать и не рѣзать, и только бычковъ промѣнивать на телушекъ съ придачею. Самимъ же вамъ лучше быть пока безъ мяса, но съ хлѣбомъ и молокомъ» [2]. Одинъ помѣщикъ такъ описываетъ свои заботы о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ и мѣры, которыя онъ принималъ для исправленія нерадивыхъ: по пріѣздѣ въ деревню, онъ отвѣдывалъ въ каждой избѣ хлѣбъ, щи и квасъ; крестьянъ, у которыхъ находилъ все въ порядкѣ, благодарилъ «и по просьбамъ ихъ дѣлалъ удовольствіе, а которые нашлись неисправны, отказывалъ во всемъ, какія они имѣли нужды, но безъ всякаго тѣлеснаго наказанія и безъ злобы, съ такою еще притомъ разностію, что добропорядочный крестьянинъ имѣетъ волю входить въ переднюю безъ доклада, а лѣнивымъ должно дождаться въ сѣняхъ». Такія преимущества, если вѣрить автору, «невѣроятное дѣлали поправленіе» [3].

Помѣщики дѣйствительно должны были бы обращать большое вниманіе на благосостояніе крестьянъ, потому что законъ обязывалъ ихъ заботиться объ прокормленіи своихъ крѣпостныхъ во время неурожаевъ и не допускать ихъ до нищенства. Нужно замѣтить, что это была един-

[1] *Татищевъ* во Временн. XIII, 27; *Рычковъ* Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 57—58. Нужно замѣтить впрочемъ, что въ Германіи, Остзейскомъ краѣ и Польшѣ помѣщики производили гораздо большее давленіе на всю жизнь крестьянъ. Для характеристики германскихъ и остзейскихъ порядковъ стоитъ только упомянуть о правѣ землевладѣльца распредѣлять по дворамъ, какъ ему вздумается, лишнихъ работниковъ (*Samson*, 154). Въ Польшѣ все хозяйство крестьянина было опредѣлено: мы встрѣчаемъ распоряженія помѣщиковъ, дозволяющія ему держать лишь опредѣленное количество скота, выдѣлывать столько-то полотна и проч. Rolnicza Ludność, 20.

[2] *Рыбкинъ* 60, 73.

[3] Тр. Вольн. Эк. Общ. VI, 31.

ственная обязанность помѣщика относительно крестьянъ, установленная закономъ. Однако многіе помѣщики не радѣли о продовольствіи крестьянъ и допускали ихъ ходить по міру [1]). Въ 1750 году, по случаю голода, помѣщикамъ было запрещено винокуреніе и велѣно было понуждать ихъ доставлять крестьянамъ пропитаніе и сѣмена на посѣвъ. Въ 1761 году было предписано, чтобы помѣщики имѣли для своихъ крѣпостныхъ годовой запасъ хлѣба, а иначе, въ случаѣ неурожая, они должны были покупать для крестьянъ хлѣбъ, хотя бы по самой дорогой цѣнѣ [2]). Но помѣщики иногда прямо заявляли, что не въ состояніи прокормить своихъ людей, какъ это сдѣлали можайскіе дворяне въ 60-хъ годахъ, во время трехлѣтняго неурожая [3]). Съ другой стороны, крестьяне не знали, что помѣщики должны заботиться объ ихъ пропитаніи, и потому въ петербургской губерніи среди народа ходили только слухи объ изданіи указа, обязывавшаго помѣщика кормить своихъ крестьянъ [4]).

Со вступленіемъ на простолъ Екатерины II, правительство стало заботиться объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ для обезпеченія народнаго продовольствія (эта мысль приходила въ голову еще Петру Великому, но она не была приведена въ исполненіе). На помощь правительству пришло въ этомъ дѣлѣ и Вольное Экономическое Общество. Въ трудахъ его появилась статья гр. Воронцова, въ которой отчасти сказывается желаніе свалить на самихъ крестьянъ тяжесть единственнаго обязательства помѣщиковъ относительно крѣпостныхъ, — заботу объ обезпеченіи ихъ продовольствія.

Упомянувъ о томъ, что, въ случаѣ неурожая, крестьяне иногда покидаютъ свои жилища и переселяются въ болѣе плодородныя мѣста, гр. Воронцовъ говоритъ, что эти переселенія, вызываемыя нуждою, можно остановить заботливостію помѣщиковъ или управляющихъ имѣніями. Онъ предлагалъ для этого слѣдующія мѣры: 1) въ деревняхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщикъ долженъ назначить по одной десятинѣ въ полѣ на 10 сохъ, или на 6 плуговъ; эту землю они должны вспахать, засѣять и сбираемый съ нея хлѣбъ ссыпать въ особыя житницы до тѣхъ поръ, пока не накопится запасъ, необходимый для полнаго годоваго продоволь-

[1]) П. С. З. IX, 6569, 6570, 6653, сравн. 6682, XI, 8407, XIII, 9992. Въ голодный 1734 г. велѣно было въ мѣстностяхъ, страдавшихъ отъ неурожая, описать у помѣщиковъ излишній хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ, опредѣлить ему умѣренную цѣну и продавать по ней, какъ это дѣлалось и при Петрѣ В.

[2]) П. С. З. XIII, 9709, XV, 11.203.

[3]) Сб. Ист. Общ. VIII, 546.

[4]) Арх. М. Ю., дѣла сената № 82—4983, л. 380—382.

ствія всѣхъ жителей; 2) въ оброчныхъ деревняхъ сдѣлать тоже самое, *сбавивъ нѣсколько оброкъ*; 3) такъ какъ въ Россіи есть села и деревни «весьма малоземельныя, такъ что, кромѣ огородовъ, пашенной земли вовсе не имѣютъ» (дѣло вѣроятно идетъ о ростовскихъ огородникахъ и т. п.), то въ такихъ мѣстахъ можно пріобрѣсти запасный хлѣбъ покупкою. Когда хлѣба накопится достаточно, владѣлецъ не долженъ употреблять его на собственныя потребности, а сохранять для нуждъ крестьянъ. Слѣдовательно въ пашенныхъ деревняхъ дѣло устроилось бы такимъ образомъ, что, послѣ того какъ разъ помѣщикъ далъ сѣмена на посѣвъ, сами крестьяне обязаны были ежегодно работать для наполненія запаснаго магазина; между тѣмъ, по закону, помѣщикъ, въ случаѣ неурожая, обязанъ былъ продовольствовать ихъ изъ собственнаго хлѣба; въ оброчныхъ имѣніяхъ предполагалась только *единовременная* сбавка оброка. Р. Воронцовъ убѣждалъ крестьянъ и помѣщиковъ, какъ важно для обѣихъ сторонъ соединить трудъ первыхъ съ капиталомъ вторыхъ [1]).—Послѣ этой статьи помѣщено было еще объявленіе отъ Вольнаго Экономическаго Общества, что оно назначаетъ золотую медаль въ 25 червонцевъ тому изъ помѣщиковъ каждаго уѣзда, кто первый въ теченіи 10 лѣтъ успѣетъ, согласно съ предложеніемъ Воронцова, наполнить свои запасные магазины такимъ количествомъ хлѣба, какое необходимо для годоваго пропитанія его крестьянъ.

Рычковъ, подобно Воронцову, также считалъ болѣе удобнымъ свалить на самихъ крѣпостныхъ заботу объ обезпеченіи ихъ продовольствія: онъ не упоминаетъ къ тому же ни о какомъ пожертвованіи со стороны помѣщика, а предлагаетъ ежегодно, по окончаніи помѣщичьихъ работъ, заставлять крестьянъ работать на барщинѣ по одному дню—пахать, сѣять, жать и убирать; такимъ образомъ составится въ нѣсколько лѣтъ «нечувствительнымъ и для крестьянъ неотяготительнымъ образомъ» достаточный запасъ хлѣба [2]).

Неизвѣстный, приславшій въ Вольное Экономическое Общество замѣтку «о полезномъ учрежденіи при вотчинахъ мірскихъ магазиновъ» безъ всякой мірской запашки и слѣдовательно безъ содѣйствія со стороны помѣщика даже сѣменами на первый случай, предлагалъ просто начать

[1]) Тр. В. Эк. Общ. 1766 г. II, 1—10. Ср. въ наказѣ управителямъ бар. Вольфа. Тр. В. Эк. Общ. XII, 32.

[2]) Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 61—62. Въ сельскозяйствен. замѣткахъ, доставленныхъ въ 1791 г., авторъ также совѣтуетъ устроить запасный магазинъ посредствомъ общественной запашки. Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № 121, л. 127.

сборъ хлѣба съ каждаго тягла по 3 четверти пшеницы, ржи и овса, и по прошествіи 8 лѣтъ, когда на каждую душу накопится по 3 четверти, выдавать ссуды неимущимъ. Авторъ не остановился при этомъ на вопросѣ, могли ли крестьяне ежегодно удѣлять по 9 четвериковъ разнаго хлѣба съ тягла безъ ущерба для своего пропитанія; но онъ намекаетъ на гораздо болѣе неблагопріятное для крестьянъ обстоятельство: авторъ, какъ видно, далеко не вполнѣ увѣренъ въ томъ, что такой запасный магазинъ не подвергнется расхищенію со стороны помѣщика. «Въ распоряженіи сего ихъ магазейна», говоритъ онъ, «не только прикащику, но и самому помѣщику входить не должно.... *дабы сей капиталъ помѣщичьимъ повелѣніемъ не былъ расхищенію подверженъ*, а отдать на точное полномочіе самихъ крестьянъ, и тому помѣщику свято утвердить, дабы сей мірской сборъ хлѣба ни подъ какимъ видомъ по могущей власти за свой не почитать, а единственно за ихъ.... крестьянскую собственность» [1]). Весьма возможно, что такія расхищенія и дѣлались иногда всесильнымъ помѣщикомъ, если даже люди, завѣдывавшіе государевыми вотчинами, позволяли себѣ совершенно произвольно распоряжаться запаснымъ крестьянскимъ хлѣбомъ [2]).

Однако дворянамъ было тяжело позаботиться о продовольствіи крестьянъ даже и такимъ способомъ, какъ это предлагалъ сдѣлать Р. Воронцовъ. Они находили для себя всего удобнѣе, чтобы правительство само устроило запасные магазины; въ каждомъ почти дворянскомъ наказѣ мы находимъ просьбу объ устройствѣ на счетъ казны хлѣбныхъ магазиновъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ раздавался крестьянамъ хлѣбъ съ надбавкою восьмой или десятой доли взятаго количества ($10-12^1/_2\%$); нѣкоторые, для постояннаго обновленія запаса, предлагали раздавать его крестьянамъ и въ томъ случаѣ, еслибы крестьяне вовсе не нуждались въ ссудѣ, а между тѣмъ возвращенія требовать все-таки съ извѣстною надбавкою. Кашинскіе дворяне надѣялись даже при этихъ магазинахъ устроить себѣ тепленькія мѣстечки: они предлагали поручить завѣдываніе ими избираемымъ изъ дворянъ земскимъ коммиссарамъ съ жалованьемъ по 150 руб., которое въ то время могло служить недурнымъ дополненіемъ къ помѣщичьему бюджету. Депутатъ отъ трубчевскаго дворянства, кромѣ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, настаивалъ еще на закупкѣ казною при

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. 23, дѣло № 50.

[2]) Записки *Болотова*; ср. „Крестьяне дворцоваго вѣдомства". Вѣстн. Евр. 1878 г. № 6, стр. 459.

большихъ пристаняхъ хлѣба, чтобы можно было помѣшать купцамъ и разнымъ перекупщикамъ притѣснять крестьянъ чрезмѣрнымъ пониженіямъ цѣны хлѣба [1].

Желая доказать необходимость запасныхъ магазиновъ, дворяне указывали на то, какія бѣдствія терпятъ крестьяне вслѣдствіе неурожаевъ послѣднихъ годовъ. Какъ бы въ отвѣтъ на желаніе дворянъ свалить исполненіе своихъ собственныхъ обязанностей на казну, правительство, въ концѣ 1767 г., нашло нужнымъ подтвердить указъ 1761 г., обязывавшій всѣхъ помѣщиковъ заботиться о продовольствіи своихъ крестьянъ, а черезъ 5 лѣтъ оно вновь приказало, чтобы помѣщики не допускали своихъ крѣпостныхъ просить милостыню, грозя въ противномъ случаѣ, кромѣ штрафа по 5 руб. за каждаго человѣка, строго наказывать виновныхъ [2]. Однако нѣкоторые помѣщики по прежнему не исполняли этого требованія [3].

Что же дѣлали дворяне, до нѣкоторой степени заботившіеся о крестьянахъ? Прежде всего, изъ опасенія штрафа, они запрещали крестьянамъ нищенствовать. Ярославскій помѣщикъ, Карновичъ, приказалъ въ 1765 г. отдать убогихъ крестьянъ батраками къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ; старые же и больные могутъ просить милостыню, но только въ вотчинѣ своего помѣщика. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ одного крестьянина и двухъ женщинъ, занимавшихся прошеніемъ милостыни въ Ярославлѣ, отдать хотя бы силою въ работники [4]. Суворовъ также строго запрещалъ нищенство. Разница лишь въ томъ, что Карновичъ только собирался построить богадѣльню, и Богъ знаетъ, выполнилъ ли это намѣреніе, а Суворовъ дѣйствительно принималъ мѣры для обезпеченія продовольствія крестьянъ. Правда, его распоряженія были иногда слишкомъ незамысловаты: онъ просто сваливалъ иной разъ свою обязанность на мужиковъ. «Въ неурожаѣ», писалъ онъ въ одномъ приказѣ, «крестьянину пособить всѣмъ міромъ заимообразно, безъ всякихъ заработокъ, чиня раскладку на прочія семьи... симъ можно избѣжать запаснаго магазина». Послѣднее предположеніе было неосновательно, такъ какъ неурожай могъ случиться не у одного крестьянина, а у всѣхъ, или очень многихъ заразъ, и потому въ слѣдующемъ году Суворовъ устроилъ за-

[1]) Сб. Ист. Об. т. IV и VIII.

[2]) П. С. З. XVIII, 13017, XIX, 13767.

[3]) Мы видѣли выше, что многіе крестьяне помѣщика Карташева ходили по міру.

[4]) Восемнадцатый Вѣкъ *Бартенева* II, 503—504.

пасный магазинъ, пожертвовавъ съ этою цѣлію 150 руб. изъ оброчныхъ денегъ [1]).

Едва ли не ранѣе всѣхъ помѣщиковъ учредилъ запасный магазинъ въ своихъ имѣніяхъ Р. Воронцовъ, что онъ и описалъ въ вышеупомянутой статьѣ. Въ нижегородскихъ вотчинахъ кн. Голицыныхъ запасный магазинъ былъ устроенъ въ 1770 г. на слѣдующихъ основаніяхъ. При его учрежденіи было выдано изъ господскаго хлѣба на каждое тягло по 2 четверика ржи и овса и по 1 четвер. ячменю; въ слѣдующемъ году такое же количество велѣно было взыскать съ каждаго тягла и изъ этого хлѣба выдавались ссуды безъ всякихъ процентовъ, а старикамъ, безроднымъ, увѣчнымъ и малолѣтнимъ сиротамъ и безвозвратно. Такъ какъ запасы хлѣба ежегодно должны были увеличиваться вслѣдствіе новыхъ сборовъ съ крестьянъ, то современемъ предполагалось возвратить хлѣбъ, первоначально выданный помѣщикамъ. Въ тульскомъ имѣніи М. П. Нарышкиной крестьянскій запасный хлѣбъ раздавали въ займы, взыскивая за каждую четверть по одному лишнему четверику вмѣсто процентовъ [2]). Нѣкоторые землевладѣльцы ссужали крестьянъ хлѣбомъ, иногда и безвозвратно, не устроивая никакого запаснаго магазина [3]), т. е. дѣйствительно исполняли предписаніе закона. Другіе же въ это время сплошь и рядомъ ограничивались тѣмъ, что запрещали крестьянамъ продавать хлѣбъ, нужный на сѣмена, и для этого даже отбирали его въ господскій закромъ для сохраненія до посѣва [4]). Были и такіе землевладѣльцы, что ссужали крестьянъ хлѣбомъ не иначе, какъ за извѣстный процентъ [5]). Такъ одинъ помѣщикъ, сосѣдъ Суворова по имѣнію, совѣтовалъ послѣднему устроить «хлѣбный банкъ» для бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ обираютъ богатые мужики: за всякій четверикъ хлѣба, занятый у богача, бѣднякъ принужденъ работать на кредитора въ самое страдное время по одному дню вмѣсто процентовъ, и кромѣ того хлѣбъ возвратить сполна. Вмѣсто того, чтобы давать наживаться богатымъ крестьянамъ, лучше

[1]) *Рыбкинъ* 30, 31, 86.

[2]) Голицынскій архивъ.

[3]) На это указываютъ депутатъ отъ углицкихъ дворянъ Опочининъ и кн. Щербатовъ въ возраженіи на извѣстное мнѣніе Коробьина (Арх. II Отд.). Такъ дѣлалось иногда и у Румянцева. Кн. Мещерскій не хотѣлъ продать за хорошую цѣну 2—3000 четвертей пшеницы, бывшей у него въ запасѣ, изъ опасенія, чтобы его крестьяне не потерпѣли нужды въ случаѣ неурожая. Восемнадцатый Вѣкъ *Бартенева* I, 139.

[4]) Тр. Вольн. Эк. Об. XVI, 190.

[5]) Въ орловскомъ имѣніи кн. А. М. Голицына за выдаваемый въ ссуду крестьянамъ помѣщичій хлѣбъ взималось за каждую четверть по полтора четверика (19%).

самому получать барыши, — рѣшилъ этотъ помѣщикъ, и сталъ давать хлѣбъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы за четверикъ, насыпанный до краевъ, возвращать четверикъ «верхомъ». Онъ хвасталъ Суворову, что такимъ образомъ, съ 10 четвериковъ ему придется четверикъ прибыли (слѣдовательно 10%) и что, раздавъ болѣе тысячи четвертей, онъ получитъ порядочный барышъ, не смотря на нѣкоторую уступку вдовамъ-крестьянкамъ и пострадавшимъ отъ пожара. Суворовъ не послѣдовалъ этому примѣру, а просто устроилъ общественный запасный магазинъ [1]).

И такъ весьма многіе помѣщики сваливали на самихъ крѣпостныхъ обязанность заботиться о своемъ пропитаніи; относительно крестьянъ это имъ и удавалось. Но что дѣлать со стариками-дворовыми, уже не имѣющими силъ работать? Хорошіе, заботливые помѣщики, разумѣется, продолжали кормить ихъ на свой счетъ, а дурные припомнили старое средство сбывать съ своихъ рукъ калѣкъ и стариковъ: передъ ревизіею 1782 г. они стали отпускать ихъ на волю, удерживая однако за собой ихъ семейства [2]). Сенатъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе объ этомъ «противномъ не только законамъ, но и самому человѣколюбію нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ владѣльцевъ поступкѣ», однако же не наказалъ виновныхъ, а только грозилъ принять «пристойныя мѣры» [3]). Такъ какъ онъ по пустому тратилъ слова, гдѣ нужно было власть употребить, то понятно, что передъ слѣдующею, пятою, ревизіею вновь стали повторяться подобные случаи. Въ нижегородской губерніи одинъ помѣщикъ отпустилъ на волю своего двороваго человѣка, которому было 68 лѣтъ; во владимірской губ. былъ отпущенъ дворовый 61 года и его жена 59 лѣтъ, которые прямо заявили, что уволены не по своему желанію, а потому, что «работать уже не въ силахъ и никакой прибыли помѣщицѣ принести не могутъ». Въ костромской губ. былъ отпущенъ 65-лѣтній дворовой. Узнавъ объ этихъ злоупотребленіяхъ, сенатъ въ 1796 году приказалъ, на основаніи указовъ 1745 и 1782 г., возвратить стариковъ помѣщикамъ съ тѣмъ, чтобы владѣльцы кормили и содержали ихъ до самой смерти [4]).

Чтобы понудить помѣщиковъ заботиться о прокормленіи своихъ крѣпостныхъ людей, въ Уложеніи Алексѣя Мих. было постановлено, что дво-

1) *Рыбкинъ* 110—111.

2) Это дѣлалось еще и предъ второю ревизіею, какъ видно изъ указа 1745 г. П. С. З. XII, 9154.

3) П. С. З. XXI, 15603

4) Арх. М. Ю., дѣла сената № 1173—4744, л. 749—758.

ровый, согнанный господиномъ во время голода, становится свободнымъ (XX, п. 41). Помѣщики не прогоняли людей сильныхъ, которые могли имъ пригодиться, стариковъ же они сами съ радостію готовы были освободить, такъ что пришлось принять мѣры въ совершенно обратномъ направленіи сравнительно съ указаннымъ постановленіемъ Уложенія.

Нѣкоторые помѣщики ссужали крестьянъ не только хлѣбомъ, но и скотомъ. Кн. Щербатовъ, возражая Коробьину, сказалъ, что помѣщики давали крестьянамъ скотъ и лошадей безъ всякой платы [1]); авторъ статьи «Дружескіе совѣты благороднымъ сельскимъ жителямъ», указывая на то, какъ скоро изнуряется лошадь, если крестьянинъ дурно устанавливаетъ соху, говоритъ: «многихъ бы я здѣсь въ свидѣтельство представилъ помѣщиковъ, что они въ одинъ годъ по двѣ и по три лошади собственныхъ своихъ давать принуждены были такимъ негоднымъ пахарямъ, а уже совсѣмъ или многимъ невѣроятно и можетъ... за вымышленный мой примѣръ почтутъ, что я въ одинъ годъ одному мужику семь лошадей дать принужденъ былъ, которыя въ рукахъ его одна за другою пропали» [2]). Мы охотно вѣримъ тароватости помѣщиковъ помогать крестьянамъ въ барщинныхъ вотчинахъ: безъ лошади крестьянинъ не могъ исполнять не только своей, но и господской работы; относительно же другаго скота, надо полагать, они были не такъ щедры: давъ по одной штукѣ различнаго домашняго скота и птицъ на племя, помѣщикъ норовилъ взять за это ежегодно извѣстное количество мяса, масла или денегъ [3]), а не то предоставлялъ крестьянскому обществу честь оказанія помощи бѣдному сочлену. «Неимущимъ крестьянамъ», приказалъ Суворовъ своей суздальской вотчинѣ, «пособить міромъ во всѣхъ недостаткахъ, кому въ чемъ будетъ нужда: лошадь, корову, овцу или птицу, разсматривая дѣла міромъ при священникѣ. При исправленіи же ихъ чрезъ годъ или болѣе они должны уплатить за эту помощь по цѣнѣ деньгами (но не работою), или натурою возвратить, а такъ не дарить». Иногда Суворовъ и самъ оказывалъ помощь крестьянамъ. «У крестьянина Михайла Иванова одна корова», писалъ онъ однажды, «слѣдовало бы старосту и весь міръ оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Ива-

[1]) Арх. II отд. Псковскіе дворяне въ своемъ наказѣ также говорятъ: „бѣдные крестьяне отъ своихъ помѣщиковъ всегдашнюю имѣютъ подмогу въ лошадяхъ, въ скотѣ и въ прочемъ“. Сб. Ист. Об. XIV, 389. Ср. Тр. Вольн. Эк. Общ. XVII, 114.

[2]) Тр. В. Эк. Общ. VI, 27.

[3]) Такъ совѣтуетъ Татищевъ. Времени. XIII, 19. Напомнимъ о „безсмертныхъ“ коровахъ въ имѣніи кн. А. М. Голицына (см. выше, стр. 67).

нова дожить до одной коровы, но на сей разъ, впервые и въ послѣдніе, прощается. Купить Иванову другую корову *изъ оброчныхъ моихъ денегъ*. Сіе дѣлаю не въ потворство и объявляю, чтобы впредь на тоже еще никому не надѣяться» [1]). Изъ самого этого распоряженія видно, что содѣйствіе помѣщика было исключеніемъ, а правиломъ тутъ была все-таки мірская помощь. Любопытно, что въ то время хорошій хозяинъ ужасался, если у крестьянина была одна корова! Тутъ можно припомнить слова Татищева въ его экономическихъ запискахъ: «каждый крестьянинъ долженъ имѣть у себя пару лошадей, 2 вола, 5 коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, гусей старыхъ двѣ пары, куръ старыхъ 10,—кто пожелаетъ имѣть больше, дозволяется, а меньше вышеописаннаго положенія отнюдь не имѣть» [2]).

Нѣкоторые помѣщики ссужали крестьянъ и деньгами: въ орловскомъ имѣніи кн. А. М. Голицына была для этого назначена сумма въ 500 р., которая и раздавалась крестьянамъ съ уплатою по 10% въ годъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ богатымъ крестьянамъ выдавались и болѣе крупныя суммы: такъ одинъ крестьянинъ кн. А. М. Голицына получилъ въ ссуду отъ помѣщика 200 р., а крѣпостной кн. Д. М. Голицына взялъ даже въ займы изъ суммъ господина 1,000 р. на свои промыслы [3]).

Хорошій помѣщикъ обращалъ вниманіе и на санитарное состояніе своихъ подданныхъ: это было прямо въ его разсчетѣ. У Суворова мы находимъ и фельдшера, и домашнюю аптеку съ простыми лекарствами; онъ заботился также объ излѣченіи нѣкоторыхъ крестьянъ отъ сифилиса и платилъ для этого доктору и за лекарство [4]). Въ подмосковномъ имѣніи гр. Шереметева, селѣ Кусковѣ, была больница, при которой состоялъ докторъ нѣмецъ и при немъ лекарскій ученикъ [5]). Въ обширной вотчинѣ Орловыхъ (Усолье) была больница на 60 кроватей и при ней лекарь [6]). Помѣщицы иногда сами занимались леченіемъ [7]), на сколько удачно — это другой вопросъ. Суворовъ обращалъ вниманіе и на то, чтобы крестьянки, какъ слѣдуетъ, заботились о своихъ дѣтяхъ, грозя, въ противномъ случаѣ, высѣчь нещадно ихъ мужей, а тѣ «съ женами управятся сами»;

[1]) *Рыбкинъ*. 67, 73.

[2]) Временникъ XIII, 21, 27—28.

[3]) Голицынскій архивъ.

[4]) *Рыбкинъ* 48, 64, 102, 104.

[5]) Пѣсни *Кирѣевскаго*, IX, Прил. стр. 27.

[6]) Впрочемъ это, кажется, было уже въ первые годы XIX ст. *Орловъ-Давыдовъ*, II, 152.

[7]) „Разсказы бабушки“, Русск. Вѣстн. 1878 г. № 4, стр. 736—737.

въ подмосковной вотчинѣ онъ не позволялъ брать дѣтей изъ воспитательнаго дома [1]). Кн. Д. М. Голицынъ заботился о томъ, чтобы въ его вотчинахъ были люди, умѣвшіе прививать оспу, и даже полагалъ, что всего умѣстнѣе въ этомъ случаѣ будетъ женскій трудъ. Онъ желалъ, чтобы въ каждой его деревнѣ одна женщина была обучена прививанію оспы, и чтобы затѣмъ она дѣлала это безъ всякой платы, получая жалованье деньгами и хлѣбомъ на счетъ помѣщика. Но кн. А. М. Голицынъ, имѣвшій главный надзоръ надъ имѣніями кн. Дмитрія Михайловича, высказался противъ этой мысли: онъ считалъ деревенскихъ дѣвушекъ неспособными къ наукѣ и полагалъ, что, занятыя семейными дѣлами, онѣ не могутъ хорошо исполнять эту обязанность. Онъ предложилъ отдать въ обученіе прививанію оспы и кровопусканію трехъ-четырехъ человѣкъ дворовыхъ мальчиковъ, что и было исполнено (отдано въ обученіе 2 мальчика).

Многіе помѣщики заботились также о призрѣніи стариковъ, старухъ и увѣчныхъ людей, преимущественно изъ дворовыхъ, но отчасти и изъ крестьянъ. Такъ во многихъ имѣніяхъ кн. Голицыныхъ были богадѣльни: въ одной изъ нихъ 15 человѣкъ глухихъ, слѣпыхъ и дряхлыхъ обоего пола по 5 р. 50 к. жалованья въ годъ. Кн. Д. М. Голицынъ въ своихъ 4-хъ имѣніяхъ смоленской и орловской губерній велѣлъ (въ 1791 г.) построить 4 каменныхъ богадѣльни, въ которыхъ всего должно было помѣститься 50 человѣкъ обоего пола; въ нихъ приказано было помѣщать прежде всего дворовыхъ, кромѣ особенно заслуженныхъ, которымъ должна была идти пенсія, а недостающее число пополнять и изъ крестьянъ. Вакансіи должны были замѣщаться по усмотрѣнію владѣльца. Каждый, содержащійся въ этихъ богадѣльняхъ, долженъ былъ получать въ годъ по 3 четверти ржи, по $1^1/_2$ четверти ячменю (вмѣстно крупъ), по полъ ведра постнаго масла, на соль по 35 к., для содержанія коровы или козы по 25 пудъ сѣна на человѣка, а на одежду мужчинѣ шло въ годъ 5, а женщинѣ 3 р. [2]). Суворовъ заботился также о призрѣніи стариковъ солдатъ, вѣроятно изъ бывшихъ его крѣпостныхъ. Въ новгородской его вотчинѣ такихъ инвалидовъ было 6 человѣкъ; они получали жалованья по 10 руб. въ годъ, платье изъ простаго сукна и готовую пищу. Если кто изъ нихъ самъ желалъ обработывать землю, то велѣно было отводить имъ участокъ [3]). В. Орловъ возлагалъ заботу о нуждающихся въ

[1]) *Рыбкинъ*, 30.

[2]) Голицынскій архивъ. Были богадѣльни и у гр. Румянцева.

[3]) *Рыбкинъ*, 103.

помощи на крестьянскій міръ. Его крестьяне должны были давать пропитаніе бѣднымъ вдовамъ [1]); бурмистру, выборнымъ и лучшимъ крестьянамъ велѣно было позаботиться, чтобы незаконнорожденные подкидыши «имѣли призрѣніе и не погибли бы отъ недостатку въ помощи», владѣлецъ же хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы на подкидышей изъ чужихъ селеній брать владѣнные указы отъ уѣзднаго или нижняго земскаго суда, а иначе со временемъ могли бы выйти пререканія, кому они принадлежатъ [2]).

Забота объ исполненіи крестьянами религіозныхъ обязанностей ничего не стоила помѣщику, и потому въ этомъ отношеніи всѣ они выказываютъ большую ревность, понуждая крестьянъ ходить въ церковь, иногда даже тяжелыми наказаніями: это не то, что помочь голодающему своимъ хлѣбомъ. Предписанія вотчинному начальству объ аккуратномъ посѣщеніи крестьянами церкви и бытіи у исповѣди мы находимъ какъ въ печатныхъ наставленіяхъ управителямъ и прикащикамъ [3]), такъ и въ приказахъ и инструкціяхъ помѣщиковъ [4]). Румянцевъ предписалъ понуждать дворовыхъ и крестьянъ посѣщать церковь въ воскресенье, праздничные и особенно царскіе дни; нарядчики (начальники дворовыхъ въ его имѣніяхъ), сотскіе и десятскіе должны были напоминать о предстоящемъ посѣщеніи церкви еще наканунѣ праздника и затѣмъ дозволять оставаться дома для приготовленія пищи и охраненія имущества лишь по одному человѣку.

Помѣщики брали даже на себя смѣлость «вязать и рѣшить» въ дѣлахъ религіозныхъ и иногда подвергали тяжелымъ карамъ своихъ крестьянъ, перешедшихъ въ расколъ. Ярославскій помѣщикъ, Карновичъ, въ 1765 г. двухъ своихъ крѣпостныхъ за переходъ въ расколъ приказалъ «ни въ какіе по вотчинѣ совѣты, мірскіе сходы и ни въ какія повѣренности не принимать, и дѣтямъ ихъ обоего полу, тако жъ и сродственникамъ, и всѣмъ вотчины моей крестьянамъ въ ихъ домы не входить и ихъ въ

1) *Орловъ-Давыдовъ*, I, 270.

2) Уложеніе Орлова гл. XIV.

3) Тр. В. Эк. Об. XII, 32, XVI, 17.

4) Въ приказахъ Лунина, въ инструкціямъ Орлова и Румянцева; мы видѣли выше, что составитель „домоваго журнала“ страшно истязалъ дворовыхъ за неисполненіе религіозныхъ обязанностей. Ср. инструкцію Волынскаго, который велѣлъ наказывать не бывшихъ въ церкви и всего строже тѣхъ, которые не исповѣдывались. Москвит. 1854 г. №№ 1—2, стр. 12. Въ Польшѣ помѣщики также принуждали крестьянъ ходить въ костелъ и бывать у исповѣди подъ страхомъ денежнаго штрафа или тѣлеснаго наказанія. *Горемыкинъ*, 105.

свои домы не пущать, и на улицѣ и въ другихъ мѣстахъ съ ними разговоровъ не имѣть». Женѣ одного изъ нихъ, не вступившей въ расколъ, помѣщикъ велѣлъ отдать домъ мужа въ вѣчное владѣніе ея и дѣтей. Все имущество новообращенныхъ велѣно было описать и не дозволять имъ ничего продавать; кромѣ того, помѣщикъ грозилъ представить о совратившихся въ расколъ святѣйшему синоду. [1]) Вицеканцлеръ императрицы Екатерины, кн. А. М. Голицынъ, также принималъ энергическія мѣры противъ распространенія раскола среди своихъ крѣпостныхъ. Однажды прикащикъ извѣстилъ его, что одинъ изъ его крестьянъ, какъ видно занимавшійся торговлею, обратился въ расколъ и, не смотря ни на какія увѣщанія, считаетъ свою вѣру святою; «впрочемъ», прибавлялъ прикащикъ кн. Голицына, «въ ефтомъ для вашего сіятельства худобы никакой не предвидится, а нынѣ всѣмъ дозволяется». Но господинъ не такъ разумно взглянулъ на это дѣло: онъ приказалъ объявить новому раскольнику, что не терпитъ такихъ ересей въ своихъ вотчинахъ, запретилъ возвращаться ему изъ Москвы домой, чтобы онъ не привелъ въ соблазнъ другихъ, и даже нѣкоторое время приказалъ держать его подъ карауломъ. Прошло болѣе года, и въ это время вмѣсто обратившагося въ расколъ распоряжался всѣми дѣлами его братъ; наконецъ такія стѣсненія оказались для него, вѣроятно, слишкомъ неудобными, и онъ заявилъ господину, что отрекается «отъ раскольническоой ереси» и желаетъ по прежнему возвратиться въ «благочестивый законъ». Однако Голицынъ не удовольствовался простымъ заявленіемъ и отпустилъ его домой лишь съ поручительствомъ двухъ крестьянъ въ томъ, что онъ по прибытіи туда исповѣдается и причастится въ вотчинной церкви [2]). Напротивъ того, люди молодые, воспитанные въ вѣкъ Екатерины, отличались гораздо большею терпимостію въ религіозныхъ дѣлахъ. В. Орловъ полагалъ, что «для обращенія раскольниковъ къ церкви, кроткіе способы гораздо надежнѣе и дѣйствительнѣе»; поэтому онъ предписалъ «оставить раскольниковъ въ покоѣ и не принуждать къ обращенію къ церкви», а лишь увѣщевать ихъ соединиться съ православными. Онъ запрещалъ только раскольникамъ распространять свое ученіе, и потому имъ не дозволено было учить дѣтей православныхъ; кромѣ того ихъ слѣдовало хоронить ночью или очень рано поутру, безъ всякаго пѣнія [3]).

[1]) „Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева, т. II (2 изд.), 504—505.

[2]) Это было въ 1779—1781 гг. (Голицынскій архивъ).

[3]) Уложеніе Орлова въ Яросл. губ. Вѣд. *Орловъ-Давыдовъ*. II, 168—169.

Гораздо менѣе заботились помѣщики о распространеніи грамотности среди своихъ крѣпостныхъ; громадное большинство изъ нихъ считало полезнымъ имѣть только грамотныхъ слугъ, а объ обученіи крестьянскихъ дѣтей и не думало.

Впрочемъ начинали уже высказываться мнѣнія о томъ, что грамотность необходима для всего народа. Еще Татищевъ писалъ: «крестьянскихъ ребятъ отъ 5 до 10 лѣтъ учить грамотѣ и писать какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, чрезъ что оные придутъ въ познаніе закона», а отъ 10 до 15 лѣтъ учить разнымъ ремесламъ [1]). Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ также высказывалась мысль о необходимости распространенія грамотности. Крапивенское дворянство писало: «дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужескаго пола дѣтей отъ 7 лѣтъ грамотѣ и писать на содержаніи отцовъ ихъ; отчего впредь уповательно подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ». Дворяне копорскаго уѣзда, петербургской губерніи, заявляли, что они находятъ нужнымъ завести училища какъ для русскихъ, такъ и для чухонскихъ дѣтей, «дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ»; для этого можно устроить школы при церквахъ, гдѣ дѣти отъ 7 до 12 лѣтъ будутъ въ зимнее время, за умѣренную плату, обучаться грамотѣ и первымъ основаніямъ закона Божія. Повторяя почти тоже самое, ямбургскіе дворяне предполагали для содержанія школы и учителя назначить умѣренный сборъ съ каждой души и вручать эти деньги священнику, который долженъ давать въ нихъ отчетъ правительству. Дворяне псковскаго уѣзда разсчитывали сдѣлать учителями болѣе грамотныхъ изъ дьячковъ и пономарей; при этомъ они находили нужнымъ, чтобы обученіе грамотѣ не зависѣло отъ одного желанія самихъ крестьянъ: въ школы слѣдовало принимать всѣхъ желающихъ, но въ тоже время помѣщики должны были наблюдать, чтобы извѣстный процентъ крестьянскихъ дѣтей (хотя бы по одному со ста) посѣщали школу; выучивъ грамотѣ однихъ, слѣдовало дѣлать новый наборъ. Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ народное образованіе отдавалось въ руки духовенства, и расходы на него (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ затрогивался этотъ вопросъ) возлагались на самихъ крестьянъ. Разумнѣе всѣхъ смотрѣли на дѣло дворяне дмитровскаго уѣзда, московской губерніи. «Уговаривать надлежитъ каждаго и въ томъ», писали они въ своемъ наказѣ, «чтобы дворовъ на сто въ иномъ мѣстѣ одинъ помѣщикъ, въ другомъ разные помѣщики, сложась, содержали *искуснаго учителя*

[1]) Временникъ XIII, 18, 28, 32.

для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и простымъ ариѳметическимъ правиламъ. Къ сему весьма склонять надлежитъ каждаго помѣщика, толкуя всякому, сколько больше пользы онъ можетъ надѣяться отъ грамотнаго крестьянина. Не для одной сохи крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій, грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче что тѣ лѣта, въ которые ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ почти безъ всякой пользы» [1]). Такимъ образомъ тутъ нѣтъ и рѣчи о дьячкахъ и пономаряхъ; жаль только, что дмитровскіе дворяне возлагали всю надежду на добровольное рѣшеніе помѣщиковъ, между тѣмъ какъ псковскіе были не прочь отъ нѣкоторой обязательности въ этомъ отношеніи. Иные изъ депутатовъ высказывали мысль, что распространеніе образованія должно предшествовать ихъ освобожденію. Графъ А. Строгановъ считалъ необходимымъ заведеніе училищъ для земледѣльцевъ, «ибо едино просвѣщеніе отъ скота различаетъ, едино просвѣщеніе показываетъ намъ долгъ къ Богу, къ государю и къ обществу». Какъ на примѣръ того, до какихъ бѣдствій доводитъ невѣжество, Строгановъ упомянулъ о какомъ-то особенно поразившемъ общество убійствѣ помѣщика крестьянами и затѣмъ прибавилъ: «я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеннѣе сей родъ людей былъ, то, конечно бы, подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были бы... Вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны, и *когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію*» [2]).

Полѣновъ, въ своемъ мнѣніи по крестьянскому вопросу, представленному въ Вольное Экономическое Общество, предлагалъ, какъ и многіе дворяне въ наказахъ, поручить обученіе народа духовенству. Въ первой редакціи своего мнѣнія онъ говоритъ: «въ каждой деревнѣ, гдѣ только можно и обстоятельства дозволятъ, учредить школу для обученія россійской грамотѣ, по крайней мѣрѣ читать, и первымъ основаніямъ вѣры малолѣтныхъ крестьянскихъ дѣтей. Изъ малыхъ деревень, гдѣ то завести не можно, должны крестьяне посылать своихъ дѣтей въ самыя ближнія школы для обученія, развѣ невозможность какая воспрепятствуетъ» [3]). Въ сокращенной редакціи онъ смягчаетъ требованія, предлагая учредить школы только въ большихъ деревняхъ, а изъ малыхъ посылать «одного

[1]) Сборн. Ист. Общ. VIII, 507, 557, XIV, 244, 249, 397.
[2]) Арх. II Отд. вяз. 367—362.
[3]) Русскій Архивъ 1865 г. стр. 299—301.

или двухъ изъ лучшихъ ребятъ, которые, тамъ научась грамотѣ, послѣ каждый въ своей деревнѣ другихъ обучать можетъ». Каждый крестьянинъ долженъ посылать въ школу дѣтей съ 10 лѣтъ только въ зимнее время. Преподавателями должны быть священники и дьячки. Что касается учебныхъ пособій, то онъ считалъ необходимымъ, чтобы правительство отправило даромъ въ церкви, при которыхъ будутъ устроены школы, по 5 книжекъ на каждыя 100 ревизскихъ душъ. Полѣновъ думалъ, что такой примѣръ вызоветъ подражаніе и въ помѣщикахъ, и что они станутъ заботиться «о просвѣщеніи и поправленіи крестьянскихъ нравовъ»; обязывать же ихъ къ этому онъ не считалъ нужнымъ [1]).

Въ Остзейскомъ краѣ, какъ и во всѣхъ протестантскихъ странахъ, была гораздо болѣе распространена грамотность, такъ какъ нѣмцы яснѣе сознавали необходимость обученія крестьянскихъ дѣтей. Поэтому баронъ Вольфъ, хотя и бывшій ямбургскимъ депутатомъ, но проникнутый уваженіемъ къ нѣмецкимъ порядкамъ, рѣшительнѣе другихъ возлагаетъ на помѣщиковъ обязанность устроивать школы въ своихъ имѣніяхъ. «Господинъ *обязанъ*», говоритъ онъ въ своемъ проектѣ, «для блага крестьянъ заботиться о томъ, чтобы въ большихъ деревняхъ или при церквахъ были устроены школы, чтобы крестьянинъ обучался истинному христіанству и порядочному образу жизни; дѣти должны ходить въ школу съ ноября по 1-е апрѣля, а въ прочее время оставаться дома, чтобы не отвыкнуть отъ полевыхъ работъ; лѣтомъ учителю слѣдуетъ только по праздникамъ повторять пройденное дѣтьми.... Время школьнаго обученія—отъ 7 до 12 лѣтъ. Объ этихъ школахъ и успѣшности занятій въ нихъ священники должны ежегодно подавать донесенія уѣздному суду или предводителю дворянства, чтобы въ случаѣ нужды школамъ могла быть оказана помощь» [2]).

Всѣ приведенныя мнѣнія принадлежатъ представителямъ высшаго сословія, но и изъ среды самого народа раздавались голоса о необходимости понудить дворянство къ заботливости объ образованіи крестьянъ. Въ проектѣ, поданномъ гр. Г. Орлову, неизвѣстный авторъ, принадлежавшій, по его собственнымъ словамъ, къ числу «подлыхъ людей», предлагаетъ «въ государственныхъ и прочихъ областяхъ управителямъ, а въ господскихъ—помѣщикамъ *приказать*, чтобы они сперва хоть и *съ принужденіемъ* велѣли малыхъ крестьянскихъ ребятъ имѣющимся въ деревнѣ

[1]) Арх. В. Эк. Общ. вяз. 179.
[2]) Арх. II Отд. вяз. 357—352.

церковникамъ, или гдѣ есть и прочіе грамотные люди, обучать грамотѣ читать и писать, также цифрамъ и выкладкѣ на счетахъ». Система обязательнаго обученія еще опредѣленнѣе проводилась въ проектѣ частной коммиссіи, вырабатывавшей уставъ для народныхъ училищъ. Вотъ главныя основанія этого проекта. Школы должны были содержаться на средства сельскихъ обществъ. На каждыя 100 — 250 семей должна быть основана школа; если приходъ состоитъ изъ маленькихъ деревень, ее слѣдуетъ устроивать въ одномъ изъ селеній такъ, чтобы въ ней *могло жить* до 30 дѣтей. Всѣ дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ непремѣнно обязаны были учиться. Норма для количества учащихся на школу—30 человѣкъ; при большемъ числѣ учениковъ вводилась очередь посѣщенія школы по полугодіямъ и по третямъ. Предметы обученія: азбука со складами, церковная и гражданская, обыкновенное и славянское счисленіе, молитвы, катехизисъ и «христіанскія добродѣтели». Для самыхъ способныхъ дѣтей — письмо и рукописное чтеніе, но за особую плату. Учителями должны быть духовенство и вольныя лица, грамотныя и благонадежныя. Тѣлесныя наказанія положительно воспрещались; увольненіе неспособныхъ учениковъ обставлялось формальностями и допускалось лишь послѣ долгаго испытанія. Начальникомъ школъ предполагалось избирать одного изъ дворянъ; *о помѣщикахъ, препятствующихъ крестьянамъ учиться, слѣдовало дѣлать особыя донесенія*. Дѣвочекъ священникъ долженъ былъ разъ въ недѣлю заставлять заучивать то, что онъ прочтетъ имъ изъ учебной книги. Проектъ этотъ, впрочемъ, не былъ выслушанъ въ общемъ собраніи коммиссіи для составленія новаго уложенія [1]).

Обученіе въ школахъ предполагалось однако вести такимъ образомъ, чтобы среди крѣпостныхъ крестьянъ поддерживалась мысль о необходимости безропотнаго подчиненія господамъ; составители проекта заботились объ водвореніи «христіанскихъ добродѣтелей, состоящихъ въ должности подданныхъ къ государству, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, *въ послушаніи и почитаніи господъ своихъ* и другихъ установленныхъ властей». Словомъ, они находили нужнымъ стремиться къ цѣли, очень откровенно высказанной авторомъ одной статьи въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», которая не имѣетъ, впрочемъ, прямаго отношенія къ вопросу о народномъ образованіи: «прежде всего надлежитъ стараться», сказано тамъ, «чтобы земледѣльцы и

[1]) Проэктъ преобразованія училищъ при Екатеринѣ. „Народная Школа", 1875 г. № 4.

бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной пользы упражняются въ земледѣліи и въ другихъ принадлежащихъ до ихъ званія трудахъ, но тѣмъ обязаны служить во-первыхъ государю, потомъ *помѣщику* и всему обществу и быть *безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ*, а притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ должности ни принадлежитъ, и ни въ какихъ случаяхъ невозможностію не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ до званія ихъ мыслей» [1]).

Такимъ образомъ просвѣщеніе должно было предлагаться крѣпостному въ такомъ видѣ, чтобы оно не могло сдѣлаться опаснымъ для прочности помѣщичьей власти. Нѣкоторые находили даже, что грамотность лучше давать не въ полномъ объемѣ; примѣромъ этого можетъ послужить Рычковъ, не смотря на то, что онъ вполнѣ признавалъ необходимость обученія крестьянскихъ дѣтей. Упомянувъ о томъ, что не только въ малыхъ, но и въ очень большихъ деревняхъ у насъ сплошь-и-рядомъ нѣтъ ни одного человѣка, умѣющаго читать и писать, онъ стыдитъ русскихъ примѣромъ татаръ-магометанъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ есть училище для мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ понимаетъ всѣ дурныя послѣдствія безграмотности и потому находитъ необходимымъ, чтобы управители и прикащики, взявъ у болѣе зажиточныхъ мужиковъ мальчиковъ отъ 6 до 8 лѣтъ, велѣли бы учить ихъ грамотѣ и необходимымъ молитвамъ, а самыхъ способныхъ и письму, но послѣ всего этого онъ неожиданно оговаривается, что учить писать нужно лишь столькихъ дѣтей, чтобы въ деревнѣ, съ населеніемъ въ 100 душъ, было умѣющихъ писать не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, потому что такіе люди нерѣдко употребляютъ во зло свое знаніе, составляя фальшивые паспорта [2]). Если подобныя мысли могъ высказывать человѣкъ образованный, извѣстный агрономъ, то понятно, что масса помѣщиковъ признавала обученіе

[1]) Тр. В. Эк. Общ. 1770 г. XV, 178—179.

[2]) Тр. В. Эк. Общ. XVI, 15—17. Авторъ одной замѣтки, присланной въ 1791 году въ Вольное Экономическое Общество, также совѣтуетъ не дозволять учить письму крестьянскихъ дѣтей. Арх. В. Эк. Общ. № 121, л. 125. Въ Остзейскомъ краѣ также очень немногіе господа разрѣшали это своимъ крѣпостнымъ. *Hupel*. II, 125. Правда и во Франціи въ половинѣ XVIII стол. находились еще люди, считавшіе грамотность вредною для крестьянъ, но тамъ такіе чудаки не приносили вреда, такъ какъ страна была уже покрыта множествомъ школъ. *Babeau*. Le village, p. 299; сравн. 283—298.

грамотѣ лишь по стольку, по скольку оно было нужно для приготовленія грамотныхъ лакеевъ и писарей. Понятно также, что не могло быть велико число школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Еще Волынскій, въ своей инструкціи, высказывалъ чисто утилитарный взглядъ на обученіе грамотѣ его крѣпостныхъ. Приказавъ отдать въ обученіе священнику 10 мальчиковъ, а потомъ болѣе способныхъ отправить въ Москву учиться писать, онъ прибавляетъ, что они впослѣдствіи пригодятся для письмоводства у прикащиковъ [1]). По большей части тѣ же практическія цѣли преслѣдовали помѣщики при обученіи крѣпостныхъ и въ екатерининскую эпоху. У Румянцева въ его селѣ Чеберчинѣ велѣно было опредѣлять дворовыхъ мальчиковъ въ школу съ 5 лѣтъ (по другой инструкціи—съ 6 лѣтъ). Одинъ дворовый долженъ былъ учить ихъ читать и писать ежедневно утромъ и послѣ обѣда, кромѣ субботы, когда дѣти учились только утромъ. За всякій день, когда учитель не придетъ въ школу или «въ шумствѣ явится» (т. е. будетъ пьянъ) приказано было удерживать изъ его жалованья по 10 к. (всего онъ получалъ 6 р. въ годъ). Румянцевъ заботился, чтобы учащіеся дворовые мальчики не терпѣли нужды въ пропитаніи: по «окладному списку» имъ было назначено половинное содержаніе сравнительно со взрослыми, а въ подробной инструкціи предписано даже выдавать его наравнѣ со всѣми холостыми людьми. «А кормить ихъ всѣхъ вмѣстѣ, гдѣ они обучаться будутъ», сказано въ «окладномъ спискѣ», «и для того имъ особую бабу опредѣлить.... и дѣлать для нихъ квасъ изъ нашего хлѣба, да по воскреснымъ днямъ выдавать имъ пшеничной муки на калачи по осьмушкѣ или, смотря по примѣру, сколько будетъ, чтобъ каждому досталось по полуфунту» [2]). Въ одномъ имѣніи кн. Голицыныхъ, владимірской губерніи, 8 человѣкъ дворовыхъ (отъ 9—17 л.) учились читать и писать; каждый изъ нихъ получалъ жалованья по 7 р., учителю же (также изъ дворовыхъ) назначено было 8 р. въ годъ [3]). Въ подмосковномъ имѣніи гр. П. Б. Шереметева, селѣ Кусковѣ, была школа сначала съ 3-мя, а потомъ съ двумя классами; штатъ назначенъ былъ прежде въ 12 человѣкъ дѣтей дворовыхъ, по 4 на классъ, а съ 1791 г. въ 24 чел., въ дѣйствительности же училось болѣе 30; ученики, кромѣ полнаго содержанія, получали еще денежное жалованье (въ старшемъ классѣ по 3 р.).

[1]) Москвитян. 1854 г. №№ 1—2, стр. 12—13.

[2]) Рукоп. Румянцевскаго музея, № 355.

[3]) Голицынскій архивъ.

Чтенію и письму обучалъ дьячекъ, ариѳметикѣ архитекторъ, «словесныя науки» преподавалъ особый учитель изъ оружейниковъ, наклонный къ выпивкѣ, а позднѣе одинъ крестьянинъ; въ школѣ производились экзамены, давались аттестаты, представлялись барину списки и отчеты [1]. Многіе помѣщики московской губерніи приглашали духовныхъ лицъ, и между прочимъ отставныхъ дьячковъ, для обученія своихъ дворовыхъ чтенію, письму и пѣнію по нотамъ [2]. Но всего чаще учителями были лакеи [3].

Мы привели выше мнѣніе гр. А. Строгонова о необходимости училищъ для крѣпостныхъ крестьянъ; къ нему отнесся сочувственно депутатъ отъ клинскаго дворянства, Петръ Орловъ, который при этомъ заявилъ, что у него въ имѣніи есть школа, гдѣ обучаются чтенію и письму дѣти крѣпостныхъ крестьянъ. «Два или три отрока изъ обучившихся», прибавилъ онъ, «показываютъ уже мнѣ, сколько они отмѣнны отъ состарившихся въ невѣжествѣ. Они уже говорятъ лучше и читаютъ письма; они сами собою изъ чтенія книгъ находятъ, чѣмъ они обязаны Богу, государю, отечеству и, *наконецъ*, *по закону помѣщику своему*. Они читаютъ дома семейству своему священныя книги, а при всемъ томъ, сколько возрастъ 15—16 лѣтъ обучившихся позволяетъ, въ хлѣбопашествѣ упражняются такъ, какъ и неграмотные. Однимъ словомъ, они уже заслуживаютъ, *что можно имъ приказать, повѣрить и надѣяться*» [4]. Такимъ образомъ и тутъ въ концѣ концовъ звучитъ практическая струнка.

Кн. Д. М. Голицынъ, нашъ посолъ при вѣнскомъ дворѣ, задумавъ въ 1791 г. устроить въ своихъ вотчинахъ два училища, составилъ для этого подробный планъ. Первое изъ нихъ, съ болѣе обширнымъ курсомъ, должно было открыть въ его имѣніи гжатскаго у. смоленской губ. «при волостномъ начальствѣ», съ комплектомъ въ 30 мальчиковъ отъ 5 до 7 лѣтъ. Прежде всего велѣно было набрать дѣтей дворовыхъ, жившихъ въ этой вотчинѣ и находившихся при московскихъ домахъ, а за тѣмъ уже пополнять комплектъ изъ лучшихъ крестьянскихъ семей. Для училища

[1]) Пѣсни *Кирѣевскаго* IX, прилож. стр. 27. У Суворова дворовые обучали мальчиковъ, для чего были куплены псалтыри (*Рыбкинъ* 39, 62). В. Г. Орловъ въ 1778 г. отправилъ 10 псалтырей въ одно изъ своихъ селъ; черезъ 2 года устроивается училище для 30 мальчиковъ въ другой его вотчинѣ *Орловъ-Давыдовъ*. I, 270—271.

[2]) *Розановъ*. Истор. москов. епарх. управ. ч. II, кн. 2, примѣч. 465, стр. 184.

[3]) *Passenans*. II, 80.

[4]) Арх. II отд., вяз. 367—362.

должно было выстроить каменный домъ и снабдить его не только мебелью, но и посудою для приготовленія пищи ученикамъ, чѣмъ должны были заниматься двѣ бабы изъ солдатокъ или бобылокъ. Учитель здѣсь долженъ былъ быть уже не изъ дворовыхъ, а вольнонаемный. Дѣтей слѣдовало прежде всего учить читать по русски и по славянски, потомъ катихизису, а также проходить съ ними «наставленіе о должностяхъ человѣка и гражданина» или и что либо другое, что будетъ признано полезнымъ. Писать предписывалось учить по правиламъ, изданнымъ для нормальныхъ училищъ, на аспидныхъ доскахъ. Изъ ариѳметики назначено было проходить первыя 4 дѣйствія. Три раза въ году велѣно было производить экзамены. Весьма замѣчательно, что кн. Д. М. Голицынъ обратилъ вниманіе не только на обученіе дѣтей, но и на то, чтобы они потомъ не забывали грамоту и могли съ пользою приложить къ дѣлу свои знанія. Тѣмъ изъ обученныхъ грамотѣ, которые обнаружатъ охоту къ чтенію, онъ велѣлъ давать книги, содержащія въ себѣ правила и наставленія, относящіяся до сельской экономіи, и съ этою цѣлью приказалъ устроить при училищѣ библіотеку изъ русскихъ книгъ о земледѣліи, скотоводствѣ и «всякихъ рукодѣліяхъ, къ жизни поселянъ относящихся». По воскресеньямъ учитель долженъ былъ ходить съ дѣтьми въ церковь, заставляя ихъ выучивать молитвы, читаемыя во время богослуженія. Еженедѣльно по субботамъ ученикамъ слѣдовало мыться въ банѣ. Другое училище велѣно было устроить въ имѣніи кн. Голицына, находившемся въ орловской губерніи; но тамъ уже не предполагалось нанимать собаго учителя, а должны были учить дѣтей крестьянъ и дворовыхъ тамошніе писаря, «для лучшаго же понятія и обученію правописанію» можно было отсылать въ школу, которая должна была устроиться въ гжатской вотчинѣ.

По составленному кн. Д. М. Голицынымъ штату учитель долженъ былъ получать денежнаго жалованья 150 р. въ годъ, да еще натурою: ржаной муки 10 четвертей, крупъ 3 четверти, свинаго мяса 10 пудовъ, коровьяго масла 1 пудъ и постнаго 2 пуда—содержаніе, для того времени, весьма и весьма достаточное. Шести ученикамъ изъ дворовыхъ было назначено каждому: деньгами на платье и обувь по 5 р., на соль по 20 к., ржаной муки по 3 четверти и крупъ по 6 четвериковъ. Крестьянскимъ мальчикамъ (24 чел.) денежнаго жалованья не производилось, но припасовъ они получали такое же количество, какъ и дворовые дѣти. Кромѣ того на столъ всѣхъ учениковъ назначено было 24 р. да $7^1/_2$ пудовъ постнаго масла, на бумагу и пр. 24 р., на освѣщеніе

12 р., что вмѣстѣ съ жалованьемъ сторожу и кухаркамъ составляло ежегодный *денежный* расходъ 261 р. 60 к., не считая ржаной муки, крупъ, мяса и масла. Кромѣ того единовременно велѣно было израсходовать на покупку учебныхъ книгъ, изданныхъ для народныхъ училищъ, на каждаго ученика, по 2 р. и на аспидные доски по 30 к.; на составленіе библіотеки назначено было 100 р. Единовременный расходъ при учрежденіи школы долженъ былъ пасть на счетъ помѣщика, также какъ и ежегодное содержаніе дворовыхъ мальчиковъ, остальные же расходы должны были производиться изъ мірскихъ суммъ, для чего велѣно было установить особый сборъ съ крестьянъ.

Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что эти желанія кн. Д. М. Голицына были выполнены, такъ какъ онъ поручилъ это дѣло надзору кн. А. М. Голицына, управлявшаго его имѣніями въ Россіи, и завѣщалъ, чтобы какъ школы, такъ и богадѣльни, о которыхъ мы упоминали выше, поддерживались не только при жизни его, но и послѣ смерти. Онъ прямо требовалъ этого отъ своихъ наслѣдниковъ, напоминая, что въ противномъ случаѣ они дадутъ отвѣтъ на страшномъ судѣ [1]).

Однако вообще у помѣщиковъ было школъ въ Великороссіи немного; это видно изъ того, что академики, искрестившіе тогда всю Россію, почти нигдѣ не упоминаютъ о нихъ [2]). Послѣ заведенія правительствомъ городскихъ училищъ нѣкоторые помѣщики отдавали туда въ обученіе своихъ дворовыхъ [3]).

Были мѣстами школы и на частныхъ горныхъ заводахъ. У Твердышева и Мясникова на каждомъ заводѣ были устроены училища для дѣтей, откуда наиболѣе способныхъ опредѣляли въ разныя «отмѣнныя» заводскія должности [4]); была также школа на нижнетагильскомъ заводѣ Демидова [5]), Уже послѣ изданія устава народныхъ училищъ, гр. А. Строгоновъ пожелалъ устроить малое народное училище въ селѣ Ильинскомъ (пермской губерніи), гдѣ находилось главное управленіе всѣхъ его вотчинъ и заводовъ; поэтому туда былъ отправленъ учитель, получившій

[1]) Голицынскій архивъ.

[2]) Лепехинъ только разъ встрѣтилъ школу для крестьянскихъ дѣтей, содержавшуюся на счетъ помѣщицы въ одномъ селѣ курмышскаго уѣзда; въ ней учили священникъ и причетники. „Дневн. Записокъ“ I, 93.

[3]) Такъ въ училищахъ вологодской губерніи въ 1804 г. училось 11 дворовыхъ мальчиковъ. *Отто.* Вологодская дирекція училищъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1866 г. № 10, стр. 14.

[4]) *Лепехинъ,* II, 251.

[5]) См. стат. *Рябова* въ Записк. Казан. Унив. 1848 г. № 2, стр. 39.

образованіе въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ, и школа была открыта въ 1794 г. [1]).

Недостатокъ школъ не доказываетъ еще повальной безграмотности: мѣстами крестьяне, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, понимали важность ученья и отдавали дѣтей на выучку домашнимъ «мастерамъ». Авторъ описанія кологривскаго уѣзда, костромской губерніи, гдѣ была особенно развита оброчная система, говоритъ: «упражненіе въ промыслахъ заставляетъ нѣкоторыхъ учить дѣтей своихъ грамотѣ, но все ученіе ихъ ограничивается чтеніемъ и письмомъ, школъ же приходскихъ еще нѣтъ вовсе» (писано въ первые годы XIX в.) [2]).

Не смотря на то, что сама Екатерина и многіе другіе въ ея царствованіе не мало толковали о необходимости народнаго образованія,— правительство не приняло никакихъ мѣръ для распространенія грамотности среди крестьянъ. Во многихъ городахъ были дѣйствительно устроены низшія народныя училища, но ими пользовались почти исключительно городскіе жители. Ничего не было предпринято и для понужденія помѣщиковъ заводить школы въ ихъ имѣніяхъ; добровольно же они дѣлали это очень рѣдко [3]).

Гораздо охотнѣе, чѣмъ грамотѣ, учили помѣщики своихъ дворовыхъ и крестьянъ разнымъ ремесламъ, такъ какъ это доставляло прямую выгоду господину; съ этою цѣлію помѣщики отправляли своихъ крѣпостныхъ не только въ главные города Россіи, но иногда даже и за границу [4]); болѣе обыкновеннымъ ремесламъ, разумѣется, учились и дома.

Мы отвлеклись однако отъ описанія порядка управленія помѣщичьею вотчиною и должны еще поговорить объ одномъ изъ важныхъ факторовъ этого управленія.—Намъ уже очень часто приходилось встрѣчать упоминанія о мірскихъ сходахъ крестьянъ, при чемъ имъ приписывалось то совѣщательное, то рѣшительное значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр, въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ, пріисканіи жениха невѣстѣ, опекѣ надъ малолѣтними и безумными, фигурируетъ не цѣлый сходъ, а выборные и «лучшіе люди», но, тѣмъ не менѣе, крестьянское общество

[1]) *Поповъ*. Хозяйств. опис. пермск. губ. Ш, 113.

[2]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 192, л. 32.

[3]) Въ Малороссіи грамотность была гораздо болѣе развита; тамъ обыкновенно при каждой приходской церкви была школа. *Владимірскій-Будановъ*. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до образованія министерствъ. Спб. 1874 г., стр. 41—42.

[4]) Рус. Арх. 1878 г. № 12, стр. 492.

участвуетъ прямо и непосредственно въ рѣшеніи весьма многихъ дѣлъ. Конечно, юридически власть міра была совершенно ничтожна предъ властію помѣщика; онъ могъ сдѣлать все, что ему угодно, не посовѣтовавшись съ міромъ: могъ наказывать виновныхъ, какъ ему вздумается, назначать по своему усмотрѣнію сельскихъ властей, переселять крестьянъ, соединять брачныя пары, — и весьма многіе помѣщики пользовались даже слишкомъ сурово этою властію, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ выходящихъ изъ ряду самодуровъ, помѣщикъ не уничтожалъ совершенно значенія крестьянскаго міра, а напротивъ предоставлялъ ему рѣшеніе весьма многихъ дѣлъ, такъ бывало обыкновенно даже и въ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ; въ оброчныхъ же имѣніяхъ крестьянскій міръ имѣлъ еще болѣе широкое значеніе. Мы видѣли, напр., что помѣщикъ Лунинъ рѣшался дѣлать хозяйственныя перемѣны въ своемъ имѣніи не иначе, какъ поговоря «съ умными изъ крестьянъ и хозяевами»; переселеніе нѣкоторыхъ крѣпостныхъ на новое мѣсто было также произведено Лунинымъ съ ихъ согласія, и при этомъ они сами опредѣляли по жребію порядокъ расположенія усадебъ въ новомъ поселкѣ. Крестьянскій міръ импонировалъ даже нѣмцу: бар. Вольфъ, въ своемъ печатномъ наказѣ управителю, предписываетъ ему никого не наказывать тѣлесно «при себѣ одномъ», а дѣлать это при старостахъ, въ болѣе же важныхъ случаяхъ и при всемъ мірѣ; старосты и крестьяне, вѣроятно, должны были имѣть при этомъ совѣщательное значеніе. Нужно помнить, что это предписаніе Вольфа было высказано въ печатной инструкціи, такъ сказать при теоретическомъ обсужденіи дѣла землевладѣльцами, въ дѣйствительности же міръ или выбранныя имъ власти обыкновенно имѣли болѣе широкія права и это хорошо сознавали русскіе помѣщики. Въ томъ же изданіи Вольнаго Экономическаго Общества, гдѣ бар. Вольфъ отводилъ такую скромную роль для крестьянскаго міра въ дѣлахъ о провинностяхъ его членовъ, гр. Воронцовъ предлагалъ совершенно запретить управителямъ и прикащикамъ отправленіе правосудія и предоставить это суду, составленному изъ выборныхъ, а вскорѣ затѣмъ членъ того же Вольнаго Экономическаго Общества, гр. В. Орловъ, въ своихъ приказахъ по имѣнію, хотя и предоставляетъ бурмистру (нужно замѣтить избираемому крестьянами) рѣшать безъ участія міра «маловажныя» дѣла, но дѣла «большей важности, касающіяся всего общества» приказываетъ «рѣшать при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень» [1]).

[1]) *Гр. Орловъ-Давыдовъ.* I, 270.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы можемъ свести въ одно цѣлое разбросанныя выше указанія на дѣятельность крестьянскаго міра въ помѣщичьихъ вотчинахъ, съ добавленіемъ притомъ и нѣкоторыхъ новыхъ чертъ. Въ оброчныхъ вотчинахъ, какъ мы уже говорили, значеніе міра было гораздо обширнѣе, чѣмъ въ барщинныхъ: «деревни отсутствующихъ помѣщиковъ», доворитъ авторъ хозяйственнаго описанія солигаличскаго уѣзда, костромской губерніи, «управляются по большей части выборными и старостами, кои въ общественныхъ дѣлахъ относятся на мірскіе сходы или на собранія подвѣдомственныхъ имъ поселянъ; здѣсь же живущіе господа помѣщики вообще сами деревнями своими располагаютъ» [1]. А мы видѣли выше, что въ екатерининскую эпоху, особенно въ первую ея половину, большинство дворянъ жило внѣ своихъ помѣстій, половина имѣній была на оброкѣ, слѣдовательно извѣстная степень самоуправленія крестьянскаго общества была явленіемъ болѣе частымъ, чѣмъ полная и постоянная его зависимость отъ распоряженій помѣщика. Изслѣдователи крестьянской жизни въ Остзейскомъ краѣ видѣли въ этомъ обстоятельствѣ—распространенности у насъ оброчной системы—важное преимущество крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи, сравнительно съ ихъ собратьями въ западной окраинѣ Россіи, и тѣ истязанія своихъ подданныхъ, къ которыхъ оказались повиннымм нѣкоторые помѣщики, совершались обыкновенно или надъ дворовыми, или надъ крестьянами такихъ имѣній, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ и гдѣ крестьяне были на барщинѣ.

Дѣятельность крестьянскаго міра сказывалась прежде всего въ выборѣ сельскихъ властей. Лицо, начальствующее надъ всею вотчиною, не всегда было выборнымъ: мы видѣли, что управители и прикащики всегда назначались помѣщиками, бурмистры же и старосты бывали то выборные, то по назначенію отъ владѣльца; въ первомъ случаѣ они выбирались всѣмъ крестьянскимъ обществомъ. Если же лицо, стоящее во главѣ имѣнія, было назначено помѣщикомъ, то, во всякомъ случаѣ, второстепенныя власти—старосты отдѣльныхъ деревень—были всегда выборными.

Мы указали выше на отношеніи выборнаго бурмистра къ мірскому сходу по уложенію В. Орлова, которое пользовалось большою популярностію и, слѣдовательно, можетъ быть признано выраженіемъ порядковъ, господствовавшихъ въ оброчныхъ вотчинахъ. Припомнимъ здѣсь, что бурмистръ долженъ былъ совѣтываться съ выборными и «лучшими людьми», а въ болѣе важныхъ дѣлахъ и со всѣмъ міромъ. Въ

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. № 192, л. 132.

уложеніи прямо упоминается о собраніи мірскихъ сходовъ по повѣсткѣ бурмистра, въ приказахъ Суворова о «мірскомъ кругѣ» [1]). На этихъ сходахъ выбирались и помощники бурмистра. Остальныя должностныя лица—цѣловальники, сборщики оброка, счетчики, наконецъ земскіе—всегда были выборные.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ, дѣятельность крестьянскихъ сходовъ обнаруживалась участіемъ въ наказаніи виновныхъ. Удаленіе порочныхъ посредствомъ ссылки на поселеніе или отдачи въ рекруты хотя и зависѣло въ концѣ концовъ отъ помѣщика, но очень часто предполагало приговоръ мірскаго схода. Конечно, помѣщикъ иногда подвергалъ этимъ наказаніямъ по собственному усмотрѣнію; ссылка на поселеніе давала даже возможность нѣкоторымъ землевладѣльцамъ отправлять въ Сибирь, въ зачетъ рекрутъ, людей увѣчныхъ и дряхлыхъ стариковъ, но въ оброчныхъ вотчинахъ, а также и въ барщинныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ, жившихъ въ ладу съ крестьянами, дѣло не обходилось безъ мірскаго приговора. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то авторы описанія нерехотскаго уѣзда очень мѣтко обрисовали установившіеся относительно этого обычаи, сказавъ, что старосты собираютъ крестьянъ на сходъ и «съ совѣту, а иногда и съ согласія ихъ» наказываютъ виновныхъ. Такимъ образомъ, крестьянамъ предоставляется при этомъ то совѣщательный только, то рѣшительный голосъ. Суворовъ предписывалъ человѣка «непорядочнаго сокращать *мірскими наказаніями*». Въ его имѣніяхъ былъ заведенъ особый штрафной журналъ, копія съ котораго ежемѣсячно отправлялась къ помѣщику. Суворовъ дѣлалъ на ней свои отмѣтки, и затѣмъ вѣдомость снова возвращалась въ вотчину. Вотъ отрывокъ изъ подобнаго журнала съ замѣчаніями владѣльца, которыя набраны курсивомъ: «Регистръ о виновныхъ и наказанныхъ крестьянахъ 15 октября 1784 г. 1) Федоръ Кленшинъ. Въ городѣ Темниковѣ пойманъ съ крадеными сапогами и топорами; за оное сѣченъ на сходѣ хорошо. Вторично... пойманъ съ деньгами; сѣченъ такожде.—*И впредь такихъ не щадить.*—2) Денисъ Никитинъ. Пойманъ въ полѣ съ сноповымъ хлѣбомъ; сѣченъ за оное.—*Впредь больше сѣчь.* 3) Иванъ Сидоровъ. Пойманъ съ рожью въ гумнѣ; сѣченъ же.—*Очень хорошо*... 5) Алексѣй... Медвѣдевъ. Пойманъ съ краденымъ сѣномъ и за оное сѣченъ.—*Нешто! и впредь хорошенько такихъ*»! и т. д. [2]). Въ иныхъ случаяхъ рѣшающею властью

[1]) *Рыбкинъ* 30.

[2]) *Рыбкинъ* 32, 132—133.

являлся не цѣлый міръ: уложеніе Орлова предписывало наказывать виновныхъ въ извѣстныхъ проступкахъ по усмотрѣнію бурмистра и выборныхъ.—На сколько силенъ былъ мірской духъ и привычка помѣщиковъ полагаться на рѣшеніе самихъ крестьянъ, видно изъ того, что иногда и дворовымъ предоставлялось рѣшать судьбу ихъ товарищей. Такъ, когда Лунину былъ возвращенъ изъ Польши одинъ его бѣглый дворовой, то онъ отдалъ его на судъ своихъ слугъ. Въ своемъ письменномъ приказѣ имъ Лунинъ писалъ: «желаю, чтобы вы сами учинили ему приговоръ, сообразный его преступленію и нашей къ милости склонности... Готовъ... и совсѣмъ вину его простить, но послѣднее не можетъ быть иначе, какъ по добромъ съ вашей стороны изслѣдованіи истиннаго его раскаянія». Въ послѣднемъ случаѣ дворовые должны были подписаться, что они ручаются «за истинное его раскаяніе, за будущее поведеніе и усердное стараніе о заслуженіи вины, что самое и онъ передъ образомъ долженъ своеручно подтвердить». Переговоривъ съ подсудимымъ, слуги Лунина не согласились поручиться за товарища, почему онъ и былъ отправленъ конюхомъ въ деревню.

Раскладка податей и оброка предоставлялась обыкновенно усмотрѣнію міра [1]), и помѣщикъ лишь иногда вмѣшивался въ это дѣло, предписывая облегчить бѣдняковъ и наложить большій сборъ на богатыхъ, что̀ впрочемъ, дѣлалось и безъ приказанія помѣщика. Конечно, господинъ вліялъ на распредѣленіе оброка уже тѣмъ, что накладывалъ и снималъ тягла, но, опредѣливъ ихъ количество, онъ обыкновенно предоставлялъ самимъ крестьянамъ раскладку денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика и государства [2]). Вотъ, напр., какой приказъ разослалъ въ 1773 г. В. Орловъ во всѣ свои вотчины: «окончили ли вездѣ рекрутскій наборъ и когда, въ рекруты отданы изъ своихъ или куплены, и сколько именно куплено и отдано изъ своихъ, и для чего меня объ ономъ... по сію пору не увѣдомили?» Такимъ образомъ все это было сдѣлано безъ барскаго указанія. «Увѣдомьте меня», продолжаетъ Орловъ,

[1]) Даже повышая оброкъ, помѣщикъ находилъ иногда нужнымъ переговорить съ мірскимъ сходомъ и, случалось, встрѣчалъ въ немъ рѣшительное сопротивленіе. Такъ было съ помѣщицею Толстою, когда она захотѣла назначить оброкъ по 30 р. съ осмака. Кн. А. М. Голицынъ, увеличивая размѣръ оброка, въ особомъ посланіи въ вотчину доказывалъ, что у другихъ помѣщиковъ крестьяне платятъ гораздо болѣе. Находя необходимымъ повысить оброкъ въ имѣніяхъ кн. Ник. Голицына, надъ которымъ онъ былъ опекуномъ, онъ писалъ управляющему, что на это „всеконечно крестьяне съ превеликою охотою *согласятся*“.

[2]) Для этого выбирались особые окладчики (Уложеніе Орлова).

«какимъ образомъ раскладку дѣлали въ послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ... созовите міръ и объявите ему моимъ именемъ, что я приказываю подумать и, согласясь, положить, какъ всегда напередъ дѣлать раскладку по крестьянамъ въ рекрутскомъ наборѣ. Я позволяю міру расположеніе сдѣлать и отписать ко мнѣ подробно о сей раскладкѣ для утвержденія. Когда въ семъ дѣлѣ (крестьяне) разобьются на двѣ части, то обѣихъ частей переслать мнѣнія, описавъ подробно причины, почему которая утверждаетъ». Въ другой разъ Орловъ предписывалъ: «пьяницъ, воровъ и гулякъ и т. п. отдавать можно безъ очереди, однако стеречься очень, чтобъ бѣднымъ добраго житья никакого притѣсненія не дѣлать» [1]). Итакъ помѣщикъ предписывалъ самимъ крестьянамъ рѣшить такой важный вопросъ, какъ раскладка рекрутской повинности, оставляя за собою только право утвердить мірское постановленіе.—Но иногда власть помѣщила шла гораздо далѣе. Мы разумѣемъ при этомъ не тѣ отдѣльные случаи, когда помѣщикъ сдавалъ въ рекруты провинившихся передъ нимъ людей, но то, что иногда онъ измѣнялъ самую форму отправленія рекрутской повинности; впрочемъ, повидимому, это было довольно рѣдко. А. В. Суворовъ, руководимый желаніемъ, чтобы населеніе его вотчины не уменьшалось, совершенно воспретилъ отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты, а приказалъ покупать для этого людей на сторонѣ, что оказывалось всегда возможнымъ, не смотря на запрещеніе торговли рекрутами [2]). Однако же и тутъ сказывалось значеніе всего крестьянскаго общества: деньги, истраченныя на рекрута (половину ихъ принималъ на свой счетъ помѣщикъ), велѣно было «разверстывать по имуществу каждаго всѣмъ міромъ». Точно также тамъ, гдѣ рекрутская повинность исполнялась натурою, раскладывались міромъ деньги, даваемыя на платье и въ награжденіе рекруту.

На подобные расходы — на помощь бѣднякамъ, на жалованье старостамъ, выборнымъ и писарямъ, на пріобрѣтеніе міромъ земли, наконецъ на взятки разнымъ властямъ крестьянскому міру слѣдовало имѣть свою общинную казну. И дѣйствительно мы не разъ встрѣчаемъ упоминаніе о мірскихъ деньгахъ. Такъ напр. Суворовъ пишетъ: «на приказные расходы *деньги мірскія* долженъ выдать особый повѣренный мірскій» [3]). Въ уложеніи В. Орлова есть особая глава «о сборахъ денегъ на мірскіе расходы и о дѣльномъ употребленіи оныхъ», которая начинается слѣдующими по-

[1]) *Орловъ-Давыдовъ* I, 271, 281.
[2]) Крестьяне были недовольны этимъ нововведеніемъ. *Рыбкинъ* 24.
[3]) *Рыбкинъ* 31.

становленіями: «Есть необходимые и чрезвычайные мірскіе расходы. Когда и сколько собирать денегъ для упомянутыхъ расходовъ отдается на волю мірскую. На сіи сборы, съ согласія общества, дѣлаютъ мірскіе приговоры.—Начальникамъ смотрѣть, чтобы пустыхъ расходовъ и подарковъ напрасно дѣлано не было, и чрезъ то не наносилось бы міру недѣльнаго отягощенія». Далѣе слѣдуютъ постановленія, чтобы ежегодно на сходахъ выбирались счетчики, сколько міръ найдетъ нужнымъ. «По сочтеніи счетовъ, считать ихъ на сходкахъ и подписывать, и ежели деньги употреблены дѣльно, то давать квитанціи кому слѣдуетъ». Владѣлецъ предписывалъ: «одни счеты оставлять при правленіи вашемъ, а другіе, таковые же, присылать въ контору мою. Ежели же окажутся начеты, то безъ упущенія взыскивать недѣльно употребленныя деньги, съ кого слѣдуетъ, да сверхъ того, смотря по винѣ, и наказывать потратившихъ оныя». Далѣе предписывалось хранить мірскія суммы у такъ называемаго «денежнаго старосты», причемъ бурмистръ и выборные должны были по три раза въ годъ производить повѣрку кассы [1]).

Важное значеніе мірскихъ сходовъ при передѣлахъ земли достаточно ясно изъ того, что было сказано выше въ особой главѣ о пользованіи землею крѣпостными крестьянами. Такіе интимные вопросы, какъ соединеніе бракомъ молодыхъ паръ, если и не обсуждались на всемъ сходѣ, то все-таки, по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, рѣшались бурмистромъ, выборными и «лучшими людьми» (уложеніе Орлова). Точно также бурмистръ, выборные, лучшіе крестьяне и ближайшіе родственники участвовали въ назначеніи опекуновъ надъ людьми неспособными управлять хозяйствомъ и несовершеннолѣтними. О мірской помощи бѣднякамъ и нѣкоторыхъ явленіяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ сказывался общинный духъ, мы уже говорили выше.

Приступая въ 1773 году къ управленію вотчинами всѣхъ братьевъ Орловыхъ, гр. Владиміръ Григорьевичъ интересовался различными подробностями въ организаціи мірского самоуправленія. Въ приказѣ, разосланномъ тогда во всѣ вотчины, онъ спрашивалъ: «Какъ дѣлали раскладку оброка прежде, и какъ нынѣ сдѣлали, доставшись за насъ? Часто ли бываютъ мірскія сходки и по какимъ дѣламъ? Кто ихъ созываетъ? Отъ всякаго ли дома бываетъ мужикъ или болѣе? Всякому ли вольно изъ крестьянъ придти на сходку, кто только пожелаетъ? Кто смотритъ, чтобы на сходкѣ

[1]) Въ Малороссіи у крестьянъ также были „громадскія деньги". *Лазаревскій*, 56.

не было ссоръ и безпорядковъ? Мірскіе приговоры записываютъ ли въ книгу, также и расходы? У кого сія книга въ рукахъ? Мірскіе приговоры, которые сюда ко мнѣ посылаются, всѣ ли ихъ бывшіе на сходѣ подписываютъ, или неумѣющіе грамотѣ уполномочиваютъ другихъ? Когда они не всѣ подписываютъ, то для чего? Когда на мірской сходкѣ крестьяне не всѣ согласны—одна часть одного мнѣнія, а другая другаго, то записываютъ ли оныя?... Кто отправляетъ дѣла государевы и дѣла по городу»[1])? Эти вопросы интересны для насъ прежде всего потому, что объясняютъ намъ причину той популярности, которою пользовалось уложеніе В. Орлова: очевидно оно было составлено послѣ внимательнаго изученія, на основаніи письменныхъ донесеній и личныхъ наблюденій, тѣхъ порядковъ, какіе господствовали въ крестьянской общинѣ, пріемовъ мірскаго самоуправленія; это еще болѣе даетъ намъ право смотрѣть на него не какъ на совершенно произвольное измышленіе автора, а видѣть въ немъ добросовѣстный сводъ установившихся въ то время обычаевъ. Помѣщикамъ можно было списать его съ самыми ничтожными измѣненіями (какъ это сдѣлалъ кн. Оболенскій), потому что оно всего болѣе соотвѣтствовало духу того времени. Что касается отвѣтовъ на эти вопросы, то, къ сожалѣнію, они намъ неизвѣстны, но содержаніе ихъ отразилось въ уложеніи В. Орлова, которое можетъ быть дополнено и другими источниками. Нѣкоторыя изъ сторонъ крестьянской жизни уже описаны нами выше.—Какъ часто бываютъ сходки?—на этотъ вопросъ едва ли можно дать общее рѣшеніе; это зависѣло отъ накопленія дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію схода; какія дѣла подвѣдомственны сходамъ—мы уже знаемъ, точно также, какъ и то, что сходы собирались бурмистромъ, или вообще лицомъ, стоящимъ во главѣ общины. Кто участвовалъ въ сходѣ? Несомнѣнно рѣшительный голосъ на ней имѣли только люди, несшіе тягло, присутствовать же, вѣроятно, никому не возбранялось. Въ уложеніи Орлова сказано: «всѣмъ крестьянамъ приходить» на мірскія сходки. Въ приказѣ помѣщика Черемисинова (1834 г.) предписано: «на сходъ ходить всѣмъ, съ каждаго двора по человѣку, не отговариваясь работами; а если случится въ дѣльной отлучкѣ или тяжкой болѣзни, то можетъ за него придти кто у него въ домѣ еще есть, а отъ одинокихъ должна быть жена. Кто же не пойдетъ на сходъ за пустыми отговорками, то взыскивать штрафу по 2 руб. въ міръ за каждый разъ, когда не придетъ. Мною самимъ усмотрѣно, что

[1]) *Орловъ-Давидовъ* I, 271—272.

и при мнѣ лѣниво ходятъ, не скоро соберешь, а пришедшіе дремлютъ; надобно всѣмъ подавать голосъ въ совѣщаніи мірскомъ, а не быть ротозѣями. Всякій крестьянинъ, богатый и убогій, равно за свой домъ можетъ говорить» [1]). Въ «положеніи объ управленіи вотчинъ гр. Строгановой» (1832 г.) [2]) сказано: «мірская сходка составляется изъ хозяевъ семействъ, коимъ отъ роду исполнилось 21 годъ»; въ случаѣ болѣзни или отлучки хозяина, его замѣняетъ сынъ или ближайшій родственникъ. За порядкомъ на сходѣ, по уложенію Орлова, долженъ былъ наблюдать бурмистръ. Мірскіе приговоры записывались, хотя вѣроятно это дѣлалось не во всѣхъ вотчинахъ и не по всѣмъ дѣламъ; при этомъ мнѣніе меньшинства не обозначалось, если только этого прямо не требовалъ помѣщикъ [3]). Въ денежныхъ дѣлахъ соблюдалось строгое счетоводство. Въ сношеніяхъ съ правительственными властями представителями крестьянскаго міра являлись бурмистръ или староста [4]). Отмѣтимъ еще одну любопытную черту въ крестьянскомъ самоуправленіи: въ двухъ распоряженіяхъ Суворова о мірской помощи бѣднякамъ и нуждающимся упоминается, что при раскладкѣ на весь міръ денегъ, нужныхъ для этого, долженъ присутствовать священникъ. Изъ документовъ Голицынскаго архива видно, что многія вѣдомости (окладныя и пр.) присылались помѣщику непремѣнно за подписью священника. Участіе священника оказывалось необходимымъ и во многихъ другихъ дѣлахъ крестьянскаго общества или его отдѣльныхъ членовъ. Вотъ что сказали мы объ этомъ въ особой статьѣ, посвященной очерку быта сельскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в.: «священникъ ежеминутно соприкасался съ крестьянами.... и нерѣдко оказывался имъ полезнымъ, особенно тамъ, гдѣ требовалось содѣйствіе грамотнаго человѣка, какими не изобиловала русская деревня въ XVIII в.». Сплошь и рядомъ, напр., священникъ хлопочетъ для крестьянъ въ городѣ о паспортахъ. «Въ особенно важныхъ дѣлахъ приглашаютъ священника и на сходъ: такъ онъ идетъ туда разбирать межевые планы, привезенные изъ межевой канцеляріи» [5]).

Такимъ образомъ безостановочно дѣйствовалъ нехитрый механизмъ

[1]) Арх. истор. и практич. свѣд. отн. до Россіи. 1860—61 г., кн. III, Спб. 1862 г., стр. 26—27.

[2]) Положеніе это напечатано было въ то время въ Петербургѣ, см. § 88.

[3]) Срав. *Орловъ-Давыдовъ*, I, 272.

[4]) Уложеніе гр. Орлова въ Ярослав. губ. Вѣд. 1853 г.

[5]) „Русская Старина“, 1877 г. № 8. „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII в.“, стр. 530—531.

крестьянскаго самоуправленія, и чѣмъ болѣе свободы предоставлялъ ему помѣщикъ, тѣмъ довольнѣе были крестьяне. Къ сожалѣнію, крѣпостной общинѣ приходилось справляться со слишкомъ большими невзгодами: и тяжелыя повинности, и злоупотребленія какого-нибудь прикащика, и не всегда умѣлыя нововведенія землевладѣльца — все это приносило много горя крѣпостнымъ душамъ; когда же справиться съ нимъ своими домашними средствами оказывалось не въ моготу, оставалось одно — ударить челомъ господину.

Для образца приведемъ отрывки изъ нѣкоторыхъ челобитныхъ. Крестьяне генералъ-аншефа *Леонтьева*, московскаго уѣзда, такъ начинаютъ свое прошеніе: «Государю нашему Николаю Михайловичу. Бьютъ челомъ и плачутся подмосковной вашей, государь, вотчины, Загарской волости разныхъ деревень крестьяне со общаго всего мірскаго согласія приговоромъ». Далѣе они говорятъ, что не могутъ внести немедленно требуемой отъ нихъ второй половины оброка: «въ прошломъ 766 г. къ нынѣшнему 1767 году,—пишутъ крестьяне, — нами, государь, сиротами вашими, хотя и былъ насѣянный всякій хлѣбъ, токмо по власти Божіей весьма родился худъ, и затѣмъ за недородомъ для нашего съ домишками сиротами пропитанія уже продаемъ имѣющихся собственныхъ нашихъ лошадей и прочаго скота, у кого имѣется, а другіе крестьяне безъ всякаго пропитанія находятся и странствуютъ съ женами и дѣтьми ихъ». Затѣмъ, упомянувъ о разныхъ повинностяхъ, ими исполненныхъ, и собранныхъ съ нихъ припасахъ, крестьяне такъ оканчиваютъ свое прошеніе: «и того ради, государь нашъ, къ вашему превосходительству и прибѣгнули подъ кровъ и защищеніе слезно просить: не соблаговолено-ль будетъ насъ сиротъ вашихъ отъ вышеписаннаго оброка второй половины нынѣ отъ платежа, за всекрайнимъ нашимъ убожествомъ и нищенствомъ, защитить и соблаговолить приказать дать намъ сиротамъ срокъ до предбудущаго 1768 года или какъ ваше превосходительство соизволите, чтобъ мы уже отъ того въ конецъ не разорились... да и отъ прочихъ отягощеніевъ... оборонить; и о томъ, государь нашъ, обо всемъ надъ нами сиротами смилуйся и учини милостивый указъ» [1]).

Крестьяне Суворова, недовольные нововведеніями помѣщика (между прочимъ его распоряженіями о рекрутчинѣ), постоянно просили оставить все по старому, какъ было при отцѣ ихъ господина, если же онъ не

[1]) Арх. М. Ю. № 173—3744, л. 590.

смилуется и не пожалуетъ, то грозили придти въ крайнее раззореніе и полный упадокъ. Суворовъ обыкновенно выражалъ свое неудовольствіе на то, что челобитные были составлены недостаточно сжато и толково. На одномъ прошеніи старосты онъ надписываетъ: «бесѣду не бесѣдуй», на другомъ: «матерія отъ матеріи не отличена»; на челобитной цѣлой вотчины пишетъ: «крестьяне меня не вразумили, и я ихъ не уразумѣлъ». Наконецъ, быть можетъ желая уменьшить количество присылаемыхъ прошеній, Суворовъ вздумалъ огорошить своихъ крестьянъ слѣдующими правилами, которыхъ они должны были впредь придерживаться, такъ какъ циркуляръ этотъ былъ обязателенъ для всѣхъ вотчинъ, старостъ и бурмистровъ. «Говорить должно по артикуламъ и статьямъ. Каждую вещь, каждой вещи часть подробно толковать и брать въ уваженіе, одну часть соображать съ другою; сравнивать тягость съ полезностью. Не рѣша одной части, къ другой но приступать. Ежели въ которой части найдется большое препятствіе, мнимая невозможность, непонятіе и сумнѣніе, предоставлять ее до конца. Начинать рѣшеніе частей легчайшими частьми, легкими, потомъ потяжелѣе и кончить тяжелыми... имѣя бѣлую бумагу, на одной половинѣ страницы означивать препятствія, недоразумѣнія, сумнѣнія; на другой половинѣ страницы ихъ облегчать, объяснять, опровергать и уничтожать. Сіе иногда чинится уподобленіемъ и замѣною. Соблюдать и смотрѣть на мои правила міромъ» [1]). Суворовъ, очевидно, просто потѣшался надъ неграмотностію своихъ крестьянъ, между тѣмъ какъ горю этому легко было помочь устройствомъ школъ.

Такое отношеніе Суворова къ крестьянскимъ челобитнымъ объясняется вообще его юмористическими наклонностями; другіе же помѣщики, разумѣется, относились къ нимъ совершенно серьезно, и тѣ изъ нихъ, которые хотѣли жить въ мирѣ со своими крѣпостными, исполняли ихъ просьбы, если находили это возможнымъ со своей точки зрѣнія. Такъ напр. прошенія крестьянъ кн. А. М. Голицыну о разверстаніи земли были внимательно обсужены господиномъ и на нихъ получены разумныя резолюціи.

У хорошихъ помѣщиковъ и въ другихъ отношеніяхъ обнаруживались добрыя отношенія съ крестьянами; такъ напр. въ храмовые праздники, предъ началомъ работъ, по окончаніи ихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ по старому обычаю угощали крестьянъ. Еще Татищевъ въ своихъ экономическихъ запискахъ совѣтовалъ, собравъ по окончаніи работъ

[1]) *Рыбкинъ,* 34—36.

всѣхъ крестьянъ, напоить и накормить ихъ «изъ боярскаго кошту» [1]; такой же совѣтъ мы находимъ и въ статьѣ Воронцова, напечатанной въ началѣ царствованія Екатерины II [2]. И дѣйствительно, мы видимъ, что Лунинъ въ храмовой праздникъ, послѣ уборки хлѣба, въ теченіи двухъ дней угощалъ своихъ крестьянъ и даже нѣкоторыхъ постороннихъ, приходившихъ его поздравить; тоже было и на пасху [3]. У Румянцева предъ началомъ и по окончаніи пашни совершалось на поляхъ молебствіе, а затѣмъ тутъ же въ полѣ «въ утѣшеніе» работникамъ выставлялось на всѣхъ по 10 ведеръ вина и по «варѣ» пива; да кромѣ того въ день именинъ матери помѣщика всѣ получали по чаркѣ, въ остальные же праздники велѣно было этого не дѣлать, а только «прилежать къ церковной молитвѣ» [4]. У третьяго помѣщика въ храмовой праздникъ крестьяне собирались послѣ обѣдни къ барскому дому и тутъ мужиковъ угощали пивомъ, виномъ, пирогами, а бабамъ раздавали серьги и перстни и изъ окна бросали дѣтямъ пряники и орѣхи. Въ одинъ изъ подобныхъ праздниковъ господинъ представилъ крестьянамъ свою молодую жену и они всѣ подходили цѣловать ея руку [5].

Лунинъ во время подобнаго праздника попробовалъ было вступить въ наставительную бесѣду съ крестьянами, по образцу того, какъ это дѣлаютъ «во многихъ нѣмецкихъ мѣстахъ, что приходящимъ въ церковь иногда вмѣсто проповѣди сказываютъ ихъ обязанность въ домѣ, въ полѣ и у помѣщика и толкуютъ, какъ что дѣлать». По окончаніи обѣдни, онъ созвалъ крестьянъ въ кругъ и сталъ толковать имъ, что вслѣдствіе молитвы Богъ благословляетъ ихъ трудъ, что прилежаніе дѣлаетъ человѣка зажиточнымъ и здоровымъ, указывалъ на хорошихъ хозяевъ изъ крестьянъ и порицалъ лѣнивыхъ, старался даже сообщать имъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Эта затѣя съ претензіею поучать крестьянина о пользѣ труда, ему слишкомъ хорошо извѣстнаго, или давать совѣты по сельскому хозяйству, въ которомъ помѣщикъ, по его собственнымъ словамъ, былъ еще совершенно неопытенъ, — разумѣется не при-

[1]) „Временникъ", кн. XIII, стр. 21.
[2]) Тр. В. Эк. Об. V, 6—7.
[3]) Рук. Рум. Музея М. 910.
[4]) Рук. Румянц. Музея № 355.
[5]) „Разсказы бабушки „Русскій Вѣстникъ" 1878, № 4, стр. 729—730. Крестьяне въ случаѣ пріѣзда барина иной разъ подносили ему цѣнные подарки: такъ кн. Долгорукому было поднесено 1000 р. Чт. Об. Ист. Древ. Росс. 1870, т. I, Журн. кн. Долгорукаго 1813 г., стр. 19.

вели ни къ чему. Лунинъ пришелъ къ выводу, что крестьяне «слушаютъ безъ охоты и, какъ кажется, безъ принужденія слушать не будутъ»; да оно и понятно: намучившись въ работѣ за цѣлую недѣлю, крестьянинъ хотѣлъ провести праздникъ въ свое удовольствіе.

Изъ всѣхъ фактовъ, собранныхъ нами въ настоящей главѣ, очевидно, что оброчныя вотчины пользовались значительною долею самоуправленія. Бывали однако случаи, что крестьянамъ удавалось достигать еще большей самостоятельности, получать въ свое пользованіе различныя хозяйственныя заведенія, однимъ словомъ превращаться въ почти независимую общину съ весьма значительнымъ и сложнымъ хозяйствомъ, независимую, разумѣется лишь до тѣхъ поръ, пока исправно уплачивался оброкъ владѣльцу и пока вообще это было угодно господину. Весьма любопытнымъ примѣромъ подобныхъ явленій послужитъ намъ обширное имѣніе М. П. Нарышкиной, казанской губерніи, свіяжскаго уѣзда (село Тенки съ деревнями, всего около 3800 д.).

По смерти своего мужа, Семена Кириловича, помѣщица немедленно сдѣлала нѣкоторыя облегченія крестьянамъ: уничтожила тонкопрядство, которымъ занимались до 400 дѣвушекъ, уменьшила работу на полотняной фабрикѣ, передала въ пользованіе крестьянъ помѣщичьи водяныя мельницы, сѣнные покосы и т. п. Затѣмъ въ 1782 г. до свѣдѣнія Нарышкиной дошло, что ея крестьяне желаютъ быть на чистомъ денежномъ оброкѣ и просятъ окончательно уничтожить всѣ оставшіяся хозяйственныя заведенія и промыслы. Узнавъ объ этомъ, госпожа тотчасъ написала въ вотчину, чтобы съ общаго согласія къ ней прислали въ Петербургъ по одному «первостатейному» крестьянину для общаго соглашенія («согласительнаго положенія»); вслѣдствіе чего къ ней явилось 12 человѣкъ съ мірскими приговорами; когда они передали госпожѣ всѣ желанія крестьянъ, то было составлено положеніе, установившее совершенно новые порядки въ свіяжской вотчинѣ.

Нужно замѣтить прежде всего, что въ 1765 г. С. К. Нарышкинъ взялъ въ аренду отъ дворцоваго вѣдомства на 37 лѣтъ мѣсто на одной рѣкѣ Кухарской волости, казанскаго уѣзда, для построенія лѣсопильной мельницы, съ платою по 100 руб. въ годъ, гдѣ и была построена большая мельница какъ для пилки лѣсу, такъ и для изготовленія муки. Теперь помѣщица передавала эту мельницу со всѣми заведеніями, съ подряженнымъ лѣсомъ, дровами, заготовленными досками и судами, перевозившими ихъ, въ полное распоряженіе крестьянъ, съ правами продать ее или отдать кому либо на откупъ до окончанія срока аренды, съ переда-

чею всѣхъ обязательствъ предъ дворцовымъ вѣдомствомъ. До того времени изъ тенковской вотчины отправляли въ Астрахань лѣсъ и дрова; теперь это было прекращено; что же касается отправки по Волгѣ хлѣба, то все количество, заготовленное къ будущему году, со всѣми хозяйственными принадлежностями—судами, необходимыми для перевозки и т. п.,—переходило въ собственность крестьянъ: они могли или продать хлѣбъ вмѣстѣ съ барками на мѣстѣ, или отправить его вверхъ по Волгѣ, въ Ярославль, или внизъ—до Астрахани. Существовавшая до того времени въ имѣніи Нарышкиной полотняная фабрика, на которой работали дворовые люди и бобыли, а отчасти и крестьяне, перешла въ полное распоряженіе крестьянъ со всѣми строеніями, инструментами, заготовленнымъ льномъ, пряжею и вытканнымъ полотномъ. Помѣщичья запашка съ наличнымъ хлѣбомъ, льнянымъ или конопляныхъ сѣменемъ и масломъ также перешли къ крестьянамъ; но запасный хлѣбъ, предназначенный для раздачи неимущимъ, долженъ былъ оставаться и впредь для той же цѣли. Хлѣбные амбары, гдѣ хранился хлѣбъ, отправляемый на судахъ, фабричныя свѣтлицы, а также дворы, построенные міромъ для дворовыхъ, все это оставлено было въ распоряженіе міра съ правомъ продать эти строенія или даже раздѣлить ихъ между собою; точно также было дозволено перенести на другое мѣсто или разобрать совсѣмъ фабричное зданіе и свѣтлицы, построенныя тамъ, гдѣ прежде было кладбище, которымъ крестьяне дорожили, какъ мѣстомъ могилъ своихъ дѣдовъ и отцевъ. Крестьяне могли также или начать постройку каменной церкви, для которой все нужное уже было заготовлено, или распорядиться кирпичемъ, известкою и другими матеріалами, какъ они пожелаютъ. Тѣхъ изъ дворовыхъ людей и фабричныхъ бобылей, которые пожелаютъ вступить въ крестьянство, слѣдовало снабдить на мірской счетъ всѣми необходимыми строеніями, нужнымъ скотомъ и земледѣльческими орудіями и отвести достаточное количество земли и при томъ, чтобы дать имъ возможность стать на ноги, предоставить двухлѣтнюю льготу отъ всякихъ поборовъ, а потомъ обложить наравнѣ съ остальными крестьянами. Если же кто изъ дворовыхъ не пожелаетъ сдѣлаться земледѣльцемъ, то они могли кормиться по своему усмотрѣнію, и желающимъ должно было выдавать паспортъ для заработковъ на сторонѣ; тѣхъ изъ нихъ, кто имѣлъ возможность платить, община могла обязать вносить въ мірскую сумму необременительный оброкъ и подушныя деньги. Такимъ образомъ опредѣленіе размѣра оброка съ дворовыхъ было предоставлено усмотрѣнію міра. Но старыхъ дворовыхъ, которые уже не въ силахъ работать, а также и малолѣтнихъ, должно было содержать на

мірской счетъ, давъ имъ помѣщеніе, отопленіе, пищу и одежду.—Бывшій до того времени въ тенковской вотчинѣ управитель, которымъ крестьяне были, какъ видно, недовольны, былъ лишенъ теперь всякой власти, онъ вовсе не долженъ былъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла, но и крестьяне не должны были причинять ему непріятностей, пока ему не будетъ велѣно переѣхать въ другое мѣсто. Главнымъ начальникомъ вотчины сдѣлался выбранный крестьянами бурмистръ, котораго помѣщица утвердила впрочемъ лишь на одинъ годъ и который долженъ былъ завѣдывать всѣми дѣлами вмѣстѣ со старостою и выборными; въ приказной избѣ должно было быть два писаря. Нечего и говорить, что крестьяне получили полную свободу въ распредѣленіи между собою земли, раскладки оброка, податей и рекрутчины, заключеніи браковъ, покупкѣ міромъ земли; относительно рекрутской повинности госпожа совѣтовала переложить ее на деньги, то есть покупать для этой цѣли людей на сторонѣ на мірской счетъ, но впрочемъ не обязывала къ этому крестьянъ, а только изъ опасенія, чтобы они не сдали въ рекруты всѣхъ дворовыхъ, запретила отдавать ихъ въ солдаты безъ своего согласія.

За всѣ эти благополучія, предоставленныя имъ госпожею, тенковцы обязаны были платить ей ежегодно оброку по 5 р. 50 к., а кромѣ того за всѣ хозяйственныя заведенія помѣщица единовременно взыскала въ свою пользу 7000 р., т. е. около 1 р. 80 коп. съ души. Такимъ образомъ за оброкъ, едва ли превышавшій тогдашнюю среднюю норму повинностей въ пользу господина, если считать не одинъ денежный сборъ, но и всѣ взносы натурою, крестьяне получили въ свое распоряженіе лѣсопильную мельницу, полотняную фабрику, барки для отправки хлѣбныхъ запасовъ, амбары, хлѣбъ, собранный съ господской пашни, и наконецъ полную свободу въ распоряженіи своими домашними дѣлами. Но чтобы крестьяне не слишкомъ возмечтали, въ конституціонной хартіи, дарованной своимъ крѣпостнымъ госпожею Нарышкиною, упоминались и нѣкоторыя мѣры, заимствованныя изъ доконституціоннаго періода: за неакуратный платежъ оброка и грубости бывшему управляющему помѣщица грозила жестокимъ наказаніемъ плетьми и отдачею въ рекруты безъ жребія [1]). Къ сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ вела свои дѣла эта любопытная община, превратившаяся такимъ образомъ во владѣльца обширныхъ хозяйственныхъ предпріятій.

[1]) Голицынскій архивъ.

ГЛАВА IX.

Вліяніе помѣщика на вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ.—Выводныя деньги и покупка невѣстъ.—Помѣщичій развратъ.—Семейные раздѣлы и величина семей у крѣпостныхъ

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что крестьяне не пользовались свободою относительно своей женитьбы: помѣщикъ, по достиженіи молодыми людьми извѣстнаго возраста, то соединялъ пары по своему усмотрѣнію, то предоставлялъ это крестьянскому сходу. Говоря о замужествѣ крестьянки, мы должны различить два случая: выходъ замужъ за крѣпостнаго того же господина и за человѣка посторонняго. Относительно совершенія браковъ между крѣпостными одного господина, законъ (до перваго Свода Законовъ) нигдѣ не требовалъ прямо согласія помѣщика, тѣмъ не менѣе это было повсемѣстнымъ обычаемъ. Что касается браковъ съ людьми посторонними, то относительно этого мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія въ нашихъ законахъ. Въ Уложеніи сказано: «а будетъ который помѣщикъ или вотчинникъ изъ помѣстья своего или изъ вотчины.... крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ или вдовъ учнутъ отпускать идти замужъ за чьихъ людей или за крестьянъ: и имъ тѣмъ крестьянскимъ дочерямъ, дѣвкамъ и вдовамъ давати отпускныя за своими или за отцовъ своихъ духовныхъ руками, впредь для спору» (т. е. чтобъ можно было доказать, что онѣ не бѣглыя). «А выводъ имати за тѣ крестьянскія дочери по договору» (гл. XI, ст. 19). Является вопросъ: могъ ли помѣщикъ отказать въ выдачѣ замужъ своей крѣпостной, если ему предлагали выводныя деньги въ достаточномъ количествѣ? Съ нашей современной точки зрѣнія, мы не находимъ въ Уложеніи отвѣта на этотъ вопросъ; но полагаемъ, что въ то время приведенная статья была составлена и понималась въ такомъ смыслѣ, что помѣщикъ можетъ вовсе не выпустить изъ вотчины свою крѣпостную дѣвушку. На это, намъ кажется, указываетъ какъ самая редакція статьи («учнутъ отпускать»), такъ и обычай, выработавшійся уже въ то время, просить дозволенія владѣльца даже на вступленіе въ бракъ съ крѣпостною того же господина [1]), а это показываетъ, какъ вообще велика была власть владѣльца въ вопросѣ о бракахъ. Въ началѣ XVII столѣтія существовало постановленіе (указъ Шуйскаго 9 марта 1607 г.), что помѣщики должны были выдавать замужъ дѣвушку не старѣе 18 лѣтъ, а парня женить не позже 20 лѣтъ, и въ

[1]) *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 219.

случаѣ если помѣщикъ, по наступленіи этого возраста, самъ ихъ не женитъ и имъ воли не даетъ, то тотъ и другая могли требовать себѣ отпускной отъ правительства [1]). Въ Уложеніи уже ничего не упоминается объ этомъ правѣ крѣпостныхъ на бракъ въ извѣстномъ возрастѣ [2]). Но изъ приведеннаго факта видно, что если бы правительство не предоставляло помѣщику права категорически воспретить выходъ замужъ дѣвушки въ другую вотчину, то оно оговорило бы въ Уложеніи ихъ право требовать себѣ въ этомъ случаѣ отпускной, чего однако же сдѣлано не было.

Въ узаконеніяхъ послѣдующаго времени повторяется требованіе отпускнаго письма въ случаѣ замужества крѣпостной съ постороннимъ человѣкомъ [3]). Но при Петрѣ Великомъ въ 1724 г. было постановлено, что, при выходѣ замужъ за солдата, помѣщикъ не долженъ удерживать свою крѣпостную, если женихъ «заплатитъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ брать» [4]). Ограничивалось ли это правило только тѣмъ случаемъ, когда женихомъ являлся солдатъ, или этотъ законъ имѣлъ и болѣе широкое примѣненіе? Не смотря на то, что въ текстѣ закона упоминается только о солдатахъ, онъ могъ бы примѣняться и къ крестьянамъ, подобно тому, какъ извѣстныя узаконенія Воинскаго Устава примѣнялись въ довольно неподходящихъ случаяхъ убійства помѣщиками крѣпостныхъ. Но едва ли когда либо законъ 1724 г. примѣнялся къ бракамъ крестьянъ; мы, по крайней мѣрѣ, не нашли на это никакого указанія. Крестьянамъ удавалось, по крайней мѣрѣ въ первую половину XVIII в., обходиться безъ выводныхъ писемъ помѣщика [5]); но тутъ только повидимому было не соблюдаемо правило о необходимости согласія помѣщика: въ поѣздѣ должны были присутствовать прикащикъ или выборныя власти; первый, назначаемый помѣщикомъ, замѣнялъ въ этомъ случаѣ его лицо, и согласіе прикащика было равнозначительно съ

[1]) *Побѣдоносцевъ*. Истор. изслѣд. 58—59.

[2]) А между тѣмъ прямое признаніе закономъ права крѣпостныхъ вступать въ бракъ было бы не безполезно въ виду того, что даже въ XIX в. находились самодуры, которые вовсе не дозволяли этого своимъ дворовымъ: таковъ былъ извѣстный генералъ Измайловъ. Др. и Нов. Россія 1876 г. № 11, стр. 280—281.

[3]) П. С. З. VII, 4294, 4533, т. XVII, 12289, 12543.

[4]) П. С. З. VII, 4533, гл. I, п. 5, 4535, п. 7.

[5]) Это видно изъ слѣдующихъ словъ указа 1754 г. о бѣглыхъ: „а которыя вдовы и дѣвки за чьихъ людей и крестьянъ до сего указа въ замужество выданы, *хотя и безъ выводныхъ писемъ, но вѣнчаны оныя съ поѣздомъ тѣхъ вотчинъ*, чьи тѣ вдовы и дѣвки, *прикащиковъ, старостъ и выборныхъ крестьянъ*, а не побѣгомъ вышли.... и такихъ въ побѣгъ не ставить, а быть онымъ за тѣми людьми, за кѣмъ мужья въ прежнюю перепись во вторую ревизію написаны“.

согласіемъ помѣщика; тамъ же, гдѣ вотчина управлялась исключительно выборными властями, ихъ присутствіе въ свадебномъ поѣздѣ также показывало согласіе на выводъ, вѣроятно, на извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ это время были помѣщики, категорически запрещавшіе выводъ изъ своихъ вотчинъ. Такимъ образомъ, изъ указа 1754 г. мы можемъ заключить только о формальномъ несоблюденіи требованія относительно согласія помѣщика, т. е. выдачи выводнаго письма; но и это было запрещено указомъ 1754 г., гдѣ сказано: «а впредь.... ежели чьи вдовы и дѣвки за постороннихъ.... людей и крестьянъ безъ отпускныхъ и выводныхъ писемъ въ замужество выданы будутъ, *хотя и по вышеписанному порядку съ поѣздомъ*, такихъ считать бѣглыми [1]).

При Екатеринѣ II, въ инструкціяхъ полковникамъ (1764 и 1766 гг.) было предписано солдатамъ безъ отпускныхъ «невѣстъ не брать, также и выводныя деньги по примѣру тутошнихъ мѣстъ платить должно» [2]), при чемъ однако не были повторены слова указа 1724 г., что помѣщикъ не можетъ удерживать свою крѣпостную, если женихъ заплатитъ обычный выводъ. Такимъ образомъ, даже и относительно жениховъ изъ солдатъ, права помѣщиковъ не были ограничены такъ ясно, какъ въ указѣ 1724 г. Понятно, что при такомъ положеніи законодательства по этому вопросу чувствовалась потребность въ болѣе опредѣленномъ постановленіи.

Люди духовные, какъ вѣрные хранители обычая, стояли за сохраненіе вліянія помѣщиковъ относительно браковъ ихъ крѣпостныхъ. Въ наказѣ депутату отъ синода въ коммиссію Уложенія было сказано: «не вѣнчать хотящихъ брачитись по одному произволенію своему, безъ воли родителей, *помѣщиковъ* или попечителей» [3]). Напротивъ того, императрица Екатерина въ своемъ Наказѣ говоритъ: «обыкновенно въ узаконеніяхъ положено отцамъ сочетовать союзомъ брачнымъ дѣтей своихъ. Но что изъ сего выйдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе дойдутъ до того, что присвоятъ себѣ неправильнымъ образомъ власть отцовскую? Надлежало бы еще отцовъ поощряти, чтобъ дѣтей своихъ бракомъ сочетавали, а не отымать у нихъ воли сочетавать дѣтей по ихъ лучшему усмотрѣнію». (ст. 288). Въ томъ же году гр. Воронцовъ въ своей статьѣ,

[1]) П. С. З. XIV, 10233, п. 20. По этому же указу (п. 21) солдаты и другіе служилые люди, женившіеся на бѣглыхъ крѣпостныхъ, не были отдаваемы по женамъ въ крѣпость, а платили назначенный выводъ (10 рублей).

[2]) П. С. З. XVI, 12289, гл. II, п. 6, XVII, 12543, гл. II, п. 6.

[3]) Христіанское Чтеніе 1876 г. т. II, сентябрь—октябрь, стр. 257.

помѣщенной въ Тр. Вольн. Эк. Общества, высказываетъ такой взглядъ на вопросъ о выводныхъ деньгахъ и о выдачѣ крѣпостныхъ замужъ за людей постороннихъ. Онъ находитъ, что «для общей пользы должно выдавать дѣвокъ безденежно, положа, чтобы всякій бралъ на обмѣнъ у другаго». Онъ полагаетъ даже, что такимъ образомъ можно обуздать владѣльцевъ, слишкомъ сурово поступающихъ со своими крестьянами, такъ какъ въ ихъ вотчину никто не согласится идти по доброй волѣ. Дозволеніе свободно брать себѣ женъ, хотя бы отъ другаго владѣльца, безъ всякихъ выводныхъ денегъ, дѣйствительно смягчило бы жестокость помѣщиковъ; но то, чего желалъ Воронцовъ, вовсе не могло имѣть такихъ благихъ результатовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы «всякій бралъ на *обмѣнъ* у другаго»,—и что при этомъ онъ понимаетъ слово обмѣнъ совершенно буквально, видно изъ приводимаго имъ вслѣдъ затѣмъ примѣра: «въ копорскомъ уѣздѣ,—говоритъ онъ, многіе владѣльцы межъ собою согласились, что одинъ у другаго дѣвокъ за крестьянъ берутъ безъ выводу, и такъ *считаютъ, кто кому долженъ*, а если крестьянинъ добровольно сосватается, то и дѣвку отдать надлежитъ». Значитъ тутъ, вмѣсто выводной платы, введена была система обмѣна, былъ, такъ сказать, открытъ между помѣщиками взаимный кредитъ. Гр. Воронцовъ думаетъ, что жестокіе помѣщики пострадаютъ при такой системѣ: «Онъ отдастъ дѣвку на выводъ, а къ нему никто не пойдетъ», но если при этомъ считаютъ, «кто кому долженъ», то что нибудь изъ двухъ: или такой помѣщикъ перестанетъ выдавать въ чужія вотчины своихъ дѣвушекъ, не получая оттуда невѣстъ своимъ крестьянамъ, или другіе владѣльцы будутъ насильно выдавать ихъ замужъ въ вотчину жестокаго помѣщика. Во всякомъ случаѣ при такой системѣ онъ не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба [1]).

Депутатъ города Дерпта Гадебушъ въ своихъ «мысляхъ о крестьянскомъ сословіи» настаиваетъ на дозволеніи крѣпостнымъ жениться по своему усмотрѣнію и отмѣнѣ выводныхъ денегъ, такъ какъ взиманіе ихъ препятствуетъ увеличенію народонаселенія [2]). Это требованіе вошло и въ проектъ Унгерна Штернберга, (внесенный въ комиссію для разбора государственныхъ родовъ), который прибавилъ только, что для избѣжанія безпорядка, какъ женихъ, такъ и невѣста должны имѣть отъ своего господина вѣнечныя памяти, въ выдачѣ которыхъ помѣщикъ не можетъ

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. V, 10—11.

[2]) Приложеніе къ дневнику Гадебуша, рукоп. на нѣмецк. яз. въ Публич. библ., § 7.

отказать имъ безъ законной причины. При этомъ авторъ проекта напоминаетъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ имѣетъ право жаловаться на помѣщика консисторіи, если тотъ безъ уважительной причины препятствуетъ браку. Членъ той же комиссіи Радванскій, напротивъ, стоялъ за сохраненіе власти помѣщика и въ этомъ отношеніи, утверждая, что мѣра, предлагаемая Унгерномъ, будетъ вредна для самихъ крестьянъ, такъ какъ тогда «бѣдный крестьянинъ никогда женатъ не будетъ, а особливо вдовый, оставшись со многими малолѣтными дѣтьми: никто за него отдать не похочетъ, а помѣщики нынѣ покупаютъ или изъ своихъ сиротъ за таковыхъ выдаютъ и льготу даютъ въ работѣ, и тѣмъ небогатый возстановляетъ свой домъ, а особливо, когда выдадутъ изъ достаточнаго дома вдову или дѣвку». Кромѣ того, въ подтвержденіе своего мнѣнія, Радванскій указывалъ, что обычай требовать выводныхъ денегъ на столько привился къ нашимъ нравамъ, что ихъ берутъ крестьяне и сами между собой [1]). Поэтому онъ находилъ, что уничтожить плату за выводъ и устранить необходимость согласія помѣщика на женитьбу крѣпостныхъ значитъ только лишить его дохода; крестьяне же одного помѣщика, по его словамъ, всегда будто бы вступаютъ въ бракъ безпрепятственно и по своему желанію. Однимъ словомъ, Радванскій, а также и депутатъ Титовъ предлагали постановить, чтобы крестьяне одного помѣщика вступали въ бракъ съ его согласія, но безъ всякой платы; при женитьбѣ же на посторонней дѣвушкѣ, нужно увольнительное письмо отъ ея господина [2]).

Новгородскій губернаторъ Сиверсъ въ этомъ вопросѣ, какъ и во всемъ, что касается улучшенія быта крестьянъ, высказывалъ вполнѣ либеральные взгляды. Онъ, подобно Гадебушу, находилъ нужнымъ совершенно уничтожить выводныя деньги и предоставить крѣпостнымъ полную свободу въ дѣлѣ женитьбы: «Въ этомъ отношеніи Лифляндія,—говоритъ онъ,—убѣдительный примѣръ; эта свобода есть одна изъ причинъ, почему тамъ народонаселеніе такъ увеличилось съ начала русскаго господства. Законъ этотъ вышелъ было въ Лифляндіи изъ употребленія, но императрица приказала строго соблюдать его, подъ угрозою штрафа въ 50 р.»... «Я думаю,—продолжаетъ Сиверсъ,—что было бы полезно допустить бракъ

[1]) Дѣйствительно, мы имѣли случай указать на такой обычай среди одной волости конюшенныхъ крестьянъ, гдѣ отцы взыскивали съ жениха за свою дочь не менѣе 15, а иногда даже до 150 руб. „Крестьяне дворцоваго вѣдомства". „Вѣстникъ Европы" 1878 г. № 6, стр. 433—434.

[2]) Арх. II отд. св. 353—348.

безъ всякаго выкупа». Онъ также находилъ, что эта мѣра смягчитъ суровое обращеніе помѣщиковъ со своими крѣпостными. Правительство въ то время часто обсуждало этотъ вопросъ, но онъ всегда вызывалъ сильныя разногласія. Нѣкоторые предлагали опредѣлить размѣръ выводныхъ денегъ, но невозможно было согласить различныхъ мнѣній по этому предмету [1]).

Не смотря на эти требованія и мнѣніе самой составительницы Наказа, не было издано никакого закона о бракахъ между помѣщичьими крестьянами; что же касается людей некрѣпостныхъ, то въ манифестѣ 1775 г. было сказано: «гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за таковое дозволеніе сбирается сборъ или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа» [2]). Послѣ этого мѣстами еще продолжали сбирать выводныя деньги за дѣвушекъ, отдаваемыхъ въ помѣщичьи вотчины, но въ 1782 г. было разъяснено, что этого дѣлать не слѣдуетъ [3]). Однако, въ концѣ XVIII в., дворцовое вѣдомство едва ли не придерживалось относительно помѣщиковъ системы обмѣна, предложенной въ статьѣ Р. Воронцовымъ [4]), и только черезъ два года послѣ изданія узаконенія о томъ, что всѣ вдовы и дѣвушки вольнаго происхожденія, вышедшія замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ, по смерти мужей не должны быть обращаемы въ крѣпостныхъ, было въ 1817 г. еще разъ категорически предписано выпускать изъ казенныхъ селеній въ замужество за помѣщичьихъ людей безъ выводныхъ денегъ [5]).

Сопоставляя узаконенія, изданныя при Екатеринѣ II и до нея, съ упоминаніемъ Сиверса о предположеніяхъ правительства опредѣлить размѣръ выводныхъ денегъ въ помѣщичьихъ вотчинахъ, мы видимъ ясно, что постановленія относительно браковъ солдатъ съ крѣпостными дѣвушками вовсе не считались общею мѣрою, гарантирующею право крѣпостнаго

1) *Blum* II, 98—99.

2) П. С. З. XX, 14.275, п. 17.

3) П. С. З. XXI, 15.468.

4) Въ одномъ указѣ 1800 г., между прочимъ, упоминается, что удѣльный департаментъ „предписалъ всѣмъ удѣльнымъ экспедиціямъ во владѣльческія селенія удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ выпускать по обряду помѣщичьему, но брать, по соглашенію обѣихъ сторонъ, также и изъ помѣщичьихъ деревень въ замужество за удѣльныхъ крестьянъ“. П. С. З. XXVI, 19.451.

5) П. С. З. XXXIV, 26.914.

крестьянина выдать свою дочь за посторонняго съ уплатою выводныхъ денегъ по мѣстнымъ цѣнамъ. И такъ, крѣпостной крестьянинъ не могъ безъ согласія владѣльца вступить въ бракъ или выдать замужъ свою дочь ни въ предѣлахъ вотчины, къ которой онъ принадлежалъ, ни внѣ ея.

Закономъ было прямо запрещено только принуждать крѣпостныхъ къ браку противъ ихъ желанія, выбирать женихамъ невѣстъ, а невѣстамъ жениховъ [1]; но мы сейчасъ увидимъ, что и этотъ законъ постоянно нарушался помѣщиками. Согласное съ Кормчею книгою и указомъ Петра Великаго желаніе синода, выраженное въ его наказѣ, чтобы запрещено было «вѣнчать по одному произволенію родителей, помѣщиковъ, командировъ, сродниковъ и попечителей, но непремѣнно, чтобы притомъ и брачущіяся оба лица самоизвольное свое въ церкви... свободно, явно и добровольно объявили желаніе», [2] не вызвало подтвержденія петровскаго указа при Екатеринѣ II. А между тѣмъ помѣщики не только не разрѣшали крестьянину жениться, на комъ тотъ пожелаетъ, но еще нерѣдко принуждали вступать въ бракъ противъ его желанія; крѣпостные не смѣли и жаловаться на это, не зная, конечно, о запрещеніи, изданномъ Петромъ Великимъ, и, вѣроятно, считая неизбѣжнымъ, чтобы господинъ рѣшалъ за нихъ ихъ судьбу. Даже болѣе образованные помѣщики находили такой порядокъ вполнѣ естественнымъ и нерѣдко устроивали браки своихъ крѣпостныхъ, вовсе не спрашивая о ихъ желаніи. Помѣщикъ руководствовался въ этомъ дѣлѣ исключительно хозяйственными соображеніями. «Землевладѣльцы въ Россіи,—говоритъ Сиверсъ,—обыкновенно принуждаютъ къ браку молодыхъ людей и дѣлаютъ это для того, чтобы имѣть лишнюю пару, т. е. новое тягло, на которое можно еще наложить работу или оброкъ» [3]. Едва ли можетъ быть что нибудь возмутительнѣе насилія въ такомъ дѣлѣ, которое должно было бы исключительно зависѣть отъ свободнаго желанія обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ лучшихъ людей того времени съ большою энергіею выражаетъ протестъ противъ этого варварскаго обычая. Вступающіе въ бракъ,—говоритъ онъ,—хотя бы и ненавидѣли другъ друга, «властью господина своего влекутся на казнь къ алтарю Отца всѣхъ благъ. И служитель его приметъ исторгнутую властью клятву, и утвердитъ бракъ. И сіе назовется

[1]) Указъ Петра В. 1724 г. П. С. З. VII, 4.406, ср. *Побѣдоносцевъ*. Изслѣдованія, 166—167.

[2]) Христіанское Чтеніе, 1876 г. т. II, 257.

[3]) *Blum* II, 98—99.

союзомъ божественнымъ!.. И неустройство сіе останется въ законѣ не наказаннымъ! Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; подтверждаетъ его градодержатель, для охраненія законовъ опредѣленный,—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ томъ свою пользу: первый, ради полученія мзды; другой, дабы не лишиться самому лестнаго преимущества управлять подобными себѣ самовластно» [1]).

Помѣщики очень часто женили крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію. Вотъ, напр., Болотову вздумалось женить старика, служителя своего отца; онъ такъ и сдѣлалъ и «выпустилъ его въ крестьяне», но потомъ снова взялъ во дворъ [2]). Когда крестьяне Суворова предложили сдать въ солдаты бобыля, «который никакихъ податей не платитъ, а шатается по сторонамъ, года по два и по три, и въ домъ не приходитъ», то, въ отвѣтъ на это, былъ полученъ такой приказъ господина: «Не надлежало дозволять ему бродить по сторонамъ. Съ полученіемъ сего *въ сей же мясоѣдъ этого бобыля женить* и завести ему міромъ хозяйство; буде же замѣшкаетесь, то я велю его женить на вашей первостатейной дѣвицѣ; а доколѣ онъ исправится, ему пособлять міромъ во всемъ: завести ему домъ, ложку, плошку, скотину и проч.». Или вотъ еще приказъ Суворова своему новгородскому управляющему: «не можно ль, государь мой выбрать... изъ моихъ крестьянскихъ... дворовымъ людямъ въ невѣсты дѣвочку-другую, только чтобъ то мужичкамъ было безобидно. Сихъ дѣвицъ извольте отправлять... на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, не очень сохранно» [3]). Что при этомъ исключительно имѣлись въ виду хозяйственныя соображенія, а личность крѣпостнаго совершенно стушевывалась, всего лучше видно изъ слѣдующаго разсужденія автора неизданныхъ замѣтокъ, присланныхъ въ 1791 г. въ Вольное Экономическое Общество. «Дѣвокъ, писалъ онъ, отъ 18 лѣтъ въ супружество отдавать; *добрые экономы отъ скотины и птицъ стараются племя разводить*, а человѣкъ, просвѣщеніе разумѣющій, паче долженъ о размноженіи рода человѣческаго, при помощи Божіей, печность (т. е. заботливость) приложить» [4]). Люди менѣе откровенные приводили еще и нравственное побужденіе: заботливость о сохраненіи чистоты нравовъ среди крѣпостныхъ; даже авторъ только-что упомянутыхъ замѣтокъ прибавляетъ къ приведеннымъ выше словамъ: «чрезъ

[1]) *Радищевъ* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

[2]) *Болотовъ*, II, 409.

[3]) *Рыбкинъ*, 24—25, 28.

[4]) Арх. Вольн. Эк. Общ., кн. № 121, л. 125.

сіе средство не будетъ повода къ соблазнительнымъ дѣяніямъ и шалостямъ съ обѣихъ сторонъ». В. Орловъ въ своемъ уложеніи писалъ: «Крайне нужно, чтобы дѣвки, поспѣвшія къ замужеству, и холостые, достигшіе до зрѣлыхъ лѣтъ, вступали въ бракъ. Сіе есть дѣло богоугодное, чрезъ что сохранятся нравы и пороки удалятся. И такъ, предписывается начальству, а паче всѣхъ бурмистру, склонять таковыхъ увѣщаніями и другими средствами ко вступленію въ бракъ». Дѣло ограничивается увѣщаніями только до поры до времени: помѣщикъ непремѣнно требуетъ, чтобы, по достиженія извѣстнаго возраста, молодые люди начинали исполненіе своихъ обязанностей—размножать число крѣпостныхъ своего господина, и если они уклонялись отъ этой повинности, то начинались репрессивныя мѣры. «Когда дѣвкѣ совершится 20 лѣтъ, читаемъ въ уложеніи Орлова, таковыхъ старшій въ семьѣ отдавалъ бы замужъ, а на пріисканіе жениха дать сроку полгода. Если же въ назначенный срокъ дѣвки выданы не будутъ, съ таковыхъ взыскивать ежегодно съ средняго дома 25 р., съ богатаго 50 р., бѣдныхъ же, кои не въ состояніи платить, наказывать по разсужденію начальства. Потомъ начальникъ, приглася выборныхъ и лучшихъ стариковъ, пріискиваютъ онымъ дѣвкамъ жениховъ по своему усмотрѣнію и соединяютъ ихъ законнымъ бракомъ, наблюдая при томъ тщательно, чтобы они другъ друга и домъ дома стоили. Съ холостыми, достигшими 25 лѣтъ и далѣе, не вступающими въ бракъ, поступать, какъ о дѣвкахъ предписано... Сему закону подлежатъ и вдовцы» [1].

Тутъ власть помѣщика замѣняется наблюденіемъ со стороны міра. Но помѣщикъ все-таки оставляетъ за собою высшій контроль: онъ приказалъ составить списокъ всѣхъ достигшихъ опредѣленнаго возраста и еще не вступившихъ въ бракъ и прислать въ контору съ указаніемъ, какія мѣры приняты относительно ихъ вотчиннымъ начальствомъ. Помѣщикъ оказывается, впрочемъ, на столько любезнымъ, что не приневоливаетъ къ браку людей, физически неспособныхъ къ нему, и даже прибавляетъ въ уложеніи, что «за то не подлежатъ они никакому наказанію», но онъ разрѣшаетъ увольнять по этой причинѣ отъ общей повинности. не иначе, какъ съ большею осмотрительностію: «за симъ смотрѣть накрѣпко начальству, дабы, по сему случаю, обмана не было и не отбывали бы отъ брака тѣ, которые къ оному способны». Для полноты

[1] Ярослав. Губ. Вѣд. 1853 г. Рычковъ, въ „Наказѣ для управителя“, также высказываетъ требованіе, чтобы „изъ крестьянъ молодые люди далѣе 18 лѣтъ, а по крайней мѣрѣ свыше 20 лѣтъ, холостыми не шатались“. Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 33.

системы не доставало только публичныхъ испытаній въ способности къ брачной жизни.—Въ приказахъ Суворова мы встрѣчаемъ распоряженія о женитьбѣ такихъ-то парней на извѣстныхъ дѣвушкахъ; въ иныхъ случаяхъ при этомъ прибавлено «съ общаго согласія», но чаще только названы имена, слѣдовательно, бракъ совершается по предложенію міра или по усмотрѣнію помѣщика. Иногда это и прямо высказано, напримѣръ: «вдовцамъ Клюеву, Борисову и Куркину надлежало бы первѣе всего жениться. Того ради женить ихъ міромъ» [1]. Радванскій, членъ коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ, требовавшій сохраненія власти помѣщика надъ браками крѣпостныхъ, говоритъ: «когда одного помѣщика крестьяне согласоваться будутъ къ женитьбѣ, то никогда не запрещается отъ господъ и женятся по волѣ». Но когда господинъ приказываетъ во что бы то ни стало женить какого то бродягу-бобыля, съ угрозою выдать иначе за него замужъ самую лучшую дѣвушку, или когда помѣщикъ велитъ выслать невѣстъ для своихъ дворовыхъ, и дѣвушка отправляется въ путь, даже не зная еще, кому она достанется въ жены, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо добровольномъ соглашеніи. Что система принужденія къ браку, особенно по достиженіи извѣстнаге возраста, была въ то время общепринятою, это видно изъ того, что о ней безъ всякаго стѣсненія заявляли и печатно. Рычковъ, въ своемъ «Наказѣ для прикащика», увѣнчанномъ медалью отъ Вольнаго Экономическаго Общества, говоритъ: «ежели молодой человѣкъ отрицается отъ женитьбы, или отецъ и мать его, по какой-нибудь слабости, къ тому не склонны, въ такомъ случаѣ пристойнымъ образомъ слѣдуетъ ихъ къ тому и понудить» [2].

Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, вообще человѣкъ очень гуманный, очевидно подъ вліяніемъ нѣмецкихъ сочиненій, трактовавшихъ о необходимости содѣйствовать увеличенію народонаселенія, предлагалъ съ этою цѣлью (въ письмѣ къ вицеканцлеру А. М. Голицыну) слѣдующія мѣры: всѣмъ дѣвушкамъ, которыя не могли выйдти замужъ въ молодыхъ лѣтахъ, давать въ приданое нѣкоторую сумму денегъ и такимъ образомъ способствовать ихъ замужеству, или увольнять ихъ съ мужьями на годъ или на два отъ господской работы; наконецъ, по его

[1]) *Рыбкинъ*, 69.

[2]) Тр. В. Эк. Общ. XVI, 34. Заботливый помѣщикъ заранѣе предусматривалъ всѣ препятствія, какія могли представиться для совершенія брака. Такъ Татищевъ предписываетъ: „въ своей деревнѣ кумовства не имѣть затѣмъ, чтобъ можно было жениться“. Временникъ XIII, 22.

мнѣнію, можно дозволить такимъ дѣвушкамъ, съ уплатою выводныхъ денегъ или даже и безъ этого, выходить замужъ въ чужія деревни, если въ своей вотчинѣ онѣ не съищутъ себѣ жениховъ. Но кн. А. М. Голицынъ рѣшительно вооружился противъ подобныхъ льготъ. Онъ отвѣчалъ, что еще при прежнемъ управителѣ было положено брать штрафу со всякой совершеннолѣтней дѣвушки по 3 р. ежегодно, но потомъ это правило не примѣнялось на дѣлѣ. Въ 1777 г. кн. А. М. Голицынъ возобновилъ его и назначилъ для вступленія въ бракъ какъ парнямъ, такъ и дѣвушкамъ 15-лѣтній возрастъ. Если дѣвушка до 18 лѣтъ не выйдетъ замужъ, то съ этого времени до тѣхъ поръ, пока ей минетъ 35 лѣтъ, велѣно было брать ежегодно трехрублевый штрафъ, отъ котораго освобождались только калѣки, больные и малоумные. Замѣтивъ, что и это не дѣйствуетъ и что по ревизскимъ сказкамъ оказывается много холостыхъ и незамужнихъ дѣвушекъ и приписывая это нежеланію отцевъ лишаться работницы, необходимой для хозяйства, кн. А. М. Голицынъ велѣлъ «для устрашенія» сдѣлать разборъ жениховъ и невѣстъ «по сходству лѣтъ и по состоянію домовъ» и выдавать замужъ по жребію. Крестьяне, услышавъ о такомъ приказѣ, въ одинъ рождественскій мясоѣдъ выдали замужъ въ своихъ же вотчинахъ до 400 дѣвушекъ, по его словамъ,—«добровольно и безъ всякаго принужденія». Онъ писалъ кн. Д. М., что относительно женитьбы крестьянъ не нужны никакія льготы и денежныя награды: «ибо ничто подѣйствовать не можетъ, а позволеніе выпуска за постороннихъ можетъ причинить имъ и поползновеніе къ отбывательству изъ крестьянства». Точно также и въ своей собственной вотчинѣ кн. А. М. Голицынъ пригрозилъ выдачею замужъ по жребію дѣвушекъ, которыя не выйдутъ замужъ къ извѣстному сроку [1]). Бывали, впрочемъ, случаи, что господинъ увольнялъ отъ брачной повинности людей, просившихъ его о томъ. Такъ, въ одномъ изъ приказовъ Суворова, сказано: «вдову Иванову, какъ она въ замужство не желаетъ, никому не дозволяю сватать. Помочь ей міромъ въ выстройкѣ той избы, которая была срублена еще ея умершимъ мужемъ».

Повѣнчаться крестьянамъ самовольно, безъ дозволенія помѣщика, было чрезвычайно трудно, такъ какъ священникъ, находившійся въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльца, на это не согласился бы. Однако иногда это случалось [2]).

[1]) Голицынскій архивъ.
[2]) *Рыбкинъ* 69, 68.

Бывали случаи, что сами крестьяне взывали о вмѣшательствѣ барина въ ихъ брачныя дѣла. Такъ одинъ вдовый крестьянинъ изъ вотчины кн. А. М. Голицына обратился къ нему съ челобитною, въ которой просилъ оказать ему «отеческую милость—приказать женить». Онъ сообщалъ при этомъ, что живетъ вдвоемъ съ братомъ, несетъ 2 тягла; они имѣютъ достатки не хуже другихъ: 5 лошадей, довольно и прочаго скота, но добровольно за него вдовца никто не отдаетъ; вдовы, какія есть, всѣ ему сродни, а взрослыхъ дѣвокъ мало; есть одна 20 лѣтъ, но отецъ хочетъ отдать ее замужъ за 13-лѣтняго мальчика, на которомъ нѣтъ и тягла [1]).

Послѣдній случай указываетъ, что помѣщикъ имѣлъ возможность и съ пользою употреблять свое право распоряжаться крестьянскими браками: онъ могъ не допускать весьма обычной въ то время женитьбы малолѣтнихъ ребятъ на взрослыхъ дѣвушкахъ, что вело къ самымъ безобразнымъ семейнымъ отношеніямъ и развитію снохачества. Рычковъ, указывая на этотъ обычай, совѣтовалъ не допускать такихъ браковъ [2]). Хорошіе помѣщики такъ и дѣлали: «крестьянъ менѣе 16 лѣтъ не женить, а дѣвокъ менѣе 14 лѣтъ замужъ не выдавать, также молодыхъ ребятъ на старыхъ дѣвкахъ не женить», писалъ Лунинъ въ приказѣ своему управляющему [3]). Но были и такіе землевладѣльцы, которые допускали выдачу замужъ 30-лѣтней дѣвушки за 11—12-лѣтняго мальчика и, наоборотъ, выдавали замужъ малолѣтнихъ дѣвочекъ [4]). Въ царствованіе Елизаветы до свѣдѣнія синода дошло, что одинъ помѣщикъ старицкаго уѣзда принуждалъ священника вѣнчать крестьянина съ десятилѣтней дѣвочкой и за неисполненіе требованія разрушилъ его избу, пограбилъ все имущество, дочь и сноху травилъ собаками [5]).

Если нѣкоторые помѣщики злоупотребляли своею властію въ дѣлѣ крестьянскихъ браковъ, то были и такіе, которые предоставляли имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, разумѣется только въ предѣлахъ своего имѣнія. Такъ поступалъ напр. гр. П. А. Румянцевъ. Въ наставленіи, данномъ приказной избѣ одной изъ своихъ вотчинъ, онъ предписалъ: «крестьянамъ исправлять свои свадьбы собственно по ихъ желанію и договорамъ безъ всѣхъ докладовъ»; прикащикамъ онъ

[1]) Голицынскій архивъ.
[2]) Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 33.
[3]) Записки Лунина въ Румянцевскомъ музеѣ.
[4]) *Passenans*. II, 186—187.
[5]) *Соловьевъ* XXIII, 37.

запретилъ вмѣшиваться въ свадебныя дѣла подъ страхомъ «жесточайшаго наказанія»; впрочемъ дворовымъ было запрещено жениться безъ дозволенія господина [1]). Въ свіяжской вотчинѣ Нарышкиной, гдѣ крестьяне получили отъ помѣщицы право полнаго самоуправленія, они также совершенно свободно женили своихъ дѣтей, записывая только имена вступающихъ въ бракъ въ особую книгу въ приказной избѣ [2]).

Мы упоминали уже объ обычаѣ брать выводъ за невѣстъ, выдаваемыхъ за людей постороннихъ. Это требованіе имѣло хоть какое-нибудь основаніе, такъ какъ эти деньги считались вознагражденіемъ за утраченную рабочую силу; но нѣкоторые помѣщики брали, по случаю женитьбы, значительные поборы даже со своихъ крѣпостныхъ людей. «Многіе владѣльцы съ собственныхъ своихъ мужиковъ берутъ за своихъ же дѣвокъ выводныя деньги», говоритъ гр. Ром. Воронцовъ, «чего небогатому или одинокому иногда и взять негдѣ» [3]). Въ подмосковномъ имѣніи кн. Нат. Голицыной собирались «куничныя деньги»; по словамъ Радищева, одинъ помѣщикъ собиралъ повѣнечнаго по 2 пуда меду; но другіе совсѣмъ не требовали этого сбора со своихъ крестьянъ, напр. В. Орловъ.

Нѣкоторые крестьяне, особенно зажиточные, вмѣсто того, чтобы отпустить дочь изъ дому, предпочитали взять къ себѣ зятя. Такъ какъ при этомъ все-таки можно было наложить новое тягло и, слѣдовательно, интересы помѣщика не страдали, то это не запрещалось; такъ было по крайней мѣрѣ у В. Орлова, который требовалъ только, чтобы поставленныя при этомъ условія были записаны въ вотчинномъ правленіи, во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній.

Мы видѣли выше, что изданныя правительствомъ узаконенія, за исключеніемъ закона Петра Великаго о женитьбѣ солдатъ, не обязывали помѣщиковъ выдавать своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, въ случаѣ ихъ желанія, за людей постороннихъ. Это видно также и изъ того, что нѣкоторые помѣщики совершенно запрещали выводъ изъ своихъ имѣній за какую бы то ни было плату. Такъ напр. Татищевъ, конечно, хорошо знавшій законы, писалъ въ своихъ «Экономическихъ запискахъ» (1742 г.): «вдовъ и дѣвокъ на выводъ не давать подъ жестокимъ наказаніемъ» [4]). Напротивъ, В. Орловъ въ своихъ имѣніяхъ допускалъ это съ уплатою «предписаннаго выводу»; однако и онъ установилъ нѣкоторыя ограниченія:

[1]) Инструкціи гр. П. А. Румянцева въ Румянцев. музеѣ.
[2]) Голицынскій архивъ.
[3]) Тр. В. Эк. Общ. V, 10.
[4]) Временникъ XIII, 22.

если у крестьянина были только дочери, то ихъ запрещено было выдавать въ чужія вотчины, чтобы имущество не могло перейти въ постороннія руки; такому же правилу подлежали и вдовы, неимѣющія сыновей. Гр. Румянцевъ требовалъ, чтобы о каждой дѣвушкѣ, которую хотятъ выдать въ чужія вотчины, представляли въ его главную контору съ обозначеніемъ, какую плату за нее предлагаютъ.

Правительство признало право помѣщика брать, такъ называемыя, *выводныя деньги* и не опредѣлило высшей мѣры этого взысканія. Закономъ былъ установленъ размѣръ вывода только въ случаѣ брака бѣглой съ чужимъ крестьяниномъ или солдатомъ; тогда опредѣлено было вносить по 10 р. [1]). Въ случаѣ же выдачи замужъ небѣглой крѣпостной за посторонняго человѣка, выводъ былъ обыкновенно значительнѣе: въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія помѣщики брали отъ 10 до 20 р. за каждую невѣсту [2]), а въ началѣ 80-хъ годовъ по 30 и 40 р. [3]); извѣстная кн. Дашкова, въ 1807 г., брала въ своемъ новгородскомъ имѣніи даже по 100 р. [4]). Право брать выводныя деньги было важно для помѣщиковъ

[1]) П. С. З. II, 998, 1003, XIV, 10233, п. 19 и 21. Помѣщики находили такую плату недостаточною: дворяне великолуцкаго уѣзда, въ своемъ наказѣ, просили взыскивать 20 р. за вышедшую замужъ въ бѣгахъ (Сб. Ист. Общ. XIV, 368); депутатъ Поповъ предлагалъ повысить плату даже до 100 р.; однако желаніе ихъ не было исполнено, и въ 1780 г. тотъ же выводъ (10 р.) велѣно было взыскать съ вольноотпущенныхъ, женившихся на крѣпостныхъ (П. С. З. XX, 15070). Въ отписныхъ имѣніяхъ канцелярія конфискаціи также находила нужнымъ брать по 10 р. и предлагала отпускать лишь въ томъ случаѣ, если въ вотчинѣ вовсе не будетъ жениховъ. (Наказъ канцеляріи конфискаціи въ Арх. II Отд., св. 80, п. 7).

[2]) Сб. Ист. Общ. VIII, 563; Тр. Вольн. Эк. Об. XVI, 34.

[3]) П. С. З. XXI, 15468. Впрочемъ Лунинъ въ 90-хъ годахъ соглашался на выводъ „по указамъ", слѣдовательно по 10 р.

[4]) Рус. Арх. 1864 г., стр. 584. Ср. выше о цѣнѣ дѣвушекъ (стр. 156). Въ Сибири бывало, что свободный человѣкъ, желавшій жениться на крѣпостной, по ветхозавѣтному обычаю, поступалъ въ услуженіе къ владѣльцу своей жены на извѣстное число лѣтъ, чтобы уплатить выводныя деньги своимъ личнымъ трудомъ. Это были слѣды поступленія въ кабалу, что дѣлалось такъ часто въ XVII вѣкѣ. Такой случай былъ тамъ въ 1753 году: одинъ незаконнорожденный женился на крѣпостной дѣвушкѣ поручика Давыдова съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ служить за нее 20 лѣтъ. Подушныя деньги по договору долженъ былъ платить за него Давыдовъ, а платье поступившій въ услуженіе долженъ былъ имѣть свое. Весьма важно слѣдующее условіе совершенной при этомъ записи: „а будущіе впредь съ нею, Авдотьею, дѣти съ нимъ, Давыдовымъ, — пополамъ", т. е. половина дѣлалась свободными, а другая оставалась крѣпостными. Такимъ образомъ и двадцатилѣтней службы было недостаточно, чтобы выкупить эту женщину вмѣстѣ со всѣми ея дѣтьми, какія родятся во время услуженія. Но съ другой стороны любопытно, что тутъ не было примѣнено правило „по рабѣ холопъ" и что по договору только половина дѣтей дѣлалась крѣпостными. (Чтен. Общ. Ист. Древ. Россійс. 1867 г. т. I, *Потанинъ*. Матер. для исторіи Сибири, 162—163).

не только тѣмъ, что доставляло имъ извѣстную сумму денегъ, но еще болѣе потому, что обуздывало желаніе выйти замужъ за крестьянина другой вотчины. Оно было особенно необходимо для тѣхъ помѣщиковъ, которые требовали со своихъ крестьянъ тяжелой работы и истязали ихъ, такъ какъ при полной свободѣ въ отношеніи брака все молодое женское населеніе охотно перешло бы отъ дурнаго владѣльца въ другія вотчины.

Депутатъ Радванскій, защищая необходимость вліянія господина на заключеніе брака между крѣпостными, указывалъ, между прочимъ, на то, что помѣщики иногда покупаютъ невѣстъ для своихъ крестьянъ. У Суворова всякому парню, принужденному по недостатку невѣстъ въ вотчинѣ покупать дѣвушку на сторонѣ, выдавалось въ подмогу отъ помѣщика по 10 р., а такъ какъ этого не хватало, то предписывалось въ этомъ случаѣ оказывать помощь всѣмъ міромъ. Для дворовыхъ же помѣщики или брали невѣстъ у своихъ крестьянъ (см. выше распоряженіе Суворова), или покупали на свой счетъ. Болотовъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о покупкѣ невѣстъ для лакеевъ. Суворовъ иногда находитъ, что брать невѣстъ изъ вотчинъ будетъ отяготительно для крестьянъ и потому въ одномъ приказѣ предписываетъ купить дѣвокъ въ замужество за дворовыхъ, «кои, какъ дубы, выросли»; въ другомъ онъ пишетъ: «многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ и купить ихъ гораздо дороже, нежели въ вашей сторонѣ»; поэтому онъ приказываетъ купить для нихъ четыре дѣвушки отъ 14 до 18 лѣтъ изъ крестьянокъ или дворовыхъ; «лица не очень разбирай», прибавляетъ онъ, «лишь были бы здоровы» [1]).

Принужденіе своихъ крестьянъ къ браку — еще не самое худшее, что дозволяли себѣ помѣщики: распоряжаясь сердцами своихъ подданныхъ, владѣлецъ не забывалъ и себя, хотя законъ и воспрещалъ господамъ жить съ крестьянками [2]). Нѣкоторые устроивали въ своихъ имѣніяхъ особую барщину для женщинъ. У одного помѣщика, Бахметева, «въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ; поочередно, каждую ночь, наряжали двухъ бабъ караулить село и барскія хоромы: одна баба ходила съ трещоткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ... Хорошъ былъ старикъ, нечего сказать!» прибавляетъ разскащица. «Мудрено ли, что послѣ этого отъ него жена бѣжала» [3]).

[1]) *Рыбкинъ* 25—26, 69, 28, 94; *Болотовъ* II, 360.

[2]) Уложеніе гл. XX, ст. 80.

[3]) „Разсказы бабушки“, Русск. Вѣстн. 1878 г. № 4, стр. 731.

У другаго, казанскаго помѣщика, Есипова, даже и гости угощались лобзаніями крѣпостныхъ артистокъ (см. выше разсказъ Вигеля) [1]). Иногда, все женское населеніе какой нибудь вотчины растлѣвалось для удовлетворенія необузданныхъ похотей барина. Радищевъ разсказываетъ слѣдующій фактъ: «въ бывшее Пугачевское возмущеніе.... нѣкоторые крестьяне, связавъ своего господина, вели на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, косорую онъ того дня назначилъ. Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Но ѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ крестьянъ». Мы можемъ не сомнѣваться въ справедливости этого факта, такъ какъ императрица Екатерина, по поводу этого мѣста замѣтила: «Едва ли не гисторія Александра Васильевича Салтыкова» [2]). Не всегда такой помѣщикъ отдѣлывался во время Пугачевщины однимъ только страхомъ: достовѣрно извѣстно, что одинъ владѣлецъ (Скосыревъ) подвергся весьма оригинальному наказанію за то, что пользовался въ своей деревнѣ извѣстнымъ правомъ средневѣковыхъ бароновъ относительно дѣвушекъ (jus primae noctis) [3]). Въ XIX в. у нѣкоторыхъ помѣщиковъ были цѣлые гаремы, какъ напр. у извѣстнаго генерала Измайлова. Не довольствуясь тѣмъ, что самъ изнасиловалъ множество дѣвушекъ, онъ любезно угощалъ ими и своихъ гостей, при чемъ для болѣе важныхъ или пріѣхавшихъ въ первый разъ выбирались невинныя, хотя бы имъ было 12 лѣтъ отъ роду. Измайловъ былъ далеко не единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ саратовской губерніи, уже не задолго передъ крестьянской реформой, въ имѣніи одного помѣщика, десятникъ каждый вечеръ приказывалъ тому или другому мужику посылать къ барину свою дочь или даже жену. Двѣ дѣвушки не захотѣли повиноваться приказу: одна утопилась, другую баринъ такъ избилъ палкою, что она умерла черезъ двѣ недѣли. Другой помѣщикъ той же губерніи не жилъ постоянно въ своей вотчинѣ, а пріѣзжалъ каждое лѣто на нѣсколько недѣль. Въ день пріѣзда управляющій подносилъ барину списокъ всѣхъ подросшихъ дѣвушекъ, и тотъ бралъ къ себѣ каждую дня на

[1]) О томъ, что дѣвушекъ предлагали гостямъ, см. *Passenans* II, 184.
[2]) Воронцовскій Архивъ V, 417.
[3]) *Мордовцевъ*. Политич. движ. русск. нар. I, 278.

три, на четыре. Когда запасъ истощался, онъ уѣзжалъ въ другія деревни и вновь пріѣзжалъ на слѣдующій годъ [1]).

Вліяніе господина чувствительно сказывавшееся при вступленіи крѣпостнаго въ бракъ, тяготѣло и потомъ надъ его семейною жизнію. Считая семейные раздѣлы вредными для благосостоянія крестьянъ, а слѣдовательно и для себя, нѣкоторые помѣщики не дозволяли ихъ вовсе или допускали въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. «Всевозможно удерживать крестьянъ отъ вредныхъ для нихъ раздѣловъ», писалъ Р. Воронцовъ; Болотовъ также совѣтовалъ не допускать до раздѣловъ «безъ важныхъ причинъ» [2]). Дѣйствительно, вь экономическомъ отношеніи, жизнь большою семьею была выгоднѣе, но при этомъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто страдала нравственная личность членовъ семьи отъ деспотизма главы дома. На такіе пустяки помѣщики, конечно, не обращали вниманія. Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что самыя жалобы агрономовъ на вредъ семейныхъ раздѣловъ указываютъ, что они совершались весьма часто. Кромѣ нравственныхъ причинъ, семейные раздѣлы обусловливались еще и экономическими факторами: мы видимъ, что въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне болѣе занимались отхожими промыслами и гдѣ слѣдовательно, при меньшемъ развитіи земледѣлія, менѣе чувствовалась потребность въ общемъ трудѣ большой семьи, на одинъ дворъ обыкновенно приходилось гораздо менѣе душъ, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Экономическія причины, конечно, вызывали тутъ и иной складъ характера, большее развитіе личности и т. п.

Не смотря на то, что помѣщики могли по своему усмотрѣнію ограничивать семейные раздѣлы, оказывается однако, вопреки общераспространенному мнѣнію о ихъ сильномъ вліяніи въ этомъ отношеніи, что при Екатеринѣ II въ нечерноземной полосѣ, въ губерніяхъ съ весьма развитыми отхожими промыслами и значительнымъ распространеніемъ оброчной системы, это вліяніе было совершенно ничтожно. Такъ на основаніи «экономическихъ примѣчаній» мы получили слѣдующій, совершенно точный выводъ. Въ ярославской губ. у помѣщичьихъ крестьянъ приходилось по 2, 8 души м. п. на дворъ; тоже было и у экономическихъ крестьянъ. Въ костромской губ. семьи помѣщичьихъ крестьянъ были даже болѣе раздроблены, чѣмъ экономическихъ и дворцовыхъ: у крѣпостныхъ приходи-

[1]) *Славутинскій.* „Генералъ Измайловъ“, Древняя и новая Россія, 1876 г. № 9, стр. 40, № 11, стр. 256, 257, 265; № 12, стр. 349—353. „Записки сельскаго священника“, Русская Старина 1880 г. № 1, стр. 77, № 3, стр. 465.

[2]) Тр. Вольн. Эк. Общ. V, 8, XVI, 197.

лось по 2,5 д. м. п. на дворъ, у экономическихъ по 2,6, у дворцовыхъ по 2,7. Наоборотъ въ нижегородской губ. крѣпостныя семьи были нѣсколько болѣе, чѣмъ у крестьянъ другихъ наименованій; въ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось по 3 д. на дворъ, а у экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ по 2,8. Что касается черноземныхъ губерній, то мы знаемъ, что въ тульской, съ особенно развитою барщинною системою, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ семьи были значительно многолюднѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ: въ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось по 4,3 д. м. п. на одинъ дворъ, а въ среднемъ выводѣ относительно крестьянъ всей губерніи мы получаемъ 4 души, слѣд. у государственныхъ крестьянъ оказывается значительно менѣе 4 душъ на дворъ. Наоборотъ въ тамбовской губ., гдѣ также преобладала барщинная система, хотя семьи у крестьянъ, какъ и вообще въ черноземной полосѣ, были значительно крупнѣе, чѣмъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ—по 3,8 д. м. п. на дворъ, но не крупнѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ: у однодворцевъ этой губерніи было также по 3,8 души на дворъ.

Предъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права семьи помѣщичьихъ крестьянъ, какъ это видно изъ списковъ населенныхъ мѣстъ, [1]) были вообще гораздо многолюднѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Быть можетъ это объясняется усиленіемъ вліянія помѣщиковъ на крестьянскую жизнь, что въ свою очередь связано съ замѣною во множествѣ имѣній чисто оброчной системы системою смѣшанною, дававшею большій просторъ такому вліянію. Какъ бы то ни было, относительно прошлаго столѣтія мы должны признать, что въ нечерноземной полосѣ вліяніе помѣщиковъ на семейные раздѣлы было ничтожно, а въ черноземной, повидимому, менѣе значительно, чѣмъ слѣдовало бы ожидать [2]). Попытки помѣщиковъ, пробовавшихъ вводить въ этомъ отношеніи строгую регламентацію, должны были встрѣчать упорное сопротивленіе со стороны крестьянъ. Такъ напр. В. Орловъ, въ 80-хъ годахъ, далъ приказъ во всѣ вотчины свои и своихъ братьевъ, чтобы крестьяне не дѣлились; но, вѣроятно, трудно было его исполнить, потому что въ своемъ уложеніи онъ дозволяетъ раздѣлы, впрочемъ только съ согласія бурмистра, выборныхъ и лучшихъ людей; раздѣлившихся самовольно онъ велитъ наказывать [3]). Нужно еще замѣтить, что вліяніе

[1]) См. напр. выводы изъ списковъ населенныхъ мѣстъ относительно 8 черноземныхъ губерній въ „Статист. Позем. Собств.“ С.-Пб. 1880 г., стр. XXXVII.

[2]) О величинѣ семей въ прошломъ столѣтіи у крестьянъ вообще мы будемъ подробнѣе говорить въ другомъ мѣстѣ.

[3]) *Гр. Орловъ-Давыдовъ* I, 281.

крѣпостнаго права на семейные раздѣлы въ нѣкоторыхъ западноевропейскихъ государствахъ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ у насъ въ прошломъ столѣтіи. Такъ во Франціи сервы чрезвычайно жаловались на существовавшее тамъ правило, по которому дѣти и родственники, если они не жили подъ однимъ кровомъ съ главою дома, теряли право на наслѣдованіе его имущества. Эта жизнь большими семьями вела къ снохачеству и кровосмѣшенію [1]).

Вліяніе господина на вступленіе въ бракъ крѣпостныхъ также сказывалось и въ западной Европѣ. Во Франціи легисты выражали удивленіе, что встрѣчаются еще сеньеры, присвоивающіе себѣ право противиться бракамъ своихъ крестьянъ [2]). Безъ согласія сеньера сервъ не могъ жениться внѣ его имѣнія. До самой революціи мѣстами существовало правило, что женщина свободная, вышедшая замужъ за серва, дѣлается также крѣпостною; впрочемъ, если по смерти мужа она хотѣла вновь освободиться, то могла этого достигнуть, оставивъ въ рукахъ сеньера не только все имущество, но даже и своихъ дѣтей. Мѣстами свободный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, дѣлался сервомъ, если поселялся въ одной хижинѣ съ своей женой; въ другихъ онъ могъ освободиться, оставивъ при жизни жены или послѣ ея смерти домъ и землю сеньеру; но если онъ умиралъ на землѣ господина, то дѣти дѣлались крѣпостными [3]). Если сервъ, принадлежавшій одному господину, женился на крѣпостной другаго, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣти отъ такого брака дѣлились пополамъ, а если былъ одинъ ребенокъ, то онъ считался сервомъ двухъ сеньеровъ [4]). Отвратительное право первой ночи (droit de marquette или jus primae noctis) уже замѣнено было разными символическими знаками: поцѣлуями, взглядами новобрачной. Однако около середины XVIII в. были еще сеньеры, которые претендовали на денежный выкупъ за droit de marquette, уже запрещенный постановленіями парламента; во второй половинѣ столѣтія нѣкоторые землевладѣльцы требовали, чтобы новобрачные подносили имъ въ день свадьбы различные припасы, а въ крестьянскихъ наказахъ 1789 г. встрѣчаемъ настоятельныя требованія уничтожить право сеньера цѣловать новобрачную «et autres usages outrageux et extravagants» [5]). Остаткомъ права пер-

1) *Chassin*. 88, 130—133.

2) *Bonnetère* II, 398, ср. *Карѣевъ*, 23.

3) *Chassin*, 37, 81, 87—88, 110—111, 266.

4) *Ibid*, 183, 186—187.

5) *Карѣевъ*, 83—84, ср. *Bonnetère* I, 494, II, 212.

вой ночи былъ также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдующій обычай: дочь серва должна была провести первую ночь послѣ совершенія бракосочетанія въ домѣ родителей, иначе она лишалась права наслѣдованія. Это требованіе, напоминавшее объ особой повинности, которой прежде подвергали крѣпостныхъ новобрачныхъ, было крайне стѣснительно, такъ какъ вело ко многимъ спорамъ и процессамъ [1]).

Впрочемъ во Франціи всѣ эти требованія сеньеровъ, какъ и само крѣпостное право, были явленіями вымирающими; революція окончательно смыла эти слѣды стариннаго рабства. Напротивъ того въ Германіи вліяніе помѣщика на браки крѣпостныхъ, какъ и вообще крѣпостное право, было въ полной силѣ. Въ Пруссіи землевладѣльцы собирали пошлину за дозволеніе вступать въ бракъ, и только въ началѣ XIX в. крѣпостные были избавлены отъ необходимости испрашивать это дозволеніе; но, при выходѣ замужъ крѣпостной за предѣлы имѣнія, господинъ еще и тогда получалъ выкупъ, размѣры котораго были впрочемъ опредѣлены [2]). Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи крѣпостные въ прошломъ столѣтіи не могли жениться безъ согласія господина [3]), то же самое было и въ Австріи [4]). Въ Помераніи браки крѣпостныхъ совершенно зависѣли отъ господина, и были такіе владѣльцы, которые сплошь и рядомъ запрещали своимъ крѣпостнымъ вступать въ бракъ или изъ простаго каприза, или потому, что не имѣли свободнаго жилища для новой семьи. При женитьбахъ съ людьми другихъ владѣльцевъ держались системы обмѣна, т. е. одинъ господинъ отпускалъ невѣстъ безъ вывода, но потомъ требовалъ столько же дѣвушекъ и за своихъ крѣпостныхъ. Гораздо чаще впрочемъ крѣпостные женились въ предѣлахъ одной вотчины. Человѣкъ свободный, женившійся на крѣпостной, или выкупалъ ее, или самъ поступалъ въ крѣпостные даромъ, а не то и за небольшое вознагражденіе, если у господина чувствовался недостатокъ въ людяхъ. Бывало и такъ, что за этого свободнаго человѣка, сдѣлавшагося крѣпостнымъ, господинъ отпускалъ на

¹) Въ нѣкоторыхъ сеньеріяхъ новобрачные должны были проводить первую ночь на деревѣ, въ другихъ—или плавать связанными въ рѣкѣ, или ихъ привязывали голыми къ плугу, и они должны были провести нѣсколько бороздъ, или наконецъ всю ночь пугали лягушекъ въ прудѣ. *Chassin*, 115—116, 124—127.

²) *Самаринъ* II, 209, 260, 222.

³) *Hanssen*, 17.

⁴) *Beidtel*. Zur Geschichte der Feudalverfassung in den deutschen Provinzen d. öster. Monarchie. Sitzungsberichte der philos. hist. Klasse d. Wiener Akademie, 1853, IX, 477. Марія Терезія отмѣнила существовавшій въ Богеміи сборъ въ пользу землевладѣльца за согласіе на бракъ крѣпостнаго, носившій знакомое намъ названіе: *куница*. *Sugenheim*, 390.

волю кого либо изъ своихъ людей, и тотъ вознаграждалъ перваго. Если свободный человѣкъ, сдѣлавшійся по браку крѣпостнымъ, не получалъ никакого вознагражденія за утраченную свободу, то обыкновенно первый сынъ, если свободнымъ былъ прежде отецъ, или первая дочь, если свободною была мать, получали свободу [1]). Въ Ганноверѣ до самой іюльской революціи крѣпостные должны были выдавать замужъ своихъ дочерей не иначе, какъ получивъ письменное разрѣшеніе помѣщика, за что имъ приходилось платить отъ 5 до 30, а у нѣкоторыхъ жестокихъ помѣщиковъ даже 40—50 талеровъ. Относительно Баваріи есть указаніе, что тамъ до послѣднихъ десятилѣтій XVIII в. существовало право первой ночи, хотя нужно думать, что оно выражалось не въ самой грубой формѣ, а въ какомъ либо сборѣ деньгами или натурою [2]).

Въ Польшѣ издавна существовало правило, что крестьяне могутъ вступать въ бракъ только съ согласія помѣщика. Въ XVIII в. авторы нѣкоторыхъ брошюръ по крестьянскому вопросу требовали, чтобы крестьянамъ дано было право выдавать замужъ своихъ дочерей въ чужія села и деревни и парнямъ жениться, гдѣ они пожелаютъ [3]).

Въ Лифляндіи и Эстляндіи крестьяне имѣли право жаловаться на помѣщика консисторіи, если онъ препятствовалъ браку безъ основательныхъ причинъ; но это все-таки не гарантировало ихъ отъ насилія господина, и въ 1804 г. пришлось постановить закономъ, чтобы помѣщики не запрещали крестьянамъ жениться [4]). Въ Малороссіи посполитые крестьяне также платили «куницу», «куничные гроши» за дозволеніе вступить въ бракъ [5]).

ГЛАВА X.

Крестьяне юридически не имѣютъ права собственности на недвижимое и движимое имущество, но фактически обыкновенно пользуются имъ.—Холопы крѣпостныхъ крестьянъ.

Если крѣпостной крестьянинъ не пользовался свободою даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ вступленіе въ бракъ, то понятно, что онъ находился въ полной зависимости отъ господина и въ имущественномъ отношеніи. Мы говорили уже, что вся земля считалась собственностію помѣщика и что крестьянинъ получалъ только опредѣленный надѣлъ во

1) *Arndt.* Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern, 216—218.

2) *Sugenheim*, 445, 374.

3) *Горемыкинъ*, 95—96, *Антоновичъ*, 7; Слав. Сборн. III, 74.

4) Арх. II Отд., вяз. 353—348, проектъ Унгерна-Штернберга, ч. III, п. 34.

5) *Лазаревскій*, 44, 48.

временное пользованіе, пропорціонально тяжести наложенныхъ на него повинностей. Это бы еще не бѣда: русскій народъ вообще мало знаетъ до сего времени личное право собственности на землю и передѣлы земли считаетъ вещью необходимою и справедливою. Но дѣло въ томъ, что помѣщикъ могъ по своему желанію урѣзать общее количество земли, находившееся въ пользованіи крестьянъ, и, такимъ, образомъ уменьшить надѣлъ каждаго, могъ увеличить число тяголъ, наконецъ—вовсе лишить отдѣльнаго крестьянина земли, превративъ его въ своего двороваго. Правда, урѣзка земли и превращеніе въ дворовыхъ бывали очень рѣдко, но все-таки они случались.

Покупать землю наши крестьяне могли только на имя помѣщика и притомъ съ его согласія [1]). Любопытно, что когда при императорѣ Николаѣ, въ 1848 г., было дозволено крѣпостнымъ крестьянамъ и вообще помѣщичьимъ людямъ пріобрѣтать уже на свое имя, но все-таки съ согласія помѣщиковъ, земли, дома, лавки и всякаго рода недвижимыя имущества [2]), то было при этомъ разъяснено, что если въ прежнее время нѣкоторыми крѣпостными были куплены земли, дома или лавки на имя помѣщиковъ, то никакіе о томъ споры со стороны крѣпостныхъ не допускаются и никакія розысканія по нимъ не дѣлаются; впрочемъ, помѣщикамъ было дозволено, по своему собственному усмотрѣнію, выдавать владѣющимъ такими имуществами, если только они не находятся въ залогѣ, или въ составѣ заложенныхъ имѣній, надлежащія на нихъ купчія крѣпости [3]). Разсказываютъ, что помѣщики присвоили себѣ не мало земель, пріобрѣтенныхъ на кровныя крестьянскія деньги; да и какъ было этого не сдѣлать, когда правительство само подсказывало это указомъ 1848 г.!

Въ прошломъ столѣтіи крестьяне кн. А. М. Голицына покупали земли цѣлою общиною. При этомъ они всякій разъ просили согласія господина на это пріобрѣтеніе; производя передѣлы купленной земли, обращались за разрѣшеніемъ споровъ между собою къ помѣщику (см. выше); наконецъ даже при пользованіи собственною землею приходилось въ иныхъ случаяхъ просить господскаго дозволенія. Такъ напр. требовалось разрѣшеніе господина, чтобы срубить нѣсколько строеваго лѣсу на купленной крестьянами землѣ. «Просимъ у вашего сіятельства», обращались въ челобитной къ кн. А. М. Голицыну два его крестьянина, «*въ собственныхъ на-*

[1]) П. С. З. X, 7.339, п. 14.

[2]) На отчужденіе ихъ тоже требовалось согласіе помѣщика.

[3]) *Неволинъ* IV, 319—320.

шихъ пайкахъ дозволить намъ срубить на избы лѣску по десяти вѣнцовъ, а безъ повелѣнія в-го с-ва мы собою оного сдѣлать не можемъ».

Фактически крѣпостные крестьяне владѣли и другими видами недвижимаго имущества. Такъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли фабрики; напр., въ нерехотскомъ уѣздѣ (въ первые годы XIX вѣка), въ селѣ князя Голицына, было 6 ткацкихъ фабрикъ, принадлежавшихъ его крѣпостнымъ (работники на нихъ были вольнонаемные); въ этомъ же селѣ былъ мыльный заводъ, принадлежавшій крестьянину и приносившій въ годъ 2.000 руб. доходу. У нѣкоторыхъ крѣпостныхъ крестьянъ нижегородской губ. были свои мыловаренные и кожевенные заводы. Такъ въ селѣ Ворсмѣ гр. Шереметева было 2 мыловаренныхъ и 1 кожевенный заводъ, а въ селѣ Павловѣ 2 мыловаренныхъ и 15 кожевенныхъ [1]). Даже Леклеркъ свидѣтельствуетъ, что многіе изъ крѣпостныхъ крестьянъ владѣли большими богатствами, которыми свободно располагали; онъ заявляетъ, что лично зналъ такихъ, у которыхъ было имѣнія болѣе, чѣмъ на 200.000 руб. [2]).

Что касается движимаго имущества, то точно также крѣпостному крестьянину не было гарантировано относительно его неотъемлемое право собственности [3]). Изъ того, что нѣкоторые крѣпостные крестьяне брали на себя откупа, записывались въ купечество, вели торговлю, видно, что на дѣлѣ они пользовались нѣкоторыми правами собственности. «Крестьянинъ каждый, говоритъ Болтинъ, имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ, который имѣетъ силу, не меньшую закона». То, что крѣпостной пріобрѣтетъ сверхъ необходимаго для уплаты оброка, или, исполнивъ другія повинности, себѣ заработаетъ, «остается точно ему принадлежащимъ: тѣмъ владѣетъ онъ во всю жизнь свою спокойно, отдаетъ въ приданое за дочерьми, оставляетъ въ наслѣдіе своимъ сыновьямъ и родственникамъ, по волѣ своей невозбранно». Все это дѣйствительно было такъ у помѣщиковъ, гуманно относившихся къ своимъ крестьянамъ; по тѣмъ не менѣе юридическаго права собственности крестьяне не имѣли, и каждую минуту они могли, по волѣ владѣльца, лишиться всего своего достоянія. Самъ Болтинъ признаетъ, что высказанное имъ правило не было всеобщимъ: «нѣкоторыхъ токмо помѣщиковъ

[1]) „Описаніе Нерехотск. у.“ въ Арх. Вольн. Эк. Общ.; „Экономич. Примѣч.“ нижегородской губ. въ Межевомъ Архивѣ.

[2]) *Болтинъ*. II, 223.

[3]) По поводу жалобъ крестьянъ Евд. Демидова на то, что господинъ отнимаетъ у нихъ пожитки и мучитъ ихъ работами, сенатъ въ декабрѣ 1762 г. высказалъ въ своемъ указѣ слѣдующее: „когда они его крѣпостные, то онъ въ томъ надъ ними власть имѣетъ“.

крестьяне, говоритъ онъ, изъ сего всеобщаго состоянія исключаются, кои, по безчеловѣчію господъ своихъ, не будучи удостовѣрены о собственности, не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ-подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желаній оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ.... Но, по истинѣ, таковыхъ нынѣ мало и время отъ времени становится меньше» [1]). Отбираніе пожитковъ крестьянина, въ видѣ наказанія, встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ XVIII и XIX вѣкѣ. Въ имѣніяхъ Румянцева у виновныхъ въ пособничествѣ укрывающимся отъ рекрутчины (или членовредителямъ) было велѣно отбирать все имѣніе и держать въ кандалахъ, если это были люди престарѣлые (молодыхъ же самихъ отдавали въ солдаты). Точно также велѣно отбирать имѣніе у всѣхъ виноватыхъ въ кражѣ, хотя бы самой ничтожной. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, знакомый намъ генералъ Измайловъ у провинившагося въ чемъ-то прикащика отобралъ все, что онъ имѣлъ; у несчастныхъ дворовыхъ сплошь и рядомъ «отнимали ихъ жалкое, скудное имущество,—какую-нибудь коровенку, какую-нибудь домашнюю птицу, полусгнившіе домишки, даже одежду и обувь» [2]). Могутъ сказать, что Измайловъ, по своей жестокости и самодурству, составлялъ рѣдкое исключеніе, но вѣдь дѣянія только такихъ личностей и доходятъ до суда и такимъ образомъ дѣлаются достояніемъ исторіи, а болѣе мелкіе подвиги насилія и жестокости остаются неизвѣстными. Уже одно то, что такимъ помѣщикамъ, какъ Измайловъ, удавалось остаться безнаказанными, показываетъ, какъ беззащитны были личность и имущество крѣпостныхъ. Понятно, что крѣпостные должны были нерѣдко зарывать свои деньги въ землю, какъ это свидѣтельствуетъ англійскій путешественникъ Коксъ, посѣтившій Россію при Екатеринѣ II [3]).

Тѣмъ не менѣе, если не по закону, то по обычаю крѣпостные все-таки обыкновенно ненарушимо владѣли своимъ движимымъ имуществомъ. Существовалъ обычай, и при продажѣ крестьянъ въ розницу, продавать ихъ вмѣстѣ съ ихъ движимымъ имуществомъ. Когда Унгернъ-Штенбергъ, въ своемъ проектѣ крестьянскихъ правъ, предложилъ постановить, что, «продавая или даря своего крестьянина, помѣщикъ долженъ отпускать его со всѣмъ движимымъ имѣніемъ», то на это согласился даже усердный защитникъ помѣщичьихъ правъ, Радванскій, прибавивъ только, что «и

[1]) *Болтинъ*. II, 340, 223—224.

[2]) *Славутинскій*. „Генералъ Измайловъ и его дворня". Древняя и Новая Россія, 1876 г. № 11, стр. 266, 273, № 12, стр. 351.

[3]) Рус. Старина 1877 г., XIX, 45

прежде навсегда продавались съ пожитками, (такъ и въ крѣпостяхъ пишутъ» [1]). Разумѣется и въ этомъ отношеніи въ болѣе выгодномъ положеніи были крестьяне оброчныхъ вотчинъ. Уплативъ извѣстный оброкъ, они затѣмъ свободно предавались различнымъ промысламъ и торговлѣ и, какъ уже было упомянуто, достигали иногда значительнаго благосостоянія.

Упомянемъ о промыслахъ крѣпостныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Такъ въ ярославской губ., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ романовскаго у., крестьяне шили сапоги, коты, дѣлали роговые гребни; въ имѣніи гр. В. Г. Орлова, плесскаго у., промыслы были особенно развиты: тамъ мы встрѣчаемъ мастеровыхъ, занимавшихся приготовленіемъ издѣлій изъ золота и серебра, рѣзчиковъ на серебрѣ, стали и каменныхъ печатяхъ. Въ нижегородской губерніи—въ селѣ Лысковѣ, макарьевскаго у., ткали полотна, дѣлали мѣдные кресты и пуговицы и упражнялись «въ разныхъ мастерствахъ, работахъ и промыслахъ»; промыслами усердно занимались и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ вотчинахъ этого уѣзда, напр. селѣ Работкахъ; въ нижегородскомъ у. крестьяне мѣстами тянули желѣзную проволоку. Въ селѣ Павловѣ гр. Шереметева уже тогда было развито производство желѣзныхъ издѣлій. Этому содѣйствовалъ самъ помѣщикъ, вызвавшій искусныхъ мастеровъ изъ Тулы и кромѣ того отдававшій многихъ парней учиться на тульскіе заводы. Еще важнѣе для насъ въ данномъ случаѣ то, что крѣпостные крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ занимались торговлею. Такъ напр. крестьяне села Лыскова, принадлежавшаго кн. Грузинскимъ, вовсе не пахали земли, а кромѣ упомянутыхъ уже промысловъ, торговали лѣсомъ, служили у купцовъ прикащиками, имѣли хлѣбные амбары, отдаваемые въ наемъ для склада закупаемаго хлѣба, отправляли хлѣбъ для продажи на собственныхъ судахъ до Рыбинска. Хлѣбомъ и лѣсомъ торговали также и крѣпостные села Работокъ. Въ ардатовскомъ у. крестьяне нѣсколькихъ вотчинъ, въ томъ числѣ принадлежавшихъ кн. Голицынымъ, закупали въ разныхъ городахъ орѣхи и макъ, били изъ нихъ, а также изъ льна и конопли—постное масло и отвозили его на продажу въ Петербургъ Москву и другіе города; нѣкоторые крестьяне закупали въ Оренбургѣ ордынскихъ овецъ и потомъ мясо продавали на базарѣ въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ ардатовскаго у., а сало развозили по разнымъ городамъ. Наконецъ крестьяне этихъ же вотчинъ закупали рыбу на Яикѣ и отвозили продавать въ Москву [2]).

Что нѣкоторые крѣпостные достигали посредствомъ торговли и промысловъ значительнаго благосостоянія, видно изъ обилія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Такъ напр. въ одномъ селѣ Павловѣ гр. Шереметева было 17 каменныхъ домовъ, а во всей нижегородской губ.—22; въ ярославской губ. мы находимъ 19 каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ крѣпостнымъ крестьянамъ, въ томъ числѣ въ одномъ ростовскомъ у.—13; въ тульской губ.—24, въ тамбовской — 7. Въ костромской губ. не было ни одного каменнаго дома у крѣпостныхъ крестьянъ, вѣроятно не потому, чтобы тамъ среди нихъ не

[1]) Арх. II Отд. вяз. 355—348, Замѣчанія Радванскаго, ч. III, п. 8.

[2]) „Экономическія Примѣчанія" въ Межевомъ Архивѣ; *Georgi* Bemerkungen 829—830, 833—834.

было людей зажиточныхъ, а вслѣдствіе особеннаго изобилія лѣса. Объ остальныхъ губерніяхъ статистическихъ свѣдѣній по этому предмету мы не имѣемъ. Упомянемъ только, что въ богатомъ селѣ Дѣдновѣ, егорьевскаго у. рязанской губ., принадлежавшаго во второй половинѣ прошлаго столѣтія дядѣ извѣстнаго намъ своимъ звѣрствомъ и развратомъ генерала Измайлова, гдѣ крестьяне вовсе не занимались земледѣліемъ, но имѣли превосходные поемные луга по р. Окѣ (имѣніе было на оброкѣ), мы находимъ 5 каменныхъ домовъ и въ селѣ два раза въ недѣлю былъ базаръ, гдѣ жители торговали мелочными товарами [1]). Наконецъ богатство нѣкоторыхъ крѣпостныхъ видно и изъ того, что они иногда занимали у своихъ господъ, какъ напр. въ имѣніяхъ кн. Голицыныхъ, по 200 и даже по 1.000 р. (см. выше въ гл. VIII).

Самыми богатыми считались крестьяне гр. Шереметева [2]); очень зажиточны были также крѣпостные гр. Вл. Гр. Орлова въ ярославской губ. (село Порѣчье); тамъ мы встрѣчаемъ каменные дома, и крестьяне безъ всякой посторонней помощи выстроиваютъ каменную церковь въ 50,000 р. [3]). Одинъ крѣпостной крестьянинъ ярославской губ. села Великаго амѣлъ капиталъ въ 20,000 р., нажитый торговлею [4]). Случалось, что крѣпостные добровольно подносили своимъ господамъ значительные денежные подарки, если они были довольны бариномъ и слышали, что долги заставляютъ его продать ихъ вотчину. Такой фактъ разсказываютъ про крестьянъ гр. Шувалова: гр. Головину, говорятъ, было поднесено такимъ образомъ около 30,000 р. [5]).

Въ то время, когда у насъ право собственности крестьянъ на движимое имущество вовсе не было гарантировано закономъ, въ Германіи они вездѣ могли свободно распоряжатся всѣмъ, что пріобрѣли сверхъ инвентаря, даннаго господиномъ [6]). Но на сторонѣ нашихъ крестьянъ была одна выгода: у насъ родители крѣпостныхъ безъ всякихъ пошлинъ передавали свои пожитки дѣтямъ; напротивъ того, въ Германіи существовалъ обычай взимать изъ имущества умершаго хозяина одну штуку лучшаго скота (Besthaupt, Todtfall, mortuarium). Мы встрѣчаемъ его повсемѣстно въ Силезіи (рѣже въ другихъ провинціяхъ Пруссіи),

[1]) „Экономическія Примѣчанія“ въ Межевомъ Архивѣ.

[2]) *Clarke*. Travels. I, 168.

[3]) Біогр. очеркъ гр. В. Г. Орлова II, 40, прилож. VI, стр. X.

[4]) Русскій Вѣстникъ 1877 г. № 7, стр. 334.

[5]) Mémoires de Ségur, I, 335; *Clarke*. Travels I, 94—95.

[6]) *Hanssen*. 17; Арх. II отд. вяз. 326—312. Свѣдѣнія о состояніи крестьянъ въ Пруссіи, Мекленбургѣ и Гольштиніи.

Баденѣ, нидерландской провинціи Гельдернѣ; въ Ганноверѣ отбирали даже половину всего движимаго имущества [1]). Въ Австріи этотъ сборъ натурою былъ отмѣненъ императоромъ Леопольдомъ, но его продолжали взимать деньгами, въ размѣрѣ отъ 5 до 20% цѣнности всего движимаго имущества [2]). Во Франціи господинъ также бралъ одно изъ лучшихъ домашнихъ животныхъ или какой нибудь предметъ изъ домашней утвари. О нѣкоторыхъ ограниченіяхъ права наслѣдованія французскаго серва мы говорили выше [3]).

Въ Лифляндіи на ландтагѣ 1765 г., по предложенію генералъ-губернатора, гр. Броуна, за крестьянами было признано право собственности на движимое имущество, но однако же продать лошадь или что-нибудь изъ скота крестьянинъ могъ только съ согласія господина [4]).

Не имѣя по закону неотъемлемаго права собственности на движимое и недвижимое имущество, крѣпостные крестьяне не только въ большинствѣ случаевъ фактически пользовались ими, но иногда, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, имѣли даже своихъ крѣпостныхъ.

Такъ было въ XVII и въ началѣ XVIII в. [5]). Въ 1730 г. крѣпостнымъ запрещено было пріобрѣтать своихъ крѣпостныхъ; въ 1739 г. у дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ было отнято право покупать людей, какъ въ услуженіе, такъ и для поставки вмѣсто себя въ рекруты; но крѣпостные продолжали пріобрѣтать людей съ тою и другою цѣлью, только не на свое имя, а на имя помѣщика и съ его разрѣшенія. В. Орловъ установилъ по этому предмету весьма подробныя правила въ своемъ уложеніи. Его крестьяне, желавшіе купить «для услугъ своихъ» работниковъ или работницъ, должны были просить дозволенія у бурмистра; тотъ, прежде всего, собиралъ свѣдѣнія, «стоятъ ли они этой милости», т. е. можно ли ожидать, что они «будутъ содержать купленныхъ людей порядочно, не отягчать лишнею работою и не наказывать не дѣльно», и доносилъ объ этомъ господину, отъ котораго и получалось разрѣшеніе; если же оказывалось, что просившіе не стоятъ этого, то отказывалъ, не донося даже помѣщику. Запрещалось также покупать людей порочныхъ, чтобы не причинить безпокойства господину и

[1]) *Sugenheim* 407, 445, 541; *Самаринъ*, 209—210.

[2]) Арх. II Отд. вяз. 326—312, свѣдѣнія объ австр. дворян. и переводъ изъ книги Гренека (Гогенека?).

[3]) *Chassin*, 27, 126.

[4]) *Eckardt*, 314, 330.

[5]) *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси, 2 изд., 201—202. *Побѣдоносцевъ*. Изслѣдованія, 25—26.

его конторѣ. «Кто же осмѣлится, писалъ Орловъ, купить на чужое имя людей или дворы, или другое недвижимое имѣніе безъ позволенія моего, о таковыхъ бурмистру съ выборными и лучшими людьми представлять со мнѣніемъ, какому наказанію подлежатъ, и ожидать рѣшенія» [1]). Сельское начальство вообще, а особенно бурмистръ, должны были смотрѣть, чтобы хозяева хорошо обходились съ купленными ими людьми. О тѣхъ, кто нарушитъ это правило и такимъ образомъ окажется недостойнымъ «имѣть у себя людей въ услугахъ», слѣдовало доносить въ главную контору, съ мнѣніемъ, куда дѣвать купленныхъ ими людей, если же хозяева «по худому своему поведенію заслуживаютъ, то позволяется отбирать отъ нихъ сихъ людей и безъ всякой заплаты имъ. Таковое наказаніе послужитъ примѣромъ другимъ хозяевамъ и неповадно имъ будетъ обходиться худо съ покупными людьми». Однако, если оказывалось, что, по ошибкѣ, были куплены люди дурные и лѣнивые, то дозволялось самимъ хозяевамъ «наказывать и исправлять ихъ»; впрочемъ они могли обратиться съ просьбою о помощи и къ бурмистру, и тогда виновные подвергались наказанію «при правленіи», смотря по ихъ винамъ. «Ежели же къ исправленію ихъ надежда малая, то представлять со мнѣніемъ, куда таковыхъ негодяевъ дѣвать и ожидать рѣшенія». Изъ этихъ постановленій видно, что купленные крѣпостными люди далеко не были ихъ полною собственностію; они могли быть отобраны, какъ въ томъ случаѣ, если хозяева будутъ дурно обходиться съ ними, такъ и тогда, если они окажутся сами людьми слишкомъ порочными. Ограниченіе власти хозяевъ надъ купленными ими крестьянами сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что хотя имъ было позволено выдавать своихъ женщинъ замужъ за постороннихъ, но велѣно не брать за нихъ выводныхъ денегъ. Нужно замѣтить, что хозяева купленныхъ людей не должны были платить за нихъ оброка господину, но однако же обязаны были вносить подушныя подати и нести рекрутскую повинность, не возлагая того и другаго на крестьянское общество.—Люди, пріобрѣтаемые такимъ образомъ крѣпостными для услуженія, отличались въ уложеніи Орлова отъ покупаемыхъ только для отдачи въ рекруты; относительно пріобрѣтенія людей съ послѣднею цѣлію въ уложеніи сказано: «Ежели изъ крестьянъ кто пожелаетъ купить рекрута за свое семейство, тотъ вносилъ бы деньги заблаговременно; кто же, вѣдая свою очередь, не внесетъ денегъ заранѣе, дабы пробыть за отдачею

[1]) При наступленіи новаго года, Орловъ велѣлъ присылать подробную роспись всѣхъ людей, купленныхъ его крестьянами.

другихъ, и станетъ вносить деньги во время набора, то у таковыхъ деньги не примутся, а отдадутся они натурою». Такимъ образомъ, покупка рекрутъ производилась, какъ видно, помѣщикомъ за всѣхъ, пожелавшихъ избавиться отъ рекрутчины и внесшихъ нужную сумму.—Что покупка людей крѣпостными была не исключительною особенностію вотчинъ Орлова, видно изъ того, что кн. И. П. Оболенскій, который заимствовавъ изъ уложенія Орлова, все, подходящее для его имѣній, сохранилъ всѣ статьи о покупкѣ людей, кромѣ приведеннаго нами въ концѣ правила о взносѣ денегъ на покупку рекрутъ [1]). Это подтверждается еще словами одного помѣщика, присматривавшаго, по порученію Суворова, за его новгородскими вотчинами: «здѣсь говорятъ, писалъ онъ Суворову, что новгородцу (крестьянину) нужно въ 1-хъ... (выскоблено въ подлинникѣ), во 2-хъ—*холопъ*, въ 3-хъ—земля» [2]). Нѣкоторые крѣпостные крестьяне имѣли весьма значительное количество такихъ холоповъ. «Мнѣ говорили, разсказываетъ Пассенанъ, что одинъ крѣпостной гр. Шереметева владѣетъ 500 душъ крестьянъ». Гакстгаузенъ также свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые крестьяне Шереметева (уже въ николаевскую эпоху) имѣли отъ 600 до 700 крѣпостныхъ [3]).

Не въ одной Россіи бывали холопы у несвободныхъ людей. Мы встрѣчаемъ указанія, что въ древней Греціи рабыни имѣли своихъ рабынь; гораздо болѣе извѣстій о томъ, что въ Римѣ рабы имѣли своихъ рабовъ (викаріевъ) и даже извѣстенъ случай, что такой викарій имѣлъ въ свою очередь своего раба-викарія. Освободить своего викарія рабъ могъ только съ согласія своего господина [4]). Въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху Каролинговъ крестьяне (литы, колоны и проч.) иногда имѣли своихъ рабовъ и точно также могли отпускать ихъ на волю только съ согласія господина; въ нѣкоторыхъ деревняхъ на одинъ крестьянскій дворъ приходилось отъ 4 до 9 рабовъ [5]). Случалось, что даже въ XVIII в. во Франціи крѣпостные имѣли своихъ крѣпостныхъ [6]). Упомянемъ, наконецъ, что на Кавказѣ, именно въ Грузіи въ прошломъ и даже нынѣшнемъ столѣтіи у крѣпостныхъ также были свои крѣпостные или рабы [7]).

[1]) Уложеніе И. П. Оболенскаго не было издано.

[2]) *Рыбкинъ*, 107.

[3]) *Passenans*. I, 67—68. *Haxthausen*, Studien über die innern Zustände Russlands. 1847, II, 72.

[4]) *Wallon*. Histoire dè l'esclavage dans l'antiquité. I, 191, II, 152, 472, 473, 390—391.

[5]) *Maurer* Geschichte der Fronhöfe. I, 22, 26, 33, 335. *Bonnemère*. I, 35.

[6]) *Chassin*, Le derniers serfs, 174—175.

[7]) *Калантаровъ*. Крѣпостное право въ Грузіи въ началѣ настоящаго столѣтія. Тифл. 1877; стр. 21.

Мы окончили обзоръ отношеній между крѣпостнымъ крестьяниномъ и помѣщикомъ въ предѣлахъ его вотчины и нашли, что крестьяне были юридически людьми совершенно безправными предъ лицомъ помѣщика. Повинности крѣпостныхъ не были опредѣлены закономъ; имъ не было также дано права на земельный надѣлъ, и помѣщикъ могъ лишить ихъ земли [1]) точно также, какъ и отнять движимое имущество по своему усмотрѣнію; помѣщикъ могъ переселить крестьянъ, куда ему вздумается, могъ продать безъ земли по одиночкѣ, могъ женить по своему произволу; мало того, господинъ могъ сослать своего крестьянина на поселеніе и въ каторжную работу, могъ истязать его до полусмерти. Законъ преслѣдовалъ помѣщика почти исключительно въ томъ случаѣ, если крѣпостной умретъ во время самыхъ истязаній или почти немедленно послѣ того. Однимъ словомъ, по свидѣтельству самой имп. Екатерины, «землевладѣльцы дѣлаютъ въ своихъ имѣніяхъ все, что имъ заблагоразсудится, кромѣ смертной казни, которая имъ запрещена» [2]). Неограниченному произволу помѣщика были противупоставлены только нѣкоторые установившіеся обычаи—узда слишкомъ слабая для барскаго самодурства. Единственная обязанность помѣщика, опредѣленная закономъ,—прокармливать своихъ крестьянъ во время голода—далеко не всегда были ими исполняема. Тѣмъ не менѣе, не смотря на полную юридическую безправность, крѣпостные многихъ помѣщиковъ особенно въ оброчныхъ вотчинахъ пользовались извѣстнымъ достаткомъ, благодаря значительному количеству земельныхъ угодій или вслѣдствіе развитія какихъ либо промысловъ и торговли.

ГЛАВА XI.

Повинности крѣпостныхъ въ пользу государства: подушная подать, рекрутская повинность.—Права крѣпостныхъ.—Вольноотпущенные.

Теперь изъ тѣснаго круга отношеній въ предѣлахъ помѣщичьей вотчины мы должны выступить на болѣе обширную арену: взглянуть на отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ правительству, на ихъ права и обязанности, какъ членовъ государства, убѣдиться въ томъ, сохранилось ли за крѣпостными какое-нибудь значеніе въ обществѣ, или ихъ личность была совершенно заслонена лицомъ помѣщика.

[1]) „Всѣ владѣльческія земли.... принадлежатъ собственно владѣльцамъ, а не поселеннымъ на нихъ крестьянамъ“, сказано было въ одномъ указѣ 1769 г. П. С. З. XVIII, 13235.

[2]) Отвѣты Екатерины II Дидро. Рус. Арх. 1880, т. III, 20 21.

Казенные крестьяне уплачивали два вида денежныхъ налоговъ: подушную подать и оброчный сборъ. Первый оставался неизмѣннымъ почти до самаго конца царствованія имп. Екатерины и равнялся 70 коп. съ души (только въ началѣ установленія подушной подати она нѣсколькими копѣйками превышала эту сумму, а въ 1794 году была возвышена до рубля). Въ такомъ же размѣрѣ уплачивали подушную подать и крѣпостные крестьяне. Казенные кромѣ того вносили оброчный сборъ, увеличившійся со времени Петра Великаго до конца царствованія Екатерины болѣе чѣмъ въ 7 разъ—отъ 40 коп. до 3 р. съ души; у крѣпостныхъ крестьянъ этотъ сборъ замѣнялся барщинною повинностію или денежнымъ оброкомъ въ пользу помѣщика, при чемъ, какъ мы видѣли, въ концѣ царствованія Екатерины наиболѣе обычный оброкъ равнялся 5 р.

Итакъ крѣпостные крестьяне (въ томъ числѣ и дворовые) платили въ пользу государства подушную подать; этимъ они отличались отъ холоповъ до-петровской Руси, избавленныхъ отъ всякихъ государственныхъ сборовъ. Но и тутъ личность помѣщика какъ бы становилась между крѣпостными и помѣщикомъ: указомъ 1722 г. помѣщики были сдѣланы отвѣтственными передъ правительствомъ за аккуратный взносъ подушныхъ податей [1]); тѣмъ не менѣе и послѣ того мѣстныя власти продолжали обращаться съ понужденіемъ о взносѣ къ самимъ крестьянамъ. По оффиціальному свидѣтельству это дѣлалось такимъ образомъ: когда наступалъ срокъ уплаты, изъ мѣстныхъ канцелярій не разъ посылали нарочныхъ съ повѣсткой, чтобы крестьяне несли подушныя деньги, и при этомъ «отъ взятья тѣми нарочно посланными подводъ и отъ прочихъ бываемыхъ при томъ расходовъ чинятся чувствительныя весьма крестьянству отягощенія, а какъ означенные сроки къ окончанію приходятъ, то еще нарочные посылаются въ уѣзды и забираютъ уже крестьянъ въ канцеляріи и держатъ подъ карауломъ за неплатежъ, отъ чего у крестьянъ сверхъ несносныхъ имъ отъ подводъ и прочаго убытковъ и самое то время пропадаетъ, когда-бъ они обыкновенную свою крестьянскую домашнюю работу исправляли, и многіе чрезъ то и послѣдняго своего иждивенія лишаются». Чтобы избавить крестьянъ отъ такихъ отягощеній, и въ то же время обезпечить исправное поступленіе въ казну податей, сенатъ, въ царствованіе Петра III, приказалъ, «чтобы подушныя деньги съ кре-

[1]) П. С. З. VI, 3901. По регламенту камеръ-коллегіи велѣно было, чтобы подушныя деньги вносили помѣщики, а гдѣ ихъ самихъ нѣтъ, прикащики и старосты. П. С. З. VIII, 5789, п. 6.

стьянъ въ положенные сроки *собирали сами помѣщики*, кои въ деревняхъ живутъ, или прикащики, старосты и выборные, кому помѣщики прикажутъ», и сами бы приносили въ канцелярію; если же подушныя не будутъ внесены въ указанный срокъ, тогда на счетъ прикащиковъ, старостъ и выборныхъ посылать изъ канцеляріи нарочныхъ и наказывать ихъ нещадно батогами, подушныя же деньги взыскивать безъ послабленія [1]). Такимъ образомъ наказанію за недоимки должны были подвергаться прикащики, старосты и выборные, а не помѣщики. Тамъ, гдѣ дѣло шло о повинностяхъ, сенатъ, составленный изъ лицъ дворянскаго сословія, предоставилъ расплачиваться самимъ крестьянамъ, не безпокоя помѣщиковъ. Понятно, что и послѣ этого указа господа мало заботились о томъ, чтобы ихъ крестьяне имѣли вазможность аккуратно вносить подати; какъ бы ни былъ тяжелъ оброкъ, помѣщикъ обыкновенно принуждалъ вносить его аккуратно въ извѣстные сроки, между тѣмъ какъ въ государственныхъ податяхъ накоплялись недоимки за нѣсколько лѣтъ [2]). Это вполнѣ оправдываетъ мѣру, принятую относительно помѣщиковъ, по винѣ которыхъ крестьяне оказывались неаккуратными во взносѣ платежей въ пользу государства: оно предписало секвестровать эти имѣнія, если деньги не будутъ внесены въ извѣстный срокъ, и, обложивъ крестьянъ оброкомъ, обращать его на уплату податей, а излишекъ зачитать въ погашеніе недоимки [3]).

Однако же и послѣ того подушная подать платилась самими крестьянами; она всегда сбиралась сверхъ оброка, т. е. не помѣщикъ платилъ подушныя деньги изъ собраннаго оброка, а крестьяне раскладывали ихъ между собою, сообразно съ количествомъ земли, находившейся въ пользованіи каждаго и затѣмъ вносили за себя чрезъ своихъ вотчинныхъ властей. Помѣщикъ обыкновенно ограничивался тѣмъ, что предписывалъ: «подушныя деньги платить въ узаконенные сроки, не ожидая понужденія на сіе отъ правительства. Въ платежѣ оныхъ брать квитанціи» [4]). Правда, депутатъ Опочининъ, возражая Коробьину, сказалъ, что владѣльцы нерѣдко изъ своихъ денегъ уплачиваютъ подати за крестьянъ, но намъ не удалось встрѣтить ни одного факта въ подтвержденіе этого заявленія.

Мы не знаемъ, кто чаще платилъ за дворовыхъ: крестьянскій ли міръ, или помѣщикъ; судя потому, что по уложенію Орлова, весьма по-

[1]) П. С. З. XV, 11.429.

[2]) Арх. М. Ю. № 173—3744, л. 588—589, п. 4, 590, 608.

[3]) П. С. З. XVII, 12.522.

[4]) Уложеніе Орлова. Тоже повторяетъ и Лунинъ въ наставленіи своему управителю.

пулярному въ то время, крестьяне обязаны были платить подати за дворовыхъ, можно думать, что это было общимъ обыкновеніемъ, хотя Болтинъ увѣряетъ, что подати за дворовыхъ платилъ самъ помѣщикъ. За купленныхъ крѣпостными крестьянами людей платили тѣ, кто ихъ купилъ.

Приведемъ нѣсколько свѣдѣній о сборѣ государственныхъ податей съ крѣпостныхъ крестьянъ въ западной Европѣ. Во Франціи эти подати были очень тяжелы и поглощали огромную часть дохода крестьянина. Мы видѣли, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ наказовъ, крестьянинъ уплачивалъ въ видѣ налоговъ $^1/_6$ сбора; въ Бургундіи—$^1/_3$ валоваго дохода; были случаи, что налоги поглощали даже половину дохода. На раскладку государственныхъ налоговъ французскій сеньеръ не имѣлъ никакого вліянія [1].—«Въ Пруссіи, также какъ и въ другихъ государствахъ нѣмецкихъ, говоритъ Самаринъ, никогда не прерывалась прямая связь между крѣпостнымъ сословіемъ и правительствомъ. Сама казна чрезъ своихъ чиновниковъ получала изъ рукъ крестьянъ большую часть податей и наряжала ихъ на исправленіе натуральныхъ повинностей. Конечно, и помѣщикъ не былъ безусловно устраненъ отъ денежной за нихъ отвѣтственности; но она падала на него, такъ сказать, косвенно и въ тѣхъ только случаяхъ, когда крестьяне приходили въ несостоятельность вслѣдствіе дознанныхъ съ его стороны вымогательствъ. Большая часть государственныхъ окладныхъ податей лежала на землѣ, притомъ именно на землѣ крестьянской, Bauerland, на тѣхъ участкахъ, которыми пользовались поселяне, остальная, господская (Vorwerksland, Hofsland) пользовалась въ этомъ отношеніи значительными привилегіями» [2]. Въ Даніи господинъ былъ отвѣтственъ за исправную уплату государственныхъ податей; чрезъ это, какъ сказано въ свѣдѣніяхъ о положеніи крестьянъ, доставленныхъ въ коммиссію Уложенія, «устраняются притѣсненія отъ сборщиковъ податей, охотно приступающихъ къ экзекуціи, и господинъ, ради собственной своей пользы, щадитъ своихъ крестьянъ, такъ какъ, если бы они обѣднѣли и оставили землю, то ему пришлось бы самому нести всю тягость податей» [3]. Въ Шлезвигѣ и Гольштиніи поземельныя подати, лежащія на крестьянскихъ гуфахъ, платилъ самъ господинъ [4]. Въ

[1] *Babeau*, 195.

[2] *Самаринъ* II, 202.

[3] Арх. II Отд., вяз. 326—312. „Описаніе крестьянскаго сословія въ Даніи и Норвегіи".

[4] *Hanssen*, 20.

собственной Австріи землевладѣлецъ, какъ сказано въ тѣхъ же матеріалахъ коммиссіи Уложенія, «распредѣляетъ (между своими крѣпостными) государственные налоги и онъ же собираетъ ихъ; это скорѣе бремя для господъ, нежели преимущество, такъ какъ онъ долженъ отвѣчать за всѣхъ своихъ неуплатившихъ крестьянъ. Впрочемъ, господинъ можетъ возвращать издержанное имъ съ помощію различныхъ строгихъ мѣръ: отправить къ крестьянамъ-недоимщикамъ военную экзекуцію, посадить ихъ въ тюрьму или продать все ихъ собственное имущество». Напротивъ того, въ Богеміи и Моравіи господа не обязаны были отвѣчать за исправность взноса государственныхъ налоговъ ихъ крѣпостными, и королевскіе сборщики производили взысканія непосредственно съ крестьянъ [1]).

Въ Польшѣ крѣпостные не были также избавлены отъ уплаты государственныхъ податей [2]); въ Малороссіи въ половинѣ XVIII в. вносили въ казну небольшой сборъ [3]). Въ Лифляндіи государственныя повинности лежали исключительно на крестьянской землѣ.

Уплата податей все-таки мало затрогивала интересы помѣщиковъ: правда они были отвѣтственны за аккуратный взносъ ихъ, но такъ какъ почти всегда оказывалось возможнымъ выбить подати изъ мужика, то баринъ въ этихъ случаяхъ былъ ни причемъ. Гораздо непріятнѣе для господина была рекрутская повинность, такъ какъ тутъ приходилось разстаться съ лишнею рабочею силою. Поэтому нѣкоторые помѣщики прибѣгали ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы эта повинность какъ можно легче ложилась на ихъ имѣніе. Такъ напр., по оффиціальному извѣстію, въ курскомъ намѣстничествѣ нѣкоторые помѣщики во время рекрутчины отвозили всѣхъ молодыхъ и годныхъ людей въ другія деревни и потомъ ссылались на то, что у нихъ нѣтъ человѣка, котораго можно было бы сдать въ рекруты; другіе фиктивно раздѣляли свое имѣніе между женою, дѣтьми и даже посторонними лицами, такъ какъ рекрутъ ставили только имѣющіе болѣе 20 душъ [4]) и, такимъ образомъ, изъ имѣній, въ кото-

[1]) Арх. II Отд. вяз. 326—312. „Свѣдѣнія объ австрійскомъ, богемскомъ и моравскомъ дворанствѣ", ср. *Beidtel*, 476, 477, *Svatek*, 176.

[2]) Слав. Сборн. Ш, 107; Rolnicza ludnośc, 1862, стр. 9—10.

[3]) *Лазаревскій*, 137—139.

[4]) Относительно мѣлкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ генеральномъ учрежденіи о рекрутчинѣ (1766 г.) было постановлено, что они дѣлаютъ складчину и вознаграждаютъ деньгами того, кто поставитъ рекрута. Кому давать рекрута натурою, рѣшалось жребіемъ, въ которомъ однако не принимали участія имѣвшіе менѣе 20 душъ. П. С. З. XVII, 12748, гл. I, п. 2. Такъ какъ казенная цѣна рекрута при Екатеринѣ до 1786 г. равнялась 120 р. и была ниже дѣйствительной его стоимости, то всегда было выгоднѣе заплатить свою часть деньгами, чѣмъ поставить рекрута.

рыхъ крестьянъ было немногимъ болѣе указаннаго количества, иногда приходилось давать рекрута два года сряду, а болѣе крупные владѣльцы избѣгали этого въ продолженіи нѣсколькихъ наборовъ. Наконецъ, помѣщики, владѣвшіе имѣніями въ другихъ губерніяхъ, объявляли, что будутъ тамъ исполнять рекрутскую повинность за всѣхъ своихъ крестьянъ. Во избѣжаніе этихъ мошенническихъ продѣлокъ, орловскому и курскому намѣстнику, Прозоровскому, пришлось установить подробныя правила о раскладкѣ рекрутской повинности между помѣщичьими имѣніями [1]). Сенатъ запретилъ помѣщикамъ, за которыми была очередь ставить рекрута, приписывать своихъ крестьянъ для отправленія повинности къ деревнямъ, находящимся въ другихъ мѣстностяхъ [2]). По поводу того, что въ симбирской губерніи, какъ и въ курской, владѣльцы, для уклоненія отъ рекрутской повинности, производили фиктивный раздѣлъ имѣнія между нѣсколькими наслѣдниками, сенатъ приказалъ не обращать на такія раздѣлы вниманія и разсматривать подобныя имѣнія относительно рекрутской повинности, какъ принадлежащія одному лицу [3]).

Но какъ ни уклоняйся отъ дачи рекрутъ, въ концѣ концовъ, обыкновенно приходилось покрыть числящуюся на имѣніи рекрутскую недоимку [4]). Помѣщики, не желавшіе прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ, установляли точныя правила относительно рекрутчины въ своихъ уложеніяхъ и инструкціяхъ. Орловъ предписывалъ, чтобы предъ всякимъ рекрутскимъ наборомъ доносили конторѣ, сколько на лицо рекрутскихъ квитанцій и за сколько душъ слѣдуетъ ставить рекрутъ натурою; для рекрутской повинности въ его имѣніяхъ составлялась особая очередная книга, которой онъ и предписывалъ держаться. Остальныя правила его — о сдачѣ въ рекруты людей порочныхъ, о желающихъ купить за себя рекрута и о наказаніи за уклоненіе отъ рекрутчины — намъ уже извѣстны. Раскладка рекрутской повинности, установленіе очереди производилось міромъ, но, какъ видно, тутъ сильное вліяніе имѣлъ голосъ и мѣстнаго вотчиннаго начальства. Въ самыхъ первыхъ своихъ приказахъ, гр. В. Орловъ, дозволяя отдавать безъ очереди пьяницъ, воровъ и гулякъ, запрещалъ притѣснять бѣдныхъ «добраго житія» и грозилъ за это начальникамъ и вообще виновнымъ въ томъ жестокимъ наказаніемъ. Онъ старался также, чтобы на богатыхъ рекрутская повинность ложилась тяжелѣе, чѣмъ на бѣдныхъ. Въ томъ

[1]) *Пупаревъ*. Орловская Старина т. I, Орелъ 1872 г., стр. 207—213.

[2]) П. С. З. XIX, 13984, указъ 1773 г.

[3]) П. С. З. XXI, 15598, указъ 1782 г.

[4]) См. Дополненіе XII.

же приказѣ онъ писалъ: «съ нѣкоторыми крестьянами (изъ разныхъ своихъ вотчинъ) говорилъ я и разсуждалъ, чтобы первостатейные или лучшаго состоянія крестьяне при раскладкѣ рекрутъ несли болѣе тягостей, нежели бѣдные; они добровольно на оное согласились, и я надѣюсь, что и другіе первостатейные въ ономъ спорить не будутъ. Маковкинъ (какой-то богатый крестьянинъ Орлова) обѣщалъ добровольно во всякій рекрутскій наборъ ставить по рекруту, имѣя только три души оплачивать. Я его похвалилъ ревность» [1]). Вѣроятно, ревности «первостатейныхъ» хватило не на долго, потому что въ уложеніи Орлова уже нѣтъ и помину о пожертвованіяхъ со стороны богатыхъ. — Помѣщикъ, а въ отсутствіе его вотчинныя власти имѣли огромное вліяніе на отдачу крестьянъ въ рекруты; это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ неизвѣстнаго автора записки, присланной въ вольное экономическое общество «о спокойствіи духа помѣщичьихъ подданныхъ». «Въ рекрутскую отдачу не ловятъ у меня по прихотямъ», говоритъ онъ, «но по моей переписи идутъ въ жеребій прежде большія семьи, напримѣръ.... тѣ, въ которой семьѣ 9 мужскихъ душъ; когда оныя выйдутъ, то пойдутъ тѣ, въ которыхъ 8 душъ и т. д., посему, во время рекрутскаго набора, когда почти во всѣхъ уѣздахъ крестьяне бѣгаютъ и укрываются, семьи ихъ воютъ и ихъ куютъ: *иныхъ ради взятокъ, иныхъ въ отомщеніе за досаду и ради всякихъ другихъ прихотей*, — у меня тогда готовятся только однѣ очередныя семьи, а прочія всѣ, гдѣ меньше душъ, такъ спокойны, какъ будто бы и не было рекрутскаго набора» [2]). Мы видѣли, что по уложенію Орлова сельскимъ властямъ и крестьянскому міру предоставлялась инициатива въ отдачѣ крестьянъ въ рекруты въ видѣ наказанія, хотя все-таки на это требовалось согласіе помѣщика.

Извѣстно, что крестьяне даже калѣчили себя, чтобы только избавиться отъ рекрутчины. Такихъ членовредителей, по учрежденію о рекрутской повинности, велѣно было подвергать строгому наказанію: тѣхъ, которые могутъ владѣть ружьемъ, наказывать шпицрутенами, гоняя сквозь 500 человѣкъ 3 раза, и отдавать въ солдаты, а тѣхъ, которые не способны къ строевой службѣ, послѣ такого же наказанія опредѣлять въ извощики; если же они и для этого негодны, то бить нещадно плетьми и ссылать въ каторжную работу пожизненно, а помѣщикамъ

[1]) Гр. *Орловъ-Давыдовъ*. I, 271, 281—282.
[2]) Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. 22, л. 140—141.

зачитать въ рекруты [1]). Нарышкина въ правилахъ, данныхъ ею своей оброчной свіяжской вотчинѣ, предписала, руководствуясь этимъ закономъ, немедленно сдавать членовредителей въ губернское правленіе. Румянцевъ велѣлъ сдавать въ рекруты укрывающихся отъ воинской повинности, а также пособниковъ въ членовредительствѣ, если они годны въ службу, у стариковъ же отбирать имѣніе и держать ихъ въ оковахъ; у кн. А. М. Голицына съ виновныхъ въ этомъ проступкѣ собирали деньги на покупку рекрута [2]). Наконецъ въ имѣніяхъ В. Орлова укрывавшихся отъ рекрутчины подвергали тѣлесному наказанію, а очень часто и немедленно сдавали въ рекруты, не дожидаясь другаго набора.

Болтинъ свидѣтельствуетъ, что «многіе крестьяне по общему согласію между собою» несутъ рекрутчину не натурою, а покупаютъ рекрутъ [3]). Дѣйствительно мы видимъ, что крестьяне кн. А. М. Голицына присылаютъ ему съ этою цѣлію деньги; тоже дѣлалось въ имѣніяхъ другихъ кн. Голицыныхъ и гр. В. Г. Орлова. М. Нарышкина совѣтовала крестьянамъ своей свіяжской вотчины покупать рекрутъ на сторонѣ, какъ это дѣлается во всѣхъ другихъ ея имѣніяхъ. По инструкціи Румянцева того изъ крестьянъ, кто купитъ за себя рекрута, велѣно было освобождать на два года отъ всякихъ поборовъ въ казну и въ пользу господина, а также и отъ барщины «со всего его тягла». Такъ какъ торговля рекрутами во время набора по закону не дозволялась, то для отдачи въ рекруты обыкновенно закупали людей заблаговременно. За пріобрѣтенныхъ крестьянами съ этою цѣлію людей помѣщикъ, повидимому, не требовалъ оброка; такъ было по крайней мѣрѣ у кн. А. М. Голицына. Суворовъ въ своихъ имѣніяхъ даже вовсе запретилъ сдавать рекрутъ натурою, а приказалъ всегда покупать ихъ и такимъ образомъ переложилъ натуральную повинность въ денежную; при этомъ на покупку каждаго рекрута онъ давалъ изъ своихъ денегъ подмоги по 75 р. Помѣщикамъ разумѣется было очень выгодно, чтобы ихъ крѣпостные покупали вмѣсто себя рекрутъ, такъ какъ отданные въ солдаты дѣлались людьми свободными, крестьянамъ же переложеніе натуральной воинской повинности на деньги казалось иной разъ весьма обременительнымъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ рекрутъ стоилъ отъ 350 до 400 р., а иногда и дороже. Болтинъ, сочиненіе котораго издано было въ 1788 г., гово-

1) П. С. З. XVII, 12748, гл. Ш, п. 6.
2) Инструкція Румянцева въ Румянц. Музеѣ.—Голицынскій Архивъ.
3) *Болтинъ*. II, 218—219, срав. *Орловъ-Давыдовъ*. I, 271.

ритъ, что при обыкновенномъ наборѣ по одному человѣку съ 500 душъ придется заплатить съ тягла рубля по два или немного болѣе; такъ какъ онъ считалъ на тягло по $2^1/_2$ души, то слѣдовательно тутъ принята средняя цѣна рекрута въ 400 руб. или нѣсколько болѣе. Крестьяне Суворова такой денежный расходъ (около 2 р. съ тягла) при каждомъ рекрутскомъ наборѣ находили слишкомъ для себя обременительнымъ и однажды, купивъ трехъ рекрутъ, просили дозволенія не покупать остальныхъ, а поставить изъ своей вотчины; другіе предлагали сдать въ рекруты какого-то бобыля. Недовольство крестьянъ, по всей вѣроятности, имѣло основаніе: для вотчинъ зажиточныхъ, гдѣ крестьяне занимались какимъ либо промысломъ, переложеніе рекрутчины въ денежную повинность могло быть дѣйствительно полезно; но въ такихъ случаяхъ сами мужики безъ всякаго понужденія покупали рекрутъ; въ бѣдныхъ же вотчинахъ значительный денежный сборъ дѣйствительно могъ быть не по силамъ. Это не исключаетъ, впрочемъ, возможности случаевъ, гдѣ міръ, руководимый кулаками, тѣснилъ бѣдняковъ, несправедливо сдавалъ ихъ въ рекруты и потому былъ недоволенъ переложеніемъ натуральной повинности въ денежную, которую приходилось по приказу Суворова разверстывать «по имуществу каждаго». Какъ бы то ни было, Суворовъ былъ неумолимъ. Онъ объявилъ, что не позволяетъ сдавать въ рекруты даже и въ видѣ наказанія. Крестьяне, однако, умудрялись иногда тайкомъ, вопреки господской волѣ, сдавать въ военную службу кой-кого изъ своихъ. Въ донесеніи изъ одной вотчины Суворова было сказано, что какой-то крестьянинъ, «убоясь солдатчины», отрубилъ себѣ палецъ; по этому поводу спрашивали господина, что съ нимъ дѣлать. Суворовъ написалъ: «Вы его грѣху причина. Впредь не налегайте. За это васъ самихъ буду сѣчь. Знать онъ слышалъ, что отъ меня не велѣно въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать, а покупать ихъ міромъ на сторонѣ, чтобы рекрутчины никто не боялся. Развѣ не помните, что въ третьемъ годѣ я у васъ засталъ? *За недоимку по налогамъ вы управляли людей въ рекруты*, за что и были отъ меня наказаны. Если впредь еще хоть чуть что будетъ, я отдамъ старосту въ рекруты» [1]). Другіе сельскіе хозяева, напротивъ того, не одобряли замѣны рекрутчины денежнымъ оброкомъ: «всегда полезнѣе для общей пользы деревни, писалъ Болотовъ, лишиться человѣка, нежели вдругъ отяготить крестьянъ великою для нихъ суммою». Болотовъ совѣтовалъ помѣщикамъ оказать помощь кре-

[1]) Голицынскій Архивъ; Инструкція Румянцева; *Рыбкинъ* „Генералис. Суворовъ".

стьянамъ, когда необходимо сдѣлать «складку» на рекрута [1]). Если вѣрить словамъ депутата Бровцына, возражавшаго на мнѣніе Коробьина, помѣщики такъ иногда и дѣлали, особенно же во время войны съ Пруссіею, но это были, вѣроятно, исключительные случаи; а то нѣкоторые помѣщики взыскивали съ крестьянъ полную цѣну рекрута даже въ томъ случаѣ, если отдавали въ солдаты въ видѣ наказанія кого-либо изъ своихъ дворовыхъ: такъ въ орловскомъ имѣніи кн. Д. М. Голицына за двухъ отданныхъ дворовыхъ было взыскано съ крестьянъ въ 1796 г. 1100 р., т. е. по 550 р. за каждаго [2]).

Въ западной Европѣ рекрутская повинность въ XVIII в. была гораздо менѣе развита, чѣмъ у насъ. Во Франціи до революціи ея почти не существовало. Правда, при Людовикѣ XIV была учреждена милиція, пополнявшаяся наборами, но такъ какъ численность ея не превышала 60,000 человѣкъ, то при шестилѣтней службѣ ежегодно со всей Франціи требовалось только 10,000 ч. Къ тому же во время мира служба ограничивалась періодическими непродолжительными сборами и смотрами; въ остальное время милиціонеръ жилъ дома. Кромѣ поставки рекрута, община должна еще была внести деньги на его экипированіе, жалованье и пр. [3]). Въ Германіи наборы существовали уже, но все-таки въ значительной степени войско пополнялось и вербовкою. Въ Пруссіи еще во время семилѣтней войны войско Фридриха В. состояло по однимъ извѣстіямъ на треть, а по другимъ болѣе чѣмъ на половину изъ людей навербованныхъ на службу [4]). Въ Чехіи рекрутская повинность была введена только въ 1770 г. [5]). Въ Польшѣ не было рекрутской повинности и это весьма приманивало туда русскихъ крестьянъ. Въ Даніи господинъ могъ отдавать въ солдаты кого хотѣлъ, даже могъ требовать отданнаго назадъ и на его мѣсто послать другаго; крестьянина, отбывшаго военную службу, но отказывающагося отъ принятія земли, могъ отдать въ королевскіе полки, набираемые вербовкою; наконецъ, могъ принудить служить

[1]) Тр. Вольн. Эк. Общ. XVI, 202.

[2]) Даже и въ томъ случаѣ, когда рекрутская повинность была исполняема натурою, она сопровождалась нѣкоторыми денежными расходами: по словамъ Болтина (II, 218), на снабженіе рекрута платьемъ, обувью, провіантомъ до распредѣленія по полкамъ, на доставку рекрута въ городъ и другіе мелкіе расходы нужно отъ 25 до 30 р., что, по его вычисленію, составляло на тягло отъ 15 до 20 коп. По уложенію Орлова, слѣдовало давать каждому рекруту „на платье и въ награжденіе“ по 30 р.; но въ имѣніяхъ кн. А. М. Голицына на это иногда расходовали и болѣе 40 р.

[3]) *Babeau*, 275—282.

[4]) *Сидоренко*. Рекрутская повинность. Кіевъ, 1869, стр. 67.

[5]) *Svatek*. Culturhistorische Bilder aus Böhmen, 189.

солдатомъ до 45-лѣтняго возраста крестьянина, за лѣность лишеннаго земли [1]). Въ Австріи господинъ также въ видѣ наказанія могъ отдавать крестьянина въ солдаты [2]).

Кромѣ рекрутской, крѣпостные крестьяне несли и другія натуральныя повинности: дорожную, постойную, подводную и проч. Не останавливаясь здѣсь на этомъ вопросѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи они раздѣляли судьбу всѣхъ остальныхъ крестьянъ, мы упомянемъ только о злоупотребленіяхъ, связанныхъ съ постоемъ солдатъ. Составители наказа обонежской пятины, новгородскаго уѣзда, жаловались, что стоящія на непремѣнныхъ квартирахъ войска, чинятъ такія притѣсненія жителямъ: крестьяне, если нѣтъ самихъ помѣщиковъ по близости, принуждены какъ будто добровольно давать подводы для перевозки провіанта, мостить конюшни и крыть ихъ своею соломою, которая, вслѣдствіе неурожая хлѣба, и самимъ имъ очень нужна для прокормленія скота; «стоящихъ же солдатъ, кромѣ ихъ провіанта, хозяева нѣкоторые по согласію, а другіе неспокойныхъ по необходимости принуждены довольствовать харчемъ и солью безденежно, не упоминая о прочихъ приметкахъ и ссорахъ по амбиціи солдатской, яко бы въ непочтеніи и въ неучтивости отъ хозяевъ къ стоящимъ; ротные же командиры и прочіе субалтернъ-офицеры, по рангамъ ихъ, берутъ себѣ квартиры, гдѣ двухъ избъ нѣтъ, высылая хозяевъ совсѣмъ вонъ, которые, лишась своихъ домовъ, принуждены скитаться съ женами и съ дѣтьми по чужимъ дворамъ». Поэтому помѣщики многихъ мѣстностей просили о постройкѣ въ уѣздахъ казармъ для постоя войскъ [3]). Но эти желанія объ избавленіи крестьянъ отъ постойной повинности и до сихъ поръ еще не приведены въ исполненіе; поэтому Суворовъ поступилъ весьма благоразумно, построивъ въ одномъ изъ своихъ имѣній казармы для постоя солдатъ [4]); тоже слѣдовало бы сдѣлать и другимъ помѣщикамъ вмѣсто того, чтобы заявлять просьбы о постройкѣ казармъ на казенный счетъ.

И такъ крѣпостные крестьяне, работая на барщинѣ для господина или внося ему оброкъ, въ то же время несли и всѣ государственныя повинности, кромѣ оброчнаго сбора. Посмотримъ теперь, что же давало имъ государство въ вознагражденіе за ту службу, которую они для него исполняли. Прежде всего оно должно было бы защищать крѣпостнаго кре-

[1]) Арх. II Отд. вяз. 326—312. Описаніе крестьянск. сословія въ Даніи и Норвегіи.

[2]) *Beidtel*, 477.

[3]) Сб. Ист. Общ. XIV, 330, ср. 273—274, 284, 344, 387—388.

[4]) *Рыбкинъ*, 55, 62.

стьянина отъ различныхъ злоупотребленій со стороны помѣщика; но мы видѣли, что оно оставило его въ этомъ отношеніи совершенно безправнымъ и обыкновенно вмѣшивалось въ отношенія господина къ его крѣпостному только тогда, когда дѣло доходило до смертоубійства. Во всякомъ случаѣ, для раскрытія злоупотребленій помѣщика слѣдовало разрѣшить крѣпостнымъ жаловаться на помѣщика въ присутственныя мѣста. Посмотримъ, пользовались ли они этимъ правомъ.

Уложеніе (гл. II, п. 13) прямо запрещаетъ принимать извѣты людей и крестьянъ на владѣльца, кромѣ великихъ дѣлъ о государевомъ здоровьѣ и объ измѣнѣ [1]). Чтобы убѣдиться, примѣнялся ли этотъ законъ въ царствованіе Екатерины тогда, если крестьяне подавали не доносъ на своего господина, а жаловались только на жестокое съ ними обращеніе или тяжесть поборовъ, разсмотримъ тѣ случаи, когда крестьяне обращались съ жалобою на своего помѣщика къ самой императрицѣ. Изъ дѣла о Салтыковой видно, что въ царствованіе Елисаветы и Петра III челобитныя ея людей обыкновенно принимались въ надлежащей инстанціи, но, вслѣдствіе вынужденныхъ ложныхъ показаній другихъ людей, жалоба признавалась ложною и челобитчика по наказаніи отправляли въ ссылку или возвращали помѣщицѣ. Такимъ образомъ здѣсь всетаки признавалось право крѣпостныхъ подавать челобитныя на своихъ господъ, хотя это имъ и не приносило никакой пользы, благодаря взяткамъ, щедро раздаваемымъ помѣщицею. Крестьяне видѣли только одинъ выходъ изъ этого положенія: выбрать изъ своей среды ходока и послать его въ Петербургъ, чтобы подать челобитную въ руки самого царя или царицы. Но цѣлымъ рядомъ указовъ Петра Великаго, Екатерины I, Анны Ивановны и Елисаветы Петровны было предписано бить челомъ въ надлежащихъ учрежденіяхъ, а на неправое рѣшеніе коллегій и канцелярій—въ сенатѣ; подавать же челобитную самому государю было строго запрещено. Однако, не смотря на всѣ эти указы, крестьяне продолжали посылать своихъ ходоковъ въ Петербургъ, такъ какъ слишкомъ часто самыя справедливыя ихъ требованія не исполнялись. Особенно усиливался притокъ такихъ челобитчиковъ со вступленіемъ на престолъ новаго государя. То же случилось и при Екатеринѣ II, но императрица, въ первый же годъ по вступленіи на престолъ, подтвердила прежнія запрещенія. Подавать прошенія въ соб-

[1]) Да еще одного случая: „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою" (гл. XX, п. 80). Позднѣе дозволено было еще доносить на господина, въ случаѣ если онъ будетъ утаивать своихъ крѣпостныхъ во время ревизіи. П. С. З. VII. 4963.

ственныя руки императрицы было дозволено только въ одномъ случаѣ: если проситель будетъ недоволенъ рѣшеніемъ сената или когда, несмотря на то, что его дѣло долго не рѣшалось въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ, проситель не находилъ никакого удовлетворенія у генералъ-рекетмейстера [1]). Однако, вѣсть о томъ, что запрещеніе подавать челобитныя императрицѣ вновь подтверждено, не сразу распространилась по всей Россіи. Посмотримъ, какова была судьба челобитчиковъ, нарушившихъ это запрещеніе, и для того остановимся на нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ сената за январь мѣсяцъ 1763 года.

Крестьяне отставнаго капитана Хлопова, тверскаго уѣзда, подали государынѣ челобитную, въ которой жаловались на разоренія и мученія отъ помѣщика и на «непорядочные поступки» присланнаго для ихъ усмиренія войска, и просили освободить ихъ отъ власти помѣщика. Сенатъ, въ виду того, что эти крестьяне уже были усмирены генералъ-маіоромъ фонъ-Виттеномъ, приказалъ, 8-го января 1763 г., сыскать просителей черезъ полицію и отослать ихъ къ помѣщику. На этотъ разъ челобитчики не подверглись никакому наказанію, такъ какъ ихъ прошеніе было подано всего черезъ два дня послѣ изданія запретительнаго указа 2-го декабря 1762 года и они могли не знать объ его существованіи. Къ концу этого мѣсяца оказалось особенно много виновныхъ въ подачѣ челобитныхъ императрицѣ, и все засѣданіе сената 29-го января было употреблено на присужденіе имъ наказаній. Тутъ были челобитныя и крестьянъ Хлопова, о которомъ мы только что упоминали, и того двороваго Дарьи Салтыковой, который, подавъ лѣтомъ 1762 года челобитную императрицѣ на свою госпожу, былъ главнымъ виновникомъ открытія всѣхъ ея жестокостей. Нѣкоторые изъ крестьянъ заявляли, что они еще раньше подавали прошенія императрицѣ, но не получили никакой резолюціи, и при этомъ, увѣренные въ простотѣ душевной, что государыня помнитъ, о чемъ они просили прежде, они даже не объясняли, въ чемъ состояла ихъ первая челобитная. Крестьянамъ Мамонова, Горчакова и Казначеева было уже разъ отказано, и этотъ отказъ былъ прямо мотивированъ постановленіемъ Уложенія (II глава, 13 пунктъ), по которому крѣпостнымъ людямъ въ извѣтахъ на помѣщика, кромѣ великихъ дѣлъ, вѣрить не велѣно. Слѣдовательно, этотъ законъ примѣняется при Екатеринѣ II въ

[1]) П. С. З. XVI, №№ 11.606 (12 Іюля 1762 г.) и 11.718 (2 Дек. 1762 г.) Ср. разсказъ Екатерины, почему и она запретила подавать ей прошенія. Сб. Истор. Общ. XXVII, 171.

томъ случаѣ, когда крестьяне жаловались на притѣсненія отъ помѣщика. На этотъ разъ сенатъ не пощадилъ всѣхъ этихъ челобитчиковъ и приказалъ, наказавъ ихъ плетьми, отослать подъ карауломъ на родину.

Многіе, очень многіе крестьяне осязательно почувствовали послѣ этого засѣданія сената, что подавать челобитныя государынѣ отнюдь не дозволяется. Такое сильное средство подѣйствовало. Крестьяне, убѣдившись, что сенатъ обыкновенно даже не входитъ въ разсмотрѣніе ихъ жалобъ по существу, придерживаясь Уложенія, стали гораздо рѣже подавать челобитныя императрицѣ. Но всетаки такая подача прошеній не прекратилась совершенно. 1-го апрѣля 1763 года сенатъ получилъ два сообщенія изъ кабинета ея величества, при которыхъ были приложены разныя челобитныя. Императрица выразила желаніе, чтобы сенатъ разсмотрѣлъ ихъ, и онѣ были переданы въ рекетмейстерскую канцелярію съ тѣмъ, чтобы подлежащія отсылкѣ въ судебныя мѣста были отправлены немедленно. Въ числѣ этихъ прошеній были и челобитныя помѣщичьихъ крестьянъ. Хотя и на этотъ разъ сенатъ, по всей вѣроятности, не далъ имъ дальнѣйшаго хода, однако онъ не упустилъ приговорить самихъ челобитчиковъ къ обычнымъ наказаніямъ [1])

Въ началѣ 1765 года сенатъ вновь подтвердилъ запрещеніе подавать челобитныя самой императрицѣ и при этомъ опредѣлилъ наказаніе за это преступленіе не только крестьянамъ, но также дворянамъ и лицамъ, состоящимъ на службѣ. Что касается неимѣющихъ чиновъ и дворянскаго званія, то за подачу челобитной въ первый разъ ихъ велѣно посылать въ каторжную работу на мѣсяцъ; во второй разъ, послѣ публичнаго наказанія,—на годъ и затѣмъ возвращать на прежнія жилища; а въ третій разъ, также наказавъ публично плетьми, отсылать на поселеніе въ Нерчинскъ безъ срока, причемъ крѣпостныхъ мужскаго пола зачитать помѣ-

[1]) Арх. М. Юст. Журн. и прот. сената до раздѣленія на департаменты № 1010 — 3493, 1013—3496. Иногда императрица почему-то не отсылала челобитчиковъ въ сенатъ, а сама рѣшала ихъ судьбу. Когда крестьяне Владиміра Шереметева, волоколамскаго уѣзда, подали государынѣ жалобу „на разореніе и непорядочные поступки“ помѣщика и заявляли, будто ихъ волость совсѣмъ не принадлежитъ Шереметеву, императрица, наведя справки, нашла, что просьба ихъ неосновательна, но отпустила челобитчиковъ безъ наказанія. Однако, послѣ того, двое выборныхъ снова подали государынѣ челобитную по тому же дѣлу. „Нынѣшніе просители“, сказано въ указѣ императрицы сенату въ началѣ 1764 года, „болѣе еще первыхъ подвергаютъ себя подъ наижесточайшее наказаніе, но мы столь еще милосердны, что и сію ихъ дерзость, яко невѣждамъ, всемилостивѣйше прощаемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ волость былъ нарочно посланъ штабъ-офицеръ, чтобъ убѣдить крестьянъ повиноваться Шереметеву. Арх. М. Ю. № 6—4907, л. 48.

щикамъ въ рекруты, такъ какъ владѣльцы «тому дерзновенію участниками никакъ быть не могутъ» [1]). Но эти наказанія не могли удержать крѣпостныхъ крестьянъ отъ подачи челобитныхъ, да оно и совершенно понятно. Вмѣсто того, чтобы годъ за годъ обнародывать строгіе указы противъ челобитчиковъ, стоило только ограничить произволъ помѣщиковъ, и жалобы прекратились бы безъ всякихъ запретительныхъ указовъ, а до тѣхъ поръ и страхъ каторжной работы не могъ зажать рта крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ владѣльцевъ имъ было жить не лучше, чѣмъ на каторгѣ.

Въ началѣ мая 1767 года, во время путешествія императрицы по Волгѣ, крестьяне Кашинскаго уѣзда, помѣщиковъ Олсуфьевыхъ, подали императрицѣ челобитную. На этотъ разъ они не были наказаны; императрица приказала только имъ объявить, чтобы они слушались помѣщика [2]). Это не подѣйствовало, и въ послѣдствіи волненіе этихъ крестьянъ было прекращено съ помощью войска. Во время этого путешествія императрицѣ и въ другихъ мѣстахъ подавались челобитныя на тяжелые поборы помѣщиковъ. Но государыня, по ея собственннымъ словамъ, нашла ихъ «не дѣльными» и онѣ были возвращены съ подтвержденіемъ вновь такихъ прошеній не подавать [3]).

Въ началѣ іюля того же года, крестьяне Лопухиныхъ, Леонтьева и Толстой, изъ московскаго и коломенскаго уѣздовъ, почти одновременно подали императрицѣ челобитныя, съ содержаніемъ которыхъ мы отчасти уже познакомились (въ гл. III). Челобитныя эти, вмѣстѣ съ подателями ихъ, были присланы къ генералъ-прокурору князю Вяземскому при письмѣ отъ статсъ-секретаря императрицы И. П. Елагина, съ предписаніемъ государыни поступить съ ними по указамъ.

Въ первой изъ челобитныхъ двое крестьянъ, изложивъ свои жалобы на помѣщика Алексѣя Лопухина, въ заключеніе говорятъ, что два мѣсяца тому назадъ они уже подавали прошеніе государынѣ и были тогда отосланы къ генералъ-маіору Козьмину, но, по ихъ словамъ, «никакой отъ него резолюціи не воспослѣдовало». Онъ только возвратилъ имъ прошеніе съ надписью и велѣлъ по прежнему повиноваться господину; а они боятся идти къ помѣщику, избившему до смерти ихъ отца, опасаясь, какъ бы имъ «не принять отъ него.... смерти и жестокаго мучительства». —

[1]) П. С. З. XVII, № 12.316.

[2]) Арх. М. Ю. Дѣла Сената № 250—3821, л. 791.

[3]) Сб. Ист. Общ. X, 216.

«Лучше же В. И. В. вашею монаршею милостью опредѣлите насъ къ смерти или въ вѣчное поселеніе», говорятъ въ заключеніе крестьяне. Вторая челобитная была подана крестьянами Аврама Лопухина, раменской трети, гуслицкой волости. Начинается она такъ: бьютъ челомъ выборные (названы двое) и «всей той трети крестьяне старшіе и младшіе». Крестьяне Леонтьева просили объ облегченіи оброка и о томъ, чтобы размѣры его были опредѣлены разъ навсегда.

Императрица была очень озабочена тѣмъ, что подано было сразу нѣсколько челобитныхъ отъ крестьянъ одной мѣстности, притомъ же лежащей недалеко отъ Москвы. Въ именномъ указѣ, который Вяземскій объявилъ сенату 11 іюля, она выражала опасеніе, «чтобы *оказующееся отъ крестьянъ на владѣльцевъ своихъ неудовольствіе не размножилось и не произвело бы вредныхъ слѣдствій*»; поэтому она приказала сенату придумать «благопристойныя средства». Сенатъ, выслушавъ челобитныя, поданныя крестьянами, предложилъ императрицѣ слѣдующія мѣры. «Въ пресѣченіе таковыхъ недѣльныхъ отъ крестьянства на помѣщиковъ своихъ доносовъ и представленій», до составленія о томъ новаго закона въ зиконодательной коммиссіи сенатъ находилъ «наиудобнѣйшимъ средствомъ» обнародовать печатный указъ, чтобъ крестьяне и дворовые люди не отваживались бить челомъ на своихъ помѣщиковъ, кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ Уложеніи и прежде изданныхъ указахъ, которые ясно перечислить и въ новомъ указѣ; въ противномъ случаѣ, челобитчики подвергнутся жестокому наказанію кнутомъ. Что же касается крестьянъ, которые на этотъ разъ подали императрицѣ «недѣльныя» и законамъ и «13-му пункту II главы Уложенія противныя жалобы», то ихъ слѣдуетъ допросить подъ *пристрастіемъ* о томъ, кто сочинялъ имъ челобитныя, и всѣхъ тѣхъ людей арестовать. Изъ крестьянъ же половину публично, съ барабаннымъ боемъ, наказать плетьми въ Москвѣ, въ торговый день, на разныхъ площадахъ; а другую половину наказать въ ихъ деревняхъ при собраніи крестьянъ, а затѣмъ, смотря по желанію помѣщиковъ, или отправить на каторгу въ Нерчинскъ, или возвратить владѣльцамъ. Такимъ образомъ сенатъ, хотя и ссылался въ этомъ постановленіи на указъ 19-го января 1765 года, значительно отступилъ отъ него. Указъ этотъ предписывалъ за первое челобитье отправлять въ каторжную работу на мѣсяцъ, безъ публичнаго наказанія; между тѣмъ сенатъ не только предложилъ наказать крестьянъ плетьми, но даже предоставлялъ усмотрѣнію помѣщиковъ, отправить-ли ихъ на каторгу и на сколько времени. Въ то же время однако сенаторы не

могли не сознаться, что виновны тутъ собственно не крестьяне. «Сенатъ, разсматривая источники сего зла,—сказано было въ постановленіи,—находитъ, что можетъ иногда надъ мѣру строгій и неразсудительный поступокъ помѣщиковъ, въ разсужденіи своихъ крестьянъ, подать симъ послѣднимъ къ таковымъ челобитьямъ поводъ и достаточную, по ихъ мнѣнію, причину»; поэтому онъ нашелъ нужнымъ поручить нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ *секретно* переговорить съ владѣльцами этихъ челобитчиковъ, и посовѣтовать имъ, «чтобы они старались пользоваться правомъ господства, послѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ оброками и работами». Поговорить съ помѣщиками вызвались сенаторы: князь М. Н. Волконскій, графъ Р. Л. Воронцовъ, князь А. Вяземскій и П. И. Панинъ [1]).

22-го Августа, былъ обнародованъ сенатскій указъ по поводу этого дѣла. Императрица утвердила рѣшеніе сената, а на будущее время было опредѣлено, что если кто, вопреки 13-му пункту II главы Уложенія, «недозволенныя на помѣщиковъ своихъ челобитныя, *а наипаче* е. и. в-у *въ собственныя руки* подавать отважится», то и челобитчики, и составители челобитныхъ будутъ наказаны кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ, въ каторжную работу безъ срока, съ зачетомъ помѣщикамъ въ рекруты. Указъ этотъ приказано было цѣлый мѣсяцъ читать въ церквахъ по воскресеньямъ и праздникамъ [2]).

Такимъ образомъ наказанія за подачу челобитныхъ въ царствованіе Екатерины все возростали, пока, наконецъ, настоящимъ указомъ крестьяне не были окончательно, лишены возможности жаловаться на помѣщиковъ. Всякая ихъ жалоба, *хотя бы поданная и не императрицѣ*, заранѣе считалась незаконною. Несмотря на неясность извѣстной статьи Уложенія, ей было еще разъ и окончательно придано толкованіе самое неблагопріятное для крестьянъ, между тѣмъ какъ въ предъидущіе годы само правительство не всегда послѣдовательно придерживалось этого за-

[1]) Еще прежде, чѣмъ докладъ сената былъ утвержденъ императрицею, явились 16 крестьянъ Леонтьева, съ новою жалобою на своего помѣщика, и двое крестьянъ Лопухиныхъ. Послѣдніе, придя въ Москву, ходили къ сенату и подавали пищу своимъ арестованнымъ товарищамъ. Потомъ они услышали, что въ ихъ Гуслицкую волость пріѣзжала воинская команда, забрала болѣе 50-ти человѣкъ и привезла въ московскую губернскую канцелярію. Они отправились къ губернатору Салтыкову просить объ освобожденіи хоть нѣсколькихъ человѣкъ, ради лѣтней рабочей поры, но были арестованы. Всѣхъ этихъ вновь пришедшихъ сенатъ находилъ нужнымъ подвергнуть такому же наказанію, какъ и забранныхъ прежде. А. М. Ю. Дѣла I Деп. Сен. № 173—3744 л. 581—611.

[2]) П. С. З. XVIII, № 12.966.

кона или не такъ понимало его. При томъ толкованіи, которое было придано этой статьѣ, правительство, въ началѣ царствованія Екатерины, не должно было бы обращать вниманія и на доносъ дворовыхъ людей на Дарью Салтыкову.

Такимъ образомъ по новому закону, крѣпостныхъ, подавшихъ императрицѣ челобитную, должно было наказывать кнутомъ и ссылать на каторжную работу въ Нерчинскъ. Однако и послѣ того правительство продолжало спрашивать помѣщиковъ: не желаютъ-ли они взять къ себѣ своихъ крестьянъ послѣ публичнаго наказанія. Въ 1775 году 14 человѣкъ дворовыхъ и крестьянъ кн. Мещерскаго и помѣщика Муромцева подали императрицѣ челобитную и были отправлены въ сенатъ для присужденія къ наказанію. На вопросъ сената Мещерскій не только отвѣчалъ, что принять своихъ людей не желаетъ, но представилъ и еще одного человѣка, который, по его мнѣнію былъ столько же виновенъ и участвовалъ въ составленіи челобитной. Сенатъ приказалъ трехъ человѣкъ наказать кнутомъ, а остальныхъ плетьми и сослать въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу, причемъ Мещерскому не зачитать его людей въ рекруты, такъ какъ онъ сказалъ, что вовсе не желаетъ ихъ имѣть у себя, а Муромцеву—съ зачетомъ при будущихъ наборахъ. Чтобы наказаніе виновныхъ произвело болѣе сильное впечатлѣніе, сенатъ приказалъ оповѣстить по Москвѣ, что будутъ наказывать помѣщичьихъ людей и крестьянъ за подачу императрицѣ прошеній на своихъ помѣщиковъ. Вскорѣ послѣ того помѣщикъ Муромцевъ обратился въ сенатъ съ просьбою чтобы изъ пяти его крестьянъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Нерчинскъ, четырехъ возвратить ему. Если же этого сдѣлать нельзя, то дозволить ему продать свое право на зачетъ этихъ людей въ будущіе рекрутскіе наборы другимъ помѣщикамъ, такъ какъ за нимъ числится всего 20 душъ и ему до самой смерти не пришлось бы поставить столько рекрутъ, а между тѣмъ онъ долженъ за сосланныхъ крѣпостныхъ платить подати. Возвратить крестьянъ Муромцеву было нельзя: они уже были отправлены въ ссылку, но сенатъ дозволилъ ему продать свое право на нихъ по отношенію къ рекрутской повинности, по примѣру того, какъ въ 1765 году было дозволено продавать рекрутскія квитанціи, данныя помѣщикамъ за бѣглыхъ, не добровольно возвратившихся, а приведенныхъ и отправленныхъ въ Сибирь, въ солдаты или на поселеніе [1]).

Послѣ указа 1767 года крестьяне не могли найти удовлетворенія самымъ справедливымъ своимъ жалобамъ, такъ какъ, на основаніи его, и мѣстныя учрежденія не должны были принимать ихъ прошеній на помѣщиковъ.

Для ограниченія произвола помѣщика существовалъ только одинъ законъ—указъ Петра В., предписывавшій отдавать съ разрѣшенія сената имѣнія тѣхъ владѣльцевъ, которые разоряютъ своихъ крестьянъ, въ опеку сродникамъ и свойственникамъ до исправленія самихъ владѣльцевъ, если же тѣ не исправятся, то отправлять ихъ въ монастыри «подъ началъ» [2]). При предшественникахъ Екатерины II объ этомъ указѣ, повидимому, со-

[1]) Арх. М. Юст., № 479—4050, л. 22, 30.
[2]) П. С. З. V, 3.294, п. 31. Наказъ воеводамъ 1719 г.

всѣмъ забыли [1]), вѣроятно потому, что отдача имѣній подъ опеку зависѣла отъ сената, члены котораго, сами помѣщики, откровенно заявили, по поводу жалобъ крестьянъ Евд. Демидова, что помѣщикъ можетъ отнимать у крестьянъ пожитки и «мучить работами». Впрочемъ и при Екатеринѣ II этимъ закономъ пользовились, кажется, не часто. Изъ извѣстныхъ уже намъ дѣлъ о наказаніяхъ помѣщиковъ за истязанія крестьянъ до изданія учрежденій о губерніяхъ, опека была назначена лишь надъ Мариной. Вотъ еще одинъ фактъ. Генеральша Храповицкая, жившая въ Петербургѣ, жестоко обращалась съ прислугою, морила своихъ людей голодомъ и т. д.; такимъ образомъ она до того ихъ озлобила, что въ 1769 г. была сдѣлана попытка убить ее (см. далѣе въ гл. XII). Вѣроятно это происшествіе обратило вниманіе на жестокость Храповицкой, по крайней мѣрѣ императрица приказала сенату, вслѣдствіе ея дурнаго обращенія съ крѣпостными, опредѣлить надъ нею опекуна, который бы взялъ въ свое управленіе ея домъ и назначилъ людямъ достаточное содержаніе, а остальные доходы передавалъ бы госпожѣ; дворовые люди за ихъ проступки должны были подвергаться наказанію не иначе, какъ по волѣ опекуна, «сохраняя впрочемъ должное почтеніе и повиновеніе къ госпожѣ» [2]). Затѣмъ послѣ изданія учрежденія о губерніяхъ, по случаю волненія крестьянъ въ псковскомъ имѣніи гр. Апраксина, императрица въ 1776 г. писала Сиверсу, что если его «деревня отягощена выше мѣры, примѣрно вдвое противу другихъ помѣщичьихъ деревень того уѣзда, то да опредѣлитъ верхній земскій судъ опекуновъ и да означитъ, что съ нея брать и отдать помѣщику» [3]). Намъ извѣстно также назначеніе опеки надъ имѣніями Карташева и Бакунина, но и это было уже послѣ введенія новыхъ учрежденій.

Въ царствованіе Екатерины II было издано только одно общее постановленіе о надзорѣ администраціи за тѣмъ, какъ помѣщики относились къ своимъ крестьянамъ. Въ учрежденіяхъ о губерніяхъ (1775 г.) было сказано: государевъ намѣстникъ «имѣетъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать

¹) Наказъ, ст. 254, 256. Тутъ упоминается объ указѣ 1722 г.; что такой дѣйствительно былъ, видно и изъ книги *Грибовскаго* „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи", 1816 г., стр. 70.

²) *Соловьевъ*. XXIX, 134.

³) Сборн. Истор. Общ. XXVII, 122. Предъ самымъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, въ 1859 г., во всей Россіи состояло подъ опекою всего 215 имѣній за злоупотребленія властію со стороны ихъ владѣльцевъ. *Mackenzie Wallace*. Russia, II, 270.

излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости» [1]). Хотя это постановленіе слишкомъ неопредѣленно, но мы видѣли, что оно все таки служило точкою опоры для тѣхъ намѣстниковъ, которые желали положить предѣлъ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Но если намѣстникъ обращалъ вниманіе на выходящія изъ ряду вонъ жестокости какого нибудь помѣщика, то и тогда иной разъ члены низшихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій тормозили дѣло своею недѣятельностію и прямымъ пристрастіемъ къ обвиняемому дворянину [2]). Средствомъ обузданія «тиранства и жестокости» служили или просто отдача имѣнія жестокаго помѣщика подъ опеку, или кромѣ того преданіе суду самого владѣльца. Что касается опеки въ такихъ имѣніяхъ, то несомнѣнно опекунъ долженъ былъ руководиться тѣми же правилами, какъ и въ случаѣ опеки надъ имѣніями малолѣтнихъ, а относительно этого мы находимъ въ Учрежденіяхъ о губерніяхъ слѣдующія постановленія: «Въ тѣлесныхъ наказаніяхъ людей и крестьянъ опекунъ самъ собою поступать не властенъ; но за уголовныя преступленія и законамъ противныя вины да отошлетъ изъ людей или крестьянъ виновнаго, куда по законамъ надлежитъ; за малыя же домашнія погрѣшности опекунъ въ городѣ вручитъ людей городничему для наказанія и воздержанія, а въ деревняхъ отдастъ ихъ на судъ прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, которые при сходѣ крестьянъ или собраніи дворовыхъ людей учинятъ имъ наказаніе». (Тутъ любопытно признаніе самимъ правительствомъ значенія крестьянскихъ выборныхъ властей). Опекуномъ не должно было назначать такое лицо, «котораго суровые поступки извѣстны членамъ дворянской опеки». Что касается повинностей крестьянъ, то по правиламъ Учрежденій о губерніяхъ «опекунъ, сверхъ прежде положенныхъ доходовъ или оброковъ, самъ собою ничего не налагаетъ, и *крестьянъ и людей излишними поборами и работами отнюдь не отягощаетъ*». Нужно помнить, что это наставленіе было дано для опекуновъ надъ малолѣтними, въ случаѣ же отдачи въ опеку имѣнія владѣльца за излишніе поборы съ крестьянъ, земскій судъ долженъ былъ опредѣлить болѣе низкую норму для нихъ, руководствуясь мѣстными обычаями [3]).

[1]) П. С. З. XX, 14.392, гл. IV, п. 84.

[2]) Такъ было въ дѣлѣ Карташева.

[3]) П. С. З. XX, 14.392. п. 222 и 216; ср. только что приведенное письмо имп. Екатерины Сиверсу (1776 г.) Вѣроятно, не желая раздражать дворянъ частымъ назначеніемъ опеки, императрица въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъявляла готовность купить имѣніе у жестокаго помѣщика. Такое желаніе она выразила въ 1794 г. относительно имѣнія тверскаго помѣщика Хитрово. Рус. Арх. 1864, стр. 458.

Какими же правами пользовались крѣпостные, какъ члены государства? Упомянемъ прежде всего, что когда при Екатеринѣ II всѣ свѣтскія сословія государства приглашались прислать своихъ представителей для великаго дѣла составленія новыхъ законовъ, только крѣпостные лишены были этого права, между тѣмъ, какъ во Франціи въ 1789 г. сервы принимали участіе въ выборахъ и составленіи cahiers.—Крестьяне не могли жаловаться на своихъ помѣщиковъ, но это еще не значило, чтобы по закону они не имѣли права сами за себя искать и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ [1]). Однако же нѣкоторые помѣщики прямо запрещали своимъ крестьянамъ самимъ начинать иски. В. Орловъ постановилъ такое правило въ своемъ уложеніи: «Всѣмъ рядовымъ крестьянамъ запрещается входить самимъ въ тяжебныя дѣла. Если они живутъ дома, то относились бы по онымъ къ начальству своему, а начальство, разсмотря и посовѣтуясь съ смышленными людьми—или самъ проситель сіе сдѣлаетъ—представляло бы въ контору мою. Ежели же проситель находится въ отлучкѣ и неудобно ему просить начальство вотчинное, въ такомъ случаѣ позволяется ему просить о дѣлѣ своемъ въ моей конторѣ или въ Петербургѣ того, кому поручено отъ меня главное смотрѣніе надъ крестьянами».—Помѣщикъ отвѣчалъ за убытки, причиненные его крестьяниномъ [2]). Мы упоминали напр., что Суворову пришлось заплатить нѣсколько тысячъ за завладѣніе его крестьянами чужою землею [3]). Если крѣпостной убъетъ въ пьянствѣ или дракѣ крѣпостнаго другаго господина, то помѣщикъ обязанъ отдать самого убійцу съ женою и дѣтьми, или въ случаѣ нежеланія взять его, кого либо другаго. Въ случаѣ убійства въ дракѣ между помѣщичьими крестьянами съ одной стороны и казенными или дворцовыми съ другой полагалось взысканіе по сту рублей за каждаго убитаго [4]).—Крѣпостные могли быть свидѣтелями на судѣ [5]); они могли даже свидѣтельствовать по дѣлу своего господина, въ случаѣ недостатка другихъ,

[1]) *Бѣляевъ*. Крест. на Руси, изд. 2-е, стр. 144—145; *Побѣдоносцевъ*. Изслѣдованія, 109—116. Этому не противорѣчитъ дозволеніе, данное помѣщикамъ искать за своихъ людей ср. П. С. З. XXII, 16.535, п. 23.

[2]) „Обязаны владѣльцы платить выти за разбой, грабежи, кражи и наглости, и завладѣніе земель, учиненное ихъ крестьянами". „Размышленіе о неудоб. дать свободу крестьянамъ", Чт. Общ. Ист. 1861 г. III, 133.

[3]) За то и крѣпостнымъ приходилось иногда жестоко платиться за преступленія, совершенныя по прямому приказу господина, напр. за участіе въ вооруженномъ наѣздѣ, содѣйствіи помѣщику при жестокихъ истязаніяхъ другихъ его людей и т. п.

[4]) Уложеніе гл. XXI, ст. 69, 70, 73. П. С. З. XXV, 18.395, XVII, 12.380, 12.724.

[5]) Уложеніе гл. X, 159; *Бѣляевъ*. 143.

болѣе достойныхъ вѣроятія свидѣтелей [1]). Вознагражденіе за безчестье и увѣчье крѣпостнымъ крестьянамъ было назначено по Уложенію одинаковое съ казенными крестьянами [2]). Занимать деньги подъ вексель было запрещено всѣмъ крестьянамъ, а подъ заемное письмо крѣпостные могли брать только съ дозволенія помѣщика, также какъ и для остальныхъ крестьянъ нужно было дозволеніе ихъ начальства [3]). Въ 1774 г., въ отмѣну прежнихъ постановленій, запрещавшихъ крестьянамъ вступать въ подряды и откупа, дозволено было допускать къ винному откупу крѣпостныхъ людей и крестьянъ, но только такихъ, за которыхъ надежные помѣщики поручатся, что они будутъ исправны въ платежѣ денегъ [4]). Всякая отлучка крестьянина изъ вотчины требовала разрѣшенія помѣщика или заступающаго его мѣсто сельскаго начальства. Въ 1724 г. было запрещено крестьянину отлучаться безъ письменнаго вида отъ помѣщика и притомъ даннаго на срокъ, а для всякой отлучки далѣе 30 верстъ, въ другіе уѣзды, недостаточно было и дозволенія одного помѣщика, а требовалась сверхъ того подпись земскаго коммисара и полковника [5]). Съ 1744 г., велѣно было уходящимъ далѣе 30 верстъ брать печатные паспорты отъ губернаторовъ и воеводъ, конечно, съ согласія помѣщика; изъ этого правила исключались только судорабочіе, для которыхъ было достаточно пропуска отъ помѣщика, прикащика или старосты. Предписаніе брать печатные паспорты, какъ весьма стѣснительное, нарушалось, и потому объ исполненіи его приходилось подтверждать и при Екатеринѣ II [6]). Такимъ образомъ, отъ помѣщика вполнѣ зависѣло отпустить или не отпустить крестьянина въ отхожій промыселъ и господа пользовались этимъ правомъ. Орловъ въ своемъ уложеніи постановилъ: по паспортамъ увольнять только крестьянъ хорошаго поведенія, а порочныхъ, т. е. такихъ, которые «что ни пріобрѣтутъ—промотаютъ», не увольнять; въ неотдаленныя же мѣста позволяется давать письменные

[1]) Воинскій Уставъ 1716 г. 30 марта, процесс. ч. II, гл. Ш, п. 2, отд. 12. П. С. З., 3006.

[2]) Уложеніе гл. X, 94.

[3]) П. С. З. XV, 11.204; XVII, 12.498.

[4]) Регламентъ камеръ коллегіи 1731 г., ст. 22. П. С. З. VIII, 5.789, XIX, 14.123. Впрочемъ, еще въ 1758 г. крестьянамъ было дозволено брать на себя поставку провіанта, но только „обществомъ, цѣлыми волостями, селами и деревнями", и при томъ крѣпостные должны были представить письменное свидѣтельство помѣщика, что имъ вѣрить можно. П. С. З. XV, 10.788, Пров. Регл. гл. Ш, п. 3.

[5]) П. С. З. VII, 4.533, отд. I о полковн. п. 12—14, 16; срав. П. С. З. VII, 4.827, 4.942, IX, 6.941, XI, 8,097.

[6]) П. С. З. XI, 8.738, XII, 9.226, 9.261, 9.412, XIV, 10.279, XIX, 13.635.

виды за подписью бурмистра и съ приложеніемъ печати господина. Въ Херсонъ и тамошній край В. Орловъ не позволилъ давать паспортовъ безъ его согласія, такъ какъ въ той сторонѣ «много людей пропадаетъ разными случаями: иные тамъ вовсе остаются, иные отъ пьянства и другихъ пороковъ погибаютъ» [1]). Что крестьяне подвергались у нѣкоторыхъ помѣщиковъ большимъ стѣсненіямъ относительно отхожихъ промысловъ, видно, между прочимъ, и изъ слѣдующихъ словъ Болотова: «Отпусканіе въ работу не только затяглыхъ, но и тягловыхъ нужно въ осеннее и зимнее время, и потому не малымъ для нихъ отягощеніемъ бываетъ, если гдѣ ни одинъ человѣкъ и никогда въ работу не отпускается» [2]). — Въ первой половинѣ XVIII вѣка крѣпостные крестьяне, занимавшіеся торговлею на извѣстную сумму, могли записываться въ города, платя подати въ казну наравнѣ съ посадскими и въ то же время продолжая платить оброкъ помѣщику, при чемъ помѣщикъ не долженъ былъ облагать ихъ оброкомъ выше того, что платили его деревенскіе крестьяне, [3]) но указомъ 1762 г., изданномъ при Петрѣ III, для этого требовалось уже увольнительное письмо отъ помѣщика; при Екатеринѣ, въ 1777 г., это было подтверждено [4]). Такимъ образомъ, вступленіе крѣпостныхъ въ купечество зависѣло уже не отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія, какъ было прежде, а отъ согласія помѣщика. Противъ этого закона возставалъ Сиверсъ, желая, чтобы крестьяне могли записываться въ это сословіе и безъ согласія владѣльцевъ [5]). Вступленіе въ духовное званіе было также невозможно для крѣпостныхъ крестьянъ, какъ и вообще для всѣхъ положенныхъ въ подушный окладъ; бѣлое духовенство сдѣлалось уже сосло-

[1]) Въ извѣстномъ уже намъ описаніи нерехотскаго у. сказано: „всякій земледѣлецъ обязанъ, подъ наказаніемъ тѣлеснымъ, отъ дому своего не отлучаться безъ дозволенія выборнаго или старосты, и доколѣ оный его не уволитъ, то онъ не долженъ безъ вѣдома ни на одну версту отъ дому отлучаться, кромѣ какъ только для полевой работы или для возки дровъ и прочихъ работъ“. Арх. Вольн. Эк. Общ. № 188. Румянцевъ предписалъ людей дурнаго поведенія отпускать въ сосѣднія мѣста и торги, поручая ихъ другимъ, хорошимъ крестьянамъ; однимъ же дозволять отлучаться лишь въ крайнемъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе въ оброчныхъ вотчинахъ онъ приказалъ отпускать всѣхъ безпрепятственно съ покормежными паспортами.

[2]) Тр. Вольн. Эк. Об. XVI, 186—187.

[3]) *Побѣдоносцевъ* 151—154. Такъ какъ указомъ 1722 г. было опредѣлено, что на такую льготу имѣютъ право крестьяне, производящіе торговлю на 500 р., то нѣкоторые иностранцы, писавшіе о Россіи, думали, что Петръ I далъ крестьянамъ право „выкупаться на свободу за 500 р.“. *Macartney*. An account of Russia, L. 1768, 26—27; *Passenans*, I, 78.

[4]) П. С. З. XV, 11.426, XX, 14.632.

[5]) *Blum*, II, 333—334.

віемъ совершенно замкнутымъ, и въ 1784 г. было наконецъ издано общее и рѣшительное распоряженіе замѣщать церковныя мѣста дѣтьми однихъ только дѣйствительныхъ священнослужителей и церковниковъ. Для поступленія въ монахи крѣпостной долженъ былъ имѣть увольненіе отъ своего помѣщика, обязаннаго вносить за него подати до новой ревизіи [1]). При Петрѣ В. дворовые могли, не спрашивая разрѣшенія своихъ господъ, поступать въ военную службу; но по смерти Петра, въ 1727 г., это было запрещено. Когда въ 1742 г. многіе крѣпостные люди, бѣжавъ отъ помѣщиковъ, подавали императрицѣ просьбы о принятіи на службу, ихъ частію наказывали кнутомъ, частію ссылали на каторгу въ Сибирь; вмѣстѣ съ тѣмъ было вновь объявлено, чтобы крѣпостные не осмѣливались покидать своихъ господъ въ надеждѣ быть записанными, какъ тогда говорили, «въ вольницу» [2]). Среднее и высшее образованіе было также закрыто для крѣпостныхъ, какъ и для всѣхъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Возставая противъ запрещенія учиться при академіи записаннымъ въ подушный окладъ, Ломоносовъ въ 1755 г. писалъ: «Во всѣхъ европейскихъ государствахъ позволено въ академіяхъ обучаться на своемъ囲 коштѣ, а иногда и на жалованьѣ всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ... запертъ... положенныхъ въ подушный въ университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать. *Довольно бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ*» [3]). Ломоносовъ горячо отстаивалъ необходимость предоставить крестьянамъ право на высшее образованіе, потому что зналъ по собственному опыту, какъ трудно его добиться человѣку, вышедшему изъ среды народа. Жаль только, что онъ легко примирялся съ запрещеніемъ крѣпостнымъ поступать въ высшія заведенія. Въ московскій университетъ и гимназію крѣпостные также допускались не иначе, какъ съ увольнительнымъ свидѣтельствомъ отъ ихъ помѣщиковъ [4]).

[1]) *Знаменскій.* „Приходское духовенство", 105—108; *Бѣликовъ* „Отношеніе государственной власти къ церкви и духовенству въ царствованіе Екатерины II". Чтен. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1875, II, 755 и сл., III, 258 и сл.

[2]) П. С. З. VII, 5161, XI, 8577, XVII, 12748, гл. I, п. 23. *Побѣдоносцевъ,* 135—137.

[3]) *Пекарскій.* Исторія академіи наукъ, II, 573, ср. 674.

[4]) *Шевыревъ.* Истор. москов. универс. стр. 11. Въ проектѣ батуринскаго универ-

И такъ оказывается, что внѣ вотчины своего господина крѣпостные были почти столь же безправными, какъ и въ ихъ предѣлахъ: юридически они не лишены были права искать за себя въ гражданскихъ дѣлахъ, но фактически едва ли имъ пользовались; не потеряли также права быть свидѣтелями на судѣ; выдавать же заемныя письма, вступать въ купечество и въ монахи, идти на заработки могли только съ дозволенія помѣщика, а брать на себя откупъ—лишь за его поручительствомъ. Поступать самовольно въ военную службу они также не могли.

Является вопросъ: были ли какія нибудь средства избавиться отъ крѣпостной зависимости для человѣка, имѣвшаго несчастіе быть крѣпостнымъ? Всего чаще крѣпостные смѣняли зависимость отъ помѣщика на солдатскую лямку. При этомъ, дѣйствительно, не только отданный въ солдаты переставалъ быть крѣпостнымъ, но и его жена дѣлалась свободною [1]); но крѣпостной не могъ сдѣлаться солдатомъ по своему желанію, это вполнѣ зависѣло отъ господина. Слѣдуетъ еще замѣтить, что такъ какъ отставные солдаты обязаны были избрать опредѣленный родъ занятій, то иногда (до запрещенія закрѣпощать вольныхъ людей) они вновь попадали въ крѣпостную зависимость. Въ «Учрежденіи о монастырскихъ имѣніяхъ» (1764 г.) было сказано, что отставные солдаты, пожелавшіе возвратиться къ своему помѣщику и принятые имъ, должны оказывать ему полное повиновеніе, и при ревизіяхъ они записывались въ подушный окладъ за господиномъ. Что касается солдатскихъ дѣтей, то въ томъ же году въ полковничьей инструкціи было постановлено общимъ правиломъ, что прижитыя до службы принадлежатъ помѣщикамъ, а рожденныя, когда отецъ былъ солдатомъ, причисляются къ военному вѣдомству и должны быть опредѣляемы на службу. Рекрутская повинность значительно содѣйствовала постепенному уменьшенію числа крѣпостныхъ съ тѣхъ поръ, когда отставные солдаты не могли уже болѣе закрѣпощать себя [2]).

Точно также, какъ при сдачѣ въ рекруты, крѣпостной освобождался отъ власти господина и при ссылкѣ на поселеніе въ зачетъ рекрутъ; мы

ситета, составленнаго Тепловымъ въ 1760 г., предполагалось принимать также только вольноотпущенныхъ. *Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ, I, 261.

[1]) Дворяне были этимъ недовольны; въ нѣкоторыхъ ихъ наказахъ есть просьба „о бытіи отданныхъ въ рекруты женамъ у помѣщиковъ въ послушаніи". *Соловьевъ.* XXVII, 331.

[2]) П. С. З. XII, 9019, XVI 12.060 Вв. § 7; 12.289 гл. II, § 6 срав. *Побѣдоносцевъ* 202—203, *Болтинъ* II, 165. *Тройницкій.* Крѣпостн. населеніе по 10-й переписи, 54—56.

видѣли, что при этомъ по закону помѣщикъ долженъ былъ отправлять съ нимъ и жену, хотя это не всегда исполнялось; дѣтей же могъ оставить въ своемъ имѣніи. Но, разумѣется, дѣти, рожденныя уже въ Сибири, были свободны. Мы видимъ, что какъ ни тяжело было переселеніе за нѣсколько тысячъ верстъ, нѣкоторые освободившіеся такимъ образомъ крѣпостные предпочли бы свое новое положеніе прежней жизни, если бы только ихъ не разлучали съ семьями.

Иногда крѣпостные получали свободу въ наказаніе владѣльцу за его провинность или даже преступленіе; такъ, за прописку душъ при ревизіи, т. е. укрываніе людей отъ записки въ подушный окладъ, при Петрѣ В. велѣно было отбирать деревни, а если того и не было сдѣлано, то, по крайней мѣрѣ, донесшій о пропискѣ получалъ свободу [1]). Намъ извѣстенъ также одинъ случай, что крѣпостной при Екатеринѣ II получилъ свободу вслѣдствіе того, что господинъ принудилъ его принять на себя небывалое преступленіе [2]).

Извѣстно, что при Екатеринѣ весьма многія села были обращены въ города; если эти села прежде принадлежали помѣщику, то они покупались правительствомъ и, такимъ образомъ, крѣпостные обращались въ свободныхъ мѣщанъ (часто ли они выигрывали при этомъ — это другой вопросъ [3]).

Давалась свобода бѣглымъ, найденнымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и бѣглымъ, возвратившимся въ указанные сроки изъ за границы (см. ниже, въ главѣ XII).

Наконецъ, имѣли право на освобожденіе крестьяне, возвратившіеся изъ плѣна, тѣ, которыхъ господа сослали въ голодное время со двора и крѣпостные нехристіане, принадлежавшіе нехристіанамъ же, въ томъ случаѣ, если они принимали православіе [4]).

Почти всѣ указанныя средства освобожденія совершенно не зависѣли отъ владѣльца, но они могли и по собственному усмотрѣнію отпускать

[1]) П. С. З. VII, 4343. Въ 1726 г. было велѣно давать свободу донесшимъ на прописку и утайку душъ, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіи года отпущенный пріискалъ другаго помѣщика, а иначе писать въ солдаты, а негодныхъ въ службу отдавать прежнимъ помѣщикамъ. П. С. З. VII, 4963; указомъ 1763 г. было велѣно: „прописныхъ, кои помѣщикомъ утаены, и явятся сами гдѣ въ судебныхъ мѣстахъ и докажутъ, такимъ дать свободу, взыскивая за оныхъ подушныя деньги съ помѣщиковъ ихъ“. П. С. З. XVI, 11.755, п. 3.

[2]) *Blum* II, 359—360.

[3]) См. напр. такой случай (1782 г.) въ сборникѣ „Орловская Старина“ *Пупарева* I, 127.

[4]) Уложеніе; гл. XX, ст. 34, 41, 71, П. С. З. VII, 4.556, XXVII, 20.548.

крѣпостныхъ на волю, какъ при жизни своей, такъ и послѣ смерти. Отпущеніе на волю при жизни совершалось посредствомъ отпускнаго письма, обыкновенно называвшагося просто «отпускною». По смерти господина отпускались крѣпостные на волю двоякимъ способомъ: или господинъ давалъ отпускное письмо, въ которомъ говорилось, что отпускаемый долженъ находиться въ прежнемъ повиновеніи ему и получитъ свободу только съ его смертію, или посредствомъ духовнаго завѣщанія, исполненіе котораго предоставлялось наслѣдникамъ или душеприкащику [1]). Отпускная, подписанная помѣщикомъ, являлась «у крѣпостныхъ дѣлъ»; ее записывали въ книгу, а подлинникъ, съ надписью, возвращали тому, кому онъ былъ выданъ. Нѣкоторые дворяне, близкіе ко двору, представляли свое завѣщаніе на утвержденіе императрицы [2]). Всего чаще свободу получали дворовые за долгую, вѣрную службу [3]). Повидимому наиболѣе обыкновеннымъ—было освобожденіе по духовному завѣщанію, иногда же отпускныя писались и ранѣе, но выдавались только по смерти господина или госпожи.

Изъ дѣлъ Голицынскаго архива видно, что кн. Екатер. Дмитр. Голицына и кн. Дм. Мих. Голицынъ (посланникъ въ Вѣнѣ) отпустили на волю по духовному завѣщанію всѣхъ своихъ дворовыхъ. Въ духовномъ завѣщаніи первой, составленномъ въ 1764 г., было сказано: «дворовыхъ людей, какъ тѣхъ, которые въ С.-Петербургѣ, такъ въ Москвѣ и по всѣмъ моимъ деревнямъ, отпустить на волю съ ихъ женами и дѣтьми и выдавать всякому въ награжденіе жалованья, считая за цѣлый годъ впередъ»; денежное награжденіе назначено было и кн. Д. М. Голицынымъ. Семенъ Нарышкинъ, по духовной, составленной въ 1775 г., далъ свободу тѣмъ дворовымъ, которые всегда ему прислуживали. Ник. Артем. Загряжскій, въ 1778 г., по духовной освободилъ 31 чел. изъ дворовыхъ обоего пола, не считая дѣтей нѣкоторыхъ изъ нихъ; пяти человѣкамъ сверхъ увольненія онъ предписалъ производить въ видѣ пенсіи денежное и хлѣбное жалованье, какое они получали при жизни (отъ 15 до 50 р. въ годъ). Княжна Нат. Мих. Голицына передала въ 1778 г. кн. А. М. Голицыну отпускныя письма, составленныя въ разные годы, для 28 мужчинъ и 18 женщинъ или дѣвушекъ изъ своихъ крѣпостныхъ съ просьбою раздать ихъ послѣ ея смерти.

Крѣпостные, скопившіе деньженки какими-нибудь промыслами или торговлею, могли предложить помѣщику выкупъ за себя и свое семейство, но отъ господина вполнѣ зависѣло какъ согласіе вообще на эту сдѣлку,

[1]) Срав. Уложеніе гл. XX, ст. 14, 53, 106, П. С. З. IV, 1.747, 1.997.

[2]) *Болтинъ*. Примѣч. на Леклерка II, 345. Рус. Стар. 1873 г., т. VIII, стр. 808. Голицынскій Архивъ. Срав. П. С. З. IV, 1.747, 1.997.

[3]) Образецъ отпускной, выданной при жизни господина, см. въ Дополненіи XII. См. также отпускную, данную княгинею Дашковою въ Рус. Стар. 1873 г., т. VIII, 808. Кн. А. Д. Голицынъ собирался дать своему крѣпостному управителю отпускную, которая была дѣйствительна лишь по смерти господина, дѣтей же этого управителя освободилъ еще при жизни своей. При жизни его велѣно было также освободить въ одномъ изъ его имѣній двухъ вдовъ, если имъ не найдется жениховъ. (Голиц. Арх.).

такъ и назначеніе цѣны даруемой свободы, а нѣкоторые помѣщики, напр. Шереметевъ, обыкновенно не дозволяли выкупа [1]), какъ видно, поставляя свою гордость въ томъ, чтобы считать въ числѣ своихъ крѣпостныхъ богатыхъ людей, иногда даже имѣющихъ нѣсколько сотъ холоповъ. Необходимо было опредѣлить закономъ размѣръ суммы, за которую крѣпостной могъ бы выкупаться и противъ желанія помѣщика,—этого и требовали люди, подобные Сиверсу,—но имп. Екатерина не рѣшилась даже на такое ничтожное ограниченіе помѣщичьей власти. Случалось во второй половинѣ XVIII в., что помѣщики предлагали всей своей вотчинѣ выкупиться на свободу; такъ, кн. П. Репнинъ назначилъ за выкупъ своего ярославскаго имѣнія, въ которомъ было 2.500 душъ, со всѣми землями и угодьями 60.000 р., т. е. по 24 р. за душу—цѣна по тому времени весьма умѣренная; но крестьяне не могли собрать такихъ денегъ [2]). При выкупѣ по одиночкѣ цѣна была гораздо выше, особенно если крѣпостной зналъ какое-нибудь ремесло или былъ надѣленъ какими либо талантами. Однажды, когда при Екатеринѣ II правительство выкупило на свободу какого то художника, пришлось заплатить за него 1.000 р.

Въ какомъ же положеніи находились выкупившіеся на свободу или отпущенные самимъ помѣщикомъ, разумѣя при этомъ освободившихся по одиночкѣ, а не цѣлыми вотчинами? Вольноотпущенные въ теченіи года должны были избрать себѣ опредѣленный родъ занятій: записаться въ купцы, въ цехи, идти въ солдаты или, наконецъ, вновь сдѣлаться крѣпостнымъ другаго помѣщика,—государство XVIII в. не терпѣло вольныхъ гулящихъ людей [3]). Но при Екатеринѣ II вольноотпущеннымъ было запрещено вновь дѣлаться крѣпостными.

[1]) Даже родные гр. Прасковьи Ивановны, происходившей, какъ извѣстно, изъ крѣпостныхъ гр. Шереметева, получили увольненіе не скоро послѣ того, какъ она была приближена къ гр. Ник. Петровичу; ей самой было уже 30 лѣтъ, когда она была сдѣлана вольною. Ст. *Безсонова* въ Сборн. пѣсенъ *Кирѣевскаго* IX, 2, 77, 78.

[2]) „Воспоминанія крѣпостнаго", Рус. Вѣстн. 1877, № 7, стр. 322, 323. Помѣщикъ Хитрово, распродававшій своихъ крестьянъ порознь, отпускалъ на волю въ концѣ царствованія Екатерины за плату въ 300 р. Рус. Арх. 1864 г., стр. 458.

[3]) П. С. З. VII, 4.963, XI, 8.836, п. 16, XII, 9.023 п. 11; 9.154. Что многіе вольные люди вновь закрѣпощали себя, видно изъ слѣдующаго факта: въ 1773 г. состояло „*принятыхъ съ воли* дворовыхъ людей, приписныхъ въ платежъ подушныхъ денегъ къ московскому загородному дому" Авд. М. Нарышкиной — 55 чел. (Голиц. архивъ). Пассенанъ также свидѣтельствуетъ, что прежде вольноотпущенники за ничтожную сумму продавали себя съ женами и дѣтьми. *Passenans*. I, 53. Еще въ первые годы царствованія Екатерины II вольноотпущенному, желавшему избрать какую либо неуказанную профессію, приходилось обращаться съ прошеніемъ въ сенатъ. Такъ, въ маѣ 1763 года, бывшій служитель гр. Головкиныхъ, получивъ отъ нихъ отпускную, обратился съ

Въ манифестѣ, изданномъ въ 1775 году, по окончаніи турецкой войны, мы въ первый разъ встрѣчаемъ прямое дозволеніе вольноотпущеннымъ «не записываться ни за кого», а при ревизіи они должны объявить: желаютъ ли поступить на службу или записаться въ мѣщане или купцы [1]). Въ сенатскомъ указѣ, изданномъ недѣли черезъ три послѣ появленія этого манифеста, для разъясненія нѣкоторыхъ его постановленій, правительство уже не только дозволяетъ вольноотпущеннымъ не записываться ни за кѣмъ въ подушный окладъ, но прямо *запрещаетъ* дѣлать это, хотя бы и по собственному ихъ желанію [2]). Это запрещеніе можетъ отчасти объясняться тѣмъ, что крѣпостные крестьяне платили гораздо менѣе податей, чѣмъ государственные, и, слѣдовательно, увеличеніе ихъ числа на счетъ числа свободныхъ людей было невыгодно для государства [3]). Но если принять во вниманіе, что дозволеніе не записываться ни за кѣмъ было дано въ манифестѣ, который представлялъ рядъ финансовыхъ льготъ, облегчалъ наказаніе преступникамъ и т. п., то мы убѣдимся, что правительство, при изданіи этого постановленія, не столько думало объ увеличеніи доходовъ казны, сколько о томъ, чтобы, съ одной стороны, хоть нѣсколько ограничить распространеніе крѣпостнаго права, а главное дать новый контингентъ для нашего третьяго сословія, «средняго чина людей», о созданіи котораго такъ хлопотала въ то время Екатерина. Нужно замѣтить, что во Франціи, до самой революціи, т. е. до уничтоженія крѣпостнаго права, не было запрещено свободнымъ людямъ закрѣпощать себя со всѣмъ своимъ потомствомъ [4]).

Подати до новой ревизіи за вольноотпущенныхъ долженъ былъ платить помѣщикъ [5]), и это было несомнѣнно однимъ изъ препятствій къ освобожденію. Правда, случалось, что императрица приказывала немедленно

челобитною въ сенатъ, въ которой заявлялъ, что онъ на свой счетъ выучился читать и писать, знаетъ ариѳметику, часть геометріи, архитектуру, и можетъ отъ руки рисовать, въ доказательство чего приложилъ чертежи и просилъ „для произведенія въ совершенство архитектурной науки", принять его на службу и отослать къ архитектору Никитину. Сенатъ приказалъ сначала испытать, каковы познанія просителя. Арх. М. Ю. Жур. и прот. сен. № 1.014—3.497, л. 313.

[1]) П. С. З. XX, 14.275, п. 46.

[2]) П. С. З. XX, 14.294, п. 11. Во время четвертой ревизіи о вольноотпущенныхъ, записанныхъ за помѣщиками, велѣно было разъискивать, когда они были записаны: до или послѣ манифеста 1775 г. П. С. З. XXI, 15.296.

[3]) Такъ объясняетъ цѣли этого распоряженія авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать свободу крестьянамъ", стр. 123, а также *Бѣляевъ*, 298.

[4]) *Chassin*, 83, 87.

[5]) П. С. З. XX, 14.294, п. 11.

исключить вольноотпущенныхъ изъ подушнаго оклада, но, повидимому, это дѣлалось только для лицъ, имѣвшихъ связи при дворѣ, и, слѣдовательно, располагавшихъ возможностію исходатайствовать относительно этого именной указъ императрицы [1]). Въ видѣ же общей мѣры для поощренія освобожденія, правительство при Екатеринѣ ограничилось такою бездѣлицею, какъ уничтоженіе (въ 1777 г.) сбора пошлинъ съ явки отпускныхъ на людей, увольняемыхъ на свободу [2]).

На основаніи манифеста 1775 г. вольноотпущенные должны были при новой ревизіи заявлять, что они желаютъ поступить на службу или записаться въ мѣщане, купцы. Оказалось, однако, что многіе изъ нихъ не желаютъ увеличивать численность нашего tiers état, не хотятъ быть ни купцами, ни мѣщанами, не вступаютъ также и на службу, а желаютъ приписаться въ государственные крестьяне. Когда петербургская казенная палата въ 1785 г. подняла вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ это дозволять, сенатъ разрѣшилъ его утвердительно, предписавъ только палатѣ наблюдать, «чтобы не было въ тѣхъ селеніяхъ, куда они о причисленіи себя просятъ, по числу душъ въ земляхъ и угодьяхъ никакого недостатка, дабы не сдѣлать чрезъ то прежнимъ жителямъ утѣсненія» [3]). Чтобы быть записанными въ казенное селеніе, вольноотпущенные, кромѣ своихъ отпускныхъ, должны были представлять мірской приговоръ отъ крестьянъ того селенія, что они «въ общество ихъ принять, казенныя подати платить и землянымъ участкомъ удовольствовать согласны». Петербургское губернское правленіе въ 1788 г. опять усомнилось, полезно ли дозволять приписку вольноотпущенныхъ къ казеннымъ волостямъ, на томъ основаніи, что крестьяне только для того заманиваютъ вольноотпущенныхъ приписаться къ нимъ, чтобы потомъ сдать ихъ въ рекруты, и иногда даже во время набора покупаютъ людей у помѣщиковъ, а съ другой стороны, случается, что и вольноотпущенные, промотавъ полученныя ими въ награжденіе деньги, скрываются и обманываютъ крестьянъ. Но сенатъ вновь подтвердилъ прежнее разрѣшеніе [4]). Тѣмъ страннѣе, что на вопросъ твер-

[1]) По крайней мѣрѣ изъ двухъ извѣстныхъ намъ случаевъ освобожденія вольноотпущенныхъ отъ оклада одинъ (1774 г.) относился къ бывшему дворовому вдовы дѣйств. тайн. сов. гр. П. Чернышева (его велѣно было исключить изъ оклада съ рожденными и впредь рождаемыми дѣтьми", Сенат. Арх., имен. ук. кн. 136, л. 155), а другой относительно двороваго дочери кравчаго Кир. Нарышкина, отпускную котораго мы привели въ Дополненіи XIII.

[2]) П. С. З. XX, 14.625, п. 8; срав. IV, 1.833, 1.997, 2.080.

[3]) П. С. З. XXII, 16.235.

[4]) П. С. З. XXII, 16.723.

ской казенной палаты, могутъ ли вольноотпущенные вступать въ число казенныхъ поселянъ, сенатъ, основываясь на буквальномъ пониманіи манифеста 1775 г., отвѣчалъ въ 1791 г. отрицательно и такимъ образомъ впалъ въ противорѣчіе со своимъ собственнымъ прежнимъ постановленіемъ [1]). Дѣло было поправлено черезъ полгода послѣ того именнымъ указомъ, разрѣшившимъ вольноотпущеннымъ повсемѣстно приписываться къ казеннымъ селеніямъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія могли сдавать ихъ и въ рекруты [2]).

Вступленіе въ мѣщанское общество совершалось иногда не безъ препятствій; оно не всегда охотно принимало въ свою среду вольноотпущенныхъ, особенно если они были уже людьми не молодыми. Когда, въ 1792 году, отпущенные на волю помѣщикомъ Куломзинымъ дворовые: одинъ 37-ми, другой 52-хъ, а третій 65-ти лѣтъ, изъявили желаніе вступить въ костромское мѣщанское общество, то городская дума не хотѣла принять ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не могутъ представить поручителей въ исправномъ исполненіи общественныхъ повинностей и уплатѣ податей. Городской магистратъ согласился съ рѣшеніемъ думы. Но намѣстническое правленіе нашло, что дума поступила противозаконно, такъ какъ городовое положеніе вовсе не требуетъ поручительства въ исправномъ отбываніи личныхъ и денежныхъ повинностей, а только требуетъ, чтобы вступающій въ общество обязался въ томъ подпискою; къ тому же только одинъ изъ просившихъ о принятіи въ мѣщанское общество былъ слишкомъ старъ. Дѣло доходило до сената, и онъ приказалъ двухъ вольноотпущенныхъ принять въ общество, а 65-ти лѣтняго старика возвратить помѣщику и по новой ревизіи опять записать за нимъ [3]). О томъ, что помѣщики отпускали на волю своихъ престарѣлыхъ крѣпостныхъ, чтобы не платить за нихъ податей, и о запрещеніи этого сенатомъ мы уже упоминали; однако запрещеніе, какъ видно изъ только что приведеннаго факта, оказывалось недѣйствительнымъ.

Такъ какъ многіе крѣпостные не спѣшили записываться въ то или другое сословіе, то, по представленію московскаго генералъ-губернатора Еропкина, императрица въ 1788 г. приказала изъ отпущенныхъ на волю еще до четвертой ревизіи и все еще никуда не приписавшихся, выбрать способныхъ къ военной службѣ отъ 15 до 60 л. и отдать въ солдаты [4]).

[1]) П. С. З. XXIII, 16.970.
[2]) П. С. З. XXIII, 17.021, 17.449.
[3]) Арх. М. Ю. № 1.173—4.794, л. 749—758.
[4]) П. С. З. XXII, 16.662.

Впрочемъ строгость этой мѣры объясняется тѣмъ, что тогда начались войны съ турками и шведами, и люди, годные въ военную службу, были очень нужны.

Упомянемъ еще объ одномъ правительственномъ постановленіи относительно вольноотпущенныхъ. Прежде случалось, что послѣ того, какъ вольноотпущенные били челомъ объ отдачѣ ихъ въ услуженіе другимъ помѣщикамъ, выразившимъ на то свое согласіе, эти помѣщики, даже не получивъ «данныхъ» на поступающихъ подъ ихъ власть людей, женили ихъ на своихъ крѣпостныхъ: такъ было и передъ манифестомъ 1775 г. Но когда онъ былъ изданъ, многіе изъ такихъ вольноотпущенныхъ заявили, что за помѣщиками болѣе быть не хотятъ. Явился вопросъ, какъ быть ихъ женамъ: вольными или крѣпостными. Правительство рѣшило, въ 1780 г., что если помѣщики добровольно и безплатно не отпустятъ такихъ женщинъ, то мужья должны внести за нихъ выводныя деньги по 10 р. [1]).

ГЛАВА XII.

Побѣги крѣпостныхъ. — Законы о бѣглыхъ. — Побѣги въ Польшу и Лифляндію. — Вызовъ бѣглыхъ изъ-за границы. — Побѣги въ южную и восточную окраины Россіи. — Убійства помѣщиковъ.

Подробное описаніе жизни крѣпостныхъ показало намъ, что оброчные крестьяне не только находились въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ барщинные, но что и вообще они могли жить довольно сносно, за исключеніемъ вотчинъ тѣхъ помѣщиковъ, которые облагали своихъ подданныхъ изъ ряду вонъ выходящими оброками. Къ счастію, какъ мы уже знаемъ, на оброкѣ состояла почти половина имѣній. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились крестьяне въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ; въ нихъ нерѣдко жилъ самъ помѣщикъ, а не то его замѣнялъ почти полновластный управляющій или прикащикъ, — и потому здѣсь значеніе крестьянскаго самоуправленія сильно умалялось, крестьяне, а тѣмъ болѣе дворовые могли подвергаться наказаніямъ подъ вліяніемъ всякой гнѣвной вспышки помѣщика, ихъ дочери иногда дѣлались жертвою барскаго разврата и т. д. Разумѣется, и здѣсь могли иной разъ устанавливаться хорошія, патріархальныя отношенія между господиномъ и крестьянами, но все-таки несомнѣнно, что въ большинствѣ случаевъ

[1]) П. С. З. XX, 15.070.

барщинный крестьянинъ гораздо сильнѣе чувствовалъ иго крѣпостнаго права, чѣмъ оброчный. Несомнѣнно, что въ барщинныхъ вотчинахъ чаще, чѣмъ въ оброчныхъ, долженъ былъ обнаруживаться и протестъ крѣпостныхъ въ активной или пассивной формѣ противъ тяготѣвшаго надъ ними гнета. Крестьянамъ не легко было начать волненіе: помѣщикъ или прикащикъ зорко слѣдили за ними и, при малѣйшей попыткѣ ослушанія, расправлялись съ виновными самымъ суровымъ образомъ. Вслѣдствіе этого крѣпостные не часто рѣшались на открытое сопротивленіе, а въ большинствѣ случаевъ пассивно выражали свой протестъ, спасаясь бѣгствомъ отъ помѣщичьяго произвола, а тамъ, гдѣ они подвергались особенно суровымъ истязаніямъ, иной разъ кончали жизнь и самоубійствомъ (конечно, дворовые гораздо чаще, чѣмъ крестьяне). Но бывалъ и иной исходъ общаго неудовольствія: постоянныя притѣсненія помѣщика до такой степени раздражали крѣпостныхъ, что, наконецъ, одинъ или нѣсколько смѣльчаковъ рѣшались на свой страхъ избавить товарищей отъ притѣснителя и убивали его, а если жизнь всѣхъ крестьянъ того или другаго владѣльца была слишкомъ тяжела, то волненіе охватывало цѣлую вотчину. Теперь мы и переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ пассивныхъ и активныхъ протестовъ крѣпостныхъ, къ которымъ имъ приходилось прибѣгать поневолѣ вслѣдствіе того, что правительство слишкомъ рѣдко защищало ихъ отъ произвола господина.

Побѣги были стариннымъ средствомъ русскаго народа спасаться отъ «неудобоносимыхъ» общественныхъ тяготъ. Еще до крѣпостнаго права тяжесть податей и повинностей заставляла многихъ крестьянъ покидать свое насиженное гнѣздо и «брести розно», отыскивая болѣе привольную жизнь въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя еще не наложило свою желѣзную руку московское правительство. Возникновеніе и постепенное усиленіе крѣпостнаго права не могли сдѣлать привлекательнѣе для крестьянина жизнь въ той части Россіи, гдѣ все болѣе увеличивалась власть господина надъ прикрѣпленнымъ къ землѣ населеніемъ; тѣ, кто не мирился съ новымъ порядкомъ вещей, покидали родныя мѣста и населяли все болѣе отдаленныя окраины Россіи.

Что давленіе помѣщичьей власти было хотя и не единственною, но одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣговъ, это признавали въ XVIII в. люди съ весьма различными убѣжденіями. Такъ Сиверсъ, всегда энергично стоявшій за облегченіе положенія крѣпостныхъ, указываетъ на «тиранство господъ», какъ на причину увеличенія бродяжничества, а съ другой стороны П. И. Панинъ, вовсе не отличавшійся особенною гуманностію,

считалъ главною причиною побѣговъ крестьянъ за границу злоупотребленія помѣщиковъ: требованіе большихъ оброковъ и тяжелыхъ барщинныхъ работъ, а также продажу людей въ розницу для отдачи въ рекруты за другихъ. Другими причинами побѣговъ, по мнѣнію Панина, было преслѣдованіе раскола, рекрутскіе поборы и дурное содержаніе рекрутъ, взятки, возвышеніе цѣнъ на соль и вино и пр. [1]). По словамъ помѣщиковъ, жившихъ близь западной границы Россіи, крѣпостные бѣжали въ Польшу, находя, что тамъ жизнь для нихъ гораздо привольнѣе: нѣтъ рекрутчины, существуетъ вольная продажа вина и т. п. [2]). Неурожаи также бывали причиною побѣговъ [3]), тѣмъ болѣе, что помѣщики не исполняли, какъ слѣдуетъ, своей обязанности—заботиться объ обезпеченіи продовольствія крестьянъ.

Что въ Россіи въ XVIII в. было много бѣглыхъ крестьянъ, видно уже изъ громаднаго количества правительственныхъ распоряженій по этому предмету. Мы остановимся прежде всего на обширномъ указѣ, изданномъ при имп. Елизаветѣ, 13 мая 1754 г., такъ какъ онъ служилъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ о бѣглыхъ и при Екатеринѣ II. Велѣно было отдавать по требованію просителей только тѣхъ бѣглыхъ, которые написаны за ними въ первую и вторую ревизію, а по бывшимъ до 1719 г. писцовымъ и переписнымъ книгамъ отдачи не чинить; которые изъ бѣжавшихъ послѣ ревизіи 1719 г. написаны въ первую ревизію за однимъ, а потомъ отъ нихъ бѣжали и написаны во вторую ревизію за другимъ, тѣхъ отдавать первому. Непомнящіе родства и незаконнорожденные должны быть за тѣми, за кѣмъ написаны изъ платежа подушнаго оклада. За держаніе всякаго рода бѣглыхъ велѣно было взыскивать «пожилаго» за каждую мужскую душу 100 р., за жен-

1) *Соловьевъ* XXVII, 19, XXV, 282—284. Укажемъ на одинъ примѣръ того, какъ суровыя истязанія принуждали крестьянъ бѣжать изъ вотчины. Въ имѣніи жестоко наказывавшаго своихъ крѣпостныхъ помѣщика Карташева, гдѣ было полтораста жителей, оказалось впослѣдствіи „малое число“, не смотря на то, что онъ каждый годъ переводилъ туда крестьянъ изъ другихъ вотчинъ.

2) Это не доказываетъ еще, чтобы въ Литвѣ и Бѣлоруссіи положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, или по крайней мѣрѣ ихъ повинности въ пользу помѣщика были легче, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ въ свою очередь и изъ Польши къ намъ бѣжало не мало крѣпостныхъ крестьянъ (см. Рус. Арх. 1878 г. № 12, стр. 443). Перейдя границу Польши, наши крестьяне вѣроятно старались пробраться въ болѣе привольныя мѣста правобережной Украйны, гдѣ крѣпостнымъ жилось гораздо легче. Быть можетъ этимъ и объясняется сильное передвиженіе крестьянъ въ XVIII в. въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, на которое указываетъ Любомірскій въ своемъ сочиненіи: „Rolnicza ludność w Polsce“, 62—63.

3) Сборн. Истор. Общ. XIV, 372.

скую 50 р. въ годъ, если незаконные владѣльцы не отвезутъ бѣглыхъ къ законнымъ въ теченіе двухъ лѣтъ. За бѣглыхъ людей и крестьянъ, которые будутъ приняты послѣ этого указа, велѣно было брать ежегодно за каждаго крестьянина по 5 р., за женщину половину, а за дворовыхъ мужчинъ и женщинъ противъ того вдвое, — но только въ томъ случаѣ, если помѣщикъ не зналъ о принятіи въ его село бѣглыхъ; если же они будутъ приняты съ его вѣдома, то съ него взыскивается штрафъ по 200 р. ежегодно за мужчину и по сту за женщину. Тоже постановлено было относительно бѣглыхъ, которые будутъ найдены въ дворцовыхъ волостяхъ, иновѣрческихъ и государственныхъ селахъ и деревняхъ, въ посадахъ и ямскихъ слободахъ. Съ духовныхъ властей, которыя позволятъ принять въ свои вотчины бѣглыхъ, положено брать сверхъ пожилыхъ денегъ штрафъ въ 500 р. Если кто, подговоря чужаго человѣка и принявъ завѣдомо бѣглаго, обманнымъ образомъ продастъ кому нибудь, отдастъ въ рекруты или заложитъ, назвавъ своимъ крѣпостнымъ, то бѣглаго отдать его дѣйствительному владѣльцу, а продавца бить кнутомъ, сверхъ того взыскать штрафъ за каждый годъ 200 р. и вмѣсто отданнаго въ рекруты взять у него человѣка, годнаго для службы. У кого изъ бѣглыхъ окажутся фальшивыя отпускныя, или кто перемѣнитъ себѣ имя и утаитъ, кому онъ дѣйствительно принадлежитъ, про то изслѣдовать самымъ строгимъ образомъ и, если дойдетъ до пытки, то и пытать; затѣмъ виновныхъ бить плетьми и писать въ службу, а ихъ пожитки отдать прежнимъ владѣльцамъ. Относительно бѣглыхъ женщинъ было постановлено: если крестьянки и дворовые дѣвки и вдовы отъ кого бѣжали и вышли замужъ, то имъ быть за тѣми, за кѣмъ написаны ихъ мужья по первой и второй ревизіи, а владѣльцамъ, отъ кого бѣжали, выдавать по сту рублей за каждую; въ случаѣ же неуплаты этой суммы онѣ возвращаются и съ мужьями къ прежнимъ владѣльцамъ. Если же бѣглыя вдовы и дѣвки будутъ выданы въ замужество за бѣглыхъ же, то ихъ съ мужьями отдавать, кому принадлежатъ мужья, владѣльцамъ которыхъ слѣдуетъ уплатить владѣльцамъ женщинъ по 10 р. за каждую. Бѣглые на заводахъ и фабрикахъ, которые за ними оставлены по указамъ, не могутъ быть требуемы прежними владѣльцами, если же окажется, что бѣглые по указамъ не отданы, то возвращать владѣльцамъ съ уплатою ежегоднаго штрафа за каждаго. На заводахъ и фабрикахъ, учрежденныхъ послѣ 1736 г., можно было оставить бѣглыхъ принятыхъ до 2 ревизіи, если они были обучены мастерству, съ уплатою владѣльцу по 50 р. за мужчину и по 25 р. за женщину, кромѣ пожилыхъ съ 1736 г. до 2

ревизіи, а послѣ ревизіи только заработныхъ денегъ, такъ какъ ревизорамъ велѣно было не ссылать такихъ съ фабрикъ. На будущее время заводамъ и фабрикамъ совершенно запрещено принимать бѣглыхъ подъ страхомъ ежегоднаго штрафа въ 200 р. за каждую душу. Всѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ при отдачѣ владѣльцамъ слѣдовало наказывать за побѣгъ по желанію помѣщиковъ [1]).

Какъ ни строги были эти постановленія, но помѣщики находили, что они все таки еще не достаточно гарантируютъ ихъ интересы. Такъ напр. они были недовольны тѣмъ, что за пріемъ бѣглыхъ безъ вѣдома помѣщика былъ положенъ весьма незначительный штрафъ; многіе помѣщики предписывали своимъ прикащикамъ и старостамъ принимать бѣглыхъ и, въ случаѣ если ихъ захватятъ, принимать вину на себя; поэтому въ нѣкоторыхъ наказахъ встрѣчаемъ просьбу и за бѣглыхъ, принятыхъ прикащиками и старостами, взыскивать по 200 р. за мужчину и по сту за женщину. Кромѣ того тягаться изъ за бѣглыхъ съ людьми знатными, могущественными было весьма трудно, и потому, какъ говорятъ опочецкіе дворяне, «хотя кто и свѣдаетъ о бѣгломъ своемъ человѣкѣ, живущемъ подъ рукою сильнаго, то радъ будетъ и тому, когда въ нѣсколько лѣтъ съ немалымъ убыткомъ онаго достанетъ; въ деньгахъ же за пожилые годы обыкновенно мирятся не взыскивать» [2]). Но случалось и наоборотъ: владѣлецъ, найдя своихъ крестьянъ послѣ долгихъ поисковъ, вчиналъ искъ противъ виновнаго въ укрывательствѣ и требовалъ съ него «пожилыхъ» денегъ, которыя, если бѣглый скрывался долго, составляли весьма значительную сумму. Какъ всякое общественное зло создаетъ людей, умѣющихъ эксплоатировать его въ свою пользу, такъ и тутъ явились крючкотворы, Чичиковы XVIII вѣка, которые нарочно скупали бѣглыхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы взыскать «пожилыя» деньги съ того, кто держалъ ихъ у себя.

Любопытный примѣръ такой операціи мы видимъ въ процессѣ Игнатьева съ Мельницкимъ. Въ 1763 г., жена отставнаго сержанта Бестужева продала надворному совѣтнику Игнатьеву двухъ своихъ крестьянъ «съ женами и съ дѣтьми и со внучаты и со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ пожилыми и заработными деньгами за 150 р.». Назначена была такая дешевая цѣна потому, что эти два крестьянина еще въ 1724 г., т. е. почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, бѣжали изъ ея новгородскаго имѣнія и во время совершенія купчей жили въ копорскомъ уѣздѣ петербургской губерніи, въ имѣніи коллежскаго ассесора Мельницкаго. Немедленно послѣ того Игнатьевъ началъ противъ Мельницкаго дѣло въ петербургской губернской канцеляріи. Истецъ требовалъ возвращенія крестьянъ и

[1]) П. С. З. XIV, 10233.

[2]) Сборн. Ист. Общ. XIV, 488, 493, 268.

уплаты пожилыхъ денегъ. Оказалось, что одинъ изъ крестьянъ умеръ въ 1763 г., а другой въ 1758 году; поэтому и Игнатьевъ настаивалъ на уплатѣ ему «пожилыхъ» за перваго изъ крестьянъ за 39 лѣтъ, а втораго—за 34½ года, по 100 р. на годъ [1]), что составляло весьма значительную сумму — 7,375 р. Нужно замѣтить, что въ то время, когда эти крестьяне поселились въ копорскомъ уѣздѣ, имѣніе, гдѣ они жили теперь, принадлежало не Мельницкому, а генералу Бутурлину, который уже потомъ продалъ его Мельницкому. Петербургская губернская канцелярія рѣшила это дѣло такимъ образомъ: женъ этихъ двухъ крестьянъ и четырехъ сыновей «съ ихъ женами и дѣтьми и съ братьями и сестрами дѣвками, которыя съ ними въ однихъ домахъ живутъ..... со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и въ землѣ посѣяннымъ отдать во крестьянство истцу Игнатьеву». Мельницкій не только долженъ былъ отвезти ихъ на своихъ подводахъ въ вотчину Игнатьева, но и платить за нихъ подати до новой ревизіи «съ пуста»; убытки же свои и пожилыя деньги Игнатьевъ долженъ былъ искать не съ Мельницкаго, а съ прежняго владѣльца имѣнія, Бутурлина. Обѣ стороны остались недовольны рѣшеніемъ и дѣло по апелляціи поступило въ контору юстицъ-коллегіи. Игнатьевъ доказывалъ, что ему слѣдуетъ получить деньги именно съ Мельницкаго, однако и здѣсь дѣло не получило окончательнаго рѣшенія и тянулось послѣ того еще цѣлыхъ 10 лѣтъ. Окончательно оно было рѣшено суднымъ приказомъ только въ 1776 г., такимъ образомъ, что Мельницкій долженъ былъ заплатить пожилыя деньги съ 1746 г., т. е. съ того времени, когда онъ купилъ имѣніе, а за время съ 1724 г. по 1746 г. ихъ должны были внести наслѣдницы покойнаго генерала Бутурлина. Такимъ образомъ Игнатьевъ, истративъ полтораста рублей на покупку крестьянъ, получилъ теперь за нихъ болѣе семи тысячъ: изъ этого видно, какъ выгодны были въ то время подобныя операціи [2]).

Строгія постановленія не обуздывали помѣщиковъ, находившихъ выгоднымъ для себя принимать бѣглыхъ; точно также не дѣйствовали и на крестьянъ мѣры, принимавшіяся для прекращенія ихъ побѣговъ и возвращенія бѣглыхъ. Крестьяне продолжали бѣжать не только въ другія мѣстности центральной Россіи, но еще болѣе въ Пріуральскій край, въ Сибирь, Астрахань, на Кавказъ, въ Остзейскій край и, наконецъ, за границу, въ Польшу. Что же дѣлало правительство для пріостановки побѣговъ и возвращенія бѣглыхъ до Екатерины II. «Думали прекратить побѣги за границу», говоритъ г. Ѳирсовъ, «мѣрами строгаго взысканія за побѣгъ: назначался кнутъ пойманнымъ на границѣ и уличеннымъ въ намѣреніи бѣжать и смертная казнь проводникамъ. По всей западной границѣ разставлены были форпосты съ спеціальною цѣлью ловить перебѣжчиковъ. Въ Остзейскомъ краѣ учреждена была особая коммиссія, которая должна была ловить русскихъ перебѣжчиковъ и высылать въ великороссійскія губерніи. Всѣ эти мѣры оказались безуспѣшными. Бѣглецы силою пробивались черезъ караулы или находили дороги за границу, ка-

[1]) На основаніи только что изложеннаго нами указа 13 мая 1754 г.

[2]) Рук. Сборн. Публичн. Библ. F II 145, лл. 1—145.

раульнымъ неизвѣстныя. Наказаніе кнутомъ, которымъ правительство грозило за побѣгъ, не могло быть страшно для тѣхъ, которымъ дома приходилось подвергаться этому наказанію. Солдаты, составлявшіе пограничную стражу, случалось, не только не удерживали бѣглецовъ, но вмѣстѣ съ ними сами убѣгали. Коммиссіи, учрежденныя въ 1743 и 1744 годахъ для сыска въ прибалтійскихъ областяхъ бѣглыхъ и для возвращенія ихъ на прежнія жилища, дѣйствовали весьма неуспѣшно; въ теченіи 10 безъ малаго лѣтъ они успѣли сыскать въ Лифляндіи и выслать въ великороссійскія области только 1125 человѣкъ.... между тѣмъ какъ по донесенію самихъ же коммиссій бѣглыхъ въ Эстляндіи и Лифляндіи имѣлось не малое число; въ 1753 г. эти коммиссіи, какъ безполезныя, были упразднены. Дѣйствовали на бѣглыхъ обѣщаніемъ прощенія въ случаѣ добровольнаго ихъ возвращенія въ Россію въ опредѣленный срокъ — и также безуспѣшно: бѣглецъ зналъ, что его возвратятъ въ прежнюю зависимость, и потому случаи, когда ушедшіе за границу прельщались такими манифестами, были чрезвычайно рѣдки. Къ концу царствованія Елизаветы Петровны догадались, что нужно по отношенію къ нимъ быть иначе милостивыми, чѣмъ прежде. Въ 1759 г. вышелъ манифестъ, которымъ не только объявлялось прощеніе перебѣжчикамъ, если они вернутся домой, но и объяснялось, что они безъ всякаго опасенія и препятствія могутъ приходить въ Ригу и тамъ поступать на фортификаціонныя работы или въ дворцовые крестьяне. Въ 1761 году повторили тотъ же манифестъ. Но правительство, очевидно, само мало полагалось на доброе дѣйствіе обѣщаемыхъ бѣглецамъ милостей. Въ томъ же году оно отправило за границу особаго чиновника, который долженъ былъ объявить жившимъ тамъ русскимъ, что если кто изъ нихъ захочетъ возвратиться въ отечество, тому будетъ дана земля для поселенія при крѣпости св. Елизаветы и дарована льгота отъ податей на 6 лѣтъ. Какъ мало помогли и эти мѣры, можно заключить изъ того, что въ 1762 г. вышелъ новый манифестъ, приглашавшій бѣглецовъ къ возвращенію въ отечество и свидѣтельствовавшій, что по прежнимъ призывамъ возвращалось въ Россію изъ за границы бѣглыхъ лишь небольшое число» [1]).

Со вступленіемъ на престолъ имп. Екатерины начинается вновь цѣлый рядъ указовъ и манифестовъ съ предложеніями бѣглымъ людямъ

[1]) *Ѳирсовъ*. Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время. Каз. 1869 годъ, стр. 111—113.

возвратиться изъ за границы въ Россію. Въ первыхъ изъ нихъ мы не находимъ еще какихъ нибудь льготъ; правительство сулитъ только забвеніе совершенныхъ бѣглыми преступленій [1]). Но такія приглашенія не вели ни къ чему, и потому въ манифестѣ 13 мая 1763 г. правительство обѣщаетъ явившихся изъ Польши отсылать въ дворцовыя и другія государственныя волости съ дарованіемъ шестилѣтней льготы отъ всякихъ податей и работъ; помѣщикамъ же такіе возвратившіеся изъ бѣговъ должны быть зачтены въ рекруты. Опасаясь, чтобы самый этотъ манифестъ не заставилъ нѣкоторыхъ бѣжать въ надеждѣ, возвратившись потомъ, воспользоваться обѣщанными льготами, правительство сдѣлало оговорку, что дѣйствіе его распространяется только на бѣжавшихъ до 4 декабря 1762 г., т. е. до предшествовавшаго манифеста [2]). Эта оговорка не помѣшала однако многимъ, ушедшимъ позднѣе, воспользоваться манифестомъ 1763 г.

Такъ какъ многихъ бѣглыхъ не прельщали никакіе манифесты, то русское правительство обратилось и къ иной мѣрѣ: оно посылало за польскую границу военные отряды для поиска русскихъ бѣглецовъ; захваченныхъ такимъ образомъ уже не отсылали въ дворцовыя волости, а возвращали помѣщикамъ [3]). Но такъ какъ они сплошь и рядомъ вновь убѣгали, то придумали организовать въ Сибири два конныхъ и пять пѣхотныхъ полковъ, для чего и стали отправлять туда выведенныхъ изъ Польши людей съ женами и дѣтьми, зачитая крѣпостныхъ помѣщикамъ за рекрутъ. Людей отъ 14 до 18 лѣтъ и отъ 40 до 50-ти зачитали только за половину рекрута, отъ 18 до 40 л. за цѣлаго. Выше 50 л. велѣно отсылать въ Сибирь не иначе какъ безъ зачета, однако же вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, зачитая дѣтей по ихъ возрасту [4]).

Нѣкоторые бѣглецы сами возвратились или были возвращены изъ Польши, но такъ какъ правительство не приняло никакихъ мѣръ для облегченія положенія крѣпостныхъ, то побѣги продолжались. Укажемъ на нѣкоторые примѣры. Весною 1763 года помѣщичьи крестьяне псковской провинціи «не малымъ числомъ» бѣжали въ Польшу и тамъ, соединившись въ большія партіи, переходили обратно русскую границу, но уже не съ цѣлію возвращенія на родину, а чтобы разорить своихъ прежнихъ

[1]) П. С. З. XVI, 11.618, 19 іюля 1762 г.; 11.720, 4 дек. 1762 г.
[2]) П. С. З. XVI, 11.815, ср. 12.074.
[3]) П. С. З. XVI, 11.714; 11.894.
[4]) П. С. З. XVI, 12.149, 12.163, XVII, 12.396

помѣщиковъ [1]). Въ томъ же году изъ новгородской губерніи ушло за польскій рубежъ около ста семей, въ которыхъ было до 500 душъ обоего пола [2]). Въ 1766 г. бѣжало изъ петербургской губерніи пять семей крестьянъ Трубецкаго (болѣе 40 душъ), которые захватили съ собой всѣ свои пожитки, скотъ и хлѣбъ. Когда они ночью пріѣхали въ одну деревню, ихъ ожидало тамъ много крестьянъ помѣщика Ганнибала. Всего собралось такимъ образомъ до 50-ти семей, и всѣ они отправились въ Польшу [3]). Но всего нагляднѣе показываютъ, какіе огромные размѣры приняло бѣгство крестьянъ въ Польшу, наказы помѣщиковъ пограничныхъ уѣздовъ, данные депутатамъ въ коммиссію Уложенія.

Жалобы на бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ въ Польшу мы находимъ въ наказахъ дворянъ всѣхъ мѣстностей, болѣе или менѣе близкихъ къ границѣ, а именно тогдашней новгородской губ. — всѣхъ пятинъ новгородскаго уѣзда (вотской, деревской, обонежской, шелонской и бѣжецкой), уѣздовъ опочецкаго, островскаго, псковскаго, пусторжевскаго (нынѣ новоржевскаго), великолуцкаго, торопецкаго и холмскаго; смоленской губ. — уѣздовъ бѣльскаго, смоленскаго, рославльскаго и дорогобужскаго. По словамъ дворянъ, изъ одной смоленской губерніи было бѣглыхъ въ Польшѣ болѣе 50.000 душъ об. пола.—Сами помѣщики указывали, что манило крестьянъ въ Польшу: они знаютъ, говорятъ опочецкіе дворяне, что тамъ свободная продажа вина и соли и не бываетъ рекрутскихъ наборовъ. По словамъ пусторжевскихъ дворянъ крестьяне «всячески не токмо помѣщиковъ, но и самую природную свою сторону безстрашно порицаютъ; во первыхъ неволю, потомъ подушный платежъ, такожъ отъ рекрутскихъ наборовъ разлуку съ семьями ихъ, мостовыя и прочія казенныя безъ заплаты работы, а сверхъ того клевещутъ и на господскія тяглы» (хотя, какъ свидѣтельствуютъ дворяне, они требутъ только по два дня работы съ тягла),—«чего-де въ Польшѣ уже нѣтъ, а знаютъ-де только заплатить за грунтъ и панскую работу, а въ прочемъ-де я во всемъ воленъ, и какъ вино, такъ и соль имѣемъ дешевыя». — Бѣгство усиливалось, какъ только до крестьянъ доходила вѣсть о рекрутскомъ наборѣ; сплошь и рядомъ удавалось бѣжать и тѣмъ, которые уже были взяты въ рекруты. Поэтому помѣщики просили дозволить имъ по своему усмотрѣнію отдавать рекрутъ натурою или платить за нихъ 100—120 р.; въ пер-

[1]) Арх. М. Ю. Журн. и прот. сен. 1763 г. № 1014—3497, л. 927, ср. *Соловьева*, XXVI, 29—30.

[2]) *Соловьевъ*, XXV, 281—282.

[3]) Журн. и прот. сената 1766 г. № 150—3721; л. 106.

вомъ случаѣ они просили отводить этихъ рекрутъ въ полки, расположенные въ Сибири или Оренбургскомъ краѣ, чтобы близость границы не соблазняла ихъ къ побѣгу.—Близостью границы пользовались также крестьяне для романической цѣли: сплошь и рядомъ жена уходила отъ мужа со своимъ возлюбленнымъ, или мужъ покидалъ жену для какой нибудь другой женщины. Они бѣжали въ Польшу и тамъ или жили вовсе безъ брака, или вѣнчались у католическихъ и уніатскихъ священниковъ. Дворяне просили, чтобы въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію, возвращая жену тому, кому она принадлежитъ, не только требовали за нея выводныя деньги, но еще *дѣлили* прижитыхъ въ такомъ незаконномъ бракѣ *дѣтей пополамъ* между владѣльцами мужа и жены.

Побѣги въ Польшу чрезвычайно облегчались тѣмъ, что граница была почти совершенно неукрѣплена: караульныя будки стояли одна отъ другой на разстояніи отъ 7 до 10 верстъ и въ каждой изъ нихъ было всего по два, по три человѣка, да при томъ, по словамъ одного наказа, большинство изъ нихъ были старики и «не имѣющіе движенія»; полкъ, стоящій на границѣ, былъ растянутъ на нѣсколько сотъ верстъ и при томъ былъ не въ полномъ составѣ. Въ одномъ наказѣ дворяне даже заявляли, что эти форпосты приносятъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ бѣглые проходятъ не только по тайнымъ дорогамъ, но даже и мимо карауленъ безпрепятственно, а когда за ними помѣщики посылаютъ людей въ погоню съ даннымъ отъ себя видомъ, то ихъ за форпосты не пропускаютъ, требуя формальныхъ паспортовъ, которые отъ пограничныхъ коммиссаровъ можно достать развѣ только черезъ недѣлю, а въ это время бѣглые успѣваютъ уйдти далеко. Не мудрено, что нѣкоторые дворяне просили даже о совершенномъ уничтоженіи форпостовъ, другіе же о лучшемъ укрѣпленіи границы [1]).

Вслѣдствіе бѣгства крѣпостныхъ помѣщики не только теряли работниковъ, но терпѣли еще другія неудобства. Во первыхъ имъ приходилось подушныя деньги за бѣжавшихъ раскладывать на оставшихся, а такъ какъ послѣднихъ часто было менѣе, чѣмъ первыхъ, то оставшіеся крестьяне были страшно обременены податями; за недоимки ихъ самихъ держали подъ карауломъ, продавали ихъ пожитки, и это естественно побуждало крестьянъ покинуть родину и бѣжать въ Польшу. Точно также

[1]) Есть впрочемъ указаніе, что форпосты не мѣшали помѣщикамъ дѣлать самовольные наѣзды въ пограничныя мѣстности Польши для разысканія своихъ бѣглыхъ. Они пробовали дѣлать тоже самое и послѣ присоединенія Бѣлоруссіи, но это было имъ запрещено. П. С. З. XX, 14.531.

и рекрутскую повинность раскладывали на оставшихся. Случалось даже, что за недоимки въ податяхъ конфисковали имѣніе у помѣщиковъ. Этимъ не ограничивались еще несчастія пограничныхъ владѣльцевъ: они жаловались, что крестьяне, бѣжавшіе въ Польшу, выходятъ оттуда, составивъ разбойническія шайки, и не только грабятъ крестьянъ и помѣщиковъ, но еще мучаютъ и убиваютъ своихъ прежнихъ господъ. По свидѣтельству пусторжевскихъ дворянъ, многіе помѣщики принуждены даже, изъ страха смерти, вовсе уѣзжать изъ деревень на весну и лѣто, когда ихъ присутствіе тамъ всего нужнѣе для хозяйства.

Чтобы возвратить назадъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ, помѣщики принуждены были посылать разыскивать ихъ въ Польшѣ и приманивать назадъ обѣщаніемъ не только простить ихъ вины, но сдѣлать все, что они желаютъ; если господинъ не сдержитъ слова, то его крестьяне вновь бѣжали и ихъ уже ничѣмъ нельзя было приманить. Помѣщики прибѣгали и къ иному средству: они выкупали бѣглыхъ крестьянъ у польскихъ шляхтичей, поселившихъ ихъ на своихъ земляхъ. Послѣ всего этого понятно, какъ выгодны были для нашего дворянства раздѣлы Польши и какъ оно радовалось, что граница, за которую уходили ихъ крѣпостные, далеко, далеко отодвинута на Западъ.

Правительство, вызывая бѣглыхъ изъ Польши, обѣщало, какъ мы уже знаемъ, селить ихъ въ дворцовыхъ волостяхъ; это и исполнялось; но помѣщики жаловались, что эти люди, поселенные въ дворцовыхъ волостяхъ близь польской границы, подговариваютъ своихъ прежнихъ товарищей уйдти въ Польшу. Дворяне заявляли также, что возвращающихся изъ бѣговъ принимаютъ въ дворцовыя волости, не справляясь, когда они бѣжали, и такимъ образомъ господа лишаются многихъ крестьянъ, ушедшихъ отъ нихъ послѣ манифеста 4 декабря 1762 г. Поэтому въ нѣкоторыхъ дворянскихъ наказахъ мы находимъ просьбу, чтобы возвращающихся въ Россію бѣглыхъ велѣно было отправлять къ помѣщикамъ, а не въ дворцовыя волости [1]).

Жалобы помѣщиковъ новгородской и смоленской губерній подтверждаются и оффиціальнымъ свидѣтельствомъ. Новгородская губернская канцелярія въ своемъ донесеніи въ коммиссію уложенія (1767 г.) [2]) между прочимъ говоритъ: «Всѣ живущіе въ новгородской губерніи владѣльцы отъ побѣговъ крестьянства въ Польшу и Лифляндію несутъ великое себѣ

¹) Сб. Ист. Общ. т. XIV.

²) Это было уже во время губернаторства Сиверса.

разореніе и съ великимъ опасеніемъ приступаютъ къ смотрѣнію своей экономіи, ибо крестьяне, а особливо живущіе въ близости къ Польшѣ и Лифляндіи, *пришли въ слабость и лѣность къ работамъ*», и не только плохо работаютъ на помѣщика, но даже и сами нуждаются; если же помѣщики станутъ принуждать ихъ работать болѣе, то «крестьяне, вѣдая близь границу и смотря на другихъ, а иные и оскудѣвши, цѣлыми семьями, забравъ достальные всѣ свои пожитки, хлѣбъ и скотъ, бѣгутъ въ Польшу и Лифляндію, а потомъ нѣкоторые изъ нихъ, возвратясь и сказывая ложно, яко бы они бѣжали до указнаго сроку, записываются и селятся въ дворцовыя волости по близости границы».... Для прекращенія побѣговъ губернская канцелярія считала необходимымъ укрѣпить границы и принять мѣры для возвращенія бѣглыхъ изъ Польши и Лифляндіи, не давая выходящимъ оттуда селиться въ дворцовыхъ волостяхъ, а особенно по близости къ границѣ, но велѣть возвращать по прежнему во владѣніе помѣщикамъ, если же это будетъ признано неудобнымъ, то слѣдуетъ по возвращеніи изъ Польши отсылать ихъ на поселеніе въ Сибирь въ дальныя мѣста, а близь границъ отнюдь не селить [1]).

Дворяне пограничныхъ мѣстностей жалуются на бѣгство крестьянъ и въ Остзейскій край (Лифляндію и Эстляндію), хотя не въ такой степени, какъ на побѣги въ Польшу: объ этомъ упоминается въ наказахъ дворянъ новгородскаго у. вотской и шелонской пятинъ, а также опочецкаго и псковскаго уѣздовъ, при чемъ въ первыхъ двухъ наказахъ говорится также и о бѣгствѣ въ Финляндію. Бѣжать въ эти мѣста было тѣмъ удобнѣе, что ихъ не отдѣляли отъ остальныхъ губерній Россіи ни заставы, ни форпосты. Добыть оттуда бѣглыхъ было очень трудно, такъ какъ если помѣщикъ, узнавши, гдѣ они находятся, поѣдетъ ихъ разъискивать, то «выѣзжаетъ оттуда съ превеликимъ неудовольствіемъ, и весьма много случается и побоевъ». Помѣщики просили сдѣлать въ остзейскомъ краѣ по всѣмъ мызамъ ревизію и поручить поимку бѣглыхъ находящимся тамъ полкамъ. По словамъ одного изъ наказовъ, въ остзейскій край, какъ и въ Польшу, манила крестьянъ дешевизна вина. Въ 1766 г. правительство распространило на остзейскій край и Финляндію дѣйствія указа 1754 г. о бѣглыхъ [2]). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что и остзейцы въ

[1]) Арх. II Отд., вяз. 348, дѣло № 10, п. 1.

[2]) Сб. Ист. Общ. XIV; П. С. З. XVIII, 12.796. Въ 1764 г въ остзейскомъ краѣ были уничтожены особые сыщики бѣглыхъ и разъисканіе ихъ было поручено мѣстнымъ губернскимъ и воеводскимъ канцеляріямъ. П. С. З. XVI, 12.110.

свою очередь жаловались на невыдачу ихъ бѣглыхъ изъ сосѣднихъ мѣстностей Великороссіи [1]).

Мы остановились подробнѣе на бѣгствѣ крестьянъ въ Польшу и остзейскій край, такъ какъ изъ дворянскихъ наказовъ видно, что здѣсь крѣпостные крестьяне несомнѣнно составляли преобладающій элементъ въ тѣхъ толпахъ бѣглыхъ, которыя покидали Россію, ища болѣе спокойной и привольной жизни [2]). Намъ придется еще вернуться къ вопросу о бѣглыхъ въ другомъ мѣстѣ нашего труда, придется указать, какую важную роль играли эти искатели лучшей доли въ нашей исторіи, въ какіе отдаленные уголки Кавказа и Азіи проникали они, какъ они полагали основаніе прочному господству Россіи въ этихъ странахъ. Теперь мы принуждены только вскользь упомянуть, что такія же волны народныя, которыя гнало исканіе лучшей доли на западъ, катились и въ другихъ направленіяхъ обширной русской земли: на югъ—въ Новороссію, на Донъ, на Кавказъ, на юговостокъ — въ Астрахань и Оренбургскій край, и прямо на востокъ—на Уралъ и въ Сибирь. Никакія законодательныя мѣры не могли остановить этого движенія: отъ времени до времени правительство издавало какіе нибудь запретительные указы [3]), но въ концѣ концевъ ему приходилось считаться съ этимъ неодолимымъ движеніемъ и признавать существующій фактъ; высылать всѣхъ бѣглыхъ съ нашихъ окраинъ оказывалось невозможнымъ: это значило бы—обезлюдить ихъ и лишиться самаго важнаго подспорья въ борьбѣ съ различными инородческими племенами. Приходилось оставлять бѣглыхъ тамъ, гдѣ они поселились. Такъ было въ Оренбургскомъ краѣ [4]), въ Астрахани [5]), тоже было и на Кав-

[1]) *Соловьевъ*, XXVII, 155. Лифляндцы жаловались также на невыдачу ихъ бѣглыхъ изъ Курляндіи, вообще же, по свидѣтельству рескрипта имп. Екатерины, „число бѣглецовъ изъ Лифляндіи столь велико, что многія мѣстности пришли въ разореніе“. „Восемнадцатый Вѣкъ“ Бартенева, III, 188.

[2]) Напомнимъ, что въ смоленской губерніи крѣпостные составляли 80% всего сельскаго населенія, въ псковской—72%; при томъ въ этой мѣстности была особенно развита барщинная система: въ смоленской губ. барщинные составляли 70% всѣхъ крѣпостныхъ, въ псковской даже 79%.

[3]) Напр. въ 1765 г. казацкимъ войскамъ было запрещено принимать бѣглыхъ. П. С. З. XVII, 12.352.

[4]) См. названное выше весьма обстоятельное сочиненіе г. Ѳирсова, напр. стр. 398—400.

[5]) Объ астраханскихъ сходцахъ см. П. С. З. XVI, 12.003, XX, 14.348, XXII, 16.094, п. 1. Точно также велѣно было оставить на мѣстѣ и приписать къ дворцовымъ волостямъ раскольниковъ, жившихъ на Иргизѣ; при этомъ оказавшихся тамъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ 15 до 40 лѣтъ велѣно было зачитать въ рекруты, а за людей старше и моложе, и также за женщинъ платить на основаніи указа 13 дек. 1760 г. объ

казѣ [1]); много крестьянъ бѣжало въ Новороссію [2]). Извѣстно, что уральскіе заводы были переполнены бѣглыми, и цѣлыя массы ихъ были закрѣплены за заводами въ первую половину XVIII в. [3]). Въ неустанномъ исканіи болѣе привольной жизни бѣглые крестьяне заходили даже въ восточную Сибирь: такихъ находили въ иркутской и охотской провинціяхъ и даже въ Камчаткѣ; и здѣсь ихъ принуждены были оставить на мѣстѣ, а помѣщикамъ зачесть въ рекруты [4]).

Само собою разумѣется, что и внутри Россіи скрывалось множество бѣглыхъ; сплошь и рядомъ въ народѣ разносилась вѣсть, что тамъ то принимаютъ безпаспортныхъ, и туда устремлялось множество этихъ «гулящихъ» людей. Такъ въ 1764 г. стали говорить, что безпаспортныхъ принимаютъ при сооруженіи каналовъ [5]); императрица велѣла публиковать о томъ, что этотъ слухъ совершенно несправедливъ. Незадолго передъ тѣмъ былъ опубликованъ общій сенатскій указъ съ цѣлію прекратить побѣги, вызванные подобными слухами. Велѣно было, чтобы «впредь нигдѣ никто таковымъ ложнымъ разгласителямъ отнюдь не вѣрили и прежнихъ своихъ жилищъ не оставляли и на порозжихъ земляхъ ничьи и никакіе бѣглые не селились». Но указы мало помогали [6]). Въ 1784 г. распространился слухъ, что мыза Гатчина будетъ обращена въ городъ и что при этомъ, для увеличенія числа купцовъ и мѣщанъ, будутъ принимать туда безъ разбору всѣхъ, кто пожелаетъ. Вслѣдствіе этого многіе дворовые бѣжали

отправленіи помѣщиками своихъ людей на поселеніе въ Сибирь; мелкопомѣстнымъ же помѣщикамъ и за мужчинъ въ возрастѣ отъ 15 до 40 лѣтъ велѣно было платить деньгами, по 60 р. за каждаго. П. С. З. XVII, 12.538, указъ 31 дек. 1765 г.

[1]) Найденныхъ тамъ бѣглыхъ велѣно было въ 1789 г. оставить на мѣстахъ, при чемъ помѣщичьихъ крестьянъ зачесть ихъ владѣльцамъ въ рекруты. П. С. З. XXIII, 16.743.

[2]) Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1861, III, „Разм. о собств. имѣній", 101—102.

[3]) См. ниже о поссессіонныхъ крестьянахъ.

[4]) П. С. З. XVI, 11.860, п. 5.

[5]) Быть можетъ этотъ слухъ и имѣлъ нѣкоторое основаніе; по крайней мѣрѣ при проведеніи кронштадтскаго канала, оконченнаго въ царствованіе имп. Елизаветы, его строитель, генералъ Люберасъ, преимущественно употреблялъ въ работу безпаспортныхъ. П. С. З. X, 7.225.

[6]) П. С. З. XVI, 12.266, 12.251. Въ 1765 г. велѣно было найденныхъ безпаспортныхъ отдавать въ казенную работу — на монетные дворы, къ городскому строенію и пр., а дѣтей ихъ въ гарнизонныя школы и для обученія ремесламъ, и затѣмъ публиковать о нихъ въ газетахъ. Если помѣщики явятся за ними въ теченіи года, то отдавать, со взысканіемъ денегъ, истраченныхъ на содержаніе малолѣтнихъ, по истеченіи же годоваго срока изъ взрослыхъ годныхъ писать въ рекруты съ зачетомъ помѣщикамъ, а негодныхъ оставить при казенныхъ работахъ безъ зачета; дѣтей же оставлять въ тѣхъ мѣстахъ, куда они были опредѣлены. П. С. З. XVII, 12.506.

отъ помѣщиковъ, и сенату пришлось опровергать этотъ слухъ [1]), который имѣлъ реальное основаніе. Дѣло въ томъ, что въ 1780 г. императрица секретнымъ указомъ велѣла записать въ «рабочіе люди» города Софіи всѣхъ найденныхъ тамъ бѣглыхъ съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты, запретивъ впрочемъ принимать ихъ впредь. Тоже велѣно было сдѣлать и въ другихъ городахъ петербургской губерніи [2]).

Во второй половинѣ царствованія имп. Екатерины начались новые вызовы изъ за границы покинувшихъ Россію крестьянъ: великороссіянамъ предлагались для поселенія свободныя земли, преимущественно въ курскомъ, тамбовскомъ и воронежскомъ намѣстничествахъ, и льгота отъ податей и повинностей на 6 лѣтъ; помѣщичьи крестьяне могли не возвратиться къ своимъ господамъ, которымъ ихъ зачитали въ рекруты. Предлагая эти льготы, манифестъ 1779 г. давалъ для возвращенія сроку до двухъ лѣтъ [3]). Въ 1782 г. вновь было дозволено бѣглымъ возвращаться на основаніи манифеста 1779 г. въ теченіи года, а изъ за границы въ теченіи двухъ лѣтъ; тоже самое было объявлено и въ 1787 г. [4]).

Повтореніе этихъ манифестовъ показываетъ, что народъ продолжалъ искать болѣе привольной жизни на окраинахъ Россіи и за границей; что же касается помѣщичьихъ крестьянъ, то единственное средство прекратить ихъ побѣги было ограниченіе крѣпостнаго права. Оно оказалось бы вполнѣ дѣйствительнымъ, какъ это видно изъ того, что крѣпостные, бѣжавшіе отъ притѣсненій дурнаго и жестокаго помѣщика, вновь возвращались на родину, какъ только до нихъ доходили слухи, что ихъ вотчина переходила въ руки другаго, болѣе добраго господина. Такъ напримѣръ послѣ пріобрѣтенія Суворовымъ имѣнія во владимірской губерніи, къ нему стали являться бѣжавшіе при прежнемъ владѣльцѣ, даже изъ подъ Астрахани и изъ Земли войска донскаго, такъ какъ про новаго помѣщика прошла хорошая слава [5]).

[1]) П. С. З. XXII, 15.997.

[2]) Сенатскій Архивъ, секретные именные указы, кн. CXV, л. 69; срав. *Swinton*, Travels, 427—428.

[3]) П. С. З. XX, 14.870, срав. 14.937, XXI, 15.158.

[4]) П. С. З. XXI, 15.488, п. 5; XXII, 16,551, п. 11. Лунинъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что по назначеніи его полоцкимъ губернаторомъ въ теченіи двухъ лѣтъ явилось изъ за границы не болѣе 1.500 чел.

[5]) *Рыбкинъ*, 46. Вслѣдствіе того, что правительству далеко не всегда удавалось разыскивать бѣглецовъ, помѣщики иногда были не прочь войти съ ними въ добровольную сдѣлку, чтобы только какимъ нибудь способомъ залучить ихъ обратно. Одинъ помѣщикъ нашелъ возможнымъ обратиться съ этою цѣлью даже къ посредству печати. Въ 1761 г., онъ сдѣлалъ такое заявленіе въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „Коллежскій

Переходимъ къ другимъ видамъ протеста помѣщичьихъ крестьянъ противъ тягостей крѣпостнаго права.

Разныя истязанія, которымъ господа подвергали своихъ крестьянъ и дворовыхъ, иногда доводили ихъ до самоубійства, но болѣе энергичные люди рѣшались лучше отомстить самимъ помѣщикамъ: поджигали ихъ имѣнія [1]), били, грабили и, наконецъ, даже убивали своихъ владѣльцевъ.

Въ концѣ 1767 г., въ костромской губерніи, восемь человѣкъ дворовыхъ и крестьянъ секундъ-маіора Витовтова, вооруженные дубинами и кольями, ворвалась ночью въ домъ помѣщика, схвативъ его за волосы, ударили объ полъ, таскали и избили его такъ, что онъ послѣ того исповѣдался и причастился, а потомъ бѣжали [2]). Въ томъ же году, жена верстаннаго помѣстнымъ окладомъ канцеляриста Протопопова жаловалась свіяжской провинціальной канцеляріи, что нѣсколько ея крестьянъ не повинуются ей и даже побили ея мать. Она просила сыскать ихъ и наказать одного кнутомъ, а другихъ плетьми. Желаніе ея было исполнено, и послѣ наказанія крестьяне были возвращены помѣщицѣ [3]). Если побоямъ подвергались сами помѣщики, то тѣмъ болѣе это случалось съ ихъ прикащиками. Въ томъ же 1767 г., нѣсколько крестьянъ графа Андр. Петров. Шувалова, петербургской губерніи, такъ избили прикащика, что онъ черезъ 12 дней умеръ. Хотя они не повинились и доказывали, что это сдѣлали ихъ рабочіе, которые бѣжали, однако губернская канцелярія рѣшила наказать одного изъ нихъ плетьми, а остальныхъ батогами, а затѣмъ разыскивать и «настоящихъ убійцъ» [4]).

совѣтникъ... Удаловъ изъ покупнаго его нижегородскаго уѣзда села Фроловскаго изъ деревень бѣжавшимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ отъ какихъ либо несносныхъ непорядковъ... чрезъ сіе даетъ знать свое намѣреніе въ пользу ихъ и свою, чтобъ они возвращались на прежнее свое жилище, или бъ здѣсь являлись у него въ С.-Петербургѣ; онъ будетъ принимать ихъ со всякимъ къ нимъ вспомоществованіемъ... и содержаны будутъ впредь въ добромъ порядкѣ, безъ отягощенія, и тѣмъ были бъ неизмѣнно увѣрены". *Соловьевъ*, XXVI, 355. Но большинство помѣщиковъ наказывало крестьянъ за бѣгство и такимъ образомъ отпугивало тѣхъ, которые пожелали бы возвратиться. Одинъ иностранецъ говоритъ, что смирительные дома Москвы и Костромы были преимущественно наполнены бѣглыми крѣпостными, содержащимися по большей части въ кандалахъ. *Clarke*. Travels I, 166.

[1]) Въ 1760 г. было сослано въ Сибирь 3 женщины за поджегъ помѣщичьихъ имѣній. *Потанинъ*. Мат. для истор. Сибири, Чт. Общ. Ист. Древн. Росс. 1867, II, 266—267. Срав. *Passenans* I, 89.

[2]) Арх. М. Ю. № 218—3.788, л. 59.

[3]) Арх. М Ю. № 250—3.821, л. 794.

[4]) Ibid, л. 755. На одинъ случай убійства бурмистра указываетъ г. Дубасовъ въ своей статьѣ „Изъ тамбовскихъ лѣтописей". „Истор. Вѣстникъ" 1880 г. № 9, стр. 139—140.

Окончательно выведенные изъ терпѣнія крестьяне рѣшались и на убійство помѣщика. Извѣстно замѣчаніе Екатерины на слова Сумарокова, что помѣщики спокойно живутъ въ своихъ вотчинахъ: «и бываютъ отчасти зарѣзаны отъ своихъ», прибавила императрица [1]). Сиверсъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «съ какими ужасными отношеніями приходилось мнѣ имѣть дѣло во время первыхъ годовъ моей службы въ званіи губернатора огромной новгородской губерніи. Я не хочу сказать, *сколько дворянъ было умерщвлено*, сколько преступниковъ наказано, сколько отправлено въ Сибирь, часто по одному требованію господина. Въ слѣдующія 14 лѣтъ только одинъ помѣщикъ заплатилъ жизнью за свою ужасную жестокость» [2]). Въ рѣчахъ депутатовъ отъ дворянства въ коммиссіи уложенія мы встрѣчаемъ также свидѣльства о частыхъ убійствахъ помѣщиковъ: объ этомъ упоминаетъ депутатъ Козельскій въ своемъ мнѣніи, поданномъ въ концѣ мая 1768 г. по поводу извѣстнаго предложенія Коробьина; депутатъ Похвисневъ черезъ нѣсколько дней также заявлялъ о томъ, что «уже многіе помѣщики учинились несчастною жертвою свирѣпости» крѣпостныхъ. Суздальскіе дворяне въ своемъ наказѣ говорятъ о смертныхъ убійствахъ и мучительныхъ поруганіяхъ помѣщикамъ и помѣщицамъ [3]).

Особенно много помѣщиковъ было убито крестьянами въ 1767 г. Этотъ годъ «учинился примѣчателенъ въ Россіи убіеніемъ многаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ», говоритъ одинъ современникъ [4]). Это свидѣтельство подтверждается и другими указаніями. Такъ депутатъ Похвисневъ, упомянувъ о томъ, что многіе дворяне были убиты своими крѣпостными, продолжаетъ: «прошедшаго (1767 года) учиненныя варварства еще и теперь въ свѣжей у всѣхъ памяти». Въ то же время депутатъ серпейскаго дворянства, гр. Строгановъ, сказалъ: «безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ. *Еще годъ не минулъ*, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предпріемлемъ и совершенъ былъ. Сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего размучивъ умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ

[1]) Сборн. Истор. Общ. X, 86.

[2]) *Blum.* II, 94. О мученіяхъ и убійствѣ помѣщиковъ въ губерніяхъ, лежащихъ близъ западной границы Россіи, говорится, какъ мы видѣли, и въ дворянскихъ наказахъ. Сб. Ист. Общ. XIV, 277, 295, 367.

[3]) Арх. II Отд. и Сборн. Истор. Общ. VIII, 533.

[4]) Чтен. Общ. Истор. Древн. Росс. 1861 г. III, „Размышл. о неудоб. дать свободу крестьянамъ“, стр. 98—99.

нѣдръ ея вырвали» [1]). Въ московской губерніи въ 1767 г. было 5 случаевъ убійства помѣщиковъ. Вообще крѣпостные въ этомъ году волновались во многихъ мѣстахъ, почему—объ этомъ скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Въ 1770 г. П. Д. Еропкинъ прислалъ Н. И. Панину вѣдомость, сколько помѣщиковъ было убито крѣпостными съ 1764 по 1769 годъ въ одной только московской губерній. Оказывается, что въ теченіи этихъ шести лѣтъ были совершены убійства въ 27 вотчинахъ, причемъ погибли 21 помѣщикъ и 9 помѣщицъ, не считая 5 покушеній на убійство за это же время [2]). Въ числѣ убитыхъ былъ генералъ-аншефъ Н. Леонтьевъ. Намъ уже извѣстно, что крестьяне подавали на него челобитную императрицѣ, и тогда П. И. Панинъ вызвался переговорить съ нимъ о томъ, чтобы онъ «старался пользоваться правомъ господства, послѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ оброками и работами». Но онъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе [3]) и за это поплатился жизнію; онъ былъ убитъ въ 1769 г. въ своей тульской деревнѣ выстрѣломъ изъ окна. Смерть его произвела особенно сильное впечатлѣніе на общество вслѣдствіе высокаго чина убитаго и родственныхъ связей его съ гр. П. А. Румянцевымъ, П. Д. Еропкинымъ и кн. Дашковою. Въ одномъ современномъ письмѣ изъ Москвы мы читаемъ: «это ужасное приключеніе на всѣхъ страхъ навело изъ живущихъ въ деревняхъ и особливо—съ такимъ знатнымъ человѣкомъ это могло случиться!» [4]) Вслѣдъ за убійствомъ арестовано было 23 человѣка дворовыхъ и шестеро изъ нихъ подвергнуто «пристрастному допросу» подъ плетьми. Оказалось, что Леонтьева убилъ, по просьбѣ его дворовыхъ, крѣпостной человѣкъ другаго помѣщика [5]). Приведемъ еще нѣсколько случаевъ убійства дворянъ ихъ крѣпостными. Въ 1769 г., одна дворовая дѣвушка обвинялась въ убійствѣ своей помѣщицы и въ кражѣ; такъ какъ она во всемъ заперлась, то, по рѣшенію

[1]) Арх. II Отд. св. 367—362.

[2]) Имена убитыхъ и подвергшихся покушенію см. Рус. Арх. 1872 г. № 12, стр. 427—428. Этотъ списокъ еще не полонъ. Въ 1767 г. въ шуйскомъ у., который тогда принадлежалъ къ московской губ., крѣпостные помѣщика Собакина зарѣзали его жену, а самого хозяина жестоко избили. Сынъ Собакина въ прошеніи императрицѣ высказываетъ предположеніе, что „едва-ли не всѣ крестьяне въ заговорѣ были". Сборн. Истор. Общ. X, 178—179.

[3]) Онъ не только налагалъ на крестьянъ тяжелые поборы (см. выше стр. 53), но, какъ видно, и жестоко обращался съ ними.

[4]) Голицынскій архивъ.

[5]) Арх. Мин. Юст., № 106—5009, л. 1097. Рус. Арх. 1872, № 12, стр. 426—427.

губернатора Маслова, была пытана [1]).—Вотъ что разсказываетъ Болотовъ объ убійствѣ одной своей родственницы въ томъ же году. «Она была вдова и жила со своею дочерью... бывшею уже невѣстою, въ своей коломенской деревнѣ; собственные люди, подъ *видомъ разбойниковъ*, вломились къ ней въ домъ и, истиранивъ звѣрски, убили ее и съ дочерью безчеловѣчнымъ образомъ, злясь на нее за то, что она съ ними *нѣсколько строга была* [2]). Въ это же время въ Петербургѣ было сдѣлано покушеніе на убійство жены генералъ-маіора Василія Храповицкаго, матери секретаря императрицы, составителя извѣстнаго дневника.

Дѣло было такимъ образомъ. Дворовая дѣвушка, которая находилась у своей госпожи «на верху», задумала удушить барыню вслѣдствіе того, что, по ея показанію на слѣдствіи, она «какъ до нея, такъ и до прочихъ своихъ крѣпостныхъ людей весьма зла... завсегда ихъ безвинно бьетъ и моритъ голодомъ» [3]). Она подговорила къ тому другую «верховую» дѣвушку; затѣмъ къ заговору присоединились кучеръ, парикмахеръ и еще два человѣка. Въ ночь на 1-е мая, Храповицкая была разбужена внезапнымъ шумомъ. При свѣтѣ ночника въ отворенныхъ дверяхъ она увидѣла своего парикмахера. Вслѣдъ затѣмъ ее ударили по лицу, потомъ схватили за горло и стали душить. Храповицкая, отдернувъ руки набросившихся на нее людей, успѣла закричать; хотя никто не отвѣчалъ, однако слуги скоро послѣ того выбѣжали вонъ. Черезъ нѣсколько минутъ генеральша, лишившаяся было чувствъ, пришла въ себя и побѣжала въ дѣтскую. Въ домѣ тотчасъ же поднялась тревога, и виновныхъ схватили. Храповицкая подала заявленіе въ главную полицмейстерскую канцелярію и вслѣдъ затѣмъ розыскная экспедиція начала слѣдствіе. Виновные чистосердечно сознались во всемъ. Оказалось, что парикмахеръ зажималъ своей госпожѣ ротъ, двое мужчинъ душили ее, одна дѣвушка держала за ноги, а та, которая задумала убійство, сторожила въ сосѣдней комнатѣ, чтобы предупредить остальныхъ въ случаѣ тревоги. Они не успѣли исполнить своего намѣренія, такъ какъ услышали крики женщины, разбуженной призывомъ на помощь. Къ слѣдствію привлекли еще нѣсколько человѣкъ, обвиняемыхъ въ недонесеніи. Все дѣло велось чрезвычайно быстро, и мѣсяца черезъ полтора былъ произнесенъ слѣдующій приговоръ: хотя шесть главныхъ преступниковъ, на основаніи морскаго устава и воинскаго артикула, слѣдовало казнить смертью, но, въ виду сенатскаго указа 30-го сентября 1754 г., велѣно было наказать ихъ кнутомъ: двумъ дѣвушкамъ дать по 25-ти ударовъ, парикмахеру и еще двумъ мужчинамъ по 45-ти, кучеру 35; мужчинамъ вырѣзать ноздри и наложить клейма и затѣмъ всѣхъ сослать въ Нерчинскъ, въ тяжкую работу. Кромѣ того, за недонесеніе были наказаны: двое мужчинъ по 15-ти ударовъ, одна дѣвушка 10 ударами кнутомъ, одинъ несовершеннолѣтній—плетьми. Была наказана плетьми за недонесеніе даже та женщина, которая первая подняла тревогу и такимъ образомъ спасла жизнь Храповицкой. По наказаніи обвиненныхъ, шестеро изъ нихъ были сосланы въ Сибирь, а остальные возвращены помѣщицѣ [4]).

[1]) Арх. М. Ю., дѣла генералъ-прокурора, секретныя предписанія о пыткѣ, л. 12 и сл., л. 188.

[2]) *Болотовъ* II, 757—758.

[3]) Мы видѣли выше, что Храповицкая была отдана подъ опеку.

[4]) Арх. М. Ю., № 106—5009, л. 838 и сл.

Въ процессѣ по поводу покушенія на жизнь Храповицкой обвиняемыми явились по большей части люди весьма молодые: дѣвушкѣ, задумавшей убійство, и парикмахеру было всего по 20-ти лѣтъ. Иногда въ такихъ дѣлахъ участвовали даже и дѣти. Такъ, напримѣръ, по дѣлу объ убійствѣ помѣщицы Карташовой, пошехонскаго уѣзда, были арестованы одна дѣвочка 11-ти лѣтъ и мальчикъ 12 ти лѣтъ. Рѣшеніе ихъ участи было предоставлено на усмотрѣніе сената, который, въ 1771 г., предписалъ: дѣвочку «за умыселъ обще съ дворовыми людьми къ убивству своей помѣщицы, что ими въ самомъ дѣлѣ и исполнено», а мальчика за недонесеніе, на основаніи указа 1765 г. [1]), наказать розгами и затѣмъ освободить изъ-подъ караула. Въ дѣлѣ о задушеніи помѣщицы Некрасовой, казанской губерніи, были замѣшаны двѣ дѣвочки 12-ти и 14-ти лѣтъ; сенатъ, въ 1776 г., ссылась на тотъ же указъ, велѣлъ наказать ихъ розгами и кромѣ того сослать на поселеніе въ Сибирь [2]).

Убійство генералъ аншефа Леонтьева произвело, какъ мы уже упоминали, особенно сильное впечатлѣніе на общество. По этому поводу у Н. И. Панина явилась мысль ходатайствовать предъ императрицею о возстановленіи смертной казни, какъ видно изъ черноваго наброска всеподданнѣйшаго доклада московскихъ департаментовъ сената, написаннаго подъ горячимъ впечатлѣніемъ смерти Леонтьева, который приходился Панину двоюроднымъ братомъ. Докладъ начинался такимъ образомъ: «безчеловѣчное варварство и едва примѣрное въ благоустроенныхъ христіанскихъ государствахъ сенатъ несчастіе имѣетъ в. и. в—у чрезъ сіе донести». Упомянувъ затѣмъ о томъ, что число убійствъ помѣщиковъ все увеличивается, и о только что полученномъ извѣстіи о смерти Леонтьева, Панинъ продолжаетъ: «Такое, наконецъ, неслыханное злодѣйство и усугубленная дерзость навели страхъ и ужасъ на каждаго изъ помѣщиковъ, до кого только слухомъ оное дошло... Умноженіе сего злодѣйства *едва ли уже можетъ прекращаемо быть обыкновеннымъ* въ человѣколюбивыхъ монаршихъ законахъ *наказаніемъ*». Все это только приступъ къ тому, чтобы сказать, что виновныхъ въ убійствѣ помѣщиковъ слѣдовало

[1]) Этимъ указомъ было предписано по уголовнымъ дѣламъ считать подсудимыхъ несовершеннолѣтними до 17 лѣтъ. Преступниковъ моложе этого возраста, подлежавшихъ смертной казни или наказанію кнутомъ, велѣно было не подвергать пыткѣ, а, произведя слѣдствіе, представлять сенату; тѣ же, которые не заслуживали смертной казни, а только подлежали тѣлесному наказанію, велѣно было, не представляя сенату, отъ 15 до 17 лѣтъ наказывать плетьми, отъ 10 до 15 лѣтъ розгами, а 10 лѣтъ и моложе отдавать для наказанія родителямъ или помѣщику. П. С. З. XVII, 12.424.

[2]) Арх. М. Ю. № 125—5028, л. 288, 359.

бы наказывать смертію. Какъ видно не ожидая согласія автора Наказа на общее возстановленіе смертной казни, Панинъ прибавляетъ: «сію божественными и гражданскими во всѣхъ народахъ уставами праведную месть не соизволите ли *хотя на сей только случай повелѣть исполнить* къ устрашенію злодѣевъ и къ удержанію ихъ отъ столь свирѣпаго и умножающагося человѣкоубійства»? [1]).

Мы не знаемъ, былъ ли принятъ сенатомъ этотъ проектъ доклада и былъ ли онъ представленъ императрицѣ, но намъ извѣстно, что (повидимому около 1767 г.) сенатъ предлагалъ подвергать наказанію не только убійцъ, но даже всѣхъ крѣпостныхъ людей, не защищавшихъ убитаго помѣщика. Объ этомъ предложеніи сената мы узнаемъ изъ любопытнаго письма императрицы къ кн. Вяземскому: «Сенатъ конфондируетъ убивство съ необороною хозяина и хочетъ, чтобы смертоубійцы были сравнены съ необоронительными; но великая разница между убіенія, знанія о убіеніи и препятствія или непрепятствія убіенію. Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истребить цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ, и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно. Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно всякая малость можетъ ихъ привести въ отчаяніе, кольми паче мстительный такой законъ, какъ сенатъ вздумалъ не кстати не къ ладу издать. И такъ прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, *если въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресеченію сихъ опасныхъ слѣдствій*. Ибо, если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго наказанія, *то и противъ воли сами оную возьмутъ рано или поздно*» [2]). Это письмо дѣлаетъ честь уму Екатерины; особенно замѣчательно въ немъ ясное сознаніе того, что крѣпостные могутъ рано или поздно силою добиться измѣненія ихъ быта.

[1]) Рус. Арх. 1872 г. № 12, стр. 428—429. По этому поводу очевидно Панинъ и получилъ отъ П. Д. Еропкина списокъ убитыхъ въ московской губ. дворянъ, о которомъ мы упоминали выше.

[2]) Восемнадцатый Вѣкъ, изд. Бартенева, III, 390—391. Упоминаніе о предстоящемъ „новомъ узаконеніи“ заставляетъ насъ думать, что оно было написано во время собранія комиссіи Уложенія или незадолго до того. Не послужилъ ли поводомъ къ предложенію сената тотъ ужасный случай убійства помѣщика съ его женою, о которомъ упомянулъ гр. Строгановъ и который относится именно къ 1767 г.

Тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что, хотя бы и находя невозможнымъ «генеральное освобожденіе отъ несноснаго и жестокаго ига», Екатерина не только не сдѣлала ничего для того, чтобы оно стало удобоносимѣе, но даже еще усилила его тяжесть. Посмотримъ же, пытались ли крѣпостные сами добыть себѣ то, въ чемъ имъ отказывало правительство.

ГЛАВА XIII.

Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.

Волненія крѣпостныхъ при Петрѣ III.—Волненія крестьянъ тульской губерніи Евдокима Демидова, 1758—1762 г.—Различныя волненія 1763 г. и 1765—1769 гг.—Участіе крѣпостныхъ въ Пугачевщинѣ.—Волненія послѣ нея.

Царствованіе Петра III было началомъ новой эпохи въ исторіи дворянства: манифестомъ 18-го февраля 1762 г. дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Казалось, что періодъ закрѣпощенія разныхъ сословій въ интересахъ государства оканчивался и что не одни дворяне могли разсчитывать на совершенное измѣненіе своего положенія. Помѣстья раздавались въ былое время служилымъ людямъ для того, чтобы, пользуясь съ нихъ доходами, они имѣли средства исполнять свои служебныя обязанности; съ цѣлью обезпечить доходъ мелкому дворянству было совершено и прикрѣпленіе крестьянъ. Если уничтожалась обязательность службы дворянъ, то, казалось, слѣдовало бы прекратить и обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Манифестъ дѣйствительно возбудилъ въ крѣпостныхъ такія надежды, и между ними разнеслись слухи о близкомъ освобожденіи. Когда они дошли до правительства, то 19-го іюня 1762 г., было объявлено, что крестьяне должны по прежнему повиноваться помѣщикамъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже началось движеніе среди крѣпостнаго населенія, то въ клинскій и тверской уѣзды, гдѣ волновались крестьяне Татищева и Хлопова, была послана команда въ 400 человѣкъ съ 4-мя пушками и кирасирскій полкъ Виттена. Самъ Виттенъ поскакалъ въ Тверь съ повелѣніемъ, чтобы, по усмиреніи крестьянъ въ этихъ двухъ уѣздахъ, войско было отправлено въ другія мѣста [1]). Волненіе дѣйствительно вспыхнуло во многихъ мѣстностяхъ: у Татищева крестьяне срыли и разбросали хоромы; у Хлопова разграбили домъ, житницы съ хлѣбомъ и оброчныя деньги, а помѣщикамъ послали сказать,

[1]) П. С. З. XV, 11.577.

чтобы они къ нимъ не ѣздили. У Татищева волновалось 700 душъ, у Хлопова 800. Кромѣ того, начались волненія бѣлевскихъ крестьянъ Зыбина (340 душъ), галицкихъ княгини Долгоруковой (2000 душъ), каширскихъ Балкъ-Полева (950 душъ), тульскихъ и епифанскихъ Офросимова (650 душъ), волоколамскихъ Дмитріева-Мамонова (400 душъ). Со стороны крестьянъ Татищева и Хлопова войско встрѣтило энергическое сопротивленіе въ произошедшемъ сраженіи трое крестьянъ были убиты, двѣнадцать ранены. За то и крестьяне ранили одного офицера, захватили въ плѣнъ 64 солдата. Впрочемъ, продержавъ три дня, они отправили ихъ назадъ въ Тверь. Кромѣ того, въ вяземскомъ уѣздѣ волновались крестьяне князей Долгоруковыхъ (1000 душъ); они прибили и ограбили прикащиковъ и просили сенатъ приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ [1]). Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ были усмирены уже при Екатеринѣ II [2]).

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, императрица обнародовала манифестъ, который былъ буквальнымъ повтореніемъ манифеста Петра III: «Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ», сказано было въ немъ, «чтобы всѣ и каждый при своихъ благонадежныхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать» [3]). Но такъ какъ не дѣйствовала даже ссылка на «божескія узаконенія», будто бы требовавшія сохраненія крѣпостнаго права, то для усмиренія крестьянъ князей Долгоруковыхъ, въ вяземскомъ уѣздѣ, былъ отправленъ князь Вяземскій, тотъ самый, которому вслѣдъ затѣмъ было поручено прекратить волненіе уральскихъ горнозаводскихъ крестьянъ. Военный отрядъ князя Вяземскаго встрѣтилъ толпу около 2,000 человѣкъ; вооруженные рогатинами, крестьяне бросали въ солдатъ камнями и полѣньями, но войско отвѣчало пальбою изъ пушекъ. До 20-ти человѣкъ крестьянъ было убито и не менѣе ранено. Послѣ того крестьяне смирились и зачинщики были арестованы [4]).

[1]) *Соловьевъ* XXV, 23—24.

[2]) По словамъ самой Екатерины, при вступленіи ея на престолъ волновалось до 150000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Сб. Ист. Об. X. 381.

[3]) П. С. З. XVI, 11 593 3 Іюля.

[4]) П. С. З. XVI, 11.678, 8 октября.

Какъ усмирялись волненія крѣпостныхъ крестьянъ въ это время, видно изъ слѣдующаго. Въ 1756 г., село Русаново, алексинскаго уѣзда тульской губерніи (744 души), принадлежавшее женѣ кн. П. И. Репнина, рожденной графинѣ Головкиной, было продано статскому совѣтнику Никитѣ Демидову. Такъ какъ у Демидова по сосѣдству были другія вотчины, то крестьяне должны были знать его крутой нравъ и потому не захотѣли повиноваться новому владѣльцу. Нужно замѣтить, что вообще весьма часто происходили волненія при переходѣ имѣнія изъ однѣхъ рукъ въ другія [1]). Когда для отказу этого имѣнія Демидову пріѣхалъ изъ вотчинной коллегіи отказчикъ, съ командою и понятыми, они впустили ихъ на господскій дворъ, а затѣмъ били ихъ, хотѣли зажечь хоромы, гдѣ они остановились, выгнали ихъ вонъ и въ отказъ не пошли. Для усмиренія крестьянъ былъ посланъ прапорщикъ съ военнымъ отрядомъ, но крестьяне не позволили имъ въѣхать въ село Русаново, грозя убить ихъ, и сказали, что Демидова и дѣтей его слушать не будутъ. Демидовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія сената [2]) и тотъ отправилъ для усмиренія крестьянъ секундъ-маіора Веденяпина. При немъ было 260 чел. солдатъ; для «отказа» Демидову села Русанова его сопровождалъ регистраторъ вотчинной коллегіи. Кромѣ того алексинская воеводская канцелярія отправила одного подпрапорщика съ 30-ю служилыми людьми, съ тѣмъ, чтобы онъ собралъ понятыхъ и явился въ распоряженіе Веденяпина. Они собрали около 200 человѣкъ. Наконецъ прикащики Демидова, Утятовы, привели изъ другой его вотчины до 700 чел. Въ концѣ февраля 1758 г., какъ военный отрядъ, такъ и эти толпы крестьянъ подошли къ селу Русанову. Начальникъ отряда съ четырьмя сопровождавшими его офицерами, три раза ѣздилъ въ Русаново, объявилъ данный ему указъ и уговаривалъ крестьянъ, но они его не послушали. Вслѣдъ затѣмъ началось кровавое побоище. О немъ существуетъ два противоположныхъ свидѣтельства. Вотъ какъ разсказывали объ этомъ дѣлѣ повѣренные русановскихъ крестьянъ допрошенные понятые и другіе очевидцы.

Прикащики Демидова, узнавъ, что крестьяне продолжаютъ стоять на своемъ, просили Веденяпина, чтобы онъ позволилъ распорядиться съ ними такъ, какъ имъ приказалъ господинъ; тотъ уговаривалъ прикащиковъ дать крестьянамъ время одуматься и даже сказалъ, что ему не вѣ-

[1]) Въ 1751 г., Никита Демидовъ купилъ у кн. Репнина имѣніе въ обоянскомъ уѣздѣ; крестьяне не дали отказать себя за Демидова. *Соловьевъ*, XXIII, 123—124.

[2]) *Соловьевъ*, XXIV, 174.

лѣно поступать съ ними «военною рукою»; но прикащики рѣшили иначе. Они подпоили крестьянъ и потомъ, разъѣзжая верхомъ, съ обнаженными кортиками, велѣли имъ бить ослушниковъ чугунными дубинами, насаженными на шесты, и кидать въ нихъ каменьями, привезенными на 20-ти возахъ. Приведенные крестьяне, набравъ каменьевъ за пазухи и въ полы, напали на жителей села Русанова, хотя тѣ вовсе не хотѣли вступать въ драку. Войско не участвовало въ схваткѣ, но въ то же время Веденяпинъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы помѣшать этой бойнѣ.

Совершенно иное говорятъ оффиціальные источники; вотъ какъ разсказано это дѣло въ сенатскомъ указѣ 18-го декабря 1762 г., вѣроятно, на основаніи донесеній Веденяпина. Когда войско подошло къ селу, вооруженные крестьяне съ двумя пушками выѣхали къ нему на встрѣчу и отвѣчали маіору и посланнымъ отъ него, что они готовы всѣ помереть, а въ село его не впустятъ, за Демидовымъ быть не хотятъ и въ отказъ не идутъ. Когда, не смотря на это, военный отрядъ сталъ вступать въ село, крестьяне напали на него, стали стрѣлять изъ ружей и пушки, которая была потомъ у нихъ отнята, и ранили двухъ офицеровъ, многихъ драгунъ и солдатъ, а также и лошадей. Когда они увидѣли прикащиковъ Демидова и бывшихъ съ ними крестьянъ, то напали на нихъ, «били смертно и перебились въ кровь, такъ что напослѣдокъ и сами межъ собою дрались съ тѣми крестьяны, кои въ противности на на драку идти не хотѣли, смертно, и кололись», такъ что, будто бы, военная команда должна была ихъ разнимать. Войско, наконецъ, вступило въ село, крестьяне были приведены въ послушаніе и отказаны за Демидова.

Сравнивъ оба эти разсказа, мы придемъ къ убѣжденію, что ни тотъ, ни другой не заключаютъ въ себѣ полной истины. Изъ сенатскаго указа видно, что крестьяне не стояли такими агнцами, какъ это хотятъ представить свидѣтели, допрошенные на слѣдствіи. Но, съ другой стороны, весьма подозрительно и совершенное выгораживаніе изъ дѣла прикащиковъ Демидова, тогда какъ всѣ свидѣтели единогласно говорятъ, что они подпаивали приведенныхъ съ собою крестьянъ и сами, верхомъ и съ кортиками въ рукахъ, предводительствовали своею импровизированною арміею.

Какъ бы то ни было, дѣло кончилось весьма кроваво: тридцать крестьянъ села Русанова было убито на мѣстѣ, 33 человѣка ранено такъ тяжело (у многихъ были проломлены головы), что всѣ они умерли. Остальныхъ крестьянъ переловили и, связавъ, держали подъ карауломъ.

На третій день послѣ побоища убитые были похоронены при церкви села Русанова священникомъ одного сосѣдняго погоста, такъ какъ мѣстные попы находились въ это время подъ арестомъ за то, что совѣтовали не слушаться Демидова. Послѣ того арестованные крестьяне были освобождены; но военная команда и всѣ понятые еще недѣли три стояли тутъ постоемъ [1]).

Крестьяне села Русанова не забыли жестокаго избіенія своихъ товарищей, и въ царствованіе Петра III они подали, въ маѣ 1762 г., челобитную, въ которой прямо обвиняли Евдокима Демидова въ умерщвленіи крестьянъ, убитыхъ во время описаннаго побоища. «Во время того Демидова владѣнія..... сыномъ его, Евдокимомъ Демидовымъ, убито до смерти 63 человѣка, а одного человѣка еще, положа на разженную горячую чугунную доску, билъ кнутьями и пережегъ руку, отчего лежалъ при смерти 12 недѣль, и какъ выздоровѣлъ, то сослалъ на сибирскіе свои заводы, и 12 человѣкъ отдалъ въ солдаты, а отъ достальныхъ имѣющихся за нимъ во владѣніи крестьянъ всѣ крестьянскіе пожитки и скотъ рогатый и прочее отобралъ къ себѣ и насъ именованныхъ мучитъ денно и нощно, какъ мужескъ такъ и женскъ полъ въ работахъ безъ всякаго пропитанія. И земля наша пахотная и сѣнные покосы лежатъ въ пустѣ, отчего пришли въ крайнее разореніе и нищету и дневной пищи лишились, да и опасны и впредь, чтобъ онымъ Евдокимомъ Демидовымъ не были перебиты и всѣхъ до смерти не пережегъ бы на чугунныхъ доскахъ подъ битьемъ кнутьями». Крестьяне просили отписать ихъ на государя. Къ сожалѣнію, они повредили себѣ тѣмъ, что изложили свою просьбу весьма неточно: по ихъ челобитной выходило, что будто Евдокимъ Демидовъ самъ убилъ крестьянъ.

Императоръ приказалъ сенату разсмотрѣть это дѣло и тотъ назначилъ для производства слѣдствія подполковника кн. Енгалычева. Между тѣмъ Евдокимъ Демидовъ подалъ прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что челобитчики, возвратившись изъ Петербурга, разгласили, будто они принесли съ собою именной указъ, и такимъ образомъ возмутили всѣхъ крестьянъ. Поэтому они не слушаютъ прикащика, обязались клятвою быть заодно и отказались идти работать на его Дугненскій желѣзный заводъ [2]), такъ что заводскія работы остановились. Демидовъ просилъ сенатъ усмирить

[1]) Въ апрѣлѣ 1762 г. 25 человѣкъ крестьянъ Демидова были „заплечнымъ мастеромъ“ наказаны кнутомъ въ селѣ Русановѣ; остальные давали прикащикамъ взятки, чтобы избавиться отъ наказанія.

[2]) По новому раздѣленію на губерніи онъ находился въ калужскомъ уѣздѣ.

крестьянъ и наказать зачинщиковъ. Съ своей стороны, тульская провинціальная канцелярія донесла, что для увѣщанія крестьянъ сначала посылали священниковъ, а потомъ отставнаго секундъ маіора. Тѣ отвѣчали, что на заводъ Демидова отправляютъ на работу по 207 человѣкъ, да, кромѣ того, въ Русановѣ нѣкоторые изъ нихъ ходятъ работать на господскій дворъ; а когда господинъ ихъ потребовалъ еще 50 человѣкъ, то они не дали, такъ какъ у нихъ подана просьба на него въ сенатъ, и потому опасаются, чтобы Демидовъ по злобѣ за это не разослалъ ихъ въ свои дальніе заводы, да и впредь не дадутъ рабочихъ, пока не получатъ рѣшенія по своему челобитью. Получивъ эти свѣдѣнія, сенатская контора 28-го августа, уже по восшествіи на престолъ Екатерины, приказала Енгалычеву отправиться на слѣдствіе.

По пріѣздѣ въ Алексинъ, онъ велѣлъ крестьянамъ выбрать отъ себя человѣкъ 30 «лучшихъ» людей. Черезъ недѣлю выборные явились и, кромѣ того, добровольно пришло много крестьянъ села Русанова. Они подтвердили въ коммиссіи справедливость всего написаннаго въ ихъ челобитной. Для веденія дѣла они выбрали пять повѣренныхъ, въ числѣ которыхъ были и два крестьянина, подававшіе челобитную, а остальные были распущены по домамъ съ обязательствомъ никуда не отлучаться. На допросахъ повѣренныхъ и разныхъ свидѣтелей прежде всего оказалось, что «смертное убивство учинено не самимъ Евд. Демидовымъ», а только «подлинно съ его приказанія». Относительно жестокаго наказанія одного крестьянина повѣренный показалъ, что въ 1759 г. на Дугненскомъ заводѣ Демидова высѣкли кнутьями крестьянина Филиппова на чугунной доскѣ, которая бываетъ всегда горяча, такъ какъ находится близь самаго устья доменной печи, при чемъ ему пережгли руку; онъ былъ наказанъ по приказанію прикащика Красноглазова, который, чтобы скрыть это дѣло, отправилъ его на сибирскіе заводы Демидова. На вопросъ о томъ, на какія работы ихъ посылаетъ Демидовъ, повѣренный отвѣчалъ: «На желѣзныхъ своихъ заводахъ денно и нощно какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ мучилъ, иногда съ перемѣною, а по большей части въ работахъ бывали все той вотчины крестьяне по немалому времени, за что имъ хотя и производилась отъ него, Демидова, плата, только самая малая». Крестьяне же въ теченіе цѣлыхъ 4-хъ лѣтъ, съ 1758 по 1762 г., не пахали своей пашни и не косили покосовъ и только въ послѣдній годъ засѣяли землю. Четыре другихъ выборныхъ показали буквально тоже самое. Когда Енгалычевъ пріѣхалъ въ село Русаново, всѣ крестьяне подтвердили ихъ показанія и заявленія сво-

ихъ товарищей, приходившихъ въ коммиссію. Отъ работы на заводѣ они по прежнему отказывались. На слѣдствіи понятые и другіе очевидцы побоища показали всѣ согласно съ русановскими крестьянами. Послали на Дугненскій заводъ за прикащиками Утятовыми и Красноглазовымъ, но не нашли ихъ: Красноглазовъ былъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ и, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, страшно мучилъ тамъ горнозаводскихъ крестьянъ, а Утятовы были неизвѣстно гдѣ.

Въ декабрѣ 1762 г. слѣдствіе было неожиданно прекращено по указу сената. Причиною этой мѣры было выставлено то, что крестьяне жаловались на убійство 63-хъ человѣкъ самимъ Демидовымъ, между тѣмъ оказалось, что это сдѣлано его прикащиками и только будто бы по его приказанію, а что во время побоища 1758 г. было убито много крестьянъ, то, по мнѣнію сената, въ этомъ виноваты они сами, такъ какъ отказывались тогда слушаться Демидова, да и теперь продолжаютъ упорствовать. По донесенію Демидова, они выгнали изъ села его прикащика; бьютъ тѣхъ, которые заявили готовность работать на заводѣ; не даютъ возить къ нему собственный его хлѣбъ, а только варятъ пиво и пьянствуютъ. Кромѣ того они возмутили крестьянъ лихвинской вотчины Демидова, села Гущина [1]), такъ что тѣ отказались отъ всякихъ работъ. Поэтому сенатъ предписалъ военной коллегіи отправить въ алексинскую и лихвинскую вотчины Демидова воинскую команду съ штабъ-офицеромъ, который долженъ сначала всячески уговаривать крестьянъ, прочесть имъ указы, изданные по поводу волненій, и, если все это не подѣйствуетъ, то поступить съ ними «по всей строгости законовъ». Что касается жалобъ крестьянъ на наказаніе одного изъ нихъ кнутьями на горячей чугунной доскѣ, то по этому поводу сенатъ замѣчаетъ: «хотя оные крестьяне имъ, Демидовымъ, и покупные, почему за непослушаніе по винамъ ихъ и наказывать ихъ можетъ, однако же объявленное наказаніе не есть родъ обыкновеннаго наказанія, но безчеловѣчнаго мученія». Поэтому Енгалычеву было поручено развѣдать, дѣйствительно ли крестьянинъ былъ высѣченъ такимъ обръзомъ. А что крестьяне жалуются на Демидова, что онъ отдалъ 12 человѣкъ въ солдаты за другія деревни, что онъ отбираетъ у остальныхъ пожитки и мучитъ ихъ работами, то на эти жалобы не слѣдуетъ обращать вниманія, такъ какъ, по словамъ сенатскаго указа, «когда они его крѣпостные, то онъ въ томъ надъ ними власть имѣетъ».

[1]) Тамъ были волненія еще въ 1757 г.

Получивъ этотъ указъ, Енгалычевъ отправилъ на Дугненскій заводъ одного канцеляриста, чтобы по близости его у постороннихъ людей, а также и у тамошнихъ жителей, онъ развѣдалъ объ этомъ наказаніи крестьянина и отобралъ свѣдѣнія за подписью. Нельзя не замѣтить, что это важное обстоятельство Енгалычевъ долженъ былъ бы изслѣдовать самъ, а не поручать какому-то канцеляристу, котораго было легко подкупить. Другой канцеляристъ былъ отправленъ въ село Русаново. Онъ долженъ былъ созвать крестьянъ на сходку, съ тѣмъ, чтобы они выбрали до 20-ти чел. «лучшихъ» людей и отправили вмѣстѣ съ нимъ въ Алексинъ въ слѣдственную коммиссію для выслушанія вновь полученнаго сенатскаго указа. Если вѣрить донесенію посланнаго, на Дугненскомъ заводѣ заводскіе мастеровые показали, что въ 1760 г. крестьянинъ Филипповъ, по приказанію прикащика Красноглазова, былъ высѣченъ ѣзжалыми кнутьями на холодномъ чугунномъ полу, а не на горячей доскѣ и притомъ рука у него не была повреждена. Посторонніе люди, по словамъ того же канцеляриста, также видали крестьянина Филиппова послѣ того здоровымъ. Жители же села Русанова не дали выбрать крестьянъ для выслушанія въ Алексинѣ сенатскаго указа, сказавъ, что указъ этотъ составленъ Енгалычевымъ въ Тулѣ, вмѣстѣ съ самимъ Демидовымъ.

На этомъ прекратилась дѣятельность коммиссіи Енгалычева. По слѣдствію выходило, что заявленія крестьянъ въ ихъ челобитной были не совсѣмъ точны; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ положеніе было крайне тяжелое. Доказательствомъ этого служитъ ихъ долгое, упорное сопротивленіе, а кромѣ того и сравненіе съ тѣмъ, что испытывали даже государственные крестьяне на Авзяно-Петровскомъ заводѣ (на Уралѣ), принадлежавшемъ тому же Евд. Демидову [1]).

Въ началѣ 1763 г. было волненіе среди крѣпостныхъ крестьянъ пошехонскаго уѣзда помѣщиковъ Мотова, Красильникова и помѣщицы Ермолаевой. Воеводская канцелярія донесла сенату, что они «посланной изъ отставныхъ командѣ и понятымъ не дались». Сенатъ отослалъ это донесевіе въ московскую губернскую канцелярію, такъ какъ сенатскимъ указомъ 17-го ноября 1762 г. [2]) было велѣно, если произойдутъ гдѣ либо ослушанія крѣпостныхъ крестьянъ, то губернаторы и воеводы могутъ сами требовать войско отъ военной коллегіи и затѣмъ поступать на основаніи указовъ о волненіяхъ, изданныхъ 3-го іюля и 8-го октября

[1]) Арх. М. Ю., № 918—3401, л. 1—154, № 910—3402.

[2]) Его нѣтъ въ П. С. З.

(см. выше). Это показываетъ, какимъ обычнымъ явленіемъ въ то время были волненія крѣпостнаго населенія [1]).—Въ томъ же 1763 г., взбунтовались и были усмирены крестьяне уфимскаго уѣзда генералъ-маіора Тевкелева. Зачинщиками оказались 14 человѣкъ и одинъ отставной солдатъ. Сенатъ приказалъ наказать крестьянъ по желанію помѣщика и вновь отдать ему, а солдата публично наказать плетьми [2]).—Въ новгородскомъ уѣздѣ въ бѣжецкой пятинѣ волновались крестьяне протоіерея московскаго Благовѣщенскаго собора Дубянскаго, князей Мещерскихъ и другихъ помѣщиковъ, всего до 600 человѣкъ [3]).

Мы видѣли, что въ 1762 году въ клинскомъ и тверскомъ уѣздахъ волновались крестьяне Хлопова и Татищева. Въ началѣ слѣдующаго года эти помѣщики подали челобитную, въ которой жаловались, что, не смотря на убытки, понесенные ими во время этихъ волненій, съ нихъ еще взыскиваютъ деньги, издержанныя во время усмиренія, именно за провіантъ, лѣченіе солдатъ и на прогонныя деньги курьерамъ, и просили сенатъ освободить ихъ отъ этого взысканія, такъ какъ «тѣ воинскія команды не ради одной ихъ пользы посланы, но по причинѣ многихъ разнымъ помѣщикамъ отъ крестьянъ противностей и съ высочайшей е. и. в. милости, дабы чрезъ то чинимое ими возмущеніе скорѣе искоренить и крестьянъ въ должность и въ спокойствіе привесть, а другимъ къ тому поводъ пресѣчь». Сенатъ не только освободилъ отъ взысканія Хлопова, Татищева и другихъ помѣщиковъ, крестьяне которыхъ обнаруживали неповиновеніе, но и обобщилъ эту мѣру. Такъ какъ денежный штрафъ составляетъ для крестьянъ самое тяжелое наказаніе, то сенатъ предложилъ императрицѣ, чтобы, въ случаѣ новыхъ волненій помѣщичьихъ крестьянъ, кромѣ обычнаго наказанія, «дабы чувствительнѣе то имъ было», взыскивать съ нихъ еще деньги, издержанныя на ихъ усмиреніе. Императрица согласилась съ этимъ предложеніемъ, и въ іюлѣ 1763 г. появился именной указъ, возлагавшій уплату издержекъ по усмиренію волненія на тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ, при чемъ говорилось уже не объ однихъ крѣпостныхъ, но вообще о всѣхъ крестьянахъ [4]).

Въ октябрѣ 1763 г. военная коллегія составила общія правила, ко-

[1]) Арх. М. Ю. Жур. и Прот. Сен. № 1011—3494, л. 187.

[2]) Ibid. № 1012—3495, л. 218.

[3]) Ibid. № 1016—3499. л. 7. Въ 1763 г. волновались еще въ волоколамскомъ уѣздѣ крестьяне Владиміра Шереметева (1237 душъ). А. М. Ю. № 924—3407, л. 591; срав. выше о жалобахъ его крестьянъ, поданныхъ императрицѣ.

[4]) Ibid. № 1011—3494, л. 406. П. С. З. XVI, 11.875.

торыми должны были впредь руководствоваться начальники военныхъ отрядовъ, посылаемыхъ для усмиренія крестьянъ. Мы подробно изложимъ эту инструкцію, такъ какъ впослѣдствіи она служила основаніемъ для всѣхъ дѣйствій военныхъ командъ во время крестьянскихъ волненій. Когда военный отрядъ приблизится къ мѣсту своего назначенія, его начальникъ приказываетъ зарядить ружья пулями, а пушку холостымъ зарядомъ. Потомъ требуетъ священника того прихода, къ которому принадлежатъ волнующіеся крестьяне, нѣкоторое количество окольныхъ жителей въ видѣ понятыхъ, а также сотскихъ и десятскихъ и, остановившись саженяхъ въ двухъ стахъ отъ селенія, посылаетъ священника, коммиссара [1]), подъячаго и офицера съ пятьюдесятью рядовыми уговаривать крестьянъ слушаться помѣщиковъ и властей, а между тѣмъ разставляетъ въ удобныхъ мѣстахъ пикеты, чтобы переловить ихъ въ случаѣ, если они разбѣгутся. Въ то же время главный отрядъ приближается къ селенію, при чемъ для устрашенія жителей раза три стрѣляютъ изъ пушки холостыми зарядами. Если увѣщанія офицера, посланнаго впередъ съ командою, не произведутъ никакого дѣйствія, онъ долженъ отступить для соединенія съ главнымъ отрядомъ. Приближаясь къ толпѣ крестьянъ, главный начальникъ также долженъ былъ требовать, чтобы они оставили свое упорство; если это не дѣйствовало, онъ приказывалъ, стрѣляя гранатами, зажечь солому и сѣно, которыя обыкновенно сложены у крестьянъ на гумнѣ, и, произведя этотъ пожаръ, все продолжалъ наступленіе. Если это устрашитъ крестьянъ и они выкажутъ готовность къ послушанію, то начальникъ отряда долженъ потребовать къ себѣ старосту или выборнаго съ лучшими крестьянами, «съ ласковостію» разспрашивать ихъ, что за причина непослушанія и кто ихъ къ тому возмущалъ, и стараться переловить всѣхъ зачинщиковъ и потушить пожаръ, при чемъ солдаты не должны были позволять себѣ никакихъ насилій надъ крестьянами. Затѣмъ арестованныхъ слѣдовало отправить въ ближайшее судебное мѣсто, а всѣхъ крестьянъ обязать подписками, что впредь они будутъ послушны. Если же дѣло приметъ иной оборотъ и на крестьянъ не подѣйствуетъ даже пожаръ, начавшійся въ ихъ селеніи, то слѣдуетъ дать залпъ изъ ружей, но только не по людямъ, а вверхъ; буде крестьяне не сробѣютъ и новыхъ увѣщаній не послушаютъ, то, подойдя къ нимъ ближе, выстрѣлить изъ пушки картечью, но также вверхъ, если

[1]) Котораго назначали при отправленіи команды изъ находящихся не у дѣлъ дворянъ.

же и послѣ того они будутъ бросать въ солдатъ каменьями или нападать на нихъ съ какимъ нибудь оружіемъ, то часть отряда должна начать настоящую пальбу и, какъ только толпа обратится въ бѣгство, прекративъ выстрѣлы, стараться переловить и разыскать зачинщиковъ. Наконецъ, если все это не образумитъ крестьянъ, то «поступать съ ними всѣмъ воинскимъ обрядомъ, аки съ противниками е. и. в. указовъ».

Препровождая эту инструкцію на одобреніе сената, военная коллегія высказала свое мнѣніе, что при требованіи военныхъ командъ для усмиренія крестьянъ со стороны помѣщиковъ или монастырскихъ властей, проситель долженъ представить свидѣтельство отъ губернатора или воеводы, что крестьяне дѣйствительно принадлежатъ ему и ни съ кѣмъ не находятся въ спорѣ; затѣмъ отъ владѣльца слѣдовало узнать, сколько въ его вотчинѣ взрослыхъ рабочихъ, и отправить военную команду въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждые сто рабочихъ приходилось по 50 рядовыхъ съ одною пушкою подъ начальствомъ капитана; если же крестьянъ будетъ болѣе, то назначать число солдатъ по указанной пропорціи, но начальствовать отрядомъ долженъ уже штабъ-офицеръ. При этомъ военный начальникъ долженъ дѣйствовать независимо, а не подъ руководствомъ гражданскихъ властей. Военная коллегія предлагала также, чтобы во все время командировки солдаты и офицеры получали сверхъ окладнаго жалованья особые суточные на счетъ крестьянъ, но сенатъ на это не согласился, находя, что отъ этого будетъ владѣльцамъ «сугубая тягость»: они и безъ того уже вслѣдствіе возмущенія крестьянъ лишаются своихъ доходовъ; усмиреніе всякихъ волненій составляетъ обязанность военныхъ людей, и потому ихъ слѣдуетъ командировать въ этихъ случаяхъ «равно какъ противъ непріятеля» безъ особой прибавки къ жалованью; что же касается казенныхъ убытковъ, то ихъ должно взыскивать съ крестьянъ на основаніи указа 4 іюля 1763 г. Относительно содержанія инструкціи сенатъ замѣтилъ только, что нельзя предусмотрѣть разъ на всегда всѣхъ подробностей, обусловливаемыхъ мѣстностію и числомъ возставшихъ крестьянъ, и потому предоставилъ это дѣло военной коллегіи съ тѣмъ только, чтобы въ подобныхъ случаяхъ она всякій разъ давала письменныя инструкціи, «предостерегая при томъ, дабы возмутившіеся крестьяне, сколько возможно, безъ разоренія ихъ и пожеговъ, а особливо безъ кровопролитія приводимы были въ послушаніе, развѣ уже необходимость востребуетъ употребить строгость по воинскимъ обрядамъ» [1]).

[1]) Арх. М. Ю. № 924—3407, л. 591—600.

Мы говорили уже, что волненія нерѣдко случались при переходѣ имѣнія отъ одного помѣщика къ другому. Для такого перехода было недостаточно составить купчую крѣпость и записать имущество за пріобрѣтателемъ въ вотчинной коллегіи: нужно было совершить такъ называемый отказъ, т. е. огласить о пріобрѣтеніи собственности на мѣстѣ. Послѣ совершенія формальнаго отказа крестьяне должны были быть въ полномъ послушаніи своему новому владѣльцу [1]), но самый этотъ актъ весьма часто сопровождался безпорядками, которые иногда вызывались неправильными дѣйствіями самой администраціи. Вотъ что случилось въ смоленской губерніи. Между секундъ-маіоромъ Шупинскимъ съ одной стороны и смоленскими шляхтичами Потемкиными — Петромъ-большимъ, Петромъ-меньшимъ и сестрою ихъ Авдотьею, съ другой—происходилъ споръ изъ-за крестьянъ. По челобитью Шупинскаго, вотчинная коллегія приказала «отставить» произведенную Потемкинымъ «дачу» на недвижимое имѣніе и отказныя книги. Такъ какъ среди крестьянъ замѣтно было волненіе, то, чтобы объявить предписаніе вотчинной коллегіи и арестовать виновныхъ, губернская канцелярія отправила военный отрядъ; но семья Потемкиныхъ, т. е. два брата и сестра, подговорили крестьянъ не слушаться команды. Произошла схватка и трое изъ крестьянъ были убиты. Тогда Потемкины и 13 человѣкъ крѣпостныхъ были арестованы, привезены въ губернскую канцелярію, и тутъ 3 крестьянъ наказаны кнутомъ, а 10 плетьми. Петръ-большой Потемкинъ, служившій въ полку смоленской шляхты, былъ отосланъ къ генералъ-маіору Лыкошину, чтобы судить его военнымъ судомъ, а о томъ, что дѣлать съ его младшимъ братомъ и сестрой, губернская канцелярія послала, въ январѣ 1764 г., запросъ въ сенатъ. Однако сенатъ нашелъ, что губернская канцелярія дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ совершенно неправильно: вотчинная коллегія рѣшила уничтожить дачу, прежде произведенную Потемкинымъ [2]), а кому именно владѣть этимъ недвижимымъ имѣніемъ, того въ ея указѣ сказано не было, поэтому губернская канцелярія не должна была наказывать крестьянъ и передавать ихъ во владѣніе Шупинскому, за которымъ они еще не были утверждены вотчинною коллегіею, тѣмъ болѣе же «весьма не надлежало» посылать туда военную команду, вслѣдствіе отправки которой было убито нѣсколько человѣкъ, а слѣдовало только послать въ имѣніе какого нибудь подъячаго

[1]) *Побѣдоносцевъ*. Гражданское право, I, 248, 254—255.

[2]) „Дачею" называлась записка имущества за пріобрѣтателемъ въ вотчинной коллегіи.

и объявить объ «отставкѣ» дачи, произведенной Потемкинымъ. Поэтому сенатъ приказалъ юстицъ-коллегіи потребовать отвѣта отъ губернской канцеляріи и представить сенату о томъ, какому она подлежитъ наказанію, а до рѣшенія дѣла Петра-большаго Потемкина военнымъ судомъ не судить и освободить изъ-подъ караула. Позднѣе сенатъ приказалъ, чтобы о Потемкиныхъ, если они не состоятъ на военной службѣ, произнесла рѣшеніе смоленская губернская канцелярія [1]).

Въ 1765 году волновались крестьяне воронежской губерніи, тамбовскаго уѣзда, помѣщика секундъ-маіора Фролова-Багрѣева. Причины ихъ неудовольствія видны изъ челобитной, поданной императрицѣ. До 1725 г. село Васильевское или Русская Поляна съ деревнями было въ числѣ дворцовыхъ вотчинъ, а въ этомъ году было пожаловано камеръ-юнкеру барону Поспѣлову; въ 1732 г. ему будто бы велѣно было деревень не продавать и не закладывать. Однако по смерти Поспѣлова его вдова изъ своей указной части однихъ крестьянъ продала къ фабрикѣ купцу Горденину, а другихъ помѣщику Фролову-Багрѣеву; остальные же крестьяне, какъ выморочные, были взяты въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи. Тотчасъ послѣ продажи части этого имѣнія крестьяне, считая продажу незаконною, подавали челобитную имп. Елизаветѣ; за это купецъ Горденинъ схватилъ челобитчика и въ кандалахъ приковалъ къ стѣнѣ; по словамъ крестьянъ, онъ продержалъ его такимъ образомъ четыре года. Какъ то освободившись, челобитчикъ пришелъ въ Петербургъ, чтобы вновь подать прошеніе, но былъ схваченъ и отправленъ по желанію владѣльца въ Тобольскъ, откуда въ 1764 г. по милостивому манифесту вновь отпущенъ на родину. Въ этомъ же году остальные крестьяне бывшей вотчины Поспѣлова изъ вѣдомства канцеляріи конфискаціи были по именному указу по прежнему приписаны къ дворцовымъ волостямъ. Тогда крестьяне, проданные Поспѣловою Фролову-Багрѣеву, стали доказывать, что и они должны быть также дворцовыми. Поспѣлова могла продать свою указную часть, и слѣдовательно юридически крестьяне были не правы, но они имѣли полное нравственное основаніе для своей претензіи: въ то время, когда ихъ бывшіе товарищи вновь возвращаются въ дворцовое вѣдомство, они остаются крѣпостными только вслѣдствіе того, что у Поспѣлова была жена и что ей оказалось нужнымъ выдѣлить указную часть.

[1]) Арх. М. Ю. № 73—4974, л. 261—298. И въ другихъ мѣстностяхъ въ случаѣ отказа спорнаго имѣнія помѣщики побуждали крестьянъ къ ослушанію. *А. Пупаревъ*. Орловская Старина. Истор. свѣд. объ Орловской губ. Извлечены изъ архивовъ. Орелъ, 1872. I, 176—177, ср. 85—86.

Въ справедливости претензіи крѣпостныхъ Фролова-Багрѣева, которыхъ было всего 65 душъ, ихъ поддерживали бывшіе ихъ товарищи, теперь дворцовые крестьяне, жившіе въ томъ же селѣ Васильевскомъ, а также и мѣстный священникъ. Они не захотѣли болѣе повиноваться помѣщику, желая также быть дворцовыми, и господинъ жаловался потомъ, что они въ августѣ 1765 г. «учинили противъ него бунтъ и при помощи... дворцовыхъ волостныхъ крестьянъ домъ его разграбили, такожъ и переведенныхъ изъ другихъ его деревень... людей и крестьянъ, бивъ смертнымъ боемъ, всякіе пожитки пограбили и изъ домовъ ихъ выбили». По просьбѣ прикащика Фролова-Багрѣева былъ посланъ арестовать нѣсколькихъ крестьянъ прапорщикъ съ тремя солдатами, но ихъ товарищи до этого не допустили; тогда командированъ былъ капитанъ съ двумя офицерами и сорока солдатами. Крестьяне и ему не хотѣли выдавать товарища, требуя указа, но капитанъ, вынувъ шпагу, сказалъ: «вотъ вамъ указъ». Произошло побоище, въ которомъ крѣпостнымъ Фролова-Багрѣева помогали дворцовые крестьяне. Изъ правительственнаго отряда былъ заколотъ рогатиною поручикъ и ранено 12 солдатъ. Со стороны крестьянъ убитъ одинъ человѣкъ, а остальные разбѣжались въ лѣсъ и по дворамъ дворцовыхъ крестьянъ. Это было въ ноябрѣ 1765 г., а въ слѣдующемъ году повѣренный крестьянъ подалъ государынѣ новую челобитную, но былъ скованный отправленъ къ слѣдствію въ мѣстную провинціальную канцелярію. Слѣдствіе однако же затянулось; въ 1767 г. Фроловъ-Багрѣевъ жаловался на его медленность и тамбовская канцелярія была даже за это оштрафована, но и послѣ того не разъ приходилось понуждать ее поторопиться рѣшеніемъ. Сенатъ предписалъ за убитаго поручика и раненыхъ солдатъ, если они окажутся неспособными къ службѣ, взять изъ семействъ зачинщиковъ рекрутъ безъ зачета и со всѣхъ взыскать деньги, издержанныя на отправленіе войска [1]).

Въ 1766 г. въ воронежской губерніи волновались крестьяне-малороссіяне многихъ помѣщиковъ: въ козловскомъ уѣздѣ—гр. Бутурлина, въ добренскомъ у.—двѣ слободы гр. Р. Л. Воронцова, въ павловскомъ—генералъ поручика Сафонова, кн. Трубецкаго и Плохово; волненіе охватило и смѣжныя мѣста бѣлгородской губерніи. Крестьяне этихъ помѣщиковъ были усмирены только въ слѣдующемъ году въ присутствіи губернатора и обязаны подписками повиноваться помѣщикамъ, но съ тѣмъ,

[1]) Арх. М. Ю. № 84—3655, л. 952—955, 989—990; № 250—3821, л. 768, П. С. З. XVII, 12.669.

что если кто изъ нихъ въ этихъ слободахъ жить не захочетъ, то воленъ переходить въ другое мѣсто. (Извѣстно, что малороссіяне или, какъ тогда называли, черкасы, въ то время еще имѣли право перехода). Въ шацкомъ уѣздѣ крестьяне помѣщика Яковлева, къ которому они перешли отъ прежняго господина въ уплату долга, послѣ «отказа» отъ новаго помѣщика волновались: не хотѣли платить оброкъ и не дали никого арестовать [1]).

Крѣпостные крестьяне нетерпѣливо ожидали отъ правительства какой нибудь мѣры въ ихъ пользу, а потому охотно вѣрили разнымъ ложнымъ слухамъ, соотвѣтствовавшимъ этимъ ожиданіямъ. Въ 1766 г., нѣкоторые крестьяне подали въ главную дворцовую канцелярію челобитную, въ которой заявляли, будто бы указомъ, изданнымъ въ этомъ году, предписано «за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить не въ состояніи», отписывать ихъ на имя императрицы. Но такого указа никогда не было и составитель челобитной показалъ въ сенатѣ, что онъ самъ его не видалъ, а упомянулъ о немъ въ прошеніи только по наслышкѣ, за что и былъ нещадно наказанъ [2]). Этотъ слухъ возбудилъ волненіе въ имѣніи помѣщика Еникѣева въ темниковскомъ уѣздѣ. Въ провинціи Переяславля Залѣсскаго также пронеслась вѣсть, что помѣщичьи деревни будутъ отписаны въ казну и съ нихъ будутъ взиматься такіе же оброки, какъ и съ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ [3]).

Сенатъ продолжалъ уговаривать крѣпостныхъ безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ [4]); но волненія не только продолжались, а еще болѣе усиливались. Предписывая присылать донесенія о «происходящихъ отъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей противъ ихъ помѣщиковъ возмущеніяхъ и смертоубійствахъ, также и другихъ тому подобныхъ приключеніяхъ», сенатъ говоритъ обо всемъ этомъ въ своемъ указѣ, какъ о явленіяхъ весьма обыкновенныхъ [5]). Дѣйствительно, волненія усилились въ 1766—1768 гг., въ 1767 году было также убито много помѣщиковъ. Одинъ современникъ объясняетъ это тѣмъ, что въ вольномъ

[1]) Арх. М. Ю. № 250—3821, л. 767—768. *Соловьевъ*, XXVII, 18—19.

[2]) П. С. З. XVII, 12.633.

[3]) *Соловьевъ*, XXVII, 18, 66.

[4]) П. С. З. XVIII, 12.966.

[5]) П. С. З. XVIII, 13.008. Дворяне шелонской пятины, новгородскаго уѣзда, въ своемъ наказѣ депутату въ законодательную коммиссію заявляютъ, что крестьяне помѣщикамъ своимъ „послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ“ и просятъ въ проектѣ новыхъ законовъ подтвердить..., что узаконенная издревле помѣщицкая власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлется: безотмѣнно, какъ донынѣ была, такъ и впредь будетъ. Сб. Ист. Общ. XIV, 348—349.

экономическомъ обществѣ былъ поднятъ вопросъ о дарованіи крестьянамъ правъ собственности на землю, а также въ коммиссіи уложенія нѣкоторые депутаты коснулись крестьянскаго вопроса [1]). Но задача вольнаго экономическаго общества едва ли могла быть извѣстна крестьянамъ, а въ коммиссіи уложенія пренія, возбужденныя депутатами Коробьинымъ и другими, происходили въ 1768 г. Скорѣе можно думать, что не тѣ или другія пренія въ ней, а самый фактъ созванія коммиссіи могъ подать поводъ къ волненіямъ крѣпостныхъ, какъ онъ отозвался и на нѣкоторыхъ горнозаводскихъ крестьянахъ [2]). Что созваніе законодательной коммиссіи возбуждало нѣкоторыя надежды въ крѣпостномъ населеніи Россіи, хотя оно и не имѣло въ ней своихъ депутатовъ, это видно и изъ оффиціальнаго свидѣтельства [3]).

Помѣщики были такъ напуганы, что иногда преждевременно поднимали тревогу. Лѣтомъ 1767 г. помѣщикъ копорскаго уѣзда, баронъ Черкасовъ, извѣстилъ письменно сенатора В. И. Суворова, что между крестьянами ходитъ слухъ, будто есть указъ, чтобы помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ работать на барщинѣ только по одному дню въ недѣлѣ, а остальные дни крестьяне могутъ работать на себя. Слухъ этотъ держался такъ упорно, что въ сосѣднемъ имѣніи кн. Козловскаго народъ взбунтовался и избилъ прикащика, а крестьяне принадлежащей ему, Черкасову, мызы также весьма склонны къ возмущенію. Сенатъ отправилъ въ имѣніе Черкасова капитана Литвинова. Оказалось, что его крестьяне, услышавъ отъ какого-то проходившаго мимо солдата, что есть указъ, которымъ предписано помѣщикамъ кормить крѣпостныхъ и не заставлять ихъ работать болѣе двухъ дней, — собравшись человѣкъ 30, отправились къ сотскому и спрашивали, нѣтъ ли у него такого указа или «въ инструкціи пункта». Когда сотскій отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ, то крестьяне просили его написать отъ его имени челобитную въ петер-

[1]) Чт. Общ. Ист. Древ. Росс. 1861, III „Размышл. о неудоб. дать свободу крестьянамъ", стр. 98—99.

[2]) Крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ частнымъ горнымъ заводамъ и слѣдовательно подобно крѣпостнымъ исполнявшіе тяжелыя принудительныя работы,—по выборѣ депутатовъ, отказались продолжать работу на заводахъ: черезъ нашихъ выборныхъ мы представили разныя жалобы и прошенія, разсуждали они, и до того, пока придетъ на нихъ рѣшеніе, работать не слѣдуетъ.

[3]) Въ указѣ, изданномъ по поводу подачи въ 1767 г. челобитной на своихъ господъ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ, сказано: „изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что такія преступленія большею частію происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣевающихъ вымышленные ими слухи *о перемѣнѣ законовъ*". П. С. З. XVIII, № 12.966.

бургскую губернскую канцелярію, чтобы имъ не работать болѣе двухъ дней, причемъ они говорили, что у другихъ сотскихъ такой указъ есть, да и въ дворцовыхъ волостяхъ теперь дана льгота въ работахъ. Они высказывали при этомъ подозрѣніе, что такой указъ есть и у него и что онъ не объявляетъ его только потому, что сдружился съ ихъ прикащикомъ. Однако, возвратясь послѣ того домой, крестьяне продолжали работать на барщинѣ. Относительно крѣпостныхъ кн. Козловскаго прикащикъ заявилъ, что они никакого возмущенія не дѣлали и безпрекословно исполняли барщину, а только однажды, на сходкѣ, нѣсколько крестьянъ сказали ему: «ты насъ не кормишь, а на работу посылаешь, а есть такіе указы, чтобы помѣщикамъ и прикащикамъ крестьянъ кормить, а кто кормить не станетъ, тѣхъ отпишутъ ко государю». Литвиновъ возвратился въ Петербургъ и донесъ сенату, что никакого возмущенія онъ не нашелъ [1]).

Однако, одновременно съ этимъ мнимымъ волненіемъ, происходило много дѣйствительныхъ. Въ первыхъ числахъ мая 1767 г., во время путешествія императрицы по Волгѣ, крестьяне кашинскаго уѣзда трехъ братьевъ Олсуфьевыхъ подали государынѣ челобитную на своихъ господъ. Императрица приказала объявить имъ, чтобы они по прежнему слушались своихъ помѣщиковъ, но крестьяне рѣшительно отказались. Они перестали работать напомѣщика и, собравъ значительную денежную сумму, послали выборнаго отъ себя въ Москву подать жалобу. Однако вскорѣ къ нимъ прислали пѣхотный полкъ, который и усмирилъ ихъ. 130 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ было арестовано и отправлено въ кашинскую канцелярію. Изъ нихъ одни были наказаны кнутомъ и плетьми по желанію Олсуфьевыхъ, а объ остальныхъ было представлено на усмотрѣніе московской губернской канцеляріи [2]).

Въ томъ же году помѣщикъ Сергѣевъ подалъ прошеніе въ свіяжскую провинціальную канцелярію, въ которомъ заявилъ, что крестьяне въ его деревняхъ въ чебоксарскомъ и кокшайскомъ уѣздахъ «отъ него отложились и находятся въ прекрайнемъ ему непослушаніи и въ отбывательствѣ отъ него изъ холопства и никакихъ работъ на него не работаютъ, а деревни Сергѣевки крестьяне уже и отъ подушнаго платежа отреклись и многіе изъ нихъ находятся въ бѣгахъ». Онъ просилъ послать въ его деревню команду, допросить его людей подъ пристрастіемъ, кѣмъ они возмущены и наказать виновныхъ кнутомъ. Когда отправленная свіяжскою

[1]) Арх. М. Ю., № 82—4.983, л. 380—381, № 250—3821, л. 753—755.

[2]) Арх М. Ю., Дѣла Сената № 250—3.821, л. 791—792.

канцеляріею команда подъѣзжала къ деревнѣ Сергѣева, его крестьяне, на помощь къ которымъ пришли крѣпостные сосѣдняго помѣщика, вышли на встрѣчу командѣ съ дубьемъ, копьями, рогатинами, топорами и, не смотря на то, что ихъ было всего человѣкъ 50, прогнали высланныхъ противъ нихъ солдатъ. Черезъ нѣсколько времени, команда, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Сергѣевымъ и усиленная солдатами изъ сосѣднихъ уѣздовъ, вновь отправилась въ ту же деревню усмирять крестьянъ, но на этотъ разъ, къ своему величайшему удивленію, они никого не нашли въ крестьянскихъ дворахъ. Оквзалось, что всѣ жители съ женами и дѣтьми бѣжали и скрывались у крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ; только по ночамъ они большою толпою возвращались домой, забирали хлѣбъ и кое-какія пожитки и затѣмъ вновь уѣзжали. Такимъ образомъ команда должна была ни съ чѣмъ возвратиться назадъ. Дѣло это не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, несмотря на то, что крестьяне въ первый разъ прогнали команду: оно было прекращено «за нехожденіемъ челобитчика». Такимъ образомъ, мѣстныя власти отнеслись къ этому событію какъ къ дѣлу совершенно частному [1]).

Въ 1767—1768 г. были волненія въ симбирскомъ уѣздѣ въ имѣніяхъ Измайлова и Кротковой. Для усмиренія крѣпостныхъ послѣдней была отправлена команда. Крестьяне, мужчины и женщины бросились на солдатъ; хотя войско дало залпъ пулями и нѣсколько крестьянъ было ранено, однако они обратили его въ бѣгство. Тогда отъ симбирскаго баталіона было отправлено бо̀льшее количество войска, и на этотъ разъ крестьяне не оказали уже никакого сопротивленія. Помѣщица Кроткова выразила желаніе, чтобы главные зачинщики были наказаны кнутомъ, а остальные плетьми, и по рѣшенію симбирской канцеляріи первому наказанію подверглось 12 человѣкъ, второму 50 [2]).

Въ воронежской губерніи, а именно въ верхоломовскомъ уѣздѣ, тоже

[1]) Ibid, л. 794—795.

[2]) Ibid, л. 713 — 714. Наказывая крестьянъ за возмущеніе согласно съ желаніемъ помѣщика, правительственныя учрежденія нерѣдко ссылались при этомъ на именной указъ 13-го мая 1754 г., но тамъ (п. 31) говорится только о наказаніи за побѣгъ. Волненіе крестьянъ Кротковой, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, происходили въ то время, когда ея имѣніе, пріобрѣтенное ею въ предшествовавшемъ году, слѣдовало „отказать“ ей. Въ яранскомъ уѣздѣ, въ 1767 г., крестьяне помѣщиковъ Балахонцевыхъ посылали двухъ своихъ выборныхъ въ Москву хлопотать объ освобожденіи изъ подъ власти помѣщика. 13 человѣкъ было арестовано и 4 изъ нихъ приговорено къ наказанію кнутомъ, но, по неимѣнію въ яранской канцеляріи палача, также какъ и остальные 9 человѣкъ, были высѣчены плетьми. Ibid, л. 797.

бунтовали крестьяне; тутъ поводомъ послужило то, что крестьянъ села Аргамакова слѣдовало «отказать» за подполковника Шепелева, они же этого не хотѣли допустить. Военная коллегія, въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ солдатъ, предписала усмирить крестьянъ съ помощью мѣстныхъ гарнизонныхъ баталіоновъ или штатныхъ городовыхъ командъ. Но въ воронежскомъ и новохоперскомъ гарнизонахъ было въ это время на лицо такъ мало солдатъ, что ихъ нерѣдко приходилось безсмѣнно посылать на караулы. Поэтому для усмиренія крестьянъ было отправлено всего 22 человѣка изъ городовой команды. Человѣкъ 200 крестьянъ встрѣтили этотъ маленькій отрядъ и не позволяли ему въѣхать въ свое село. Солдаты хотѣли было подъѣхать къ господскому двору, но тутъ къ нимъ бросилась на встрѣчу огромная толпа, человѣкъ въ 800, мужчинъ, бабъ и дѣвушекъ, съ кольями и цѣпами; тутъ были крестьяне и другихъ помѣщиковъ. На убѣжденія капитана, начальствовавшаго отрядомъ, они отвѣчали, что уже послали двухъ человѣкъ для подачи челобитной государынѣ, чтобы имъ не быть за помѣщикомъ, и будутъ ждать указа съ ея собственноручною подписью. Къ тому же у нихъ есть письмо отъ двоюроднаго брата ихъ владѣльца, въ которомъ тотъ убѣждаетъ ихъ не слушаться своего помѣщика и всячески сопротивляться переходу подъ его власть. Попы и дьячки этого села принимали очень дѣятельное участіе въ волненіи. Очевидно, нечего было и думать усмирить крестьянъ съ какими нибудь 20-ю солдатами. Тогда воронежскій губернаторъ Масловъ обратился къ генералъ-аншефу Долгорукову съ просьбою послать къ возмутившимся крестьянамъ изъ ближайшаго полка его дивизіи человѣкъ 300 рядовыхъ съ одною пушкою, и тотъ отправилъ, въ августѣ 1768 г., для усмиренія крестьянъ два эскадрона гусаръ, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Баратова. Не доѣзжая версты за двѣ до села Аргамакова, Баратовъ остановился и отправилъ уговаривать крестьянъ капитана Зорича, съ 50-ю гусарами и коммисаромъ. Зоричъ увидалъ противъ господскаго дома громадную толпу, человѣкъ въ 1.000, раздѣленную на 6 частей и вооруженную чѣмъ попало. За одно съ крестьянами Шепелева тутъ были и крѣпостные князя Маматова. На увѣщанія Зорича крестьяне по прежнему требовали указа за подписью самой государыни, говорили, что они не будутъ слушаться команды, такъ какъ она подкуплена ихъ помѣщикомъ Шепелевымъ. Баратовъ велѣлъ своему отряду окружить крестьянъ со всѣхъ сторонъ. При этомъ самъ онъ и чиновники, сопровождавшіе его отрядъ, много разъ подъѣзжали къ нимъ и въ продолженіе четырехъ часовъ уговаривали смириться, но все было напрасно. Когда Баратовъ при-

казалъ 10-ти гусарамъ выѣхать впередъ и выстрѣлить на воздухъ, крестьяне бросились на солдатъ; тѣ стали по нимъ стрѣлять. Нѣсколько человѣкъ пало, но остальные неустрашимо рвались впередъ и бросали въ солдатъ всѣмъ, что у нихъ было въ рукахъ, такъ что нѣсколькихъ ранили. Но въ это самое время толпа увидѣла, что горятъ два двора князя Маматова. Это произвело панику и всѣ стали разбѣгаться въ лѣсъ, которымъ село было почти со всѣхъ сторонъ окружено. Нѣсколько сотъ человѣкъ было поймано и главные зачинщики арестованы. Крестьяне смирились и были обязаны подписками повиноваться помѣщику. Сенатъ, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе, обратилъ особенное вниманіе на участіе въ немъ дворянина, родственника Шепелева, и приказалъ постараться разыскать настоящихъ возмутителей [1]).

Въ іюнѣ 1768 г., поручица Наталья Пассекъ заявила въ воронежской губернской канцеляріи, что по смерти ея брата, князя Н. Шаховскаго, остались имѣнія, изъ которыхъ, по раздѣлу съ сестрой, на ея половину достались деревни въ ряжскомъ, лебедянскомъ и данковскомъ уѣздахъ; но крестьяне посланныхъ отъ нея людей и управителя не впустили и избили, въ помѣщичьихъ домахъ все разграбили и объявили, что слушаться ея не будутъ: они хотѣли перейти въ дворцовое вѣдомство. Въ 1767 г. они посылали въ Москву съ челобитной одного елецкаго купца, который по возвращеніи сказалъ, что имъ слѣдуетъ сопротивляться, если ихъ будутъ отдавать Пассекъ силою. Губернская канцелярія послала для усмиренія крестьянъ капитана Балашова съ 130-ю солдатами. Въ ряжскомъ уѣздѣ крестьяне тотчасъ смирились, но не такъ мирно окончилось дѣло въ данковской деревнѣ, куда пришли на помощь и нѣкоторые крестьяне изъ лебедянской вотчины. Тамъ военную команду встрѣтила толпа до 500 человѣкъ, съ дубинами, копьями и ружьями, и, какъ сказано въ оффиціальномъ донесеніи, не слушая никакихъ увѣщаній, прямо начала схватку съ посланными противъ нея солдатами. Такъ какъ здѣсь крестьяне были лучше вооружены, то военная команда была разбита на голову. Самъ капитанъ Балашовъ былъ такъ тяжело раненъ, что умеръ черезъ три часа. Болѣе 30-ти человѣкъ солдатъ получило раны. По разсказу крестьянъ, не они первые начали эту схватку. Когда къ нимъ пріѣхало войско, они потребовали указа. «Вотъ мы вамъ дадимъ указъ», отвѣчалъ одинъ офицеръ, и приказалъ стрѣлять, вслѣдствіе чего около 30 человѣкъ было ранено и убито. Воронежская губерн-

[1]) А. М. Ю. Дѣла Сената № 218—3.789, л. 327—331.

ская канцелярія хотѣла во чтобы то ни стало усмирить крестьянъ и просила генералъ-фельдмаршала Салтыкова прислать 300 человѣкъ солдатъ съ пушкою. Но сенатъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе. По справкѣ въ вотчинной коллегіи оказалось, что раздѣлъ между Пассекъ и сестрою ея, генеральшею Карабановою, былъ еще не оконченъ. Получивъ эти свѣдѣнія, сенатъ замѣтилъ воронежской губернской канцеляріи, что все это дѣло было ведено ею не такъ, какъ слѣдовало. Пассекъ имѣла еще споръ о наслѣдствѣ съ сестрою, дѣло не рѣшено и крестьяне ни за кѣмъ не отказаны, а до этого и не слѣдовало усмирять ихъ съ помощью войска. Сенатъ требовалъ отвѣта, почему канцелярія поступила такъ неосмотрительно, и не позволилъ во второй разъ отправить войско противъ крестьянъ [1]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ мѣстная администрація была кругомъ виновата и была причиною смерти и изувѣченія весьма многихъ людей. Если губернская канцелярія обнаруживала такое грубое незнаніе законовъ, что заставляла крестьянъ слушаться помѣщика, прежде чѣмъ они даже были за нимъ закрѣплены, то можно ли послѣ того удивляться, что неграмотные крестьяне не знали или толковали по своему предписанія закона. Въ то время, когда крестьяне за свое незнаніе законовъ платили кровью, провинившіеся чиновники отдѣлывались какимъ нибудь легкимъ штрафомъ.

Оставимъ воронежскую губернію, въ которой было такъ много волненій крѣпостныхъ крестьянъ въ теченіе 1765—1769 гг. [2]) и посмотримъ, что дѣлалось въ болѣе сѣверной мѣстностм—бѣжецкомъ уѣздѣ, который входилъ тогда въ составъ московской губерніи. Здѣсь повѣренный служитель дѣтей Сабуровыхъ жаловался на ослушаніе крестьянъ въ имѣніи покойной тетки его господъ, «слѣдующемъ по законному наслѣдству имъ Сабуровымъ». Крестьяне не платили оброка съ 1765—1768 г. Хотя на слѣдствіи они тотчасъ же принесли повинную, но всетаки 16 человѣкъ были наказаны плетьми. А между тѣмъ слова, приведенныя нами выше изъ челобитной повѣреннаго, возбуждаютъ подозрѣніе, былъ ли и здѣсь произведенъ формальный отказъ и не впала ли бѣжецкая воеводская канцелярія въ такую же преступную ошибку, какъ и воронежская губернская [3]).

[1]) Арх. М. Ю., дѣла сената I деп. № 217—3788, л. 575—578.

[2]) Въ 1769 г. въ воронежской губ. было еще волненіе въ трехъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами, принадлежащими Нарышкину; оно усмирено было военною командою. *Соловьевъ*, XXIX, 137—138.

[3]) Арх. М. Ю., дѣла сената № 250—3821, л. 789.

Въ маѣ 1769 г., кн. В. Мещерскій подалъ челобитную въ бѣжецкую канцелярію, въ которой жаловался, что всѣ крестьяне его вотчины, въ которой было болѣе 200 душъ, не слушаются его. За крестьянами Мещерскаго, какъ видно изъ слѣдствія, были слѣдующія провинности. Они не выслали въ другое его село 5 человѣкъ съ сохами, несмотря на троекратный приказъ; не послали въ другое село, новгородскаго уѣзда, принадлежавшее Мещерскому, старосты и четырехъ крестьянъ, а сказали посланному, что они тогда исполнятъ всѣ эти приказанія, если помѣщикъ оставитъ ихъ на старомъ оброкѣ и не будетъ прибавлять его на «прибылыхъ вновь крестьянъ». Крестьяне были также не довольны, что онъ назначилъ изъ нихъ въ каждой деревнѣ по одному безсмѣнному надзирателю для наблюденія, чтобы не было побѣговъ и разныхъ безпорядковъ. Вслѣдствіе этого крестьяне собирались жаловаться на притѣсненія своего помѣщика и хотѣли сдѣлать это съ дозволенія бѣжецкой канцеляріи; но впрочемъ рѣшили, что, если даже канцелярія не дозволитъ имъ этого, они всетаки подадутъ челобитную государынѣ. Послѣ окончанія слѣдствія, причемъ нѣкоторые крестьяне подвергались пристрастному допросу подъ плетьми, Мещерскій заявилъ желаніе, чтобы 5 человѣкъ, выбранные челобитчиками, были наказаны публично плетьми, и, на основаніи указа 22-го августа 1767 г. [1]), сосланы въ Нерчинскъ въ вѣчную работу; кромѣ того, онъ просилъ наказать еще 11 человѣкъ, которыхъ потомъ желалъ взять къ себѣ назадъ. Бѣжецкая канцелярія исполнила послѣднее желаніе Мещерскаго, а также по просьбѣ его *наказала всѣхъ остальныхъ взрослыхъ крестьянъ его вотчины* (слѣдовательно около ста человѣкъ), замѣтивъ имъ, что они отнюдь не должны были составлять мірскаго приговора о челобитьѣ, а тѣмъ болѣе думать о подачѣ прошенія самой государынѣ. Что касается тѣхъ пяти человѣкъ, которыхъ Мещерскій желалъ сослать въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, то бѣжецкая канцелярія не рѣшилась распорядиться относительно ихъ собственною властью и обратилась съ запросомъ къ московскому губернатору. Канцелярія указывала на то, что хотя въ 1760 г. помѣщикамъ и было разрѣшено отправлять своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь цѣлыми семьями, но только на поселеніе, а не въ вѣчную работу [2]).

[1]) Необходимо замѣтить, что этотъ указъ говоритъ о наказаніи уже *подавшихъ* челобитную, а не собиравшихся только это сдѣлать.

[2]) Странно, что тутъ не упоминается объ указѣ 28 янв. 1765 г., разрѣшившемъ помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу.

Къ сожалѣнію, отвѣтъ московскаго губернатора намъ не извѣстенъ [1]).

Такимъ образомъ, съ 1762 по 1769 г. мы постоянно видимъ волненія крѣпостныхъ крестьянъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи. Въ слѣдующіе затѣмъ три-четыре года они, повидимому, прекращаются; это однако было только затишьемъ передъ бурею.

Основною причиною всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами волненій былъ, конечно, гнетъ помѣщичьей власти, который раздражалъ крѣпостныхъ тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними жили крестьяне, находившіеся въ совершенно иномъ положеніи. Всего естественнѣе было помѣщичьимъ крестьянамъ сравнивать свою жизнь съ положеніемъ дворцовыхъ и государевыхъ крестьянъ. Видя, что тѣмъ и другимъ живется несравненно лучше, крѣпостные нерѣдко просили избавить ихъ отъ власти притѣсняющаго ихъ помѣщика и приписать къ дворцовымъ или государевымъ волостямъ. Понятно, что всякій слухъ о близкомъ освобожденіи или даже объ ограниченіи помѣщичьей власти встрѣчался крестьянами съ радостью и довѣріемъ и вызывалъ среди нихъ волненіе въ большей или меньшей степени. Манифестъ Петра III объ уничтоженіи обязательной службы дворянъ возбудилъ особенно сильные надежды на предстоящее освобожденіе, и слѣдствіемъ этого были одновременныя волненія крѣпостныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, быть можетъ усиливавшіяся еще вслѣдствіе того, что монастырскіе крестьяне также повсемѣстно волновались. Въ 1766—67 г. вновь стали ходить разные слухи, радостные для крѣпостныхъ душъ: то о томъ, что имѣнія, владѣльцы которыхъ обременяютъ своихъ крѣпостныхъ слишкомъ невыносимыми оброками, велѣно отбирать на имя императрицы, то объ запрещеніи требовать болѣе одного дня барщины въ недѣлю. А тутъ еще созваніе коммиссіи для составленія новыхъ законовъ и участіе въ ней депутатовъ отъ свободныхъ крестьянъ заставляютъ вѣрить, что не могутъ позабыть и о крѣпостныхъ крестьянахъ, что быть можетъ для помѣщичьей власти наступили послѣдніе дни. Понятно, что въ 1766—68 г. учащаются и волненія крестьянъ, и убійства помѣщиковъ, тогда какъ въ 1764—65 гг. намъ извѣстно одно только волненіе. Такимъ образомъ значительное количество волненій объясняется гнетомъ помѣщичьей власти съ одной стороны и съ другой — слухами о близкомъ освобожденіи отъ нея посредствомъ присоединенія къ дворцовымъ и государевымъ вотчинамъ или по крайней мѣрѣ объ ограниченіи повинностей

[1]) Арх. М. Ю., дѣла Сената, № 250—3821, л. 727—730.

въ пользу барина. Не мало волненій происходило также при переходѣ имѣнія къ новому помѣщику, при производствѣ формальнаго «отказа». Тутъ иной разъ поводомъ служили незаконныя дѣйствія самой администраціи, а иногда подстрекательства другихъ помѣщиковъ или, если имѣніе было спорное,—прежнихъ владѣльцевъ.

Обращаясь къ характеру самыхъ волненій, нельзя не признать, что каждое изъ нихъ въ отдѣльности имѣетъ небольшіе размѣры. Волненіе замѣчается обыкновенно въ какой нибудь одной вотчинѣ, хотя на помощь при стычкѣ съ правительственнымъ отрядомъ иногда и являются сосѣдніе помѣщичьи или дворцовые крестьяне. Правда и правительственныя силы обыкновенно оказываются чрезвычайно ничтожными и потому крестьянамъ не разъ удается отразить ихъ, а иногда даже взять въ плѣнъ часть отряда, но въ концѣ концовъ имъ приходится смириться. Борьба слишкомъ не равная уже потому, что крестьяне по большей части вооружены только какими нибудь вилами да дубинами. Дѣло кончается обыкновенно безъ особеннаго кровопролитія, хотя иногда и бываетъ два-три убитыхъ среди крестьянъ и нѣсколько раненыхъ изъ числа солдатъ; впрочемъ въ трехъ случаяхъ крестьяне дорого поплатились за попытку бороться съ помѣщичьею властію: въ имѣніи Пассекъ въ 1768 г. было ранено и убито около 30 человѣкъ (въ этомъ случаѣ столько же раненыхъ и изъ солдатъ, и даже капитанъ смертельно раненъ); въ 1762 г. въ имѣніи кн. Долгоруковыхъ было убито около 20 крестьянъ и не менѣе того ранено; могъ быть и еще болѣе печальный для крестьянъ исходъ: во время бойни, устроенной въ 1758 г. прикащиками Евд. Демидова, убито на повалъ 30 человѣкъ и 33 смертельно ранены. — Всего болѣе упорствовали крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда они подавали прошеніе императрицѣ или въ сенатъ, такъ какъ тогда они хотѣли, во что бы то ни стало, дождаться рѣшенія на него и получить указъ, иной разъ за собственноручною подписью императрицы. Желаніе видѣть указъ, подписанный самою государынею, мы встрѣтимъ и при разсмотрѣніи волненій крестьянъ некрѣпостныхъ. Замѣчательно, что крестьяне нерѣдко находятъ нравственную поддержку въ своемъ приходскомъ духовенствѣ, черта—также не составляющая особенности волненій помѣщичьихъ крестьянъ.

Что касается числа волненій крѣпостнаго населенія въ первую треть царствованія имп. Екатерины, то изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ—въ 1762 году въ Великороссіи были волненія въ 10 помѣщичьихъ вотчинахъ, въ 1763 г.—болѣе чѣмъ въ 8-ми вотчинахъ, въ 1765 г.—въ одной, въ

1766 г.—въ 6, въ 1767—68 гг.—въ 9 и въ 1769 г. въ 2 имѣніяхъ, итого около 40 волненій въ періодъ времени съ 1762 по 1772 годъ включительно, т. е. 11 лѣтъ. Но это только извѣстныя намъ волненія; въ дѣйствительности ихъ несомнѣнно было болѣе [1]).

Только въ семи случаяхъ намъ болѣе или менѣе извѣстны тѣ наказанія, которымъ подверглись крестьяне, участвовавшіе въ перечисленныхъ волненіяхъ. Въ 1763 г. изъ крестьянъ Тевкелева 14 зачинщиковъ было наказано по желанію помѣщика, изъ крестьянъ Потемкиныхъ 3 человѣка высѣчено кнутомъ и 10 плетьми, въ 1767 г. изъ крѣпостныхъ Олсуфьевыхъ арестовано 130 зачинщиковъ; одни изъ нихъ наказаны кнутомъ и плетьми по желанію помѣщиковъ, о другихъ представлено на усмотрѣніе московской губернской канцеляріи; въ томъ же году наказано плетьми 13 крестьянъ помѣщиковъ Балахонцевыхъ, въ 1768 г. такому же наказанію подвергнуты 16 крѣпостныхъ Сабуровыхъ и затѣмъ изъ крестьянъ Кротковой 12 человѣкъ наказаны кнутомъ и 50 плетьми; наконецъ въ 1769 г. по желанію Мещерскаго всѣ взрослые крестьяне его вотчины (около ста человѣкъ) были подвергнуты тѣлесному наказанію. Какъ ни суровы эти кары, но нужно замѣтить, что въ XIX вѣкѣ крестьяне подвергались и болѣе тяжелымъ истязаніямъ; такъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ при императорѣ Николаѣ бывали случаи наказанія наиболѣе виновныхъ въ волненіяхъ крестьянъ до 4000 ударовъ шпицрутенами или сѣченія розгами въ одной вотчинѣ до тысячи человѣкъ. Съ другой стороны въ прошломъ столѣтіи крестьянамъ иногда сходило съ рукъ не только неповиновеніе помѣщику, но даже отраженіе военнаго отряда: подобное дѣло о крестьянахъ помѣщика Сергѣева было прекращено «по нехожденію челобитчика».

[1]) Для сравненія приводимъ данныя относительно послѣдняго двадцатилѣтія царствованія имп. Николая (1836—1855 г.). По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ *въ Великороссіи* были волненія въ 1836 г.—въ 6 помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ 1837—въ 6, въ 1838—въ 12, 1839—6, 1840—9, 1841—11, 1844—10, 1845—12, 1846—10, 1847—14, 1853—15, 1855—5, итого въ тѣ 12 лѣтъ, относительно которыхъ наши свѣдѣнія даютъ возможность выдѣлить волненія въ Великороссіи изъ всего ихъ числа, были безпорядки въ 116 имѣніяхъ, т. е. среднимъ числомъ по 10 волненій въ годъ; (во всей Россіи въ эти годы были безпорядки въ 206 помѣщичьихъ имѣніяхъ). Если принять тоже отношеніе въ числѣ волненій между Великороссіею и другими областями Россіи и для остальныхъ 8 лѣтъ, то изъ всего ихъ числа за это время (214) должно пасть на долю Великороссіи 120 волненій, т. е. по 15 въ годъ, среднимъ же числомъ за всѣ 20 лѣтъ будетъ около 12 волненій въ Великороссіи ежегодно. Хотя мы и не имѣемъ такихъ полныхъ данныхъ для указаннаго періода царствованія имп. Екатерины, но всетаки мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при Николаѣ Павловичѣ волненія были гораздо чаще.

Мы видѣли выше, что созваніе законодательной коммиссіи не мало содѣйствовало усиленію крестьянскихъ волненій въ началѣ второй половины 60 годовъ. Вѣсть о томъ, что въ этой коммиссіи поднятъ вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, могла дойти до нихъ черезъ другихъ крестьянъ, имѣвшихъ въ ней своихъ представителей. Депутаты, присланные для участія въ столь важномъ дѣлѣ, какъ составленіе новыхъ законовъ, не могли не давать вѣстей своимъ землякамъ о томъ, что дѣлается въ коммиссіи. Правда, до насъ не дошло ни одного такого письма, но мы можемъ предполагать объ ихъ существованіи на основаніи того, что когда крестьянское общество посылало въ столицу выбраннаго челобитчика, оно всегда получало отъ него письменныя извѣстія о ходѣ дѣла; немало такихъ посланій сохранилось въ слѣдственныхъ дѣлахъ по поводу различныхъ крестьянскихъ волненій. По возвращеніи депутатовъ домой, слухи о предполагаемыхъ реформахъ должны были еще болѣе распространиться въ крестьянскомъ населеніи. «Въ бывшей... коммиссіи о сочиненіи уложенія», говоритъ авторъ одного изъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ служебъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли» [1]). Сѣмена однако-же не принесли плодовъ немедленно, напротивъ какъ бы въ ожиданіи близкаго закона объ облегченіи ихъ участи, крѣпостные на время прекращаютъ волненія и безпорядки, весьма частыя въ 1767—68 гг.

Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ депутаты вернулись по домамъ, а желанный указъ съ вѣстью если не о волѣ, то, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи рабства все не появляется. Крестьяне терпѣливо ждутъ: въ теченіи 1770—73 гг. намъ неизвѣстно ни одного волненія крѣпостныхъ. Но многіе помѣщики продолжаютъ попрежнему рас-

[1]) „Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ". Чт. объ ист. др. Росс. 1861 г. т. III, стр. 98.

правляться со своими людьми, попрежнему продаютъ ихъ по одиночкѣ, увеличиваютъ оброки — и вотъ, мѣра терпѣнія наконецъ переполняется: нуженъ только какой-нибудь благопріятный предлогъ, чтобы начались волненія. Сигналъ къ нимъ подаютъ уральскіе казаки, давно уже раздраженные систематическими стѣсненіями ихъ прежнихъ вольностей. Первая искра находитъ слишкомъ много горючаго матеріала въ Заволжскомъ и Пріуральскомъ краѣ: тамъ инородцы, уже и прежде пытавшіеся возставать противъ пришлой власти, тамъ крестьяне, обязанные работать на заводахъ и ходить для этого за нѣсколько сотъ верстъ, измученные притѣсненіями и истязаніями прикащиковъ, почти поголовно принимавшіе участіе въ волненіи 1760—64 гг. Понятно, что все Заволжье вспыхиваетъ, какъ бочка смолы. Пугачеву со своими полчищами нетрудно подвигаться на сѣверъ; все ему благопріятствуетъ—и общее сочувствіе народа, и бездарность правительственныхъ военачальниковъ: всѣ эти Кары, Деколонги и т. п. безсильны остановить надвигающуюся грозу. Способнѣе другихъ Бибиковъ, тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ коммиссіи, обсуждавшей мнѣнія Коробьина, Козельскаго, Чупрова и др., который съ Унгернъ-Штернбергомъ и Радванскимъ обсуждалъ проектъ правъ третьяго рода въ коммиссіи о разборѣ государственныхъ жителей. Онъ гораздо умнѣе своихъ предшественниковъ; онъ видѣлъ уже увертюру Пугачевщины—волненіе на Уралѣ въ 1760 — 64 гг., онъ понималъ, что «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе»; но и этого защитника потрясенной монархіи, защитника правъ дворянъ, трепещущихъ на всемъ протяженіи Россіи, отъ Волги до Финскаго залива, скоро похитила смерть: судьба видимо благопріятствуетъ дѣлу возставшихъ. Волненіе не ограничивается Пріуральскимъ краемъ: вотъ полчища Пугачева перевалили уже черезъ Волгу. Прибытіе ихъ было желаннымъ для громаднаго числа крѣпостныхъ, населявшихъ эту мѣстность.

Пугачевъ или окружающіе его люди умѣли въ каждомъ изъ разнородныхъ элементовъ населенія пріуральскаго и поволжскаго края затронуть самую чувствительную струнку. Обращаясь къ яицкимъ казакамъ, недовольнымъ различными стѣсненіями въ пользованіи рыбными ловлями и преслѣдованіемъ раскола, онъ жаловалъ ихъ «крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ, и хлѣбными провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію». На Уралѣ въ мѣстности, гдѣ крестьяне, государственные, поссессіонные и крѣпостные были страшно обременены заводскими работами, пугачевскіе полковники разсылали слѣдующія посланія: «дворянство обладаетъ крестья-

нами, но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали (собакъ?) своихъ, съ которыми гонялись за зайцами; *конпанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работою утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ*, а напротивъ того съ женами и дѣтьми малолѣтними не было ли ко Господу слезъ; и чрезъ то услыша, яко израильтянъ, отъ ига работы избавляетъ; дворянство же премного щедраго отца отечества великаго государя Петра Ѳеодоровича, за то, что онъ соизволилъ при вступленіи своемъ на престолъ о крестьянахъ указать, чтобъ у дворянъ ихъ не было во владѣніи... [1]) изгнали всякимъ неправеднымъ поведеніемъ» [2]). Такимъ образомъ казакамъ было обѣщано исполненіе всѣхъ ихъ давнишнихъ желаній, крестьянамъ пріуральскаго края—избавленіе отъ ненавистныхъ работъ на горныхъ заводахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ подушная подать была назначена всего по 3 коп. съ души, а цѣна соли опредѣлена по 5 к. за пудъ; рекрутскій наборъ обѣщано производить не чаще, какъ черезъ 5 лѣтъ [3]). Съ переходомъ пугачевскихъ полчищъ черезъ Волгу крестьяне слышатъ еще болѣе пріятныя вѣсти: безплатно раздается казенная соль, отъ податей и рекрутчины освобождаютъ на пять лѣтъ, а потомъ дозволяютъ не платить податей даже 10 лѣтъ [4]). Наконецъ 31 іюля 1774 г. на другой день послѣ выступленія изъ Саранска (пензенской провинціи), Пугачевъ обнародовалъ слѣдующій замѣчательный манифестъ, заставившій радостно биться всѣ крѣпостныя сердца. «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, *вольностію и свободою* вѣчно казаками, *не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями, и соленными озерами безъ покупки и безъ оброку*, и свобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей-

[1]) Упоминаніе объ указѣ Петра III, которымъ было запрещено покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ.

[2]) Русская Стар., 1875 г., XIII, 274—275.

[3]) *Пушкинъ*, Собр. соч., изд. 1859 г., VI, 158, 347.

[4]) *Анучинъ*, „Графъ Панинъ", Русск. Вѣстн. 1869 г., № 3, стр. 31; Сборн. Истор. Общ. VI, 132.

крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и не малыя бѣдства» [1]). Въ этомъ манифестѣ крѣпостные нашли не только то, чего они всегда страстно желали, но даже гораздо болѣе,— то, о чемъ они не осмѣливались и мечтать. Въ цѣломъ рядѣ описанныхъ волненій крѣпостныхъ крестьянъ мы постоянно встрѣчаемъ ихъ желаніе перейти въ дворцовое вѣдомство; иной разъ распространяются слухи, что за наложеніе тяжелыхъ оброковъ велѣно отписывать у помѣщиковъ имѣнія на государыню. Но вѣдь дворцовые крестьяне все таки платятъ подушную подать и оброкъ, они несутъ рекрутчину, а тутъ объявляется полное освобожденіе отъ рекрутскаго набора, отъ денежныхъ податей, наконецъ кормилица-земля отбирается отъ баръ, проживающихъ по столицамъ кровныя крестьянскія деньги и дѣлается собственностію того, кто ее обрабатываетъ. Всегда охотно вѣрится тому, чего сильно желаешь; какъ же не повѣрить было тутъ, что батюшка царь, при которомъ раскольники могли вздохнуть свободнѣе, который уничтожилъ тайную канцелярію, наконецъ указъ котораго о непокупкѣ имѣній къ фабрикамъ и заводамъ былъ во многихъ мѣстахъ понятъ, какъ полное прекращеніе обязательныхъ заводскихъ работъ, этотъ царь спасся изъ рукъ ненавистныхъ бояръ и осуществляетъ на дѣлѣ то, о чемъ прежде не смѣли и думать [2]). При первыхъ вѣстяхъ о томъ, что вновь появившійся государь хочетъ отобрать имѣнія отъ бояръ, нѣкоторые крестьяне говорили: «коли-бъ намъ Богъ далъ хотя одинъ годъ на волѣ пожить: теперь всѣ мы помучены» [3]). Читая послѣдній манифестъ, всѣ крѣпостные должны были думать: да, это настоящій царь, это именно царскія милости. Въ этомъ убѣждали и тѣ рѣчи, которыя Пугачевъ держалъ къ народу. «Я вамъ законный императоръ», говорилъ онъ въ Саратовѣ, «*жена моя увлеклась на сторону дворянъ*, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. *Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство*, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ» [4]). Развѣ это

[1]) *Гротъ*. Матер. для истор. Пугачев. бунта. Бумаги относящіяся къ послѣд. періоду мятежа. 1875, стр. 53.

[2]) Что крестьяне дѣйствительно считали Пугачева истиннымъ государемъ, видно между прочимъ изъ свидѣтельства Рунича. Русск. Стар. 1870, II, 229—230. Въ это вѣрили даже подъ Москвою. Восемн. Вѣкъ, Бартенева I, 115.

[3]) Русск. Стар. 1876 г. т. XVII, 70.

[4]) *Мордовцевъ*. Политич. движ. русск. нар. I, 118.

не правда, — должны были говорить крестьяне, выслушавъ подобную рѣчь. (Скоропостижная смерть Петра возбуждала толки и подозрѣнія во всемъ народѣ и вызывала появленіе самозванцевъ еще до Пугачева). Развѣ не правда, что императрица «увлеклась на сторону дворянъ»: она не только дозволила помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу, но даже запретила какія бы то ни было жалобы на помѣщиковъ. Что жъ мудренаго въ томъ, что она, какъ говоритъ царь, рѣшила отдать теперь въ рабство барамъ весь народъ. Такъ могли разсуждать крестьяне. И вотъ рядомъ съ печальнымъ прошлымъ имъ рисуется соблазнительная картина будущаго счастія, которое должно теперь наступить, благодаря только что объявленнымъ льготамъ. Послѣдніе манифесты были уже не «простыя казацкія сочиненія», какъ назвала Екатерина Пугачевскіе листы, полученные ею въ январѣ 1774 г. [1]); это была настоящая жалованная грамота всему крестьянскому люду, это хартія, на основаніи которой предстояло создать новое мужицкое царство. Одна хорошая вѣсть такъ скоро слѣдовала за другою, что наконецъ крестьянскія головы закружились: въ саранскомъ уѣздѣ, гдѣ былы изданъ знаменитый пугачевскій манифестъ отъ 31 іюля, стали ужъ разсказывать, что царь обѣщаетъ не только вѣчную волю, *но и по сту рублей въ мѣсяцъ жалованья*, ослушниковъ же лишаетъ жизни [2]). Услышавъ это, дворовые и крестьяне спѣшиля приставать къ шайкамъ Пугачева.

Вездѣ стали говорить: «настали для господъ послѣднія времена»; «мы теперь у господъ и чиновныхъ людей не подъ началомъ». «Прошла ваша пора!» говорилъ крестьянинъ, обращаясь къ барину [3]). Дѣйствительно, для господъ наступили тяжелыя времена. Они мѣшали царю сдѣлать то, что онъ хотѣлъ для народа, они свергли его съ престола, они заставляли его странствовать и скрываться. Понятно, что ему теперь не за что ихъ миловать. Въ концѣ приведеннаго манифеста Пугачева 31 іюля было сказано: «Кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ вами крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякой можетъ возчувствовать тишину и покойную жизнь, коея до вѣка

¹) Сбор. Истор. Общ. XIII, 381.

²) *Гротъ*. Біографія Державина, 190.

³) *Мордовцевъ* I, 103—104; Записки *Мертваго*, Рус. Арх. 1867, стр. 17.

придержаться будемъ». И такъ крестьянамъ данъ былъ приказъ истреблять бояръ или приводить ихъ для истребленія. Сами по себѣ наши крѣпостные крестьяне вовсе не отличались кровожадностію; ихъ волненія противъ помѣщичьей власти обыкновенно не сопровождались убійствами, и нужна была особенная жестокость со стороны барина, чтобы заставить крестьянъ поднять на него руку. Но теперь приказъ объ истребленіи дворянъ исходилъ отъ высшей власти; развѣ можно его не исполнить? Не навлечетъ ли такое ослушаніе лишеніе всѣхъ обѣщанныхъ милостей? Что же касается людей, окружающихъ Пугачева, то истребленіе дворянъ входило, такъ сказать, въ ихъ политическую систему. «Руби столбы, заборы повалятся», говорили пугачевцы, истребляя дворянъ [1]). Новое общественное зданіе должно было покоиться на совершенно иныхъ устояхъ; въ немъ всѣ должны были быть равны, господамъ въ немъ не было мѣста. Ихъ слѣдовало истребить, не только тѣхъ, которые дурно обращались со своими крестьянами, но всѣхъ безъ разбора: ихъ не всегда даже и спрашивали, желаютъ ли они признать новый порядокъ и присягнуть Пугачеву. Что при убійствѣ дворянъ имѣлось въ виду именно истребленіе этого сословія, видно изъ значительнаго количества убитыхъ дѣтей, которые, разумѣется, не могли еще ни провиниться въ притѣсненіи крестьянъ, ни отказаться отъ признанія власти новаго государя. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ всего погибло во время Пугачевщины—1572 чел. дворянъ об. пола, въ томъ числѣ мужчинъ 796, т. е. 51%, женщинъ 474, т. е. 30% и дѣтей обоего пола — 304, т. е. 19%. Въ ряду казней, которымъ они были подвергнуты, первое мѣсто занимаетъ повѣшеніе (всего 665 чел.—42%), затѣмъ «перебито до смерти»—384 (24%), «страдальческими смертьми замучено»—251 (16%), застрѣлено—121 (8%), заколото—72 (5%), изрублено64 (4%), потоплено «дворянскихъ младенцевъ»—15 (1%) [2]). Нѣкоторыхъ помѣщиковъ подвергали ужаснымъ мученіямъ: ихъ сжигали на медленномъ огнѣ, клали подъ доску вѣсовъ и прибавляли гирю за гирей, пока несчастные не были раздавлены, стрѣляли снизу такъ, что пуля проходила чрезъ всѣ внутренности; помѣщика виновнаго въ развратѣ, подвергаютъ совершенно особенной, мучительной казни и т. п. [3]). Тѣла дворянъ во многихъ мѣстахъ валялись по дорогамъ. Помѣщики, сколько могли, укрывались по лѣсамъ, имущество ихъ

[1]) Чтенія Общ. Ист. Древ. Росс. 1862 г. III, Смѣсь, стр. 342.

[2]) *Гротъ*. Бумаги относящ. къ послѣд. пер. мятежа, 141—142. Кромѣ того во время дѣятельности Панина освобождено изъ рукъ Пугачева 1280 дворянъ об. п. Ibid, 139.

[3]) *Мордовцевъ* I, 278—279; Чтен. Общ. Ист. 1862, III, 343—344.

конечно подвергалось разграбленію; ихъ женъ и дочерей, если они попадались, самъ Пугачевъ или его сторонники брали себѣ въ наложницы, дѣтей крестьяне изъявляли иногда готовность брать въ пріемыши, чтобы впослѣдствіи сдѣлать ихъ своими работниками. Баръ, переодѣтыхъ въ крестьянское платье, узнавали по рукамъ или иногда заставляли ихъ исполнять крестьянскія работы; не умѣвшихъ взяться за цѣпъ и косу убивали, иногда приговаривая: «не коси чужими руками, не живи чужимъ умомъ» [1]). Опустошеніе, произведенное Пугачевщиною въ рядахъ дворянства тѣхъ мѣстностей, которыя были охвачены волненіемъ, было замѣтно даже въ концѣ царствованія имп. Екатерины [2]).

Пугачевщина явленіе въ высшей степени сложное; въ этомъ народномъ движеніи кромѣ казаковъ и инородцевъ, принимали участіе не одни крѣпостные крестьяне, а также приписанные къ горнымъ заводамъ, экономическіе и дворцовые, и потому намъ придется еще вернуться къ вопросу о томъ, какую долю участія нужно приписать каждому изъ этихъ элементовъ. Въ настоящемъ же случаѣ мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на томъ, въ какой степени слѣдуетъ приписывать избіеніе дворянъ ихъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Нельзя отрицать, разумѣется, что крѣпостные крестьяне не только сочувствовали Пугачеву, съ восторгомъ читали его манифесты, дававшіе имъ волю и свободу отъ податей, но очень часто принимали въ волненіяхъ и активное участіе. Къ сожалѣнію до сихъ поръ мы почти не имѣемъ матеріаловъ, рисующихъ намъ подобныя явленія во время пугачевщины въ отдѣльныхъ вотчинахъ. На сколько можно судить по запискамъ Мертваго и нѣкоторымъ другимъ источникамъ, крестьяне считали своею обязанностію ловить всѣхъ помѣщиковъ и представлять ихъ на судъ самого Пугачева или установленныхъ имъ властей. При этомъ крестьяне, если они были довольны своимъ помѣщикомъ, просили пощадить его, и нерѣдко ихъ просьба увѣнчивалась успѣхомъ [3]); извѣстенъ даже одинъ случай, когда крѣпостной крестьянинъ, ослѣпившій своего помѣщика, о которомъ остальные крестьяне дали хорошій отзывъ, былъ по-

[1]) Записки *Мертваго*; Рус. Стар. 1876, XVI, 507; *Мордовцевъ* I, 290—291.

[2]) *Pallas*. Bemerkungen I, 22. Для сравненія упомянемъ, что за послѣдніе двадцать лѣтъ царствованія Николая во всей Россіи убійствъ помѣщиковъ или управляющихъ вмѣстѣ съ покушеніями на убійство было 268, слѣд. средн. числомъ по 23 въ годъ.

[3]) Одна помѣщица, описывая въ письмѣ смерть своихъ родныхъ, говоритъ: „если бы люди просили о избавленіи ихъ смерти, то бъ они отъ него злодѣя избавлены были; *многіе такіе образцы были, что упрашивали люди и крестьяне*". Рус. Стар. 1874 г. т. X, стр. 617—618. Срав. *Мертваго* 17—19.

вѣшенъ пугачевцами [1]). Но во первыхъ очень часто приведенные дворяне отправлялись на казнь безъ всякихъ разспросовъ, во вторыхъ, такъ какъ дворяне скрывались по лѣсамъ, то приведшіе ихъ крестьяне иногда могли вовсе и не знать ихъ. Правда, извѣстны случаи мести и казни именно за прежнія притѣсненія или истязанія крестьянъ. Такъ, напр., жену одного чиновника, которая не давала своимъ людямъ соли для пищи, пугачевцы наказывали розгами и по избитымъ до крови мѣстамъ посыпали солью, приговаривая: «просаливай ее, просаливай!» Помѣщицѣ, которая, по разсказамъ ея крѣпостныхъ, нарочно уморила младенца своей кормилицы, чтобы молоко этой женщины не раздѣлялось между барченкомъ и «хамовымъ отродьемъ», разрѣзали животъ и вложили туда ея ребенка и т. п. [2]). Но безъ всякаго сомнѣнія большинство дворянъ было убито или потому, что они занимали какія нибудь правительственныя мѣста, или потому, что не хотѣли присягнуть Пугачеву, или они пали, пытаясь обороняться отъ наѣхавшей шайки, или, наконецъ, были казнены просто потому, что они дворяне [3]). Что касается крѣпостныхъ крестьянъ, то имъ несомнѣнно гораздо рѣже была нужна барская кровь, чѣмъ господское имущество, которое они усердно растаскивали. Впрочемъ дворовые могли быть сильнѣе озлоблены, чѣмъ крестьяне. Поименный списокъ погибшихъ во время Пугачевщины дворянъ, напечатанный у Пушкина, далеко не полонъ: въ него вошло лишь около половины всѣхъ убитыхъ; тѣмъ не менѣе на основаніи его мы можемъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Такъ напр. мы находимъ въ немъ между прочимъ огромный перечень убитыхъ «при экономическомъ винокуренномъ заводѣ»; тутъ погибло всего болѣе 200 человѣкъ, въ томъ числѣ около 130 помѣщиковъ и чиновниковъ. Какъ объяснить себѣ, почему именно здѣсь произошла такая бойня. Дѣло въ томъ, что въ тогдашнемъ алатырскомъ уѣздѣ (нынѣ буинскомъ уѣздѣ симбирской губ.) въ лѣсахъ, расположенныхъ по лѣвому берегу рѣки Суры, находился казенный экономическій винокуренный заводъ. Здѣсь была цѣлая администрація и множество рабочихъ, поэтому естественно, что сюда, подъ охрану многолюднаго населенія, собралось множество окрестныхъ помѣщиковъ; но заводъ былъ взятъ пугачевскимъ полчищемъ и множество народа перебито [4]). Очевидно, что смерть дворянъ,

[1]) Рус. Стар. 1873, т. VIII, 808.

[2]) *Мордовцевъ* I, 278—279.

[3]) Иной разъ крѣпостные прямо выражали неудовольствіе на несправедливые, по ихъ мнѣнію, казни. *Анучинъ*. Гр. Панинъ, Рус. Вѣстн. 1869 г. № 3, стр. 31.

[4]) *Арнольдовъ*. Дѣйствія самозванца Пугачева и его шаекъ въ предѣлахъ нынѣш-

погибшихъ здѣсь, нельзя ставить на счетъ крѣпостнымъ крестьянамъ; они безъ сомнѣнія пытались обороняться, и тѣмъ болѣе не нашли пощады. А между тѣмъ погибшіе здѣсь 130 человѣкъ составляютъ двѣнадцатую часть всѣхъ перебитыхъ дворянъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ въ спискѣ Пушкина наибольшее количество лицъ, болѣе четверти всѣхъ названныхъ тамъ (слишкомъ 200 человѣкъ помѣщиковъ и чиновниковъ), погибло въ г. Пензѣ и пензенскомъ уѣздѣ, мѣстности дѣйствительно весьма обильной крѣпостными [1]), вслѣдствіе чего Пугачевъ нашелъ даже нужнымъ назначить воеводою въ Пензѣ крѣпостнаго мужика. Дѣйствительно извѣстно, что въ предѣлахъ нынѣшней пензенской губ. крѣпостные принимали въ волненіи дѣятельное участіе. Но нужно помнить, что по этой мѣстности прошелъ самъ самозванецъ съ своимъ главнымъ полчищемъ, что здѣсь образовалось множество пугачевскихъ шаекъ: со времени назначенія гр. Панина ихъ было разбито въ предѣлахъ нынѣшней пензенской губ. 20, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было (въ это время только въ Башкиріи было разбито 8 сборищъ, да въ тамбовской губ. 6, въ другихъ же мѣстахъ вездѣ менѣе) [2]). Помѣщики здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, скрывались въ лѣсахъ; крестьяне ловили ихъ и доставляли въ города, гдѣ они цѣлыми массами предавались казни [3]), слѣд. въ убійствѣ дворянъ мы и тутъ не можемъ видѣть всегда личную месть крѣпостныхъ. Истребленіе дворянъ считалось правительствомъ Пугачева одною изъ мѣръ первой необходимости, поэтому было оно исполняемо весьма усердно и его низшими агентами.

Тамбовская губернія была до извѣстной степени охвачена волненіемъ; одна изъ шести шаекъ, разбитыхъ въ ней во время главнаго начальства П. Панина, была разсѣяна въ шацкомъ уѣздѣ, а Шацкъ былъ всего въ 360 верстахъ отъ Москвы. Одно время опасались, что Пугачевъ пойдетъ на Шацкъ и потомъ на Москву. Въ Москвѣ среди дворянъ была паника. «Мы всѣ удостовѣрены были», разсказываетъ Болотовъ, «что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявъ,

ней симбирской губ. Сборн. историч. и статист. матер. о симбирской губ. Прилож. къ памятной книжкѣ на 1868, стр. 271.

[1]) Крѣпостные составляли въ пензенской губ. во время 4-й ревизіи 51% всего сельскаго населенія.

[2]) *Гротъ*. Бумаги относ. къ послѣд. пер. мятежа, 132—139.

[3]) По краснослободскому уѣзду ходилъ слухъ, что государь велѣлъ приводить для казни въ Саранскъ всѣхъ помѣщиковъ, приказныхъ и поповъ и крестьяне буквально исполняли это. *Бѣляевъ*. „Пугачевскій бунтъ въ краснослобод. уѣздѣ“. Прилож. къ памятн. книжкѣ Пензенск. губ. 1868—69 гг. стр. 146, 152, 154.

такъ втайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы, и въ сердцахъ своихъ вообще всѣ бунтовали... Примѣръ бывшаго незадолго въ Москвѣ страшнаго мятежа былъ у насъ еще въ свѣжей памяти, и мы не только подобнаго тому жъ опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безразсудство нашего подлаго народа была намъ слишкомъ извѣстна, и какъ при такихъ обстоятельствахъ не могли мы на вѣрность и самихъ нашихъ слугъ полагаться, а паче всѣхъ ихъ и не безъ основанія почитали еще первыми и злѣйшими нашими врагами... то того... и ждали, что, при самомъ отдаленнѣйшемъ еще приближеніи Пугачева къ Москвѣ, вспыхнетъ въ ней пламя бунта и народнаго мятежа» [1]). Народъ въ Москвѣ дѣйствительно ожидалъ Пугачева; агентовъ его уже ловили въ окрестныхъ городахъ; разумѣется, не мало ихъ было и въ самой бѣлокаменной. Пугачевъ велъ переписку съ московскими раскольниками; дворовые списывали извѣстный его манифестъ отъ 31 іюля. «Холопи и фабричные», говоритъ одинъ современникъ, «и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицамъ, почти явно оказывала буйственное свое расположеніе и приверженность къ самозванцу». Многіе изъ дворянъ перебрались изъ Москвы въ Тверь; даже въ Новгородѣ дворянство побаивалось, а въ народѣ ожиданія важныхъ новостей были здѣсь на столько сильны, что тамошніе рабочіе медлили наниматься на барки, желая посмотрѣть, что будетъ дальше. Въ Тулѣ также опасались волненій между оружейниками [2]). Когда однажды въ Коломнѣ произошла фальшивая тревога и въ государевой вотчинѣ этого уѣзда, которою управлялъ Болотовъ, былъ полученъ приказъ снарядить изъ крестьянъ такъ называемыхъ улановъ, то при этомъ ясно выказалось сочувствіе народа Пугачеву. На увѣщанія Болотова драться хорошенько, одинъ изъ крестьянъ отвѣчалъ: «Сталъ бы я бить свою братью! А развѣ васъ бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье» [3]).

Графъ Панинъ въ объявленіи, обнародованномъ имъ черезъ нѣсколько дней послѣ его выѣзда изъ Москвы, предписывалъ казнить смертію тѣхъ, кто убивалъ чиновниковъ и помѣщиковъ или даже кто выдалъ ихъ на убійство, а сообщниковъ ихъ—сѣчь жестоко плетьми подъ висѣлицами. Въ селеніяхъ, гдѣ были волненія, онъ велѣлъ поставить и не убирать до

[1]) *Болотовъ* III, 377—378.

[2]) Восемнадцатый Вѣкъ Бартенева I, 115—117, 123; Русская Старина 1875 г. т. XIII, 440. Записки о жизни Бибикова, 126. Сборн. Истор. Общ. VI, 91; *Blum* II, 45, 47, 50—51.

[3]) *Болотовъ* III, 436—439, 441.

указа висѣлицу, колесо, на которое класть тѣла казненныхъ (у нихъ приказано было отрубать руку, ногу и потомъ уже голову) и глаголь для вѣшанія за ребро. Въ такихъ селеніяхъ, гдѣ были умерщвлены начальники, священники или помѣщики, а между тѣмъ главныхъ коноводовъ разыскать будетъ невозможно, Панинъ приказалъ вѣшать по жребію третьяго, а остальныхъ взрослыхъ пересѣчь плетьми. Усмиренныхъ крестьянъ должно было приводить къ присягѣ въ томъ, что они будутъ повиноваться начальникамъ и помѣщикамъ; тѣмъ изъ нихъ, кто послѣ того вновь окажетъ непослушаніе, Панинъ грозилъ мучительнѣйшими казнями, отдачею женъ и дѣтей въ рабство, а земель ихъ оставшимся въ вѣрности подданнымъ и помѣщикамъ; впрочемъ въ донесеніи императрицѣ онъ писалъ, что послѣднія угрозы помѣстилъ только для устрашенія [1]). На основаніи этого распоряженія вѣшали, наказывали кнутомъ и плетьми, вѣшали по жребію; кнутомъ сѣкли даже шестидесятилѣтнихъ стариковъ; при послѣднемъ наказаніи отрѣзывали еще часть уха. Расправа производилась на столько усердно, что сызранцы на Волгѣ до сихъ поръ слывутъ подъ именемъ *ухорѣзовъ* [2]). Крѣпостныхъ, виновныхъ въ возстаніи, наказывали и по желанію господъ; помѣщики, не жившіе въ деревняхъ, писали даже довѣренности, уполномачивая знакомыхъ ходатайствовать, чтобы ихъ провинившихся крестьянъ наказывали кнутомъ и плетьми, рѣзали имъ уши, а наиболѣе преступныхъ казнили смертію. У народа осталась въ памяти барская расправа послѣ Пугачевщины, и онъ олицетворилъ ее въ разсказѣ о томъ, какъ помѣщикъ вѣшалъ двороваго: веревка три раза обрывалась, и баринъ все-таки не помиловалъ своего крѣпостнаго [3]).

Пугачевщина была усмирена, вспыхнувшій пожаръ залитъ народною кровью. Крѣпостные крестьяне надолго присмирѣли. Въ декабрѣ 1775 г. императрица получила подметное письмо, что дворовые въ Москвѣ и другихъ городахъ рѣшили 6 числа отказаться отъ повиновенія господамъ;

[1]) *Рябининъ*, Уральское казачье войско II, 57—59. Сборн. Истор. Общ. VI, 129.

[2]) Бывали впрочемъ иногда случаи, что Панинъ, въ виду раскаянія крестьянъ, объявлялъ имъ помилованіе: такъ было съ крестьянами княгини Голицыной, пензенскаго уѣзда, просившими простить ихъ за сопротивленіе начальству въ теченіи цѣлаго мѣсяца и за содержаніе подъ арестомъ бурмистра и земскихъ. Сборн. Истор. Общ. VI, 135. *Анучинъ*, Гр. Панинъ. Русск. Вѣстн. 1869 г., № 5, стр. 146. Однако въ началѣ 1775 г. въ вотчинахъ кн. Голицыной было опять неспокойно, такъ что императрица совѣтовала поставить тамъ военный отрядъ, „чтобы угаръ вышелъ у нихъ изъ головы". Сб. Ист. Общ. VI, 201.

[3]) Прилож. къ памятн. книжкѣ Пензенск. губ. 1868—69 гг., стр. 166; Рус. Арх. 1876 г. т. II, 27; Рус. Стар. 1876 т. XVII, 172—173; Рус. Арх. 1868 г. № 11, стр. 1864.

однако все прошло спокойно [2]). Въ слѣдующемъ году разбойничья шайка, появившаяся въ вологодскомъ уѣздѣ, объявляла, что «они то̀ хотятъ сдѣлать, что сдѣлалъ Пугачевъ», такъ что архангельскій губернаторъ потребовалъ присылки ему войска. Императрица, велѣвъ послать небольшую легкую конную команду, замѣтила: «видно, что у страха глаза велики и что гора мышь родить можетъ» [3]).

Первое извѣстное намъ дѣйствительное волненіе крѣпостныхъ крестьянъ послѣ Пугачевщины относится къ 1778 г. Въ то время начали волноваться крестьяне графа М. Апраксина въ порховскомъ уѣздѣ новгородской губерніи. Эти безпорядки сильно озабачивали новгородскаго намѣстника Сиверса и императрицу, повелѣнія которой по этому дѣлу были крайне противорѣчивы. Въ началѣ апрѣля она предписала Сиверсу отозвать войска, расположенныя въ этихъ имѣніяхъ, и изслѣдовать дѣло. Три недѣли спустя, она приказываетъ,—такъ какъ изъ слѣдствія видно, что крестьяне очень угнетены и обременены неслыханными налогами, — отдать имѣніе въ опекунское управленіе. Въ началѣ іюля она спрашиваетъ, сдѣлано ли это и какимъ образомъ, а черезъ двѣ недѣли приказываетъ расположить въ этихъ имѣніяхъ на постой войска, до тѣхъ поръ, пока крестьяне не возвратятся къ послушанію. Къ послѣднему рѣшенію побудилъ императрицу Сиверсъ, стоявшій за рѣшительныя мѣры. Посѣтивъ имѣніе Апраксина въ половинѣ іюля, онъ писалъ государынѣ: «Это дѣло будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія, если, какъ это часто бываетъ, волненіе охватитъ сосѣднихъ крестьянъ. Приверженцы Пугачева состояли только изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами; къ тому же убійства дворянъ совершались по большей части ихъ ослѣпленными людьми. Было уже слишкомъ много примѣровъ, что подобныя искры разгорались въ пламя, грозившее опасностью всему государству». Требуя энергическаго усмиренія крестьянъ, Сиверсъ въ то же время понималъ, что одного этого недостаточно, и еще разъ указывалъ императрицѣ на необходимость ограничить крѣпостное право: причина волненій, по его мнѣнію, будетъ всегда одна и та же, пока нѣтъ закона «о земледѣліи». Однако же, пока не издано закона, регулирующаго права помѣщиковъ относительно ихъ крѣпостныхъ, Сиверсъ находилъ нужнымъ «поддерживать дворянина въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится. Дозвольте крѣпостнымъ малѣйшее противорѣчіе или демонстрацію», писалъ онъ, «и

[1]) Русск. Арх. 1864 г., стр. 428.
[2]) Сборн. Истор. Общ. XXVII, 101—105.

тогда я, зная человѣческое сердце, не могъ бы поручиться за послѣдствія. Развѣ крестьяне графа Апраксина не воспротивились съ оружіемъ въ рукахъ баталіону солдатъ, двинутыхъ противъ нихъ?.... Ихъ неповиновеніе опекунамъ (графа Апраксина) представляетъ самое сильное тому доказательство. Оброкъ, который отъ нихъ требуютъ, умѣреннѣе, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей». Послѣ этого-то письма, императрица, какъ мы уже упоминали, приказала ввести войска въ апраксинскія имѣнія. Въ ноябрѣ того же года, Сиверсъ писалъ императрицѣ: «Если не водворить порядокъ какъ можно скорѣе, дѣло будетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Въ странѣ съ деспотическимъ образомъ правленія зародышъ возстанія готовъ разростись при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи нужно быть какъ можно бдительнѣе» [1]).

Если крестьяне и были на этотъ разъ усмирены, то все таки они еще не совершенно успокоились и готовы были вновь возстать. Крестьяне Ясенскаго и Жедрицкаго погостовъ были проданы гр. Матвѣемъ Апраксинымъ помѣщикамъ Кожинымъ. Въ началѣ 1780 г., они опять стали волноваться, отказались слушаться старосты, назначеннаго Кожиными, и выбрали своего прежняго. Тогда, по приказанію Сиверса, къ нимъ были переведены двѣ роты изъ деревень, оставшихся во владѣніи гр. Апраксина, гдѣ, быть можетъ, онѣ стояли съ 1778 г., — и крестьяне были скоро усмирены [2]).

Намъ приходилось уже указывать на то, что духовенство во время волненій нерѣдко дѣйствовало заодно съ крестьянами. Каждый разъ, когда это обнаруживалось на слѣдствіи, о виновномъ священно- или церковнослужителѣ сообщали епархіальному начальству. Наконецъ, въ 1781 г., правительство обратило вниманіе на ту нравственную поддержку, какую духовенство оказываетъ волнующимся крестьянамъ, и синодъ особымъ указомъ не только строго это запретилъ, но приказалъ, напротивъ того, всевозможными увѣщаніями противодѣйствовать такимъ волненіямъ [3]).

Послѣднее извѣстное намъ волненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II относится къ 1789 г. Въ раненбургскомъ уѣздѣ

[1]) *Blum*, II, 236, 240—241, 293; срав. Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 22, Сборн. Истор. Общ. XXVII, 122.

[2]) А. М. Ю. Дѣла сената № 648—4219, л. 274, 276. Въ 1780 г. было еще волненіе крестьянъ гр. П. Б. Шереметева въ кромскомъ уѣздѣ орловской губ. (*Пупаревъ*. Орловская Старина, I, 101), а также въ ямбургскомъ уѣздѣ въ имѣніяхъ Гербеля, Альбрехта и Чайковской. Императрица велѣла поставить здѣсь на время одинъ полкъ подъ видомъ передвиженія войскъ. Сб. Ист. Общ. XXVII, 184.

[3]) П. С. З. XXI, 15,143.

рязанской губ. находилось сельцо Покровское. Болѣе 300 душъ въ немъ принадлежали помѣщику Львову, купившему часть ихъ отъ жены генералъ-поручика Карабанова; но кромѣ того въ этомъ сельцѣ было 40 душъ, оставшихся за сестрою Карабановой, Наталіею Пассекъ. Въ концѣ февраля 1789 г., 70 человѣкъ изъ крестьянъ Львова возмутились «по неизвѣстнымъ причинамъ», какъ заявилъ бурмистръ. Капитанъ-исправникъ, на обязанности котораго лежало усмиреніе крестьянъ [1]), отправился туда съ 4-мя солдатами, захвативъ съ собой понятыхъ. Но какъ эта поѣздка исправника, такъ и нѣсколько другихъ не повели ни къ чему. Тогда губернаторъ приказалъ раненбургскому городничему вмѣстѣ съ нижнимъ земскимъ судомъ отправиться усмирять крестьянъ со всею штатною командою и особымъ отрядомъ, присланнымъ изъ г. Данкова. — Не доѣзжая нѣсколько верстъ до имѣнія Львова, они захватили въ одномъ селѣ 28 человѣкъ понятыхъ съ сотскимъ и головою, обошли село Покровское и за версту отъ него устроили пикетъ, который долженъ былъ перехватывать тѣхъ, кто обратится въ бѣгство. Но крестьяне проникли въ этотъ коварный замыселъ, разогнали пикетъ и грозили, что если опять найдутъ ихъ на томъ мѣстѣ, то перебьютъ всѣхъ до смерти. Пробовали уговаривать «ослушныхъ» крестьянъ, собравшихся на одномъ дворѣ въ селѣ Покровскомъ, но тѣ требовали приказа за подписью своей прежней помѣщицы Пассекъ [2]). Тогда стали готовиться къ приступу и, между прочимъ, послали двухъ засѣдателей нижняго земскаго суда, давъ каждому по 40 человѣкъ, на разныя дороги, съ тѣмъ, чтобы они перехватывали бѣгущихъ. Затѣмъ попробовали послѣднее мирное средство. Регистраторъ вновь прочелъ имъ указъ намѣстническаго правленія, а священникъ, надѣвъ епитрахиль и взявъ въ руки крестъ, увѣрялъ ихъ «Богомъ и всею святостію», что, если онѝ раскаятся и бросятъ оружіе, то будутъ всѣ прощены. Но крестьяне отлично знали, что какъ священникъ, такъ и городничій, обѣщавшій имъ полное прощеніе, говорятъ неправду: зачинщики во всякомъ случаѣ были бы захвачены и, какъ всегда, наказаны. Понятно, что и послѣ этого новаго увѣщанія «ни одинъ человѣкъ раскаянія не почувствовалъ».

Когда городничій велѣлъ зарядить ружья, крестьяне съ копьями, косами и серпами, насаженными на шесты, бросились на команду, но,

[1]) П. С. З. XX, 14392. Учрежденія о губерніяхъ, п. 242.

[2]) Городничій и исправникъ доносили потомъ, что крестьяне, „хватая изъ подъ ногъ землю, кидали себѣ въ ротъ". Вѣроятно это было цѣлованіе земли, клятва, присяга землею.

встрѣченные выстрѣлами, опять вбѣжали во дворъ, на которомъ собрались прежде, заперлись тамъ и стали бросать въ солдатъ и понятыхъ навязанными на веревки камнями и полѣньями. Городничій велѣлъ разбирать заборъ близъ этого двора, а понятымъ зайти изъ другаго дома, однако осажденные отразили ихъ. Но вдругъ во дворѣ, гдѣ укрывались крестьяне, загорѣлся амбаръ, очевидно подожженный осаждающими [1]), и въ то же время городничій подоспѣлъ на помощь къ понятымъ со своею командою. Осажденные держались еще съ полчаса, но, наконецъ, стали разбѣгаться; даже и послѣ того нѣкоторые изъ нихъ собрались въ другомъ мѣстѣ, но также были разогнаны. На другой день всѣ принесли повинную [2]).

Такимъ образомъ послѣ Пугачевщины намъ извѣстны волненія крѣпостныхъ крестьянъ только въ семи вотчинахъ. Весьма вѣроятно, что и вообще ихъ было въ это время немного, такъ какъ крестьяне были запуганы суровымъ усмиреніемъ пугачевскаго бунта; но быть можетъ о нѣкоторыхъ волненіяхъ не имѣемъ свѣдѣній. Какъ бы то ни было, немедленно по вступленіи на престолъ императора Павла начались волненія крѣпостныхъ крестьянъ въ одиннадцати губерніяхъ.

[1]) Какъ это было предписано инструкціею, составленною въ 1763 г. въ военной коллегіи.

[2]) Во время боя нѣсколько солдатъ и понятыхъ были ранены. А. М. Ю. Дѣла сената, I Деп. № 1002—4573, л. 258—268.

ПОССЕССІОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

ГЛАВА I.

Какъ образовалась группа поссессіонныхъ крестьянъ.—Покупка имѣній къ фабрикамъ и заводамъ.—Люди, прикрѣпленные къ фабрикамъ правительственными указами.—Казенные мастеровые, переданные съ заводами въ частное владѣніе.—Окончательное обособленіе поссесіонныхъ крестьянъ въ особую группу въ началѣ XIX в. — Ихъ подати и повинности.—Право фабриканта подвергать ихъ наказаніямъ.

Когда правительство при Петрѣ В. начало заботиться о развитіи во что бы то ни стало нашей промышленности, естественно явился вопросъ о томъ, гдѣ, при существованіи крѣпостного права, прикрѣплявшаго къ землѣ бо́льшую часть народа, фабриканты будутъ находить необходимыя для нихъ рабочія руки. Одинъ изъ способовъ снабженія рабочими, по крайней мѣрѣ горныхъ заводовъ, началъ практиковаться правительствомъ еще въ XVII в.: мы разумѣемъ приписку къ заводамъ крестьянъ для отрабатыванія тамъ податей. Крестьяне эти рубили тамъ дрова, жгли уголь и исполняли другія вспомогательныя работы, продолжая считаться государственными крестьянами. Но этихъ временныхъ рабочихъ было недостаточно: требовались еще мастеровые, которые, постоянно участвуя въ работахъ, пріобрѣтали бы необходимый техническій навыкъ; такіе мастеровые и были на казенныхъ заводахъ. Чтобы образовать подобное же сословіе постоянныхъ рабочихъ на частныхъ фабрикахъ, правительство при Петрѣ Великомъ додумалось до того, чтобы фабричныя работы исполнялись такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскія въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ, и для того рѣшилось дать право и лицамъ не дворянскаго происхожденія пріобрѣтать деревни, но только не иначе какъ къ фабрикамъ или заводамъ, неотъемлемую принадлежность которыхъ они должны были составлять.

Въ 1721 г. былъ изданъ слѣдующій указъ: прежде «купецкимъ людямъ» было запрещено покупать деревни; теперь же многіе изъ нихъ пожелали заводить различныя фабрики и заводы, какъ компаніями, такъ и

по одиночкѣ. «Того ради позволяется,—сказано далѣе,—для размноженія такихъ заводовъ какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ-и-мануфактуръ коллегіи, токмо подъ такою кондиціею: дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія бергъ-коллегіи. А ежели кто противъ сего поступитъ, то онаго всего того лишить безпоровотно. А ежели кто будетъ заводы заводить, токмо для лица, малые, чтобъ ему тѣмъ, у кого деревни купить, и таковыхъ вымышленниковъ до той покупки отнюдь не допускать, и смотрѣть того на-крѣпко въ бергъ-и-мануфактуръ-коллегіи; а ежели таковые явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія» [1]). Въ 1752 г. было точно опредѣлено, въ какомъ количествѣ можно покупать крестьянъ къ заводамъ [2]); впрочемъ, это ограниченіе не касалось дворянъ. Изъ купленныхъ крестьянъ позволялось употреблять въ фабричныя работы: на шелковыхъ заводахъ— четверть всего числа, а на суконныхъ, полотняныхъ и проч.—одну треть; прочіе же должны были оставаться при крестьянскихъ работахъ [3]).

Покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ продолжалась только до царствованія императора Петра III, который 29 марта 1762 г. предписалъ: «всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ... отнынѣ къ ихъ фабри-

[1]) П. С. З. VI, 3.711. Этотъ указъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ былъ повторенъ въ регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, 1723 г., VI, 4.378, п. 17. Въ царствованіе имп. Анны Ивановны это разрѣшеніе было нѣсколько ограничено, именно фабрикантамъ позволено покупать людей и крестьянъ на свои фабрики, но только безъ земель и не цѣлыми деревнями (IX, 6.858, п. 9); однако послѣднее постановленіе было отмѣнено въ 1744 г. XII, 9.004.

[2]) Владѣльцамъ желѣзныхъ заводовъ — на одну домну по сту, да къ двумъ молотамъ, къ каждому по тридцати дворовъ, итого 160, полагая во всякомъ дворѣ по 4 души м. п.; владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ выплавляемой мѣди по 50 двор. или по 200 душъ м. п. Фабриканты могли покупать крестьянъ къ своимъ фабрикамъ въ различномъ количествѣ, смотря по тому, какая фабрика, именно *ко всякому стану* отъ 12 до 42 душъ м. п., а женщинъ сколько окажется при мужьяхъ.

[3]) П. С. З. XIII, 9.954, указъ 12 марта 1752. Въ 1753 г. было разъяснено, что на покупаемыхъ фабрикантами и заводчиками людей и крестьянъ безъ земли крѣпости писать можно. XIII, 10.147. Въ П. С. З. можно найти нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ дозволенія покупки людей къ фабрикамъ. XIII, 10.144, XIV, 10.759, XV, 11.023. ср. *Pallas*. Bemerkungen, 139.

камъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми». Это подтвердила и императрица Екатерина II вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ [1]).

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ ея царствованія, оказывается, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20.000 [2]), а къ горнымъ заводтмъ болѣе 40.000 душъ, всего же 67.461 душъ, почти на 94.000 д. менѣе, чѣмъ могло бы быть на основаніи указа 1752 г. [3]).

Въ коммисіи для составленія уложенія былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли лицамъ, не имѣющимъ правъ дворянства, владѣть мастеровыми и крестьянами. Князь Щербатовъ высказался за запрещеніе покупки людей къ фабрикамъ; напротивъ того, депутатъ города Серпейска, купецъ Глинковъ, для успѣшнаго развитія промышленности считалъ необходимымъ крѣпостной трудъ. «Когда я обучу чужого и открою ему секретъ, — говорилъ онъ въ коммиссіи, — то онъ можетъ отойти къ другому или потребовать такой необычайной платы, какой фабрика и принять на свой счетъ не можетъ». Шуйское дворянство выразило желаніе, чтобы дворянамъ было запрещено имѣть фабрики, но чтобы и купцы не могли покупать къ фабрикамъ крестьянъ [4]).

Каковы бы ни были, однако, желанія депутатовъ коммиссіи уложенія, запрещеніе пріобрѣтать деревни къ фабрикамъ оставалось въ силѣ въ теченіи всего царствованія Екатерины II [5]). Только иностраннымъ капиталистамъ, заведшимъ на свой счетъ фабрики и заводы, дозволено было манифестомъ 1763 года, вызывавшимъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, покупать къ нимъ «надлежащее число крѣпостныхъ людей и крестьянъ» [6]). Что касается русскихъ заводчиковъ, то исключеніе изъ общаго правила было допущено, насколько намъ извѣстно, только однажды, въ пользу Гончарова, которому въ 1763 году—по именному указу, «за

[1]) . С. З. XV, 11.490, XVI, 11.638, 8 авг. 1762.

[2]) Изъ нихъ на фабричной работѣ находилось 38%, а въ деревняхъ для крестьянскихъ работъ было оставлено 62%. Къ числу поссесіонныхъ принадлежала между прочимъ и мозаичная фабрика М. В. Ломоносова, къ которой въ 1753 г. было пожаловано въ копорскомъ уѣздѣ 211 д. *Пекарскій*. Исторія Академ. Наукъ II, 497, 498, 511—512, 543—544. П. С. З. XIII, 10.057.

[3]) Арх. М. Ю. Дѣла сената № 261—3.832, л. 575—576, 632—645. Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ вѣдомость о фабрикахъ, находящихся въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегіи напечатана въ Сборн. Истор. Общ. X, 368—377.

[4]) Сб. Истор. Общ. VIII, 59, 94, IV, 395—396 и мн. др. мѣста этихъ томовъ.

[5]) Срав. Сбор. Истор. Общ. X, 380.

[6]) П. С. З. XVI, 11.880.

ревностные труды въ заведеніи и размноженіи полезныхъ государству фабрикъ»—позволено было покупать деревни; право это распространялось и на его дѣтей [1]). Въ остальныхъ случаяхъ незаконная покупка людей при Екатеринѣ преслѣдовалась правительствомъ [2]). Но такъ какъ запрещеніе все-таки обходили съ помощью различныхъ уловокъ, то императоръ Павелъ въ 1798 году рѣшился вновь дозволить фабрикантамъ покупать крестьянъ въ указанныхъ прежде размѣрахъ, приказавъ только строго наблюдать, чтобы купленныя съ этою цѣлью деревни всегда состояли при фабрикахъ и заводахъ, не продавались, не закладывались и не укрѣплялись ни за кѣмъ отдѣльно отъ нихъ и чтобы крестьяне не переводились къ другимъ заводамъ и селеніямъ по одиночкѣ или семьями; продавать же крестьянъ вмѣстѣ съ заводами, съ разрѣшенія бергъ-или-мануфактуръ-коллегіи, дозволялось [3]). За нарушеніе этихъ правилъ грозила конфискація фабрикъ и заводовъ. Если дѣйствіе фабрикъ прекратится по винѣ заводчика, въ такомъ случаѣ ихъ также слѣдовало брать въ казну съ купленными къ нимъ деревнями и землями, но съ уплатою за нихъ по оцѣнкѣ. Согласно съ указомъ 5-го апрѣля 1797 года, которымъ было приказано помѣщичьимъ крестьянамъ работать три дня въ недѣлю на помѣщика, изъ купленныхъ крестьянъ только половина годныхъ къ работѣ должна была работать на заводѣ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь велѣлъ прекратить преслѣдованіе виновныхъ въ незаконномъ пріобрѣтеніи крестьянъ къ фабрикамъ [5]).

Покупая крестьянъ къ фабрикамъ послѣ дозволенія, даннаго на это имп. Павломъ, заводчики стали иногда переселять ихъ въ совершенно другую мѣстность Россіи; это, разумѣется, было крайне разорительно для

[1]) Арх. М. Ю., Жур. и Прот. Сен. № 1.011—3.494, л. 173.

[2]) Въ 1786 г. сенатъ приказалъ изъ числа состоящихъ за купечествомъ при фабрикахъ костромскаго намѣстничества мастеровыхъ и рабочихъ оставить при нихъ только тѣхъ, которые куплены ихъ владѣльцами до изданія указа 8 августа 1762 г., а остальныхъ отобрать и приписать въ казенное вѣдомство, куда они сами пожелаютъ. Арх. М. Ю., № 897—4.468, л. 18.—При Петрѣ III и Екатеринѣ II не дозволялось покупать крестьянъ къ фабрикамъ, продавать же крестьянъ, купленныхъ къ фабрикамъ, отдѣльно отъ нихъ никогда не было дозволено. Были однако случаи, что просили объ нарушеніи этого правила. См. Дополненіе XIV.

[3]) Количество покупаемыхъ къ заводу или фабрикѣ крестьянъ не должно было превосходить опредѣленнаго указомъ 17 янв. 1752 г.

[4]) По свидѣтельству автора статьи „Горнозаводскій Уралъ“ („Отеч. Зап.“, 1874, № 12, стр. 339), на уральскихъ горныхъ заводахъ этотъ законъ „не имѣлъ рѣшительно никакого практическаго значенія и никогда не исполнялся“.

[5]) П. С. З. XXV, 18.442, Указъ 16 марта 1798 г. Объ одномъ изъ такихъ дѣлъ см. въ Дополненіи XV.

крестьянъ. Поэтому уже въ 1802 году императору Александру I пришлось запретить такія переселенія; онъ дозволилъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ только изъ живущихъ по близости съ тѣмъ, чтобъ ихъ отнюдь не переселяли съ прежняго мѣста жительства [1]); а въ 1816 г. была совершенно запрещена покупка крестьянъ къ фабрикамъ, какъ съ землею, такъ и безъ земли [2]).

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ отдѣламъ крестьянъ, принадлежащихъ къ фабрикамъ и заводамъ, мы должны разъяснить, относятся ли къ этому отдѣлу крестьяне, купленные къ нимъ дворянами, или они считались принадлежащими своимъ владѣльцамъ на вотчинномъ правѣ.

Указомъ 18 янв. 1721 г. дозволено было покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ не только купцамъ, но и дворянамъ; на имѣнія, купленныя съ этою цѣлію дворянами, распространялись тѣ же ограниченія, какія тяготѣли и надъ принадлежавшими купцамъ. «Какъ шляхетству, такъ и купечеству», сказано было въ указѣ, «тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать», продавать же съ заводами всѣ могли не иначе, какъ съ позволенія бергъ-коллегіи. Когда въ 1752 г. было точно опредѣлено, въ какомъ количествѣ можно покупать крестьянъ для фабричныхъ работъ, то это ограниченіе не касалось дворянъ, но тѣмъ не менѣе деревни, купленныя ими къ фабрикамъ, строго различались отъ остальныхъ ихъ имѣній. «При письмѣ крѣпостей о тѣхъ деревняхъ, кои они купятъ къ заводамъ и фабрикамъ, именно объявлять и въ тѣхъ крѣпостяхъ включать, что они куплены къ заводамъ или фабрикамъ, дабы впредь можно было знать, какія ими деревни точно къ заводамъ и фабрикамъ куплены и какія жъ особно для ихъ дворянства». Запрещеніе покупать имѣнія къ фабрикамъ, изданное въ 1762 г., касалось также и дворянъ, и въ теченіи царствованія Екатерины II дворяне не только, точно такъ же, какъ и купцы, не могли покупать деревни къ фабрикамъ, но не дозволялось даже причислять имѣнія, принадлежащія на вотчинномъ правѣ, къ заводамъ, купленнымъ тѣми же владѣльцами [3]). Однимъ словомъ, мы должны признать, что имѣнія, пріобрѣтенныя дворянами спеціально къ заводамъ и фабрикамъ, принадле-

¹) П. С. З. XXVII, 20.352.

²) П. С. З. XXXIII, № 26.504, срав. XXX, 23.132, стр. 411 — 412, XXXI, 24.403, мап. § 5.

³) Это будетъ ясно видно изъ разсказаннаго нами ниже, въ III главѣ, дѣла Походяшина и Всеволожскаго; разрѣшеніе въ этомъ случаѣ такого перечисленія бергъ-коллегіею было признано императрицею незаконнымъ.

жали имъ до послѣднихъ лѣтъ XVIII в. не на полномъ, а на ограниченномъ правѣ собственности. Это сдѣлается для насъ еще очевиднѣе, если мы вспомнимъ, что по бергъ-привилегіи право распоряженія подземными минеральными богатствами на всѣхъ земляхъ, не только казенныхъ, но и частныхъ, принадлежало государству. «Намъ однимъ яко монарху,—сказано тамъ, — принадлежатъ рудокопные заводы». Къ сожалѣнію, Екатерина II манифестомъ 1782 г. и затѣмъ дворянскою грамотою 1785 г. отступила отъ этого принципа и распространила право полной собственности частныхъ землевладѣльцевъ и на нѣдра ихъ земель. Естественно, что въ періодъ времени съ 1719 по 1782 г., во всѣхъ правительственныхъ постановленіяхъ не дѣлается различія между частными горными заводами, построенными на отведенныхъ для этого казенныхъ земляхъ, и заводами, находившимися на собственныхъ земляхъ владѣльцевъ; подати, взимавшіяся съ тѣхъ и другихъ, были совершенно одинаковы. Такимъ образомъ только манифестъ 1782 г. положилъ юридическое основаніе частнымъ горнымъ заводамъ на полномъ владѣльческомъ правѣ; вслѣдъ за выдѣленіемъ ихъ изъ состава всѣхъ горныхъ заводовъ естественно должно было установиться и различіе во взиманіи податей между тѣми изъ нихъ, которые были основаны на казенныхъ, и построенными на частныхъ земляхъ. Правительство сознавало это, и въ одномъ именномъ указѣ высказано было желаніе взыскивать съ заводчиковъ за пользованіе казенными землями и лѣсами особую арендную плату; однако, мысль эта не была приведена въ исполненіе. Въ 1794 г. впервые было сдѣлано различіе въ размѣрахъ податей между заводами, построенными частными лицами безъ всякаго пособія, и тѣми, при устройствѣ которыхъ были даны отъ казны земли и лѣса или приписаны «изъ вѣдомства казеннаго» люди [1]). Съ этого времени различіе между тѣми и другими заводами все болѣе уясняется въ нашемъ законодательствѣ, и только съ этого времени и можно считать имѣнія, купленныя дворянами къ такимъ заводамъ, которыя не пользовались отъ казны пособіемъ въ земляхъ и лѣсахъ, принадлежащими имъ на полномъ вотчинномъ правѣ. Что касается остальныхъ фабрикъ и заводовъ, то, разъ заведенные съ пособіемъ отъ казны, они, и съ переходомъ такъ или иначе въ руки дворянъ, сохраняли свой характеръ ограниченной собственности.

Но фабрики съ рабочими изъ крѣпостныхъ, построенныя въ дворян-

[1]) *Михайловъ.* Историческое и современное значеніе поссессіоннаго права владѣнія горнозаводскими имѣніями. Горн. Журн. 1862 г., № 11, стр. 331—340.

скихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ ихъ владѣльцамъ ранѣе заведенія фабрики, если только ихъ владѣльцы не воспользовались никакимъ пособіемъ отъ казны, не превращали имѣнія въ такое, которымъ владѣли на ограниченномъ (поссесссіонномъ) правѣ. Разница эта обусловливалась тѣмъ, что фабрика, съ купленнымъ къ нему имѣніемъ, могла перейти изъ рукъ дворянина во владѣніе лица, не имѣющаго права на владѣніе населенными имѣніями, увеличеніе же количества поссессіонныхъ крестьянъ правительство признало во вторую половину XVIII в. не желательнымъ; населенныя же имѣнія, гдѣ главную цѣнность составляла земля и крѣпостные крестьяне, а фабрика являлась лишь одною изъ доходныхъ статей, не могли перейти въ руки недворянина, и потому заведеніе такихъ фабрикъ въ имѣніяхъ съ привлеченіемъ на нихъ крѣпостныхъ въ качествѣ рабочихъ не воспрещалось правительствомъ.

Кромѣ купленныхъ къ фабрикамъ ихъ владѣльцами, въ составъ того класса народонаселенія, который составлялъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ, входили люди, отданные туда или прикрѣпленные къ нимъ правительственными указами. Къ этому второму отдѣлу принадлежатъ прежде всего бѣглые, разночинцы и разные свободные гулящіе люди, затѣмъ незаконнорожденные, иногда солдатскія дѣти и т. п.

Въ 1722 году Петръ Великій не велѣлъ отдавать съ фабрикъ учениковъ и работниковъ, оказавшихся бѣглыми помѣщичьими людьми, такъ какъ отъ возвращенія ихъ происходитъ остановка фабричныхъ работъ. Въ слѣдующемъ году приказано было всѣхъ находящихся на фабрикахъ солдатскихъ дѣтей, дворовыхъ служителей и разночинцевъ переписать, но «въ подать никуда не класть». Если кто изъ пришлыхъ на заводы людей, обучившись тамъ какому-нибудь мастерству, будетъ нуженъ заводчику, то послѣдній имѣлъ право заплатить за него помѣщику 50 рублей и оставить его у себя; въ противномъ случаѣ, удержавъ рабочаго долѣе срока, означеннаго въ его паспортѣ, онъ долженъ былъ отвѣчать за него, какъ за бѣглаго [1]). Въ 1732 году велѣно было произвести новую перепись на фабрикахъ, но впредь до особаго указа съ нихъ никого не ссылать и по прошеніямъ челобитчиковъ не отдавать [2]).

Такимъ образомъ, люди пришлые на заводы были оставлены на нихъ впредь до особаго распоряженія, которое должно было окончательно рѣшить ихъ участь; распоряженіе это состоялось 7-го января 1736 года;

[1]) П. С. З. VI, 4055, VII, 4145, 4533, плакатъ 26 іюня 1724 г.
[2]) П. С. З. VIII, 6255.

оно имѣетъ особенно важное значенiе въ исторiи поссессiонныхъ крестьянъ, такъ какъ на основанiи его преимущественно и составился отдѣлъ отданныхъ по указамъ.

Не нужно было быть непремѣнно бѣглымъ, чтобы попасть въ число людей, навсегда прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ. Всѣмъ, которые во время изданiя указа 1736 года находились при фабрикахъ и обучились на нихъ какому-нибудь мастерству, а не были простыми чернорабочими, велѣно было остаться при нихъ вѣчно, и если кто положенъ въ подушный окладъ, тѣхъ приказано изъ него выключить. За этихъ мастеровыхъ фабриканты должны были заплатить деньги, кому они прежде принадлежали, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за дворцовыхъ, архiерейскихъ и монастырскихъ, а также помѣщичьихъ людей и крестьянъ, написанныхъ въ подушный окладъ, которые пришли на фабрики съ женами или малолѣтними дѣтьми (мальчиками моложе 10-ти и дѣвочками моложе 15-ти лѣтъ), — по 50 рублей за семью; а если дѣти были старше, то за каждаго мальчика нужно было еще приплатить по 10-ти,—за дѣвочку по 5-ти рублей. За холостыхъ мужчинъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, назначена была плата по 30 рублей за каждаго. Плата эта служила вознагражденiемъ владѣльцамъ или крестьянскимъ обществамъ за то, что они прежде вносили подати и давали рекрутъ за этихъ крестьянъ. Если же кто въ подушный окладъ не написанъ и платежа никакого за нихъ не было, то за такую семью—мужа, жену и малолѣтнихъ дѣтей — должно было заплатить 30 рублей, за мальчиковъ старше 10-ти лѣтъ по 7-ми, а за дѣвушекъ старше 15-ти лѣтъ—по 3 рубля 50 коп.; за холостыхъ по 20-ти рублей, а за вдовъ и дѣвушекъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, по 5-ти рублей. За дѣтей, прижитыхъ на фабрикахъ, не слѣдовало платить ничего. Деньги эти, вносимыя фабрикантами въ сенатъ, за помѣщичьихъ людей отдавались помѣщикамъ, а за дворцовыхъ, монастырскихъ и другихъ отсылались въ кригсъ-коммиссарiатъ въ зачетъ подушныхъ денегъ за тѣ вотчины, откуда родомъ были эти крестьяне. Дѣтей этихъ *отданныхъ вѣчно* людей фабриканты должны были обучать всякимъ мастерствамъ и производить въ мастера.—Тѣхъ, которые были на фабрикахъ чернорабочими, велѣно было отдать, кому они принадлежали; но за время пребыванiя ихъ на фабрикахъ пожилыхъ денегъ не взыскивать.—Показавшiе при переписи, что они не знаютъ, «изъ какихъ чиновъ отцы и дѣды ихъ» (*непомнящiе родства*), должны были по-прежнему остаться на фабрикахъ, если же потомъ окажется, что они бѣглые солдаты и рекруты или помѣщичьи люди, то велѣно бить ихъ плетьми

нещадно и возвращать владѣльцамъ, но пожилыхъ денегъ и за нихъ не взыскивать. Если кто изъ *вѣчно-отданныхъ* сбѣжитъ съ фабрики, то воеводы должны были отсылать ихъ назадъ; съ виновныхъ же въ держанiи ихъ взыскивались пожилыя деньги на общемъ основанiи. Указъ заканчивался обычнымъ предписанiемъ: впредь бѣглыхъ отнюдь не принимать [1]).

Такъ образовался особый отдѣлъ заводскаго населенiя—отданные навсегда по указамъ, которыхъ можно раздѣлить на а) прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ за извѣстную плату и б) непомнящихъ родства, отданныхъ безъ платы. Множество государственныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, не говоря уже о прежнихъ крѣпостныхъ, были прикрѣплены такимъ образомъ къ заводамъ.

Въ началѣ царствованiя Елизаветы Петровны правительство пыталось было остановить наплывъ бѣглыхъ на фабрики и заводы и, съ этой цѣлью, дѣлало распоряженiя о высылкѣ ихъ на родину. Велѣно было отданныхъ по указамъ и купленныхъ фабрикантами написать за ними въ подушный окладъ, а бѣглыхъ заводчики должны были на свой счетъ отвезти на родину. Однако правительству очень скоро пришлось отказаться отъ исполненiя этихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ оказалось, что высылкою всѣхъ бѣглыхъ на прежнiя жилища фабрики могли быть приведены «въ совершенное разоренiе и опустошенiе» [2]).

Вопросъ о бѣглыхъ вообще былъ окончательно рѣшенъ только въ 1754 г. обширнымъ именнымъ указомъ. Относительно фабричныхъ мастеровыхъ мы находимъ въ немъ слѣдующiя распоряженiя. Всѣхъ бѣглыхъ, найденныхъ на фабрикахъ, за исключенiемъ тѣхъ, которымъ велѣно быть неотъемлемыми отъ нихъ по какимъ-либо прежнимъ указамъ, велѣно было отвезти на прежнiи жилища, хотя бы они и обучились мастерству; а за держанiе ихъ взыскать за мужчинъ по 100 р., а за женщинъ по 50 р. въ годъ, считая съ 1724 г. до времени изданiя этого указа. Что касается бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, заведенныя послѣ указа 1736 года со времени ихъ основанiя до ревизiи 1744 г., и во время нея записанныхъ на эти фабрики, то ихъ велѣно также отдать прежнимъ владѣльцамъ, но если они окажутся крайне необходимыми, то фабриканты могутъ ихъ не отдавать, заплативъ только по 50 р. за мужчинъ и по 25 р. за женщинъ; за то время, сколько они жили на фабрикахъ до за-

1) П. С. З. IX, 6858.
2) П. С. З. XI, 8620, 8836, п. 5, XII, 8969.

писанія во вторую ревизію, взыскать за нихъ пожилыя деньги въ вышеуказанномъ размѣрѣ, а за время послѣ ревизіи до изданія настоящаго указа денегъ не брать, такъ какъ мастеровыхъ не велѣно было ссылать съ фабрикъ сенатскимъ указомъ 1744 г., а взыскать только заработныя деньги за мужчину по 5-ти р., а за женщину по 2 р. 50 к. въ годъ. Впредь же за пріемъ бѣглыхъ взыскивать съ заводчиковъ пожилыхъ за мужчинъ по 200, за женщинъ по 100 р. въ годъ [1]).

Уже изъ одного обилія указовъ о бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, видно, что изъ нихъ, вмѣстѣ съ свободными гулящими людьми и «непомнящими родства», всего болѣе вербовалось «вѣчно отданныхъ» къ фабрикамъ. Но въ составъ этого отдѣла входили и другіе элементы. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, о незаконнорожденныхъ.

Такъ какъ законодательство первой половины XVIII в. стремилось всѣхъ гулящихъ людей записать въ подушный окладъ за кѣмъ бы то ни было, то понятно, что незаконнорожденные попадали въ кабалу къ ихъ воспитателямъ [2]). Тутъ закрѣпощеніе являлось, по крайней мѣрѣ, какъ-бы вознагражденіемъ за издержки при прокормленіи младенцевъ, но иногда незаконнорожденныхъ, хотя еще и несовершеннолѣтнихъ, но уже способныхъ къ работѣ, отдавали на первую попавшуюся фабрику. Такъ напр., въ концѣ 40-хъ годовъ было отдано на суконную фабрику Болотина не мало «зазорныхъ дѣтей», начиная отъ 12-ти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ до 25-ти лѣтняго возраста, а затѣмъ были опредѣлены въ военную службу [3]). Взрослые незаконнорожденные иногда сами записывались за фабрикантами, такъ какъ приписаться гдѣ нибудь было все равно необходимо: въ противномъ случаѣ это сдѣлало бы за нихъ само правительство. Разъ написанные въ ревизію при какой-нибудь фабрикѣ, они дѣлались ея неотъемлемою принадлежностью. Положеніе незаконнорожденныхъ женщинъ, какъ неположенныхъ въ подушный окладъ, было, повидимому, нѣсколько свободнѣе: имъ предоставлялось на выборъ— идти ли въ услуженіе, или поступить на фабрику [4]), но на дѣлѣ, надо полагать, то и другое одинаково кончалось закрѣпощеніемъ.

Въ составъ вѣчно-отданныхъ попадали также разночинцы, «неимѣющіе купечества и промысловъ», которыхъ велѣно было отдавать на част-

[1]) П. С. З. XIV, 10.233, п. 23—26, указъ 13 мая 1754 г.

[2]) *Побѣдоносцевъ.* Историч. изслѣдованія, 199—201.

[3]) *Соловьевъ,* XXIII, 27—28.

[4]) П. С. З. VIII, 5452.

ныя фабрики и вотчинникамъ и писать за ними въ подушный окладъ [1]), а также заштатные церковники [2]) и солдатскія дѣти. Послѣдніе отдавались иногда только до достиженія опредѣленнаго возраста съ тѣмъ, чтобы потомъ они вступили на военную службу, но, какъ видно, сплошь и рядомъ они навсегда оставались при фабрикѣ [3]).

Съ Петра III отдача по указамъ на фабрики въ неотъемлемое владѣніе прекратилась. Сенатъ съ 1786 г., узнавъ, что въ костромскомъ намѣстничествѣ были отданные отъ присутственныхъ мѣстъ на фабрики послѣ 1762 г., приказалъ отобрать ихъ и причислить въ казенное вѣдомство по желанію каждаго [4]). Приписка же къ фабрикамъ по собственному желанію продолжалась и при Екатеринѣ.

Кромѣ вѣчно-отданныхъ, были на фабрикахъ и отданные на время. Указомъ 1736 г. было велѣно, если какіе «подлые и неимущіе люди» изъ купечества и разночинцевъ муж. пола, а изъ женщинъ чьи бы то было, будутъ праздно шататься и просить милостыню по городамъ и уѣздамъ, такихъ отдавать на *пять лѣтъ* на фабрики и мануфактуры съ согласія фабрикантовъ, которые обязывались за работу давать имъ пропитаніе. По прошествіи пяти лѣтъ должно было отпускать ихъ съ паспортами [5]). Женщины, оказавшіяся виновными въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и проступкахъ, предоставлялись по указу 1721 г. на усмотрѣніе бергъ и мануфактуръ-коллегій, которыя и должны были отсылать ихъ на компанейскія фабрики на нѣсколько лѣтъ или даже пожизненно. При Екатеринѣ II сенатъ подтвердилъ, чтобы и публичныя женщины, отсылаемыя полиціею въ мануфактуръ-коллегію, отправлялись послѣднею на фабрики [6]).

Нищіе также отдавались на фабрики на нѣкоторое время. Когда въ 1717 г. въ рязанскомъ уѣздѣ компанія купцовъ устраивала игольный заводъ, ей было дозволенно «въ ученіе брать въ Москвѣ и на Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню», и этимъ ученикамъ велѣно находиться на фабрикѣ до совершеннолѣтія; провіантъ и платье имъ должны были давать компанейщи-

[1]) Указъ 11 Мая 1739, упомян. объ указѣ 1756 г. П. С. З. XIV, 10,494.

[2]) *Побѣдоносцевъ*. Ист. изсл. 197.

[3]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла ман. колл. вяз. № 420, дѣло № 11—13. *Соловьевъ*, XXIII, 27–28.

[4]) Арх. М. Ю. № 897—4468, л. 18.

[5]) П. С. З. IX, 6858.

[6]) П. С. З. VI, 3808, XIX, 13664.

ки [1]). Въ 1753 г. было предписано «шатающихся по міру мужскаго пола разночинцевъ, кои въ службы не годны, а работать еще могутъ, отдавать на фабрики въ работу, также бабъ и дѣвокъ и малыхъ ребятъ и изъ богадѣленъ опредѣленныхъ на жалованье отнюдь по міру ходить не допускать». Поэтому, когда въ 1762 г. въ Петербургѣ оказалось много просящихъ милостыню солдатокъ, сенатъ приказалъ полиціи отсылать ихъ въ мануфактуръ-коллегію для распредѣленія на фабрики въ Петербургѣ и окрестностяхъ, съ тѣмъ однако, что если мужья, возвратившись изъ похода, будутъ просить объ ихъ возвращеніи, то ихъ съ фабрикъ отпустить [2]).

Всѣ эти рабочіе обоего пола, временно отданные на фабрики, не могутъ, разумѣетса, считаться ихъ неотъемлемою принадлежностью, но нужно думать, что большинство изъ нихъ навсегда оставалось тамъ по той или другой причинѣ и такимъ образомъ увеличивало контингентъ, такъ называемыхъ, вѣчно-отданныхъ. Къ тому же, по указу 1736 г., и поступившіе до того времени на фабрики добровольно, хотя бы они первоначально желали пробыть тамъ лишь нѣсколько лѣтъ, должны были поневолѣ остаться фабричными рабочими.

Мы познакомились уже съ двумя разрядами прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ крестьянъ: купленными фабрикантами и вѣчно-отданными; третьимъ элементомъ этой группы рабочаго населенія были отданные фабрикантамъ *казенные мастеровые*. Большинство изъ нихъ перешло въ руки ихъ владѣльцевъ вмѣстѣ съ заводами. Такъ, напримѣръ, на уральскихъ заводахъ, переданныхъ при Елизаветѣ частнымъ лицамъ, находилось болѣе трехъ съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ; на Липецкомъ, Боренскомъ и Козьминскомъ заводахъ воронежской губерніи, отданныхъ кн. Репнину, болѣе 1,300 душъ. Намъ придется еще разсказывать, какую упорную борьбу приходилось имъ выдерживать съ фабрикантами, которые стремились этихъ казенныхъ людей, находившихся въ ихъ пользованіи, низвести до одного уровня съ купленными ими рабочими. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что казенныхъ мастеровыхъ передавали въ частныя руки не только вмѣстѣ съ фабриками: нерѣдко, при устройствѣ того или другаго завода, правительство давало фабриканту нѣсколько людей, опытныхъ въ необходимомъ для него мастерствѣ [3]).

[1]) П. С. З. VI, 4006.

[2]) П. С. З. XV, 11485.

[3]) См. напр. о казенныхъ мастеровыхъ, полученныхъ воронежскими фабрикантами, Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануфактуръ-коллегіи, вяз. 420, дѣло 11—13, л. 48—55.

Передача мастеровыхъ изъ казны въ частное владѣніе вмѣстѣ съ заводами дѣлалась не иначе, какъ по именному указу, а отдѣльно отъ нихъ—по распоряженію сената, бергъ и мануфактуръ-коллегіи или даже подчиненныхъ имъ инстанцій [1]).

Но бывало, что мѣстная администрація произвольно отдавала на частные заводы людей, такой отдачѣ вовсе не подлежавшихъ. Въ 1783 году тобольское намѣстническое правленіе донесло сенату, что прежній тамошній губернаторъ Чичеринъ отдалъ въ 1771 г. на четыре частныя фабрики, подъ предлогомъ сиротства и несовершеннолѣтняго возраста, 79 ч. «казенныхъ людей», присланныхъ туда на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, между тѣмъ какъ ихъ слѣдовало, если бы они были дѣйствительно малолѣтними, «приписать къ земледѣльцамъ»; но такъ какъ они вовсе не были малолѣтними и легко могли исполнять всякую крестьянскую работу, то ихъ должно было поселить наравнѣ съ другими и по истеченіи льготныхъ лѣтъ обложить податями. Чичеринъ распорядился съ этими людьми, присланными на поселеніе, совершенно самовольно, не имѣя на то не только указа сената, но и прямо вопреки именному указу 1762 г., которымъ предписано было фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Поэтому тобольское намѣстническое правленіе предлагало не только отобрать этихъ людей у фабрикантовъ и поселить ихъ наравнѣ съ другими, отправленными въ Сибирь съ тою же цѣлію, но, кромѣ того, такъ какъ фабриканты пользовались рабочими, не платя за нихъ податей, взыскать съ нихъ деньги, не полученныя казною. Сенатъ согласился съ первою половиною этого предложенія; что же касается подушныхъ и другихъ податей за время пребыванія рабочихъ у фабрикантовъ, то онъ предписалъ взыскать ихъ не съ этихъ послѣднихъ, а съ бывшаго губернатора Чичерина, повиннаго въ ихъ противозаконной отдачѣ на фабрики [2]).

Итакъ, мастеровые и крестьяне, составлявшіе въ XVIII в. принадлежность частныхъ фабрикъ, были или купленные заводчиками, или «вѣчно-отданные», или, наконецъ, казенные мастеровые, переданные фабрикантамъ. Для обозначенія всей этой группы не выработалось еще въ XVIII в. особаго термина, который и встрѣчается лишь въ началѣ XIX в.

Относительно горныхъ заводовъ обособленіе тѣхъ изъ нихъ, которые получили пособіе отъ казны, начинается въ нашемъ законодательствѣ, какъ мы видѣли выше, еще въ концѣ царствованія имп. Екатерины II, окончательно же оно установилось только при Александрѣ I.—Въ учрежденіи министерства финансовъ 1811 г. подробно разграничены права частныхъ горныхъ заводчиковъ, и они раздѣлены на два разряда. Къ

[1]) Срав. *Германъ*. Ист. нач. горнаго дѣла I. 113, 115, 118.

[2]) Арх. М. Ю. № 766 — 4337, л. 292 — 294. Чичеринъ впрочемъ въ свое время доносилъ сенату, что онъ отдалъ на фабрики присланныхъ въ зачетъ рекрутъ одинокихъ юношей отъ 14 до 16 лѣтъ, „чтобъ они праздны не были... для обученія художествъ“, такъ какъ по его мнѣнію опредѣлять ихъ на поселеніе съ обычнымъ пособіемъ было бы для казны убыточно. Тогда сенатъ ничего не возразилъ противъ этой мѣры. Арх. М. Ю, № 381—3952, л. 33.

первому отнесены тѣ, которые владѣютъ заводами по праву дворянства, не получивъ никакихъ пособій отъ казны; ко второму тѣ, которые имѣютъ пособія: 1) въ людяхъ, 2) въ земляхъ, 3) въ лѣсахъ, 4) въ рудникахъ и 5) которые получили позволеніе владѣть заводомъ и при немъ крѣпостными людьми, не имѣя правъ дворянства. Въ 1825 г. такое раздѣленіе распространено на всѣ фабрики и заводы, и опредѣлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, къ которымъ были отведены отъ казны земли или строенія, или приписаны мастеровые люди, или дано позволеніе на покупку къ нимъ крестьянъ, составляютъ имущество, называемое *поссессіями* [1]), и не могутъ быть никакимъ образомъ отдѣляемы отъ фабрикъ. Послѣ того поссессіонные заводы рѣзко отдѣлялись отъ заводовъ владѣльческихъ; между прочимъ, ихъ нельзя было продавать изъ однѣхъ рукъ въ другія; они только переукрѣплялись, и то не иначе, какъ безъ раздробленія и съ разрѣшенія завѣдывавшихъ ими учрежденій. Самые владѣльцы ихъ, какъ это было и въ XVIII в., назывались только «содержателями заводовъ» [2]).

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX ст. найдено было общее названіе для всѣхъ разрядовъ заводскаго населенія, непринадлежащаго владѣльцу завода на правѣ полной собственности. Заводы, получившіе помощь отъ казны, въ томъ числѣ и людьми, были названы поссессіонными, а слѣдовательно—и ихъ населеніе можетъ быть названо поссессіонными мастеровыми и крестьянами. Этотъ терминъ мы можемъ перенести, за неимѣніемъ другаго, и въ XVIII в.

Намъ необходимо было остановиться на происхожденіи всѣхъ элементовъ этого отдѣла крестьянъ для того, чтобы яснѣе понять ихъ положеніе въ XVIII в. Итакъ, къ поссессіоннымъ крестьянамъ принадлежали: 1) Казенные мастеровые, отданные заводчикамъ. 2) Вѣчно-отданные: а) Отданные за опредѣленную плату и б) Непомнящіе родства. 3) Мастеровые и крестьяне, купленные къ заводамъ.

Въ началѣ XIX слолѣтія къ этому присоединился еще четвертый отдѣлъ: «непремѣнные работники», замѣнившіе приписныхъ крестьянъ. Они были набраны изъ этихъ послѣднихъ по 58 человѣкъ съ 1000 душъ и сдѣланы постоянными заводскими мастеровыми. Такъ какъ при част-

[1]) Этотъ терминъ встрѣчается уже, впрочемъ, въ одномъ указѣ 1797 г. П. С. З. XXIV, 18.211.

[2]) *Н. Михайловъ*. „Объ историческомъ и современномъ значеніи поссесс. права владѣнія горнозаводскими имѣніями", „Горный журналъ", 1862 г., № 11, стр. 330—344. Сравни статью *Петрова*, тамъ же № 1, стр. 145—147.

ныхъ заводахъ числилось тогда 70.061 д., то непремѣнныхъ работниковъ съ нихъ набрано было 4.061. По положенію 1807 г. они должны были отслужить на заводахъ только 30 лѣтъ, а дѣти ихъ 40 лѣтъ, а затѣмъ ихъ слѣдовало отпустить на волю и они могли приписаться, куда пожелаютъ [1]). Однако это не было исполнено, и только спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ положеніе 19 февраля освобождаетъ ихъ на весьма неблагопріятныхъ условіяхъ [2]).

Разобравъ подробно составъ поссессіоннаго заводскаго населенія, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ относительно быта этихъ людей.

Что касается уплаты податей, то, на основаніи бергъ-привилегіи 1719 г., мастеровые всѣхъ дѣйствующихъ горныхъ заводовъ были избавлены отъ всякихъ денежныхъ поборовъ [3]). Это правило не всегда соблюдалось, но въ 1736 г. велѣно было всѣхъ вѣчно отданныхъ къ фабрикамъ, если кто изъ нихъ былъ положенъ въ подушный окладъ, исключить изъ него на основаніи бергъ-привилегіи [4]). Въ царствованіе императрицы Елизаветы, при началѣ второй ревизіи, предписано было заносить въ перепись какъ отданныхъ по указамъ, такъ и купленныхъ фабрикантами. Когда въ 1747 г. ревизія была, наконецъ, приведена къ окончанію, сенатъ, въ виду того, что на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ мастеровые платятъ изъ получаемаго ими жалованья и задѣльной платы по 70 к. съ души, окончательно предписалъ взыскивать съ мастеровыхъ частныхъ заводовъ семигривенныя подушныя деньги, не облагая ихъ, однако, оброчнымъ сборомъ, который платили государственные крестьяне [5]). Есть указанія, что не заводчикъ платилъ подати за мастеровыхъ, какъ можно было бы думать, а сами они вносили ихъ [6]).

Отъ рекрутчины мастеровые были освобождены бергъ-привилегіею и регламентомъ мануфактуръ-коллегіи [7]). Въ 1754 г. велѣно было съ тѣхъ

[1]) П. С. З. XXIX, 22.498.

[2]) Въ это время поссессіонныхъ крестьянъ было всего около 186.000 душъ м. п., въ томъ числѣ при горныхъ заводахъ 163.000 и при различныхъ фабрикахъ 23.000 душъ. Цифры эти впрочемъ весьма не точны, см. *Тройницкій*. „Крѣп. насел. Россіи по десятой переписи“, Спб. 1861 г., стр. 47, 76—77.

[3]) П. С. З. V, 3464, п. 10.

[4]) П. С. З. VII, 4145, IX, 6.858.

[5]) П. С. З. XI, 8620, 8836, п. 5, XII, 9409.

[6]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла главн. правл. ман., вяз. 29, дѣло № 92, л. 52 и сл.

[7]) П. С. З. V, 3464, п. 10, VII, 4378, п. 13. И ранѣе того, по указу 17 генв. 1718 г. мастеровые, получившіе отъ мануфактуръ-коллегіи свидѣтельство, удостовѣряющее въ ихъ званіи, увольнялись отъ службы. П. С. З. V, 3142.

фабрикъ и заводовъ, при которыхъ есть приписныя и купленныя заводчиками деревни, за мастеровыхъ и рабочихъ, дѣйствительно употребляющихся въ дѣло, брать рекрутъ изъ этихъ деревень вмѣстѣ съ тѣми, какіе и безъ того съ нихъ должны быть поставлены; если же при фабрикахъ не было деревень, то дозволялось вмѣсто каждаго рекрута вносить по 100 рублей; впрочемъ, фабрикантамъ было дозволено сдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ фабричнымъ работамъ, если они годны къ службѣ, или даже покупать людей съ этою цѣлью. Учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. плата за рекрута повышена была до 120 руб., дозволеніе сдавать мастеровыхъ натурою сохранилось, но покупка рекрутъ въ это время уже не разрѣшалась. Въ 1783 г. цѣна рекрутской квитанціи сразу поднялась до 500 руб. [1]).

На основаніи указа 7 января 1736 г. фабричные мастеровые должны были нести городскія повинности: содержать караулы и ходить на пожары [2]). Ниже мы увидимъ, что исполненіе этихъ повинностей было для нихъ весьма обременительно.

Высшими учрежденіями, завѣдывавшими фабриками и заводами, были бергъ-коллегія—для горныхъ заводовъ и мануфактуръ-коллегія для остальныхъ заводовъ и фабрикъ. Сначала, въ 1718 г., изъ нихъ велѣно было составить одно учрежденіе, но въ слѣдующемъ году бергъ-коллегія получила отдѣльное существованіе [3]). Мануфактуръ-коллегія должна была по своему регламенту словесно разбирать споры между мастерами, учениками и прочими работниками на фабрикахъ, но по государственнымъ и уголовнымъ дѣламъ они не подлежали ея суду. Мануфактуръ-коллегія должна

[1]) П. С. З. XIV, 10.326, XVII, 12.748, гл. I, п. 1, XXI, 15.847. Въ 1818 г. были установлены слѣдующія правила относительно отбыванія фабричными рекрутской повинности: 1) Имѣній, состоящихъ собственно на дворянскомъ правѣ, не смѣшивать съ имѣніями фабричными (т. е. поссессіонными), хотя бы тѣ и другія находились въ однѣхъ рукахъ; тѣ и другія обязаны отправлять повинность только за себя. 2) Съ мастеровыхъ, дѣйствительно находящихся въ мастерствахъ, рекрутъ натурою ни въ какомъ случаѣ не брать, а вносить за нихъ деньгами по установленной цѣнѣ. За фабрикантомъ впрочемъ сохранялось право сдавать въ рекруты мастеровыхъ, годныхъ въ военную службу, и замѣнять ими очередь съ приписныхъ и покупныхъ крестьянъ, состоящихъ на поссессіонномъ правѣ, но замѣнять ими рекрутъ, которыхъ слѣдовало поставить съ имѣній, состоящихъ на дворянскомъ правѣ, отнюдь не дозволялось. 3) Приписные и покупные къ фабрикамъ были навсегда освобождены отъ поставки рекрутъ натурою за мастеровыхъ и обязаны были нести эту повинность только за себя. 4) Чернорабочихъ, дровосѣковъ, угольщиковъ и т. п. не слѣдовало считать мастеровыми и они не избавлялись отъ поставки рекрутъ. П. С. З. XXXV, 27.277.

[2]) П. С. З. IX, 6858.

[3]) П. С. З. V, 3255, 3464.

была также наблюдать, чтобы фабриканты «порядочно содержали мастеровыхъ» и чтобы всякій «свою должность исполнялъ». Ей или ея конторѣ подлежалъ и разборъ жалобъ мастеровыхъ на фабрикантовъ [1]). При Екатеринѣ II было разъяснено, что мастеровые и ученики вѣдаются мануфактуръ-коллегіею только въ дѣлахъ, касающихся до фабрикъ и ихъ издѣлій [2]). Въ 1779 г. мануфактуръ-коллегія и ея контора были уничтожены, а въ 1783 г. велѣно было закрыть и бергъ-коллегію, такъ какъ съ учрежденіемъ казенныхъ палатъ горныя дѣла перешли въ ихъ вѣдѣніе. Но тотчасъ по вступленіи на престолъ имп. Павла бергъ-и мануфактуръ-коллегіи были вновь возстановлены [3]).

Мастеровые и рабочіе за разные проступки, по прошенію фабрикантовъ, отсылались мануфактуръ-коллегіею на поселеніе или даже въ каторжную работу. Въ указѣ 1736 г. сказано, что если мастеровые не исправятся вслѣдствіе домашнихъ наказаній, то слѣдовало представлять о нихъ въ коммерцъ-коллегію (замѣнявшую тогда мануфактуръ-коллегію) и такихъ людей «по свидѣтельству фабрикантскому и мастеровъ будутъ ссылать въ дальніе города или Камчатку на работы». Такъ, въ 1739 г. 15 человѣкъ мастеровыхъ съ суконной фабрики Полуярославцева за пьянство и игру въ кости и карты, по приказанію сената, были сосланы въ Сибирь; а затѣмъ и впредь велѣно ссылать мастеровыхъ по прошеніямъ фабрикантовъ и на ихъ счетъ [4]). Послѣ изданія указа 1760 г., дозволившаго помѣщикамъ отправлять своихъ людей на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, фабриканты пожелали также воспользоваться этимъ правомъ, что и было имъ разрѣшено въ 1763 г.; но для такой отправки требовался каждый разъ указъ мануфактуръ-коллегіи, куда фабриканты и подавали о томъ челобитную [5]). Наконецъ, фабриканты имѣли право подвергать мастеровыхъ различнымъ домашнимъ наказаніямъ; какимъ именно—законъ не опредѣлялъ [6]), но мы знаемъ, что, кромѣ тѣ-

[1]) П. С. З. VII, 4378, п. 26, 13, 24. Въ 1731 г. все мануфактурное управленіе было сосредоточено въ коммерцъ-коллегіи, съ которою были соединены бергъ-коллегія и ея контора (П. С. З. VIII, 5860); но уже въ 1736 г. для завѣдыванія горными дѣлами былъ учрежденъ особый генералъ-бергъ-директоріумъ (IX, 7047), который въ 1742 г. былъ уничтоженъ и вновь возстановлены бергъ- и мануфактуръ-коллегіи. XI, 8543.

[2]) П. С. З. XIX, 14028.

[3]) П. С. З. XX, 14947, XXI, 15660, XXIV, 17567, 18576, ср. XXVII, 20852.

[4]) П. С. З. X, 7866.

[5]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануфактуръ-коллегіи, св. 225, дѣло № 2037, л. 4; тамъ же вяз. 316, дѣло № 11775—40, л. 18—27, срав. Арх. М. Ю. № 110—3681, л. 88.

[6]) При отдачѣ Демидову въ 1702 г. Невьянскаго завода ему было дозволено наказывать крестьянъ за лѣность и ослушаніе батогами и плетьми и надѣвать оковы.

лесныхъ наказаній и денежныхъ штрафовъ, имъ предоставлялось иногда назначать мастеровыхъ на тяжелыя работы съ платою лишь на пропитаніе. Даже мастеровыхъ, взятыхъ на улицѣ за ссору, драку или пьянство, наказывала не полиція, а фабриканты (къ которымъ ихъ немедленно отправляли въ подобныхъ случаяхъ) при собраніи другихъ мастеровыхъ той же фабрики [1]). Но опекуны надъ имѣніями малолѣтнихъ владѣльцевъ посессіонныхъ фабрикъ не должны были сами расправляться съ рабочими, а отсылать ихъ для наказанія въ городѣ городничему, а внѣ города отдавать виновныхъ на судъ прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ, «которые при сходѣ крестьянъ или собраніи людей, или фабричныхъ, учинятъ имъ наказаніе» [2]). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ подобномъ же постановленіи относительно крѣпостныхъ крестьянъ, законъ признавалъ значеніе выборныхъ крестьянскихъ властей.

Владѣльцы посессіонныхъ заводовъ по закону не имѣли права препятствовать женскому населенію ихъ фабрикъ выходить замужъ, за кого они хотятъ, хотя бы за лицъ совершенно постороннихъ; это было разъяснено правительствомъ въ 1763 г. [3]). До того времени по этому вопросу къ заводскимъ мастеровымъ могъ примѣняться только указъ 1724 г., которымъ помѣщикамъ запрещено было принуждать своихъ крѣпостныхъ къ браку безъ ихъ желанія.

Однако, въ дѣйствительности фабриканты нерѣдко препятствовали желанію мастеровыхъ выдавать своихъ дочерей замужъ за постороннихъ. До указа 1763 г. нѣкоторые владѣльцы заводовъ, напримѣръ, Репнинъ, стали даже брать выводныя деньги за дочерей казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ имъ вмѣстѣ съ заводами. Но и послѣ этого указа случалось немало злоупотребленій въ этомъ отношеніи со стороны фабрикантовъ.

Такъ какъ съ учрежденіемъ вновь мануфактуръ-коллегіи по смерти императрицы Екатерины II, въ нее стало поступать не мало жалобъ отъ мастеровыхъ на притѣсненія отъ хозяевъ, неправильное закрѣпощеніе къ фабрикѣ и на то, что ихъ употребляютъ, вмѣсто фабричныхъ работъ, въ домашнее услуженіе, и такъ какъ до тѣхъ поръ не было издано ника-

1) П. С. З. IX, 6858.

2) Учрежденія о губерніяхъ 1775 г. П. С. З. XX, 14392, п. 305.

3) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. конторы, вяз. 5, № 21, книга указная 1763 г. лл. 226—227. Объ этомъ сенатскомъ указѣ 15 сентября 1763 г. упоминается въ сводѣ законовъ, т. XI, ч. 2, въ постановленіяхъ о посессіон. крестьянахъ, а между тѣмъ его нѣтъ въ П. С. З.; вязка № 224, дѣла №№ 1972, 1974 и 2022.

кого закона о томъ, какъ поступать съ фабрикантами, оказавшимися виновными въ такихъ злоупотребленіяхъ, то въ 1803 г. было постановлено, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ: 1) мастеровыхъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ указомъ 1736 г., за которыхъ фабрикантами были заплачены деньги, отбирать въ казну съ женами и дѣтьми, возвращая хозяевамъ внесенныя ими деньги. Но при этомъ было пояснено, что возвращались деньги только за тѣхъ людей, за которыхъ дѣйствительно были внесены, а не за ихъ дѣтей, которыя «и самимъ фабрикантамъ пришли даромъ». 2) Казенныхъ людей, отданныхъ на фабрики, безъ платежа отъ фабрикантовъ, отбирать въ подобныхъ случаяхъ безъ всякаго вознагражденія. 3) Фабричныхъ, купленныхъ такими фабрикантами, которые не имѣютъ права на владѣніе деревнями, а пріобрѣли ихъ по выданнымъ на фабрики привилегіямъ, отбирать также безъ всякаго вознагражденія [1]).

Нужно замѣтить, что отбирались иногда не одни фабричные рабочіе, но и самыя поссессіонныя фабрики. Императоръ Павелъ приказалъ въ 1797 г. повсемѣстно произвести изслѣдованіе «о казенныхъ земляхъ и прочихъ *поссессіяхъ*, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ приписанныхъ, точно ли оныя употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы и для которыхъ ко онымъ приписаны» [2]), и были случаи (когда оказывалось несоблюденіе тѣхъ условій, съ которыми даны были мастеровые), что фабрика отбиралась въ казну.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что по закону поссессіонныя имѣнія строго отличались отъ состоявшихъ на вотчинномъ правѣ. Въ 1-хъ, поссессіонныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить ихъ съ одной фабрики на другую; во 2-хъ, опредѣленъ былъ maximum того, сколько можно покупать крестьянъ къ различнымъ фабрикамъ и заводамъ; въ 3-хъ установлено было, какую часть изъ поссессіонныхъ крестьянъ можно употреблять на работу; въ 4-хъ, поссессіонные крестьяне могли жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ (тогда какъ отъ крѣпостныхъ жалобы не принималось), и въ 1803 г. было велѣно, если такія притѣсненія будутъ доказаны, отбирать рабочихъ въ казну. На дѣлѣ однако фабриканты обращались съ фабричными, какъ со своими крѣпостными, напримѣръ, уста-

[1]) П. С. З. XXVII, 20826.
[2]) П. С. З. XXIV, 18211.

навливали сборъ выводныхъ денегъ и т. п. Различныя злоупотребленія были тѣмъ возможнѣе, что въ XVIII в. не были разрѣшены закономъ нѣкоторые вопросы, весьма важные для поссессіонныхъ рабочихъ: такъ, во 1-хъ, не было опредѣлено количество рабочихъ часовъ (только въ субботу предписывалось по уложенію отпускать мастеровыхъ за три часа до вечера; относительно числа рабочихъ часовъ на казенныхъ горныхъ и литейныхъ заводахъ были точныя правила, но не было сдѣлано распоряженія, чтобы они соблюдались и на частныхъ заводахъ [1]); во 2-хъ не установлено точныхъ правилъ о томъ, должны ли работать на фабрикахъ и заводахъ женщины и дѣти, и не ранѣе какого возраста можно было посылать на работу дѣтей; наконецъ, въ 3-хъ, слишкомъ поздно, только въ 1803 г., были установлены правила о наказаніяхъ фабрикантовъ за притѣсненія рабочимъ.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, въ какомъ положеніи de jure находились поссессіонные крестьяне; въ послѣдующихъ главахъ мы подробно познакомимся съ дѣйствительнымъ положеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ этого класса людей.

Теперь замѣтимъ только, что мастеровые нерѣдко жаловались на замедленіе въ уплатѣ заработанныхъ ими денегъ, на то, что ихъ не вознаграждали за прогулы, случавшіеся не по ихъ винѣ, и что имъ приходилось исполнять нефабричныя работы. Бывали также случаи, что рабочихъ обязывали покупать все нужное для нихъ въ хозяйской лавкѣ, и это, разумѣется, давало возможность эксплуатировать ихъ.

Во время преній въ коммиссіи для составленія уложенія, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли не-дворянамъ владѣть мастеровыми и крестьянами, князь М. М. Щербатовъ, между прочимъ, сказалъ: «если разсмотримъ самое употребленіе и жизнь работниковъ (принадлежащихъ купцамъ), то увидимъ, что, кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники... прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ». Ярославское дворянство въ своемъ наказѣ кн. Щербатову также писало: «тѣ купцы, которые для фабрикъ и

[1]) Мы не нашли также ни одного указанія на то, чтобы къ нимъ примѣнялось предписаніе ремесленнаго положенія 1785 г., установившаго размѣръ рабочаго дня ремесленниковъ въ 10 часовъ (П. С. З., т. XXII, № 16188, ст. 123, п. 105).

заводовъ деревни покупили и на фабрики людей употребили, и то учинили, забирая всѣхъ на фабрики и заводы въ работу, да и то за толь малую плату, что на силу дневное пропитаніе могутъ имѣть. Чрезъ то умноженію народа чинится препона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бываютъ, что часто бунты производятъ» [1]).

Намъ не разъ еще придется говорить о волненіяхъ фабричныхъ мастеровыхъ; теперь уже упомянемъ только, что въ 1767 г. были волненія на шелковой кунавинской фабрикѣ Земскаго (московской губ.) и рязанской игольной фабрикѣ Рюмина [2]).

Въ послѣдующихъ главахъ мы разскажемъ, во первыхъ, какую борьбу приходилось вести казеннымъ мастеровымъ, отданнымъ фабрикантамъ; во-вторыхъ, познакомимся съ положеніемъ всѣхъ трехъ разрядовъ поссессіоннымъ крестьянъ на горныхъ заводахъ; затѣмъ, поговоримъ особо о положеніи рабочихъ на поссессіонныхъ суконныхъ фабрикахъ и, наконецъ, дадимъ общую характеристику быта поссессіонныхъ крестьянъ, кромѣ горнозаводскихъ, въ первые годы XIX в.

ГЛАВА II.

Борьба казенныхъ мастеровыхъ противъ закрѣпощенія.

Волненія на заводахъ князя Репнина въ воронежской губерніи. — Пріобрѣтеніе заводовъ въ казну.—Волненія на Красносельской бумажной фабрикѣ.—Договоръ съ фабрикантомъ, гарантирующій права мастеровыхъ.—Защита своихъ правъ казенными мастеровыми на Коппинской бумажной фабрикѣ.

Уже при Петрѣ Великомъ существовали казенные Липецкій, Козьминскій и Боренскій желѣзодѣлательные заводы въ тогдашней азовской, позднѣе воронежской, а нынѣ тамбовской губерніи (г. Липецкъ); они находились въ вѣдѣніи адмиралтейской конторы. Тамошніе мастеровые происходили изъ мѣщанъ и однодворцевъ, а часть ихъ была переведена съ Тульскаго и Олонецкаго заводовъ. Для вспомогательныхъ работъ къ нимъ, кромѣ того, было приписано 7,912 однодворцевъ и 952 души какихъ-то помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые отрабатывали тамъ четырехгривенный оброчный сборъ. Казенныхъ мастеровыхъ въ то время было 1,325 душъ.

[1]) Сб. Ист. Общ. VIII, 59, IV, 300.

[2]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла главн. правл. мануфакт. вяз. 29, дѣло № 92, лл. 52—57, 67 и сл.: *Соловьевъ* XXVII, 150.

Въ началѣ 1754 года камеръ-юнкеръ князь П. И. Репнинъ подалъ въ сенатъ челобитную о передачѣ ему въ содержаніе этихъ заводовъ. Сенатъ, согласно съ мнѣніемъ бергъ-коллегіи, рѣшилъ въ слѣдующемъ году отдать заводы Репнину съ имѣющимися при нихъ мастеровыми, рабочими и ихъ дѣтьми (кромѣ приписанныхъ къ заводамъ однодворцевъ [1]), рабочихъ, переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ, а также помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей) со всѣми матеріалами и припасами, сколько ихъ окажется по описи и оцѣнкѣ. Мастеровые и рабочіе, за которыхъ Репнинъ долженъ былъ платить подушныя деньги, обязаны были работать только на заводахъ, и заводовладѣлецъ не имѣлъ права ни посылать ихъ на свои домашнія работы, ни переводить въ другія мѣста. Въ случаѣ же недостатка рабочихъ Репнинъ могъ пользоваться трудомъ своихъ крѣпостныхъ или вольнонаемныхъ. Такъ какъ переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ было 397 человѣкъ, то, за исключеніемъ ихъ, вмѣстѣ съ заводами перешло въ пользованіе Репнина 928 душъ [2]).

Передача заводовъ въ частныя руки крайне невыгодно отразилась на положеніи мастеровыхъ, такъ какъ управитель и прикащики Репнина стали обращаться съ ними не какъ съ казенными людьми, а какъ съ крѣпостными своего господина: уменьшили плату, стали посылать на работы, которыхъ они прежде не исполняли, вмѣсто денегъ платили имъ разными вещами и припасами, наконецъ, сурово наказывали. Понятно, что мастеровые не могли безропотно подчиниться такой перемѣнѣ въ своей жизни, и рѣшились во что бы то ни стало добиться возвращенія къ прежнему положенію.

Въ концѣ 1760 года ихъ повѣренный Купріяновъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей подалъ челобитную въ воронежскую губернскую канцелярію, съ весьма серьезными жалобами на повѣреннаго и прикащиковъ князя Репнина (владѣлецъ завода въ это время находился за-границей, посланникомъ въ Испаніи). Находясь въ казенномъ управленіи, мастеровые получали установленную еще при Петрѣ Великомъ поденную плату по 5 к. лѣтомъ и по 4 к. зимою (нѣкоторые же годовое жалованье), а теперь эта плата была понижена до 2—3 к.; прежде съ пуда имъ платили по 50 к., а теперь только по $20^1/_2$ к., но и это вознагражденіе не всегда выдавалось деньгами. Въ 1756 году прикащики заплатили

[1]) Въ 1754 г. велѣно было также отрѣшить однодворцевъ воронежской губ. отъ тамошнихъ суконныхъ фабрикъ, къ которымъ они были приписаны въ числѣ 101 души. П. С. З. XIV, 10256.

[2]) Арх. М. Ю. № 903—3386, л. 622—635.

мастеровымъ косами, ножами, рукавицами, воскомъ, ладаномъ и лошадьми, притомъ по высокой оцѣнкѣ. Когда мастеровые отвозили заводскія издѣлія въ Тулу, Тамбовъ, Острогожскъ и другія мѣста, то и тамъ жалованье выдавалось имъ не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ, которые приходилось потомъ продавать гораздо дешевле той оцѣнки, по которой они они сами получали. Кромѣ прежнихъ заводскихъ работъ, теперь ихъ стали посылать жечь уголь и копать руду, что дѣлали прежде не мастеровые, а приписные однодворцы, и платили за это также не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ. При казенномъ управленіи мастеровымъ въ свободное время не запрещалось работатать на своихъ собственныхъ кузницахъ, а во время пріостановки дѣйствія заводовъ выдавались имъ паспорты для отправленія на посторонніе заработки; теперь же повѣренный Репнина въ подобныхъ случаяхъ не отпускаетъ ихъ для зарабатыванія денегъ на уплату податей, да и въ собственныхъ ихъ кузницахъ работать запрещаетъ и за неповиновеніе наказываетъ плетьми. Кромѣ того, изъ нихъ посылаютъ на караулы, съ перемѣною по недѣлямъ, человѣкъ по 30-ти безъ всякой платы, тогда какъ въ казенномъ управленіи они получали за это обычное поденное вознагражденіе. Часть изъ нихъ отправляли даже совершенно противозаконно на другой заводъ Репнина въ тамбовскій уѣздъ, и хотя тамъ и платили имъ деньги за работу, но за проходъ 170-ти верстъ никакого вознагражденія они не получали. Наконецъ, въ теченіи 5-ти лѣтъ ихъ заставляли безплатно работать на бакчахъ. Прежде они безпрепятственно выдавали своихъ дочерей замужъ за постороннихъ; теперь же повѣренный Репнина взыскиваетъ съ нихъ выводныя деньги «съ великимъ насильствомъ и боемъ». Двухъ мастеровыхъ прикащики гоняли сквозь строй, а одинъ изъ нихъ такъ жестоко избилъ женщину, взятую имъ въ услуженіе, что та умерла, о чемъ было своевременно заявлено мастеровыми въ воронежской губернской и романовской воеводской канцеляріяхъ; этотъ же прикащикъ «чинитъ всѣмъ жительствующимъ при боренскихъ заводахъ обывателямъ великое разореніе и всекрайнѣйшія обиды и посылаетъ на сѣнокосные покосы для гребенія сѣна, а которая женка за болѣзнію своею не пойдетъ, тѣхъ билъ батожьемъ мучительски».

Уплата мастеровыми подушныхъ податей также подавала поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны прикащиковъ. Такъ, въ теченіи полутора года, они дѣлали вычеты изъ жалованья рабочихъ на уплату податей, а между тѣмъ денегъ этихъ, куда слѣдуетъ, не вносили. Когда въ 1759 г. для взысканія подушной недоимки воронежская губернская канцелярія

прислала на заводы прапорщика съ командою, повѣренный Репнина принудилъ мастеровыхъ вторично уплатить подати, а прежде внесенныя ими деньги возвратилъ желѣзомъ и чугуномъ. Желѣзо это имъ, разумѣется, пришлось спустить за полъ-цѣны, а для пополненія недостающихъ денегъ «доплачивать», по словамъ челобитной, «изъ собственнаго своего кошту, продавая... свою скотинушку, мужеское и женское платье за безцѣнокъ, и отъ того учинилось убытку не малое-жъ число, да сверхъ же того присланному прапорщику съ командою давали кормовыя деньги и содержали на своемъ囗коштѣ одиннадцать мѣсяцевъ, отъ чего причинилось убытку болѣе ста рублевъ».

По указу 1754 года владѣльцы завода имѣли право сдавать мастеровыхъ въ рекруты; къ сожалѣнію, даже переданные съ заводами изъ казеннаго управленія не были ограждены отъ этого закономъ. Понятно, что это давало заводчикамъ возможность легко раздѣлываться со всѣми, кто не выказывалъ имъ безпрекословнаго повиновенія. И въ этомъ отношеніи, разумѣется, мастеровымъ воронежскихъ заводовъ скоро пришлось почувствовать, какъ ухудшилось ихъ положеніе. Между тѣмъ какъ до передачи заводовъ Репнину рекрутъ съ нихъ не брали, въ 1756 году одинъ изъ его прикащиковъ сдалъ въ наборъ 40 человѣкъ; относительно нѣкоторыхъ это было положительно местью со стороны заводскаго управленія: прикащики отдали въ солдаты одного оружейнаго дѣла мастера, по словамъ челобитной, «только по той злоковарной злобѣ, что онъ, будучи... при оцѣнкѣ имѣющихся при тѣхъ заводахъ матеріаловъ и инструментовъ, объявлялъ настоящими цѣнами».

Что жалобы мастеровыхъ были справедливы, видно изъ того, что прикащики Репнина не представили на нихъ никакихъ серьезныхъ возраженій; они увѣряли, что жалованье выдавалось желѣзомъ будто бы по собственному желанію мастеровыхъ, что и караулы на заводѣ рабочіе приняли на себя добровольно для прекращенія воровства.

Однако, жалобы фабричнаго люда не скоро еще вызвали серьезное разслѣдованіе. Воронежская губернская канцелярія приказала челобитчику Купріянову обратиться съ просьбою въ бергъ-коллегію, куда, нужно замѣтить, прикащики уже успѣли подать заявленіе объ ослушаніи мастеровыхъ. Купріяновъ отправился въ Петербургъ, но тамъ, въ бергъ-коллегіи, къ его величайшему удивленію, ему велѣно было ѣхать назадъ въ Воронежъ и подать жалобу той же губернской канцеляріи, къ которой онъ только-что тщетно обращался. «Видя», писалъ впослѣдствіи Купріяновъ, «что помянутая бергъ-коллегіей резолюція учинена не весьма къ

народной нашей пользѣ довольная», онъ жаловался-было сенату, но и тамъ ему велѣно было ѣхать въ Воронежъ. Въ свою очередь прикащики Репнина пожаловались воронежской канцеляріи на неповиновеніе рабочихъ, котораго и не могло не быть въ виду ихъ вопіющихъ злоупотребленій на заводахъ; канцелярія же только и обратила вниманіе на это неповиновеніе. Въ концѣ 1761 года она отправила на липецкіе заводы поручика съ командою съ предписаніемъ наказать нещадно плетьми 19 мастеровыхъ за ихъ «противности и озорничество и за бои другихъ тѣхъ же заводовъ мастеровыхъ и работныхъ людей», а также и за то, что просили о взятіи ихъ отъ князя Репнина, которому по указу сената были отданы въ вѣчное и потомственное владѣніе; затѣмъ, посланный долженъ былъ обязать всѣхъ ихъ подпискою впредь находиться въ полномъ повиновеніи. По пріѣздѣ на заводъ, этотъ поручикъ вооружилъ противъ себя мастеровыхъ уже тѣмъ, что остановился у ихъ, какъ они называли въ своей челобитной, «разорителя» и «соперника», повѣреннаго князя Репнина. Мастеровые были собраны въ домъ этого повѣреннаго, двери за ними затворены и было немедленно приступлено къ экзекуціи. Повѣренный Репнина закричалъ своимъ конюхамъ:

— Рвите ихъ, ребята, яко злодѣевъ!

Прежде всего стали наказывать челобитчика Григорія Купріянова, но едва его раздѣли и ударили плетьми раза два, какъ онъ закричалъ товарищамъ, чтобъ его не выдали; тѣ бросились его выручать, освободили Купріянова и всѣхъ подлежавшихъ наказанію рабочихъ, отняли плети и не только не дали никого наказывать, но и объявили, что никакихъ обязательствъ повиноваться они не дадутъ.

Послѣ того волненіе на заводахъ продолжалось, и въ началѣ 1762 года, въ царствованіе Петра III, прежній челобитчикъ Григорій Купріяновъ вновь явился въ Петербургъ и подалъ челобитную государю, въ которой, сообщивъ уже извѣстныя намъ жалобы своихъ товарищей, просилъ взять ихъ съ заводами опять въ казенное вѣдомство. Купріянова отослали для разбора дѣла въ бергъ-коллегію.

Такъ какъ мастеровые заявляли неудовольствіе на воронежскую губернскую канцелярію, да и та съ своей стороны доносила, что они не слушаютъ посланныхъ ею офицеровъ, то бергъ-коллегія отправила Купріянова въ романовскую воеводскую канцелярію съ предписаніемъ возможно скорѣе произвести слѣдствіе; въ помощь мастеровымъ посланъ былъ одинъ шихтмейстеръ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы во время слѣдствія имъ не было сдѣлано никакихъ «обидъ, приметокъ, или притѣсненій».

Между тѣмъ натянутыя отношенія между рабочими и начальствомъ на липецкомъ заводѣ кончились совершеннымъ отказомъ со стороны первыхъ продолжать работы. Они называли заводскую контору Репнина хлѣвомъ и воровскою избою и не слушались никакихъ увѣщаній. Они даже устроили свое особое управленіе, такъ-называемую «станичную избу», во главѣ которой стоялъ Григорій Купріяновъ. Изъ этой избы выдавались рабочимъ отпускныя письма, ею же собирались со всѣхъ мастеровыхъ денежные поборы на необходимые для хлопотъ по ихъ дѣлу расходы. Нежеланіе нѣсколькихъ рабочихъ повиноваться распоряженіямъ станичной избы, участвовать въ общей челобитной и платить деньги вызывали суровыя кары со стороны ихъ товарищей. Такъ, одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ за это тѣлесному наказанію, у другаго выбили окна и двери, вытащили за косу и избили его жену. Узнавъ объ этомъ, бергъ-коллегія отдала приказъ уничтожить эту станичную избу.

Не надѣясь дождаться правильнаго разбора своего дѣла отъ романовской воеводской канцеляріи, мастеровые отправили въ Петербургъ новаго челобитчика, молотобойца Давыдова. Онъ подалъ Елагину прошеніе на имя государыни о томъ, чтобы слѣдствіе по ихъ дѣлу было произведено помимо бергъ-коллегіи и романовской воеводской канцеляріи. Онъ заявилъ «подозрѣніе» на бергъ-коллегію, что она во всемъ держитъ руку прикащиковъ, а не ихъ; романовская же канцелярія и посланный для слѣдствія шихтмейстеръ «имѣютъ съ прикащиками единое согласіе, компанію и похлебство».

Когда Елагинъ направилъ этого челобитчика въ ту же бергъ-коллегію, сенатъ по ея просьбѣ приказалъ воронежскому губернатору Лачинову отправить офицера для слѣдствія и приведенія мастеровыхъ въ послушаніе. Дѣло это было поручено подпоручику Рагозину. Къ нему явилось до 300 человѣкъ рабочихъ, но, выслушавъ приказъ, данный ему губернаторомъ, они заявили, что не только не будутъ работать и слушаться прикащиковъ, но даже не хотятъ ничего отвѣчать. Вѣроятно, они были слишкомъ увѣрены въ томъ, что мѣстныя власти держатъ руку Репнина и что ихъ заявленія опять ни къ чему не поведутъ. Когда и собственное увѣщаніе Лачинова тѣмъ мастеровымъ, которые приходили въ Воронежъ, не повело ни къ чему, онъ донесъ сенату, что не находитъ нужнымъ долѣе производить слѣдствіе, такъ какъ эти люди забрали себѣ въ голову, во что бы то ни стало, не называться помѣщичьими крестьянами. Мастеровые дѣйствительно заявили въ 1765 г., что желаютъ быть въ казенномъ содержаніи или наравнѣ съ однодворцами, т. е. платить не

только подушную подать, но и четырехгривенный оброчный сборъ, лишь бы только отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ господства Репнина; но его крѣпостными, какъ думалъ Лачиновъ, они, разумѣется, никогда не были. Послѣ того воронежскій губернаторъ отправилъ на заводы поручика Павловскаго съ командою, снабдивъ его болѣе рѣшительными инструкціями, который, когда мастеровые вновь отказались идти на работу, арестовалъ десятерыхъ изъ нихъ. Однако вслѣдъ затѣмъ около сотни рабочихъ пришли въ Воронежъ и заявили въ губернской канцеляріи, что работать на Репнина они все-таки не будутъ, на угрозу наказать ихъ отвѣчали, что «о томъ не спорятъ», но все-таки останутся при своемъ. И дѣйствительно наказаніе двухъ изъ нихъ плетьми не произвело никакого дѣйствія.

Въ апрѣлѣ 1766 г. сенатъ подалъ императрицѣ докладъ по этому дѣлу, подписанный княземъ Яковомъ Шаховскимъ, Петромъ Панинымъ и Ад. Олсуфьевымъ. Въ немъ они напоминали прежде всего, что въ «благополучное» царствованіе государыни зачинщики и возмутители приписныхъ къ уральскимъ заводамъ крестьянъ, хотя и съ «великимъ е. и. в. по винѣ преступленія ихъ милосердіемъ», однако же все-таки наказаны одни кнутомъ и сосланы въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ, а другіе послѣ такого же наказанія отправлены въ тяжкія работы на отдаленные заводы [1]). Мастеровые же на заводахъ Репнина не только отказались работать, но даже не хотятъ представить доказательствъ справедливости своихъ жалобъ. Сенатъ находилъ необходимымъ главныхъ зачинщиковъ, повѣреннаго Купріянова и десять человѣкъ другихъ ослушниковъ, по выбору губернатора, высѣчь кнутомъ и сослать съ ихъ семействами въ Сибирь на Нерчинскіе заводы, на счетъ виновныхъ, и тамъ ихъ отдать въ тяжкія работы безъ перемѣны, а женъ и дѣтей поселить при заводахъ. Что касается тѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые въ количествѣ около ста человѣкъ приходили въ воронежскую губернскую канцелярію, то сенатъ предлагалъ всѣхъ ихъ высѣчь публично плетьми и объявить имъ, что если они и затѣмъ не примутся за работы, то будутъ также сосланы на каторгу въ Нерчинскъ. Такое строгое наказаніе сенатъ находилъ необходимымъ, чтобы волненіе не распространилось по всей воронежской губерніи, въ которой, по словамъ доклада, «таковыхъ противниковъ никогда еще не бывало». Однако императрица не вполнѣ утвер-

[1]) См. въ „Вѣстн. Евр." 1877 г. №№ 1 и 2, статью „Горнозаводскіе крестьяне въ 1760—64 гг.".

дила предложеніе сената; она рѣшила: «за ослушаніе начинщиковъ (т. е. Купріянова и еще 10 человѣкъ) наказать должно; а прочимъ объявить еще разъ, чтобы шли въ работу, а если не пойдутъ, то съ ними поступлено будетъ, какъ съ ослушниками и преступниками указовъ, что̀ въ томъ случаѣ и дѣйствительно исполнить. Поручить же сіе новому губернатору (Маслову) и притомъ приказать ему наистрожайшимъ образомъ изслѣдовать причины такого супротивленія, и было ли съ ними поступано въ силѣ о таковыхъ заводахъ узаконеній, *понеже безъ крайности люди до крайности рѣдко доходятъ*».

Когда въ Воронежѣ былъ полученъ указъ, гдѣ приведенъ былъ сенатскій докладъ съ этимъ рѣшеніемъ государыни, заводское начальство, узнавъ его содержаніе, торжествовало по случаю тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя были предложены сенатомъ. Прикащики, показывая на заводѣ копію съ этого указа, грозили, что всѣ приходившіе въ воронежскую губернскую канцелярію будутъ наказаны. Тогда крестьяне рѣшили подать новую челобитную съ просьбою, чтобы «до учиненія полагаемаго отъ правительствующаго сената наказанія, въ ихъ обидахъ, притѣсненіи, мучительныхъ побояхъ и въ недоплатѣ заработныхъ денегъ изслѣдовать и ко всѣмъ доказательствамъ ихъ допустить». Съ этою цѣлью отправились въ Петербургъ шесть человѣкъ, которымъ удалось подать челобитную самой императрицѣ, послѣ чего они были немедленно отосланы къ Маслову.

Между тѣмъ Масловъ отправился самъ въ г. Сокольскъ, близъ котораго находились заводы. Тамъ онъ призвалъ къ себѣ 25 мастеровыхъ липецкихъ заводовъ и 5 боренскихъ и спрашивалъ о причиненныхъ имъ обидахъ. Они отвѣчали, что прикащики выдавали имъ жалованье не въ опредѣленномъ по закону размѣрѣ, а въ какихъ мѣсяцахъ, кому именно и сколько не додано, они за давностью теперь подробно показать не могутъ. Купріяновъ отвѣчалъ, что въ поданныхъ имъ прежде вѣдомостяхъ было указано, кто изъ нихъ рубилъ дрова, рылъ ямы, ломалъ камень, работалъ на мельницахъ, бакчахъ и рыбныхъ ловляхъ, кто нагружалъ заводскія издѣлія на барки и служилъ караульщикомъ. Теперь же, представивъ ордера прикащиковъ, онъ положительно доказалъ, что, вмѣсто денежнаго жалованья, имъ выдавали желѣзо и чугунъ. Масловъ хотѣлъ провѣрить жалобы мастеровыхъ по книгамъ, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, но оказалось, что онѣ отосланы къ князю Репнину въ Петербургъ (впослѣдствіи онъ ихъ доставилъ); изъ прикащиковъ же, на которыхъ всего болѣе жаловались мастеровые, одни уже умерли, а другихъ не было на лицо.

Купріяновъ и еще десять человѣкъ на основаніи указа были наказаны кнутомъ при всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые не захотѣли, впрочемъ, присутствовать до конца на этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Но кара, постигшая самыхъ энергичныхъ людей, не устрашила остальныхъ: мастеровые вновь отправили въ Петербургъ челобитчиковъ, теперь уже десять человѣкъ, съ просьбою «о небытіи имъ у кн. Репнина во владѣніи». Когда арестованы были семьи наказанныхъ и приговоренныхъ къ ссылкѣ, и затѣмъ всѣ они были отправлены въ Сибирь (45 взрослыхъ и 19 дѣтей), то мастеровые отказались уплатить деньги на путевые расходы, которые съ нихъ требовали; а когда одинъ чиновникъ, по порученію Маслова, сталъ собирать на заводахъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ рабочимъ, то никто къ нему не пошелъ: они заявили, что безъ своего повѣреннаго Купріянова, сосланнаго въ Сибирь, и до возвращенія отправленныхъ ими въ Петербургъ челобитчиковъ, они не могутъ представлять доказательствъ справедливости своихъ жалобъ.

Получивъ объ этомъ донесеніе, сенатъ въ январѣ 1767 г. послалъ грозный указъ для объявленія мастеровымъ. За свои «возмутительныя преступленія», сказано было въ немъ, мастеровые и рабочіе на липецкихъ заводахъ заслужили смертную казнь, но только главные зачинщики послѣ публичнаго наказанія отправлены въ Сибирь. Не смотря на то, нѣкоторые изъ нихъ вновь осмѣлились уйдти съ заводовъ съ тѣмъ, чтобы опять подавать просьбы, «а въ самомъ дѣлѣ, знатно, чтятся только онымъ закрыть неимѣніе настоящихъ доказательствъ по прежде произведеннымъ своимъ жалобамъ»; такъ какъ никакія жалобы не могутъ быть приняты отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они оказываютъ своевольство, то сенатъ вновь убѣждалъ ихъ возвратиться въ «должное вѣрноподданническое безмолственное повиновеніе».

Выслушавъ указъ, мастеровые и рабочіе отвѣтили:

«Указъ этотъ не за собственноручнымъ подписаніемъ е. в-ва, а отъ насъ на сенатъ подозрѣніе подано и объ обидахъ и притѣсненіяхъ послано прошеніе чрезъ нашихъ повѣренныхъ».

Такимъ образомъ и сенатъ, по мнѣнію мастеровыхъ, дѣйствовалъ пристрастно, держалъ руку заводчика; внѣ подозрѣнія теперь оставалась одна императрица.

Между тѣмъ просители, посланные мастеровыми, возвратились изъ Москвы, гдѣ въ это время была императрица. Сержантъ, отправленный Масловымъ на заводы разузнать, съ чѣмъ они возвратились, донесъ, что мастеровые и рабочіе собираются толпами и о чемъ-то совѣщаются; за-

тѣмъ изъ разговоровъ людей постороннихъ ему удалось узнать, что, по словамъ мастеровыхъ, челобитчики привезли какой то указъ за красною печатью. Они не хотятъ показывать его до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы особые слѣдователи, назначенные вслѣдствіе ихъ прошенія, и до возвращенія отправленныхъ въ ссылку Купріянова съ товарищами, за которыми будто бы уже былъ посланъ нарочный.

Впослѣдствіи оказалось, что у мастеровыхъ не было никакого указа, а только надпись на прошеніи, поданномъ ими государынѣ, въ которой было сказано, что «надлежитъ имъ жалобы свои доказать учрежденнымъ слѣдователемъ».

Мастеровые не только не платили прогонныхъ и кормовыхъ денегъ за отправку ссыльныхъ и доставленіе Купріянова съ товарищами изъ Петербурга, но задумали отдѣлаться и отъ рекрутчины. При выборѣ 1768 г. они не давали рекрутъ, заявляя, что платятъ подати наравнѣ съ однодворцами, а потому и рекрутъ должны представить тогда, когда будетъ наборъ съ однодворцевъ. Сенатъ предписалъ Маслову, если мастеровые будутъ продолжать упорствовать, усмирять ихъ, не дожидаясь особаго предписанія; тотъ уже потребовалъ отъ военной коллегіи 300 солдатъ. Все, казалось, близилось къ кровавой развязкѣ, однако дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ. Явились какіе-то факты, заставившіе правительство иначе взглянуть на это дѣло. Въ августѣ 1768 г. сенатъ постановилъ: «какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ всего дѣла усматривается, что непослушаніе заводскихъ мастеровыхъ и работныхъ людей большею частью произошло и нынѣ происходитъ отъ утѣсненій и неудовольствій, получаемыхъ ими отъ находящихся при Липецкихъ кн. Репнина заводахъ заводскихъ управителей, въ разсужденіи чего объявленному князю Репнину изъ сената дать знать секретно, дабы онъ, безъ нарушенія собственныхъ своихъ пользъ, постарался принять благовременно такія мѣры, чтобы оные заводскіе мастеровые и работные люди не имѣли прямыхъ причинъ къ нареканіямъ и жалобамъ, а всего менѣе къ дальнему возмущенію, а ради большаго ихъ успокоенія, если только отъ сего не причинится заводамъ и его собственной пользѣ какого вреда, отрѣша нынѣшнихъ своихъ управителей, опредѣлилъ бы на ихъ мѣста другихъ».

Быть можетъ, книги, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, подтвердили ихъ жалобы. Во всякомъ случаѣ князю Репнину пришлось изъ истца сдѣлаться отвѣтчикомъ: въ донесеніи сенату онъ утверждалъ, будто-бы показанія мастеровыхъ объ уплатѣ имъ жалованья воскомъ, ладаномъ, чугуномъ и ножами совершенно ложно; что же касается завод-

скихъ управителей, которыми они были недовольны, то одни изъ нихъ умерли, а другіе уже давно смѣнены. Дѣло кончилось тѣмъ, что императрица выразила желаніе взять заводы Репнина въ казну, что и было исполнено въ 1769 г. согласно съ предложеніемъ самого Репнина. За эти заводы въ уплату его долга казнѣ было зачтено 100 тысячъ рублей, а за находившіяся тамъ вещи и припасы ему выданы были наличныя деньги.

Послѣ того какъ мастеровые добились исполненія своего желанія, никакихъ волненій на этихъ заводахъ въ царствованіе Екатерины не было [1]).

Другой примѣръ попытки закрѣпостить казенныхъ мастеровыхъ мы находимъ на красносельской (или дудергофской) бумажной фабрикѣ, устроенной при Петрѣ В. Мастеровые для нея были взяты изъ солдатъ и другихъ казенныхъ людей; присылались сюда также бродяги, вѣроятно непомнящіе родства; наконецъ, полиція отправляла туда на работы и женщинъ. Въ 1753 г. дѣйствительный камергеръ графъ Сиверсъ просилъ Елизавету Петровну отдать ему эту бумажную фабрику съ тѣмъ, что онъ расширитъ производство и будетъ всегда уступать казнѣ съ каждой стопы бумаги по 10 к. Послѣ того какъ императрица пожаловала ее Сиверсу въ вѣчное потомственное содержаніе, онъ внесъ деньги за всѣ фабричныя строенія, матеріалы и инструменты и за приготовленную уже бумагу. По привилегіи, полученной имъ отъ сената въ 1755 г., Сиверсъ долженъ былъ давать мастеровымъ и рабочимъ плату въ томъ же размѣрѣ, какъ они получали во время казеннаго управленія. Судомъ и расправою они должны были вѣдаться только въ мануфактуръ-коллегіи, и ея конторѣ запрещено было брать ихъ на другія фабрики, а также дѣлать имъ какія либо притѣсненія. По смерти графа Сиверса его вдова въ 1775 г. продала ее, съ дозволенія мануфактуръ-конторы, вмѣстѣ съ мастеровыми и рабочими, генералъ-аудитору, лейтенанту Хлѣбникову [2]). До этого времени мастеровые были довольны своимъ положеніемъ, а съ этихъ поръ у нихъ начинаются постоянныя столкновенія съ заводскимъ

[1]) Арх. Горн. Деп., дѣла бергъ-коллегіи, № 1929, дѣло № 2, лл. 3—9, 26—43, 191—192, 198; вяз. № 2018, дѣло № 2, лл. 6 и сл. Арх. М. Ю., дѣла сената, № 261—3832, лл. 55—215 и 683.

[2]) Передъ этой продажей графиня Сиверсъ противозаконно перевела на другую фабрику, принадлежавшую ей на вотчинномъ правѣ, 6 д. казенныхъ мастеровыхъ, гдѣ они и находились на ряду съ крѣпостными. Правительство узнало объ этомъ только въ 1821 г., и тогда ихъ велѣно было вновь считать казенными людьми. П. С. З. XXXVII, 28.753.

начальствомъ. Наконецъ въ февралѣ 1777 г. мастеровые Ладыгинъ и Майковъ подали въ мануфактуръ-контору прошеніе отъ имени 130 человѣкъ, въ которомъ жаловались, что какъ они, такъ и ихъ дѣти получаютъ недостаточное жалованье; они указывали также на то, что съ тѣхъ поръ, какъ фабрикою владѣетъ Хлѣбниковъ, они получали провіантъ не мукою, а рожью, и такимъ образомъ по ихъ счету каждому было не додано полтора пуда. Мануфактуръ-контора предписала наслѣдникамъ Хлѣбникова, который въ это время уже умеръ, выдавать рабочимъ провіантъ мукою, какъ это было поставлено въ условіе Сиверсу и что при немъ строго исполнялось, а тѣмъ, которымъ отпускали рожь, слѣдуетъ возвратить истраченное ими на помолъ. Относительно дѣтей мастеровыхъ мануфактуръ-контора опредѣлила, чтобы употребляющіеся изъ нихъ въ работу отъ 7 до 15-лѣтняго возраста получали провіанту столько же, какъ солдатскія дѣти въ школахъ, т. е. по два четверика муки; плату имъ содержатели должны были назначать по своему усмотрѣнію, сообразно съ ихъ лѣтами и прилежаніемъ, отъ 10 до 50 коп. и болѣе въ мѣсяцъ каждому [1]). Такимъ образомъ если перевести цѣнность провіанта на деньги, дѣти получали отъ $2^1/_2$ до 4 к. въ день. Съ 15 же лѣтъ какъ провіантъ, такъ и плата выдавалась наравнѣ со взрослыми. Мастеровые просили, чтобъ ихъ не заставляли работать по субботамъ послѣ полудня, а также освобождали рольщиковъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ указѣ, по которому эта фабрика была отдана Сиверсу, объ этомъ ничего не было сказано, но при немъ, какъ и во время казеннаго управленія, по субботамъ послѣ полудня и въ праздники они не работали, да и вообще въ такіе дни казенныхъ работъ, кромѣ самыхъ экстренныхъ, не бывало. То же было опредѣлено и въ «учрежденіи» князя Вяземскаго для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Наслѣдники же Хлѣбникова заявили, что освободить рольщиковъ отъ работъ по праздничнымъ днямъ совершенно невозможно. Мануфактуръ-контора рѣшила это дѣло такъ, чтобъ мастеровыхъ по праздникамъ, а также по субботамъ на основаніи уложенія (X глава п. 25) за три часа до вечера къ работамъ не принуждать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда понадобится бумага для поставки въ присутственныя мѣста или для приготовленія ассигнацій, а также при повреж-

[1]) Такъ какъ въ 1770—1771 гг. пудъ ржаной муки стоилъ въ Петербургѣ 36 к. (Арх. М. Ю. № 363—3934, л. 7—22), а въ двухъ четверикахъ муки было вѣсу 1 п. 32 ф., то, слѣдовательно, цѣнность провіанта, получаемаго дѣтьми, будетъ равняться 66 коп., что вмѣстѣ съ денежною платою составитъ отъ 76 к. до 1 р. 16 к. и болѣе въ мѣсяцъ.

деніи плотины и т. п., когда мастеровые должны работать и въ самые большіе праздники безъ всякой отговорки, «подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неминуемаго за то на тѣлѣ наказанія». Въ такихъ случаяхъ каждый долженъ работать совершенно безплатно, а въ праздничные дни, чтобы лучше пріохотить мастеровыхъ, какъ рольщикамъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ работать, платить сверхъ обыкновеннаго жалованья «сколько-бъ и въ простые дни по исчисленію на день кому деньгами получить должно было».—Мастеровые просили, чтобъ дѣвочекъ не принуждали работать противъ ихъ желанія, а тѣмъ изъ нихъ, кто захочетъ трудиться, давать достаточную плату. Мануфактуръ-контора вспомнила, что еще въ 1752 сенатъ опредѣлилъ «по числу мужска полу употреблять къ фабричнымъ работамъ и женскій полъ», но при Сиверсѣ ихъ работать не принуждали. Тѣмъ не менѣе мануфактуръ-контора рѣшила вопреки желанію рабочихъ. На бумажной фабрикѣ была работа, которую могли исполнять какъ взрослыя женщины, такъ и дѣвочки, а именно разборъ тряпья, чистка бумаги и т. п.; поэтому подъ предлогомъ, чтобы «онѣ, шатаясь подъ видомъ посторонней работы, не могли... быть праздны и чрезъ то *впасть въ неистовство*», мануфактуръ-контора опредѣлила: «какъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ женска полу впредь быть при фабрикѣ въ работѣ неотлучно по добровольному ихъ за то въ денежной платѣ согласію».

Однако столкновенія мастеровыхъ съ владѣльцами фабрики не прекратились. Въ концѣ 1778 г. повѣренный вдовы Хлѣбниковой вновь подалъ челобитную въ мануфактуръ-контору съ жалобою, что рабочіе прекращаютъ работу по субботамъ ранѣе, чѣмъ за три часа до вечера, и говорятъ, что они должны слѣдовать не этому, а какому-то другому указу. Рабочіе очевидно помнили, что при Сиверсѣ не было работъ послѣ полудня и потому, не смотря на всевозможныя увѣщанія, настаивали на сохраненіи этого порядка. Что касается дочерей мастеровыхъ, то, по словамъ повѣреннаго Хлѣбниковой, отцы отдаютъ ихъ на фабрику, пока онѣ еще малы и не могутъ помогать дома, а когда онѣ привыкнутъ къ работѣ, то берутъ съ фабрики домой или, безъ разрѣшенія прикащиковъ, посылаютъ въ городъ въ услуженіе. Если рабочихъ, свободныхъ отъ ихъ постоянныхъ занятій, посылали на какую-нибудь другую работу, то они не повиновались приказу, хотя бы и могли его выполнить.

Вотъ что случилось однажды на фабрикѣ. Машинный мастеръ сталъ посылать въ кузницу мастеровыхъ, чистившихъ и разбиравшихъ бумагу, въ замѣнъ одного заболѣвшаго мастероваго, но никто не пошелъ. При-

кащикъ призвалъ въ контору одного изъ мастеровыхъ, Максимова, и когда тотъ вновь отказался идти, приказалъ посадить его въ «цѣпь», но Максимовъ ударилъ прикащика въ грудь и выбѣжалъ вонъ крича:

«Для чего ты судишь въ конторѣ, а судилъ бы, призвавъ всю команду, и долженъ требовать отъ нея совѣта: когда они обвинятъ, тогда и сажай въ цѣпь».

Однако Максимова, по приказанію прикащика, задержали и наказали въ конторѣ розгами. Узнавъ объ этомъ, мастеровой Ладыгинъ также протестовалъ противъ наказанія въ конторѣ при однихъ мастерахъ, а не при собраніи «всей команды». Когда его поддержалъ одинъ товарищъ, Майковъ, за годъ передъ тѣмъ подавшій вмѣстѣ съ нимъ челобитную въ мануфактуръ-контору, разсерженный прикащикъ ударилъ того палкою. Какъ только вѣсть объ этомъ разнеслась по всей фабрикѣ, мастеровые и рабочіе бросились къ конторѣ; ихъ удалось убѣдить вновь приняться за работу, но когда вскорѣ послѣ того прикащикъ осматривалъ работы, въ него бросили изъ окна палку, которая попала ему въ спину.

Недѣли черезъ двѣ произошло новое столкновеніе между рабочими и фабричнымъ начальствомъ, опять вслѣдствіе того, что одного мастероваго посылали на работу, которою онъ постоянно не занимался. На угрозу прикащика написать объ его ослушаніи господамъ, тотъ отвѣчалъ:

— Они мнѣ не господа, и мы имъ не крѣпостные!

Когда прикащикъ хотѣлъ его наказать, мастеровые, ссылаясь на какой-то указъ, объявили, что не дадутъ себя наказывать въ конторѣ безъ собранія и безъ суда команды. Быть можетъ, они имѣли при этомъ въ виду «учрежденіе», составленное кн. Вяземскимъ для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ, которое само правительство очень часто цитировало, когда дѣло шло о заводскихъ рабочихъ [1]). Считая себя людьми казенными, мастеровые красносельской фабрики вѣроятно полагали, что они имѣютъ право требовать примѣненія къ нимъ учрежденія Вяземскаго и разбирательства ихъ проступковъ на собраніи всѣхъ рабочихъ. Напротивъ того, г-жу Хлѣбникову то, что они не признавали себя крѣпостными, приводило въ «несказанную нерѣшимость и огорченіе». Повѣренный ея въ

[1]) Въ 3 п. этого учрежденія сказано: „въ сотняхъ выбирать съ общаго согласія ежегодно сотника, выборнаго, въ большихъ по 3, а въ малыхъ по 2 старосты и по 2 писчика. Онымъ въ сотняхъ разбирать между народомъ всякія ссоры и рѣшить по числу голосовъ, развѣ гдѣ какое особое несогласіе произойдетъ, и въ такомъ случаѣ таковыя дѣла *рѣшить міромъ*... Когда же въ которой сотнѣ явится какой ослушникъ... таковыхъ... брать подъ караулъ, и ежели злость не велика, *при сходѣ народа* высѣчь нещадно“. П. С. З. XVI, 11790.

жалобѣ мануфактуръ-конторѣ писалъ: «дѣлая вышеозначенные люди всякія непослушанія, озорничества, притомъ и совершенныя возмущенія, изъясняются всегда какою-то неизвѣстною его госпожѣ командою»; какъ будто не понимая, что подъ словомъ «команда» рабочіе разумѣютъ свой мірской сходъ, повѣренный Хлѣбниковой продолжаетъ: «а какъ на той ея бумажной фабрикѣ ни штабъ и оберъ-офицеровъ, также и рядовыхъ служилыхъ людей не находится, а живутъ единственно только на той, принадлежащей госпожѣ его фабрикѣ одни мастеровые и фабричные, купленные крѣпостные люди, слѣдовательно, и команды никакой ихъ общей фабричной быть невозможно, опричь содержательницы госпожи его, съ малолѣтними дѣтьми». Въ заключеніе челобитной вновь повторялась просьба принудить мастеровыхъ не оставлять работъ по субботамъ ранѣе чѣмъ за три часа до вечера, фабричныхъ дѣвушекъ съ фабрики безъ позволенія госпожи не отсылать и отъ фабричныхъ работъ до самаго замужества не отнимать; наконецъ, Ладыгина и Майкова послать на казенную работу на годъ въ Кронштадтъ, а двухъ рабочихъ, оказавшихъ неповиновеніе, наказать кошками на фабрикѣ.

Мастеровые въ свою очередь также подали донесеніе въ мануфактуръ-контору. По ея опредѣленію, писали они, велѣно давать имъ отдыхъ полъ-дня субботы, а также въ праздничные и воскресные дни. Между тѣмъ прикащикъ одного изъ нихъ жестокими побоями принуждалъ работать въ праздникъ, другаго больнаго избилъ палкою и держалъ пять дней въ оковахъ и т. п. Кромѣ того, одинъ мастеровой подалъ особую челобитную о томъ, что его дочь не отпускаютъ съ фабрики въ замужество на волю.

Для разбора новыхъ жалобъ мануфактуръ-контора послала на фабрику своего члена, надворнаго совѣтника Дурова. Онъ прочелъ рабочимъ копію съ купчей, заключенной между графинею Сиверсъ и Хлѣбниковымъ; выслушавъ ее, они согласились-было считать себя проданными крѣпостными, но когда отъ нихъ потребовали, чтобы они подтвердили это признаніе письменно, то они отказались подъ тѣмъ предлогомъ, что не вѣрятъ копіи. На вопросъ о томъ, почему они не отпускаютъ своихъ дочерей на работу, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ—потому что мала плата: дочери его пятнадцатый годъ, а ей платятъ всего по 5 коп. въ день; другой сказалъ, что его дочери, одна 17-ти, а другая 14-ти лѣтъ, получали: старшая по 6 коп., а младшая по 4 коп., и потому онъ ихъ не отпускаетъ на работу, и живутъ онѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ у его родственника безъ всякаго письменнаго вида и безъ

дозволенія Хлѣбниковой. Дуровъ хотѣлъ было арестовать Майкова, какъ это было ему предписано, но тотъ успѣлъ уйдти.

Вскорѣ послѣ того мастеровые подавали въ мануфактуръ-коллегію новую челобитную, но она была имъ возвращена. Видя, что отъ нея имъ не добиться толку, мастеровые перенесли дѣло въ сенатъ. Въ своей челобитной они указывали, что при заведеніи фабрики на нее были опредѣлены солдаты и что, слѣдовательно, они люди казенные; что хотя фабрика была отдана Сиверсу въ вѣчное потомственное владѣніе, но онъ заплатилъ въ казну только за строеніе, матеріалы и инструменты, а не за числившихся при ней мастеровыхъ; что въ привилегіи, данной Сиверсу, вовсе не упомянуто, чтобы они были ему крѣпостными, а напротивъ, предписано давать имъ жалованье, какое они получали прежде. Наконецъ они указали на то, что Сиверсъ, по случаю взысканія съ нихъ фуража, прося объ уничтоженіи этого сбора, самъ называлъ ихъ казенными людьми [1]). Хотя послѣ того графиня Сиверсъ и продала фабрику Хлѣбниковой, но она имѣла на нихъ не болѣе правъ, чѣмъ ея мужъ. Объяснивъ затѣмъ уже извѣстныя намъ причины своего недовольства содержателемъ фабрики, они жаловались и на мануфактуръ-контору, которая, арестовавъ приходившаго съ ихъ просьбою мастероваго Майкова, держала его скованнаго подъ карауломъ.

Дѣло это крайне затянулось и было рѣшено только черезъ пять лѣтъ. На запросъ сената мануфактуръ-контора прямо заявила, что считаетъ мастеровыхъ «вѣчно и потомственно пожалованными съ фабрикою и изъ казеннаго вѣдомства вышедшими уже въ партикулярное владѣніе людьми». Изъ этого видно, что даже учрежденіе, которому постоянно приходилось имѣть дѣло съ поссессіонными крестьянами, не имѣло яснаго понятія объ ихъ правахъ и не отличало ихъ отъ крѣпостныхъ; мануфактуръ-контора полагала, что Сиверсъ называлъ мастеровыхъ казенными людьми только для того, чтобы избавиться отъ платы на фуражъ. Къ сожалѣнію, сенатъ точно также взглянулъ на это дѣло, и въ 1785 г. постановилъ: такъ какъ фабрика пожалована гр. Сиверсу со всѣми мастеровыми и рабочими въ вѣчное потомственное владѣніе и, на основаніи духовной графа Сиверса, утвержденной государыней въ 1775 г., продана графиней Хлѣбникову, а послѣ него досталась его наслѣдникамъ, то «тѣмъ самымъ

[1]) Сиверсъ указывалъ на то, что рабочіе на этой фабрикѣ были изъ солдатъ и солдатскихъ дѣтей. Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл. вяз. 232, дѣло № 2647, лл. 1—3.

находящіеся на оной мастеровые и работные люди, выбывъ вовсе изъ казеннаго вѣдомства и поступя въ партикулярное владѣніе, не могутъ уже называться казенными людьми». Что касается до жалобъ мастеровыхъ на то, что имъ мало платятъ за работу и выдаютъ не полное количество провіанта, то, такъ какъ привилегіею 1775 г. положено, чтобы они получали вознагражденіе въ прежнемъ размѣрѣ, сенатъ предписалъ наблюдать за этимъ губернскому правленію [1]).

Такимъ образомъ вопросъ о мастеровыхъ красносельской фабрики былъ рѣшенъ повидимому окончательно: благодаря тому, что въ сознаніи самого правительства поссессіонные крестьяне не выдѣлились еще въ совершенно особую группу и потому ихъ смѣшивали съ крѣпостными, благодаря, можно сказать, простому недоразумѣнію, мастеровымъ грозила опасность на вѣки остаться крѣпостными. Со времени рѣшенія сената, закрѣпостившаго ихъ, прошло уже болѣе 10-ти лѣтъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно, въ 1796 г., императрица, доживавшая въ то время уже послѣдній годъ своей жизни, почему то обратила вниманіе на это дѣло и въ именномъ указѣ сенату взглянула на него съ совершенно другой точки зрѣнія.

Здѣсь были указаны извѣстные уже намъ факты, какъ при устройствѣ фабрики на нее были взяты люди казенные, какъ она была отдана Сиверсу съ опредѣленными обязательствами съ его стороны. Съ продажею фабрики Хлѣбникову «перемѣнилось только лицо содержателя фабрики, а привилегія оной должна оставаться ненарушимою, какъ и первоначальное состояніе тѣхъ мастеровыхъ людей, которые были и суть казенные». Въ рѣшеніи сената 1785 г. именной указъ справедливо замѣчаетъ странное противорѣчіе: сенатъ признаетъ ихъ крѣпостными, выбывшими изъ казеннаго вѣдомства, и въ то же время возлагаетъ на губернское правленіе наблюденіе за тѣмъ, чтобы они сполна получали жалованье и провіантъ. «Таковое опредѣленіе сената», сказано было въ заключеніе именнаго указа, «находя съ существомъ дѣла и съ законами несогласнымъ, повелѣваемъ означенныхъ мастеровыхъ обратить въ первобытное состояніе... сдѣлавъ кому слѣдуетъ строгое подтвержденіе, чтобъ сіи казенные

[1]) Мы упомянули уже выше о жалобѣ нѣкоторыхъ мастеровыхъ на то, что владѣтельница фабрики не позволяетъ имъ выдавать дочерей замужъ, за кого онѣ хотятъ. Мануфактуръ-контора предписала Хлѣбниковой поступать въ этомъ отношеніи на основаніи извѣстныхъ уже намъ указовъ 1724 (П. С. З. VII, 4406) и 1763 г., а именно давать имъ отпускныя или побуждать ихъ „нѣкоторымъ награжденіемъ“ выходить за своихъ фабричныхъ и отнюдь не принуждала бы вдовъ и дѣвушекъ вступать въ бракъ противъ ихъ желанія.

мастеровые охранены были отъ всякихъ обидъ и угнетеній и чтобъ они удовольствованы были какъ заработными деньгами, такъ и всѣмъ имъ принадлежащимъ, по силѣ помянутой привилегіи, непремѣнно, возвратя притомъ и отданныхъ изъ нихъ въ рекруты, которые долженствуютъ замѣнены быть изъ собственнаго имѣнія Хлѣбниковыхъ».

Послѣ того въ софійскомъ [1]) уѣздномъ судѣ еще долго производилось дѣло объ удовлетвореніи мастеровыхъ и о причиненныхъ имъ отъ содержателей обидахъ. Оно окончилось только въ 1802 г. мировою между мастеровыми и коммиссіонеромъ содержателя Хлѣбникова; условіе, заключенное при этомъ, такъ оригинально, что мы должны съ нимъ подробно познакомиться.

Въ удовлетвореніе своего иска мастеровые получали 12.000 рублей, затѣмъ впредь между ними и владѣльцемъ установились такія отношенія: за выдѣланную бумагу въ ихъ пользу шло съ той цѣны, по которой она будетъ продаваться по 20 коп. съ рубля; кромѣ того, содержатель фабрики обязывался давать имъ на каждый дворъ въ годъ по 4 сажени дровъ. Провіанта, который они получали до тѣхъ поръ, впредь имъ не полагалось. Получая вышеуказанное вознагражденіе, они обязаны были содержать на своемъ жалованьѣ формщика, нужное число плотниковъ, кузнецовъ и столяровъ, которые должны исправлять всѣ инструменты и машины, а также чинить строенія. Поправлять плотину мастеровые должны были всѣмъ обществомъ; но если содержатель захочетъ совершенно ее передѣлать, то они обязывались работать съ платою, «буде оную сходно будетъ содержателю имъ дать». Они обязывались также содержать караулъ около фабрики. Принимать отдѣланную бумагу отъ мастеровыхъ и производить за нее разсчетъ слѣдовало ежемѣсячно. Цѣны на бумагу должно было назначать разъ въ годъ, къ 1-му январю, и затѣмъ повышеніе и пониженіе ихъ въ теченіи года не отражалось на размѣрахъ суммы, которую приходилось получить мастеровымъ. По прошествіи года мастеръ входитъ въ сношеніе съ конторою и, смотря по тому, по чемъ была продана большая часть бумаги, опредѣляетъ цѣну на будущій годъ. Браковка, тряска, рѣзка тряпья и каната должна производиться на счетъ мастеровыхъ. Въ контрактѣ оговорено было также, что мастеровые обязуются повиноваться «на законномъ основаніи» уполномоченному отъ содержателя фабрики. Мастера и подмастерьевъ слѣдовало имъ выбирать достойныхъ» съ тѣмъ, чтобы первый имѣлъ надъ ними «полную власть».

[1]) Софійскъ—въ то время уѣздный городъ петербургской губерніи.

Если бумага будетъ сдѣлана дурно и ее не станутъ покупать, то мастеровые обязаны принять ее отъ конторы обратно по продажной цѣнѣ съ вычетомъ изъ слѣдуемыхъ имъ денегъ. Мастеровые оградили себя на тотъ случай, если будетъ задержка въ работѣ по недостатку матеріаловъ: въ теченіи всего времени, сколько они прогуляютъ, они могли получать мѣсячное жалованье, какое имъ выдавалось передъ заключеніемъ контракта. Мастеровые получили 12.000 р. и за состоявшимся примиреніемъ дѣло было прекращено.

Такимъ образомъ мастеровые отстояли свое право считаться не крѣпостными, а казенными людьми; нужно однако помнить, что они по прежнему остались прикрѣпленными къ фабрикѣ и не могли покидать ее по по своему усмотрѣнію. Условіе это едвали не первый такой подробный письменный договоръ, заключенный между рабочими и фабрикантомъ; оно тѣмъ интереснѣе для насъ, что въ немъ мы встрѣчаемъ взамѣнъ поденной рабочей платы—выдѣленіе извѣстной части продажной цѣны бумаги. Эта общая сумма распредѣлялась затѣмъ самими рабочими соразмѣрно съ трудомъ каждаго[1]).

Если мастеровымъ было такъ трудно добиться возстановленія своихъ правъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ были исключительно казенные рабочіе, то можно себѣ представить, какъ затруднительно было положеніе послѣднихъ тамъ, гдѣ они были смѣшаны съ купленными и вѣчно-отданными крестьянами. Нужно думать, что множество вполнѣ справедливыхъ протестовъ было подавлено по невѣжеству мануфактурнаго управленія и непониманію имъ дѣла. Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить послѣдующій разсказъ о мастеровыхъ Копнинской бумажной фабрики, находившейся въ нынѣшней московской губерніи.

Фабрика эта, принадлежавшая прежде Евреинову, была продана въ 1774 г. Угрюмову. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того мастеровые подали жалобу мануфактуръ коллегіи, что прикащикъ Угрюмова, по исполненіи назначеннаго имъ урока, принуждаетъ ихъ мыть чаны и не дѣлаетъ за то никакого облегченія въ приготовленіи бумаги, а сверхъ того бьетъ ихъ палками; женамъ ихъ, которыя бракуютъ тряпки, платитъ за работу только по одной копѣйкѣ съ пуда; съ тѣхъ, кто не работаетъ по болѣзни, вычитаетъ за эти дни жалованье, именинниковъ посылаетъ на работу, чего прежде не дѣлалось, и къ обѣдни не отпускаетъ; если кто изъ то-

[1]) Арх. М. Ю., дѣла I Деп. Сената № 688 — 4.259, л. 397—588, № 1.138 — 4.709, л 117—155.

варищей умретъ, то не дозволяетъ идти на похороны съ работы иначе, какъ нанявъ вмѣсто себя другаго; наконецъ, принуждаетъ работать и въ большіе праздники. Посланный для изслѣдованія этого дѣла протоколистъ коллегіи прежде всего, по своему усмотрѣнію, наказалъ плетьми нѣсколькихъ рабочихъ, избившихъ прикащика. На жалобы относительно удержанія платы за прогульные дни прикащикъ отвѣчалъ, что изъ двухъ пропущенныхъ дней онъ вычитаетъ только за одинъ, а плату женщинамъ, бракующимъ тряпки, считалъ достаточною, такъ какъ каждая изъ нихъ могла, сработавъ въ день до 30 пудовъ, получить 30 коп., между тѣмъ какъ, по словамъ мастеровыхъ, онѣ могли заработать лишь втрое менѣе. Прикащикъ заявилъ, что онъ предлагалъ рабочимъ, если они считаютъ плату недостаточною, установить таксу, какъ на другихъ фабрикахъ, но они на это не согласились, заявляя, что они «казенные люди, а не крѣпостные». Рабочіе не согласились на требованіе присланнаго къ нимъ протоколиста—не тревожить болѣе своими просьбами мануфактуръ-коллегію. По справкѣ, наведенной мануфактуръ-коллегіею, на другой бумажной фабрикѣ рабочіе получали жалованье по 2—2 р. 50 к. въ мѣсяцъ, причемъ у нихъ не вычитали рекрутскихъ и подушныхъ денегъ; тѣ же рабочіе мыли и чаны, но за то имъ уменьшалось количество бумаги, которое они были обязаны приготовить въ извѣстное время [1]). Слѣдовательно требованіе со стороны копнинскихъ рабочихъ давать и имъ подобную же льготу—имѣло основаніе. Однако, мануфактуръ-коллегія признала жалобу рабочихъ недѣльною и, обвинивъ ихъ къ тому же въ битьѣ прикащика, приказала, согласно съ просьбою фабриканта, двухъ изъ нихъ отдать въ солдаты съ зачетомъ, а двухъ другихъ, на основаніи указа 17-го января 1765 года, дозволявшаго помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ для каторжной работы на адмиралтейство, дозволила Угрюмову отправить съ этою цѣлью въ адмиралтейскую коллегію. Такимъ образомъ, къ поссессіоннымъ крестьянамъ мануфактуръ-коллегія примѣняла законы, изданные собственно для крѣпостныхъ. Однако, рабочіе не только не согласились дать подписки, что будутъ слушаться фабриканта, но даже освободили своихъ товарищей, арестованныхъ и уже скованныхъ для отправки въ адмиралтейскую коллегію. Когда они большою толпою собрались къ коллегіи, сказавъ, что пришли съ прежнею просьбою, трое изъ нихъ были жестоко наказаны плетьми предъ коллегіею [2]).

[1]) На фабрикѣ Гончарова черпальщики получали по 8-ми, снимальщики по 4½ к. въ день.

[2]) Арх. Деп. Ман. и Торг. вяз. 316, дѣло № 11.775—40, л. 18—29.

Во время этого волненія мастеровые, какъ мы уже знаемъ, заявляли, что они казенные, а не крѣпостные люди. Даже въ первые годы XIX вѣка они хорошо помнили, что «предки ихъ, по опредѣленіямъ мануфактуръ- и юстицъ-коллегій, въ 1743 и 1744 гг., переведены были на Копнинскую фабрику не въ вѣчное укрѣпленіе, а впредь до указа, для произведенія по желаніямъ ихъ работъ изъ платежа денегъ по контрактамъ». Изъ документовъ мануфактуръ-коллегіи видно, что фабрика была дѣйствительно заведена купцомъ Евреиновымъ въ 1743 г., и сенатъ призналъ впослѣдствіи, что вообще заявленіе мастеровыхъ совершенно справедливо. Понятно, что они называли себя въ 1778 г. «казенными людьми», но такъ какъ въ это время на фабрикѣ были и купленные рабочіе [1]), то эта примѣсь другихъ элементовъ и мѣшала казеннымъ мастеровымъ добиться возстановленія своихъ правъ: мануфактуръ-коллегія, недостаточно уяснивъ себѣ различіе между составными элементами сложной группы поссессіонныхъ крестьянъ, смѣшивала ихъ всѣхъ въ одну кучу.

Мы видѣли, что волненіе 1778 г. было усмирено. Однако, казенные мастеровые, справедливо считавшіе себя неправильно закрѣпощенными, продолжали доискиваться правды. Особенно дѣятельными изъ нихъ оказалась группа человѣкъ въ 20, во главѣ которой стояли братья Чевардаевы: и во время владѣнія Угрюмова, и послѣ того, какъ въ 1791 г. фабрика было продана имъ Баташовой, они не разъ подавали просьбы въ различныя судебныя инстанціи, такъ что дѣло доходило, наконецъ, и до сената; считая себя казенными мастеровыми, они жаловались на притѣсненія со стороны владѣльцевъ фабрики, а тѣ обвиняли ихъ въ неповиновеніи. Наконецъ, въ 1794 г., сенатъ, «найдя тѣхъ фабричныхъ не яко крѣпостными, а приписными къ оной фабрикѣ», окончательно рѣшилъ: «быть имъ по отдачѣ отъ мануфактуръ-коллегіи и по написанію по собственнымъ имъ желаніямъ при упомянутой фабрикѣ въ числѣ приписныхъ казенныхъ, а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ, съ производженіемъ имъ надлежащаго числа соразмѣрно трудамъ ихъ заработныхъ денегъ; а дабы они на будущее время предохранены были отъ всякихъ со стороны той фабрики содержателей притѣсненій, а сіи послѣдніи не могли тѣми людьми распоряжаться какъ собственными ихъ крѣпостными и употреблять ихъ въ непринадлежащія имъ работы, а притомъ и, не имѣвши законной причины, представлять ихъ за свои деревни въ рекруты, а съ

[1]) Изъ вѣдомости, составленной въ мануфактуръ-коллегіи, въ 1769 г., видно, что купленныхъ было тогда 31 душа. Сб. Ист. Об. X, 373; всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ было тамъ по 5-й ревизіи 235 душъ.

другой стороны и фабричные по мастерству своему въ отправленіи работъ содержателямъ ихъ были послушны и своевольствъ никакихъ не чинили, въ томъ казенной палатѣ поручить, кому надлежитъ, имѣть неослабное смотрѣніе».

Однако рѣшенія этого оказалось недостаточно для прекращенія взаимнаго недовольства на Копнинской фабрикѣ. Вскорѣ послѣ того мастеровые заявили, что послѣ сенатскаго рѣшенія плата имъ не была увеличена и просили перевести ихъ на другую фабрику, а содержательница Баташова жаловалась, что фабричные по прежнему не слушаются ее, братья Чевардаевы и ихъ товарищи, всего 19 человѣкъ, «обращаются въ недобропорядочныхъ поступкахъ и пьянствѣ и, отложась отъ должнаго повиновенія, не чинятъ по приказанію ея исполненія». Баташова просила сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ въ рекруты за состоящихъ при ея фабрикѣ крестьянъ и фабричныхъ. Сенатъ приказалъ разсмотрѣть, насколько справедливы жалобы мастеровыхъ, и затѣмъ привести ихъ въ повиновеніе содержательницѣ фабрикѣ, а въ просьбѣ ихъ о переводѣ на другую фабрику или позволеніи избрать другой родъ жизни по своему желанію — отказалъ. Однако, и просьба Баташовой о ссылкѣ мастеровыхъ на поселеніе въ Сибирь не была исполнена: очевидно, что для этого не оказалось достаточныхъ основаній.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда умерла императрица Екатерина II. Мастеровые ждали малѣйшаго повода для того, чтобы возобновить свои ходатайства, и поводъ скоро нашелся. Указомъ императора Павла, 6-го декабря 1796 г., съ двухъ фабрикъ Мальцевыхъ было освобождено, по ихъ прошенію, 53 человѣка, оказавшихся польскими выходцами [1]). Чевардаевъ съ товарищами, узнавъ объ этомъ, подали прошеніе самому государю, прося, по примѣру мастеровыхъ Мальцева, освободить ихъ съ фабрики Баташовой или причислить къ другимъ фабрикамъ для работы за извѣстную плату. Вновь разсмотрѣвъ это дѣло по указу государя, сенатъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ихъ желанія: мастеровые Мальцевой оказались польскими уроженцами, а предки Чевардаева съ товарищами издавна находились мастеровыми при фабрикахъ и были переведены на бумажную фабрику по собственному ихъ желанію, почему они и должны по прежнему остаться «въ числѣ приписныхъ казенныхъ, а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ».

Баташова рѣшилась, наконецъ, во что бы то ни стало отдѣлаться

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг., вяз. 422, дѣло № 44—1.513—1, 1803 г., л. 292, 294.

отъ безпокойныхъ рабочихъ. Въ прошеніи, присланномъ ею въ мануфактуръ-коллегію, въ октябрѣ 1798 г., она хотя и заявляла, что въ этомъ году, по указу сената, мастеровые, наконецъ, «введены въ должность», но такъ какъ они не добровольно смирились, а были принуждены къ этому, то она не ожидаетъ отъ нихъ усердной работы, а потому проситъ избавить ее отъ 15-ти фабричныхъ, взявъ ихъ, куда коллегія пожелаетъ.

Прошло еще два года, и въ это время изъ 15-ти человѣкъ четверо успѣли уже умереть. Такъ какъ въ томъ числѣ было двое мастеровыхъ, которыхъ мануфактуръ-коллегія дозволила Угрюмову, въ 1778 г., отослать для каторжной работы въ адмиралтейскую коллегію и которые почему-то не были туда отосланы, то изъ этого видно, что и въ 1778 г. вожаками всего движенія были именно казенные мастеровые, а дѣйствительною причиною волненія и тогда было желаніе фабриканта поставить ихъ на одинъ уровень съ купленными крестьянами.

Въ 1801 году, по донесенію своей конторы, мануфактуръ-коллегія постановила такое рѣшеніе: «какъ по производившемуся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, потомъ въ правительствующемъ сенатѣ о взаимныхъ распряхъ между ассессоршею Баташовою и показанными мастеровыми дѣлу видно, что оныя возродились со стороны—первой отъ присвоенія права владѣть ими какъ купленными, а не приписными казенными, а со стороны послѣднихъ—отъ возмечтанія о вольности», теперь же «сама Баташева, чтобы они чинили безпокойство, не объявляетъ, напротивъ, показываетъ, что они находятся въ жительствахъ своихъ по прежнему, работы производятъ тѣ же, въ каковыя и прежде употреблялись, почему въ семъ случаѣ, для прекращенія впредь могущихъ послѣдовать съ обѣихъ сторонъ несогласій», отослать одиннадцать человѣкъ мастеровыхъ, съ ихъ женами, на счетъ Баташовой, «*какъ людей казенныхъ*, на казенную новороссійскую суконную фабрику, не вмѣняя отнюдь сіе имъ въ наказаніе». Мануфактуръ-контора должна была позаботиться о томъ, чтобы мастеровые не терпѣли нужды на пути и имѣли время сбыть ненужное для нихъ имущество, чтобы потомъ, по прибытіи на новое жилище, были въ состояніи обзавестись домами и всѣмъ необходимымъ.

Рѣшеніе это не удовлетворило рабочихъ. Хотя дѣятельно добивалась измѣненія своего положенія лишь небольшая часть ихъ, но они, считая, что всѣхъ казенныхъ людей, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, болѣе ста душъ (всего въ это время на фабрикѣ было 235 душъ м. п.)[1], ни-

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг., вяз. № 422, дѣло № 44—1513—1, л. 136.

какъ не могли помириться съ тѣмъ, чтобы одиннадцать человѣкъ были оторваны отъ своихъ дѣтей и разорены переселеніемъ, а другіе остались бы въ прежнемъ положеніи. Поэтому Чевардаевъ, съ нѣкоторыми рабочими, изъ тѣхъ, которые должны были остаться на мѣстѣ, просилъ мануфактуръ-контору или отослать на суконную фабрику всѣхъ казенныхъ мастеровыхъ съ ихъ семействами, или всѣхъ ихъ оставить навсегда при Копнинской бумажной фабрикѣ; если же первая ихъ просьба не будетъ исполнена, то, по крайней мѣрѣ, не разлучать переселяемыхъ съ ихъ семействами, въ которыхъ были даже грудные младенцы. Однако, велѣно было перевести только одиннадцать человѣкъ, впрочемъ, съ ихъ женами и дѣтьми. Жалоба рабочихъ сенату на такое рѣшеніе не повела ни къ чему, а между тѣмъ оно было крайне несправедливо. Разъ признавъ, что казенныхъ мастеровыхъ слѣдуетъ перевести на казенную фабрику, сенатъ долженъ былъ приказать изслѣдовать, кто принадлежитъ къ ихъ числу, и всѣхъ ихъ переселить, а не то, оставивъ на мѣстѣ, гарантировать ихъ права отъ дальнѣйшихъ нарушеній со стороны содержательницы фабрики. Удаленіе же только болѣе энергичныхъ людей хотя и не велѣно было считать наказаніемъ, однако оно сильно смахивало на него [1]).

ГЛАВА III.

Поссессіонные крестьяне на уральскихъ горныхъ заводахъ.

Казенные мастеровые. — Волненіе на Нижнетагильскомъ заводѣ. — «Вѣчно-отданные» мастеровые.—Ихъ тяжелое положеніе и волненіе на Невьянскомъ заводѣ.—Крестьяне, купленные къ заводамъ.—Противозаконная покупка, сдѣланная Походяшинымъ.—Рабочая плата.—Дѣтскій трудъ.

Въ составъ населенія уральскихъ горныхъ заводовъ входили тѣ же элементы, какъ и на различныхъ фабрикахъ внутри Россіи; тутъ мы опять находимъ казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ правительствомъ частнымъ владѣльцамъ, «вѣчно отданныхъ» и, наконецъ, купленныхъ заводчиками.

Нѣкоторые заводы еще при Петрѣ Великомъ были переданы изъ казны частнымъ лицамъ; но гораздо болѣе было продано за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ (П. И. Шувалову, Воронцовымъ и др.) при Елиза-

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла главн. правл. мануфактуръ, вяз. 23, дѣло № 13, л. 12—15, 49—57, 75—76; тамъ же дѣло № 15, л. 1 и 35.

ветѣ Петровнѣ [1]). При этомъ положеніе мастеровыхъ, какъ видно изъ ихъ наказовъ депутату въ коммиссію для составленія новаго уложенія, значительно ухудшилось.

При передачѣ нѣкоторыхъ изъ заводовъ въ частныя руки, владѣльцы просили добавить имъ мастеровыхъ до того числа, какое положено было имѣть при нихъ по штату. Такъ, напримѣръ, владѣльцу Юговскихъ заводовъ гр. Чернышову, дозволено было набрать недостающее число мастеровыхъ (224 чел.) изъ приписныхъ къ его заводамъ черносошныхъ крестьянъ, но съ тѣмъ, «*чтобъ вѣчно имъ при тѣхъ заводахъ не быть*, и сколько времени они при тѣхъ заводахъ будутъ, подушныя деньги и прочія подати платить за нихъ изъ заработанныхъ ими денегъ бездоимочно, и сверхъ того, стараться ему, графу Чернышову, обучать и употреблять на тѣхъ заводахъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ людей» [2]). Вслѣдствіе этого указа изъ приписныхъ къ Юговскимъ заводамъ крестьянъ, которыхъ было въ то время 6.328 челов., было произведено нѣчто въ родѣ рекрутскаго набора (выборъ производили сотники съ мірскими людьми) и взято въ мастеровые 230 чел. [3]). При переселеніи на заводъ они перевели съ собою также женъ и дѣтей. Такъ какъ эти мастеровые работали теперь все время на заводахъ [4]) и уплачивали за себя подати изъ получаемаго ими вознагражденія за свой трудъ, то, разумѣется, остальные приписанные къ Юговскимъ заводамъ крестьяне не должны были бы отрабатывать за нихъ подушный окладъ. Однако, это не соблюдалось заводскою конторою, и было строго запрещено только въ 1763 г. княз. Вяземскимъ, причемъ было взыскано съ конторы въ пользу крестьянъ вознагражденіе за излишнюю работу, ими прежде выполненную [5]).

Право переселять приписныхъ крестьянъ на свои заводы получилъ также П. И. Шуваловъ; на Гороблагодатскихъ заводахъ онъ опредѣлилъ изъ нихъ въ мастеровые 370 чел. [6]).

[1]) На заводахъ, отданныхъ изъ казны при Елизаветѣ, мастеровыхъ и ихъ дѣтей было въ 1763 г.—3.877 д. (Арх. М. Ю. № 903—3386, л. 622 и сл.) По пятой ревизіи на частныхъ заводахъ, состоявшихъ въ вѣдомствѣ екатеринбургскаго горнаго начальства, было всего около шести съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ. Цифра эта есть итогъ данныхъ, разбросанныхъ въ сочиненіи *Германа*. „Описаніе заводовъ Екатеринбург. горн. начальства“.

[2]) П. С. З. XV, 11.087. Указъ 27 іюля 1760 г.

[3]) Арх. М. Ю., № 903—3386, л. 622 и сл.

[4]) Юговскіе мастеровые просили кн. Вяземскаго дать имъ возможность завести свои пашни, но онъ отказалъ имъ на томъ основаніи, что они должны заниматься только заводскими работами. Арх. М. Ю. № 1077—3560, л. 584.

[5]) Арх. М. Ю., № 1077—3560, л. 413 и сл., п. 5.

[6]) Арх. М. Ю., № 903—3386, л. 622 и сл.

На уральскихъ горныхъ заводахъ точно такъ же, какъ и на фабрикахъ внутри Россіи, заводчики старались низвести казенныхъ мастеровыхъ до одного уровня съ своими крѣпостными. Такъ было, напр., на Нижнетагильскомъ заводѣ Н. Демидова.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1702 г., по именному указу Петра Великаго, казенный Невьянскій заводъ былъ отданъ во владѣніе тулянину Никитѣ Демидову съ позволеніемъ построить другой на рѣкѣ Тагилѣ, къ этимъ заводамъ были приписаны изъ крестьянъ верхотурскаго уѣзда Аятская и Краснопольская слободы и монастырское село Покровское (974 д.). Подати, хлѣбъ и все, что собиралось прежде въ пользу государства и на монастырь, Демидовъ долженъ былъ вносить въ казну желѣзомъ по договорной цѣнѣ, и за то на эту сумму онъ могъ требовать отъ крестьянъ различной работы; если же имъ придется трудиться болѣе, то долженъ былъ платить имъ деньгами «по правому разсмотрѣнію, чтобы обиды и жалобы дѣльной отъ нихъ не было». Въ случаѣ ослушанія крестьянъ или лѣности на работѣ Дамидову разрѣшено было наказывать ихъ батогами и плетьми и надѣвать оковы. По смерти Никиты Демидова заводы перешли во владѣніе его сына, Акинфія, а послѣ него былъ произведенъ раздѣлъ между его дѣтьми, Прокофіемъ, Григоріемъ и Никитою. Въ 1763 г. Невьянскій заводъ принадлежалъ Прокофію Демидову, Ревдинскій—Александру, Павлу и Петру Григорьевичамъ Демидовымъ, а Нижнетагильскій, за которымъ считалось село Покровское, достался Никитѣ Акинфіевичу Демидову.

Двое крестьянъ села Покровскаго въ іюнѣ 1762 г. купили на Невьянскомъ заводѣ копію съ указа сената о произведеніи слѣдствія по жалобамъ приписныхъ къ заводамъ Чернышова и Демидовыхъ. Когда по возвращеніи ихъ домой этотъ документъ былъ прочтенъ на сходѣ, крестьяне немедленно рѣшили, что на основаніи его «можно отбыть отъ заводскихъ работъ». Послали трехъ челобитчиковъ въ верхотурскую канцелярію просить, чтобъ имъ быть по прежнему за невьянскимъ богоявленскимъ монастыремъ, которому они принадлежали до отдачи Демидову при Петрѣ Великомъ. Воевода, задобренный взяткой, принялъ просьбу крестьянъ съ обѣщаніемъ представить ее «по командѣ, куда надлежитъ», но все-таки приказалъ имъ продолжать работать. Услышавъ отъ челобитчиковъ, что «дѣло ихъ отыскивается», крестьяне, несмотря на совѣтъ воеводы, на работу не пошли.

Въ то же время волненіе началось на самомъ Нижнетагильскомъ заводѣ среди мастеровыхъ и рабочихъ: они хотѣли, чтобъ ихъ сравняли

съ приписными крестьянами, чтобъ они могли работать только за подушный окладъ и получали бы вознагражденіе наравнѣ съ вольнонаемными.

Заводская контора послала въ село Покровское указы, изданные вслѣдствіе волненій помѣщичьихъ и другихъ крестьянъ. Прочтя ихъ на сходѣ при мірской избѣ, староста съ сотниками и всѣмъ міромъ отвѣчали, что эти указы относятся только къ крѣпостнымъ крестьянамъ, что они отданы были при Петрѣ Великомъ Демидову на время, а не навсегда, и что до полученія рѣшенія на свою просьбу они на работу не пойдутъ. Такимъ же отказомъ отвѣчали они и на приказъ, присланный въ маѣ 1763 г. изъ канцеляріи главнаго правленія заводовъ: они написали туда, что не рѣшились ѣхать на заводы, такъ какъ ими подана жалоба на разныя обиды отъ Демидова и его прикащиковъ; къ тому же, по ихъ мнѣнію, они и безъ того уже много переработали. Что же касается того, что приписные крестьяне казанской губерніи уже начали работать, то, быть можетъ, замѣтили крестьяне, они оказались виновными по слѣдствію, произведенному кн. Вяземскимъ, «а мы еще до того слѣдствія виновными себя не признаваемъ». Вообще этотъ отвѣтъ былъ написанъ гораздо толковѣе, чѣмъ многія донесенія офицеровъ и чиновниковъ.

Волненіе заводскихъ мастеровыхъ также продолжалось. Выборные, посланные въ іюнѣ 1763 г. мастеровыми Нижнетагильскаго и Черноисточенскаго заводовъ къ кн. Вяземскому съ жалобами на прикащиковъ, услышали на пути, что будто бы Аятскую и Краснопольскую слободы и село Покровское велѣно было отрѣшить отъ заводовъ съ тѣмъ, чтобъ крестьяне платили подушный окладъ деньгами. Челобитчики послали объ этомъ письмо «мірскому подъячему», Палитову. Но оно было перехвачено нижнетагильскою заводскою конторою и отправлено къ князю Вяземскому. По приказанію его Палитовъ, а также одинъ изъ челобитчиковъ, Салаутинъ, были арестованы и закованы въ кандалы. Ихъ готовы уже были отправить къ князу Вяземскому, когда среди заводскаго населенія распространился слухъ, что арестованныхъ будутъ зашивать въ сырыя кожи. Большая толпа мастеровыхъ и рабочихъ Нижнетагильскаго и Выйскаго заводовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми крестьянами села Покровскаго, собралась къ заводской конторѣ и требовала освобожденія ихъ товарищей. Когда увѣщанія прикащиковъ не подѣйствовали, они собрали всѣхъ служителей и солдатъ и выставили пушки на крыльцѣ заводской конторы. Съ той и другой стороны стали бросать каменьями. Побѣда, однако, осталась на сторонѣ мастеровыхъ и крестьянъ. Отбивъ у своихъ противниковъ пушки и ружья, они сдѣлали выстрѣлъ въ контору изъ пушки, заряженной пы-

жомъ. Оконница разлетѣлась въ дребезги и бумаги полетѣли со стола. На прикащиковъ и ихъ воинство напалъ такой страхъ, что они не знали куда спрятаться. Между тѣмъ, толпа все еще не расходилась. Отъ конторы несли раненыхъ людей, робочіе съ каменьями въ рукахъ бѣгали по фабрикамъ и кого-то искали. Всѣ двери и окна въ конторѣ были заперты; на стѣнахъ и ставняхъ виднѣлись слѣды бомбардировки. Пушки, какъ трофеи побѣдителей, были поставлены около мірской избы, куда отвели освобожденныхъ Салаутина и Палитова. Въ это время окончилась обѣдня, и священникъ счелъ своей обязанностью сказать приличное случаю увѣщаніе, которое не произвело, впрочемъ, никакого впечатлѣнія: крестьяне вслѣдъ затѣмъ, схвативъ одного куреннаго надзирателя, привязали ему къ шеѣ поясъ и потащили его къ мірской избѣ. Прикащикамъ удалось, наконецъ, послать гонца къ князю Вяземскому съ донесеніемъ обо всемъ случившемся. Тотъ отправилъ на заводъ поручика Хвощинскаго съ приказаніемъ арестовать Салаутина, Палитова и нѣкоторыхъ другихъ и прислать къ нему въ Екатеринбургъ повѣренныхъ отъ всѣхъ заводскихъ жителей. На этотъ разъ крестьяне не оказали сопротивленія, виновные были привезены въ Екатеринбургъ, и черезъ мѣсяцъ наказаны [1]).

Въ челобитной, поданной князю Вяземскому въ 1763 г., прикащики Нижнетагильскаго завода, упомянувъ о волненіи крестьянъ села Покровскаго, писали далѣе: «въ прошломъ же 1762 г. и самые находящіеся внутрь оныхъ заводовъ мастеровые и работные люди, написанные при тѣхъ заводахъ въ подушный окладъ и отданные къ онымъ по высочайшимъ именнымъ изъ правительствующаго сената указамъ и *утвержденные яко крѣпостные* онаго г. Демидова, крестьяне, не чувствуя того, что они вѣчно узаконенные и тѣми объ нихъ указами повелѣно ихъ въ мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ купленныхъ своихъ, по чрезвычайной своей дерзости учинились непослушными и стремились въ зловоспріявшіе поступки и упорства» [2]). Такимъ образомъ, прикащики приравнивали всѣхъ мастеровыхъ къ крѣпостнымъ, но князь

[1]) Двое изъ заводскихъ мастеровыхъ и крестьянъ, въ томъ числѣ писчикъ Салаутинъ, были наказаны кнутомъ и сосланы на Колывано-Воскресенскіе заводы въ каторжную работу безъ срока. (Для Салаутина это было вторичное наказаніе за ту же вину: за письмо къ Палитову нижнетагильская заводская контора уже наказала его плетьми). Относительно 12 человѣкъ было рѣшено: „хотя и подлежали они наказанію кнутомъ, но для многолѣтняго е. и. в-ва здравія оное наказаніе отмѣняется; но вмѣсто кнута, въ страхъ другимъ... сѣчь плетьми по 3 дни". Одинъ человѣкъ былъ высѣченъ плетьми 1 разъ, одинъ битъ батогами, 9 освобождены безъ наказанія.

[2]) Арх. М. Ю. № 3559—1076, л. 283, п. 2.

Вяземскій рѣшилъ, что на основаніи сенатскаго указа 30 декабря 1755 г. рабочіе, написанные въ бывшую 1722 г. перепись Сонцева, должны считаться «государственными приписными, а не крѣпостными дворянъ Демидовыхъ, ибо чтобъ по той 722 г. переписи они къ заводамъ вѣчно отданы въ крѣпостные, онаго въ томъ правительствующаго сената указѣ и въ другихъ ни въ какихъ не упоминается». Онъ предписалъ, чтобъ эти мастеровые заработывали только подушный окладъ [1]). Въ рѣшеніи своемъ Вяземскій прямо говоритъ, что управители и прикащики сами вызвали волненіе, вспыхнувшее на Нижнетагильскомъ заводѣ, такъ какъ они мастеровыхъ и рабочихъ, которые должны были считаться государственными, ставили на одну доску съ крѣпостными и употребляли наравнѣ съ ними во всякія работы, «не давая противъ государственныхъ крестьянъ никакихъ выгодъ». Написанныхъ же въ перепись 1732 г. и послѣдующія Вяземскій, какъ мы увидимъ ниже, призналъ «равно яко крѣпостными» [2]).

Другая часть мастеровыхъ изъ крестьянъ, отданныхъ Петромъ Великимъ Никитѣ Демидову, находилась на Невьянскомъ заводѣ. Пріѣхавъ туда въ концѣ іюля 1763 г., Вяземскій приказалъ всѣмъ, написаннымъ въ перепись Сонцева, если у нихъ есть жалобы на заводское управленіе, немедленно подать ихъ чрезъ своихъ повѣренныхъ. Въ своей челобитной мастеровые и рабочіе Невьянскаго, Бынговскаго и Верхнетагильскаго заводовъ Пр. Демидова указывали прежде всего на то, что управители и прикащики вовсе не отличаютъ ихъ отъ крѣпостныхъ. Плату мастеровые получали слѣдующую: мастера за ковку желѣза по 2 коп., подмастерья по $1^1/_4$ коп., работники по $^3/_4$ коп. съ пуда; поденной платы работники получали по 7 коп. Кромѣ того, они возили уголь съ куреней, осыпали, жгли и выламывали кучи, нагружали желѣзо на барки, наконецъ косили сѣно для заводчика. Они просили невьянскую контору о прибавкѣ платы, но просьба ихъ удовлетворена не была. Не производя никакихъ безпорядковъ, они отказались однако работать болѣе чѣмъ за одинъ подушный окладъ. Кн. Вяземскій нашелъ ихъ желаніе совершенно основательнымъ, такъ какъ и здѣсь записанныхъ въ перепись 1722 г. онъ призналъ государственными крестьянами; тогда заводское управленіе исполнило всѣ

¹) Мастеровыхъ, внесенныхъ въ перепись 1722 г., было въ то время на Нижнетагильскомъ, Выйскомъ, Черноисточенскомъ и Висимошайтанскомъ заводахъ 114 д. Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 209—210.

²) Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 230. Мастеровые эти платили въ казну не одни подушныя, но и оброчныя деньги, Ibid, л. 209—210.

требованія мастеровыхъ, и они заявили Вяземскому о заключенной ими мировой [1]).

Точно также на Ревдинскомъ заводѣ Демидовыхъ, приписные крестьяне Аятской слободы, кромѣ написанныхъ по позднѣйшимъ переписямъ, были ограждены Вяземскимъ отъ поползновенія заводчиковъ къ ихъ закрѣпощенію и объявлены государственными крестьянами [2]).

Переходимъ теперь къ *вѣчно-отданнымъ мастеровымъ* на горныхъ заводахъ. Говоря выше объ этомъ разрядѣ мастеровыхъ, мы разсмотрѣли правительственныя распоряженія о нихъ, касавшіяся всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Поэтому, не повторяя того, что намъ уже извѣстно, мы остановимся теперь только на указахъ, относящихся исключительно къ горнымъ заводамъ.

Какъ мы уже знаемъ, въ 1722—23 гг., велѣно было переписать людей, находившихся на заводахъ, но оттуда ихъ не ссылать. При производствѣ полковникомъ Сонцевымъ переписи на горныхъ заводахъ и соляныхъ варницахъ, тамъ оказались люди, пришлые изъ разныхъ губерній, которые заявили, что они работаютъ, переходя съ завода на заводъ, домовъ не имѣютъ, «а живутъ по заводскимъ избамъ человѣкъ по 300 и по 200». Такъ какъ, въ 1722 г., велѣно было такихъ людей класть въ подушный окладъ въ тѣхъ селеніяхъ, откуда они были родомъ, то это было сдѣлано и съ найденными Сонцевымъ на уральскихъ заводахъ, которыхъ всего оказалось болѣе пяти тысячъ душъ; сенатъ приказалъ, чтобы заводчики вычитали изъ заработанныхъ ими денегъ подушныя подати и помѣщичьи доходы и отсылали бы въ тѣ провинціи, откуда они пришли; въ противномъ случаѣ заводчики обязаны были отвезти ихъ на родину, тѣхъ же, которые обучились какому-нибудь мастерству, они могли оставить у себя, уплативъ по 50-ти руб. за каждаго. Непомнящихъ родства приказано было записать въ подушный окладъ на заводахъ [3]).

Въ 1732 г. велѣно было вновь переписать мастеровыхъ и рабочихъ на сибирскихъ заводахъ Акинфія Демидова, свѣривъ при этомъ съ перепиською Сонцева, и за все время пребыванія ихъ тамъ взыскать подушныя деньги и рекрутъ. Однако въ слѣдующемъ году, по просьбѣ Деми-

[1]) Арх. М. Ю., № 1076—3559, л. 409, 427, 402, 441 и сл., 433. На Невьянскомъ заводѣ мастеровыхъ и рабочихъ, написанныхъ въ перепись 1722 г., съ рожденными послѣ нея, было въ то время 487 душъ. Ibid, л. 301.

[2]) Арх. М. Ю. № 1077—3560, л. 846.

[3]) П. С. З. VII, 4699, указъ 20 апр. 1725 г.

дова, было разрѣшено рекрутъ не брать изъ опасенія, чтобы мастеровые и рабочіе не разбѣжались къ башкирцамъ и калмыкамъ, а подушныя деньги взыскивать по прежнимъ рѣшеніямъ сената [1]). По новой переписи, произведенной полковникомъ Толбузинымъ, всего пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи оказалось 2604 чел., за которыхъ и было взыскано подушныхъ денегъ съ 1724 по 1733 гг. болѣе 23,000 руб. Послѣ изданія указа 7 января 1736 г., по просьбѣ Акинфія Демидова, императрица приказала синодальныхъ, монастырскихъ и государственныхъ крестьянъ, которые оказались на его заводахъ по новой переписи и научились мастерству, оставить тамъ вѣчно съ тѣмъ, чтобы Демидовъ платилъ за нихъ семи-гривенную подушную подать и четырехгривенный оброчный сборъ. Что касается помѣщичьихъ крестьянъ, то взамѣнъ ихъ Демидовъ долженъ былъ отдать ихъ владѣльцамъ людей изъ своихъ вотчинъ, а крѣпостныхъ, пришедшихъ позже, слѣдовало непремѣнно возвратить помѣщикамъ, впрочемъ безъ уплаты пожилыхъ денегъ. Съ мастеровыхъ, находившихся всегда въ работѣ, рекрутъ велѣно было не брать [2]).

Наплыхъ бѣглыхъ на уральскіе и сибирскіе заводы продолжался и послѣ того. Въ 1746 г. сенатъ приказалъ оставить навсегда на пермскихъ и сибирскихъ заводахъ непомнящихъ родства [3]). Именной указъ 1754 г., которымъ было велѣно бѣглыхъ людей и крестьянъ, не прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ никакими правительственными распоряженіями, вывесть съ нихъ на прежнія жилища, возбудилъ недоумѣніе въ мѣстной администраціи. Канцелярія главнаго правленія заводовъ заявила, что на казенныхъ и частныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ было пришлыхъ послѣ первой ревизіи вмѣстѣ съ непомнящими родства болѣе шести тысячъ душъ и спрашивала, что съ ними дѣлать [4]). Хотя предшествовавшія постановленія были совершенно ясны, однако, для устраненія впредь всякихъ недоразумѣній, сенатъ подтвердилъ, чтобы на всѣхъ «партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводахъ, какъ непомнящимъ

[1]) П. С. З. IX, 6440.

[2]) *И. Германъ.* Истор. начерт. горн. дѣла Екат. 1810 г. ч. I, 179, срав. П. С. З. X, 7548, п. 7 и 8.

[3]) Указа этого нѣтъ въ П. С. З.; содержаніе его намъ отчасти извѣстно изъ указа 30 дек. 1755 г. П. С. З. XIV, 10.494.

[4]) По вѣдомости, составленной бергъ-коллегіею въ 1763 г., на частныхъ заводахъ было пришлыхъ и непомнящихъ родства и т. п. 12,183 д. Арх. М. Ю. № 903—3386, л. 622—635. По 5 ревизіи на частныхъ уральскихъ горныхъ заводахъ, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ Екатеринб. горнаго начальства, состояло вѣчно-отданныхъ 10267. Цифра эта есть итогъ данныхъ, разбросанныхъ въ книгѣ *И. Германа.* Опис. заводовъ подъ вѣдом. Екатеринб. горн. нач. состоящихъ.

родства и незаконнорожденнымъ, такъ изъ пришлыхъ всякаго званія отданнымъ къ тѣмъ заводамъ, чьи-бъ они ни были, людямъ, которые бывшею послѣднею генеральною ревизіею... въ подушный окладъ при тѣхъ заводахъ написаны, и по окончаніи той ревизіи приписные и отлучные губернскими и воеводскими канцеляріями по силѣ той же инструкціи и указовъ приписаны и въ окладныя книги внесены, онымъ въ силѣ того Е. И. В. мая 13 дня 1754 г. указа быть при тѣхъ заводахъ... вѣчно неотъемлемымъ и при тѣхъ заводахъ ихъ селить и въ заводскія мастерства и работы употреблять равно какъ крѣпостныхъ и купленныхъ своихъ» [1]).

Отдача на заводы при Екатеринѣ II-ой послѣ манифеста 1762 г., запретившаго ихъ владѣльцамъ покупать крестьянъ, почти совершенно прекратилась. Говоримъ—почти, такъ какъ были все-таки случаи записки разныхъ гулящихъ людей по ихъ собственному желанію; но, впрочемъ, правительство признавало ихъ государственными, а не «вѣчно-отданными» къ фабрикамъ крестьянами [2]).

[1]) За всѣхъ вышеупомянутыхъ, отданныхъ вѣчно къ заводамъ людей, слѣдовало производить съ заводчиковъ слѣдующія взысканія: за людей, отданныхъ къ заводамъ Демидова по переписи Толбузина (1732 г.), если изъ нихъ окажутся помѣщичьи, на основаніи указа 12 ноября 1736 г., брать для отдачи помѣщикамъ крестьянъ изъ его собственныхъ вотчинъ; затѣмъ за остальныхъ, отданныхъ къ заводамъ (кромѣ приписанныхъ изъ платежа подушнаго оклада непомнящихъ родства и незаконнорожденныхъ, отпущенныхъ съ отпускными, изъ церковниковъ и другихъ разночинцевъ),—какъ за помѣщичьихъ и монастырскихъ, такъ и за государственныхъ и другихъ крестьянъ, названныхъ въ указѣ 7 генв. 1736 г., заплатить деньги, предписанныя этимъ послѣднимъ указомъ, а сверхъ того ничего съ заводчиковъ не взыскивать, такъ какъ за оставленныхъ во время второй ревизіи до указа принятыхъ послѣ 1736 г. людей сверхъ указаннаго платежа, по опредѣленію сената 10 марта 1746 г., велѣно было взыскивать съ заводчиковъ за все время съ 1724 г. подушныя деньги. Если же затѣмъ окажутся люди, принятые послѣ 2-й ревизіи, то ихъ высылать на прежнее жилище и за держаніе ихъ взимать штрафъ, опредѣленный указомъ 13 мая 1754 г. П. С. З. XIV, 10494, указъ 30 дек. 1755 г.

[2]) Такъ, наприм., сенатъ получилъ извѣстіе о нѣкоторыхъ случаяхъ отдачи на вятскіе заводы уже при Екатеринѣ II-ой непомнящихъ родства и незаконнорожденныхъ: къ заводамъ Масалова было приписано 30, а Саввы Яковлева 23 д., по собственнымъ желаніямъ этихъ людей и на основаніи прежнихъ указовъ, которыми это было дозволено. Такъ какъ въ манифестѣ 1762 г. не было точнаго постановленія о томъ, чтобы не приписывать къ заводамъ незаконнорожденныхъ и непомнящихъ родства, и такъ какъ до 1775 г. не было указовъ, запрещавшихъ записывать вольныхъ людей за кѣмъ-либо въ подушный окладъ, то сенатъ рѣшилъ оставить приписанныхъ къ заводамъ Масалова и Яковлева при нихъ неотъемлемыми, „однако же не иначе, какъ на общемъ положеніи о всѣхъ *приписныхъ къ заводамъ государственныхъ крестьянахъ*“. Въ это время въ вятской губерніи производились и другія подобныя же дѣла о незаконнорожденныхъ, всего 127 душахъ, которыя безъ сомнѣнія были затѣмъ рѣшены такимъ же образомъ. Арх. М. Ю. № 898—4469, л. 281 и сл.

Что касается уплаты податей, то правительство долго колебалось, взыскивать ли съ вѣчно-отданныхъ одинъ подушный окладъ или также и оброчныя деньги. Въ 1723 г. отданныхъ на фабрики не велѣно было записывать въ подушный окладъ; при отдачѣ по указу 1736 г. разныхъ людей на заводы Ак. Демидова велѣно было ему уплатить за нихъ семигривенныя подушныя деньги и четырехгривенный оброкъ, но затѣмъ при производствѣ второй ревизіи, мастеровыхъ и рабочихъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ предписано было положить въ одинъ семигривенный окладъ. Однако и послѣ того на заводахъ Никиты Демидова не только записанные по первой ревизіи, но и отданные по переписямъ Толбузина и другихъ числились не въ одномъ семигривенномъ, а и въ четырехгривенномъ окладѣ (только купленные заводчикомъ платили однѣ подушныя деньги) [1]; на Юговскихъ заводахъ Чернышова въ 60-хъ годахъ мастеровые платили по 1 р. 70 к. съ души. Вопросъ о томъ, какія подати взыскивать съ вѣчно-отданныхъ былъ разрѣшенъ сенатомъ только въ 1777 г., когда было велѣно собирать съ нихъ одинъ семигривенный подушный окладъ и не требовать оброчнаго сбора [2]). На основаніи правительственныхъ указовъ можно было бы подумать, что подати платилъ за вѣчно-отданныхъ мастеровыхъ заводчикъ, но онъ былъ только отвѣтственнымъ лицомъ за исправное отбываніе ими денежныхъ повинностей, дѣйствительными же плательщиками были они сами; это видно какъ изъ ихъ наказовъ, такъ и изъ слѣдующаго заявленія мастеровыхъ Демидова.

Въ 1747 г. на имя старостъ Невьянскаго, Бынговскаго и Шуралинскаго заводовъ было получено извѣщеніе, что съ нихъ слѣдуетъ взыскать за прописныхъ, утаенныхъ и неположенныхъ въ подушный окладъ съ 1724 г. подушныхъ, рекрутскихъ и лошадинаго сбора около 9-ти тысячъ руб. Въ теченіи 1747 г. часть этихъ денегъ была внесена мастеровыми, но такъ какъ остальной тысячи рублей, по бѣдности рабочихъ, взыскать было невозможно, то неплательщики содержались подъ карауломъ по крайней мѣрѣ полъ-года, если не болѣе. Затѣмъ было предписано пополнить всю недоимку въ теченіи трехъ дней. Присланный съ этою цѣлью изъ губернской канцеляріи сибирскій дворянинъ Ѳеофиловъ, по словамъ мастеровыхъ «чинилъ намъ... не малые налоги и обиды и разоренія:

[1]) Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 209—210.

[2]) Указъ сената 31 іюля 1777 г. Арх. Горн. Деп. Дѣла бергъ-коллегіи, вяз. № 54 (дѣло № 71), л. 93. Правда, этотъ указъ относится только къ вѣчноотданнымъ на заводахъ Демидовыхъ, но вѣроятно онъ былъ примѣненъ и на другихъ заводахъ.

держалъ подъ карауломъ старосту и сотниковъ неоднократно не малое число человѣкъ безъ выпуску безвинно и мучилъ тирански въ цѣпяхъ; да изъ насъ же употреблялъ и посылалъ на караулъ для содержанія преднаписанныхъ неплательщиковъ, при тѣхъ же всѣхъ его Демидова заводахъ по многому числу человѣкъ». Однажды Өеофиловъ пришелъ въ домъ, гдѣ содержались подъ карауломъ сотники, и какъ ихъ, такъ и старосту «билъ смертельными побоями плетьми, не пріемля отъ нихъ правдивыхъ представленіевъ... отъ которыхъ... побой лежали нѣсколько времени въ скорбяхъ своихъ». Өеофиловъ распоряжался такимъ образомъ, не показавъ даже крестьянамъ данной ему инструкціи; кромѣ того, онъ бралъ со старосты и сотниковъ «не малыя взятки».—«А мы»,—продолжали челобитчики,—«къ платежу... за прописныхъ, утаенныхъ во время подушной переписи 1722 г., денегъ не виновны, ибо оные пришлые на его г. Демидова заводы приниманы и держаны были имъ Демидовымъ, такъ и прикащиками его употреблялись въ разныя заводскія работы... для его Демидова прибытку и пользы... и намъ оные пришлые никакихъ подѣлокъ и работъ не работали, и никакого способу не чинили... и такъ насъ... разорили напрасно, отчего пришли... въ крайнюю нищету и скудость». Этотъ документъ наводитъ на мысль, что даже тѣ деньги, которыя заводчики должны были внести по указу 1736 г. и уплата которыхъ служила главнымъ основаніемъ ихъ правъ на «вѣчно-отданныхъ» людей, вносились не самими заводчиками, а разлагались на мастеровыхъ.

Крайне тяжелое экономическое положеніе вѣчно-отданныхъ къ заводамъ ясно видно изъ челобитной, поданной кн. Вяземскому мастеровыми Невьянскаго завода. Такъ, напр., при рубкѣ куренныхъ дровъ каждому полагалось вырубить 41 сажень; но мастеровые находили это совершанно невозможнымъ, такъ какъ съ дровосѣка ихъ посылали еще на другую работу—ломать кучи, возить желѣзо на пристань, косить сѣно; поэтому имъ приходилось вмѣсто себя нанимать для рубки дровъ постороннихъ людей и платить имъ не по 25 коп., какъ получали сами, а по 35-ти и 40 коп. Когда наставало время складывать кучи на дровосѣкѣ, то каждому рабочему полагалось складь отъ семи до десяти кучъ съ платою по рублю за каждую; мастеровые же, отвлекаемые другими работами, платили за это вольнонаемнымъ по 2 и болѣе руб. за кучу. Осыпщиковъ кучъ заставляли ежегодно исполнять слѣдующую работу: каждому полагалось осыпать по три и по четыре кучи, да выломать полъ-кучи, вывезть на Шайтанскую пристань отъ 300 до 400 пудовъ желѣза, привезти на заводъ по 50—80 коробовъ угля. По окончаніи осыпки, ломки

и возки угля, а также доставки желѣза на пристань, тѣхъ же рабочихъ отправляли на стругахъ съ чугуномъ и желѣзомъ до пригородка Лаишева (казанской губ.), а также они косили сѣно для Демидова. Если и послѣ того оставалось свободное время, ихъ посылали на поденныя заводскія работы. Насколько недостаточна была плата, ими получаемая, видно изъ того, что за осыпку и ломку кучъ имъ даваля по 90 коп., а они платили отъ себя наемнымъ по 2 и по 3 р. Стариковъ прикащики Демидова посылали безъ всякой платы въ ночные караулы [1]). Попытка мастеровыхъ жаловаться въ канцелярію главнаго заводовъ правленія кончилась только тѣмъ, что челобитчики, захваченные служителями Демидова, просидѣли подъ арестомъ въ кандалахъ шесть недѣль [2]).

Понятно, что когда на другихъ уральскихъ заводахъ начались волненія, то и мастеровые Невьянскихъ заводовъ не остались покойными. Въ ноябрѣ 1762 г. они прекратили заводскія работы, учредили у себя мірскую избу, устраивали многолюдныя сходки и заявили, что впредь будутъ зарабатывать только подушный окладъ. Извѣстіе объ этомъ волненіи мало обезпокоило Прок. Демидова; зная, какъ нуждаются мастеровые въ деньгахъ, онъ былъ увѣренъ, что нужда скоро заставитъ ихъ приняться за работу. «Пишете, что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ крестьянъ, отъ работъ отказались», наставлялъ онъ своихъ дѣтей изъ Москвы въ январѣ 1763 г.: «о томъ я жалѣю, и хоша они совсѣмъ работать не станутъ, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить на нихъ не велѣть; а какъ они проживутся, тогда работать охотно станутъ. Да отъ всемилостивѣйшей государыни для противниковъ посланъ генералъ, и ежели близко прибудетъ, то прикащикамъ, а когда случится и вамъ его превосходительства просить, чтобы съ ними, ежели возможно, до разоренія не доводить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности, въ такомъ случаѣ просить защищенія... Токмо главныхъ къ тому заводчиковъ—безо всякой милости учинить съ ними надлежитъ, понеже они столько народу къ разоренію приводятъ. Ежели работные люди стакаются, то отъ нихъ заводчиковъ требовать... а ежели не дадутъ, то что же дѣлать! Въ такомъ случаѣ воля милостивой государыни, какъ изволитъ генералъ, съ чѣмъ онъ отъ е. в-ва посланъ, то съ ними и учинитъ. Правда, намъ остановка и ущербъ въ народѣ быть можетъ, — да

[1]) Еще нѣкоторые факты изъ челобитной невьянскихъ мастеровыхъ см. въ Дополненіи XVI.

[2]) Арх. М. Ю., № 1076—3559, л. 410 и сл., п. 1—14.

знать за грѣхи наши Богъ такъ благословилъ». Вмѣстѣ съ этимъ Демидовъ посылалъ рабочимъ письменный приказъ, который велѣлъ отдать имъ въ руки, а копіи съ него прибить на заводѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но такъ какъ волненіе все не унималось, то въ іюнѣ 1763 г. заводское управленіе просило Вяземскаго привести въ послушаніе мастеровыхъ и «самовольно учрежденную ихъ земскую для безразсудныхъ ихъ собраніевъ избу, которой до сего никогда не бывало, уничтожить». По усмиреніи ихъ Вяземскій никого не подвергъ наказанію, такъ какъ имъ не было прежде объявлено, что они навсегда отданы къ заводу, земскую же мірскую избу приказалъ уничтожить [1]).

Жалобы невьянскихъ мастеровыхъ остались безъ всякаго удовлетворенія. На основаніи указа 30 декабря 1755 г., и такъ какъ Демидовъ уже уплатилъ за вѣчно-отданныхъ ему деньги, назначенныя указомъ 7-го января 1763 г., болѣе 12 т. руб. (хотя, повидимому, эти деньги были внесены мастеровыми), Вяземскій призналъ, что написанные по переписи Толбузина и слѣдующимъ затѣмъ переписямъ пришлые и незаконнорожденные утверждены при заводѣ «равно яко крѣпостные и купленные и велѣно быть при тѣхъ заводахъ вѣчно, посему имъ считать себя... крѣпостными и ни въ какія противности, тѣмъ менѣе непослушаніе не входить, въ противномъ случаѣ съ ними всегда поступлено будетъ, какъ о *крѣпостныхъ* крестьянѣхъ е. и. в-ва указы повелѣваютъ неослабно». Мало того, признавъ, что они должны находиться въ одномъ положеніи съ крѣпостными, Вяземскій нашелъ, что не слѣдуетъ даже разсматривать жалобъ, заявленныхъ ими въ челобитной, такъ какъ «отъ крѣпостныхъ крестьянъ на помѣщиковъ по высочайшимъ е. и. в-а законамъ никакихъ прошеній принимать и суда давать не велѣно» [2]). Такое постановленіе было совершенно несправедливо, такъ какъ въ немъ было упущено изъ виду различіе между крѣпостными и поссессіонными крестьянами, и оно шло въ разрѣзъ съ практикою мануфактуръ-коллегіи, которая всегда принимала жалобы отъ фабричныхъ мастеровыхъ на ихъ хозяевъ. — Такое же рѣшеніе относительно вѣчно-отданныхъ Вяземскій постановилъ на Нижнетагильскомъ заводѣ Никиты Демидова и Юговскомъ и Курашинскомъ заводахъ Осокина [3]).

[1]) Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 302. Письмо Демидова въ Русск. Арх. 1873 г., стр. 2230—31. Непродолжительныя волненія были также и между вѣчно-отданными крестьянами на Юговскомъ заводѣ Осокина. Арх. М. Ю. № 1078—3561, л. 995 и 971.

[2]) Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 330, 425, 441—446. Отданныхъ навсегда въ періодъ съ 1732 по 1755 оказалось на Невьянскомъ заводѣ въ 1763 г.—3206 д. Ibid, л. 301.

[3]) Арх. М. Ю. № 1076—3559, л. 230 и сл., п. 2 и л. 206; № 1078—3561, л. 971,

Иначе рѣшено было относительно вѣчно-отданныхъ на Воскресенскомъ заводѣ Твердышева. Въ своей челобитной они заявили, что записаны были прежде въ подушный окладъ въ одной слободѣ оренбургской губерніи,— со второй же ревизіи поселились при Воскресенскомъ заводѣ, гдѣ и работали за извѣстную плату. Въ 1758 г. Твердышевъ подалъ прошеніе, чтобы ихъ, какъ обучившихся на его заводѣ всякимъ мастерствамъ, отдать ему въ вѣчное владѣніе съ тѣмъ, что онъ будетъ платить за нихъ подушныя подати. Съ этого времени Твердышевъ сталъ считать ихъ своими крѣпостными и постоянно посылать ихъ на работу, и хотя они и получали за то плату, но считали для себя обременительными безпрерывныя заводскія работы. Оказалось, что сенатскимъ указомъ 1758 г. 127 д. изъ непомнящихъ родства было отдано Твердышеву въ вѣчное владѣніе; поэтому Вяземскій призналъ, что они должны всегда числиться при заводѣ, но такъ какъ въ указѣ не было сказано, что ихъ слѣдуетъ считать «равно съ крѣпостными» и не велѣно было внести за нихъ указную плату (какъ это было сдѣлано въ указѣ 30 декабря 1755 г. относительно крестьянъ Демидовыхъ и Осокиныхъ), то Вяземскій приказалъ считать ихъ вѣчно-отданными къ заводу, но не крѣпостными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ, что въ дѣйствіяхъ заводской конторы относительно ихъ не было ничего противозаконнаго: они не были обременены, по его мнѣнію, лишними работами и получали узаконенную плату, слѣдовательно, и послѣ того они должны были постоянно находиться на работѣ, т. е. быть въ одинаковомъ положеніи съ вѣчно-отданными [1]).

Положеніе крестьянъ, *купленныхъ* къ горнымъ заводамъ [2]), было также крайне тяжелое; непосильныя работы и всевозможныя истязанія доводили иногда такихъ крестьянъ до самаго отчаяннаго сопротивленія. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно волненіе, бывшее въ 1752 г. въ Ромодановской волости (калужской провинціи), купленной отцомъ Евдокима Демидова, къ тамошнимъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ. Не останавливаясь на немъ подробно, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ событіи уже были сообщены въ печати, мы упомянемъ только для сравненія съ уральскими волненіями, что ромодановскіе крестьяне разграбили заводъ, убили упра-

986. Число отданныхъ на Нижнетагильскій заводъ равно съ крѣпостными было въ 1763 г.—2533 д. № 1076—3559, л. 209—210.

[1]) Арх. М. Ю. № 1079—3562, л. 1244.

[2]) Ихъ числилось въ 1769 г.—45.543 души. Арх. М. Ю. № 261—3832, л. 575.

вителей, выпустили воду изъ прудовъ и т. п.; они встрѣтили сочувствіе въ окрестныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ собралось около 3-хъ тысячъ человѣкъ [1]); у нихъ были пушки и значительное количество ружей; производились даже правильныя военныя ученія. Произошла весьма ожесточенная схватка съ высланнымъ для ихъ усмиренія отрядомъ въ 500 чел.; изъ крестьянъ было убито 59, ранено 42 чел.; 9 офицеровъ и 188 рядовыхъ получили легкія раны. Правительственный отрядъ былъ разбитъ, и даже предводитель его, полковникъ Олицъ, взятъ въ плѣнъ. Замѣнившій его полковникъ Хомяковъ былъ обвиненъ сенатомъ въ томъ, что недостаточно энергично усмирялъ крестьянъ, и былъ замѣщенъ генералъ-маіоромъ Опочининымъ. Послѣднему удалось, наконецъ, захватить изъ возмутившихся крестьянъ 674 чел.; главные зачинщики были сосланы въ Сибирь на желѣзодѣлательные заводы Демидова, а жалобы на мучительства со стороны заводчика объявлены выдуманными, такъ какъ многіе мастеровые и рабочіе показали противное. Но несомнѣнно, что положеніе крестьянъ должно было быть крайне тяжело, если они, уже послѣ того какъ выдержали кровавый бой съ Олицемъ, кричали при новой стычкѣ съ войсками Хомякова: мы е. и. в-ву не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему не идемъ» [2]).

Въ 1762 г. было запрещено покупать крестьянъ къ заводамъ, но, какъ мы уже видѣли, заводчики старались иногда обходить это запрещеніе. Примѣромъ того, какъ дѣйствовали они въ подобномъ случаѣ, можетъ служить слѣдующее дѣло. Въ 1773 г. тайный совѣтникъ Всеволожскій, купивъ у княгини Бѣлосельской Пожевскій доменный и мѣдиплавильный заводъ въ пермской губерніи, просилъ бергъ-коллегію, чтобъ ему было дозволено построить тамъ молотовую фабрику и приписать къ

[1]) Передъ этимъ было волненіе крестьянъ, купленныхъ Гончаровымъ къ парусной и бумажной фабрикѣ въ малоярославецкомъ уѣздѣ. Посланную противъ нихъ команду крестьяне встрѣтили вооруженною толпою въ 800 чел., разбили ее и отняли пушки. Только присланные затѣмъ три полка могли ихъ усмирить, благодаря артиллеріи. *Соловьевъ* XXIII, 124.

[2]) Матеріялы объ этомъ волненіи были напечатаны въ Чт. Общ. Ист. Древн. Росс. 1863 г. № 2, смѣсь, стр. 17—44. Пересказъ этихъ матеріаловъ см. въ статьѣ *Колюпанова*. „Колонизація пермской губ. и распространеніе горнаго промысла". „Бесѣда", 1871 г. № 9, стр. 214—217. Нѣкоторыя свѣдѣнія о волненіи см. *Hermann* Mineral. Reisen in Sibirien, 1797 I, 218 и у *Соловьева*. XXIII, 124—126. Волненіе ромодановскихъ крестьянъ вызвало безпорядки въ селѣ, купленномъ въ 1752 г. Лугининымъ къ полотняной фабрикѣ въ бѣлевскомъ уѣздѣ. Впрочемъ, при появленіи военной команды крестьяне разбѣжались. *Соловьевъ*, XXIII, 126.

этому заводу изъ собственныхъ его пермскихъ деревень—5,228 душъ. Въ виду запрещенія покупать крестьянъ къ фабрикамъ, бергъ-коллегія должна была отказать Всеволожскому въ его просьбѣ, однако же она изъявила на нее согласіе. Между тѣмъ вся эта приписка была сдѣлана, какъ видно, только для того, чтобы потомъ перепродать этихъ крестьянъ съ заводомъ другому лицу. Въ слѣдующемъ же году Всеволожскій обратился въ бергъ-коллегію за разрѣшеніемъ продать Походяшину изъ Пожевскаго завода три части съ мастеровыми и рабочими (3,900 душъ). Несмотря на то, что было не велѣно раздроблять заводовъ и фабрикъ, бергъ-коллегія опять-таки это дозволила. Такимъ образомъ Походяшинъ пріобрѣлъ совершенно незаконно около 4,000 душъ крестьянъ и вслѣдъ затѣмъ подъ предлогомъ, что въ Пожевскомъ заводѣ руда плохаго качества, просилъ дозволенія перевести вновь пріобрѣтенныхъ имъ крестьянъ на его верхотурскіе заводы. Извѣстно, что поссессіонные крестьяне составляли неотъемлемую принадлежность того завода, при которомъ они числились; но бергъ-коллегія нарушила этотъ основной законъ, согласившись на переселеніе, о которомъ просилъ Походяшинъ. Однимъ словомъ, она совершила цѣлый рядъ беззаконій, и крестьянамъ оставалось только самимъ постоять за себя. Когда Походяшинъ началъ приводить въ исполненіе задуманное имъ переселеніе, проданные ему крестьяне, жившіе въ соликамскомъ уѣздѣ, послали выборныхъ къ казанскому губернатору, кн. Мещерскому, съ жалобою, что ихъ переселяютъ съ семействами, не давая даже возможности снять посѣянный хлѣбъ и продать скотъ и дома; они просили, по крайней мѣрѣ, дать имъ возможность убрать съ полей хлѣбъ. Губернаторъ отослалъ ихъ домой съ приказаніемъ безусловно повиноваться помѣщику. Однако тѣ рѣшились бороться, и жители двухъ селъ, числомъ до 500 ч., собрались вооруженные ружьями, луками и рогатинами. На увѣщанія прапорщика, посланнаго къ нимъ съ отрядомъ въ 30 человѣкъ, они отвѣчали, что послушаются только указа, подписаннаго самою государынею. По возвращеніи его губернаторъ отправилъ уже большой отрядъ и могло бы произойти кровавое столкновеніе, если бы сенатъ, извѣщенный обо всемъ случившемся, не приказалъ оставить крестьянъ на прежнемъ мѣстѣ до окончательнаго разъясненія этого дѣла. Хотя сенатъ немедленно потребовалъ отъ бергъ-коллегіи объясненія, почему она дозволила продажу крестьянъ отдѣльно отъ завода и ихъ переселеніе, однако дѣло затянулось почему-то на 12 лѣтъ, и только въ 1789 году, когда бергъ-коллегія уже была уничтожена, дѣйствія этого учрежденія были признаны совершенно незаконными. Указомъ 1721 года

велѣно было тѣхъ, кто изъ покупныхъ къ заводамъ крестьянъ отдѣльно отъ нихъ кому-либо продастъ, лишить всего безповоротно, тѣхъ же, кто будетъ устраивать заводы только «для лица», чтобы подъ этимъ предлогомъ купить у кого-нибудь деревни, наказывать по разсмотрѣнію отнятіемъ всего имѣнія. На основаніи этого закона, сказано было въ именномъ указѣ государыни, «Походяшинъ и Всеволожскій подвергали себя лишенію вѣчно первый покупныхъ имъ изъ Пожевскаго завода трехъ частей, а послѣдній—оставшейся за нимъ четвертой части», но такъ какъ при рѣшеніи этого дѣла она желала «соединить судъ праведный съ милостію», то приказала: 1) «учиненные по незаконному позволенію бывшей бергъ-коллегіи приписку Всеволожскимъ къ Пожевскому его заводу трехъ частей и изъ оныхъ переводъ Походяшинымъ на верхотурскіе его заводы людей уничтожить и все сіе дѣло поставить въ первобытное его состояніе; 2) данную отъ Всеволожскаго Походяшину купчую, за умертвіемъ сего послѣдняго, отобрать у наслѣдниковъ его, и 3) взятыя по той купчей Всеволожскимъ отъ Походяшина деньги, взыскавъ съ Всеволожскаго... отдать наслѣдникамъ Походяшина» [1]).

Было бы весьма интересно опредѣлить, сколько часовъ въ сутки работали горные мастеровые. По адмиралтейскому регламенту (гл. XII, п. 32) полагалось съ 10 марта по 10 сентября работать отъ $12^1/_2$ до $13^1/_2$ часовъ въ сутки, а въ остальное время работа должна была начинаться за часъ до восхожденія солнца, кончаться черезъ часъ, и днемъ отдыха одинъ часъ [2]). Въ регламентѣ, утвержденномъ бергъ-коллегіею, «како содержать звонъ при горномъ и плавиленномъ дѣлѣ» (1725 г.), предписано было звонить на работу въ четыре часа утра, съ одиннадцати до двѣнадцати полагался отдыхъ, а затѣмъ звонили въ четыре часа пополудни: «тогда будетъ шихта и смѣна людямъ, а особливо въ плавильняхъ» [3]). Это постановленіе менѣе опредѣленно; какъ видно, въ нѣкоторыхъ производствахъ работа продолжалась болѣе, но общимъ правиломъ признается

[1]) Арх. М. Ю. № 566—4137, л. 14—15, 112. Въ вятской губ. была попытка продать крестьянъ на заводъ подъ видомъ залога. Подпоручикъ Веригинъ заложилъ 8 душъ сыну заводчика Масалова, которые и были отданы послѣднимъ на заводъ. Но такъ какъ впослѣдствіи была совершена купчая на продажу этихъ людей поручику Масалову, который по своему чину могъ ими пользоваться, то намѣстническое правленіе отписало ихъ отъ заводовъ и утвердило въ качествѣ дворовыхъ Масалова. Арх. М. Ю. № 898—4469, л. 281 и сл.

[2]) П. С. З. VI, 3937, стр. 569.

[3]) *Германъ*. Ист. нач. горн. дѣла, ч. I, 1810 г., стр. 89—90.

одиннадцатичасовой трудъ.—По субботамъ бергъ-коллегія въ 1745 году предписала отпускать рабочихъ на основаніи уложенія за три часа до вечера [1]). Соблюдались ли эти правила относительно мастеровыхъ на всѣхъ частныхъ заводахъ, мы сказать не можемъ [2]), но увидимъ ниже, что въ первые годы XIX вѣка на поссессіонныхъ заводахъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи мануфактуръ-коллегіи, всего чаще рабочій день равнялся двѣнадцати часамъ.

Что касается размѣровъ рабочей платы, то, сверхъ нѣкоторыхъ уже приведенныхъ данныхъ, намъ извѣстно, что на Ягошихинскомъ и другихъ заводахъ М. Л. Воронцова мастеровые получали въ 1766 — 67 годахъ почти ту же годовую плату, какая была положена по заводскому штату 1737 г.: мастеръ отъ 30 до 40 р., всего чаще по 36 руб. въ годъ, плавильщикъ 27, засыпщикъ отъ 18 до 20 руб., таскальщикъ 16 руб., закомплектные рабочіе обыкновенно 12 руб. въ годъ. Въ концѣ XVIII в. на юговскомъ заводѣ Осокина первый мастеръ при плавкѣ мѣди получалъ 60 р. въ годъ, второй 30 руб., подмастерья по 5 коп. съ пуда выплавляемой мѣди, а работники по 9 коп. въ день [3]).

Относительно того, имѣли ли право мастеровые требовать вознагражденія за то время, когда на заводѣ прекращались работы не по ихъ винѣ, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Демидовъ въ 1735 г. просилъ, чтобъ во время остановки завода, а также въ случаѣ болѣзни мастеровыхъ — жалованья имъ не платить, ибо до сего времени, писалъ онъ: «онаго платежа не бывало и въ томъ жалобы ни отъ кого не происходило». Вмѣсто того, чтобъ такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ, кабинетъ предоставилъ его взаимному соглашенію мастеровыхъ и заводчиковъ, хотя о свободномъ соглашеніи тутъ не могло быть и рѣчи. «Когда отъ мастеровыхъ людей», объявилъ кабинетъ Татищеву, «о томъ жалобы не происходятъ, то во оное и вступаться не надлежало, но оставить ихъ заводчиковъ волѣ съ оными мастеровыми людьми поступать, какъ они сами

[1]) *Германъ*. Соч. о спб. рудн. и зав. Спб. 1798, II, 34.

[2]) На нѣкоторыхъ, напр. заводахъ Воронцова, они соблюдались.

[3]) Ibid., II, 19—24, I, 119. Когда въ 1790 г. рабочимъ на пермскихъ казенныхъ заводахъ было прибавлено за пудъ выдѣлываемаго желѣза къ прежней платѣ (3/4 коп.) еще 1/4 коп., то въ указѣ объ этомъ было сказано: „а какъ при заводахъ частныхъ людей находятся таковые же *государственные работники, получающіе плату по штату 1737 г., равную съ состоящими при казенныхъ заводахъ*, то и сего рода работникамъ частные заводчики должны учинить такую же прибавку, какая теперь полагается находящимся при казенныхъ заводахъ. П. С. З. XXIII, № 16.892.

съ ними согласятся»[1]). А мануфактуръ-коллегія смотрѣла на это иначе и, какъ мы видѣли выше, признавала право фабричныхъ мастеровыхъ на вознагражденіе за прогульные дни по винѣ фабриканта. Въ 1746 г. президентъ бергъ-коллегіи Томиловъ, будучи въ Екатеринбургѣ, велѣлъ въ случаѣ пріостановки работъ по недостатку воды или припасовъ посылачь подмастерьевъ и работниковъ на различныя работы за плату, назначенную плакатомъ 1724 г., имѣющимъ опредѣленные оклады—выдавать окладное жалованье, а мастеровъ употреблять по наряду и выдавать по 10 к. въ день[2]).

Попытка Татищева ввести на заводахъ обязательное обученіе дѣтей мастеровыхъ окончилась неудачно. Демидовъ просилъ кабинетъ, «чтобы обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать, понеже такого возраста многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у мастеровъ въ наукахъ бываютъ». Кабинетъ въ 1735 г. рѣшилъ, чтобы на частныхъ заводахъ учили дѣтей читать и писать только желающихъ, «а кто изъ нихъ пожелаетъ вступать въ прочія науки, такихъ учить при казенныхъ заводахъ». Такимъ образомъ, на заводахъ Демидова уже въ то время былъ на столько развитъ трудъ дѣтей въ возрастѣ ниже 12-ти лѣтъ, что заводчикъ нашелъ для себя невыгоднымъ ихъ обязательное обученіе[3]). Въ другомъ извѣстномъ намъ случаѣ обученіе дѣтей казалось невыгоднымъ для рабочихъ. Въ началѣ царствованія имп. Екатерины II мастеровые Юговскихъ заводовъ гр. И. Чернышева жаловались кн. Вяземскому, что контора взяла у нихъ малолѣтнихъ дѣтей для обученія грамотѣ; та отвѣчала, что ученикамъ производится жалованье по 1 к. въ день. Вяземскій дозволилъ оставить ихъ въ прежнемъ положеніи, «дабы они, будучи въ самомъ малолѣтствѣ, праздны не были», а затѣмъ могли быть опредѣлены къ разнымъ должностямъ; но такъ какъ въ обученіи находились не только дѣти, а также и молодые парни въ 18—20 лѣтъ, которымъ наравнѣ съ другими давалось только по копѣйкѣ на день, то Вяземскій приказалъ производить плату по плакату, т. е. въ томъ же размѣрѣ, какъ если бы они были на работѣ[4]).

[1]) Арх. М. Ю. № 1077—3560, л. 792, 1076—3559, л. 1001.
[2]) П. С. З. IX, 6840.
[3]) Арх. М. Ю. № 1077—3560, л. 584.
[4]) П. С. З. IX, 6840.

ГЛАВА IV.

Поссессіонные крестьяне на суконныхъ фабрикахъ.

Обязательства, связанныя съ владѣніемъ поссессіонными суконными фабриками. — Подати и повинности суконщиковъ. — Ихъ бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. — Казанскіе суконщики и мастеровые «большаго суконного двора» въ Москвѣ въ послѣдніе годы XVIII столѣтія. — Волненія мастеровыхъ въ 1749 и 1762 году.

Настоятельная потребность въ сукнѣ для обмундированія арміи издавна заставляла правительство заботиться объ увеличеніи числа суконныхъ фабрикъ. Петръ Великій, поступавшій энергически вездѣ, гдѣ того требовали государственныя нужды, считалъ возможнымъ обратить производство суконъ, такъ-сказать, въ обязательную повинность для купечества. «Заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ», писалъ онъ въ указѣ 1712 г., «такъ чтобы въ пять лѣтъ (т.-е. черезъ пять лѣтъ) не покупать мундиру заморскаго, а именно чтобъ не въ одномъ мѣстѣ завесть, а заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, *буде волею не похотятъ, хотя въ неволю*, а за заводъ брать деньги погодно съ легкостію, дабы ласково имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было» [1]). И дѣйствительно, въ 1720 г. государь приказалъ составить торговую компанію, въ которой приняли участіе купцы разныхъ городовъ, и ей былъ переданъ казенный суконный заводъ въ Москвѣ, съ мастерами и ссудою въ 30.000 р. на три года. Разрѣшенія покупать деревни къ фабрикамъ въ то время еще не существовало (оно было дано въ слѣдующемъ году) и для пополненія рабочаго контингента на этой суконной фабрикѣ компаніи было разрѣшено принимать въ ученики только свободныхъ людей, которыхъ не слѣдовало держать на ней болѣе семи лѣтъ. Если же ученикъ до истеченія условленнаго срока сойдетъ на другой заводъ или куда бы то ни было, то такихъ велѣно было ловить какъ бѣглыхъ и возвращать компанейщикамъ, а за держаніе ихъ взыскивать штрафу по 100 р. Размѣръ денежной платы былъ предоставленъ соглашенію обѣихъ сторонъ [2]). И въ другихъ случаяхъ Петръ передавалъ казенныя суконныя фабрики въ частное владѣніе. Такъ, напр., казанскую фабрику онъ передалъ въ 1724 г. тамошнему богатому купцу Микляеву [3]). Въ 1726 г., уже по смерти

[1]) П. С. З. IV, 2.467, п. 6.

[2]) П. С. З. VI, 3.526.

[3]) По смерти его фабрика была передана его вдовѣ и поручена въ управленіе ея брату, Дряблову. П. С. З. IX, 6.805, срав. „Первый шагъ“, Казан. Сборн. 1876 г., стр. 416—418.

Петра Великаго, тавровская казенная фабрика, воронежской губерніи, была также безденежно отдана «въ вѣчное содержаніе» компаніи изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ дворянъ и купцовъ—съ обязательствомъ увеличить размѣры фабрики съ 20-ти до 50 становъ и поставлять сукна въ военную коллегію [1]).

Но, несмотря на содѣйствіе и поощреніе со стороны правительства, суконная промышленность развивалась сначала довольно туго, и потому въ 1734 г. императрица Анна нашла нужнымъ вновь вызывать особымъ именнымъ указомъ людей «всякаго чина», кромѣ однако крестьянъ, къ устройству суконныхъ фабрикъ компаніями; желающіе завести ихъ приглашались въ сенатъ для предъявленія своихъ условій, и имъ были обѣщаны не только денежныя ссуды, но и другія привилегіи. Заботиться о размноженіи суконныхъ фабрикъ должны были и военная коллегія, и кригсъ-коммиссаріатъ, и коммерцъ-коллегія, въ вѣдѣніи которой онѣ тогда состояли; для арміи должны были приниматься сукна мѣстнаго издѣлія предпочтительно передъ иностранными. Не запрещалось, разумѣется, заводить суконныя фабрики и безъ всякаго вспомоществованія отъ казны, но на это едва ли въ то время находились охотники; всякій не прочь былъ отъ денежной ссуды и разныхъ льготъ, если онѣ такъ охотно предлагались [2]).

Указъ 7 января 1736 г., закрѣпившій за фабриками находившихся на нихъ мастеровыхъ, послужилъ, конечно, къ выгодѣ и суконныхъ фабрикантовъ. Внеся деньги, опредѣленныя этимъ указомъ, фабрикантъ имѣлъ право на полученіе владѣнной записи на своихъ мастеровыхъ. Изъ записи, выданной въ 1755 г. владѣльцу казанской суконной фабрики Дряблову, видно, какъ разнообразенъ былъ составъ заводскаго населенія: тутъ были и крестьяне государственные, монастырскіе и помѣщичьи, и дѣти церковниковъ, и подъячіе, и иностранцы, и даже изъ купечества; всего же болѣе на фабрикѣ Дряблова, болѣе половины всего числа, было солдатскихъ дѣтей [3]). Въ воронежской губерніи фабриканты захотѣли было пополнить число своихъ мастеровыхъ и однодворцами, но такъ какъ послѣдніе должны были нести военную службу — содержать ландмилицію, то правитель-

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл., вяз. 420, дѣло № 11 — 13, л. 48 слѣд.

[2]) П. С. З. IX, 6.551.

[3]) Всего на этой фабрикѣ, по переписи 1736 г., было 982 д. Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл. вяз. 334, дѣло № 22, л. 65—77. Заплатить Дряблову пришлось за 72 чел.—1.440 р. Ibid, л. 78—96 и Арх. М. Ю. № 1138—4.700, л. 227 и сл.

ство этому воспротивилось: въ 1740 году велѣно было переписать всѣхъ работниковъ на фабрикахъ воронежской губерніи, выслать съ нихъ всѣхъ однодворцевъ и впредь запретить фабрикантамъ принимать ихъ подъ угрозою жестокаго штрафа [1]). Несмотря на то, еще въ 1754 г. оказалось, что въ воронежской губерніи около ста однодворцевъ, опредѣленныхъ прежде мастеровыми на казенную липецкую суконную фабрику, находились вмѣстѣ съ нею во владѣніи частныхъ лицъ. Они также были отчислены отъ фабрики, высланы на прежнее мѣсто жительства и надѣлены достаточнымъ количествомъ земли [2]).

Передача казенныхъ фабрикъ во владѣніе частнымъ лицамъ продолжалась и при Елизаветѣ Петровнѣ. Казенная путиловская фабрика была передана московскому купцу Козьмѣ Матвѣеву «въ вѣчное потомственное владѣніе» съ мастеровыми и рабочими людьми и «со всѣми принадлежностями: съ селы и деревнями, съ людьми и съ крестьянами, съ землями и со всѣми угодьи, съ строеніемъ и мельницами, не исключая ничего, но все то, что́ понынѣ находится въ вѣдомствѣ при той фабрикѣ вѣчно». Помѣщичьи доходы, которые Матвѣеву предстояло получать съ этихъ крестьянъ, онъ долженъ былъ вносить въ казну сукномъ и каразеями [3]) по указной цѣнѣ. Онъ обязывался на основаніи заключеннаго съ нимъ контракта расширить производство и обѣщалъ поставлять въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по 30.000 и затѣмъ по 50.000 аршинъ въ годъ, разумѣется за извѣстную плату [4]). За несоблюденіе условій, заключенныхъ съ правительствомъ, фабрика отбиралась и передавалась другому. Такъ, напр., липецкая суконная фабрика, находившаяся въ содержаніи иноземца Аріольта, передана была Постовалову вмѣстѣ съ рабочими, причемъ ему были еще безденежно переданы мастеровые, отобранные у двухъ фабрикантовъ «за неразмноженіе ихъ суконныхъ фабрикъ»; кромѣ того, дана необходимая для построекъ казенная земля и дозволено купить до 50-ти дворовъ крестьянъ, которые должны были бы употребляться исключительно въ фабричныя работы. За это полагались обычныя обязательства:

[1]) П. С. З. XI, 8.280.

[2]) П. С. З. XIV, 10.256.

[3]) Каразея — „рѣденькая и грубая шерстяная ткань... на подкладку подъ сукно". (Словарь Даля).

[4]) П. С. З. XIII, № 9.986, указъ 22 мая 1752 г. Въ 1759 г. была пожалована князю Юсупову казенная суконная фабрика въ селѣ Ряшкахъ, полтавской губерніи, со всѣми мастеровыми и приписнымъ къ ней селомъ, съ тѣмъ, чтобы онъ для развитія и улучшенія производства выписалъ голландскихъ овецъ и постепенно довелъ поставку суконъ до 30 т. аршинъ въ годъ. *Карновичъ*. Замѣчательныя богатства, 226.

ставить за опредѣленную плату въ первое время не менѣе 30 тысячъ аршинъ сукна, а затѣмъ и болѣе [1]).

Въ концѣ 1790 года императрица Екатерина, чтобы устранить недостатокъ суконъ для войска, приказала подробно разсмотрѣть состояніе суконныхъ фабрикъ. Владѣльцы фабрикъ, заведенныхъ частными людьми на свой собственный счетъ, — говоритъ Екатерина въ именномъ указѣ сенату,—должны пользоваться полною свободою относительно продажи выдѣлываемыхъ на нихъ суконъ; но есть другія фабрики, на устройство которыхъ даны были деньги или къ нимъ приписаны крестьяне, или которыя, основанныя казенный счетъ, отданы были въ содержаніе частнымъ лицамъ съ тѣмъ, чтобы съ нихъ поставлялось сукно на войско; всѣ «таковыя фабрики»,—сказано было въ указѣ, — «хотя бы владѣльцы ихъ уже были теперь люди чиновные и пріобрѣли ихъ покупкою или инымъ законнымъ образомъ, но первобытнаго состоянія и обязанности своей перемѣнить не могутъ». Императрица поручила сенату собрать о нихъ свѣдѣнія и позаботиться о томъ, чтобы съ фабрикъ выставлялось количество суконъ, соотвѣтственное числу принадлежащихъ къ нимъ душъ. Если же окажется, что нѣкоторыя изъ нихъ запущены, а приписанные къ нимъ люди обращены на постороннія работы, то необходимо, чтобы хозяева возстановили ихъ,—въ противномъ случаѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, онѣ должны быть переданы въ содержаніе другимъ лицамъ [2]).

Администрація того времени, какъ мы уже знаемъ, никакъ не могла взять въ толкъ различія между крѣпостными и поссессіонными крестьянами, и потому слова только-что изложеннаго нами указа императрицы были поняты начальниками губерній такимъ образомъ, что и владѣльцы тѣхъ фабрикъ, къ которымъ фабриканты-купцы купили крестьянъ, освобождаются отъ всякихъ ограниченій въ продажѣ своихъ издѣлій. Поэтому сенату пришлось черезъ годъ объяснить, что и они должны поставлять сукно на войско, такъ какъ «владѣть крѣпостными людьми они не иначе имѣютъ право, какъ для фабрикъ, почему и данное имъ на покупку тѣхъ людей позволеніе должно почитаться вспоможеніемъ, отъ казны имъ оказаннымъ».

Въ концѣ 1791 году правительство предписало, чтобы съ тѣхъ фабрикъ, на которыхъ находятся безземельные рабочіе, поставлять въ кригсъ-коммиссаріатъ вдвое болѣе сукна по числу душъ сравнительно съ тѣми,

[1]) П. С. З. XI, 8.698, указъ 5 февр. 1743.

[2]) П. С. З. XXIII, № 16.924, 25 ноября 1790 г.

гдѣ работники имѣютъ землю, такъ какъ для послѣднихъ необходимо имѣть время на земледѣльческія работы. По раскладкѣ всего нужнаго для казны количества аршинъ между существующими фабриками оказалось, что каждому безземельному работнику приходится выдѣлать въ годъ 105 аршинъ сукна [1]). За несоблюденіе этого условія фабрику слѣдовало отбирать вмѣстѣ съ прикрѣпленными къ ней людьми и отдавать другому содержателю [2]).

Но такъ какъ и послѣ того владѣльцы поссессіонныхъ суконныхъ фабрикъ оказывались неисправными въ исполненіи своихъ обязанностей, то императоръ Павелъ въ 1797 году предписалъ суконныя фабрики, «для устроенія которыхъ и производства на нихъ указами повелѣнныхъ работъ пожалованы поссессіи, а владѣльцы ихъ обязанностей своихъ не исполняютъ... описать въ казну» [3]). Указъ этотъ скоро пришлось примѣнять къ дѣлу: въ томъ же году была конфискована рязанская фабрика поручицы Кузнецовой, которая, получивъ въ поссессію 571 душу крестьянъ съ землями, не только не выполнила обычныхъ обязательствъ, но даже съ 1793 года обратила суконную фабрику въ полотняную [4]).

Познакомившись съ тѣмъ, въ какихъ отношеніяхъ къ правительству находились владѣльцы суконныхъ фабрикъ, посмотримъ теперь, каково было положеніе суконщиковъ.

Мы видѣли, что до царствованія императрицы Елизаветы поссессіонные мастеровые, въ противоположность государственнымъ крестьянамъ, приписаннымъ къ горнымъ заводамъ и платившимъ подушный и оброчный сборъ, — не несли никакихъ податей. Но указами 1742, 1743 и 1747 годовъ суконщики, какъ и другіе мастеровые, были обложены семигривеннымъ подушнымъ окладомъ [5]), но отъ платежа оброчныхъ денегъ они были избавлены. Когда въ 1798 году былъ поднятъ вопросъ, въ

[1]) Съ 1758 г. фабриканты получали изъ казны за бѣлыя сукна по 54 к., за цвѣтныя по 60 к., съ 1788 г.—за бѣлыя по 60, за цвѣтныя по 70 к., съ 1792 за первыя по 72 к., за вторыя по 84 к. съ аршина.

[2]) П. С. З. XXIII, 16.998, указъ 20 ноября 1791 г. На нѣкоторыхъ фабрикахъ мастеровые не успѣвали вырабатывать количества сукна, назначеннаго этимъ указомъ, не вслѣдствіе нерадѣнія фабрикантовъ, а потому, что опредѣленное количество аршинъ требовалось съ каждой ревизской души, слѣд. взрослымъ приходилось работать за старыхъ и малолѣтныхъ, а также иногда вслѣдствіе обремененія городскими повинностями. Такъ было напр. на фабрикѣ Осокина въ Казани. Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл. вяз. 334, дѣло № 22, л. 127—129.

[3]) П. С. З. XXIV, 18.087.

[4]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла главн. правл. ман. вяз. 23, дѣло № 29. л. 1.

[5]) Указы эти были повсемѣстно приведены въ исполненіе, кромѣ нѣкоторыхъ суконныхъ фабрикъ. Именно владѣльцы 8 московскихъ фабрикъ, на которыхъ было при-

частности относительно воронежскихъ суконщиковъ, почему они не платили трехрублеваго оброчнаго сбора, мануфактуръ-коллегія, указавъ на соотвѣтственныя статьи закона, кромѣ того, по существу дѣла объяснила, что «положенное указомъ 1791 года на каждую изъ приписныхъ къ суконнымъ, обязаннымъ поставкою въ казну, фабрикамъ ревизскую душу, пропорція, т. е. на безземельную по 105-ти, а съ землями по $52^1/_2$ арш. одного сукна сверхъ расписываемаго нынѣ на нихъ же количества каразеи, столь уже велика, что едва ли одинъ работникъ въ состояніи оную выработать, будучи притомъ обязанъ обращать на себя и ту часть выдѣлки, которая, по общему на души расчисленію, упадаетъ на обрѣтающихся между ними престарѣлыхъ, немощныхъ и малолѣтнихъ; изъ чего слѣдуетъ, что означенные мастеровые фабричные люди, занимаясь безпрерывно выдѣлываніемъ для казенной поставки суконъ и каразеи по узаконенной, а не по производимой вольнымъ фабрикамъ цѣнѣ, должны всегда быть при тѣхъ работахъ безотлучно и не могутъ имѣть времени на вырабатыванье, сверхъ подушной, еще оброчныя подати, а потому и не сравниваются они положеніемъ своимъ съ государственными крестьянами» [1]).

Рекрутскую повинность суконщики несли на томъ же основаніи, какъ и мастеровые другихъ фабрикъ; намъ уже извѣстно, что на тѣхъ фабрикахъ, при которыхъ не было приписанныхъ и купленныхъ заводчиками деревень, можно было вносить взамѣнъ рекрута деньги.

Суконщики, жившіе въ городахъ, несли городскія повинности, которыя исполнялись какъ имѣвшими собственные дома (напримѣръ, въ Воронежѣ и Казани), такъ и жившими въ наемныхъ квартирахъ (въ Москвѣ). Для этого въ Казани суконщикамъ нерѣдко приходилось отлучаться изъ дому, по свидѣтельству мѣстнаго губернатора, на два, на три дня. Въ Воронежѣ для исполненія полицейской службы мастеровые нанимали

писанныхъ по указу 1736 г. и отданныхъ изъ канцеляріи ревизіи и изъ московской губернской канцеляріи 3.999 чел., подали просьбу о томъ, чтобы законъ объ уплатѣ податей не распространялся на ихъ фабрики. Рѣшеніе этого вопроса затянулось на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, и только въ 1777 г. сенатъ окончательно постановилъ не только взыскивать подушную подать на московскихъ фабрикахъ, но и взыскать накопившуюся на тамошнихъ суконщикахъ недоимку съ фабрикантовъ съ разсрочкою на 15 лѣтъ, исключая только тѣхъ мастеровыхъ, которые умерли во время морозовой язвы. Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл. вяз. 315, дѣло № 11.732—27, лл. 21—35 и Арх. М. Ю. № 506—4.077, л. 430 и сл.

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла ман. колл., вяз. 420, дѣло № 11—13, л. 48—55. На фабрикѣ Сибирякова въ иркутской губ. мастеровые были обложены и оброчнымъ сборомъ, но когда она была взята въ казну за казенный долгъ, съ нихъ велѣно было взыскивать только подушную подать. П. С. З. XXIII, 16.998, п. 12.

одного десятскаго отъ 15-ти дворовъ, а не то исполняли ее и сами. Не малымъ обремененіемъ для суконщиковъ, имѣвшихъ свои дома, была постойная повинность. Въ Казани у нихъ располагались солдаты мѣстнаго гарнизоннаго полка, и мастеровымъ приходилось покупать дрова для приготовленія имъ пищи. Въ Воронежѣ въ 1799 году въ 27-ми домахъ суконщиковъ квартировало 35 солдатъ [1]).

Весьма интересныя данныя для характеристики быта суконщиковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка мы находимъ въ суконномъ регламентѣ, составленномъ въ 1741 году. Вслѣдствіе жалобъ войсковаго начальства на дурное качество суконъ, для изслѣдованія причинъ этого была учреждена коммиссія, которая и составила «регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ». Онъ остался безъ всякаго вліянія на положеніе суконщиковъ; это слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, изъ того, что всѣ указы, составленные въ царствованіе Іоанна Антоновича, считались несуществующими при Елизаветѣ Петровнѣ; во вторыхъ, изъ совершеннаго отсутствія ссылокъ на него во всѣхъ дѣлахъ о суконныхъ фабрикахъ и суконщикахъ, возникавшихъ послѣ его составленія,—и, наконецъ, изъ того, что въ царствованіе Екатерины упоминаются, какъ дѣйствующіе законы, такія постановленія времени, предшествовавшаго составленію суконнаго регламента, которыя были измѣнены послѣднимъ; такъ, напримѣръ, рабочая плата суконщикамъ на фабрикахъ, обязанныхъ поставкою суконъ, согласуется еще во второй половинѣ 60-хъ годовъ съ правилами указа, даннаго изъ манафактуръ-коллегіи въ 1723 году, а не съ суконнымъ регламентомъ. Но если постановленія этого регламента и не примѣнялись на дѣлѣ, то все-таки мы можемъ извлечь изъ него не мало интересныхъ данныхъ, рисующихъ положеніе суконщиковъ. Кромѣ прямыхъ указаній въ этомъ отношеніи, мѣры, предлагаемыя коммиссіею, также даютъ понятіе объ ихъ бытѣ въ то время.

При осмотрѣ коммиссіею суконныхъ фабрикъ оказалось, что на большей части изъ нихъ помѣщенія, въ которыхъ производилась работа, были такъ дурно устроены, что «ткачи насилу и столько денного свѣта имѣли, дабы тканье свое точно высмотрѣть», другіе же работники пряли и чесали шерсть и стригли сукно въ темнотѣ. У нѣкоторыхъ фабрикантовъ строенія такъ плохо чинились, что когда шелъ снѣгъ или дождь, начиналась течь, а въ другое время черезъ щели потолка сыпался песокъ и

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг. вяз. 347, дѣло № 534, лл. 1, 5—6; вяз. 334, дѣло № 22, лл. 127—129; вяз. 315, дѣло № 11,732—27, лл. 21—35.

соръ; полы не были выстланы ни досками, ни кирпичомъ, ни камнемъ, а если и были выстланы когда-то, то доски погнили, а камни выломались. По суконному регламенту, назначено было около $14^{1}/_{2}$ рабочихъ часовъ: съ 1-го марта по 1-е октября рабочіе должны были бы приходить въ четыре часа утра и работать до десятаго часа; затѣмъ до двѣнадцатаго часа давалось время на обѣдъ, а послѣ того работа должна была продолжаться до девятаго часа; въ остальные пять зимнихъ мѣсяцевъ предполагалось давать отдыха одинъ часъ, но за то оканчивать работу въ восьмомъ часу, а по субботамъ передъ полуднемъ, въ двѣнадцатомъ часу. Можно думать, что прежде мастеровые работали менѣе времени, такъ какъ въ составителяхъ регламента видно желаніе не ограничить количество работы, а скорѣе увеличить его. Самая цѣль изданія регламента формулируется такимъ образомъ: «работа на фабрикахъ происходитъ медленно для того, что на оныхъ регламентовъ никакихъ, по которымъ работнымъ людямъ поступать, не имѣется,—напримѣръ, чтобы не по своей волѣ на работу и съ работы ходить»... Для наблюденія за аккуратнымъ приходомъ на работу, на фабрикахъ слѣдовало бы имѣть песочные часы; въ случаѣ опаздыванія, на первый разъ рабочій долженъ былъ подвергнуться выговору, во второй—вычету за одинъ часъ по разсчету дневной платы, въ третій—вдвое болѣе, въ четвертый—половины дневной платы. Если рабочій совсѣмъ не придетъ на работу безъ всякой законной причины, то за первый разъ у него слѣдовало вычесть плату за прогульные дни, а въ третій разъ—вдвое и, кромѣ того, бить батогами. За непослушаніе, грубыя и дерзкія слова, и тому подобное, мастеровыхъ и рабочихъ слѣдовало наказывать: въ первый разъ—плетьми, во второй—батогами, съ вычетомъ платы за три мѣсяца, въ третій—ссылкою на годъ въ каторжную работу; если же кто подниметъ руку на фабричныхъ начальниковъ, того бить кнутомъ и ссылать въ каторжную работу на нѣсколько лѣтъ или вѣчно. Хотя регламентъ и не имѣлъ впослѣдствіи силы закона, но все-таки видно, какъ велика была власть фабрикантовъ и ихъ прикащиковъ, если за всякое грубое слово имъ дозволялось наказывать рабочихъ плетьми и сѣчь батогами.

На суконныхъ фабрикахъ въ то время былъ еще мало развитъ женскій трудъ, тогда какъ на нѣкоторыхъ другихъ онъ былъ уже дѣломъ обычнымъ; это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ суконнаго регламента: «мастеровымъ и работнымъ людямъ отнюдь не допущать, чтобъ жены и дочери ихъ, кои работать въ состояніи будутъ, дома праздно пребывали или гуляли, но паче ихъ, какъ то на шелковыхъ и на парусинныхъ

фабрикахъ достохвально бываетъ, на фабрикѣ такой работѣ обучать, какую исправлять могутъ», или, по крайней мѣрѣ, чтобъ онѣ брали работу на домъ. Составители регламента ожидали, что мастеровые «такимъ двойнымъ раченіемъ знатно въ лучшее состояніе прійдутъ и больше домашняго благословенія ожидать имѣютъ». Нечего и говорить, что «домашнее благословеніе» никакъ не могло быть результатомъ поступленія женщинъ на фабрику, но несомнѣнно, что до того времени этимъ рабочимъ жилось незавидно. «Понынѣ очень срамно было видѣть,—читаемъ мы въ регламентѣ,—что бо́льшее число мастеровыхъ и работныхъ людей такъ ободрано и плохо одѣты находятся, что нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ». Средство помочь этому горю, предложенное суконнымъ регламентомъ, никуда не годно: чтобы устранить такую «некрасоту народа», фабрикантамъ предписывалось сдѣлать всѣмъ мастеровымъ одинаковую одежду, стоимость которой они могли вычесть изъ заработной платы. Приведеніе въ исполненіе такой мѣры, разумѣется, подало бы только лишній поводъ къ злоупотребленіямъ со сторовы фабрикантовъ.

Въ суконномъ регламентѣ находится еще не мало другихъ предписаній: о томъ, чтобъ мастеровые собирались на работу по звону колокола, о выдачѣ платы еженедѣльно по субботамъ, запрещеніе мастеровымъ игры на деньги и пьянство, объ обязанности рабочихъ по очереди сторожить фабрику днемъ и ночью и т. д.

Въ концѣ регламента приложены правила о размѣрѣ денежной платы мастеровымъ, на которыхъ мы не останавливаемся, такъ какъ они не сдѣлались обязательными. Упомянемъ только, что плата на суконныхъ фабрикахъ была по преимуществу задѣльная, но встрѣчается и годовое жалованье; такъ, сновальщики должны были получать по 18 руб. въ годъ, прессовщики по 2 р. въ мѣсяцъ, надзиратели всего чаще по 36 р. въ годъ, суконный мастеръ 50 р., подмастерье 36 руб. Упоминается также, что щипать и чистить шерсть могутъ и малолѣтніе, съ платою по 2 коп. въ сутки [1]).

Въ дѣйствительности на казанской суконной фабрикѣ, когда она была еще въ казенномъ содержаніи и потомъ при Микляевѣ, была такая плата: ткачи (вдвоемъ) получали шесть коп. съ арш. (по суконному регламенту двумъ назначено съ арш. 4 коп.), причемъ предписывалоеь выткать въ сутки не менѣе 4 аршинъ; прядильщикамъ по 3 к. за фунтъ (по су-

[1]) П. С. З. XI, 8440.

конному регламенту отъ $1^3/_8$ до $3^2/_3$ коп.). Дрябловъ, владѣвшій фабрикою въ 40-хъ годахъ, сталъ-было платить ткачамъ по 5 коп., а прядильщикамъ по 2 коп., но сенатъ въ 1742 г., велѣлъ давать рабочимъ прежнюю плату. Такимъ образомъ, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по составленіи суконнаго регламента, сенатъ вовсе не руководствовался установленными въ немъ правилами [1]). Что при Микляевѣ казанскимъ суконщикамъ жилось лучше, чѣмъ при его преемникѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ и мѣстное преданіе. Рабочіе, говоритъ авторъ статьи, составленной по разсказамъ стариковъ, «пользовались при Микляевѣ безобидной платой за свой трудъ», количество рабочихъ часовъ не было черезъ-чуръ велико; они «имѣли при этомъ нѣкоторыя льготы по семейному и общинному положенію и даже, какъ гласитъ преданіе, удержали за собой право выбирать своихъ старостъ, судей, артельщиковъ и *говоруновъ*. Люди, избранные въ эти... должности, приводились къ присягѣ на вѣрность и «неукоснительность» служенія интересамъ общины, раздѣлявшейся еще по роду работъ на артели (ткачи, прядильщики, скребальщики, сновальщики и проч.)». Уходъ за садами былъ любимымъ занятіемъ суконщиковъ во время, свободное отъ фабричныхъ работъ, что и сдѣлало ихъ впослѣдствіи хорошими садовниками. Два храмовые праздника (Духовъ день и день св. Харлампія, лѣтомъ и зимою) «были временемъ шумныхъ пиршествъ и бражничанья всей суконной слободы. Духовъ день праздновался обыкновенно цѣлую недѣлю» [2]).

Когда преемникъ Микляева сталъ убавлять суконщикамъ плату, сенатъ не только воспретилъ ему это, но и приказалъ въ томъ же 1724 г. возвратить рабочимъ болѣе 10,000 руб. удержанныхъ у нихъ денегъ. Тотъ уплатилъ только 1,375 р., а затѣмъ подалъ въ кабинетъ прошеніе съ жалобою, что дѣло будто бы рѣшено неправильно. Мастеровые съ своей стороны послали въ Петербургъ двухъ челобитчиковъ. Дѣло было взято въ кабинетъ, но о немъ совершенно забыли, а между тѣмъ челобитчики все жили въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ какъ ихъ обязали въ мануфактуръ-конторѣ подпискою—не уѣзжать до его рѣшенія. Одинъ изъ нихъ, наконецъ, въ 1755 г. умеръ, другой же все терпѣливо ждалъ, несмотря на то, что, по его словамъ пришелъ «въ крайнее разореніе». Во время второй ревизіи его успѣли вмѣстѣ съ дѣтьми исключить изъ

[1]) Въ томъ же году сенатъ приказалъ платить на суконныхъ фабрикахъ работникамъ (двумъ?) по 6 р. за половинку сукна. *Соловьевъ*, XXI, 189.

[2]) *Я. Посадскій*. Какъ добились воли казанскіе суконщики. „Первый шагъ". Провинціальный сборникъ, 1876 г., стр. 418—419.

подушнаго оклада при фабрикѣ и записали въ дворцовой царевококшайской волости, гдѣ крестьяне стали взыскивать съ его жены подушныя деньги за него и за дѣтей. Въ 1763 г., т.-е. черезъ 21 г. послѣ его отправки изъ Казани, онъ обратился въ сенатъ съ просьбою, чтобъ его отослали на родину для опредѣленія на тягло; однако прошло еще семь лѣтъ, а дѣло не подвинулось ни на шагъ; тогда, наконецъ, онъ обратился съ прошеніемъ на имя государыни, а Екатерина приказала опять отослать челобитчиковъ въ сенатъ «съ тѣмъ, чтобъ дѣло по справедливости было разсмотрѣно». Долго ли пришлось ждать справедливости этому несчастному, мы не знаемъ [1]).

Казанскіе суконщики находились въ печальномъ положеніи и въ концѣ XVIII в., когда фабрика принадлежала уже Осокину. Въ октябрѣ 1796 года, во время обозрѣнія казанской губерніи сенаторомъ Мавринымъ, они подали ему прошеніе, въ которомъ указывали, что со времени заведенія фабрики цѣны на съѣстные припасы возрасли втрое или вчетверо и они совершенно не въ состояніи содержать себя съ женами и дѣтьми на получаемую ими плату; за взносомъ податей ея не хватаетъ на прокормленіе, такъ что старики и дѣти ходятъ по міру, несмотря на то, что ни жены, ни дочери ихъ не освобождаются отъ фабричной работы. Мастеровые просили прибавить имъ плату и уничтожить женскій трудъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Мавринымъ отъ ея управляющаго, лучшій изъ ткачей могъ выработать въ мѣсяцъ не болѣе 5-ти руб., вознагражденіе же за трудъ нѣкоторыхъ мастеровыхъ и рабочихъ падало до 90 коп. въ мѣсяцъ, «каковою платою», справедливо замѣчаетъ Мавринъ, «по нынѣшней на все дороговизнѣ, ни одному мастеровому, а паче имѣющему жену и малолѣтнихъ дѣтей, содержаться не чѣмъ». Поэтому Мавринъ и представилъ поданную ему просьбу на высочайшее усмотрѣніе, приложивъ при ней подробныя свѣдѣнія о заработной платѣ казанскихъ суконщиковъ [2]).

[1]) Сенатскій Архивъ, именные указы кн. № 128, указъ 7 авг. 1769 г.

[2]) Мастеровые и рабочіе, разбиравшіе и подстригавшіе шерсть, получая первые по 5 к. съ пуда, а вторые по 30 к., зарабатывали въ день (всѣ мастеровые работали по двѣнадцати часовъ) по 8 и 10 к.; скребальщикъ вычесываніемъ шерсти — 7½ — 10½ к., такъ что, работая въ мѣсяцъ 26 дней, получалъ отъ 2 — 2 р. 75 к.; кардельщикъ зарабатывалъ въ день 6¼—8¾ к., въ мѣсяцъ 1 р. 70 к.—2 р. 30 к.; прядильщикъ въ день отъ 3 до 8 к., въ мѣсяцъ отъ 90 к. до 2 руб. 8 к.; ткачи получали по 2 р. — 2 р. 10 к. съ половинки сукна (въ каждой половинкѣ считалось 28 аршинъ): два работника могли приготовить въ мѣсяцъ отъ 3—5 половинокъ, но изъ получаемой ими платы они еще отдавали бабеньщикамъ, сновальщикамъ и шпульникамъ по 19½ к. съ половинки, да сверхъ того осенью и зимою у нихъ выходило при приготовленіи

Донесеніе Маврина по приказанію императора Павла было передано въ сенатъ, а оттуда отослано въ мануфактуръ-коллегію съ тѣмъ, чтобы она представила по этому дѣлу свое мнѣніе.

Владѣлецъ фабрики, Осокинъ, чувствуя, что свѣдѣнія, собранныя Мавринымъ относительно положенія его рабочихъ, произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, поспѣшилъ подать въ мануфактуръ-коллегію объясненіе, въ которомъ утверждалъ, что нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній не совсѣмъ сходны съ истиною и что это будто бы произошло оттого, что управитель фабрики положился въ этомъ случаѣ на слова мастеровыхъ. Такъ онъ увѣрялъ,—хотя это мало измѣняетъ дѣло, что скребальщикъ можетъ выработать въ день не $10^1/_2$, а 12 к.[1]). Но что самъ Осокинъ не могъ всетаки отрицать крайней недостаточности платы, получаемой рабочими, видно изъ того, что онъ принялъ на себя съ 1797 г. уплату за фабричныхъ подушныхъ податей. Онъ заявилъ, что увеличить заработную плату весьма затруднительно при чрезвычайно низкой цѣнѣ, по которой онъ обязанъ ставить сукно, вслѣдствіе чего онъ даже подалъ просьбу на имя государя о пріобрѣтеніи у него фабрики въ казну. Если же его желаніе удовлетворено не будетъ, то, какъ это ни тяжело для него, онъ готовъ съ мая 179 года увеличить задѣльную плату скребальщикамъ на 7%, кардельщикамъ на 20%, прядильщикамъ основной пряжи на 38%, ткачамъ на 10% и т. д. При этомъ новомъ размѣрѣ платы, если считать только лучшихъ работниковъ, они получали отъ 2 р. до 5 р. 50 коп. въ мѣсяцъ. По словамъ Осокина, уплата имъ подушныхъ и предполагаемая прибавка платы составляетъ ему въ годъ болѣе 5,000 р. лишняго расхода, а такъ какъ въ то время изъ 1,233 ревизскихъ душъ работало около 913-ти, то это составитъ прибавку на каждаго болѣе 5 руб. Но изъ приведенныхъ нами выше цифръ видно, что и при увеличенномъ размѣрѣ плата, получаемая казанскими суконщиками, была всетаки весьма мала.

Въ виду всѣхъ этихъ обѣщаній Осокинъ просилъ у мануфактуръ-коллегіи «правосуднѣйшаго разсмотрѣнія, дабы онъ не лишился прибыли, слѣдующей ему по силѣ пожалованной ему на оную фабрику привилегіи».

одной половинки сальныхъ свѣчей на 50 к.; такимъ образомъ ткачи вырабатываютъ отъ 2 р. 46 к. до 4 руб. 71 копѣйки въ мѣсяцъ. Сукновалятели зарабатывали въ мѣсяцъ по 4 руб. 81 к., ворсильщики, стригачи, прессовщики и красильщики по 3 руб. 50 к. до 4 руб.

[1]) Изъ этого объясненія, между прочимъ, видно, что пряденіемъ шерсти занимались по большей части несовершеннолѣтніе, „въ томъ числѣ и малыя ребята“.

Въ заключеніе своего объясненія онъ говоритъ: «государственная мануфактуръ коллегія усмотрѣть можетъ, что я весьма далекъ отъ того, чтобы притѣснять людей малыми платами, а напротивъ расположенъ, сколько возможно, имъ благодѣтельствовать... Впрочемъ же,—продолжаетъ онъ,—оной коллегіи весьма извѣстно, что собственные люди, каковы суть его фабричные (ибо по указу 1736 г. заплачены за нихъ деньги и дана на нихъ отъ государственной мануфактуръ-коллегіи владѣнная выпись...) не могутъ имѣть договоровъ съ господиномъ своимъ и что малѣйшее къ тому поползновеніе можетъ ввести ихъ, по грубости воспитанія, въ нѣкоторый безпорядокъ». Мануфактуръ-коллегія вмѣстѣ съ Мавринымъ признала, что прежніе заработки мастеровыхъ крайне недостаточны; но принятіе на себя Осокинымъ взноса податей и увеличеніе платы она сочла «ощутительнымъ для нихъ облегченіемъ», несмотря на то, что и при повышенной платѣ заработокъ большей части рабочихъ не превосходилъ трехъ рублей въ мѣсяцъ. Казанскій губернаторъ Каринскій, къ которому коллегія обратилась съ запросомъ по этому дѣлу, отнесся къ нему гораздо серьезнѣе и внимательнѣе. Онъ указалъ на то, что мастеровые не могутъ выработать по 105 аршинъ на каждую ревизскую душу, какъ это положено указомъ 1791 г., во-первыхъ потому, что взрослымъ приходится работать не только за себя, а также и за стариковъ и малолѣтнихъ, и кромѣ того—потому, что они обременены городскими повинностями; по его словамъ, они «по справедливости имѣютъ причину жаловаться на состояніе свое, и тѣмъ болѣе, когда принужденными находятся означенную получаемую за труды маленькую заплату раздѣлить какъ на одежду себѣ и на пропитаніе, такъ и на покупку дровъ для отапливанья своихъ домовъ, а иногда и на поправленіе оныхъ». Для облегченія ихъ положенія онъ находилъ нужнымъ: 1) дома рабочихъ освободить отъ постойной повинности; 2) ихъ самихъ уволить отъ уплаты податей, исполненія рекрутчины и городскихъ повинностей, такъ какъ взысканіе податей доводитъ ихъ до нищенства, вслѣдствіе рекрутчины фабрика лишается здоровыхъ людей, а городскія повинности отвлекаютъ ихъ отъ работы; 3) на отапливаніе домовъ позволить рубить дрова въ казенныхъ лѣсахъ; 4) обязывать выработкою опредѣленнаго количества аршинъ сукна только годныхъ къ работѣ. Нужно замѣтить впрочемъ, что такъ какъ взносъ податей за мастеровыхъ казанской фабрики принялъ на себя фабрикантъ, то не было никакой надобности освобождать ихъ отъ этого. Донесеніе казанскаго губернатора было отправлено въ 1798 г.; черезъ два года мануфактуръ-коллегія по поводу его постановила, что

она не считаетъ себя въ правѣ возбуждать вопросъ о сложенiи податей и повинностей съ казанскихъ суконщиковъ, что же касается количества суконъ, которое былъ обязанъ представлять фабрикантъ по числу рабочихъ, то съ 1800 года оно было уменьшено [1]).

Мы уже замѣтили, что и послѣ прибавки платы положенiе казанскихъ суконщиковъ должно было мало измѣниться къ лучшему. Это подтверждается тѣмъ, что когда императоръ Павелъ былъ въ Казани въ 1798 г., то суконщики подавали ему челобитную по своему «мiрскому дѣлу» [2]). Не зная, какъ отдѣлаться отъ ненавистной имъ фабрики, 45 мастеровыхъ въ томъ же году подали было прошенiе въ мануфактуръ-коллегiю о причисленiи ихъ въ купеческое и мѣщанское званiе. Но коллегiя, указавъ на то, что фабрика Осокина принадлежитъ къ числу обязанныхъ поставкою суконъ, отвѣчала, что поэтому увольненiе ихъ было бы совершенно противозаконно, и что имъ нечего было утруждать правительство недѣльною просьбою [3]).

Казанская фабрика находилась прежде во владѣнiи казны и была передана при Петрѣ Великомъ въ частныя руки; такова же была судьба и «большаго суконнаго двора», или суконной фабрики въ Москвѣ, о переводѣ которой въ 1720 г. во владѣнiе компанiи мы уже упоминали. Въ концѣ царствованiя Екатерины она принадлежала князю Ю. В. Долгорукову, который въ 1796 г. отдалъ ее въ аренду на пять лѣтъ греку Ардалiонову. Въ слѣдующемъ году мастеровые и рабочiе этой фабрики уже подали на арендатора жалобу въ мануфактуръ-коллегiю. Въ началѣ ея они напираютъ на то, что при передачѣ фабрики во владѣнiе частной компанiи Петръ Великiй дозволилъ принимать на фабрику для работы и обученiя мастерству только свободныхъ людей, при чемъ они обязывались быть на фабрикѣ не болѣе семи лѣтъ, а затѣмъ, если хотѣли, могли переходить въ другiя мѣста. «Почему предки наши,—пишутъ въ своей челобитной мастеровые,—разнаго званiя люди, собравшись и наполнивъ оной фабрикѣ положенный комплектъ, находились тутъ въ работѣ въ силу указа до назначеннаго времени; по истеченiи же срока, учинясь по прежнему свободными, пожелали они остаться на сей же фабрикѣ. Проходя свою должность, ни мало не были они притѣсняемы... имѣли жи-

[1]) Съ этого времени требовалось по 80 арш. сукна и по 40 арш. каразеи. Арх. М. Ю. № 1138—4709, л. 227 и сл., 259 и сл.; Арх. Д. М. и Торг., дѣла мануф.-колл. вяз. 334, дѣло № 22, л. 78—96, 124—129.

[2]) „Первый Шагъ", стр. 423.

[3]) Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануф. колл. вяз. 343, дѣло № 405, л. 19—24.

тельство по квартирамъ, кто гдѣ хотѣлъ» и т. д. Но какъ только содержателемъ фабрики сдѣлался Ардаліоновъ, онъ сталъ понижать плату, а сверхъ того, говорятъ рабочіе, «чего никогда не бывало,—воспрещаетъ жить намъ по квартирамъ, почему не выдаетъ билетовъ, по которымъ бы жены наши и съ дѣтьми свободное могли имѣть жительство по выгоднымъ для насъ мѣстамъ, но въ короткое время, предполагая умножить свои прибытки, всѣми мѣрами домогается и силится онъ всѣхъ насъ съ женами и дѣтьми нашими заключить въ одно мѣсто и, яко нѣкоторыхъ невольниковъ, заперши тамо и никогда никакого не дѣлая намъ облегченія и отдохновенія, безпрерывно денно и нощно держать на работѣ».

Не видя никакого результата своей жалобы, мастеровые черезъ два мѣсяца подали новую челобитную, въ которой прибавили, что если кто изъ нихъ принесетъ какую-нибудь жалобу Ардаліонову, то онъ, «не давъ никакой резолюціи, чинитъ безъ изъятія жесточайшее наказаніе съ угрозами еще, что и сосланы таковые будутъ въ прикосновенныя къ сей фабрикѣ вотчины».

Президентъ мануфактуръ-коллегіи Юсуповъ извѣстилъ владѣльца фабрики, кн. Долгорукова, о жалобѣ мастеровыхъ на ея арендатора; тотъ обратился съ просьбою къ смотрителю казенной екатеринославской и кн. Хованскаго суконныхъ фабрикъ, Серебрякову, чтобы онъ, вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ, провѣрилъ жалобу, и затѣмъ полученное имъ донесеніе сообщилъ мануфактуръ-коллегіи. Изъ отчета этихъ лицъ, несмотря на благосклонное отношеніе ихъ къ Ардаліонову, видно, что плата на содержимомъ имъ заводѣ была такая же ничтожная, какъ и на казанской фабрикѣ до прибавки платы Осокинымъ. Сравнительно съ платою вольнонаемнымъ на фабрикѣ Хованскаго, она была гораздо ниже; такъ, наприм., Ардаліоновъ за чесаніе и пряденіе шерсти платилъ по $6^1/_2$ к. съ фунта, а у князя Хованскаго—по 10 коп.; такъ что за приготовленіе сорокааршинной половинки у Ардаліонова рабочіе получали 6 руб. 56 коп., а у Хованскаго за 65 арш.—13 р., т. е. за 40 арш.—8 руб., и въ оправданіе Ардаліонова можно было только сказать, что онъ платилъ за своихъ рабочихъ подушныя деньги, но этимъ далеко не покрывается разница въ платѣ. Кромѣ взноса податей за рабочихъ, Ардаліоновъ указывалъ также, какъ на свои благодѣянія, во-первыхъ, на то, что онъ содержитъ на фабрикѣ богадѣльню, которая, вмѣстѣ съ выдачею мѣсячины малолѣтнимъ, обходится ему не менѣе 300 р. въ годъ, а во-вторыхъ, что онъ всегда охотно выдаетъ рабочимъ деньги впередъ въ счетъ работы, но послѣднее всего лучше доказываетъ, что они не могли сводить

концовъ съ концами. Особенно были недовольны рабочіе требованіемъ Ардаліонова, чтобы они жили на фабрикѣ; а по его словамъ, онъ настаивалъ на этомъ потому, что иначе они опаздываютъ на работу, да, наконецъ, и имъ это удобнѣе: помѣщенія на фабрикѣ достаточно, притомъ же они получаютъ тамъ безплатно дрова и, наконецъ, не тратятъ времени на проходъ. Но все это нисколько не привлекало рабочихъ, и мы видѣли, съ какимъ негодованіемъ говорятъ они о принужденіи переселиться на фабрику.

Мануфактуръ-коллегія поручила разсмотрѣть это дѣло своей конторѣ, находившейся въ то время въ Москвѣ. Послѣдняя, сравнивъ плату, выдаваемую Ардаліоновымъ, съ тою, которая уплачивалась при кн. Долгоруковѣ, нашла, что она не уменьшена (только должностнымъ лицамъ давалось нѣсколько меньшее жалованье), но что, тогда какъ при Долгоруковѣ сукно ткали кусками въ 39 арш., теперь длина ихъ при той же платѣ увеличена до 44 арш., такъ что за окончательную отдѣлку 5 лишнихъ аршинъ рабочіе ничего не получали. Вообще же контора признала, что такъ какъ они получаютъ почти ту же самую плату, какая была установлена суконнымъ регламентомъ 1741 г. [1]), то, въ виду сильнаго повышенія съ тѣхъ поръ цѣнъ на жизненные припасы, жалобы рабочихъ на недостаточность получаемой ими платы имѣютъ основаніе и слѣдуетъ сдѣлать прибавку по всѣмъ мастерствамъ, особенно за чистку козьяго пуха, за что платится съ фунта по одной копѣйкѣ, а въ сутки болѣе фунта очистить нельзя. Но контора полагала, что она не имѣетъ права принудить къ этому Ардаліонова, такъ какъ, по контракту съ Долгоруковымъ, онъ обязанъ платить ту же плату, что была и при послѣднемъ, такъ что слѣдуетъ заставить его только повысить до прежняго уровня жалованье должностнымъ лицамъ. Протестъ рабочихъ противъ принужденія ихъ жить на фабрикѣ контора признала неосновательнымъ. Одобривъ мнѣніе конторы относительно удовлетворенія рабочихъ и служащихъ недоданною платою, мануфактуръ-коллегія нашла, что щипать козій пухъ рабочіе, опредѣленные къ фабрикѣ для приготовленія суконъ, не обязаны, и потому Ардаліоновъ можетъ употреблять для этого мастеровыхъ съ платою,какую получаютъ за это вольнонаемные на другихъ фабрикахъ; а за прежнее время, когда они получали слишкомъ мало, онъ долженъ удовлетворить рабочихъ. Относительно ихъ переселенія на фабрику ма-

[1]) Только при имп. Павлѣ начинаютъ упоминать объ этомъ регламентѣ въ правительственныхъ указахъ.

нуфактуръ-коллегія обратила вниманіе на то, что, вѣроятно, у нѣкоторыхъ фабричныхъ есть въ предмѣстьяхъ свои собственные дома, и поэтому, если «дѣйствительно переводъ къ фабрикѣ мастеровыхъ полезенъ и для нихъ неотяготителенъ», къ нему слѣдуетъ приступать не иначе, какъ съ согласія ея владѣльца, князя Долгорукова, и притомъ нужно дать имъ достаточно времени, чтобъ продать дома и остальное имущество за выгодную для нихъ цѣну, а иначе на фабрику отнюдь не переводить. [1])

Несмотря на то, что жизнь суконщиковъ была не красна, мы знаемъ только три ихъ волненія, и то на одной московской фабрикѣ, той самой, которая была потомъ во владѣніи кн. Долгорукова. [2])

Въ половинѣ іюня 1749 г. содержатели суконной фабрики въ Москвѣ Болотинъ и Докучаевъ съ товарищами заявили, что отданные къ фабрикѣ по указу 1736 г. рабочіе, неизвѣстно почему, стали расходиться и работать не хотятъ, такъ что изъ 1000 человѣкъ осталось только 120; фабриканты просили, чтобъ виновныхъ за своевольство и непослушаніе, когда они будутъ пойманы, наказать — малолѣтнихъ, вмѣсто кнута, плетьми, а взрослыхъ десятаго кнутомъ. Посланный для розыска фабричныхъ черезъ двѣ недѣли послѣ того донесъ, что имъ найдено только 18 человѣкъ, прислано изъ полицейской канцеляріи 14, добровольно явилось 308. Но, однако, по словамъ фабрикантовъ, всѣ они не хотѣли работать, пока не получатъ указа на челобитную, поданную ими государынѣ. Пятеро мастеровыхъ, несмотря на попытку товарищей освободить ихъ, были наказаны кнутомъ. Къ концу мѣсяца 286 мастеровыхъ начали работать, 127 отказывались отъ этого, а 586 все еще не вернулись изъ бѣговъ. Сенатъ приказалъ изъ 127 десятаго бить кнутомъ и вмѣстѣ съ пятью прежде наказанными, заковавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу на счетъ фабрикантовъ; остальныхъ же, наказавъ плетьми, силою принудить работать; а изъ бѣглыхъ тѣмъ, кто, явившись немедленно, примется за работу, отпустить ихъ вину, а кого поймаютъ, то болѣе виновныхъ, бивъ кнутомъ, ссылать въ Рогервикъ, а остальныхъ, по наказаніи плетьми, опредѣлять на работу [3]).

[1]) Арх. Деп. Ман. и Торг, дѣла главн. правл. ман. вяз. 28, дѣло № 85.

[2]) Быть можетъ нѣкоторыя волненія намъ не извѣстны потому, что, вслѣдствіе уничтоженія мануфактуръ-коллегіи въ 1779 г., дѣла о фабрикахъ за вторую половину царствованія Екатерины II разсѣяны по архивамъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, документами которыхъ мы не пользовались.

[3]) П. С. З. XIII, 9643. На фабрикѣ этой было волненіе и раньше, въ 1746 г., П. С. З. XV, 11514.

Черезъ нѣсколько времени Болотинъ, узнавъ, что въ гарнизонныхъ школахъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ не мало дѣтей солдатъ и незаконнорожденныхъ, изъ которыхъ многіе «не только въ военной экзерциціи, но и къ словесному ученію непонятливы», а между тѣмъ жалованье и содержаніе имъ производится, просилъ около 400 чел. изъ этихъ школъ, начиная съ 12 лѣтъ, которые для службы еще молоды, опредѣлить на его суконную фабрику съ тѣмъ, чтобы они получали здѣсь задѣльныя деньги, а когда достигнутъ 25-ти лѣтняго возраста, то, буде окажутся годными, опредѣлить ихъ въ военную службу. Вслѣдствіе этого прошенія изъ московской гарнизонной школы, въ которой, кромѣ штатныхъ 300 человѣкъ, было еще 545 сверхкомплектныхъ, сенатъ приказалъ отдать 400 душъ на фабрику Болотина [1]). Отдали ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы по наступленіи двадцатилѣтняго возраста они были опредѣлены въ военную службу. Однако, жизнь на фабрикѣ была такъ не легка, что черезъ пять лѣтъ многіе изъ нихъ стали просить главный коммиссаріатъ, чтобъ ихъ лучше отдали въ солдаты, но такъ какъ имъ не было еще 20 лѣтъ, то просьба ихъ была отклонена. По достиженіи же этого возраста сенатъ приказалъ ихъ на фабрикѣ не задерживать.

Въ началѣ 1762 г. одинъ изъ содержателей этой фабрики донесъ, что мастеровые и рабочіе ихъ мануфактуры, согласясь съ опредѣленными къ нимъ солдатскими дѣтьми, начали волноваться подобно тому, какъ въ 40-хъ годахъ. Суконщикъ Андреевъ сказалъ за собою «важность» (слово и дѣло), вслѣдствіе чего и былъ отосланъ въ мануфактуръ-контору, а въ то же время нѣкоторые изъ солдатскихъ дѣтей пожаловались главному коммиссаріату, что имъ не доплачиваютъ заработанныхъ денегъ и для приготовленія суконъ даютъ негодную шерсть. Фабриканты, призванные въ мануфактуръ-коллегію, объяснили, что они вычитали у рабочихъ деньги въ уплату занятыхъ ими, а также и внесенныя въ главный коммиссаріатъ деньги за рекрутъ рабочіе, по взаимному соглашенію, разложили между собою, которыя и вносятъ въ фабричную контору чрезъ своихъ выборныхъ сборщиковъ. Фабриканты упрекали рабочихъ въ неблагодарности какъ за ссуду денегъ на рекрутскія надобности, такъ и за другія безпроцентныя ссуды. Они упоминали также, что дочерямъ рабочихъ при выходѣ замужъ выдается изъ конторы безвозвратно по 5 р., да «во удовольствіе рабочихъ» ежегодно тратится до 100 руб.

Оказалось, что суконщикъ Андреевъ ложно сказалъ за собою слово и

[1]) *Соловьевъ*, XXIII, 28.

дѣло, и потому мануфактуръ-коллегія послала его съ юнкеромъ кн. Мещерскимъ для наказанія на суконномъ дворѣ. Когда Мещерскій хотѣлъ исполнить данное ему порученіе «при обыкновенномъ для такихъ случаевъ всѣхъ мастеровыхъ и работныхъ людей собраніи», то солдатскія дѣти наказывать его не дали, такъ что Мещерскому пришлось увести Андреева обратно. Послѣ того солдатскія дѣти стали большими партіями уходить съ работы, разглашая, что будто бы рабочіе, сосланные въ 1749 г:, возвращены, а одинъ изъ содержателей фабрики арестованъ въ Петербургѣ. Сенатъ велѣлъ немедленно школьниковъ, участвовавшихъ въ дракѣ и своевольно отлучившихся съ фабрики, высѣчь нещадно батогами, а зачинщиковъ наказать плетьми. Вслѣдствіе этого указа первому наказанію подверглись на фабрикѣ 13 школьниковъ и 49 мастеровыхъ, а публично высѣчены плетьми пять школьниковъ и семь мастеровыхъ [1]).

Плохо, значитъ, жилось мастеровымъ большой московской суконной фабрики, если они предпочитали солдатчину фабричнымъ работамъ, но сами по себѣ обѣ эти вспышки слишкомъ ничтожны. Гораздо болѣе серьезнаго волненія можно было ожидать отъ казанскихъ суконщиковъ, также, какъ мы видѣли, недовольныхъ своимъ положеніемъ, когда имъ представился для этого такой удобный случай, какъ нашествіе Пугачева. Дѣйствительно, крайне странно, что они не только имъ не воспользовались, но и явились энергическими защитниками Казани противъ пугачевцевъ. Объясненіемъ этого факта можетъ служить слѣдующій разсказъ, записанный со словъ одного старожила: «Передъ нашествіемъ Пугачева на Казань обуянное страхомъ фабричное начальство, боясь мести и бунта своихъ мастеровыхъ, задобривало ихъ многими обѣщаніями, наградами и даже «волей» [2]), если они останутся спокойны и помогутъ спровадить изъ Казани вора Емельку. Были прекращены всѣ работы на фабрикѣ и производилась отъ владѣльца ея каждодневная даровая выдача вина и калачей... Суконщики поддались на эту удочку и остались спокойными. Молодежь, впрочемъ, дѣлала попытки къ поднятію «общаго вопроса» и начинала уже свирѣпствовать, но партія старыхъ суконщиковъ, пользовавшаяся здѣсь постояннымъ уваженіемъ молодаго поколѣнія, сдерживала вспышки, склоняясь болѣе къ легальному образу дѣйствій».

[1]) П. С. З. XV, 11514, Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла ман. колл., вяз. 314, дѣло № 11629.

[2]) Послѣдняго обѣщанія фабрикантъ не могъ исполнить, если бы этого и желалъ, такъ какъ рабочіе были неотъемлемою принадлежностью фабрики.

Пугачевщина кончилась и суконщики остались въ прежнемъ положеніи [1]).

Упустивъ удобный случай добыть себѣ льготъ и закрѣпить новыя отношенія какимъ-нибудь договоромъ въ родѣ заключеннаго между содержателемъ красносельской бумажной фабрики и тамошними рабочими, казанскіе суконщики не разъ добивались потомъ въ XIX в. измѣненія своего быта. Для этого они, между прочимъ, подавали жалобу императору Николаю, и по рѣшенію наряженной вслѣдствіе того коммиссіи многіе изъ нихъ подверглись возмутительно жестокимъ наказаніямъ (см. объ этомъ въ статьѣ г. Посадскаго). Но въ концѣ-концовъ имъ все-таки удалось добиться своей цѣли: въ 1849 г. имъ были даны права свободныхъ городскихъ обывателей и трехлѣтняя льгота отъ платежа подушныхъ податей, отбыванія рекрутской, постойной и другихъ повинностей. А между тѣмъ казанскіе суконщики принадлежали къ числу «вѣчно-отданныхъ» и за нихъ были внесены фабрикантомъ деньги, опредѣленныя указомъ 1736 г. Изъ этого видно, что правительство находило иногда возможнымъ разрывать узы, прикрѣпляющія рабочихъ къ фабрикѣ безъ всякаго вознагражденія за то фабрикантамъ.

ГЛАВА V.

Положеніе рабочихъ въ первые годы XIX в.

Общее число рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ.—Количество рабочихъ часовъ и дней.—Рабочая плата.—Женскій и дѣтскій трудъ.—Мастеровые, находившіеся на готовомъ содержаніи.—Различныя пособія рабочимъ со стороны фабрикантовъ.—Сравненіе положенія рабочихъ въ началѣ XIX в. и въ настоящее время.

Въ 1803 г. мануфактуръ-коллегія собрала подробныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на находившихся въ ея вѣдѣніи поссессіонныхъ фабрикахъ [2]). Въ указѣ, разосланномъ по этому случаю всѣмъ владѣвшимъ фабриками на поссессіонномъ правѣ, были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) сколько по пятой ревизіи числится при фабрикѣ «приписныхъ и покупныхъ всякаго званія мастеровыхъ и рабочихъ мужескаго пола душъ». 2) Изъ числа ихъ сколько находится въ работѣ и какой именно, поскольку дней въ году и часовъ въ день работаютъ. 3) На какую сумму мастеровые вырабатываютъ въ годъ тѣхъ или другихъ продуктовъ, какую

1) „Первый шагъ". Провинціальный сборникъ. Казань, 1876 г., стр. 421—422.

2) Горные заводы состояли въ завѣдываніи бергъ-коллегіи.

плату они получаютъ—поштучно, поденно или годовое жалованье, такъ чтобы можно было видѣть, сколько они зарабатываютъ въ годъ. При этомъ слѣдовало сообщить, работаютъ ли на фабрикѣ женщины, и если работаютъ, то какъ, добровольно или по назначенію, и сколько каждая можетъ получить въ день. Въ указѣ, посланномъ губернаторамъ, которымъ было поручено присмотрѣть, чтобъ свѣдѣнія эти были доставлены немедленно, былъ прибавленъ еще одинъ вопросъ о томъ, какую плату получаютъ вольнонаемные рабочіе.

Разумѣется, вопросы эти въ высшей степени важны и существенны. Данныя о размѣрахъ рабочей платы, количествѣ рабочихъ часовъ, женскомъ трудѣ и т. п. имѣютъ громадное значеніе не только для характеристики экономическаго быта народа въ ту или другую эпоху: при сопоставленіи съ ними современныхъ намъ свѣдѣній по тѣмъ же вопросамъ, онѣ получаютъ животрепещущій интересъ, такъ какъ даютъ намъ самый вѣрный критерій для опредѣленія того, улучшается ли въ дѣйствительности положеніе народа (само собою разумѣется, что при этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе измѣненіе въ цѣнахъ на жизненные припасы и другія условія).

Въ то время поссессіонныхъ фабрикъ и заводовъ, не считая горныхъ, было около 130; изъ нихъ мы не имѣемъ свѣдѣнія,—потому ли, что донесенія ихъ владѣльцевъ затерялись, или они вовсе не были присланы,—только о 23-хъ; такъ что у насъ есть отвѣты на приведенные выше вопросы болѣе чѣмъ о ста фабрикахъ. Этого совершенно достаточно, чтобы получить полное понятіе о положеніи прикрѣпленнаго къ нимъ рабочаго люда.

Всего болѣе въ то время было полотняныхъ поссессіонныхъ фабрикъ, затѣмъ слѣдовали суконныя, бумажныя, стеклянныя, шелковыя и наконецъ по нѣскольку кожевенныхъ, позументныхъ, ситцебумажныхъ и т. п. По мѣстности, наибольшее количество ихъ было въ московской губерніи (почти четверть всего числа), затѣмъ въ калужской, владимірской, воронежской, костромской, ярославской и т. д. На всѣхъ фабрикахъ, о которыхъ свѣдѣнія были доставлены въ мануфактуръ-коллегію, было по пятой ревизіи 29,665 д.; о 23-хъ фабрикахъ, какъ мы уже сказали, свѣдѣній не было, но можно принять приблизительно, что во время производства пятой ревизіи на поссессіонныхъ фабрикахъ, кромѣ горныхъ заводовъ, было около 32,000 д. [1]).

[1]) По десятой ревизіи при нихъ числилось 23,853 д. *Тройницкій*. Крѣп. населеніе въ Россіи по десятой народной переписи, стр. 47.

Изъ поссессiонныхъ фабрикъ всего болѣе было полотняныхъ; но по количеству прикрѣпленныхъ къ нимъ мастеровыхъ и рабочихъ первое мѣсто принадлежитъ суконнымъ фабрикамъ. Ихъ было всего 26 (всѣ онѣ были обязаны поставкою суконъ); къ нимъ было прикрѣплено болѣе 17,000 крестьянъ, въ томъ числѣ лишь около 1200 чел. безземельныхъ. Въ отчетахъ фабрикантовъ не вездѣ точно обозначалось, сколько изъ числа мастеровыхъ было купленныхъ и сколько переданныхъ изъ казны или приписанныхъ по указамъ. Упомянемъ только, что на Глушковской фабрикѣ графини Потемкиной было 8759 «приписанныхъ» крестьянъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ болѣе половины всего числа мастеровыхъ при суконныхъ фабрикахъ были даны изъ казны. На вопросъ о томъ, сколько изъ этого числа находилось въ работѣ, невозможно дать хотя бы приблизительный отвѣтъ, такъ какъ свѣдѣнiя въ этомъ отношенiи слишкомъ неполны. Поэтому приведемъ лишь два примѣра. На фабрикѣ кн. Долгорукаго годныхъ къ работѣ обоего пола было 424, изъ нихъ работало 274; на фабрикѣ Кузнецова въ рязанской губернiи изъ 571 д. м. п. считалось годными въ работу 400 и столько же женщинъ; работала половина и тѣхъ, и другихъ.

Поссессiонныхъ полотняныхъ фабрикъ было 40; при нихъ во время пятой ревизiи числилось болѣе 8000 д. крестьянъ. Самыми крупными полотняными фабрикантами были въ то время братья Яковлевы; имъ принадлежали фабрики въ Ярославлѣ, Рыбинскѣ и въ селѣ Крапивномъ, шуйскаго уѣзда владимiрской губернiи. Къ нимъ было прикрѣплено 2530 душъ мужскаго пола, изъ которыхъ находилось въ работѣ 1613 душъ, женщинъ поссессiонныхъ 1760 д., всего же съ вольнонаемными на этихъ фабрикахъ работало 4379 д. обоего пола.

Бумажныхъ фабрикъ было 20. Вездѣ, гдѣ мы имѣемъ свѣдѣнiя о числѣ находившихся въ работѣ, оказывается, что ихъ было болѣе половины прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ. Шелковыхъ фабрикъ было 10; стеклянныхъ заводовъ 11.

Продолжительность рабочаго дня всего чаще равнялась 12 часамъ; впрочемъ на семи фабрикахъ рабочiй день былъ еще короче, а болѣе 14 рабочихъ часовъ мастеровымъ приходилось трудиться только на шести фабрикахъ. Нужно замѣтить впрочемъ, что на полотняныхъ и бумажныхъ фабрикахъ количество рабочихъ часовъ на одной и той же фабрикѣ было не одинаково въ различныхъ производствахъ, а также въ разныя времена года, такъ что продолжительность рабочаго дня колебалась тамъ между пятью и пятнадцатью часами. На суконной фабрикѣ кн. Барятинскаго

былъ такой порядокъ: рабочіе, доносилъ владѣлецъ фабрики въ мануфактуръ-коллегію, «сколько ихъ къ тому ни принуждали, чтобы выходили какъ можно ранѣе, выходятъ всегда не прежде восьми часовъ утра». Женщинамъ было позволено являться въ это время, а иногда и позднѣе, чтобы онѣ имѣли время приготовить пищу для своего семейства. Утреннія работы продолжались на фабрикѣ до 12-ти часовъ; потомъ давалось два часа времени на обѣдъ и отдыхъ, а съ двухъ часовъ пополудни лѣтомъ рабочіе оставались на фабрикѣ до захожденія солнца; въ зимнее же время работали со свѣчами не долѣе девятаго часа. Такимъ образомъ зимою работа продолжалась около одиннадцати часовъ. Всего тяжелѣе было положеніе суконщиковъ на фабрикѣ поручика Кузнецова въ рязанской губерніи: зимою они работали отъ перваго часа пополуночи до шести часовъ пополудни, а лѣтомъ — отъ третьяго часа пополуночи до десяти часовъ пополудни; если даже предположить, что тутъ давался двухчасовой отдыхъ, о чемъ впрочемъ не упоминается, то всетаки выйдетъ, что зимою они трудились болѣе 15 часовъ, а лѣтомъ болѣе 17-ти. На полотняной фабрикѣ Стригалева въ Костромѣ работали «по мѣрѣ необходимости иногда въ день часовъ утреннихъ отъ 4-го и 5-го и пополудни не далѣе 10-го»; если и тутъ давался двухчасовой отдыхъ, то получимъ всетаки шестнадцатичасовой рабочій трудъ. На стеклянныхъ фабрикахъ нѣкоторымъ мастеровымъ приходилось иногда работать въ одинъ пріемъ еще болѣе. На одной стеклянной фабрикѣ двое рабочихъ, составлявшихъ стеклянную массу и варившихъ ее, находились въ работѣ по 24 часа и болѣе и дѣлали по три, а иногда и по четыре «передѣла» въ недѣлю, слѣдовательно трудились отъ 72 до 96-ти часовъ въ недѣлю, т.-е. если раздѣлить это на шесть дней, отъ 12—16 часовъ въ день. Впрочемъ это только исключенія; вообще же ночной работы почти нигдѣ не было, а обычною продолжительностью рабочаго дня, какъ мы уже сказали, было 12 часовъ.

Рабочихъ дней въ году было въ среднемъ около 260-ти. На нѣкоторыхъ суконныхъ и полотняныхъ фабрикахъ мастеровыхъ отпускали лѣтомъ для полевыхъ работъ на одинъ, на два мѣсяца.

Что касается рабочей платы, то задѣльное вознагражденіе на суконныхъ фабрикахъ рабочихъ немастеровъ равнялось въ среднемъ 40 рублямъ въ годъ, на полотняныхъ 52 р.; на шелковыхъ ткачи зарабатывали отъ 55 до 120 р., на стеклянныхъ годовой заработокъ мастера колебался между 70 и 260 р. При годовой платѣ на суконныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ отъ 50 до 150 р., въ среднемъ 93 р., подма-

стерье отъ 30 до 75 р., въ среднемъ 55 р. На полотняныхъ фабрикахъ при годовой платѣ мастеру давали отъ 60 до 120 р., въ среднемъ 97 руб., а средняя плата подмастерьямъ равнялась 45 р. На шелковой фабрикѣ Лазарева одинъ рисовальный мастеръ получалъ даже 300 р. въ годъ. На бумажныхъ фабрикахъ мастеру платили въ годъ до 100 руб., остальнымъ рабочимъ въ среднемъ 48 р.; на стеклянныхъ фабрикахъ мастеръ получалъ 130, подмастерье 80 р. При мѣсячной платѣ среднее вознагражденіе мастера на различныхъ фабрикахъ равнялось 5 р. 50 к., подмастерья 4 р. 50 коп.; остальныхъ рабочихъ 3 р. 75 коп.—Среднею поденною платою можно принять 15 к.—Въ общемъ выводѣ мы можемъ сказать, что мастеръ зарабатывалъ въ годъ около 95 руб., подмастерье около 60, а остальные рабочіе около 55 р.

Женскій трудъ былъ значительно развитъ на суконныхъ фабрикахъ, еще болѣе на полотняныхъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ фабричная работа была обязательна для женщинъ. Привлеченіе ихъ и дѣтей къ фабричному труду казалось нѣкоторымъ фабрикантамъ не печальною необходимостью, а чуть ли не благодѣяніемъ для рабочаго класса. «Изъ числа женска пола», писалъ владѣлецъ полотняной фабрики въ калужской губерніи, поручикъ Щепочкинъ, «употребляются наиболѣе безъ наряда» (т. е. не по принужденію); не имѣя никакихъ другихъ заработковъ, кромѣ фабричныхъ работъ, онѣ «единственно отъ оныхъ получаемою платою дѣлаютъ великое къ содержанію домовъ и семействъ ихъ пособіе, почему и работы требуетъ каждая непремѣнно, ибо безъ этого возроптали бы онѣ на содержателя фабрики и лишились бы всякаго пропитанія, а получая готовую всегда работу, всякій большой и малый, мужъ, жена и дѣти, кто и что только можетъ работать, вообще семейству приносятъ заработныхъ денегъ всякую недѣлю довольно видное число». На многихъ бумажныхъ фабрикахъ также работали женщины, а на шелковыхъ мы вездѣ встрѣчаемъ женскій трудъ; разматываніемъ шелка онѣ очень часто занимались не на фабрикѣ, а дома. На стеклянныхъ фабрикахъ женщины почти нигдѣ не работали. При задѣльной платѣ средній годовой заработокъ работницъ равнялся 25 рублямъ, а поденно—отъ 6 до 15 коп., но на нѣкоторыхъ фабрикахъ шпульницы зарабатывали лишь съ небольшимъ по 2 коп. Средняя годовая плата работницѣ равнялось 25 р., мѣсячная—2 р., поденная 9 коп.

Дѣтскій трудъ на суконныхъ фабрикахъ былъ развитъ менѣе женскаго: объ немъ упоминается лишь на четырехъ фабрикахъ воронежской губерніи. Напротивъ, на полотняныхъ мануфактурахъ весьма часто рабо-

тали дѣти. Какъ иногда великъ былъ на нихъ процентъ дѣтей, видно изъ того, что на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ, на которой было всего 528 душъ м. п., при ткачахъ находилось до 90 ч. шпульниковъ и подавальщиковъ отъ 9 до 12 лѣтъ, да кромѣ того еще на дому женщины разматывали пряжу на катушки съ помощью дѣтей. На многихъ бумажныхъ и шелковыхъ фабрикахъ также работали дѣти. Изъ стеклянныхъ же заводовъ только на орловской фабрикѣ Мальцовой мы встрѣчаемъ «хлопцевъ», подававшихъ посуду. Что касается вознагражденія за дѣтскій трудъ, то на суконныхъ фабрикахъ воронежской губерніи малолѣтніе прядильщики (рѣже прядильщицы) зарабатывали въ день отъ 4 до 12 коп., а въ годъ отъ 15 до 30 р. На полотняныхъ фабрикахъ при задѣльной платѣ малолѣтніе шпульники и шпульницы зарабатывали отъ 4 до 19 р. въ годъ. Шпульники и подавальщики отъ 9 до 12-ти лѣтъ на фабрикѣ Угличанинова въ Ярославлѣ получали отъ 25 до 40 коп. въ недѣлю; мальчики-цевошники на фабрикѣ въ Костромѣ 50 к. въ недѣлю. На фабрикѣ Лугинина въ тульской губерніи заработокъ малолѣтнихъ шпульниковъ и цевошниковъ падалъ до 18 коп. въ недѣлю или 9 р. въ годъ. Малолѣтнія цевошницы, получая плату отъ ткачей, зарабатывали отъ 5 до 6 к. въ день. На писчебумажныхъ фабрикахъ дѣти получали въ годъ отъ 10 до 25 р., поденно отъ 5 до 8 к., но иногда плата падала и до 3 коп.

Нѣкоторые фабриканты, всего чаще имѣвшіе незначительное число крестьянъ, не давали имъ за работу на фабрикѣ никакой денежной платы, а содержали на готовой пищѣ и одеждѣ и платили за нихъ подати. Одинъ изъ владѣльцевъ полотняныхъ заводовъ доказывалъ мануфактуръ-коллегіи, что такое положеніе будто бы гораздо выгоднѣе для рабочихъ, такъ какъ на плату, получаемую вольнонаемными, они не могли бы содержать себя. Но мы видѣли, какимъ стѣсненіемъ считали для себя рабочіе жизнь на самой фабрикѣ [1]).

Впрочемъ, уплату податей фабриканты нерѣдко принимали на себя и за тѣхъ рабочихъ, которые получали опредѣленную плату. На суконныхъ фабрикахъ подати за рабочихъ чаще платилъ фабрикантъ, чѣмъ они сами. Точно также и на полотняныхъ нѣкоторые владѣльцы вносили за своихъ мастеровыхъ не только подати, но и рекрутскія деньги и другіе поборы. Яковлевымъ, которымъ принадлежала большая ярославская мануфактура, это обходилось въ годъ болѣе 20.000 руб.

[1]) Иногда при готовомъ содержаніи рабочіе получали еще и нѣкоторое денежное вознагражденіе.

Кромѣ денежнаго жалованья, на нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе имѣли готовое помѣщеніе. Такъ, напр., на писчебумажной фабрикѣ Попова въ Угличѣ всѣмъ рабочимъ и мастеровымъ были выстроены при фабрикѣ дома, поправленіе которыхъ, отопленіе и освѣщеніе, также какъ и платежи всѣхъ податей и поборовъ принялъ на себя фабрикантъ безъ вычета изъ жалованья. На шелковой фабрикѣ Лазарева, сверхъ денежной платы, на домъ каждаго семейства выдавали по 3 р. въ годъ для покупки дровъ, что составляло для фабриканта ежегодный расходъ въ 600 руб. Довольно разнообразную помощь своимъ мастеровымъ оказывали владѣльцы полотняныхъ фабрикъ Яковлевы. Въ 1802 году на ихъ ярославской мануфактурѣ ржаная мука, пріобрѣтенная по 51 коп. за пудъ, отпускалась рабочимъ по 30 коп., а пшеничная вмѣсто 87—за 50 коп.; такимъ образомъ, на мукѣ въ теченіи года рабочимъ была сдѣлана уступка въ 10.956 р.; кромѣ того старикамъ, малолѣтнимъ и вдовамъ, 321 чел., было выдано пенсіи деньгами и мукою на сумму 2,672 р. Несмотря на то, тамошніе рабочіе не сводили концовъ съ концами, и имъ приходилось занимать у фабрикантовъ на починку старыхъ домовъ и постройку новыхъ, на празднованіе свадебъ, крестинъ и т. п. до 6.200 р. въ годъ, а всего на рабочихъ накопилось долгу къ 1803 году болѣе 25.000 р. Постройка и ремонтъ жилыхъ помѣщеній производились, слѣдовательно, на этой фабрикѣ на счетъ самихъ рабочихъ; дровъ они также не получали даромъ, а только фабрикантъ, закупая ихъ въ большомъ количествѣ, уступалъ рабочимъ безъ надбавки и притомъ съ разсрочкой платежа на годъ. Пенсіи старикамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, а также и сбавку съ цѣны хлѣба мы встрѣчаемъ и на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ (напр., на шелковой фабрикѣ Лазарева старикамъ и сиротамъ ежемѣсячно выдавалось отъ 50 коп. до 3 р.), но медицинскую помощь рабочимъ мы находимъ только на ярославской мануфактурѣ Яковлевыхъ, гдѣ былъ устроенъ лазаретъ, приглашенъ лекарь и къ нему опредѣлено три ученика, на жалованье которымъ вмѣстѣ съ лекарствами выходило болѣе 2.000 рублей въ годъ. Объ обученіи грамотѣ дѣтей упоминается только на двухъ фабрикахъ.

Положеніе рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ было самое незавидное. Такъ, напр., на суконной фабрикѣ Кузнецова въ рязанской губерніи къ страшному обремененію фабричною работой (по меньшей мѣрѣ 15 — 17 часовъ въ день) присоединилось еще безплодіе земли. Понятно, что рабочіе доходили до нищеты и фабриканту приходилось давать бѣднымъ на покупку хлѣба ежегодно отъ 1.000 до 1.500 руб. Встрѣчаемъ, впро-

чемъ, и примѣры зажиточности среди мастеровыхъ. Такъ, напр., многіе фабричные князя Барятинскаго въ Москвѣ не работали на фабрикѣ сами, а поставляли вмѣсто себя наймитовъ, предпочитая заработки на сторонѣ [1]).

Весьма интересно сравнить полученныя нами данныя относительно заработной платы, количества рабочихъ часовъ и т. п. въ первые годы XIX в. съ современными свѣдѣніями по тѣмъ же вопросамъ, чтобы опредѣлить, повысилось ли въ теченіи трехъ четвертей столѣтія вознагражденіе за трудъ. Собственно говоря, сравненіе придется производить тутъ между величинами несоизмѣримыми: съ одной стороны мы видимъ мастероваго, прикрѣпленнаго къ фабрикѣ, принужденнаго подчиняться тѣмъ условіямъ, какія его хозяину угодно будетъ ему продиктовать, съ другой—свободнаго рабочаго, имѣющаго возможность покинуть фабрику, если его трудъ дурно оплачивается; по самымъ условіямъ задачи, рѣшеніе, повидимому, должно быть неблагопріятно для начала нынѣшняго вѣка. Тѣмъ не менѣе мы все-таки попытаемся сдѣлать подобное сравненіе, хотя оно затрудняется нѣкоторыми обстоятельствами,—прежде всего тѣмъ, что въ нашей литературѣ почти нѣтъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ платы, получаемой фабричными рабочими въ настоящее время. Правда, въ различныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ мы находимъ отрывочныя извѣстія по этому предмету, но подробныхъ, обстоятельныхъ свѣдѣній, собранныхъ на многихъ фабрикахъ, почти не существуетъ. Мы помнимъ, что одно изъ отдѣленій съѣзда фабрикантовъ, собиравшагося около десяти лѣтъ тому назадъ, постановило ходатайствовать о назначеніи особой коммиссіи съ этою цѣлію, однако желаніе это не осуществилось. Приходится довольствоваться тѣмъ, что́ есть. Намъ извѣстны только двѣ попытки собрать обстоятельныя свѣдѣнія о заработной платѣ, и обѣ онѣ относятся къ московской губерніи. Первая была сдѣлана въ 1868 году центральнымъ статистическимъ комитетомъ — для всей этой губерніи, вторая въ 1876 году — въ одномъ московскомъ уѣздѣ—тамошнимъ уѣзднымъ земствомъ. Результаты перваго изслѣдованія напечатаны вполнѣ [2]), выводы же изъ втораго сгруппированы въ небольшой, но весьма интересной статьѣ г. Исаева [3]). Этими свѣдѣніями намъ и придется поневолѣ ограничиться.

Для того, чтобы сравненіе было ближе къ истинѣ, мы должны взять

[1]) Всѣ свѣдѣнія о положеніи мастеровыхъ въ первые годы XIX в. заимствованы изъ обширнаго дѣла Арх. Деп. Ман. и Торг., вяз. 422, дѣло № 44—1513—1, 1803 г., 452 листа.

[2]) Статистическій Временникъ Росс. Имп. Серія II, выпускъ 6. Спб. 1872 г.

[3]) „Нѣсколько страницъ въ фабричную хронику“. „Отеч. Зап.“, 1877. № 9.

данныя относительно вознагражденія за трудъ на однородныхъ фабрикахъ, какъ для начала XIX в., такъ и для настоящаго времени. Выбираемъ съ этою цѣлью суконныя, во-первыхъ потому, что къ нимъ всего болѣе было прикрѣплено крестьянъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, а также и потому, что о положеніи рабочихъ этого рода мы находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія и для настоящаго времени. Дѣлая выводъ изъ данныхъ «Статистическаго Временника», мы находимъ, что средняя годовая плата работника на суконныхъ фабрикахъ—около 120 р., мѣсячная около 13 р. Но этихъ выводовъ мы не можемъ признать вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности, такъ какъ въ «Статистическомъ Временникѣ» сплошь и рядомъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о заработкахъ въ различныхъ производствахъ, а указанъ только maximum и minimum заработка рабочихъ на той или другой фабрикѣ, и, слѣдовательно, наибольшіе заработки, получаемые немногими рабочими, непремѣнно должны повышать среднюю цифру вознагражденія при ея вычисленіи. Поэтому мы предпочитаемъ данныя, полученныя при внимательномъ осмотрѣ фабрикъ одного московскаго уѣзда, сдѣланномъ тамошнимъ земствомъ. Изъ статьи г. Исаева видно, что среднiй размѣръ мѣсячнаго заработка на суконныхъ фабрикахъ слѣдуетъ принять въ 9 р., что составитъ въ годъ 108 р.; эта цифра довольно близка и къ выводу относительно годовой рабочей платы, полученному нами на основаніи свѣдѣній статистическаго комитета.

На поссессіонныхъ суконныхъ фабрикахъ начала XIX в. мы можемъ принять среднiй годовой заработокъ рабочаго въ 60 р.

Но при сравненіи размѣровъ денежной платы въ различныя эпохи нужно брать не абсолютныя, а относительныя величины, т.-е. то количество первыхъ жизненныхъ потребностей, какое рабочій можетъ пріобрѣсти на средства, даваемыя ему фабричнымъ трудомъ. Такъ какъ пища— самая важная изъ этихъ потребностей, то мы и можемъ для нашей цѣли удовольствоваться сравненіемъ цѣнъ на хлѣбъ и именно на рожь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, относительно московской губ. мы имѣемъ для первыхъ годовъ XIX в. данныя о цѣнѣ хлѣба недостаточно опредѣленныя. Намъ извѣстно только, что въ періодъ времени отъ 1797 до 1803 г. стоимость четверти ржи колебалась между 4 р. 90 к. и 7 рублями [1]). Взять изъ этихъ двухъ цифръ среднее про-

[1]) Замѣчанія къ таблицамъ, показывающимъ цѣны нужнѣйшимъ съѣстнымъ припасамъ въ Москвѣ съ 1782 по 1803 г. См. „Статистическій журналъ“ Германа, 1806 г., т. I, ч. 2, стр. 172.

порціональное, т.-е. принять цѣну ржи за это время въ московской губ. въ 5 р. 95 к., было бы едва ли справедливо. Это подтверждается сопоставленіемъ данныхъ относительно московской губ. съ подробными свѣдѣніями о цѣнахъ хлѣба въ ярославской и тульской губерніяхъ, относительно которыхъ мы имѣемъ въ неизданныхъ источникахъ свѣдѣнія о каждомъ годѣ въ періодъ времени съ 1797 по 1803 г. Средняя цѣна четверти ржи за это время для тульской губ. равнялась 3 р. 40 к.; но такъ какъ эта мѣстность находится относительно своего продовольствія въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ московская губ., то для насъ гораздо важнѣе свѣдѣнія о губерніи ярославской, мѣстности съ нечерноземною почвою, промышленностію уже весьма развитою въ то время и т. п. Тамъ средняя цѣна четверти ржи за тѣ же годы равнялась 4 р. 50 к. Слѣдовательно, если мы примемъ, что стоимость четверти ржи въ среднемъ была тогда въ московской губ. 5 р. 50 к., то это будетъ скорѣе много, чѣмъ мало.

Что касается цѣнъ на хлѣбъ въ московской губерніи въ настоящее время, то съ 1867 по 1871 г. цѣна четверти ржаной муки при оптовой покупкѣ торговцами колебалась между 6 р. 50 к. и 8 р. 40 к., а средняя стоимость равнялась 7 р. 33 к. Немолотая рожь была нѣсколько дешевле, но за то въ розничной продажѣ стоимость ея значительно повышалась, такъ что мы можемъ принять, что четверть ржи обходилась въ эти годы рабочему въ московской губ., въ среднемъ, въ 7 р. 30 к. [1]). Итакъ, въ первые годы XIX в. рабочій на 60 р. въ годъ могъ пріобрѣсти 11 четвертей ржи, а въ 1867—1871 годахъ на 108 р.—15 четвертей. Повидимому, вознагражденіе рабочаго увеличилось на четыре четверти въ годъ. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что это повышеніе чисто фиктивное. Прежде всего нужно замѣтить, что количество рабочихъ часовъ въ теченіи 75 лѣтъ весьма значительно увеличилось. Между тѣмъ какъ въ первые годы XIX в. средній рабочій день равнялся 12 часамъ, въ настоящее время, по свидѣтельству г. Исаева, если даже не считать исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ продолжительность рабочаго дня повышается до 16—17 часовъ, всего чаще фабричные работаютъ 13—14 часовъ. Увеличеніе это обусловливается введеніемъ машиннаго производства. Въ прошломъ столѣтіи и первые годы нынѣшняго, рабочій день сильно сокращался въ осеннее и зимнее время, между прочимъ потому, что, при гораздо меньшей производительности труда въ то время, расходъ

[1]) *Чаславскій.* Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи, ч. I, 208—213.

на освѣщеніе фабрики въ долгіе зимніе вечера далеко не окупался въ той степени, какъ это бываетъ теперь, когда каждая лишняя минута, проведенная рабочимъ на фабрикѣ, положитъ не мало лишнихъ рублей въ карманъ ея владѣльца. Лѣтомъ же суконщики, громадное большинство которыхъ имѣло земли, нерѣдко отпускались съ фабрики на одинъ, на два мѣсяца для ея обработки. Затѣмъ, при сравненіи современной рабочей платы съ заработками фабричныхъ въ прежнія времена, нужно принять во вниманіе увеличеніе интензивности труда въ настоящее время, такъ какъ вольнонаемный рабочій при машинахъ трудится, разумѣется, не такъ, какъ крѣпостной рабочій при ручномъ производствѣ, и слѣд. въ одно и то же время затрачиваетъ сравнительно съ послѣднимъ гораздо большее количество труда. Наконецъ, нужно помнить, что фабрикантъ въ началѣ XIX в. сплошь и рядомъ платилъ подати и другіе сборы за своего рабочаго, оказывалъ ему различныя вспоможенія въ видѣ уступки при продажѣ хлѣба и т. п., отъ чего современные заводовладѣльцы совершенно избавлены.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, гораздо болѣе благопріятныя для мастероваго начала XIX в., чѣмъ для современнаго рабочаго, мы приходимъ къ выводу, что экономическое положеніе современнаго рабочаго нисколько не лучше того, въ какомъ находился мастеровой, прикрѣпленный къ фабрикѣ, въ началѣ XIX в., что выгоды свободы, которою пользуется первый, оказываются, при давленіи непосильнаго бремени податей и другихъ неблагопріятныхъ условій, чисто фиктивными. Если же мы сравнимъ его заработки съ вознагражденіемъ, которое въ то время получали вольнонаемные рабочіе, трудъ которыхъ сплошь и рядомъ оплачивался лучше обязательнаго, или возьмемъ цѣны за хлѣбъ въ самые послѣдніе годы, то выводъ будетъ еще неутѣшительнѣе.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I. (къ стр. 4). Относительно численности крѣпостныхъ людей, принадлежавшихъ не дворянамъ, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: по 2-й ревизіи «за разными чинами, не имѣющими деревень, кому указами крѣпостныхъ людей имѣть не запрещено[1]), кои за ними по нынѣшней ревизіи написаны съ поруками» — 9106 душъ. Во время 3-й ревизіи такихъ людей было 9944». Написанныхъ за протопопами, попами и церковниками работниковъ и не дѣйствительно церковниковъ» во время второй ревизіи — 66, во время третьей — 139 (такіе нашлись въ одной московской губерніи). Относительно этого разряда людей нужно замѣтить слѣдующее. Инструкціею о ревизіи 1743 г. (п. 12) не дѣйствительно служащихъ протопоповскихъ, поповскихъ и дьяконовскихъ дѣтей и излишнихъ причетниковъ съ дѣтьми велѣно было переписать особо и неположенныхъ въ подушный окладъ, смотря по ихъ желанію, записать въ посады, въ ремесленники, на фабрики и заводы, или въ государевы, духовные и помѣщичьи вотчины, или въ военную службу, а увѣчныхъ и стариковъ въ богадѣльни; которые же окажутся записанными и положенными въ подушный окладъ за протопопами, попами и дѣйствительно служащими причетниками, которымъ собственныхъ деревень имѣть не велѣно, тѣхъ велѣно изъ за нихъ выключать и записать за ближайшими помѣщиками, за кого они пожелаютъ. Въ 1744 и 1748 г. опредѣленіями сената было разъяснено, чтобы записывать за нихъ людей изъ платежа подушнаго оклада, кто взять пожелаетъ; если же нѣкоторыхъ изъ нихъ, за старостію и дряхлостію, никто не пожелаетъ взять съ обязанностію платить подати, тѣхъ писать особо на прежнихъ мѣстахъ. Вотъ этихъ то дряхлыхъ людей и оказалось въ московской губерніи по 2-й ревизіи 66, по 3-й — 139. — Еще написанныхъ за попами и воспитателями незаконнорожденныхъ было—по 2-й ревизіи 39, по 3-й—386. Наконецъ написанныхъ за купцами дворовыхъ людей по 2-й ревизіи—2044, по 3-й—3036[2]).

Мы упоминали въ текстѣ, что купцы и мѣщане смоленской губерніи имѣли право владѣть не дворовыми только, а даже населенными имѣніями. Во время межеванія въ смоленской губ. (1776—1779 г.) у купцовъ города Смоленска было 241 д. крѣпостныхъ; всѣ они состояли на барщинѣ. Изъ нихъ 236 принадлежали отдѣльнымъ купеческимъ фамиліямъ, а 5 душъ находились въ сельцѣ, о которомъ въ «экономическихъ примѣчаніяхъ» сказано, что оно принадлежало смоленскимъ купцамъ и мѣщанамъ и состояло въ спорѣ съ городскою землею[3]).

II. (къ стр. 4). Относительно того, сколько крѣпостныхъ людей находилось во владѣніи приказныхъ служителей, мы имѣемъ оффиціальныя свѣдѣнія, впрочемъ не достаточно полныя. Въ началѣ царствованія Екатерины II сенатъ предписалъ канцеляріи конфискаціи доставить свѣдѣнія, сколько дворовыхъ, купленныхъ до запретительнаго указа 1758 г., осталось еще непроданными, а также

[1]) Въ инструкціи о ревизіи 1743 г. п. 7 (П. С. З. 8836) было сказано: „которые люди какъ въ С. Петербургѣ, такъ и въ россійскихъ во всѣхъ городахъ явятся крѣпостные, у такихъ людей, которые деревень за собою не имѣютъ, яко то у офицеровъ и рядовыхъ, драгунъ и солдатъ и приказныхъ и прочихъ тому подобныхъ, кому указами имѣть не запрещено, такихъ всѣхъ писать за ними съ обязанностію платить за нихъ подати".

[2]) Сводъ результатовъ 2-й ревизіи, см. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1839 т. XXXIII, 250—253; 3-й ревизіи—Арх. Мин. Юст. № 105—3676, л. 772 и слѣд.

[3]) „Эконом. прим." смоленск. уѣзда въ Межевомъ Архивѣ.

сколько населенныхъ имѣній и дворовыхъ людей продано послѣ полугодоваго срока, назначеннаго въ этомъ указѣ, такимъ людямъ, которые имѣютъ право ими владѣть. Изъ подробной вѣдомости, представленной канцеляріею въ 1765 г., мы узнаемъ, что до 1758 г. у приказныхъ людей было всего 3955 д. Изъ этого числа болѣе двухъ третей, именно 2555 душъ оказалось или у дворянъ, или у верстанныхъ помѣстными землями, или у имѣвшихъ такіе чины, въ которыхъ не запрещено владѣть людьми. Одна четверть—1023 д.—были проданы въ указное время; 19 душъ послѣ указнаго срока канцелярія конфискаціи отдала прежнимъ владѣльцамъ съ обязательствомъ поставить ихъ въ случаѣ требованія (изъ нихъ о 6 человѣкахъ велѣно было представить дѣло въ сенатъ); было отписано за непродажу въ срокъ 34 чел.; находилось у владѣльцевъ, о которыхъ собирались справки, дворяне ли они—43 чел.; у сомнительныхъ владѣльцевъ 65 чел., затѣмъ въ спорахъ 7, умершихъ и въ бѣгахъ—68, некупленныхъ у владѣльцевъ за старостію и пр.—7, отданы въ рекруты—2, отписаны за недоимку въ податяхъ—13, на выдѣлъ указныхъ частей и не въ продажѣ за малолѣтствомъ наслѣдниковъ—91; не отписано еще отъ прежнихъ владѣльцевъ—28 [1]).

III. (къ стр. 5). Выше были приведены статистическія свѣдѣнія о числѣ крестьянъ, остававшихся еще въ началѣ царствованія имп. Екатерины во владѣніи лицъ недворянскаго сословія, несмотря на указы, требовавшіе отчужденія ихъ въ руки лицъ, правоспособныхъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ того находились еще группы владѣльцевъ, которымъ не только до поры до времени удавалось вопреки закону сохранять своихъ крѣпостныхъ, но которые на какомъ нибудь основаніи претендовали на сохраненіе за ними навсегда этого права. Къ числу такихъ владѣльцевъ принадлежали купцы, владѣвшіе мореходными судами.—Указомъ 24-го іюля 1729 г. было предписано, чтобы на русскихъ корабляхъ, посылаемыхъ за море съ товарами, было не болѣе одной трети иноземцевъ, а чтобъ остальные матросы были непремѣнно русскіе—для обученія мореплаванію; для этой матросской службы русскіе подданные могли употреблять своихъ крѣпостныхъ или вновь покупать людей, а также брать и вольнонаемныхъ. Поэтому когда указомъ 2 іюля 1746 г. велѣно было отобрать у посадскихъ—людей, купленныхъ ими вопреки указамъ, то астраханскій магистратъ тогда же вошелъ въ сенатъ съ донесеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на указъ 1729 г., заявилъ, что у астраханскаго купечества есть «въ пользу государственную» не малый флотъ, а также рыбные промыслы, виноградные сады и проч., для которыхъ ему необходимы мастера и рабочіе, а между тѣмъ достать вольныхъ изъ мѣстныхъ жителей нельзя по недостаточности народонаселенія, пріѣзжающіе же изъ верховыхъ городовъ могутъ наниматься только до истеченія срока паспорта, что крайне неудобно. Поэтому астраханскій магистратъ просилъ дозволить тамошнему купечеству имѣть у себя покупныхъ людей съ платежемъ за нихъ подушнаго оклада. Разсматривая это дѣло въ 1764 г., сенатъ нашелъ, что слѣдуетъ дозволить астраханскимъ купцамъ, также какъ и тѣмъ изъ купцовъ другихъ портовъ, кто занимается мореходствомъ, оставить за собою купленныхъ ими людей, но впредь до указа запретить покупать русскихъ помѣщичьихъ людей, а довольствоваться вольнонаемными и покупными изъ калмыковъ и другихъ націй, принявшими православіе, которыхъ по указу 16 ноября 1757 г. и по инструкціи о ревизіи 1743 г. дозволено всякому покупать, крестить и держать у себя безъ всякаго платежа подушныхъ денегъ, а только записавъ ихъ за собою въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Кромѣ того сенатъ предписалъ астраханскому губернатору Бекетову разсмот-

[1]) Эти свѣдѣнія не полны, такъ какъ, не смотря на частыя подтвержденія, изъ нѣкоторыхъ губерній не было доставлено свѣдѣній. Сенату пришлось въ 1766 и 1775 г. вновь настаивать на исполненіи этихъ требованій. Арх. М. Ю. Дѣла сената № 498—1069, л. 2—47.

рѣть, слѣдуетъ ли и впредь дозволить тамошнему купечеству покупать на свои суда русскихъ помѣщичьихъ людей, и сообщить о томъ свое мнѣніе вмѣстѣ со свѣдѣніями, сколько у тамошнихъ купцовъ мореходныхъ судовъ и крѣпостныхъ людей [1]. Во время четвертой ревизіи вновь поднялся вопросъ о дворовыхъ, принадлежащихъ астраханскимъ купцамъ, которыхъ въ то время было 157 душъ. Сенатъ на основаніи устава о водоходствѣ 1781 года рѣшилъ, что судовщики, штурманы, лоцманы и пр. на купеческихъ судахъ должны быть присяжные, а въ случаѣ ихъ недостатка и вольнонаемные; что же касается дворовыхъ астраханскаго купечества, то ихъ велѣно было продать въ полугодовой срокъ [2].

IV. (къ стр. 16). Свѣдѣнія заимствованы изъ книги Германа «Статистическія изслѣдованія», 1819 г. I, 110—122. 187—189.

Названіе губерній.	По 4-й ревизіи.		По 5-й ревизіи.	
	Крѣпостныхъ.	Казенныхъ.	Крѣпостныхъ.	Казенныхъ.
Архангельская	36	78644	65	82191
Олонецкая	6093	98950	6189	96886 [2]
Вологодская	89805	178014	87207	187671
Вятская	8400	395533	8099	439703
Пермская	123677	250070	97844	314866
С.-Петербургская	114950	42515 [1]	122913	45716
Новгородская	146930	117878	167327	206491
Тверская	276066	150367	303983	153717
Псковская	201886	77385	224964	71710
Смоленская	340458	84429	357864	83107
Ярославская	272530	84786 [3]	272530	84786
Костромская	278313	109685	272944	110125
Московская	261211	130842	284515	137483
Владимірская	283723	139493	291864	142446
Калужская	302278	59758	293841	66381
Тульская	340405	73921	359081	65709
Рязанская	307413	103824	311378	113908
Орловская	302444	146289	313090	150068
Курская	209185	235890 [1]	266056	301394
Воронежская	140911	247655	141784	182199
Нижегородская	270717	123595	320147	149757
Казанская	66924	299530	72646	322885
Симбирская	187422	168010	271327	213714
Тамбовская	190951	229635	312922	277448
Пензенская	187256	129097	275734	172519
Саратовская	156671	121671	203162	165854 [2]
Оренбургская	36920	137820	57792	174682
Тобольская	2316	213371	2320	256931
Колыванская (Томская)	348	74876	588	65475 [2]
Иркутская	325	169608	289	190406
Итого	5106564	4473141	5700465	5026228

[1]) Цифра крѣпостнаго населенія этой губерніи выведена на основаніи общаго числа крестьянъ въ ней по 4-й ревизіи и процентнаго отношенія крѣпостныхъ и казенныхъ крестьянъ во время 5-й ревизіи.

[2]) Взято среднее число между данными 4 и 6 ревизій.

[3]) По неимѣнію данныхъ 4 ревизіи приняты свѣдѣнія 5-й переписи.

[1]) Арх. Мин. Юст., Жур. и Проток. Сената № 66—3637, л. 421—423; 68—3639, л. 373—379.

[2]) П. С. З. XXII, 16.095, указъ 22 ноября 1784 г.

V. (къ стр. 19). Послѣдующее изложеніе основано преимущественно на документахъ межеваго архива въ Москвѣ. Считаемъ необходимымъ объяснить, какъ мы ими пользовались. Мы познакомились съ «экономическими примѣчаніями» 20 губерній, названныхъ въ приложенной ниже таблицѣ. Такъ какъ экономическія примѣчанія по каждому уѣзду составляютъ отдѣльный томъ in f°, то намъ пришлось изучить всего около 230 томовъ [1]). Мы отмѣчали во первыхъ относительно всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, состоятъ ли крестьяне на барщинѣ или на оброкѣ, и сколько тѣхъ и другихъ. Правда, относительно нѣкоторыхъ имѣній въ экономическихъ примѣчаніяхъ не отмѣчено, барщинныя они или оброчныя; затѣмъ иногда въ одной дачѣ помѣщичьи крестьяне находились вмѣстѣ съ государственными, такъ что неизвѣстно количество тѣхъ и другихъ отдѣльно, но такъ какъ все таки относительно громаднаго большинства имѣній (по 20 губерніямъ болѣе чѣмъ о трехъ четвертяхъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ) мы имѣли нужныя свѣдѣнія, то посредствомъ утомительнаго, кропотливаго труда подведенія итоговъ почти по всей Великороссіи, мы могли съ значительною точностію опредѣлить процентъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ каждой губерніи. Мы рѣшились предпринять этотъ трудъ потому, что считаемъ очень важнымъ опредѣлить численность оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, такъ какъ въ этихъ двухъ разрядахъ имѣній мы находимъ неодинаковую систему хозяйства: въ то время какъ въ оброчныхъ вотчинахъ крестьяне обыкновенно пользовались всею землею, въ барщинныхъ количество земли, имъ предоставленной, было значительно менѣе. Въ приложенной ниже таблицѣ обозначено извѣстное намъ число оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, чтобы показать изъ какого значительнаго количества данныхъ сдѣланъ выводъ о процентномъ отношеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ. Что касается количества земли, то мы извлекали изъ экономическихъ примѣчаній данныя по этому предмету лишь относительно имѣній болѣе ста душъ, такъ какъ, принявъ болѣе низкій minimum, мы задали бы себѣ совершенно непосильный трудъ. (Напомнимъ, что и предъ нынѣшнею крестьянскою реформою, въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ работало много членовъ, нашли нужнымъ ограничиться этою же нормою). Брать болѣе низкую норму не было надобности и потому, что въ рукахъ помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, было около 80% всѣхъ крестьянъ. Но къ сожалѣнію оказалось возможнымъ извлечь свѣдѣнія относительно не всѣхъ имѣній болѣе ста душъ; во 1-хъ мы не отмѣчали, какъ уже сказано выше, тѣхъ имѣній, о которыхъ въ экономическихъ примѣчаніяхъ не сказано, на барщинѣ крестьяне или на оброкѣ; во 2-хъ тѣ дачи, гдѣ крестьяне крѣпостные не отдѣлены отъ казенныхъ; въ 3-хъ тѣ имѣнія, въ которыхъ было слишкомъ много спорной земли; наконецъ не отмѣчались помѣстья хотя бы и имѣвшія сто душъ, но принадлежавшія не одному владѣльцу (исключеніе дѣлалось лишь для особенно крупныхъ вотчинъ). За то относительно отмѣченныхъ владѣльцевъ мы выписывали свѣдѣнія и объ ихъ имѣніяхъ ниже ста душъ и ненаселенныхъ дачахъ, лежащихъ въ томъ же уѣздѣ [2]). Вслѣдствіе того, что нерѣдко были не

[1]) Экономич. примѣчаній каргопольскаго у. олонецкой губ. и ярославскаго у. не сохранилось; примѣчанія смоленской губ. соединены по два уѣзда въ одномъ томѣ. Изъ всѣхъ экономическихъ примѣчаній были напечатаны только калужская губернія („Описанія и алфавиты къ атласу калужскаго намѣстничества", 2 т. in f° Спб. 1782 г.). Затѣмъ въ „Бѣлевской Вивліоѳикѣ" т. 2-й (М. 1858 г.) помѣщены экономич. примѣчанія бѣлевскаго у. тульской губ.

[2]) Относительно московской губерніи мы потому и не приводимъ свѣдѣній о количествѣ земли, что было бы слишкомъ затруднительно собрать данныя о всѣхъ зем-

разграничены имѣнія частныхъ владѣльцевъ между собою, а также частныя и казенныя земли, и вслѣдствіе другихъ, указанныхъ выше причинъ, мы могли воспользоваться для вывода относительно количества земли лишь частью свѣдѣній объ имѣніяхъ выше ста душъ (Въ приложенной таблицѣ указано всякій разъ изъ свѣдѣній о какомъ количествѣ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ сдѣланъ выводъ по каждой губерніи). Такимъ образомъ выводы о размѣрахъ земельныхъ надѣловъ гораздо менѣе точны, чѣмъ свѣдѣнія относительно процента оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ. Не слѣдуетъ однако думать, что они на столько далеки отъ истины, что ими вовсе нельзя пользоваться. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что часть ихъ можетъ быть до нѣкоторой степени провѣрена. Въ экономическихъ примѣчаніяхъ пяти губерній (ярославской, костромской, нижегородской, тульской и тамбовской)—есть итоги относительно землевладѣнія помѣщичьяго, разныхъ названій государственныхъ крестьянъ и проч. Такимъ образомъ, для этихъ губерній мы могли съ точностью опредѣлить, сколько приходилось всей помѣщичьей земли на одну душу крѣпостнаго населенія, а также количество пахотной земли на душу въ дворянскихъ имѣніяхъ, и оказалось, что эти цифры довольно близки къ полученному нами выводу изъ свѣдѣній объ имѣніяхъ болѣе ста душъ (см. ниже таблицу). Если и обнаружилась нѣкоторая разница, то во всякомъ случаѣ не на столько значительная, чтобы мы не могли пользоваться выводами, полученными изъ свѣдѣній объ однихъ имѣніяхъ болѣе ста душъ; при томъ же почти вездѣ оказывается, что итогъ по всѣмъ имѣніямъ той или другой губерніи даетъ намъ большее количество земли на душу, чѣмъ свѣдѣнія о крупныхъ имѣніяхъ; слѣд. выводы, полученные на основаніи послѣднихъ данныхъ, во всякомъ случаѣ нельзя признать преувеличенными. Что полученныя нами цифры близки къ истинѣ, видно и по сравненію ихъ со свѣдѣніями о количествѣ всей земли на душу въ господскихъ имѣніяхъ предъ крестьянскою реформою (свѣдѣнія эти приведены нами въ послѣдней графѣ изъ книги г. Скребецкаго «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II, т. II, стр. 1491—1533). Для нечерноземной полосы мы получаемъ среднее количество всей помѣщичьей земли на душу въ 1860 г. около 11 десятинъ: тогда какъ во время генеральнаго межеванія, если взять среднее изъ нашихъ данныхъ объ оброчныхъ и барщинныхъ вотчинахъ, получимъ около 13 дес. Принявъ во вниманіе, что населеніе этихъ губерній возрасло со времени 4-й до 10-й ревизіи на 10,6% (срав. данныя, приведенныя въ IV дополненіи, со свѣдѣніями у Тройницкаго: «Крѣп. насел. въ Россіи по 10 переписи»), а количество дворянскихъ земель, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ трехъ губерніяхъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія и для XVIII в., уменьшилось, мы увидимъ, что нашъ окончательный выводъ вполнѣ справедливъ. Для нечерноземной полосы разница гораздо болѣе: во время 10 ревизіи приходилось среднимъ числомъ по 6 дес. всей помѣщичьей земли на душу, а въ эпоху генеральнаго межеванія по нашему счету около 10 дес.; но за то крѣпостное населеніе названныхъ 7 губерній черноземной полосы возросло на 42,7%, относительно же всего количества помѣщичьей земли намъ извѣстно, что въ тульской оно нѣсколько увеличилось сравнительно съ XVIII в., а въ тамбовской уменьшилось. Слѣдовательно, если бы не было уменьшенія помѣщичьей земли, то въ прошломъ столѣтіи должно бы быть въ среднемъ по 8,6 дес. всей помѣщичьей земли на душу, если же было уменьшеніе въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, какъ и въ тамбовской, тогда нашъ выводъ вполнѣ правдоподобенъ. Къ тому же

ляхъ того или другаго владѣльца вслѣдствіе отсутствія въ экономич. примѣч. московской губерніи алфавитнаго указателя всѣхъ вотчинниковъ, помѣщаемаго въ межевыхъ описаніяхъ всѣхъ другихъ мѣстностей.

нужно принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ межеваніе было окончено ранѣе 4 ревизіи и слѣдовательно приведены данныя относительно числа душъ по 3 рев, при чемъ получаются надѣлы нѣсколько большіе. Во всякомъ случаѣ среднее количество помѣщичьей земли на душу во всей черноземной полосѣ Великороссіи должно быть даже болѣе принятаго нами, потому что мы не имѣли свѣдѣній о такихъ многоземельныхъ губерніяхъ, какъ самарская и оренбургская (въ первой предъ крестьянскою реформою было помѣщичьей земли по 15,6 дес, на душу, во второй по 20 дес.).

Указанные нами на стр. 25, 29 и 32 средніе выводы относительно количества земли въ оброчныхъ и барщинныхъ вотчинахъ представляютъ среднее пропорціальное изъ данныхъ объ отдѣльныхъ губерніяхъ. Разумѣется выводъ, сдѣланный такимъ образомъ, былъ бы вполнѣ точенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы во всѣхъ указанныхъ нами губерніяхъ было одинаковое число крѣпостныхъ. Требовать вполнѣ точныхъ статистическихъ указаній относительно прошлаго столѣтія дѣло совершенно невозможное, но такъ какъ полученнымъ нами среднимъ выводомъ относительно оброчныхъ крестьянъ всѣхъ указанныхъ губерній мы мѣстами пользуемся и въ дальнѣйшемъ изложеніи, то мы нашли нужнымъ провѣрить его такимъ способомъ, при которомъ было бы принято во вниманіе различіе въ численности крѣпостныхъ крестьянъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ. Для этого на основаніи приведенныхъ нами данныхъ—всего числа крѣпостныхъ въ губерніи и процента оброчныхъ крестьянъ—мы вычисляли число оброчныхъ; затѣмъ помножали на это число полученный нами выводъ изъ свѣдѣній экономическихъ примѣчаній (объ оброчныхъ вотчинахъ болѣе 100 душъ) относительно количества земли на душу и, узнавъ такимъ образомъ все количество земли въ оброчныхъ вотчинахъ нечерноземной и черноземной полосъ, а затѣмъ и всѣхъ указанныхъ губерній, мы дѣлили эту сумму на число оброчныхъ крестьянъ въ соотвѣтственной мѣстности и такимъ образомъ вычислили, по скольку приходилось въ среднемъ на одну душу м. п. всей земли въ оброчныхъ вотчинахъ [1]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вычисленій мы получили для нечерноземной полосы въ оброчныхъ вотчинахъ—14 дес., для черноземной 10,1 и наконецъ въ среднемъ выводѣ о 17 губерніяхъ, гдѣ мы привели свѣдѣнія объ оброчныхъ вотчинахъ—13,8, т. е. совершенно такой же окончательный выводъ, какъ и указанный нами въ текстѣ на стр. 32.

Въ оброчныхъ вотчинахъ вся пахотная земля обрабатывалась крестьянами въ свою пользу; относительно же барщинныхъ имѣній приходится высчитывать количество собственно крестьянской пахотной земли изъ общаго количества за-

[1]) Такъ при этомъ способѣ всякая значительная неточность могла имѣть большое вліяніе на общій выводъ, то мы должны были принять во вниманіе поправки, которыя указывались экономическими примѣчаніями тѣхъ губерній, гдѣ мы имѣемъ итоги всей помѣщичьей земли. Такъ относительно ярославской губ. мы считали не по $6^1/_2$ десят. земли на душу въ оброчныхъ вотчинахъ, какъ это оказалось въ среднемъ выводѣ изъ извѣстныхъ намъ данныхъ о крупныхъ помѣщичьихъ вотчинахъ, а по 10 дес., какъ это указано итогомъ о всѣхъ имѣніяхъ; въ тульской губ. не по 5, а по 6 дес.; наоборотъ въ костромской губ. мы считали не по 23, а по 20 дес. Относительно ярославской губ., по неимѣніи данной четвертой ревизіи о числѣ крѣпостныхъ, у насъ приведена цифра 5-й ревизіи; такъ какъ вслѣдствіе этого при вычисленіи могло бы быть получено общее количество земли гораздо болѣе дѣйствительнаго, то мы приняли количество крѣпостныхъ ярославской губ. не 272530 душъ, а взяли среднюю величину изъ данныхъ генеральнаго межеванія (вѣроятно третьей ревизіи) и 5-й ревизіи и получили всего 239282 д., откуда и вычислили число оброчныхъ крестьянъ ярославской губ.

пашки. По свѣдѣніямъ, сообщаемыми современниками, среднимъ числомъ пахали въ пользу господина по одной десятинѣ въ полѣ на тягло (см. выше стр. 64—65). Такъ какъ въ черноземной полосѣ было обыкновенно по 2 д. на 1 тягло, то слѣдовательно на душу приходилось въ 3-хъ поляхъ—$1^1/_2$ дес. господской запашки; въ нечерноземной полосѣ одному тяглу обыкновенно соотвѣтствуетъ $2^1/_2$ души; но мы принимаемъ и здѣсь по $1^1/_2$ дес. господской запашки на душу и такимъ образомъ считаемъ на тягло въ этой мѣстности по $3^3/_4$ дес.

Свѣдѣнія о времени межеванія въ различныхъ губерніяхъ взяты изъ книги Арсеньева «Стат. очерки Россіи», стр. 490—501. Отношеніе крѣпостныхъ къ остальному сельскому населенію во время 4-ой ревизіи вычислено на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ у Германа и приведенныхъ нами въ Дополненіи IV. Данныя о томъ, сколько десятинъ земли приходится на одного жителя губерніи м. п., представляютъ выводъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Арсеньевымъ (стр. 117—131 и 490—500; нужно помнить, что у Арсеньева обозначено число жителей обоего пола).

Въ текстѣ мы касаемся еще двухъ вопросовъ: развитія отхожихъ промысловъ и отношенія между собою крупнаго и мелкаго помѣщичьяго землевладѣнія (по числу душъ крестьянъ). Источники, преимущественно неизданные, послужившіе для нашихъ указаній объ отхожихъ промыслахъ, будутъ названы въ томъ отдѣлѣ нашего труда, гдѣ мы будемъ подробно говорить объ этомъ предметѣ; что же касается данныхъ о размѣрахъ помѣстнаго землевладѣнія, то онѣ заимствованы изъ свѣдѣній, собранныхъ въ 1777 г. по всей Россіи, хранившихся первоначально въ архивѣ министерства финансовъ и спасенныхъ отъ грозившаго имъ истребленія академикомъ Кеппеномъ, который и пожертвовалъ эти документы въ библіотеку Академіи наукъ (см Вѣдомости о числѣ дворянъ, имѣющихъ свои деревни» 1777 г. 4 т. in f°, № 159—132. VIII. 17). Къ сожалѣнію свѣдѣнія были доставлены или по крайней мѣрѣ сохранились относительно не всѣхъ провинцій Великороссіи и Сибири, а только о слѣдующихъ: псковской и великолуцкой провинц., петербургской губерніи, провинціяхъ: вологодской, устюжской, архангелогородской, галицкой, казанской, пермской, вятской, нижегородской, симбирской, арзамасской, свіяжской, симбирской, губерній—астраханской и оренбургской, провинцій пензенской, тамбовской, шацкой, елецкой, орловской, воронежской, сѣвской, бѣлгородской, тобольской, удинской, иркутской и якутской. Нѣтъ свѣдѣній объ 11 провинціяхъ, составлявшихъ тогдашнюю московскую губернію, и о трехъ провинціяхъ новгородской губерніи [1]).

[1]) Тогдашнее административное раздѣленіе Россіи см. у *Арсеньева*, Стат. очерки Россіи, стр. 93—102.

Названія губерній.	Время генеральнаго межеванія.	Число крѣпостныхъ крестьянъ по 4-й ревизіи.	% крѣпостныхъ относительно всего сельскаго населенія по 4-й ревизіи.	Извѣстное число оброчныхъ крестьянъ.	Извѣстное число барщинныхъ крестьянъ.	Итого тѣхъ и другихъ.	Въ томъ числѣ. % оброчныхъ.	% барщинныхъ.
Олонецкая	1778—1796	6093	6	2946	1515	4461 [3])	66	34
Петербургская	1781—1795	114950 [1])	73 [2])	22071	21314	43385 [4])	51	49
Псковская	1781—1796	201886	72	38392	146765	185157	21	79
Новгородская.	1778—1796	146930	55	60424	63556	123980	49	51
Смоленская.	1776—1779	340458	80	70796	167762	238558	30	70
Тверская	1776—1781	276066	64	97451	115799	213250	46	54
Ярославская.	1773—1783	272530	76 [2])	148530	42388	190918 [5])	78	22
		(по 5 рев.)						
Костромская	1773—1783	278313	72	194751	34957	229708	85	15
Вологодская.	1782—1796	89805	34	64564	13610	78174	83	17
Владимірская.	1773—1776	283723	67	104918	109030	213948	50	50
Московская.	1766—1774	261211	66	78864	142401	221265	36	64
Калужская	1776—1778	302278	83	149956	107375	257331	58	42
Нижегородская	1784—1797	270717	69	194470	42754	237224	82	18
		2844960		1228133	1009226	2237359	55	45
Орловская.	1778—1782	302444	68	67967	130846	198813	34	66
Тульская	1776—1780	340405	80	18343	211293	229636	8	92
Рязанская.	1775—1776	307413	75	40784	170753	211537	19	81
Пензенская.	1782—1793	187256	51	54635	51348	105983	52	48
Тамбовская.	1782—1797	190951	45	26682	94602	121284	22	78
Курская	1782—1797	209185 [1])	47 [2])	6849	76304	83253	8	92
Воронежская.	1782—1798	140911	37	59463	33876	93339	64	36
		1678565		274723	769022	1043845	26	74
		4523525		1502856	1778248	3281204	44	56

[1]) Цифра крѣпостнаго населенія этой губерніи выведена на основаніи общаго числа зенныхъ крестьянъ во время 5-й ревизіи.

[2]) Выводъ сдѣланъ изъ данныхъ 5-й ревизіи.

[3]) Въ 3-хъ уѣздахъ: ладейнопольскомъ, вытегорскомъ и петрозаводскомъ.

[4]) Въ 3 хъ уѣздахъ: гдовскомъ, лужскомъ и новоладожскомъ. Пространство губерніи

[5]) Кромѣ ярославскаго уѣзда.

Число десятинъ на 1 душу м. п. всего населенія въ губерніи.	Число десятинъ всей помѣщичьей земли на одного крѣпостнаго м. п.	Въ томъ числѣ. Десятинъ всей пахотной земли на одного крѣпостнаго м. п.	Въ томъ числѣ. Десятинъ всей сѣнокосной земли на одного крѣпостнаго м. п.	Число десятинъ всей земли въ въ оброчныхъ вотчинахъ на одного крѣпостнаго м. п.	Число десятинъ пахотной земли въ оброчныхъ вотчинахъ на одного крѣпостнаго м. п.	Изъ свѣдѣній о какомъ числѣ душъ сдѣланъ выводъ.	Сколькихъ владѣльцевъ эти души.	Число десятинъ всей земли въ барщинныхъ вотчинахъ на одного крѣпостнаго м. п.	Число десятинъ всей пахотной земли въ барщинныхъ вотчин. на одного крѣпостнаго м. п.	Число десятинъ пахотн. земли въ барщин. вотч. находящихся въ пользов. одного крѣп. м. п.	Изъ свѣдѣній о какомъ числѣ душъ сдѣланъ выводъ.	Сколькихъ помѣщиковъ эти крѣпостные.	Число десятинъ всей помѣщ. земли на одного крѣпостн. м. п. въ 1860 г.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	—	—	—	18	3	4282	11	—	—	—	—	—	16,9
14	—	—	—	12	4,8	18377	11	12	5	3½	14862	32	13,3
35	—	—	—	28	4,7	3871	12	24	6	4½	1659	6	21,4
11,5	—	—	—	9,5	5,3	47431	70	13	4,8	3,3	41375	135	8,1
13,5	—	—	—	14	3,3	22693	72	11	3	1½	11932	56	9
8,9	10,3	3,4	0,7	6½	2,8	37590	63	7,1	3	1,5	2245	11	7,8
18,5	болѣе 20	болѣе 4,8	болѣе 1	23	4,2	36993	100	—	—	—	—	—	14,3
—	—	—	—	29.5	3	5551	24	—	—	—	—	—	15,7
10	—	—	—	10,6	3,3	24035	69	8,7	3,4	1,9	33401	69	7
6,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5
7,4	—	—	—	7,8	3,6	29416	61	5,8	3,3	1 8	6310	43	6,5
11,5	9,6	4,2	0,5	10	3,6	56212	87	8	3,8	2,3	7249	19	7
9	—	—	—	9,4	4,7	14997	42	6,5	3,9	2.4	10199	38	6
6,4	7,5	5,1	0,6	5	3,5	11415	26	7	5	3½	39956	131	5,1
9	—	—	—	9	2	14924	31	7½	4	2½	27325	84	5,3
11	—	—	—	9	4,6	23821	29	8½	4,9	3,4	13630	36	6,1
14	13,5	5,4	3,2	13	6	13659	8	11	4,4	2,9	20515	52	6.3
9	—	—	—	—	—	—	—	8,7	4,4	2,9	9202	31	4,9
15	—	—	—	15,7	5,6	40680	22	21	8,3	5,3	16795	43	7,3

крестьянъ въ ней во время 4-й ревизіи и процентнаго отношенія числа крѣпостныхъ и ка-

принято по Стрѣльбицкому.

VI). (Къ стр. 31). Свѣдѣнія эти представляютъ итогъ данныхъ, находящихся объ этихъ вотчинникахъ, въ экономическихъ примѣчаніяхъ и въ упомянутыхъ въ Дополненіи V донесеніяхъ изъ 26 провинцій Великороссіи. Тотъ и другой матеріалъ взаимно пополняютъ другъ друга. Однакоже приведенныя свѣдѣнія, разумѣется, не отличаются математическою точностію, во первыхъ потому, что имѣющіяся у насъ данныя о числѣ душъ въ имѣніяхъ относятся иногда къ разнымъ ревизіямъ (3-й или 4-й), а во вторыхъ потому, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ было 2 или нѣсколько владѣльцевъ, на основаніи экономич. примѣчаній нельзя точно опредѣлить, сколько принадлежало каждому изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя до извѣстной степени вѣрны и представляютъ minimum числа душъ, принадлежавшихъ указаннымъ владѣльцамъ; разница съ дѣйствительнымъ количествомъ нигдѣ не можетъ быть болѣе одной—двухъ тысячъ душъ. Кто знаетъ несовершенство нашихъ статистическихъ свѣдѣній даже въ настоящее время, тотъ не станетъ требовать невозможной математической точности для данныхъ прошлаго вѣка. Напоминаемъ еще разъ, что тутъ показано число душъ, принадлежавшихъ тому или другому владѣльцу только въ Великороссіи. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Кирила Разумовскій, имѣли огромныя имѣнія и въ Малороссіи [1]), другіе получили огромныя населенныя имѣнія въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши (см. нашу статью «Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II». Отеч. Зап. 1877, № 8).

VII). (Къ стр. 34). А. П. Волынскій, въ инструкціи своему дворецкому, предписываетъ: «на каждое цѣлое тягло уравнять земли крестьянамъ ихъ собственныя во всѣхъ деревняхъ: когда тягло вспашетъ на меня двѣ десятины въ полѣ [2]), то надобно, чтобъ собственной ему земли было на всякое тягло противъ того вдвое, которую, не запуская, конечно, повиненъ всякій крестьянинъ самъ для себя вспахать и всю землю посѣять, не отговариваясь тѣмъ, что посѣять нечѣмъ, или не на чемъ пахать, понеже на то имъ опредѣляется ссуда» [3]). Такъ какъ у Волынскаго тягла были двойныя (по два работника и двѣ работницы), и такъ какъ онъ считалъ десятину въ 3.200 кв. саж., то на простое тягло обыкновенныхъ десятинъ придется по $2^2/_3$ въ каждомъ полѣ, или 8 десятинъ *пахотной* земли во всѣхъ трехъ поляхъ. Татищевъ въ своихъ экономическихъ запискахъ опредѣляетъ только minimum количества пахотной крестьянской земли — 4 десятины во всѣхъ трехъ поляхъ на тягло; въ случаѣ же ея обилія, рекомендуетъ всю землю, за исключеніемъ господской запашки и покоса, отдать крестьянамъ, а малоземельныя деревни опредѣлять на оброкъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что помѣщикъ, который самъ не можетъ присматривать за хозяйствомъ, постуступитъ благоразумнѣе, отдавъ крестьянамъ всю свою землю; при этомъ, если довольно пахотной земли, такъ чтобы въ каждомъ полѣ было не менѣе 3 десятинъ, и много покосовъ и лѣсовъ, то можно требовать съ тягла или указываемое Татищевымъ количество сборовъ натурою, или деньгами по 10 руб. въ годъ [4]). Это составитъ съ ревизской души по 4 — 5 руб., оброкъ слишкомъ большой для 40-хъ годовъ XVIII в., когда составлены были «Экономическія Записки»; но за то каждое тягло получало по 12 десятинъ (въ 2.400 кв. саж.) одной пахотной земли во всѣхъ поляхъ, да еще въ придачу значительное количество покоса и лѣса. Въ екатерининской коммиссіи для составленія новаго Уложенія, депутатъ Мель-

[1]) Въ имѣніяхъ К. Разумовскаго, лежавшихъ въ уѣздахъ батуринскомъ, быковскомъ, ягодинскомъ и гадячскомъ было 22.649 д. взрослыхъ работниковъ (15—60 лѣтъ), слѣд. всего болѣе 40 тыс. душъ м. п. *Güldenstädt.* Reisen II, 382.

[2]) Такою повинностью велѣно было обложить всѣ тягла.

[3]) „Москвитянинъ", 1854 г. №№ 1 и 2, стр. 23.

[4]) „Временникъ", кн. XIII, стр. 13, 29—30.

гуновъ заявилъ, что, «по вкоренившемуся обычаю, помѣщики даютъ крестьянамъ въ собственность» пашни по двѣ десятины на тягло [1]), конечно, въ каждомъ полѣ. Болтинъ, защищая русскихъ крестьянъ отъ обвиненія въ праздности, взведеннаго на нихъ Леклеркомъ, говоритъ, что мужику приходится унавозить, вспахать и посѣять «по крайней мѣрѣ три десятины, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ довольно земли, до четырехъ и до пяти»; такъ какъ при трехпольномъ хозяйствѣ ежегодно обрабатывается два поля, то, слѣдовательно, въ каждомъ изъ нихъ приходилось воздѣлать отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ десятинъ; если даже Болтинъ принимаетъ при этомъ во вниманіе и господскую запашку, мы получимъ все-таки 1—2 десятины въ полѣ, что совпадаетъ съ его указаніемъ, что при раздѣлахъ земли на паи приходится по 1 — 2 десятины въ каждомъ полѣ [2]). Слѣдовательно, по его словамъ, на каждый пай приходилось отъ 3—6 десятинъ во всѣхъ поляхъ; онъ говоритъ, что большинство крестьянъ владѣло однимъ паемъ, но все-таки значительное число [3]) брало по два пая, т. е. по 6—12 десятинъ. Такимъ образомъ, на основаніи этого свидѣтельства, можно было бы принять, что въ среднемъ на тягло приходилось по 2 десятины въ каждомъ полѣ. Авторъ книги «Плугъ и Соха» (1806 г.) говоритъ: «у насъ, гдѣ обыкновенная пашня, въ хлѣбородныхъ и многоземельныхъ мѣстахъ полагается до 3 десятинъ въ полѣ.... на каждаго работника, считая одну на господина, а двѣ на себя» [4]). По словамъ Дурасова, помѣщики, «буде земель достаточно, на каждое тягло полагаютъ отъ 2—3 десятинъ каждаго поля», т. е. 6—9 десятинъ пахотной земли во всѣхъ поляхъ [5]).

Для приблизительнаго опредѣленія величины наиболѣе обычныхъ крестьянскихъ надѣловъ, мы имѣемъ еще одно средство. Авторы различныхъ проектовъ по крестьянскому вопросу, въ екатерининскую эпоху, высказывали свои мнѣнія о томъ, какимъ количествомъ земли слѣдовало бы надѣлить крѣпостныхъ при предлагаемомъ ими устройствѣ ихъ быта. Такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ, разумѣется, отражалось современное положеніе крестьянъ, то они также могутъ послужить матеріаломъ для общаго вывода по занимающему насъ теперь вопросу. Депутатъ ямбургскаго дворянства, Вольфъ, въ проектѣ, представленномъ имъ въ коммиссію о разборѣ государственныхъ родовъ, предлагаетъ дать крестьянамъ за извѣстныя повинности по 3 дес. пахотной земли въ каждомъ полѣ на тягло, кромѣ луговъ, пастбищъ, усадебной и садовой земли [6]). Депутатъ Титовъ, въ своемъ проектѣ, также предлагаетъ, чтобы каждое тягло обрабатывало по 3 дес. въ полѣ, слѣдовательно, всего 9 дес. [7]). Авторъ одного неизданнаго мнѣнія, составленнаго въ 1778—1780 гг. полагаетъ, что на тягло довольно по двѣ десятины въ полѣ пахотной земли и нѣкоторое количество сѣнокоса, а въ малоземельныхъ вотчинахъ, гдѣ не окажется по 2 дес. на душу, слѣдуетъ раздѣлить всю землю пополамъ между помѣщикомъ и крестьянами, или, по крайней мѣрѣ, давать на тягло не менѣе одной десятины [8]). Авторъ «Размышленія о неудобствахъ въ Рос-

[1]) Сборн. Истор. Общества, VIII, 346.

[2]) „Примѣчанія на Леклерка" II, 179, 341.

[3]) Въ приводимомъ имъ примѣрномъ исчисленіи $^1/_6$ всего количества.

[4]) „Плугъ и Соха", М. 1806, стр. 17. — Лунинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Крестьяне повсемѣстно обрабатываютъ на себя земли вдвое противъ меня". Въ волоколамскомъ уѣздѣ московской губерніи, въ имѣніи кн. Мещерскаго, работникъ получалъ за обработку одной господской десятины почти двѣ десятины пашни, а въ имѣніи кн. Шаховскаго гораздо болѣе—слишкомъ по четыре десятины пашни. (Тр. Вольн. Эк. Общ. ч. 66, стр. 17—18, 22—23).

[5]) „Тр. Вольн. Эк. Общ." 1820, т. LXXII, 221.

[6]) Арх. II Отд. вяз. 357—352, проэктъ Вольфа, гл. V.

[7]) Арх. II Отд. вяз. 357—352, б, дѣло № 34—1, п. 3 и 5.

[8]) Рук. Сборн. Публ. Библ. F II, № 145, л. 127—137, п. 11.

сіи дать свободу крестьянамъ» (1785 г.) говоритъ, что, при освобожденіи, слѣдовало бы надѣлить ихъ такимъ количествомъ земли на каждое тягло: пашни 6 дес. во всѣхъ поляхъ, 2 дес. луговъ, 2 дес. лѣсу и десятину на неудобныя мѣста, и того 11 дес., да еще сверхъ того на каждый дворъ по 1.600 кв. саж.; авторъ прибавляетъ: «меньше положить не можно», «я положилъ самую необходимость» [1]. доловъ считаетъ необходимымъ, при предлагаемомъ имъ устройствѣ крестьянъ, дать на каждаго взрослаго работника мужскаго пола всей земли — усадебной, пашни, сѣнокосу, выгону и лѣсу по 10 дес. [2]). Само собою разумѣется, что помѣщики въ своихъ проектахъ не могли въ ущербъ себѣ предлагать слишкомъ большіе надѣлы для крестьянъ, и потому на большинство изъ предложенныхъ здѣсь данныхъ слѣдуетъ скорѣе смотрѣть какъ на крайній minimum земельнаго обезпеченія крестьянъ, въ дѣйствительности же, крестьяне, конечно, пользовались бо̀льшимъ количествомъ земли.

Какой же общій выводъ о количествѣ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, мы можемъ сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ? Мы можемъ принять, что всего чаще давали крестьянамъ на одно тягло 2—3 дес. въ полѣ, т. е. 6—9 дес. пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ. Примемъ 6 десятинъ для вотчинъ, лежащихъ въ нечерноземной полосѣ и 9 для черноземной мѣстности. Прежде чѣмъ вычислять количество остальной земли, разсчитаемъ, по скольку это придется не на тягло, а на душу.

Мы приведемъ ниже много указаній на то, что тягловыми работниками считались люди отъ 16—60 лѣтъ. По разсчету академика Буняковскаго, люди этого возраста составляютъ 56% общаго населенія мужскаго пола; слѣдовательно, на одно тягло приходится двѣ ревизскія души [3]). Нѣкоторые писатели конца XVIII и начала XIX в. принимаютъ на тягло по двѣ съ половиною ревизскихъ души [4]), но другіе авторы указываютъ на отношеніе 2 : 1 [5]). И то, и другое могло быть справедливо для различныхъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, такъ было предъ крестьянскою реформою. Редакціонныя коммиссіи пришли къ такому убѣжденію: «чѣмъ рѣже населеніе или, что все равно, чѣмъ дешевле земля, тѣмъ тяголъ болѣе и обратно. Въ дешевыхъ мѣстахъ естественное отношеніе взрослыхъ работниковъ къ неработникамъ увеличивается установленіемъ *полутягловыхъ* работниковъ, которые состоятъ изъ подростковъ и стариковъ, получающихъ полутягловые надѣлы, такъ что число полныхъ тяголъ въ этихъ мѣстахъ составляетъ не менѣе половины числа душъ, т. е. на каждое тягло приходится по двѣ души. Чѣмъ дороже земля, тѣмъ отношеніе это увеличивается и доходитъ до трехъ душъ въ тяглѣ». Такимъ образомъ, въ нечерноземной полосѣ тягло состояло, обыкновенно, изъ двухъ душъ, иногда даже нѣсколько менѣе и не превышало двухъ съ четвертью душъ, а въ черноземной колебалось отъ 2,35 до 3 душъ [6]).

Если принять на одно тягло для имѣній нечерноземной полосы 2 ревизскія

[1]) Чт. Общ. Ист. Древ. Росс. 1861 г., т. III, 103.

[2]) Тр. Вольн. Эконом. Общ. 1769 г., XI, 35, 53—54.

[3]) „Возрастная группировка мужскаго православнаго населенія въ 1872 г.“ Приложеніе къ XXVI т. „Записокъ Академіи Наукъ“, № 2, 1875 г., стр. 40. Правда это вычисленіе сдѣлано для 1872 г. при извѣстной нормѣ годовыхъ рожденій (435 рожденій на 10.000 д. въ годъ); сто лѣтъ тому назадъ процентъ ихъ могъ быть нѣсколько иной; но намъ нужна лишь величина приблизительная.

[4]) *Болтинъ* II, 341, *Дурасовъ* въ Тр. Вольн. Эк. Общ., ч. LXXII, 221.

[5]) Удоловъ въ одной статьѣ принимаетъ отношеніе всего населенія къ числу дѣйствительныхъ работниковъ, какъ 2:1. (Тр. Вольн. Эк. Общ. XXIII, 118—125).

[6]) *Скребицкій*, II, 1.045, 1.209.

души, а для черноземной $2^1/_2$ [1]), то мы получимъ среднее количество пахотной земли въ первыхъ по 3 дес., во вторыхъ по $3^1/_2$, а въ среднемъ $3^1/_4$ дес. на душу м. п. Это среднее количество весьма близко къ выводу, сдѣланному нами на основанiи свѣдѣнiй «Экономическихъ примѣчанiй» о болѣе крупныхъ вотчинахъ.

VIII. (къ стр. 50). Приводимъ свѣдѣнiя о размѣрѣ оброка съ каждой души въ различныхъ имѣнiяхъ. Въ спискѣ разныхъ имѣнiй гр. Головкиныхъ 1763 г., очевидно оброчныхъ (вологодской, владимiрской, московской, калужской, тульской и орловской губернiй) обозначенъ доходъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 70 к. съ каждой души. Въ имѣнiи кн. Дм. Мих. Голицына въ гжатскомъ у. смоленской губ. до 1763 г. собиралось съ души по 40 к., а съ этого времени по 2 р.; въ его же имѣнiи въ юрьевскомъ у. (впослѣдствiи владимiрской губ.) въ 1763 г. по 1 р. Въ имѣнiи вице-канцл. кн. Алекс. Мих. Голицына бѣлевскаго у. тульской губ., въ первой половинѣ 60-хъ годовъ—2 р. 50 к. съ души. Въ 1771 г. въ имѣнiи кн. Д. М. Голицына: ярославской губ. ростовскаго у. по 1 р. 58 к. съ души и еще крестьяне должны присылать 6 работниковъ въ подмосковную вотчину или деньгами 50 р., что составляло по 16 к. съ души; тульской губ. алексинскаго у. по 1 р. 75 к., орловской губ. по 2 р. 33 коп.; въ московской губ. можайскаго у. по 1 р. 20 к. и посылали 7 работниковъ (съ 84 душъ) на лѣто для дѣланiя кирпича въ подмосковную вотчину. Въ 1771 г. во всѣхъ имѣнiяхъ покойнаго кн. Андрея Мих. Голицына по 3 р. съ души. Въ томъ же году во всѣхъ имѣнiяхъ фельдмаршала кн. Александ. Мих. Голицына по 4 р. съ души. До 1771 г. во всѣхъ имѣнiяхъ кн. Ник. Алексѣев. Голицына собиралось съ души по 2 р., а послѣ того съ вотчинъ, лежавшихъ въ московской, симбирской, тверской, костромской и вологодской губернiяхъ по 3 р. съ души, въ тульской 3—3 р. 50 к., въ пензенской—3 р. 40 к. Въ 1772 г. въ имѣнiяхъ княжны Анны Алексѣевны Голицыной въ губернiяхъ костромской, нижегородской и рязанской по 3 р. Въ 1773 г. въ вотчинахъ Мих. Петр. Нарышкина: въ одномъ имѣнiи галицкаго у. костромской губ. по 2 р. съ души, кромѣ того ленъ прясть и 3 дня господской работы во время пашни и жнитва; въ другомъ имѣнiи тамъ же по 1 р. 33 коп., еще по 40 коп. арендной платы за лѣсъ, да еще прясть ленъ и работать «всякую господскую работу»; въ третьемъ имѣнiи тамъ же по 2 р. 40 к. и прясть ленъ; въ мелкихъ вотчинахъ тамъ же по 2 р. 80 к.—3 р. и прясть ленъ. Въ мелкихъ вотчинахъ суздальскаго уѣзда владимiрской губ. по 3 р. и прясть ленъ; тамъ же въ уѣздѣ Переяславля-Залѣсскаго по 2 р. 22 к. и 1 арш. холста. Въ небольшихъ имѣнiяхъ ярославской губ. по 1 р. 30 к.—2 р. 60 к. и прясть ленъ. Въ имѣнiи калужской губ.—2 руб. Въ тульскихъ деревняхъ столовыхъ запасовъ по приблизительной оцѣнкѣ на 1 р. — 1 р. 20 к. съ души.—Въ половинѣ 70-хъ годовъ въ имѣнiяхъ покойнаго Сем. Кирил. Нарышкина казанской, нижегородской, тульской и смоленской губ. по 2 р. 50 к., во владимiрской по 3 р. съ души. Въ 1776 г. въ имѣнiи княжны Натальи Голицыной московской губ. по 3 р.—Въ 1779 г. въ имѣнiяхъ вице-канцлера

[1]) Справедливость такого вывода для прошлаго столѣтiя подтверждается и отдѣльными примѣрами. Такъ въ различныхъ имѣнiяхъ А. М. Нарышкиной, лежавшихъ въ губернiяхъ костромской, ярославской и владимiрской, приходилось на одно тягло—1,5; 1,6; 1,7; 1,8; 2; 2,2; 2,3 и только въ одномъ 2,5 душъ, (Голицын. дѣла). Въ имѣнiяхъ московской губ. кн. Шаховскаго и кн. Мещерскаго было 1,7 и 2 д. на тягло (Тр. В. Эк. Об. LXVI, стр. 17, 22 — 23). Правда въ имѣнiяхъ А. М. Нарышкиной, тульской губ., было 2—2,3 д. на тягло, но всего чаще мы встрѣчаемъ тамъ по 2,5 д. на тягло и болѣе (по $2^1/_2$ д. на тягло было въ имѣнiяхъ тульской и рязанской губ. кн. Д. М. и А. М. Голицыныхъ; въ одномъ рязанскомъ имѣнiи послѣдняго приводилось на тягло даже по $3^1/_2$ д.). (Голиц. дѣла).

кн. А. М. Голицына въ брянскомъ уѣздѣ орловской губ. и рославльскомъ уѣздѣ смоленской губ. по 3 р. (не деньгами, а пенькою, хлѣбомъ, а также понемногу воску, дегтя и колесъ), въ бѣлевскомъ у. тульской губ. около 2 р. (отчасти натурою, орѣховымъ масломъ). (Изъ Голицынскихъ дѣлъ въ Арх. М. Ин. Дѣлъ). Въ 70-хъ годахъ въ одномъ имѣніи новоторжскаго у. крестьяне платили по 1 р. 75 к.; въ одной вотчинѣ клинскаго у. по 2 р. 50 коп. съ души (*Güldenstädt.* Reisen durch Russland II, 462, 456). Одинъ помѣщикъ московской губ. въ 70-хъ годахъ бралъ съ *тягла* по 5 р., слѣд. около 2 р. 50 к. съ души (Арх. В. Эк. Общ., кн. 22, «Мысли патріота», л. 140). Рычковъ въ это время также находилъ возможнымъ брать пятирублевый оброкъ съ тягла (Тр. В. Эк. Общ. 1770 г. XVI, 56). Въ промышленныхъ вотчинахъ уже и въ это время оброкъ былъ гораздо выше. Крестьяне села Павлова, принадлежавшаго гр. Шереметеву, — въ началѣ 70-хъ годовъ платили господину по 15.000 р. (*Georgi.* Bemerkungen II, 835); такъ какъ въ это время тамъ было около 3000 душъ («Эконом. примѣч.» горбат. у. нижег. губ. въ Меж. Арх.), слѣд. приходится около 5 р. съ души. Въ 80-хъ годахъ въ имѣніяхъ князей Михаила, Борис. и Алексѣя Андр. Голицыныхъ владимірской губ. по 3—3 р. 50 к., смоленской, пензенской и саратовской по 3 р. 25 к.; кромѣ того во всѣхъ этихъ вотчинахъ за расположенныхъ на нихъ дворовыхъ по 15 к. съ крестьянской души; въ курской губ. всего по 3 р. (Голиц. дѣла). Въ имѣніи В. И. Суворова, отца знаменитаго Суворова-Рымникскаго, въ новгородской губ., крестьяне платили по 2 руб. съ души; при самомъ Александрѣ Васильевичѣ въ 80-хъ годахъ въ его вотчинахъ, лежавшихъ во владимірской, костромской, новгородской и пензенской губерніяхъ—по 3 р. (*Рыбкинъ.* Генералисс. Суворовъ, М. 1874, стр. 26, 19).—Въ 80-хъ годахъ въ имѣніи гр. Шувалова, нижегородской губ., по 3 р. (*гр. Орловъ-Давыдовъ*, Біогр. очеркъ гр. В. Г. Орлова, Спб. 1878, II, 41). Въ 70—80-хъ годахъ въ имѣніяхъ гр. Орловыхъ по 4 р. (Ibid. I, 270). Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ казанскихъ деревняхъ Державина по 3 р. (Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ V, 1869 г. стр. 422). Самыя подробныя свѣдѣнія о величинѣ оброка мы имѣемъ относительно тверской губерніи за 1783—1784 гг. Крестьяне платили тамъ по 2—3 р. съ души или отъ 5 до 10 р. съ *вѣнца* (вѣнцомъ называли одного взрослаго мужчину и одну женщину), а именно при счетѣ по душамъ въ весьегонскомъ у. брали по 2 р., въ осташковскомъ по 2 и по 3 р., во всѣхъ остальныхъ уѣздахъ по 3 р.; при уплатѣ съ вѣнца взносъ измѣнялся такимъ образомъ: въ весьегонскомъ и ржевскомъ по 5 р., зубцовскомъ 6 р., бѣжецкомъ 5—9 р., кашинскомъ, корчевскомъ, осташковскомъ и старицкомъ 5 — 10 р., тверскомъ 10 р. Иногда помѣщикъ требовалъ сверхъ того взносовъ натурою, напр. въ новоторжскомъ у. нѣкоторые владѣльцы требовали еще съ женщинъ по 10 и 15 арш. холста, сухихъ грибовъ и ягодъ. Другіе же брали это въ счетъ оброка. (Описаніе тверской губерніи, напечатанное В. И. Покровскимъ подъ заглавіемъ: «Генеральное соображеніе по тверской губ., извлеченное изъ подробнаго топографическаго и камеральнаго по городамъ и уѣздамъ описанія 1783 — 84 гг.» Тверь, 1783.) Въ 80-хъ годахъ въ ярославскомъ имѣніи Порѣчьѣ гр. В. Г. Орлова крестьяне платили по 5 р. съ души (*Орловъ-Давыдовъ* II, прил. VI, стр. 11). Въ 1788 г. въ имѣніяхъ кн. Дм. Мих. Голицына гжатскаго у. смоленской губ. 3 р. 50 к. (въ 1763 г. въ этой вотчинѣ собирали по 2 р., а позднѣе по 3 р. съ души), а въ 1792 г. по 4 р., въ имѣніяхъ орловской губ. также въ 1788 по 3 р. 50 к., въ 1792 по 4 р.—Въ 1791 г. во всѣхъ имѣніяхъ покойной графини Варвар. Петровны Разумовской (московской, владимірской, нижегородской, симбирской и саратовской губерній) крестьяне платили по 3 р. — До 1793 г. въ бѣлевской вотчинѣ тульской губ. кн. Алекс. Мих. Голицына оброкъ былъ по 3 р., а послѣ того по 4 р. (въ 1779 г. тамъ взималось около 2 руб.). (Голицынскія дѣла). Въ концѣ 80-хъ или началѣ 90-хъ годовъ въ одномъ имѣніи семеновскаго у. нижегородской губ. оброкъ равнялся 3 рублямъ. Въ то же время въ петрозаводскомъ

уѣздѣ олонецкой губ. въ одномъ имѣніи крестьяне платили по 2 р. 50 коп., въ другомъ по 4 р.; въ вытегорскомъ у. въ 4 вотчинахъ по 2 р., въ 51—по 3 р, въ 5—по 3 р. 50 к., въ 7—по 4 р. и въ 1-мъ—по 5 р.; а въ обоянскомъ у. курской губерніи въ имѣніи гр. Ивана Александр. Головкина крестьяне (великороссы и малороссы) и цыгане платили по 15 р. съ тягла, т. е. около 6 р. съ души (Экономическія примѣч. этихъ уѣздовъ въ Межевомъ Архивѣ). — Въ послѣдніе годы XVIII в. въ имѣніи А. Н. Радищева оброкъ равнялся 4 р. 50 к. съ души («Описаніе моего имѣнія» въ Собр. Сочин. Радищева 1811 г., ч. IV).—Въ 1783 г. Марія Нарышкина передала своимъ крестьянамъ казанской губ. свіяжскаго уѣзда имѣніе со всѣми хозяйственными заведеніями (лѣсопильною мельницею и проч.) въ ихъ пользованіе за оброкъ по 5 р. 50 к. (см. объ этомъ подробнѣе въ текстѣ). Въ 70-хъ год. крестьяне этой вотчины платили оброкъ по 2 р. 50 к., но не были хозяевами въ имѣніи.—Вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, повышая въ 1793 г. оброкъ въ своей бѣлевской вотчинѣ съ 3 до 4-хъ руб., писалъ крестьянамъ, что другіе помѣщики берутъ по 6 и по 7 р. съ души (Голиц. дѣла). Имп. Екатерина въ письмѣ къ Архарову обвиняетъ тверскаго помѣщика Хитрово въ томъ, что онъ беретъ съ крестьянъ болѣе 6 р. съ души (Русскій Арх. 1864 г., стр. 458); мы видѣли впрочемъ изъ свидѣтельства Шторха, что въ это время наиболѣе обычный оброкъ дошелъ уже до 5 р.

Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ еще въ 60-хъ годахъ оброкъ стоялъ гораздо выше общаго уровня. Въ 1764 г. Сиверсъ довелъ до свѣдѣнія императрицы, что одинъ помѣщикъ новгородской губерніи бралъ по 5 р. оброка съ крестьянъ, жившихъ на пескѣ и не имѣвшихъ пашни (*Соловьевъ* XXVI, 138). Хотя около этого времени нѣкоторые агрономы пытались доказывать, что можно брать съ крестьянина и по 6 р. съ души (Вольфъ въ частной коммиссіи для разбора государственныхъ родовъ), но всетаки 5 рублевый оброкъ казался тогда чрезмѣрнымъ, какъ это видно между прочимъ и изъ Наказа императрицы. — Большой оброкъ владѣльцы взыскивали также со своихъ крестьянъ, записавшихся въ купечество. Не смотря на предписаніе Петра В., чтобы такіе крестьяне платили обыкновенные поборы наравнѣ съ другими, съ нихъ требовали отъ 5 до 20 р. (Сб. Истор. Общ. XIV, 140—141, 331—332).

IX. (къ стр. 65). Приводимъ встрѣтившіяся намъ указанія, сколько приходилось собственно *помѣщичьей* запашки во *всѣхъ трехъ поляхъ на каждаго крѣпостнаго крестьянина*. Въ имѣніи кн. А. М. Голицына обрабатывалось $^3/_5$ десятины во всѣхъ поляхъ. Въ подмосковной вотчинѣ князя Д. М. Голицына и въ имѣніи кн. В. П. Разумовской, рузскаго у. московской губ., — менѣе десятины. Въ имѣніи кн. А. М. Голицына епифанскаго у. тульской губ.—немногимъ болѣе десятины; тоже и въ его имѣніи рязанскаго уѣзда. Въ имѣніи кн. Д. М. Голицына рязанской губ. пронскаго у.—около $^2/_3$ дес. и еще «въ разсужденіи малой пашни» крестьяне вносили около 40 к. съ души деньгами (Голицынскій Архивъ; всѣ приведенныя свѣдѣнія относятся къ 70-мъ годамъ прошлаго столѣтія). Въ рязанской вотчинѣ помѣщика Лунина въ 1793 г. приходилось на душу господской пашни во всѣхъ трехъ поляхъ полторы десятины. Въ другомъ его имѣніи въ 1797 г. крестьяне пахали менѣе чѣмъ по десятинѣ въ каждомъ полѣ на тягло, слѣд. на душу во всѣхъ поляхъ немногимъ болѣе десятины (Записки Лунина въ Румянцевскомъ музеѣ). Въ имѣніи князя Шаховскаго въ волоколамскомъ у. московской губерніи приходилось въ 1806 году господской запашки менѣе десятины на душу; тамъ же въ имѣніи кн. Мещерскаго немного болѣе полуторыхъ десятинъ (Тр. В. Эк. Общ. ч. LXVI, 17, 23).

X. (къ стр. 67). Въ имѣніи кн. Д. М. Голицына собиралось съ тягла: свинаго мяса по 20 ф., по половинѣ барана (или за цѣлаго барана деньгами 45 к.), коровьяго масла по 2 ф. (или деньгами по 10 к. за фунтъ), слѣд. приблизительно менѣе рубля съ тягла или менѣе 40 к. съ души.—Въ имѣніи Авд. Мих. Нарыш-

киной, галицкаго у., въ 1773 г. собиралось вмѣсто столовыхъ запасовъ по 1 р. съ тягла, слѣд. по 50 к. съ души, кромѣ того съ тягла по полуаршину редниныг, да еще бабы должны были прясть господскій ленъ.—Въ рязанскомъ имѣніи кн. А. М. Голицына собиралось въ 1779 г. за столовые запасы деньгами по 50 к. *съ тягла,* да еще по 9 яицъ съ души. Кромѣ того «съ крестьянскихъ бабъ изъ собираемой ими изъ господскихъ конопель поскони собиралось холста съ каждаго тягла по $2^1/_2$ аршина, да изъ ихъ собственной поскони по 3 аршина, и того по $5^1/_2$ аршинъ»; изъ получаемой съ господскихъ овецъ шерсти онѣ должны были прясть и ткать сукна. Наконецъ здѣсь же собиралось по 2 фунта меду съ тягла. Тоже самое взималось и въ другомъ имѣніи кн. А. М. Голицына, въ епифанскомъ у. тульской губерніи: вмѣсто 9 яицъ съ души они давали по 6, но за то съ 375 душъ собиралось 200 пѣтуховъ, которыхъ каплунили и выкормивъ отправляли въ Москву. — Въ 1784 г. въ рязанскомъ имѣніи кн. А. М. Голицынъ бралъ за столовые припасы по 50 к. уже не съ тягла, а съ души, съ тягла же по 1 р. 28 к. Въ то время было также опредѣлено, чтобы на каждое тягло выдавали прясть шерсти по 2 ф. Тогда производился также сборъ пѣтуховъ-каплуновъ по одному съ тягла.—Въ имѣніи кн. А. М. Голицына, рославльскаго уѣзда смоленской губ., въ 1779 г. вмѣсто столоваго запаса собиралась пенька и конопляное сѣмя, приблизительно на 40 к. *съ тягла.* Кромѣ того бабы за то, что выбирали для себя изъ господскихъ конопляниковъ посконь, должны были представлять съ тягла по 7 аршинъ, да еще съ собственныхъ огородовъ по 6 аршинъ холста. Отъ 10 бортевыхъ крестьянскихъ деревьевъ отбирался въ пользу помѣщика одинъ рой (Голицынскій архивъ). Помѣщикъ Лунинъ собиралъ въ 1793 г. со своихъ вотчинъ слѣдующее количество столоваго запаса съ каждаго тягла: одного гуся (или вмѣсто того 10 ф. свинаго мяса), 2 курицы, 30 куриныхъ яицъ, 1 ф. коровьяго масла, и съ тѣхъ, у кого есть пчелы, по 1 ф. меду съ каждаго улья (по тогдашнимъ цѣнамъ приблизительно на 1 р.). Съ каждой тяглой бабы онъ велѣлъ требовать въ одномъ имѣніи 5 арш. посконнаго холста *изъ ея пряжи,* а въ другомъ 10 аршинъ; кромѣ того тѣ и другія должны были изъ господскаго льна выпрясть на зиму по 3 тальки; нѣкоторыя женщины нетяглыя, но могущія еще прясть, по усмотрѣнію управляющаго должны были выпрясть изъ господскаго льна по одной талькѣ. Авторъ неизданныхъ замѣтокъ по сельскому хозяйству, 1791 г., совѣтуетъ еще, кромѣ яицъ и птицъ, собирать съ бабъ и дѣвокъ отъ 15 лѣтъ сушеныхъ грибовъ и ягодъ, гдѣ они водятся, по 5 ф. (Арх. В. Эк. Общ. кн. 121, л. 128).—Для сравненія упомянемъ, что Волынскій въ 1725 г. велѣлъ собирать съ тягла: по 5 арш. посконнаго холста, по 1 ф. сморчковъ и сухой малины и, во время его пребыванія въ столицахъ, по одному гусю, одной уткѣ, одной курицѣ, одному поросенку и 20 яицъ (Москвитянинъ, 1854 г. №№ 3 и 4, стр. 35, 38—40).

XI). (Къ стр. 154). Приведемъ здѣсь еще нѣсколько болѣе или менѣе общихъ указаній на цѣнность населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. По мнѣнію одного депутата въ коммиссіи для составленія новаго уложенія, при продажѣ имѣній за долги, слѣдуетъ полагать цѣну крестьянамъ муж. п. отъ 15 до 60 лѣтъ по 30 р., а за женщинъ по 10 р. Крапивенское дворянство въ своемъ наказѣ проситъ правительство продать бывшія монастырскія деревни, положа по 30 р. за каждую душу м. п. Сборн. Ист. Общ. VIII, 288, 559, ср. IV, 403. Четыре тысячи душъ крестьянъ Шувалова были взяты въ 1763 г. въ казну за долги, «считая кругомъ *дворянскою цѣною по 30 р. за душу*». П. С. З. XVI, 11.967, стр. 419. Англійскій посланникъ Макартней въ 1768 г. писалъ: «крестьяне, при продажѣ цѣлыми имѣніями, рѣдко цѣнились выше 40 или 50 р. за душу, но въ послѣднее время цѣна значительно поднялась», An account of Russia. L. 1768, 26—27. Сиверсъ говоритъ: дворянскій и ассигнаціонный банкъ служатъ отчасти причиною возвышенія цѣнности имѣній, которая значительно возрасла въ теченіи десяти лѣтъ. Когда онъ

вступилъ въ управленіе новгородскою губерніею, цѣна за душу была 30 р., а въ 1774 г. она поднялась до 45 и 50 р. *Blum* II, 40. Мельгуновъ писалъ Потемкину въ 1781 г.: въ ярославской губ. «малыя деревни покупаются очень дорого, около 100 р. душа; напротивъ того большія обыкновенно, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, — не свыше 50 и 60 р. за ревизскую душу». Русс. Арх. 1865 г., стр. 957. Въ 1787 г. кн. Щербатовъ предлагалъ продать дворянамъ всѣ государственныя и экономическія деревни по 80 р. за душу, но въ тоже время при одномъ вычисленіи полагаетъ среднюю цѣну крѣпостнымъ по 100 р. за душу. Чтен. Общ. Ист. Древн. Росс. 1860, I, 101, 103. По словамъ Болтина (II, 165) при продажѣ цѣлыми имѣніями, ревизская душа цѣнится отъ 70 до 120 р.; тоже было и въ петербургской губ., по свидѣтельству Георги. Versuch einer Beschreibung des Spb. Gouvernements. 1790, S. 123. Въ пензенской губерніи крѣпостные при продажѣ деревень цѣнились въ 90-хъ годахъ по 200 р. за мужскую душу; это объясняется тѣмъ, что тутъ крѣпостные платили очень большіе оброки. *Pallas*. Bemerkungen, I, 24.

Вотъ еще нѣкоторыя указанія на цѣну отдѣльныхъ имѣній. Въ спискѣ вотчинъ гр. Головкиныхъ, составленномъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, при обозначеніи цѣнности имѣнія, считали по 30—35 р. за душу, не смотря на то, что имѣнія лежали въ различныхъ мѣстностяхъ въ нынѣшнихъ губерн. вологодской, владимірской, калужской, тульской и орловской. (Голицынскія дѣла). Въ 1774 г. было куплено для государыни имѣніе въ коломенскомъ уѣздѣ въ 4.000 душъ за 120.000 р., т. е. по 30 р. за каждую душу. (Записки Болотова). Въ 1778 г. близъ Ладоги куплена деревня въ казну по 69 р. за душу. *Blum* II, 294. Въ 1775 г. куплено село по 70 р. за ревиз. душу. Русс. Старина, 1871 г. № 12, стр. 693. Куплено для князей Мих., Бор. и Алексѣя Андреевичей въ 1779 г. въ смоленской губерніи 617 д. по 49 р., въ слѣдующемъ году въ саратовской губ. 425 д. по 50 р., въ 1783 г. во владимірской губ. 284 д. по 63 р. и въ слѣдующемъ году въ саратовской губ. 741 д. по 68 р. за душу, Для нихъ же въ 1782 г. было куплено въ саратовской губ. 352 д. русскихъ крестьянъ и 656 д. черкасъ, т. е. малороссіянъ, среднимъ числомъ по 28 р. за душу. Тутъ мы видимъ, что имѣнія, населенныя вольными черкасами, цѣнятся гораздо дешевле. (Голицынскія дѣла). Помѣщикъ Лунинъ продалъ въ 1793 г. рязанскую деревню въ 75 душъ по 173 р., въ слѣдующемъ году саратовскую деревню въ 166 д. по 190 р., а въ 1800 г. два имѣнія съ 303 душъ среднимъ числомъ по 132 р. за душу. (Записки Лунина въ Румянцевскомъ Музеѣ).

XII. (Къ стр. 304). Кромѣ обыкновенныхъ наборовъ, былъ еще одинъ случай, когда правительство вызывало помѣщиковъ добровольно поставить рекрутъ: это было во время шведской войны. Дворянамъ обѣщано было по окончаніи войны возвратить поставленныхъ людей, а убитыхъ или умершихъ зачесть при рекрутскомъ наборѣ. Призывъ этотъ, въ виду крайней опасности, грозившей государству, былъ встрѣченъ довольно сочувственно: когда въ Москвѣ началась подписка, гр. П. Б. Шереметевъ одинъ изъ первыхъ обѣщалъ поставить 500 человѣкъ. Въ 1790 г., по окончаніи войны съ Швеціею, всѣ эти люди были распущены по домамъ. П. С. З. XXII, 16.681, XXIII, 16.903; Дневникъ *Храповицкаго*, 109. Перечислимъ случаи, когда помѣщику зачитались въ рекруты люди, не сданные въ солдаты: при ссылкѣ въ Сибирь по желанію помѣщика на основаніи указа 1760 г., раскольники, возвратившіеся изъ за границы вслѣдствіе милостиваго манифеста 1762 г. и вообще помѣщичьи крестьяне, вышедшіе изъ за границы вслѣдствіе манифестовъ, а также возвращенные недобровольно (послѣдніе отправлялись для комплектованія полковъ и на поселеніе въ Сибирь); бѣглые безпаспортные, отправленные на казенныя работы и не взятые помѣщиками въ теченіе годоваго срока, бѣглые, поселившіеся на Иргизѣ и приписанные тамъ къ дворцовымъ волостямъ, бѣглые, найденные въ Восточной Сибири и на Кавказѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, наконецъ приводимые за буйство въ полицію,

которыхъ велѣно было отдавать въ солдаты. Впрочемъ зачетъ производился лишь въ томъ случаѣ, если люди, ему подлежавшіе, были годны въ военную службу. П. С. З. XVI, 11.725, п. 3, 11.860, п. 5, XVII, 12.396, 12.506, 12.538, XVIII, 12.857, XX, 14,870, п. 6; 14.937, 15.006, п. 6, XXIII, 16.743. Зачитались помѣщикомъ также и искалѣчившіе себя для избѣжанія отъ рекрутчины, когда ихъ за это ссылали въ каторгу. П. С. З. XVII, 12.748, гл. III, п. 6. Мы встрѣтили одинъ случай, что дворовый за драку въ Москвѣ былъ отданъ въ рекруты безъ зачета господину. П. С. З. XV, 10.832.

XIII). (Къ стр. 325). «Покойнаго кравчаго Кирилы Алексѣевича Нарышкина дочь его Авдотья отпустила я на волю вѣчно своего человѣка Ивана Яковлева сына Дьячкова, и вольно ему съ симъ даннымъ отъ меня увольнительнымъ письмомъ жить, гдѣ онъ пожелаетъ или въ какую службу опредѣлиться, и наслѣдникамъ моимъ до него, Дьячкова, впредь никому дѣла нѣтъ, который по нынѣшней третьей ревизіи въ подушномъ окладѣ написанъ въ вотчинѣ моей московскаго уѣзду Горетова стану въ селѣ Братцовѣ, а къ кому оный Дьячковъ въ вѣчное услуженіе пожелаетъ, тому его за собою въ подушный окладъ написать для платежа подушныхъ денегъ и другихъ по указамъ платежей, а изъ показаннаго моего села Братцова выключить, чего ради въ ту вѣрность сіе увольнительное письмо съ приложеніемъ обыкновенной моего герба печати и за подписаніемъ моей руки и дано. Сентября 10 дня 1779 г. Авдотья Нарышкина». Сенатскій Архивъ, именные указы, № 144, л. 303.

XIV). (Къ стр. 396). Въ 1771 г. вологодскій фабрикантъ Желвунцевъ подалъ челобитную въ мануфактуръ-коллегію, въ которой заявлялъ, что отцу его было позволено купить къ фабрикѣ 136 душъ, въ число которыхъ имъ и было куплено въ вологодскомъ уѣздѣ 38 душъ въ деревняхъ, лежащихъ на разстояніи 40 верстъ отъ Вологды; изъ нихъ 20 человѣкъ работаютъ на фабрикѣ въ двѣ перемѣны, а прочіе остаются при своихъ крестьянскихъ работахъ. Указывая на то, что крестьяне живутъ далеко отъ фабрики и весною и осенью вслѣдствіе разлитія рѣкъ нерѣдко на работу ходить не могутъ, а во вторыхъ часто болѣютъ отъ тяжелыхъ фабричныхъ работъ, почему и приходится вмѣсто нихъ брать вольнонаемныхъ, просилъ у мануфактуръ-коллегіи разрѣшенія продать эти деревни. Мануфактуръ-коллегія, не смотря на то, что продажа такихъ крестьянъ отдѣльно отъ фабрикъ категорически запрещалась ея регламентомъ, была не прочь удовлетворить просьбу Желвунцева, но сенатъ на это не согласился и рекомендовалъ ей въ подобныхъ, «имѣющихъ ясный законъ случаяхъ, поступать осмотрительнѣе». Арх. М. Ю. Журн. и Прот. Сен. I Деп., 1771 г., № 341—3.912, л. 174—176.

XV). (Къ стр. 396). Въ 1790 г. губерн. секретарь Поповъ купилъ у камеръ-юнкера Мятлева имѣніе въ вологодской губерніи; но дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ не Поповъ, а зять его, ярославскій купецъ и фабрикантъ, Дырышевъ. Изъ имѣнія, въ которомъ было съ небольшимъ 100 душъ мужскаго пола, Дырышевъ въ 1793 году переселилъ на свою полотняную фабрику, находившуюся въ разстояніи 360 верстъ, 34 мужч. и 20 женщ. Работники занимались тамъ хлѣбопашествомъ, возили на фабрику кирпичъ, землю и проч., а изъ женщинъ нѣкоторыя пряли ленъ. Когда крестьяне пожаловались на это переселеніе мануфактуръ-коллегіи, то, привлеченный къ допросу, номинальный владѣлецъ Поповъ отвѣчалъ, что онъ отдавалъ своихъ крестьянъ на фабрику для обученія ткацкому мастерству. Сенатъ, убѣдившись въ томъ, что дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ Дырышевъ, предполагалъ, въ наказаніе ему, обратить этихъ крестьянъ въ государственныхъ, но вслѣдствіе указа того же года, не только вновь дозволившаго покупку крестьянъ къ фабрикамъ, но и предписавшаго предать забвенію дѣла о покупкѣ къ нимъ имѣній на чужое имя, и это дѣло пришлось рѣшить иначе. Сенатъ постановилъ, что такъ какъ купчая совершена была на имя Попова, то крестьяне и должны принадлежать ему или его наслѣдникамъ. Изъ тѣхъ, которые были переведены

на фабрику, всѣ, кромѣ умершихъ тамъ, были возвращены на родину еще ранѣе окончанія этого дѣла. Арх. Деп. Ман. и Торг., дѣла мануфактуръ-коллегіи, вяз. 342, дѣло № 361, л. 151 и сл., 181.

XVI). (Къ стр. 447). Выжечь угля полагалось на каждаго 12 кучъ да собрать 12 токовъ на своихъ коняхъ; токи собирались недѣли по 2 и по 3 и за то платили каждому рабочему по 36 к., а за выжженную кучу, на что также требовалась двухъ-трехнедѣльная работа,—по 35 к. Съ 1761 г. опредѣлено заводскою конторою платить задѣльно по 1 к. за коробъ угля. За возку желѣза съ Невьянскаго и Бынговскаго заводовъ до Шайтанской пристани на разстояніи около 70 верстъ съ воза въ 20 пудовъ платили до 1751 г. по 18 к., а затѣмъ стали платить по 30 к., а мастеровые давали вольнонаемнымъ по 45 к. и болѣе.—За возку угля изъ куреня на разстояніи 22-хъ и болѣе верстъ мастеровымъ платили по 10 и 11 коп., а вольнонаемнымъ приходилось давать по 15—18 к. Сверхъ перечисленныхъ работъ лѣтомъ, въ самое рабочее время, мастеровые ставили Демидову сѣно, отъ 50 до 300 пудовъ каждый; за это имъ платили съ доставкой по одной деньгѣ съ пуда, между тѣмъ возить приходилось на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ, такъ что мастеровые, нанимая вмѣсто себя, давали по $1^1/_2$—2 к. съ пуда. Часть подмастерьевъ и работниковъ ежегодно посылали на Шайтанскую пристань для нагрузки судовъ; за проходъ туда и обратно они не получали никакой платы. Отправленнымъ съ Шайтанской пристани до Васильева Луга давали платы по 70 к. да по пуду ржаной муки, а рабочіе нанимали за себя по 1 р. 70 к. и по 2 р.; за сплавъ до Лаишева полагалось по 2 р. 10 к. и по 2 п. ржаной муки, а сами они платили по 4 р. 50 к.—Плотникамъ, посылаемымъ на Шайтанскую пристань для изготовленія струговъ, полагалось шести работникамъ сдѣлать три судна (длиною 17, шириною 3 сажени); на построеніе каждаго судна назначено было по $22^1/_2$ дня; а плата опредѣлена по 6—8 к. въ день; но на дѣлѣ имъ приходилось получать менѣе, такъ какъ каждое судно можно было сработать не скорѣе, чѣмъ въ 30 дней. Съ 1761 г. заводская контора прибавила плату по 1 к., но въ то же время увеличила размѣръ судна въ длину и ширину, такъ что по разсчету рабочихъ имъ приходилось на человѣка не болѣе какъ по 4 к. въ день. «А кто изъ насъ къ той работѣ не пойдетъ», прибавляютъ они, «то прикащики его, Демидова, изнуряютъ насъ и мучатъ въ несносныхъ чепяхъ (цѣпяхъ) въ тѣхъ работахъ и побояхъ и паче держатъ насъ въ показанныхъ чепяхъ подъ крѣпкимъ карауломъ».—За приготовленіе кирпича положена была плата по 50 к. съ тысячи, а такъ какъ изготовить это количество нельзя скорѣе, чѣмъ въ двѣ недѣли, то слѣдовательно рабочіе получили по 4 к. въ день. Наконецъ мастеровымъ приходилось возить желѣзо и чугунъ въ самую распутицу за плату въ 3, 4 и иногда даже въ 8 разъ менѣе той, что они давали сами. А. М. Ю. № 1076—3559, л. 410 и сл., п. 1—10.

XVII. (см. введеніе). Начиная свой трудъ съ крестьянъ великороссійскихъ и сибирскихъ, мы считаемъ необходимымъ объяснить географическіе предѣлы той части Россіи, которая здѣсь подвергается изслѣдованію. Наше раздѣленіе удобно въ томъ отношеніи, что только въ Великороссіи и Сибири въ началѣ царствованія Екатерины II производилась ревизія и что такимъ образомъ статистическія данныя ревизіи будутъ представлять именно то количество крестьянъ, которое подвергается изученію въ первомъ отдѣлѣ труда. Въ первые годы царствованія Екатерины въ эпоху 3-й ревизіи, та часть Россіи, которая подлежала ревизіямъ, состояла изъ слѣдующихъ губерній: архангельской, петербургской, новгородской, московской, смоленской, казанской, нижегородской, бѣлгородской, воронежской, астраханской, оренбургской, сибирской и иркутской. Не подвергались въ то время ревизіи губерніи: кіевская, не имѣвшая ни провинцій, ни уѣздовъ, а состоявшая только изъ города Кіева и пограничныхъ мѣстъ, затѣмъ малороссійская, въ которой было 10 полковъ, слободско-украинская, состоявшая изъ 5 полковъ, и новорос-

сійская (не говоря уже объ лифляндской и эстляндской). Всѣхъ этихъ губерній мы и не будемъ касаться въ первомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, посвященномъ Великороссіи и Сибири. Когда въ царствованіе Екатерины II Россія распалась на гораздо большее количество губерній, прежняя воронежская губернія, состоявшая изъ воронежской, бахмутской, елецкой и шацкой провинцій, вошла въ составъ губерній воронежской, пензенской, тамбовской, рязанской, тульской и орловской; только крѣпость св. Димитрія и Бахмутъ перешли въ екатеринославскую губ., не принадлежавшую къ Великороссіи; прежняя бѣлгородская губернія, состоявшая изъ провинцій бѣлгородской, орловской и сѣвской вошла въ составъ губерній тульской, воронежской, орловской и курской, и только 7 уѣздовъ изъ числа 30 [1]) перешли въ губернію харьковскую, главную основу которой составила прежняя слободско-украинская губернія: четыре полка этой послѣдней—харьковскій, изюмскій, сумскій и ахтырскій вошли въ составъ харьковской губерніи и только острогожскій перешелъ въ воронежскую. Такимъ образомъ въ южной границѣ области, отводимой для перваго отдѣла нашего изслѣдованія (о крестьянахъ собственно великороссійскихъ) произошло маленькое измѣненіе при новомъ распредѣленіи губерній: два уѣзда перешли въ новороссійскую и 7 въ харьковскую губерніи, но эта убыль за то пополнилась присоединеніемъ острогожскаго полка [2]). И такъ харьковской губерніи мы пока касаться не будемъ. Курская и воронежская губерніи, которыя теперь уже подвергаются нашему изученію, заключаютъ въ себѣ значительную долю малороссійскаго населенія, и потому составляютъ переходъ къ губерніямъ малороссійскимъ, но провести строго этнографическую границу невозможно, да для нашей цѣли и не нужно. И такъ по новому распредѣленію губерній, не говоря уже объ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, Остзейскомъ краѣ и Финляндіи, въ первомъ отдѣлѣ нашего труда мы не касаемся губерній: харьковской, черниговской, новгородъ-сѣверской, кіевской, екатеринославской, кавказской и таврической области. Мы считали нужнымъ точно опредѣлить область, входящую на первый отдѣлъ нашего изслѣдованія, чтобы не возбуждать недоумѣнія въ томъ, что мы разумѣемъ подъ крестьянами Великороссіи.

[1]) Города: Чугуевъ, Салтовъ, Мирополье, Хотмыжскъ, Вольный, Недригайловъ и Каменный съ ихъ уѣздами; всего населенія—22.173 души.

[2]) *Арсеньевъ.* Статистическіе очерки Россіи. 1848 г.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

СТРАН.

ВВЕДЕНIЕ . Y

Крѣпостные крестьяне въ Великороссiи.

ГЛАВА I. Обладанiе населенными имѣнiями и вообще крѣпостными дѣлается исключительнымъ правомъ дворянъ. — Всѣ недворяне умѣютъ обходить запрещенiе владѣть крѣпостными.—Способы прiобрѣтенiя крѣпостныхъ 1

ГЛАВА II. Численность крѣпостныхъ и ихъ процентное отношенiе къ остальнымъ крестьянамъ. — Территорiальное распространенiе крѣпостнаго права. — Отношенiе оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россiи.—Нѣкоторыя данныя о крупномъ и мелкомъ помѣщичьемъ землевладѣнiи.—Количество земли, находившейся въ пользованiи крестьянъ 15

ГЛАВА III. **Повинкости крѣпостныхъ крестьянъ**. Крестьяне оброчные. — Величина оброка.—Натуральныя повинности оброчныхъ крестьянъ.—Крестьяне, состоявшiе на барщинѣ.—Количество барщинныхъ дней.—Работы крестьянъ на заводахъ.—Сравненiе съ повинностями крестьянъ во Францiи, Германiи, Польшѣ, Остзейскомъ краѣ и Малороссiи 44

ГЛАВА IV. **Поземельная община у крѣпостныхъ крестьянъ**. — Недостаточность источниковъ для исторiи общиннаго землевладѣнiя въ XVIII в.—Передѣлы существуютъ въ половинѣ XVIII в. во всей центральной Россiи.—Способы разверстки земли.—Тягловое совершеннолѣтiе.—Общiе и частные передѣлы.—Сроки передѣловъ.—Общественныя работы.—Помощь неимущимъ.—Арендованiе земли всею общиною и артелями крестьянъ. — Покупка земли мiромъ.—Мiрская ссудная касса.—Влiянiе помѣщика на мiрское пользованiе землею 90

ГЛАВА V. **Дворовые**. Отсутствiе этого класса въ Западной Европѣ. — Многочисленность дворни у насъ.—Опредѣленiе обязанностей прислуги.—Труппы крѣпостныхъ музыкантовъ и актеровъ. — Крѣпостные учителя. — Стихотворецъ изъ дворовыхъ.—Матерiальное обезпеченiе дворовыхъ 124

ГЛАВА VI. Переселенiе крестьянъ.—Продажа ихъ безъ земли.—Торговля рекрутами.—Продажа людей на рынкахъ.—Цѣны крѣпостныхъ цѣлыми имѣнiями и по одиночкѣ . 145

ГЛАВА VII. Наказанiя, какимъ подвергались крѣпостные. — Ссылка на поселенiе и каторгу.—Тѣлесныя наказанiя. — Смерть отъ истязанiй. — Какимъ наказанiямъ подвергало правительство помѣщиковъ, мучившихъ своихъ крестьянъ. 159

СТРАН

ГЛАВА VIII. Управленіе имѣніями.—Власти, назначаемыя помѣщикомъ и выбираемыя крестьянскимъ міромъ.—Правила относительно вотчиннаго управленія.—Обязанность помѣщика заботиться о прокормленіи крестьянъ.—Вопросъ о распространеніи грамотности среди крѣпостныхъ. — Ничтожное число школъ, устроенныхъ помѣщиками.—Значеніе и дѣятельность крестьянскаго схода въ помѣщичьихъ вотчинахъ . 212

ГЛАВА IX. Вліяніе помѣщика на вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ.—Выводныя деньги и покупка невѣстъ.—Помѣщичій развратъ.—Семейные раздѣлы и величина семей у крѣпостныхъ . 270

ГЛАВА X. Крестьяне юридически не имѣютъ права собственности на недвижимое и движимое имущество, но фактически обыкновенно пользуются имъ.—Холопы крѣпостныхъ крестьянъ . 290

ГЛАВА XI. Повинности крѣпостныхъ въ пользу государства: подушная подать, рекрутская повинность. — Права крѣпостныхъ.—Вольноотпущенные . . 299

ГЛАВА XII. Побѣги крѣпостныхъ. — Законы о бѣглыхъ. — Побѣги въ Польшу и Лифляндію.—Вызовъ бѣглыхъ изъ-за границы. — Побѣги въ южную и восточную окраины Россіи.—Убійства помѣщиковъ 330

ГЛАВА XIII. **Волненія крѣпостныхъ крестьянъ.** — Волненія крѣпостныхъ при Петрѣ III. — Волненія крестьянъ тульской губерніи Евдокима Демидова 1758—1762 г. — Различныя волненія 1763 г. и 1765 — 1769 гг. — Участіе крѣпостныхъ въ Пугачевщинѣ.—Волненія послѣ нея 351

Поссессіонные крестьяне.

ГЛАВА I. Какъ образовалась группа поссессіонныхъ крестьянъ. — Покупка имѣній къ фабрикамъ и заводамъ. — Люди, прикрѣпленные къ фабрикамъ правительственными указами. — Казенные мастеровые, переданные съ заводами въ частное владѣніе. — Окончательное обособленіе поссессіонныхъ крестьянъ въ особую группу въ началѣ XIX вѣка.—Ихъ подати и повинности. — Право фабрикантовъ подвергать ихъ наказаніямъ 393

ГЛАВА II. **Борьба казенныхъ мастеровыхъ противъ закрѣпощенія.** — Волненія на заводахъ кн. Репнина въ воронежской губерніи. — Пріобрѣтеніе заводовъ въ казну.—Волненія на красносельской бумажной фабрикѣ.—Договоръ съ фабрикантомъ, гарантирующій права мастеровыхъ.—Защита своихъ правъ казенными мастеровыми на Копнинской бумажной фабрикѣ 413

ГЛАВА III. **Поссессіонные крестьяне на уральскихъ горныхъ заводахъ.**— Казенные мастеровые.—Волненіе на Нижнетагильскомъ заводѣ.—«Вѣчно-отданные» мастеровые.—Ихъ тяжелое положеніе и волненіе на Невьянскомъ заводѣ.— Крестьяне, купленные къ заводамъ.—Противозаконная покупка, сдѣланная Походяшинымъ.—Рабочая плата.—Дѣтскій трудъ 436

ГЛАВА IV. **Поссессіонные крестьяне на суконныхъ фабрикахъ.** — Обязательства, связанныя съ владѣніемъ поссессіонными суконными фабриками.—Подати и повинности суконщиковъ. — Ихъ бытъ въ первой половинѣ XVIII вѣка.— Казанскіе суконщики и мастеровые «большаго суконнаго двора» въ Москвѣ въ послѣдніе годы XVIII столѣтія.—Волненія мастеровыхъ въ 1749 и 1762 году. . 455

ГЛАВА V. **Положеніе рабочихъ въ первые годы XIX вѣка.**—Общее число рабочихъ на поссессіонныхъ фабрикахъ.—Количество рабочихъ часовъ и дней.— Рабочая плата.—Женскій и дѣтскій трудъ.—Мастеровые, находившіеся на готовомъ содержаніи. — Различныя пособія рабочимъ со стороны фабрикантовъ. — Сравненіе положенія рабочихъ въ началѣ XIX вѣка и въ настоящее время . . 474

ДОПОЛНЕНІЯ . 485

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	19 сверху	то	это
14	6 снизу	3405	3495.
15	5 »	1765	17675
16	3 »	см. введеніе	см. дополненіе XVII
33	9 »	онъ	надѣлъ
61	7 »	предписаніе	предписать
67	12 сверху	выпасываніе	отпаиваніе
71	3 »	Строгоновымъ и Алексѣю Григорьевичу Демидову	Строгоновымъ
127	16 »	выѣдныхъ	выѣздныхъ
155	7 »	она цѣна	цѣна
174	8 снизу	Топловъ	Тепловъ
295	22 сверху	Головину	Головкину
325	6 снизу	XII	XIII
390	16 сверху	не имѣемъ	мы не имѣемъ

[illegible]

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kresťjane v' carstvovanie imperatricy Ekateriny II

Bd.: 1

(1881

H.lit.p. 332 t-8
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11616858-7